This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

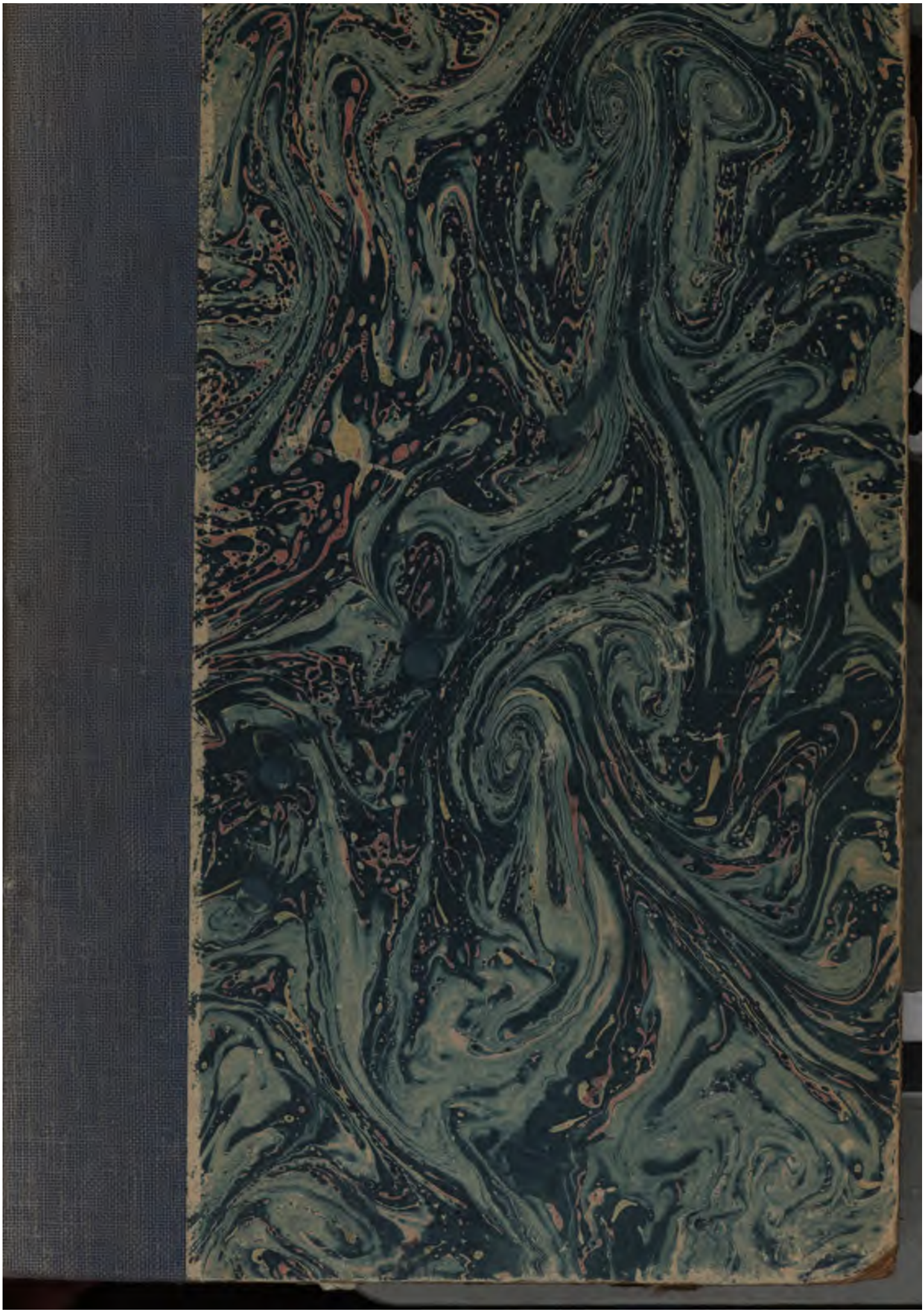
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

и покой, и здоровье, и спокойствие духа,
восколько можетъ быть спокоенъ человѣкъ,
который разорванъ на двое между своими
отдаленнѣйшими желаніями и окружающею
дѣйствительностью. Je me résigne.

К. Кавелинъ

(Изъ письма къ сестрѣ, Софьѣ Корсаковой, 25 Окт. 1842 г.)

Фототипія [illegible] С.Петербургъ [illegible]

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. КАВЕЛИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОНОГРАФІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.

2575

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗСУЖДЕНІЯ, КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

К. Д. КАВЕЛИНА.

Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями
проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страницы.
Отъ редакторовъ, Л. З. Слонимскаго и Д. А. Корсакова	VII—VIII
Жизнь и дѣятельность К. Д. Кавелина. Проф. Д. А. Корсакова	IX—XXX
Предисловіе къ „Собранію сочиненій", изд. 1859 г.—К. Д. Кавелина . .	XXXI—XXXII

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

I. РАЗСУЖДЕНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи	5— 66
Отвѣтъ „Москвитянину"	67— 96
Историческіе труды М. П. Погодина	95—252
Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи. Москва 1846. Три тома . .	95—222
Историко-критическіе отрывки. Москва. 1846	221—252
Изслѣдованія С. М. Соловьева.	253—508
Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Историческое изслѣдованіе. Москва. 1845	253—270
О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси. (Московскій литературный и ученый сборникъ на 1846 г.)	269—278
Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. Москва. 1847 .	277—414
Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I, Москва. 1851	413—508
О книгѣ Б. Н. Чичерина	507—570
Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Москва. 1856.	
* Краткій взглядъ на русскую исторію	569—584
(Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ 1863—1864).	
* Мысли и замѣтки о русской исторіи.	583—676
С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 13, 14, 15. М. 1864—66 гг. Н. Устряловъ. Исторія Петра Великаго. Спб. 1858—63.	
** Отвѣтъ И. В. Бѣляеву	675—682

II. РЕЦЕНЗІИ И ЗАМѢТКИ.

	страницы.
Симбирскій сборникъ, изд. Д. А. Валуева. Историческая часть. Т. I. Москва. 1845.	689—702
Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Т. I. Изд. его же. Москва 1845 г.	703—746
Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи за 1846 г. . .	745—760
Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. №№ 5, 6, 7, 8, 9. Москва 1847 г. . . .	759—858
Памятники, издаваемые временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Кіевъ 1846 г.	857—874
Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Н. Калачова. Часть I. Москва 1846 г.. .	875—886
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Кн. I. Москва 1850 г.	885—926
Изслѣдованія, относящіяся къ древней русской исторіи, Филиппа Круга. Двѣ части. Спб., 1848 (Forschungen in der ältesten Geschichte Russlands, von Philipp Krug)	925—982
Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. московскаго университета 17 іюня 1847 года. Москва, 1847.	983—986
Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное по Высоч. повелѣнію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ, 1848 г.	985 - 994
О значеніи словъ: варягъ, казакъ, россъ и ретъ, или какъ должно понимать эти слова въ исторіи. Соч. Н. Богомолова. Тифлисъ, 1849 г.	995—998
Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Соч. Александра Тюрина. Спб., 1850 г.	997—1006
Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Соч. П. Павлова. Москва, 1850 г.	1005—1030
О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ I. Кіевъ, 1850 г.	1030—1044
* Меря и Ростовское княжество. Очеркъ изъ исторіи ростовско-суздальской земли. Д. Корсакова. Казань, 1872 г	1045—1052

Примѣчанія къ I тому, проф. Д. А. Корсакова (въ концѣ тома).

(Статьи, впервые вошедшія въ настоящее собраніе сочиненій, отмѣчены въ оглавленіи звѣздочками: *одной* — напечатанныя въ журналахъ и газетахъ послѣ 1859 г. и *двумя* — не бывшія вовсе въ печати).

Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году, въ Москвѣ, появилось собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, въ четырехъ небольшихъ томахъ, изданное, подъ наблюденіемъ самого автора и Н. Х. Кетчера, К. Солдатенковымъ и Н. Щепкинымъ. Въ это изданіе вошло все главное изъ напечатаннаго Кавелинымъ до 1859 года; лишь шесть рецензій, составляющихъ не болѣе какъ краткій обзоръ содержанія разбираемыхъ сочиненій, исключены самимъ авторомъ, а его записка объ освобожденіи крестьянъ, помѣщенная въ извлеченіи въ „Современникѣ“ 1858 г., не могла быть напечатана въ то время.

Главныя работы К. Д. Кавелина, доставившія ему наибольшую извѣстность въ массѣ русской читающей публики, написаны имъ уже позднѣе; сюда относятся всѣ сочиненія и статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, особенно крестьянскому, по критикѣ научныхъ и философскихъ направленій, по психологіи и этикѣ. Эти сочиненія и статьи печатались въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ или издавались отдѣльными книгами и брошюрами, иногда анонимно, а частью оставались въ рукописяхъ и не были собраны въ одно цѣлое. Между тѣмъ потребность имѣть полное, по возможности, собраніе всѣхъ сочиненій К. Д. Кавелина давно ощущалась и учеными спеціалистами, и вообще образованною частью русскаго общества. Этой потребности стремится удовлетворить настоящее изданіе, въ которомъ разнообразная научно-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина впервые представлена почти въ полномъ видѣ.

Въ настоящее изданіе вошли: 1) всѣ изслѣдованія, статьи и замѣтки К. Д. Кавелина, напечатанныя въ изданіи 1859 г., за исключеніемъ одной компилятивной работы, составленной въ 1845 г. по книгѣ двухъ нѣмецкихъ ученыхъ, Цшоппе и Штенцеля, вышедшей въ Гамбургѣ въ 1832 г.: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ“; 2) всѣ сочиненія, статьи и замѣтки, напечатанныя авторомъ при жизни, съ 1859 года, кромѣ лишь нѣкоторыхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ второстепеннымъ текущимъ вопросамъ и утратившихъ въ настоящее время интересъ современности; 3) статьи и замѣтки К. Д. Кавелина, появившіяся въ печати послѣ его смерти, и 4) совершенно обработанныя статьи и замѣтки, оставшіяся въ его бумагахъ, но не бывшія еще вовсе въ печати.

Книга подъ заглавіемъ: „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству“, вышедшая въ 1879 году и составляющая конспектъ лекцій, читанныхъ въ военно-юридической академіи, не включена въ настоящее изданіе въ виду своего чисто-практическаго назначенія—

служить пособіемъ для слушателей; притомъ она существуетъ еще въ отдѣльной продажѣ. Только небольшая вступительная часть этой книги, затрогивающая общіе теоретическіе вопросы гражданскаго права, перепечатана въ четвертомъ томѣ.

Весь матеріалъ изданія распредѣленъ по возможности въ систематическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на четыре главныя группы, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ нихъ составила отдѣльный томъ, болѣе или менѣе однородный по содержанію и приблизительно одинаковый съ другими по объему. Первую группу, и слѣдовательно первый томъ, составляютъ монографіи по *русской исторіи*. Второй томъ заключаетъ въ себѣ, подъ общимъ названіемъ *публицистики*, сочиненія, статьи и замѣтки по различнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ воспоминанія, характеристики, некрологи, очерки и мелкія статьи, входящія въ отдѣлъ „смѣси". Третій томъ посвященъ вопросамъ *науки и философіи*, обнимая статьи о разныхъ научныхъ и философскихъ направленіяхъ, объ университетахъ и высшемъ преподаваніи въ Россіи и въ западной Европѣ, монографіи и статьи по психологіи, этикѣ и эстетикѣ. Наконецъ, въ четвертомъ томѣ помѣщены изслѣдованія и статьи по *правовѣдѣнію и этнографіи*,—по исторіи русскаго законодательства, по гражданскому праву и о бытѣ и повѣрьяхъ русскаго народа. Въ каждомъ томѣ статьи распредѣлены также систематически, соотвѣтственно своему содержанію и самому способу разработки вопросовъ, насколько, разумѣется, это было возможно: статьи болѣе общаго характера помѣщены впереди спеціальныхъ или относящихся къ частнымъ вопросамъ, самостоятельныя разсужденія—впереди критическихъ статей, послѣднія — впереди рецензій, а статьи вполнѣ однородныя слѣдуютъ одна за другою въ хронологическомъ порядкѣ.

Труды по собранію матеріала и приготовленію его къ печати были раздѣлены, по взаимному соглашенію, между проф. Д. А. Корсаковымъ и Л. З. Слонимскимъ; на послѣднемъ лежала, сверхъ того, вся техническая сторона дѣла—хлопоты по изданію, наблюденіе за печатаніемъ и чтеніе корректуръ, а первому принадлежитъ составленіе біографическаго очерка и библіографическихъ свѣдѣній и примѣчаній, относящихся къ научно-литературной дѣятельности К. Д. Кавелина.

Къ настоящему тому приложенъ портретъ, снятый съ дагерротипа, составляющаго собственность Любови Исаковны Стасюлевичъ. Время, къ которому относится этотъ портретъ, не могло быть опредѣлено съ точностью; но онъ изображаетъ Кавелина такимъ, какимъ онъ былъ, по свидѣтельству знавшихъ его лицъ, во второй половинѣ и въ концѣ сороковыхъ годовъ. Подъ портретомъ помѣщено fac-simile—изъ письма къ сестрѣ, Софьѣ Дмитріевнѣ Корсаковой, отъ 25 октября 1842 года. Ко второму тому приложенъ другой портретъ, по фотографіи, снятой въ Парижѣ С. Л. Левицкимъ въ 1862 году и принадлежащей Д. А. Корсакову.

С.-Петербургъ,
іюнь 1897.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. Д. КАВЕЛИНА.

«...Топи жизнь въ дѣятельности, не задумывайся надъ личными вопросами — вотъ мой девизъ издавна, а то сердце лопнетъ. Когда умрешь...— останутся для людей мысли, дѣла, труды—то, что человѣкъ произвелъ умственнаго, сердечнаго, нравственнаго для другихъ. Этимъ его будутъ поминать, а если и забудется имя, то дѣло останется для другихъ, хотя бы и забылось, отъ кого оно пошло».

Изъ письма К. Д. Кавелина къ его сестрѣ, С. Д. Корсаковой, 17 октября 1879 г.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось полстолѣтія съ того времени, какъ статья К. Д. Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», которою открывается настоящій первый томъ новаго изданія «Собранія его сочиненій», появилась въ «Современникѣ». Эта статья высказываетъ необходимость общей, руководящей идеи въ разработкѣ русской исторіи и предлагаетъ стройную теорію развитія внутренней, бытовой исторіи Россіи путемъ постепенной эволюціи личности изъ первоначальнаго, родственно-семейнаго быта славяно-русскихъ племенъ. Статья Кавелина, написанная сжато и живо, является программою новой, сложившейся въ сороковыхъ годахъ въ русской исторіографіи школы, т. наз., «родового быта» и сослужившей почтенную службу научной разработкѣ русской исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта статья имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія воззрѣній самого Кавелина, для котораго умственное, нравственное, юридическое и политическое развитіе личности—является основой общественности и прогресса. Эту мысль Кавелинъ разрабатываетъ затѣмъ въ теченіе всей своей жизни въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій и умираетъ съ убѣжденіемъ о неизбѣжности для истиннаго прогресса въ нравственномъ усовершенствованіи личности, такъ какъ «человѣческое общество,—говоритъ онъ,—только въ отвлеченномъ представленіи является единицей, а въ живой реальной дѣйствительности оно есть собраніе людей, связанныхъ единствомъ сожительства и общенія; перенесенное же въ сферу чувствъ, является высшимъ нравственнымъ закономъ —любовью къ ближнему»[1]. Вотъ почему этой статьей Кавелина открывается «Собраніе его сочиненій».

«Взглядъ на юридическій бытъ» создалъ Кавелину ученую и литературную репутацію, поставивъ его имя на ряду съ самыми выдающимися и самыми популярными именами «людей сороковыхъ годовъ», этой высокоталантливой дружины русской мысли, которой такъ много обязано отечественное просвѣщеніе[2]. Среди этой дружины Кавелинъ занимаетъ весьма почетное положеніе не только какъ ученый и литераторъ, но и какъ человѣкъ, какъ характеръ, по тому умственному и нравственному вліянію, которое онъ производилъ своею личностью на цѣлый рядъ русскихъ поколѣній, въ теченіе почти полувѣка. Ученикъ

[1]) См. посмертную статью К. Д. Кавелина «Злобы дня», Русская Мысль 1888 г., кн. 3 и 4.

[2]) Подробности см. ниже въ первомъ «примѣчаніи» къ настоящему тому.

Бѣлинскаго, другъ Грановскаго, Герцена, Тургенева и многихъ изъ ихъ «друзей-враговъ» славянофиловъ; вліятельный, хотя и «не гласный» участникъ величайшихъ реформъ царствованія Александра II, въ особенности реформы 19 февраля 1861 г.; популярный профессоръ двухъ университетовъ — Московскаго и Петербургскаго, и Военно-юридической Академіи; убѣжденный сторонникъ учащейся молодежи и крестьянъ, оригинальный мыслитель, психологъ, историкъ и юристъ; популяризаторъ русской исторической науки среди «большой» русской публики и пропагандистъ-публицистъ самостоятельной личности, прогресса, порядка и законности — Кавелинъ пережилъ бо́льшую часть изъ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ и являлся среди новыхъ русскихъ поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ достойнымъ представителемъ «идей сороковыхъ годовъ», основанныхъ на отвлеченныхъ философскихъ построеніяхъ и стремившихся выяснить въ наукѣ и въ жизни общія, руководящія начала и принципы.

Кавелинъ писалъ и печаталъ много; но его сочиненія, издаваемыя теперь въ систематическомъ собраніи, далеко не исчерпываютъ его богатаго духовнаго содержанія, которое выражалось, главнымъ образомъ, въ его обширной перепискѣ съ друзьями, въ его непосредственномъ личномъ общеніи съ людьми, въ его устныхъ бесѣдахъ съ ними. Синтетическій умъ Кавелина, чуждый крайнихъ воззрѣній, но всегда самостоятельный и упорный въ сужденіяхъ и выводахъ, отличался живостью и разносторонностью, а изящная и содержательная его рѣчь, убѣжденная и въ большинствѣ случаевъ страстная, производила сильное впечатлѣніе и возбуждала работу мысли. Ставя въ человѣкѣ выше всего нравственныя основы и посвятивъ всю свою жизнь тому, чтобы содѣйствовать развитію и прогрессу на Руси нравственной личности,—онъ самъ является яркимъ ея выразителемъ, и это его главнѣйшее достоинство. Чувство эгоизма было ему совершенно чуждо: самого себя, свою личность — онъ всегда приносилъ въ жертву общему дѣлу, идеѣ, стоявшимъ у него впереди всего. Не мало на Руси было, есть и будетъ людей талантливыхъ, умныхъ, ученыхъ,—но весьма мало людей, которые были бы вполнѣ вѣрны въ жизни своимъ принципамъ, у которыхъ слово не противорѣчило бы дѣлу. Къ такимъ-то немногимъ людямъ принадлежитъ Кавелинъ. Его исключительная психическая организація и симпатичный нравъ привлекали къ нему людей всѣхъ общественныхъ слоевъ отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, самыхъ различныхъ духовныхъ способностей, самыхъ разнообразныхъ національностей и вѣроисповѣданій, служа для весьма и весьма многихъ примѣромъ и образцомъ.

Позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній о Кавелинѣ изъ 60-хъ годовъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы». Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ заявляли мнѣ друзья Константина Дмитріевича, рельефно очерчены особенности его личности.

«Отличительнымъ свойствомъ духовной природы Кавелина было гармоническое сочетаніе ума и сердца: мысль Кавелина согрѣвалась чувствомъ, а чувство просвѣтлялось умомъ, и это-то свойство ярко выражалось у Кавелина, при разговорѣ, во всемъ—въ самой манерѣ говорить, въ тонѣ голоса, а въ особенности въ глазахъ. Кто не говорилъ съ нимъ, кто не присутствовалъ при его бесѣдахъ, тотъ не можетъ вполнѣ ясно представить себѣ нравственнаго его образа. Писалъ Кавелинъ превосходно, но его слогъ —ничто въ сравненіи съ его разговоромъ! Необыкновенно живой, талантливый умъ Кавелина, какъ лучезарный свѣточъ, озарялъ умъ его собесѣдника и какъ бы удѣлялъ тому частицу своихъ духовныхъ сокровищъ, а нѣжное, исполненное глубокаго чувства, сердце невольно находило себѣ откликъ въ сердцѣ говорившаго съ нимъ.

«Разговаривая съ человѣкомъ, менѣе его развитымъ умственно, менѣе его знающимъ, Кавелинъ не подавлялъ его своимъ умственнымъ превосходствомъ, своимъ ученымъ авторитетомъ; напротивъ, онъ имѣлъ даръ стать съ нимъ въ уровень, причемъ не нисходилъ

до него, а какъ бы возвышалъ его до себя. Дѣлалъ онъ это просто, совершенно незамѣтно для собесѣдника. Отзывчивое на все благородное, честное сердце Кавелина умѣло затронуть самую лучшую душевную струну собесѣдника,—вотъ одна изъ причинъ, почему всѣ такъ легко и свободно чувствовали себя съ Кавелинымъ и такъ искренно и глубоко его любили! Велъ споры Кавелинъ съ большимъ достоинствомъ, съ уваженіемъ какъ къ самому себѣ, такъ и къ своему противнику. На первомъ планѣ у него всегда была идея, тема спора, и онъ твердо стоялъ на объективной почвѣ до тѣхъ поръ, пока не сходилъ съ этой почвы его антагонистъ. Если тотъ переходилъ на почву личную, или если Кавелинъ замѣчалъ неуважительное отношеніе къ своимъ основнымъ воззрѣніямъ, то—горе такому противнику! Тогда Кавелинъ становился неумолимъ въ своихъ филиппикахъ, раздражался и нерѣдко разрывалъ всякія сношенія съ человѣкомъ...

«Кавелинъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ уловить сущность вопроса, бывшаго предметомъ спора или разговора. Талантливо анализировалъ онъ частности всякаго сложнаго явленія, и въ области отвлеченнаго знанія, и въ человѣческой жизни, общественной и индивидуальной,—и съ поразительною точностью и легкостью умѣлъ дѣлать изъ частностей обобщающіе выводы, формулируя ихъ въ краткихъ, категорическихъ положеніяхъ. Въ совершенствѣ владѣя русскимъ языкомъ, онъ чрезвычайно ясно излагалъ и развивалъ свою мысль, и въ доказательствахъ любилъ прибѣгать какъ къ примѣрамъ изъ обыденной, ежедневной жизни, такъ и къ помощи исторіи. Исторія являлась для него не отрѣшенной отъ жизни архивной стариной, а непрерывной цѣпью фактовъ изъ развитія человѣческихъ обществъ, неразрывно соединяющей прошедшее съ настоящимъ. Поэтому, для уясненія современнаго положенія дѣлъ, онъ нерѣдко обращался къ прошлому, и наоборотъ, для большей удобопонятности прошлаго, сравнивалъ его съ современностью. Обладая въ значительной степени юморомъ и веселостью, онъ пересыпалъ свою рѣчь остроумными выраженіями и анекдотами, причемъ задушевно смѣялся, невольно вызывая смѣхъ у собесѣдника и слушателя. «Какъ это просто и какъ я раньше не догадывался именно такъ, а не иначе разрѣшить этотъ вопросъ!»—не разъ думалось мнѣ послѣ бесѣдъ съ Кавелинымъ.. Съ необыкновенною свободой и легкостью переходилъ онъ отъ вопросовъ серьезныхъ къ ежедневнымъ житейскимъ мелочамъ и снова восходилъ отъ нихъ въ область научную или политическую. О тѣхъ и другихъ говорилъ онъ одинаково просто, не измѣняя формы выраженій и способа веденія разговора. Ему такъ же легко было говорить объ отношеніи религіознаго пониманія къ положительному знанію, какъ и разсказывать о пребываніи въ своемъ самарскомъ имѣніи и о тамошнихъ крестьянахъ. Различіе сказывалось, разумѣется, въ сущности разговора, а не въ формѣ его. Когда Кавелинъ былъ занятъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ любилъ вести о немъ бесѣды съ людьми самаго различнаго образа мыслей и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Путемъ обмѣна мыслей со взглядами, діаметрально-противоположными своимъ, онъ болѣе выяснялъ себѣ собственную свою мысль и дѣлалъ въ ней нерѣдко, вслѣдствіе получаемыхъ возраженій, весьма важныя поправки.

«Говорить Кавелинъ любилъ и могъ говорить безъ устали очень много—по нѣскольку часовъ кряду. При разговорѣ глаза его блестѣли какимъ-то особымъ фосфорическимъ блескомъ. Кавелинъ смотрѣлъ въ упоръ, прямо въ глаза своему собесѣднику, и иной разъ трудно было выдержать этотъ испытующій, какъ бы проникающій въ глубину души, взглядъ... А сколько сердечности, мягкости, нравственной чистоты выражалось въ глазахъ Кавелина!.. Звукъ его голоса отличался также необыкновенною привлекательностью, мелодичностью, музыкальностью и имѣлъ способность выражать не только самыя разнообразныя душевныя движенія, но и оттѣнки мысли. Невольно припоминаются мнѣ слова одной молодой дамы, хорошей музыкантши, преждевременно похищенной

скую» карьеру, къ которой она причисляла и профессорскую, смотрѣла какъ на униженіе дворянскаго достоинства. Будучи полновластной госпожей у себя въ домѣ, она требовала безусловнаго повиновенія своему житейскому кодексу со стороны всѣхъ членовъ семьи, начиная отъ мужа, который исполнялъ безпрекословно всѣ ея велѣнія.

Многочисленные родственники Кавелиныхъ и сосѣди по тульскому ихъ имѣнію, сельцу Иванову, гдѣ Кавелины проводили каждое лѣто, по словамъ Константина Дмитріевича, въ большинствѣ своихъ представителей принадлежали къ помѣщичьему кругу, жившему пустой жизнью, безъ всякихъ умственныхъ стремленій; интересы этого круга опредѣлялись крѣпостными нравами, дворянскимъ чванствомъ, мало искренними родственными отношеніями, мелкими ежедневными заботами, сплетнями и т. д.

Такова была семейная обстановка К. Д. Кавелина въ теченіе всего его дѣтства и отрочества. Понятно, что она не могла создать ему почвы для здороваго умственнаго и нравственнаго развитія. Въ Рязани, гдѣ въ то время служилъ при Балашовѣ его отецъ, началось его первоначальное обученіе. Въ 1825 году, когда ему исполнилось семь лѣтъ, возрастъ, въ который, по старинному русскому обычаю, засаживаютъ дѣтей за азбуку,—принялась его учить русской грамотѣ его сестра Софья Дмитріевна, на десять лѣтъ его старше; а черезъ годъ Конст. Дмитр., вмѣстѣ съ меньшимъ своимъ братомъ, Павломъ Дмитріевичемъ, поступилъ подъ завѣдываньe гувернеровъ-нѣмцевъ. Первымъ изъ длиннаго ихъ ряда былъ докторъ Дункерсъ, пруссакъ, нѣкогда профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, человѣкъ ученый и большого общаго образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ пьяница; Дункерсъ пробылъ у Кавелиныхъ всего годъ, а преемники его представляли собою олицетворенныя пародіи на педагоговъ, напоминая Фонъ Визинскаго «Вральмана». То были одинъ вслѣдъ за другимъ въ теченіе года: лифляндскій дворянинъ, отставной юнкеръ Карстенсъ, Вигандъ и Іогишъ. Въ 1828 году поступилъ, пятый по счету, швейцарецъ Мэнъ, кондитеръ по спеціальности, доведшій Константина Дмитріевича и его брата Павла до университета и затѣмъ оставшійся у Д. А. Кавелина въ качествѣ управляющаго его имѣніями. Кромѣ гувернеровъ, были у К. Д. учителя, но выборъ ихъ былъ очень случаенъ и ученье шло весьма не систематично. Въ Рязани учили его: священникъ Горностаевъ — закону Божію, а прочимъ предметамъ или семинаристы, какъ Гіацинтовъ, Хавской, или учителя мѣстной гимназіи, въ числѣ которыхъ находился Хламовъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ бездарныхъ профессоровъ Казанскаго университета, гдѣ онъ въ 30-хъ годахъ преподавалъ философію, церковно-славянскій языкъ и теорію краснорѣчія. Съ горькимъ чувствомъ на каждомъ шагу оскорбляемаго нравственнаго достоинства и со стороны учителей, и со стороны родителей—вспоминалъ впослѣдствіи К. Д. Кавелинъ рязанскіе годы своего ученія. Утѣшеніе оскорбленный мальчикъ находилъ въ бесѣдахъ съ сестрой, да съ дворовыми и крестьянами, съ которыми сближается онъ въ очень раннемъ возрастѣ, и въ одинокихъ дѣтскихъ размышленіяхъ и мечтахъ. Онъ любилъ удаляться въ большой тѣнистый садъ въ тульской деревнѣ Кавелиныхъ, Ивановѣ, и имѣя склонность къ таинственному, выбиралъ въ этомъ саду для своихъ мечтаній самыя глухія мѣста; тамъ онъ повѣрялъ свое горе сестрѣ, тамъ онъ разсуждалъ съ своими друзьями—крѣпостными отца, тамъ онъ предавался мечтамъ о возможности лучшаго существованія. Сближаясь съ дворовыми и крестьянами, даровитый ребенокъ въ раннемъ дѣтствѣ уже начинаетъ сознавать всю неправду крѣпостного «права» и возмущается всякимъ насиліемъ и несправедливостью. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ говоритъ ивановскому крѣпостному садовнику: «А вѣдь Богъ не велѣлъ однимъ людямъ работать на другихъ даромъ; это противно божескимъ и человѣческимъ законамъ»!

Не лучше пошло обученіе К. Д. и по переѣздѣ Д. А. Кавелина въ Москву, когда по выходѣ его въ отставку матеріальныя его средства сильно пошатнулись, а расположе-

ніе духа, какъ мы видѣли выше, было нерадостно. Желая сократить расходы на обученіе сыновей и преподать имъ образованіе православно-религіозное, онъ поручилъ уроки по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ, священнику московской церкви Черниговскихъ чудотворцевъ, Ст. Ив. Терновскому, оказавшемуся совершеннѣйшимъ невѣждой. Новымъ языкамъ обучали Константина Дмитріевича женевецъ Барбе и нѣмецъ Эйзенгардтъ—первый французскому, а второй нѣмецкому. Между тѣмъ мальчикъ входилъ уже въ юношескій возрастъ и былъ наканунѣ поступленія въ университетъ; онъ очень хорошо сознавалъ свою неподготовленность, угадывалъ недостаточность познаній Терновскаго и безпокоился за судьбу своего вступительнаго университетскаго экзамена; но только благодаря вмѣшательству Барбе и Эйзенгардта, полюбившихъ своего ученика, удалось улучшить его обученіе: уроки математики были переданы Барбе, а латинскаго языка — Эйзенгардту; наконецъ Терновскій былъ совсѣмъ уволенъ, и мѣсто его заступилъ дьяконъ церкви Св. Георгія на Вспольѣ, Левъ Степановичъ, фамилію котораго Кавелинъ впослѣдствіи забылъ; но несмотря на такое забвеніе, онъ съ признательностью вспоминалъ этого дьякона, краснорѣчиваго проповѣдника и прекраснаго педагога. Метода его преподаванія, по словамъ К. Д., заключалась въ возбужденіи въ ученикѣ самодѣятельности мышленія. Подъ вліяніемъ этого разумнаго педагога быстро начинаетъ развиваться даровитый отъ природы умъ Кавелина, и онъ расширяетъ свѣдѣнія, получаемыя на урокахъ, путемъ самостоятельнаго чтенія. Въ эти года онъ особенно усердно читаетъ четырехъ авторовъ: Плутарха, Гольдсмита, англійскаго историка и поэта XVIII в., французскаго историка того же XVIII в.—Ролленя, и Карамзина, котораго «Исторія государства Россійскаго» въ 30-хъ годахъ находилась въ апогеѣ своей славы. Изучаетъ также К. Д. за это время самостоятельно разныя сочиненія изъ библіотеки отца по естествознанію и математикѣ. Въ 1834 г. являются у Кавелина два новыхъ педагога, оказавшихъ на его развитіе наибольшее вліяніе: это извѣстный санскритологъ, въ то время студентъ Московскаго университета, К. А. Коссовичъ, и еще болѣе извѣстный русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій, который только что выступилъ на поприщѣ журнальной критики въ газетѣ «Молва» съ талантливой статьей: «Литературныя мечтанія». Коссовичъ былъ приглашенъ для преподаванія языковъ, греческаго и латинскаго, а Бѣлинскій для занятій по русскому языку, исторіи и географіи.

Бѣлинскій имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе Кавелина, особенно впослѣдствіи, когда сблизился съ бывшимъ своимъ ученикомъ въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ. Кавелинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о немъ, съ признательностью отмѣчая это вліяніе, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ его малосвѣдущимъ педагогомъ. «Училъ меня Бѣлинскій плохо, — говоритъ Кавелинъ, — задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій, и наконецъ предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководствъ... Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню. Вообще отрицательное отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности — соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ. Оба мы тогда мало знали, и потому отъ нашихъ разговоровъ ничего не могло во мнѣ остаться, кромѣ неопредѣленныхъ стремленій. Они были и прежде во мнѣ, но

теперь, благодаря Бѣлинскому, путь ихъ былъ намѣченъ».

Въ августѣ 1835 года Кавелинъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, но въ ноябрѣ того же года перешелъ на факультетъ юридическій, на который въ то время привлекали студентовъ своими чтеніями въ особенности два профессора, только что возвратившіеся изъ Германіи, оба непосредственные ученики Гегеля, философская система котораго властвовала въ то время надъ европейской мыслью и едва проникала къ намъ въ Россію. То были: профессоръ энциклопедіи и философіи права П. Г. Рѣдкинъ и римскаго права Н. И. Крыловъ. Оба эти знаменитые представители русской юридической науки оставили глубокій слѣдъ во всемъ послѣдующемъ научномъ направленіи Кавелина. Рѣдкинъ, къ которому онъ, по собственному признанію, «питалъ культъ», способствовалъ дальнѣйшему развитію и систематизаціи природнаго, обобщающаго, строго-логическаго мышленія Кавелина и сообщилъ ему научные пріемы изслѣдованія вопросовъ философскихъ и историческихъ, а Крыловъ передалъ точный, научный методъ изслѣдованія правовыхъ явленій, въ особенности въ области гражданскаго права; ему обязанъ Кавелинъ тѣмъ, что сталъ цивилистомъ. Но кромѣ Рѣдкина и Крылова, на Кавелина оказали благотворное вліяніе еще два молодыхъ профессора, также приготовлявшіеся къ каѳедрѣ за границей: политической экономіи—А. И. Чивилевъ, и римской словесности и древностей—Д. Л. Крюковъ. «Въ университетѣ—говоритъ о себѣ Кавелинъ — я съ увлеченіемъ отдался вліянію нѣмецкой науки. Молодые профессора, пріѣхавшіе въ то время изъ-за границы, по убѣжденію, а можетъ и не безъ нѣкотораго разсчета, относились свысока, иронически, къ доморощеннымъ дѣятелямъ, къ пробамъ русскаго ума и ко всему французскому, которое тогда царило въ русскихъ, сколько нибудь развитыхъ головахъ. Отдавшись беззавѣтно обаятельному вліянію профессоровъ, я не имѣлъ охоты искать другихъ сближеній». Но такъ провелъ онъ лишь первый годъ своего студенчества; со второго года онъ уже ищетъ умственныхъ сближеній помимо университета.

Время студенчества Кавелина въ Москвѣ было знаменательной порой въ исторіи русскаго просвѣщенія. Это было начало той эры Московскаго университета, которая извѣстна подъ именемъ «Строгоновской» (1835—1847). Въ 1835 году былъ введенъ новый университетскій уставъ, впервые поставившій русскіе университеты на строго-научную почву, и въ этомъ же году былъ назначенъ попечителемъ Московскаго университета графъ Серг. Гр. Строгоновъ, которому столь много обязано русское высшее знаніе. Гр. Строгоновъ приглашаетъ въ Московскій университетъ названныхъ выше и другихъ молодыхъ профессоровъ, подымая университетское преподаваніе и внося этимъ, а равно и своимъ личнымъ вліяніемъ, умственное оживленіе среди учащейся молодежи; онъ ставитъ университетъ на подобающую ему высоту и способствуетъ умственному общенію между нимъ и московскимъ обществомъ. Въ «Строгоновское» время Московскій университетъ становится умственнымъ центромъ не только Москвы, но и всей Россіи; къ нему примыкаютъ образовавшіеся тогда въ Москвѣ литературно-философскіе «кружки», въ которыхъ вырабатывались два противоположныя и враждебныя одно другому культурно-общественныя воззрѣнія на русскую дѣйствительность, извѣстныя подъ именемъ западниковъ и славянофиловъ. Распря между ними происходитъ въ оживленныхъ спорахъ въ московскихъ «литературныхъ салонахъ» и переносится оттуда на страницы газетъ и журналовъ и на университетскія каѳедры.

Со второго университетскаго курса Кавелинъ входитъ въ одинъ изъ такихъ «салоновъ», которому,—по его собственному признанію,—онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями. Это салонъ Авд. Петр. Елагиной (р. 1789 † 1877 г.), рожденной Юшковой, по первому браку Кирѣевской, матери двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, Петра Вас. и Ивана Вас., основателей «славянофильскаго» ученія. Получивъ прекрасное

домашнее воспитаніе и состоя въ родствѣ съ В. А. Жуковскимъ, Авд. Петр. Елагина, съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости, жила въ самой образованной средѣ: вокругъ нея, въ теченіе долгихъ лѣтъ, группировалось нѣсколько поколѣній русскихъ литераторовъ, ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, публицистовъ. Кавелинъ вошелъ въ «салонъ» Елагиной, благодаря своимъ товарищамъ по университету, сыновьямъ ея—Петру Вас. Кирѣевскому и двумъ Елагинымъ, а также Дм. Ал. Валуеву, бывшему своимъ человѣкомъ въ ихъ семьѣ. Съ этими лицами онъ сохранилъ на всю жизнь самыя близкія, теплыя отношенія и при ихъ посредствѣ сблизился съ вождями славянофильства: А. С. Хомяковымъ и К. С. Аксаковымъ. Хотя впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, Кавелинъ и примкнулъ къ «западникамъ», но близость къ славянофиламъ въ юности оставила въ немъ настолько глубокіе слѣды, что вполнѣ западникомъ онъ никогда не былъ. До половины сороковыхъ годовъ онъ, по собственному признанію, былъ «наполовину» славянофилъ; но и въ послѣдующемъ, болѣе позднемъ періодѣ воззрѣній Кавелина (70-хъ и 80-хъ годовъ) — мы можемъ отмѣтить слѣды славянофильскихъ идей. Лишь вѣроисповѣдныхъ воззрѣній славянофиловъ, составлявшихъ сущность ихъ ученія, Кавелинъ никогда не раздѣлялъ. Религіозныя убѣжденія Кавелина были своеобразны и независимы. Онъ всегда очень высоко ставилъ христіанство, но внѣ его церковно-обрядовыхъ формъ, а впослѣдствіи особенно чтилъ принципы христіанской нравственности.

Въ 1839 году Кавелинъ кончилъ университетскій курсъ первымъ кандидатомъ правъ и съ золотой медалью за сочиненіе, написанное на тему проф. Крылова «о римскомъ владѣніи»; но не торопился, несмотря на настоянія родителей, въ особенности матери, начать службу въ Петербургѣ, въ одномъ изъ министерствъ, на что давало право его первое кандидатство. Его влекло къ дальнѣйшему умственному развитію и къ каѳедрѣ, и онъ былъ далекъ отъ мысли промѣнять столь благопріятно для него слагавшуюся умственную московскую среду на чиновничью петербургскую карьеру. Три года, до половины 1842 года, живетъ Кавелинъ въ Москвѣ, у своихъ родителей, предаваясь научнымъ занятіямъ и все болѣе и болѣе сближаясь съ интеллигентными московскими кружками. Продолжая посѣщать Рѣдкина, Крылова, Крюкова и Елагинскій салонъ, онъ дѣлается теперь желаннымъ гостемъ и въ другихъ «салонахъ», во главѣ которыхъ должны быть поставлены салоны главарей двухъ противоположныхъ лагерей—западническаго, П. Я. Чаадаева, и славянофильскаго, А. С. Хомякова. Въ эти года Кавелинъ знакомится и сближается съ Т. Н. Грановскимъ, занявшимъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи съ осени 1839 года, и съ извѣстнымъ генераломъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ Александровской эпохи, «декабристомъ» Мих. Ѳедор. Орловымъ, сыну котораго, Ник. Мих. Орлову, даетъ уроки. Въ 1840 году Кавелинъ сдаетъ экзаменъ на магистра гражданскаго права и начинаетъ писать магистерскую диссертацію «объ основныхъ началахъ русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ», отрывокъ изъ которой читаетъ на вечерѣ у Хомякова.

Грановскій, съ которымъ впослѣдствіи Кавелинъ находился въ самой тѣсной дружбѣ, играетъ большую роль въ его умственномъ развитіи. Вліяніе Грановскаго на Кавелина было очень сильно и объясняется сходствомъ характеровъ и организаціи духовной природы того и другого. Отличительнымъ свойствомъ талантливой и мягкой натуры Кавелина и Грановскаго является гармоническое равновѣсіе душевныхъ силъ, создававшее и развивавшее въ нихъ то міровоззрѣніе, обыкновенно называемое оптимизмомъ, которое спасало ихъ отъ рѣзкости въ собственныхъ воззрѣніяхъ и побуждало стремиться къ примиренію крайностей во взглядахъ другихъ. Вотъ какъ Кавелинъ характеризуетъ Грановскаго: — «Въ то время какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій, въ цвѣтущую пору

своей дѣятельности, принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными, и слабыми своими сторонами Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ другихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались бы мы увидѣть въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ,—ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій» [1]). Оптимизмъ Кавелина и Грановскаго требуетъ объясненія. «Оптимизмъ—не маниловщина»—мѣтко замѣчалъ самъ Кавелинъ, и его оптимизмъ не являлся примиреніемъ съ существующимъ, тѣмъ менѣе возведеніемъ въ идеалъ «дѣйствительности». Онъ давно отрицательно отнесся къ пресловутому положенію Гегелевой философіи о разумности всего дѣйствительнаго; оптимизмъ Кавелина, какъ и оптимизмъ Грановскаго, коренился въ глубокой вѣрѣ въ лучшія стороны нравственной человѣческой природы и въ непреклонной увѣренности въ великой судьбѣ русскаго народнаго генія.

Кавелинъ долженъ былъ наконецъ уступить настоятельнымъ требованіямъ матери, и въ 1842 году съ сожалѣніемъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ Петербургъ, поступивъ тамъ на службу въ министерство юстиціи; но эта служба, столь заманчивая для многихъ, не только не привлекала его къ себѣ, но просто тяготила, и онъ мечталъ о возвращеніи въ Москву и о научной и профессорской дѣятельности. Свою юношескую хандру выражаетъ онъ въ письмахъ къ нѣжно-любимой имъ сестрѣ, Софьѣ Дмитріевнѣ, въ томъ же 1842 году вышедшей замужъ за казанскаго помѣщика, отставного генералъ-майора Александра Львовича Корсакова. Въ перепискѣ съ сестрой находитъ онъ душевное успокоеніе. Но кромѣ этой переписки духовныя стремленія Кавелина получаютъ удовлетвореніе въ литературномъ кружкѣ тогдашнихъ петербургскихъ «западниковъ», во главѣ которыхъ стоялъ бывшій учитель Кавелина Бѣлинскій, въ то время уже первенствовавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ», органѣ этого кружка, выходившемъ съ 1839 г. подъ редакціей А. А. Краевскаго. Вокругъ Бѣлинскаго группировались начинающіе писатели, представители только-что нарождавшейся въ русской изящной литературѣ т. наз. «натуральной» школы: И И. Панаевъ, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ, — и часто наѣзжавшій изъ Москвы въ Петербургъ къ своему другу Бѣлинскому—эстетикъ и мыслитель В. П. Боткинъ. Примыкали къ кружку и молодые люди, не присяжные литераторы, а служившіе въ разныхъ министерствахъ и лично дружные съ Бѣлинскимъ—Кульчицкій, Н. Н. Тютчевъ, М. А. Языковъ и И. И. Масловъ. Привольно жилось Кавелину въ этомъ кружкѣ, находившемся всецѣло подъ вліяніемъ нравствен-

[1]) «Вѣстн. Евр». 1866 г., кн. IV, Литературная хроника, стр. 41—42.

наго авторитета Бѣлинскаго, чему придаетъ Кавелинъ большое значеніе въ своемъ послѣдующемъ развитіи. Отмѣтивъ это вліяніе въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ», Кавелинъ въ этой же статьѣ такъ характеризуетъ самый кружокъ, его направленіе и идеалы. «Въ кружкѣ—говоритъ онъ—при самыхъ дружескихъ взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ, споры и серьезные разговоры перемежались остротами и шутками; въ этомъ кружкѣ развивались мечты о лучшемъ будущемъ безъ опредѣленной его формулировки и жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ и въ печати намековъ на это лучшее. Жоржъ Зандъ и «новая» французская литература, поднимавшая соціальные вопросы, пользовались въ кружкѣ великимъ авторитетомъ». Все это возбуждало мысль Кавелина, и онъ усердно работалъ надъ своей магистерской диссертаціей, которую пересылалъ въ Москву по частямъ для печати. Въ концѣ 1843 г. онъ уѣхалъ въ Москву, 24-го февраля 1844 г. защитилъ тамъ диссертацію, а вслѣдъ затѣмъ получилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто исправляющаго должность адъюнкта при каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства, которую занималъ въ то время проф. Морошкинъ.

Профессорство Кавелина въ Московскомъ университетѣ, къ чему онъ такъ пламенно стремился съ самаго своего студенчества, продолжалось всего четыре года; но несмотря на столь короткое время, оно было весьма плодотворно и для русскаго просвѣщенія вообще и для русской исторической науки въ частности, и въ личной жизни Кавелина имѣетъ большое значеніе. Въ 1845 г. Кавелинъ женился на Антонинѣ Ѳеодоровнѣ Коршъ, сестрѣ извѣстныхъ литераторовъ и публицистовъ — Евг. Ѳеод. и Вал. Ѳеод. Коршъ; а на старшей ихъ сестрѣ, Любови Ѳеод. Коршъ, былъ еще ранѣе женатъ профессоръ Никита Ив. Крыловъ, который имѣлъ столь сильное вліяніе, какъ мы видѣли выше, на умственное развитіе Кавелина; теперь возникли у него съ Крыловымъ семейныя недоразумѣнія. На почвѣ этихъ недоразумѣній, въ 1847 г. произошло наконецъ открытое между ними столкновеніе, принявшее общественно-служебный характеръ и поведшее къ распрѣ среди профессоровъ; «старые» профессора держали сторону Крылова, а молодые, съ П. Г. Рѣдкинымъ во главѣ, сторону Кавелина. Печальнымъ результатомъ этой распри было оставленіе въ 1848 г. службы въ Московскомъ университетѣ многими профессорами, въ томъ числѣ Рѣдкинымъ, Чивилевымъ и самимъ Кавелинымъ.

Въ автобіографической запискѣ, помѣщенной въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», Кавелинъ такъ излагаетъ программу своихъ университетскихъ чтеній за 1844 1848 гг: «Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ Своду законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткія историческія обозрѣнія. Въ исторіи же русскаго законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1-го курса преимущественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844—1845 г.) былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго; во второмъ (1845—1846) г.) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права; послѣдній учебный его курсъ (1847—1848) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятилъ весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, причемъ пользовался данными изъ теперешняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ «Русской Правды». Кавелинъ предполагалъ, такимъ образомъ, пройти монографически всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина въ томъ же 1848 г.

изъ Московскаго университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ сжатомъ очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ «Современника» 1847 года, въ отдѣлѣ наукъ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» [1]).

Студенты Московскаго университета, слушатели Кавелина, сохранили о немъ теплыя воспоминанія. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ одинъ изъ нихъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти такъ же молодъ, какъ и его слушатели, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родового, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать» [2]). Гораздо полнѣе и рельефнѣе передаетъ свои впечатлѣнія отъ Кавелина другой его слушатель, Н. П. Колюпановъ.

«Я слушалъ—говоритъ г. Колюпановъ,—лекціи Константина Дмитріевича Кавелина въ сороковыхъ годахъ. Онъ былъ тогда совсѣмъ юный профессоръ, не старѣе иныхъ студентовъ, полный силъ, вполнѣ преданный наукѣ, разработкѣ которой онъ положилъ прочное и самобытное начало. Я оставляю въ сторонѣ его чисто ученую профессорскую дѣятельность, которая не можетъ быть предметомъ бѣглой замѣтки; постараюсь передать его отношенія къ студентамъ, что было несравненно важнѣе лекцій. Послѣднія отошли въ область исторіи,—наука пошла несравненно далѣе, и самъ Константинъ Дмитріевичъ въ позднѣйшихъ своихъ литературныхъ трудахъ перешелъ совсѣмъ на другую почву; но его отношенія къ студентамъ воспитали цѣлое поколѣніе, дѣятельность котораго продолжается до сихъ поръ и несомнѣнно отразится въ ближайшемъ будущемъ. Въ то время большинство профессоровъ (Грановскій, Кавелинъ, Рѣдкинъ и др.) посвящали свои воскресныя утра бесѣдамъ со студентами; въ особенности часто и усердно посѣщались эти бесѣды у Грановскаго и Кавелина. Бесѣды Грановскаго отличались, такъ сказать, большею торжественностью: Тимоѳей Николаевичъ былъ старше Константина Дмитріевича и лѣтами, и университетскою службою; онъ былъ окруженъ въ глазахъ студентовъ ореоломъ, который, при всемъ глубокомъ уваженіи, постоянно напоминалъ объ относительной разности между молодымъ человѣкомъ и профессоромъ, воспитавшимъ уже нѣсколько поколѣній. Поэтому на бесѣдахъ у Грановскаго студенты держались сдержаннѣе и ограничивались большею частью совѣтами по текущимъ занятіямъ и общими разсужденіями о выдающихся явленіяхъ въ чисто научной сферѣ, на которыя обращалъ вниманіе своихъ гостей всегда радушно принимавшій молодежь хозяинъ. Но съ Кавелинымъ студентовъ сближалъ прежде всего возрастъ; кромѣ того, въ свои отношенія къ нимъ онъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и задушевной теплоты, что передъ нимъ всѣ являлись, такъ сказать, на распашку, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго онъ могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга, какъ бы ни былъ мелоченъ тотъ случай, который подавалъ поводъ къ объясненію съ Константиномъ Дмитріевичемъ. Оттого между Кавелинымъ и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечатокъ на цѣлую жизнь и установляла между людьми, которыхъ судьба впослѣдствіи разсѣевала по всей русской землѣ,—извѣстное единство стремленій, задачъ и усилій, направленныхъ къ достиженію цѣли, намѣченной еще въ эпоху подготовленія

[1]) Біогр. словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, т. I, стр. 365—366.

[2]) См. Бестужева-Рюмина, Біографіи и характеристики, въ біографіи С. В. Ешевскаго.

къ практической дѣятельности. Кавелинъ всячески старался пріохотить студентовъ къ серьезнымъ занятіямъ, не ограничиваясь тупымъ и безплоднымъ заучиваніемъ лекцій, ради экзамена и диплома. Каждый разъ, въ началѣ своей лекціи, Кавелинъ указывалъ очередного студента, который къ слѣдующему разу обязанъ былъ составить эту лекцію; Кавелинъ возвращалъ ее исправленною, или, если она совсѣмъ оказывалась негодною, вызывалъ къ себѣ на домъ, для объясненія, составителя и заставлялъ передѣлать. На своихъ воскресныхъ бесѣдахъ онъ указывалъ тему для разработки, объяснялъ направленіе, снабжалъ источниками. Такъ онъ роздалъ для обработки всю эпоху Петра въ видѣ отдѣльныхъ монографій. Въ результатѣ получились двѣ работы, напечатанныя въ «Современникѣ», изъ той эпохи,—одна Аѳанасьева, а другая Егунова, положившія начало литературной дѣятельности обоихъ. Подъ ближайшимъ руководствомъ Кавелина въ то же время Ерлыковъ,—котораго въ особенности поддерживалъ Кавелинъ, какъ единственнаго въ то время студента изъ крестьянъ, — составилъ сводъ губныхъ грамотъ. Постоянными посѣтителями бесѣдъ Кавелина были Ѳ. М. Дмитріевъ, Б. Н. Чичеринъ, А. М. Унковскій и др., — на нихъ являлись даже студенты другихъ факультетовъ, такъ что скромный кабинетъ едва вмѣщалъ массу собравшихся гостей. Изрѣдка студенческая бесѣда оживлялась присутствіемъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетскому кружку; такъ, я помню не разъ участвовавшихъ В. П. Боткина, Сатина. Но преобладающее мѣсто въ воскресныхъ бесѣдахъ занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Составъ студентовъ былъ тогда другой: большинство ихъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ рабовладѣльцамъ, какъ не стѣсняясь заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостного права имѣлъ громадное значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; болѣе или менѣе, но невольно, протестъ этотъ переходилъ въ слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ, дѣло, которому Константинъ Дмитріевичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь,—онъ началъ еще въ молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право представлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни»... [1]).

Къ словамъ Бестужева Рюмина и Колюпанова излишни всякія поясненія: они говорятъ сами за себя. Добавимъ только, что столь же задушевныя строки посвящены Кавелину еще двумя его слушателями: извѣстнымъ изслѣдователемъ русскаго народнаго быта А. Н. Аѳанасьевымъ [2]) и бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ [3])

Внѣ университетскихъ стѣнъ Кавелинъ жилъ широкою умственною жизнью среди новыхъ своихъ московскихъ друзей. Литературные «салоны» временъ студенчества—Елагиной, Хомякова, Чаадаева и др.—дополнились теперь знаменитымъ дружескимъ кружкомъ, во главѣ котораго стояли Грановскій и Герценъ, представители московскихъ западниковъ сороковыхъ годовъ. О близости Кавелина съ Грановскимъ была уже рѣчь выше; сближеніе Кавелина съ Герценомъ начинается въ 1845 году. Герценъ, на шесть лѣтъ старше Кавелина, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1833 г., за два года до поступленія въ студенты Кавелина, а во время студенчества Константина Дмитріевича, находился въ ссылкѣ въ Перми, Вяткѣ и Владимірѣ. Прощенный въ 1839 г., онъ жилъ

[1]) Русскія Вѣдомости 1885 г., № 123.

[2]) См. его статью «Московскій университетъ 1843—1849 гг.» Рус. Стар., т. LI, с. 356—394.

[3]) Московскій университетъ въ 40-хъ годахъ, тамъ же, т. LV, с. 647, 659 (П. Д. Шестаковъ † 1889 г.).

въ Петербургѣ и Новгородѣ до половины 1842 года, т.-е. какъ разъ именно въ то время, когда Кавелинъ, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ въ Москвѣ. Герценъ поселился въ Москвѣ только съ іюля 1842 г. и прожилъ тамъ до конца 1847 г. Въ концѣ 1847 г. онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и остался навсегда. Идеалистъ и политическій мечтатель, Герценъ въ сороковыхъ годахъ не былъ тѣмъ убѣжденнымъ сторонникомъ демократическихъ революціонныхъ идей, какимъ явился впослѣдствіи, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, но сильно увлекался теоріями французскихъ соціалистовъ-утопистовъ 30-хъ и 40-хъ гг., главнымъ образомъ идеями Сенъ-Симона, Фурье и Пьера Леру, и безпощадно преслѣдовалъ туманныя философскія схемы гегеліанства. Талантливый, пылкій умъ Герцена, его рѣзкія сужденія, выражавшіяся всегда въ блестящей формѣ, въ соединеніи съ личными симпатичными чертами его характера — необыкновенной сердечностью и задушевностью, обаятельно дѣйствовали на окружающихъ и невольно подчиняли ихъ его вліянію. Насколько сильно было вліяніе Герцена на Кавелина, лучше всего видно изъ письма къ нему Константина Дмитріевича, писаннаго въ 1857 году. «Дорогой другъ! — писалъ онъ Герцену. — Десять лѣтъ прошло, что мы не видались, а каждый разъ, когда объ тебѣ вспоминаю, чувствую, что люблю тебя съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ когда въ послѣдній разъ поцѣловалъ тебя въ Черной Грязи [1]). Для тебя я былъ эпизодомъ въ твоей жизни, болѣе или менѣе пріятнымъ; ты же былъ для меня пищей и школой. Мнѣ кажется, я и теперь могу прослѣдить и ощупать жилы и нервы, образовавшіеся въ моемъ характерѣ подъ твоимъ вліяніемъ, въ которыхъ ты живешь во мнѣ. Обнимаю тебя горячо и крѣпко! Я связанъ съ тобою тою связью, которая не прерывается даже когда мнѣнія расходятся. А мнѣ кажется, что мы не въ цѣляхъ и основаніяхъ расходимся, а скорѣе въ средствахъ, которыя ведутъ къ цѣлямъ» [2]).

Въ 1848 году Кавелинъ снова поселяется въ Петербургѣ и на этотъ разъ уже не на какихъ-нибудь два года, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, а навсегда. Это вторичное, почти сорокалѣтнее, пребываніе его на «берегахъ Невы» можетъ быть раздѣлено на четыре періода, знаменующихъ измѣненія въ жизни Кавелина, а именно: первый періодъ, съ 1848 по 1857 г.; второй, съ 1857 по 1862 г.; третій, съ 1862 по 1877 г. и, наконецъ, — четвертый, съ 1877 г. до конца жизни.

Первыя десять лѣтъ, съ 1848 по 1857 г. Кавелинъ служитъ въ разныхъ вѣдомствахъ, а именно: съ 1848 по 1850 г. онъ занимаетъ мѣсто «редактора» въ городскомъ отдѣлѣ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ; въ 1850—1853 гг. — начальника учебнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, подъ непосредственнымъ начальствомъ Я. И. Ростовцева; въ 1853—1857 гг. — начальника отдѣленія въ канцеляріи Комитета министровъ. Въ эти десять лѣтъ у Кавелина образуются новыя отношенія: онъ сближается съ выдающимися дѣятелями въ петербургскихъ сферахъ — политической, общественной и научно-литературной. Ближайшими политическими друзьями Кавелина являются: братья Милютины — Дмитрій Алексѣевичъ, въ то время профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, а впослѣдствіи военный министръ, и Николай Алексѣевичъ, тогда начальникъ отдѣленія въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 50-хъ и 60-хъ годахъ организаторъ Редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ и убѣжденный сторонникъ укрѣпленія русской власти въ Царствѣ Польскомъ; за ними слѣдуютъ: Конст. Карл. Гротъ, Андрей Парф. Заблоцкій-Десятовскій, Викт. Ант. Арцимовичъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и Гр. Гр. Даниловичъ, позднѣе воспитатель нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича, — все крупныя имена среди послѣдующихъ проводниковъ реформъ

[1]) Первая станція отъ Москвы по тогдашнему почтовому тракту въ Петербургъ.

[2]) Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Ж., 1892 г., стр. 3—4

въ царствованіе императора Александра II. При посредствѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ Кавелинъ знакомится съ баронессой Эд. Ѳеод. Раденъ, фрейлиной, впослѣдствіи гофмейстериной двора великой княгини Елены Павловны, и наконецъ дѣлается не только извѣстнымъ лично самой великой княгинѣ, но пользуется ея вниманіемъ и расположеніемъ, что имѣетъ особое значеніе при томъ широкомъ и вліятельномъ участіи, какое, какъ извѣстно, принимала Елена Павловна въ реформахъ 60-хъ годовъ, въ особенности въ реформѣ крестьянской.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ всецѣло поглощаетъ теперь Кавелина, и онъ, ободряемый великой княгиней и сходясь въ воззрѣніяхъ съ упомянутыми выше лицами на «эмансипацію», какъ тогда выражались, пропагандируетъ дѣло освобожденія крестьянъ въ вліятельныхъ сферахъ Петербурга. Съ этою цѣлью въ исходѣ 40-хъ годовъ онъ поступаетъ въ члены незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а нѣсколько позднѣе принимаетъ должность непремѣннаго секретаря Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, основаннаго еще императрицею Екатериною II. И въ томъ и въ другомъ обществѣ въ сороковыхъ годахъ уже назрѣваетъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, хотя, по условіямъ времени, не выступаетъ открыто, подъ настоящимъ своимъ именемъ. Въ Обществѣ Географическомъ подготовляется для уничтоженія крѣпостного права матеріалъ въ формѣ этнографическихъ и статистическихъ данныхъ о крестьянскомъ бытѣ; въ Экономическомъ Обществѣ подготовляется для того же почва въ видѣ распространенія въ публикѣ началъ «раціональнаго сельскаго хозяйства». Къ этому времени относится рядъ замѣчательныхъ статей Кавелина по изученію русскаго народнаго быта, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» (по поводу книги Терещенки «Бытъ русскаго народа», Спб. 1848 г.) и въ изданіяхъ Географическаго Общества. Въ 1853 г. умираетъ мать Кавелина, и онъ является «помѣщикомъ», владѣльцемъ крестьянъ въ Самарской губерніи. Съ этого времени его особенно сильно озабочиваетъ вопросъ объ улучшеніи быта его собственныхъ крестьянъ, что видно изъ сохранившихся въ его бумагахъ очень интересныхъ проектовъ такого улучшенія и переписки съ его управляющими. Къ началу 50-хъ годовъ возникаетъ и извѣстная «записка» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, окончательная редакція которой относится къ началу 1855 года, уже въ царствованіе императора Александра II. Въ этой запискѣ, составившей Кавелину политическое имя и имѣвшей большое значеніе, какъ въ личной его судьбѣ, такъ и въ дѣлѣ 19 февраля 1861 года, онъ энергично высказывается за освобожденіе помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ съ землею и за полное уничтоженіе разныхъ видовъ крѣпостного права въ государственной сферѣ. Крѣпостное право, по воззрѣнію Кавелина, не заключалось только въ полной, безконтрольной власти помѣщика надъ крестьяниномъ, а составляло основу всего общественнаго склада московскаго государства, частью унаслѣдованнаго отъ него и XVIII вѣкомъ. Кавелинъ различаетъ два главныхъ рода крѣпостного права на Руси—государственное и частное; помѣщичье крѣпостное право является у него лишь однимъ изъ видовъ послѣдняго, а освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ замыкаетъ собою цѣлый циклъ освобожденій отъ крѣпостного права, государственнаго и частнаго, предпринятыхъ верховною властью начиная съ Петра Великаго и открывающихъ русскому народу въ будущемъ новыя основы гражданственности, невозможныя при крѣпостномъ правѣ. Голосъ Кавелина о выкупѣ государствомъ крестьянскихъ надѣловъ былъ, если не самымъ первымъ, то однимъ изъ первыхъ; этотъ принципъ легъ въ основаніе «Положеній 19 февраля 1861 года», но до того весьма неблагопріятно повліялъ на личную жизнь Константина Дмитріевича, что читатели увидятъ ниже [1]).

[1]) Подробности см. въ моей статьѣ о К. Д. Кавелинѣ, въ «Русской Старинѣ» 1877 г., т. LIII, с. 431—463.

Время съ 1848 по 1857 г. было знаменательной эпохой въ русской исторической жизни XIX в. Реакціонная внутренняя и внѣшняя политическая программа императора Николая I особенно рѣзко проявилась послѣ западно-европейскихъ революціонныхъ движеній 1848 г. Правительство воздвигло гоненіе на литературу и науку, заподозрѣнныя въ политической неблагонадежности, и совершенно отказалось отъ какихъ бы то ни было улучшеній во внутреннемъ общественномъ строѣ Россіи. Такой порядокъ дѣлъ привелъ къ политической и общественной катастрофѣ, извѣстной подъ именемъ Крымской войны, которая обнаружила всѣ ошибки реакціонной правительственной программы. Императоръ Николай I скончался въ разгаръ этой войны, и его преемнику, императору Александру II, предстояла трудная задача выступить на неизбѣжный путь реформъ, необходимость которыхъ ощущалась всѣми лучшими русскими людьми. Онъ сталъ во главѣ ихъ и, закончивъ въ мартѣ 1856 г. войну Парижскимъ миромъ, тотчасъ же приступилъ къ предварительнымъ работамъ по улучшенію быта крестьянъ, чѣмъ и открылась знаменитая эра его реформъ. Вся интеллигентная Русь встрепенулась и привѣтствовала ликованіями Царя-Освободителя.

1857 годъ является знаменательнымъ годомъ въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни Кавелина. Наступаетъ второй періодъ его петербургской жизни. Съ этого года сфера его дѣятельности расширяется, и въ теченіе пяти лѣтъ, до 1861 г. включительно, онъ достигаетъ высшей точки своего ученаго и общественнаго значенія. Имя Кавелина снова, какъ во время его московской профессуры, быстро становится однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи, и съ энтузіазмомъ произносятся оно молодежью и прогрессистами. Въ 1857 г., при участіи великой княгини Елены Павловны, Кавелинъ приглашается въ наставники по правовѣдѣнію къ Наслѣднику престола Николаю Александровичу, а совѣтомъ Петербургскаго университета избирается въ профессора гражданскаго права и вскорѣ послѣ того временно читаетъ въ томъ же университетѣ и философію права.

Мысли Кавелина объ освобожденіи крестьянъ получали теперь большій кругъ распространенія и пріобрѣтали больше вліянія. Его очень полюбилъ его царственный ученикъ; его умственныя и нравственныя качества были по достоинству оцѣнены императрицей Маріей Александровной, до конца жизни сохранившей къ нему доброе расположеніе; «записку» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ читалъ и одобрилъ Государь Александръ Николаевичъ. Въ 1857 году дѣло «эмансипаціи» вышло, такъ сказать, изъ подъ спуда, получивъ оффиціальное, правительственное движеніе. Въ началѣ этого года былъ образованъ особый, пока еще негласный, комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя и при ближайшемъ участіи великаго князя Константина Николаевича; въ концѣ года появились два рескрипта объ «улучшеніи быта» помѣщичьихъ крестьянъ, виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову и петербургскому, П. Н. Игнатьеву. Прогрессивная журналистика Петербурга и Москвы съ восторгомъ привѣтствовала эти первые шаги правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ, и Кавелинъ принялъ дѣятельное участіе въ томъ оживленіи, которымъ была преисполнена въ то время лучшая часть русскаго общества. Онъ пишетъ новую «записку» объ освобожденіи крестьянъ, по вызову великаго князя Константина Николаевича, вліяетъ на ходъ дѣлъ въ «Комитетѣ» путемъ обмѣна мыслей съ его членами и выступаетъ публично въ прославленіе правительственныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. 28 Декабря 1857 г. въ Москвѣ устроенъ былъ надѣлавшій въ то время очень много шуму литературный обѣдъ, по поводу упомянутыхъ выше рескриптовъ. Кавелинъ нарочно прибылъ на этотъ обѣдъ изъ Петербурга и произнесъ на немъ вдохновенную рѣчь, вызвавшую единодушныя одобренія присутствующихъ, и закончилъ ее тостомъ за императора Александра II.

Въ университетѣ Кавелинъ является также не только сторонникомъ, но пропагандистомъ идеи о необходимости реформъ въ университетской организаціи и въ высшемъ преподаваніи, и цѣлымъ рядомъ «записокъ» и «мнѣній» подготовляетъ новый университетскій уставъ. Онъ сходится съ «молодыми» профессорами Петербургскаго университета, врагами научной и школьной рутины, и сближается съ «прогрессивными» редакціями петербургской и московской журналистики, во главѣ которыхъ стояли тогда три періодическихъ изданія: «Современникъ» Некрасова и Чернышевскаго, въ Петербургѣ, и «Русскій Вѣстникъ» Каткова и «Московскія Вѣдомости» Вал. Корша въ Москвѣ. Въ 1861 году самъ Кавелинъ пытается стать журналистомъ, но неудачно. Онъ вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ и А. В. Дружининымъ, подъ главной редакціей П. И. Вейнберга, предпринимаетъ въ этомъ году изданіе еженедѣльнаго политическаго и литературнаго журнала «Вѣкъ», задача котораго заключается въ пропагандѣ мирнаго, правового прогресса въ общественной и государственной жизни Россіи. Кавелинъ, вслѣдствіе важныхъ обстоятельствъ своей личной жизни, съ мая 1861 года не принималъ уже въ немъ участія, и журналъ не имѣлъ успѣха. Во главѣ такихъ обстоятельствъ должно быть поставлено страшное семейное горе, постигшее Кавелина въ началѣ 1861 года. За нѣсколько дней до обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, смерть совершенно неожиданно похитила его 14-ти лѣтняго сына Дмитрія, юношу высокодаровитаго, не по лѣтамъ развитого умственно, составлявшаго гордость отца и носившаго богатые задатки для послѣдующей широкой научной и общественной дѣятельности.

Популярность Кавелина въ прогрессивныхъ общественныхъ и литературныхъ кругахъ и среди молодежи весьма естественно вызывала иное къ нему отношеніе со стороны людей рутины и регресса. Изъ лагеря вліятельныхъ сторонниковъ крѣпостного права поднялись противъ Кавелина, какъ наставника Наслѣдника престола, различныя инсинуаціи; а затѣмъ профессора-рутинеры Петербургскаго университета и тогдашняя администрація министерства народнаго просвѣщенія заподозривали Кавелина въ потворствѣ студентамъ, среди которыхъ уже начинались броженія. Поводы къ клеветамъ и при дворѣ, и въ университетѣ враги Кавелина не замедлили, разумѣется, найти, и придрались, какъ это всегда водится, и тутъ и тамъ къ мелочамъ. Въ апрѣльской книжкѣ за 1858 г. журнала «Современникъ», въ статьѣ подъ заглавіемъ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», было помѣщено извлеченіе изъ «записки» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Вліятельные его враги изъ высшихъ сферъ нашли направленіе этой статьи вреднымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ правительственными мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу. Цензурное вѣдомство и редакція «Современника» были подвергнуты взысканію, а Кавелинъ, оклеветанный предъ императоромъ Александромъ II, оказался вынужденнымъ оставить мѣсто наставника Цесаревича Николая Александровича; при этомъ онъ отказался какъ отъ предложенной ему пенсіи, такъ и отъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а позднѣе, въ 1862 г., при празднованіи тысячелѣтія Россіи, онъ отклонилъ представленіе о себѣ къ наградѣ орденомъ за ученыя заслуги. Менѣе чѣмъ черезъ три года по увольненіи Кавелина отъ преподаванія великому князю Николаю Александровичу освобожденіе крестьянъ облечено было въ форму положительнаго закона и совершилось именно на тѣхъ главныхъ началахъ, которыя были изложены въ «запискѣ» Кавелина и которыя въ 1858 году были признаны «вредными» и несогласными съ правительственными мѣропріятіями. Въ Петербургскомъ университетѣ Кавелинъ продолжалъ занимать каѳедру до конца 1861 года, все болѣе и болѣе проникаясь сознаніемъ о необходимости измѣненій въ устарѣломъ университетскомъ уставѣ 1835 года. Съ той же мыслью объ измѣненіяхъ устава выступили и назначенные во второй половинѣ 1861 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ, и попечитель петербургскаго учебнаго округа, генералъ Филипсонъ, но ихъ реформаторскія стремленія

зиждились на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ стремленія Кавелина. Они желали сдѣлать изъ университета строго регламентированную высшую школу; между тѣмъ какъ Кавелинъ хлопоталъ объ академической свободѣ, какъ въ университетскомъ преподаваніи и управленіи, такъ и въ организаціи студенчества. Мѣропріятія графа Путятина привели осенью 1861 года къ такъ называемымъ «безпорядкамъ» въ Петербургскомъ университетѣ и къ его закрытію. Кавелинъ, подвергавшій рѣзкой критикѣ идеи и образъ дѣйствій гр. Путятина и Филипсона и въ оффиціальныхъ преніяхъ университетскаго совѣта, и въ частныхъ разговорахъ, какъ въ петербургскомъ обществѣ, такъ и въ вліятельныхъ сферахъ,—обвинялъ ихъ обоихъ въ происшедшихъ безпорядкахъ и въ концѣ концовъ составилъ «записку объ университетскихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ 1861 году», которая стала извѣстна не только въ правительственныхъ кругахъ, но доведена была до свѣдѣнія Государя. Результатами ея были: съ одной стороны увольненіе гр. Путятина и Филипсона, съ другой—выходъ изъ профессоровъ самого Кавелина. Его образъ дѣйствій и дальнѣйшее пребываніе на профессорской каѳедрѣ были признаны неудобными: въ декабрѣ 1861 г. онъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами: М. М. Стасюлевичемъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ, подалъ въ отставку и получилъ ее.

Съ 1862 по 1877 годъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Кавелинъ не занимаетъ никакого оффиціальнаго служебнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ имѣть то значеніе среди новыхъ русскихъ поколѣній, какое онъ имѣлъ раньше. Это обусловливается какъ измѣненіемъ въ воззрѣніяхъ и въ направленіи русской интеллигенціи и публицистики 60-хъ и 70-хъ годовъ сравнительно съ сороковыми годами, такъ и въ измѣненіи воззрѣній самого Кавелина.

Въ январѣ 1862 г., назначенный на мѣсто гр. Путятина министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, желая всесторонне изучить «университетскій» вопросъ въ виду предстоящей реформы въ русскихъ университетахъ, командировалъ Кавелина за границу для изученія организаціи высшаго преподаванія во Франціи, Германіи, Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи. Кавелинъ прожилъ за границей до конца 1864 г.; собравъ весьма интересный матеріалъ о положеніи заграничныхъ университетовъ, онъ только отчасти воспользовался имъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1862—1864 гг. и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 г., но практическаго примѣненія къ дѣлу матеріалъ этотъ не имѣлъ, такъ какъ съ новымъ университетскимъ уставомъ торопились и онъ былъ обнародованъ въ маѣ 1863 г. еще до возвращенія Кавелина изъ-за границы. Съ 1865 года Кавелинъ навсегда уже покидаетъ министерство народнаго просвѣщенія, найдя въ Петербургѣ полуоффиціальныя занятія у своего друга К. К. Грота, бывшаго въ то время директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ. Занятія эти состояли въ юридическихъ работахъ, что уподобляло ихъ обязанностямъ юрисконсульта; но Кавелинъ принялъ эти занятія при непремѣнномъ условіи исключенія для него правъ государственной службы, т.-е. что онъ не будетъ получать ни чиновъ, ни орденовъ, а лишь денежное вознагражденіе за свои труды, на правахъ частнаго найма. На этихъ условіяхъ служилъ Кавелинъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ двадцать лѣтъ слишкомъ, до конца жизни.

Двухлѣтнее пребываніе Кавелина въ западной Европѣ имѣетъ важное значеніе въ исторіи его умственной жизни. Онъ получилъ возможность близко изучить ту псевдолиберальную и псевдо-просвѣщенную политически-административную систему, которой Наполеонъ III лукаво морочилъ въ то время не только Францію, но всю Европу,—систему, ставшую извѣстною подъ именемъ «цезаризма» и, къ несчастію, оказавшую не малое вліяніе и на наши правительственныя мѣропріятія; Кавелинъ хорошо понялъ всю ложь этой системы, весь вредъ, приносимый ею Франціи и Россіи, и задолго до Седана и взятія Парижа пруссаками предска-

зывалъ ея неминуемое паденіе. Въ Германіи, этой классической странѣ академической, университетской свободы, строгой науки и уютнаго ежедневнаго житья-бытья,—онъ отдохнулъ психически. Смотря на Россію изъ Франціи и Германіи, Кавелинъ лучше понялъ наши домашнія дѣла и во многомъ измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія. Оживленная его переписка за 1862 — 1864 г.г. съ русскими друзьями, въ особенности же съ баронессой Э. Ѳ. Раденъ, ярко рисуетъ его воззрѣнія на русскія внутреннія событія тѣхъ лѣтъ, бывшихъ годами искушенія на пути нашего прогрессивнаго развитія съ 1856 г. То было время осуществленія на практикѣ крестьянской реформы и чаянія дальнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ преобразованій, время разгара польскаго возстанья, бурнаго развитія среди молодого поколѣнія крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній, отвлеченно-теоретическихъ и политически-общественныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже раздавались голоса реакціоннаго направленія, и въ публицистикѣ, и въ обществѣ, и въ сферахъ правительственныхъ. Русская жизнь ставила себѣ вопросы: идти ли далѣе впередъ по начатому пути, остановиться, или даже отступить назадъ? У Кавелина въ эти годы сложился тотъ умѣренно-либеральный, но вполнѣ независимый образъ мыслей, который заставилъ его съ одной стороны разойтись со многими изъ своихъ старыхъ друзей, начиная Герценомъ, и отшатнуться отъ крайнихъ новыхъ русскихъ воззрѣній, съ другой стороны—совершенно удалиться отъ сферъ правительственныхъ, гдѣ на его самостоятельность и независимость смотрѣли недружелюбно, признавая ихъ за своего рода непокорность и строптивость.

Въ міросозерцаніи Кавелина шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ встрѣчается не мало чертъ, родственныхъ славянофильству, которое, какъ это замѣчено выше, оказало такое сильное на него вліяніе въ молодые годы. Болѣе всего сблизился онъ въ исходѣ 50-хъ годовъ съ славянофилами на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и тѣсно связанномъ съ нимъ вопросѣ о русской сельской общинѣ. Но теперь Кавелинъ подходилъ къ нимъ еще ближе, раздѣляя съ ними убѣжденіе объ исторической и политической необходимости для русскаго народа сильной и самостоятельной, самодержавной власти, признавая историческое значеніе въ русской жизни православія, какъ самобытной русской формулы самосознанія, и придавая большое значеніе въ развитіи нашей общественной жизни консервативной крестьянской массѣ. Кавелинъ поражался громаднымъ преобладаніемъ ея въ Россіи надъ культурными классами, преобладаніемъ въ такой пропорціи, какъ нигдѣ въ мірѣ. Въ этомъ поразительномъ фактѣ онъ видѣлъ для Россіи спасеніе отъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, которыми страдала и страдаетъ западная Европа, гдѣ народныя массы подавлены въ наши дни городскимъ сословіемъ, и любилъ называть Россію, въ противоположность западно-европейскому горожанству, — «мужицкимъ царствомъ» Кавелинъ пламенно желалъ прежде всего упроченія благосостоянія духовнаго и матеріальнаго (умственно-нравственнаго и экономическаго) русскимъ народнымъ массамъ и убѣжденъ былъ въ ихъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи; въ этомъ отношеніи, помимо своей воли, являлся онъ продолжателемъ того воззрѣнія московскихъ людей XVII в., которое характерно и образно выразили они въ одной изъ окружныхъ грамотъ во время смутной годины междуцарствія въ слѣдующихъ словахъ: «Помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ—къ чему прилѣпиться»? Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кавелинъ никогда не смотрѣлъ черезъ розовыя очки на непригляднымъ стороны русскаго крестьянства, никогда не идеализировалъ его и не раздѣлялъ произвольныхъ на него воззрѣній, ни славянофильскихъ, ни позднѣйшихъ, такъ называемыхъ народническихъ. Съ двумя только коренными воззрѣніями славянофиловъ Кавелинъ не могъ, какъ и прежде, быть солидарнымъ: это—съ ихъ вѣроисповѣдной точкой отправленія и съ ихъ взглядомъ на личность и реформу Петра Великаго. Онъ продолжалъ и теперь высоко чтить личность и дѣло «перваго русскаго императора», считая Петра

вопреки славянофиламъ, типическимъ представителемъ великорусской расы и признавая его реформу подготовленною предшествующимъ ходомъ всей нашей исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ реформы Петра В. и прекрасно видѣлъ ея слабыя стороны и нѣкоторые невѣрные пріемы. Ему теперь болѣе чѣмъ прежде ясно представилось коренное различіе между Россіей и западной Европой, между общественностью и культурой нашей и романо-германской; онъ увидалъ тщету и вредъ для Россіи въ легкомысленныхъ заимствованіяхъ съ запада несвойственныхъ намъ политическихъ и общественныхъ формъ и легковѣсныхъ увлеченій «послѣдними словами» европейской науки, но остался неизмѣнно убѣжденнымъ сторонникомъ насажденія на Руси серьезнаго европейскаго знанія и европейской культуры; но теперь, болѣе чѣмъ когда либо, Кавелинъ постигъ, что суть цивилизаціи вообще и цивилизаціи русской въ частности заключается въ умственномъ и нравственномъ развитіи отдѣльныхъ личностей—составныхъ частей, элементовъ общества, а потому особенно прилежно сталъ работать надъ вопросами психологіи и этики.

Съ 1864 года Кавелинъ помѣщалъ свои статьи, въ которыхъ онъ развилъ отмѣченныя выше воззрѣнія, въ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ подъ редакціею двухъ близкихъ ему людей: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», издававшихся съ 1863 по 1875 г. его шуриномъ, Вал. Ѳеод. Коршемъ, и въ возобновленномъ въ 1866 году «Вѣстникѣ Европы» сослуживцемъ Кавелина по Петербургскому университету, Мих Матв. Стасюлевичемъ; въ «Вѣстникѣ Европы» онъ печаталъ до конца жизни. Кромѣ этихъ изданій, позднѣе, Кавелинъ помѣщалъ свои статьи въ «Недѣлѣ» П. В. Гайдебурова, «Сѣверномъ Вѣстникѣ» В. Ѳ. Корша, «Новостяхъ» О. К. Нотовича, «Порядкѣ» М. М. Стасюлевича и «Русской Мысли», московскомъ журналѣ, возникшемъ въ 1880 году, подъ редакціей Юрьева. Статьи Кавелина касались, главнымъ образомъ, вопроса крестьянскаго, а затѣмъ психологіи и этики. Итогъ своихъ воззрѣній по русской исторіи изложилъ онъ въ изслѣдованіи: «Мысли и замѣтки о русской исторіи» (1866), помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ того по нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ имъ были напечатаны анонимно брошюры за границей. За этотъ періодъ жизни Кавелина всего болѣе обратила на себя вниманіе научной критики и образованнаго общества его монографія: «Задачи психологіи» (1872 г.), вызвавшая обширную полемику Кавелина съ двумя представителями противоположныхъ воззрѣній: славянофиломъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и извѣстнымъ физіологомъ И. М. Сѣченовымъ; и тотъ и другой, каждый съ своей точки зрѣнія, оспаривали выводы Кавелина: первый съ теологической, второй—съ научно-біологической. Очевидно, Кавелинъ не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону. И дѣйствительно, въ основѣ своихъ философскихъ воззрѣній Кавелинъ являлся метафизикомъ гегеліанскаго направленія, съ поправками, заимствованными изъ представителей нѣмецкаго философскаго реализма пятидесятыхъ годовъ и французской «позитивной философіи». Тѣмъ не менѣе Кавелинъ не эклектикъ: онъ самостоятельно переработывалъ указанныя выше философскія положенія, а не компилировалъ ихъ.

Изъ обстоятельствъ жизни Кавелина за послѣдній періодъ съ 1877 по 1885 годъ остается передать весьма немногое.

Въ 1877 г., продолжая свои занятія въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, онъ былъ приглашенъ на каѳедру гражданскаго права въ преобразованную Военно-юридическую Академію и началъ тамъ свои чтенія въ сентябрѣ 1878 года; на должности профессора Военно-юридической Академіи онъ оставался до конца жизни. Это третье свое профессорство Кавелинъ ознаменовалъ новой системой въ наукѣ гражданскаго права, изложенной въ его книгѣ: «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ» (Спб., 1879 г.), состоящей изъ конспекта его курса гражданскаго права въ Военно-юридической Академіи. Вкратцѣ эта новая система заключается въ слѣдующемъ. Изучая явленія гражданскаго права въ ихъ истори-

омъ развитіи и въ дѣйствующихъ законо-
ьствахъ, Кавелинъ былъ пораженъ пол-
игнорированіемъ въ русскомъ законода-
твѣ нашего обычнаго права и насиль-
нымъ подведеніемъ всѣхъ личныхъ,
іныхъ и имущественныхъ правъ подъ
ыя русскому народу нормы права рим-
и подъ комментаріи на него западно-
ейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ,
листовъ. Онъ пришелъ къ совершен-
амостоятельнымъ выводамъ относитель-
редѣловъ и содержанія т. наз. граж-
каго права и ограничилъ его область
правами и обязанностями, вытекаю-
изъ имущественныхъ отношеній и
тельствъ; значительную часть I-й части
свода законовъ Кавелинъ не призна-
относящеюся къ области гражданскаго
, а именно: права семейственныя онъ
силъ къ области общественнаго пра-
и наоборотъ, считалъ необходимымъ
и въ систему гражданскаго права цѣ-
рядъ новыхъ рубрикъ, которыя изла-
ъ юридическія отношенія, вытекающія
правъ по имуществу и обязательствамъ,
азбросаны по разнымъ другимъ томамъ
а законовъ и обыкновенно входятъ
оставъ права государственнаго, админи-
тивнаго, общественнаго, финансоваго
. Изъ явленій русскаго обычнаго пра-
авелинъ всего болѣе удѣлялъ внима-
русской сельской общинѣ, какъ само-
ой и своеобразной формѣ землевладѣ-
и общественной организаціи; по его
рѣнію, русская сельская община не
ко не исключаетъ существующаго съ
бокъ-о-бокъ личнаго землевладѣнія, но
поглощаетъ индивидуальности въ са-
членахъ общины.

77 годъ омрачился для Кавелина но-
семейнымъ несчастіемъ, столь же,
не болѣе, ужаснымъ, какъ въ 1861 г.,
а онъ потерялъ юношу-сына. Въ 1877 г.
же неожиданно умерла на 26-мъ году
Кавелина, высокодаровитая Софья Кон-
тиновна, лишь за четыре года до того
едшая замужъ за П. А. Брюллова. Отецъ
лъ ее безконечно, приходя въ восторгъ
ея ума, знаній, талантовъ, характера; и
дѣйствительно, несмотря на свою недолгую жизнь, она успѣла немало сдѣлать и на педагогическомъ, и на учено-литературномъ поприщѣ, будучи преподавательницей исторіи въ петербургской Василье-Островской женской гимназіи, гдѣ воспитывалась сама и возбуждала къ себѣ всеобщую симпатію. И. С. Тургеневъ велъ съ ней переписку и весьма цѣнилъ ея отзывы о своихъ литературныхъ произведеніяхъ [1]). Черезъ два года, въ 1879 г. сошла въ могилу и жена Кавелина, сильно опечаленная потерей дочери.

Удрученный этими семейными несчастіями, Константинъ Дмитріевичъ, по его собственному выраженію, «топилъ жизнь въ дѣятельности», пересиливая свои душевныя страданія упорнымъ умственнымъ трудомъ и находя душевное успокоеніе въ дѣлахъ благотворительности и въ обществѣ своихъ слушателей, офицеровъ Военно-юридической Академіи, сердечно его полюбившихъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, появившихся въ печати послѣ смерти Кавелина, они, по достоинству оцѣнивъ въ нихъ профессора-человѣка, въ трогательныхъ выраженіяхъ передаютъ ихъ задушевныя къ нему отношенія — еще болѣе близкія, чѣмъ были отношенія къ нему московскихъ студентовъ сороковыхъ годовъ. Въ числѣ ученыхъ монографій, вышедшихъ изъ подъ пера Кавелина съ 1877 года, самой важной является, по его собственному признанію, «Задачи этики» (1884 г.). Въ этой монографіи, составляющей результаты его многолѣтнихъ размышленій и подводящей итоги къ его философскимъ воззрѣніямъ, Кавелинъ всесторонне анализируетъ все тотъ же «живой двигатель» (его собственное выраженіе) всей индивидуальной и общественной жизни людей — нравственную личность человѣка, высказываясь за объективныя моральныя основы въ ея дѣятельности. Онъ посвятилъ эту книгу «молодому поколѣнію», съ крѣпкой вѣрой въ силы и будущность

[1]) Подробности о С. К. Брюлловой см. въ изданныхъ мною «Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина», Вѣст. Евр. 1887 г., февраль, с. 608—612; 643 — 645; апрѣль, с. 480 — 485. Нѣкоторыя письма къ ней И. С. Тургенева напечатаны мною въ «Русской Мысли» 1897 г., іюнь, стр. 18—29.

котораго онъ и умеръ. Какъ самъ Кавелинъ смотрѣлъ на «Задачи этики», видно изъ слѣдующихъ словъ въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ. 5-го августа 1884 года, окончательно приготовивъ рукопись для печати, онъ писалъ: «...Съ моей совѣсти гора свалилась. Теперь я все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать хорошаго, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унесъ съ собою недосказанную мысль... Мнѣ думается, что этой работой будетъ положено начало коренному преобразованію всего теперешняго научнаго міросозерцанія, безъ чего научная этика немыслима и невозможна. Противорѣчія, въ которыхъ мысль въ наше время запуталась, требуютъ радикальнаго выхода. Я на него указываю, предоставляя другимъ рѣшить, правъ я, или ошибаюсь; но въ необходимости радикальнаго выхода я ни одну минуту не сомнѣваюсь...» [1]).

Въ послѣдніе годы жизни Кавелина его ученыя заслуги были оцѣнены пятью учеными учрежденіями, избравшими его въ почетные члены, а именно университеты Кіевскій и Казанскій и Петербургское, Московское и Одесское Юридическія Общества. Въ 1882 году Кавелинъ былъ избранъ въ Президенты Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, но занималъ этотъ постъ всего лишь два года, до конца 1884 г.

Скончался Конст. Дм. Кавелинъ въ Петербургѣ 3 мая 1885 г. Погребеніе его, 7 мая, было характерно, представляя, если можно такъ выразиться, глубоко-скорбную, но умилительную и достойную оцѣнку всей его жизни. «На краю могилы Кавелина—говоритъ А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, написанныхъ въ самый день погребенія—сошлись сегодня представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что̀ главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ, поколѣній. И старый, быть можетъ, близкій въ свою очередь къ концу «человѣкъ сороковыхъ годовъ», и бывшій петербургскій студентъ начала «шестидесятыхъ годовъ», и мировой посредникъ «перваго призыва», и военный юристъ «восьмидесятыхъ годовъ», и писатель, и ученый, и художникъ, и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода, пришли посреди внушительной процессіи, пестрой по составнымъ частямъ, единой по чувству, проводить его прахъ. И въ томъ, что каждый изъ нихъ независимо отъ сознанія общей утраты, могъ по-своему, лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ,—выразилась особенность его дорогой и незабвенной для знавшихъ его личности» [1]).

Но лучшей характеристикой личности Кавелина и его заслугъ передъ родиной является надпись на одномъ изъ многочисленныхъ вѣнковъ, находившихся при его погребеніи. Вѣнокъ этотъ былъ отъ офицеровъ Военно-юридической Академіи, его слушателей, надпись гласила: «учителю права и правды!» Съ этой знаменательной надписью, увѣковѣчивающей имя Кавелина въ потомствѣ, ихъ же заботами воздвигнутъ его бюстъ въ конференцъ-залѣ Академіи.

Да живетъ же непрестанно среди русской молодежи память объ этомъ честномъ и высокоталантливомъ русскомъ человѣкѣ, «учителѣ права и правды», и да будетъ у нашего юношества побольше такихъ учителей!

---

[1]) «Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина», В. Евр. 1888 г., май, с. 48—49.

[2]) См. брошюру: «К. Д. Кавелинъ, изъ первыхъ воспоминаній о немъ», изд. ред. «Вѣсти. Евр.»,—С.-ПБ. 1885 г., с. 22.

С.-Петербургъ,
10 Іюля 1897 г.

Д. Корсаковъ.

Предисловіе К. Д. Кавелина къ изданію его сочиненій 1859 г. [1])

Издавая собраніе почти всего того, что мнѣ удалось напечатать съ молодости до этой ры, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, въ видѣ предувѣдомленія.

Читатели могутъ найти не совсѣмъ скромнымъ желаніе возобновить память о статьяхъ, всѣянныхъ въ старыхъ журналахъ и книгахъ, и большею частью давно забытыхъ. Въ ѣтъ на это могу увѣрить ихъ съ полнымъ чистосердечіемъ, что надменная мысль: гайте и поучайтесь—была отъ меня далеко, когда я рѣшился приступить къ этому дѣлу. авственнымъ побужденіемъ было—подвести итогъ подъ свое прошедшее и передуманное ою; а возвращеніе къ пережитому, воскрешеніе памяти о цѣломъ мірѣ отношеній, пріязй, враждебныхъ столкновеній, отчасти потерявшихъ уже смыслъ,—все это не располатъ къ суетнымъ мыслямъ. На то, что писалъ прежде, невольно смотришь съ тѣмъ же ущеніемъ, съ какимъ видишь могилы бывшихъ друзей и непріятелей; благочестіе къ прошему сглаживаетъ всѣ шероховатости живой вражды и живой дружбы; одержанная гда-то побѣда мало радуетъ, понесенное когда-то пораженіе мало огорчаетъ. На побѣкъ и пораженіяхъ, на правотѣ и неправотѣ, чужой и собственной, на радостяхъ и неіяхъ, страстяхъ, увлеченіяхъ, ошибкахъ вольныхъ и невольныхъ, лежитъ одна печать: это было, прошло и никогда больше не возвратится.

За исключеніемъ одной лишь статьи, которая напечатана по рукописи, я не позволъ себѣ въ этомъ изданіи никакихъ измѣненій противъ напечатаннаго; все осталось въ ежнемъ видѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Пусть старина и останется стариною!

Изъ не-напечатанныхъ своихъ работъ я включилъ въ это собраніе только записку о преазованіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Она написана въ то время, гда я былъ секретаремъ Общества, и дорога для меня, какъ воспоминаніе о томъ вреи и тогдашней моей дѣятельности.

Сначала меня занимала русская исторія, особливо внутренняя, тогда еще мало обратанная. Въ 1848 году книга г. Терещенки „Бытъ русскаго народа“ на нѣсколько лѣтъ клонила мои мысли и занятія въ другую сторону. Съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ я икать въ бытовые памятники Россіи—пѣсни, повѣрья, праздники, обряды, суевѣрія нада, въ которыхъ сохранились живые остатки древнѣйшаго быта. Все написанное подъ

[1]) Изданіе К. Солдатенкова и Н Щепкина, въ 4-хъ частяхъ. Москва, 1859.

вліяніемъ этихъ занятій составляетъ особую группу, которая и помѣщена въ этомъ собраніи отдѣльно.

Въ заключеніе, еще одна оговорка. Я не включилъ сюда библіографическаго извѣщенія, помѣщеннаго въ „Современникѣ“ о диссертаціи покойнаго Т. Н. Грановскаго: „Аббатъ Сугерій“. Эта рецензія состоитъ изъ общихъ разсужденій и выписокъ изъ книги и недостойна ни ея, ни дорогой для меня памяти ея автора. Кромѣ того, сюда не вошли также пять мелкихъ библіографическихъ статей, представляющихъ не болѣе какъ краткое содержаніе разбираемыхъ сочиненій [1]).

Сдавая этимъ собраніемъ всю свою прошлую печатную дѣятельность окончательно въ архивъ, я прошу читателей, друзей и не друзей, смотрѣть на него не какъ на *дѣйствіе*, а какъ на *воспоминаніе*. Мертвые бойцы лежатъ же нерѣдко другъ подлѣ друга въ одной могилѣ спокойно; надѣюсь, что точно такъ же и мои противники, съ которыми мы ломали когда-то копья, подойдутъ вмѣстѣ со мною къ этому памятнику и будутъ разсматривать его съ тою же спокойною мыслью, съ какою и я гляжу на него. Вѣдь все это *было!*

К. Кавелинъ.

С.-Петербургъ.
14 марта 1859 года.

---

[1]) Статьи эти относятся къ слѣдующимъ книгамъ: „Текстъ Русской Правды по четыремъ спискамъ“, Калачова (Отеч. Зап., т. XLIX, библ. хрон., № 353); „Семисотлѣтіе Москвы“, Хавскаго (Соврем., т. III, крит. и библ., стр. 51). „Древній и нынѣшній Переяславль-Залѣсскій“, Савельева-Ростиславича (Соврем., т. X, крит. и библ., стр. 52 и 53); „Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей“, Полѣнова (Отеч. Зап., т. LXIX, библ. хрон., № 77); „Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго“, кн. Оболенскаго (Отеч. Зап., и хрон., стр. 67—70).

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія. Прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе. Теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ею занимаются. Объяснять причины этого новаго, весьма недавняго явленія мы считаемъ излишнимъ. Россія Петра Великаго, Россія Екатерины II, Россія XIX вѣка объясняютъ его достаточно. Прибавимъ, что всѣ нѣкогда обширныя и сильныя государства, основанныя славянами, пали. Одна Россія, государство тоже славянское, создалась такъ крѣпко и прочно, что вынесла всѣ внѣшнія и внутреннія бури, и изъ каждой выходила какъ будто съ новыми силами. Ея судьба — совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти порабощенномъ и угнетенномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи. Одинъ поверхностный взглядъ на бытъ древней Россіи, еще не заслоненный отъ неопытнаго взгляда европейскими формами, совершенно убѣждаетъ въ этой мысли.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленныя нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Европа объ насъ ничего не знала, и знать не хотѣла; мы ничего не хотѣли знать объ Европѣ. Были встрѣчи, но рѣдкія, какія-то оффиціальныя, недовѣрчивыя, слишкомъ натянутыя, чтобы произвести дѣйствительное сближеніе. Еще и теперь, когда многое перемѣнилось, Европа больше знаетъ какіе-нибудь Караибскіе острова, чѣмъ Россію. Есть что-то странное, загадочное въ этомъ фактѣ!

Въ исторіи — ни одной черты сходной, и много противоположныхъ. Въ Европѣ дружинное начало создаетъ феодальныя государства; у насъ дружинное начало создаетъ удѣльное государство. Отношеніе между феодальной и удѣльной системой — какъ товарищества къ семьѣ. Въ Европѣ сословія, у насъ нѣтъ сословій; въ Европѣ аристократія, у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе, — у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ нѣтъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство, у насъ нѣтъ рыцарства; тамъ церковь, облеченная свѣтскою властью, въ борьбѣ съ государствомъ, — здѣсь церковь, не имѣющая никакой свѣтской власти, и въ мірскомъ отношеніи зависимая отъ государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ, — у насъ одинъ монашескій орденъ, и тотъ основанъ не въ Россіи; въ Европѣ отрицаніе католицизма — протестантизмъ, въ Россіи не было протестантизма; у насъ мѣстничество, — Европа ничего не знаетъ о мѣстничествѣ; тамъ сначала нѣтъ общиннаго быта, потомъ онъ создается; здѣсь сначала общинный бытъ, потомъ онъ падаетъ; тамъ женщины мало-по-малу выходятъ изъ подъ строгой власти мужчинъ; здѣсь женщины, сначала почти равныя мужчинамъ, потомъ ведутъ жизнь восточныхъ женщинъ; въ Россіи, въ исходѣ XVI в., сельскіе жители прикрѣпляются къ землѣ; въ Европѣ,

послѣ основанія государствъ, не было такого явленія.

Какъ понятно удивленіе перваго, который замѣтилъ это глубокое, совершенное различіе! Точно, онъ могъ забыть изъ-за него человѣческое единство всѣхъ племенъ и народовъ! Подвигъ Петра могъ представиться ему нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ народа на самобытность. Намъ теперь это и странно и смѣшно; но не станемъ укорять перваго за ложный взглядъ: соблазнъ былъ слишкомъ великъ.

Съ XVIII вѣка наше отчужденіе, холодность къ Европѣ вдругъ совершенно исчезаютъ и замѣняются тѣсной связью, глубокой симпатіей. Такъ же ревностно принялись мы отказываться отъ своего и принимать чужое, европейское, какъ прежде отказывались отъ чужого и держались своего. Нашихъ старинныхъ обычаевъ, природнаго языка, самаго имени мы стали стыдиться. Близорукіе видѣли въ этомъ отступничествѣ какое-то непростительное легкомысліе, невыполнимое желаніе перемѣнить свою національность на чужую. Дальше они ничего не видѣли. Старовѣры пятнали его преступленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то было странное время! Тобылъ какой-то безумный фантастическій маскарадъ. Каждый жадно выбиралъ роль, надѣвалъ костюмъ, и простодушно вѣрилъ, что переродился, принимая обманъ за дѣйствительность. Кто не переодѣлся, на того смотрѣли съ презрѣніемъ. Никогда самообольщеніе не доводило до такой слѣпоты.

Теперь это время прошло. Мы можемъ судить его безпристрастно. Оно было вызвано горячимъ, искреннимъ, но безсознательнымъ стремленіемъ выйдти изъ положенія, въ которомъ стало какъ-то тѣсно и неловко. Но когда мы стали выходить изъ этого положенія, котораго не понимали, въ другое, котораго тоже не понимали, руководствуясь однимъ темнымъ чувствомъ, оказалось, что мы чуть-чуть не дѣти. Мы обнаружили много силъ, ума, благородства, много очень хорошаго, но въ такихъ юношескихъ формахъ, какъ будто мы только что начинали жить.

Что же дѣлали мы до XVIII вѣка?

Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что славяне въ Европѣ—исконные жители, переселившіеся сюда по крайней мѣрѣ не позже германскаго племени, и нельзя сказать когда,—такъ давно. Но оставимъ ихъ. Возьмемъ почти несомнѣнно достовѣрную исторію Россіи съ прибытія къ намъ иноземной дружины съ сѣвера, въ половинѣ IX вѣка. Что дѣлали мы съ половины IX до XVIII вѣка—цѣлые восемь съ половиной вѣковъ? Вовсе не жили? Это неправда. Факты противорѣчатъ этому. Наша исторія представляетъ постепенное *измѣненіе* формъ, а не *повтореніе* ихъ; слѣд., въ ней было развитіе, не такъ какъ на востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ все повторяется почти одно и тоже, а если по временамъ и появлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Въ этомъ смыслѣ мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію, къ развитію, который не любитъ повторяться и безчисленное число вѣковъ стоять на одной точкѣ. Въ чемъ же состояло наше развитіе до XVIII вѣка? Какой смыслъ его? Какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество „взглядовъ на русскую исторію» брошено, множество „теорій русской исторіи“ построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все-таки не подвинулось ни на шагъ впередъ. На древнюю русскую исторію смотрѣли съ точки зрѣнія исторіи всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и никто ея не понялъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ непохожа ни на какую другую исторію. Наконецъ, къ теоріямъ и взглядамъ всѣ охладѣли и потеряли довѣріе. Въ нихъ видѣли повтореніе прежнихъ, неудачныхъ попытокъ. Нѣкоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теорія русской исторіи, другими словами—русская исторія какъ наука—невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теоріи и взгляды, одни другихъ несообразнѣе, страннѣе; а фактовъ почти никто не зналъ. Но ошибка ихъ состояла въ томъ, что когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и тоже.

Большая ошибка! Во-первыхъ, однажды возникшій вопросъ, рано или поздно, непремѣнно долженъ быть разрѣшенъ; это его неотъемлемое право. Отложить его разрѣшеніе на время можно, иногда должно; не признавать его, отвергать, значитъ стоять ниже вопроса. Во вторыхъ, въ противоположеніи фактовъ теоріи, взгляду, скрывается важное заблужденіе. Взглядъ, теорія, непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета.

Безъ послѣдняго невозможны первые. Какъ строить теорію о предметѣ, котораго мы вовсе не знаемъ? Но и наоборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходитъ въ другое. Сухое знаніе всѣхъ фактовъ недостижимо, по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно безполезно, ибо не даетъ ровно ничего, въ сущности ни на іоту не прибавляетъ къ нашему знанію. Взглядъ, теорія опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была.

Въ доказательство ссылаемся на послѣднее время нашей историко-литературной дѣятельности. Тѣ, которые всего больше возставали противъ взглядовъ и теорій, уступили непреложному закону мышленія, и безсознательно строили теоріи русской исторіи,—правда, не очень удачныя,—но строили. (Можетъ быть и *сознательно*; мы однако не хотимъ подозрѣвать ихъ въ недобросовѣстномъ стремленіи ввести монополію въ науку русской исторіи). Во множествѣ издавались источники, что̀ вездѣ и всегда имѣетъ свою безотносительную важность и пользу, но не обогащаетъ историческую литературу, составляя въ тоже время одно изъ ея существенныхъ, необходимыхъ условій. Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ,—такъ ихъ немного,—все прочее служитъ блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобы не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные, оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе розыскателей. Между отдѣльными изслѣдованіями никакого единства, такъ-что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы дополнять и пояснять другъ друга. Отсюда—никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, сдѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякій интересъ къ предмету, чего онъ, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ.

Итакъ, чтобы понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимъ взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами. Явленія ея должны быть поняты какъ различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого.

I.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ *отцомъ*, себя — его *дѣтьми*. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ—*робятами*, *молодками*, младшіе старшихъ—*дядями*, *дѣдами*, *тетками*, *бабками*, равные—*братьями*, *сестрами*. Словомъ, всѣ отношенія между не-родственниками сознаются подъ формами *родства*, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, *старшинства* или *меньшинства*. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безсмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ—прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только

фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе славяне имѣли *исключительно* родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ же родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси: что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена *исключительно* однимъ путемъ *рожденія*. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственный бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами, или подпали подъ ихъ власть. Оттого ихъ исключительно родственный, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историческаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: авары, хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется норманны, и татары попеременно покоряли русскихъ славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти пріязненныя и непріязненныя столкновенія съ иноплеменниками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ нравахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами,—тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ,—вотъ все, что могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ бытъ толпы варваровъ, мгновенно появлявшіяся и мгновенно исчезавшія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими славянами, и обращались съ ними слишкомъ жестоко, чтобы послѣдніе когда либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ авары исчезли, до единаго. Хозары брали одну дань; тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ нами издалека. Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутренній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей,—и то только съ начала,—вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ, роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей,—они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, и воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское вліяніе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: *пытка*, *кнутъ*, *правёжъ*; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, *заимствованы*, а *не навязаны*, и заимствованы больше вслѣдствіе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствіе сношеній съ татарами. И безъ нихъ они бы, конечно, образовались, только подъ другими формами и названіями. Одни сѣверные выходцы, ва-

риги, составляютъ какъ будто исключеніе. Сначала они покоряютъ сѣверно-русскихъ славянъ, и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще не подвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но... замѣчательное явленіе! Тогда какъ въ другихъ земляхъ они надолго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ, напротивъ, они скоро подчиняются вліянію туземнаго элемента, и наконецъ совершенно въ немъ исчезаютъ, завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областного правленія. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ проникліись національнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ не-славянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для насъ самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ варяги—единственные, принесшіе къ намъ какіе-то чуждые элементы. Считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ напр., финскихъ, которыя или исчезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

Итакъ, постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это,—варяги,—утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были,—это несомнѣнно. Но они не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли они были сильны; во всякомъ случаѣ, они не могли намъ дать не-національнаго, искусственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другого народа, который, будучи просвѣщеннѣе насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, а если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

Итакъ, мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя. Отсюда слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственный, измѣнялся безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд., свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ либо другомъ; другими словами: наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства. Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человѣчество, подавленное природой, или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное въ одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіанство нашло его и поставило безконечно высоко надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Оттого, съ появленія христіанства внутренній міръ стремится къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ, тогда и человѣческая *личность* должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли, или преслѣдовали. Словомъ, въ древности *человѣкъ какъ человѣкъ* ничего не значилъ.

Христіанство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріальныя, условныя, слѣдовательно несущественныя, ничтожныя различія междулюдьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божіими, всѣмъ обѣщаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первыя христіанскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разносословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христіанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ *человѣка и человѣческой личности*. Человѣкъ—живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ представитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на человѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ-подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ наравнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ—господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіанствомъ, рано или поздно, должно было перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе *человѣка*, сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ побужденіямъ не рѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ, ея достиженіи. Такъ для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра—одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица,и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями, безконечно разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе,—признаки силы, ищущей пищи и выраженія,—рано развили въ нихъ глубокое чувство *личности*, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины — добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ, славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варваръ-германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже никѣмъ не защищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое высокимъ освященіемъ личности такъ много говорило его чувству,—и въ то же время вбиралъ въ себя римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это мало-по-малу начало смягчать нравы германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанныя,—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты *личнымъ* началомъ, которое принесли съ собою германцы. Всюду оно видно; вездѣ оно на первомъ

, главное, опредѣляющее. Правда, въ нованныхъ государствахъ оно не имѣ-ого возвышеннаго, безусловнаго значе-которое придало ему христіанство. Оно подавлено историческими элементами, нательно проникнуто эгоизмомъ и по-выражается въ условныхъ, рѣзко обо-ныхъ, часто суровыхъ и жесткихъ хъ. Оно создаетъ множество частныхъ въ въ одномъ и томъ же государствѣ. ѣдуя самыя различныя цѣли, но еще знавая ихъ внутренняго, конечнаго, ческаго единства, эти союзы живутъ возлѣ друга разобщенные или въ от-й борьбѣ Надъ этимъ еще не устано-мся, разрозненнымъ и враждующимъ ъ царитъ церковь, храня въ себѣ выс-деалъ развитія. Но мало-по-малу, подъ бразными формами, повидимому, не щими между собою ничего общаго, или противоположными, воспитывается *че-*. Изъ области религіи мысль о без-номъ его достоинствѣ постепенно пере-ъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ осуществляться. Тогда чисто истори-определенія, въ которыхъ сначала вала себя личность, какъ излишнія и ные, падаютъ и разрушаются, въ раз-ихъ государствахъ различно. Безчислен-частные союзы замѣняются въ нихъ ъ общимъ союзомъ, котораго цѣль— роннее развитіе человѣка, воспитаніе держаніе въ немъ нравственнаго до-ства. Эта цѣль еще недавно обозначи-Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы ъ уже начало. Совершеніе неминуемо. ско-славянскія племена представляютъ ценно иное явленіе. Спокойныя, миро-ыя, они жили постоянно на своихъ хъ. Начало личности у нихъ не суще-ло. Семейственный бытъ и отношенія гли воспитать въ русскомъ славянинѣ а особности, сосредоточенности, кото-ставляетъ человѣка проводить рѣзкую между собою и другими и всегда и во отличать себя отъ другихъ. Такое чув-ождаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ без-нная война, частыя столкновенія съ емцами, одиночество между ними, опас-странствованія. Онъ привыкаетъ на-ся и опираться только на самого себя, вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда каетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи, и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія—ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности, и слѣд., въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно. Послѣ мы увидимъ, что и мы и они должны были выйдти, и въ самомъ дѣлѣ вышли, на одну дорогу. Теперь съ этой точки зрѣнія бросимъ бѣглый взглядъ на внутренній бытъ древней Россіи до Петра Великаго.

II [1]).

Въ древнѣйшія времена часть теперешней европейской Россіи была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главнымъ ихъ занятіемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это—разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна: поселенія и племена—его вѣковыя вѣтви и отпрыски.

Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ *старшаго* рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями.

Намъ теперь трудно вдуматься въ этотъ бытъ. Сами не подозрѣвая, мы, когда его представляемъ, невольно придаемъ ему черты теперешняго человѣческаго общества, судимъ о немъ по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностью, которой онъ не зналъ. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность —его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига.

При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между *моимъ и твоимъ* — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ: всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія. Оттого было хорошо у славянъ заѣзжимъ чужеземцамъ и плѣннымъ: и на нихъ простирался покровъ и благословеніе семейной жизни. Много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ.

Этотъ древнѣйшій, чисто патріархальный бытъ не могъ быть вѣчнымъ. Не говорите въ грустномъ раздумьи—„да, потому что все человѣческое проходитъ“. Все проходитъ, но не потому, что вѣчное круговращеніе, вѣчная смѣна одного другимъ—смыслъ и задача жизни. Все проходитъ потому, что существующее хорошее жизнь ведетъ еще къ лучшему. Въ смерти—зачатки обновленія и воскресенія. На младенца, на юношу мы смотримъ съ внутреннею скорбью; мы знаемъ, что исчезнетъ то непередаваемое очарованіе, которымъ исполнены его неопредѣленныя, невысказанныя черты. Но выше этой скорби ставитъ насъ сознаніе, что весеннее обаяніе юности смѣнится строгой красотой и полнотой жизни возмужалаго возраста. Оно даетъ намъ силы подавить грусть, пристально и холодно взглянуть на юность, и мы въ ней самой открываемъ тогда причины ея несостоятельности. Къ тому же приводитъ и исторія.

Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную. Но кровныя связи слишкомъ непрочны, чтобы поддержать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство; отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. То же предстояло и семейному быту поселеній; рано или поздно онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Вдобавокъ,

[1]) Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что въ этомъ очеркѣ мы ограничились обзоромъ одного юридическаго быта.

семьи и роды переходили изъ поселенія въ поселеніе, ссорились и отдѣлялись другъ отъ друга. Могли быть и другія причины, приведшія поселенія къ внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно слѣдить за развитіемъ быта въ эти отдаленныя времена, отъ которыхъ дошли до насъ одни скудныя, отрывочныя извѣстія, когда это такъ не легко и въ ближайшія эпохи. Мало-по малу внутренняя разрозненность поселеній повлекла за собою важныя измѣненія въ ихъ бытѣ и устройствѣ.

Мы видѣли, что главами поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ: потому они и назывались старѣйшинами; по смерти одного мѣсто его заступалъ старшій по немъ. Но когда народонаселеніе усилилось, семьи и линіи въ одномъ поселеніи размножились, появилось много старшихъ родомъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе, невозможно было опредѣлить, — стали *избирать* старѣйшинъ.

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ; но оно предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ бытѣ. Въ немъ, въ этомъ измѣненіи, обнаружилось, что поселенія внутри себя распались на частные, тоже семейные союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ и семьи въ поселеніяхъ. Только условія послѣдняго распаденія были неодинаковы съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ пространствѣ; имъ можно было забыть и не знать другъ друга. Напротивъ, въ поселеніяхъ семьи жили рядомъ, на небольшомъ клочкѣ земли; забыть и не знать другъ друга онѣ не могли; связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, но онѣ не были уже только дружественныя. Особенные интересы производили между ними непріязненныя столкновенія, въ поселеніяхъ—неустройства и несогласія. Лицо старѣйшины должно было вырости, характеръ его власти измѣнился. Оставаясь попрежнему патріархальной, она начинаетъ получать легкій, едва замѣтный юридическій оттѣнокъ, какъ и отношенія семей, составляющихъ поселеніе. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ поселенія прибѣгать, при несогласіяхъ, къ ихъ собственному главѣ—старѣйшинѣ. Они отдаются на его судъ и приговоръ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьею въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Возрастающее значеніе старѣйшинъ было признакомъ возрастающей разрозненности семей. Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Въ этихъ семьяхъ—тотъ же семейный, родственный бытъ, связи и кровное единство, такой же старѣйшина по роду и лѣтамъ. Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. О важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣщается съ ихъ старѣйшинами. Съ бо̀льшимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало-по-малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія—*вѣча* (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ. То были сходбища семей для общаго совѣщанія—праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ и столько же неправильныя.

Мало-по-малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся *общинами*. Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе *городовъ*; но внутреннее устройство всѣхъ общинъ попрежнему совершенно одинаково, ибо та же основа во всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходитъ къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы—старѣйшины надъ семьями. Непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды—неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами: „не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга“.

Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племенного устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча. Были и племенные старѣйшины—*князья*; но какъ въ общинахъ, они не вездѣ удержались.

Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась *кровная месть*, *поединки*, *цѣловальники*, или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между *знатными и незнатными*, которое обозначалось все болѣе и болѣе. Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ славянъ,—у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главныя черты этого развитія тѣ же у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ большему и большему разъединенію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ исчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распадались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца.

Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ.

Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многознаменательное событіе. Нѣсколько племенъ, истерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу: явленіе не столько загадочное, какъ кажется съ перваго взгляда. Кровный бытъ не можетъ развить общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя изъ своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ. Особенныя, частныя причины склонили ихъ выборъ на варяговъ. По призыву союзныхъ племенъ, является въ Россію воинственная дружина, подъ предводительствомъ вождей, которыхъ наши предки по своему называютъ князьями. О происхожденіи этой дружины и до сихъ поръ спорятъ. Несомнѣннымъ кажется, что преобладающіе въ ней элементы были германскіе. Едва перешедши на новую почву, она начинаетъ воевать направо и налѣво, покорять окрестныя племена и угнетать призвавшія. Подъ начальствомъ второго своего предводителя, Олега, она оставляетъ сѣверъ Россіи и переходитъ на югъ, продолжая дѣло завоеванія и покоренія и восполняя свои ряды подвластными племенами; нѣкоторыя поддаются ей добровольно. Такъ длится слишкомъ сто лѣтъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ варяговъ въ ихъ новомъ отечествѣ проглядываютъ суровые побѣдители, равнодушные къ призвавшему и покоренному народу, страстные къ войнѣ, жаждавшіе добычи. Воинственный духъ заставляетъ ихъ искать новыхъ завоеваній, ведетъ къ стѣнамъ Византіи, и полу-варягъ, полу-славянинъ, Святославъ, еще мечтаетъ навсегда поселиться въ Болгаріи. Гдѣ дружинѣ было лучше, тамъ и было ея отечество.

Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носитъ на себѣ не-славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно изъ словъ лѣтописи, что предводители варяжской дружины сажали своихъ мужей въ покорившихся или покоренныхъ городахъ,—словъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ различному толкованію,—то это болѣе нежели вѣроятно изъ того, что Рогвольдъ и Туръ имѣли свои наслѣдственныя владѣнія; что въ договорѣ Олега и особенно Игоря говорится о состоящихъ подъ ихъ рукою свѣтлыхъ князьяхъ въ русской землѣ, исчисляются ихъ имена, всѣ не славянскія, посылаются отъ нихъ послы вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря, и выговаривается на ихъ часть контрибуція у грековъ.

Каковы бы ни были варяги, пришедшіе къ намъ, ихъ значеніе въ русской исторіи весьма важно. Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли. Мы совсѣмъ не хотимъ этимъ сказать, что безъ нихъ и то и другое было бы невозможно; мы говоримъ о фактахъ, какъ они были. Со временъ варяговъ по-

являются въ Россіи элементы, ей до того совершенно неизвѣстные. Она была раздроблена; варяги соединяютъ ее въ одно политическое тѣло. Первая идея *государства* на нашей почвѣ имъ принадлежитъ. Они приносятъ съ собою *дружину*, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія: ибо мы по привычкѣ называемъ его дружиной, но это слово не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полу-семейный оттѣнокъ, какой дружины дѣйствительно получили у насъ впослѣдствіи, но котораго не могли имѣть сначала. Варяги приносятъ съ собой право князя *наслѣдовать послѣ смерда*-поселянина и *новую систему управленія*, неизвѣстную семейно-общинной до-варяжской Руси. Эта система строга, убыточна, разорительна для подданныхъ. Она совершенно равнодушна къ управляемымъ, противополагаетъ ихъ интересы интересамъ правителя, его обогащеніе поставляетъ главною цѣлью и рѣзко выдвигаетъ его лицо изъ среды подвластныхъ. Наконецъ, варягамъ принадлежитъ начало *виръ*, или *денежныхъ платъ за преступленія* въ Россіи: названіе и числовое сходство съ германскими вирами обличаютъ въ нашихъ вирахъ не славянское происхожденіе.

Не прошло вѣка, — и варяги начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виденъ славянинъ. Частыя сношенія съ варягами, прибытіе въ Россію новыхъ сѣверныхъ дружинниковъ и выходцевъ, долго поддерживали національную особность нашихъ властителей; но въ княженіе Ярослава варяги сливаются съ русскими славянами, перестаютъ отъ нихъ отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще въ лѣтописяхъ о варягахъ внѣ русской земли; о славяно-русскихъ варягахъ не упоминается болѣе ни слова.

Но вдругъ не могъ совершенно исчезнуть варяжскій элементъ: слѣды его остались. Около двухъ вѣковъ варяги были главными дѣятелями въ нашей исторіи, основали у насъ государство, и все это время стояли во главѣ его; естественно, что ихъ учрежденія долго сохраняли печать своего историческаго происхожденія. Только вмѣстѣ съ варягами и они обрусѣли впослѣдствіи такъ, что, не знай мы ничего о варяжскомъ періодѣ, мы бы и не заподозрили, что они не русскіе.

При Ярославѣ Великомъ исчезли варяги; съ его времени начинаетъ преобладать русско-славянскій элементъ. Перерванная нить нашего національнаго развитія подымается опять, съ той точки, на которой оно остановилось передъ пришествіемъ дружины. Но отнынѣ оно не ограничивается однимъ общиннымъ, частнымъ, домашнимъ бытомъ: оно обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента.

Передъ прибытіемъ варяговъ семьи начинали становиться главными дѣятелями въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Единство внутри племенъ и общинъ падало. Но и семьямъ предстоялъ тотъ же путь. Подобно имъ, и онѣ должны были размножиться и обратиться наконецъ въ многовѣтвистые роды, а роды—современемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго единства. Такъ и было. Въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или, правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія *семья*, разросшаяся потомъ въ цѣлый *родъ*. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси,—были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа, и покрыты мракомъ. Не то представляетъ княжескій родъ Владиміровъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей, государственной сферѣ; онъ одинъ; онъ всегда на виду. Обладая Россіей, онъ управляетъ ея исторіей. Оттого мы на немъ можемъ подробно изучать постепенное развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ. Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родового начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка.

Ярославъ, князь чисто русскій, первый задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на *родовомъ началѣ*. Такая мысль, въ его время, была естественна. Феодальный порядокъ не могъ укорениться на нашей почвѣ, и исчезъ вмѣстѣ съ варягами. Оставалось построить государство по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ Такимъ началомъ было начало семьи, рода. Къ нему и прибѣгнулъ Ярославъ Великій.

Вся Россія должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, членъ рода, получилъ свою часть; на какомъ основаніи онъ владѣлъ ею—не опредѣлено. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, *великимъ*. Ему, какъ старшему, подчинены всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. Его мѣстопребываніемъ былъ Кіевъ, резиденція Ярослава и его предковъ. Открывался періодъ удѣловъ.

Государственная система Ярослава очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными. Но не должно забывать, что въ его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, какъ впослѣдствіи, когда оно, утративъ жизнь, обратилось въ матеріалъ для многосложной и утонченной казуистики. Кромѣ того, основное ея начало было непрочно; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава, когда удѣльный періодъ только что начинался, возникло колебаніе между территоріальнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ,—колебаніе, которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи. О томъ и другомъ мы скажемъ особливо.

По завѣщанію Ярослава, всѣ сыновья его (кромѣ послѣдняго—малолѣтняго) получили по удѣлу. Старшему достался Кіевъ, и каждый старшій въ княжескомъ родѣ имѣлъ право владѣть имъ. Чрезъ это Кіевъ дѣлался старшимъ, первымъ между удѣльными городами древней Руси. Такъ начало старшинства между князьями переходило и на территорію. Если Кіевъ былъ удѣломъ старшаго, то Переяславль долженъ былъ сдѣлаться удѣломъ старшаго по немъ, ибо онъ достался второму сыну Ярослава; Черниговъ—третьяго, потому что онъ отданъ былъ Ярославомъ третьему сыну, и т. д. Словомъ, іерархія кровнаго старшинства должна была сообщиться землѣ и породить іерархію территоріальнаго или городового старшинства. Послѣдняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, безпрестанно измѣняясь со смертью и рожденіемъ князей, влекла за собою и территоріальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравновѣшенія кровнаго и городового распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. Появились безпрестанно новые дѣлежи Россіи. Начало территоріальное уступило личному. А тогдашнее личное начало, въ противоположность территоріальному, не могло упрочить государственной цѣлости Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода—распаденіе, уничтоженіе единства. Едва успѣли обозначиться линіи—ближайшее потомство родоначальника,—какъ онѣ начали уже забывать свое кровное единство, общее происхожденіе, и стали преслѣдовать свои частныя, особенныя цѣли, основываясь на правахъ ихъ ближайшаго предка, а не общаго родоначальника. Частный, болѣе тѣсный кровный союзъ исключалъ общій, обнимавшій всѣхъ членовъ. Такъ, по *началу родовому*, которое должно было поддерживать единство Россіи и княжескаго рода, послѣ общаго родоначальника старшимъ былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого перваго, ближайшаго потомства родоначальника, старшинство переходило къ старшему внуку (старшему сыну старшаго сына) родоначальника, потомъ ко второму, потомъ къ сыновьямъ второго родоначальника по старшинству рожденія и т. д. По другому началу, которое мы, въ отличіе отъ родового, будемъ называть *семейственнымъ*, старшій внукъ родоначальника (старшій сынъ старшаго сына), основываясь на ближайшихъ интересахъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ, и не думая о далекихъ для него интересахъ цѣлаго рода, старался присвоить себѣ права, принадлежавшія его отцу, и не обращалъ вниманія на права старшаго дяди, основанныя на родовомъ началѣ. Между обоими этими взаимно исключающими, враждебными началами—*родовымъ и семейственнымъ*, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое, по закону распаденія кровнаго быта, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и политическое единство Россіи, основанное

на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное.

Удивительное зрѣлище представляетъ западная, особенно юго-западная Россія въ первую половину періода удѣловъ, до исхода XII вѣка! Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по прежнему земледѣльческими и торговыми, изъ которыхъ многія были многолюдны и уже достигли высокой степени процвѣтанія. Вѣковыя преданія, семейно-общинное устройство и бытъ живутъ въ нихъ. Самое племенное устройство еще не совсѣмъ исчезло; временами ярко оживаетъ о немъ воспоминаніе. Надъ этимъ первобытнымъ, патріархальнымъ міромъ носится другой міръ—странное сліяніе элементовъ, столько противоположныхъ, варяжскаго и русско-славянскаго,—міръ князей-витязей, въ которыхъ течетъ еще варяжская кровь, міръ дружинъ, еще являющихъ живые слѣды своего не славянскаго происхожденія, міръ кровавыхъ битвъ, борьбы и безпокойной дѣятельности. Княжескій родъ, выдающійся надъ русскою землею, представляется оторваннымъ отъ родимой почвы и неимѣющимъ постояннаго мѣста; кругъ его дѣятельности очерченъ; въ немъ онъ вращается; его члены разрознены, переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, далекій, съ нетвердымъ сознаніемъ своихъ взаимныхъ кровныхъ отношеній. Въ лицѣ первыхъ князей русско-славянскій міръ какъ будто готовится освободить себя отъ ига природы и дать просторъ личности ослабленіемъ кровнаго союза.

Взглядъ княжескаго рода на Россію—какое-то сліяніе славяно-русскаго и варяжскаго элементовъ. Мысль о ея единствѣ, нераздѣльности какъ государства, странно существуетъ подлѣ мысли, что она—наслѣдственное, вотчинное достояніе княжескаго рода и, слѣдовательно, дѣлима, какъ частное имѣніе. На княжескихъ дружинахъ—та же печать. Дружинное начало поддерживаютъ, въ періодъ удѣловъ, старый варяжскій обычай, воинственный духъ князей, ихъ безпрестанные переходы изъ княжества въ княжество, изъ общины въ общину, борьба родового начала съ семейственнымъ. Составъ дружинъ – самый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный. Все равно, кто служитъ, лишь бы служилъ вѣрно: торкъ, венгръ, печенѣгъ, славянинъ—какое дѣло князю? Но преобладающій элементъ въ составѣ дружинъ долженъ былъ быть русско-славянскій. Естественно, что въ ихъ ряды вступала вся удалая часть туземнаго населенія, пробужденная отъ покоя патріархальной жизни и ринутая въ тревожную дѣятельность надеждою добычи и приключеній. Съ другой стороны, семьи и роды, выдававшіеся въ общинахъ надъ остальными жителями, занимавшіе высшее мѣсто въ общественномъ быту, должны были наконецъ сгруппироваться около князей — вершинъ общественной іерархіи. И тѣ, и другіе внесли въ чисто личный, договорный характеръ дружинъ элементы семейной, патріархальной жизни. Для русскаго славянина съ мыслью о князѣ необходимо соединялось представленіе о начальникѣ рода, племени: таковъ былъ кругъ понятій, въ которомъ онъ выросъ и который онъ переносилъ съ собою всюду. Оттого, сдѣлавшись дружинникомъ, онъ становился къ князю въ отношенія полудоговорныя. Обрусѣвшій князь, начальникъ дружины, выросшій въ патріархальной средѣ, тоже не могъ пребывать въ однихъ, чисто личныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: онъ былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцомъ и братомъ. Такъ князь и его сподвижники начали представлять собою военное учрежденіе, переложенное на семейные нравы.

Сначала князья, полу-правители, полу-вотчинники, по понятіямъ народа преемники прежнихъ племенныхъ и общинныхъ старѣйшинъ, жили между собою согласно. Но не долго. Семейственное начало, разлагающее родъ, рано начало высказываться. Дяди обдѣляли племянниковъ въ пользу своихъ сыновей, племянники возставали на дядей, сыновья присвоивали себѣ достоинство и владѣнія отцовъ, на которыя предъявляли свои права старшіе родичи. Когда такимъ образомъ единство княжескаго рода, находившее менѣе поборниковъ, было поколеблено, вопросъ о старшинствѣ между всѣми князьями сталъ спорнымъ, а съ нимъ стало спорнымъ и право владѣть Кіевомъ. Начались непрерывныя войны, которыми рѣшалась борьба двухъ враждебныхъ началъ семьи и рода. Ихъ предметомъ были Кіевъ или удѣлы. Долго сохранялъ первый въ глазахъ князей значеніе политическаго центра Россіи; долго съ его обладаніемъ соединялась мысль о власти надъ прочими князьями. Но съ упадкомъ единства княжескаго рода эта власть болѣе и болѣе становилась призракомъ. Тогда въ княжескомъ родѣ повторилось то же явленіе,

которое представляетъ развитіе общинъ: мало-по-малу видимый представитель единства сталъ простымъ княземъ. Члены княжескаго рода начали съ общаго согласія рѣшать дѣла, которыя касались до всего княжескаго рода и Россіи. Появляются *съѣзды* князей, которые въ исторіи рода соотвѣтствуютъ вѣчамъ въ исторіи общинъ. Но и съѣзды не могутъ поддержать единство распадающагося рода. Они только обнаруживаютъ слабость великихъ князей и еще разъ высказываютъ начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій стараются возсоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этихъ князей. Когда ихъ не стало, опять обнаружилась вся ея несостоятельность, еще съ большей силой, чѣмъ прежде; ибо Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, возстановляя прежнее, сами дѣйствовали подъ вліяніемъ вотчиннаго начала, и въ новомъ устройствѣ Россіи дали первенство потомству Всеволода надъ прочими линіями Владимірова княжескаго рода: это вызвало ненависть послѣднихъ, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжескаго рода навсегда утрачено.

Въ продолженіе этихъ неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоемъ—общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто, князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые, съ малыми исключеніями, равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда—угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ, опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомкнутости, и приняли оборонительное положеніе. Не способныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, разорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало-по-малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно патріархальнаго, до-варяжскаго быта первыхъ.

Особенно развились общины на сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ *Новгородъ*.

Тѣ же самыя причины, которыя возбудили дѣятельность общинъ въ тогдашней Россіи, благопріятствовали и Новгороду. Но къ нимъ присоединились еще и другія, не менѣе важныя: географическое положеніе на торговомъ пути сдѣлало Новгородъ центромъ промышленности и торговли, и рано развило въ немъ общинный духъ. Оттого новгородцы не ладили съ своевольной варяжской дружиной, не терпѣли ея насилій, и когда она удалилась на югъ, можетъ быть, столько же манимая Византіей, сколько тревожимая новгородцами, имъ стало свободнѣе дышать, чѣмъ остальной Россіи: гордое требованіе князя у Святослава, кровная месть надъ варягами при Ярославѣ, доказываютъ это. Когда насталъ періодъ удѣловъ, право ставить князя въ Новгородѣ удержалось за княземъ кіевскимъ. За каждой смѣной послѣдняго слѣдовала смѣна и новгородскаго князя. Такъ ни одна княжеская династія не могла въ немъ окрѣпнуть и утвердиться. Наконецъ, вниманіе борющихся князей отвлечено было

на юго-западъ Россіи, къ Кіеву—солнцу періода удѣловъ, послѣдней цѣли всѣхъ честолюбивыхъ стремленій. Новгородъ остался внѣ этого движенія; его не коснулись опустошительныя войны; ему не надобно было нѣсколько разъ возставать изъ развалинъ, какъ прочимъ общинамъ древней Россіи: съ самаго начала его общинный бытъ и сохранился, и поддерживался.

Подобно прочимъ общинамъ, Новгородъ не замедлилъ воспользоваться возможностью избирать своихъ князей. Но его положеніе и историческія обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привилегію и обратить ее въ право, которымъ онъ почти неограниченно пользовался до самаго конца своего политическаго существованія.

На Новгородъ долго смотрѣли, какъ на какое-то странное исключеніе изъ жизни древней Россіи. Объяснить его старались иноземнымъ вліяніемъ. Теперь, когда старая Русь сдѣлалась извѣстнѣе, этотъ историческій предразсудокъ мало-по-малу исчезаетъ. Все внутреннее новгородское устройство говоритъ противъ него. Въ этомъ устройствѣ нѣтъ ни одной не-русской, не-славянской черты. Новгородъ—община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе. Новгородъ остался для насъ образцомъ первоначальнаго, русско-славянскаго общиннаго быта. Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, то же отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которыя характеризуютъ нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлой новгородской общиной. Въ послѣдней верховная власть находилась въ одно и то же время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противоположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ не опредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь—новыя условія. Они сходны; но потому, что они — условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ. Князь избирается Новгородомъ; онъ отъ него зависитъ и всегда можетъ быть удаленъ изъ общины, когда имъ недовольны. Власть его ограничена въ частностяхъ, не опредѣлена въ сущности. Исторія родила къ ней недовѣріе новгородцевъ: отсутствіе государственныхъ идей мѣшало схватить ее въ опредѣленныхъ юридическихъ формахъ. Въ свою очередь, и вѣче представляетъ совершенно неопредѣленное народное собраніе. Дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, сообща. Живую картину его и теперь еще представляютъ крестьянскія сходки. Несогласные съ толпой подвергались народной мести; ихъ убивали или бросали въ Волховъ; имущество ихъ предавалось разграбленію. Обыкновенно вѣче бывало одно; но иногда ихъ бывало и два, враждебныхъ между собою. Главные новгородскіе сановники—посадники и тысяцкіе были когда-то княжескіе чиновники, но потомъ, вмѣстѣ съ княземъ, стали выборными. Какъ во всякой древней русской общинѣ, въ Новгородѣ были бояре и смерды, старшіе и младшіе. Но какова была новгородская аристократія, мы не знаемъ: знаемъ только, что въ послѣднее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношенія къ другимъ Новгородъ сознавалъ въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ и князья: онъ былъ *господиномъ и государемъ*, съ городами считался *братствомъ*. Подобно князьямъ, онъ управлялъ своими областями, которыя не принимали участія въ его политическомъ устройствѣ (исключая, можетъ-быть, той части новгородской территоріи, которая изначала была заселена однимъ племенемъ); жителей этихъ областей называлъ своими смердами, посылалъ ими править своихъ посадниковъ и сбиралъ съ нихъ дань и войско.

Отношенія Новгорода къ остальной Россіи опредѣлялись его характеромъ и исторіей. Онъ былъ на краю Россіи, далеко отъ театра вѣчныхъ войнъ и раздоровъ. Торговля отвлекла всю его дѣятельность и вниманіе за море. Сдѣлавши его богатымъ и сильнымъ, она дала ему возможность быть всегда въ оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ князьямъ, ослабленнымъ междоусобіями, говорить съ ними смѣло и оружіемъ поддерживать слова. Поэтому князья должны были избрать себѣ другую цѣль, обратиться въ другую сторону. Новгородъ былъ какъ бы торговая волость, забытая и оставленная помѣщикомъ: богатая и сильная, потому что

оставлена, — оставляемая, потому что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имѣя совершенно розные интересы съ остальной Россіей, но связанный съ ней сосѣдствомъ, языкомъ, вѣрой и преданіями, Новгородъ всячески старался избѣгать непріязненныхъ съ нею столкновеній, тонко и искусно лавировалъ между перекрещивающимися интересами князей, чтобъ не вызвать изъ ихъ среды сильнаго врага. Покуда князья еще кочевали изъ города въ городъ, это до нѣкоторой степени было возможно; но когда ихъ переходы кончились и появились княжества, болѣе или менѣе сильныя, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидѣлъ онъ возростающую опасность. Сначала онъ все еще дѣйствовалъ уклончиво, потомъ, тѣснимый, старался по крайней мѣрѣ не дать усилиться ни одному изъ сосѣднихъ княжествъ и держалъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ. Но когда московское взяло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, послѣдній часъ Новгорода пробилъ. Іоаннъ III только совершилъ то, что́ было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

Въ судьбахъ Новгорода много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собой, но насильственно прервано,—жертва сколько идеи, столько же и физическаго возростанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать какъ исчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось какое-то неясное стремленіе идти по тому же пути, по которому великій преобразователь, черезъ два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію, — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода. Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней русской жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столько различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить. Въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ или видъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью: своимъ долгимъ существованіемъ Новгородъ вполнѣ исчерпалъ, вполнѣ развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальше которой не могъ идти. Мы видѣли, каковъ онъ былъ, этотъ бытъ, и какъ мало было въ немъ зачатковъ гражданственности, твердаго, прочнаго государственнаго устройства.

Тогда какъ на сѣверѣ община усиливалась и прибирала власть къ своимъ рукамъ, въ остальной Россіи нарождался новый порядокъ вещей. Политическая система, основанная Ярославомъ, которой шаткость обнаружилась съ самаго начала, привела наконецъ совершенное уничтоженіе государственнаго единства Россіи. Долго еще манилъ Кіевъ честолюбіе князей и собиралъ ихъ вокругъ себя; но въ предѣлахъ прежней Руси имъ становилось тѣсно. Владиміръ Мономахъ отдалъ въ удѣлъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей, Георгію Долгорукому, отдаленный Суздаль. Въ этой малолюдной странѣ суздальскій Юрій строитъ города, перезываетъ туда жителей, населяетъ пустыни. Привязанный къ юго-западной Руси, цѣли всѣхъ русскихъ князей, невольный изгнанникъ въ далекомъ краю, младшемъ изъ всѣхъ, Долгорукій окружаетъ себя воспоминаніями. Онъ устраиваетъ свой удѣлъ по образцу, съ которымъ не разставалась его мысль; на новую почву онъ переноситъ названія окрестностей кіевскихъ. Кіевъ былъ еще для него тѣмъ же, чѣмъ и для другихъ удѣльныхъ князей со временъ Ярослава; онъ всячески добивается чести быть великимъ княземъ кіевскимъ, мнимою главою прочихъ князей, мнимою главою Россіи; всю жизнь свою преслѣдуетъ эту цѣль, и наконецъ достигаетъ, не задолго до смерти.

Совершенно иначе дѣйствуетъ уже сынъ и преемникъ его въ суздальской области — Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ и воспитанъ далеко отъ Кіева; Кіевъ для него не то, что былъ для его отца, Юрія. На западную и юго-западную Русь онъ смотритъ, какъ на владѣнія. Воспоминанія не связываютъ его съ ними; сердце его лежитъ къ суздальской области. Оттого ему здѣсь хорошо; онъ не думаетъ переѣхать въ Кіевъ и сѣсть на велико-княжескій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его глазахъ, не отуманенныхъ историческими предразсудками, что́ было кіевское велико-княжеское до-

стоинство?—пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Если Андрей не понималъ этого отчетливо, то онъ такъ чувствовалъ: въ 1169 году, взявши Кіевъ приступомъ, онъ отдалъ его въ управленіе брату своему Глѣбу, а самъ остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Съ этого времени все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родоваго единства между князьями давно уже совершенно исчезло, а съ нимъ мало-помалу и послѣдній признакъ политическаго единства Россіи. Великаго князя въ прежнемъ смыслѣ уже не было, и Кіевъ пересталъ быть столицей. Распадаясь и разъединяясь болѣе и болѣе, вѣтви прежде единаго княжескаго рода перестаютъ наконецъ думать о Кіевѣ, перестаютъ искать великокняжескаго достоинства: ближайшіе семейные интересы мало-по-малу сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе. Чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ хотятъ теперь владѣть и князья, ихъ потомки, не простирая далѣе своихъ честолюбивыхъ видовъ. Они заботятся только объ удержаніи за собою наслѣдственныхъ удѣловъ — не болѣе. Такимъ образомъ княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ наконецъ осѣдлость. Князья перестаютъ блуждать по лицу всей русской земли, ища владѣній и чести, соотвѣтствующихъ мѣсту, которое они занимаютъ въ родовой лѣствицѣ. Россія распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ въ главѣ свой особый княжескій родъ.

Въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожало родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между ихъ членами счетъ—по родовому старшинству. Старшій называется великимъ, и потому много великихъ князей въ Россіи. Между князьями—распри и междоусобія за старшинство; потомъ мало-по-малу и княжества раздробляются на мельчайшія части. Это должно было дать новый характеръ князьямъ. Дѣйствуя въ ограниченной сферѣ, они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Ихъ отношенія къ владѣніямъ, сначала неопредѣленныя, теперь опредѣляются. Области, княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между своими дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется прежній полу-варяжскій, полуславянскій характеръ княжескихъ дружинъ. Послѣдніе слѣды ихъ не русскаго происхожденія исчезаютъ. Пока война и странствованія поддерживали воинственный духъ князей и ихъ окружающихъ, отношенія князей и дружинъ были крайне неопредѣленны. Лицо князя не выдавалось рѣзко Онъ все еще былъ какъ бы первый между равными. Осѣдлая, болѣе мирная жизнь должна была измѣнить эти отношенія. Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ въ своихъ владѣніяхъ, и дружинники его сдѣлались мало-по-малу его слугами. Они отправляютъ при немъ придворныя должности. Лицо князя выростаетъ. По прежнему, слуги лично свободны, переходятъ отъ одного князя къ другому; но они служатъ, а князь—господинъ.

Такая перемѣна отразилась и во внутреннемъ устройствѣ областей. Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленнаго, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ области своихъ сыновей, оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать у себя въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ *кормленіе* области. Слуги-кормленщики управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ничѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности.

Конечно, не вдругъ произошли всѣ эти перемѣны, и не равно послѣдовательно совершались онѣ въ разныхъ частяхъ Россіи; но зачатки этого новаго порядка вещей уже

видны въ стремленіяхъ Андрея Боголюбскаго. Андрей окруженъ уже не дружиной, а *дворомъ*. Впервые при немъ встрѣчаемъ мы это общее названіе приближенныхъ князя. Онъ не терпитъ въ своей области соперниковъ и хочетъ быть самовластнымъ. Братьевъ и племянниковъ своихъ онъ удаляетъ изъ своего княжества. Такъ въ этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ — типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній,—типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ.

Мало-по-малу изъ этого новаго взгляда на княжества, какъ на собственность князей, на власть послѣдняго, какъ на власть вотчиннаго владѣльца, вырабатывается совершенно новый порядокъ наслѣдованія. Пока еще не исчезла мысль о государственномъ единствѣ Россіи, а потомъ княжествъ, одинъ князь былъ непремѣнно главнымъ, первымъ, и такимъ былъ тотъ, который въ родѣ былъ старшимъ. Но эта мысль начала постепенно исчезать, князья стали менѣе думать о сохраненіи государственнаго единства княжествъ и дѣлили ихъ между своими дѣтьми, какъ наслѣдство. Начало родовое мало-по-малу стало вытѣсняться началомъ семейственнымъ, и нисходящіе получаютъ перевѣсъ передъ боковыми родственниками.

Въ нашей древней государственной жизни это было важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ. Правда, раздробленіе Россіи пошло тогда быстрѣе. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ея политическое существованіе. Но въ этомъ началѣ разрѣшилась вся неопредѣленность, всѣ вопросы, возникшіе изъ Ярославовой политической системы. Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовомъ началѣ, несостоятельно; что государственный и кровный бытъ — враждебны, и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому: взяло верхъ кровное начало, — исчезло государство. По крайней мѣрѣ исторія довела до какого-нибудь положительнаго, твердаго результата. Съ него можно было идти далѣе, не оглядываясь назадъ, вновь приняться за созиданіе государства уже не по старымъ началамъ. Московскіе князья и сдѣлали это.

Въ общемъ ходѣ развитія древней русской жизни, упраздненіе родоваго начала семейственнымъ, покуда совершившееся въ одной политической сферѣ, еще важнѣе, еще многознаменательнѣе. До того времени у насъ вездѣ, во всемъ дѣйствуетъ родъ. Онъ создаетъ племена, общины, удѣльную систему. Пока не настало время его отрицанія, человѣку не было возможности выйти изъ очарованнаго круга исключительно кровныхъ отношеній; ибо родъ объемистъ и широкъ; нѣтъ ему границъ, нѣтъ такихъ далекихъ вѣтвей, которыя, по родовому началу, не могли бы сосчитаться родствомъ. Конечно, личность, ища себѣ простора, часто порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія. Но выходъ изъ нихъ былъ безсознателенъ, былъ нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнью. Чтобы отрѣшиться отъ него, нужно было мужество, котораго хватало у иныхъ на время, на одинъ случай, не хватало на всю жизнь. Притомъ весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, не было и понятія. Но когда семейное начало взяло верхъ надъ родовымъ, и главнымъ стала семья, а не родъ, родовой союзъ потерялъ свою обязательную силу. Непризнаніе его перестало быть нарушеніемъ закона. Семьи стали независимы другъ отъ друга. Ихъ взаимныя отношенія, уже не опредѣляемыя кровными началами, должны были опредѣляться чѣмъ-нибудь другимъ, и въ этомъ еще невысказанномъ другомъ лежалъ зародышъ будущихъ юридическихъ отношеній. Граница, предѣлъ кровнаго союза, такимъ образомъ обозначились. Можно было наконецъ указать въ жизни на отношенія, въ которыхъ родство не было обязательно. Важный шагъ впередъ въ развитіи личности, прежде всюду стѣсненной и подавленной, которой кровныя отношенія заранѣе указывали мѣсто въ общественномъ быту: низшее передъ другими, несмотря на ея достоинства; по необходимости, высшее передъ прочими; иначе, захоти старшій быть ниже младшаго, позоръ падалъ на его голову и на голову его потомковъ.

Какъ всегда бываетъ въ исторіи, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерѣшительно, и развивалось подъ старыми формами, созданными родовымъ началомъ. Вдругъ оно не могло отъ нихъ отрѣшиться;

потому-то въ немъ мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ о старшинствѣ, зависимости младшихъ отъ старшихъ,—этими принадлежностями родоваго начала. Новое борется съ старымъ его же оружіемъ, имъ прикрываетъ себя. По родовому началу, старшій братъ — отецъ прочимъ братьямъ и своимъ сыновьямъ. И тѣ, и другіе—его дѣти; но какъ первый его сынъ—старшій изъ его дѣтей, то онъ старше и своихъ дядей. Такъ первенство семьи надъ родомъ присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счетъ сыновей съ боковыми удержанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ будто и родовой союзъ. Но главное было сдѣлано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно измѣнило прежнія родовыя отношенія, потомъ разрушило ихъ.

Въ то время, какъ политическая жизнь Россіи такимъ образомъ мало-по-малу измѣнялась вмѣстѣ съ понятіями князей, послѣдніе слѣды единства исчезали, и на сѣверовостокѣ Россіи еще удерживалась одна тѣнь велико-княжескаго достоинства, важное событіе ускорило окончательное паденіе стараго и развитіе новаго порядка вещей. Мы говоримъ о монгольскомъ игѣ. Какъ буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали расти, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало.

Монголы сдѣлали много зла Россіи: изъ конца въ конецъ они ее опустошили, и опустошали не разъ. Рабскія привычки, понятія, наклонности, уловки, – хотя и обманчивая, но единственная защита слабаго противъ дикой силы,—если не впервые тогда у насъ появились, то усилились. Несмотря на это, они играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи.

Когда они завоевали Россію, князья не могли уже княжить безъ ихъ согласія, а должны были ѣздить въ Орду и получали отъ хановъ ярлыки или утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, если были имъ угодны. Это повлекло за собою важныя измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ. Удѣльные князья и великій князь остались. Прежде они садились на престолъ сами собою, большею частію по началамъ родоваго старшинства; по крайней мѣрѣ оно служило предлогомъ. Но ханамъ были чужды родовые разсчеты. Какое было имъ дѣло до того, который князь имѣетъ лучшее право по народнымъ понятіямъ? По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугой и исправно платилъ дань. Это были личныя качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами. Такъ является для правъ князей на престолъ новое мѣрило, чуждое древней Руси; оно противопоставляется прежнему родовому, и разрушаетъ его. Одно не лучше другаго. Зато исчезаетъ старое, отжившее, которое мѣшало идти впередъ: татарское вслѣдъ за нимъ исчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, велико-княжеское достоинство, передъ монгольскимъ игомъ, стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь—органъ и орудіе ханской воли. Онъ дѣйствуетъ, распоряжается князьями во имя хана. Неповиновеніе ему — неповиновеніе ханской волѣ, за которымъ слѣдовало лишеніе княжескаго сана, самая смерть. Къ услугамъ великаго князя, ханскаго слуги, монгольскіе отряды противъ ослушниковъ. Странное явленіе! Монголы разрушаютъ удѣльную систему въ самомъ основаніи, возсоздаютъ политическое единство, словомъ дѣйствуютъ въ нашихъ интересахъ, сами того не подозрѣвая!

Но, какъ мы видѣли, они дѣйствовали отрицательно. Положительно воспользовались всѣми выгодами монгольскаго ига даровитые, умные, смышленые князья московскіе.

Около вѣка послѣ наложенія на насъ монгольскаго ярма, московскому князю, Іоанну Даниловичу Калитѣ, внуку Александра Невскаго, удалось добиться велико-княжескаго достоинства. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ небогатыхъ и несильныхъ князей: только восемь городовъ ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина черезъ столѣтіе выросла въ московское государство.

Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь-вотчинникъ, и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность. Въ немъ вполнѣ высказался этотъ новый типъ власти, смѣнившій прежнюю. Озабоченный одною цѣлью умножить свои вотчины и оставить большое наслѣдство дѣтямъ, Іоаннъ дѣйствуетъ очень искусно и пользуется всѣмъ,

чѣмъ можетъ. Обязанность сбирать ордынскую дань въ это время лежала на великомъ князѣ. Это представило Іоанну удобный случай обогатиться; онъ накупилъ много волостей и городовъ на Руси, собралъ большую казну и въ завѣщаніи всѣ свои имѣнія раздѣлилъ между женой и дѣтьми.

Когда онъ умеръ, нѣсколько князей искали велико-княжескаго достоинства, все еще на основаніи родового старшинства; но въ глазахъ хановъ права Симеона, сына Іоаннова, были лучше, дѣйствительнѣе. Его отецъ служилъ вѣрой и правдой; самъ онъ имѣлъ много денегъ и могъ въ Ордѣ дарить больше, нежели его соперники: лесть и золото доставили ему то, чего бы онъ никогда не добился другими путями.

Вотъ каковы были первые зачатки будущаго московскаго государства, обнявшаго всю Россію! Оно создается по новымъ началамъ. Московскіе князья прежде всего — неограниченные, наслѣдственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было велико-княжеское достоинство,—и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія великокняжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ,—и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между всѣми русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство—звукъ, не имѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ.

Такъ дѣйствовали всѣ московскіе великіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину. Каждый великій князь передавалъ свое достоинство старшему сыну. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное. Къ этому времени она уже слабѣла. Въ ней появились междоусобія, и нѣсколько хановъ соперничали между собою. Еще московскіе великіе князья пользовались этими враждами, чтобы болѣе утвердиться,—однако не долго. Вскорѣ открылась для нихъ возможность безъ опасенія сбросить личину покорности.

Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предыдущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей. Старшій великій князь не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ ними удѣлъ. Внутренніе раздоры и счеты между московскими князьями были неминуемы и обнаружились, когда образовались боковыя линіи, по прежнему предъявлявшія свои права на велико-княжеское достоинство по началамъ родового старшинства. Кровное начало очевидно мѣшало еще государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ—пожертвовать семьей государству: этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но не вдругъ. Чтобъ отвратить возможное соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну бо̀льшую часть, а прочимъ—меньшія. Кровные интересы начали мало-по-малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу московскаго великаго князя. Въ этомъ уже заключалась неясная мысль о государствѣ. Части братьевъ великаго князя становились все меньше. Братья Іоанна III получили только по три города; братья Василія Іоанновича не были даже самостоятельными удѣльными князьями, а простыми владѣльцами, подданными великаго князя. Удѣлы совершенно исчезаютъ, и когда разными неправдами Василій отнялъ удѣлъ у князя сѣверскаго,—послѣдній въ тогдашней Россіи,—какой-то юродивый бѣгалъ по Москвѣ съ метлой, говоря, что пора очистить государство отъ послѣдняго сору. И точно, удѣлы сдѣлались тогда анахронизмомъ, запоздалымъ остаткомъ прошедшаго.

Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни, но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, созданная московскими великими князьями,—нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она пред-

ставляетъ полное отрицаніе всѣхъ прежнихъ системъ, не въ однихъ явленіяхъ, но въ самомъ основаніи. Ярославова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины, дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ: держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи. Въ исторіи образованія московскаго государства не столько важно стѣсненіе и покореніе удѣловъ, принадлежащихъ не-московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличеніе части, оставляемой великому князю, и уменьшеніе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это — актомъ мысли, сознанія.

Такъ сначала въ государственной сферѣ происходитъ отрицаніе исключительно кровнаго, семейнаго начала, послѣдняго, самаго ограниченнаго круга кровнаго союза и кровныхъ отношеній. На сцену дѣйствія выступаетъ личность. Она не произвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленіе государства было вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности, слѣдовательно началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ основаннаго, общественнаго быта.

Но и личность, и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами. И та, и другая ими проникнуты. Типъ вотчино-владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣніями, лежитъ въ основаніи власти московскаго государя; изъ-за этого типа трудно разглядѣть ея новое, болѣе высокое значеніе. Московскій государь еще великій князь; онъ отчичъ, дѣдичъ, наслѣдственный господинъ своихъ владѣній. Области и государство—его вотчина; придворная служба преобладаетъ, и названіе *слуги* теперь почетный титулъ, жалуемый за заслуги. Подобно удѣльнымъ князьямъ—вотчинникамъ, онъ раздаетъ свои области въ кормленіе своимъ слугамъ. Долго сохраняются эти черты: до самаго Петра Великаго онѣ мало измѣняются, по крайней мѣрѣ снаружи. Но теперь рядомъ съ ними проступаютъ и другія—провозвѣстницы новаго. Съ Іоанна III московскіе государи принимаютъ титулъ *царя*, усвоиваютъ многія принадлежности власти византійскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регаліи, вѣнчаніе и помазаніе на царство; великокняжескій дворъ и придворныя церемоніи устроиваются по византійскому образцу. Самому ли Іоанну принадлежитъ первая мысль этихъ нововведеній, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софіей,— все равно. Они свидѣтельствуютъ, что прежнія формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенія московскаго государя. Изъ-подъ велико-княжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лицо, имѣющее свое физическое существованіе и самостоятельное, разумное значеніе. Образуется государственная территорія—не случайное соединеніе земель, а правильное органическое тѣло, имѣющее свою жизнь и свои потребности. Внѣшняя политика и дѣятельность московскихъ государей, войны и мирные трактаты, пріобрѣтенія земель, перестаютъ быть частнымъ дѣломъ и получаютъ высокое разумное значеніе. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинаетъ смѣнять начало холопства; является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ. Улучшенія внутренняго управленія, судопроизводства, обузданіе произвола кормленщиковъ, законодательство,—все это показываетъ, что въ московскомъ государствѣ подъ старыми формами развилось уже новое содержаніе.

Развитіе совершилось впрочемъ медленно. Въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подъ которыми появилось; все стало другимъ, однако сохраняло прежній видъ. Московское государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей исторіи— утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго,— эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена,—ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторіи, Іоаннъ IV и Петръ Великій: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и открываетъ другую. Раз-

дѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ, и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ Великій—какъ человѣкъ, по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у второго—воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столько загадочное лицо въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень не многіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни; о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ,—вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними—ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники: съ увѣренностью геніальнаго человѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды; но и характеръ самого Петра отлился въ суровую, жосткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывала его неутомимую дѣятельность.

Внутренній бытъ Россіи, передъ появленіемъ московскаго государства, въ главныхъ чертахъ мало измѣнился противъ прежняго. Кровныя начала, исчезнувшія въ политической сферѣ, продолжали жить и преобладать въ остальныхъ. Необходимость создать крѣпкое, прочное государство шла впереди, торопила событія и рано обнаружила несостоятельность кровныхъ началъ въ политической жизни. Но въ гражданской сферѣ они не подвергались такой строгой критикѣ и могли жить спокойно, не тревожимыя ничѣмъ; они и жили, какъ будто разсчитывая на безконечное существованіе.

Древняя до-Іоанновская Русь представляется погруженною въ родственный бытъ. Глубокихъ потребностей другого порядка вещей не было, и откуда имъ было взяться? Личность—единственная плодотворная почва всякаго нравственнаго развитія, еще не выступала; она была подавлена кровными отношеніями. Были, конечно, нѣкоторыя важныя реформы: христіанство и церковь пересоздали семейный бытъ, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и замѣнили денежнымъ вознагражденіемъ, сперва въ пользу обиженнаго или его родственниковъ, потомъ вирой въ свою пользу. Они установили уголовныя наказанія, неизвѣстныя древней Руси. Но такихъ реформъ было не много. Общины, города и волости,

по прежнему, не имѣли никакого правильнаго общиннаго устройства и потеряли то временное политическое значеніе, которое получили было. Въ нихъ сохранялся старинный славянскій общинный бытъ, развившійся изъ исключительно-родственнаго. Только теперь надъ ними тяготѣла произвольная, корыстолюбивая власть княжескихъ областныхъ правителей-кормленщиковъ, которые владѣли ими, какъ своими вотчинами, управляли сами и посредствомъ своихъ слугъ, и такъ разоряли, что князья многимъ общинамъ дали, въ видѣ изъятія и милости, жалованныя несудимыя грамоты, которыми онѣ освобождались отъ подвѣдомственности правителямъ. Подлѣ общинъ существуетъ множество отдѣльныхъ родовъ. Большею частью они находились въ службѣ у другихъ родовъ, или князей, и были безконечно-различны по богатству и знатности. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, княжескія фамиліи также низошли въ разрядъ служилыхъ родовъ. Теперь всѣ эти роды стали служить московскому государю. Одни непосредственно окружили его, сдѣлались его приближенными; прочіе стали ниже въ извѣстной постепенности. Такъ сложилась лѣствица родовъ, которой низшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола. Общихъ интересовъ, которые могли бы соединить эти роды въ одно цѣлое и создать сословіе, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преслѣдуя свои исключительно родовые интересы. Стать выше другихъ родовъ, по крайней мѣрѣ не уступить первенства низшимъ, не потерять своей *родовой чести*,— вотъ что́ прежде всего сосредоточивало на себѣ все ихъ вниманіе и часто производило между ними непріязненныя столкновенія. Перенеся въ службу родовыя понятія и стремленія, они должны были, рано или поздно, встрѣтиться лицомъ къ лицу, съ государствомъ, котораго живымъ представителемъ былъ теперь царь; ибо для нихъ служба была внѣшнимъ выраженіемъ ихъ родовыхъ преимуществъ; они старались подчинить ее законамъ родоваго старшинства, сдѣлать орудіемъ своихъ частныхъ интересовъ. Не такъ понимали ее московскіе государи. Они требовали отъ своихъ слугъ полнаго, безусловнаго повиновенія; они хотѣли видѣть въ нихъ гибкіе органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды—начало родовое. Царь посылалъ на службу двоихъ, одного старшимъ, другого младшимъ, по своимъ разсчетамъ; а младшій отказывался служить, говоря, что по родовымъ онъ старше, и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страхъ смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь изъ двухъ: или всѣ служилые роды замѣнить людьми неродословными, или при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ законами родоваго и служебнаго старшинства. Первое было невозможно; оставалось согласиться на послѣднее. Такъ раздача мѣстъ, назначеніе въ должности не зависѣли отъ безусловной воли царя. Ему хотѣлось назначить лучшаго, достойнѣйшаго, а онъ назначалъ по необходимости старшаго. Мало-по-малу важнѣйшіе государственные чины и званіе члена царской думы сдѣлались исключительною принадлежностью извѣстныхъ родовъ; другимъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ. Правда, царь могъ давать чины кому хотѣлъ; но съ высшими чинами естественно были соединяемы и высшія должности въ государствѣ. Если высшій чинъ, а вмѣстѣ и высшая должность были даны человѣку незнатнаго рода, всѣ прочіе знатные родичи, которымъ достались относительно низшія, отказывались служить. Черезъ это цари были вынуждены жаловать въ высшіе чины однихъ родословныхъ людей. Въ царской думѣ засѣдали одни высшіе сановники — бояре и окольничіе; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочіе, несмотря ни на какія личныя качества, не могли сдѣлаться ея членами.

Государство не могло ужиться рядомъ съ этими домашними, частными, кровными интересами, которые въ лицѣ безграничныхъ областныхъ правителей и служилыхъ родовъ связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и дѣйствовать. Рано вступило оно съ ними въ борьбу и довершило въ администраціи побѣду надъ удѣлами и кровнымъ началомъ, которая еще прежде была одержана въ болѣе широкой, политической сферѣ. Уже Іоаннъ III получилъ названіе „Грознаго“ за строгое обращеніе съ вельможами. Для обузданія произвола областныхъ правителей онъ издалъ *Судебникъ*, которымъ установилъ судопроизводство и ве-

личину пошлинъ. Есть даже извѣстіе, что онъ первый завелъ окладныя книги, которыми опредѣлилъ доходы правителей съ областей. Но никто ни прежде, ни послѣ, до самаго Петра Великаго, не дѣйствовалъ такъ энергически противъ вельможъ и областныхъ правителей, угнетавшихъ народъ, какъ Іоаннъ IV. Не знаемъ, до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ заговоровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ исчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и не радѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства правителей и ихъ слугъ. Іоаннъ предпринимаетъ рѣшительныя, коренныя реформы и надѣется осуществить ихъ посредствомъ двухъ органовъ, враждебныхъ вельможеству, и слѣдовательно наилучшихъ для его цѣлей: людей худородныхъ, въ особенности *дьяковъ*, грамотныхъ, знающихъ порядокъ управленія, но большею частью низкаго званія и потому не достигавшихъ до высшихъ степеней,—и общинъ, которыя страдали отъ произвола правителей. Сначала Іоаннъ отдѣлилъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его въ исключительное завѣдываніе выборныхъ отъ общинъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ). И тѣ и другіе существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значеніе, котораго не имѣли. Потомъ въ 1550 году онъ издалъ Судебникъ. Въ немъ гораздо подробнѣе, нежели при Іоаннѣ III, опредѣлены были порядокъ суда, пошлины, нѣкоторыя части гражданскаго управленія, и власть областныхъ правителей еще болѣе ограничена: старосты и цѣловальники получили участіе въ гражданскомъ судѣ; безъ нихъ правители не могли судить никакихъ тяжбъ и исковъ, не могли сажать въ тюрьму жителей общинъ; даже раскладки и сборъ податей и повинностей предоставлены выборнымъ; такимъ образомъ разорительное вмѣшательство областныхъ правителей и ихъ людей должно было прекратиться. Впослѣдствіи и сборъ всѣхъ особливыхъ царскихъ доходовъ порученъ выборнымъ отъ общинъ. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть надъ областями: внутренній распорядокъ отданъ въ руки выборныхъ. Но недовольный еще этими мѣрами и видя, что злоупотребленія и угнетенія продолжались, Іоаннъ наконецъ совсѣмъ уничтожилъ областныхъ правителей и все мѣстное управленіе отдалъ въ полное завѣдываніе самихъ общинъ, подчинивъ ихъ непосредственно московскимъ приказамъ. Остались намѣстники въ однѣхъ пограничныхъ областяхъ, но къ нимъ были, кажется, приставлены дьяки, ибо послѣ Іоанна мы находимъ уже при намѣстникахъ дьяковъ. Эти дьяки должны были наблюдать за дѣйствіями намѣстниковъ, сами принимали участіе въ управленіи и обо всемъ доносили царю.

Таковы были реформы Іоанна въ областномъ управленіи: но еще важнѣйшія предприняты имъ въ государственномъ устройствѣ. Цѣль ихъ та же: сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству. Всѣ главныя отрасли управленія ввѣрены дьякамъ: они завѣдывали приказами; вельможи почти отстранены отъ гражданскихъ дѣлъ, и за то ненавидѣли Іоанна. Еще Дума находилась въ ихъ рукахъ; они одни были ея членами; Іоаннъ и въ нее вводитъ новое начало *личнаго* достоинства. Подъ названіемъ *думныхъ дворянъ* онъ сажаетъ въ Думу людей незнатнаго рода, имъ самимъ избранныхъ: при ея не-коллегіальномъ устройствѣ они не могли не имѣть важнаго вліянія на ея рѣшенія. Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными: онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ заднихъ мыслей и частныхъ разсчетовъ. Въ 1565 году онъ установилъ *опричнину*. Это учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ, не внушено Іоанну—какъ думаютъ нѣкоторые — желаніемъ отдѣлиться отъ русской земли, противопоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ.

Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество,—на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущѣе въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы: общественнаго духа въ нихъ не было, потому что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что́ было въ немъ великаго и благороднаго,—и мстилъ страшно. Онъ умеръ. Современники его прокляли. Конечно не всѣ: повѣрья, которыя и теперь еще ходятъ о немъ въ простомъ народѣ, доказываютъ это. Потомство не воздало ему должнаго, даже не пожалѣло о немъ. А ученые и писатели—они повторяли слова современниковъ, которые кричали громче другихъ. Только одинъ его понялъ—великій преемникъ его начинаній, которому суждено было довершить его дѣло и благословить Россію на новый путь.

Послѣ Іоанна IV всѣ его реформы или рушились, или потеряли смыслъ. Нѣкоторыя исчезли еще при немъ; такъ при немъ исчезло раздѣленіе на опричнину и земщину; появились опять намѣстники въ областяхъ. Послѣ него чинъ думнаго дворянина обратился въ обыкновенный чинъ, который жаловался и знатнымъ родичамъ. Старосты и цѣловальники въ значеніи, которое придалъ имъ Іоаннъ, исчезли, мы даже не знаемъ когда; они удержались только въ уголовномъ управленіи и собирали нѣкоторые доходы царской казны, да то было не привилегія, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформахъ, о необходимости улучшить внутренній бытъ, не исчезла. Уже при сынѣ и преемникѣ Іоанна она выразилась въ законодательной мѣрѣ, которой настоящій смыслъ не понятъ, потому что на нее до сихъ поръ смотрятъ съ теперешней, а не съ тогдашней точки зрѣнія. Въ 1592 году переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто были запрещены; сельское народонаселеніе прикрѣплено къ землѣ. Съ юридической точки зрѣнія это событіе необъяснимо; но на него и не должно такъ смотрѣть. Въ древней Россіи не было юридическаго быта: личность въ гражданской сферѣ сама по себѣ ничего не значила. Оно было вызвано цѣлями политическими, административными и полицейскими. Еще до Іоанна IV по многимъ причинамъ усилилось въ Россіи бродяжничество; право, основанное на обычаѣ, переходить съ земли на землю, при тогдашней грубости, необразованности, его усиливало. Привыкнувъ къ скитальческой жизни, многіе шли на разбой и воровство (татьбу); появились цѣлыя шайки лихихъ людей, отъ которыхъ не было покоя жителямъ. Сверхъ того обычай переходить породилъ между землевладѣльцами другой обычай—переманивать крестьянъ съ чужихъ земель на свои, обѣщая выгоды и льготы. Богатые воспользовались имъ въ ущербъ бѣдныхъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ, или, правильнѣе, Борисъ Годуновъ, хотѣлъ пресѣчь и то и другое зло въ самомъ основаніи, и запретилъ переходы; окончательное ихъ уничтоженіе относится къ царствованію Шуйскаго. Вслѣдствіе совершенной юридической неопредѣленности древняго русскаго быта, за уничтоженіемъ переходовъ послѣдовало постепенное смѣшеніе двухъ сословій, до того совершенно различныхъ: холопскаго и крестьянскаго. Сливаясь, они воздѣйствовали одно на другое; многія положенія, относившіяся сначала къ однимъ холопямъ, перенесены и на крестьянъ. Удержались неважныя, чисто-формальныя историческія различія, болѣе и болѣе терявшія смыслъ.

Вскорѣ потомъ наступила эпоха внутреннихъ смутъ, неустройствъ и волненій. Ими начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ слу-

чаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ. Какъ море, Россія взволновалась и улеглась, не сохранивъ въ своемъ общественномъ устройствѣ никакихъ слѣдовъ недавней бури: очевидно, время умственнаго и нравственнаго развитія еще не наступало. Оттого вся эта эпоха вообще болѣе относится къ политической, нежели къ внутренней исторіи Россіи. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла въ жизнь: Россія сама встала на свою защиту во имя вѣры и Москвы, тогдашняго государственнаго центра нашего отечества.

Когда новая династія вступила на престолъ и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи. Попрежнему поприще ея—администрація, управленіе; но теперь она совершается тихо, медленно. Побѣда государства обозначается цѣлымъ рядомъ постепенныхъ законодательныхъ реформъ, которыя идутъ, не прерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Іоаннъ IV ненавидѣлъ и боялся своихъ враговъ и оттого придалъ борьбѣ страстный, кровавый характеръ. Московскіе государи XVII вѣка ихъ уже не страшатся. Они какъ будто предчувствуютъ ихъ необходимое уничтоженіе и подготовляютъ его исподволь, косвенными мѣрами.

Алексѣй Михайловичъ обходитъ Думу и всѣ важнѣйшія дѣла дѣлаетъ посредствомъ подъячихъ Тайнаго приказа. Мѣстническіе споры становятся мало-по-малу безвредными для государства. Оно ихъ преслѣдуетъ, какъ ослушаніе царской воли, или откладываетъ. Наконецъ въ 1682 году Ѳеодоръ Алексѣевичъ соборнымъ постановленіемъ уничтожилъ ихъ совсѣмъ. И такъ, къ временамъ Петра Великаго отъ родового вельможества удержались только наслѣдственность важнѣйшихъ чиновъ и Боярская дума, послѣдняя уже почти безъ всякаго государственнаго значенія; но и онѣ съ учрежденіемъ сената и введеніемъ табели о рангахъ исчезли навсегда.

Областные правители были ограничены и стѣснены. Многіе доходы ихъ, особливо отъ суда и управленія, стали доходами государства. При Алексѣѣ Михайловичѣ областные правители изъ намѣстниковъ стали воеводами. Ихъ право управлять областями посредствомъ своихъ людей исчезаетъ; мѣсто послѣднихъ заступаютъ приказные люди. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича воеводамъ придаются выборные отъ дворянъ. Сверхъ того многими законами воеводы поставлены въ совершенную административную зависимость отъ московскихъ приказовъ, обязаны были давать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, перестали быть неограниченными владѣльцами управляемыхъ областей. Характеръ кормленщиковъ они удержали еще за собою, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства.

Но не только въ административной сферѣ уходилъ и изглаживался прежній порядокъ вещей, когда-то исключительно правившій внутреннею жизнью Россіи: онъ упадалъ и разрушался даже въ гражданскомъ быту; и въ немъ стало высказываться начало личности. Юридическія отношенія начали брать верхъ надъ кровными, родственными. Прежде порядокъ наслѣдованія, имущественныя и личныя отношенія между членами семей и родовъ опредѣлялись однимъ обычаемъ, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться въ посредничествѣ государства; оно устанавливаетъ ихъ и охраняетъ страхомъ наказаній. Появляется порча общественныхъ нравовъ—естественная и необходимая спутница всѣхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ порядокъ вещей смѣняется, но еще не смѣнился другимъ. Напрасно будемъ мы искать причину этой видимой перемѣны въ постороннихъ вліяніяхъ—татарскомъ игѣ и внутреннихъ смятеніяхъ начала XVII вѣка. Нельзя отрицать этихъ вліяній, но они всего не объясняютъ: грубая, неразвитая и непризнанная личность искала простора; въ тѣсномъ кругу преобладающихъ кровныхъ отношеній ей становилось душно; они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами. И безъ всякихъ постороннихъ вліяній она, рано или поздно, предъявила бы свои права и въ частномъ, общественномъ быту, какъ прежде предъявила ихъ въ политическомъ и государственномъ. Законъ жизни былъ одинъ: и явленія были одинаковы.

III.

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ

ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія, были первые зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней чего она не дала и не могла дать—равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ не историческій, слѣдовательно непремѣнно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи—сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ съ неподражаемою подробностью, а потомъ рѣшитъ—безъ апелляціи. Намъ остается только вглядѣться въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непремѣнно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лицо было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ *форма*, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояли, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъподъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не сознавала значе ія, которое она получила, и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ, вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ: лицо должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благодѣтельно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ, и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно, разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ не связанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвела на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно формулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе, они важны, характеризуя состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны, по своему совершенно субъективному смыслу.

Во первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ. Кто не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обы-

чаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно, это правда. Но чтобы вывесть изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженныя самыми невыгодными условіями.—Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда—страшная недавняя старина!—дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственнаго урода, изверга, не знавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ—въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбѣжно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сторонъ жизни она коснулась какъ будто мимоходомъ, и то большею частью тамъ, гдѣ онѣ соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи—безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподоволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, разсчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимою бездной, ничѣмъ не наполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой—амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго — лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ—объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало по малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона—двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ не-

занныя между собою Франціи. Вглядываясь
событія, мы видимъ, что прежнее есте-
еннымъ порядкомъ выродилось въ новое,
ъ они ни различны между собою. Такъ и
асъ было.

Междоумками мы точно стали, но не во
мя реформы и не вслѣдствіе реформы.
омните людей временъ Елизаветы, Ека-
ины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ
характерности, въ неопредѣленности. Всѣ
носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что
почти съ перваго взгляда можно узнать.
ибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку,
не могли бы быть такими. Да и смотрѣли
преобразованія предки наши XVIII вѣка
сѣмъ другими глазами, нежели мы теперь.
понимали реформу совершенно практи-
ки, брали съ бытовой, живой стороны.
ъ и въ голову не приходила мысль, что
можетъ лишить насъ народности, ото-
ть отъ прошедшаго. Себя они считали
скими, такими же, какими были ихъ пред-
XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были
скіе, для которыхъ настало время здра-
о смысла, не стѣсненнаго историческими
даніями. Недоумками мы сдѣлались уже
лѣ, когда эпоха преобразованій начала
ходить къ концу, стало слагаться обще-
о и родилось безсознательное требованіе
остоятельности мысли и дѣйствій.—Тогда
прошедшему, настоящему и будущему мы
ступили съ вопросами. То, что̀ прежде
о собой разумѣлось, теперь представилось
ачей, требующей еще разрѣшенія. Все
ло предметомъ критики, сужденій, и пока
ультаты этой критики не обнаружились,
выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣ-
и нерѣшительность поразили умъ и дѣя-
ьность. Но это было явленіе новое ва Рос-
не слѣдствіе реформы, а необходимая
людія къ другому порядку вещей, кото-
тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи
образованій состоитъ въ томъ, что она,
то бы, лишила насъ народности и без-
овно подчинила европейскому вліянію.
ъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова
родность", частью отъ отвлеченнаго взгля-
на русскую исторію.

Національность, народность въ разныя
хи развитія имѣютъ у одного и того же
рода разныя значенія. Сначала, когда на-
ъ пребываетъ въ непосредственномъ, при-
номъ состояніи, народность въ его гла-
захъ неразрывно связана съ внѣшними фор-
мами его существованія: иначе и быть не
можетъ, ибо другого существованія онъ не
знаетъ и представить себѣ не въ силахъ.
Для него перемѣна формъ есть и утрата
народности; онъ не узнаетъ себя подъ дру-
гою внѣшностью. Иванъ Берсень говорилъ
еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго
измѣняются обычаи, не долго стоять, и, по
понятіямъ тогдашней Руси, онъ былъ правъ.
Но когда народъ начинаетъ жить болѣе ду-
ховною жизнью, и слово „народность" одухо-
творяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ
разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы,
но выражаетъ имъ особенность народной
физіономіи;—это нѣчто неуловимое, непере-
даваемое, на что̀ нельзя указать пальцемъ,
чего нельзя ощупать руками, чисто духов-
ное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ дру-
гого, несмотря на видимое сходство и без-
различіе. Словомъ, національность становится
выраженіемъ особенности нравственнаго, а
не внѣшняго, физическаго существованія
народа. Съ бо̀льшимъ сближеніемъ различ-
ныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухо-
творяется, отрѣшается отъ внѣшняго, слу-
чайнаго, въ сущности безразличнаго: исчез-
нуть она не можетъ, пока не исчезнетъ самъ
народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность
сильно тронулась; въ высшихъ классахъ об-
щества она почти совсѣмъ исчезла. Но за-
мѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а
раньше, гораздо раньше, еще съ начала мо-
сковскаго государства. Оно внесло въ нашу
народную жизнь первые зачатки нравствен-
наго существованія, развившіеся потомъ; оно
впервые посягнуло и на нашу народность, въ
тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова.
Москва—первоначальница нашего не-націо-
нальнаго развитія. Многимъ это покажется
теперь страннымъ, но оно дѣйствительно
такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли
своей народности; нельзя указать ни на одну
минуту въ нашей исторической жизни, начи-
ная съ какого угодно времени, въ которую
бы мы перестали быть русскими и славя-
нами, потому что это совершенно, математи-
чески невозможно: *мы* всегда будемъ *мы*, и
никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы
тотчасъ же исчезнемъ съ лица земли, переста-
немъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или

почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступала. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. Допрашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа, со всѣми особенностями, перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ же похожа на остальныя европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? Оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другого, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ *иностранное*, вмѣсто *русскаго*. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что̀ изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что̀ имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. Наконецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда русскіе и что̀ было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразованій, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность: объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное—все сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого же цѣлостнаго, живого дѣйствованія еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому что прежніе источники дѣйствованія изсякли. Живой духъ эпохи исчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда-то появилось у насъ противоположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или во что бы то ни стало по-европейски. Требованіе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя воедино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже безсмысліе и апатія. Такимъ образомъ настоящій смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣніями и натяжками съ обѣихъ сторонъ, потому что ее подводили подъ извѣстныя, односторонніе точки зрѣнія, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ исчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о *человѣкѣ* и его требованіяхъ. Что̀ эпоха преобразованій сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя гранѝцы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣніе, не стѣсняемое никакими предразсудками, прирожденными или выдуманными ненавистями. Можетъ

, мы оттого и начинаемъ питать такія окія симпатіи къ Петру Великому. На омъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же гѣ.

такъ, внутренняя исторія Россіи—не без-зная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не анныхъ фактовъ. Она, напротивъ,—строй-органическое, разумное развитіе нашей и, всегда единой, какъ всякая жизнь, а самостоятельной, даже во время и ѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исклю-льно національные элементы, мы вышли изнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ тѣмъ были и прежде—русскими славя-. У насъ не было начала личности: древ-русская жизнь его создала: съ XVIII вѣка стало дѣйствовать и развиваться. Оттого и такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо шенно другимъ путемъ она къ этому вре-вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши ю личности до нельзя, во всѣхъ его ическихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ дѣленіяхъ, она стремилась дать въ граж-комъ обществѣ просторъ *человѣку*, и не-давала это общество. Въ ней наступалъ новый порядокъ вещей, противополож-прежнему, историческому, въ тѣсномъ тѣ національному. А у насъ вмѣстѣ съ ломъ личности человѣкъ прямо высту-на сцену историческаго дѣйствованія, му что личность въ древней Россіи не ствовала, и слѣдовательно не имѣла ни-къ историческихъ опредѣленій. Того и ого не должно забывать, говоря о заим-аніи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣ-ы заимствовали у Европы не ея исклю-льно національные элементы; тогда они исчезли или исчезали. И у ней и у насъ шла тогда о *человѣкѣ*: сознательно или знательно—это все равно. Бо́льшая раз-ть, высшая степень образованія, боль-сознательность была причиной, что мы учиться у ней, а не она у насъ. Но е измѣняетъ ничего въ сущности. Ев-боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка: мы боролись и боремся съ отсут-ствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами: у насъ онъ вовсе не жилъ, и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ преды-дущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама ужъ не вѣритъ, или надѣяться, что мы переда-димъ ей свои — древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились, значитъ не понимать ни новой европейской, ни новой русской исто-ріи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предыду-щимъ, думая только о настоящемъ и буду-щемъ.

Такой взглядъ объясняетъ много загадоч-ныхъ явленій въ нашей внутренней жизни. Понятнымъ дѣлается, почему не было и нѣтъ у насъ сословій, какъ въ Европѣ; почему нашъ гражданскій бытъ и устройство, сход-ные съ европейскими въ частностяхъ, совер-шенно не сходны въ общемъ; отчего мы европейскія формы предпочли всѣмъ про-чимъ, не заимствуя однако тѣхъ, которыя исключительно принадлежатъ къ ея прошед-шему и отъ него удержались; отчего въ насъ такъ много удивительно хорошаго и, рядомъ съ тѣмъ, такъ много удивительно дурного, отчего такая странная распущен-ность, безсвязность, случайность царствуютъ во всемъ, что̀ ни дѣлаемъ, что̀ ни предпри-нимаемъ; отчего... но всего не пересчи-таешь.—Читатель, занимаясь русской исто-ріей или думая о своей жизни, самъ увидитъ, что въ нашемъ взглядѣ есть большая доля правды.

Москва.
23 февраля, 1846 года.

(Современникъ, 1847, кн. I).

ОТВѢТЪ „МОСКВИТЯНИНУ“.

Во второмъ нумерѣ „Москвитянина“, въ статьѣ г. М. З. К. [1]) подъ заглавіемъ: „о мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ“, помѣщенъ подробный разборъ моей статьи: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, напечатанной въ 1 № „Современника“. Тонъ критики, кажущаяся дѣльность возраженій, послѣдовательность взгляда,—все налагаетъ на меня обязанность отвѣчать. Г. М. З. К. удостоилъ мою статью прочтеніемъ, слѣдовательно на этотъ разъ споръ возможенъ...

Признаюсь, авторъ критики поставилъ меня въ затруднительное и неловкое положеніе. Въ моей статьѣ я отстаивалъ необходимость теоріи для русской исторіи; это была основная мысль, заставившая меня взяться за перо. Критика г. М. З. К. показала весь вредъ, происходящій отъ теоретическаго воззрѣнія, и мнѣ какъ будто приходится опровергать себя. Постараемся объяснить это очевидное недоразумѣніе.

Что такое теорія? Опредѣленіе и изложеніе законовъ, по которымъ данный предметъ живетъ и измѣняется. Значитъ, теорія русской исторіи есть обнаруженіе законовъ, которые опредѣлили ея развитіе. Но жизнь народа есть органическое цѣлое, въ которомъ измѣненія происходятъ послѣдовательно и по внутреннимъ причинамъ; все въ ней условлено одно другимъ, такъ что настоящее есть послѣдовательный результатъ прошедшаго, прошедшее естественно переходитъ въ настоящее; поэтому, когда мы думаемъ, что въ народной жизни лучшее смѣняется очевидно худымъ и неудовлетворительнымъ, мы жестоко себя обманываемъ: это лучшее только кажется намъ такимъ; ближе его разсматривая, мы замѣтимъ въ немъ тѣ органическіе недостатки, которые величайшій критикъ и физіологъ—дѣйствительная жизнь—открываетъ гораздо прежде ученыхъ изслѣдованій и обнаруживаетъ практически, уничтожая это лучшее и замѣняя его другимъ—недостаточнымъ для насъ, потому что мы стремимся впередъ, но лучшимъ сравнительно съ тѣмъ, что имъ упразднено. Этому измѣненію сужденій объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, поправкѣ, такъ сказать, этихъ сужденій чрезвычайно способствуетъ теорія. Обнимая однимъ взглядомъ цѣлое, указывая безпрестанно на единство въ самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ явленіяхъ, она заставляетъ на каждомъ шагу сравнивать, повѣрять фактъ фактомъ, выводъ выводомъ, и открывать новыя стороны въ одномъ и томъ же предметѣ; такъ слагается наконецъ мѣрило для фактовъ, лежащее внѣ личныхъ пристрастій и предубѣжденій, условленныхъ вліяніемъ окружающей среды. Возможность въ одно и тоже время судить историческое явленіе на основаніи прошедшаго и чаемаго будущаго расширяетъ кругъ зрѣнія, рождаетъ многосторонній взглядъ на предметъ, освобождаетъ отъ исключительности, легко переходящей въ ограниченность. Все это плоды теоретическаго взгляда, и въ этомъ его заслуга; ибо если онъ не исчерпываетъ предмета, то во всякомъ случаѣ заставляетъ о немъ думать, его изслѣдовать.

Не такъ понимаетъ теорію авторъ критики, г. М. З. К.: у него она слагается не изъ наблюденій надъ внутреннимъ процессомъ предмета, а изъ идеаловъ, конечно прекрасныхъ, благородныхъ, но, къ сожалѣнію, покуда нигдѣ и никогда еще не воплотившихся. Не замѣчая этого, онъ ревностно отыскиваетъ ихъ въ русской исторіи и—что мудренаго—съ помощью добросовѣстнаго злоупотребленія фактовъ, находитъ. Онъ до того погруженъ въ свою мысль, что не слышитъ вопіющаго противъ него голоса дѣйствительности, не видитъ вещей самыхъ простыхъ, осязательныхъ, даже не замѣчаетъ, что его возвышенные идеалы оскорбительно несправедливы. Такихъ теорій нельзя не отвергать,—и вотъ объясненіе недора-

[1]) Ю. Ѳ. Самарина.

зумѣнія, о которомъ мы говорили выше. Постараемся доказать это.

Взглядъ автора существенно вотъ въ чемъ заключается: начало личности, предоставленное самому себѣ и развиваемое романо-германскимъ міромъ, лишено любви, и потому порождаетъ ассоціацію, а не общину. Въ настоящее время западная Европа живо почувствовала односторонность, неудовлетворительность этого начала, и въ лицѣ своихъ „передовыхъ мыслителей“ остановилась передъ общиной, которая для него существуетъ лишь какъ абстрактная формула, требованіе. Что же такое община? Такое общество, или общежитіе, въ которомъ царитъ абсолютный законъ, родовая норма личности, но вслѣдствіе сознательнаго и свободнаго подчиненія ей всѣхъ индивидуумовъ, его составляющихъ. Община въ этомъ значеніи была и есть сущность, внутренняя основа славянскаго племени. Такъ какъ развитіе этого начала стоитъ теперь на очереди въ исторіи и есть задача славянскаго міра, то къ нему уже и обратились лучшіе европейскіе умы съ сочувствіемъ и ожиданіемъ. Читатели могутъ подумать, что я преувеличилъ, если можно такъ выразиться, мнѣнія г. М. З. К. и сдѣлалъ ихъ невѣроятными. Вотъ его подлинныя слова.

„Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то есть до начала абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя, потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій“ (стр. 172).

„Западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины. Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею: въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною“.

„Общинный бытъ Славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія“ (стр. 173).

„Что касается до насъ, то признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ начало разобщающее обратится въ противоположное начало приниженія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ?“ (стр. 146 и 147).

„Если вы скажете, что можно дойдти до утомленія, до сознанія практической пользы и даже необходимости ограничить разгулъ личности, то мы замѣтимъ вамъ, что такого рода сознаніе, какъ результатъ самыхъ разнородныхъ и все-таки личныхъ потребностей, не выведетъ изъ круга развитія личности. Наприм., бѣднякъ почувствуетъ необходимость взять у богатаго кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; положимъ даже, что богатый почувствуетъ съ своей стороны необходимость уступить что-нибудь бѣдному, чтобы не довести послѣдняго до отчаянія и не потерять всего; положимъ, что они сойдутся и съ общаго согласія постановятъ какой бы то ни было порядокъ. Этотъ порядокъ, для того и для другого, будетъ отнюдь не абсолютнымъ человѣческимъ закономъ, а только удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію личнаго благосостоянія. Представится другое средство, они за него ухватятся, и будутъ правы; ибо, уступая внѣшней необходимости, личность ограничивала себя въ пользу себя самой. До идеи человѣка мы все-таки не дошли и не дойдемъ. И такъ на личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего, можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіею; но абсолютной нормы, закона безусловно общественнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности, путемъ логики, вывести нельзя; слѣдовательно не выведетъ его и исторія. Наконецъ, откуда бы оно ни пришло, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни явилось, вы должны сознаться, что передъ нимъ личность утратитъ свое абсолютное значеніе; другая власть, отъ нея независящая, не ею созданная, воцарится надъ личностью и ограничитъ ее. Мѣрило личности будетъ уже не въ ней самой, а внѣ ея; оно получитъ объективное, самостоятельное значеніе, въ совпаденіи съ нимъ личность найдетъ свое оправданіе, въ отступленіи отъ него—свое осужденіе. Вы скажете, что это мѣрило не должно быть навязано, что личность, признавая въ немъ свой собственный идеалъ и подчиняясь ему, совершитъ актъ свободы, а не рабства; такъ,—и слѣдовательно личности предстоитъ одно назначеніе: познать свою родовую норму, свой законъ. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующимъ. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознаніе и закона и своего несовершенства, своей неправоты передъ нимъ; а это сознаніе несовмѣстно съ чувствомъ неограниченнаго полновластія личности и ея значенія какъ мѣрила для всего“ (стр. 147 и 148).

Я сказалъ въ своей статьѣ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Г. М. З. К. говоритъ:

„Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хоть одно слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности

жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство. Нѣтъ; общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко закрыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить" (стр. 158).

„Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью — другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и позднѣе епархіальномъ; наконецъ единая обнимающая всю Россію государственная община,—послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ; но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе. Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (н. п. княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городовое и князь. Вѣче земское или дума и царь. Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности. Положимъ, взаимныя отношенія князей предопредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ. Почему община не можетъ обойтись безъ него; какому требованію, глубокому, существенному духа народнаго онъ отвѣчаетъ, если не требованію сочувствія къ страждущей личности, состраданія, благоволенія и свободной милости? Признавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго полновластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала" (стр. 159 и 160).

„Идеалъ Новогородскаго быта, къ которому онъ стремился—можно опредѣлить какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Иногда оно осуществлялось, не на долго, и эти рѣдкія минуты представляютъ апогей быта Новогородскаго. Таково напр. княженіе Мстислава, его прибытіе въ Новгородъ, его подвиги и прощаніе съ Новгородцами. Въ грамотахъ Новогородскихъ значеніе князя опредѣляется отрицательно: не дѣлай того, не заводи другого. Положительныя требованія заключались въ живомъ сознаніи всей земли; ихъ нельзя было уписать въ пяти строкахъ. И такъ элементы будущаго государственнаго устройства, міръ и личность, существовали въ Новѣгородѣ, и вся Новогородская исторія выражала стремленіе къ ихъ соглашенію. А почему Новгородъ не возвелъ ихъ въ правильную государственную форму, тому причина простая. Новогородская земля была часть русской земли, а не вся Россія; государство же должно было явиться только какъ юридическое выраженіе единства всей земли" (стр. 164 и 165).

„Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его, нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его—вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: „снидошася вси любовь". Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и балотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему" (стр. 165).

Кажется, эти выписки достаточно меня оправдываютъ; воззрѣніе дѣйствительно невѣроятное—только не по моей винѣ: вся честь парадоксальности посылокъ, неестественности пониманія и произвольности выводовъ нераздѣльно принадлежитъ г. М. З. К. А что его посылки парадоксальны, пониманіе не естественно, выводы произвольны—это видно изъ самаго поверхностнаго разбора его „теоріи".

Во-первыхъ, авторъ думаетъ, что ассоціація, результатъ исключительнаго развитія начала личности—ложная, неудовлетворительная форма общественности, въ которой человѣкъ не можетъ выйти изъ очарованнаго круга исключительнаго опредѣленія личности и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Этой формѣ противополагается община, гдѣ господствуетъ абсолютный законъ, родовая норма личности, передъ которой всѣ добровольно и сознательно „принижаются". Требованіе прекрасно; но я бы попросилъ г. М. З. К. высказать мнѣ эту родовую норму личности, этотъ абсолютный законъ. Правда или нѣтъ, что она различна у одного и того же народа въ разныя эпохи? Какъ въ человѣкѣ измѣняется сознаніе о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, такъ и въ народѣ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Если это справедливо,—исканіе абсолютной нормы личности есть исканіе философскаго камня или той блаженной, но нигдѣ небывалой земли, гдѣ люди—воплощенные ангелы, незнающіе ни зла, ни законовъ. Абсолютный законъ — идеалъ, создаваемый въ разное

время разными народами и лицами различно, и выдвигаемый ими впередъ какъ цѣль, къ которой должно стремиться, а у восточныхъ, младенствующихъ и въ переходномъ состояніи находящихся народовъ отодвигаемый назадъ, какъ утраченное, предметъ вѣчныхъ скорбныхъ воспоминаній. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ о новой фазѣ развитія и сознанія и есть достояніе и плодъ исторіи. Этихъ идеаловъ было столько, и такъ они различны, что наконецъ нельзя было не усомниться въ абсолютной истинности, не напасть на мысль объ ихъ историческомъ или, если хотите, физіологическомъ значеніи для человѣчества. Затѣмъ осталось одно общее понятіе о добрѣ и злѣ, которому невозможно дать абсолютной формы, ибо оно неизбѣжно формулируется извѣстнымъ историческимъ образомъ, слѣдственно не абсолютно. Можетъ быть впрочемъ авторъ не принимаетъ и развитія въ исторіи человѣчества, какъ онъ не признаетъ многаго, что однако несомнѣнно: въ такомъ случаѣ намъ нечего дѣлать, ибо о бѣломъ и черномъ не спорятъ. Пусть насъ разсудятъ читатели, для которыхъ я и отвѣчаю моему критику.

Возьмите тотъ же вопросъ съ другой стороны. Г. М. З. К. знаетъ, какъ разнообразны требованія людей, составляющихъ всякое общество. Безспорно, произволъ и случайность играютъ въ этомъ немаловажную роль; но всего имъ нельзя приписать: темпераментъ, природныя наклонности и особенности людей полагаютъ между ними существенное различіе. Спрашивается, какая родовая норма будетъ такъ всѣмъ имъ близка, что они ей подчинятся сознательно и добровольно? Кажется и у древнихъ славянъ ея не было, если они находили иногда нужнымъ бить, даже убивать нѣкоторыхъ членовъ своихъ общинъ за несогласіе съ общимъ мнѣніемъ. Вы говорите о самоотреченіи и самопожертвованіи? Прекрасно. Но вѣдь если оно вынуждено, то оно уже не добровольное и сознательное, слѣдовательно не самопожертвованіе и самоотреченіе, а невынужденнаго въ отношеніи ко всѣмъ мы рѣшительно нигдѣ и никогда не видали, даже не видали у славянъ, которыхъ сущность, по вашимъ же словамъ, — общинное устройство и бытъ. Что́ же съ этимъ дѣлать! Люди своекорыстны и злы; надо, какъ это ни горько, видѣть ихъ, какъ они есть, и по нимъ создавать и устраивать ихъ общественный бытъ. Перероднте родъ человѣческій— о, тогда другое дѣло! Укажите намъ на человѣческое общество, въ которомъ бы всѣ до единаго были готовы на самоотреченіе и самопожертвованіе,—мы хоть и не признаемъ нормы между ними господствующей за абсолютную родовую норму личности, однако не усомнимся признать ихъ устройство за самое вожделѣнное. Но покуда такое общество не отыскалось, позвольте мнѣ, и со мною конечно многимъ другимъ, остаться при мысли, что то общественное устройство—возможнолучшее, въ которомъ, для человѣка, его желаній и дѣятельности открыто самое широкое поприще, словомъ, такое устройство, гдѣ абсолютная общинная норма, о которой вы говорите, вовсе не существуетъ. Сожительство съ другими, безъ котораго человѣкъ не можетъ обойтись, неизбѣжно влечетъ за собой для него разныя обязанности: обязанность поддерживать это общежитіе, обязанность не мѣшать и не вредить другимъ. И этого уже слишкомъ достаточно. Попробуйте водворить еще вашу абсолютную норму,—и общежитіе сдѣлается невыносимымъ бременемъ, такимъ тяжелымъ, что будетъ перевѣшивать всю тяжесть, всю невозможность одиночества.

И что за требованіе общей (мы уже не назовемъ ее, послѣ сказаннаго, абсолютной) нормы для людей, передъ которой всѣ добровольно и сознательно „принижаются“? Что за мысль, что каждый, живя какъ ему угодно, удовлетворяя своимъ наклонностямъ и влеченіямъ, по прихоти, не останется человѣкомъ, совершенно сообразнымъ съ своей родовой нормой? Право, чтобы убѣдиться въ этой мысли, надо быть влюбленнымъ въ нее до полнаго пренебреженія дѣйствительности; ибо самое поверхностное наблюденіе очевидно приводитъ къ другимъ результатамъ.

Взглядъ г. М. З. К. на человѣка слишкомъ узокъ, хотя и вѣренъ себѣ.

Наконецъ, я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ г. М. З. К. разрѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, естественно возникающіе изъ его взгляда. Чтобы всѣ въ одинъ голосъ сознавали родовую норму личности и добровольно и сознательно ей подчинялись— это математически невозможно. Стало быть, ее опредѣлятъ не всѣ. Кто же? Большинство? Нѣтъ, ибо оно можетъ заблуждаться, и потомъ главное, по словамъ г. М. З. К.,

„способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и распаденіе общиннаго начала". Меньшинство? Опять нельзя: съ этимъ и авторъ не согласенъ, и всѣ тѣ, которые думаютъ одинаково со мною. Какъ же? Непосредственнымъ сознаніемъ, какъ-то само собою? Это невозможно, и непремѣнно или будетъ на основаніи мнѣнія большинства, или меньшинства. Допустимъ однако эту невозможность. Что жъ дѣлать съ тѣми, которые не согласны? Наказать ихъ, принудить согласиться? Такъ и авторъ не думаетъ. Изгнать? Хорошо. Они или пристанутъ къ другой общинѣ, гдѣ добровольно подчинятся закону, тамъ властвующему: но тогда гдѣ же родовой законъ личности? Община, значитъ, живетъ не по родовому закону? Или они, эти изгнанные, не найдутъ другой общины, потому что вездѣ царитъ родовой законъ, подъ который они не подошли добровольно и сознательно: имъ остается или основать новую общину, или жить по одиночкѣ, внѣ всякаго общества, служа живымъ опроверженіемъ системы г. М. З. К. Иначе, право, я не знаю, что имъ дѣлать! Пусть поправитъ меня г. М. З. К., если я ошибаюсь; я торжественно, печатно признаюсь, что заблуждался до сихъ поръ. А покуда, г. М. З. К., во всѣхъ перемѣнахъ общественнаго быта въ наше время я вижу одно, очень высказанное стремленіе: дать человѣку, личности, сколь возможно болѣе развитія, сколько дозволяютъ условія общественной безопасности и спокойствія. Въ концѣ такого развитія предвидится не царство абсолютнаго закона, а совершенно свободная дѣятельность лица; абсолютный законъ все болѣе и болѣе сводится къ самой общей внѣшней категоріи:—не мѣшай другимъ, не стѣсняй ихъ, ибо безъ этого невозможно общежитіе.

Теперь нѣсколько словъ о славянскихъ общинахъ. Дѣйствительно, у древнѣйшихъ славянъ были общины: я признаю это тѣмъ охотнѣе, что и въ статьѣ, вызвавшей возраженіе г. М. З. К., говорилъ тоже самое. Но что такое онѣ были, какая была ихъ дальнѣйшая судьба, вотъ въ чемъ существенное разногласіе между нами. Я вижу ихъ въ началѣ и говорю: да онѣ были; потомъ вижу постепенное ихъ паденіе и совершенное уничтоженіе; не имѣю никакой возможности опровергнуть этотъ фактъ, очевидный не только у насъ, но и у всѣхъ славянскихъ племенъ, сдѣлавшихъ хоть одинъ шагъ въ гражданской цивилизаціи, и ограничиваюсь его объясненіемъ. Многія данныя доводятъ меня до мысли, что славянскія общины пали потому, что были непосредственныя, основанныя первоначально на кровномъ родствѣ, проникнутыя патріархальностью, которая, какъ видно изъ всей исторіи, падаетъ съ успѣхами и развитіемъ гражданственности,— и эту мысль я и высказываю. Положимъ, что я ошибаюсь; противопоставьте же моей гипотезѣ другую, болѣе правдоподобную, основательную, но не отрицайте фактовъ; они явны, они говорятъ за себя. Вмѣсто того, что дѣлаетъ г. М. З. К.? Видя, что наши общины утрачиваютъ и политическое и даже административное, гражданское значеніе (ибо какъ же этого не видѣть!), онъ все-таки продолжаетъ твердить, что онѣ существуютъ, и наконецъ пророчески восклицаетъ: „нѣтъ: „общинное начало составляетъ основу, грунтъ „всей русской исторіи, прошедшей и настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарытые въ его плодотворной глубинѣ, „и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, „не будетъ жить". Г. М. З. К. упорно отрицаетъ факты. Что жъ съ этимъ дѣлать?— приходится замолчать. Законодательство и всѣ учрежденія со времени Петра Великаго съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новыя завоеванія въ нашемъ общественномъ устройствѣ въ пользу другого высшаго начала общественности, а г. М. З. К. увѣряетъ, что общинный бытъ господствуетъ у насъ теперь. Какъ же съ нимъ спорить?

Одна посылка невѣрна практически, другая невѣрна исторически: что жъ можетъ быть выводъ изъ нихъ, объ отношеніяхъ романо-германскаго міра къ славянскому? Въ системѣ г. М. З. К. это не правда, потому что основанія вывода неправильны. Какъ! простой психологическій фактъ, ежедневно повторяющійся на каждомъ изъ насъ, даетъ намъ право строить системы, дѣлать заключенія о будущихъ судьбахъ славянскаго племени, произносить приговоръ надъ цѣлой, доселѣ лучшей частью человѣчества? Странно! По крайней мѣрѣ это не метода историка или критика. Оспаривайте чьи угодно мысли и историческія теоріи, но на основаніи положительныхъ данныхъ, совершившихся со-

бытій, а не мечтаній о будущемъ, которое отъ насъ сокрыто. Вы, напримѣръ, думаете, что наша сущность—общинное начало, и основываете это на мечтаніяхъ, а не фактахъ, ибо они говорятъ противъ васъ; гораздо съ бо́льшимъ правомъ я бы могъ утверждать, что наша задача—развить личность до высшей степени. Обѣ гипотезы въ своемъ родѣ прекрасны, но что жъ изъ этого? Вправѣ ли мы, говоря о будущемъ, грудью отстаивать представленія, которыя мы о немъ составили, каждый по своему? Дѣйствуя такъ, мы свидѣтельствуемъ только о младенчествѣ нашего пониманія. Пора намъ хоть когда-нибудь отъ этого отдѣлаться. Что славянскій міръ новая почва въ исторіи, и по всѣмъ видимостямъ не безплодная—это безспорно Но что за роль ему предстоитъ: устыдить ли Европу блескомъ своего развитія и величія, или стать съ нею рядомъ и дружно идти по дорогѣ, общей всѣмъ человѣческимъ племенамъ, разумѣется сохраняя свои особенности національныя и другія,—объ этомъ г. М. З. К. такъ же мало знаетъ, какъ и я, если только захочетъ смиренно въ этомъ сознаться.

Вотъ съ какой теоріей выступилъ противъ меня г. М. З. К. Въ этомъ всеоружіи онъ разбираетъ мою статью, сначала общую ея часть. Въ разборѣ я нашелъ рядъ придирокъ, а не возраженій. Я сказалъ: русско-славянскія племена образовались нарожденіемъ; чрезъ всю нашу древнюю исторію никакіе элементы не были насильственно вторгнуты въ нашу жизнь; слѣдовательно мы развивались безпрепятственно, изъ себя, развивали свои историческіе элементы. Эти элементы, первоначальныя данныя—исключительно кровный родственный бытъ; слѣдовательно ихъ развитіе наполняетъ нашу внутреннюю исторію. Въ чемъ же должно было состоять это развитіе? Новая исторія привела меня къ мысли, что оно должно состоять въ постепенномъ отрицаніи, распаденіи исключительно кровнаго элемента и въ постепенномъ приготовленіи личности къ самостоятельному дѣйствованію. Историческая часть служитъ подтвержденіемъ этой мысли. Кажется ясно и просто. Если я заблуждаюсь, опровергните премиссы, докажите, что нашъ бытъ не былъ исключительно кровный, родственный,—что въ составъ русскихъ славянъ вошли другіе сильные элементы, измѣнившіе нашъ внутренній бытъ,—что личность является у насъ дѣйствующею съ самаго начала; словомъ, какъ-нибудь подорвите одну изъ основъ исторіи, и она рушится сама собою. Въ критикѣ г. М. З. К. не находимъ ничего подобнаго.

Онъ говоритъ, что и всѣ народы образовались чрезъ нарожденіе, какъ будто я когда-нибудь доказывалъ противное; не касаясь нисколько замѣчанія, что постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ славянъ, отрицаетъ, что въ древнѣйшія времена они имѣли исключительно родственный бытъ, а почему—Богъ вѣсть: кто жъ не видитъ, что если народъ образовался чрезъ нарожденіе и развивался совершенно самостоятельно, то у него и не могло быть сначала другого быта, кромѣ исключительно родственнаго! Потомъ, мимоходомъ, критикъ спрашиваетъ, почему въ исчисленіе родственныхъ названій, которыя даются у насъ другъ другу въ крестьянскомъ быту, попали ребята,—вѣроятно забывши, что гдѣ люди считаются родствомъ, тамъ непремѣнно существуетъ и представленіе о старшинствѣ и меньшинствѣ по лѣтамъ, которое между прочимъ выражается и въ словѣ *робята*, какъ въ словахъ *отрокъ*, *чадь*, *дѣтскій* и т. д. и нераздѣльно съ патріархальнымъ бытомъ. Затѣмъ г. М. З. К. въ видѣ возраженія приводитъ, что въ Германіи родственныя названія употреблялись въ средневѣковыхъ гильдіяхъ, а во Франціи употребляются и теперь въ простомъ народѣ. Что жъ изъ этого? спрошу я. Во Франціи и Германіи рядомъ съ этими отношеніями, показывающими не совсѣмъ пережитые патріархальные элементы, я вижу другія явленія, объясняемыя другими началами, а у русско-славянскихъ племенъ ихъ не вижу; здѣсь все сводится къ патріархальнымъ элементамъ. Неужели критику могла хотя на одну минуту придти въ голову странная мысль, что я не признаю присутствія кровныхъ элементовъ въ быту европейскихъ народовъ и не вижу рѣшительно никакихъ зачатковъ гражданскихъ элементовъ въ древнемъ быту Россіи? А это выходитъ изъ его возраженія. Я указывалъ на преобладающіе элементы, грунтъ, почву, на которой совершилась исторія у насъ и въ Европѣ, на то, что опредѣляло развитіе, а г. М. З. К. показалось, что я и не подозрѣваю присутствія патріархальныхъ началъ въ европейскихъ народахъ и гражданственности у насъ. Хорошо же онъ меня понялъ!

Въ числѣ возраженій встрѣчаемъ также слѣдующее:

„Такого рода терминологія (взятая изъ родственныхъ отношеній), болѣе или менѣе встрѣчающаяся у всѣхъ племенъ, ничего не доказываетъ, или лучше она доказываетъ совсѣмъ не то, что полагаетъ авторъ. Она выражаетъ ту мысль, что *кромѣ* выполненія вынуждаемыхъ закономъ обязанностей, человѣкъ хотѣлъ бы найти въ другомъ сочувствіе, совѣтъ, любовь; а для выраженія этихъ требованій всего ближе заимствовать терминологію изъ семейнаго быта“ (стр. 138).

Ближе, но не вообще, а судя по семейному быту; это во-первыхъ. Потомъ, покуда типомъ близости служатъ родственныя отношенія, я все еще въ правѣ думать, что или патріархальные элементы еще не совсѣмъ пережиты народомъ, или что онъ въ нихъ порядкомъ не вглядѣлся, не вполнѣ ихъ сознялъ; вѣдь и это часто бываетъ. Мало ли о чемъ понятія измѣнились, а терминологія остается, по привычкѣ, прежняя. Говоря о родственныхъ отношеніяхъ, г. М. З. К. всегда думаетъ о родственной любви и совсѣмъ выпускаетъ изъ виду родственныя ненависти, которыя сильнѣй, продолжительнѣй всякой другой. Отъ этой идеализаціи всего существующаго — и непрактичность, недѣйствительность взгляда критика.

Удовлетворившись такими придирками, думая, что онѣ ужъ совершенно опровергли основанія взгляда, критикъ отвергаетъ мой выводъ, что наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта, и противопоставляетъ ему свой собственный выводъ.

„Въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной; съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно видоизмѣнялось безъ рѣшительнаго, посторонняго вліянія; слѣдовательно въ древнемъ нашемъ быту были искони другія начала, которыя развивались вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдовательно этотъ бытъ не былъ исключительно семейственнымъ, родственнымъ“ (стр. 138 и 139).

Я сказалъ, что смыслъ нашей внутренней исторіи до Петра—высвобожденіе, нарожденіе личности и, наоборотъ, разложеніе, распаденіе патріархальныхъ элементовъ. Что это значитъ? То, что человѣкъ является въ Россіи первоначально погруженнымъ въ исключительно патріахальный бытъ, подъ его исключительнымъ опредѣленіемъ, а потомъ тотъ же человѣкъ, мало-по-малу пробуждается къ внутренней, самостоятельной дѣятельности, какъ лицо. Если и сперва и потомъ дѣйствовалъ и жилъ человѣкъ, ясно, что всѣ начала, которыя когда-либо опредѣляли или еще будутъ опредѣлять его бытъ, заключались въ немъ въ зародышѣ. Но развѣ я когда-нибудь отвергалъ это? Развѣ я доказывалъ, что у насъ сначала былъ исключительно родственный бытъ помимо человѣка? А изъ словъ г. М. З. К. это выходитъ; я говорю объ элементахъ, формахъ, опредѣлявшихъ человѣка, и показываю, какъ онѣ постепенно измѣнялись, конечно не сами по себѣ, а чрезъ его посредство и для него, а г. М. З. К. непремѣнно хочется, чтобъ я человѣка отбросилъ, да и объяснилъ ему, какъ исключительно родственный бытъ перешелъ въ неродственный, гражданскій и государственный. Еслибы онъ этого не хотѣлъ, онъ не увидѣлъ бы искони въ нашемъ древнемъ быту какихъ-то другихъ началъ только потому, что „въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родового начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной“, и „что съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно измѣнялось безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія“. Эти начала, на которыя намекаетъ г. М. З. К.—тѣ общія свойства человѣческой природы, которыя одинаковы у всѣхъ народовъ, во всѣ времена; но только формы, въ которыхъ они выражаются, всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда обнаруживаются, и потому вполнѣ ею объясняются. Призваніе, о которомъ говоритъ авторъ, служитъ блистательнымъ доказательствомъ этой истины; мысль, которая его вызвала—желаніе благоустройства и порядка,—общая всѣмъ народамъ въ мірѣ; форма, въ которой она выразилась, до того патріархальна, что не имѣй мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ и данныхъ, мы по одному этому событію могли бы догадаться, что тогда господствовалъ у насъ патріархальный бытъ. Изъ тѣхъ тысячи варіацій, которыя разыгрывались на эту тему призванія, г. М. З. К. могъ бы, кажется, заключить, какъ чуждъ для насъ тотъ порядокъ мыслей, который побудилъ нашихъ предковъ въ IX вѣкѣ послать за море искать „третейскую власть“.

Вотъ и все о моей основной точкѣ зрѣ-

нія. То, что слѣдуетъ далѣе о христіанствѣ, мнѣ кажется страннымъ. Сверхъ того, взглядъ г. М. З. К. на религію вообще не современенъ, и потому я считаю безполезнымъ и невозможнымъ спорить съ нимъ объ этомъ.

За тѣмъ, выписавъ изъ моей статьи очеркъ развитія начала личности въ западной Европѣ, авторъ дѣлаетъ на него свои замѣчанія:

„Когда мы прочли его въ первый разъ, мы все ожидали дополненій, оговорокъ, до такой степени онъ показался намъ одностороннимъ; но ничего подобнаго не нашлось въ статьѣ; напротивъ, та же мысль опредѣлялась все рѣзче и рѣзче. Скажите однако, неужели въ самомъ дѣлѣ Германцы исчерпали все содержаніе Христіанства? Неужели они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада? Неужели всѣ явленія ея представляютъ только моменты развитія одного начала — личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы французской и нѣмецкой? И этотъ взглядъ, уничтожающій не менѣе половины западнаго міра, брошенъ вскользь какъ будто даже не подлежащій спору. Для кого же все это писано?“

„Сколько намъ извѣстно, Гизо первый понялъ развитіе всего западнаго міра, какъ стройное цѣлое. Онъ видѣлъ въ немъ встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима, и Христіанства. Послѣднее начало, само по себѣ цѣльное, въ западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ Христіанство подъ формою католицизма, германскій міръ — подъ формою протестантизма. Можетъ быть, Гизо потому только не провелъ дуализма чрезъ западное Христіанство, что восточная половина Европы была ему мало извѣстна. Германское начало, идея личности, создала цѣлый рядъ однородныхъ явленій. Въ сферѣ государства: различные виды искусственной ассоціаціи, коей теорія изложена въ „Contrat social“ Руссо; въ сферѣ религіи — протестантизмъ; въ сферѣ искусства—романтизмъ. Въ тѣхъ же сферахъ развились изъ римскаго начала совершенно противоположныя явленія: идея отвлеченной верховной власти, формулированная Макьявелемъ; католицизмъ и классицизмъ. Мы не навязываемъ этого взгляда г. Кавелину, но какъ же увѣрять насъ, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы, и что въ одномъ послѣднемъ заключается зародышъ будущаго?“ (стр. 143 и 144).

У г. М. З. К. постоянное правило — приписывать мнѣ, чего я не говорилъ, требовать — чего я не обязался дѣлать. Я нигдѣ не сказалъ, что германцы исчерпали все содержаніе христіанства, что они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы; поэтому не считаю и нужнымъ отвѣчать на эти вопросы. Я представилъ бѣглый обзоръ, какъ начало личности, принесенное на европейскую почву германскими племенами, развивалось, смягчалось подъ вліяніемъ христіанства и греко-римскаго міра, и наконецъ теперь, болѣе и болѣе утрачивая свою историческую исключительность, переходитъ въ болѣе широкій, многосторонній типъ человѣка. Въ современномъ требованіи гуманности, проводимомъ всюду и котораго послѣднимъ словомъ является благосостояніе и нравственное развитіе каждаго человѣка въ особенности и всѣхъ вмѣстѣ, я вижу результатъ развитія германскаго элемента подъ указанными вліяніями христіанства и греко-римскаго міра. Г. М. З. К. принялъ эту очень простую и теперь довольно общую мысль за очеркъ западной исторіи, и на этомъ основаніи укоряетъ меня въ односторонности взгляда, въ уничтоженіи половины западнаго міра, наконецъ спрашиваетъ: „для кого же все это писано?“ Странно! Если г. М. З. К. идетъ отъ готовой мысли, что авторитеты, принципы и т. д. прежніе, теперешніе и будущіе не выражали сознанія человѣка объ истинѣ и не средство для его развитія, то конечно я писалъ не для него; а онъ идетъ отъ этой мысли: у него и христіанство, и античный міръ, и начало личности вытянуты въ одну линію, тогда какъ послѣднее — живая почва, основаніе, а первые два — элементы, на него дѣйствующіе, его воспитывающіе.

Изложивъ послѣ того свои мнѣнія о личности, ея безсиліи перейти въ человѣка, — какъ будто бы это были противоположности, а не разныя опредѣленія одного и того же человѣка, — изложивъ необходимость для личности сознавать свой родовой законъ и свою неправоту передъ нимъ, откуда доктрина „приниженія“ личности, г. М. З. К. говоритъ:

„И такъ должно различать личность съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность какъ органъ сознанія; эти два вида авторъ безпрестанно смѣшиваетъ; въ одномъ только мѣстѣ онъ различаетъ ихъ...“ (стр. 148). „Авторъ различилъ историческое проявленіе личности враждующей отъ ея абсолютнаго значенія какъ сознающей себя; но тою же фразою, онъ связалъ оба вида неразрывно, признавъ первый необходимымъ усло-

віемъ, какъ бы приготовленіемъ ко второму. Примиреніе личностей—есть послѣдняя цѣль; путь къ ней—вражда; личность непремѣнно должна сознавать себя,—сознаніе пріобрѣтается отрицаніемъ, не логическимъ разумѣется, а полнымъ практическимъ отреченіемъ отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее отношеній" (стр. 149).

Изъ моего взгляда критикъ выводитъ за меня, что „русскій долженъ былъ сперва сдѣлать изъ себя германца, чтобъ потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ", какъ будто стать самостоятельнымъ значитъ стать нѣмцемъ. Съ этимъ я рѣшительно несогласенъ, ибо оно слишкомъ лестно для нихъ и слишкомъ обидно для насъ.

Г. М. З. К. продолжаетъ:

„И вотъ наконецъ мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключъ къ образу мыслей автора у насъ въ рукахъ; мы понимаемъ откуда произошла неполнота опредѣленія историческаго вліянія христіанства, невѣроятная односторонность взгляда на развитіе западной Европы, пристрастное сужденіе о древнемъ бытѣ Германцевъ и Славянъ, восхваленіе Іоанна Грознаго и клевета на его современниковъ. Все это вытекаетъ какъ нельзя естественнѣе изъ одной мысли о способѣ пріобрѣтенія сознанія, а эта мысль есть конечно одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ современныхъ заблужденій. Авторъ, къ сожалѣнію, не счелъ за нужное доказывать ее; онъ даже не высказалъ ея строго и положительно, хотя и не скрылъ, какъ дѣло извѣстное и всѣми признанное. Что не доказано, того разумѣется и опровергать нельзя, и потому намъ остается въ этомъ случаѣ предложить автору вопросъ: что бы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другого, и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ? Всѣ эти вопросы въ сущности тождественны, и если они имѣютъ видъ шутки неумѣстной въ нашей рецензіи, то въ томъ виноваты не мы; неужели признать болѣе умѣстнымъ въ современной наукѣ мнѣніе о безсознательности родственнаго устройства, какъ необходимой принадлежности, и вытекающее отсюда послѣдствіе, что въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно?" (стр. 150 и 151).

Абсолюты—это камень, на которомъ г. М. З. К. часто спотыкается и каждый разъ падаетъ. Еслибъ человѣкъ когда-нибудь могъ открыть искомое X, абсолютную норму личности, и ей добровольно и сознательно подчинился, какъ мечтаетъ авторъ критики, тогда, безспорно, онъ бы сдѣлался пассивнымъ органомъ одного сознанія, и тогда ему не для чего было бы добиваться сознанія путемъ отрицанія, и теоретическаго и практическаго. Къ несчастію, это не такъ. Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ: удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности; абсолютное нигдѣ не оказывается, а между тѣмъ человѣкъ становится развитѣй, многостороннѣй. Что̀ заставляетъ его идти этимъ путемъ, что̀ возбуждаетъ въ немъ недовольство тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ? Требованія, въ немъ самомъ лежащія и которыя безпрестанно измѣняются. Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся внѣшнему закону. А какъ создаваніе новаго быта исторически, вездѣ и всегда, возбуждаетъ противодѣйствіе, желаніе удержать старое, то между тѣмъ и другимъ происходитъ столкновеніе, вражда, практическое отрицаніе. По степени гражданской образованности оно выразится въ убійствѣ, или дракѣ, или брани, или ссорѣ, или наконецъ въ самомъ миролюбивомъ, добросовѣстномъ обсужденіи; но тѣмъ не менѣе столкновеніе все-таки будетъ, и оно необходимо выразится въ фактахъ, внѣшнихъ дѣяніяхъ, въ мірѣ практическомъ. Я не знаю абсолютной, родовой нормы личности и не признаю ея существованія; знаю, что человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно безполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ. Вотъ почему я и сказалъ, что примиреніе личностей—цѣль развитія; вотъ на какомъ основаніи я думаю, согласно съ фактами, что путь, ведущій къ этому примиренію—вражда, отрицаніе. Живя, мы не къ старому возвращаемся, а новое создаемъ, до котораго достигнуть невозможно безъ практическаго отрицанія стараго. Сознаніе личности при зависимости вызываетъ эту борьбу, а

гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и сознанія, другими словами — глубоко-чувствуемой потребности самостоятельной личности. Вы можете указать мнѣ на переходныя эпохи въ исторіи, когда сознаніе и фактъ противорѣчатъ другъ другу. Но за то именно ихъ и называютъ переходными, ненормальнымъ состояніемъ. Онѣ оканчиваются всегда тѣмъ, что сознаніе наконецъ осуществляется на дѣлѣ, воплощается. Ваша идеальная личность, добровольно и сознательно подчиняющая себя родовому закону, подчиняется своему сознанію, стало-быть она – личность, изъ себя создающая свои опредѣленія; иначе она несознающая личность,—изъ этого круга вы не выйдете, какъ ни бейтесь.

Критикъ меня спрашиваетъ: „что бы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другого и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ?“ Хорошо онъ сдѣлалъ, предупредивъ, что не шутитъ; иначе я бы право не догадался, видя это сопоставленіе самыхъ разнородныхъ вопросовъ подъ именемъ тождественныхъ. Постараюсь объяснить дѣло, какъ я его понимаю: семейный законъ прекрасенъ для несовершеннолѣтнихъ, какъ средство воспитанія, и очень стѣснителенъ для совершеннолѣтнихъ, которые хотятъ быть, какъ говорится, на своихъ ногахъ. Теперь, если совершеннолѣтній подчиняется этому закону и не думаетъ о самостоятельности, значитъ сознанія этой самостоятельности у него нѣтъ, стало-быть нѣтъ у него и сознанія своей личности, вслѣдствіе котораго необходимо и неизбѣжно рождается требованіе самостоятельности. Всѣ возраженія, которыя можно мнѣ сдѣлать на это, будутъ непремѣнно сводиться или къ личнымъ отношеніямъ родителей и совершеннолѣтнихъ дѣтей, слѣдовательно сюда нейдутъ, или къ не-юридическому характеру семейныхъ отношеній, что возможно только въ до-гражданственной семьѣ, и слѣдовательно предполагаетъ совершенное отсутствіе сознанія личности, самостоятельности въ людяхъ. Думаю, что теперь моя мысль ясна. Послѣ этого я надѣюсь, г. М. З. К. ужъ не станетъ считать тождественными съ первыми двумя вопросами остальные два; я живу, потому что это ощущаю; сознаніе моей силы можетъ во мнѣ быть и не быть, хотя и нѣтъ никакой причины пріобрѣтать это сознаніе побоями, и именно людей; а сознаніемъ или несознаніемъ самостоятельности опредѣляются отношенія къ другимъ людямъ. Я могу отъ нея отказаться — добровольно, по своимъ соображеніямъ, влеченіямъ и т. д.; тогда это — актъ моей воли, моего сознанія, уже предполагающій меня самостоятельнымъ. Семейный законъ противорѣчитъ началу личной самостоятельности; слѣдовательно между обоими принципами обыкновенно возникаютъ столкновенія и теоретическія и практическія; гдѣ семья и личная самостоятельность живутъ дружно, надо искать причинъ въ постороннемъ, а не въ этихъ двухъ принципахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вотъ опроверженія общей теоретической части моей статьи. Каковы они, мы видѣли. За этимъ слѣдуетъ разборъ исторической части. Взглянемъ.

Г. М. З. К. видитъ доводы противъ моего мнѣнія объ исключительно семейномъ, родственномъ бытѣ древнихъ славянъ въ томъ, что они чувствовали обиду и мстили за нее и, въ особенности, что славяне хорошо принимали иностранцевъ. Противъ перваго возраженія право нечего сказать; во второмъ авторъ, кажется, забылъ, что враждебность къ иностранцамъ у всѣхъ народовъ появляется вмѣстѣ съ первымъ сознаніемъ національности (не говоря о постороннихъ случайныхъ причинахъ враждебности),—что ни въ первобытномъ состояніи, ни при высокой степени образованности этой враждебности нѣтъ; это фактъ не исключительно-славянскій, а всемірно-историческій. Только формы гостепріимства сначала и потомъ различны. Формы славянскаго гостепріимства патріархальны, что и было для меня новымъ доказательствомъ семейнаго быта древнихъ славянъ. Кто оказываетъ одно патріархальное гостепріимство, тотъ конечно воспитанъ въ исключительно-патріархальномъ, т. е. родственномъ, кровномъ быту. Думаю, что это ясно и не подлежитъ сомнѣнію.

Мое объясненіе призванія варяговъ тоже не нравится г. М. З. К.; онъ находитъ его страннымъ.

„Странный выводъ! Нѣсколько сосѣднихъ племенъ живутъ независимо другъ отъ друга; въ каждомъ изъ нихъ господствуютъ родовыя вражды; имъ захотѣлось жить въ союзѣ и согласіи; у всякаго племени много старѣйшинъ, имѣющихъ разныя права быть старѣйшинами надъ союзомъ племенъ; они отказываются отъ своихъ притязаній, чтобы не возбудить соперничества и вражды въ другихъ, и предлагаютъ добровольно власть надъ собою чужеземцамъ; все это отъ того, что въ нихъ не было духа общественности, котораго кровный бытъ не развиваетъ. Отсутствіе общественнаго духа породило у насъ первое общество!“... (стр. 154).

Остроумно, но невѣрно! Люди, которые такъ завистливы другъ къ другу, что не могутъ согласиться уступить власть кому-нибудь изъ своей среды, подчиниться ему, а ѣдутъ за-море, къ чужому, постороннему,— можно ли признать въ нихъ духъ общественности? Положимъ, что они вызвали чужихъ для защиты отъ враговъ—выводъ относительно общественности будетъ тотъ же. Требованіе общественности было, какъ и у всѣхъ въ мірѣ оно есть, а духа не было. Только тотъ, кто не умѣетъ, не знаетъ, самъ не можетъ сладить, ищетъ чужой помощи. Развѣ о такихъ вещахъ можно еще спорить?

Авторъ оспариваетъ также, что варяги первые принесли идею государства на нашу почву; если они были призваны, такъ не имъ принадлежитъ она: вотъ какъ онъ разсуждаетъ. Но это натяжка. Варяги призваны въ качествѣ судей, военныхъ стражей, какъ угодно. Пришедши, они вскорѣ начали дѣлать то, что во всемъ мірѣ дѣлали: воевать направо и налѣво племена, брать съ нихъ дань, вѣроятно не легкую, судя по ихъ частымъ возстаніямъ; даже на мѣстѣ, куда были призваны, они не усидѣли, а выбрали такое, которое имъ было больше по сердцу. И выходитъ, что славянскія племена (далеко не всѣ) хотѣли одного, сдѣлалось совсѣмъ другое, и не чрезъ нихъ, а чрезъ дѣятельность варяговъ, которые, силой удерживая за собой русско-славянскія племена, связали ихъ внѣшними узами въ одно цѣлое. Вотъ почему я и сказалъ, что идея государства принесена варягами на нашу почву: мысль о единствѣ всей Россіи была результатомъ ихъ завоеваній.

На стр. 154 и 155 г. М. З. К. старается доказать, что дружина не была учрежденіемъ исключительно германскимъ,—что къ намъ принесено варягами дружинное начало въ значеніи ближайшей свиты почетнаго лица, князя или боярина, а дружины въ смыслѣ совокупности людей, собравшихся для общаго дѣла и избравшихъ себѣ на время и для извѣстной цѣли предводителя,—явленіе національное, туземное. Родовое начало, какъ очень оригинально заключаетъ критикъ, могло имѣть мѣсто только въ дружинѣ въ первомъ смыслѣ, при отношеніяхъ личныхъ; стало-быть, по его мнѣнію, въ дружинахъ, собиравшихся для общаго дѣла, подъ начальствомъ избраннаго вождя, родовыхъ отношеній не могло быть. Твердо вѣруя въ это, авторъ опирается на свою мысль какъ на каменную гору и въ упоеніи побѣды иронизируетъ надъ моимъ мнѣніемъ.

„Не потому ли авторъ отрицаетъ существованіе дружины, что трудно было объяснить происхожденіе бурлака или казака изъ того семейнаго быта, въ которомъ (по словамъ его) человѣкъ лишается упругости, энергіи, распускается въ морѣ мирныхъ отношеній, убаюкивается, предается покою, нравственно дремлетъ, становится слабъ, довѣрчивъ и безпеченъ какъ дитя. Конечно подъ этотъ типъ хилаго домосѣда трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу; что жъ дѣлать! Изъ исторіи ихъ не вычеркнешь“ (стр. 155 и 156).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Никто вѣроятно не будетъ отрицать того, что каждый народъ въ своей національной поэзіи изображаетъ идеалъ самого себя, сознаетъ въ образахъ различныя стремленія своего духа. Чего нѣтъ въ народѣ, того не можетъ быть въ его поэзіи, и что есть въ поэзіи непремѣнно есть и въ народѣ. Какимъ образомъ воображеніе народа, изнѣженнаго семейною жизнью, лишеннаго энергіи, предпріимчивости, и вовсе не сознающаго идеи личности, могло создать цѣлый сонмъ богатырей? Сколько намъ извѣстно, старъ-матёръ казакъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, и прочіе бездомные удальцы, искатели приключеній, имѣли и достаточный запасъ силъ, и соразмѣрную увѣренность въ себѣ самихъ. Любая германская дружина не постыдилась бы ихъ принять. Какимъ же образомъ связать ихъ съ родовымъ устройствомъ, съ ограниченнымъ домашнимъ бытомъ, въ которомъ убаюкивалась личность, изъ котораго никогда не вырывалась она на просторъ. Или вы скажете, что и они занесены въ народную фантазію изъ-за моря?“ (стр. 163 и 164).

Но критикъ торжествуетъ преждевременно: ускокъ и казакъ гораздо ближе къ патріархальному и родовому быту, чѣмъ онъ думаетъ; онъ этого не видитъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой идея человѣка и принципъ личности кажутся ему не разрѣшимой антиноміей. Общество, основанное на патріархальныхъ отношеніяхъ, не даетъ простора и мѣста личности; поэтому личность, возникшая въ такой средѣ, рвется вонъ на

опа не могла получить въ патріар-
ломъ обществѣ того гражданскаго вос-
нія, которое даетъ лишь правильный,
ически-устроенный бытъ, заставляя каж-
понимать необходимость организован-
общежитія, и потому уважать и не на-
ть чужихъ правъ: поэтому такая лич-
является необузданною, дикою, про-
общественною: въ ней много поэтиче-
, какъ во всемъ, носящемъ на себѣ
ъ силы и нестѣсняемой игры человѣ-
й природы; но въ то же время въ ней
элементовъ гражданской обществен-
, способной создать правильное чело-
кое общество. Ускоки, казаки — одна
на патріархальнаго быта, совершенно
ѣтствующая другой, кроткой, миролю-
, осѣдлой жизни. Чтобъ удостовѣриться,
азаки и ускоки — le revers de la mé-
патріархальнаго общества, стоитъ про-
описаніе запорожскихъ казаковъ въ
ніяхъ Общества Исторіи и Древностей
ійскихъ“; стоитъ только обратить вни-
на то, что юридически-устроенныя
ства, именно потому, что они основаны
чалѣ личности, не высылаютъ изъ себя
ъ ускоковъ и казаковъ: живой, дѣятель-
предпріимчивой части населенія и въ
довольно мѣста и дѣла. Германскія
ины основали государства и дали имъ
ю форму, которая потомъ развивалась
рабатывалась; всѣ государства или дер-
, основанныя славянскими дружинами,
шились, болѣе отъ недостатка внутрен-
цемента, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій.
многозначительный фактъ, приводящій
къ основному различію германскихъ и
нскихъ дружинъ: первыя заключали въ
юридическіе элементы, вторыя — нѣтъ:
ія были основаны на началѣ личности,
ія—проникнуты патріархальностью, рѣ-
льно неудобной для развитія лица и
вательно правильнаго общежитія. Вотъ
комъ смыслѣ я считаю дружину варяж-
явленіемъ совершенно новымъ на нашей
, такимъ, котораго нельзя объяснить
уземныхъ элементовъ: далѣе въ этомъ
мыслѣ и сказалъ, что слово „дружина“
нолѣ передаетъ намъ значеніе этого
нскаго учрежденія: оно было юридиче-
е, а не патріархальное, которое пре-
дно передается словомъ „дружина“. Не
олковывая данныхъ, едва ли можно съ
спорить. Фактъ факту рознь: самые
повидимому сходные весьма часто отстоятъ
другъ отъ друга какъ небо и земля по своему
внутреннему значенію. Такъ и съ дружинами
германскими и славянскими.

Стран. 158: „Слѣдя за развитіями русскаго государства, онъ (то есть я) упустилъ изъ виду русскую *землю*, забывая, что *земля* создаетъ государство, а не государство землю. Мы видѣли, говоритъ онъ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи Христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хотя бы слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство“.

Не во гнѣвъ будь сказано г. М. З. К., я не вездѣ вижу, чтобъ земля создавала государство; способъ принятія нами христіанской вѣры едва ли можно употребить какъ аргументъ противъ меня: критикъ столько разъ заставлялъ меня обращать вниманіе на разные предметы,—позволяю и я себѣ обратить его вниманіе на разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси. Итакъ всѣ эти доводы—неубѣдительны.

„Авторъ (то есть я) опять повторяетъ, что общинное начало клонилось болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ: не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ“.

Нѣсколько строкъ ниже г. М. З. К. говоритъ:

„Автору непремѣнно нужно было связать его (общинное начало) неразрывно съ родовымъ началомъ, чтобъ принести оба въ жертву личности. Достается же отъ него русской исторіи!“

Неудачность послѣдней фразы извиняется увлеченіемъ г. М. З. К. Онъ такъ увлекся, что даже нашелъ возможность разорвать на части единый, цѣльный, человѣческій и народный организмъ, и каждому изъ нихъ придать свою особенную жизнь. По его мнѣнію, въ древней Россіи было родовое начало, но

рядомъ и другое—общинное начало, которое жило и развивалось независимо отъ него. Чтобъ придать этой мысли хоть тѣнь правдоподобія, нужно было создать новую теорію общины — словомъ, подъять геркулесовскіе труды. И изъ любви къ мечтѣ г. М. З. К. ихъ подъялъ! Мы такъ думаемъ, что община, не основанная на личности, есть только призракъ общины, разлетающійся при первомъ прикосновеніи гражданственности: родовой бытъ исключаетъ личность, а какъ онъ у насъ господствовалъ, то и наши общины были призрачныя, потому-то онѣ и исчезли.

Послѣдній выводъ изъ всѣхъ разсужденій автора состоитъ въ томъ, „что богатырь, какъ созданіе народной фантазіи, князь, какъ явленіе дѣйствительное въ мірѣ гражданскомъ, наконецъ, монахъ, какъ явленіе той же личности въ сферѣ духовной“, опровергаютъ мое мнѣніе объ отсутствіи личности въ древней Руси. Явное недоразумѣніе! Ибо гдѣ есть человѣкъ, тамъ конечно есть и личность въ смыслѣ почвы развитія и сознанія; этого я и не опровергалъ никогда; я сказалъ только, что эта личность не была началомъ дѣйствующимъ, самостоятельнымъ, опредѣляющимъ быть, а пассивнымъ, страдательнымъ, и противъ этого нельзя спорить, не дѣлая натяжекъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что монахъ не можетъ быть названъ явленіемъ туземнымъ на нашей почвѣ и относится къ другому порядку вещей, принесенному къ намъ.

Что касается до противорѣчій въ томъ, что я сказалъ о Новгородѣ, то дѣйствительно „они заключаются только въ словахъ, а не въ мысли“. Говоря, что „въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ“, я имѣлъ вотъ какую мысль: мы видѣли какъ переродилась Русь, въ которой утвердился порядокъ вещей, существенно различный съ новгородскимъ и продолженный Москвой и россійской имперіей. Такое же перерожденіе необходимо предстояло и самостоятельнымъ общинамъ—Новгороду и Пскову, но вслѣдствіе насильственнаго прекращенія ихъ самостоятельности мы не можемъ гадать, какъ бы оно тамъ совершилось. Въ такомъ же смыслѣ я сказалъ, что о Новгородѣ нельзя сказать какъ о Россіи передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ исчезнуть: самое сравненіе съ до-петровской Россіей показываетъ, что я разумѣлъ учрежденія, бытъ, а не существованіе Новгорода. Стремленіе его идти по тому же пути, по которому впослѣдствіи пошла вся Россія, чего г. М. З. К. не признаетъ, доказывается слѣдующими словами митрополита Филиппа новгородцамъ:

„А нынѣ слышу въ дѣтѣхъ вашихъ, въ Новгородцѣхъ, да и въ многыхъ у васъ въ молодыхъ людехъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ еже стояти и поборати по благочестьи, а инія дѣти не познавъ доброго наказанія отецъ своихъ, благочестивыхъ родителей, да по животѣхъ ихъ остался, по грѣхомъ, ненаказани, какъ жити въ благочестіи: да и нынѣча дѣти тѣ несмысленные, попячася въ сонмы, да поострояются на многая стремленія и на велик е земли неустроеніе, нетишину, хотячи ввести мятежь великъ и расколу въ святѣй Божьей церкви, да оставя православіе и великую старину да приступити къ Латыномъ“ (Акт. Истор. Т. I. № 281, стр. 516).

Стремленія секуляризовать церковныя имущества въ Новгородѣ и Псковѣ—слишкомъ общеизвѣстный фактъ. Конечно, г. М. З. К. можетъ мнѣ возразить, что въ Новгородѣ шла рѣчь о духовномъ устройствѣ и бытѣ, а при Петрѣ о гражданскомъ и государственномъ; но сходство тѣмъ не менѣе разительно; въ разныхъ сферахъ происходили въ нашихъ древнихъ обществахъ и Петровой Россіи одинаковыя явленія: недовольство прежнимъ, оставленіе обычаевъ отцовскихъ и прилѣпленіе къ иностранной новизнѣ.

Особенно сильныя нападки со стороны г. М. З. К. вызываетъ мой взглядъ на Іоанна Грознаго. „Въ словахъ автора“—говоритъ критикъ—„безъ его вѣдома, промелькнула мысль, оскорбительная для человѣческаго достоинства, та мысль, что бываютъ времена, когда геніальный человѣкъ не можетъ не сдѣлаться извергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частью безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину, что потомкамъ остается соболѣзновать о немъ, а тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ“ (стр. 169 и 170).

Это не аргументъ противъ меня. Надобно умышленно закрыть себѣ глаза, чтобъ не видать, что исторія исполнена такихъ оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства явленій. Въ ихъ уменьшеніи, въ уничтоженіи ихъ возможности учрежденіями, образованіемъ, перерожденіемъ нравовъ и обычаевъ

и заключается смыслъ и цѣль исторіи. Г. М. З. К. думаетъ, что человѣкъ искони былъ то, что теперь, только формы измѣнились; а мы, напротивъ, думаемъ, что человѣкъ съ большими усиліями, сквозь тысячу ошибокъ, заблужденій, предразсудковъ и страданій сталъ тѣмъ, что онъ теперь есть, и не позволяемъ себѣ отдѣлять форму отъ содержанія. У г. М. З. К. есть готовый рецептъ для всѣхъ историческихъ дѣятелей и явленій, а мы по необходимости выводимъ его изъ данныхъ, фактовъ. Все то, что защищали современники Іоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищалъ Іоаннъ IV, развивалось и осуществлено; его мысль такъ была живуча, что пережила не только его самого, но вѣка, и съ каждымъ возрастала и захватывала больше и больше мѣста. Какъ же прикажете судить этого преобразователя? Неужели онъ былъ неправъ? Что касается до образа его дѣйствій, я отозвался о немъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно, чтобъ можно было усомниться въ моемъ мнѣніи на этотъ счетъ. Мой отзывъ остается въ своей силѣ, несмотря на негодованіе г. М. З. К. Практическая жизнь и дѣятельность у насъ даже до сихъ поръ кажется чѣмъ-то прозаическимъ и не совсѣмъ чистымъ; названіе „человѣкъ практическій“ очень недавно и только въ образованныхъ слояхъ общества перестало быть синонимомъ съ неблагороднымъ, нечестнымъ человѣкомъ. Не знаю какъ для г. М. З. К., а для меня это фактъ многознаменательный. Онъ даетъ намъ мѣру для общественнаго быта эпохи, въ которую слово „практическій“ могло имѣть такое значеніе. Вы скажете: въ древней Руси этого не было. Дѣйствительно не было,—потому что не было идеала для лучшаго,—идеала, принесеннаго къ намъ съ реформой и новыми учрежденіями. Дѣйствуя практически въ такой средѣ, нельзя было не подвергнуться ея вліянію, не принять на себя ея оттѣнка И это было съ Іоанномъ IV. Вы находите, что было бы клеветой упрекать Сильвестра, Адашева, князя Курбскаго, митрополита Филиппа и многихъ другихъ въ равнодушіи, безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ? Во-первыхъ, согласитесь, что нѣсколько людей не составляютъ цѣлаго народа, цѣлаго общества; и въ Азіи была не одна замѣчательная личность, а все-таки Азія страна безличности. Во-вторыхъ, всѣ лица, которыхъ вы назвали, положимъ очень были преданы своему дѣлу, но замѣтьте, всѣ они защищали обычай, старину, уходившую патріархальность, каждый въ смыслѣ своего званія; ихъ нельзя назвать поэтому поборниками идей, возможныхъ только въ личности, отрѣшившейся отъ даннаго, непосредственнаго содержанія, и свободно избирающей лучшее по своему крайнему разумѣнію; что касается до беззлобія обвинителей Іоанна, то это по крайней мѣрѣ еще вопросъ; о Курбскомъ этого сказать нельзя; о множествѣ другихъ бояръ, наводившихъ Крымцевъ на Россію, замышлявшихъ отдать Россію Литвѣ,—тоже нельзя; нельзя даже совершенно безопасно сказать, что они ходатайствовали за честь Россіи. Если ужъ вы не находите возможнымъ оправдать Іоанна, не идеализируйте по крайней мѣрѣ его современниковъ; скажите лучше, что все вмѣстѣ сливалось въ такой хоръ, который даже черезъ триста лѣтъ страшно слышать намъ, современникамъ лучшей эпохи. Такое замѣчаніе было бы по крайней мѣрѣ понятно. Отъ ужасовъ того времени намъ осталось дѣло Іоанна; оно-то показываетъ, насколько онъ былъ выше своихъ противниковъ. Для его оправданія, право, мнѣ вовсе не было нужно прибѣгать къ тѣмъ tours de force, тѣмъ насиліямъ надъ „здравымъ чувствомъ“, на которыя какъ будто намекаетъ критикъ: я судилъ по фактамъ, по всей исторіи, какъ ревностный защитникъ историческаго развитія и здраваго смысла, а не туманно-мистическихъ теорій, прекрасныхъ въ головѣ, мертвыхъ покуда въ дѣйствительности.

Стр. 171. „Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: „въ началѣ XVIII вѣка, мы только что начинали жить умственно и нравственно“. Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною“.

Итакъ, г. М. З. К. находитъ мою мысль до того забавною или нелѣпой, что не удостоиваетъ ее даже возраженія. Это въ его волѣ. Повторяю, что я отвѣчаю не для критика, а для читателей: я не льщу себя надеждой убѣдить перваго; наши мнѣнія слишкомъ рѣзко расходятся; послѣдніе могутъ быть безпристрастны, выслушавъ насъ обоихъ, и потому къ нимъ я и обращаюсь. Умственное и нравственное развитіе невозможно безъ развитой, самостоятельной личности; всѣ древне-русскія формы, какъ ведущія свое начало изъ патріархальнаго порядка вещей, препятствовали ея развитію;

стало быть, дѣйствительно, не шутя, мы начали жить умственно и нравственно только въ XVIII вѣкѣ; до этого времени, т.-е до реформы, замѣтно какое-то тревожное, безпокойное стремленіе къ такой жизни—никакъ не болѣе: всѣ факты тогдашняго нашего умственнаго и нравственнаго развитія доказываютъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Остановимся на этомъ. Восемь тезисовъ г. М. З. К. о древней русской исторіи, изъ которыхъ половина, по собственному его признанію, „имѣетъ видъ гипотезъ", не касаются до насъ. Такъ какъ у критика „не было ни возможности, ни намѣренія доказать ихъ", то и намъ не для чего писать на нихъ опроверженія. Станемъ ждать времени, когда эти тезисы примутъ видъ строго выработанной системы подъ даровитымъ перомъ г. М. З. К.

(Современникъ, 1847, кн. 12).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, М. Погодина, о Русской Исторіи. *Москва. 1846. Три тома.*

Въ книгѣ, изданной подъ этимъ заглавіемъ, г. Погодинъ представилъ публикѣ результатъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, а именно о томъ, который называется варяжскимъ и оканчивается смертью Ярослава (1054 г.). Эти изслѣдованія, несмотря на не-систематическое заглавіе, расположены систематически. Прежде всего надобно было опредѣлить достовѣрность источниковъ, изъ которыхъ черпаются извѣстія объ этомъ времени, и мы находимъ въ первомъ томѣ разсужденіе „Объ источникахъ древней Русской исторіи, преимущественно о Несторѣ"; потомъ необходимо было опредѣлить составныя части древнѣйшей Россіи, находниковъ и насельниковъ, варяговъ, Русь и славянъ,—это предметъ второго тома. Наконецъ, въ третьемъ томѣ помѣщены изслѣдованія о варяжскомъ или норманскомъ періодѣ.

Изслѣдованія г. Погодина, вышедшія теперь въ свѣтъ, не принадлежатъ къ числу совершенно новыхъ явленій въ нашей исторической литературѣ. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ напечатанъ его „Несторъ" (1838 г.), къ которому присоединены изслѣдованія о другихъ источникахъ древней русской исторіи, отчасти тоже уже извѣстныя публикѣ; такъ статья о договорахъ Русскихъ съ Греками, одна изъ лучшихъ въ первомъ томѣ, была напечатана еще въ 1837 году, въ первомъ томѣ „Русскаго Историческаго Сборника". Въ составъ второго тома вошло извѣстное сочиненіе г. Погодина о происхожденіи Варяговъ-Руси (1825 г.), но переработанное подъ вліяніемъ новѣйшей литературы по этому вопросу. Наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій изъ третьяго тома были уже напечатаны въ различныхъ журналахъ (напр., параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала, составляющая одинадцатую главу третьяго тома — въ „Москвитянинѣ"; о древней русской торговлѣ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" и т. д.). Однако, если мы не ошибаемся, послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ болѣе новыхъ статей, нежели два первые.

За заглавіе, данное книгѣ, мы не станемъ вмѣстѣ съ другими критиками упрекать автора: это было бы несправедливо и мелочно. Каждый имѣетъ полное право поступать въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно. Сверхъ того, мы думаемъ, что г. Погодинъ не безъ намѣренія избралъ именно это, а не другое заглавіе. О древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи писано очень много; только собрать и свести сказанное есть трудъ очень и очень нелегкій, требующій много терпѣнія, много времени и предполагающій большія

библіографическія свѣдѣнія. А если вспомнимъ, что несмотря на множество статей и сочиненій, главные вопросы все еще окончательно не рѣшены, и литература, накопляя факты, только увеличила трудности для изслѣдователя; если сообразимъ, что время, вызвавшее много новыхъ вопросовъ, не всегда указывало на данныя для ихъ рѣшенія, то увидимъ, что новому изслѣдователю на этомъ поприщѣ предстоятъ и новыя трудности. Мы даже почти убѣждены, что покуда, до времени, отъ одного человѣка нельзя и ожидать полнаго возсозданія картины древней Варяжской Руси. Теперешніе изслѣдователи по необходимости должны останавливаться на однихъ вопросахъ болѣе, на другихъ менѣе. Такъ поступилъ и г. Погодинъ. Онъ разработалъ нѣкоторыя стороны нашего древнѣйшаго быта прекрасно, другія оставилъ въ тѣни, нѣкоторыя обслѣдовалъ слабо, и самъ высказалъ это: „Можетъ быть“, говоритъ онъ, „и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который разыскиваю двадцать пять лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи; явится другой изслѣдователь, который исключительно предастся славянскому элементу... мы оба погрѣшимъ, а наука, умѣряя одного другимъ, выиграетъ“ (т. III, прим. 700). Вотъ почему онъ не могъ назвать свою книгу „древнѣйшій періодъ Русской Исторіи“, или какънибудь иначе. Отъ него стали бы того требовать, чего онъ не хотѣлъ и не могъ дать.

Итакъ, въ этомъ отношеніи, г. Погодинъ правъ. Но онъ неправъ въ другомъ; давая такое заглавіе своей книгѣ, онъ поступилъ неискренно: онъ задумалъ систематическое сочиненіе, обнимающее весь предметъ, и существенные его недостатки хотѣлъ прикрыть несистематическимъ, необязательнымъ заглавіемъ. Нѣкоторыя статьи очень хороши, но за то другія очень слабы, съ какой стороны ни станемъ ихъ разсматривать. Спрашивается: зачѣмъ же онѣ попали въ книгу? Очевидно для полноты, округленности сочиненія, Но къ чему она, когда авторъ имѣлъ полное право помѣстить въ нее что угодно, по выбору? Какъ учебникъ, эта книга не годится; какъ изслѣдованіе, она во многихъ отношеніяхъ слишкомъ неудовлетворительна. Съ другой стороны, заглавіе черезчуръ скромно по содержанію. Выходитъ что-то странное, ни то, ни се.

Достоинства и недостатки разбираемаго нами сочиненія опредѣляются достоинствами и недостатками его автора и мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ нашей исторической литературѣ. Какого бы мы ни были мнѣнія о г. Погодинѣ, издателѣ „Москвитянина“, авторѣ драмъ, повѣстей и „Года за границей“, мы не можемъ не сказать, что, какъ изслѣдователь древнѣйшаго періода русской исторіи, онъ—лицо замѣчательное, важное и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало оцѣненное. Выступивъ на сцену въ то время, когда характеръ исторической критики началъ у насъ измѣняться, и изъ пріуготовительныхъ изслѣдованій стала рождаться исторія въ собственномъ смыслѣ, г. Погодинъ обозначилъ собою это переходное время, и всѣми своими сторонами принадлежа къ прошедшему, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ новыхъ требованій, взглядовъ, ученыхъ пріемовъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ у его предшественниковъ. Нельзя не отдать ему должной справедливости, что онъ умѣлъ удержаться на исторической почвѣ, начавъ дѣйствовать въ то время, когда въ нашей исторической литературѣ стала показываться та же разноголосица, которая отразилась и въ изящной литературѣ, и въ быту, и въ мнѣніяхъ, когда даже историческіе взгляды начали переходить въ фантазіи. Вопросъ о происхожденіи Руси, о зачаткахъ русскаго государства былъ тогда въ ходу, и по порядку онъ былъ первый. Г-нъ Погодинъ принялся за его изученіе. Не увлекаясь блестящими ипотезами, соблазномъ отрывочныхъ фактовъ, онъ осмотрѣлъ все поле, подмѣтилъ преобладающія черты варяжскаго періода нашей исторіи, убѣдился, что онѣ запечатлѣны скандинавскимъ или норманскимъ элементомъ, и въ этомъ направленіи повелъ свои изслѣдованія. Ничто въ продолженіе долговременной ученой дѣятельности не могло отклонить его съ избраннаго пути. Доводы противниковъ только доставляли ему матеріалы для большаго и большаго развитія собственнаго взгляда. Мы въ правѣ назвать его собственнымъ взглядомъ г. Погодина, несмотря на то, что, какъ онъ самъ говоритъ: „знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Миллера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Круга, Лерберга, Френа“, а ему, т. е. г. Погодину, „довелось привести этотъ

взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ русскихъ лѣтописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія" (т. II, стр. 318). Эта заслуга сама по себѣ уже очень важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ цѣлость, единство, систему, положилъ послѣдній камень къ зданію и сдѣлалъ на будущія времена невозможнымъ отрывочное, безсвязное опроверженіе защищаемаго имъ взгляда. Этого мало. Убѣдившись, что варяги-Русь норманны, скандинавы, г. Погодинъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалъ весь первый, варяжскій, періодъ нашей исторіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи третій томъ „Изслѣдованій" особенно любопытенъ. Все, что дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присвоиваетъ однимъ скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени она—достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что, носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ что будущимъ изслѣдователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно новое.

Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совершенно другого или противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условіями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго имя, если не навсегда, то надолго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-помалу исчезающаго, натянутаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, но былъ человѣкъ съ талантомъ, начитанный, знакомый съ требованіями науки и критикой. Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ нѣчто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снять съ глазъ повязку, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратить или, правильнѣе, привести насъ къ воззрѣнію, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Вмѣсто того, чтобъ изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная, любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его. Онъ не вѣритъ существованію кожаныхъ денегъ, потому что въ древней Россіи не видитъ государства, кредита, правильной финансовой системы, безъ которыхъ представители цѣнности не могутъ имѣть оборота. Онъ потому же ратуетъ противъ подлинности „Русской правды", которую Карамзинъ, а за нимъ и одинъ ученый очень неловко и неудачно сравнили съ законами XII таблицъ: онъ отвергаетъ возможность торговли изъ тѣхъ же основаній. Вездѣ Каченовскій себѣ вѣренъ, и его мысль въ основѣ своей вполнѣ справедлива. Возможность такой несоотвѣтственности между основной мыслью и ея выполненіемъ, какую находимъ у Каченовскаго, совершенно объясняется малоизвѣстностью русской исторіи. Она и теперь еще лѣсъ, въ которомъ очень легко заблудиться. Прибавимъ къ этому, что, можетъ быть, не было еще человѣка, столько несчастнаго въ своихъ послѣдователяхъ, какъ Каченовскій. Онъ не имѣлъ учениковъ. Всѣ такъ называемые ученики его уцѣпились за букву и принялись опровергать подлинность лѣтописей; ни одинъ изъ нихъ не схватилъ главной мысли Каченовскаго, и она на время

погребена. Въ лицѣ этихъ продолжа-
й сама школа получила смѣшное назва-
кептической,—названіе, которое такъ не
ей къ лицу,—и умерла скоро безъ слѣ-
, какъ многое хорошее умираетъ, ожи-
достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ про-
ателей.
е это очень просто и теперь такъ оче-
о, что бросается въ глаза. Г. Погодинъ,
ученый прежняго порядка, не понялъ
аго значенія и призванія Каченовскаго
ашей исторической литературѣ. Онъ за-
лъ только его промахи и ошибки, и за
преслѣдовалъ его всѣми литературными
ствами. Даже въ его новой книгѣ, издан-
много лѣтъ и послѣ спора и послѣ смерти
ивника, мы находимъ какое-то ожесто-
е, простительное до нѣкоторой степени
пылу спора, но не десять лѣтъ спустя.
, что ни тогда, ни теперь,—когда споръ
ился, г. Погодинъ повидимому одержалъ
ъ и можетъ уже безъ докукъ и возра-
я со стороны скептической школы про-
ать свои занятія,—онъ не такъ понималъ
ованіе и направленіе Каченовскаго. Въ
мъ мѣстѣ мы разберемъ подробно все,
онъ сказалъ о своемъ противникѣ. Здѣсь
тимъ только, что такое направленіе об-
етъ всю односторонность и ограничен-
ь спеціалиста. Г. Погодинъ отзывается
о, мѣстами даже черезчуръ рѣзко о Ка-
вскомъ. Въ его словахъ видѣнъ тор-
вующій авторитетъ и величавое прене-
реніе къ побѣжденному противнику. Намъ,
ымъ этого спора, странно видѣть побѣд-
лавры, которыми украсилъ себя г. По-
нъ, — и Каченовскаго, идущаго за его
мфальной колесницей... На этомъ торже-
лежитъ печать иронiи, которой примѣ-
такъ много. Г. Погодину легко было
ѣть своего соперника огромнымъ пере-
мъ данныхъ, говорившихъ въ его пользу;
ого лѣтъ прошло, и самые слѣды спора
ли. Укажите теперь хоть на одного че-
ка, который бы серьезно сомнѣвался въ
инности и древности источниковъ нашей
рiи. А между тѣмъ, по своей точкѣ зрѣ-
Каченовскій вполнѣ правъ, гораздо пра-
г. Погодина. Г. Погодинъ думалъ, что,
вергнувъ Каченовскаго, онъ совершенно
дилъ его; мы не споримъ, что Каченов-
о доводы слабы, и хорошо, что нашелся
вѣкъ, который исправилъ ошибки, непо-
ственно лежавшія въ его словахъ. Но на
самомъ дѣлѣ великимъ лицомъ въ этомъ спорѣ
является не г. Погодинъ, а Каченовскій, по-
тому что вопросъ имъ поставленный обойденъ,
непонятъ: такъ онъ былъ глубокъ десять
лѣтъ тому назадъ. Но время не прошло, оно
только настаетъ: Каченовскій найдетъ себѣ
защитниковъ и продолжателей. Тогда уви-
дятъ, какъ напрасно торжествовалъ побѣду
г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это
время недалеко...

Будучи изслѣдователемъ-экзегетикомъ, а
не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть
собою новую эпоху ученаго обработыванія
русской исторiи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда
на весь предметъ, взгляда, въ которомъ раз-
личныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь
вязались бы между собою. У него есть свѣт-
лыя мысли, но нѣтъ ясной системы; есть
ученые пріемы, довольно удачные, но совер-
шенно нѣтъ методы. И за это мы не стали
бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не
вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая
всѣмъ спеціалистамъ—возводить въ систему
свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному,
систематическому взгляду на предметъ. Это
важная ошибка, которая, коренясь въ без-
сознательной односторонности, и родитъ одно-
сторонность, всегда почти неблагопрiятную
для науки. Всякій образованный человѣкъ,
ищущій въ знанiи общаго, единства, живого,
а не мертваго, охладѣваетъ къ книгѣ по
неволѣ, встрѣчая въ ней выходки противъ
взглядовъ и теорiй. Онъ не правъ, а кто пер-
вый виноватъ? Спеціалистъ-изслѣдователь.
Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій
очень просто, а потому здраво и дѣльно въ
ежедневномъ быту о житейскихъ вещахъ,
судитъ Богъ знаетъ по-каковски, лишь только
переноситъ свое сужденіе въ область науки.
Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, при-
ходитъ ли ему въ голову сказать, что му-
зыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему?
потому что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или
безсознательно убѣждены, что каждый чело-
вѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ
болѣе, въ другую менѣе,—словомъ, что онъ
имѣетъ свою степень ограниченности, недо-
статочности. Этому учитъ простая наглядка;
безъ труда и усилiй. Оттого люди съ раз-
нородными наклонностями и дѣятельностью
подаютъ другъ другу руку и извлекаютъ
другъ изъ друга возможную пользу, наслаж-
деніе, выгоду, какъ хотите назовите, — не
порицая въ другихъ способностей, которыхъ

у нихъ нѣтъ, потому что нельзя совмѣстить въ себѣ все. Чѣмъ болѣе уясняется эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ перегородки, раздѣлявшія людей.

Но въ наукѣ это и до сихъ поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однѣхъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно исчислять всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь вѣра въ эту іерархію исчезла, но еще крѣпко держится столько же странное мѣстничество между теоріей и практикой, изслѣдованіями и взглядомъ. Кто предается спеціальности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другого, который старается извлечь общее изъ изслѣдованій и подвести это общее подъ категоріи, связать одною мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ же смотритъ на спеціалиста. Г. Погодинъ принадлежитъ къ первому разряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: „вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертацій кандидатамъ и магистрамъ: объяснять эти памятники одинъ за другимъ,—а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего строить системы". Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія „ученая болтовня, пустыя фразы" и т. д., встрѣчаются часто. Подумаешь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теоріи и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ тѣхъ поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между тѣмъ остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно, сближаясь чрезвычайно, они все-таки остаются и навсегда останутся раздѣльными, особенными. Отъ этого, кто возстаетъ противъ теоріи, тотъ строитъ новую, лучшую, по крайней мѣрѣ раскрываетъ недостатки существующей, и тѣмъ показываетъ, что онъ дѣйствительно недоволенъ ею въ томъ видѣ, какъ ее находитъ; отзываясь о существующихъ теоріяхъ вообще свысока, съ пренебреженіемъ, но безъ разбора, безъ критики, онъ обнаруживаетъ, что увлеченъ одностороннимъ направленіемъ, исключительно практическимъ, и слѣдовательно хочетъ набросить тѣнь не на такой-то именно взглядъ, а на взглядъ вообще, на самое теоретическое направленіе. Таковъ г. Погодинъ вполнѣ. По немъ, что не изслѣдованіе съ цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ, то ужъ непремѣнно пустая фраза, непремѣнно система, построенная изъ ничего. Странно! Неужели онъ не знаетъ, что изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь? Если возьмемъ только два, три факта, и на нихъ построимъ взглядъ, неужто вправду это будетъ система, построенная изъ ничего? А если мы возьмемъ тысячу и болѣе фактовъ, вѣдь ужъ это будетъ такая система, которую придется опровергать! Не явно ли, что представленіе о системѣ, построенной изъ ничего, ни на чемъ и не основано? Сверхъ того, если мы однажды согласимся въ истинѣ, что пути теоретическій и практическій—разные, какъ они ни переливаются одинъ въ другой, какъ они ни близко сходятся, мы должны будемъ признать, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію, своихъ представителей, и что нѣтъ никакого основанія считать ихъ за преемственно слѣдующіе другъ за другомъ, теоретическій за практическимъ, или наоборотъ. Дѣйствительно, такъ и было, есть и будетъ. Гдѣ только является человѣкъ, тамъ съ разу вмѣстѣ появляются и оба направленія и развиваются чрезъ всю исторію. Оба равно разумны и равно вытекаютъ изъ сущности человѣка. А потому мы и видимъ, что сначала слаба практическая сторона, слаба и теоретическая. Вѣдь было бы крайне несправедливо отвергать значеніе изслѣдованій потому только, что было, есть и будетъ еще много плохихъ, неосновательныхъ изслѣдованій. Почему же не сказать того же самаго и о теоріи? Она можетъ быть плоха, но такъ же можетъ быть и хороша. Если существующія теоріи нехороши, это значитъ, что должно желать появленія хорошей или хорошихъ, а вовсе не то, что теоріямъ вовсе и существовать не слѣдуетъ. За что бы, кажется, тутъ спорить? за что бросать на теорію презрительныя слова? Пусть и то и другое идетъ своимъ путемъ, взаимно себя укрѣпляя и исправляя. Наконецъ, допустимъ, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ спеціальное изученіе для науки гораздо важнѣе и полезнѣе, нежели теоретическое, общее. Все

будутъ и при такихъ условіяхъ положе-
въ которыхъ безъ теоретической обра-
и предмета невозможно обойтись. Возь-
, наприм., профессора русской исторіи.
прикажете ему дѣлать? Налечь на ка-
нибудь спеціальную сторону предмета и
ть ее цѣлый годъ, потомъ, въ двѣ, три
іи изложить все прочее? Наука черезъ
выиграетъ, правда, но слушатели на-
ое потеряютъ. Цѣль преподаванія—дать
ое обозрѣніе предмета, а не частности,
чи, важныя въ наукѣ, неважныя и не-
ныя для того, кто ищетъ только общаго
зованія. Этимъ мы далеко не хотимъ
ргать важность спеціальныхъ курсовъ;
общемъ они приносятъ неисчислимую
зу, но одни они не ведутъ къ цѣли пре-
ванія. Профессоръ, преподаватель, по не-
димости начнетъ систематизировать свой
метъ, займется цѣлыми эпохами, періо-
, а не частностями. Оттого вездѣ, гдѣ
и процвѣтаютъ, существуетъ особливая
ратура учебниковъ и особливая литера-
сочиненій собственно ученыхъ, разра-
вающихъ частности и ведущихъ такимъ
зомъ науку впередъ. У насъ недавно
и появляться порядочные учебники по
кой исторіи; ихъ и теперь немного; а
сочиненій по одному вопросу о проис-
деніи варяговъ-Руси можно составить цѣ-
порядочную библіотеку. Оттого-то у насъ
и нѣтъ людей, знающихъ русскую исто-
въ связи, въ цѣлости, тогда какъ много
идатовъ и студентовъ, которые по част-
ъ вопросамъ заткнутъ за поясъ иного
ессора. Это и не прекратится до тѣхъ
, пока мы не бросимъ пагубнаго пред-
кденія противъ системъ и теорій.
собенно странно въ г. Погодинѣ то, что,
ваясь неблагопріятно о системахъ и тео-
ъ русской исторіи, онъ самъ какъ бы
льно ихъ строитъ. Стремленіе понять
нной законъ исторической жизни народа,
сть, усвоить его себѣ и чрезъ это открыть
ума большій просторъ, освободиться отъ
ха и трепета предъ таинственнымъ, не-
стнымъ, и потому кажущимся или сверхъ-
ственнымъ, или случайнымъ, — такъ же
денно, всегда присуще человѣку, какъ
ребованіе возсоздать фактъ прошедшій
, какъ онъ былъ. Ни отъ того, ни отъ
ого требованія человѣкъ не можетъ от-
ться. Оно-то и вовлекло г. Погодина въ
слѣдовательность. У него, современника Каченовскаго, было тоже какое-то смутное предчувствіе цѣльнаго, полнаго взгляда на русскую исторію. Это видно изъ того, что онъ въ своихъ разысканіяхъ, иногда наперекоръ фактамъ, преслѣдуетъ какую-нибудь любимую мысль. Лучшимъ примѣромъ и подтвержденіемъ могутъ служить его изысканія о норманскомъ періодѣ. Но такъ какъ г. Погодинъ большей своей половиной принадлежитъ къ экзегетикамъ, толкователямъ,—его чаяніе, предчувствіе осталось неразвитымъ. Не будучи въ состояніи ни совершенно отказаться отъ теоретическаго воззрѣнія, ни основать его на твердыхъ, ясныхъ началахъ, г. Погодинъ впалъ въ историческій мистицизмъ,—иначе мы не можемъ назвать его историческое воззрѣніе, которое такъ рѣзко выразилось въ его „Историческихъ афоризмахъ“. Онъ остановился на точкѣ какого-то благоговѣнія предъ каждымъ историческимъ событіемъ, не стараясь объяснить его значеніе и мѣсто въ цѣломъ историческомъ развитіи. Могъ бы умереть Игорь, да не умеръ; могъ бы Олегъ имѣть дѣтей—да не имѣлъ; Святославъ чуть-чуть не поселился въ Болгаріи, да очень кстати случился тогда въ Греціи Цимисхій и помѣшалъ ему привести замыселъ въ исполненіе. За этимъ г. Погодинъ ужъ ничего не видитъ, какъ тотъ, кто читаетъ, но не вникаетъ въ смыслъ прочтеннаго. Странно! Буква за буквой идетъ и что-то выходитъ .. Всего поразительнѣе, что г. Погодинъ, позволяя себѣ нападки на теоріи и взгляды, самъ же замѣняетъ ихъ—знаками удивленія. Не знаемъ, почему же одно лучше другого, и по какому праву одно можетъ замѣнить другое? Или это дѣло совершенной безсознательности, или такой способъ дѣйствованія внушенъ тою же самоувѣренностью, которая дала г. Погодину рѣшимость слишкомъ рѣзко отзываться о покойномъ Каченовскомъ. Одно стоитъ другого.

Таковы, сколько мы понимаемъ, достоинства и недостатки г. Погодина, какъ изслѣдователя русской исторіи и древностей. Они болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразились въ его новой книгѣ, къ разбору которой мы теперь и приступимъ.

Изслѣдованіямъ о достовѣрности источниковъ древней русской исторіи предпослано предисловіе. Въ немъ разсказана исторія составленія книги. Эта книга посвящена „молодымъ друзьямъ“ (?) русской исторіи, студентамъ университетовъ и въ особенно-

сти студентамъ Московскаго университета. Методъ изслѣдованія изложенъ вѣрно, хотя, какъ мы думаемъ, онъ одинъ недостаточенъ для возведенія русской исторіи на степень науки.

„Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать всѣ мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ объ извѣстномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ, и вообще ко всей исторіи, провѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Работа трудная и вмѣстѣ легкая, за которую можетъ приниматься всякій юноша, не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ. Объясните намъ такимъ образомъ бояръ, дѣтей боярскихъ, пасынковъ, дѣтскихъ, дворянъ, жильцовъ, тіуновъ, цѣловальниковъ, куны, гривны, рубли, деньги, города, слободы, помѣстья, отчины, поле, правежъ, полюдье, кормленье, опричину, поклоны, пошлины, дары; составьте сводныя грамоты всѣхъ родовъ; разберите по частямъ управленіе, духовное, гражданское, военное, — и такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ русская исторія возведена будетъ на степень, на которой быть ей подобаетъ“ (стр. XI).

Работая такимъ образомъ, мы получимъ рядъ прекрасныхъ монографій, но все же не будемъ имѣть русской исторіи. Кто захочетъ возсоздать русскую исторію, тому необходимо вновь переработать источники, и нерѣдко то, что въ монографіи не найдетъ мѣста, или при спеціальной разработкѣ не обратитъ на себя никакого вниманія, здѣсь займетъ первое мѣсто. Въ этомъ-то именно и заключается недостатокъ г. Погодина, что онъ одной половинѣ задачи придаетъ исключительную важность, и забываетъ о второй, послѣдней, окончательной, которая не можетъ быть разрѣшена безъ пособія высшихъ взглядовъ, теоріи, системы.

За этимъ слѣдуетъ выводъ изъ полнаго знанія русской исторіи,—выводъ, съ которымъ мы не можемъ согласиться:

„Вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ нашему духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, воспользуется своими опытами, и начнетъ искать добра тамъ, гдѣ его найти можно, то-есть въ своей землѣ, а не подъ тропиками Рака или Козерога“ (стр. XI и XII).

Споръ старый и потому уже скучный — споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ для насъ, современниковъ, прошедшее Руси. Узнавъ его, мы поймемъ себя, яснѣе увидимъ путь, по которому двигаемся въ исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чего никакъ не должно забывать, поймемъ и необходимость, заставившую насъ искать добра не у себя, а у другихъ. Наука можетъ дать намъ средства облегчить путь, сдѣлать его сознательнымъ и чрезъ это возможно менѣе тяжкимъ, но перемѣнить его не можетъ. Притомъ, что умерло, того ужъ не воскресишь. Мы теперь не знаемъ только, почему умерло, хотя и догадываемся, а тогда будемъ знать: вотъ и все. Смотрѣть иначе на науку исторіи—значитъ не понимать ея.

Рядомъ съ этою мыслью, по нашему мнѣнію невѣрной, мы встрѣчаемъ другую, очень вѣрную:

„Я говорилъ о работѣ, доступной для всякаго трудолюбиваго молодого человѣка, но она не должна останавливать другихъ, одаренныхъ особенными способностями, чующихъ въ себѣ присутствіе высшей силы. Пусть такіе избранные обращаются къ самой исторіи, выбираютъ себѣ тотъ или другой періодъ—Норманновъ, Монголовъ, Москву, Новгородъ, пятнадцатый вѣкъ, смутное время, Малороссію, стрѣльцовъ, или посвящаютъ свое перо одному какому лицу—Ивану третьему, Грозному, Годунову, Хмѣльницкому, Петру. У насъ распространилось недавно повѣрье, что за такія сочиненія приниматься еще не время теперь, пока не обработаны всѣ источники, и пока не кончились всѣ приготовительные труды. Это мнѣніе совершенно ложное. Еслибъ имѣли его Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, то до сихъ поръ, у насъ не было бы никакой исторіи. Если же Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ принимались въ свое время за сочиненіе исторіи, и поступили въ этомъ случаѣ прекрасно, то кольми паче возможно это теперь, послѣ ихъ трудовъ, при обнародованіи матеріаловъ, когда положена уже, такъ сказать, столбовая дорога исторіи. Лишь былъ бы умъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! Отъ историка не должно спрашивать новыхъ изслѣдованій, а только искусства воспользоваться сдѣланными. Всякій вѣкъ имѣетъ свои требованія и свой взглядъ на вещи, и во всякомъ вѣкѣ должна возобновляться картина исторіи, сообразно съ состояніемъ науки и матеріаловъ въ его время“ (стр. XII и XIII).

Въ этой мысли есть противорѣчіе съ сказаннымъ выше, съ нападками противъ тѣхъ, которые берутся за цѣлые эпохи и періоды. Но эта-то непослѣдовательность автора „Изслѣдованій“ и оправдываетъ наши слова, что онъ вполнѣ принадлежитъ къ переходному времени. Еслибъ онъ былъ послѣдователенъ, онъ непремѣнно или вышелъ бы на новую дорогу, или исключительно удержался бы при прежнемъ. Въ этой непослѣдовательности и сильная и слабая сторона г. Погодина.

Наконецъ, изъ предисловія мы узнаемъ, что г. Погодинъ намѣренъ въ слѣдующемъ году издать еще два тома объ удѣльномъ

одѣ, потомъ собраніе своихъ статей, по-
енныхъ въ журналахъ о разныхъ лицахъ
редметахъ русской исторіи, а затѣмъ по-
ается какъ можно скорѣе издать и про-
омы о древней русской исторіи до Петра
каго. Будемъ ждать.

ервый томъ раздѣленъ на XIV главъ.
ервой авторъ доказываетъ достовѣрность
ней русской исторіи и лѣтописи вообще
еменными иностранными свидѣтельства-
Изъ нихъ онъ возсоздаетъ русскую исторію,
главныхъ чертахъ совершенно сходную
тѣмъ, какъ разсказываетъ ее лѣтопись.
довольствуясь этимъ очень многовѣснымъ
зательствомъ, онъ обращается къ нашимъ
стіямъ, неподверженнымъ сомнѣнію, и
нихъ заключеніями назадъ выводитъ то
что говоритъ лѣтопись. И мысль и вы-
еніе ея очень удачны. Потомъ разрѣ-
тся вопросы о времени и мѣстѣ сочи-
я первой русской лѣтописи, приписы-
ой Нестору. Это изслѣдованіе приво-
автора къ убѣжденію, что лѣтопись
на въ Кіевѣ, въ XI или въ началѣ
вѣка, не позже.

обще, соглашаясь совершенно съ дово-
г. Погодина и находя ихъ по большей
и вѣрными и основательными, мы не со-
ъ довольны нѣкоторыми изъ нихъ; напр.,
тр. 23 онъ говоритъ, что 1103 годъ въ
иси описанъ, 1104, 5, 6, 7, 8, 9 не
аны; за десятымъ приписка, а за при-
ой описаніе предыдущихъ пропущенныхъ
. За этимъ онъ прибавляетъ.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что
ачалѣ XII столѣтія или концѣ XI, въ лѣто-
былъ перерывъ (одинъ сочинитель кончилъ,
й захватилъ нѣсколько предыдущаго времени,
исаннаго у предшественника, и сталъ продол-
). Слѣдовательно, начало ея оканчивалось около
времени, и слѣдовательно было сочиняемо
райней мѣрѣ въ XI столѣтіи".

о несправедливо. Изъ этого доказатель-
слѣдуетъ только, что лѣтопись писана
XII вѣкѣ, а никакъ не въ XI. Послѣд-
будетъ натяжкой.

амъ не нравится также, что г. Погодинъ,
доказательство, что лѣтопись писалась
еменникомъ, такъ часто приводитъ мѣста
Никоновой лѣтописи (пять разъ), тогда
, на стр. 37, онъ самъ говоритъ, что
ей, равно какъ и въ Степенной Книгѣ,
писѣ и сказкахъ о первыхъ кіевскихъ
ьяхъ до Ярослава есть подлоги (они
идны); на стр. 81, въ примѣч. 2, что
въ никоновскомъ спискѣ есть распространенія и украшенія, а на стр. 84: „всѣ сіи извѣстія принадлежатъ къ подлиннику подлинниковъ, то-есть самому Нестору. Мнѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, какомъ-нибудь никоновскомъ или софійскомъ; я говорю здѣсь о лѣтописи по лучшимъ спискамъ". Конечно, г. Погодинъ не на одну эту лѣтопись ссылается, но лучше бы было не ссылаться на нее вовсе.

На стр. 39 приводятся слова изъ Никоновской лѣтописи: „Такожъ бѣ и другіи братъ Еремія, иже помняше крещеніе Рустей земли". Авторъ говоритъ: „должно полагать, что этотъ Іеремія былъ современникомъ лѣтописателю. Иначе еслибъ лѣтописатель не засталъ уже его, съ чего было бы упоминать, что онъ помнитъ крещеніе". Это заключеніе произвольно. Монахъ Іеремія могъ быть человѣкъ извѣстный въ монастырѣ, память о которомъ сохранялась долго. Предположенія никогда не должно возводить на степень доказательствъ.

Далѣе, исчисливъ „выраженія въ лѣтописяхъ, показывающія, что описанія сдѣланы какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествій, когда они были еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ", авторъ говоритъ: „такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже XI вѣка" (стр. 48). Явно, что онъ увлекся своею мыслью, убѣжденіемъ; ибо доказать этого невозможно по недостатку доказательствъ. Что лѣтописатель долженъ былъ жить близко къ этому времени, нѣтъ сомнѣнія; но какъ опредѣлить именно когда?

Доказательства, взятыя изъ языка лѣтописи, тоже хороши, убѣдительны, но и въ нихъ авторъ увлекся. Представивъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, авторъ говоритъ (стр. 45): „Ухо не чувствуетъ ли ясно, что эти описанія, несмотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ и если послѣднее принадлежитъ XIV столѣтію, то первое (вмѣстѣ съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше".

Дѣйствительно, что первыя мѣста старше послѣднихъ очень чувствительно; но что они старше двумя столѣтіями—этого никакъ не замѣтно. Можетъ быть больше, можетъ быть меньше. Древность памятника по одному ходу рѣчи опредѣлить чрезвычайно трудно, большею частью почти невозможно.

На той же 45 страницѣ г. Погодинъ говоритъ: „обращу вниманіе на форму драматическую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все начало лѣтописи. Найдите мнѣ ее въ XIII, XIV или XV столѣтіяхъ въ такомъ видѣ!“ Во-первыхъ, драматическая форма общa всѣмъ нашимъ лѣтописямъ, гдѣ хотя сколько-нибудь подробно разсказывается событіе. Во-вторыхъ, не должно забывать, что время составленія лѣтописи—искомое. Пойдите отъ мысли, что вы ничего не знаете о томъ, когда лѣтопись написана, и драматическая ея форма вамъ ровно ничего не скажетъ. Слѣдовательно, это не доказательство Впрочемъ, противъ этого уже возражали г. Погодину и онъ отвѣчалъ на это возраженіе ниже, на стр. 433:

„Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора я употребилъ только въ дополненіе къ доказательствамъ, отнюдь не придавая ей особенной силы. Авторъ, то-есть критикъ, приводитъ эту форму изъ сочиненій XIV вѣка, и говоритъ, что изъ нея заключить ничего нельзя. Ее можно привесть и изъ нашего времени, но форма формѣ рознь; одна она, разумѣется, немного значитъ, а въ соединеніи съ другими признаками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на стр. 43 даже древнѣе Нестора“.

Ясно, что отвѣтъ на возраженіе слабъ, и оно сохраняетъ свою силу. Доказательство, которое безъ другого доказательства ничего не значитъ,—не есть доказательство. Такъ же неправильно сказано авторомъ на стр. 46:

„Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ XI и какомъ нибудь XIV вѣкѣ; въ первомъ мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ священнаго писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первый повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ (о которыхъ послѣ), показываетъ гораздо болѣе авторскихъ пріемовъ, нежели послѣдніе.“

Благочестивыя размышленія и мѣста изъ священнаго писанія наполняютъ лѣтописи не только первыхъ временъ, но даже и позднѣйшихъ. Укажемъ для примѣра на псковскую. Близость къ церковному языку безспорно доказательство весьма важное и рѣшительное. Что же касается до авторскихъ пріемовъ, то хотя мы и не находимъ ихъ въ лѣтописи, однако, еслибъ они и были, это былъ бы важный доводъ противъ, а не въ пользу подлинности лѣтописи, ибо въ началѣ сказанія всегда простѣе, безыскусственнѣе; это одна изъ ихъ характеристическихъ чертъ.

Въ числѣ разныхъ соображеній, доказывающихъ древность лѣтописи, авторъ, между прочимъ приводитъ слѣдующее (стр. 54).

„Въ XIV или XV вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ. Отъ кого узнать въ XIV вѣкѣ объ austur-vigi или wester-vigi норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по симъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку (Олегову) о купеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV вѣкѣ, когда путешествія норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Отъ кого? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами. Какъ въ XIV или XIII вѣкѣ могли Радимичи вести повозъ? Кому? Послѣ монголовъ и радимичей не стало!“ и проч. и проч.

Если можно было обойтись безъ этого соображенія, то почему авторъ прибѣгнулъ къ нему? Оно не основательно. Точно такъ же, какъ лѣтописецъ XI вѣка узналъ о событіяхъ за долго до него совершившихся, такъ точно могъ ихъ узнать и писатель позднѣйшій,—черезъ преданія и записки, иностранныя лѣтописи и т. д. Если въ XII вѣкѣ упоминаются еще имена русско-славянскія, то почему жъ не могъ знать о нихъ лѣтописецъ XIII вѣка? Точно также нельзя объяснить, почему бы радимичи въ XIV или XIII вѣкѣ не могли вести повозъ, несмотря на разореніе Кіева и южной Россіи монголами. Повторимъ, что этими замѣтками мы вовсе не думали и не думаемъ опровергать основательныя розысканія г. Погодина и производить бурю въ стаканѣ воды. Мы только указали на нихъ, какъ на недосмотры, ошибки, увлеченія, которые мѣшаютъ дѣлу и подаютъ поводъ къ придиркамъ. Кому не извѣстно, что такіе промахи навлекали на себя опроверженія очень неосновательныя, и которыя получали, однако, для незнающихъ видъ дѣльныхъ, серьезныхъ возраженій.

Потомъ авторъ переходитъ къ розысканію о томъ, кто именно писалъ лѣтопись,—розысканію, по собственному его мнѣнію, менѣе важному, что̀ дѣйствительно такъ. Всѣ прямыя и косвенныя свидѣтельства указываютъ на Нестора, монаха Кіевопечерской Лавры. Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись (глава IV)? Г. Погодинъ находитъ, что она дошла до насъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ была написана, исключая необходимыя ошибки и разнословія, принадлежащія переписчикамъ. Это выводитъ г. Погодинъ изъ сличенія всѣхъ древнѣйшихъ списковъ, въ противоположность Шлецеру и всѣмъ из-

ователямъ, которые думали единогласно, лѣтопись Несторова дошла до насъ съ нѣйшими вставками.

отомъ авторъ обозрѣваетъ источники Не-овой лѣтописи. Онъ насчитываетъ ихъ есяти: 1) прежнія записки церковныя и стырскія, хронографическія отмѣтки и Слѣды этихъ записокъ видитъ онъ, между имъ, въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣ-ь лѣтописи разсказъ начинается тѣми же ами („Полемъ же жившимъ особѣ"), въ орядкѣ извѣстій въ лѣтописи, изобличаю-ь вставки, которыя авторъ приписываетъ му Нестору; кромѣ того, г. Погодинъ ука-етъ на слѣды древнихъ памятниковъ, не дшихъ до насъ, и которые подтверждаютъ жность существованія записокъ: лѣто-а стараго ростовскаго, хронологическую ицу у Нестора, Борисово житіе (предпо-въ, что оно принадлежитъ не Нестору) д. „Можетъ быть въ нашихъ хроногра-",—говоритъ авторъ,—„о которыхъ мы ихъ поръ не имѣемъ еще никакого по-чнаго понятія, отыщется первоначальная за Несторовой лѣтописи" (стр. 95). 2) Соб-ное удостовѣреніе; 3) извѣстія современ-въ; 4) болгарскія лѣтописи или извѣстія; реческія лѣтописи по словамъ самого Не-а; 6) извѣстія варяговъ; 7) туземные раз-ы жителей; 8) преданія; 9) письменные менты (акты), наприм., договоры съ гре-; 10) народныя пѣсни и сказки.

огъ ли Несторъ пользоваться всѣми этими чниками, былъ ли онъ грамотенъ и на ько образованъ? Г. Погодинъ отвѣчаетъ тотъ вопросъ утвердительно, и доказы-ъ распространеніемъ въ Россіи христіан-и грамотности за двѣсти пятьдесятъ до Нестора; тѣмъ, что онъ извѣстенъ сочинитель житія Ѳеодосіева, которое трудніе написать, чѣмъ лѣтопись; тѣмъ, въ его время было много людей грамот-ь, которыхъ труды до насъ дошли, и т. д. ь этой главѣ есть также нѣкоторые не-отры. Наприм., послѣ многихъ истори-ихъ соображеній, которыя дѣлаютъ вѣ-нымъ существованіе у насъ записокъ мо-ырскихъ или церковныхъ, авторъ гово-ъ: „Рѣшительно у насъ были записки до гора" (стр. 92). Это заключеніе намъ ка-ся слишкомъ поспѣшнымъ. На стр. 93, ря, что въ лѣтописи есть хронологиче-таблица (Лавр. Списокъ по изд. Тимк. 11), въ которой исчисляются важнѣйшія событія отъ сотворенія міра до смерти Святополка и опредѣлены ихъ годы, авторъ прибавляетъ: „Мнѣ кажется, что эта таблица писана прежде Нестора, а имъ только что продолжена. Еслибы писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ бы Рюрика и новгородское призваніе". Намъ кажется такое предположеніе произвольнымъ. Г. Погодинъ самъ думаетъ, и это вѣроятно, что лѣтопись Нестора по преимуществу кіевская. Очень понятно и естественно, что, дошедъ до Россіи, онъ началъ выставлять хронологическія числа по однимъ кіевскимъ событіямъ; притомъ же, если эта таблица не имъ составлена, отчего же онъ говоритъ отъ своего имени? Вѣроятно, онъ не присвоилъ бы ее себѣ, еслибъ она не ему принадлежала; отчего бы въ нее былъ введенъ Михаилъ, византійскій императоръ (это указываетъ на то, что она была составлена съ помощью лѣтописей греческихъ или болгарскихъ); наконецъ, мы не видимъ причины, почему бы Несторъ не могъ исправить ее, еслибы она дѣйствительно была не имъ составлена и казалась ему недостаточной. По крайней мѣрѣ, одно предположеніе равносильно другому.—На стр. 95 авторъ говоритъ: „наконецъ я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающійся отъ Несторова: извѣстія о происшествіяхъ, напримѣръ, при Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо простѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ лѣтописи, или житіе Ѳеодосія". Это кажется г. Погодину однимъ изъ указаній на то, что Несторъ пользовался при составленіи лѣтописи какими-нибудь записками, которыя вносилъ безъ большихъ измѣненій. Намъ кажется это предположеніе слишкомъ смѣлымъ. У насъ есть странная способность говорить двумя или нѣсколькими различными языками, смотря потому, о чемъ мы говоримъ. О священномъ, церковномъ, наприм., мы до сихъ поръ говоримъ языкомъ напыщеннымъ, полу-славяно-церковнымъ. Вспомните письмо Іоанна IV въ Кирилловскій монастырь: подумаешь, двое его писали. Такъ, вѣроятно, поступалъ и Несторъ. По крайней мѣрѣ, на различіи языка его нельзя ровно ничего основывать. Множество примѣровъ представляютъ и самыя лѣтописи послѣ Нестора.

На стр. 99 сказано, что „первые наши духовные, священники, наприм., при Игорѣ, у Ольги (священникъ Григорій), при Владимірѣ, были безъ сомнѣнія Болгаре". А почему

безъ сомнѣнія, не объяснено. — На той же 99 стр. сказано, что житія болгарскихъ святыхъ зашли къ намъ всего вѣроятнѣе въ XI вѣкѣ, а почему, тоже не видно.—На стр. 101, объясняя какимъ образомъ греческія лѣтописи могли быть доступны для Нестора, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно натянутое предположеніе, что греческій монахъ Михаилъ, бывшій въ то время въ монастырѣ, могъ перевести нужное для Нестора изъ греческаго временника, какъ перевелъ монастырскій уставъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что это дѣло почти невозможное. Переводить греческій временникъ вовсе не то, что̀ переводить уставъ и законы, опредѣляющіе жизнь, и, слѣдовательно, имѣющіе непосредственное, практическое примѣненіе. Признаемся откровенно, что чѣмъ болѣе мы вдумываемся въ нашъ бытъ XI вѣка и сравниваемъ его съ послѣдующимъ, тѣмъ намъ кажется невозможнѣе, несообразнѣе, неестественнѣе, чтобы одинъ сталъ для удовлетворенія простой любознательности другого (ибо г. Погодинъ самъ говоритъ на стр. 38, что наши монахи писали лѣтопись для себя, а не для другихъ) переводить лѣтопись. Всякое другое предположеніе вѣроятнѣе, чѣмъ это.—На стр. 104, вѣроятно, ошибкой поставлено Древляне вмѣсто Дреговичи (Δρουγουβιτοι Константина Багрянороднаго). — Замѣтимъ еще въ заключеніе, что г. Погодинъ, разрѣшивъ, и, какъ намъ кажется, основательно, вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Несторъ, и о возможности ими пользоваться въ XI вѣкѣ, не опредѣлилъ, а только мимоходомъ коснулся возможности для Нестора, монаха, написать лѣтопись. Несторъ все-таки остается лицомъ загадочнымъ, фактомъ страннымъ въ то время. Его большая начитанность, связи съ современниками, то, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дипломатическіе акты, знакомство съ лѣтописями греческими и болгарскими, наконецъ, самая мысль писать русскую лѣтопись,—воля ваша, все это изобличаетъ въ немъ или ученаго монаха, какихъ не могло быть у насъ тогда своихъ, монаха, пришедшаго изъ Болгаріи или Греціи, или какое-нибудь знатное, извѣстное лицо между русскими и славянами того времени. Кажется, это не обратило на себя вниманія г. Погодина. Мысль, что лѣтопись писалъ монахъ XI вѣка, невольно насъ сбиваетъ съ толку, и даетъ ложное представленіе о цѣлой эпохѣ.

Глава VI содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ греками; она доказана очень хорошо и убѣдительно. Только и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые недосмотры. На стр. 116 стоитъ слѣдующая нелогическая фраза: „Договоры сами по себѣ столько важны, столько значительны для русской и общей европейской исторіи, что необходимо утвердить ихъ подлинность и оградить ихъ отъ возможныхъ притязаній“.—Одно изъ другого не слѣдуетъ. Надобно утверждать то, что̀ истинно.—Изъ четырехъ мѣстъ, взятыхъ изъ греческихъ лѣтописей о сношеніяхъ грековъ съ Руссами, только два (Льва-Дьякона и Кедрина) свидѣтельствуютъ рѣшительно, что между ними были договоры (стр. 120 и 121).—На страницѣ 125 приведено много примѣровъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ не помѣщались очень важные договоры и грамоты, а не объяснено, почему именно договоры съ греками попали въ Несторову лѣтопись. Даже нѣтъ попытки объяснить это. Мы думаемъ, что̀ разрѣшеніе этого вопроса могло бы привести насъ къ окончательнымъ заключеніямъ объ языкѣ подлинныхъ договоровъ. Что они—переводъ съ греческаго,—это очень вѣроятно. Также вѣроятно, что мы ихъ имѣемъ въ болгарскомъ переводѣ. (На страницѣ 123, г. Погодинъ говоритъ, что эти договоры были, безъ всякаго сомнѣнія, писаны на нашемъ языкѣ и греческомъ. Но едва-ли онъ правъ, выражаясь такъ утвердительно). Если этотъ болгарскій переводъ заимствованъ изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, еще остается возможнымъ предположеніе, что онъ не оффиціальный, и что подлинникъ, отправленный къ нашимъ князьямъ, былъ писанъ на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, напримѣръ, норманскомъ; но если не такъ, т.-е., если Несторъ имѣлъ копію съ подлинника, находившагося въ Россіи, то болгарскій языкъ подлинника находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ норманствомъ нашихъ первыхъ князей,—не говоря уже о томъ, что невозможно себѣ и представить, какимъ образомъ такая копія могла попасть Нестору въ руки. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договорныхъ грамотъ новгородцевъ съ ихъ князьями, хотя новгородскимъ монахамъ легче было знать эти договоры, чѣмъ кіевскому договоры князей съ иностранцами. Впрочемъ, къ этому мы еще возвратимся.—На стр. 126 поставленъ вопросъ: „какъ могли договоры сохраниться у насъ, дойдти до Нестора?“

ѣтъ: „какъ бы то ни было, а сохрани-
Итакъ—мы не знаемъ: это и проще,
.—На стр. 137, находимъ слова: „ко-
о пословъ было непремѣннымъ усло-
аменитости посольства". Это не такъ,
ней мѣрѣ сначала. Много пословъ по-
ь не для того, чтобы возвысить госу-
потому, что посылалъ не онъ одинъ,
го вассалы, „сущіе подъ рукою". Уже
ствіи это перешло въ обычай по-
много пословъ; форма удержалась, но
ея былъ потерянъ.—На той же 137
ѣ: „Въ договорѣ Олега говорится о
твѣ Русина, умершаго въ Греціи, ко-
олжно быть переслано въ его отече-
у норманновъ есть свидѣтельство объ
изъ добычи, который долженъ быть
енъ наслѣдникамъ. Et si aliquis de
nis occisus fuit, quaesitum pretium pro
exsolutum". Эти мѣста выставлены
раллельныя; но послѣднее темно, а
выя не имѣютъ между собою ничего

той же статьѣ находимъ два важныя
рѣчія. Первое, о лѣтописцахъ (стр.

акъ собиратель 13 или 14 вѣка могъ до-
воего времени отнести ко временамъ древ-
едъ своими современниками? Могъ ли онъ
анывать въ глаза? И съ какой цѣлью?"

амъ же авторъ сказалъ на стр. 38-й,
ши монахи писали для себя, а не
лики". А если такъ, то нечего гово-
современникахъ, и невозможность ихъ
ь—не аргументъ.—На стр. 252:

же между десятками разныхъ статей есть
подобныя, то отъ этихъ мелкихъ статей
ичего заключать къ огромному цѣлому...
встрѣчаются у народовъ самыхъ отдален-
инъ отъ другого, на противоположныхъ
іяхъ, въ разныхъ періодахъ времени".

да, совершенно такъ. Однако въ III
о положеніе опровергается:

тники спорить, охотники искать не истины,
оговъ къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣ-
частное возраженіе, составленное изъ лег-
щихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (на-
мество) принадлежитъ всѣмъ народамъ,
имя (напримѣръ, князь) есть чисто сла-
слѣдовательно, норманскими ихъ назвать
Отвѣчаю: 1) если они общія, то нельзя
ъ и у Норманновъ; 2) они являются не одни;
окупности со множествомъ другихъ обы-
ихъ именъ, чисто норманскихъ, слѣдова-
олжны быть принесены Норманнами же,
встрѣтили у туземцевъ случайное сходство
съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами и при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою" (стр. 417).

Объ этомъ мѣстѣ въ отношеніи къ норманскому періоду мы еще будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Погодинъ произвольно употребляетъ общее положеніе или въ свою пользу, или противъ противниковъ, смотря потому, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. На такомъ шаткомъ основаніи, которое мирволитъ и тому и другому, нельзя ничего строить, и г. Погодинъ не долженъ бы вовсе прибѣгать къ нему; ибо оно само себя разрушаетъ.

Параллельныя мѣста, подобранныя къ договорамъ съ греками изъ лѣтописей и договоровъ, не всегда удачны; напримѣръ, стр. 130:

„Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Ростовъ, Любечь".	Константинъ Багрянородный по другому случаю говоритъ, что суда, ходившія въ Константинополь, были изъ Кіева, Чернигова, Любеча и проч."

„И проч." не должно сбивать насъ: между прочими нѣтъ ни одного города, поименованнаго въ договорѣ.

Такъ же неудачно и послѣднее параллельное мѣсто, на стр. 136. Кромѣ того, много и такихъ мѣстъ находимъ мы въ этой параллели, къ которымъ можно подыскать мѣста не только въ европейскихъ, но и въ другихъ исторіяхъ всѣхъ временъ. Такъ, напримѣръ, о подписаніи договоровъ.

Въ заключеніе, нельзя не указать на очень остроумное объясненіе окончанія нѣкоторыхъ именъ въ Игоревомъ договорѣ на *овъ*. Г. Погодинъ думаетъ, что они „не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ князей, кои вмѣстѣ съ Игоремъ отправили посольство къ византійскому императору" (стр. 141). Мы съ этимъ совершенно согласны, но думаемъ, что этимъ объясненіемъ г. Погодинъ не довольно воспользовался при объясненіи норманскаго періода, что̀ и постараемся доказать при разборѣ третьяго тома.

Въ VII главѣ г. Погодинъ дѣлитъ Несторову лѣтопись (по Лаврентьевскому списку, сколько напечатано) на части и показываетъ, откуда каждая могла быть заимствована.

„Предупреждаю читателей" (говоритъ авторъ на стр. 157) „во-первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстіяхъ Нестора только въ отношеніи къ *возможнымъ* источникамъ; во-вторыхъ, что я ни

мало не стою за свои *предположенія*: пусть другіе изслѣдователи приберутъ возможные источники вѣроятнѣе".

Полагая, можетъ быть, что это предупрежденіе недостаточно, авторъ въ самомъ концѣ этой главы опять говоритъ (стр. 172):

„Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть предположительное, и я знаю, что, разбирая мои предположенія порознь, можно написать на нихъ очень много возраженій, особенно общими мѣстами и вопросительными знаками".

Обходя послѣднюю замѣтку, которая здѣсь совершенно лишняя, мы позволимъ себѣ замѣтить одно: предположеніе, къ которому прибѣгаетъ изслѣдователь въ крайнемъ случаѣ, когда другихъ средствъ для открытія истины нѣтъ, никогда не можетъ быть совершенно случайно, совершенно произвольно. Непремѣнно оно имѣетъ какое-нибудь основаніе, которое дѣлаетъ его вѣроятнымъ. Оттого и происходитъ, что часто предположеніе знатока обращается съ помощью вновь найденныхъ доказательствъ въ полную историческую истину. Такъ всегда бываетъ, если предположеніе хоть сколько-нибудь правдоподобно, и только по этому мѣрилу мы отдѣляемъ предположенія вѣроятныя и возможныя отъ невѣроятныхъ и невозможныхъ. Не иначе поступалъ и г. Погодинъ, хотя и не вездѣ высказалъ основанія своихъ предположеній. Въ лѣтописи различныя мѣста очевидно взяты не изъ одного источника. Угадавъ однажды, какія основанія принялъ г. Погодинъ, приписывая такое-то мѣсто такому-то источнику, а другое—другому, рецензентъ имѣетъ полное право разбирать, вѣрны ли эти основанія, и вѣренъ ли авторъ своему началу, примѣняя его къ различнымъ мѣстамъ лѣтописи. Такая критика не будетъ совершенно произвольна, и можетъ легко обойтись безъ общихъ мѣстъ и вопросительныхъ знаковъ. Напрасно авторъ говоритъ, что онъ не стоитъ за свои предположенія. Здѣсь онъ на такой же исторической почвѣ, какъ и въ другихъ главахъ своего сочиненія, и критикъ, разбирая эти мѣста, столько же обязанъ быть послѣдовательнымъ, держаться фактовъ, какъ г. Погодинъ—уступить ему, когда онъ опровергнетъ выводъ, казавшійся автору несомнѣнно вѣрнымъ. Просматривая всѣ предположенія г. Погодина, мы находимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ весьма вѣроятны, правдоподобны, и потому не подлежатъ опроверженіямъ до открытія новыхъ источниковъ. Напримѣръ, на стр. 168 авторъ говоритъ, что слова лѣтописи: „Семеіонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и оумре оставивъ Петра, князя сына своего Болъгаромъ. Въ лѣто 6451 паки придоша Оугри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въ свояси",—что эти слова взяты изъ греческихъ и болгарскихъ лѣтописей, и съ нимъ трудно не согласиться. Но не всѣ его предположенія таковы: въ нѣкоторыхъ онъ невѣренъ самому себѣ. Напримѣръ, на стр. 161 онъ говоритъ: „Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ св. Апостоломъ Андреемъ... возникло у насъ или принесено къ намъ. Прибавленіе о баняхъ указываетъ на послѣднее. Но кому же охота сочинять объ насъ? Можетъ быть, греки, при введеніи христіанской вѣры. Можетъ быть, это новгородскій слухъ". Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ прошломъ 1846 году въ С.-Петербургѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе архимандрита Макарія подъ заглавіемъ „Исторія Христіанства въ Россіи до князя Владиміра". Авторъ этой превосходной книги, обличающей огромную начитанность, доказываетъ, что апостолъ Андрей могъ проповѣдывать и дѣйствительно проповѣдывалъ въ Россіи. Слѣдовательно, это—событіе, сохранившееся въ преданіяхъ, можетъ быть, и нашихъ. Но разсказъ о баняхъ, вѣроятно, прибавленъ, и прибавленъ у насъ, а не принесенъ изъ чужи. Знакомство съ другими народами, у которыхъ бань нѣтъ, родило это преданіе. Взглянуть на себя глазами иностранцевъ, съ иронической arrière pensée объ нихъ, совершенно въ русскомъ духѣ. Г. Погодинъ не подмѣтилъ этого, приписывая происхожденіе преданія грекамъ, а почему онъ видитъ въ этомъ новгородскій слухъ—мы рѣшительно понять не можемъ. Итакъ, преданіе, съ примѣсью народной остроты, шутки, передѣланное, можетъ быть, Несторомъ или еще до него, но въ Россіи, сообразно съ тогдашними географическими понятіями (о пути Андрея въ Римъ),—вотъ источники этого мѣста. На стр. 162: „О нашествіи Болгаръ на дунайскихъ Славянъ, объ Уграхъ бѣлыхъ и черныхъ, Обрахъ... безъ сомнѣнія, изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, которая остается для насъ еще неизвѣстною, можетъ быть, съ дополненіемъ изъ пѣсенъ". Здѣсь „можетъ быть"—слишкомъ осторожно въ сравненіи съ отзывами о другихъ мѣстахъ, которыхъ источники гораздо сомнительнѣе. Все,

азано о господствѣ Обровъ надъ Ду-
, очевидно взято изъ преданія (даже
ица сохранилась въ то время) или
, — все равно — но мѣстныхъ, туземъ-
Мѣсто объ убійствѣ Игоря (стр. 169)
енно не понято авторомъ. Онъ гово-
„Несторъ, вѣроятно, прибавилъ здѣсь
бо отъ себя, ибо въ началѣ находятся
хотя промыслити большую дань, между
акъ ни слова не говорено прежде ни
й дани, а о мирѣ Игоря, и послѣ о
его дружиною на войну; замѣтимъ
е, что чрезъ двѣ строки встрѣчается
это выраженіе: и примышляше къ
дани". Толкованіе неправильное. Во-
ъ, г. Погодинъ идетъ отъ ложной
что дань взималась временно, набѣ-
войною; она была постоянная, опредѣ-
, которая взималась самими князьями.
ь, когда это дѣлалось обыкновеннымъ
омъ, Несторъ не упоминаетъ, да и не
го было упоминать. Этого объясненія
овергаютъ слова лѣтописи: „И приспѣ
нача мыслити на Деревляны, хотя
слити большую дань". Мы знаемъ, что
биралась осенью (оттого осеннее пол-
и параллельное извѣстіе у Констан-
Багрянороднаго). Итакъ, осенью Игорь
ъ сбирать дань съ древлянъ, но ему
сь собрать больше (большую), чѣмъ
венно. „Мыслити" — часто употреб-
въ лѣтописяхъ въ значеніи „замы-
что-нибудь недоброе"; затѣвать войну
же производное значеніе этого слова.
на, которая и впослѣдствіи, въ лицѣ
боярскихъ, продолжала грабить обла-
и всякомъ удобномъ случаѣ, на что
доказательствъ въ жалованныхъ гра-
, — дружина хотѣла воспользоваться
случаемъ, чтобъ поживиться, и Игорь
ь больше обыкновеннаго, „примышля-
первой дани", т.-е. той, которую дре-
обыкновенно платили. Но какъ этого
ло мало, потому что онъ еще прежде
ъ собрать больше, а взявъ въ часть
ну, онъ не могъ собрать сколько хо-
-онъ возвратился на новый примыслъ
убитъ. Вотъ простой смыслъ словъ.
у неправъ авторъ, говоря, что дру-
ызывала Игоря на войну: не на войну
вызывала, а на поживу. И повторе-
въ: „и примышляше къ первой дани"
ь естественно, понятно. — Путешест-
ьги въ Царьградъ, по мнѣнію автора
(стр. 170), взято изъ прежнихъ записокъ и много распространено Несторомъ. Но сказаніе о сватовствѣ императора и хитрости Ольги —очевидно народный разсказъ. Слѣдовательно, и онъ служилъ источникомъ. Притомъ это разсказъ русскій, туземный. — Такъ же въ разсказѣ или пѣсняхъ должно искать источника повѣсти о Святославѣ, какъ онъ хотѣлъ переѣхать жить въ Болгарію и мать ему отсовѣтовала. Многое принадлежитъ здѣсь Нестору, но едва ли запискамъ, какъ думаетъ авторъ (стр. 171).—То же самое должно сказать о походѣ Святослава въ Болгарію: онъ дышетъ народнымъ разсказомъ и трудно услѣдить въ немъ остатокъ записокъ. Уже невѣрное изображеніе похода показываетъ источникъ. А г. Погодинъ думаетъ, что онъ заимствованъ между прочимъ изъ прежнихъ записокъ (стр. 171).

Глава восьмая посвящена разсмотрѣнію сказокъ въ Несторовой лѣтописи. Во всѣхъ трехъ томахъ нѣтъ такой слабой главы, какъ эта. Мы почти не вѣрили своимъ глазамъ, читая въ книгѣ дѣльной и основательной такія вещи. Въ самомъ началѣ авторъ говоритъ (стр. 175):

„Во всѣхъ почти главныхъ происшествіяхъ, о которыхъ узнаемъ мы изъ Несторовой лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были варяги-норманны. Норманны любили разсказывать о своихъ подвигахъ, *увеличивать ихъ, хвастаться ими*, что доказывается цѣлою литературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ: преувеличенные ихъ разсказы, сохранявшіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ сагахъ, или полученные Несторомъ изустно, употреблены были имъ при сочиненіи лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, напримѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти важнаго происшествія, отъ Рюрика и до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями болѣе или менѣе. Чтобъ найти истину, должно разбирать эти сказанія лѣтописи, какъ сказанія Исландскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхожденіе съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свидѣтельствами, послѣдствіями и т. д".

Во-первыхъ, не понимаемъ, почему автору кажется, что нѣкоторыя сказки, напримѣръ, о мщеніи Ольги, вошли еще прежде въ составъ записокъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Во-вторыхъ, намъ кажется, что авторъ смотритъ съ совершенно ложной точки на сказки. Нѣтъ ничего наивнѣе мысли, что сказка мо-

жетъ быть очищена; повѣрена здравымъ разсудкомъ и т. д. Она сама по себѣ источникъ, и богатый, обильный, но не для такого или другого историческаго факта, а для характеристики цѣлой эпохи. Она придаетъ ей плоть и кровь и оживляетъ сухія, голыя извѣстія лѣтописей. Самъ г-нъ Погодинъ понимаетъ это. На стр. 287 онъ говоритъ: „Нечего искать въ Сагахъ подробностей... объ этомъ періодѣ". Далѣе (Т. III стр. 115) онъ опять повторяетъ ту же мысль: „Не бытій надобно искать въ Сагахъ (хотя часто и онѣ важны)".

Все это справедливо; тѣмъ болѣе причинъ удивляться, какъ можно, понимая сказки и саги такъ ясно, браться за нихъ такъ неловко, какъ взялся г. Погодинъ! Кто не видитъ, что иная сказка не имѣетъ никакого историческаго основанія, а между тѣмъ очень и очень правдоподобна; другая неправдоподобна, а имѣетъ историческое основаніе; третья, имѣя видъ сказки, не есть однако сказка, а истинное историческое происшествіе. Какъ же тутъ добраться до фактической истины? Даже въ сказкахъ новѣйшаго времени это не всегда возможно, тѣмъ менѣе въ сказкахъ эпохи столько отдаленной. Потому-то онѣ и остаются какъ лучшій вспомогательный источникъ исторіи не для отдѣльныхъ фактовъ и событій, а для обычаевъ, нравовъ, характера, живой физіономіи эпохи. Посмотрите же, какія операціи предпринимаетъ г. Погодинъ надъ сказками, помѣщенными у Нестора. На стр. 176, разсказавъ о походѣ Олега подъ Кіевъ, убійствѣ Аскольда и Дира, онъ разсуждаетъ такъ:

„Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже 20 лѣтъ, ходили подъ Царьградъ съ войною, и вошли въ сношеніе съ Греками, которые были тверже на своемъ мѣстѣ, чѣмъ единоплеменники ихъ въ Новгородѣ? Вѣроятно ли, что они вошли къ Олегу безъ всякаго сопровожденія, не принявъ никакой осторожности? и сколько воиновъ могло скрыться въ малой лодкѣ Олеговой? Вѣроятно ли, что дружина Аскольдова оставила смерть ихъ безъ отмщенія и передалась спокойно побѣдителю? А ея видно было много, когда самъ Олегъ не посмѣлъ сначала вступить въ открытый бой съ нею, но прибѣгнулъ къ хитрости. Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали ничего о происшествіяхъ новгородскихъ, и выступленіи Олеговомъ?—Нѣтъ, это все невѣроятно, а вѣроятно только то, что *Олегъ умертвилъ* (можетъ быть измѣною) *Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ*".

Странно читать такія вещи. Всѣ эти вопросы, изъ которыхъ на каждый можно дать отвѣтъ утвердительный и съ доказательствами, слишкомъ ясно показываютъ, какъ г. Погодинъ понимаетъ, что значитъ историческая критика. Хорошъ также и выводъ... Ну, развѣ нельзя сдѣлать множество другихъ выводовъ, и съ такимъ же основаніемъ?

Выписываемъ еще нѣсколько такихъ же мѣстъ. Стр. 177 о намѣреніи грековъ отравить Олега. „Вѣроятно ли намѣреніе отравить чрезъ посланниковъ? Кто взялся бы за такое порученіе,. и пошелъ бы на вѣрную смерть? Мудрено и Олегу отгадать намѣреніе, и потомъ не угостить посланниковъ принесенными гостинцами!" Стр. 179: Разсказавъ повѣсть о смерти Олега и приведя подобный разсказъ изъ исландскихъ сагъ, авторъ говоритъ: „Вѣроятнаго въ разсказѣ о смерти Олега то, что онъ умеръ отъ ужаленія змѣи". Это напоминаетъ намъ разсказъ про одного англичанина, который изъ басни „Лисица и Воронъ", вывелъ назидательное правило, что, сидя на деревѣ, не должно держать во рту сыра.

Если выписывать всѣ подобныя мѣста и толкованія изъ книги г. Погодина, то пришлось бы списать всю главу. Достаточно уже выписаннаго. Любопытнымъ рекомендуемъ прочесть еще толкованіе сказки о мщеніи Ольги, о ея крещеніи. Образцовое въ этомъ родѣ есть междустрочное толкованіе разсказа объ осадѣ Кіева печенѣгами. И это называется исторической критикой! Г. Погодину слѣдовало бы заниматься не опредѣленіемъ происшествія, которому приданъ видъ сказки, потому что безъ помощи прямыхъ историческихъ указаній это невозможно, а опредѣлить характеръ сказокъ и вывести изъ нихъ результаты, историческія положенія для характеристики эпохи, которая отразилась въ этихъ сказкахъ. Этого-то онъ и не сдѣлалъ, или сдѣлалъ поверхностно, неудовлетворительно. Напримѣръ, онъ не воспользовался сказкой о различныхъ парусахъ для Руси и славянъ. Только мѣстами указываетъ онъ на норманскій характеръ нѣкоторыхъ сказокъ; славянскій элементъ въ нихъ совершенно упущенъ изъ вида, тогда какъ нѣкоторыя сказки имъ проникнуты, напримѣръ, всѣ сказки временъ Владиміра, можетъ быть, даже разсказъ о мести Ольги. Замѣтимъ также, что нѣкоторые анекдоты того времени, сохранившіеся въ преданіи, напримѣръ, о единоборствѣ Печенѣга съ Яномъ, причислены тоже г. Погодинымъ къ числу

окъ. Вообще, какъ мы сказали, это одна самыхъ неудачныхъ главъ въ цѣломъ неніи, потому что г. Погодинъ выбралъ ный путь при обсужденіи предмета. сто того, чтобы отстаивать подлинность горовой лѣтописи, несмотря на сказки, смѣло могъ доказывать ея подлинность, вываясь на нихъ: такъ онѣ живо сохра- на себѣ печать отдаленнѣйшихъ вре- .

ь слѣдующей главѣ авторъ, недовольный еще прежними доводами, сильно гово- ими въ пользу достовѣрности извѣстій писи, доказываетъ ее еще свидѣтельства- овременныхъ близкихъ туземныхъ памят- въ, свидѣтельствомъ современныхъ ино- ныхъ писателей, географическими на- іями, сохранившимися въ послѣдующихъ тникахъ и до нашего времени, внутрен- доказательствами и личнымъ харак- мъ Нестора. Но согласіемъ современ- ь древнѣйшихъ памятниковъ съ лѣто- ю потому нельзя доказывать ея досто- ость, что всѣ они могли заимствовать лѣтописи. „Слово Даніила Заточника", говоритъ самъ авторъ, носитъ замѣт- слѣды такого заимствованія (стр. 207). къ, они доказываютъ древность, а не до- ѣрность лѣтописи. Тоже можно сказать доказательствахъ, взятыхъ изъ названія ностей. Они доказываютъ туземность писи, отчасти древность ея—не болѣе. ря это, мы не хотимъ опровергать вы- въ г. Погодина, но только показываемъ, онъ не всегда правильно употребляетъ ды.

ь выпискѣ изъ заключительной лекціи о горѣ, помѣщенной въ концѣ главы и со- кащей въ себѣ большею частію однѣ ы и разглагольствованія, г. Погодинъ писываетъ Нестору, между прочимъ, го- е патріотическое чувство. Въ чемъ же его находитъ? Въ выраженіи о русской ѣ, когда другіе думали о своей личности княжествахъ. Странно! Любя свой пред- , г. Погодинъ его преувеличиваетъ. Самъ позволяетъ себѣ много напыщенныхъ ъ, воображаетъ, что совершилъ патріо- ескій подвигъ, защитивъ лѣтопись и лѣ- сца отъ нападокъ скептиковъ, а между ь, въ другихъ этихъ фразъ не терпитъ. ь, на страницѣ 469, онъ приводитъ слова го писателя, и называетъ ихъ „безно- ымъ велерѣчіемъ". Не значитъ ли это видѣть недостатки въ другихъ, а въ себѣ не замѣчать? Мы скажемъ также въ свою очередь: вмѣсто „безполезнаго велерѣчія", расточаемаго въ заключительной лекціи, лучше бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на несообразности, которыя встрѣчаются у Нестора, на безпорядокъ въ его извѣстіяхъ, на неумѣнье согласить вставки съ текстомъ, на то, что разсказъ о походѣ Святославовѣ не соображенъ съ словами договора. Если исторія чрезъ это выиграла, то не значитъ, что чрезъ это выигралъ и лѣтописатель. Фразами въ наше время нельзя никого убѣдить и заставить забыть дѣло.

Главу X занимаютъ изслѣдованія о подлинности „Русской Правды". Опроверженія возраженій Каченовскаго на „Правду" вообще хороши и убѣдительны. Нельзя того же сказать о доводахъ г. Погодина. Они слабы и обходятъ вопросы, поставленные новыми изысканіями и нерѣшенные до сихъ поръ. Сверхъ того, есть частные недосмотры: на страницѣ 233 сказано, что большая часть списковъ „Правды" находится въ кормчихъ, а остальные въ „Новгородскихъ Лѣтописяхъ". Однако мы знаемъ, что былъ такой списокъ и въ „Ростовской". Тамъ же сказано, что на всѣхъ спискахъ находится имя князя Ярослава Владиміровича. Но стоитъ взглянуть на первую страницу Тобинова „Синопсиса", чтобъ убѣдиться въ противномъ. Намъ скажетъ г. Погодинъ, что краткій текстъ взятъ Татищевымъ изъ „Новгородской Лѣтописи", гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за извѣстіемъ о „Правдѣ", данной Ярославомъ Новгородцамъ. Такъ! Однако въ „Софійскомъ Временникѣ" (изд. Строевымъ) помѣщенъ другой текстъ, и подъ другимъ мѣстомъ, что̀ доказываетъ, что лѣтописцы навѣрное не знали „Правды", данной Ярославомъ, а Розенкампфъ и за нимъ г. Поповъ, весьма основательно и убѣдительно доказали, по крайней мѣрѣ доказывали, что „Правда", которую мы знаемъ и та, о которой говорится въ „Лѣтописи" непосредственно передъ ея текстомъ, совершенно различны, и не могли имѣть между собою ничего общаго.—Увлеченный ревностью противъ Каченовскаго, который подлинность „Правды" опровергалъ, между прочимъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ оффиціальнаго или засвидѣтельствованнаго ея списка, г. Погодинъ, на страницѣ 237, восклицаетъ: „Что есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е., до по-

ловины 17 вѣка — не только изъ вѣковъ прежнихъ?" Такой вопросъ можно было сдѣлать пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы имѣемъ Румянцовскіе акты и труды Археографической Коммиссіи. Одно оглавленіе подлинныхъ актовъ, извѣстныхъ намъ теперь и напечатанныхъ, составитъ порядочную книгу.—На страницѣ 249, примѣч. 34, г. Погодинъ соглашается съ поправкой Каченовскаго, который въ статьѣ X (по „Синопсису" г. Тобина), вмѣсто „на костѣхъ", читаетъ „на гостѣхъ". Г. Поповъ находитъ эту поправку ненужною. Г. Погодинъ возражетъ ему тѣмъ, что „нельзя и думать, не только говорить, о слѣдствіи уголовномъ, когда изъ трупа обнаружатся кости. На это слишкомъ много нужно времени". Но съ этимъ нельзя согласиться. Сказано: „а по костѣхъ или по мертвецѣ"; смыслъ ясенъ. Читайте „на гостѣхъ", — сопоставленіе съ мертвецомъ будетъ совершенно непонятно. Сверхъ того, о какомъ слѣдствіи говоритъ г. Погодинъ? По прямому смыслу словъ видно, что и не нужно слѣдствія, когда найдены будутъ кости или мертвецъ, котораго никто не знаетъ: никто за него и не въ отвѣтѣ. На страницѣ 250 г. Погодинъ неправильно возражаетъ Каченовскому. Послѣдній находитъ, что тіуны были несвободные люди, холопы; а г. Погодинъ говоритъ: „Онѣ (слова Правды,—„а третіе холопство, тіунство безъ ряду") именно доказываютъ противное тому, что хочетъ доказать Каченовскій; кто шелъ въ тіуны безъ ряду, тотъ дѣлался холопомъ". Нельзя такъ играть словами въ изслѣдованіяхъ! Изъ того, что свободный, сдѣлавшись тіуномъ, дѣлался холопомъ, прямо вытекаетъ, что тіунъ холопъ; иначе свободный, принявъ тіунство безъ условія, не сдѣлался бы холопомъ. Тамъ же авторъ продолжаетъ: „Притомъ, тіунство употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ, общемъ, какъ боярство, холопство, и никакъ не можетъ служить къ объясненію опредѣленнаго имени тіунъ. Точно то же должно сказать о тіунахъ, которыхъ князья отпускали на волю. Казначей, напримѣръ, или управитель, можетъ быть и теперь, свободный, и крѣпостной, и если одного казначея баринъ отпуститъ на волю, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный казначей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству". Мѣсто темно и его трудно понять. Но въ томъ, что мы поняли, авторъ тоже не правъ. Тіуны были свободные—съ рядомъ, и холопы—взятые въ тіуны изъ холопей, или вступившіе въ тіунство безъ ряду. Это ясно. Говорить о тіунахъ государственныхъ, уѣздныхъ и барскихъ—значитъ не понимать того времени, къ которому относится „Правда". Князь и боринъ имѣли одинакій дворъ, дружину, одинакое управленіе. О государственномъ устройствѣ въ эту эпоху нечего и думать. Дружинникъ, получившій должность тіуна, по всѣмъ вѣроятностямъ не становился холопомъ точно такъ же, какъ простолюдинъ оставался свободнымъ, вступая тіуномъ къ боярину, но съ условіемъ. Слѣдовательно, опять-таки Каченовскій правъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы достовѣрно знаемъ, въ княжескихъ дьякахъ тіунахъ и ключникахъ бывали холопы князя.—На стр. 253 приведены слова Каченовскаго, который свое мнѣніе о „Русской Правдѣ" доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней на продовольствіе вирника по средамъ и пятницамъ назначается и сыръ. Г. Погодинъ отзывается: „А вирнику куна, оже сыръ —значитъ ли здѣсь сыръ то, что нынѣ подъ симъ словомъ разумѣется—это разъ; во вторыхъ, строго ли соблюдался постъ мірянами въ Ярославово время, мы не знаемъ; сыръ могъ остаться старою пошлиною; оже значитъ ли здѣсь *или?* Впрочемъ это такая бездѣлица, коею никакъ нельзя опровергать большаго документа! Во всякомъ случаѣ это мѣсто должно отнести къ числу темныхъ, впредь до объясненія". Но всѣ эти слова ничего не значатъ. Самъ авторъ это чувствуетъ. Не понимаемъ, почему онъ не причислилъ это мѣсто къ тѣмъ, которыми въ другомъ мѣстѣ (Т. III стр. 338) онъ такъ остроумно доказываетъ вліяніе римско-католическаго исповѣданія на Новгородъ. Вѣдь названіе „Пискупля улица"—въ ярославовомъ „Уставѣ о Мостовыхъ", актѣ, по его же мнѣнію, современномъ „Правдѣ"?

Въ концѣ изслѣдованія о „Русской Правдѣ", мы находимъ весьма интересное замѣчаніе г. Погодина объ этомъ памятникѣ (стр. 243): „Русская Правда есть первоначально уставъ норманскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіе времени переведенный на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно какъ у разныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными измѣненіями переведенъ былъ на Латинскій". Здѣсь, кажется, впервые печатно высказана мысль, что „Русская Правда" переведена на нашъ языкъ съ другого. Не одинъ г. Погодинъ такъ ду-

гъ. Мы слышали то же замѣчаніе отъ ого знатока русскихъ древностей. Языкъ равды" много говоритъ въ пользу этого дположенія. Во всякомъ случаѣ, это предъ долгихъ и долгихъ изслѣдованій...

Уставъ Ярослава о мостовыхъ" (стр. 259) оръ называетъ достовѣрнымъ въ высшей ени, но склоняется къ мысли Карамзина, въ немъ есть позднѣйшія вставки. Но ь въ этомъ-то и вся сила! Ярославъ могъ ь уставъ, а мы имѣемъ его въ позднѣйі передѣлкѣ, слѣдовательно, не его, и поу не можемъ на немъ основываться, гоо времени Ярослава. Вѣдь то же самое дставляютъ уставы Владиміра и Ярослава: были изданы этими князьями,—однако, то еще не могъ добраться до ихъ первоальнаго текста. Это и подало поводъ отгать ихъ подлинность, и до сихъ поръ мы емъ ими пользоваться только для поздшаго времени.

одлинность Ярославова „Устава о мостоъ" г. Погодинъ доказываетъ слѣдующими дами: 1) причины къ выдумкѣ никакой дполагать нельзя. — Это не доводъ. 2) къ глубоко древній.—Правда; но развѣ такъ коротко знаемъ нашъ древній языкъ, можемъ по немъ опредѣлить вѣкъ составя устава? 3) Собственныя имена такія, ихъ никогда сочинить нельзя. — Все же доказательство современности устава Яроу. 4) Нѣтъ ни одного періода изъ изныхъ источниковъ, откуда можно было почерпнуть сполна его объясненіе.—Авь согласится съ нами, что и это не докальство. Развѣ мы знаемъ подробно мѣстъ Новгорода въ XII, XIII и XIV вѣкахъ? Въ одномъ актѣ, конца XII вѣка, гово-ся, что готландцы обязаны были, живя Новгородѣ и имѣя тамъ свой домъ, давать содержаніе мостовой. — Отсюда не слѣъ, что уставъ принадлежитъ Ярославу, что невозможно было составить его гоо позже Ярослава. Вѣдь мы не видимъ, съ этимъ уставомъ учреждалось нѣчто е. Быть можетъ, онъ установилъ, опреилъ, какъ законъ, уже издавна существое. Противное должно еще доказать.

такъ, вопроса о подлинности Ярославова тава о мостовыхъ" г. Погодинъ далеко разрѣшилъ. Зачѣмъ же было поднимать

лава XI, о церковныхъ уставахъ Владии Ярослава, не есть собственное изслѣдованіе автора, а повтореніе того, что́ уже говорили Карамзинъ, митрополитъ Евгеній, Розенкампфъ—и противъ, и въ защиту подлинности этихъ уставовъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ въ уставъ Владиміра могло попасть имя патріарха Фотія, умершаго девяносто лѣтъ прежде, г. Погодинъ предлагаетъ перестановку знаковъ препинанія. Выходитъ измѣненіе, но не подвигающее насъ нисколько къ рѣшенію вопроса: потому что, если Владиміръ не могъ креститься у Фотія, то не могъ получить отъ него и епископа. Вся глава очень неважная.

Потомъ о сѣверныхъ сагахъ по иностраннымъ писателямъ. Взглядъ на ихъ отношенія къ русской исторіи вѣренъ.

„Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей исторіи въ продолженіе первыхъ двухъ сотъ лѣтъ, и представляя ихъ образъ дѣйствія, вѣрованій и мыслей. Это ихъ общее достоинство, но и въ частности онѣ не менѣе важны, знакомя насъ съ нѣкоторыми лицами, которые у насъ жили и дѣйствовали, напримѣръ, Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Рагнвальдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ" (стр. 285)... Нечего искать въ Сагахъ подробностей, обстоятельствъ, составляющихъ событіе, частностей хронологическихъ, географическихъ,—даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ,—но общія черты, характеръ, нравы, обычай, вообще краски—всегда драгоцѣнны. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ Эймундова Сага служитъ яснымъ тому доказательствомъ: частности большею частію не вѣрны; но общія черты (сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч.), имѣютъ величайшую важность для русской исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Напримѣръ, о наймѣ варяговъ кіевскими князьями, какъ подтверждаетъ Эймундова Сага Нестора и греческихъ лѣтописателей!" (стр. 287).

По поводу „сагъ", г. Погодинъ входитъ въ довольно подробный разборъ статьи г. Сенковскаго, напечатанной имъ вмѣстѣ съ переводомъ „Эймундовой Саги", и возраженій на нее С. Скромненки (покойнаго С. Строева). Вообще, оба разбора хороши и основательны, какъ намъ кажется; только нельзя похвалить тона, которымъ они написаны. Г. Сенковскому авторъ возражаетъ съ готовымъ предубѣжденіемъ противъ нѣкоторыхъ мыслей, слѣдовательно не какъ ученый,—потому что, если предубѣжденія бываютъ часто очень похвальны въ человѣкѣ, то они всегда подозрительны въ критикѣ. Такъ, на страницѣ 292, мы находимъ слѣдующую выходку:

„Какъ? Чешское, Сербское, Польское нарѣчіе сохранилось въ чистотѣ своей, несмотря ни на какіе натиски и наплывы чуждыхъ стихій, а Русско-Славянской языкъ былъ бы поглощенъ какимъ-нибудь Чухонскимъ діалектомъ! *Вотъ здѣсь-то слышится чужой голосъ!*“

Отзываться такъ о результатахъ, добытыхъ ученымъ изслѣдованіемъ, каковы бы они, впрочемъ, ни были, никто не имѣетъ права. Такое неуваженіе къ лицу и ученому —плодъ крайней необдуманности, тѣмъ болѣе, что остроумное замѣчаніе г. Сенковскаго вовсе не заслуживаетъ такого отзыва. Въ другомъ мѣстѣ, г. Погодинъ называетъ мысль г. Сенковскаго нелѣпостью—выраженіе, впрочемъ, очень употребительное во всей книгѣ г. Погодина.

Что касается до разбора статьи покойнаго С. Строева, то это наборъ выходокъ, роняющихъ въ глазахъ читателей критика, а не статью, которую онъ разбираетъ. Вотъ мѣста:

„Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадкахъ, —такъ г. Скромненко и началъ разбирать статью г. Сепковскаго. (Стр. 306). Послѣ такихъ незначущихъ, какъ читатели видятъ, придирокъ, г. Скромненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣдѣніе объ исторической литературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента.. (Стр. 311) Совѣтую молодымъ людямъ обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какую страну угодно“. (Стр. 314).

И о комъ же г. Погодинъ такъ отзывается? О мертвомъ, который не можетъ защищаться!

Послѣ самаго краткаго, бѣглаго обзора прочихъ источниковъ древнѣйшей русской исторіи, лѣтописей греческихъ, болгарскихъ и западныхъ, извѣстій арабскихъ, памятниковъ искусствъ и монетъ, г. Погодинъ переходитъ къ критикѣ школы Каченовскаго. Мы уже высказали прежде наше мнѣніе о значеніи Каченовскаго въ отношеніи къ русской исторіи и къ г. Погодину. Здѣсь не станемъ объ этомъ распространяться. Фактически, непосредственно, г. Погодинъ совершенно правъ и вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ противникомъ. Мы покажемъ теперь, какъ онъ относится къ своимъ противникамъ, отзывается объ нихъ, и отмѣтимъ частные промахи въ его опроверженіяхъ.

Стр. 325. „Противъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось въ продолженіе пяти лѣтъ (1830 — 1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ *несправедливыхъ журналистовъ* почетнаго титла *Скептической* школы, которая однакожь скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться, *еще болѣе нелѣпой*, то есть *Славянской*. Считаю нужнымъ объяснить ея происхожденіе и войти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ придется теперь осуждать покойниковъ,—это слишкомъ непріятно, тягостно,—но наука имѣетъ свои права и требованія, предъ коими должны умолкать всѣ прочія“.

Это правда. Только мы не знаемъ, почему же непремѣнно должно отзываться о покойникахъ такъ, какъ отзывается г. Погодинъ? Наука этого не требуетъ...

Затѣмъ слѣдуетъ характеристика Каченовскаго, довольно безпристрастная, которою г. Погодинъ, можетъ-быть, хотѣлъ заранѣе оправдаться въ послѣдующемъ. Въ очеркѣ ученой дѣятельности покойнаго профессора уже начинаются несправедливости. Напримѣръ, г-нъ Погодинъ говоритъ, что до 1830 года Каченовскій шелъ „въ старомъ пути“ (стр. 326); но самъ же цитуетъ его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1827 года, самъ же говоритъ, на стр. 329, что онъ, г. Погодинъ, уже съ 1820-хъ годовъ ратовалъ противъ Каченовскаго. Хорошо ли это? На стр. 326 и 327 въ примѣч. 1-мъ, г. Погодинъ приводитъ цѣликомъ мѣсто изъ Карамзина о банномъ строеніи, гдѣ онъ подшучиваетъ надъ объясненіемъ Каченовскаго, и въ концѣ говоритъ: „выписываю это примѣчаніе, ибо отчасти—inde irae“. Знатокъ человѣческаго сердца! На стр. 331 мы находимъ слѣдующія слова: „Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдывать свое ученіе сомнѣнія и отрицанія въ Университетѣ. Студенты, имѣвшіе къ нему отношеніе какъ профессору, декану и наконецъ ректору, должны были benevolentiae captandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса“. Словомъ, Каченовскій случайно набрелъ на свои сомнѣнія, сперва подъ вліяніемъ Эверса, потомъ Нибура, который „на бѣду явился тогда и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями“, наконецъ, съ помощью Сарторіуса, который тоже „попался ему въ руки“ и далъ пищу его сомнѣніямъ, такъ что „и голова у него закружилась“. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Погодинъ не только бьетъ куда попало, не разбирая, но, къ сожалѣнію, на-

поминаетъ то уже прошедшее время, когда критика не безпристрастно и не во имя одной истины вызывала лицо и лица на свой судъ, разыгрывая роль высшаго, неумытнаго трибунала нравственности. Мы съ своей стороны плохо вѣримъ писателю, когда онъ, разбирая мнѣніе противной школы, видитъ въ ея направленіи не ошибку, не ложь, а двусмысленную интригу, коренящуюся въ случайныхъ обстоятельствахъ, возникшую вслѣдствіе вновь вышедшей книги, внушеній самолюбія и такъ далѣе, и поддержанную низкопоклонничествомъ. Еслибъ это и такъ было, развѣ дѣло ученаго вскрывать закулисныя тайны, частныя дѣла? Такіе трибуналы теперь существуютъ въ учрежденіяхъ правительственныхъ, въ общественномъ или, по крайней мѣрѣ, въ общемъ мнѣніи. Пока нельзя говорить печатно о частной жизни человѣка, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ выводить въ книгѣ, хотя бы намеками и въ латинскихъ фразахъ, поступки не оффиціальные. Такъ мы думаемъ и увѣрены, что г. Погодинъ съ нами согласится...

Приводить всѣ мѣста, въ которыхъ выказался г-нъ Погодинъ съ этой невыгодной стороны въ новомъ своемъ сочиненіи, мы считаемъ невозможнымъ, излишнимъ. Одинъ первый томъ — богатый рудникъ, котораго, сколько ни черпаешь, не осушишь. Противниковъ своихъ онъ называетъ новыми невѣждами (стр. 51), сумасшедшими или безумными (стр. 54), новѣйшими самозванцами-критиками (стр. 86), новыми самозванцами (стр. 99, прим. 19), школьниками (стр. 331), школьной школой (стр. 362), нашими недоспѣлыми Нибурами (стр. 485) и т. д. О Каченовскомъ г. Погодинъ отзывается не иначе, какъ „Каченовскій съ своими студентами“... Кажется, довольно этихъ указаній. Впрочемъ, мы можемъ увѣрить читателей, что такихъ и еще большихъ выходокъ, гораздо болѣе, чѣмъ мы выписали.

„Желая кончить это дѣло, *предосудительное* для исторической русской литературы, которая одна почти поддерживаетъ *нашу ученую честь*, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ людей на будущее время отъ подобныхъ вредныхъ заблужденій и охранить прямую дорогу, дорогу Байеровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ, по которой для достиженія цѣли должны идти дѣлатели, пользуясь, разумѣется, новыми трудами и видами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда принадлежащія“ (стр. 332).

За симъ начинается подробный разборъ тринадцати статей, принадлежащихъ Каченовскому и его послѣдователямъ. Изъ особенной деликатности, непонятной послѣ всего, что видѣли читатели, г. Погодинъ перенумеровалъ статьи.

„Я стану (говоритъ онъ) называть авторовъ по нумерамъ, подъ которыми въ хронологическомъ порядкѣ поставлены выше ихъ разсужденія, а не по именамъ, дорожа ихъ честью: всѣ они освободились изъ-подъ вліянія и умолкли,—зачѣмъ же напоминать объ ихъ юношескихъ грѣхахъ, которые послужили имъ, впрочемъ, во спасеніе. Вмѣстѣ съ симъ читатели увидятъ и доказательство, что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о личностяхъ“ (стр. 334).

Послѣднія слова необходимы. Тонъ разбора таковъ, что еслибъ г. Погодинъ не предварилъ насъ, что онъ разбираетъ статьи, а не ополчается на автора, мы бы этого никогда не поняли. Разборъ первой статьи хорошъ, но въ него вкралась важная ошибка, происшедшая отъ односторонности г. Погодина. Во всякомъ сомнѣніи, касающемся нашей старины, г-ну Погодину представляется, что вотъ Несторова лѣтопись въ опасности, что всѣ возраженія — личности противъ лѣтописи и ея составителя. Каченовскій доказываетъ, что кожаныхъ денегъ не было, а г. Погодинъ говоритъ (стр. 333): „Положимъ, что не было; но что же слѣдуетъ изъ этого? Были или не были кожаныя деньги, — это мнѣніе не имѣетъ никакого отношенія ни къ лѣтописи Несторовой, ни къ древней русской исторіи, и нисколько не уменьшаетъ ея достовѣрности. Это есть только частное ученое мнѣніе, справедливое или несправедливое“. И въ концѣ (стр. 346): „Читатели видятъ, что еслибъ даже были вѣрны его положенія (большею частью весьма сомнительныя и натянутыя), то и тогда они не могли бы нисколько привесть въ подозрѣніе лѣтопись Несторову, къ коей не имѣютъ никакого отношенія“. Конечно, не имѣютъ. Вольно г. Погодину смотрѣть на эту статью, какъ на возраженіе противъ лѣтописи! Каченовскій взялъ вопросъ поглубже. Для него подлинность лѣтописи было дѣло второстепенное, — не цѣль, а средство. А что вопросъ о кожаныхъ деньгахъ, имѣющій прямую связь съ финансовымъ управленіемъ древней Россіи, есть вопросъ частный,—съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться.

Въ опроверженіяхъ на остальныя разсужденія школы Каченовскаго мѣстами также попадаются странные промахи. Авторъ 4-й статьи говоритъ, что до XIII столѣтія,

т.-е. до договорной грамоты Смоленска съ Ригой, у насъ нѣтъ государственныхъ актовъ. Заключенія изъ этого факта ложны и поверхностны, но фактъ несомнѣненъ. Г. Погодинъ говоритъ: „нѣтъ, у насъ есть государственные акты: договоры съ Греками, Русская Правда, церковные уставы Владиміра и Ярослава и уставъ Ярослава о мостовыхъ“ (стр. 362), и ссылается на ихъ подлинность. И то, и другое несправедливо. Они не государственные и не подлинные акты, потому что дошли къ намъ не въ подлинникахъ. Подлинность ихъ (т.-е. не подлинность, а достовѣрность) не равно для всѣхъ доказана; изслѣдованіе списковъ „Русской Правды“ отняло у критиковъ и самую надежду возстановить первоначальный текстъ,—такъ разнообразны тѣ, которые мы имѣемъ. Изслѣдованія уставовъ показали, что въ нихъ есть большія вставки, относящіяся къ позднѣйшему времени.

На стр. 374-й мы находимъ странное обвиненіе Каченовскаго въ томъ, что онъ будто бы „не читалъ дальше первыхъ страницъ лѣтописи“. Оно и ложно, и какъ-то дико. (Пропускаемъ совѣты и назиданія молодымъ людямъ, плохія остроты и пр.).

На стр. 432 находимъ ничѣмъ недоказанныя слова: „Горы Угорской, послѣ Татаръ нельзя было знать: точно то же должно сказать о объ Ильминѣ дворѣ и о церкви св. Иліи; слѣдовательно, все это могло быть написано только до Татаръ“. Почему же это? Татары? Да развѣ не могло остаться нѣсколько человѣкъ, которымъ кіевская хорографія была совершенно извѣстна, и которые передали ее другимъ? Это не больше, какъ предположеніе.—На стр. 438, г. Погодину возражаютъ: „если списокъ оканчивается извѣстнымъ годомъ, не слѣдуетъ отсюда выводить, что и подлинникъ, съ котораго онъ списанъ, оканчивался этимъ годомъ“. Возраженіе очень основательное. На него отвѣчаетъ г. Погодинъ слабо: „Разумѣется слѣдуетъ, ибо всякій переписчикъ списывалъ съ подлинника. Съ чего же станемъ мы предполагать, чтобъ кто нибудь списывалъ часть его?“ Мы думаемъ, что нельзя предположить ни того, ни другого, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать.—На стр. 440, г-ну Погодину возражаютъ противъ до-Несторовыхъ записокъ тѣмъ, что неизвѣстно, умѣли ли христіане IX вѣка писать, а онъ отвѣчаетъ: „Я разумѣлъ здѣсь христіанъ священниковъ, блюстителей религіи, а не новообращенныхъ: безъ грамоты не могли они и обѣдни служить“. Это неправда. Мы имѣемъ примѣры безграмотныхъ, совершенно безграмотныхъ священниковъ даже при Петрѣ Великомъ, который сначала запретилъ-было ставить такихъ священниковъ, но потомъ, по недостатку грамотныхъ, дозволилъ, лишь бы они знали службу наизусть.— Тамъ же возражаютъ г. Погодину: „Какихъ русскихъ князей священникъ Ольги могъ записывать даже въ своихъ поминаньяхъ, когда всѣ наши князья до Владиміра были язычники?“ А г. Погодинъ отвѣчаетъ фразой: „Какихъ—Ольгу, которая была супругою сына Рюрикова, Владиміра и сына его Ярослава, сыновъ его, внуковъ—вотъ сколько было князей до Нестора“. Вамъ говорятъ о духовникѣ Ольги, кого онъ могъ записывать, а не о князьяхъ, которые были послѣ Ольги. Если вы думаете, что духовникъ Ольги жилъ до временъ Нестора,—докажите это и не обходите возраженія. До Ольги не было русскихъ князей Рюрикова дома христіанъ, а въ этомъ и вся сила возраженія.

О тонѣ возраженій противъ статей, писанныхъ въ духѣ Каченовскаго, говоритъ нечего. Г-нъ Погодинъ отзывается о послѣдователяхъ Каченовскаго, какъ о дѣтяхъ, съ патріархальнымъ чувствомъ сожалѣнія къ грѣхамъ юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами болѣе патріархальными, дѣтскими. Вотъ на выдержку одно мѣсто (стр. 454): „Нейманъ, выразившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей,—а эти школьники, не зная восточныхъ языковъ, не читая даже нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣтельствуютъ такъ!“—Вѣрный мысли, что статьи писались benevolentiae captandae causa, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 390): „Какъ хохочетъ теперь, я думаю, самъ авторъ, читая эти нелѣпицы, кои разбирать мнѣ пришлось“. Не знаемъ, хохочетъ или нѣтъ. Впрочемъ, другой вѣкъ, другіе нравы. Намъ теперь трудно объ этомъ судить, равно какъ и понять тонъ г. Погодина...

Конецъ тома занятъ разборомъ мнѣній г-на Строева о нашихъ лѣтописяхъ—мнѣній, высказанныхъ имъ въ „Хронологическомъ Указателѣ матеріаловъ для Русской Исторіи,

ратуры и Правовѣдѣнія" и оцѣнки тру-
гг. Буткова и Кубарева въ отношеніи
естору.
орой томъ посвященъ исключительно раз-
ѣнію двухъ главныхъ, основныхъ эле-
овъ, изъ которыхъ сложилась Россія:
го-руссовъ и славянъ. Славянскій эле-
ь, какъ онъ ни мало обслѣдованъ, все
редставляетъ нѣчто опредѣленное, из-
юе, несомнѣнное. Совершенно другое
нтъ варяго-русскій До сихъ поръ, не-
я на множество розысканій по этому
мету, вопросъ о томъ, кто такіе были
го-руссы, и какой именно элементъ они
если съ собой, не разрѣшенъ оконча-
но. Есть ученые, которые даже отчая-
ся въ возможности когда-нибудь разрѣ-
его. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на
ую литературу, онъ едва-ли даже уста-
нъ окончательно. Нѣкоторые считаютъ
овъ и Русь за одинъ народъ, другіе
отдѣляютъ. Большая часть въ главномъ
сна относительно происхожденія варя-
но о происхожденіи руссовъ существу-
самыя разнообразныя, противоположныя
ія. Одни считаютъ ихъ народомъ восточ-
, другіе европейскимъ. Ихъ ищутъ около
овъ Чернаго и Балтійскаго морей; нѣ-
ыя находятъ ихъ слѣды во всей Европѣ.
такой разноголосицѣ мнѣній, имѣющихъ
бя ученый авторитетъ, было бы дерзко
ть объ окончательномъ его разрѣшеніи
нѣсколькихъ словахъ, въ журнальной
ѣ.
рого придерживаясь принятаго плана,
демъ слѣдить за изслѣдованіями г. По-
на и указывать на тѣ доказательства,
ыя намъ показались слабыми или ни-
недоказывающими.
послѣднее время стало болѣе и болѣе
юстраняться мнѣніе, что вопросъ о про-
кденіи варяговъ-Руси совсѣмъ не имѣетъ
ажности, которую ему обыкновенно при-
даютъ. Это мнѣніе имѣетъ, кажется, два
анія. Во-первыхъ, славянизація варя-
Руси, ихъ совершенное обрусенье должно
привести къ мысли, что если варяго-
и принесли съ собой особенный чуж-
намъ элементъ, то онъ скоро исчезъ и
поглощенъ элементомъ славянскимъ.
амомъ дѣлѣ, чѣмъ далѣе мы отходимъ
такъ называемаго варяжскаго періода,
болѣе является преобладающимъ эле-
ь славянскій. Въ сѣверо-восточной Рос-
сіи, съ конца XII и начала XIII вѣка, нѣтъ
ужъ ничего варяжскаго, чуждаго, — все сла-
вянское. Итакъ, варяго-русскій элементъ въ
русской исторіи—заключаютъ многіе—имѣ-
етъ лишь временную, относительную важ-
ность, а потому и вопросъ о немъ не есть
первостепенный, важный для всей русской
исторіи. Во-вторыхъ, интересъ къ этому во-
просу охладѣлъ и потому, что прежде вся
сила критики, всѣ труды ученыхъ относи-
лись къ нему одному; всѣ прочіе вопросы
остались нетронутыми или сравнительно раз-
работаны гораздо слабѣе. Теперь поняли, что
позднѣйшая исторія гораздо важнѣе, инте-
реснѣе, ближе къ намъ, нежели древнѣйшая.
Въ этомъ отразилось практическое направле-
ніе науки, начавшее недавно преобладать
надъ чисто-теоретическимъ, отвлеченнымъ.
Оттого, разработка ближайшаго къ намъ вре-
мени въ древней русской исторіи занимаетъ
болѣе, нежели изслѣдованіе древнѣйшаго. Это
не трудно замѣтить.

Нельзя не сказать, что обѣ причины — болѣе временныя, историческія, нежели лежащія въ самомъ предметѣ. Вопросъ о происхожденіи варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ они принесли къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно важнѣе всякаго другого частнаго вопроса, напримѣръ, вопроса о мѣстѣ погребенія Лапунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ или Ладога въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи „Русской Правды" въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учрежденій, которыя гораздо позже встрѣчаются въ русской исторіи и къ которымъ глазъ такъ ужъ приглядѣлся, что они кажутся нашими, національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя почти опредѣлить, точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть можетъ, узнавъ его, мы нашли бы его отголосокъ гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ, начало, однажды брошенное въ жизнь, вдругъ не умираетъ, но, перерождаясь безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь распорядокъ службы, наборъ войска, помѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управленіе и судопроизводство въ московской Россіи не есть ли от-

голосокъ варяжскаго элемента? Дѣло очень возможное, и рѣшить этого нельзя теперь, не зная, кто были варяги-Русь.

Правда, за рѣшеніе этого вопроса брались, намъ кажется, не такъ, какъ должно. Изслѣдованія вели чисто-филологически, выбирали мѣста изъ писателей, которые упоминали о варягахъ-Руси, разсматривали ихъ - и этимъ большею частію ограничивались. Нѣкоторые сравнивали учрежденія древнѣйшія съ новѣйшими, русскими же; но этотъ путь также не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что въ позднѣйшемъ не могли не сохраниться слѣды древнихъ установленій, какъ они ни видоизмѣнялись. Намъ кажется, что для окончательнаго разрѣшенія вопроса надобно подробно сличить внутренній бытъ нашихъ и прочихъ славянскихъ племенъ, особливо выбирая тѣ эпохи, когда послѣднія не были подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ. Что въ насъ пришлаго, чуждаго, тотчасъ обнаружится, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлится и то, какіе элементы принесли къ намъ варяго-руссы — самая важная, существенная часть задачи.

Г. Погодинъ своими изслѣдованіями указываетъ на этотъ новый путь, но большей своей половиной стоитъ въ прежнемъ, старомъ. Его доказательства по преимуществу филологическія. Правда, онъ ужъ сильно опирается на доказательства, взятыя изъ обычаевъ и учрежденій варяжскихъ (этимъ особенно замѣчателенъ третій томъ его изслѣдованій); но идя отъ одного скандинавскаго элемента, который онъ обслѣдовалъ исключительно, авторъ присвоилъ ему многое, что очевидно принадлежало и славянамъ, и что слѣдовательно не можетъ вести къ разрѣшенію вопроса, или ведетъ къ ложному воззрѣнію на древнѣйшую исторію.

Въ самомъ началѣ, на 1-й страницѣ, г. Погодинъ ставитъ вопросъ, какъ началось русское государство, и говоритъ:

„Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошедшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ, которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всѣми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго; которое обилуетъ свѣжими силами, бьется юною жизнью, между тѣмъ какъ прочія уже устарѣли, ветшаютъ, ниспадаютъ съ высоты своего величія".

Потомъ авторъ приводитъ мѣсто изъ Нестора о призваніи варяговъ-Руси и изъ него выводитъ три вопроса: кто были варяги-Русь? Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились варяги-Русь? Какъ соединились, т.-е., при какихъ условіяхъ зачалось государство? Первые два вопроса разрѣшаются во второмъ томѣ; третій въ третьемъ.

Мнѣніе о происхожденіи варяговъ-Руси г. Погодина извѣстно. Онъ считаетъ ихъ норманнами или, точнѣе, германо-скандинавами. Во второмъ томѣ очень тщательно приведены и разсмотрѣны всѣ мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о варягахъ-Руси, свидѣтельства византійцевъ, западныхъ лѣтописей и восточныхъ извѣстій. Потомъ въ доказательство ихъ норманскаго происхожденія приводятся ихъ собственныя имена и русскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ; послѣднія объясняются изъ языковъ скандинавскихъ. Потомъ приводятся и другія скандинавскія названія городовъ, рѣкъ и т. д., исчисляются норманскія слова, сохранившіяся въ нашемъ языкѣ,—слова по преимуществу юридическія. Послѣднее доказательство очень слабо, ибо основано на спорномъ еще толкованіи словъ: скотъ, боярынъ и т. д. Лучше бы г. Погодинъ не прибѣгалъ къ нему! Далѣе, норманское происхожденіе варяговъ-Руси доказывается ихъ дѣйствіями (стр. 90).

„Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія, въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни объ разныхъ частныхъ и мелкихъ поступкахъ, однимъ словомъ, вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ обличаютъ въ нихъ Норманновъ. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норманновъ. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними, такъ сказать, доказательствами, то есть свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ".

Авторъ совершенно правъ. Къ сожалѣнію, его дѣльное замѣчаніе о прежнихъ изслѣдователяхъ отчасти относится къ нему: онъ тоже останавливается иногда на однихъ внѣш-

нихъ свойствахъ, которыя ничего сами по себѣ не доказываютъ, потому что бываютъ общи самымъ различнымъ народамъ. (Доказательства, почерпнутыя изъ дѣйствій, религій, законовъ, обычаевъ и обрядовъ, нравственныхъ качествъ, изложены въ III томѣ и будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ).

Въ этой главѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто, неправильно объясненное. На стр. 17-й, авторъ говоритъ, что названіе Фряги употреблялось въ общемъ значеніи, и въ доказательство ссылается между прочимъ на мѣсто изъ путешествія Даніила, гдѣ сказано, что кандило греческое стояло въ головахъ, а фряжское висѣло вверху,—и мѣсто изъ духовной Іоанна Калиты, гдѣ упоминается поясъ жемчужный фряжскій. Изъ этихъ двухъ мѣстъ никакъ нельзя заключить, чтобъ слово фряжскій употреблялось въ общемъ значеніи.— На страницѣ 68 говорится объ имени Рюрика. Не знаемъ, почему авторъ не привелъ здѣсь, по крайней мѣрѣ для будущихъ соображеній, что Рюрикомъ въ Псковской лѣтописи названъ Эрикъ, король шведскій.

Вторая глава состоитъ изъ возраженій на взгляды, несогласные съ взглядомъ г. Погодина, а именно Эверсу, Нейману, Максимовичу, Венелину. И здѣсь есть нѣкоторыя мѣста слабыя. Венелинъ говоритъ, что съ 1120 года греческіе лѣтописцы не опредѣляютъ рода варяговъ. Это было ему нужно для того, чтобъ открыть себѣ возможность перекрестить ихъ въ славянъ. Г. Погодинъ отвѣчаетъ (стр. 119): „это очень естественно: потому что родъ ихъ былъ ясно и многократно опредѣленъ первыми писателями". Но чтобъ имѣть право сказать это, надобно сперва доказать, что всѣ лѣтописцы трудились надъ одной лѣтописью, что ихъ труды составляютъ одно цѣлое. Иначе объясненіе будетъ очень плохо, особливо въ отношеніи къ названію „варягъ", которое давалось жителямъ различныхъ странъ. — На стр. 122, г. Погодинъ возражаетъ Эверсу, который думаетъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ изъ Бертинскихъ лѣтописей, странники называли себя ложно Россами: „Но почему же такъ думать? Съ чего имъ присвоивать себѣ чужое имя? Съ какою цѣлью? Откуда Шведы возьмутъ себѣ имя россовъ, принадлежавшее по Эверсу южному народу?" Во-первыхъ знаками вопросительными, какъ думаетъ и самъ г. Погодинъ, возражать нельзя. Во-вторыхъ, шведы могли взять имя россовъ, хотя бы послѣдніе и не жили на югѣ, потому что оно могло быть извѣстно сѣвернымъ народамъ, которые ходили торговать и воевать въ Грецію и на югъ. Наконецъ то, что они выдавали себя за руссовъ, а про нихъ узнали, что они шведы, даетъ Эверсу полное право думать, что они ложно себя такъ назвали— большее право, нежели имѣетъ г. Погодинъ отрицать это.

Третья глава посвящена изслѣдованію, кто именно были Варяги-Русь и гдѣ они жили? Въ заключеніе, на стр. 166, г. Погодинъ говоритъ:

„Кто были именно Варяго-Русь и гдѣ они жили—не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію, и едва-ли когда-нибудь будетъ рѣшено, за недостаткомъ свѣдѣній. Я не считаю даже этого вопроса слишкомъ важнымъ: намъ нужно знать, кто были Варяги-Русь, какого племени, чтобъ понять, какое вліяніе могли они имѣть на Славянъ, среди которыхъ поселились, какой элементъ внесли они въ составъ основаннаго ими государства: а въ какомъ углу сѣвера или древней Скандинавіи они прежде обитали—это почти все равно для главной задачи".

Это вообще очень справедливо, и мы были бы готовы вполнѣ согласиться съ авторомъ, еслибъ въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ было доказано, что подъ варягами и Варягами-Русью разумѣются одни норманны германскаго происхожденія. Но именно этого-то и нѣтъ! Вопросъ о томъ, кто именно были норманны, обойденъ, а онъ чрезвычайно важенъ. Объ этомъ нѣсколько словъ послѣ.

Въ четвертой главѣ находимъ изслѣдованіе объ имени варяговъ-Руси, откуда оно происходитъ. „Это вопросъ", говоритъ авторъ (стр. 167), „также любопытный, но не болѣе! Что́ знаемъ мы о происхожденіи имени Грековъ, Пелазговъ, Еллиновъ, Римлянъ, Галловъ, Франковъ, Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Москвы, Кіева и пр. и пр.? Изслѣдователи, несмотря на всѣ свои труды при рѣшеніи этого вопроса, не достигли достовѣрности, какъ и при рѣшеніи предыдущаго вопроса о первоначальномъ мѣстопребываніи варяговъ-Руси, а представили только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя". Затѣмъ мы находимъ разборъ самыхъ объясненій этихъ названій.

Послѣднюю IV главу изъ главъ, посвященныхъ варягамъ-Руси, занимаетъ подробный критическій разборъ и опроверженіе всѣхъ прочихъ мнѣній о происхожденіи варяго-руссовъ. Мнѣнія эти всѣмъ давно извѣстны, и ни одно изъ нихъ не сдѣлалось

общепринятымъ. Всѣ они какъ-то жили недолго. Поэтому мы не станемъ излагать здѣсь ихъ доводовъ и опроверженій г. Погодина, отсылая любителей и знатоковъ къ самой книгѣ. Скажемъ только вообще, что опроверженія основательны и дѣльны и подтверждаютъ норманское происхожденіе-варяговъ-Руси, уничтожая всѣ противорѣчащія мнѣнія.

Несмотря на то, что взглядъ г. Погодина изложенъ ясно, отчетливо, обработанъ прекрасно, онъ не удовлетворяетъ читателя хотя поверхностно знакомаго съ русскими древностями. Причина отчасти заключается въ сухости изслѣдованій, по преимуществу критико-филологическихъ. Но она не главная и не единственная. Другая, гораздо болѣе важная, заключается въ томъ, что вопросъ не весь исчерпанъ. Съ свойственною ему односторонностью, авторъ совершенно истощилъ скандинавскую сторону нашей исторіи. Послѣ его изслѣдованій сомнѣваться въ нашей первоначальной исторіи элемента скандинаво-германскаго или нормано-германскаго было бы умышленнымъ упрямствомъ. Но въ то же время нельзя согласиться съ авторомъ, что варяги-Русь были исключительно скандинаво-германцы. Мы говоримъ это вовсе не изъ желанія спорить и вновь зачинать рѣшенное дѣло. Во-первыхъ, замѣтимъ, что много писателей, принимавшихся за этотъ вопросъ, дошли до убѣжденія, что варяги-Русь были славяне. Я предвижу возраженіе: они ошибались, и ихъ доводы опровергнуты. Да. Но откуда могла имъ всѣмъ придти въ голову эта мысль? Конечно, это не совершенно случайно. Есть факты—не многочисленные, но рѣшительные, которые сознательно или безсознательно могли привести изслѣдователей къ такой догадкѣ. Мы постараемся изложить эти факты какъ можно яснѣе.

Первый фактъ, который поражаетъ насъ, есть болгарскій или какой бы то ни было, но славянскій текстъ договоровъ нашихъ князей съ греками. Вспомнимъ, что первый договоръ заключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ призванной дружины. Если варяги-Русь были германскіе скандинавы, какъ объяснить странное явленіе, что они договаривались на языкѣ имъ чуждомъ? Что-нибудь изъ двухъ: или договоры дошли до насъ въ переводѣ, а не въ славянскомъ подлинникѣ, какъ говоритъ г. Погодинъ, — или варяги-Русь не были чистые германскіе скандинавы, а скорѣе славяне.

Если варяги-Русь были германцы-скандинавы, странной, неразрѣшимой загадкой представляется русскій языкъ, которымъ мы теперь говоримъ. Что въ немъ скандинавско-германскаго? Два-три десятка словъ, да и тѣ съ натяжками. Еслибъ ихъ было втрое болѣе, и тогда вліяніе находниковъ руссовъ на насельниковъ славянъ не могло бы сравниться съ вліяніемъ какихъ-нибудь татаръ, которые оставили послѣ себя гораздо больше словъ въ нашемъ языкѣ. Да и что жъ это за вліяніе! Слова сообщаются легко отъ одного народа другому. Какъ представить себѣ, что иноземцы, иноплеменники, владѣютъ землею около двухъ сотъ лѣтъ, живутъ въ ней, играютъ первую роль и потомъ исчезаютъ совершенно, не привнеся въ языкъ никакихъ новыхъ элементовъ? Посмотрите на англо-саксовъ въ Великобританіи, франковъ въ Галліи. Такъ ли безслѣдно слились они съ туземнымъ населеніемъ? Не знай мы вовсе средней исторіи по одному языку мы могли бы открыть присутствіе разнородныхъ элементовъ во французскомъ и англійскомъ языкахъ и заключить отсюда, если не о завоеваніи, то о какомъ-то непонятномъ смѣшеніи народовъ въ этихъ странахъ. Сколько турецкихъ словъ вошло въ языкъ славянъ, завоеванныхъ турками, хотя послѣдніе и не поселились между ними? Мадьяры, поселившіеся въ землѣ словаковъ, не забыли же своего языка и сохранили его до сихъ поръ! Обыкновенно говорятъ, въ объясненіе этого страннаго явленія, что варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, были немногочисленны. Г. Погодинъ, въ III томѣ своихъ „Изслѣдованій“, идетъ еще далѣе и дѣлаетъ остроумное предположеніе, что множество знатныхъ варяго-руссовъ погибло съ Святославомъ въ болгарскомъ походѣ, чрезъ что число ихъ еще уменьшилось. Положимъ, что такъ; но все-таки мысль, что варяговъ-Руси и варяговъ вообще было у насъ немного, кажется намъ не совсѣмъ основательною. Во первыхъ, самъ г. Погодинъ говоритъ, что наши князья не употребляли туземцевъ, то-есть, земледѣльцевъ на войну (Т. III. стр. 124). Ниже мы скажемъ объ этомъ свое мнѣніе; здѣсь же примемъ, что это такъ. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что войска князей состояли изъ однихъ руссовъ и варяговъ, поселившихся у насъ и приходившихъ служить. А войска эти были многочисленны. По словамъ Массуди, русское войско, предпринимавшее походъ на Каспійское море, простиралось до

00 человѣкъ (сказано, что 30,000 убито
000 спаслось бѣгствомъ). Войско Олега
яло изъ 80,000 человѣкъ (2,000 судовъ
каждомъ изъ нихъ по 40 человѣкъ);
лавово до 40,000. Принявъ съ г. Черт-
мъ несравненно меньшія числа, и для
ослава не болѣе 10,000, мы все же най-
, что варяговъ было у насъ не горсть,
куча, какъ думаютъ нѣкоторые. Этому
иворѣчатъ, кромѣ прямыхъ извѣстій, и
ія соображенія: безпрестанныя войны и
ды, предпринимавшіеся нашими варяга-
множество племенъ, которыми они вла-
, и которыя при всякомъ удобномъ слу-
отказывались платить дань. Что не всѣ
ги, дѣйствовавшіе у насъ, были руссы,
ничего не значитъ, потому что въ гла-
славянъ одни не отличались отъ дру-
: и тѣ, и другіе были варяги—однопле-
ики между собою и для насъ чужерод-
Они принесли одинъ элементъ, безпре-
но возобновлялись новыми пришельцами
а моря, и, несмотря на то, чрезъ 200
не оставили по себѣ въ нашемъ языкѣ
кихъ слѣдовъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ.
ршенно непонятно!

ретій фактъ очень важный — описаніе
ослава у Льва Дьякона. „Видомъ онъ
таковъ: средняго роста, не слишкомъ
къ, не слишкомъ малъ, съ густыми бро-
, съ голубыми глазами, съ плоскимъ но-
, съ бритой бородой и съ густыми, длин-
, висящими на верхней губѣ волосами.
ва у него была совсѣмъ голая, но только
дной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ,
ающій знатность рода“ и т. д. (Исто-
Льва Дьякона, стр. 97). Въ этомъ опи-
трудно узнать норманна. Обычай брить
у не норманскій, потому что норманны
ли длинные волосы.

лѣе, какъ не поразительно, что варя-
усь, будучи язычниками, поклонялись
мъ богамъ съ нашими славянами? Г. По-
къ, въ третьемъ томѣ своихъ „Изслѣдо-
“, относитъ всѣ извѣстія лѣтописи о
гіи и богахъ того времени къ варягамъ-
, а не къ славянамъ „Такъ требуетъ
ый разсудокъ и историческая послѣдова-
ность“, говоритъ онъ (стр. 304). „Мо-
ли быть“, продолжаетъ онъ далѣе, „ка-
сомнѣніе, что это боги Норманскіе, а не
славянскіе: Олегъ и мужи его, чистые
анны, перваго поколѣнія, большею ча-
пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы
кляться чужими богами, богами, которымъ
не вѣрили: всякой клянется своею клятвою.
Какъ послѣ нѣкоторые варяги-христіане при-
сягаютъ въ церкви по христіанскому закону,
такъ и Олегъ клялся по своему русскому за-
кону“. Но это натяжка. Еслибъ языческіе
боги, упоминаемые у Нестора, были варяго-
русскіе, а не славянскіе, народъ не могъ бы
имъ поклоняться, ихъ чтить и за нихъ сто-
ять. Неправда ли? Однако мы видимъ, что
имъ поклонялся весь народъ. Это видно изъ
повѣствованія Нестора о томъ, что плакали
невѣрные люди по Перунѣ, когда Владиміръ
велѣлъ стащить его съ горы въ Днѣпръ, и
нѣтъ никакого повода думать, чтобъ эти не-
вѣрные были одни варяги-Русь. Въ „Софій-
скомъ Временникѣ“, на стр. 57, въ разсказѣ
о варягѣ Ѳеодорѣ и сынѣ его Іоаннѣ нахо-
димъ, что бояре и старцы присовѣтовали
Владиміру бросить жребій, кого принести въ
жертву богамъ. Если бояре и были варяго-
руссы по происхожденію, какъ доказываетъ
г. Погодинъ, — хотя съ этимъ и нельзя со-
гласиться, потому что чинъ боярина мы на-
ходимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славян-
скихъ племенъ,—все же остаются еще *стар-
ци*, подъ которыми безъ натяжки нельзя ра-
зумѣть однихъ варяго-руссовъ. Далѣе, тамъ
же, на стр. 57, въ разсказѣ о смерти этихъ
первыхъ и послѣднихъ кіевскихъ мучени-
ковъ, мы находимъ слова: „и кликнуша Кія-
не, и подсѣкоша сѣни подъ ними и тако по-
биша я“. — Если кіевляне такъ негодовали
за поруганіе боговъ, все вѣроятіе, что они
имъ кланялись, ибо иначе это было бы не-
объяснимо. (Въ Лаврентьевскомъ спискѣ по
Тимковскому слова „Кіяне“ нѣтъ; потому мы
на него и не ссылаемся). Далѣе, въ Лаврент.
лѣтописи (стр. 82) мы читаемъ: „И се рекъ,
повеле рубити церкви и поставляти по мѣ-
стомъ, идеже стояху кумиры, и постави цер-
ковь св. Василья на холмѣ, идеже стояше
кумиръ перунъ и прочіи, идеже творяху по-
требы князь и людье“. Опять и изъ этого
мѣста видимъ, что люди, народъ, поклоня-
лись и приносили жертвы Перуну.—Такимъ
образомъ, на основаніи приведенныхъ сви-
дѣтельствъ, мы заключаемъ, что Перунъ и
прочіе боги были славянскіе; по крайней мѣ-
рѣ, во времена Владиміра имъ поклонялись
наши славяне. Г. Погодинъ можетъ возра-
зить, что „люди“ по объясненію, имъ приня-
тому, не относится вообще къ народу, а только
къ варяго-руссамъ. Но мы видимъ, однако,

изъ самой лѣтописи, что иногда *люди, людье* — употреблялось для означенія вообще народа, а не извѣстнаго сословія. Такъ, когда лѣтописецъ говоритъ: „И пріиде (апостолъ Андрей) въ Словѣни идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту *люди* сущая, како есть обычай имъ“ (стр. 5), или „ти суть *людье* Ноугородьци отъ рода варяжска, прежде бо бѣша словѣни“ (стр. 12),—нѣтъ никакой возможности допустить, что онъ разумѣетъ особенное какое-нибудь сословіе. Тоже должно сказать и о всѣхъ мѣстахъ, которыя мы привели въ доказательство, что славяне поклонялись Перуну. Здѣсь тоже разумѣется подъ людьми народъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права подразумѣвать однихъ варяго-руссовъ.

Слѣдовательно, однимъ богамъ кланялись и варяго-руссы, и славяне. Нельзя предположить, чтобы первые сообщили ихъ послѣднимъ. Это противно исторіи скандинавовъ въ Россіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они принимаютъ въ себя славянскаго элемента, а не наоборотъ. Слѣдовательно, остается предположить, что скандинавы приняли, можетъ-быть, безсознательно религію славянъ. Но и это нисколько не вѣроятно. Мы видимъ изъ лѣтописи, что уже Олегъ клялся Перуномъ и Волосомъ: Игорь такъ же. Если трудно себѣ представить, какимъ образомъ Владиміръ могъ признать языческихъ боговъ славянъ, то совершенно невозможно допустить это въ самомъ началѣ водворенія варяго-русской дружины въ нашей землѣ. Итакъ варяги-Русь имѣли съ нами одну вѣру.

Взгляните на этотъ предметъ отрицательно, и вы дойдете до того же результата. Миѳологія скандинавовъ извѣстна. Находимъ ли мы въ нашей миѳологіи хоть одно божество, заимствованное оттуда? Догадки протоіерея Сабинина—не болѣе, какъ догадки, предположенія. Съ этимъ согласенъ и г. Погодинъ. Дѣйствительное сходство представляютъ только черты, въ которыхъ выражается воинственный характеръ скандинавовъ и варяго-руссовъ. Но эти черты слишкомъ общи; изъ нихъ никакъ нельзя еще заключить о тождествѣ религіи варяго-руссовъ и германскихъ скандинавовъ.

Далѣе, странно, что христіанская религія, а вмѣстѣ съ нею священное писаніе, богослужебныя книги, номоканоны, явились къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ, а не на другомъ *языкѣ*. Еслибъ варяги-Русь были скандинавскіе германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать новую вѣру на языкѣ имъ чуждомъ? Ольга была уже христіанка и имѣла при себѣ духовника, а она была варяжскаго рода. Теперь еще, почти на нашихъ глазахъ, въ предѣлахъ нашего государства, переводится священное писаніе на языкъ инородцевъ, небольшихъ племенъ, обитающихъ въ какомъ-нибудь далекомъ углу имперіи, а сначала, когда владычествующими были чужеземцы, имъ проповѣдывалось евангеліе на славянскомъ языкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно! Намъ скажутъ: да это неизвѣстно. Однако, изъ древнѣйшихъ памятниковъ, до насъ дошедшихъ, всѣ безъ исключенія писаны на славянскомъ языкѣ. Остался бы хоть какой-нибудь слѣдъ другого языка: —но слѣдовъ нѣтъ; даже нѣтъ намековъ на то, что былъ какой-нибудь другой языкъ во время владычества дружины, кромѣ славянскаго. Намъ могутъ еще возразить, что и въ католической Европѣ варвары приняли религію на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, принадлежавшемъ покореннымъ ими народамъ? Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, какъ они были обращены. Знаемъ, что многіе изъ нихъ были уже христіанами, когда основали государства на развалинахъ Западной Римской имперіи. Сверхъ того, мы знаемъ также, что Улфила проповѣдывалъ готамъ на ихъ языкѣ: это доказываютъ отрывки изъ готскаго евангелія, дошедшіе до насъ. Что потомъ они приняли латинскій языкъ, не мудрено, ибо они долго, до разрушенія имперіи, находились, по крайней мѣрѣ наружно, въ зависимости отъ Рима и исподоволь подчинились вліянію высшей цивилизаціи, передъ которой благоговѣли. Въ этомъ фактѣ мы видимъ только, что побѣдители были побѣждены образованностью покоренныхъ, — явленіе очень часто встрѣчающееся, и неудивительное. У насъ, и подвластные и властвующіе были язычники. Варяги первые стали обращаться къ христіанству, какъ говоритъ самъ г. Погодинъ. Греки проповѣдывали евангеліе всегда на языкѣ новообращаемыхъ. Примѣромъ могутъ служить славяне. А варягамъ-Руси они проповѣдывали на славянскомъ языкѣ, когда это племя было господствующее? Съ чѣмъ это сообразно?..

Изъ всѣхъ этихъ соображеній мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе: варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, не

ли славяне, или по крайней мѣрѣ смѣсь
нъ съ германцами? Первое менѣе вѣ-
но, нежели второе. Менѣе вѣроятно по-
, что нельзя себѣ представить, чтобъ на-
принялъ всѣ обычаи, нравы и духъ
ого народа, не переродившись совершен-
Такъ нѣмецкіе славяне перестали быть
инами, сдѣлавшись германцами. Учреж-
, принесенныя къ намъ варягами-Русью,
германо-скандинавскія; убѣдиться въ
ъ не трудно даже безъ большой учености
юницательности: стоитъ сравнить какое-
дь малороссійское казачество, даже Новь
дъ и ихъ устройство, съ государствен-
ь и гражданскимъ устройствомъ, появив-
ся у насъ со временъ варяговъ-Руси,
ы увидѣть, какъ различны учрежденія
инскія отъ германскихъ, и какъ въ ва-
-русскихъ учрежденіяхъ мало славян-
о и много германо-скандинавскаго.
редположенію, что варяги-Русь были сла-
, или смѣсь славянъ съ германо-скандин-
ми, нисколько не противорѣчатъ, какъ
кажется, и всѣ прочія извѣстія. Замѣ-
, что всѣ они указываютъ вообще на сѣ-
, не опредѣляя точнѣе, какого племени
наши сѣверные выходцы. Варяги, какъ
извѣстно,—самое общее, неопредѣленное
аніе, изъ котораго нельзя ровно ничего
ючить о національности пришельцевъ.
у Нестора. У западныхъ и греческихъ
телей это названіе еще неопредѣленнѣе.
. Нордманъ — не доказываютъ германо-
о происхожденія варяговъ-Руси, а гово-
только, что они жили на сѣверѣ. Г. По-
ну самому извѣстно, что на сѣверѣ сла-
и скандинавскіе германцы были издавна
ди—и могли легко смѣшаться. У него
находимъ объ этомъ очень интересные
ы.

Норманны и Славяне (говоритъ онъ) искони
рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю,
незапамятныя еще времена обмѣнялись мно-
словами, кои встрѣчаются въ древнѣйшихъ
тописяхъ. Нѣкоторыя племена — по сосѣдству—
смѣшались, такъ что ихъ разобрать трудно.
ружинахъ норманскихъ — всегда было очень
о славянъ. Самъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ:
оманнами называются обыкновенно люди,
юду собранные, которые населяютъ Марку.
лавянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ
слѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая
й сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ
анъ, такъ и изъ Славянъ. Флотъ норманскій,
ывшій во Фризію, состоялъ, по свидѣтель-
ъ, изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже Оботри-
товъ. Въ экспедиціи противъ Англіи 857 года много
Вендовъ". (Томъ III, стр. 28 и 29).

Одно извѣстіе, повидимому, противорѣчитъ этому предположенію: русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя императоромъ Константиномъ; но и оно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, Русь была господствующая дружина въ Кіевѣ и между славянами. Она пришла съ сѣвера, страны, откуда на всю Европу происходили безпрерывныя хищническія нападенія варяговъ. Зная руссовъ, зная, что они принадлежатъ къ варягамъ, Константинъ легко могъ давнишнія скандинавскія названія пороговъ назвать русскими. А издавна они не только могли существовать, но и по всѣмъ вѣроятіямъ существовали, потому что лежали на торговомъ пути, по которому скандинавы ходили въ Грецію. Итакъ, изъ того, что Константинъ называетъ скандинавскія названія русскими, никакъ нельзя еще заключить, что руссы были германскіе скандинавы. Вѣдь называетъ же Левъ-Діаконъ Святослава Тавроскиѳомъ! Вѣдь называютъ же всѣ предпринимавшіе походъ въ Грецію изъ Россіи—руссами, хотя мы и достовѣрно знаемъ, что въ этомъ походѣ участвовали призванные варяги изъ Швеціи и другихъ сѣверныхъ странъ, а можетъ быть даже и славяне, если буквально понимать слова Нестора. (На соотвѣтствіи русскихъ и славянскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ мы не остановимся здѣсь, потому что оно не говоритъ ни за, ни противъ, и можетъ быть различно объяснено).

М. З. ГИЛЬЧЕР.

Все это предположенія, которыхъ мы и не выдаемъ за истину. Только мы твердо увѣрены, что факты, возбуждающіе не въ насъ однихъ сомнѣніе въ германо-скандинавскомъ происхожденіи варяговъ-Руси, не могутъ быть обойдены безъ вниманія, какъ было до сихъ поръ. Не объясненные, не обсужденные, они останутся сильными доказательствами противъ германскаго происхожденія нашихъ варяго-руссовъ.

Во второй половинѣ второго тома говорится сначала о славянахъ вообще, по извѣстнымъ „Славянскимъ Древностямъ" Шафарика. Еще прежде, въ предисловіи, г. Погодинъ объяснилъ, что̀ заставило его внести въ издаваемую имъ книгу результаты изслѣдованій славянскаго филолога (стр. IX).

„Извлеченіе это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлію: мнѣ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой

связи находится русская исторія съ древле-славянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ, это извлеченіе доставляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступать къ разсмотрѣнію нашихъ Славянъ, пропускаемыхъ нами до сихъ поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось государство".

Во второмъ томѣ эта мысль пояснена и опредѣлена еще болѣе (стр. 321).

„Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то есть съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки—Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ въ слѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія, Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія древности" производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Нельзя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно новая. Нѣтъ, и прежде имѣли ее многіе изслѣдователи русскіе и иностранные; но они или представляли ее только въ видѣ чаянія и догадки, или соединяли ее съ другими неосновательными предположеніями, или не извлекали изъ нея никакихъ существенныхъ и полезныхъ для науки слѣдствій, не приписывали ей такой важности и многоплодности. Шафарикъ, съ необъятной своей ученостью и начитанностію, остроуміемъ и проницательностію, воспользовавшись всѣми извѣстными до него и имъ открытыми источниками, возвелъ эту мысль на степень осязательной истины, и вмѣстѣ заставилъ думать, что исторія всякаго славянскаго племени и государства тѣсно и необходимо связана съ первоначальной исторіей всего славянскаго народа, точно такъ, какъ всѣ отрасли дерева бываютъ тѣсно связаны съ его корнемъ. Познаніе корня необходимо для познанія отраслей, кои безъ него во многихъ отношеніяхъ остались бы непонятными".

Мысль хороша. Только мы не думаемъ, чтобъ русскій историкъ могъ что-нибудь извлечь изъ нея для своего предмета. Источники древнѣйшей до-христіанской исторіи славянъ очень бѣдны. По крайней мѣрѣ, такъ теперь. Можетъ быть, новыя открытія покажутъ намъ, чего мы теперь не знаемъ. Описаніе русскихъ славянъ у Нестора, какъ ни подробно обработаны его извѣстія, даетъ о нихъ очень слабое, сбивчивое, неопредѣленное понятіе.

Извлеченіе составлено тоже хорошо. Такъ какъ читателямъ уже извѣстна книга Шафарика, то мы не станемъ излагать этой части г. Погодина, хотя и не можемъ не замѣтить вообще, что нѣкоторые, по нашему мнѣнію, пристрастные и ложные выводы Шафарика перешли и въ книгу г. Погодина. Послѣ небольшого отступленія, въ которомъ г. Погодинъ очень справедливо и основательно говоритъ о современной славяноманіи и безплодности этой школы, онъ объясняетъ отношеніе изслѣдованій Шафарика къ русской исторіи. По его мнѣнію, между ними глубокая внутренняя связь. Главныя положенія, выведенныя изъ изслѣдованій Шафарика о славянахъ, встрѣчаются на каждой строкѣ въ русской исторіи: все, что принадлежало древнимъ славянамъ, досталось и намъ въ лицѣ нашихъ предковъ IX столѣтія. Въ чемъ же состояло это наслѣдство?

„Во-первыхъ, они имѣли древность, старинство. Народъ нашъ жилъ уже какъ особый народъ, или какъ племя особаго народа, въ его составѣ или отдѣльно, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика, а чѣмъ глубже основаніе, тѣмъ тверже зданіе; чѣмъ обширнѣе корень, тѣмъ вѣтвистѣе дерево; чѣмъ старше жизнь, тѣмъ опытнѣе. Во-вторыхъ—языкъ, въ одномъ нарѣчіи котораго, близкомъ къ нашему и понятномъ, нашлись въ IX вѣкѣ выраженія для всего священнаго писанія. Далѣе, религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ, всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни. Вотъ важныя данныя, кои пріобрѣтаемъ мы при первомъ знакомствѣ съ славянскими древностями, и съ коими смѣло можемъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ славянскихъ племенъ, искать у нихъ слѣдовъ общаго достоянія. Вѣрно не находились онѣ на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи, до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города, представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и Кривичи съ Чудью и Весью могли точно призвать себѣ защитниковъ, могли и не поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые Варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и чрезъ два, три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполнѣ, или считали непонятными пропусками, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами изслѣдованій, и искать тамъ, гдѣ найти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, пріобрѣтена

ая точка! Ясно ли видите вы, какъ важны
усской исторіи славянскія древности, и въ
связи находится съ ними русская исторія?"
383—385).

короткихъ словахъ, эта связь состоитъ
омъ, что мы теперь пріобрѣтаемъ право
здовать бытъ нашихъ славянъ задолго
юрика,—право, которое мы имѣли бы и
де, еслибъ были источники, по крайней
хоть бы скудныя извѣстія, служащія
ами опоры для историка. Но ихъ нѣтъ.
у недостатку ничто не можетъ помочь.
ее доказательство—тщательно собран-
и обработанныя самимъ авторомъ мѣста
Нестора о нашихъ славянахъ, а Несторъ
ли не единственный прямой источникъ,
якомъ случаѣ самый богатый, несмотря
ю свою скудость. Самъ г. Погодинъ го-
ъ (стр. 395), что „ихъ очень мало... и
е любопытство ими не удовлетворяется";
ослѣ этого предлагаетъ вопросъ: „не-
и нѣтъ никакихъ средствъ дополнить
понятія?" Эти средства суть, по его
мъ: языкъ, нарѣчія, собственныя назва-
праздники, повѣрья, примѣты, преданія,
ни, пѣсни, пословицы. Въ доказатель-
важности собственныхъ именъ приве-
остроумныя розысканія Ходаковскаго
одищахъ, основанныя преимущественно
енахъ. Объ этихъ розысканіяхъ до сихъ
нельзя ничего сказать ни за, ни про-
Видно только, что Ходаковскій былъ
іастъ своего дѣла и отдался ему какъ
гіе могутъ чему-нибудь отдаваться.
одаря г. Погодину, мы теперь отчасти
комились съ трудами этого замѣчатель-
человѣка. Жаль только, что они раз-
ны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ
собраны въ одну книгу: изучать было
ѣче. Въ заключеніе мы должны при-
ся, что извлеченіе, сдѣланное г. Пого-
мъ изъ Ходаковскаго, не совсѣмъ намъ
вилось. Во многихъ мѣстахъ, особливо
вѣтахъ Калайдовичу, Ходаковскій изла-
свою систему гораздо опредѣленнѣе,
, нежели какъ она представляется въ
раемой нами книгѣ. Здѣсь эта система
то стерта. Впрочемъ, мы можемъ и ошиб-
я.

етій томъ „Изслѣдованій", по нашему
ію,—лучшее, что только когда-нибудь
алъ г. Погодинъ. Въ нашей историче-
литературѣ рѣдко встрѣтишь подобную
, особливо въ послѣднее время. За ис-

ключеніемъ лекціи о формаціи государства
и параллели русской и европейской исторіи
относительно начала—слабыхъ и очень не-
удовлетворительныхъ,—вся собственно-исто-
рическая, критическая часть превосходна.
Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ
этомъ томѣ всѣ выводы и разсужденія равно
хороши и неоспоримо-истинны. Напротивъ,
здѣсь мы находимъ очень много положеній,
съ которыми никакъ не можемъ согласиться;
есть статьи, обработанныя или слабо или
слабѣе остальныхъ. Наконецъ, односторонній
взглядъ автора выступаетъ здѣсь рѣзче, ярче
бросается въ глаза, нежели въ первыхъ двухъ
томахъ. Но эти недостатки съ избыткомъ
выкупаются неотъемлемыми достоинствами:
единствомъ мысли, строгою послѣдователь-
ностью, большимъ остроуміемъ и проница-
тельностью. Читая третій томъ, всякій со-
гласится, что односторонній взглядъ автора
не только не можетъ быть вмѣненъ ему въ
недостатокъ, но составляетъ его силу, есть
одно изъ главныхъ его достоинствъ. Только
такой взглядъ далъ ему возможность подмѣ-
тить и освѣтить новымъ свѣтомъ многія чер-
ты нашего древняго быта, до сихъ поръ
ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей.
Цѣну книги еще возвышаютъ параллельныя
мѣста изъ исторіи другихъ сѣверныхъ скан-
динавскихъ народовъ. Вѣрный мысли, что
наши варяги-Русь были скандинаво-германцы,
авторъ безпрестанно, почти на каждой стра-
ницѣ, сопоставляетъ извѣстія нашей лѣто-
писи съ мѣстами изъ сѣверныхъ сагъ, изъ
новѣйшихъ лучшихъ сочиненій о скандина-
вскихъ народахъ, и этимъ придаетъ жизнь
и яркій колоритъ нашимъ скуднымъ сказа-
ніямъ. Силу, значеніе параллельныхъ мѣстъ
онъ, впрочемъ, не перецѣниваетъ. Онъ по-
нимаетъ, что они значатъ въ историческихъ
изслѣдованіяхъ. „Читатели замѣчаютъ", го-
воритъ онъ (стр. 367, примѣчаніе 851), „что
я вездѣ провожу параллель между исторіей
норманновъ у насъ и исторіей норманновъ
въ прочихъ странахъ Европы, и вижу вездѣ
отраженіе одного народа. Я очень понимаю,
что параллель, особенно въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ, подвергается возраженіямъ, даже бла-
говиднымъ: можно-де и изъ другихъ исторій
подобрать соотвѣтственныя явленія. Да, мож-
но, но не въ такой совокупности и послѣдо-
вательности; притомъ, я предлагаю парал-
лель только какъ поясненіе, дополненіе къ
прочимъ главнымъ доказательствамъ еди-

ства". О каждомъ предметѣ авторъ сначала выписываетъ всѣ мѣста изъ лѣтописи, потомъ сравниваетъ ихъ между собою, выводитъ результаты и въ заключеніе подводитъ сходныя извѣстія изъ исторіи сѣверныхъ народовъ. Методъ самый вѣрный. Наконецъ, даже тонъ изслѣдованій въ третьей части гораздо спокойнѣе, безпристрастнѣе. Вообще, эта книга представляетъ отрадное явленіе въ нашей литературѣ.

Весь третій томъ посвященъ разрѣшенію вопроса, поставленнаго, какъ мы видѣли, еще во второмъ: какъ соединились пришельцы съ туземцами? Другими словами: при какихъ условіяхъ зачалось русское государство? Событія этого времени такъ извѣстны, что мы не хотимъ утомлять читателей ихъ повтореніемъ. Отмѣтимъ здѣсь только результаты, которые кажутся намъ новыми, принадлежащими г. Погодину.

На страницѣ 11 замѣчено, и, кажется, не безъ основанія, что варяги или пріѣзжали къ намъ за данью изъ-за моря, или оставляли сборщиковъ, подобныхъ татарскимъ баскакамъ; на страницѣ 12 мы находимъ, что норманны, принудившіе насъ платить имъ дань, составляли, вѣроятно, особливый народъ, племя, которое по преимуществу называлось варягами (какъ словенами по преимуществу назывались новгородцы). Послѣ ихъ изгнанія опять были призваны варяги. Но какіе? Предположеніе, что тѣ же самые, которые прежде были, или что будто варяги явились у насъ завоевателями, не выдерживаетъ критики. Г. Погодинъ думаетъ (стр. 24), согласно съ Арцыбашевымъ, что призваны были не изгнанные, а другіе, тоже норм ны, для того, чтобъ защищать призвавшія племена отъ нападеній ихъ единоплеменниковъ. Это представится очень вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что со времени призванія Рюрика съ братьями, нападенія скандинавовъ на Россію совершенно прекратились. Нѣсколько параллельныхъ событій еще болѣе поясняютъ возможность такого призванія — Все это вѣрно; только въ нѣкоторыхъ частныхъ разсужденіяхъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ. На страницѣ 17 находимъ критику мнѣнія Карамзина. Мнѣніе очень плохо и натянуто, но и критика нехороша. Мы не видимъ напримѣръ, почему бы не могло совершиться въ продолженіе трехъ лѣтъ все то, что предполагаетъ Карамзинъ въ промежутокъ времени между изгнаніемъ варяговъ и призваніемъ Руси. Не надобно забывать, что всѣ обстоятельства, разсказанныя Карамзинымъ: неразумное правленіе бояръ, междоусобіе, страданіе народа —могли быть приготовлены заранѣе, а безъ того и не могли быть. А г. Погодинъ находитъ, что нужно для всего этого гораздо больше трехъ лѣтъ. Такъ же несправедливо его мнѣніе, будто бы „управленія варяги не могли имѣть никакого; черезъ 200 лѣтъ еще едва оно начинается" (стр. 19). Еслибъ у насъ не было никакого другого извѣстія, кромѣ словъ, сказанныхъ варягамъ-Руси нашими и финскими племенами, да мѣста въ лѣтописи о введеніи смертной казни при Владимірѣ,—и тогда мы убѣдились бы, что г. Погодинъ не правъ. Далѣе, на той же страницѣ, мы находимъ предположеніе, ни на чемъ неосновательное, что у славянъ не было вовсе бояръ. Если званіе боярина принесено къ намъ, отчего же мы находимъ его у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ? — Прочія возраженія Карамзину (стр. 20) такъ слабы, что и не заслуживаютъ опроверженія, напоминая собою неудачныя соображенія, которыми г. Погодинъ хотѣлъ доказать невѣроятность нѣкоторыхъ сказокъ у Нестора. О возраженіяхъ противъ мнѣнія, что славяне были завоеваны варяго-руссами, мы скажемъ послѣ. Здѣсь замѣтимъ однако, что несправедливо говоритъ авторъ (стр. 21), будто у насъ не было слѣдовъ завоеванія. Вся система управленія древней Россіи скорѣе заставляетъ принять завоеваніе, чѣмъ мирное пришествіе, и только положительныя слова лѣтописи принуждаютъ изслѣдователя искать другихъ объясненій для этой системы. Это видитъ и г. Погодинъ. Сравнивая начала русскаго и западно-европейскихъ государствъ, онъ говоритъ, что занятіе Россіи варяго-руссами было сходно съ завоеваніемъ, а въ возраженіяхъ г. Кирѣевскому (стр. 533) откровенно сознается, что гораздо легче возражать тому, кто не допускаетъ никакого сходства между занятіемъ и завоеваніемъ, нежели противоположному критику, который сталъ бы утверждать, что Россія была завоевана.— Далѣе, желая доказать, что призваны были не изгнанные, а другіе,— дѣло само по себѣ очень вѣроятное, — г. Погодинъ прибѣгаетъ къ натяжкѣ и приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Нестора, изъ которыхъ будто бы видно, что Несторъ различалъ руссовъ, призванныхъ и поселившихся у насъ, отъ варяговъ не-

обще. Различіе видно, правда, но только здѣшнихъ варяговъ отъ служившихъ и приходившихъ на время, а не варяговъ вообще отъ варяго-руссовъ. Слова: „хрестеянскую Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи, мнози бо бѣша варязи хрестеяни“, показываютъ только, что Русь были варяги, никакъ не болѣе. Словомъ, изъ всего этого въ пользу мнѣнія г. Погодина ровно ничего не слѣдуетъ.—На страницѣ 25, авторъ говоритъ, что „Новгородцы звали къ себѣ князей преимущественно для защиты“, чего, однако, лѣтопись не говоритъ. Въ параллельномъ мѣстѣ, приведенномъ изъ Деппинга о призваніи Роллона жителями Руана, сказано, что послѣдніе хотѣли признать его дюкомъ съ условіемъ, чтобъ онъ ихъ *защищалъ и судилъ по праву*. И отсюда видно, что защита была не главнымъ, не единственнымъ поводомъ къ призванію. Вообще, напрасно г. Погодинъ оставляетъ въ тѣни слова Нестора: они слишкомъ ясны и опредѣленны.

Третья глава посвящена Рюрику и событіямъ его времени. Особенно интересно опроверженіе мнѣнія профессора Крузе, который думаетъ, что нашъ Рюрикъ и Рюрикъ франкскихъ лѣтописей—одно и то же лицо. Опроверженіе основано на соображеніяхъ хронологическихъ —Слова „пояша по себѣ всю Русь“, авторъ правильно переводитъ: взялъ съ собою всѣхъ руссовъ, отступая въ этомъ случаѣ отъ мнѣнія Карамзина и другихъ.—Первымъ мѣстопребываніемъ Рюрика былъ не Новгородъ, а Ладога.—На страницѣ 57-й, авторъ переходитъ къ важному для того времени вопросу: въ чемъ состояло достоинство князя? Рѣшеніе его кажется намъ неудовлетворительнымъ. „Главная цѣль Новгородцевъ“, говоритъ онъ, „была—имѣть защитниковъ отъ варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ“. Въ этомъ случаѣ, авторъ очевидно отступилъ отъ правила, котораго придерживается вездѣ очень строго, и за нарушеніе котораго часто укоряетъ своихъ противниковъ; онъ не основывается на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, гдѣ сказано только: „изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягомъ и Руси... Рѣша Руси... земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами“. (Лаврент. лѣтоп. стр. 12). Что къ намъ пришло вслѣдствіе этого призыва цѣлое войско—ничего не значитъ. Это могло быть дѣйствіемъ произвольнымъ со стороны Руси, безсознательно, добродушно дозволеннымъ со стороны призывавшихъ. Плата, назначенная Олегомъ въ 300 гривенъ „мира дѣля“, нисколько не доказываетъ, что Русь была призвана союзными племенами съ цѣлью защищать ихъ отъ набѣговъ норманновъ; ибо Олегъ могъ возложить ее на новгородцевъ для того, чтобъ обезопасить свои владѣнія послѣ того, какъ онъ самъ отправился далѣе на югъ. Вообще, мы не можемъ понять, почему авторъ не хочетъ принять призванія такъ, какъ оно разсказано лѣтописцемъ, и отыскиваетъ другія причины, на которыя у послѣдняго нѣтъ даже намека? Г. Соловьевъ, въ своемъ разсужденіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, весьма остроумно и основательно замѣтилъ, что такое призваніе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи Новгорода. (Мы прибавимъ отъ себя, что то же видимъ весьма часто и въ другихъ частяхъ Россіи въ періодъ удѣловъ). Сами собою новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всѣхъ юныхъ, полу-патріархальныхъ, гражданскі неустроенныхъ обществъ. Какъ только нѣтъ князя —возникаетъ страшная неурядица, междоусобія, и новгородцы посылаютъ къ какому-нибудь князю идти къ нимъ княжить, водворить тишину и правый судъ. Можетъ быть, этотъ случай, разсказанный въ лѣтописи, не былъ первымъ, а если онъ и былъ первымъ, то легко объясняется тѣмъ, что новгородцы и другія племена не могли согласиться, кого выбрать въ князья изъ своей среды, когда явилось нѣсколько родовъ, равныхъ между собою, изъ которыхъ каждый имѣлъ большія партіи. Подтвержденіемъ нашей мысли служитъ извѣстіе о призваніи, сохранившееся въ Никоновской лѣтописи. Тамъ говорится, что долго спорили племена, кого избрать: одни предлагали козаровъ, другіе—полянъ, дунайчей и варяговъ: нѣкоторые —изъ своей среды. На этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя твердо основываться, потому что въ Никоновской лѣтописи много вставокъ и позднѣйшихъ дополненій. Но когда авторъ изъ однихъ соображеній хочетъ построить свой взглядъ, мы въ правѣ сослаться на это мѣсто.

Изъ него прямо видно, что главнымъ вопросомъ при избраніи было внутреннее устройство, порядокъ страны, а не защита ея отъ внѣшнихъ враговъ. Это, конечно, не значитъ, что вопросъ объ охраненіи земли не могъ тогда же возникнуть. Даже весьма вѣроятно, что онъ склонилъ выборъ на сторону варяговъ-Руси, сосѣднихъ и дружественныхъ норманнамъ. Но мы думаемъ, что это обстоятельство не было первое, главное, а скорѣе второстепенное. Г. Погодинъ видѣлъ это и говоритъ (стр. 57): „Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать: прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя".

Опять толкованіе совершенно произвольное! Лѣтопись прямо говоритъ: „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ оусобицѣ, и воевати почаша сами на ся". Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобы племена ссорились между собою: внутри ихъ происходили междоусобія, и родъ возставалъ на родъ.

И такъ, внутреннее управленіе было главнымъ, первымъ мотивомъ при избраніи трехъ братьевъ. Г. Погодинъ думаетъ наоборотъ и говоритъ, что князю очень рѣдко случалось принимать участіе въ управленіи внутренними, особенно судными дѣлами. Въ доказательство онъ приводитъ, что еще въ XIII, XIV и слѣдующихъ вѣкахъ новгородцы говорили: „а безъ посадника тебѣ, княже, не судити" (стр. 58). Но это мѣсто говоритъ противъ г. Погодина. Изъ него слѣдуетъ, во-первыхъ, что князь судилъ; во вторыхъ, что онъ судилъ сначала одинъ, а потомъ уже съ посадникомъ, иначе не для чего было бы и включать это условіе въ договоры. Послѣднее подтверждается и цѣлымъ ходомъ развитія новгородскаго внутренняго быта. Ограниченія княжеской власти появляются здѣсь уже позже, когда Новгородъ сдѣлался политически-самостоятельнымъ. Въ отношеніи къ суду и судопроизводству, мы имѣемъ на это и прямыя, и косвенныя доказательства. Къ прямымъ относится „Русская Правда", которая, какъ признаетъ самъ г. Погодинъ, есть законодательство новгородское. По синодальному списку „Правды", *слѣдовательно* не позже XIII вѣка, передъ княземъ происходилъ судъ о наслѣдствѣ; на княжій дворъ приводили татя, схваченнаго ночью на дѣлѣ, и продержаннаго до разсвѣта. Не говоримъ уже о продажѣ и вирахъ, которыя сбирались въ пользу князя почти съ каждаго дѣла. И такъ, участіе князя въ судныхъ дѣлахъ и рано, и несомнѣнно. Далѣе, изъ лѣтописи мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ (XII в.) призывалъ къ себѣ на судъ новгородцевъ и заключилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это заставляетъ насъ не безъ основанія думать, что ограниченія княжеской власти въ судныхъ дѣлахъ тогда еще не было, и что оно возникло позже. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что въ Кіевѣ Мономахъ могъ судить при посадникѣ, но это невѣроятно, потому что въ позднѣйшихъ условіяхъ новгородцы всегда обязывали князей не судить ихъ внѣ новгородской территоріи. Причина понятна: подсудимые въ чужой землѣ не были ничѣмъ обезпечены. И такъ, ограниченіе княжескихъ правъ пришло послѣ. То же должно сказать и въ отношеніи всѣхъ другихъ княжескихъ правъ. Даже въ духовномъ управленіи—тотъ же порядокъ развитія. Въ XI вѣкѣ, Ярославъ поставилъ въ Новгородѣ епископа Луку Жидяту, а митрополитъ Ефремъ черезъ нѣсколько лѣтъ вызвалъ его въ Кіевъ и осудилъ; впослѣдствіи же архіепископы новгородскіе не спѣшили въ Москву для поставленія, управляли епархіей по одному избранію и спорили съ митрополитами за мѣсячный судъ и подъѣзды. Такимъ образомъ, сначала князь управлялъ Новгородомъ своими посадниками, намѣстниками или посредствомъ князя, своего сына или внука, который былъ тамъ на правахъ княжескаго правителя. Новгородъ былъ тогда подчиненъ великому князю кіевскому наравнѣ со всѣми прочими областями Россіи. Но когда власть великаго князя ослабла, новгородцы этимъ воспользовались и стали управляться сами собою. Съ этого времени начинается избраніе князей, избраніе владыки и постепенное ограниченіе княжескихъ правъ, сдѣлавшееся особенно необходимымъ, когда князья получили осѣдлость въ своихъ вотчинахъ-княженіяхъ, и стали пытаться обратить и Новгородъ въ свою полную, наслѣдственную вотчину. Такой же ходъ развитія былъ и въ остальной Россіи. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ княжескіе тіуны судили и взимали виры и

продажи. Къ такимъ свидѣтельствамъ относится разсказъ лѣтописи о вступленіи на княжескій престолъ Игоря Ольговича и объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. При Іоаннѣ III начинаютъ показываться слѣды ограниченія княжескихъ правителей и судей выборными, цѣловальниками, потому что произволъ и корыстолюбіе первыхъ были разорительны, невыносимы. При Іоаннѣ IV, эта система судоустройства и администраціи развита подробно и стала общею, исключительною въ тогдашней Россіи. Что въ Новгородѣ сдѣлалось вслѣдствіе его политической независимости, то въ остальной Россіи старались сдѣлать московскіе цари, когда стали обращать вниманіе на внутреннее устройство государства. Такимъ образомъ, и свидѣтельства источниковъ, и наведенія, и аналогическое развитіе въ областяхъ, имѣвшихъ совершенно различное устройство, — все заставляетъ насъ думать, что въ Новгородѣ съ самаго начала князь былъ судьею, и ограниченіе его другими выборными судьями есть явленіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда въ немъ утвердилось народовластіе.

Чтобъ отстоять свою мысль, чтобы набросить сильное подозрѣніе на извѣстіе лѣтописи о призваніи иноземцевъ для внутренняго распорядка, для водворенія правды и тишины, г. Погодинъ прибѣгаетъ, наконецъ, къ послѣднему, чрезвычайному средству. На стр. 58, прим. 90, онъ говоритъ: „Признаюсь, въ этихъ выраженіяхъ слышится мнѣ норманское преданіе: не было ль какой Саги у насъ, поступившей въ повѣствованіе Нестора?“ — Мы думаемъ, что здѣсь авторъ, можетъ быть, увлекся ложно понятымъ чувствомъ, которое въ другомъ мѣстѣ такъ несправедливо заставило его заподозрить чуждый голосъ въ простомъ ученомъ результатѣ; ибо г. Погодинъ рѣшитель о отступилъ отъ обыкновенной своей методы вѣрить только источникамъ и не прибѣгать къ предположеніямъ, когда они совершенно не нужны. Пристрастіе къ извѣстнымъ любимымъ мыслямъ здѣсь взяло верхъ надъ наукой и строгой истиной. Читатели сами видятъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ основаній отвергнуть сказанія и прибѣгать къ догадкамъ.

Послѣ того, какъ будто недовольный еще приведенными доказательствами, г. Погодинъ ссылается на мнѣнія Шлецера, Миллера, которые видятъ въ призванныхъ варяго-руссахъ только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ, — мнѣнія, доказывающія только, что оба, какъ иностранцы, не довольно вникли въ древній русскій бытъ, чтобъ понять призваніе, какъ оно разсказано въ лѣтописи. Надобно быть русскими, или ужъ по крайней мѣрѣ совершенно сжиться съ простымъ народомъ, чтобъ понять такое явленіе за тысячу лѣтъ назадъ. Слова г. Сенковскаго о значеніи нашего князя доказываютъ только, что онъ обратилъ особенное вниманіе на военное значеніе князя, — не болѣе; ибо о томъ, имѣлъ ли князь участіе въ судѣ или нѣтъ, онъ не говоритъ ни слова.

Наконецъ, г. Погодинъ находитъ, что исключительно военное назначеніе князя подтверждается и послѣдовавшими событіями послѣ избранія: пребываніемъ Рюрика въ Ладогѣ, преданіемъ о Вадимѣ, оставленіемъ Новгорода Олегомъ, совершеннымъ отдѣленіемъ Новгорода при Святославѣ и, наконецъ, остальною исторіею этого города (стр. 59). Разсмотрѣвъ всѣ эти событія, мы найдемъ, что большая часть изъ нихъ говоритъ противъ мнѣнія г. Погодина, а прочія ничего не доказываютъ. Пребываніе Рюрика въ Ладогѣ находитъ свое объясненіе въ извѣстіи Никоновской лѣтописи, что „пришельцы бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава“. Объ этомъ звѣрствѣ говорятъ и арабскіе писатели. Преданіе о Вадимѣ показываетъ только, что новгородцы думали видѣть въ пришельцахъ князей по своимъ понятіямъ, но ошиблись; пришельцы стали ихъ грабить и притѣснять. О причинахъ оставленія Новгорода Олегомъ мы ничего не знаемъ. Можно насчитать много причинъ; одною изъ важныхъ, конечно, было желаніе быть ближе къ Византіи. Совершеннаго отдѣленія Новгорода при Святославѣ мы не видимъ. Напротивъ, настоятельное и дерзкое требованіе князя и слова: „если не дашь князя, мы найдемъ себѣ“, показываютъ только, что новгородцы не могли жить безъ него. Это же мы видимъ и впослѣдствіи. Г. Погодинъ согласится съ нами, что необходимость защиты отъ внѣшнихъ враговъ не могла имѣть вліянія на такое дерзкое требованіе, ибо онъ самъ говоритъ, что новгородцы платили дань за море „мира дѣля“, и что до самой смерти Ярослава, вѣроятно, именно вслѣдствіе этого, дружескія отношенія между Россіею и скандинавами не нарушались ни разу. Сталобыть, въ князѣ новгородцы искали не за-

щитника, а правителя. Наконецъ, вся исторія Новгорода блистательно доказываетъ, что они не умѣли управиться у себя сами собою и нуждались въ посредничествѣ князя. Отсутствіе его всегда ознаменовывалось кровавыми сценами и страшными волненіями.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, мы не видимъ никакого основанія отвергать причины призванія, выставленныя у лѣтописца, или перетолковывать ихъ по своему, какъ сдѣлалъ Шлецеръ. Намъ кажется это событіе очень простымъ и естественнымъ. Когда въ обществѣ по преимуществу патріархальномъ нѣтъ головы, старѣйшины, раздоры и междоусобія рано или поздно должны возникнуть. Всего естественнѣе они возникаютъ при избраніи въ старѣйшины. Взаимная зависть родовъ дѣлаетъ невозможнымъ избраніе кого-либо изъ своей среды. Естественно, что прибѣгаютъ къ избранію совершенно постороннаго, равно чужаго для всѣхъ избирающихъ. Сколько тяжебъ и теперь еще рѣшается у насъ въ простомъ народѣ тѣмъ, что спорная вещь отдается третьему, постороннему, и такимъ рѣшеніемъ остаются оба совершенно довольны! Такъ объясняетъ призваніе и Рейцъ въ своей „Исторіи русскаго законодательства“.

На страницѣ 60-й по поводу одного мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о раздачѣ „мужамъ“ городовъ, г. Погодинъ мимоходомъ касается важнаго вопроса, былъ ли у насъ при варягахъ феодализмъ или нѣтъ? И рѣшаетъ его отрицательно. По нашему мнѣнію, такое рѣшеніе ошибочно. Изъ того, что Рюрикъ раздавалъ города своимъ сподвижникамъ, нисколько не слѣдуетъ, что варяго-руссы принесли къ намъ феодальную систему: это справедливо. Но мы думаемъ, что есть другія доказательства болѣе важныя. Поводомъ, заставляющимъ предполагать у насъ феодальную систему при варягахъ-Руси, мы считаемъ дружинное устройство послѣднихъ. Пришедшіе къ намъ съ Рюрикомъ являются болѣе его сотоварищами, нежели подданными. Если этого не видно именно при немъ, то это видно при послѣдующихъ князьяхъ этого періода. Дружина договаривается съ княземъ, присягаетъ ему, объявляетъ свое неудовольствіе; князья ею дорожатъ, даютъ ей часть изъ добычи, и мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобъ они такъ поступали по доброй волѣ. Напротивъ, *видно, что князь* имѣлъ къ своимъ сотоварищамъ отношеніе договорное, а не основанное на государственныхъ началахъ, какъ впослѣдствіи. Это-то и заставляетъ насъ думать, что система управленія, принесенная къ намъ варягами-Русью, была по всѣмъ вѣроятіямъ дружинная, т.-е. феодальная, а не другая. Эта мысль подтверждается и нѣкоторыми фактами, на которые, какъ намъ кажется, г. Погодинъ слишкомъ мало обратилъ вниманія, хотя онъ понимаетъ ихъ правильно. Еслибъ у насъ не было феодальной системы, для чего бы, кажется, было князю, въ трактатахъ съ греками, выговаривать „уклады“ на города? Ясно, что Олегъ выговариваетъ часть на долю своихъ мужей, остававшихся въ этихъ городахъ. А изъ этого слѣдуетъ, что они находились не въ подданническомъ, а скорѣе въ вассальномъ отношеніи къ Олегу. Далѣе г. Погодинъ дѣлаетъ весьма остроумное и, по нашему мнѣнію, вѣрное замѣчаніе, что имена, оканчивающіяся на ъ или *овъ* въ Игоревомъ договорѣ, означаютъ лица, отъ которыхъ отправлены послы къ грекамъ. Кто же эти лица? По всѣмъ вѣроятіямъ, князья, получившіе въ Россіи владѣнія. Невозможно иначе объяснить этотъ фактъ. Еслибъ такъ не было, почему бы, кажется, Игорю не послать однихъ своихъословъ? И если его приближенные, товарищи, были его подданные, какъ они могли вмѣстѣ съ нимъ посылать своихъословъ? Далѣе, Константинъ Багрянородный говоритъ, что съ наступленіемъ ноября мѣсяца русскіе князья оставляли Кіевъ и разъѣзжались по другимъ городамъ или въ земли подвластныхъ руссамъ славянъ, гдѣ и проводили зиму, а со вскрытіемъ Днѣпра въ апрѣлѣ, опять пріѣзжали въ Кіевъ. Г. Погодинъ думаетъ, что подъ русскими князьями здѣсь разумѣются кіевскіе (стр. 255). Но мы не видимъ никакого основанія къ такому толкованію; напротивъ, вмѣстѣ съ другими доказательствами, особливо съ договорами нашихъ князей съ греками, это интересное извѣстіе Константина Багрянороднаго еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ Россіи былъ не одинъ князь, а многіе, которые находились, вѣроятно, въ вассальномъ отношеніи къ великому князю, начальнику пришедшей къ намъ дружины. Послѣднее подтверждается мѣстами изъ договоровъ, въ которыхъ говорится о „князьяхъ сущихъ подъ рукою“ великаго князя кіевскаго, и еще болѣе лѣтописью, въ которой именно сказа-

„по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиціи зи, подъ Ольгомъ суще".—Къ этимъ дотельствамъ, что кромѣ кіевскаго были у ъ въ варяжскій періодъ и другіе владѣьные князья, зависѣвшіе отъ перваго, приціняются и другія. Въ лѣтописи говорится что Рогволодъ „пришелъ иза морья, имявласть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, него же и Туровци прозвашася" (Лаврент., 45). Что они, по крайней мѣрѣ Рогвоъ, дѣйствительно владѣли этими городами омственно, постоянно, видно изъ того, что диміръ отдалъ Рогнѣдѣ и сыну ея, Изяву, прежнее владѣніе Рогволода, по соу бояръ, которые сказали ему: „воздвигни вотчину ея". Потомъ мы находимъ въ описи, послѣ описанія похода Ольги на влянъ: „И взъложиша на ня дань тяжку: асти дани идета Киеву, а третья Вышеоду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ ьзинъ" (стр. 31). И такъ, часть дани шла Ольгѣ (параллельное къ этому мѣсто мы одимъ нѣсколько страницъ выше, въ разѣ объ убіеніи Игоря: здѣсь дружина поздаетъ князя идти въ дань, чтобъ пожиться ею вмѣстѣ съ княземъ, а князь, желучить больше, отсылаетъ дружину и равляется опять съ немногими). Вмѣстѣ тѣмъ видимъ, что и отъ Ольги былъ по ъ кто-то въ Грецію вмѣстѣ съ послами ря, какъ ни темно слово *искусеви*. Вотъ что мы запомнили изъ лѣтописи въ подрожденіе нашей мысли. Изъ соображенія хъ этихъ фактовъ выходитъ, что, кромѣ ихъ князей, были у насъ въ варяжскій іодъ и другіе князья, владѣвшіе городами, етъ быть наслѣдственно,—князья, которые находились подъ властью великаго князя но вмѣстѣ съ тѣмъ получали часть изи, собираемой имъ, посылали вмѣстѣ съ ъ пословъ, вмѣстѣ съ нимъ вели торго, и не находились у него въ безусловъ повиновеніи, судя по гордому отвѣту нѣды на предложеніе Владиміра. Лѣтомъ, князья окружали великаго князя кіевго, ходили съ нимъ въ дань, въ походы, а зиму разъѣзжались по своимъ владѣмъ. Что съ ними сталось потомъ—мы не емъ; быть можетъ, ихъ постигла одна судьсъ Рогволодомъ.

Что феодальная система, занесенная къ ъ варягами-Русью, не имѣла строгой юридической опредѣлительности, не успѣла разься и изъ личной обратиться въ территоріальную — это почти вѣрно. Но мы и не хотѣли доказывать противнаго. Вся цѣль нашихъ выписокъ—показать, что князья кіевскіе сначала не управляли Россіей посредствомъ намѣстниковъ, посадниковъ, которые находились къ нимъ въ подданническихъ отношеніяхъ; что сначала эти князья-подручники были нѣчто болѣе обыкновенныхъ правителей, не только въ теперешнемъ смыслѣ, но даже въ смыслѣ удѣльнаго періода. (Мы разумѣемъ здѣсь не отношенія удѣльныхъ князей между собою, но ихъ отношенія къ посадникамъ и намѣстникамъ).

Прибавимъ къ этому, что такой порядокъ вещей отозвался и въ политической системѣ Ярослава. Онъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ, подчинивъ ихъ старшему, кіевскому. Удѣльные князья не были намѣстниками послѣдняго; но какія были ихъ отношенія къ ихъ владѣніямъ? Разрѣшить этотъ вопросъ, особливо съ самаго начала періода удѣловъ, чрезвычайно трудно. Они были въ удѣлахъ полновластные господа, и въ то же время удѣлы не были ихъ собственностью, потому что они безпрестанно переходили изъ одного удѣла въ другой. Скажемъ въ заключеніе, что параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ, доказываютъ противное его мнѣнію: „ярли" далеко не намѣстники.

Общій взглядъ автора на княженіе Рюрика показался намъ страннымъ. Г. Погодинъ задаетъ себѣ вопросы: „есть ли княженіе Рюрика событіе Новгородское или Всероссійское и въ какой степени? Здѣсь ли основаніе государства? Въ какой связи находится это происшествіе съ послѣдующими? Суть ли послѣдующія происшествія развитіе онаго и въ какой мѣрѣ?" (стр. 69) и отвѣчаетъ на нихъ такъ: „Это событіе принадлежитъ одному Новгороду, особенно потому, что преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ — и послѣ него все здѣсь пришло въ первобытное положеніе. Здѣсь на время только появилась новая гражданская форма; поэтому прибытіе Рюрика нельзя считать началомъ Русскаго государства. Оно не что иное какъ прибытіе Норманновъ въ Россію — Норманновъ, которые впослѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ(?) ославяниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія (?) гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ" (стр. 70). Вся важность этого событія, связь его съ послѣдующимъ,—въ Рюрикѣ, родоначальникѣ будущей династіи, государѣ „добровольно при-

глашенномъ, слѣдовательно пришедшемъ съ чувствами дружелюбными, а не враждебными". Призваніе Рюрика — начало начала. Послѣ того, г. Погодинъ находитъ нужнымъ воздать честь Новгороду, „старшему сыну Россіи", который призвалъ Рюрика, начальника династіи, преобразовавшей патріархальный славянскій бытъ.

Что̀ сказать на все это? Странное благоговѣніе передъ частнымъ событіемъ помимо главнаго, передъ случайностью помимо необходимаго! Еслибъ умеръ Рюрикъ, не оставивъ преемниковъ,—его мѣсто, вѣроятно, занялъ бы другой, была бы не Рюрикова, а какая нибудь другая династія, вѣроятно, тоже русско-варяжская, и дѣла бы отъ этого нисколько не перемѣнились въ главномъ, а перемѣнились бы только въ частностяхъ. Съ какими чувствами пришелъ къ намъ Рюрикъ —этого мы не знаемъ, а изъ призванія заключить нельзя; знаемъ только, что варяги-Русь дѣйствовали у насъ такъ, какъ будто бы они завоевали Россію, и бунтъ Вадима, безпрестанныя возстанія подвластныхъ племенъ и множество другихъ фактовъ, которые собраны самимъ авторомъ въ концѣ книги, очевидно доказываютъ, что вопросъ о томъ, пришли ли варяги-Русь къ намъ, какъ завоеватели, или по призыву, —вопросъ любопытства—никакъ не болѣе: какъ бы ни явились они въ Россію, но поступали они крутенько. Почему авторъ думаетъ, что варяги-Русь ославянивались въ продолженіе шести вѣковъ (если это только не опечатка) — понять не можемъ. Наконецъ, не знаемъ также, за что̀ именно мы должны благодарить Новгородъ. Думаемъ, что, призывая къ себѣ князей, или допустивъ ихъ въ свою землю, новгородцы мало объ насъ думали; сверхъ того, мы знаемъ, что они и сами потомъ раскаялись. Еслибъ кто-нибудь, пообѣдавъ на дорогѣ, оставилъ хлѣбъ, а другой голодный нашелъ его случайно и наѣлся имъ досыта — не знаю, за что бы послѣдній сталъ благодарить перваго. Не ясный ли тутъ историческій мистицизмъ? Здѣсь онъ страненъ, и только; но часто онъ доводитъ до самыхъ ложныхъ выводовъ. Всѣ эти ни къ чему неведущія разсужденія заключаются слѣдующимъ очень дѣльнымъ и основательнымъ замѣчаніемъ:

„Итакъ, здѣсь нечего еще говорить ни объ завоеваніи, ни о призваніи; нечего искать отсюда только слѣдствій призванія, и еще менѣе завоеванія; нечего основывать на этомъ отличіи отличія прочей Россійской Исторіи отъ Исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ. Причины этого отличія исторіи заключаются не въ этомъ одномъ событіи, а вмѣстѣ со слѣдующими". (Стр. 71).

Въ IV главѣ находимъ изслѣдованія объ Олегѣ. Отмѣтимъ только то, что намъ показалось неудовлетворительнымъ. На стр. 74 авторъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ, совсѣмъ не думая возвратиться, и находитъ подтвержденіе этой догадки между прочимъ въ томъ, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ кіевскому князю. Но во-первыхъ, въ другихъ мѣстахъ г. Погодинъ говоритъ же, что вся зависимость заключалась въ дани. Въ этомъ смыслѣ Новгородъ принадлежалъ Святославу. Во-вторыхъ, дани установилъ Олегъ у славянъ (новгородцевъ) уже послѣ взятія Кіева; слѣдовательно, Новгородъ принадлежалъ ему и тогда, когда онъ изъ него вышелъ съ мыслью не возвращаться. Ольга, по словамъ лѣтописи, ходила въ Новгородъ и уставляла по Мстѣ погосты и дани; слѣдовательно, онъ находился подъ ея властью, когда она правила землей. Наконецъ, требованіе князя со стороны новгородцевъ и отвѣтъ Святослава не даютъ намъ никакого права думать, что Новгородъ не принадлежалъ ему. Святославъ всю свою жизнь провелъ на войнѣ, не заботясь о правильномъ внутреннемъ устройствѣ своей земли. Новгородцы, прося у него князя, показали, что̀ хотятъ отъ него зависѣть и признаютъ его власть, а отвѣтъ Святослава можетъ быть столько же истолкованъ неугомонностью новгородцевъ, сколько отдаленностью Новгорода отъ Греціи, юга, куда такъ и тянуло пришельцевъ-Русь. Самое лучшее объясненіе ухода изъ Новгорода есть то, которое предлагаетъ г. Погодинъ: шли куда глаза глядятъ, и шли не думая, какъ и что̀ они оставляютъ, не думая о зависимости или независимости страны послѣ ея оставленія.

Потомъ говорится о занятіи Олегомъ Кіева. Г. Погодинъ находитъ, что и здѣсь нѣтъ завоеванія (стр. 78).

„Насиліе сдѣлано только противъ единоплеменниковъ, Аскольда и Дира. Тихіе Поляне столь же покойно стали называть своимъ господиномъ Олега, какъ прежде Аскольда и Дира и еще прежде Козаръ и Кія съ братьями. Чувство, такъ сказать, призванія оставалось при видѣ этой безпрекословной покорности, которою обезоружено было даже звѣрство Норманновъ. Это было спокойное зна-

притомъ занятіе одного города малочисленною
тою. Слѣдовательно и здѣсь нечего говорить о
ваніи и слѣдствіяхъ его".

дивительное желаніе хитростями обхо-
вопросъ! Изъ словъ г. Погодина выхо-
, что завоевать славянъ было математи-
и невозможно. Мы, право, не понимаемъ,
онъ хочетъ. Пришла дружина, шайка —
хотите назовите — съ сѣвера, убила князя
каго и овладѣла Кіевомъ. Авторъ нахо-
, что это не завоеваніе, а занятіе, что
яне обезоружили варяговъ-Русь своею по-
остью. Стало быть, для завоеванія нужно
отивленіе со стороны завоевываемыхъ?
иное, хотя и новое понятіе о завоеваніи!
акой герой былъ Рюрикъ, какъ великo-
ны его сподвижники! Славяне покорились
добровольно, и они, какъ истинные ры-
(впрочемъ, не дѣйствительно бывшіе, а
шленные, въ романахъ), даровали имъ
изнь, и свободу! Правда, факты и этой
и и послѣдующей, удѣльной, доказываютъ
ивное: они показываютъ угнетеніе, разо-
земли пришельцами. Но что за нужда?
пись говоритъ, что пришельцы были при-
ы, слѣдовательно, они не завоевывали...
но ли такъ обезображивать исторію го-
ми теоріями и любимыми взглядами!
ядомъ съ этой странной натяжкой мы
димъ весьма дѣльное замѣчаніе, уже
ложенное Рейцомъ, но не развитое такъ
обно, какъ здѣсь,—замѣчаніе, что 300 гри-
, которыми обложилъ Олегъ новгород-
, платились ими не кіевскимъ князьямъ,
ставшимся въ Новгородѣ варягамъ, а
ре, чѣмъ и купленъ былъ у нихъ миръ.
тая глава занята изслѣдованіями о родѣ
кихъ князей. Особенно интересно изслѣ-
ніе о происхожденіи Ольги. Авторъ, на
заніи историческихъ преданій и еще бо-
изъ характера дѣйствій Ольги, доказы-
, что она была варяжскаго рода. Все
зслѣдованіе ведено превосходно, блиста-
но. Впрочемъ, и въ этой главѣ мы нашли
олько мыслей, съ которыми не можемъ
ситься Такъ, напр. (стр. 121), г. Пого-
думаетъ, что туземцы, т.-е. земледѣльцы,
отреблялись варягами на войну, и мѣста
Нестора, въ которыхъ исчисляются пле-
давшія войско, „заимствованы, вѣроятно,
омашней саги и должны означать только
ество Олега, какъ повелителя столь
ихъ племенъ". Г. Погодинъ говоритъ,
игдѣ въ древней лѣтописи даже о позд-
нѣйшемъ времени нѣтъ ничего подобнаго, и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводитъ слѣдующее мѣсто: „нача (Владиміръ Мономахъ) глаголати к Святополку, понужая его на поганыя, на весну... Дружина (Святополкова) рекоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ роли... И рече Володимеръ: но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту, и жону его и дѣти, и гумно его зажжетъ". Кажется, говоритъ онъ, что у земледѣльцевъ брались только лошади въ случаѣ нужды. Едва ли это такъ. Всѣ параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ въ статьѣ о мужахъ Рюриковыхъ изъ извѣстій о норманнахъ, доказываютъ противное: ярли должны были ставить конунгамъ войско. Но положимъ, это извѣстіе ничего не доказываетъ, потому что эти войска могли быть набранныя изъ охотниковъ. Возьмемъ другіе примѣры: норманны вовлекали въ свои походы и славянъ; гунны, готы, монголы—тоже. Не знаемъ, почему бы того же самаго не дѣлали норманны и у насъ. Наконецъ, мѣсто, приведенное г. Погодинымъ, говоритъ прямо противъ него. Слова: „не время нынѣ погубити смерьды отъ роли" и отвѣтъ Владиміра: „оже смердовъ жалуете и ихъ коній" показываютъ, что и смердовъ и ихъ коней брали на войну. Къ этимъ доказательствамъ присоединяются и самыя мѣста изъ лѣтописи, о которыхъ идетъ рѣчь: „иде Олегъ на Греки, и поя множество Варягъ и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю и Деревляны" и т. д., всего двѣнадцать племенъ. Безъ рѣшительныхъ, ясныхъ свидѣтельствъ эти слова не могутъ быть отвергнуты; перетолковать ихъ невозможно.— Далѣе г. Погодинъ говоритъ:

„Пришлое воинственное племя Варяги-Русь разошлось съ князьями и мужами ихъ по всѣмъ главнымъ городамъ или селамъ Славянскимъ, и населеніе ихъ, вслѣдствіе этого прибавленія, измѣнилось. Варяги-Русь сдѣлались основаніемъ городовыхъ дружинъ, военнаго сословія, которое дополнялось часто новыми пришельцами". (Стр. 122.)

Доказывая это положеніе разными свидѣтельствами, г Погодинъ между прочимъ ссылается на возстаніе кіевлянъ и рѣшительный тонъ, которымъ они говорятъ съ князьями. Эту перемѣну въ тихихъ и кроткихъ полянахъ онъ приписываетъ вновь пришедшему

къ нимъ норманскому элементу. Но такое доказательство не убѣдительно. Въ сѣверо-восточную Россію варяги не приходили, однако и тамошніе жители говорили и дѣйствовали иногда довольно рѣзко, даже Москва. Полянъ образовала и измѣнила исторія, опытность, а не приплывъ новыхъ стихій; иначе должно бы предположить, что наши славяне переродились и столько же оваряжились, сколько варяги ославянились; но перваго принять нельзя, и самъ г. Погодинъ не принимаетъ.— Такъ же разсуждаетъ г. Погодинъ о Новѣгородѣ, и по нашему мнѣнію такъ же неосновательно. Самое раздѣленіе на пятины кажется ему варяжскимъ. Нортумберландъ, говоритъ онъ, назывался также пятиною Англіи. Это сближеніе любопытно—не болѣе; большой цѣны въ историческомъ разсужденіи оно не имѣетъ.

Въ VI главѣ говорится о дѣйствіяхъ кіевскихъ князей до кончины Ярослава, преимущественно о ихъ походахъ. И здѣсь такъ же, какъ и во всей книгѣ, авторъ безпрестанно сравниваетъ дѣйствія нашихъ князей съ дѣйствіями конунговъ и вождей норманскихъ, и выставляетъ на первый планъ ихъ разительное сходство. О походахъ къ племенамъ славянскимъ онъ говоритъ слѣдующее:

„Вѣроятно, Несторъ обращалъ вниманіе только на тѣ, послѣ которыхъ то или другое племя начинало платить дань кіевскимъ князьямъ. О повторительныхъ онъ не упоминаетъ, развѣ въ случаѣ сопротивленія племенъ". (Стр 135).

То есть, сказали бы мы, Несторъ записалъ только походы противъ племенъ неподвластныхъ, или возмутившихся, не хотѣвшихъ быть подвластными,— словомъ, одни походы военные. О мирныхъ походахъ съ цѣлью собрать дань онъ не говоритъ, потому что они столько же отличались отъ военныхъ, сколько послѣдующіе походы московскихъ царей въ Троицкую Лавру отъ походовъ на Казань, въ Крымъ и т. д. Можетъ быть, то же самое хотѣлъ сказать и авторъ, только слова его темны. Эта глава, подобно другимъ, не обошлась безъ замѣчаній — не историческихъ, а какихъ-то странныхъ.

„Характеръ походовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ прочей Европѣ: они не являются грабителями и опустошителями. Это было безъ всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, смирныя, не раздражали ихъ, не представляли имъ никакого сопротивленія (напримѣръ Поляне, Радимичи), не такъ, какъ на Западѣ, или представляли малое (Древляне, Сѣверяне), исполняли тотчасъ ихъ требованія, кромѣ Тиверцевъ, Вятичей, которые, кажется, пытались было воспользоваться своею отдаленностью" (стр. 13-).

Съ чего же взялъ г. Погодинъ, что варяги-Русь не являются грабителями, опустошителями? А разсказъ о поступкѣ Игоря съ древлянами, за который онъ былъ убитъ? Почитайте грамоты уставныя временъ Іоанна Грознаго: еще тогда намѣстники и ихъ люди такъ грабили область, что жители разбѣгались. Врядъ ли при варягахъ-Руси было лучше. Еслибъ они были такъ добры, за что жъ бы, кажется, племенамъ возмущаться —имъ, кроткимъ, мирнымъ славянамъ, которые такъ охотно переходили изъ-подъ власти козаръ подъ власть Аскольда и Дира, и изъ-подъ ихъ власти подъ власть Олега? А походы противъ одного и того же племени повторялись часто.

Потомъ говорится о походахъ противъ сосѣднихъ племенъ. По этому поводу авторъ вновь изслѣдовалъ вопросъ о мѣстоположеніи Тмуторокани и опровергаетъ мнѣніе академика Шегрена, что подъ Чудью, платившею дань Руси, должно разумѣть сосѣдницу съ Новгородомъ, а не заволочскую Чудь, Ему искать на юго-восточномъ берегу Ладожскаго озера, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, а не въ южной Финляндіи. Потомъ о походахъ Руси въ Грецію; наконецъ, о междоусобіяхъ.

Глава VII посвящена военному дѣлу въ этотъ періодъ. Методъ намъ понравился. Г. Погодинъ выписываетъ всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о войскѣ, и потомъ дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Правда, не всегда этотъ методъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Нужно, чтобы мѣста говорили о предметѣ ясно, опредѣлительно: но тамъ, гдѣ мнѣніе основано болѣе на соображеніяхъ, чѣмъ на прямыхъ свидѣтельствахъ, выписка мѣстъ не ведетъ ни къ чему. Мы скажемъ еще объ этомъ впослѣдствіи. Также собраны мѣста и объ отрокахъ, гридняхъ. Почему г. Погодинъ думаетъ, что отроки были наибольшіе изъ дружины — право, не знаемъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ этого не видно. Сверхъ того, однѣхъ выписокъ лѣтописи не достаточно. Сколько намъ извѣстно, отроки были молодые люди знатныхъ фамилій, служившіе при князѣ, а вовсе не наибольшіе въ дружинѣ. О гридняхъ сказано, что они были всегда при князѣ въ видѣ тѣлохранителей. Отчего же они были и въ Новгородѣ въ этомъ не-

ріодѣ? О содержаніи дружины говоритъ авторъ очень неопредѣленно:

„Разумѣется, она имѣла содержаніе отъ князя, который получалъ дань по большей части естественными произведеніями. Это также ясно изъ Эймундовой саги. Можетъ быть, содержаніе, какъ князя, такъ дружины и воевъ, предоставлено было извѣстнымъ волостямъ, изъ которыхъ каждая обязывалась кормить, имѣть на своемъ содержаніи такое-то количество или отрядъ, тянуть къ такому-то городу. Въ Русской Правдѣ читаемъ же мы исчисленіе, что должны получать въ постный и скоромный день Вирники съ ихъ отроками: не мудрено предположить подобныя распредѣленія и для воевъ“ (стр. 225 и 226).

Эта неопредѣленность очевидно происходитъ отъ ложнаго понятія автора объ отношеніи дружины къ князю. Извѣстно, что князь имѣлъ свою дружину, его приближенные – свою, не говоря о тѣхъ, которые владѣли городами и областями. Каждый начальникъ содержалъ свою дружину, которая служила ему отчасти по найму, временно, отчасти была постоянная, и тогда дружинникамъ, можетъ быть, предоставлялись на прокормленіе волости. Точно то же мы видимъ и впослѣдствіи. Содержаніе вирниковъ вовсе сюда нейдетъ. Въ дани и добычѣ участвовала дружина, потому что она имѣла къ предводителю не подданическое отношеніе.

Изображеніе норманской дружины по Стрингольму, дѣйствительно, разительно сходно съ отрывочными извѣстіями лѣтописи, и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору? Но въ переводѣ есть натяжки. Напримѣръ, Armring авторъ переводитъ словомъ гривна и говоритъ, что иначе нельзя перевести. Но кольцо, которое надѣвалось на руку, и гривна, которую носили на шеѣ—большая разница. Наконецъ, замѣтимъ, что въ исчисленіи русскаго войска пропущено показаніе арабскихъ писателей, которое находимъ въ другомъ мѣстѣ въ разбираемой нами книгѣ. За исключеніемъ этихъ частныхъ недостатковъ, вся глава превосходна.

Глава восьмая, о древне русской торговлѣ, какъ намъ кажется, еще лучше, еще совершеннѣе. Это образецъ исторической критики, хотя со всѣми выводами мы тоже не можемъ согласиться. Читатели, вѣроятно, уже знакомы съ этой превосходной статьей, помѣщенной авторомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“; поэтому мы и не станемъ надъ ней долго останавливаться, и постараемся въ короткихъ словахъ разсказать ея содержаніе и главные результаты. Сначала говорится о торговлѣ съ Греціей. Эта торговля велась изъ Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча (?), Чернигова и Вышегорода, по пути, давно извѣстному подъ названіемъ греческаго, и котораго подробное описаніе, равно какъ и самой торговли, находимъ у Константина Багрянороднаго и Нестора. Эта торговля велась самими князьями. Кромѣ того, по Днѣпру, Черному морю, руссы торговали съ Черной Болгаріей, хозарами и съ Сиріей, а по Волгѣ и Каспійскому морю съ землями на югъ отъ Каспійскаго моря. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что они были въ Итилѣ (Астрахани). На западѣ они вели торгъ съ дунайскими болгарами и карпатскими странами: Венгріей, Галиціей и Богеміей; на сѣверъ—съ балтійскими славянами. Есть поводъ думать, что позднѣйшая торговля Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка съ Даніей, островомъ Готландомъ и Любекомъ производилась очень рано. Торговля новгородцевъ съ Біарміей или Пермью и Югрою также весьма древняя.— Съ другой стороны, есть у арабскихъ писателей извѣстіе о торговлѣ волжскихъ болгаръ съ Visu, кажется Весью, которые, какъ видно изъ лѣтописи, находились въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и были извѣстны варягамъ. Такимъ образомъ, изъ туземныхъ и иностранныхъ извѣстій открываются слѣдующіе торговые пути: изъ Скандинавіи въ Гардарикъ,— изъ Скандинавіи въ Біармію, по Бѣлому морю, —изъ Новгорода въ Кіевъ,—изъ Новгорода въ Весь, Пермь, Югру, Печору, къ Самоѣди,— изъ Кіева въ Константинополь, въ Корсунь, къ дунайскимъ болгарамъ, — изъ Кіева въ Итиль (Астрахань), Булгаръ (около Казани ,— изъ Булгаръ въ Итиль къ Веси,—изъ странъ каспійскихъ въ Итиль стр. 277). Товары, которые составляли предметъ этой торговли и главныя торговыя мѣста въ Россіи, тоже исчислены. Этими торговыми сообщеніями объясняются географическія свѣдѣнія Нестора объ отдаленныхъ странахъ, равно какъ и арабовъ о сѣверѣ. —Всѣ эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лѣтописей и вообще письменныхъ памятниковъ, авторъ подтверждаетъ авторитетомъ Френа, Стрингольма, Сенковскаго и въ особенности г. Григорьева, которые, на основаніи восточныхъ монетъ, во множествѣ находимыхъ въ Россіи и въ сѣверной Германіи, дошли въ главныхъ чертахъ до тѣхъ же результатовъ, вѣроятно, послужившихъ въ пользу и г. Погодину при его изслѣдованіяхъ.

Какъ бы то ни было, это согласное мнѣніе многихъ ученыхъ очень важно и должно освѣтить новымъ свѣтомъ древнѣйшую исторію сѣверо-востока Европы. Не довольствуясь этимъ, г. Погодинъ отыскиваетъ слѣды этой торговли гораздо раньше, нежели какъ можно судить по непосредственнымъ даннымъ. Онъ связываетъ извѣстія о ней съ извѣстіями Геродота о торговлѣ въ сѣверо-восточной Европѣ и находитъ, что послѣдняя была лишь продолженіемъ первой.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ много завлекающаго. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты очень любопытны и, кажется, основаны на твердыхъ историческихъ данныхъ. Со всѣмъ тѣмъ мы осмѣливаемся думать что авторъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ увлекся слишкомъ далеко. Говоря о торговлѣ VIII, IX и X вѣковъ, онъ смотритъ на нее глазами нашего времени, придаетъ ей значеніе, котораго она, какъ намъ кажется, тогда не имѣла и не могла имѣть, и потому приписываетъ ей дѣйствія, подлежащія большому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказанныя. Извѣстно, что торговля и происходящія чрезъ нее безпрестанныя столкновенія между разноплеменными народами, жителями различныхъ странъ, только тогда порождаютъ богатство, гражданственность, образованіе, когда самъ народъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе, когда торговля есть плодъ его потребностей, которымъ онъ на мѣстѣ удовлетворить не можетъ, и ищетъ восполнить недостающее у него мѣною собственныхъ произведеній на продукты чужихъ странъ и чужой промышленности. Возбужденныя потребности вызываютъ его на трудъ, на умноженіе своего, для того, чтобы посредствомъ его пріобрѣсти нужное чужое. Кажется, такого значенія древняя торговля внутри Россіи не имѣла. Она была, вѣроятно, отчасти транзитная, отчасти не активная, а пассивная. О томъ и другомъ мы можемъ заключать и изъ самыхъ извѣстій объ этой торговлѣ, и изъ послѣдующаго. Еслибъ она не была транзитная, отчего бы, кажется, было прекратиться ей въ половинѣ XI вѣка? Сильныхъ переворотовъ внутри Россіи, сколько извѣстно, тогда не было. Итакъ, переворотъ долженъ былъ произойти или на сѣверѣ, или на югѣ, которые вели между собою торговлю чрезъ Россію. Другаго объясненія нельзя придумать. Далѣе, еслибъ торговля была дѣятельная, а не пассивная, отчего бы, кажется, остаться такому множеству восточныхъ монетъ? Самые изслѣдователи невольно пришли къ мысли, какъ намъ кажется, очень вѣрной, что покупалось у сѣверныхъ жителей (въ томъ числѣ и въ Россіи) больше, чѣмъ продавалось имъ южныхъ товаровъ. Торговлю активную уничтожить нельзя именно потому, что корень, цѣль ея — въ самомъ торгующемъ народѣ, тогда какъ торговый путь, закупка товара можетъ, конечно, уменьшиться или вовсе исчезнуть, оставивъ по себѣ одни лишь воспоминанія, а иногда не оставляя по себѣ никакихъ воспоминаній. Далѣе, судя по послѣдующему, мы имѣемъ тоже право думать, что древнѣйшая торговля въ Россіи была отчасти транзитная, отчасти пассивная, по крайней мѣрѣ по преимуществу такая. Нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ высшаго образованія губерній, черезъ которыя пролегали торговые пути, въ сравненіи съ прочими. Въ XII вѣкѣ, владимірскій край былъ заселенъ и имѣлъ очень немного городовъ (Суздаль и Ростовъ); только Новгородъ и Псковъ отличались отъ прочихъ большею гражданственностью. Наконецъ, торговля наша была пассивною до самого Петра Великаго, который съ необыкновенными усиліями старался возбудить въ нашемъ купечествѣ желаніе и охоту самому торговать съ чужими краями, и хотѣлъ вырвать нашу торговлю изъ рукъ иностранцевъ, которые до него завладѣли ею совершенно. Всѣ послѣдующія мѣры торговой политики доказываютъ то же самое. Эти мѣры врядъ ли были бы нужны, еслибъ мы издавна привыкли торговать съ чужими странами. Вотъ почему, повторяемъ, извѣстія о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ въ Россіи очень важны, интересны и любопытны; но, обогащая насъ фактическими свѣдѣніями, служа къ объясненію частныхъ явленій и событій, они не могутъ совершенно измѣнить нашъ взглядъ на древнѣйшій русскій бытъ и заставить искать въ отдаленныя времена образованности, которая съ такими усиліями и пожертвованіями начинаетъ доставаться намъ только въ наше время.

Столько о статьѣ вообще. Укажемъ теперь на нѣкоторыя частности, которыя намъ кажутся ошибочными. На страницѣ 255, г. Погодинъ приводитъ мѣсто изъ Константина Багрянороднаго: „Россійскіе князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались (въ ноябрѣ) по городамъ своимъ или племенамъ... а какъ Днѣпръ вскроется, то

отъѣзжали назадъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, и, вооруживъ... суда, предпринимали обыкновенное путешествіе въ Грецію". Подъ россійскими князьями г. Погодинъ разумѣетъ однихъ великихъ князей кіевскихъ. Но почему? Доказательствъ нѣтъ. Между тѣмъ, слова: „по городамъ своимъ или племенамъ" ясно указываютъ на областныхъ, а не кіевскихъ князей. Это же доказываетъ и мѣсто изъ договора Олега съ греками: „въ странѣ нашей приходяще Русь да витаютъ у Св. Мамы, и после царство наше, да испишутъ имяна ихъ, и тогда возьмутъ мѣсячинное свое первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и изъ Переяславля и прочіи грады". Впрочемъ, объ этомъ было уже говорено выше.—На страницѣ 248, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какая мелкая монета означается словомъ *куны* — кожаная или серебряная, и говоритъ, что, кажется, послѣдняя, на томъ основаніи, что куны давались наемнымъ варягамъ, а ихъ нельзя было удовлетворить монетою, имѣвшею лишь мѣстную цѣну. Но врядъ ли это разсужденіе справедливо. Авторъ самъ приводитъ (стр. 113) разсказъ изъ Эймундовой саги о сдѣлкѣ Эймунда съ Ярославомъ, гдѣ между прочимъ находимъ слѣдующее: „Эймундъ примолвилъ: сверхъ того долженъ ты отпускать на каждаго нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику лодьи платить еще пол-унціи. Конунгъ возразилъ: этого мы не можемъ. Эймундъ сказалъ ему: можешь, господарь, потому что вмѣсто этой платы мы примемъ бобровъ, и соболей и другое добро, какое здѣсь въ вашей землѣ водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами". Ошибка вся въ томъ, что авторъ непремѣнно хочетъ видѣть въ кунахъ кожаныя деньги, тогда какъ онѣ всего вѣроятнѣе были куньи шкурки и тѣмъ охотнѣе могли приниматься варягами вмѣсто серебра и золота, что составляли предметъ торговли. — Поэтому намъ непонятно, на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что во всѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ упоминается о купахъ, всего менѣе можно разумѣть настоящія куницы. Если кожаныя деньги у насъ когда-нибудь и существовали, то едва ли такъ рано, и мы думаемъ, что въ варяжскій періодъ разумѣть подъ кунами дѣйствительныя куньи шкурки всего вѣроятнѣе и естественнѣе.—Далѣе, на той же страницѣ находимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, что слово *скотъ* есть *очевидно* слово норманское, потому что skott по-шведски значитъ сокровище, подать, плата. Можетъ быть и такъ, но гдѣ доказательства? Если слово имѣетъ корень въ своемъ туземномъ языкѣ, нельзя выводить его изъ иностранныхъ нарѣчій, не представивъ положительныхъ доказательствъ, что оно изъ нихъ заимствовано. Слѣдовательно, до очевиднаго при одномъ звукоподобіи далеко. Авторъ здѣсь увлекся норманскимъ элементомъ.

Глава IX имѣетъ предметомъ религію нашихъ руссовъ и славянъ. Въ этой главѣ много очень любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній, но въ то же время есть и натяжки, которыя бросаются въ глаза и внушены автору его любимою мыслью. Эти натяжки даже нисколько не согласованы съ общею мыслью автора о нашемъ и вообще всякомъ историческомъ развитіи. Вообще, видно, что, взявшись за этотъ предметъ, авторъ крѣпко стоитъ за свою мысль, и началъ проводить ее, не обращая вниманія ни на что, менѣе всего на сказанное имъ же самимъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія.

Сначала г. Погодинъ весьма остроумно замѣчаетъ, что и въ отношеніи къ нашему обращенію въ христіанскую вѣру первыми дѣятелями были варяги, и что они были первыми христіанами—„такъ что христіанствомъ обязаны мы варягамъ, точно такъ же какъ и гражданскимъ устройствомъ" (стр. 302). Это справедливо a priori и доказывается историческими свидѣтельствами. Но вотъ чего мы никакъ понять не можемъ: выписавъ всѣ мѣста изъ Нестора, гдѣ упоминается о религіи и божествахъ въ варяжскій періодъ, авторъ говоритъ (стр. 304):

„Всѣ эти мѣста относятся къ варягамъ-Руси, а не къ славянамъ, представляютъ дѣйствія и вѣрованія варяговъ-Руси, а не славянскихъ нашихъ племенъ, всѣ они слѣдовательно принадлежатъ миѳологіи варяго-русской, скандинавской, а не славянской, и съ этой точки должны быть объясняемы. Такъ требуетъ здравый разумъ и историческая послѣдовательность. Въ первомъ мѣстѣ мы находимъ даже и положительное подтвержденіе нашей мысли: „Ольга водивше (греки) на роту и мужи его по русскому закону клашася оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ". Можетъ ли быть какое сомнѣніе, что это были боги норманскіе, а не наши славянскіе? Олегъ и мужи его, чистые норманны, перваго поколѣнія, большею частью пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ нѣкоторые варяги-христіане присягаютъ въ церкви по христіанскому закону, такъ и Олегъ клялся по своему русскому закону".

Силлогизмъ вѣренъ, и до сихъ поръ намъ нигдѣ еще не случалось встрѣтить его въ печатной книгѣ. Г. Погодинъ первый замѣтилъ, что варяги-Русь не могли клясться чужими богами и не могли принять чужой религіи въ короткое время, протекшее между пришествіемъ ихъ въ Россію и договорами съ греками; но онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ поразительно странный—что эта религія была не славянская, а норманская. Послѣ этого спрашивается: какъ же наши славяне въ такое короткое время могли принять чужую религію? Это несравненно труднѣе себѣ представить, нежели перемѣну ея у варяговъ-Руси. Признаемся, для насъ эта загадка неразрѣшима. Не только всѣ привыкли такъ думать, но дѣйствительно можно принять за несомнѣнную историческую истину, что Перунъ и Волосъ были божества славянскія, а не норманскія. Сравненіе скандинавской миѳологіи съ той, о которой говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, показываетъ, что между ними не было ничего общаго. Это приводитъ къ мысли, что наши варяги-Русь не были чистые норманны-германцы, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, и чего никакъ не хочетъ допустить г. Погодинъ. Онъ охотно жертвуетъ историческою вѣроятностью, правдоподобіемъ, охотно измѣняетъ естественный смыслъ фактовъ, охотно отступаетъ отъ законовъ историческаго развитія, такъ рѣзко защищаемыхъ имъ противъ своихъ противниковъ,—и все для того, чтобъ спасти свое любимое положеніе, что варяги-Русь были скандинаво-германцы. Странная настойчивость, особенно въ писателѣ неумолимо строгомъ къ неточностямъ другихъ изслѣдователей! Вообще, вся эта статья, за исключеніемъ самаго начала ея, гдѣ г. Погодинъ такъ смѣло и прямо поставилъ вопросъ, очень, очень слаба. Представимъ примѣры. Константинъ Багрянородный говоритъ, что у насъ не было скотоводства. Г. Погодину, который вездѣ буквально держится его словъ, это извѣстіе не нравится. Положимъ, что онъ правъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы привести положительныя, ясныя доказательства, что въ этомъ отношеніи императоръ Константинъ ошибался; того требуютъ законы исторической критики. Вмѣсто этого мы находимъ вотъ что (стр. 306):

„Чтобъ у насъ не было скотоводства (и потому скотій богъ не можетъ значить богъ стадъ)—это ни съ чѣмъ не сообразно: извѣстіе И. Константина Багрянороднаго, столько смущающее Сабинина, основано на какомъ-нибудь недоразумѣніи, или имѣетъ смыслъ относительный, то есть, что на Руси рогатаго скота было меньше, чѣмъ у Печенѣговъ".

И только. Не правда ли, такимъ образомъ справляться съ историческими свидѣтельствами очень не мудрено? Принимая изъ нихъ что намъ нравится, отвергая что не по сердцу, очень легко писать исторію. А какъ досталось покойному Каченовскому за точно такія же сомнѣнія!

Разборъ мнѣнія протоіерея Сабинина, который въ нашемъ Перунѣ и Волосѣ видитъ скандинавскихъ Тора или Біорна и Одина, любопытенъ. Не понимаемъ, какъ можно, подобно Сабинину, изъ сходства двухъ-трехъ чертъ обычаевъ, при совершенномъ различіи всѣхъ прочихъ, выводить тождество двухъ религій!

Разсматривая далѣе наши божества, которыя и г. Погодинъ считаетъ русскими (т.-е. скандинаво-германскими), онъ удивляется, какъ могли замѣшаться въ ихъ число два славянскія божества, Дажбогъ и Стрибогъ, и въ объясненіи говоритъ (стр. 310):

„Можетъ быть, это были собственно Славянскія божества, которыя присоединены Владиміромъ къ его Русскому сонму. Можетъ быть, они соотвѣтствовали какимъ-нибудь его божествамъ, и потому имъ допущены, равно какъ и Перунъ. Можетъ быть имена ихъ суть переводы Русскихъ именъ".

Что это такое? Повѣритъ ли читатель, что подобныя вещи онъ встрѣтитъ въ книгѣ, посвященной ученымъ изслѣдованіямъ о предметѣ спорномъ, мало извѣстномъ и изслѣдованномъ и въ то же время крайне важномъ для того времени?

И въ этой статьѣ лучшую часть составляютъ безпрестанныя сближенія туземныхъ извѣстій съ извѣстіями, относящимися къ германо-скандинавамъ.

О введеніи христіанской вѣры въ Россіи сказано очень мало, особливо послѣ подробныхъ изслѣдованій архимандрита Макарія. Мимоходомъ остроумно замѣчено, что „спокойное, полюбовное принятіе новаго ученія (славянами) совершенно соотвѣтствовало мирному соединенію варяговъ съ славянами при первомъ зарожденіи государства". Это тѣмъ болѣе вѣрно, что ни распространеніе христіанской вѣры, ни водвореніе варяговъ-Руси не было совершенно мирное.—Наконецъ, эту главу заключаетъ очень интересное замѣчаніе, что въ Новгородѣ есть слѣды римско-католическаго христіанства, занесеннаго, мо-

жетъ быть, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ готландцами и норманнами. Мѣста, приводимыя въ подтвержденіе этой мысли, выбраны очень удачно. Присоединимъ къ этому еще и извѣстіе изъ „Русской Правды“ о томъ, что въ постные дни, середу и пятницу, вирникамъ давали сыръ. Г. Погодину показалось это извѣстіе почему-то невѣроятнымъ, а почему—невидно.

Глава VI разсуждаетъ о грамотности, языкѣ и образованіи въ варяжскій періодъ. Говорится о рунахъ у нашихъ руссовъ, и потомъ о письменныхъ памятникахъ, начавшихся, какъ извѣстно, съ священнаго писанія. Засимъ находимъ довольно подробное исчисленіе этихъ памятниковъ. Самая интересная часть главы—о языкѣ. Авторъ полагаетъ, что въ этотъ періодъ времени у насъ былъ языкъ русскій или скандинаво-германскій, языкъ церковный, письменный, чужой, хотя и сродственный, понятный. О немъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что онъ всего вѣроятнѣе близко подходитъ къ какому-нибудь славянскому нарѣчію, а не есть именно извѣстное нарѣчіе, „ибо Кириллъ и Меѳодій, какъ греки и иностранцы, переводя съ обработаннаго, развитаго, грамотнаго языка, на языкъ чистый, свѣжій, дѣвственный, могли многое ввести, сотворить. Если же они были и словене, то все не могли, въ своемъ положеніи, избѣгнуть многихъ грецизмовъ, какъ это случается и теперь съ самыми опытными переводчиками“ (стр. 356). Наконецъ, былъ и третій языкъ туземный, простонародный, который и тогда уже дѣлился на нарѣчія и проглядываетъ въ сочиненіяхъ.

„Всего нелѣпѣе мысль, или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго. Отъ какого Славянскаго? Отъ этого письменнаго, церковнаго?—Но какъ же, когда отъ этого одного языка произошли два, три, четыре нарѣчія, въ Кіевѣ или Черниговѣ Малороссійское, въ Москвѣ новое настоящее наше письменное, Великороссійское?—Какъ говорили тамъ, прежде нежели принесены были туда церковныя же книги?—Вотъ какая нелѣпость, которая кажется должна бы броситься въ глаза, и которая однакожъ укрывалась до сихъ поръ отъ многихъ словесниковъ.—Нѣтъ, милостивые государи, нарѣчія Сербское, Болгарское (церковное), Чешское, Польское, Великороссійское, Малороссійское и прочія, *современны*,—это суть вѣтви, происшедшія отъ одного корня въ незапамятное время. Ими говорили въ 9 столѣтіи, такъ какъ говорятъ въ 19; (разумѣется каждое изъ этихъ нарѣчій образовывалось вслѣдствіе своихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развивалось естественно и совершенствовалось искусственно,—и въ этихъ отношеніяхъ новое отличается отъ древняго).—Писалось же съ 9-го столѣтія у большей половины Славянскихъ племенъ на одномъ южномъ нарѣчіи, положимъ Болгарскомъ, которое для грамотѣевъ нашихъ, Великороссіянъ, Малороссіянъ и прочихъ, было чужимъ, мертвымъ. Ясно ли?“ (стр. 357 и 358).

Мысль чрезвычайно вѣрная, хотя и не новая. Она ужъ давно въ ходу.

Вся большая VII глава посвящена обозрѣнію юридическаго быта и законодательныхъ памятниковъ варяжской эпохи. Изъ названія „Русской правды“ авторъ выводитъ, какъ и надо было ожидать, что она была законодательствомъ русскимъ, т.-е. варяго-германскимъ, а не туземнымъ, славянскимъ. Потомъ переходитъ къ юридическимъ обычаямъ нашихъ варяго-руссовъ, и наконецъ обозрѣваетъ всѣ извѣстія о нашихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ по лѣтописи. Мѣсто объ отмѣненіи виры и введеніи казни при Владимірѣ авторъ находитъ затруднительнымъ и, перебравъ толкованія, оставляетъ необъясненнымъ; ибо предположительное толкованіе его не имѣетъ никакого основанія и нисколько не вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно слова епископовъ и старцевъ: „рать многа, оже вира то на оружьи и на коникъ буди“ разумѣть такъ: „у тебя много войска, и ты можешь замѣнить себѣ виру: будь на коняхъ и веди войну, и добудешь“ (стр. 366). Не знаемъ, почему авторъ не обратилъ вниманія на толкованія Розенкампфа и Тобина (Ueber die Blutrache), самыя вѣроятныя изъ всѣхъ, хотя и не совершенно удовлетворительныя въ отдѣльности. Въ большей части списковъ это мѣсто, съ нѣкоторыми измѣненіями, читается такъ: „Живяше Володимиръ въ страхѣ Божіи, и умножишася разбойницы, и рѣша Епископи Володимиру: умножишася разбойницы и почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче: боюся грѣха. Они же рѣша ему паки: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованіе добрымъ: достоитъ ти казнити разбойникъ, но съ испытаніемъ. Володимиръ же отъвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша Старцы Епископы: рать многа, а ежъ вира, тъ на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ да тако буди. И живяша Володимиръ по устроенію Божію и дѣдню и отьчю“.

Тутъ повѣствуется о двухъ различныхъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тѣсно связанныхъ между собою. Греческое

духовенство, принесшее съ собою христіанскій и римскій взглядъ на частную расправу, не могло равнодушно смотрѣть на кровавую месть, которая тогда еще существовала въ обычаяхъ, и хотѣло ввести уголовныя наказанія. Вотъ что побудило его просить Владиміра отмѣнить кровавую месть и тѣсно связанную съ нею виру, и ввести вмѣсто ихъ казнь—уголовныя наказанія. Владиміръ согласился. Но такое нововведеніе слишкомъ противорѣчило нравамъ: они еще не успѣли смягчиться настолько, чтобъ было возможно введеніе болѣе нравственнаго, гражданскаго порядка вещей. Весьма вѣроятно, что не столько духовенство видѣло это, сколько народу и его старѣйшинамъ было не понутру нововведеніе Владиміра. Къ этому могли привзойти и особенныя, случайныя обстоятельства, а именно: безпрестанныя войны, требовавшія большихъ издержекъ, тогда какъ доходы князя уменьшились вмѣстѣ съ уничтоженіемъ виръ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и земскіе старѣйшины (объ которыхъ не упомянуто при прежнемъ представленіи духовенства), снова пришли къ Владиміру, вѣроятно спустя нѣсколько времени послѣ отмѣны виръ, и сказали ему: много войнъ; употреби виру на оружіе и коней; другими словами: возстанови виру, потому что много войнъ, не на что запасать оружія и коней. Владиміръ на это предложеніе согласился, и, возстановивъ виру, разумѣется, сталъ жить „по устроенію" отца и дѣда, какъ было при нихъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ „Русской Правдѣ". Новаго о ней мы не нашли здѣсь ничего. Все, что говоритъ г. Погодинъ, было уже сказано и полнѣе, и лучше. Онъ полемизируетъ противъ выводовъ Карамзина,—но кто же въ наше время не знаетъ, что эти выводы очень шатки, слабы и давно опровергнуты? Послѣ всего, что писано о „Русской правдѣ", нельзя говорить о ней на нѣсколькихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что самыя противоположныя мнѣнія о ней подкрѣпляются равносильными доказательствами, и ученая обработка этого предмета, вмѣсто того, чтобъ привести вопросы къ разрѣшенію, сдѣлала ихъ еще болѣе трудными и многосложными. Съ „Русской Правдою" теперь почти то же, что съ вопросомъ о происхожденіи варяговъ-Руси: одинъ разборъ мнѣній о ней составитъ самъ по себѣ цѣлую книгу, и можно сказать спасибо тому, кто за это возьмется, ибо такая работа очень нелегка. Какъ и вездѣ, г. Погодинъ подводитъ къ „Правдѣ" параллельныя мѣста изъ скандинавскихъ законовъ и другихъ памятниковъ, и положенія, встрѣчающіяся въ „Правдѣ", считаетъ скандинаво-германскими. Кровавая месть, судебные поединки, суды Божіи, онъ считаетъ принесенными къ намъ варягами-Русью—мнѣніе, поражающее своею односторонностью и давно подвергнувшееся основательнымъ возраженіямъ. Должно бы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть эти возраженія, чтобъ имѣть право повторить мысль столько невѣроятную. Отзывы о Ярославовомъ уставѣ о „мостовыхъ", и церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава такъ кратки и поверхностны, что не заслуживаютъ упоминанія.

Обозрѣвъ поверхностно законы и законодательные памятники, г. Погодинъ переходитъ къ самому юридическому быту. Мѣста изъ лѣтописи о власти и значеніи князя удачно выбраны, и выводъ изъ этихъ мѣстъ довольно удовлетворителенъ. Намъ кажется также очень остроумнымъ замѣчаніе, что слово „подданный", въ своемъ этимологическомъ значеніи, вѣрно характеризуетъ первоначальныя, древнѣйшія отношенія князей къ племенамъ: они брали съ нихъ дань, и въ этомъ преимущественно выражалось тогда господство. Но особенно хорошо представлено постепенное развитіе верховной власти князей въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи авторъ превосходно воспользовался отрывочными извѣстіями лѣтописи (стр. 395 и 396).

„Князь сперва былъ защитникомъ, предводителемъ сборной дружины, безъ твердой мысли о постоянномъ пребываніи. (Рюрикъ въ Новгородѣ, Олегъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Переяславцѣ). Преемство было очень неопредѣленно, подвергалось случайностямъ (послѣ Рюрика родственникъ Олегъ, а потомъ уже сынъ Игорь; послѣ Игоря на нѣсколько времени Ольга), и относилось преимущественно къ дружинѣ. Потомъ князья утвердились на одномъ мѣстѣ, водворились (Владиміръ), сдѣлались владѣтелями земли, которая стала переходить дѣтямъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ дружиною (Владиміръ). Первая *дружина* князя была сборная, вольная, зависящая отъ него, но не слишкомъ, болѣе или менѣе равная, а потомъ наемная; выборная, подчиненная (также съ Владиміра, а прежняя погибла съ Святославомъ). Впрочемъ, князья *владѣли* собственно только тѣми городами, гдѣ жили (Святославъ отдалъ Кіевъ Ярополку, и землю Древлянскую, не задолго покоренную, Олегу, а Новгородцы сами вытребовали себѣ Владиміра, гроза

найти другого князя, въ случаѣ отказа), хотя всякій преемникъ былъ сильнѣе своего предшественника, и ходилъ дальше его брать дань съ сосѣднихъ племенъ. *Дань* эта была сперва неопредѣленная (Рюрикъ), потомъ опредѣленная (Олегъ), отъ которой, однакожъ, племена иногда отказывались, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ (Древляне при Игорѣ), потомъ принуждены были платить безпрекословно, а наконецъ возить сами въ Кіевъ (Радимичи къ Владиміру), привыкли между тѣмъ постепенно платить ее и повиноваться все одному роду Они имѣли у себя сперва данщиковъ, потомъ намѣстниковъ, потомъ княжескихъ дѣтей (отъ Святослава, отъ Владиміра), а наконецъ удѣльныхъ князей (отъ Ярослава). Кромѣ дани, князья, рѣдко сидя въ домѣ, принимали мало участія въ правленіи, а потомъ *приняли оное за плату*, какъ наемники (а се поконы Ярослава), прежде нежели это званіе получило благороднѣйшее значеніе, а наконецъ сдѣлались законодателями — сперва повинуясь прошедшему, обычаю (по устроенію отню и дѣдню: Правда Русская), а потомъ съ намѣреніемъ устроить будущее. (Опытъ Владиміровъ о вирѣ, опредѣленіе дѣтей Ярославовыхъ, которое относится уже къ слѣдующему періоду)".

Все остальное въ этой главѣ очень слабо. Не говоря уже объ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ—въ единственномъ учебникѣ, „Исторіи русскаго законодательства" Рейца, сказано и болѣе и лучше. Принятая г. Погодинымъ метода выписывать всѣ мѣста изъ памятниковъ и изъ нихъ дѣлать выводы о значеніи извѣстнаго слова, не всегда удачно приложена. Такъ, напримѣръ, о словѣ „боринъ" приведено одинадцать мѣстъ, и изъ всѣхъ ихъ ничего не выходитъ. Сверхъ того, здѣсь мы находимъ также безпрестанныя натяжки въ пользу любимой мысли объ исключительномъ господствѣ скандинаво-германскаго элемента въ эту эпоху,—натяжки тѣмъ болѣе очевидныя, что онѣ противорѣчатъ общеизвѣстнымъ историческимъ даннымъ. Такъ г. Погодинъ стоитъ за мнѣніе протоіерея Сабинина, что слово *боринъ* происходитъ отъ скандинавскаго *баерминъ*, слѣдовательно, оно пришло къ намъ отъ скандинавовъ. Однако мы знаемъ, что это слово есть и у другихъ славянскихъ племенъ, и самъ г. Погодинъ это знаетъ. Зачѣмъ же натягивать заимствованіе? То же должно сказать и о названіи *люди*. Не знаемъ, зачѣмъ непремѣнно выводить это слово изъ скандинавскихъ языковъ (въ которыхъ, правда, есть очень близкое), когда оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Г. Погодинъ говоритъ, что у славянъ этого слова нигдѣ нѣтъ, но это не правда: въ любомъ польскомъ лексиконѣ можно найти слово *ludzie*, что то же, что наши люди. И *смердъ*, говоритъ г. Погодинъ, тоже принесенное слово. Опять неправда, потому что въ актахъ другихъ славянскихъ народовъ мы находимъ названіе Smurdones и въ томъ же значеніи, въ какомъ употреблялось у насъ.

Вообразивъ себѣ однажды, что бояринъ слово скандинавское, г. Погодинъ говоритъ (стр. 401):

„Куда же дѣвались эти бояре, равно какъ и лица княжескаго рода, кои мы замѣчаемъ при Рюрикѣ и Игорѣ, — вотъ вопросъ любопытный и важный. Мы не видимъ почти никакихъ потомковъ отъ нихъ въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ возобладалъ одинъ родъ Ярославовъ, и никакой аристократіи не могло ужъ завестись? — Я думаю, что первые бояре наши положили свои головы въ несчастную войну Святослава въ Болгаріи, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отъ Печенѣговъ. Владиміръ привелъ съ собою *новыя* дружины, отъ которыхъ набралъ нѣсколько мужей, а прочихъ выпроводилъ въ Грецію. Дѣти и внуки его не имѣли нужды въ такихъ помощникахъ, потому что сами начали размножаться".

Все это — неосновательное разсужденіе и ненужный вопросъ—родилось вслѣдствіе ложной мысли, будто бояре были у насъ пришлые, а не свои. Откуда взялъ г. Погодинъ, что бояре у насъ когда-то исчезли? Не только нѣтъ столѣтія — едва-ли можно указать на десять лѣтъ, въ которыя бы о нихъ не упоминалось. Поэтому напрасно говоритъ г. Погодинъ, что мы почти не видимъ ихъ потомковъ въ слѣдующемъ періодѣ. Были ли послѣдующіе бояре потомки первыхъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, и даже не считаемъ особенно важнымъ знать. Но что бояре были—это мы знаемъ навѣрное. Оттого и всѣ послѣдующія разсужденія и догадки не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого ученаго достоинства.

О *мужѣ*, значеніе котораго очень темно, мы не находимъ у г. Погодина ничего интереснаго. Онъ только затронулъ вопросъ, но далеко не исчерпалъ данныхъ для его рѣшенія. На стр. 403, онъ говоритъ: „Мы знаемъ по распространенной Правдѣ, что за оскорбленіе и умерщвленіе князя мужа платилось вдвое, чѣмъ за другого человѣка; бояре тамъ не упоминаются, слѣдовательно, ясно, что они разумѣлись подъ мужами".

Странное заключеніе! Еслибъ оно и было вѣроятно, то оно далеко еще неясно. Но, судя по другимъ историческимъ даннымъ, оно даже невѣроятно. Въ „Русской Правдѣ" мы находимъ статью подъ заглавіемъ: „О Задницѣ (имѣніи, оставшемся послѣ кого-

нибудь) боярстѣй и о дружинѣ". Начинается она такъ: „Аже въ боярѣхъ, или въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ". (Это чтеніе по синодальному списку. Не знаемъ, почему г. Погодинъ позволилъ себѣ вмѣсто *дружинѣ*, поставить *боярской дружинѣ*, что совершенно измѣнило смыслъ этого мѣста, столько важнаго для нашихъ юридическихъ древностей). Здѣсь ясно, дружинникъ различенъ отъ боярина, и мы видимъ, что они не одно и то же. Если теперь сообразимъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается слово *мужъ* въ лѣтописи (они собраны у г. Погодина), то увидимъ, что подъ нимъ большею частью разумѣются дружинники. Такъ приводятъ къ присягѣ Олега и его мужей; такъ Олегъ посылаетъ своихъ мужей заключить миръ; за поединокъ съ печенѣгомъ Владиміръ дѣлаетъ побѣдителя великимъ мужемъ, вмѣстѣ съ отцомъ, и т. д. Отсюда дѣлается очень вѣроятнымъ, что дружинники назывались мужами (хотя и нельзя сказать наоборотъ, что подъ мужами всегда должно разумѣть дружинниковъ). Этимъ объясняется и приведенное мѣсто въ „Русской Правдѣ", тогда какъ при теперешнихъ понятіяхъ, что бояринъ и мужъ одно и тоже, оно непонятно. Самое рѣшительное различіе бояръ отъ мужей находимъ мы въ грамотѣ рязанскаго князя Олега (Истор. Акт. Т. I, № 2) XIV вѣка, гдѣ сказано: „Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужей 600", и т. д.

Заключимъ слѣдующимъ: въ источникахъ есть весьма недвумысленныя указанія на различіе между боярами и мужами. Кто именно разумѣлся подъ послѣдними, мы не можемъ сказать по недостатку данныхъ. Но если предположить, - что̀ не совсѣмъ вѣроятно,— что подъ ними разумѣлись по преимуществу дружинники, т.-е. люди, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что служили въ княжеской дружинѣ, то изъ этого можно вывести нѣсколько заключеній, объясняющихъ и значеніе боярина, и значеніе мужа. Званіе дружинника (если только можно его такъ назвать) было личное, неразрывно связанное съ службой. Оттого его можно было пріобрѣтать, и оно не передавалось наслѣдственно. Званіе же боярина было наслѣдственное, родовое, не жалуемое, и потому болѣе нежели вѣроятно, что оно было не принесенное къ намъ, а туземное; да иначе и трудно объяснить множество бояръ, которые находились въ древней Россіи вездѣ, во всѣхъ городахъ. Утверждать, что это именно такъ было, мы не смѣемъ, потому что эти выводы основаны на предположеніи. Мы не можемъ рѣшительно сказать, что г. Погодинъ не имѣлъ никакого основанія разумѣть въ „Русской Правдѣ" подъ бояриномъ—мужа, когда мужъ и бояринъ—не одно и то же. Прибавимъ къ этому еще вотъ что: изъ того, что въ „Русской Правдѣ" упоминается княжъ мужъ, а не бояринъ, мы видимъ не тождество ихъ, а совершенно другое, именно, что бояринъ былъ чинъ или званіе по преимуществу земское. Весьма естественно, что, опредѣляя виру за убійство, князь подумалъ прежде о своемъ дружинникѣ, приближенномъ, нежели о боярина, для него тогда чуждомъ. Сверхъ того, слово мужъ имѣло еще и общее неопредѣленное значеніе—человѣкъ, гражданинъ, и т. д. Это можно видѣть въ лѣтописяхъ.

Удостовѣрившись, какъ легко, бездоказательно авторъ выводитъ изъ Скандинавіи названія и даже цѣлыя учрежденія, нельзя прочесть безъ недовѣрчивости слѣдующія слова (стр. 405): „Всѣ эти сословія только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи, и чуждыя туземнымъ племенамъ никакъ не могли завестися между ними!" (Новое доказательство, что пришлое племя было совершенно иное, т.-е. принадлежало къ числу нѣмецкихъ, у которыхъ такое раздѣленіе было повсемѣстно). „У насъ же осталось раздѣленіе естественное, прежнее, по занятіямъ".

Какъ знать, что они исчезли, потому что были чужеземныя? Мы видимъ, что многое исчезаетъ въ народѣ и замѣняется другимъ, вслѣдствіе внутренняго и историческаго развитія. Большая часть сословій, о которыхъ говоритъ г. Погодинъ, встрѣчается у другихъ славянъ; слѣдовательно, они наши, а потому гораздо вѣроятнѣе, что они исчезли, вслѣдствіе того, что внутренній бытъ органически измѣнился. Такъ же несправедливо, что эти сословія „только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи": они долго существовали въ періодъ удѣловъ, а бояре удержались до XVIII вѣка и теперь еще живутъ въ устахъ простаго народа. Наконецъ, если даже сословія и весь первоначальный нашъ бытъ занесены къ намъ,—какъ объяснить, что въ Новгородѣ слѣды этого чуждаго элемента удержались долѣе, нежели въ остальной Рос-

сіи, что̀ признаетъ и самъ г. Погодинъ (стр. 417)? Вѣдь варяжская дружина пустила свои корни на югѣ, а не на сѣверѣ. Новгородъ рано могъ развиваться и развивался самъ собой, тогда какъ въ остальной Россіи это развитіе совершалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ норманскаго элемента. Съ чѣмъ это сообразно? Не явно ли изъ одного этого, что большая часть учрежденій, которыя г. Погодинъ считаетъ норманскими, были на самомъ дѣлѣ нашими, славянскими, и имѣли только случайное сходство съ норманскими; въ Новгородѣ они могли сохраниться и болѣе опредѣлиться безъ помѣхи, тогда какъ въ остальной Россіи они естественно должны были измѣниться отъ чуждаго, недобровольно принимаемаго вліянія.

Очень важное мѣсто находимъ мы въ разбираемой нами книгѣ въ объясненіе слова *изгой*. Если не ошибаемся, оно впервые помѣщено здѣсь. Въ „Рукописномъ Церковномъ Уставѣ В. К. Всеволода", хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина, сказано: „Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ—изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а и четвертое изгойство и себе приложимъ, аще Князь осиротѣетъ". (Стр. 408). Итакъ, кажется, изгоями назывались люди, вышедшіе изъ своего званія; но не знаемъ, не будетъ ли и теперь слишкомъ поспѣшно производить это слово отъ *изгнать*. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что изгои—не племя, не люди особаго происхожденія, какъ думалъ Карамзинъ.

О посадникахъ говоритъ авторъ, что ихъ учрежденіе должно приписать также норманскимъ князьямъ. Мы думаемъ, что это вовсе не вѣроятно. Названіе ихъ славянское, и самый характеръ ихъ власти весь славянскій.

Производство *тіуна* изъ не славянскихъ нарѣчій очень вѣроятно, какой бы, впрочемъ, ни былъ корень, или первообразъ этого слова. Но мы не согласны съ мнѣніемъ автора, что „тіунъ не былъ общимъ названіемъ, какъ боярин, а означало особливую должность, вѣроятно казначейскую". (Стр. 410). О первоначальномъ назначеніи тіуновъ мы ничего не знаемъ, а впослѣдствіи они были такіе же судьи, управители, какъ намѣстники и волостели. Оттого, можетъ быть, очень рано мы встрѣчаемъ ихъ въ деревняхъ и областяхъ, въ духовномъ и свѣтскомъ вѣдомствѣ. Въ „Судебникѣ" и „Уставныхъ жалованныхъ Грамотахъ" прямо говорится, что волостели и тіуны не должны судить безъ старосты и цѣловальниковъ.

Мѣста о старцахъ, старѣйшинахъ, собраны не всѣ. Укажемъ, напримѣръ, на мѣсто, гдѣ говорится объ отмѣнѣ виръ при Владимірѣ. Есть и другія.

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, что статья о правѣ въ варяжскій періодъ составлена весьма небрежно. Есть мысли очень дѣльныя, но большею частію набросанныя безъ доказательствъ, безъ необходимой ученой обработки. Зато есть множество такого, что̀ никуда не годится, такъ что удивительно, какъ ученый рѣшился такъ слегка говорить о предметѣ, если не установившемся и обработанномъ, то по крайней мѣрѣ уже обсмотрѣнномъ съ нѣсколькихъ сторонъ и многими!

Въ VIII главѣ подробное изслѣдованіе о частной жизни въ варяжскую эпоху. Особенно замѣчательнаго мы въ ней не нашли ничего. Она вся состоитъ изъ мѣстъ, собранныхъ изъ лѣтописей и изъ параллельныхъ скандинавскихъ извѣстій. Глава IX разбираетъ черты народнаго характера въ это время. Этими чертами авторъ очень искусно и удачно пользуется въ доказательство, что варяги-Русь были скандинавы и что они одни исключительно дѣйствовали въ первый періодъ нашей исторіи. Мысль о Святополкѣ, — что онъ не былъ такимъ извергомъ, какъ говорятъ объ немъ лѣтописцы и за ними риторически повторилъ Карамзинъ—чрезвычайно вѣрна. Святополкъ мстилъ за своего отца Владиміру и его потомству, но месть его, по несчастію, пала на любимыхъ князей древней Руси—св. Бориса и Глѣба, и Святополкъ прослылъ злодѣемъ, исполняя, по тогдашнему, священный обѣтъ мести. Сверхъ того, онъ не былъ и похитителемъ престола, а какъ сынъ старшаго брата Владимірова, имѣлъ лучшее право на Кіевъ, нежели потомство Владиміра.

Переходимъ къ послѣднимъ двумъ главамъ, которыя, какъ выводъ изъ всего сочиненія, должны заключать въ себѣ послѣднее слово автора о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Глава X носитъ заглавіе: „Формація государства". Это лекція, читанная г. Погодинымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года и потомъ помѣщенная въ „Москвитянинѣ".

Въ самомъ началѣ статьи встрѣчаемся съ основною мыслью автора, которая, сознатель-

но или безсознательно, проходитъ чрезъ всѣ его взгляды, чрезъ всѣ разсужденія объ историческихъ явленіяхъ. „Намъ остается", говоритъ онъ, „изслѣдовать теперь, какъ сими отрывочными, безсвязными событіями, обстоятельствами, случаями производилось Государство, и какъ изъ киданныхъ на удачу по сторонамъ камней складывалось правильное зданіе" (стр. 475).

Итакъ, г. Погодинъ считаетъ всѣ событія, даже самыя важныя, каково, напримѣръ, основаніе новыхъ государствъ, если не совершенно случайными, то, по крайней мѣрѣ, такими, въ которыхъ случайность играетъ большую роль и имѣетъ нерѣдко рѣшительное участіе. Изъ слѣдующихъ затѣмъ строкъ мы видимъ, что г. Погодинъ такъ смотритъ только на самую первоначальную исторію народа, когда еще только приготовляются матеріалы для будущаго органическаго, проникнутаго одною жизнью, однимъ духомъ цѣлаго.

Въ такомъ взглядѣ есть своя большая доля правды, и мы думаемъ, что онъ особенно плодотворенъ для исторіи тѣмъ, что предохраняетъ изслѣдователя отъ отвлеченнаго схоластическаго воззрѣнія, въ послѣднее время нерѣдко величавшагося громкимъ, но не заслуженнымъ именемъ философскаго воззрѣнія, отъ котораго блѣднѣли народности, лица, происшествія, и на мѣсто ихъ являлись какіе-то неестественные, мертвые, призраки. Идя отъ отвлеченной идеи, многіе историки слишкомъ пренебрегали дѣйствительными, такъ сказать, физическими условіями и элементами народной жизни, и потому не могли понять ее. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы требуемъ, чтобъ этотъ взглядъ былъ проведенъ строго, логически. Элементы государства, сами по себѣ живые, нерѣдко, при случайныхъ условіяхъ, соединяются и производятъ третье, органическое, живое существо, въ образованіи котораго участвуютъ оба, но сами утрачиваютъ въ немъ свою особливую, отдѣльную жизнь. Это первое. Слѣдовательно, оба они являются соподчиненными третьему, которое теперь является самостоятельнымъ и такимъ-то, но которое при другихъ условіяхъ, при соединеніи тѣхъ же элементовъ съ другими, могло быть совершенно другимъ, нежели какимъ мы его знаемъ. Далѣе, отсюда же слѣдуетъ, что главное, при такомъ образованіи государства — элементы и ихъ соединеніе; частности и случайности, въ которыхъ выражается ихъ присутствіе и существованіе — дѣло постороннее, неважное для изслѣдователя-писателя.

Но г. Погодинъ смотритъ совершенно иначе, и изъ вѣрнаго положенія дѣлаетъ ложные выводы. Вмѣсто того, чтобы въ образованіи государства все вниманіе устремить на составные его элементы и результаты ихъ соединенія, онъ сосредоточиваетъ его на тѣхъ частныхъ, случайныхъ явленіяхъ и событіяхъ, при которыхъ эти элементы соединились, и эти частности выдвигаетъ на первый планъ. Въ поэтѣ такой взглядъ необходимъ, составляетъ его неотъемлемую принадлежность и достоинство; въ ученомъ, который переводитъ событія и историческіе факты въ сферу мысли, это важный недостатокъ, отъ котораго терпитъ наука. Въ г. Погодинѣ онъ ощутителенъ и тѣсно связанъ съ его полумистическимъ воззрѣніемъ на исторію,—воззрѣніемъ, которое проглядываетъ во всемъ, что онъ написалъ объ историческихъ эпохахъ и событіяхъ: и въ историческихъ афоризмахъ, и въ очеркѣ исторіи Москвы, и т. д.

Призваніе Рюрика новгородцами, говоритъ г. Погодинъ (стр. 476), есть событіе исключительно новгородское, ибо съ переходомъ дружины норманской, оно тамъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Поэтому ни оно, ни утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть названо началомъ русскаго государства. Это только „начало водворенія норманскаго элемента между нашими славянскими племенами". Русская исторія имъ начинается потому только, что въ немъ играетъ роль лицо Рюрика, родоначальника династіи, — Рюрика, который пришелъ „съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ".

„Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новгороду, старшему сыну Россіи (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ. Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, коею оно соединяется съ послѣдующими происшествіями. Все прочее прошло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новгородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ. — Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно ма-

томъ историческихъ соображеній. Это, упо-
мъ сравненіе, корень безсмысленный слова,
ый элементъ звука" (стр. 477 и 478).

ъ этихъ словъ и разсужденій читатель
етъ самъ удостовѣриться, какъ мы правы,
ри, что г. Погодинъ имѣетъ полумисти-
й взглядъ на нашу исторію. Самое важ-
въ прибытіи Рюрика въ Новгородъ есть
то внесенъ былъ въ жизнь нашихъ сла-
новый элементъ, котораго въ ней прежде
ыло, или который по крайней мѣрѣ не
развитъ, — элементъ государственный,
ущій, организующій, который далъ намъ
ы общежитія, удержавшіяся, хотя и съ
ыми видоизмѣненіями, до Петра,—такъ
были прочны. Былъ ли именно Рюрикъ
ставителемъ этого новаго элемента, гла-
дружины, или иной кто, — дѣло второ-
енное, не особенно важное; ибо дружина,
ледшая къ намъ, по своему положенію
ужой землѣ и воинственному характеру,
на была необходимо имѣть вождя, не
такъ другого. Г. Погодинъ думаетъ про-
положно съ нами. Для него важенъ Рю
, важна династія, - все прочее не важно.
оставляемъ другимъ судить, кто изъ насъ
ъ, а себѣ позволимъ только замѣтить,
такъ какъ новый элементъ въ исторіи
ѣе того или другаго лица, его пред-
яющаго, то и русская исторія должна
ться прибытіемъ чуждой дружины въ
ородъ—не потому что Рюрикъ, основа-
княжеской династіи, былъ ея главою,
тому что въ составъ нашихъ славянъ
зошло нѣчто новое, у нихъ прежде не-
стное, такое, которое непремѣнно выска-
ь бы и безъ Рюрика. Далѣе, съ какими
твами пришелъ къ намъ начальникъ воин-
ной дружины, и съ какими чувствами
яли его наши славяне, кажется намъ
же фактомъ второстепеннымъ и мало-
ымъ, потому особенно, что слѣдовъ его
идно. Пришли варяги по призванію, а
мъ стали распоряжаться, какъ завоева-
, на что есть прямыя свидѣтельства лѣ-
си; иначе и быть не могло при тогдаш-
граждански-неустроенномъ бытѣ. Точно
же мы не знаемъ, за что бы, кажется,
одарить Новгородъ, который, положимъ,
пилъ очень недурно, но поступилъ такъ,
въ виду только самого себя, и нисколько
умая о томъ, что у Рюрика будетъ пре-
комъ Олегъ, что этотъ Олегъ пойдетъ
іевъ, и его дружина, при его преемни-
кахъ, оснуетъ тамъ величайшее въ мірѣ го-
сударство. Наконецъ въ томъ же смыслѣ мы
должны сказать, что не будь Игоря, призва-
ніе варяговъ новгородцами все-таки не было
бы эпизодомъ русской исторіи, и другой князь,
вовсе не связанный съ Рюрикомъ тѣсными се-
мейными связями, былъ бы не менѣе свя-
занъ съ нимъ тождествомъ элемента, кото-
раго оба были представителями.

Такъ же странны и умствованія объ Олегѣ
и Игорѣ. Олегъ пошелъ на Кіевъ случайно
и могъ не завладѣть имъ.

„Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дру-
жиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и про-
пасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда,
подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и
тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія
имена!— А какъ сомнительна судьба Игоря, мла-
денца, только что рожденнаго, младенца, на ко-
торомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который
остался связать всю послѣдующую Исторію съ Нов-
городскимъ призваніемъ Норманновъ, который дол-
женъ утвердить еще за отцомъ своимъ мѣсто во
главѣ Русской Исторіи.— Кромѣ тѣхъ опасностей,
кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія:
Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть
у него, то есть предводительство, начальство надъ
дружиною, легко достававшееся въ это бурное
время болѣе рѣшительному, храброму, искусному.—
Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и
при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрикова
Государства!—Но не слишкомъ ли еще много видѣть
здѣсь зародышъ Русскаго Государства? Точно, —
это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая
точка, почти идея. — Оставляя Новгородъ, Олегъ
дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своею дру-
жиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто
пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государ-
ство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произ-
волу вѣтровъ! — Не должны ли мы трепетать за
него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ
найдетъ себѣ родимую почву?—Успокоимся! Благо-
промыслительной Десницею несется оно именно
въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому
Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью
Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оста-
вшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необхо-
димости иначе: изъ Новагорода должна бы утвер-
диться у насъ связь, не только государственная,
но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою,
а видно было надо, по высшему предначертанію,
чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ,
чтобъ распадавшейся въ то время религіи пріуго-
товилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ
когда-то чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ
племенъ, народилось Государство—наслѣдникъ Рим-
скому Востоку, Греческой Имперіи, Константинопо-
лю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство,
съ землею, жителями, религіей и образованіемъ,
Нѣмецкому народу. — Олегъ пошелъ, точка двину-
лась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія,
и какая линія? Полъ-экватора, треть меридіана"
(стр. 478–480).

Еслибъ Олегъ отправился на службу въ Грецію, лица и имена дѣйствительно были бы не тѣ, какія теперь знаемъ, но характеръ исторіи едва-ли бы измѣнился. Норманскій или другой, какой хотите, элементъ, принесенный въ Россію пришельцами, не исчезъ бы, ибо мы знаемъ, что даже въ Новгородѣ, откуда ушли варяги, часть ихъ осталась. Итакъ, закваска была, и она произвела бы тѣ же дѣйствія, какія и дружина, перешедшая въ Кіевъ, потому что была съ нею однородна. Судьба Игоря точно была сомнительна, но не болѣе какъ и каждаго живого человѣка. Прибавимъ къ тому, что особенной заслуги его въ русской исторіи мы не видимъ, а потому и сомнительность его судьбы не имѣетъ права возбуждать въ насъ большихъ, тревожныхъ опасеній. Если вся цѣль его существованія только въ томъ и состояла, чтобъ связать всю послѣдующую исторію съ новгородскимъ призваніемъ норманновъ и утвердить за его отцомъ Рюрикомъ мѣсто во главѣ русской исторіи, то этотъ подвигъ сыновней любви и почтительности, конечно, заставляетъ насъ думать объ немъ лучше, нежели какъ мы думали до сихъ поръ, судя по его дѣйствіямъ, засвидѣтельствованнымъ лѣтописью, — но для русской исторіи изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Его существованіе не такъ дорого для нея, какъ для чести его рода, и потому, мы думаемъ, ни одинъ русскій, любящій пламенно свое отечество, не трепещетъ при мысли, что Олегъ могъ имѣть дѣтей, которыя лишили бы Игоря власти, особливо, еслибъ его оттѣснилъ отъ начальства надъ дружиною болѣе рѣшительный, храбрый, искусный вождь,—потому что зародышъ русскаго Рюрикова государства, судьбы его не могли бы нисколько измѣниться отъ случайностей, которымъ подвергался Игорь.— Что касается до взаимныхъ отношеній зародыша, математической точки и идеи — мы слишкомъ мало знакомы съ физіологіей, математикой и философіей, чтобъ опредѣлить соизмѣримость этихъ величинъ и повѣрить автора, правъ ли онъ, что менѣе чѣмъ зародышъ = математической точкѣ, и оба = почти идеѣ. Вѣрные своей мысли, что въ исторіи важное, существенное, главное—элементы, а не тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ выражается ихъ сочетаніе, мы не понимаемъ, что́ хотѣлъ сказать авторъ странной фразой: „въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство", точно какъ будто государство имѣетъ крылья и летаетъ по воздуху,—и не трепещемъ за судьбу государства, зная, что не тотъ, такъ другой выразитъ собою то, что приготовлено предыдущими событіями, и что мѣсто свято пусто не бываетъ.

Потомъ г. Погодинъ особенно налегаетъ на мысль, что мирные кіевскіе жители приняли Олега безъ сопротивленія, и что поселеніе его было такъ же мирно, какъ и Рюриково въ Новгородѣ, чѣмъ и опредѣлился характеръ ихъ отношеній къ жителямъ. Мы бы хотѣли спросить автора: это мирное занятіе—не математическая ли точка, не почти идея ли? Кіевляне были народъ странный. Приходитъ къ нимъ одинъ—они покоряются ему добровольно; приходитъ другой—ему точно такъ же; приходитъ третій, убиваетъ ихъ властителей — они поклоняются и ему безъ сопротивленія. Такой народный характеръ отнимаетъ рѣшительно всякое право говорить о мирномъ занятіи и завоеваніи. Въ отношеніи къ полянамъ и вообще тѣмъ изъ нашихъ славянъ, которые охотно, безъ боя, подчинялись первому пришельцу, различіе добровольнаго подчиненія или призванія и завоеванія не могло имѣть никакого значенія, и, слѣдовательно, никакого вліянія на дальнѣйшую ихъ судьбу. Объяснимся. Представимъ себѣ, что народъ сильный, независимый, гражданскі развитой и не поддающійся первому встрѣчному, призоветъ къ себѣ постороннихъ властителей. Такое призваніе даетъ ему возможность заключить съ призванными условія, обезпечить свои права, поставить границы произволу пришельцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ призванія всевозможную пользу, не подвергаясь опасностямъ порабощенія. Представимъ себѣ теперь другой случай, что этотъ же самый народъ будетъ завоеванъ пришельцами. Тогда послѣдніе дѣлаются его безусловными господами и устраиваютъ его судьбу по произволу, неограниченно. Ясно, что въ отношеніи къ такому народу различіе между завоеваніемъ и добровольнымъ подчиненіемъ неизмѣримо велико и на всю послѣдующую судьбу его имѣетъ рѣшительное и важное вліяніе. Тутъ стоитъ поизслѣдовать, былъ народъ завоеванъ или нѣтъ, — ибо вся исторія его получаетъ отъ такого или другаго разрѣшенія этого вопроса противоположное значеніе и колоритъ. Но когда племя, едва только начинающее вырабатываться

изъ первоначальной, грубой непосредственности и при этомъ коснѣющее въ патріархальныхъ, мирныхъ и кроткихъ нравахъ, охотно, безусловно подчиняется всякому, который захочетъ имъ владѣть,—не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что оно и не могло быть завоевано, потому что всегда предупреждало завоевателя своею безусловною покорностью и ничѣмъ не обезпечивало себя и своихъ правъ, слѣдовательно, не будучи завоевано, могло подвергаться всѣмъ невыгодамъ завоеванія по произволу пришельцевъ? Г. Погодинъ понималъ это, хотя, можетъ-быть, и не совсѣмъ ясно. Ему видно хотѣлось удержать для начала нашего государства принципъ мирнаго занятія, и такъ какъ провести его никакъ нельзя было, то онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія долженъ былъ прибѣгать къ отчаяннымъ предположеніямъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что славяне своею безусловною покорностью обезоружили дикихъ варяго-руссовъ. Далѣе нельзя идти! Въ самомъ дѣлѣ, представить хищныхъ, вѣроломныхъ и грубыхъ руссовъ, какими мы ихъ знаемъ по нашей лѣтописи, благодарными и великодушными рыцарями, есть верхъ историческаго tour de force, натяжки столько же невѣроятной, сколько и неожиданной въ изслѣдователѣ, который на каждой строкѣ своего сочиненія проповѣдуетъ историческое безпристрастіе и жестоко преслѣдуетъ противниковъ за натяжки и любимыя мысли. Пора же, наконецъ, понять, что если пришествіе дружины не имѣло у насъ тѣхъ послѣдствій, какія въ другихъ земляхъ, то причина не въ великодушіи руссовъ, не въ способѣ занятія ими славянскихъ земель, а только въ томъ, что варяги не думали основать у насъ государство, и потому долго блуждали по огромной поверхности безъ цѣли и постояннаго жительства. Нѣчто похожее на государство начинаетъ показываться не ранѣе Владиміра, а особенно при Ярославѣ, слѣдовательно, спустя сто или полтораста лѣтъ послѣ прибытія руссовъ. А мы все толкуемъ, было ли у насъ завоеваніе или нѣтъ, точно какъ будто отъ этого факта зависитъ все,—тогда какъ онъ самый неважный изъ неважныхъ въ нашей исторіи, въ эти отдаленныя, грубыя времена, когда Россія представляла собою не что иное, какъ

rudis indigestaque moles
Non bene junctarum discordia semina rerum.

А вся бѣда оттого, что мы даже до сихъ поръ не можемъ привыкнуть смотрѣть на нашу исторію прямо, просто. Мы непремѣнно смотримъ на нее съ точки зрѣнія западной или европейской исторіи, гдѣ для начала государствъ были другія условія. Что тамъ важно, здѣсь совершенно неважно, и наоборотъ. Къ этому мы не обинуясь причисляемъ различіе между завоеваніемъ и мирнымъ занятіемъ, которое у грубыхъ, первоначальныхъ племенъ не влечетъ за собою тѣхъ послѣдствій, какія у народовъ цивилизованныхъ и просвѣщенныхъ.

Мистическимъ тономъ проникнуто и все дальнѣйшее въ этой статьѣ. Какъ ни скучно, ни утомительно для читателя слѣдить за фантазіей автора, который въ событіяхъ самыхъ естественныхъ и неважныхъ видитъ таинственное водительство судьбы, трудные и важные іероглифы, проникающіе наблюдателя какимъ-то священнымъ ужасомъ и благоговѣніемъ,—послѣдуемъ за нимъ, чтобы показать до конца, какъ эти призраки не страшны, какъ они напротивъ съ значеніемъ, приданнымъ имъ авторомъ, мелки.

М.Э. ГИЛЬЧЕВ

„Лѣнивый Игорь потерялъ было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ, всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ князю и его роду, а князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, по крайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе—убить князя: что жъ сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко, кажется, какому нибудь смѣльчаку захватить начальство и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!“ (стр. 481 и 482).

Изъ чего авторъ взялъ, что Игорь былъ лѣнивъ и потерялъ дани, мы придумать не можемъ; ни одно мѣсто не даетъ права такъ говорить. Какъ мало варяги были осѣдлы при Игорѣ, видно изъ жизни Святослава, который не хотѣлъ остаться въ Кіевѣ. Бунтъ древлянъ—явленіе частное, которое не имѣло никакого отношенія къ другимъ племенамъ, можетъ быть, даже оставалось имъ неизвѣстнымъ, да и убійство князя тогда далеко не то значило, что впослѣдствіи, осо-

бливо, когда Россія начала гораздо болѣе походить на государство, напримѣръ, въ московскій періодъ. О тщетныхъ и смѣшныхъ опасеніяхъ на счетъ Рюрикова рода, не стоитъ и говорить; право, тогда Рюриковъ родъ еще не много вѣсилъ въ судьбахъ Россіи.

Судя по словамъ г. Погодина, русской исторіи съ самаго начала благопріятствовало необыкновенное счастіе. Все вышло, разумѣется, такъ, какъ вышло. Но авторъ во всемъ этомъ видитъ какую-то высшую необходимость. Напримѣръ, у Игоря былъ одинъ сынъ. Тутъ, кажется, нѣтъ ничего необыкновеннаго. У Святослава ихъ было три, у Владиміра двѣнадцать, а единство Руси удержалось. Но, читая книгу г. Погодина, подумаешь, что такъ было необходимо нужно по тогдашнему состоянію Россіи. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсуждаетъ:

„У Игоря былъ такъ же одинъ сынъ, какъ у Рюрика. Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели раздѣлиться, которой необходимо было раскинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно государство расти, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ княжествамъ: еслибъ у первыхъ князей было по многу дѣтей, то они, поссорясь тотчасъ между собою (неизбѣжный случай), воспрепятствовали бы развитію, не укрѣпясь ослабли бъ, и не успѣли бъ захватить столько посторонніхъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ сосѣднихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри“ (стр. 482 и 483).

Пожалуй и такъ. Но можно бы разсуждать и совершенно на выворотъ. Вотъ почему всѣ такія разсужденія—пустыя слова, отъ которыхъ наука ничего не выигрываетъ, но проигрываетъ очень часто. Святославъ считалъ Кіевъ постоемъ и рѣшился оставить его; не перенести столицу, какъ думаютъ нѣкоторые—замѣчаніе глубоко вѣрное — „а переѣхать на другую квартиру“ (стр. 483). Какъ ни отстаиваетъ авторъ послѣднее выраженіе, но оно и смѣшно, и неудачно, потому что взято изъ совершенно другого порядка вещей, не имѣющаго ничего общаго съ тогдашнимъ. Не дурно замѣтить также, что постоянное пребываніе Игоря въ Кіевѣ (если это и фактъ достовѣрный) немного, кажется, послужило къ водворенію, къ осѣдлости варяговъ въ этомъ городѣ. Зачѣмъ же было объ немъ и говорить? Непонятная страсть нанизывать факты на одну нитку и вытягивать въ линію, тогда какъ они обыкновен выпадаютъ такъ пестро, и только въ цѣл эпохѣ, чрезъ отвлеченіе, мы можемъ откры общія черты.

Мысль о раздачѣ удѣловъ Святослава Ярополку, Олегу и Владиміру очень недур и во всякомъ случаѣ нова.

„Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старш сыну Ярополку свой Кіевъ, а второго послалъ к жить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, к говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, другого сына послалъ въ дикое поле. Древля племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольг обложенное двойною данью, и потому тѣснѣе с занное съ Кіевомъ, легче было держать въ по новеніи. Вотъ главная причина, почему Святосл послалъ туда сына. Третьяго сына, Владиміра, требовали себѣ сами Новгородцы, почти прот воли Святослава, который говорилъ имъ даже: къ вамъ пойдетъ? Слѣдовательно, Святославъ таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *идѣ жилъ*, гдѣ ж и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святосл не владѣлъ Древлянами, которые платили ему тол дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о проч дальнихъ племенахъ, и всего вѣрнѣе и точнѣ Новгородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.—Не б дѣленія и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣле было общее во всей Европѣ, необходимая прин лежность, степень гражданскаго общества, а частная ошибка. Но у насъ, повторяю, не было дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра“ (стр. и 485).

Да не подумаетъ, однако, благосклонн читатель, что съ раздачею удѣловъ всѣ оп ности для русской исторіи миновались. Н противъ, вы знаете, что противникомъ Св тослава былъ Цимисхій, императоръ храбр и умный. Онъ тоже родился не даромъ, если онъ не могъ возродить дряхлѣющ Византію, то призваніе его было еще выше удержать варяговъ-Русь въ Кіевѣ и дать и возможность окончательно осѣсться. Не з будьте, что сыны Святослава могли послѣд вать за своимъ отцомъ въ Болгарію. Что сталось тогда съ славянскими племенам Авторъ наивно восклицаетъ: „какъ все зыбк

„Случился же именно въ это время въ Гре такой Государь, какъ Іоаннъ Цимисхій, одинъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ р Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіе дол временнаго періода. Онъ заставилъ Святослава у литься изъ любезной Болгаріи, который на возвр номъ пути и сложилъ буйную свою голову, остальными мужами. Сыновья его лишены бы средствъ идти въ Болгарію, отнятую греками. могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. О

остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ. — Сѣмя переслано опять къ намъ, или, лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, по крайней мѣрѣ дома" (стр. 486).

Послѣ этого, разумѣется, могли ужъ безопасно явиться нѣсколько князей, и ихъ явилось теперь трое. Какъ все дѣлается кстати, особливо когда въ головѣ изслѣдователя приготовлены, по извѣстному и данному, причины и условія случайныхъ событій!

Можно ли такъ смотрѣть на исторію?

Остальная половина варяжскаго періода, начиная съ Ярополка, обрисована довольно живо и удачно. Событія разсказаны просто, естественно и вмѣстѣ и оригинально, а потому и не лишены интереса. Любителей отсылаемъ къ самой книгѣ.

Одиннадцатая и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ „параллель Русской Исторіи съ исторіей Западныхъ Европейскихъ Государствъ относительно начала". Особой статьей эта глава, въ 1844 году, была отпечатана въ „Москвитянинѣ". Въ библіографіи ея коснулись слегка и вообще объ ней писано было меньше, нежели разсуждаемо на словахъ. Только въ самомъ „Москвитянинѣ" противъ нея была поднята сильная полемика, отчасти справедливая, но по основной мысли пристрастная. Несмотря на то, что эта статья была мало замѣчена, она заслуживаетъ большаго вниманія, какъ по своей парадоксальности, такъ и по непониманію главныхъ, основныхъ явленій нашей исторіи.

Русская и западная, или, правильнѣе, европейская исторія до того различны между собою, что при всѣхъ видимыхъ, случайныхъ, иногда разительныхъ сходствахъ, нѣтъ никакой возможности сравнивать ихъ между собою. Весьма вѣроятно, что главная причина такого разительнаго различія—въ различіи элементовъ, исторической почвы, на которой совершались событія. Какъ ни возбужденъ въ настоящее время вопросъ о славянскомъ племени—онъ еще далеко не рѣшенъ, и едва-ли можно надѣяться, что онъ скоро разрѣшится. Ключа къ національному характеру этого удивительнаго племени, что̀ ни говорено, ни писано объ немъ, мы еще не имѣемъ, и мы твердо увѣрены, что его въ силахъ дать одни событія, исторія, а не кабинетныя занятія ученыхъ, не изслѣдованія его прошедшаго. Оттого странно положеніе всякаго мыслящаго человѣка, когда онъ говоритъ или пишетъ объ этомъ племени. Прежде о немъ вовсе не думали, потомъ говорили свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ неуваженіемъ. Теперь это совершенное невѣдѣніе и эти смѣшные предразсудки исчезли, но самое племя не сдѣлалось отъ этого понятнѣе. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, попробуйте прикинуть къ нему или его исторіи какой бы то ни было готовый аршинъ, которымъ мѣряется исторія другого племени: ни однимъ вы его не смѣряете. Оттого и событія, съ перваго взгляда сходныя, даже тождественныя въ европейской и нашей исторіи, такъ же далеки между собою, какъ небо отъ земли; часто ихъ невозможно сравнивать, потому что они несоизмѣримы. Мы думаемъ, что въ этомъ должно, между прочимъ, искать причины, почему до сихъ поръ наша историческая литература такъ бѣдна, тоща и неплодотворна. Она возникла въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда мы жили подъ исключительнымъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, и потому естественно смотрѣли на свое прошедшее европейскими глазами. Какъ ни важно, ни благодѣтельно было такое вліяніе на наше духовное и нравственное возрожденіе, оно не могло, однако, быть благопріятно для правильнаго уразумѣнія нашего прошедшаго. Въ теперешнее переходное время, когда самосознаніе начинаетъ пробуждаться, принимая нерѣдко странныя формы, начинаетъ проясняться и мысль объ этомъ коренномъ различіи нашей и европейской исторіи, исподволь созрѣваютъ другія понятія, другіе взгляды, которые измѣнятъ, наконецъ, представленіе о прожитомъ нами времени и событіяхъ.

Г. Погодинъ тоже чувствуетъ это различіе, но онъ проводитъ его не до конца. Не высказывая, онъ предполагаетъ въ европейской и русской исторіи одинаковую почву, считаетъ ихъ соизмѣримыми величинами. Объ, по его мнѣнію, существенно различны, но это потому только, что существенно различны условія ихъ первоначальнаго существованія: въ Европѣ было завоеваніе, у насъ не было. Къ этому въ послѣднемъ итогѣ сводится все. Изъ этого видно, что по своему взгляду, точно такъ же, какъ и въ области изслѣдованій, г. Погодинъ занимаетъ средину между прежнимъ и новымъ временемъ. Онъ не смотритъ на русскую исторію съ точки зрѣнія, данной исторіею большей части европейскихъ госу-

дарствъ, но въ то же время ставитъ ихъ на одну доску, проводитъ между ними параллель, какъ будто бы они при всемъ различіи имѣли между собою много общаго.

Послѣдующимъ историкамъ славянскаго племени и Россіи въ особенности мы предоставляемъ честь разрушить это предубѣжденіе, столько же объяснимое исторически, сколько само въ себѣ ложное и неосновательное. Многіе уже теперь догадываются, что это не такъ, что между европейской и русской исторіей существуетъ только случайное, поверхностное сходство; теперь начинаютъ даже понимать, что аксіоматическія положенія въ европейской исторіи, съ помощью которыхъ можно безошибочно судить объ исторіи любого европейскаго государства, ничего не объясняютъ въ русской исторіи, напротивъ, затемняютъ ее. Что до насъ касается, мы намѣрены теперь прослѣдить внимательно выводы г. Погодина, которые, кромѣ ложнаго основанія, отличаются еще необыкновенною парадоксальностью и тѣми же историческими обоюдностями, на которыя мы уже не одинъ разъ указывали въ его новомъ сочиненіи. Все это любопытно по своей необыкновенности, яркости, можетъ быть и потому еще, что, вѣроятно, есть люди, съ нѣкоторыми оттѣнками раздѣляющіе взглядъ г. Погодина, ибо, несмотря на то, что мы живемъ, повидимому, быстро, не по днямъ, а по часамъ, мысль для насъ еще до сихъ поръ трудна и мало доступна; два противорѣчащія положенія, взаимно себя исключающія, много лѣтъ живутъ дружески, рядомъ—по преданію, привычкѣ, или лѣности сообразить ихъ между собою,—итакъ длится черезъ нѣсколько поколѣній. Страшно подумать, сколько такихъ взглядовъ пущено у насъ въ оборотъ и получило права гражданства!

Статья г. Погодина начинается очеркомъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, теперь довольно извѣстной и у насъ. Эти государства основаны на завоеваніи. Завоеваніе положило въ основаніе этихъ государствъ борьбу сословій, классовъ, которые представляютъ собою прежнихъ покорителей и покоренныхъ и воспроизводятъ ихъ взаимную ненависть. Сначала аристократію побѣждаетъ среднее сословіе и само становится на ея мѣсто. Въ этомъ событіи видно освобожденіе покоренныхъ когда-то туземцевъ изъ подъ ига пришельцевъ. Но теперь низшее борется *вмѣстѣ и съ среднимъ*, и съ высшимъ, и что̀ изъ этой новой борьбы выйдетъ—Богъ вѣсть. Тоже было и въ древней исторіи, въ Греціи, въ Римѣ. Въ русской исторіи, напротивъ, главныхъ, характеристическихъ событій европейской исторіи нѣтъ. Это различіе происходитъ оттого, что у насъ не было завоеванія, а было призваніе, безпрекословное занятіе и полюбовная сдѣлка между туземцами и пришельцами. Итакъ все различіе отъ различія въ началѣ.

Мы уже выше сказали, въ какомъ случаѣ различіе завоеванія и призванія важно въ исторіи, и объяснили причины, почему въ русской исторіи IX вѣка оно кажется намъ совершенно неважнымъ, несущественнымъ. Поэтому вновь распространяться объ этомъ мы не станемъ. Замѣтимъ здѣсь покуда мимоходомъ, что это различіе въ русской исторіи и не существовало. Въ Новгородъ дружина была призвана, но поступала недружелюбно, какъ завоеватель. Многія славянскія племена были рѣшительно покорены, и платили дань недобровольно, о чемъ можно судить по ихъ частымъ возстаніямъ. Что и съ ними недружелюбно поступали варяги, по крайней мѣрѣ иногда, видно изъ разсказа о поступкѣ Игоря съ древлянами. Поэтому были ли мы завоеваны, или приняли иноземцевъ добровольно,—фактъ еще очень спорный, о которомъ нельзя рѣшительно судить на томъ только основаніи, что сѣверныя племена призвали Рюрика; а на спорномъ фактѣ нельзя строить цѣлой теоріи. Потомъ, допустивъ даже, что варяги-Русь не завоевали насъ, и всѣми племенами были приняты съ распростертыми объятіями, мы не имѣемъ никакого права заключить отсюда, что у насъ отъ этого было легче; по крайней мѣрѣ, изъ частыхъ возстаній племенъ и безпрерывныхъ походовъ къ нимъ этого видѣть нельзя. Итакъ, различіе завоеванія и призванія въ нашей исторіи ничего почти не значитъ и не играетъ никакой роли. Постановивъ основное различіе между нашей исторіей и исторіей европейскихъ государствъ и рѣшивъ, что изъ этого различія проистекаютъ всѣ прочія, г. Погодинъ разсматриваетъ составные элементы нашего государства порознь. Послѣдуемъ за нимъ.

У насъ князь былъ добровольно призванный (въ Новгородѣ), или принятый безъ сопротивленія (въ Кіевѣ).

„Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали западные государи; тотъ

той не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ
бычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ
ихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ со-
ковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ срав-
съ западными королевствами, владѣніи. Нашъ
арь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желан-
защитникомъ, а Западный Государь былъ не-
гнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ ко-
о народъ напрасно искалъ защиты" (стр. 500).

акъ на враговъ, призванный князь не
рѣлъ на племена—это правда; но, вѣ-
но, смотрѣлъ какъ на источникъ обога-
я и добычи. Припомните, г. Погодинъ,
что лѣтопись говоритъ о дѣйствіяхъ ва-
въ у насъ, и вы съ нами согласитесь.
авянамъ, которые принуждены были ис-
вать на себѣ ихъ своеволіе, хищниче-
насиліе,—право, было все равно, при-
ли они какъ завоеватели, или какъ при-
ные. Имъ оттого не было легче, и го-
овными различіями ихъ, вѣроятно, трудно
утѣшить. Развивая далѣе свою мысль,
огодинъ силится показать, что такимъ
ктеромъ нашихъ князей условливалось
отношеніе къ боярамъ, городамъ и на-
, другое, нежели какое было на Западѣ.
ъ боярамъ: „На Западѣ король былъ оби-
своимъ сподвижникамъ (герцоги, дюки),
гавшимъ ему покорить землю, а нашъ
ь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ
амъ, большею частью его родственникамъ,
рые сопровождали его безъ всякой со сто-
его нужды, не имѣли случая оказать ему
кихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ,—
случаѣ неудовольствія могли только оста-
его" (стр. 500 и 501).

истый вымыселъ, потому что основанъ на
хъ голыхъ предположеніяхъ! Почему
ь князь не имѣлъ никакихъ обязанно-
къ боярамъ? Почему знаетъ авторъ, что
были большею частью его родственники?
не изъ словъ ли лѣтописи, что избра-
три брата „съ роды своими"? Если на-
князья безпрестанно воевали, что досто-
о извѣстно,—какое право имѣетъ авторъ
ать, что бояре сопровождали его безъ
ой со стороны его нужды, и не имѣли
ія оказать ему никакихъ важныхъ, не-
димыхъ услугъ? Право оставить началь-
дружины имѣли дружинники не только
съ, но и вездѣ; а если тамъ они имѣли
угія права, то эти права условливались
лостью дружины, чего у насъ долго не
. Словомъ, такое опредѣленіе отношеній
я къ боярамъ такъ произвольно, такъ
натянуто, что не заслуживаетъ опроверженія. Пусть авторъ подкрѣпитъ свои положенія дѣльными доводами, и мы тогда опровергнемъ ихъ, ибо ихъ нѣтъ, а есть доводы противъ него, хотя ихъ и немного. Пока онъ этого не сдѣлаетъ, мы считаемъ неумѣстнымъ серьезный разборъ неосновательныхъ и недоказанныхъ предположеній.

Къ народу: „Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло лицомъ къ лицу, какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань,—вотъ въ чемъ состояло его отношеніе; а западный государь отдѣленъ былъ совершенно своими вассалами" (стр. 501).

Легкій способъ рѣшать трудныя задачи! О которомъ времени говоритъ авторъ? О варяжскомъ періодѣ, вѣроятно? Но что жъ мы о немъ знаемъ, и изъ чего взялъ г. Погодинъ, что съ народомъ наши князья имѣли дѣло лицомъ къ лицу. Хоть одно мѣсто въ доказательство, г. Погодинъ, одно мѣсто! Что князь за защиту и судъ получалъ опредѣленную дань — этого мы тоже, признаться, не знали! Что собирая дань на мѣстѣ, князь въ то же время судилъ и бралъ за то пошлину, это, можетъ быть, и отчасти вѣроятно. Но чтобъ ему за судъ давалась дань, такъ можетъ думать только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нашими юридическими древностями! Примѣръ новгородцевъ, платившихъ 300 гривенъ „мира дѣля", ничего не доказываетъ. Мы не знаемъ, было ли это данью; вѣроятно, нѣтъ, ибо дань платилась сама собою кіевскимъ князьямъ. Но допустивъ, что дань платилась за защиту, спрашивается, за что жъ платили ее не пограничныя, а внутреннія славянскія племена? Наконецъ, до какой степени князь не былъ отдѣленъ своими правителями и дружинниками отъ народа—кто возмется разрѣшить этотъ вопросъ, особливо въ эпоху, изъ которой до насъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій?

Объ отношеніи князей къ городамъ не сказано ничего. Этотъ вопросъ такъ же бѣденъ извѣстіями, но за то посложнѣе. Авторъ, вѣроятно, боялся за него приняться.

Такъ же разбираетъ г. Погодинъ *бояръ*. У насъ ихъ было меньше, говоритъ онъ, чѣмъ на Западѣ. „Потому то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента; а были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, гвардіи, дружины" (стр. 501). Въ другомъ мѣстѣ мы

высказали мысль, что въ самомъ началѣ у насъ былъ феодализмъ, потомъ исчезнувшій, и привели доказательства. Поэтому, мнѣніе автора, что наши мужи и бояре были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, дружины, кажется намъ ложнымъ. Сверхъ того, еще не рѣшено, что бояре были дружинники съ самаго начала. Объ этомъ мы тоже сказали свое мнѣніе.

Объ отношеніяхъ бояръ (т.-е. по терминологіи автора, дружинниковъ) къ князю сказано слѣдующее: „Воеводы западные почитали себя почти равными королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ полномъ распоряженіи князя,—ближайшіе исполнители его приказаній,—его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ князя, а на Западѣ князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ князь“ (стр. 501 и 502).—Изъ чего же заключаетъ г. Погодинъ, что наши дружинники находились въ полномъ распоряженіи князя, были исполнители его приказаній, слѣпые органы его воли? Странно читать такія вещи, съ важностью выдаваемыя за истину и между тѣмъ лишенныя всякой опоры! Пусть г. Погодинъ приведетъ хоть одно доказательство, мы вызываемся представить ему до десяти въ опроверженіе. И это называется провести параллель между исторіями!

Объ отношеніи дружинниковъ къ землѣ. „Наши (феодалы) не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу часть дани, доходовъ съ того или другого города,– какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства. Феодалы разсѣялись по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли постояннаго пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ князь,—преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ“ (стр. 502).

Уступалась ли дань дружинникамъ съ городовъ, мы не знаемъ, потому что нѣтъ извѣстій. Если у насъ былъ въ началѣ феодализмъ, то очень немудрено, что были зачатки раздѣленія земель, но не успѣвшіе развиться, потому что дружина не получила осѣдлости. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода. Такъ же мало знаемъ мы, на какомъ основаніи управляли дружинники городами, и жили ли они постоянно въ однихъ мѣстахъ, или нѣтъ.

Отношеніе дружинниковъ къ народу. „Феодалы западные, отнявъ землю и заставивъ работать на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя въ враждебное отношеніе къ нимъ, а наши бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили въ добромъ согласіи съ ними“ (стр. 502).

Бояре, пока ихъ званіе не стало одновначительно съ слугой царскимъ,—можетъ быть, дружинники за свое хищничество, какъ впослѣдствіи всѣ областные правители, вѣроятно, не очень были любимы народомъ. Впрочемъ, и объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода.

Наконецъ, и отношенія феодаловъ къ государству были тоже разныя у насъ и въ Европѣ. „Феодалы западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было одно малое государство. Западное государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною“ (стр. 503).

Если у насъ были зачатки феодализма, то все это разсужденіе дѣлается совершенно излишнимъ. Потомъ, мы долго ломали себѣ голову, чтобы понять математическое сравненіе, употребленное г. Погодинымъ. Странная охота говорить не спроста, а вычурно, іероглифически! Мы увѣрены, что многіе читатели такъ же были затруднены этимъ мѣстомъ, какъ и мы.

Сказанное о народѣ и землѣ справедливо. Онъ сохранилъ свои владѣнія, остался свободнымъ, и теперь сталъ только платить подать, дань, чѣмъ и ограничилась его зависимость. Но мы не согласны съ авторомъ, что земля досталась на Западѣ пришельцамъ *сполна*. Это бывало, но довольно рѣдко. Отбиралась, обыкновенно, часть земли, треть или двѣ трети. Далѣе, страннымъ намъ показалось заключеніе автора о дани, платимой славянами пришельцамъ. Эта дань, говоритъ онъ, состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, которыхъ было у нихъ въ излишествѣ, которыхъ дѣвать имъ было некуда,—слѣдовательно, была вовсе не отяготительна. Мы назвали такое заключеніе страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ.

ничѣмъ не подтверждаемыхъ. И здѣсь мы вызываемъ автора привести хоть два-три доказательства, а зато обязуемся представить столько же фактовъ, заставляющихъ думать противное. Но самое главное, въ чемъ мы не согласны съ авторомъ,—это важность, которую онъ придаетъ тому, что у насъ туземцы остались свободны и не потеряли своихъ земель. Этотъ фактъ ни больше, ни меньше значителенъ, какъ указанное нами различіе завоеванія и призванія въ русской исторіи, и по тѣмъ же причинамъ. Варяги пришли къ намъ дружиной безъ всякой опредѣленной цѣли. Всего менѣе располагались они поселиться, обосноваться въ новой землѣ. Оттого и земли, и свобода туземцевъ остались нетронутыми. Вотъ, еслибъ наши славяне, призывая варяговъ-Русь, выговорили себѣ и то, и другое, мы сочли бы это фактомъ необычайно важнымъ и многовѣснымъ для всей нашей послѣдующей исторіи; но этого не было. Оттого впослѣдствіи, уже въ періодъ удѣловъ, мы видимъ, что свобода поселянъ была ограничена. Какъ на западѣ, князь былъ наслѣдникомъ послѣ смерда, помимо его дѣтей; онъ отыскивалъ и возвращалъ его себѣ изъ чужихъ владѣній. Въ московскую эпоху, всѣ земли, не принадлежавшія въ частную собственность, даже заселенныя цѣлыми крестьянскими общинами, стали мало-по-малу получать характеръ государевыхъ земель. Изъ этого мы заключаемъ, что во время прибытія варяговъ о свободѣ и землѣ не было ни мысли, ни рѣчи; это былъ вопросъ обойденный, еще не возникавшій. Рѣшеніе его было впереди, что и показываетъ исторія. Слѣдовательно, онъ могъ рѣшиться или такъ или иначе. Вотъ почему неотнятіе земли и свободы туземцевъ варягами ровно ничего не значитъ въ русской исторіи; это не фактъ, нѣчто совершенно несуществующее; слѣдовательно, объ этомъ и говорить нечего.

Сказанное о нашихъ городахъ, что они были то же, что деревни, справедливо. Только авторъ себѣ немного противорѣчитъ. Въ XI гл. онъ говоритъ, что городами назывались у насъ нѣкоторыя общины потому только, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя, или для своихъ мужей и огородили (стр. 504), а въ VIII-й, на стр. 203, не прилагая никакихъ опроверженій, приводитъ выводъ г. Григорьева (п. 6), „что на пространствѣ помянутыхъ губерній (въ 4 п.) были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностью и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданскаго благоустройства". И то и другое мнѣніе имѣетъ за себя многія доказательства; у насъ были города и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не знаемъ, почему же авторъ говоритъ, что у насъ были города только въ смыслѣ огороженныхъ центровъ управленія? Можетъ быть, изъ такого ихъ значенія легче объяснить отсутствіе у насъ средняго сословія, нежели изъ городовъ въ смыслѣ средоточій промышленности и торговли. Такъ какъ мы этого не знаемъ навѣрное, то и не можемъ рѣшить.

Потомъ авторъ беретъ тотъ же вопросъ, но съ другой стороны. Сравнивая опять начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, онъ говоритъ, что на западѣ „государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ" (стр. 505). Примемъ это за истину и посмотримъ, что выводитъ авторъ изъ свой мысли.

Такая долговременность, по его мнѣнію, имѣла вліяніе на наши первоначальныя отношенія и образовала ихъ различно съ европейскими.

„Первые князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не дорожили, слѣдовательно—какъ сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣніе.—Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.—Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимірѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, и положили по послѣднему камню основанія, черезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго пребыванія Варяговъ.—Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго князя отъ Западнаго Короля утвердилось окончательно.—Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на бояръ, сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли боль-

шаго значенія, а послѣднія, Владиміровы и Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще можетъ быть предъявлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва-ли не въ продолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.—Наши мужи по городамъ получали отъ князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ, какъ феодалы Западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственно его войско. Такимъ образомъ наши бояре по необходимости были подчинены князю, и боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось. Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться насчетъ князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости. — Племена славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя,—оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространялись, слѣдовательно, исподоволь, безъ усилій со стороны князя, безъ непосредственнаго участія бояръ, безъ отягощенія народа. Число городовъ увеличивалось только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани“ (стр. 505—508).

У г. Погодина странный способъ разсужденія. Поставитъ рядомъ два факта, не имѣющіе между собою ровно ничего общаго, и говоритъ: посмотрите, какъ они различны! Важнѣе такой ошибки въ дѣлѣ исторіи мы не знаемъ. Изъ нея по необходимости все выходитъ наоборотъ, и истина, вмѣсто того, чтобъ уясниться, затемняется. Сравнивать въ частностяхъ между собою можно только однородное. Только между однородными есть частныя сходства, есть частныя различія. Сказать о разнородныхъ, что они въ томъ или въ другомъ различны, мало. Въ отношеніи къ нимъ нужно объяснить, почему сравненіе ихъ невозможно; въ частныя сличенія нечего и вдаваться. Мы это отчасти показали на значеніи завоеванія и призванія въ русской исторіи, на сохраненіи нашими славянами земель и свободы по прибытіи варяговъ. Приведенныя теперь слова автора даютъ намъ возможность пояснить нашу мысль еще болѣе.

Сначала авторъ говоритъ о нашихъ князьяхъ. Вникните въ его слова, и вы удостовѣритесь, что между кѣнигами европейскими *и русскими князьями*— не было ровно ничего общаго. Задачи ихъ совершенно различны. Первые хотѣли основать государство, а послѣдніе объ этомъ не думали. Первые пришли въ землю завоеванную съ цѣлью водвориться, послѣдніе жили въ немъ постоемъ. Поэтому первые дорожили своими пріобрѣтеніями и дружиной, поддерживавшей ихъ силу, которая имъ была нужна, а послѣдніе, какъ временные пришельцы, не дорожили ничѣмъ, ни владѣніями, которыхъ у нихъ не было сначала, ни дружиной, нужной для ихъ поддержанія. Прибавимъ къ этому отъ себя, что первымъ, по ихъ задачѣ, положеніе было необходимо опредѣлить свои отношенія къ туземцамъ и землѣ, а послѣднимъ, по той же самой причинѣ, это было совершенно ненужно. Спрашивается послѣ этого, что же тутъ сравнивать? Вѣдь никто не сравниваетъ Кеплера съ Діономъ сиракузскимъ, Аполлонія тіанскаго съ Пушкинымъ? Если хотите провести параллель между русской и европейской исторіей, возьмите эпохи сходныя; напримѣръ, сравните съ новымъ порядкомъ вещей въ отношеніи къ сословіямъ и землѣ, появившимся на Западѣ съ основаніемъ государствъ, ту эпоху русской исторіи, когда начали у насъ юридически обозначаться сословія и ихъ отношенія, вопросъ о поземельномъ владѣніи и собственности. Такое сравненіе будетъ по крайней мѣрѣ возможно, при всемъ прочемъ различіи обстоятельствъ и времени, по однородности, одинаковос и предмета. А вы, не вникая ни въ духъ времени, ни въ вопросы, разрѣшаемые внутри общества, довольствуясь одними чисто внѣшними, случайными признаками, на основаніи ихъ считаете эпохи однородными и сличаете ихъ! Какихъ же плодовъ ожидать отъ такой невозможной работы?.. Но этого мало. Одна ошибка непремѣнно влечетъ за собой другую. Изъ словъ самого г. Погодина слѣдуетъ, что наши первые князья вовсе и не думали о томъ, о чемъ должны были думать и заботиться основатели новыхъ европейскихъ государствъ. Стало быть, для первыхъ и не существовали вопросы, которые были разрѣшаемы послѣдними. Но такъ какъ эти вопросы не были совершенно случайными, а необходимо условливались и условливаются внутреннимъ бытомъ каждаго государства (таковы вопросы о поземельномъ владѣніи, объ отношеніи сословій между собою и къ верховной власти, о положеніи церкви и ея отношеніяхъ къ государству, и множество

тому подобныхъ), то и для нашихъ князей эти вопросы рано или поздно должны были возникнуть, и въ самомъ дѣлѣ они мало-помалу опредѣлились и получили свое рѣшеніе, какъ видно изъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ. Состояніе, предшествующее этому рѣшенію, было неопредѣленное, юридически не существовавшее, котораго, слѣдовательно, никакъ нельзя сравнивать съ юридическимъ, опредѣленнымъ и обозначеннымъ бытомъ, наступившимъ въ Европѣ вмѣстѣ съ основаніемъ государствъ; ибо для насъ еще предстояло получить ту или другую форму, то или другое опредѣленіе, лучшее или худшее въ сравненіи съ европейскимъ, а Европа получила его съ самаго начала. Такъ мы понимаемъ и такъ, вѣроятно, понимаютъ всѣ, хоть сколько-нибудь знакомые съ первыми началами правовѣдѣнія и исторіей законодательствъ. Сравнивая начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, всякій скажетъ: основатели западныхъ государствъ опредѣлили такія-то отношенія такъ-то и такъ-то, а Рюрикъ и его ближайшіе преемники оставили эти отношенія неопредѣленными, потому что имѣли другія цѣли. Но г. Погодинъ берется за дѣло иначе. Для него этихъ важныхъ различій не существуетъ. Въ его глазахъ Клодвигъ и другіе отобрали землю у туземцевъ, обратили ихъ въ рабовъ, а основатели русскаго государства оставили имъ и землю, и свободу. Что жъ хотѣли бы мы спросить, они утвердили за ними и то, и другое закономъ? Нѣтъ! Они ни о томъ, ни о другомъ и не думали. По крайней мѣрѣ, туземцы старались утвердить за собой эти важныя привилегіи жалованными грамотами? И того не было. Такъ вотъ что! Напрасно же подробно изъясняетъ г. Погодинъ „какъ первоначальное отличіе русскаго князя отъ западнаго короля утвердилось окончательно“. Мы повѣрили бы ему на слово, что оно и первоначально было окончательнымъ, ибо между ними не было никогда ни малѣйшаго сходства.

Совершенно то же самое должно сказать и о боярахъ (т.-е. дружинникахъ) въ сравненіи съ западными феодалами. О ихъ значеніи разсуждать нельзя, потому что и оно не было юридическое. Г. Погодинъ приведетъ нѣсколько фактовъ въ доказательство, что они не имѣли большого значенія, а мы приведемъ тоже нѣсколько въ доказательство противнаго. Въ результатѣ получится нуль, т.-е., что ихъ значеніе и права, какъ неопредѣленныя, не были именно такими-то, слѣдовательно, не были никакими. — Изъ чего видитъ авторъ, что Ярославъ поступалъ съ наемными мужами, подобно Владиміру, какъ съ слугами: однихъ удерживалъ, другихъ отсылалъ отъ себя,—не знаемъ. Въ туземныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ данныхъ.

Сравненіе нашихъ „мужей“ по городамъ съ западными феодалами неудачно, потому что о послѣднихъ мы знаемъ многое, о первыхъ почти ничего,—и еще потому, что, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, у насъ сначала, кажется, былъ феодализмъ, подобный западному. А если шатко первое положеніе, то по тому самому шатки и выводы, будто наши бояре были подчинены (безусловно) князю и будто потому боярство въ западномъ смыслѣ отстранилось. (Объяснить причины послѣдняго явленія очень трудно. Двумя строками такого вопроса не рѣшить).

Также не видимъ мы, чтобы дружина находилась въ совершенной зависимости отъ князя, особливо сначала.

Откуда взялъ авторъ, что туземцы не питали у насъ никакой ненависти къ пришельцамъ? Данныя противъ — есть. Данныхъ въ пользу этого мнѣнія—ни одного.

Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе законовъ салическихъ съ „Русской Правдой“. На Западѣ за убійство франка-побѣдителя платилось больше, чѣмъ за убійство туземца покореннаго, а у насъ за русса и славянина была одна и та же вира. Этотъ фактъ въ самомъ дѣлѣ весьма важенъ для характеристики отношеній туземцевъ къ пришельцамъ въ Россіи, въ варяжскій періодъ. Но пока мы не знаемъ ничего вѣрнаго ни даже вѣроятнаго о времени и способѣ составленія „Русской Правды“, — нельзя строить на немъ теоріи. „Русская Правда“—странный, загадочный памятникъ древности, столько же важный по своему содержанію, сколько мало опредѣленный и обслѣдованный. До сихъ поръ это камень преткновенія для филологовъ, историковъ и юристовъ. Впрочемъ, допустивъ даже, что „Правда“ дѣйствительно составлена при Ярославѣ, слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка, какъ думаетъ г. Погодинъ, мы все-таки не можемъ согласиться, что „въ основаніи государства у насъ была положена любовь, а на Западѣ ненависть“ (стр. 510). Этого вовсе не слѣдуетъ изъ того, что у насъ бралась одинакая вира за русина и славянина,

а въ Европѣ разная: бо́льшая за франка, чѣмъ за римлянина. Если такое постановленіе у насъ въ Россіи принадлежитъ Ярославу—не мудрено, что и при немъ русинъ и славянинъ различались уже только по названію, а не въ самомъ дѣлѣ. Враждебность, противоположность между тѣми и другими съ славянизаціей варяговъ-Руси могла и даже должна была исчезнуть послѣ столькаго времени. Итакъ, отсюда о прежде бывшемъ заключать нельзя. Наконецъ, положимъ, что и въ древнѣйшія врем на это положеніе уже существовало и только впервые записано Ярославомъ: мы и въ этомъ случаѣ все-таки не видимъ никакой возможности объяснить его любовью, которую, какъ извѣстно, безъ положительныхъ и ясныхъ доказательствъ нельзя принимать за движущій рычагъ въ исторіи народовъ, особливо разноплеменныхъ, еще грубыхъ и неустроенныхъ. Предложимъ здѣсь нѣсколько разныхъ возможныхъ объясненій.

Во-первыхъ, мы знаемъ, что варяги, пришедшіе къ намъ, не помышляли основать государство, не помышляли даже занять землю и твердо сѣсть на одномъ мѣстѣ. Это сдѣлалось какъ будто случайно, нечаянно, отчасти, можетъ быть, противъ ихъ воли. При такомъ положеніи вещей варяги-Русь не могли и подумать объ опредѣленіи своихъ гражданскихъ и юридическихъ отношеній къ туземцамъ,—отношеній, которыя необходимо рождаются съ осѣдлостью и поземельною собственностью. Единственное отношеніе, существовавшее между ними,—дань была опредѣлена, да и той взималось иногда больше, нежели сколько слѣдовало. Вотъ почему, какъ намъ кажется, противоположность между пришельцами и туземцами не могла обозначиться рѣзко, выпукло. Между ними, несмотря на то, что дружина у насъ удержалась, не было безпрестанныхъ, постоянныхъ отношеній. Воинственная шайка жила грабежемъ, при столкновеніяхъ, вѣроятно, не щадила жителей городовъ и селъ, но она безпрестанно переходила съ мѣста на мѣсто, проводила время въ походахъ. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять на первый взглядъ странное уравненіе въ вирахъ русина съ славяниномъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ вѣроятіямъ убіеніе дружинника-русса наказывалось не гражданскими, вирою, а войной, истребленіемъ убійцы и грабежомъ его имущества; напротивъ, оскорбленіе славянина руссомъ оставалось, по крайней мѣрѣ часто, безъ всякаго возмездія и наказанія. Замѣтимъ, что законъ не говоритъ ни слова объ убіеніи славянина руссомъ, или русса славяниномъ, а просто объ убіеніи того и другого. Тожество виры за русса и славянина, при почти несуществующихъ между обоими постоянныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, и слѣдовательно, при невозможности выработаться живому сознанію взаимной противоположности, – явленіе очень естественное и простое. Оно свидѣтельствуетъ о неопредѣленности тогдашняго быта, о крайней его негражданственности, никакъ не болѣе. Равнодушіе, безсознательность, а не любовь родили этотъ законъ, которому такъ старается г. Погодинъ придать смыслъ, какого онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Но что противоположность между руссами и славянами была и что при другихъ условіяхъ она могла развиться въ сословное или другое рѣзкое гражданское отличіе — это видно изъ сказки о парусахъ шелковыхъ и холстинныхъ на норманскихъ и славянскихъ лодкахъ.

Во-вторыхъ, нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что опредѣленіе виръ за лица, исчисленныя въ „Правдѣ“, составлено не вдругъ, а постепенно, т.-е., что вира опредѣлена для всѣхъ нихъ не сразу, а въ разныя времена, и въ „Правдѣ“ эти различныя законодательныя постановленія только собраны въ одну статью. Съ этой точки зрѣнія уравненіе славянъ съ руссами въ отношеніи къ вирамъ объясняется еще лучше, естественнѣе: суда по взаимнымъ отношеніямъ варяго-руссовъ и славянъ, это уравненіе должно было возникнуть поздно, когда варяги усѣлись на мѣстѣ, что̀ совпадаетъ съ утратою ими рѣзкой особенности, національности и смѣшеніемъ ихъ съ славянами.

Предложимъ, наконецъ, и третье, тоже довольно вѣроятное объясненіе. Мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ наши князья укрѣпляются, они утрачиваютъ, мало-по-малу, свой воинственный характеръ и становятся болѣе правителями, нежели предводителями дружинъ. Таковъ уже Владиміръ. Онъ входитъ во внутреннее управленіе, печется о дѣлахъ земскихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и отношенія его къ дружинѣ; онъ болѣе повелитель, начальникъ, чѣмъ товарищъ, соратникъ своихъ дружинниковъ. На новыхъ выходцевъ съ сѣвера онъ смотритъ недовѣрчиво, обращается съ ними, какъ съ чужими, а не какъ съ братьями. Очень естественно, что ему не могло представляться такъ рѣзко различіе

между славянами и руссами, какъ его предшественникамъ; онъ былъ уже менѣе предводитель дружины, чѣмъ господинъ надъ своими владѣніями, и въ руссахъ и въ славянахъ равно видѣлъ своихъ подвластныхъ.

Въ Ярославѣ эти черты выступаютъ еще рѣзче. Очень естественно, что ему и не пришла въ голову мысль различать въ правахъ руссовъ и славянъ, которые одинаково ему служили и повиновались. Словомъ, уравненіе ихъ въ отношеніи къ вирамъ весьма легко могло быть прямымъ дѣйствіемъ возрастающей княжеской власти.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло объясняется гораздо естественнѣе, вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, нежели посредствомъ *любви*, невозможнаго ингредіента въ первоначальныхъ отношеніяхъ славянъ и варяговъ. Еслибъ племена, призывавшія варяговъ-руссовъ, даже выговорили себѣ гражданское равенство съ пришельцами—все-таки это было бы не дѣломъ любви, а дѣломъ юридической предусмотрительности въ нашихъ предкахъ, дѣломъ осторожности, недовѣрчивости.

На страницѣ 510 авторъ говоритъ: „Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ), отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя“. Особенно удивительнаго мы въ этомъ ничего не видимъ. Напротивъ, было бы изумительно и невѣроятно, еслибъ отличія историческія, фактическія, шли въ разрѣзъ съ физическими и нравственными. И тѣ и другія условія, взаимно дѣйствуя другъ на друга, производятъ то цѣлое, которое анализируетъ наука, отыскивая причины его. Удивляться согласію, единству въ исторіи, значитъ не понимать ея главныхъ, основныхъ законовъ.

Физическія и нравственныя отличія между европейскими государствами и Россіей подмѣчены, какъ намъ кажется, очень вѣрно и очерчены удачно. Вообще, эта вторая половина статьи значительно лучше, основательнѣе первой, хотя и здѣсь опять многіе выводы кажутся намъ ложными, или слишкомъ рѣшительными.

Сначала авторъ говоритъ о пространствѣ Россіи. Оно своей огромностью мѣшало вдругъ покорить ее и властвовать надъ ней. Избытокъ земли не могъ породить за нее враждебныхъ столкновеній. Потомъ народонаселеніе, многочисленность и племенное единство славянъ должно было рано поглотить иноземный элементъ, явившійся къ намъ въ лицѣ варяговъ-Руси. У насъ они ославянились, а въ Европѣ туземцы огерманились. Съ мыслью, будто бы многочисленность славянъ дѣлала руссовъ осторожными, воздержными, и содѣйствовала къ поддержанію между тѣми и другими пріязни—мы не совсѣмъ согласны. Во-первыхъ, если отношенія опредѣлялись опасеніемъ, страхомъ, то о добромъ согласіи и пріязни не можетъ быть и рѣчи. Такая связь черезчуръ не прочна. Потомъ авторъ забываетъ, что славяне тогда не составляли одного цѣлаго, а были раздроблены на совершенно отдѣльныя племена. Необразованность и пространство мѣшали имъ соединиться между собою на общее дѣло, а поодиначкѣ они были слабѣе Руси. Вообще, такихъ тонкихъ политическихъ соображеній въ то время нечего и искать, и еслибъ варяго-руссы могли бояться славянъ, то послѣдніе легко могли бы и выжить ихъ изъ Россіи.—Потомъ авторъ обращаетъ вниманіе на заселеніе не сплошное, но раздѣленное естественными преградами, которое дѣлало невозможнымъ быстрое завоеваніе. Единственными путями сообщеній были рѣки и воды; слѣдовательно страны, лежавшія въ глуши, долго оставались независимыми. Бѣдность земли долго воздерживала пришельцевъ отъ желанія въ ней поселиться; климатъ, такъ рѣшительно опредѣляющій первоначальный бытъ народовъ, дѣлалъ славянъ уступчивыми и равнодушными. Тому же содѣйствовали географическое положеніе земли, система рѣкъ, отдаленность отъ морей, характеръ славянъ, ихъ первобытная религія, и потомъ восточное исповѣданіе, нами принятое; наконецъ, самое образованіе чисто природное, а не гражданское,—слѣдовательно, собственно говоря, отсутствіе всякаго образованія, всякой цивилизаціи. Всѣ эти причины дѣйствительно придали нашей исторіи совершенно другой характеръ, нежели какой имѣла исторія Европы, совершавшаяся подъ другими, отчасти противоположными условіями.

При исчисленіи этихъ причинъ, авторъ продолжалъ смотрѣть съ ложной точки зрѣнія, какъ началъ, хотя они и должны были, кажется, навести его на прямой путь. Что изъ всѣхъ нихъ слѣдуетъ? Конечно, не доброе согласіе между пришельцами и туземцами, но то совершенно неопредѣленное от-

ношеніе, которое показываетъ, что исторія на этомъ пространствѣ земли еще не начиналась. Во всѣхъ исторіяхъ періоду борьбы, дѣятельности, движеній, рѣзкаго опредѣленія предшествуетъ эпоха дремоты, бездѣйствія; противоположности живутъ одна возлѣ другой безъ столкновенія, и нельзя еще провидѣть, что̀ изъ нихъ будетъ и какъ онѣ взаимно опредѣлятся. Такое состояніе, строго говоря, не можетъ быть названо историческимъ, и такая жизнь—историческою жизнью. Всѣ выводы, соображенія, какъ бы они остроумны ни были, не ведутъ здѣсь ни къ чему, всего менѣе къ объясненію характера послѣдующей исторіи. Исторія теперешнихъ европейскихъ государствъ начиналась совершенно иначе. Оттого, съ самаго начала и обозначились черты, сопровождавшія ея развитіе до позднѣйшаго времени. Авторъ знаетъ, что самой церкви Европа придала свою печать, измѣнила ее сообразно съ своимъ характеромъ, тогда какъ наша осталась чистою, неприкосновенною, точно въ томъ видѣ, въ какомъ перешла къ намъ изъ Византіи.

Такъ же странными кажутся намъ слова автора, будто „новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ, т.-е. на западѣ, къ старому и гнилому“ (стр. 517). О какомъ гражданскомъ образованіи говоритъ онъ? Признаться, мы не знаемъ! Что варяги первые основали у насъ нѣчто похожее на государство и принесли съ собою какую-то тѣнь гражданскаго порядка—это правда. Но отъ этихъ слабыхъ зачатковъ до гражданскаго образованія такъ же далеко, какъ отъ земли до неба. Не забудьте, что и варяги-Русь были такіе же дикари и варвары, какъ и мы. Вся разница между ними и нами въ томъ только состояла, что они были дружинники, а мы народъ патріархальный.

Въ томъ же тонѣ, какъ и вся статья, написано и заключеніе:

„Эти различія развивались впослѣдствіи, и представили изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіей Западныхъ Государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,—противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, несмотря на усилія, преобразованія, перевороты, время... Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду, разсуждая о Русской Исторіи въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другіе, можетъ быть, драгоцѣннѣйшіе, потому что ихъ нѣтъ видѣ.— Предложу для ясности простое сравненіе: хорошо ли бъ мы поступили, еслибъ бросили рожь нашу кормилицу и принялись вездѣ сѣять маисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должны бъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи. Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другого, но смѣло можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, то-есть своей Исторіи (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западный масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ“ (стр. 517 и 518).

Дѣйствительно, русская исторія представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ, и даже теперь мы видимъ то же самое, хотя уже не столько рѣзко, какъ прежде. Но, повторяемъ, это не та противоположность, которая коренится въ одной почвѣ и можетъ быть въ двухъ величинахъ, равныхъ между собою. Это противоположность предметовъ разнородныхъ, которые потому только и совершенно различны, что рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою, ни одной точки одинаковой. Славянскій міръ и Россія, можетъ быть, по преимуществу, почва для будущаго, тогда какъ жизнь европейскихъ государствъ уже обозначилась...

Во всемъ прочемъ мы согласны съ авторомъ, но думаемъ, что, понявъ, какъ мы съ нимъ соглашаемся, онъ этого самъ не захочетъ. Прикладывать къ русской исторической жизни западный масштабъ невозможно—это вполнѣ вѣрно. Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что мы и не должны любить то, что европейскіе народы любятъ, не должны стремиться къ одному съ ними? Кажется, на это намекаетъ авторъ, по крайней мѣрѣ это его затаенная мысль. Если такъ, онъ жестоко ошибается! Отъ одного конца земли до другого всѣ народы стремятся къ одному

идеалу, только многоразличными путями. Исторія изслѣдуетъ эти условія, дѣлаетъ прозрачной оболочку, въ которую облекаются внутреннія стремленія и помыслы, сознательные и безсознательные, сознательно и безсознательно. Въ чемъ задача историка? Выяснить событіе, періодъ, эпоху, такъ, какъ будто бы мы сами въ ней жили и дѣйствовали. Если эта цѣль достигнута, мы за тысячу лѣтъ предъ симъ, въ тридевятой землѣ, увидимъ дѣйствующимъ лицомъ такого же человѣка, каковы всѣ мы грѣшные. Разница будетъ въ большей или меньшей его развитости, совершеннолѣтіи. Стремленіе человѣка къ полному, всестороннему нравственному и физическому развитію и есть движущее начало исторіи, главная причина измѣненій, реформъ и переворотовъ. Въ этомъ смыслѣ есть, конечно, и въ Россіи люди, которые смотрятъ на наше прошедшее, какъ на состояніе неудовлетворительное въ сравненіи съ послѣдующимъ, даже маловажное и во всякомъ случаѣ не заслуживающее того, чтобъ объ немъ сожалѣть, или тѣмъ менѣе желать и чаять его возвращенія. Но что нѣкоторые, по словамъ автора, отказываются отъ своей исторіи—это нелѣпость, о которой не стоитъ и говорить. Нельзя отказаться отъ того, что дѣйствительно было. Можно только судить его, судить очень строго, безпристрастно, и желать, чтобъ оно оставило по себѣ какъ можно менѣе слѣдовъ, и чтобъ эти слѣды изгладились какъ можно скорѣе.—Наконецъ, что западу нельзя быть на востокѣ, востоку на западѣ—это такая астрономическая истина, противъ которой трудно спорить, пока солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ.

Этимъ выводомъ собственно и оканчивается книга. Въ видѣ особыхъ прибавленій мы находимъ еще двѣ статьи. Одна, представляя неоспоримыя доказательства, что варяги-Русь, если не съ самаго начала, то по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, и уже съ Олега, завоевывали славянскія племена,—силится доказать, что все-таки завоеванія у насъ не было, а постепенное, мирное занятіе. Вторая содержитъ въ себѣ письмо къ академику Солнцеву о памятникахъ искусства и жизни изъ норманскаго періода. Выводъ тотъ, что изъ первыхъ трехсотъ лѣтъ нашей исторіи можно собрать и представить до ста рисунковъ. Давай Богъ! Интересно однако, что изъ этихъ памятниковъ „можетъ быть болѣе пятидесяти можно снять съ натуры ничтоже сумняся; нѣсколько должно возстановить по значительнымъ даннымъ; нѣсколько надо создать по указаніямъ лѣтописи“ (стр. 544). Конечно, г. Солнцевъ не послѣдуетъ совѣтамъ автора, ибо возсоздавать или просто создавать памятники не значитъ сообщить намъ тѣ, которые мы имѣемъ. Въ г. Погодинѣ, очевидно, говоритъ страсть къ эпохѣ, которую онъ преимущественно любитъ, а не хладнокровный, разсудительный историкъ Иначе онъ не далъ бы такого неисторическаго совѣта.

Книга напечатана исправно, хотя и не красиво. Не хорошо то, что выноски весьма часто невѣрны. Намъ случилось справляться съ нѣкоторыми, и какъ нарочно бо́льшая часть оказалась съ важными ошибками. Въ ученомъ сочиненіи это не послѣдній недостатокъ.

(Отеч Записки, 1847, кн. 1 и 3).

Историко-критическіе отрывки, М. Погодина. *Москва. 1846.*

Въ этой книгѣ, обѣщанной въ предисловіи къ „Изслѣдованіямъ, замѣчаніямъ и лекціямъ“ г. Погодина, собрано „нѣсколько разсужденій о русской исторіи, писанныхъ для журналовъ и по другимъ случаямъ въ томъ видѣ, какъ они первоначально были напечатаны“. Такъ говоритъ авторъ и мы готовы были бы повѣрить ему на слово, еслибъ въ самомъ концѣ послѣдней статьи не увидѣли нѣсколько строкъ, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи (въ „Москвитянинѣ“). Впрочемъ, мы не сравнивали прежней редакціи всѣхъ статей съ теперешней, и потому не знаемъ, много ли такихъ отступленій. Какъ бы то ни было, мы внимательно прочли всю книгу, и она произвела на насъ и пріятное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Намъ пріятно было думать, вникая въ странные силлогизмы, выводы, мысли, въ странную точку зрѣнія г. Погодина, какъ мы теперь далеко ушли отъ такого воззрѣнія, какъ оно теперь, если

не совсѣмъ исчезло, то по крайней мѣрѣ считаетъ мало прозелитовъ; тѣмъ отраднѣе была мысль, что огромная разница въ воззрѣніи между г. Погодинымъ и нами успѣла образоваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Живя, мы не замѣчаемъ, какъ неимовѣрно быстро двигаемся впередъ; только исторія литературы невольно раскрываетъ намъ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, читая „Отрывки", трудно повѣрить, что они написаны въ послѣднее двадцатилѣтіе, иные даже въ прошедшемъ году. Особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ это поразительно. Но намъ потому грустно было смотрѣть на книгу, что авторъ нашъ современникъ, ученый, пользовавшійся и теперь еще пользующійся почетнымъ именемъ въ русской исторической литературѣ. Желаніемъ опережая событія и время, мы радовались бы такому писателю временъ московскаго государства, даже періода реформы, но не второй четверти девятнадцатаго вѣка. Г. Погодинъ, какъ нашъ современникъ, приводитъ насъ къ той печальной мысли, что какъ мы ни быстро идемъ впередъ—это все еще гомеопатическіе успѣхи и на до-исторической почвѣ.

Говоря это, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь на достоинства и заслуги автора Его статьи по русской исторіи, собранныя теперь въ одно цѣлое (хотя и не всѣ), даютъ возможность обозрѣть его историко-литературную дѣятельность однимъ разомъ и оцѣнить безпристрастно. Г. Погодинъ—отдадимъ ему справедливость—былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ изслѣдователей, которые старались подойти къ фактамъ поближе и взглянуть на нихъ проще, нежели ихъ предшественники. Попытки такого рода всегда сопряжены съ большими трудностями, заключающимися въ самомъ предметѣ и въ постороннихъ обстоятельствахъ. Гораздо легче сочинить исторію, натянуть ее на нѣсколько любимыхъ мыслей, нежели понять, какъ она совершалась, тѣмъ болѣе, что для полнаго ея уразумѣнія нужны многіе предварительные труды, рядъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ и наконецъ точка зрѣнія, которую можетъ только дать время и извѣстная степень развитія народнаго сознанія; съ другой стороны, есть историческія истины, передъ которыми невольно робѣетъ мысль въ данное время; ученые авторитеты, общественное мнѣніе безсознательно зарождаютъ какую-то нерѣшимость даже въ самомъ энергическомъ, т
домъ умѣ и ослабляютъ его силы. Пр
вимъ къ этому необходимое развлеченіе
манія при изученіи предмета новаго,
обработаннаго. Вотъ съ какими непреод
мыми препятствіями долженъ у насъ боро
каждый, изучающій русскую исторію.
ними встрѣтился и г. Погодинъ. Посвя
себя этому предмету двадцать лѣтъ
назадъ, онъ долженъ былъ встрѣтить
несравненно больше, чѣмъ мы теперь.
хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ
шей исторической литературы, тотъ зна
сколько теперь напечатано матеріаловъ,
то время неизвѣстныхъ и недоступны
Предразсудковъ было несравненно бол
чѣмъ въ наше время (что не значитъ, ч
ихъ теперь было мало), и если тогда
можно было ѣсть телятину и не ходить
баню, не опасаясь за свою жизнь, то б
еще много такого, за что человѣкъ са
богобоязненный и умѣренный могъ прос
вольнодумцемъ, т.-е. стать въ положе
невыгодное во многихъ отношеніяхъ...
бавокъ, тогда еще безгранично господс
валъ авторитетъ Карамзина, который,
всѣхъ своихъ великихъ и вѣчно-незаб
ныхъ заслугахъ для русской исторіи, в
въ нее совершенно противоестественное
зрѣніе. Задавъ себѣ невозможную задач
изложить русскую исторію фактически вѣ
но съ точки зрѣнія западно-европейской и
ріи, онъ выполнилъ ее такъ блистател
умѣлъ такъ искусно сочетать взглядъ и фа
противорѣчащіе другъ другу, взятые изъ
вершенно разнородныхъ слоевъ жизни,
даже до сихъ поръ, несмотря на испо
скіе шаги впередъ, мы не можемъ еще
вершенно освободиться отъ обаянія, нак
наго на насъ „Исторіею Государства Рос
скаго". Тайна этого очарованія, можетъ б
не столько скрывалась въ тогдашнемъ
тическомъ незнаніи нашей исторіи (какъ
ни было велико), сколько въ духѣ и обс
тельствахъ времени. Чувство національ
гордости было тогда возбуждено въ выс
степени великими событіями; но это чувс
проникавшее преимущественно образован
классы общества, перейдя въ сознаніе, дол
было принять характеръ Петровой эп
которую мы доживали. Болѣе чѣмъ в
либо мы увѣрились, что мы европейц
стоимъ съ ними на одной степени. Иде
по которому мы себя цѣнили, былъ еще

насъ. Весьма естественно, что писатель, взглянувшій съ этой точки на наше прошедшее, при другихъ большихъ достоинствахъ, возбудилъ сильное сочувствіе и глубоко подѣйствовалъ на общество. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Карамзинъ является представителемъ цѣлой эпохи нашего умственнаго и нравственнаго развитія. Въ его время мысль Петра совершилась и на дѣлѣ и въ сознаніи. Въ политическомъ отношеніи, мы сравнялись съ европейскими народами и радовались этому, и думали, что главная цѣль достигнута и намъ остается только идти впередъ на томъ же пути. Тѣ, которые искали для жизни новыхъ выходовъ, открывали уже собою другой періодъ...

Г-нъ Погодинъ былъ изъ первыхъ, которые начали упрощать натянутое воззрѣніе Карамзина. Вдругъ за все взяться не было возможности. Воздвигнутое зданіе надобно было подтачивать понемногу, по частямъ. Оттого воспреобладало критическое направленіе, въ которомъ г. Погодинъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Странно, когда подумаешь, что тотъ же ученый изслѣдователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро; такъ скоро стало вывѣтриваться и ветшать снаружи великолѣпное, изнутри призрачное строеніе русской исторіи, что г. Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ (не по изысканіямъ, а по взгляду) продолжателей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики Карамзинскаго воззрѣнія. Ему показалось, что пошли уже слишкомъ далеко, и онъ понялъ, что стоитъ ближе къ прежнему, чѣмъ къ новому. Къ быстротѣ самой перемѣны въ мнѣніяхъ, происшедшей у насъ, присоединилось и много другого, вслѣдствіе чего г. Погодинъ долженъ былъ скоро отстать отъ современнаго движенія. Въ числѣ главныхъ причинъ мы считаемъ путь, который былъ имъ избранъ, пріемъ, съ которымъ онъ взялся за дѣло. Г-нъ Погодинъ, какъ и многіе другіе, отдался частностямъ, имъ посвятилъ себя. Онъ повелъ аттаку на отдѣльные пункты, и, употребивъ на это всѣ силы, забылъ главное — цѣлое прошедшее воззрѣніе, которое нужно было измѣнить съ корня; можетъ быть, даже онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и только смутно предчувствовалъ недостатки существующихъ понятій, почему и обратился къ критикѣ отдѣльныхъ событій, какъ они разсказаны у Карамзина. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что новое воззрѣніе никогда не является вдругъ послѣ стараго, а есть результатъ, добываемый постепенно и возникающій уже на развалинахъ. Въ періодъ дѣятельности г. Погодина всѣ наши критики, болѣе или менѣе недовольные Карамзинымъ и господствовавшими въ то время понятіями о русской исторіи, растратили такимъ образомъ свои силы надъ частностями. Общее потеряно изъ вида. Возникли споры, партіи, вражды, которыя ни къ чему не привели, потому что мысль, ихъ породившая, была забыта. Вышло подъ конецъ, что когда новѣйшее поколѣніе, видя безплодную борьбу, осмѣлилось напомнить и высказать въ чемъ главная задача и какъ она должна быть поставлена и разрѣшена, ее встрѣтили холодно и сурово: первые дѣятели, указавшіе ей путь, сбились съ дороги и враждовали, спорили на поприщѣ археологіи, далеко отдалившись отъ исторіи, главнаго театра дѣйствій, откуда возникли вопросы и неудовлетвореніе. Мы высказали здѣсь свое мнѣніе объ историко-литературной дѣятельности г. Погодина, чтобы показать, съ какой точки зрѣнія должно, какъ намъ кажется, смотрѣть на его „Отрывки“, изданные теперь въ свѣтъ. Можетъ быть, г. Погодинъ съ нами не согласится; можетъ быть, онъ найдетъ странною мысль, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ опровергать взглядъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Рѣзко это потому только не выдается, что г. Погодинъ, очень удачно нападая на Карамзина въ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ историческихъ, остался при немъ въ цѣломъ, и такъ не понялъ или забылъ свое призваніе въ русской исторической литературѣ.

Въ составъ разбираемой нами книги вошло пятнадцать статей, писанныхъ по разнымъ случаямъ. Первыя изъ нихъ по времени — статьи: „О характерѣ Іоанна Грознаго“, написанная въ 1825, объ „Отрепьевѣ“ и „Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія“, въ 1827 году. Послѣднія: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала“ и „За русскую старину“, впервые на-

печатаны въ „Москвитянинѣ“ въ 1845 году. Онѣ расположены по хронологическому порядку событій и лицъ, къ которымъ относятся. Но мы станемъ разбирать ихъ въ той преемственности, какъ онѣ выходили, потому что для насъ развитіе самаго автора гораздо интереснѣе того, что̀ онъ сказалъ; историческія мнѣнія г. Погодина имѣютъ большій интересъ литературный, нежели объективный; они теперь сами предметъ исторіи.

Статья „О характерѣ Іоанна Грознаго“ вся критическая. Она дышетъ тѣмъ временемъ, когда авторъ приступилъ къ дѣлу съ свѣжими силами, ставилъ вопросительные знаки на листахъ „Исторіи Государства Россійскаго“ и не могъ удовлетвориться ея рѣшеніями и объясненіями. Первыя слова статьи очень замѣчательны:

„Нѣтъ ничего труднѣе (говоритъ авторъ) какъ освобождаться отъ предразсудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ. Мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ—есть необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе“ (стр. 227).

Такъ писалъ авторъ въ 1825 году. Мы увидимъ, что послѣ онъ говорилъ уже совсѣмъ другое.

Главная тема, которую развиваетъ статья (раздѣленная на двѣ части), въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ былъ идеаломъ царя съ чудеснаго своего обращенія до смерти Анастасіи, и извергомъ съ этого времени по свою кончину; но это несправедливо: такое превращеніе неестественно; „Іоаннъ никогда не былъ великъ“. Пока его характеръ не сложился окончательно, его прибрали въ руки люди благонамѣренные, искавшіе пользы и славы Россіи. Не Іоанну, а имъ обязана она тѣмъ великимъ и прекраснымъ, что̀ тогда сдѣлано. Возмужавъ, Іоаннъ началъ тяготиться строгой зависимостью, въ которую былъ поставленъ; этимъ воспользовалась другая партія, которая помогла ему выйти изъ подъ тягостной нравственной опеки и дала возможность дурнымъ его свойствамъ развиться до той уродливости и безобразія, въ какихъ они потомъ выразились. Самъ по себѣ, Іоаннъ былъ человѣкъ ничтожный и слабый до трусости. Впрочемъ, его жестокости, неслыханное тиранство объясняются и отчасти оправдываются воспитаніемъ, временемъ, въ которое онъ жилъ, и окружающими обстоятельствами.

Очевидно, значеніе и характеръ Грознаго не поняты. Можно спорить о его характерѣ и психологическомъ развитіи, но назвать его ничтожнымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Теперь это ясно какъ день, и потому не стоитъ доказывать. Мы думаемъ, что и самъ авторъ находитъ теперь свой приговоръ черезчуръ рѣзкимъ. Но замѣтимъ, что эта несправедливость имѣетъ весьма важное значеніе по источнику, изъ котораго она вытекла. Г-на Погодина поразила неестественность характера Іоаннова у Карамзина. Въ самомъ дѣлѣ, восьмой и девятый томъ—одна изъ самыхъ слабыхъ частей сочиненія исторіографа. Г. Погодинъ старался найти ключъ къ этой загадкѣ, наполнить пропасти, раздѣляющія различныя эпохи жизни Грознаго, открыть связь между свѣтлой и темной стороной его царствованія,—словомъ, возсоздать ту преемственность, постепенность измѣненій, которая необходимо присуща всему живому. Дурно или хорошо онъ выполнилъ задачу, это другой вопросъ. Главное то, что г. Погодинъ объявилъ здѣсь себя противникомъ чудеснаго въ исторіи, защитникомъ прямого, естественнаго взгляда на жизнь, какъ она есть, и это-то особенно важно. Полемизируя противъ Карамзина, ученый авторъ статьи показываетъ, что исторіографъ произвольно разставлялъ факты, группировалъ ихъ какъ ему было нужно для его цѣлей, наперекоръ хронологіи и фактической послѣдовательности. Это ни то, ни се, въ которое преобразился чудесный Іоаннъ Карамзина у г. Погодина, было шагомъ впередъ въ нашей исторической критикѣ, хотя оно еще неизмѣримо далеко отстояло отъ исторической истины.

Въ такомъ же родѣ и двѣ другія статьи, написанныя два года спустя послѣ этой, а именно: объ убіеніи царевича Димитрія и о первомъ самозванцѣ. Въ первой авторъ доказываетъ, что, на основаніи доселѣ извѣстныхъ историческихъ данныхъ, нельзя говорить положительно объ убіеніи царевича Димитрія по приказанію Годунова. Полемика противъ Карамзина и здѣсь очень остроумна, мѣстами очень удачна. Доводы г. Погодина такъ сильны, что въ самомъ дѣлѣ нельзя еще считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. До какой степени онъ важенъ въ рус-

ской исторіи, мы не станемъ теперь говорить; но онъ возникъ изъ того же желанія г. Погодина возстановить цѣльность, органическое единство замѣчательной личности Бориса, на что Карамзинъ обратилъ слишкомъ мало вниманія. Годуновъ, великій, просвѣщенный государь, не могъ быть низкимъ убійцей,—вотъ основная мысль г. Погодина. Если она и несправедлива, то требованіе отъ исторіи, которое она выражаетъ, очень важно и вѣрно. Менѣе интересна, но не безъ достоинствъ статья объ Отрепьевѣ.

„Какъ у молодаго русскаго дьякона, въ блистательное царствованіе могущественнаго Бориса, среди Москвы, могла зародиться въ головѣ мысль, безумная и несбыточная, принять имя Царевича, въ гибели котораго четырнадцать лѣтъ никто не сомнѣвался?“

Этими словами начинается статья. Г. Погодинъ выставляетъ и защищаетъ предположеніе, что „первую мысль дали самозванцу іезуиты“. Послѣ явилось другое предположеніе не менѣе вѣроятное, что онъ былъ органомъ нѣкоторыхъ боярскихъ родовъ, противопоставившихъ его Борису, которымъ были недовольны по многимъ причинамъ. Какъ бы то ни было, достоинство этой статьи чисто критическое, и несмотря на различіе предметовъ, она развиваетъ ту же мысль, которая видна и въ двухъ предыдущихъ: непонятное, безсвязное, баснословное въ нашей исторіи вызываетъ ученаго изслѣдователя на догадки, разборъ существующихъ представленій и обличеніе ихъ несообразности съ здравымъ разсудкомъ и естественнымъ, необходимымъ порядкомъ вещей.

До сихъ поръ г. Погодинъ является критикомъ. Въ 1831 году, по поводу важныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Польши, онъ написалъ статью болѣе политическаго, нежели историческаго содержанія, подъ заглавіемъ „Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи“. О ней предоставляемъ судить другимъ. Скажемъ только, что она насъ еще болѣе убѣдила въ старой мысли, что историки не всегда бываютъ вмѣстѣ и хорошіе политики... Отсутствіе собственно историческаго смысла въ статьяхъ, нами указанныхъ, особенно въ статьѣ объ Іоаннѣ Грозномъ и другихъ,—въ послѣдующихъ проступаетъ уже гораздо рѣзче. Сначала оно выкупалось критической стороной сочиненій; но когда она ослабѣла, и г. Погодинъ началъ прагматизировать, оказалось, что онъ ни на шагъ не ушелъ дальше Карамзина. Скажемъ болѣе: г. Погодинъ къ недостаткамъ Карамзинскаго взгляда присоединилъ еще нѣсколько и отъ себя. Надежды, которыя подавалъ молодой ученый, должны были разрушиться. Доказательствомъ служитъ „Взглядъ на русскую исторію“, изложенный авторомъ на вступительной лекціи въ 1832 году.

„Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая (такъ начинаетъ авторъ) представляетъ собою высокое поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякій народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ его предначертаній“.

Послѣ этой фразы, столько общей, что изъ нея трудно вывести что-нибудь, г. Погодинъ переходитъ къ Россіи. Здѣсь, какъ водится, прежде всего поражаетъ его „пространство, какого не занимала ни одна монархія въ свѣтѣ“, единство происхожденія племенъ, ее занимающихъ, „которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ, слѣдовательно, одинъ образъ мыслей“ (?), далѣе ихъ единство религіозное, множество единоплеменныхъ съ ними народовъ внѣ имперіи,—народовъ, „которые составляютъ съ ними одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка“; наконецъ вещественныя и невещественныя силы, „богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, коими мы можемъ надѣлить Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ“ (?). Въ дѣйствіяхъ Россіи авторъ видитъ необычайное: такова година Наполеонова вторженія въ наши границы. „Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе“, восклицаетъ авторъ, „освободивъ Европу отъ такого врага, низложивъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего-нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспаривать ея первенство, кто помѣшаетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ?“ Въ перечисленіи разныхъ европейскихъ народовъ, которые не могутъ съ нами соперничать, намъ особенно понравилось, что германскія владѣнія названы нашими пятидесятыми губерніями. О каждой изъ европейскихъ странъ авторъ нашелся что сказать, хоть и не всегда впопадъ; не знаю, почему Германія его затруднила, и онъ

счелъ за лучшее, предваряя своимъ взглядомъ событія, включить ее въ будущія границы имперіи.

Обращаясь отъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ силъ государства къ его исторіи, авторъ видитъ въ ней одинъ интересъ: „какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ". Итакъ, политическая исторія, внѣшняя, а не внутренняя, обратила на себя особенное вниманіе автора. Отъ критика Карамзина мы въ правѣ были ожидать бо́льшаго, и тѣмъ справедливѣе наши требованія, что государственную исторію Россіи до XVII вѣка Карамзинъ изложилъ превосходно, классически. Недостатокъ внутренней исторіи и есть то, что̀ чувствуется особенно сильно послѣ трудовъ незабвеннаго историографа; отсюда-то должно развиться совершенно новое воззрѣніе на древнюю и теперешнюю Россію; отсюда долженъ произойти совершенный переворотъ въ нашей исторической литературѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи. Конечно, воскресить эту внутреннюю исторію, разглядѣть и уразумѣть всѣ ея черты,—дѣло очень трудное; такого труда мы не въ правѣ требовать отъ всякаго. Но насъ удивляетъ, что авторъ не поставилъ даже вопроса, не взглянулъ на нашу исторію глубже своего знаменитаго предшественника, особливо имѣя передъ глазами европейскіе образцы въ этомъ родѣ. Ясно, что г. Погодинъ не стоялъ въ уровень съ задачей, которая ему предстояла, и потому, недовольный частностями въ исторіи Карамзина, онъ остался ею доволенъ въ главномъ и цѣломъ. Этимъ объясняется, почему авторъ пребылъ въ старой колеѣ; онъ безпрестанно сближаетъ наши событія съ событіями европейской исторіи, показываетъ ихъ параллельность и въ то же время несходство—и, разумѣется, нисколько не уясняетъ нашей исторіи, ибо этотъ методъ крайне недостаточенъ: подавая поводъ къ остроумнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, онъ, какъ игра ума и воображенія, а не дѣйствительное пониманіе, только затемняетъ вопросъ и отдаляетъ его разрѣшеніе. Мы находимъ въ статьѣ г. Погодина мысли теперь уже давно извѣстныя, но, конечно, въ то время еще новыя и потому поражавшія своею оригинальностью,—мысли, что въ Европѣ было завоеваніе, а у насъ нѣтъ, отчего и исторія получила различное развитіе; что Европа—преемница Западной Римской имперіи, а мы—Восточной; что тамъ былъ феодализмъ, а у насъ удѣльная система; что у насъ монгольское иго во многихъ отношеніяхъ имѣло одинаковыя послѣдствія съ крестовыми походами Европы; что Петръ Великій замѣнилъ намъ реформацію, и т. д. Разумѣется, при этомъ не забыто отсутствіе у насъ укрѣпленныхъ замковъ, иное основаніе городовъ, иное происхожденіе сословій, чѣмъ въ Европѣ,—доступность правъ для всѣхъ, исключительное положеніе правительства, которое двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія? А что онъ извращаетъ понятія, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на нее сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами,—это видно изъ одного простого соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе,—и весь смыслъ исторіи потерянъ. Пожалуй, можно еще провести параллель между дьяками Іоанна III и IV и юристами Филиппа Краснваго, между общинными вольностями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ: иначе не для чего было бы ихъ дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямотой, свойственною нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже современной ей Европы.

Такое мнѣніе—геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его примѣненіи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого себя, и новое изученіе фактовъ уже извѣстныхъ, не съ ихъ внѣшней, а внутрен-

ней стороны. Онъ уже и начался. Глубже вникая въ настоящее и прошедшее, мы постепенно убѣждаемся, что, несмотря на видимое, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи,— такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Теперь мы начинаемъ понимать, что фактъ, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значитъ и совершенно непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, которымъ внѣшнія событія служатъ или выраженіемъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этимъ новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаетъ первоначальный бытъ славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ общественности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и простодушно вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьезенъ: грядущія поколѣнія, можетъ быть, разсудятъ иначе.

Удерживаясь постоянно на заманчивой, обольстительной точкѣ внѣшняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидать въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый резу..ьтатъ другого.

„Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли“ (стр. 10).

Для русской исторіи необходимо было, чтобы варяги основали государство на югѣ,— и Олегъ поселился въ Кіевѣ; нужно было подновить у насъ греческое вліяніе — и Іоаннъ III женился на Софіи, изъ дома Палеологовъ; нужно было утвердиться единовластію — и вотъ удѣльные князья начали такъ быстро вымирать, что Москва насилу успѣвала присоединять къ себѣ ихъ наслѣдства; цѣлыя государства такъ и стремились къ намъ, и вслѣдствіе „какого-то естественнаго тяготѣнія“; монгольское иго исчезло какъ-то само собою; раздробленныя части Орды присоединились къ намъ „не столько неволею, сколько волею“. Словомъ, все въ нашей исторіи и дивно и чудно!

„И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Дмитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ, безъ перваго произшествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра„ (стр. 12).

Такъ же таинственно-чудесна жизнь Петра Великаго:

„Лефортъ, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то есть, бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій“ (стр. 13).

Итакъ далѣе. Всего нельзя выписать, не переписавъ статьи цѣликомъ. И ни одного раза не пришло атору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, на оборотъ!..

Какъ страна чудесъ, Россія должна, если не превосходить другія земли, то по крайней мѣрѣ не уступать имъ во многомъ. О политической силѣ, вещественныхъ богатствахъ было уже говорено прежде. Но этого мало: едва-ли какая исторія представитъ цѣлый рядъ такихъ людей, какіе дѣйствовали у насъ отъ Іоанна III до Петра, не говоря уже объ немъ; русская исторія—„цѣлый курсъ психологіи въ лицахъ“. Самая исторія нашихъ дѣйствующихъ лицъ необыкновенна; „простое повѣствованіе о судьбѣ Бориса, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не могло бъ создать богатое воображеніе Вальтеръ-Скотта“ (стр. 15); „наши древнія дипломатическія сношенія — училище для негоціаторовъ“; наши древніе дипломаты едва-ли уступятъ европейскимъ; „до сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравни-

вать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами" (стр. 15). Читатель никакъ, вѣроятно, не ожидаетъ, чѣмъ все это кончится. „Россійская Исторія", говоритъ авторъ, „можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія".

Вы спросите: да какъ же дошелъ авторъ до такого страннаго результата? Вотъ его слова:

„Не часто ли случается намъ слышать восклицанія: зачѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень и что пересаживать чужія растенія, какъ бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, но крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преисполнились бы благодарностію къ Промыслу за свое удѣльное счастіе" (стр. 16).

Читатели видятъ, что г. Погодинъ часто смѣшиваетъ политику съ исторіей, и что это смѣшеніе не всегда ему удается...

Допустимъ на минуту, что въ статьѣ много дѣльнаго, по крайней мѣрѣ есть спорные пункты, о которыхъ можно различно говорить, судя по точкѣ зрѣнія. Но цѣлое — что это такое? Сказано много, но гдѣ же взглядъ? Сдѣлано ли хоть сколько нибудь для уясненія, уразумѣнія предмета? И это была вступительная лекція въ курсъ русской исторіи въ 1832 году!

Ни чуть не лучше „Очеркъ русской исторіи". Это перечень событій, поставленныхъ одно возлѣ другого безъ связи и написанныхъ языкомъ немножко шероховатымъ. Вотъ для примѣра одно мѣсто:

„Сцена Исторіи переносится на Сѣверовостокъ.

„Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Туда, и къ великому хану, къ истокамъ Амура, ѣздятъ наши князья за ярлыками на княженіе.

„Монголы посадили насъ на оброкъ.

„Князья сдѣлались ихъ прикащиками, и Вѣча съ прочими обычаями временъ древнихъ уничтожены" (стр. 25).

Или:

„Древнему Духовному противупоставлено новое свѣтское

„Основаніемъ Петербурга (1703), утверждено сообщеніе съ Европою.

„Подъ Полтавою отнято у Шведовъ первенство на Сѣверѣ и завоевано Императорство" и т. д. (стр. 32).

Статья „О формаціи Государства" была уже напечатана въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ" г. Погодина. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія оно будетъ разсмотрѣно подробно [1]). Здѣсь замѣтимъ, что она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, но относится уже къ другому періоду литературной дѣятельности автора, когда онъ, не успѣвъ понять древней русской исторіи и не могши удержаться на критическомъ воззрѣніи, болѣе чѣмъ прежде вдался въ какое-то мистическое созерцаніе историческихъ событій. Наука, по природѣ своей прозаическая, свѣтская, черпающая свои вдохновенія изъ голой истины, много отъ этого потерпѣла.

Статья „о Москвѣ" написана въ 1837 году и тогда же была напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Здѣсь разсказана политическая исторія постепеннаго возростанія и усиленія древней столицы изъ малаго удѣльнаго городка въ средоточіе Русскаго Царства. И въ этой статьѣ г. Погодинъ является не критикомъ, не глубокимъ изслѣдователемъ событій, а созерцателемъ таинственныхъ судебъ царственнаго города. Окончивъ особенную исторію Москвы княженіемъ Іоанна III, авторъ говоритъ:

„Разсматривая ихъ (происшествія) внимательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому ли естественному ихъ ходу, въ которомъ одно истекло кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ постороннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а съ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли" (стр. 152). „Не чудесно ли стеклись обстоятельства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличился бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размножились князья въ Московскомъ княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступили же междоусобія у Монголовъ, въ малолѣтство Дмитрія, и случились твердые, умные бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Витовту родился Василій. Москва возмужала ко времени княженія Темнаго. Въ какое благопріятное время умеръ дядя его Юрій! И вотъ что достопримѣчательно: всѣ болѣзни посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, какъ будто бы только для ея вразумленія, указанія, воспитанія" (стр. 153 и 154).

[1]) См. выше, стр. 95 и слѣд.

Такія же мысли разсѣяны и въ самомъ историческомъ разсказѣ. Въ нихъ заключалось то роковое противодѣйствіе другому, критическому направленію автора, которое и помѣшало ему подвинуть впередъ изученіе русской исторіи, несмотря на таланты, знанія.

Въ 1838 году, по поводу мѣстническихъ дѣлъ, открытыхъ и напечатанныхъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, г. Ивановымъ, г. Погодинъ написалъ двѣ статьи объ мѣстничествѣ и напечаталъ ихъ въ томъ же сборникѣ. Третья помѣщена въ 1842 году въ „Москвитянинѣ“ и не есть собственно статья, а собраніе дополнительныхъ матеріаловъ по этому предмету, съ коротенькими замѣтками о ихъ важности. Разсужденіе г. Погодина объ этомъ столько многозначительномъ предметѣ въ нашей древней исторіи,— предметѣ, который такъ характеризуетъ древнюю Русь, такъ разоблачаетъ закрытыя начала, на которыхъ она стояла,—не безъ интереса, хотя и стоитъ ниже трудовъ г. Валуева по той же части. И здѣсь, какъ и вездѣ мы находимъ при общемъ обозрѣніи мѣстничества безплодное сравненіе явленій европейской общественности съ нашими:

„Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и понятіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соотвѣтствія ему въ нашемъ мѣстничествѣ, которое впрочемъ касалось только до службы, до общественныхъ званій и рѣшалось не дуэлями, а Царскими приговорами. (Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту параллельность, аналогію явленій Европейскихъ съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ)“ (стр. 174).

Послѣ того, г. Погодинъ доказываетъ, вопреки Карамзину, и весьма основательно, что мѣстничество было у насъ гораздо прежде Іоанна III (это ясно даже a priori, безъ положительныхъ данныхъ). По мнѣнію автора, оно было „московскимъ продолженіемъ удѣльной системы“, которая выражалась уже „не въ землѣ, не во владѣніи тѣмъ или другимъ, большимъ или меньшимъ городомъ, а въ значеніи при дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, т. е. въ мѣстахъ правительственныхъ, военачальственныхъ, придворныхъ“ (стр. 181). Мѣстничество, какъ извѣстно, уничтожилъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, но оно продолжало жить въ обычаяхъ, пока Петръ Великій не разрушилъ его табелью о рангахъ. При немъ честь служебная удержана, но родовой элементъ въ ней долженъ былъ исчезнуть и личная способность къ службѣ замѣнить родовое преимущество. Весь этотъ обзоръ довольно хорошъ, мѣстами даже очень удаченъ. Вторая статья изслѣдываетъ самые законы мѣстничества. Авторъ выводитъ, что въ древней Россіи была постепенность между должностями, въ родѣ теперешней лѣстницы чиновъ; съ другой стороны, счетъ между членами одного рода производился по нисходящей линіи. Какъ въ службѣ, такъ и въ родѣ считались мѣстами. Такимъ образомъ, мѣстническіе счеты состояли въ сравненіи службы и родоваго старшинства предковъ тѣхъ лицъ, которыя считались, и каждый разъ, когда при назначеніи въ службу извѣстныя лица не находились между собою въ такихъ же отношеніяхъ по мѣстамъ, въ какихъ бывали ихъ предки, являлся поводъ къ спорамъ и жалобамъ. Вообще статья, какъ первый опытъ на новомъ поприщѣ— недурна. Главный ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что различныя положенія, которыми условливалось мѣстничество, ничѣмъ не связаны между собою; связь ихъ не открыта авторомъ, хотя это и не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ что, между прочимъ, помѣшало г. Погодину понять настоящее значеніе мѣстничества и древней Россіи, въ которой такое явленіе было возможно. Еслибъ авторъ не смотрѣлъ на него какъ археологъ, а взглянулъ глазомъ историка, онъ увидѣлъ бы въ немъ очень много, и не подумалъ бы отыскивать аналогическихъ явленій въ европейской исторіи, ибо между мѣстническимъ счетомъ и рыцарскою дуэлью такая безконечная разница, что никто, хорошо понимающій исторію, не рѣшится ихъ сравнивать.

Мы видѣли, разбирая эту статью, что г. Погодинъ выводитъ мѣстничество изъ удѣльной системы. Основываясь на этой мысли, авторъ пришелъ къ другой, не менѣе остроумной и до извѣстной степени вѣрной, что мѣстничествомъ можетъ быть объяснена система удѣловъ. Результатомъ этой мысли были двѣ статьи „о старшинствѣ между великими князьями древней Руси“, напечатанныя первоначально въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ въ 1840 и 1844 годахъ. Въ нихъ г. Погодинъ доказы-

ваетъ, что „старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву“, но что оно, при размноженіи рода, необходимо должно было подвергнуться ограниченіямъ. Такимъ ограниченіемъ является вотчинное право, или начало, вслѣдствіе котораго сынъ имѣлъ право только на то владѣніе, которое держалъ отецъ. Этимъ объясняетъ г. Погодинъ, почему родъ Святославичей потерялъ старшинство передъ Всеволодовичами, хотя Святославъ и былъ старше Всеволода: первый не былъ великимъ княземъ и владѣлъ Кіевомъ незаконно, еще при жизни Изяслава. Другое ограниченіе родоваго старшинства состояло въ установленіи счета между дядями и племянниками, вслѣдствіе чего племянникъ могъ быть не только равенъ дядѣ, но даже старше его. Это обстоятельство, открывающееся изъ мѣстническихъ счетовъ, можетъ, по мнѣнію г. Погодина, объяснить многія событія въ удѣльномъ періодѣ, безъ того непонятныя: вступленіе Мстислава Владиміровича Мономаховича на кіевскій престолъ помимо младшихъ сыновей Святополка; назначеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ на кіевскій престолъ по смерти своей старшаго племянника, Мстислава Изяславича, помимо всѣхъ дядей, и т. д. Эти выводы очень любопытны; какъ изслѣдованіе, статья имѣетъ большія достоинства. Жаль только, что и въ этомъ случаѣ г Погодинъ является тоже не историкомъ, а археологомъ, болѣе и болѣе отдаляясь отъ своего настоящаго призванія. Статья г. Соловьева о томъ же предметѣ, помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ“, удовлетворяетъ насъ гораздо болѣе, хотя и она имѣетъ свои важные недостатки. Оба писателя остановились на явленіи, не проникая далѣе, и потому не могли замѣтить много такого, чѣмъ и удѣлы, и мѣстническія отношенія объясняются весьма просто; но статья г. Соловьева представляетъ постепенное развитіе, измѣненіе понятій о старшинствѣ, показываетъ, какъ это измѣненіе старалось узаконить себя юридическими вымыслами, чего мы не находимъ у г. Погодина. Оттого, сколько мы понимаемъ въ этомъ дѣлѣ, послѣдній правъ въ своей основной мысли только въ половину: мѣстническіе счеты дѣйствительно поясняютъ княжескія отношенія въ періодъ удѣловъ, какъ, наоборотъ, мѣстничество возникло изъ удѣльныхъ отношеній; но эта связь между тѣмъ и другимъ историческимъ явленіемъ простирается только на вторую половину періода удѣловъ, когда появились счеты между дядями и племянниками о старшинствѣ. Возможность такихъ счетовъ была важнымъ шагомъ впередъ въ древней Россіи: она ослабила родъ и приготовляла упадокъ исключительно кровныхъ отношеній, на которыхъ былъ основанъ весь нашъ бытъ въ тѣ времена. Напротивъ, въ первой половинѣ періода удѣловъ, родовое начало господствовало почти исключительно, хотя и недолго, по совершенному отсутствію юридической опредѣленности, характеризующему старую Русь; слѣдовательно, о примѣненіи къ первымъ временамъ между-княжескихъ отношеній счетовъ и понятій мѣстническихъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Погодинъ ихъ и не прикладываетъ; но онъ, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отдѣляетъ между собою различные фазисы удѣльнаго періода и княжескихъ отношеній, не говоря уже о томъ, что о значеніи удѣльныхъ отношеній въ русской исторіи не находимъ даже намековъ. Авторъ совершенно не обращаетъ на нихъ вниманія; иначе вся исторія представилась бы ему въ другомъ свѣтѣ.

„Приращенія Москвы“. Эта статья есть какъ бы дополненіе къ статьѣ о Москвѣ.

„Москва есть такой городъ (говоритъ авторъ), на который можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ нею, чѣмъ больше вникаете въ ея свойства, особенности, достоинства, произшествія, коихъ она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостовѣряетесь въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась, кончился одинъ только періодъ, но она займетъ, можетъ быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и человѣческихъ“ (стр. 163).

„Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства“, говоритъ авторъ, — что совершенно справедливо.

„Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать распространившеюся Москвою“.

Положеніе несправедливое со временъ Петра, когда правительственнымъ центромъ Россіи сталъ Петербургъ, и событія перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими. Начало имперіи и конецъ московскаго періода на-

исторіи совпадаютъ. За этимъ слѣдуетъ
ѣніе постепеннаго распространенія мо-
кихъ владѣній и россійской имперіи.

шла ли святая Русь-Москва до своихъ стол-
Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало:
lus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ, сердце
во въ рукѣ Божіей".

я статья написана съ древне-москов-
точки зрѣнія. Въ 1841 году г. Пого-
написалъ статью „о Петрѣ Великомъ".
и по своему тону, и по направленію
льно напоминаетъ „Взглядъ на Русскую
рію", который мы разбирали. Сказано
о, даже хорошаго, остроумнаго, но изъ
этого ровно ничего не выходитъ и ни-
не слѣдуетъ. Послѣ перваго и второго
ія, не остается въ головѣ никакого
льтата, и вопросъ о великой реформѣ
ставляется мыслящему человѣку столько
гаинственнымъ, загадочнымъ, какъ и
де. И здѣсь мы видимъ, что г. Пого-
не позаботился, правильно или непра-
но, прямо или непрямо объяснить за-
, по которому она совершалась. И здѣсь
созерцатель, а не историкъ, даже не
жникъ.

ынѣшняя Россія" (такъ начинаетъ авторъ),
ть Россія Европейская, дипломатическая, по-
ческая, военная, Россія коммерческая, ману-
рная, Россія школьная, литературная — есть
веденіе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ
сферахъ гражданской жизни ни стали мы раз-
ивать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы
ждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся
мѣнно до Петра Великаго, у котораго въ ру-
концы *всѣхъ нашихъ нитей* (!) соединяются
номъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣ-
я съ этою колоссальною фигурою, которая
етъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошед-
и даже застилаетъ намъ древнюю Исторію,—
ая въ настоящую минуту все еще какъ будто
итъ свою руку надъ нами, и которой, кажется,
да не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы да-
ни ушли въ будущемъ" (стр. 335).
что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею
ю, своимъ твердымъ характеромъ, съ своей
ной волею, съ своими пылкими страстями,
раментомъ, даже съ своимъ лицомъ и испо-
имъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ
я и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, при-
ми, нуждами, предразсудками, обстоятель-
и, старинною — завѣтнымъ наслѣдіемъ пред-
—Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая,
честивая, самодовольная, страна, въ которую
ъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ
разователей, ничѣмъ недовольный!" (стр. 336).
акое движеніе, какая дѣятельность, живость,
ѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за
разнообразіе! Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ
руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше свер-
лятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ
ужъ изъ новаго ружья. Вотъ выписаны овцы, вотъ
онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шер-
сти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только что
отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невидан-
ное платье, и вотъ оно напяливается на горько
плачущій народъ, у котораго только что выбрита
борода. Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ зарываютъ
рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжи-
гаютъ болота, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и
при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей
остальной камень съ новой дороги, показывается
вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ го-
товому сообщенію. Нынѣ исчисляется народъ, и
производится первый рекрутскій наборъ, завтра
формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на
генеральную баталію, по утру побѣждена, а къ ве-
черу празднуетъ викторію" (стр 337 и 338).

„Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смо-
тришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься.
Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ
сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни
въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не
встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ
училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ,
все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ
шагу! Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 января,
1841 года. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ
Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать
мѣсяцы отъ января. Пора одѣваться—наше платье
сшито по фасону, данному Петромъ Великимъ (?),
мундиръ по его формѣ. Сукно вытканно на фабрикѣ,
которую завелъ онъ, шерсть настрижена съ овецъ,
которыхъ развелъ онъ. Попадается на глаза книга —
Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ,
и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—
этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался пись-
меннымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній, цер-
ковный. Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ
началъ. Вамъ нужно искупить разныя вещи—всѣ
онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной
подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Вели-
комъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ
употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ,
въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ. За обѣ-
домъ, отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который
указалъ онъ сѣять, до виноградна го вина, имъ раз-
веденнаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ
Великомъ. Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это
ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ—
допущенныхъ до мужской компаніи по требованію
Петра Великаго. Пойдемъ въ Университетъ—первое
свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.
Вы получаете чинъ — по табели о рангахъ Петра
Великаго. Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство—такъ
учредилъ Петръ Великій. Мнѣ надобно подать жа-
лобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсу-
дятъ — по Генеральному Регламенту (?). Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Вели-
каго: вы будете приняты хорошо—Петръ Великій
помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Госу-
дарствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе" (стр.
340—342).

Все это очень хорошо, остроумно и справедливо. Но лишь только г. Погодинъ начинаетъ разрѣшать вопросы, естественно и необходимо возникающіе изъ реформы Петра и ея послѣдствій, видно, что онъ ихъ обходитъ, не такъ ставитъ,—словомъ видно, что высота современныхъ требованій отъ науки и исторіи ему недоступна. Говорятъ, что Петръ „поразилъ русскую національность". Авторъ отвѣчаетъ на это обвиненіе вопросомъ: „возможно ли было Россіи уклониться отъ европейской цивилизаціи?" тогда какъ самъ же (стр. 343) спрашиваетъ: „не было ли бъ лучше, еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ?" Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, который могъ возникнуть и сдѣлаться общимъ только теперь, когда образованіе сдѣлало значительные шаги впередъ и мы много измѣнились. О вліяніи на насъ Европы нечего и говорить: въ необходимости, по крайней мѣрѣ, неизбѣжности его для древней Руси всѣ болѣе или менѣе согласны.—Разборъ главныхъ преобразованій Петра и ихъ оправданіе—верхъ историческаго непониманія. Петръ преобразовалъ войско, и это было необходимо:

„Ему надобно было сражаться съ Европейскими врагами, со шведами, прусаками, поляками или нѣмцами, слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ пріемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ", и т. д.

Странно читать такія оправданія.—Точно такъ же оправдывается уничтоженіе стрѣльцовъ, „несмотря на національность", учрежденіе флота, введеніе фабрикъ и мануфактуръ, языка.

„Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ государствахъ въ Европѣ" (стр. 349).

Если были и утвердились, то конечно были необходимы, въ какомъ бы смыслѣ мы ни принимали это слово. Но рѣчь не въ томъ. Надобно показать, почему были преобразованія возможны въ той формѣ, въ какой совершились. Конечно никто не сомнѣвается теперь, что войско Петра Великаго было лучше русскаго войска XVII вѣка, а флотъ лучше флота древней Руси, котораго вовсе не было. Но вѣдь этимъ еще ничего не сказано и не разрѣшено. Вопросы остаются же. Г. Погодинъ наконецъ увидалъ это с Удовлетворившись своимъ рѣшеніемъ воп о необходимости принятія нами запад элемента—рѣшеніемъ, впрочемъ, очень удовлетворительнымъ, какъ мы показа. онъ говоритъ:

„Итакъ вопросъ нашъ о преобразованіи принятіи западнаго элемента, получаетъ тепе всѣмъ иную форму, вотъ какую: могло-ль не димое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Евр произойти иначе? Не лучше ли бъ было при совсѣмъ не дѣйствовать?"

Вниманіе при этихъ словахъ невольн пряжено. Вы ожидаете, что г. Погодинъ рѣшитъ вамъ эту тайну, введетъ васъ в мый сокровенный тайникъ русской жи изъ котораго прольется неожиданный с на многознаменательное появленіе Петр нашей исторіи. Послушайте же, что онъ воритъ:

„Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ (то на мѣстѣ Петра Великаго) Ѳеодора или Іоан не могу, не почувствовавъ трепета во всем ставѣ своемъ о самобытности Россіи. Или н было дѣйствовать и распоряжаться лучше П Великаго? Нельзя ли было взять въ руки мечъ обоюду-острый осторожнѣе, ловчѣе, иску Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю: по ней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на предложить другой планъ Полтавскаго сраж другой проектъ Ништадтскаго мира" (стр. 35

Если, кромѣ реторической фразы, г. годинъ не имѣлъ ничего въ отвѣтъ на кой важный вопросъ, то мы не понима для чего жъ писалъ онъ эту статью? В чемъ, незначительностью своихъ разсужд въ томъ же родѣ авторъ можетъ оправ и эту. Чего жъ, въ самомъ дѣлѣ, вправ требовать отъ писателя, который дума что перевороты, происшедшіе въ Россіи вс ствіе водворенія варяговъ и монгольскаго были болѣе внутренни, болѣе глубоки, ствительны, чѣмъ реформа Петра, и о мали всѣ сословія, а не одно какое-ни (стр. 351).

Послѣ того, мы находимъ опровер мнѣнія, будто бы Петръ Великій возбу пристрастіе къ иностранцамъ. И обвин и оправданія очень стары и общеизвѣс

„Пристрастіе къ иностранцамъ" (говоритъ не прочимъ авторъ) „есть наслѣдственный по всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ самой глуб древности,—порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ

писатели. Что наше, того намъ и не надо—
ъ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отно-
ь, славянскихъ исторій, который изгладится
мѣрѣ, какъ распространится истинное про-
іе" (стр. 353).

взводитъ ли г. Погодинъ напраслины
авянъ? Свое не было ли у нихъ такое,
и поневолѣ бросались на чужое? До-
ъ въ огромномъ племени какую-то без-
нную и безкорыстную страсть къ чу-
ному, противорѣчитъ здравому смыслу,
болѣе, что пословицы, „отъ добра добра
утъ", „славны бубны за горами", и
ство другихъ доказываютъ, что и мы,
же другихъ, умѣли сберегать, что̀ намъ
сь хорошо, и довольствовались своимъ;
ижность нравовъ въ древней Руси то
казываетъ. Мы, съ своей стороны, ду-
и убѣждены, что страсть славянъ къ
емному (впрочемъ, замѣтимъ, не безъ
а) имѣетъ глубокое историческое осно-
яснѣе всѣхъ лѣтописей и документовъ
итъ объ ихъ внутреннемъ бытѣ и обли-
въ этомъ племени большую даровн-
воспріимчивость и способность къ раз-
Если человѣкъ или народъ ищетъ
го, не стѣсняясь преданіями и пра-
вѣрно передъ нимъ великая будущ-
богатство силъ доказываетъ способ-
самоотрицанія. Конечно, на этотъ пред-
можно взглянуть и съ другой точки.
егко примѣняется къ чужому, тотъ мо-
не имѣть ничего своего, по юности,
ршеннолѣтію или и по безсилію; но
комъ случаѣ страсть къ чужеземному
ки не порокъ. Всякій въ правѣ рѣшать
вопросъ такъ или иначе, по своему
у, предрасположенію или предразсуд-
только признать страсть къ чужому,
рожденную характеристическую черту
ъ, совершенно невозможно. Это про-
тественно. Въ добавокъ, г. Погодинъ
ебѣ противорѣчитъ: онъ говоритъ, что
расть пройдетъ со временемъ; стало-
это историческое явленіе преходящее,
я явленія не бываютъ безъ причинъ.
и есть причины такой страсти, ее нельзи
ить наслѣдственнымъ порокомъ.
азавъ, далѣе, что Петръ не перервалъ
реформой отечественнаго образованія,
, по своему обыкновенію, объясняетъ
имъ ученымъ юристамъ, какъ должно
ъ законодательство Петра Великаго,
ь, вслѣдствіе такого изученія, мы по-
лучимъ право основательно судить о рефор-
мѣ и ея значеніи.

„Тогда вмѣстѣ (говоритъ авторъ) возвратится подобающая честь и нашей древней исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Великаго, полагая въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ полъ-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ-быть безъ слагаемыхъ" (стр. 355 и 356).

Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или авторъ выдумываетъ небывалыя мнѣнія, или онъ незнакомъ хорошо съ теперешними взглядами на русскую исторію. Кто говоритъ, что Россія родилась въ одночасье? Кто говоритъ, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно? Кто думаетъ, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ? Намъ, по крайней мѣрѣ, не случалось ни читать, ни слыхать подобнаго даже въ частныхъ разговорахъ. Вѣроятно г. Погодинъ имѣлъ въ виду, что нѣкоторые не безъ основанія считаютъ Россію твореніемъ, созданіемъ Петра Великаго, и, не отвергая матеріальнаго существованія элементовъ, изъ которыхъ воздвиглась имперія преобразователя, смотрятъ однако на нихъ только какъ на матеріалъ, оживотворенный и одухотворенный Петромъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, многіе не приписываютъ особенной важности до-Петровой Россіи; тѣмъ менѣе видятъ они въ ней хранилище и осуществленіе какихъ-то вѣчныхъ, неумирающихъ таинственныхъ истинъ, которыя, къ сожалѣнію, заслонены теперь отъ насъ реформой и должны впослѣдствіи обновить собою міръ. Своего относительнаго, историческаго значенія, сколько мы знаемъ, никто у ней не отнимаетъ. Г. Погодинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду также мнѣніе, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полувосточному состоянію страны, въ которой она произошла, носила и должна была носить чисто-личный характеръ, такъ что ея единственный двигатель—Петръ, былъ для Россіи все; что онъ дѣйствовалъ, какъ ея воплощенный идеалъ, и во имя ея же дѣйствовалъ, какъ ея воспитатель, исправитель, опекунъ и наставникъ. Какъ представитель ея интересовъ, онъ былъ — самозаконенъ наперекоръ ея привычкамъ и преданіямъ, потому что онъ былъ — Россія, и основываясь на этомъ

своемъ значеніи, которое чувствовалъ и непосредственно сознавалъ, какъ геній, Петръ не имѣлъ нужды ни въ какомъ оправданіи и ни въ какой повѣркѣ. Не соглашаясь съ нимъ, Россія была неправа. Отсюда и успѣхъ его дѣла, послѣдовавшій съ баснословною скоростью. Но при такомъ взаимномъ отношеніи великаго преобразователя и Россіи, форма, имъ данная, необходимо должна была имѣть личный характеръ, носить на себѣ печать Петра не только какъ преобразователя, но и какъ такого-то лица. Г. Погодину показалось, что это значитъ, что реформа была случайна. Предоставляемъ всѣмъ судить, такъ ли это?.. Такъ же точно не выяснилъ себѣ г. Погодинъ и многихъ другихъ мнѣній, что̀ видно изъ его нападеній на нѣкоторые изъ современныхъ толковъ.

За этимъ слѣдуютъ опять вещи очень старыя и извѣстныя о всемірномъ значеніи Петра: онъ положилъ основаніе соединенію двухъ различныхъ фазъ человѣческаго образованія, западной и восточной. Онѣ различаются между собою, какъ церкви восточная и западная:

„Одному принадлежитъ изслѣдованіе, другому вѣрованіе; одному безпокойство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость; одному неудовольствіе, другому терпѣніе; стремленіе внѣ и внутрь, сила средобѣжная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонни, неполны, одному не достаетъ другого“ (стр. 358).

Такимъ образомъ, Петръ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи человѣчества, западно-восточную, европейско-русскую, въ которой западная пытливость будетъ освящена восточной вѣрой. Можетъ быть, и будетъ слово въ слово такъ, какъ выражается г. Погодинъ; но покуда это все еще мечта, очень правдоподобная, сбыточная,—положимъ,—но до сихъ поръ еще неосуществившаяся, и потому служащая плохимъ объясненіемъ значенія реформы. Не знаю, зачѣмъ къ ней прибѣгать, когда фактъ можно объяснить гораздо проще, ближе, понятнѣе, не идя отъ предположеній, еще имѣющихъ осуществиться. Наконецъ, насъ удивляетъ, какъ г. Погодинъ могъ напасть на мысль объ этомъ европейско-русскомъ синтезѣ: по всему видно, что онъ не очень благоволитъ къ западу и очень благоволитъ къ востоку—слѣдовательно, не совершенно безпристрастенъ къ тому и другому.

Европейскій періодъ нашей исторіи начавшійся Петромъ Великимъ, окончился съ первою четвертью настоящаго столѣтія. Теперь начинается, по мнѣнію г. Погодина, періодъ національный, который, можетъ быть, будетъ періодомъ въ исторіи Европы и человѣчества. А значеніе реформы все-таки не понятно!

Статья „о Посошковѣ“, написанная по поводу изданія сочиненій этого замѣчательнаго человѣка въ 1842 году, есть не что иное, какъ выписка изъ его книги „О Скудости и Богатствѣ“, открытой г. Погодинымъ и напечатанной имъ вмѣстѣ съ другими двумя сочиненіями того же автора. Многія мѣста очень любопытны. Мы ея потому не разбираемъ здѣсь, что г. Погодинъ очень мало говоритъ въ этой статьѣ отъ себя, а почти вездѣ подлинными словами Посошкова.

Изъ произведеній историко-литературной дѣятельности г. Погодина въ 1845 году, въ составъ разбираемой нами книги вошли двѣ статьи: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала“, которая была уже напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, и „За русскую старину“—статья, помѣщенная въ „Москвитянинѣ“. Обѣ проводятъ одну мысль, хотя и написаны по разнымъ поводамъ. Мы видѣли, что еще во вступительной лекціи, въ 1832 году, г. Погодинъ съ особенною любовью останавливался на параллелизмѣ между исторіею Россіи и европейскихъ государствъ, несмотря на несходство, даже противоположность Россіи съ Европой во многихъ отношеніяхъ. Ту же мысль встрѣтили мы даже въ статьѣ о мѣстничествѣ, написанной гораздо позже. Такимъ образомъ, она не только не была забыта авторомъ, но успѣла въ немъ развиться до послѣднихъ своихъ результатовъ. Не знаемъ, сознательно или безсознательно, только авторъ убѣдился наконецъ совершенно, что русская жизнь и европейская совершались хотя и на разныхъ почвахъ и подъ различными условіями, однако въ уровень, параллельно. Это невольно заставило его смотрѣть на наши событія съ европейской точки зрѣнія, видѣть въ нихъ чего въ нихъ не было, и придавать имъ смыслъ, котораго они не имѣли, и такимъ образомъ поставить наоборотъ все, что̀ у насъ совершалось. Быть можетъ, авторъ былъ увлеченъ потокомъ, необходимою послѣдовательностью мыслей, которымъ съ самаго начала

неосторожно поддался. Какъ бы то ни было, но результаты этого были печальны.

Проводя параллель между началомъ русскаго и европейскихъ государствъ, г. Погодинъ сдѣлалъ много ошибокъ, исказилъ пропасть фактовъ, прибѣгалъ къ страннымъ, удивительнымъ натяжкамъ, чтобъ остаться вѣрнымъ себѣ и своей мысли; жертвъ принесено этой мысли много. Подробный ея разборъ мы представимъ въ критикѣ „Изслѣдованій“ г. Погодина объ русской исторіи, гдѣ эта статья напечатана. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить столько парадоксовъ, такое произвольное обращеніе съ данными, какъ въ этой параллели...

Въ статьѣ „За русскую старину“, въ послѣдней книгѣ, та же мысль является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ „Параллели“ она изложена догматически, спокойно, повѣствовательно; напротивъ, ратуя за старину, г. Погодинъ представляетъ ее какъ дѣло въ тяжбѣ, доказываемое и опровергаемое,—и, защищая ее, не вездѣ выдерживаетъ умѣренный тонъ; подчасъ, разгорячась, можетъ быть, выведенный изъ терпѣнія противниками, г. Погодинъ прибѣгаетъ къ доводамъ чрезвычайно категорическимъ, неопровержимымъ и въ особенности неопровергаемымъ. Мы это увидимъ яснѣе, разбирая статью, которая очень любопытна во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1845 году, въ 25 нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „Бретань и ея жители“. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что „средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него“. Мы твердо увѣрены, что авторъ крѣпко поостерегся бы написать эти столько невинныя слова, еслибъ онъ могъ напередъ предвидѣть, что̀ изъ нихъ выйдетъ.

Г. Погодинъ взглянулъ на эти строки совсѣмъ другими глазами, чѣмъ мы, т.-е. онъ не только не нашелъ ихъ невинными, но, напротивъ, открылъ въ нихъ желаніе автора „бросить тѣнь на наши хроники“, успѣлъ подслушать, какъ эти слова произнесены будто „съ состраданіемъ“, разумѣется, къ Россіи. Такое намѣреніе, выходящее изъ обыкновенныхъ литературныхъ, напримѣръ, какъ еслибъ кто-нибудь назвалъ германскія владѣнія нашими пятидесятыми губерніями — должно было получить и чрезвычайный ходъ. Судить за тѣнь, брошенную на русскія лѣтописи, за сожалѣніе (кажущееся, подозрѣваемое), что у насъ не было среднихъ вѣковъ,—было бы слишкомъ слабо. Чтобы предупредить подобныя идеи на будущія времена, г. Погодинъ рѣшилъ, какъ водится, представить всевозможныя доказательства противъ нихъ и употребить всѣ средства, не разбирая, для уличенія виновнаго. Какъ тонкій и искусный адвокатъ отечественной исторіи, г. Погодинъ повелъ рѣчь издалека.

„Въ 1835-хъ годахъ, излагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени систему Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому профессору объ его односторонности, и сказать, что исторію Запада нельзя выразумѣть вполнѣ, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, *шедшаго съ нимъ параллельно*“ (?)... „Не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ или столько ослѣпленныхъ, которые, имѣя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговорить, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, *произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго приуготовленія, безъ Средняго вѣка*“ (стр. 437—439).

Замѣтьте, какъ разбираетъ вещи г. Погодинъ! Желая сдѣлать изъ русской исторіи „охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія“, онъ непремѣнно требуетъ, чтобъ и она имѣла свой средній вѣкъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, и начала развиваться полиція предупредительная. Иначе у насъ она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодинымъ. Затѣмъ подробно доказывается, что у насъ былъ средній вѣкъ:

„Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями“.. „И у насъ было введено христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, зато было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка; однимъ словомъ, въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, о чемъ такъ старался Западъ

уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ и едва можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей"... (стр. 439 и 440).

Положимъ, что все это такъ же справедливо и основательно, какъ на самомъ дѣлѣ несправедливо, и выведено изъ одного внѣшняго сходства событій, которое ничего не доказываетъ; допустимъ на минуту, что мы пережили средній вѣкъ въ формѣ нѣсколько различной отъ европейской, но все-таки пережили. Спрашивается, какъ же явилась у насъ такая полная, радикальная реформа въ началѣ XVIII вѣка, и зачѣмъ она была нужна?

„Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе" (стр. 441).

Хорошо. Стало-быть, эта необходимость была только внѣшняя, вовсе не условленная внутреннею неразвитостью? Спрашивается послѣ этого, какимъ же образомъ народъ, имѣвшій такое же богатое развитіе, какъ европейцы, не успѣлъ въ продолженіе своей жизни запастись противъ внѣшнихъ враговъ и на свою потребу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ запаслись наши западные сосѣди? Вы скажете: да мы и запаслись, только наше было другое. Во-первыхъ, это несправедливо. Очень многаго у насъ не было, что̀ у нихъ было; многое мы давно уже отъ нихъ заимствовали — задолго до Петра; а во-вторыхъ, то, что̀ и было у насъ своего — было, однако, хуже европейскаго: это оказалось на самомъ дѣлѣ; ибо будь наше лучше, не мы бы у нихъ стали занимать, а они у насъ. Вотъ и доказательство, что мы жили вовсе не тою жизнью, какою Европа, а жизнью низшею; въ противномъ случаѣ, мы бы развились, правда, по своему, но не хуже ихъ, и когда установилось между нами общеніе, мы стали бы мѣняться другъ съ другомъ, а не становиться въ такія неравныя отношенія, въ какія стали со временъ реформы. Пропускаемъ всѣ ложные выводы автора изъ ложнаго основанія, что у насъ были средніе вѣка, какъ и въ Европѣ, — будто мы теперь, когда періодъ Петра Великаго окончился, начинаемъ припоминать себя, а не жить новою, никогда небывалою въ Россіи жизнью, будто для насъ начинаетъ становиться тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое, когда теперь мы ознакомились съ Европою едва ли не ближе, основательнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде и т. д. Пропускаемъ также не идущія къ дѣлу оправданія противъ литературныхъ нападеній, будто бы взводимыхъ на „Москвитянинъ". Публика и общественное мнѣніе уже рѣшили этотъ вопросъ окончательно, а по пословицѣ, „гласъ народа — гласъ Божій".

Поспѣшаемъ къ концу и статьи, и книги, который во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчателенъ. Авторъ статьи о Бретани сказалъ между прочимъ, что мы навсегда распростились съ нашей неподвижной стариной, съ безвыходнымъ застоемъ кошихинской эпохи. Г-нъ Погодинъ, воспользовавшись случаемъ, восклицаетъ:

„Избави насъ Боже отъ застоя Кошихинской эпохи, но и сохрани насъ, Высшія Силы, отъ Кошихинскаго прогресса, — прогресса Кошихина, который измѣнилъ своему отечеству, отрекся отъ своей вѣры, перемѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!"

Да, Кошихинъ — человѣкъ достойный всякаго сожалѣнія! Онъ былъ необыкновеннаго ума, какъ свидѣтельствуютъ объ немъ даже иностранцы, бывшіе объ насъ, особливо въ то время, очень низкаго мнѣнія.

Оканчивая статью, мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ: dixi et salvavi animam. Ставъ на такую ограниченную точку зрѣнія, какъ онъ, можно совершенно удовлетвориться нѣсколькими фразами, наставленіями и двусмысленными возраженіями, стремящимися не къ видимой цѣли, а... гораздо далѣе.

(Отеч. Записки, 1847, кн. 1).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ С. М. СОЛОВЬЕВА.

отношеніяхъ Новгорода къ великимъ нязьямъ. Историческое изслѣдованіе. С. Соловьева. *Москва. 1845.*

о весьма замѣчательное сочиненіе объ й изъ самыхъ сбивчивыхъ, запутанныхъ ъ и сторонъ древней русской исторіи. ная задача, какъ видно изъ заглавія, дѣлить, въ какихъ отношеніяхъ нахо- я Новгородъ къ великимъ князьямъ древ- Россіи, отъ такъ называемаго начала рус- исторіи, до окончательнаго покоренія орода Іоанномъ III въ 1477 году. Эта ча рѣшена прекрасно. Г. Соловьевъ не ользтвовался общими мѣстами и пустыми уженіями, а раскрылъ лѣтописи, тща- но свѣрилъ ихъ (въ чемъ можно удосто- ться, взглянувъ на примѣчанія, прило- ныя въ концѣ книги), вникъ очень по- но въ отношенія князей и княжескихъ й Рюрикова дома, какъ между собою, и къ Новгороду, и изложилъ эти от- нія исторически, слѣдя изъ года въ годъ нообразными, скучными перемѣнами кня- въ Новгородѣ и борьбой князей, когда могла пояснить новгородскія событія. эта чисто-историческая или, лучше, ическая часть диссертаціи—большая за- автора. Пора же наконецъ видѣть со- старой Руси, разсказанныя или просто, критически, но безъ вычуръ, безъ лите- рныхъ прикрасъ, какими испещрена „Ис- “ Карамзина. Въ томъ видѣ, какъ из- лъ ихъ г. Соловьевъ, эти событія могутъ о войти въ любой прагматическій курсъ кой исторіи.

изслѣдованіямъ г. Соловьева, новго- ы, съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ съ варяж- дружиною удалился въ Кіевъ, постоянно навали своимъ княземъ старшаго въ родѣ лава и обыкновенно княжившаго въ ѣ; они подчинялись ему вполнѣ, приня- отъ него князей и посадниковъ, пла- дань, давали войско, подлежали его и наказанію наравнѣ съ другими под- данными. Но съ XII вѣка эти отношенія начали измѣняться. Новгородцы неохотно принимаютъ во второй разъ Всеволода Мстиславича, внука Мономахова. Власть вѣча высказывается. Этотъ князь, по мнѣнію г. Соловьева, принимается въ Новгородѣ съ условіями, ограниченіями, которыя могли послужить основаніемъ для послѣдующихъ ограниченій княжеской власти, содержащихся въ извѣстныхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ (онѣ не восходятъ ранѣе половины XIII вѣка). Съ этого времени, Новгородъ начинаетъ избирать себѣ князей, посадниковъ, тысяцкихъ (нѣсколько позже — владыкъ). Избираетъ онъ въ князья до усиленія сѣверо-восточной Россіи, сильнѣйшихъ русскихъ князей, какими были, особливо сначала, князья кіевскіе. Когда было нѣсколько сильныхъ князей, враждовавшихъ между собою, новгородцы избирали такого, который былъ нейтраленъ и не навлекалъ гнѣва или недоброжелательства борющихся на Новгородъ. Наконецъ выступаетъ на поприще историческаго дѣйствованія сѣверо-восточная Россія. Переходы князей изъ города въ городъ кончились. Начали усиливаться княженія. Новгородъ, предчувствуя, что ему не сохранить своей вольности, если одно изъ княженій рѣшительно усилится надъ другими, поддерживалъ всегда слабѣйшія княженія противъ сильнѣйшихъ: Москву противъ Твери, Нижній-Новгородъ противъ Москвы. Когда же Москва возвысилась надъ всѣми другими княженіями, Новгородъ прибѣгнулъ къ послѣднему, отчаянному средству, чтобы спасти свою вольность: онъ выбралъ князя литовскаго. Но это избраніе не спасло его. Старый порядокъ вещей, котораго Новгородъ былъ послѣднимъ представителемъ въ Россіи, долженъ былъ уступить новому. Новгородъ былъ покоренъ Іоанномъ III.

Въ такомъ видѣ представляются отношенія Новгорода къ князьямъ и областямъ древней Россіи. Внутреннія отношенія новгородскихъ князей къ самому Новгороду равнымъ

образомъ изслѣдованы авторомъ. Изъ его изслѣдованій открывается, что съ того времени, какъ Новгородъ началъ избирать своихъ князей, онъ ограничилъ власть ихъ; но эти ограниченія не были постоянныя. Были временами въ Новгородѣ князья, которыя правили имъ неограниченно „на всей волѣ своей“, какъ прежде князья кіевскіе, и потомъ, послѣ 1477 года, цари московскіе. Обыкновенно же князья управляли Новгородомъ „на всей волѣ его“. Это значило, что князь подчинялся всѣмъ условіямъ, которыя предписывали ему новгородцы. Эти условія ограничивали его власть въ отношеніи къ суду, управленію и доходамъ. Но власть князя и власть вѣча были совершенно равныя и существовали чрезъ всю новгородскую исторію одна подлѣ другой, несмотря на свою противоположность.

„Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно, каковы долженствовали быть границы его судной власти. Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться, то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другого верховнаго суда; княземъ могли быть не довольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ вмѣсто того, чтобъ умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ; князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на князя какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему; городъ оставался по прежнему государемъ самовластнымъ, а князь является подлѣ него также какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двовластіе, сопоставленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражаются повсюду; повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на каждое самоуправство вѣча какъ на мятежъ, на похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны, граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что до
отказаться отъ права любить добрыхъ и ка
злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ
изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣс
своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ
шивали: „за что гнѣвается князь, развѣ м
оскорбили? вѣдь мы казнили свою братью“.
порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ
шеніяхъ между двумя сопоставленными влас
могли существовать только въ началѣ, ибо
ченіемъ времени постоянныя столкновенія вы
ли необходимо борьбу, при чемъ отношенія до
были опредѣляться въ пользу той или другой в
но что же мы должны заключить, когда по
шествіи нѣсколькихъ столѣтій находимъ въ Н
родѣ первоначальный порядокъ вещей, пер
чальную неопредѣленность? Мы должны закл
что обѣ власти были задержаны въ своемъ р
тіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе из
наго предѣла; призвавъ на помощь власть чу
власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ пок
что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необ
мыхъ условій для достиженія общественной
правда, ослабленіе власти княжеской дало
возможность смѣнять князя, предписывать ем
вѣстныя условія; но, смѣнивъ одного князя,
немедленно призывало другого и тѣмъ самым
казывало необходимость послѣдняго и собстве
недостаточность; слѣдовательно, князь был
обходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный
но какъ верховный судья и посредникъ "неза
мый; на это значеніе князя вѣче не могло
гнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть е
могла усиливаться; вотъ почему князь сохр
постоянно характеръ судьи верховнаго и не
симаго. Но если князь былъ призываемъ какъ
необходимое для народа, для міра внутренн
откуда проистекаетъ явленіе, что князь не
зуется выгодою своего положенія, необходимо
которую городъ въ немъ чувствовалъ, и в
того, чтобъ предлагать самому условія, прини
ихъ отъ вѣча? Это явленіе проистекаетъ отъ
что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ
необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ
возможностію выбирать изъ многихъ князей, м
ихъ по произволу. Слѣдовательно, вотъ причи
лабленія власти княжеской; вотъ почему князь
долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній к
въ свою пользу, позволялъ послѣднему суще
вать подлѣ себя на правахъ равныхъ“.

Вотъ главные результаты изслѣдованій
отношеніи Новгорода къ великимъ князь
Еслибъ г. Соловьевъ ограничился од
этимъ, мы и тогда сказали бы ему спа
за многія новыя и дѣльныя замѣчанія
прекрасное изложеніе, за строго-фактиче
разсказъ исторіи новгородскихъ князей,
добросовѣстное рѣшеніе вопроса, основа
на тщательномъ изученіи источниковъ.

Но г. Соловьевъ сдѣлалъ гораздо бо
По поводу внутренняго устройства Новго
и его отношеній къ князьямъ, онъ высказ

енно новый, замѣчательно оригиналь-
глядъ на весь періодъ удѣловъ. По
ѣнію, всѣ древнѣйшіе города Россіи,
о Новгороду, имѣли вѣчевое управле-
ъ нихъ господствовало народовластіе,
шееся изъ первоначальнаго, родоваго
усскихъ славянъ. Это вѣчевое управ-
олго удерживалось въ юго-западной
вслѣдствіе особенныхъ историческихъ
ельствъ.

ность, нераздѣльность владѣнія одного рода
каго Рюрикова) всею (русскою) землею, съ
старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало
ное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной
въ другую, изъ одного города въ другой.
эти перемѣщенія слѣдовали постоянно по-
таршинства, еслибы они были подчинены
но одному, всѣми равно признаваемому за-
о это отстранило бы всякія враждебныя
венія между князьями, и постоянство ихъ
хъ родовыхъ отношеній дало бы имъ воз-
ъ сообщить постоянство и своимъ отноше-
ъ народонаселенію управляемому. Но стре-
ѣкоторыхъ линій исключить другія изъ права
имо вызывала со стороны послѣднихъ стре-
поддержать его, слѣдствіемъ чего были меж-
. Какъ скоро смѣна князей перестала под-
одному общепринятому закону старшин-
къ скоро получили мѣсто частныя изъ него
нія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго
ѣе смѣлаго, то города не могли долго оста-
раздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло
судьбѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ по-
ли выгодахъ; какъ скоро послѣдовало на-
права всѣмъ извѣстнаго и всѣми приня-
силѣ открылось обширное поприще про-
нарушеніе права, силу же должно было
нять и для поддержанія права: при такомъ
вѣ силы, сила городового народонаселенія
ля дать перевѣсъ той или другой сторонѣ,
остаться безъ важнаго значенія; борю-
свои права князья начали стараться пріѣ
эту силу, начали стараться пріобрѣтать
енность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія
и добивались; но за эту приверженность
жны были необходимо давать нѣкоторое
жденіе, то есть поступаться нѣкоторыми
своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе,
зъ семействъ князей, въ родѣ правителей,
были необходимо отражаться въ раздѣле-
распряхъ городского народонаселенія; без-
ая смѣна правителей, частое ихъ отсут-
ставляли гражданъ находиться въ постоян-
женіи, принимать дѣятельное участіе въ
равленія, что поддерживало древнія формы
народовластія".

дствіе этого участія гражданъ въ прав-
власть князей въ юго-западной Россіи
істо ограничиваема договорами между
городами (точно такъ же, какъ въ
одѣ):

„Лѣтописецъ говоритъ, что не только Ольговичи, но и Мономаховичи заключали ряды съ гражданами кіевскими. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовали развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дали даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно; такъ этою возможностью пользуются жители Смоленска и Полоцка; однимъ словомъ, во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія".

Но подлѣ старыхъ городовъ явились впослѣдствіи новые города, „пригороды", которые не имѣли самостоятельности старыхъ и въ которыхъ поэтому князья владычествовали неограниченно.

„Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось впослѣдствіи множество другихъ, новыхъ. Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, то-есть должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды, не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ". Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было простечь самодержавіе".

Неограниченная власть князей не могла возникнуть въ юго-западной Россіи; она возникаетъ въ сѣверо-восточной.

„Но этотъ новый порядокъ вещей изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независи-

мость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья, при своей неосѣдлости, ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Ольговичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: это былъ Ростовъ-Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе Земли Ростовской. Бывшій удѣломъ св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ Области Переяславской, удѣлу Всеволодову. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствій, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (восточнымъ—греческимъ), а города ея—мѣстомъ остановки; такъ впослѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на югъ, но получило уже другую цѣль, другую Византію—то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьевъ; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались Переяславля или Владиміра-Волынскаго, Вышгорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда Область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей, Юрію. Послѣдній раздѣлилъ общую всему княжескому роду привязанность къ югу, Кіеву и землѣ русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на сѣверѣ.. Не такъ уже думалъ сынъ его Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ сѣверъ какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безпрекословное... Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наслѣдственную область; Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятвѣ, данной старо князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣ отъ позора быть всегда достояніемъ самыхъ мла шихъ въ родѣ. Но они ошибались въ своемъ ра счетѣ; на сѣверѣ пробилъ часъ для господства ст рыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство мла шихъ городовъ и новаго порядка вещей начин лось. Андрей, прибывъ на сѣверъ, утвердилъ св пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздал но въ городахъ новыхъ, Владимірѣ и Боголюбов предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окр женный преданностью и покорностью новаго н родоваселенія, Андрей принимаетъ характеръ са держца. Бывъ на югѣ самымъ безстрашнымъ и бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичѣ на сѣверѣ, Андрей сложилъ съ себя характе полководца, доселѣ господствовавшій въ князьях и принялъ характеръ правителя: онъ уже не дилъ болѣе самъ на войну, но посылалъ сыновъ и воеводъ, вслѣдствіе чего и дружина, сонмъ хр рецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбр князя, измѣнила свой воинскій характеръ и ста дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Анд все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, пр ности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ нов характеръ произошелъ изъ природы новыхъ го довъ, господствовавшихъ по числу своему на верѣ; изъ природы ихъ отношеній къ князю видѣли, что эти города, по своему происхожден смотрѣли на князя, какъ на господина полновла наго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собств ность неотъемлемую; отсюда понятіе собственнос неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, перехо щаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣль имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ подствовать на сѣверѣ въ противоположность подствующему на югѣ понятію общности, пер дѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ пер разъ *завѣщаніе*, знакъ, что князь завѣщаю имѣетъ собственность, которою можетъ распо гать произвольно, чего не могло быть на югѣ, великій князь не имѣлъ ничего, собственно принадлежащаго; вся страна была въ общемъ в дѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великій князь вый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ мл шею братьею, чѣмъ кому владѣть, или, вѣрнѣе с зать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на сѣверѣ повторятся тѣ же самыя явленія, что на югѣ, пу Ростовская Область раздробится, и великое к женіе, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ, буд переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ с собѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, кото необходимо повлечетъ за собою другія явле Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ уд смотритъ на него, какъ на собственность неот лемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но остане въ своемъ родовомъ отчинномъ городѣ, въ сво наслѣдственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ и его знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при сме онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновь но это раздробленіе будетъ носить тотъ же са характеръ: каждый князь будетъ отдѣльнымъ дѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ и не перемѣнитъ его на какой другой: на немъ сосредоточитъ всѣ с

ь, его будетъ улучшать, его увеличивать; можетъ произойти это увеличеніе? На югѣ князь, по праву старшаго, по праву отца, зать ослушнаго князя отнятіемъ у него отчасъ отдавалъ отнятый городъ другому ыну или племяннику, и при новомъ рядѣ язьями этотъ городъ могъ перейти совер- другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ изгнаніемъ князей одинъ родъ исключалъ о область одного княжества не увеличи- счетъ другого. Совершенно другое явле- мы на сѣверѣ. Здѣсь собственность гос- надъ родовыми отношеніями; каждый отритъ на себя, какъ на отдѣльнаго вла- вѣстной области, а не какъ уже на члена го рода, извѣстной линіи; отсюда родствен- слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; князь отнимаетъ какой-нибудь удѣлъ, и присоединяетъ его къ своему наслѣдствен- лу, называетъ это своимъ промысломъ, мъ, и не дѣлится съ родомъ, съ братьями; открывается свободный путь увеличенію няжества на счетъ другого, сильнѣйшаго слабаго. На югѣ великій князь былъ си- ько своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ въ родѣ, политической же силы не имѣлъ особенно впослѣдствіи, когда удѣлъ ве- кескій ограничивался почти однимъ Кіе- сѣверѣ, наоборотъ, великій князь былъ мо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раз- Ростовской Области на отдѣльные удѣлы, одного изъ нихъ, становясь великимъ не отчуждалъ своего прежняго наслѣд удѣла; слѣдовательно къ удѣлу, равняв- въ силѣ съ остальными князьями, онъ лъ еще область великаго княженія, ни- дробившуюся, и такимъ образомъ увели- вою силу, не въ примѣръ предъ остать- язьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: мъ-нибудь случаемъ великокняжеское до- будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться одного и того же удѣла, то эти князья, своею силою, необходимо поработятъ очихъ и станутъ единовластителями: такъ поступили московскіе князья. Притомъ верныхъ князей при полученіи велико- го достоинства оставаться въ отчинномъ овлекъ къ раздѣленію на многія великія а, слѣдовательно къ совершенному разру- динства рода Ярославова и Мономахова, шенному ослабленію родственныхъ отно- прежде единство княжеской семьи поддер- однимъ великимъ княземъ, однимъ об- атріархомъ, въ которомъ всѣ остальные тили отца. Боголюбскій овладѣлъ Кіевомъ. лъ туда и остался во Владимірѣ Клязьмен- іевъ въ глазахъ всѣхъ князей и всѣхъ рус- могъ утратить своего прежняго величія, достоинства какъ старѣйшій городъ въ землѣ; его князья, особенно умѣвшіе под- свое достоинство, какъ, напримѣръ, Свято- еволодовичъ, назывались также великими ; съ другой стороны, Владиміръ, разъ тольнымъ великокняжескимъ городомъ, не этого значенія, и князья его продолжали ься великими; такимъ образомъ съ появленіемъ двухъ великихъ князей единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда тверской князь, ставши великимъ, остался въ Твери, московскій — въ Москвѣ; Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва во пользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія земли русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ Области Ростовской, оканчиваетъ такъ называемый періодъ удѣльный, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отношеній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова-Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней".

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды, или, лучше, отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ, конечно, оцѣнитъ мысль г. Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно подмѣченнаго, она потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до г. Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. „Исторія" Карамзина принадлежитъ болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромѣ примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріаловъ и источниковъ). Карамзинъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія. Онъ мало понималъ послѣдовательное, внутреннее разви-

тіе русской жизни: это видно изъ его обозрѣній эпохъ русской исторіи, изъ взгляда на царствованіе Іоанна Грознаго,—словомъ, вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о внутреннихъ событіяхъ. Конечно, въ „Исторіи“ Карамзина встрѣчаются намеки на мысль, которую развилъ г. Соловьевъ въ своей диссертаціи; но имъ едва ли можно придавать какую-нибудь важность. Карамзинъ обладалъ огромнымъ знаніемъ источниковъ древней русской исторіи: еслибъ онъ нарочно гналъ отъ себя мысли—какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи — онѣ навязывались бы ему невольно. Дѣло состоитъ въ томъ, что Карамзинъ не искалъ въ фактахъ мысли, не останавливался надъ ними, не прослѣдилъ ихъ развитія въ исторіи, какъ г. Соловьевъ, а передавалъ ихъ отрывочно, безсвязно, какъ онѣ высказывались въ фактахъ. Конечно, нельзя ставить это въ вину исторіографу: онъ имѣлъ другую цѣль, другое призваніе. И время было другое. Но нельзя же опять не сказать, что это было такъ,—amicus Plato, sed magis amica veritas. Карамзинъ не глубоко смотрѣлъ на исторію. Это и даетъ намъ право назвать взглядъ г. Соловьева вполнѣ новымъ, оригинальнымъ и самостоятельнымъ, хотя на него и есть намеки въ „Исторіи“ Карамзина.

Что же касается до нашей историко юридической литературы послѣ Карамзина, то врядъ ли можно упрекнуть ее въ особенномъ обиліи взглядовъ на древнюю русскую исторію. Лучшая ея часть посвящена собранію и обнародованію источниковъ, или ихъ критическому изданію. Самую незначительную, по объему, составляютъ чисто-фактическія, спеціальныя розысканія; изъ нихъ большая часть направлена на предметы любопытства, роскоши, а не первостепенно-важные, существенные. Затѣмъ остается нѣсколько журнальныхъ статей, въ которыхъ мѣстами встрѣчается что-то похожее на общіе взгляды. Но что это за взгляды! Тяжело сознаться, а они доказываютъ, что въ дѣлѣ исторіи мы еще юноши, что въ насъ историческій смыслъ слабъ и далеко не развитъ. Вмѣсто того, чтобъ высказывать необходимый законъ, по которому совершалась древняя русская исторія—законъ, выразившійся въ историческихъ событіяхъ, - эти взгляды высказываютъ только любимую мысль автора, почерпнутую Богъ знаетъ откуда, можетъ быть изъ вольнаго воображенія, только навѣрное не изъ фактовъ. Напротивъ, эту мысль насильно вставляютъ въ факты! Какая нужда, что, при такой операціи, факты, не поддающіеся любимой мысли, оставляются въ тѣни, поддающіеся, да плохо, искажаются, а внѣ цѣлой системы фактовъ не имѣющіе никакого значенія поставляются на первомъ планѣ? Для незнающихъ взглядъ сталъ правдоподобенъ: чего же больше? Такой романтизмъ, господствующій въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и лозунгами котораго почти всегда мысли самыя недѣйствительныя, не-историческія, преимущество Руси передъ Россіею и словенскаго міра передъ романо-германскимъ, —такой романтизмъ, говоримъ мы, свидѣтельствуетъ только, что до истинной, дѣйствительной исторической науки намъ еще очень, очень далеко. Странное дѣло! Не имѣя никакой исторической основы, блуждая въ мечтаніяхъ и отвлеченныхъ мысляхъ, этотъ романтизмъ воображаетъ, что онъ-то и есть истинное историческое направленіе. Спросите его защитниковъ—они смѣло вамъ отвѣтятъ, что, кромѣ фактовъ, они ничему не вѣрятъ, что взглядовъ и теорій русской исторіи, особенно древней, они терпѣть не могутъ, потому что эти взгляды, изволите видѣть, теперь еще преждевременны, факты мало извѣстны, и мысль заражена европейской наукой. Вы спросите: да какъ же все это клеится? Не вдумывайтесь слишкомъ глубоко: они и васъ, и себя обманываютъ! Пока, по малоизвѣстности фактовъ и совершенному отсутствію историческаго смысла, отвлеченнымъ взглядамъ и теоріямъ было раздолье, историческій романтизмъ высказывался прямо и смѣло. Тогда онъ имѣлъ и задушевную мысль, и былъ добросовѣстенъ и — отдадимъ ему справедливость—имѣлъ свое, правда, временное, преходящее, но все же хоть какое-нибудь значеніе. Теперь не то. Теперь и исторія двинулась впередъ, и историческаго смысла въ насъ прибавилось, и факты древней русской исторіи стали извѣстнѣе, доступнѣе. Историческому романтизму стало и тѣсно, и какъ-то неловко, какъ русской старинѣ, которой онъ былъ поборникомъ. Онъ и самъ это смекнулъ; но что жъ было ему дѣлать? Отказаться отъ самого себя? На это у него не достало ни силъ, ни мужества, какъ у всякаго старика, пережившаго свой вѣкъ. Въ сознаніи своего безсилія, историческій романтизмъ прикинулся ультра-историческимъ направленіемъ: вѣдь нужно же было, когда все кругомъ измѣнилось, придать благови-

ный предлогъ своему существованію. Вѣкъ пересталъ вѣрить въ призраки воображенія, въ отвлеченные взгляды; онъ сталъ серьезенъ, сталъ требовать на все доказательствъ, фактовъ; романтизмъ спрятался за факты. Онъ не о томъ хлопоталъ, чтобы новые взгляды на древнюю Русь, начинавшіе появляться со всѣхъ сторонъ, получили историческое оправданіе, основу,—нѣтъ! факты, которыхъ онъ никогда не понималъ, онъ вздумалъ противопоставить мысли и историческимъ взглядамъ, чтобъ удержать ихъ напоръ и спасти себя. Значеніе фактовъ было имъ унижено. Въ его рукахъ они обратились въ средство скрыть, остановить истину, а не узнать ее. Многіе сперва повѣрили. Но мистификація была непродолжительна. Всѣ, наконецъ, поняли въ чемъ дѣло, и романтизмъ палъ навсегда. Теперь онъ уже прошедшее, по быстрому развитію просвѣщенія въ наше время—давно прошедшее явленіе.

Возвратимся къ диссертаціи г. Соловьева. Что́ мы особенно высоко цѣнимъ въ ея авторѣ —это безусловную вѣру въ историческое развитіе, и потому совершенное отсутствіе всякихъ любимыхъ заднихъ мыслей, насилующихъ факты, простой взглядъ на историческія событія и большой историческій смыслъ. Для г. Соловьева всѣ эпохи нашей древней исторіи равно интересны и важны; во всѣхъ онъ ищетъ внутренняго значенія, необходимой связи и разумной постепенности, не вводя постороннихъ двигателей отъ своего лица. Эта трезвость мысли, которая, кромѣ того, что́ существуетъ въ дѣйствительности, ничего знать не хочетъ, — явленіе отрадное, особенно въ наше время, и особенно въ изслѣдователѣ русскихъ древностей. Почти всѣ они повадили насъ изучать не предметъ, а автора и его мысли, — мысли почти всегда старыя и избитыя, вовсе не интересныя, давно ужъ высказанныя и давно опровергнутыя. Такія мысли находимъ даже мѣстами въ статьѣ г. Валуева о мѣстничествѣ, которая, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ эпоху въ нашей исторической литературѣ. Но скажемъ къ чести автора: его добросовѣстность такъ велика, знаніе предмета такъ глубоко, что его не-историческіе взгляды не вредятъ исторической истинѣ и стоятъ отдѣльно, какъ эпизоды, нисколько не искажая фактовъ. Тѣмъ отраднѣе видѣть, что авторъ диссертаціи объ отношеніи великихъ князей къ Новгороду совершенно свободенъ отъ всякихъ не-историческихъ взглядовъ. Не забудемъ, что онъ занимаетъ каѳедру русской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ университетовъ: его взглядъ, его манера невольно должны перейти къ его слушателямъ. Сверхъ того, его ученое призваніе даетъ ему всѣ средства начать новую эпоху изученія русской исторіи. Уже давно бы пора наступить этой эпохѣ послѣ столькихъ предсказаній, которыя такъ щедро давались молодымъ людямъ. Авось-либо г. Соловьевъ ими воспользуется!...

Какъ ни важно, ни существенно сочиненіе г. Соловьева, оно представляетъ, однако, стороны, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Не останавливаясь на мелочахъ, частныхъ недосмотрахъ, весьма извинительныхъ, особенно у насъ, мы скажемъ только о главномъ—такъ же добросовѣстно, отъ полнаго убѣжденія, какъ говорили о достоинствахъ диссертаціи.

Г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій. Иногда онъ останавливается на причинахъ второстепенныхъ, которыя дѣйствительно съ перваго взгляда какъ будто совершенно удовлетворительны, особенно, если разсматривать явленіе въ отдѣльности, но которыя недостаточны, если смотрѣть на него въ связи съ предыдущими и послѣдующими явленіями.

Замѣчаніе наше относится къ безспорно-новой, оригинальной и во многихъ отношеніяхъ вѣрной гипотезѣ о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, которою г. Соловьевъ объясняетъ различный порядокъ вещей въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи. Отчего старые города и ихъ бытъ исчезаютъ и на мѣсто ихъ появляются въ Россіи новые города и новый бытъ, противоположный старому? Г. Соловьевъ приводитъ много причинъ: новые города развились изъ пригородовъ, искони подчиненныхъ главнымъ городамъ; слѣдственно, неограниченная власть князей надъ ними была приготовлена ихъ первобытною зависимостью; множество такихъ новыхъ городовъ было основано самими князьями, которые съ самаго начала утвердили надъ ними свою неограниченную власть; наконецъ, въ сѣверо-восточной Россіи число новыхъ городовъ было гораздо значительнѣе числа старыхъ (здѣсь былъ собственно одинъ старый городъ — Ростовъ); оттого въ ней и развился новый порядокъ вещей и вытѣснилъ старый. Все это очень хорошо и исторически

очень вѣрно; но вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ. Мы и теперь въ правѣ повторить его, потому что г. Соловьевъ не показалъ главной причины. Какая же эта главная причина? Ее должно искать въ самомъ общинномъ бытѣ древнѣйшихъ городовъ. Объяснимся.

Внутреннее устройство городовъ и общинъ въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи не представляетъ существеннаго различія. И тамъ, и здѣсь мы находимъ вѣче и князя—двѣ власти, которыя являются одна возлѣ другой во всей древней Россіи. Слѣдственно, различіе той и другой Россіи должно искать въ чемъ-нибудь другомъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что въ сѣверо-восточной Россіи княжескія владѣнія обратились въ собственность, въ наслѣдственныя вотчинныя владѣнія князей на правѣ частномъ, чего въ юго-западной Россіи не было. Такъ думаетъ и авторъ. Но мы видимъ, однако, что такое обращеніе владѣній въ собственность князей началось уже въ юго-западной Россіи; уже здѣсь появляются завѣщанія; князья всячески стараются удержать за собою отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большею частью на основаніи вотчиннаго начала; князья даютъ удѣлы большею частью сыновьямъ своимъ, а не боковымъ родственникамъ: только начатое на юго-западѣ совершилось окончательно на сѣверо-востокѣ Россіи. Такимъ образомъ, весь періодъ удѣловъ, въ отношеніи къ государственному устройству, представляетъ постепенное и непрерывное развитіе одного начала: ослабленіе общиннаго быта и, вслѣдствіе этого, усиленіе власти князя. Но отчего ослабѣлъ общинный бытъ? Неужели отъ тѣхъ причинъ, которыя изложилъ авторъ диссертаціи? Мы имѣемъ причины съ нимъ въ этомъ случаѣ не согласиться. Причины, имъ приводимыя, много содѣйствовали развитію самодержавной власти князей—безспорно. Но еслибъ общинный бытъ старыхъ городовъ не носилъ въ себѣ органическихъ зачатковъ разрушенія, не только эти причины не могли бы его ослабить, — онѣ не могли бы вовсе появиться. Скажемъ болѣе: родились бы причины, которыя стали бы ему благопріятствовать; даже нѣкоторыя изъ приведенныхъ авторомъ послужили бы въ пользу общинному быту. Именно этой-то органической причины разрушенія, скрывавшейся въ бытѣ древнѣйшихъ общинъ, авторъ диссертаціи не показалъ; а намекаетъ онъ на нее часто. По его мнѣнію, какъ намъ кажется вес справедливому, новгородская община была доваго происхожденія (стр. 13). То же мо сказать и о всѣхъ древнѣйшихъ русско-с вянскихъ общинахъ. Но всякая родовая щина сама въ себѣ носитъ зародышъ сво разрушенія. Это основано на непрел номъ законѣ распаденія рода на линіи, расли, которыя съ теченіемъ времени ут чиваютъ всякое единство и вступаютъ вражду между собою. Авторъ превосход хотя и въ краткомъ очеркѣ, представилъ разложеніе рода и борьбу, внутри его не ходимо возникавшую въ отношеніи къ р который княжилъ въ Россіи. Такъ же пре ходно подмѣтилъ и изложилъ онъ необхо мыя послѣдствія родоваго и общиннаго б въ отношеніи къ Новгороду: отсутствіе немъ всякаго опредѣленнаго политическ устройства, сосуществованіе двухъ прот положныхъ и равныхъ между собою влас невозможность обойтись безъ власти кня непрерывныя смуты, волненія, отсутствіе „ряда“, когда князя не было. Но вообще это племенное, родовое, семейственное, вомъ, кровное начало г. Соловьевъ мало об тилъ вниманія, говоритъ о немъ какъ бу мимоходомъ, тогда какъ оно было глав почти исключительно игравшее роль. По шему глубокому убѣжденію, едва ли мо найти одно замѣчательное явленіе или со тіе въ древней русской исторіи, особенно Іоанна III, которое не опредѣлялось бы эти началомъ. Даже послѣ Іоанна III, множест явленій русской жизни объясняется толь имъ, и чѣмъ далѣе назадъ отъ нашего в мени, тѣмъ болѣе. Именно потому, что г. С ловьевъ не вникъ хорошенько въ преимущ ственно-родовой бытъ древней Россіи, о долженъ былъ, говоря объ упадкѣ общинна быта старыхъ городовъ, ограничиться одно побочными, второстепенными причинами, и замѣтилъ главной.

Потомъ: г. Соловьевъ болѣе историкъ, жели юристъ. При изображеніи внутренн общиннаго устройства Новгорода, онъ, ка намъ кажется, слишкомъ исключительно пр держивался однѣхъ лѣтописей и недоволь оцѣнилъ извѣстія, сообщаемыя объ это устройствѣ собственно юридическими памя никами. Вотъ почему онъ впалъ въ кра ность. Отсутствіе твердаго политическаго ус ройства въ Новгородѣ и проистекающую о сюда совершенную неопредѣленность его

г. Соловьевъ распространилъ и на внутреннее управленіе, на администрацію Новгорода. Но администрація и политическое устройство должны быть строго различаемы, особенно, когда рѣчь идетъ о Новгородѣ. Всѣ юридическіе памятники единогласно свидѣтельствуютъ о существованіи въ Новгородѣ правильнаго, опредѣленнаго внутренняго управленія, въ главныхъ чертахъ основаннаго, какъ кажется, на обычаяхъ, хотя мы его и мало знаемъ, или знаемъ отрывочно. Напротивъ, историческіе памятники и преимущественно лѣтописи, въ которыя вносились одни событія политическія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей, — представляютъ новгородское устройство какъ самое неустановленное, неопредѣленное, не имѣющее никакихъ началъ, и г. Соловьевъ былъ бы совершенно правъ, еслибъ ограничилъ сказанное имъ вообще однимъ политическимъ бытомъ Новгорода. Можетъ быть, намъ возразятъ, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются также извѣстія о внутреннемъ устройствѣ и управленіи, которыя свидѣтельствуютъ и о его неопредѣленности? Точно такъ. Но изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Эти извѣстія относятся къ событіямъ, составлявшимъ исключеніе изъ общаго правила, нарушавшимъ обыкновенный порядокъ вещей. При существованіи другихъ, ясныхъ указаній на правильное внутреннее управленіе, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Мы крайне сожалѣемъ, что предѣлы рецензіи, и безъ того слишкомъ длинной, не дозволяютъ намъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. Скажемъ въ заключеніе, что кромѣ приведеннаго и указаннаго нами, въ диссертаціи много новыхъ замѣчаній, намековъ, мыслей и отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя составляютъ пріобрѣтеніе для литературы русской исторіи и дѣлаютъ честь автору. Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему для него и для насъ, чтобы продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало...

(Отеч. Записки, 1846, кн. 12).

О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси. С. Соловьева (Московскій литературный и ученый Сборникъ на 1846 годъ).

Статья г. Соловьева „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси“, какъ и все, писанное имъ, отличается несомнѣнными достоинствами: чисто историческимъ тономъ, отсутствіемъ всякихъ предубѣжденій, которыя, начиная уже съ Карамзина, мѣшали и мѣшаютъ понять нашу древнюю, а потому и новую исторію, и представляютъ въ ней многое въ ложномъ неестественномъ видѣ; наконецъ—добросовѣстнымъ собраніемъ фактовъ и яснымъ, отчетливымъ изложеніемъ.

Содержаніе статьи г. Соловьева можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Ея главная задача — опредѣлить отношенія между удѣльными князьями. Эти отношенія основаны на родовомъ началѣ, т.-е. началѣ крови, родства, во сколько оно, при своей естественной шаткости, можетъ установить отношенія между людьми, пока не получитъ юридическаго опредѣленія. Съ одной стороны, власть старшаго въ родѣ надъ младшими родичами почти безусловна, неограниченна; съ другой—она, какъ не сознанная, не юридическая, не представляетъ ничего твердаго, постояннаго, и потому ничѣмъ не обезпечена. Если старшій родичъ, великій князь, не заботится объ интересахъ младшихъ князей, или имъ это такъ покажется, — власть его исчезаетъ, и онъ долженъ отстаивать ее силой. Кто же изъ князей считался старшимъ? Этотъ вопросъ разрѣшенъ г. Соловьевымъ превосходно. Сначала старшимъ считался, разумѣется, тотъ, кто былъ старѣе по рожденію и лѣтамъ. Дядя былъ старше племянника, первый сынъ старше второго, и т. д. Потомъ это понятіе о старшинствѣ нѣсколько измѣнилось. Когда отецъ умиралъ, старшій его сынъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ своихъ братьевъ. Но онъ былъ вмѣстѣ отцомъ и для своихъ дѣтей. Итакъ, племянники стали братьями своимъ дядямъ.

Но какими? Старшими или младшими? Сперва младшими; старшинство принадлежало дядямъ. Но потомъ старшій сынъ старшаго брата, т.-е. старшій племянникъ получалъ первенство надъ дядями, на слѣдующемъ основаніи: старшій сынъ старшаго брата отецъ своимъ братьямъ, а какъ дяди считались тоже его братьями, то онъ сталъ отцомъ и для нихъ. Старшинство дядей надъ племянниками господствовало въ древнѣйшей Россіи до монголовъ, первенство старшаго племянника—въ сѣверо-восточной Россіи.

Вотъ содержаніе прекрасной статьи г. Соловьева. Этотъ взглядъ на отношенія князей у насъ еще новъ. На него, правда, намекали иногда, но какъ будто нечаянно, безсознательно, и оттого русская исторія чрезъ эти намеки ничего не выиграла. Заслуга г. Соловьева въ томъ, что у него родовыя отношенія удѣльныхъ князей поставлены на первомъ планѣ, чрезъ что имъ возвращено ихъ настоящее, глубокое, рѣшительное значеніе въ судьбѣ древней Россіи,—значеніе, которое эти отношенія имѣли въ жизни, но не имѣли въ наукѣ. Такая заслуга гораздо важнѣе, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда, наконецъ, обратится въ обиходную истину, что весь древній бытъ Россіи, не только частный, но и государственный (если только его можно такъ назвать), вращался около одного родственнаго, кровнаго начала, которымъ первоначально болѣе или менѣе живутъ всѣ не-завоевательные народы,—мы поймемъ многое въ русской исторіи, чего до сихъ поръ не понимаемъ. Первыя времена ея потеряютъ тогда таинственное, но обманчивое обаяніе, которое придалъ имъ Карамзинъ. Теперь изслѣдователя русской старины какъ-то невольно влечетъ въ туманную даль прошедшаго, и чѣмъ дальше, тѣмъ кажется она привлекательнѣе. Хочется узнать обстоятельно не только, что̀ было во времена Рюрика, но даже до Рюрика. Въ эти отдаленныя времена вглядываешься съ увѣренностью найти что-то необыкновенное, невиданное. Воображеніе рисуетъ чудныя картины, невозможное и небывалое существованіе, какъ нѣкогда грекамъ чудными, райскими казались земли, о которыхъ до нихъ доходили одни темные слухи. Отсюда выходитъ и вышло со временемъ большое зло. Воззрѣніе на исторію потеряло историческую почву и стало совершенно отвлеченнымъ, *прикрывая* себя фактами. Этотъ недостатокъ ощутителенъ въ Карамзинѣ. Характеры у него созданы, а не воспроизведены, событія освѣщены неестественнымъ свѣтомъ. Оттого нѣтъ никакой возможности понять, какъ же все это дѣлалось въ старину и зачѣмъ дѣлалось? Отчего послѣ варяжскаго періода наступилъ удѣльный, а потомъ именно московскій? Историческіе дѣятели разныхъ временъ и эпохъ какъ въ панорамѣ проходятъ одинъ послѣ другого въ одной хронологической, а вовсе не внутренней исторической преемственности. Въ этомъ царствѣ безплодныхъ тѣней всѣ эпохи, лица, событія такъ похожи другъ на друга, что нѣтъ никакой причины не представить себѣ Россіи задолго до Рюрика стройно-организованною, съ развитымъ общественнымъ бытомъ и цивилизаціей. Каковъ же былъ этотъ бытъ? Онъ неизвѣстенъ, слѣдовательно былъ, конечно, гораздо лучше, выше послѣдующаго. Это обыкновенный выводъ, который дѣлаетъ человѣкъ, ища Эльдорадо, воплощенія своихъ мечтаній и отвлеченныхъ требованій въ дѣйствительномъ мірѣ. Чѣмъ менѣе фактовъ, тѣмъ больше разгула и простора для фантазіи. Нашъ дѣйствительный міръ исполненъ зла: стало быть, было или будетъ когда-нибудь хорошо. Въ ложности такого разсужденія трудно убѣдить. Изъ него прямымъ путемъ вытекаютъ и оптимизмъ, и пессимизмъ,—оба равно ложные, потому что ищутъ полнаго воплощенія идеаловъ въ дѣйствительности, одинъ въ будущемъ, другой въ прошедшемъ. Но пессимизмъ хуже оптимизма тѣмъ, что послѣдній по крайней мѣрѣ питаетъ и поддерживаетъ силы и дѣятельность, а первый заставляетъ человѣка сложить руки, высасываетъ изъ него всѣ живые соки и дѣлаетъ его мистикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли что-нибудь быть безплоднѣе убѣжденія, что въ мірѣ все идетъ къ худшему, что, развиваясь и живя, человѣкъ падаетъ? Вы скажете: да онъ и не совершенствуется, не улучшается. Я согласенъ. Да развѣ непремѣнно нужно предположить то или другое? Развѣ нельзя уже никакъ обойтись безъ этихъ двухъ воззрѣній?

Исторія безпрерывно рождаетъ новые вопросы и находитъ на каждый изъ нихъ свой отвѣтъ. И вопросы и отвѣты идутъ одинъ за другимъ, не повторяясь никогда, и въ такой постепенности, что послѣдующее всегда предполагаетъ предыдущее и можетъ только тогда возникнуть, когда предыдущее раз-

ено. Послѣдовательность, цѣлость, един-
всего существующаго такъ естественны,
въ порядкѣ вещей, что человѣкъ все
ть снести, кромѣ тупой, безсмысленной
айности, и, принявъ ее за основной за-
жизни, лишается силы и энергіи. От-
то, чтобы понять исторію, не должно
а минуту сходить съ почвы дѣйстви-
ности. Вѣрный взглядъ на факты не-
ѣнно дастъ отвѣтъ, почему за такой-то
ой слѣдовала такая-то, и перестановка
въ самой наукѣ сдѣлается невозможною.
думаете, что древнее время было лучше,
ѣдующее хуже: исторія докажетъ вамъ,
это ошибка, обманъ, можетъ быть, очень
осовѣстный, но все же обманъ. Послѣ-
цая эпоха въ фактахъ представитъ вамъ
ю строгую, вполнѣ исчерпывающую кри-
предыдущаго, даже въ томъ, что̀, ка-
ь бы, не подлежитъ никакому разложе-
и признавалось за первоначальную, не-
ожную, основную истину. Для этого
но только смотрѣть на исторію просто,
заднихъ мыслей, что̀ кажется очень
о, а на дѣлѣ очень трудно. Въ статьѣ
Соловьева мы именно находимъ такой
ндъ, хоть онъ и не высказанъ. Древняя
такъ мало имѣла въ себѣ зачатковъ
данственности, что до XIII вѣка и далѣе
олько частный, но и общественный, го-
рственный бытъ ея покоился на однихъ
ныхъ, родственныхъ отношеніяхъ и опре-
лся ими. Нужно было много вѣковъ,
ъ выжиться ей изъ этого до-историче-
о состоянія. Одно это отнимаетъ всякую
ожность и охоту пускаться въ изслѣдо-
е о до-рюриковскомъ періодѣ русской
ріи. Этого мало: ужасы Іоаннова царство-
я, періодъ самозванцевъ, такой страш-
, общественность временъ Кошихина, ре-
ма Петра и всѣ такія явленія въ русской
ріи покажутся естественными, понятными,
ными; а теперь они — еще необъясни-
загадки, іероглифы, къ которымъ страш-
подступиться. Мы поймемъ, что въ древ-
Россіи самое даже юридическое опредѣ-
е родственныхъ отношеній было важнымъ
омъ впередъ. Прежде нежели они исчезли,
ь начало, опредѣляющее весь нашъ древ-
бытъ, они должны были перейти въ пол-
сознаніе, такъ сказать, осѣсться, уло-
ься въ извѣстныя формы. Мѣстничество
его техническимъ языкомъ появилось от-
не при Ярославѣ, а уже гораздо позже,
и въ Москвѣ обработано классически, сколько можно было въ то время.

Вотъ все, что̀ мы имѣли сказать о статьѣ г. Соловьева. Она вполнѣ округлена, окончена по мысли автора, и потому съ нашей стороны не подлежитъ дальнѣйшей критикѣ. Нѣкоторые недосмотры есть: напримѣръ, на стр. 204-й говорится, что младшіе обязаны были „идти всюду по первому зову старшаго“. Мѣсто, приведенное изъ Ипатьевской лѣтописи, показываетъ, что это выраженіе не совсѣмъ точно, можетъ быть даже не довольно обще. Далѣе, тамъ же, въ числѣ обязанностей младшихъ въ отношеніи къ старшимъ упоминается особливо обязанность перваго „смотрѣть“ на послѣдняго. Это выраженіе также принято слишкомъ буквально и не объяснено. Право старшаго судить ограничивалось только „разборомъ споровъ между младшими“. На стр. 215 сказано, что князья, выбравшіе себѣ старшаго, назывались въ отношеніи къ нему ратниками, а изъ цитаты этого не видно. Можно толковать, что подъ ратниками здѣсь разумѣлись князья, но толкованіе будетъ произвольно. Впрочемъ, эти недосмотры очень неважны и почти не заслуживаютъ упоминанія.

Одно позволимъ мы себѣ высказать, не въ видѣ требованія, а только въ видѣ желанія: мы желали бы видѣть въ статьѣ г. Соловьева не одно изложеніе фактовъ, а найти и ихъ объясненіе. Такое объясненіе не только возвысило бы достоинство и безъ того прекрасной статьи, но даже, какъ мы думаемъ, способствовало бы во многомъ и самымъ изслѣдованіямъ автора; нѣкоторые факты освѣтились бы съ другой стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, иначе были бы и изложены. Г. Соловьевъ подробно излагаетъ всѣ факты, въ которыхъ выразилось отношеніе старшихъ и младшихъ князей между собою; но начала, изъ котораго проистекли эти факты, не опредѣляетъ. А когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, начало едва ли не всегда первое, главное. Были ли эти отношенія строго опредѣленныя, юридическія, или нѣтъ? Авторъ объ этомъ не говоритъ. Именно потому, приступая къ прошедшему съ настоящими понятіями, мы идемъ отъ предположенія, что эти отношенія были юридическія, хотя и основанныя на началахъ кровныхъ, родственныхъ. Какъ же странно читать слѣдующее мѣсто въ статьѣ:

„Старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ неограниченную власть, пока самъ свято

исполнялъ свои отеческія обязанности, то-есть пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды или выгоды дѣтей своихъ интересамъ цѣлаго рода, то онъ терялъ свое значеніе старшаго, отца; всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ разногласія князей, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ".

Итакъ, юридическихъ понятій и отношеній мы прежде почти не имѣли. Никто не судилъ и не разбиралъ старшихъ и младшихъ въ родѣ, никто не произносилъ противъ великаго князя приговора, лишавшаго его значенія отца? Слѣдовательно, не было и никакихъ ручательствъ, что отношенія были всегда таковы, какъ представляетъ ихъ авторъ статьи, ибо отъ произвола зависѣло признать ихъ, или не признавать. Такъ и было. Отношенія были въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно произвольны, весьма часто случайны, но и предлогомъ къ нимъ точно служили большею частью отношенія кровныя, родственныя, потому что о другихъ отношеніяхъ не было и понятія.

Еслибъ г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство въ исторіи древнѣйшей Россіи, именно на это почти совершенное отсутствіе юридическаго элемента, онъ не сказалъ бы (на стр. 215), что отнятіе и неволя лишали князей права на томъ основаніи, что битва, по нашимъ древнимъ понятіямъ, считалась за судъ Божій. Вопросы, которые рѣшались войнами, были тогда, какъ и теперь, такъ важны, рискъ такъ великъ, а способъ рѣшенія такъ случаенъ, что человѣкъ необходимо долженъ былъ убѣдиться въ направленіи такого рода дѣлъ Божескою силою; но, утѣшая себя мыслью, что битва— судъ Божій, человѣкъ никогда не могъ подавить въ себѣ мысли, что хотя и побѣжденный, онъ правъ, и всегда снова отдавалъ дѣло на перевершеніе того же суда Божія, т.-е. войны, какъ скоро представлялся къ тому удобный случай. Слѣдовательно, нельзя сказать, что война могла лишить князя права; она только на время или навсегда отнимала у него возможность осуществить свои требованія. Безспорно, въ тогдашнихъ войнахъ еще несравненно менѣе было юридич элементовъ, чѣмъ даже теперь. Войн зей въ періодъ удѣловъ могутъ служи шимъ доказательствомъ справедливос шихъ словъ.

Точно такъ же авторъ не объясни новного начала родовыхъ отношеній личныхъ положеній, изъ нихъ прои шихъ, равно какъ и тѣхъ измѣне торыя со временемъ произошли въ отношеніяхъ. Намъ кажется, что чер и другія проходитъ одна мысль, котор зываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясня реходъ удѣльной Россіи въ московску кимъ образомъ даетъ единство древ русской исторіи. Эта мысль, или дви начало, есть постепенное вытѣсненіе семьей. Какъ извѣстно, родъ отъ сем щественно тѣмъ отличается, что въ т.-е. въ родѣ, счетъ идетъ отъ родо ника. Кто по рожденію къ нему ближ и старше. Поэтому, родъ можетъ об безконечное число членовъ, связанныхъ собою родствомъ, и въ немъ дяди и всегда преимущество передъ племян Напротивъ, въ семьѣ, которая ведет счетъ отъ отца и обнимаетъ однихъ ходящихъ родственниковъ, число нихъ необходимо менѣе, сравнительно домъ; первенство принадлежитъ сыно а не дядямъ, исходящимъ, а не бо Въ этомъ заключается и причина, семья есть то начало, которое стан всегда въ противоположность съ родо рицаетъ и разлагаетъ его по естеств закону распаденія кровнаго союза и з нія его, мало-по-малу, гражданскимъ дическимъ: и у насъ семья вытѣсни конецъ родъ, какъ семья, въ свою о была впослѣдствіи вытѣснена лицомъ. дебное отношеніе рода и семьи поя у насъ очень рано, и ихъ борьба с шимъ и бо́льшимъ преимуществомъ сем полняетъ собою весь періодъ удѣловъ. взглядъ, сколько мы понимаемъ, не не противорѣчитъ основнымъ началам ловьева, но, напротивъ, дополняетъ их нятнымъ становится, почему вымышлен старшинство старшаго племянника на дями; почему племянники не могли б владѣльцами съ дядями (стр. 212); старшіе племянники не считались бра своимъ дядямъ, если отецъ ихъ умер при жизни своего отца, а ихъ дѣда.

ное избраніе князя „въ отца мѣсто“
ого рода—фактъ позднѣйшій—объ-
весьма просто совершеннымъ упад-
ового начала, много разъ побѣжден-
ьей. Родъ обратился какъ бы въ
ражданскій, но еще проникнутый
родовыми понятіями.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобъ въ нашей исторической литературѣ появлялось побольше такихъ статей, какова разобранная нами. Если это желаніе скоро исполнится—время настоящаго пониманія русской исторіи недалеко.

(Отеч. Записки, 1846).

тношеній между русскими князьями дома. Соч. Сергѣя Соловьева. *Москва. 1847.*

усская исторія, какъ древняя, такъ есть по преимуществу *государственная*, въ особенномъ, намъ одйственномъ значеніи этого слова. и, провинціальная жизнь еще не ожиться, когда стало зачинаться и ударство. Его возникновеніе опре- какъ и слѣдовало, тогдашнимъ развитіемъ. Какъ послѣднее было слабо, видно съ одной стороны изъ внутренняго быта тѣхъ немногихъ оторыя, вслѣдствіе особенныхъ исто- обстоятельствъ, долго не были въ общую жизнь и на просторѣ, ѣхи, продолжали свое особенное аніе,—съ другой—изъ быстраго нія ихъ „старины“ вслѣдъ за уни- ъ ихъ политической самостоятель- ѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе сь государство. Конечно, нѣтъ хри- страны, гдѣ бы оно принесло себѣ ертвъ; нѣтъ новой исторіи, кото- представляла такое цѣлостное по- провинціализма государственными и.

мъ этомъ давно уже согласились русской исторіи. Еще Карамзинъ, ный вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ енитое сочиненіе „Исторіей *госу*- Россійскаго“. Дѣйствительно, поли- государственный элементъ пред- покуда единственно-живую сто ей исторіи, и если въ послѣднее тѣтіе и были попытки открыть въ я живыя стороны, то это не столько вано самимъ предметомъ, сколько новыя требованія нашего времени. сской исторіи, а въ насъ лежали которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ; онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической, мы естественно должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало; что въ ней развивалось? Все сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ нелѣпо, или слишкомъ общо, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мірѣ, и именно потому нисколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: „каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство“, и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были причины, создавшія такое-то, а не другое государство, съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому никуда не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціальныя знанія. Къ нему и стали всѣ склоняться, сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающій перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріалы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ

многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и слѣдовательно гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно, наивно, общихъ началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ приготовляется мало по-малу коренное преобразованіе нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самые вопросы русской исторіи переродились и поставляются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде, а извѣстно, что правильно поставить вопросъ значитъ ужъ вполовину рѣшить его.

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался, —словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни, нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго организма; слѣдовательно, имъ, а не чѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ надо было ее объяснить. События, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и стало быть не измѣнили ее, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны— нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣнен послѣдней. Послѣ того оставалось толь нять, такъ сказать, почву, элементъ, в торыхъ совершалась государственная ж и уловить законы ея развитія,—и дѣло сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на рус исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизн трудно было отгадать. Давно ужъ, хо безсознательно, называли Русь *патріарх* ной; но этому слову не давали того г каго, всеобъемлющаго значенія, которое дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи намъ. Сверхъ того всѣ русскіе древніе литики прямо или косвенно тоже указыв на патріархальность. А что такое пат хальность? Формулируя это слово учен образомъ, мы найдемъ, что она заключа въ преобладаніи естественныхъ, природ ныхъ, слѣдовательно на кровномъ род основанныхъ отношеній надъ юридичес и личными. Общество, въ которомъ на никъ или господинъ является какъ бы цомъ, а равные какъ бы братья между бой по крови,—такое общество есть пат хальное. Такъ какъ родственныя отно по времени первыя въ исторіи, то во в обществахъ, у всѣхъ народовъ, патріарх ный бытъ предшествуетъ всякому дру Главная отличительная его черта — с шенная неопредѣленность взаимныхъ шеній между людьми, и вслѣдствіе страшный произволъ, безсознательност необезпеченность всѣхъ и каждаго. вѣку невыносимо жить подъ гнетомъ ной, неотвратимой случайности, котора ритъ въ патріархальномъ обществѣ, прикрываясь мнимой наивностью и ни не охраняемымъ, слѣдовательно шат обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ мится къ опредѣленному, извѣстному, стоянному быту, въ которомъ можно о тироваться и найтись. Вотъ что выво патріархальное общество въ юридиче гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ ключительнаго и односторонняго раз юридическій бытъ является слишкомъ гимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но по крайней мѣрѣ даетъ человѣку хоть кія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ грубо кругъ его дѣятельности, не пер пая котораго можно дѣйствовать безъ лія. Патріархальное общество не пред ляетъ даже и этой скудной выгоды. Отс

ѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріар-
ныя отношенія смѣняются въ немъ юри-
скими и гражданскими, кровный союзъ
ла опредѣляется юридически, потомъ
наетъ мѣсто другому, болѣе широкому
данскому союзу, въ которомъ человѣкъ,
де зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній,
бразуется мало-по-малу въ самостоятель-
дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе
дѣляется личными качествами, талан-
и доблестями, а не одними природ-
условіями рожденія.

ли государственный элементъ дѣйстви-
но поглотилъ и сосредоточилъ всю рус-
народную жизнь, то его развитіе должно
ставлять это постепенное перерожденіе
архальности въ юридическое устройство
жданственность. Другими словами: въ
й государственной жизни должны были
ла преобладать кровныя родственныя
на, а потомъ изъ нихъ, постепенно, вы-
аться юридическія и гражданскія.

ссертація г. Соловьева самымъ блиста-
нымъ образомъ подтвердила этотъ вы-
a priori. И до нея говорили, что съ
а III началось у насъ государство,—
ъ періодъ удѣловъ князья считались
у собой родствомъ, кто кого старше; но
мъ всѣ и останавливались. Это были
изныя замѣтки — не болѣе; отъ недо-
а систематическаго взгляда эти замѣтки
ослужили ни къ чему; факты, бросаю-
въ глаза, оставались незамѣченными;
ммѣ, несмотря на многія изслѣдованія,
ая исторія ничего не выиграла. Обла-
громнымъ фактическимъ знаніемъ пред-
—чему убѣдительнѣйшимъ доказатель-
ъ служитъ книга,—г. Соловьевъ прежде
обратилъ вниманіе на живую связь
у отдѣльными событіями русской исто-
на начало, дающее имъ органическую
ть, единство. Въ короткой, но замѣча-
ой рѣчи, произнесенной имъ съ ка-
передъ началомъ публичнаго диспута,
ясно высказалъ свое отношеніе къ пред-
венникамъ на томъ же поприщѣ. Мы
помнимъ самыхъ словъ, но мысль была
какая: до сихъ поръ заботились осо-
о томъ, какъ раздѣлить русскую исто-
теперь надо стараться, напротивъ, сое-
ть ея части въ одно цѣлое, связать раз-
енное и неправильно противопоставлен-
надо возсоздать наукой живой организмъ
ой исторіи, а онъ самъ ужъ укажетъ
на раздѣленіе необходимое и естественное. Результатомъ этого совершенно новаго пріема, до сихъ поръ невиданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древне-русскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертаціи. На основаніи этого взгляда исчезаютъ всѣ представленія, заслонявшія естественный, органическій ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, Богъ знаетъ какъ и откуда вдругъ являются въ нашей исторіи, по мнѣнію г. Соловьева, до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго значенія. Оно сильно на насъ вліяло—это правда, но было одной изъ дѣйствующихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ исчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ, предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежатъ и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину своей задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и вторую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертаціи. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Іоанна IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ прекращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія. Это общія черты новаго взгляда г Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности. Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно понятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на осно-

ваніи права собственности; слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленныя родственными, кровными связями: князья считаются между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархіи и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіе которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава до смерти Мстислава I-го — столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ: новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣчевые города. Такъ на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержанію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями. Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній, Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Іоаннъ III. Послѣ Всеволода мало-помалу утверждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее насчетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ москов*скому; на*конецъ независимые князья совершенно исчезли въ Россіи, и она обр
въ московское государство. Это госу
окончательно основанное Іоанномъ I
стало на развалинахъ прежняго уд
родового порядка вещей: разумѣется
вдругъ отказался отъ своихъ прав
престанно напоминалъ о своемъ су
ваніи въ лицѣ бояръ и вельможъ,
представителей такъ называемаго уд
періода. Отсюда борьба между ним
сковскими государями, особенно ярко
слѣдній разъ обнаружившаяся при Іоа
Она заключила нашу древнюю, до-
ственную исторію и открыла новый пе
періодъ московскаго царства. Этотъ
безспорно гораздо глубже, цѣльнѣе
всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ
связную картину государственной жиз
ней Руси, чего мы до сихъ поръ не и
точка отправленія поразительно вѣр
смотря на все это, мы думаемъ, одн
г. Соловьевъ, поставивъ новое нач
провелъ его до конца и какъ будто
вился на полудорогѣ. Развитіе новой
у него не вполнѣ послѣдовательно
раемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими
ми поставлены у автора первыми по в
Это начало, точка отправленія. Ихъ
даніе, чтобы не сказать исключитель
подство, въ древнѣйшей русской
ственной исторіи несомнѣнно, очевид
Подъ конецъ, когда раздробленныя
Россіи стали соединяться въ одно цѣ
довыя отношенія удерживались уже
какъ форма безъ содержанія, какъ пр
скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы.
изъ члена рода сталъ вотчинникомъ,
владѣльцемъ, и больше всего думалъ,
бы ему нажиться и увеличить свое
будущее наслѣдство дѣтей. Этой глав
душевной цѣли онъ жертвовалъ родов
кровными связями. Между княземъ—чл
рода, и княземъ—хозяиномъ разстояніе
велико, что ихъ почти нельзя сравн
однако, послѣдній былъ потомокъ пе
Какъ же совершилось это перерожденіе
кими ступенями пройденъ путь, нач
конецъ котораго такъ несходны?

Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ
шеніяхъ, потомъ о государственныхъ,
рыя сначала съ ними боролись и ко
ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношен
находились между собою, откуда взял

енныя отношенія въ нашемъ быту
а родовыми, — этого онъ не объясн
ни объясняетъ слишкомъ неудовле
ьно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ
ной преемственности быта юриди
юслѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ
полнѣ отрѣшился отъ преувеличеній,
такъ изукрасили древнюю Русь, что
я и узнать. Правда, его взглядъ не
о простѣе, естественнѣе; но надо
лать еще одинъ шагъ, чтобы до
полное высвобожденіе древней рус
ріи отъ несвойственныхъ ей пред
; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣ
имъ и объясняется, почему авторъ
одимости долженъ былъ прибѣгнуть
умной, но невѣрной гипотезѣ о раз
ыхъ княжескихъ городовъ отъ древ
евыхъ, для объясненія новаго по
щей, народившагося въ сѣверо-во
Россіи. Представляя себѣ въ нѣ
неестественныхъ размѣрахъ влади
и московскую Русь, г. Соловьевъ уви
нихъ то, чего онѣ или вовсе не
яли, или представляли, но не въ
тѣ, который имъ придаетъ авторъ.
г. Соловьева между Русью до и
III вѣка цѣлая пропасть, которую
ь можно было только чѣмъ-нибудь
ъ, не лежавшимъ въ органическомъ
нашего древнѣйшаго быта. Такимъ
ь обстоятельствомъ является у автора
новыхъ городовъ; вывести эту си
ъ родовыхъ началъ, наполнившихъ
азвитіемъ государственную исторію
о Іоанна III, нѣтъ никакой возмож
бъяснимся.

е сказали, что государственный, по
ій элементъ одинъ сосредоточиваетъ
весь интересъ и всю жизнь древней
ли этотъ элементъ выразился въ ро
патріархальныхъ формахъ, ясно, что
емя онѣ были высшей и единственно
ой формой быта для древней Руси.
ъ сильныхъ переворотовъ во внут
составѣ нашего отечества не про
; отсюда можно a priori безошибочно
ть, что всѣ измѣненія, происшедшія
но въ политическомъ быту Россіи,
ь органически изъ самаго патріар
, родового быта. Въ самомъ дѣлѣ,
мъ, что исторія нашихъ князей пред
ь совершенно естественное перерож
овнаго быта въ юридическій и граж
данскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою, только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то есть по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало-по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился въ множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый хотя и слабый зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей-собственниковъ удалось наконецъ, съ помощью разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться насчетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они—замѣтимъ это хорошенько—условливались не сте-

пенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностью факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока наконецъ, въ началѣ XVIII, московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе развитого быта, предоставленные самимъ себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и вырабатывать всѣ первичныя—гражданскія и общественныя—начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо какъ русская сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія человѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ—принадлежитъ князьямъ: въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и о гражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья; а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполнѣ даже теперь, полтораста лѣтъ спустя послѣ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее—да, безспорно, но никакъ не государственныя. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми фактами, и косвенно — родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что г. Соловьевъ не назвалъ явленія его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія родового быта. Г. Соловьеву была нужна гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ. Она ненужна и — прибавимъ еще — весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались *новые* города отъ старыхъ? Авторъ блистательно изложилъ гипотезу въ своей м
терской диссертаціи объ отношеніяхъ
города къ великимъ князьямъ, но не
твердилъ ее никакими доказательствами.
томъ онъ на нее ссылался, какъ на акс
Мы съ своей стороны тщетно перебирал
памяти историческіе факты, напрасно
сматривали лѣтописи: ни одно данное
приводитъ къ ней. Во-первыхъ, въ уст
ствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не
ходимъ рѣшительно никакой разницы;
ныя общины отличались особенной орга
ціей — это правда; но если всѣ вольны
рода древней Руси были старые, то да
нельзя сказать наоборотъ, что всѣ ст
города были вольные. Напротивъ, лѣто
представляютъ намъ множество старыхъ
родовъ, которые безусловно повинова
князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ
званія, и множество новыхъ городовъ,
строенныхъ князьями, и въ с.-в. Россіи
торые не повиновались князьямъ и свое
ствовали. Различіе между тѣми и дру
невозможно провести, потому что устрой
городовъ древней Руси не имѣло ник
опредѣленности, правильности, постоян
которыя, при возмужалости народа, кла
особенную, неизмѣнную печать на всю
рію города и глубокими чертами отлич
ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ
довъ. И теперь внутреннія города Ро
даже большіе, чрезвычайно между с
сходны. Отчего это? Оттого, что нѣтъ
винціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ
потому, что гражданственность у насъ
въ зародышѣ, едва только начинается. Т
болѣе такъ было въ древней Россіи, не и
шей никакой гражданственности. Ист
нашихъ городовъ въ древности слу
этому неопровержимымъ доказательств
Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ само
тельность, которые удалены отъ гла
сцены дѣйствія русской исторіи; придет
ними въ соприкосновеніе сильный кня
они отдаются ему „на всей его волѣ“,
нечно, не безъ сопротивленія, но все
отдаются: князь на лицо—городъ испол
его волю, нѣтъ — тогда городъ начи
дѣйствовать, собираться на вѣче, рас
жается. Ослабѣютъ князья — города их
слушаются и заключаютъ съ ними усл
усилились они — города опять замолкл
когда утвердилось московское единовл
достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сра

-нибудь Новгородъ со всѣми другими
ами,—Новгородъ, который до конца XV
составлялъ цѣлое государство съ огром-
рриторіей; а тогда еще не было и по-
о тѣхъ административныхъ средствахъ
шеннаго покоренія, которыя изобрѣтены
въ новѣйшее время. Что можетъ быть
орѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ
ни, что тогда города сами по себѣ ни-
не значили, что ихъ муниципальныя
не были правами, а обычаями, не имѣв-
даже юридическаго характера, потому
ти права не были сознаны и усвоены
ько въ отсутствіи или при слабости кня-
редъявляли свое существованіе. Стало
не изъ характера новыхъ городовъ
лось понятіе объ отдѣльной княжеской
венности. Оно не имѣло никакого исто-
каго прототипа, а напротивъ, само ро-
ись впервые въ государственной сферѣ,
жило первообразомъ частной, граждан
собственности. И такъ, объясненіе г. Со-
ва рушится само собою.

ъясненіе происхожденія отдѣльной соб-
ности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ
іяхъ родового быта. Если онъ послѣ
вѣка началъ переходить въ граждан-
а не государственный, какъ думаетъ
ловьевъ, то органическую связь между
и угадать весьма не трудно. Она скры-
я въ вотчинномъ семейственномъ на-
тоже основанномъ на кровномъ род-
слѣдовательно тоже патріархальномъ,
оторое тѣмъ существенно отличается
родового, что гораздо тѣснѣе его и на-
тся къ нему постоянно во враждебныхъ
пеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части,
гда она беретъ верхъ, послѣдній необхо-
падаетъ. О вотчинномъ, семейномъ на-
игравшемъ такую важную роль въ древ-
Россіи, г. Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ
оей диссертаціи; онъ его какъ бы обхо-
. На диспутѣ многіе, отправляясь впро-
отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись
зраженіяхъ на эту слабую сторону раз-
енія. Авторъ защищался очень ловко и
но, но побѣда осталась не на его сто-
. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важ-
въ русской исторіи, то мы позволимъ
сказать о немъ нѣсколько словъ.

но изъ главныхъ, коренныхъ отличій
ого союза состоитъ въ томъ, что какъ
и расширился родъ, какъ бы ни стали
очисленны его вѣтви, онѣ непремѣнно
находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лицо, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто, на основаніи родовыхъ началъ, не изъятъ изъ этой классификаціи. Таковъ родъ, по самому своему началу; если оно не всегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихъ-нибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши существовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лицо въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это зависитъ исключительно отъ рожденія. Кто прежде родился, тотъ и старше; кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣняла это общее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ ближайшимъ приноровленіемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобъ не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое, слава Богу, быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить, и т. д. Какъ же пусто и главное безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничьего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ всякій вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей Руси не было и

помину; упадокъ родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно—отъ семьи, вотчиннаго начала. Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ:

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами; но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное—къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что же должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія,—когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей наконецъ измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда-то семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспоривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые младшими, и родъ исчезъ.

Постепенность этой коренной перемѣны въ понятіяхъ и въ движущемъ началѣ наш внутренней жизни, которой важность нел довольно оцѣнить, превосходно изложена диссертаціи г. Соловьева въ отношеніи велико-княжескому достоинству:

„Первымъ, главнымъ правомъ на великок жеское достоинство было старшинство физи ское, слѣдовательно дядя имѣлъ первенство н племянникомъ, старшій братъ надъ младши мужъ старшей сестры надъ младшими зятьями... такъ по первому, естественному представленію старшинствѣ, дядя постоянно имѣлъ право пр племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе второе представленіе: по смерти отца стар братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, ста вился отцомъ въ отношеніи къ нимъ, слѣдовате но его дѣти должны были стать братьями дяды своимъ; и точно такое представленіе существов при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо видимъ, что сыновья старшаго брата называ братьями дядьямъ своимъ... Но при такомъ п ставленіи необходимо рождался вопросъ: стар сынъ старшаго брата, который сталъ отцомъ младшихъ братьевъ, сталъ поэтому самому томъ дядьямъ своимъ, но какимъ братомъ — с шимъ или младшимъ? Здѣсь опять два предста нія: первое, основываясь на физическомъ с шинствѣ, отдавало всегда преимущество дяд предъ племянниками, сыновья старшаго брата б братьями дядьямъ своимъ, но братьями младши Но въ пользу племянниковъ скоро явилось дру представленіе: старшій братъ сталъ отцомъ младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ с для нихъ братьями, старшій между сыновьями о есть необходимо старшій между братьями, сл вательно старшій племянникъ старше дядей... слѣднее представленіе о старшинствѣ старш племянника надъ дядьями явилось при самыхъ п выхъ столкновеніяхъ между правами Ярослав выхъ потомковъ на старшинство, но встрѣт сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, котор было за естественное представленіе, основан на физическомъ старшинствѣ дядей надъ плем никами: отсюда произошли страшныя войны м ду Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ и томствомъ его, въ продолженіе которыхъ и до маго разъединенія юго-западной старой Руси с сѣверо-восточной, новой, торжество оставалось представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ п мянниками... Но въ потомствѣ Всеволода III Руси сѣверо-восточной пересиливаетъ представ ніе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата у не надъ одними младшими, но надъ всѣми дяд ми, при чемъ однако, до самаго пресѣченія Ри кова рода на престолѣ Московскомъ, дядья сам младшіе не хотятъ уступить старшинства сы отъ перваго брата, такъ что оба представле остаются при своихъ крайностяхъ, не уступая другъ другу, не допускаютъ ничего средняго".

Когда нисходящіе получили старшинст передъ боковыми, родъ не могъ уже орган зоваться и родовое начало—быть источник

ъ. Отъ него удержалась лишь форма всякаго содержанія. Мало этого: только о паденіемъ и полнымъ торжествомъ наго начала, могъ появиться типъ земдѣльца, вотчинника, который въ нашей арственной жизни дѣйствительно смѣ типъ дружиноначальника, сначала предавшій между князьями и лежавшій въ аніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщии или „хозяевъ“, какъ называетъ ихъ а остроумно г. Соловьевъ, не только тячерезъ всю московскую исторію до а III, но даже всѣ послѣдующіе мосіе цари, до самого Петра Великаго, протые тѣмъ же характеромъ, удержиь еще тѣ же самыя формы, хотя и съменіями. Но рядомъ съ этимъ типомъ, въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, снасмутно, едва замѣтно, мысль о государ Развиваясь медленно, она мало-по-малу няетъ типъ владѣльца, вотчинника, и нецъ одерживаетъ надъ нимъ первую ательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Великаго. Это появленіе новой идеи, намъ кажется, не довольно рѣзко отно въ разсужденіи г. Соловьева. Правда, особенно останавливается на томъ, что рій Донской первый отказалъ старшему гораздо большую часть въ сравненіи съ ми, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и больше, заботился о сохраненіи цѣлости вскаго великаго княжества, сколько о ныхъ интересахъ. Совсѣмъ тѣмъ, объ въ высокой степени важномъ явленіи шей исторіи не сказано у г. Соловьева лова въ общемъ обозрѣніи предмета. дство семейнаго начала и появленіе нагосударственнаго слиты авторомъ въ подъ общимъ названіемъ государственотношеній. Мы уже видѣли, какъ это вильно. Прибавимъ, что именно оттого, торъ не отличилъ семьи и вотчины отъ арства, и выходитъ у него какъ бы скавъ нашемъ развитіи—пустое мѣсто, не ненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго а этотъ пропускъ исчезаетъ, и ходъ ис является чрезвычайно естественнымъ лѣдовательнымъ: родъ и общее владѣемья и вотчина или отдѣльная собственлицо и государство.

ъ все, что мы считали нужнымъ скаобъ основной мысли новаго историчесочиненія г. Соловьева. Переходя тепъ подробному разбору его частныхъ розысканій и отдѣльныхъ положеній, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, и заключается вся сила, достоинство разсужденія и вполнѣ выражается яркій историческій талантъ автора,—сдѣлаемъ въ заключеніе общій выводъ изъ всего нами сказаннаго.

Главная заслуга г. Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи—родовое начало. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ блистательно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многіе — Эверсъ, Рейцъ, г. Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — вертѣлись около этой мысли, мы не усомнимся приписать г. Соловьеву честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя и является основателемъ новаго воззрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями. Но онъ не вполнѣ вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль; это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала. Отсюда:

ГИЛЬФЕР.

Во 1-хъ, въ первомъ появленіи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенія; во 2-хъ, семейственное, вотчинное начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленіе государства, вовсе не обратило на себя его вниманія; въ 3-хъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненіи той важной роли, которая имъ по всей справедливости принадлежала: они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ и потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ 4-хъ, появленіе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ недоказанной и вдобавокъ вовсе неправдоподобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ и необходимымъ развитіемъ родового быта и устройства.

Разсмотримъ частности съ той внимательностью и подробностью, которыхъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ эта превосходная, классическая книга. Здѣсь мы тоже встрѣтимъ мѣстами много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться или что по крайней мѣрѣ сомнительно и спорно. Зато, по большей части, изслѣдованія и замѣтки автора такъ вѣрны, оригинальны и новы, что они съ избыткомъ вы-

купаютъ преувеличенное, невѣроятное и ошибочное.

Предисловіе, о которомъ мы лишь мимоходомъ упомянули,—въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе.

„Мы привыкли, — говоритъ авторъ — къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, изчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I-го до конца XVI вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣлъ* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ времени Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла насчетъ другого, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько, всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣленную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: „мы внуки одного дѣда“, говорятъ Святославичи, и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба въ семьѣ Мономаха, между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлъ, но за старшинство. Наконецъ третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь поступилъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столъ*. Такимъ образомъ выраженія: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обр
ному представленію, выставляя господство уд
владѣнія, отдѣльной собственности въ то вре
когда господствовали родовыя отношенія при
раздѣльной родовой собственности.

„Но я уже сказалъ, что третья борьба ме
Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то,
первые хотятъ поддержать родовыя отношенія
тивъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хот
обходиться съ родичами, какъ съ подручника
стать самовластцами въ землѣ своей. Это стрем
ніе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабле
родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, с
мы видимъ, что единство Ярославова рода руш
ся, и Русь дѣлится, впервые, на нѣсколько
жествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ,
тому что великій князь означаетъ только старш
въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раз
бился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каж
родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго:
лось нѣсколько великихъ князей. Начинается бор
между отдѣльными княжествами; цѣль этой бор
— пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного
жества насчетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ
жествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивае
усиленіемъ княжества московскаго, подчинени
ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой бор
между отдѣльными великими князьями, или с
шими родовъ, внутри каждаго княжества, въ к
домъ родѣ идетъ борьба между старшимъ князь
и младшими, теперь уже *удѣльными* князь
борьба также за собственность и за государств
ныя отношенія противъ родовыхъ: каждый вел
князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести уд
ныхъ князей въ подданническое къ себѣ отноше
послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ
ношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя бор
въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣст
подчиненіемъ ихъ московскому, въ послѣднемъ
оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюрико
династіи. (Стр. I—IV).

Доказавъ такимъ образомъ, и весьма ос
вательно, что удѣловъ сначала вовсе не су
ствовало, а потомъ они не такъ исключ
тельно опредѣляли между-княжескія от
шенія, чтобы по нимъ можно было назв
цѣлый періодъ русской исторіи *удѣльны*
авторъ доходитъ до тѣхъ же результато
и въ отношеніи къ *монгольскому періоду*.

„Если несправедливо названіе: удѣльный
ріодъ, то еще менѣе справедливо названіе монг
скаго періода. Это названіе можетъ быть допущ
только тогда, когда мы беремъ одну внѣшн
сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ, н
дарственнымъ развитіемъ въ Россіи, мы не имѣ
никакого основанія ставить монгольскія отноше
на первомъ планѣ, приписывать азіатской о
такое сильное вліяніе на развитіе европейско-х
стіанскаго общества. Мы видѣли, что стремле
замѣнить родовыя отношенія государственны
началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовател
гораздо прежде монголовъ; это стремленіе вызв

ную борьбу между родовыми и государствен-
отношеніями, условія для которой были при-
ены прежде монголовъ. Правда, когда от-
ныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва
вого единства и преобладанія понятія объ от-
ной собственности, начинаютъ борьбу другъ
другомъ, то монголы принимаютъ дѣятельное
іе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то
то другому князю или княжеству: но здѣсь
дѣйствуютъ безотчетно, безсознательно, точно
какъ прежде дѣйствовали половцы, помогав-
одному князю противъ другого въ ихъ родо-
спорахъ; однако никто не вноситъ въ рус-
исторію половецкаго періода. Возразятъ: по-
не порабощали Руси своему игу, не налагали
не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не
ли ихъ въ степяхъ своихъ: но монголы, не-
ли на свое видимое владычество, не имѣютъ
кого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, под-
ваютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, ко-
е дадутъ имъ больше денегъ; еслибъ во время
оловъ продолжали господствовать прежнія ро-
отношенія, то монголы точно бы такъ же
рживали то дядей противъ племянниковъ и
ротъ, то Мономаховичей противъ Олеговичей,
оротъ; въ XIII же и XIV вѣкахъ, когда ро-
отношенія потеряли господство, монголы по-
отъ князьямъ: московскому, рязанскому, твер-
, нижегородскому, ярлыками и войскомъ въ
ѣ ихъ другъ съ другомъ, цѣль которой есть
ніе одного княжества насчетъ другихъ, под-
іе всѣхъ княжествъ одному, собраніе земли
ой. Какая разница между участіемъ монго-
и половцевъ въ княжескихъ отношеніяхъ? Та,
ля склоненія хана монгольскаго на свою сто-
князь долженъ былъ ѣхать въ Орду, такъ
для задариванія половецкаго хана князь съѣз-
съ нимъ на границахъ степей: слѣдствія были
и тѣ же. Ханы казнили русскихъ князей въ
не ханы казнили ихъ, но русскіе князья по-
твомъ ханскихъ палачей истребляли другъ
; ханы служили здѣсь только орудіемъ для
чуждыхъ, которыхъ они совершенно не по-
ли; для насъ важно не то, какъ, посредствомъ
князья истребляли другъ друга, но по какимъ
амъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ
борьбѣ, а эти начала, эти цѣли явились не-
мо отъ татаръ и прежде нихъ. Ханъ могу-
енно способствовалъ усиленію и обогащенію
аго князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ,
икомъ податей: но какого великаго князя
ѣютъ здѣсь? московскаго? Но кромѣ москов-
были другіе великіе князья, которые въ сво-
областяхъ были также приказчиками хана, со-
и дань съ своихъ удѣльныхъ, и могли также
щаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ.
ъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ
ю: но развѣ половцы не давали побѣды
имъ нашимъ? И такъ названіе монгольскаго
да должно быть исключено изъ русской исто-
ютому что мы не можемъ приписать монго-
самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ
ій, которыми отличается наша исторія, начи-
ь XIII вѣка; новый порядокъ вещей начался
ло прежде монголовъ и развивался естествен-
слѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи
разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ ко-
торыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ
исключительнымъ ихъ вліяніемъ“ (стр. --IX).

Взглядъ г. Соловьева на монгольское владычество имѣетъ двѣ стороны, которыя читателю непремѣнно должно различать, если хочетъ узнать истину. До сихъ поръ думали, что татарское иго насильственно измѣнило русскую исторію, отклонило его отъ нормальнаго развитія. Мы знаемъ, что многіе смотрѣли иначе и прежде г. Соловьева, но не помнимъ, чтобы кто-нибудь высказалъ свое мнѣніе печатно. Съ этой стороны, какъ противодѣйствіе существующимъ понятіямъ, какъ возстановленіе органической связи между до-монгольской и послѣ-монгольской Русью, слишкомъ рѣзко доселѣ раздѣляемыми, взглядъ г. Соловьева кажется намъ вполнѣ вѣрнымъ; въ другомъ мѣстѣ мы высказали подобное же мнѣніе и до сихъ поръ не имѣемъ никакой причины отъ него отступать. Самая односторонность взгляда г. Соловьева вполнѣ объясняется и оправдывается прежними мнѣніями о монгольскомъ періодѣ, ибо вездѣ и всегда одна односторонность вызывала другую. За примѣрами ходить недалеко: передъ нами мнѣніе о древней русской исторіи, реформѣ Петра, Карамзинѣ, цѣломъ славянскомъ мірѣ и о множествѣ другихъ вопросовъ. А односторонность есть во взглядѣ г. Соловьева. Увлекаясь вѣрностью основной мысли, онъ, какъ намъ кажется, пошелъ слишкомъ далеко. Дѣйствительно, начала, развиваемыя древней Русью, не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но нельзя отрицать, что оно очень неблагоріятно дѣйствовало на характеръ и духъ народа. Необузданный произволъ, ничѣмъ неуловимая случайность, умилостивляемая, и то не всегда, однимъ полнымъ уничиженіемъ, не могли остаться безъ сильнаго вліянія на нравственность какъ народа, такъ и князей. Если въ продолженіе почти двухъ сотъ лѣтъ одна лесть, подкупъ и отрицаніе въ себѣ всякихъ правъ были почти единственными средствами для достиженія цѣлей, то трудно себѣ представить, чтобъ это не отозвалось въ послѣдующемъ бытѣ и исторіи. Оно и отозвалось! Татищевъ, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ изслѣдователей русской исторіи, смотритъ на реформу Петра между прочимъ какъ на искорененіе слѣдовъ, оставленныхъ татарскимъ игомъ. Стало быть, и тогда многія дурныя стороны нашего характера приписы-

вались азіатской ордѣ, нами овладѣвшей, и если нѣкоторыя изъ нихъ могутъ безъ всякаго сомнѣнія быть причислены къ нашему родовому наслѣдію, то другія—очевидно благопріобрѣтенныя, или носятъ смѣшанный характеръ. Слѣдовательно, историческое повѣрье, приписывающее татарамъ столько дурного въ насъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, которымъ нельзя пренебрегать.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свое раздѣленіе между-княжескихъ отношеній на отдѣлы. *Первый* до Андрея Боголюбскаго: чисто родовыя отношенія; *второй* до Іоанна Калиты: первыя попытки смѣнить родовыя отношенія, и вслѣдствіе того, борьба между князьями сѣверной и восточной Руси, представителями противоположныхъ цѣлей. Послѣ раздробленія рода эта борьба смѣняется борьбой отдѣльныхъ княженій, съ цѣлью усиленія одного насчетъ другихъ; побѣда остается на сторонѣ московскаго князя. *Третій* отдѣлъ до Іоанна III: Москва и Литва — два центра, около которыхъ группируется Русь. Литовскіе и московскіе князья — въ борьбѣ между собою. Московскіе даютъ все болѣе и болѣе перевѣса государственнымъ отношеніямъ надъ родовыми. *Четвертый* — до пресѣченія Рюриковой династіи: окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми, купленное кровавою борьбою съ издыхающимъ родовымъ началомъ.

Это раздѣленіе намъ кажется такъ же неудовлетворительнымъ, какъ и прежнія, весьма основательно отвергнутыя г. Соловьевымъ. Что вызвало его на опроверженіе названій: удѣльный, монгольскій періодъ? Не то ли, что эти представленія затемнили естественное, органическое развитіе русской исторіи. Если такъ, новое раздѣленіе не должно имѣть этого недостатка: оно тамъ должно ставить границы эпохамъ и періодамъ, гдѣ начинается и оканчивается развитіе какого-нибудь историческаго принципа. Но этого г. Соловьевъ не сдѣлалъ, и потому его раздѣленіе, если разсматривать съ его же точки зрѣнія, такъ же произвольно и внѣшне, какъ и прежнія. Первый отдѣлъ составляетъ нѣчто цѣлое, но конечно не съ Рюрика, а по крайней мѣрѣ съ Ярополка, если не съ Владиміра и Ярослава. До Ярополка мы ничего не знаемъ о родовыхъ отношеніяхъ между князьями, и тѣ, которые признаютъ у насъ варяжскій періодъ, не безъ основанія могутъ отрицать существованіе родовыхъ ношеній до этого времени, по самому ха терту варяжскаго элемента — дружинно военному, а отнюдь не родовому. Остал три отдѣла различны между собою то по степенямъ преобладанія государственн отношеній надъ родовыми— степенямъ, к рыя не имѣютъ впрочемъ у автора сво отличительныхъ, характеристическихъ тѣнковъ. Почему же они составляютъ дѣлы? Мѣрила нѣтъ; это зависѣло отъ об благоусмотрѣнія г. Соловьева. Намъ каже что этотъ недостатокъ правильнаго, лог скаго раздѣленія происходитъ отъ недо точнаго развитія основного, движущаго чала древней Руси, о чемъ мы уже подр говорили прежде. Г. Соловьевъ вдругъ о тилъ вниманіе на нѣсколько различныхъ ронъ нашей исторіи, и именно поэтому н единства въ его воззрѣніи. Мы думаемъ, точки дѣленія могли бы быть удержаны же самыя, но характеристика эпохъ дол быть другая. Первая — родовыя отноше вторая — ихъ борьба съ семейными и гр данскими, третья—семейныя и граждан отношенія, четвертая — государство. Е данныя тѣ же, то смыслъ ихъ соверше другой, и на этомъ основаніи мы зара отклоняемъ отъ себя упрекъ въ безполезн ни къ чему не ведущей игрѣ словами.

Послѣ „вступленія“ авторъ переходитъ самому изложенію между-княжескихъ от шеній. Ему предшествуетъ, вмѣсто вве нія, особенная глава, исключительно по щенная общему обозрѣнію родовыхъ отно ній князей. Эта глава здѣсь совершенно мѣста, потому что весь первый отдѣлъ, Андрея Боголюбскаго, объясняется одни родовыми отношеніями. Замѣтимъ также, эта первая глава была уже напечатана первомъ томѣ „Московскаго Сборника“ теперь является исправленною и дополн ною. Вотъ ея содержаніе: старшій въ к жескомъ родѣ, или великій князь, былъ отношеніи къ младшимъ какъ бы отецъ, отца мѣсто“. На этомъ основаніи онъ д женъ былъ охранять интересы рода, им право судить и наказывать младшихъ ч новъ рода; но послѣднимъ правомъ онъ могъ пользоваться по произволу: нужно бы обвиненіе; младшіе съ своей стороны о заны были уважать и слушаться велик князя. Это уваженіе и послушаніе выра лись въ томъ, что они ѣздили подлѣ ст

мени старшаго, по старинному выраженію — „ходили по немъ", имѣли его себѣ господиномъ, находились въ его волѣ и смотрѣли ему въ глаза — „зрѣли нань". Совершенно согласно съ патріархальными нравами, они должны были соглашаться съ распоряженіями старшаго безъ возраженій, не имѣли никакого права давать ему совѣтовъ, и когда онъ спрашивалъ у нихъ мнѣнія, то это считалось за великую честь и снисхожденіе. Впрочемъ, всѣ эти отношенія глубокой, сыновней почтительности къ старшему исчезали, когда младшіе были имъ недовольны за то, что онъ не исполнялъ своихъ отеческихъ обязанностей, отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ рода, дѣлалъ различіе между близкими и далекими родственниками, или начиналъ обращаться съ младшими не какъ съ родными, а какъ съ подчиненными правителями или подручниками. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ его права прекращались, и онъ замѣнялся общимъ родовымъ совѣтомъ, или каждый князь дѣйствовалъ и защищался какъ умѣлъ и могъ. При такихъ на родствѣ основанныхъ отношеніяхъ, когда старшій не былъ властелиномъ, хотя и имѣлъ огромныя права, собственность принадлежала всему роду; старшій не могъ ею располагать по произволу, но владѣлъ и распоряжалъ сообща съ младшими, откуда и выраженія *посадиша, вынаша*, которыя показываютъ, что старшій дѣйствовалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ младшими. Кто же изъ князей считался старшимъ или великимъ? Какъ мы видѣли,— старшій физически, то есть дядя былъ старшимъ надъ племянниками, старшій братъ надъ младшими и т. д. Но изъ послѣдняго старшинства развилось измѣненіе въ отношеніяхъ племянниковъ къ дядямъ. Старшій братъ — отецъ младшимъ, слѣдовательно его сыновья имъ братья. Сперва они считались младшими братьями, но потомъ въ сѣверо-восточной Руси старшій племянникъ сталъ считаться старшинствомъ съ дядями. Сначала признано его старшинство надъ младшими дядями, а впослѣдствіи и надъ всѣми. Нѣкоторые случаи навсегда лишали князей возможности сдѣлаться старшими или великими, даже участія въ родовой собственности. А именно: 1) когда отецъ ихъ умиралъ, не получивши старшинства или велико-княжескаго достоинства. Они назывались *изгоями* (смерть матери только уменьшала права); 2) насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе, потому что битва считалась судомъ Божіимъ; но точно также судомъ Божіимъ считалось, если князь силою возвратитъ себѣ старшинство, столъ. Князь, которому не удавалось возкратить себѣ потерянное, навсегда и съ потомствомъ терялъ право на владѣніе.

Таково было въ главныхъ чертахъ родовое устройство и родовыя отношенія, личныя и по владѣнію. Впослѣдствіи, когда княжескій родъ расплодился, счетъ родства началъ спутываться и съ естественными кровными отношеніями вступили въ столкновеніе частные интересы, мѣсто великаго князя, или старшаго, на котораго указывали родовые законы, заступали иногда чужеродцы. Младшіе князья иногда *выбирали* себѣ старшаго и давали ему присягу вѣрности, почему и назывались *ротниками*. Такъ, послѣ естественнаго родового союза, появился искусственный, но созданный по его образцу и началамъ.

Это главныя положенія, развитыя авторомъ въ общемъ обозрѣніи княжескихъ отношеній до XIII вѣка. Рядомъ съ ними находимъ и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія; но ихъ важности они не могутъ быть обойдены.

На стр. 20 мы читаемъ:

„Старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто*, по занятіи старшаго стола дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, касательно распредѣленія родовой собственности... При этихъ рядахъ опредѣляли не только какому князю владѣть какою волостью, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи... Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды — если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другую какую-нибудь область... Ясно, что если каждый В. Князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братьею, то *завѣщанія* въ древней Руси быть не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу".

Замѣчаніе глубоко-вѣрное въ примѣненіи къ между-княжескимъ отношеніямъ въ то время, когда было много князей и они еще не усѣлись по мѣстамъ, — и совершенно ошибочное въ той общей формѣ, въ какой оно здѣсь высказано. Князья не могли распоряжаться владѣніями посредствомъ завѣщанія — это такъ; но когда одинъ князь владѣлъ всей Россіей, отчего же бы онъ не могъ распорядиться произвольно? Завѣщаніе

Ярослава внесено въ лѣтопись. Г. Соловьевъ, увлекаясь своею любимою мыслью, опровергаетъ его подлинность, но, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, это натяжка, не выдерживающая критики. Далѣе, мы думаемъ, что авторъ придаетъ завѣщаніямъ слишкомъ тѣсное значеніе, совершенно несогласное съ характеромъ и духомъ древней Руси и дошедшими до насъ завѣщаніями. Изъ его словъ можно думать, что главное условіе завѣщанія—распоряженіе о земляхъ и владѣніяхъ: не можетъ быть такихъ распоряженій, не можетъ быть и завѣщанія. Но такъ ли это? Поученіе Мономаха есть тоже завѣщаніе,—противъ этого трудно, кажется, спорить,—а въ немъ ни слова о владѣніи и распорядкѣ собственности. Вдобавокъ намъ кажется, что въ древней Россіи завѣщанія и не могли имѣть юридическаго характера. Человѣкъ, умирая, прежде всего заботился объ устроеніи своей души: послѣднія слова, которыя онъ говорилъ своимъ дѣтямъ и домочадцамъ, заключали въ себѣ нравственно-религіозныя наставленія; онъ старался утвердить между ними любовь, согласіе, тишину, и съ этой точки зрѣнія, должно, какъ намъ кажется, смотрѣть и на послѣднія распоряженія объ имуществѣ; не надѣленіе дѣтей, а предупрежденіе между ними споровъ и несогласій было главною цѣлью. Слѣдственно, если князь не имѣлъ права распорядиться владѣніями, это еще не доказываетъ, что не было завѣщаній; какъ мы видѣли, эти распоряженія были въ нихъ придаточной, второстепенной, а не главной статьей. Подробное изслѣдованіе древнихъ *духовницъ* не можетъ здѣсь имѣть мѣста, и потому мы останавливаемся на томъ, что̀ сказали; но могли бы представить много другихъ доказательствъ противъ гипотезы г. Соловьева, и въ наше оправданіе,—доказательствъ, почерпнутыхъ изъ самого содержанія и формы завѣщаній. Въ заключеніе замѣтимъ, что, кромѣ земель и владѣній, у князей были движимыя имущества и рабы. Еслибъ наши завѣщанія имѣли даже юридическій, имущественный характеръ, ихъ было бы чѣмъ наполнить и помимо земель. Уже на этомъ основаніи нельзя отрицать ихъ существованія въ древнѣйшей Россіи.

На стр. 26 и слѣдующихъ, послѣ розысканій о старшинствѣ дядей и племянниковъ и о томъ, какъ два представленія о старшинствѣ опредѣлились въ княжескихъ родахъ въ пользу старшаго племянника, г. Соловьевъ говоритъ:

„Въ другихъ городахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядьями, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества. Отчего же произошло это различіе? Во первыхъ оттого, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверо-востокѣ, вслѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставляло старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія собственной семьи насчетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріальную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ, естественно, незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во-вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ болѣе высшей власти въ обществѣ; старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ слѣдовательно гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи В. Князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ В. Князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе и младшіе находятся въ одинаковыхъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣдовательно здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядьямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій, и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата“ (стр 26—28).

Это объясненіе чрезвычайно остроумно и справедливо. Мы прибавимъ къ нему общее замѣчаніе, относящееся ко всей древней русской жизни и подтверждающее ту истину, что государственное политическое развитіе у насъ постоянно шло впереди: всѣ новыя начала и формы, которыя только развила въ себѣ древняя Русь, постоянно появлялись сперва въ государственной сферѣ, а потомъ уже, иногда много времени спустя, въ гражданской, общественной. Такъ родовое начало сперва исчезло въ между-княжескихъ отношеніяхъ, потомъ въ службѣ и гораздо позднѣе въ наслѣдственномъ правѣ; то же

съ общимъ владѣніемъ; личность у насъ
ые появляется въ особѣ московскихъ
ихъ князей и царей, а въ граждан-
быту это начало стало развиваться
недавно. И во всемъ такъ.

едположеніе, почему по мѣстническому
четвертый дядя считается равнымъ
у старшему племяннику (первому сыну
аго брата), по нашему мнѣнію, очень
о; если тотъ или другой случай ему и
ворѣчитъ, то, какъ общее правило, оно
ли можетъ быть опровергнуто.

акое. . . основаніе тому, что въ мѣстни-
именно четвертый дядя теряетъ старшин-
ередъ племянникомъ отъ перваго брата? Мы
ъ, что объясненіе такому счету можно
въ самомъ физическомъ старшинствѣ ме-
ленами семьи, ибо почти всегда въ много-
ной семьѣ только три старшіе брата со-
ютъ нѣкоторое равенство между собою ка-
но возраста, разница же между первымъ и
ными младшими, начиная съ четвертаго,
обыкновенно велика, что послѣдніе нахо-
еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда первый
совершенно возмужалъ; при томъ обыкно-
случалось и случается, что при жизни отца
первыхъ сыновей достигаютъ зрѣлаго воз-
тогда какъ другіе остаются еще дѣтьми и,
несовершеннолѣтніе, вступаютъ подъ над-
старшаго брата, который на самомъ дѣлѣ
аетъ для нихъ мѣсто отца; мало того, въ
начальномъ обществѣ, когда браки заключа-
очень рано, обыкновенно случалось, что пер-
ынъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, тогда
младшіе еще не родились или были въ пе-
къ, слѣдовательно старшій сынъ отъ перваго
приходился физически старшимъ или, по
ей мѣрѣ, равнымъ младшимъ дядьямъ сво-
(Ст. 28 и 29).

къ рѣшаетъ г. Соловьевъ одинъ изъ
ѣйшихъ вопросовъ мѣстничества, и
просто, естественно! Есть и другое
ніе, если не ошибаемся, принадлежащее
луеву, по которому четвертый дядя
ется потому равнымъ старшему пле-
нику, что у насъ по народному счету на
полагается четыре души мужескаго
отецъ и трое сыновей; такимъ обра-
четвертый сынъ является какъ бы лиш-
выходящимъ изъ семьи, и потому не
ъ старшинства надъ племянниками.
олкованіе далеко не такъ естественно,
первое; при томъ въ немъ все-таки
тся нерѣшеннымъ, откуда взяли этотъ
?

уже прежде сказали, что г. Соловьевъ
ратилъ должнаго вниманія на вотчин-
емейное начало, которое, постепенно
выдвигаясь изъ-подъ исключительнаго господства родового, наконецъ доставило перевѣсъ нисходящимъ надъ боковыми, племянникамъ надъ дядями, и тѣмъ измѣнило политическій бытъ древней Россіи. Въ книгѣ, которую разбираемъ, почти на каждой страницѣ есть указанія на это начало. Самъ авторъ показываетъ намъ, какъ подъ защитой разныхъ юридическихъ фикцій или вымысловъ, мало-по-малу признавались права нисходящихъ. Но это уже было большимъ шагомъ впередъ; сперва семейное начало высказывалось отрицательно, въ одномъ лишеніи родовыхъ прерогативъ; печальна была судьба сиротъ, то есть неимѣющихъ отца въ родовомъ обществѣ. Эпитетъ *горькихъ*, который придаетъ имъ народъ, по всему видно, ведетъ свое начало издавна, отъ временъ чисто патріархальнаго быта. Князь, который не былъ старшимъ и великимъ княземъ, навсегда лишаетъ этой прерогативы своихъ дѣтей и потомство. Но этого мало. Послушаемъ, что̀ говоритъ г. Соловьевъ о *младшихъ членахъ* рода.

„Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ: каждый младшій могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ... Эти старшіе родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностью; всѣ остальные, т.-е. ихъ дѣти и внуки, были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтними, неспособными владѣть родовою собственностью, быть совладѣльцами съ своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться—старшимъ, т.-е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и слѣдовательно сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали бы изъ племянниковъ братьями дядьямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д., переходили бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнымъ, слѣдовательно навсегда неспособнымъ не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ своими старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. Княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда младшими; напримѣръ у Ярослава 1-го было сначала 6 сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. Если бы Владиміръ остался живъ, то по смерти отца, сталъ бы В. Княземъ и отцомъ для младшихъ братьевъ; тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядьямъ своимъ, слѣдовательно получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣдовательно не былъ отцомъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его

Ростиславъ не имѣлъ уже возможности быть братомъ дядьямъ своимъ, остался навсегда племянникомъ, младшимъ, неспособнымъ ни къ великокняжескому достоинству, ни ко владѣнію родовою собственностью. Однимъ словомъ можно выразиться такъ: племянники не могли быть совладѣльцами съ своими дядьями. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядьямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и слѣдовательно не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ велико-княжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностью, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дѣтей, или какому-нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына Владиміра св., умершаго при жизни отца, потомство Владиміра, старшаго сына Ярослава 1-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ такой участи, князья давали другъ другу клятву, что въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобы дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностью" (стр. 30—32).

Во-первыхъ, затѣтимъ, что эти слова противорѣчатъ тѣмъ, которыя мы привели выше. Тамъ сказано, что „В. Князь не могъ лишить волости младшаго князя" (стр. 16); далѣе, „что старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, то есть пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и дальними родичами" (стр. 17 и 18). Наконецъ: „обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода... не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по произволу; онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами" (стр. 19 и 20). Всѣ эти мѣста доказываютъ, что *младшіе* имѣли участіе въ родовой собственности, или должно признать, что между младшими тоже было различіе: одни изъ нихъ, младшіе въ отношеніи къ великому князю, были старшими въ отношеніи къ остальнымъ. Если это разумѣлъ авторъ, то мы не станемъ съ нимъ спорить о словахъ: очевидно онъ не договорилъ своей мысли, и исправитъ это въ одномъ изъ будущихъ изданій своей книги. Но за этимъ мы все-таки имѣемъ еще возразить автору, что родовой распорядокъ б
не совсѣмъ таковъ, какимъ онъ его опи
ваетъ. Издавна въ него входитъ, какъ о
дѣляющее начало, хотя и отрицательно,
вредъ извѣстнымъ лицамъ, семейное нач
кто не имѣетъ отца, не умѣвшаго утверд
за дѣтьми какія-нибудь права, тотъ из
отверженецъ родового союза, поставлен
въ одну категорію съ холопомъ, отку
шимся отъ господина, и слѣдовательно
патріархальнымъ понятіямъ, лишивши
естественнаго, необходимаго защитник
представителя,—съ поповскимъ сыномъ,
торый по незнанію грамоты выходитъ
своего сословія, и т. д.—словомъ со вс
лишенными правъ, защиты и исключени
изъ общества. Вотчинное начало связы
человѣка съ родомъ: безъ этой связи о
нуль, такъ что нужны договоры и у
вія для смягченія этой вопіющей нес
ведливости родового порядка вещей. И
же? Посмотрите, какъ даже въ этомъ
сказывается начало семьи: наперекоръ р
вымъ правамъ, отцы заботятся объ уч
дѣтей, обходятъ эти права частнымъ о
зомъ. Впослѣдствіи семейное начало
ствуетъ уже совершенно иначе и в
паетъ въ рѣшительную, открытую борьб
родомъ. Кто не хочетъ во что бы то
стало настаивать на своемъ, тотъ ко
но убѣдится очевидностью, осязательнос
этихъ фактовъ.

Наконецъ укажемъ на превосходное, об
цовое истолкованіе словъ: *самовластецъ*. и
и великій. Только разсматриваемыя въ
ношеніи къ родовому порядку вещей,
слова получаютъ свой полный, историче
смыслъ.

„В. Князь не имѣлъ неограниченной в
надъ родовою собственностью, но владѣлъ
сообща съ цѣлымъ родомъ: вотъ почему в
Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и пле
никовъ изъ Ростовской области, то лѣтоп
говоритъ, что онъ захотѣлъ быть самовласт
въ Суздальской землѣ, т.-е. такимъ властите
который распоряжается всѣмъ самовластно
стѣсненъ родовыми отношеніями, не ограни
правами родичей. Для означенія верховной вл
не стѣсненной родовыми отношеніями, в
крѣпкой, постоянной, независящей ни отъ ка
перемѣнъ, употреблялось названіе Царь, Цар
Такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику
славу: „Дай ми Переяславль, ать посажю с
своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя
Кіевѣ" т.-е., а ты владѣй Кіевомъ спокойно,
зависимо и безопасно, не боясь никого, и не
чиняясь никому. Въ другомъ мѣстѣ лѣтопи

я о злодѣйствахъ и гибели епископа Ѳеодора, вляетъ: „Видя бо видъ озлобленіе людей своихъ кроткыхъ Ростовьскыя земли, отъ звѣраго Ѳедорьца погибающихъ отъ него, посѣ (Богъ) спасе люди своя, рукою крѣпкою, ею высокою, рукою благочестивою, царскою иваго, благовѣрнаго князя Андрея". Когда Рутскаго сраженія воины Изяславовы, на и своего князя въ живыхъ, изъявили неновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, ни величали Изяслава, какъ Царя. Подъ име Великаго князя разумѣлся только старшій дѣ княжескомъ; вотъ почему, когда родъ лава I-го раздѣлился на многіе независимые то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ наься Великимъ Княземъ, хотя былъ владѣльсамой ничтожной области, и признавалъ надъ власть другого Великаго Князя, Литовскаго осковскаго; такъ напримѣръ Князь Пронскій ался также великимъ Княземъ, подобно Мокому, Тверскому и Рязанскому, потому что старшимъ въ своемъ родѣ. Великій было имомъ старшій, и потому къ именамъ нѣкоъ князей прибавляется даже послѣ существиаго, напримѣръ Владиміръ Великій, Мстиславъ Великій, Всеволодъ Великій, для отличія ихъ ножества другихъ младшихъ Владиміровъ, лавовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ ѣ, въ которомъ мы теперь придаемъ слово кій" къ именамъ историческихъ лицъ, напри Петръ Великій, Карлъ Великій".

оитъ сравнить это объясненіе съ прежшаткими, неопредѣленными, взятыми ѣхомъ пополамъ изъ теперешняго знаэтихъ словъ, чтобы увидать безконечную ицу между г. Соловьевымъ и большею ю его предшественниковъ. Вотъ это итъ объяснять исторически!

орая глава излагаетъ между-княжескія ненія отъ Рюрика до смерти Ярослава. тія этого періода, который принято у называть варяжскимъ, очень извѣстны. двадцать тому назадъ одни они составили предметъ цѣлаго курса русской исторомѣ того бо́льшая часть этимъ періозакончила свое знакомство съ исторіею мзина. Тѣмъ не менѣе вторая глава ртаціи г. Соловьева очень любопытна. представляетъ тамъ и сямъ новыя обънія давно извѣстныхъ событій, открынѣкоторыя, доселѣ не замѣченныя, черіохи и наконецъ содержитъ въ себѣ дованія, которыя по всей справедлимо назвать образцовыми. Скажемъ семъ этомъ нѣсколько словъ.

стр. 44, по поводу избранія новгоми Владиміра, авторъ замѣчаетъ: „тогда ногоженствѣ не могло быть рѣзкаго размежду дѣтьми законными и незаконными" (Владиміръ былъ сынъ наложницы), а въ примѣчаніи прибавляетъ: „я сказалъ—не могло быть рѣзкаго различія, ибо различіе все-таки было, что́ видно изъ словъ Рогнѣды о Владимірѣ: „не хочу розути робинича". Это замѣчаніе справедливо, но доказательство приведено не то, какое бы должно. Слова Рогнѣды выражаютъ родовую гордость, аристократическую спѣсь, а не указываютъ на существованіе въ то время различія между законными и незаконными дѣтьми. Рогнѣда гнушалась сыномъ рабы, а не наложницы. Скорѣе можно видѣть это различіе въ различеніи женъ „водимыхъ" отъ наложницъ, на что́ указываетъ лѣтопись. Но чѣмъ именно отличались въ языческой Руси законныя дѣти отъ незаконнорожденныхъ,—этого рѣшительно нельзя опредѣлить. Самъ г. Соловьевъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что послѣдніе пользовались одинакими правами съ первыми. И едва-ли одно многоженство было тому причиной, какъ думаетъ авторъ: слишкомъ непосредственный взглядъ на отношенія мужчинъ и женщинъ, породившій между прочимъ и многоженство, мѣшалъ провести опредѣленную черту между супругой и наложницей. И до сихъ поръ большинство видитъ въ женѣ хозяйку или работницу, смотря по различію званій. Болѣе очищенное, человѣческое понятіе о бракѣ—покуда исключеніе. Оно предполагаетъ въ обществѣ развитое, глубоко сознанное начало личности, котораго не было въ древнѣйшей Россіи. То же самое и съ понятіемъ о чести и со многими другими понятіями.

На стр. 46 авторъ опровергаетъ мнѣніе Эверса, будто бы Владиміръ вооружился противъ Ярополка въ отмщеніе за смерть своего брата Олега. Месть между членами одного рода, по его мнѣнію, не могла имѣть мѣста, потому что „каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу...; понятіе о родѣ, какъ объ единомъ нераздѣльномъ тѣлѣ, совершенно исключаетъ возможность мести, которая условливается только разъединеніемъ, особностью"... „Но, не имѣя права или обязанности мести, Владиміръ имѣлъ полное право воспротивиться беззаконнымъ поступкамъ старшаго брата, точно

такъ, какъ послѣ младшіе князья считали себя въ правѣ защищаться вооруженною рукою противъ насилій старшаго, который разъединялъ свои интересы съ интересами рода".

Что касается до мести, намъ кажется авторъ правъ; месть противорѣчитъ понятію о родственныхъ отношеніяхъ, и потому, кажется, не могла быть внутри рода, между его членами, по крайней мѣрѣ пока линіи еще не разошлись слишкомъ далеко. Сколько мы помнимъ, и нѣтъ примѣра такой мести въ русской исторіи (у турецкихъ славянъ есть). Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, будто бы на сторонѣ князей было *право* сопротивляться беззаконнымъ поступкамъ старшаго родича. Все, что можно сказать,—это что они сопротивлялись; фактъ занимаетъ первое мѣсто въ юридически неопредѣленномъ обществѣ. Владиміръ прямо говоритъ: я испугался, что братъ мой убиваетъ братьевъ, и пошелъ на него. Ясно, что рѣчь шла не о защитѣ правъ, а о самоохраненіи; это-то и было причиной, почему часто одни князья вооружались противъ нарушителя родовыхъ обязанностей, другіе—нѣтъ. Олегъ убилъ Люта на охотѣ; по тогдашнему онъ былъ совершенно правъ. Но отецъ убитаго началъ подбивать Ярополка идти войной противъ Олега. Г. Соловьевъ говоритъ: „Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взявъ его волость". Спрашивается, за что же было наказывать? Князь въ своихъ владѣніяхъ убилъ нарушителя своей собственности: что могло быть естественнѣе! Очевидно, Ярополкъ пошелъ войною противъ брата безъ всякаго права, и выраженіе *наказать* тутъ совершенно не у мѣста. Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей пріискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Всякій съ нами согласится, что отсутствіе твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характерическая черта, какъ и всякая другая: ею должно дорожить, если хотимъ понять время и исторію, особенно объяснить ея дальнѣйшее движеніе. Къ сожалѣнію, на это доселѣ слишкомъ мало обращали вниманія; этотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ и г. Соловьеву. Онъ не ограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя
дическій характеръ, котораго они не им
всякое явленіе онъ разсматриваетъ не
мѣнно съ точки зрѣнія права. Отсюда
дутъ свое начало многія насильствен
объясненія фактовъ въ его книгѣ. Коне
такая ошибка очень естественна. Во-перв
новая точка зрѣнія, только что открытая
того завлекаетъ, что невольно ее провод
вездѣ и во всемъ. Потомъ — чрезвыча
трудно совершенно отрѣшиться отъ св
времени и перенестись въ другое, отлич
щееся отъ него рѣзкими чертами; не
мѣнно что-нибудь да придашь ему отъ с
Но какъ это ни трудно, а безъ того не
обойтись; иначе мы никогда вполнѣ не
мемъ исторіи. Въ примѣненіи къ древн
шей Россіи это можетъ быть даже и ле
чѣмъ, напримѣръ, въ отношеніи къ древн
міру, ибо древняя Русь, хотя и въ ра
линахъ, но еще существуетъ въ прост
народѣ, да и вообще во всѣхъ необразов
ныхъ слояхъ общества. Здѣсь мы без
станно видимъ дѣйствія безъ причин
причины, которыя производятъ совсѣмъ
тѣ дѣйствія, которыя изъ нихъ должны
возникнуть. Это сфера далеко не матем
ческая, и часто два, помноженные на
здѣсь не даютъ четырехъ. Всякое соо
женіе, всякая выкладка теряются въ
средѣ и никуда непригодны: вотъ элеме
патріархальности; это ея почва и ея н
ходимое, жизненное условіе. Точно та
же, но еще въ несравненно большей
пени, была патріархальность въ первыя
мена нашей исторически-извѣстной жи
случайность, произвольность ничто не о
дывало, какъ теперь; ей было широко и
вольно. Вглядитесь въ теперешнія родст
ныя и семейныя отношенія крестьянъ,
бенно гдѣ-нибудь въ глуши, и вы впо
поймете, какова была патріархальная Р
отецъ—полный властелинъ надъ сыномъ;
это продолжается только до тѣхъ поръ,
послѣдній не пришелъ въ возрастъ. Ст
онъ на свои ноги, онъ или прибираетъ
рукамъ отца, или живетъ самъ собой, к
бы чужой; бываетъ и то, что онъ оста
къ отцу въ сыновнихъ отношеніяхъ; ка
изъ этихъ трехъ случаевъ чаще всего
чается, что̀ правило и что̀ исключеніе, эт
никакъ нельзя сказать; и то, и другое
третье—правило, и случается равно час
Между родственниками и дружественны

ждебныя отношенія одинаково встрѣча-
ся: въ торжественныхъ случаяхъ — на
дьбахъ, пирахъ, раздѣлахъ и т. д., фор-
льности родственныхъ отношеній соблю-
ются довольно строго, но, какъ условлен-
я однимъ обычаемъ, они не обязываютъ
къ чему, и потому родственныя отноше-
нарушаются очень легко, часто изъ пу-
ковъ. Теперь, снимите съ этой патріар-
льной общественности гражданскія усло-
извнѣ на нее наложенныя и ее воздер-
жающія: что изъ нея выйдетъ? Царство
чайности! Такова и была старая Русь.
ходили князья, что старшій поступалъ
праведливо, — они на него шли. А что
ю несправедливо, что — нѣтъ, для этого не
ю опредѣленныхъ правилъ; не судъ рѣ-
ъ, а ихъ добрая воля. Такъ же посту-
и и старшіе князья: были они въ силѣ,
прижимали младшихъ, думая только о
ъ, чтобъ имъ и ихъ близкимъ было хо-
ю. Вся исторія между-княжескихъ отно-
ній въ древней Россіи наполнена примѣ-
ми и доказательствами этой мысли; книга
Соловьева тоже изобилуетъ ими. Оттого-то
азвитіе наше было такъ медленно. Надо
ю переродиться древней Руси, чтобъ
ти въ историческую жизнь, почувство-
ь необходимость иного опредѣленнаго,
дическаго существованія. А такія пере-
ѣденія совершаются не скоро.

Разсказавъ войну Владиміра съ Ярополкъ и окончательную ея развязку по Лаптьевской лѣтописи, г. Соловьевъ разбиваетъ потомъ свидѣтельство Іоакимовой, которая открываетъ намъ много любопытнаго объ этой войнѣ, — такого, чего не говорятъ другія лѣтописи. Ярополкъ любилъ христіанъ, и за то не былъ любимъ язычниками. Владиміръ воспользовался этимъ въ войнѣ съ братомъ; потому-то она и окончилась для него такъ успѣшно.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакима—продолжаетъ авторъ — то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія. Торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь знаменуетъ начало своего правленія обыкновенною ревностію къ возстановленію и покровительству язычества, ставитъ кумиры на высокомъ Кіевскихъ; дядя его Добрыня поступаетъ точно такъ же въ Новгородѣ. Намъ извѣстно, что славянскіе языческіе болѣе всего негодовали на христіанство за непозволеніе многоженства: въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія: „родители приводили предъ кумиры сыновей и дочерей своихъ и приносили ихъ въ жертву бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская". Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіанскихъ мученіяхъ въ Кіевѣ. Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіанству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ". (Стр. 52).

Эти остроумныя сближенія, дополненныя выписками изъ изслѣдованій ученаго архимандрита Макарія (Исторія христіанства въ Россіи и т. д.), который въ главномъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, окончательно убѣждаютъ, что свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи, заподозрѣнныя, вмѣстѣ съ извѣстіями Татищева, еще Карамзинымъ, и съ тѣхъ поръ принимаемыя какъ-то недовѣрчиво, очень правдоподобны и слѣдовательно вѣроятно почерпнуты изъ хорошаго источника. Такой результатъ весьма интересенъ. Не говоря уже, что однимъ источникомъ какъ бы вновь обогащается древнѣйшая исторія Руси,—самое свойство Іоакимовой лѣтописи, рѣзкое различіе извѣстій, ею сообщаемыхъ, съ Несторовыми и другими лѣтописными, придаютъ этому результату особенную важность.

Стр 54—58 содержатъ превосходное изслѣдованіе о времени рожденія и старшинствѣ Владиміровыхъ сыновей. Для древней Россіи этотъ вопросъ имѣетъ величайшую важность, ибо съ его разрѣшеніемъ объясняются и довольно запутанныя ихъ отношенія. Г. Соловьевъ разрѣшилъ его мастерски. Мы не дѣлаемъ выписокъ, боясь переполнить ими нашу статью, но очень совѣтуемъ читателямъ прочитать указанныя страницы. Между розысканіями частныхъ вопросовъ по русской исторіи это конечно одно изъ лучшихъ. Вотъ его результаты: первымъ сыномъ Владиміра былъ Вышеславъ, онъ — родился отъ Оловы, варяжскаго рода; затѣмъ слѣдуютъ Изяславъ, сынъ Рогнѣды, Святополкъ—сынъ жены Ярополковой; послѣ смерти двухъ первыхъ онъ былъ старшій; потомъ Ярославъ — сынъ Рогнѣды, Всеволодъ, Святославъ — сынъ Малфриды; Мстиславъ и Станиславъ—дѣти Адили; Судиславъ, Борисъ и

Глѣбъ были сыновья Анны, царевны болгарской, а не греческой, по крайней мѣрѣ на основаніи Іоакимовой лѣтописи. Этимъ обстоятельствомъ, а именно, что Борисъ былъ плодомъ послѣдняго христіанскаго брака Владиміра, объясняется, во-первыхъ, почему послѣдній такъ любилъ Бориса, держалъ его при себѣ и кажется хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ; во-вторыхъ — возстаніе Ярослава, который не хотѣлъ уступить своего старшинства младшему брату.

Несмотря на большія достоинства этой второй главы, мы находимъ въ ней нѣкоторыя насильственныя толкованія и—что̀ еще важнѣе — собственныя соображенія автора, разсказанныя заподрядъ съ историческими данными, безъ различенія однихъ отъ другихъ. Въ самомъ началѣ (стр. 40) читаемъ:

„Лѣтописецъ говоритъ, что три князя варяжск'е, родные братья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли къ призвавшимъ ихъ племенамъ славянскимъ и финскимъ *съ своими родами*. Объ этихъ родичахъ, пришедшихъ съ тремя братьями, лѣтопись послѣ ничего не упоминаетъ; Рюрикъ, по ея свидѣтельству, раздаетъ города мужамъ своимъ; но хотя подъ именемъ мужей послѣ постоянно разумѣются члены старшей дружины, однако здѣсь мы имѣемъ право разумѣть родичей, потому именно, что объ Аскольдѣ и Дирѣ сказано: „бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина“: если у Рюрика было 2 мужа не племени его, то могли быть мужи племени его, родичи. Второе доказательство мнѣнію, что подъ именемъ мужей, разосланныхъ первыми князьями по городамъ, должно разумѣть родичей, представляютъ слова договоровъ съ Греками, напримѣръ: „даяти уклады на Русскіе городы; но тѣмъ бо городамъ сѣдяху *князья* подъ Ольгомъ суще“. Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владѣтельныхъ родовъ. Объ отношеніяхъ этихъ родичей къ князьямъ мы ничего не знаемъ; можемъ только сказать, что эти отношенія не были подобны послѣдующимъ родовымъ отношеніямъ княжескимъ, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что̀ указываетъ на отношеніе дружинное, слѣдовательно служебное, а не родовое“. (Стр. 40 и 41).

Все это натяжка, которая исчезаетъ при первомъ взглядѣ. Если *могли быть* мужи племени Рюрикова, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что такіе непремѣнно и *были*. Стало быть, это не доказательство. Потомъ: если князьями никогда не назывались простые мужи, а только члены владѣтельныхъ родовъ, то нельзя вывести отсюда, что „свѣтлые князья, сущіе подъ рукою Олега“, непремѣнно были Рюрикова рода; эти члены владѣтельныхъ родовъ могли прійти съ Рюрикомъ и выйти послѣ на службу къ нашимъ великимъ князьямъ. Нужны ли доказательства? Якунъ называется въ Кенигсбергской лѣтописи „варяжскимъ княземъ“, а онъ пришелъ и уѣхалъ изъ Россіи при Ярославѣ (стр. 102 и 103). Рогвольдъ, „Полоцкій князь“, пришелъ изъ-за моря (стр. 67). Наконецъ, если эти мужи находились къ великимъ князьямъ не въ родовыхъ, а въ дружинныхъ отношеніяхъ, что̀ справедливо, то и предположеніе, будто они родичи, не имѣетъ никакого интереса, и такое или другое разрѣшеніе вопроса не ведетъ ровно ни къ чему. Но г. Соловьевъ думаетъ объ этомъ иначе. На стр. 43, примѣч. 7, онъ говоритъ: „почему требовались уклады именно на эти города (Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь), почему пропущены — Бѣлоозеро, Муромъ, Смоленскъ? Потому *вѣроятно*, что только въ этихъ городахъ сидѣли князья родичи, а въ остальныхъ простые мужи“. Мы думаемъ, что это предположеніе вовсе не *вѣроятно*, потому что въ Лаврентьевской лѣтописи, на которую ссылается авторъ, по исчисленіи городовъ прибавлено: „и на прочія городы“ (стр. 13), слѣдовательно они не пропущены, а только не названы, на что̀ могло быть и много причинъ и никакой причины.

Разсказъ объ убійствѣ Люта Олегомъ Древлянскимъ много пополненъ авторомъ противъ лѣтописи изъ собственныхъ соображеній. Вотъ слова г. Соловьева:

„Въ 975 году началась вражда въ семьѣ Святослава. Мы знаемъ, что охота послѣ войны была господствующею страстью средневѣковыхъ варваровъ: для этого вездѣ князья предоставили себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: Олегъ, князь Древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія, встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ въ нихъ то же самое удовольствіе: узнавъ, что то былъ Люта, сынъ Свѣнельда, боярина Кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта“. (Стр. 45).

А вотъ слова Лаврентьевской лѣтописи:

„Въ лѣто 6483 (975) Ловъ дѣюшю Свѣналдичь именемъ Лютъ, и шедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичь“, и заѣхавъ уби и бѣ бо ловы дѣя Олегъ“ (стр. 31).

Ясно, что истолкованіе гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ слова лѣтописи. Изъ послѣдней

видно ничего опредѣленнаго: за то ли
ѣгъ убилъ Люта, что послѣдній охотился
его владѣніяхъ, или за то, что онъ охо-
ся въ одно время съ нимъ, или они пос-
лились. Если Олегъ убилъ Люта за нару-
ніе своихъ правъ, то за что бы кажется
ѣнельду мстить князю? Мы не думаемъ,
бъ родственникъ вора, убитаго „во иса
то“ на самомъ преступленіи, имѣлъ право
ить за него; а тутъ случай подобный.
сто темно; истолкованіе его чуть ли не
шкомъ смѣло.

Въ объясненіе отношеній Владиміра къ
вольду вкрались такія же произвольности.
словамъ г. Соловьева, Владиміръ сватался
Рогнѣду, „желая вѣроятно привлечь на
ю сторону владѣльца Полоцкаго“. Рогнѣда
азала. „Этотъ презрительный отказъ“ —
должаетъ авторъ — „ускорилъ отправле-
Владиміра изъ Новгорода, ибо онъ всего
ѣе долженъ былъ опасаться тѣснаго союза
ополка съ Полоцкимъ Княземъ, и потому
шилъ предупредить его“ (стр. 48 и 49).
Въ Несторовой лѣтописи нѣтъ ни малѣй-
го намека на эти объясненія. Несмотря
то, мы, пожалуй, готовы согласиться съ
ромъ, что первое объясненіе *вѣроятно*;
же касается до второго, а именно до
итическихъ соображеній Владиміра, оно
ъ кажется въ высшей степени произволь-
ъ и тѣмъ болѣе неумѣстнымъ въ уче-
ъ изслѣдованіи, что не только дополъ-
тъ историческія извѣстія, но въ то же
мя и характеризируетъ извѣстнымъ обра-
ъ лица и эпоху. Изъ словъ г. Соловьева
кно заключить, что Владиміръ былъ даль-
идный политикъ и полководецъ. Карам-
ъ разсказываетъ, что послѣ отказа Рог-
ы „раздраженный Владиміръ взялъ По-
къ, умертвилъ Рогвольда, двухъ сыновей
и женился на дочери“; изъ его разсказа
но, что Владиміръ не думалъ ни о союзѣ
вольда съ Ярополкомъ, не думалъ и не
бражалъ ничего, а просто разсердился за
азъ и пошелъ войной. Въ томъ и дру-
ъ случаѣ князь и эпоха являются подъ
ршенно различными красками. Наконецъ
оакимовой лѣтописи сказано: „Владиміръ
ратися отъ Варягъ съ войскомъ и собравъ
городцевъ, иде на Полоцкаго князя Рог-
да, зане той повоева волости Новгород-
, и побѣдя войско, градъ Полоцкъ взя,
волода со двѣма сыны уби, а дщерь его
шѣдь взя себѣ въ жену“ (Татищ. Ист. Росс. книг. I, ч. I, стр. 37). Это извѣстіе еще проще, кажется еще ближе къ времени и дѣлаетъ совершенно ненужными оба соображенія.

Вотъ какъ всякая догадка, не основанная на фактахъ, по крайней мѣрѣ не имѣющая въ нихъ повода, шатка и произвольна! О научныхъ опредѣленіяхъ уже сказано, что они трудны (definitio periculosa); давно бы пора составить такую же поговорку объ историческихъ гипотезахъ и объясненіяхъ. Ничто такъ не уродуетъ исторіи, ничто такъ не забиваетъ голову и не отдаляетъ насъ отъ прямого, настоящаго пониманія ея, какъ гипотезы и объясненія. Особенно пострадала отъ нихъ русская исторія. Кажется, что̀ тутъ важнаго, какъ и почему воевалъ Владиміръ съ Рогвольдомъ? Между тѣмъ посмотрите внимательно: здѣсь объяснено событіе такъ, тамъ вставлено между строкъ лѣтописи или источника, чего они и не думали говорить,— и выходитъ исторія, можетъ быть очень хорошая, но совсѣмъ не такая, какой она въ самомъ дѣлѣ была. Конечно, это замѣчаніе всего менѣе относится къ добросовѣстному, начитанному автору „разсужденія“, которое мы разбираемъ. Но и у него мѣстами встрѣчаются эти отголоски прошедшей эпохи русской исторической литературы, и чѣмъ онъ далѣе отошелъ отъ нея, чѣмъ въ немъ незамѣтнѣе этотъ недостатокъ, тѣмъ мы должны быть къ нему строже.

Къ числу такихъ же произвольныхъ толкованій мы относимъ и слѣдующее мѣсто: „Наемники (варяги) начали поступать съ Новгородцами, какъ съ завоеванными, а князь, имѣя въ нихъ нужду, смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ безчинства“ (стр. 61). Здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ варяговъ въ Новгородѣ при Ярославѣ, когда Святополкъ сѣлъ на велико-княжескій престолъ. Лѣтопись говоритъ просто: „Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы“ и т. д. (Лавр. Лѣт. 61). Итакъ, это извѣстіе сильно изукрашено.

Точно такъ же и другое о причинахъ, почему новгородцы согласились дать войско Ярославу противъ Святополка, несмотря на избіеніе ихъ братій.

„Новгородцы отвѣчали, что, несмотря на убійство согражданъ, они еще имѣютъ довольно силы, чтобы стать за своего князя противъ братоубійцы.

Какъ видно изъ этихъ словъ, Новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашнимъ понятіямъ, дѣломъ обыкновеннымъ, что князь отомстилъ ихъ согражданамъ за смерть Варяговъ; при томъ считали обязанностью стать за своего князя, котораго выгоды были связаны съ ихъ собственными, который хотѣлъ освободить ихъ отъ зависимости и дани Кіевской, и въ случаѣ бѣгства котораго они должны были принять Святополковыхъ посадниковъ; наконецъ не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что въ городѣ, гдѣ господствовала вражда родовая, вражда сторо ъ, князь, перебившій старшинъ одной стороны, могъ всегда надѣяться содѣйствія отъ другой". (Стр 45).

Въ лѣтописи объ этихъ причинахъ ни слова. Не видно, были ли новгородцы *очень сердиты*, или *не очень*, сочли ли они месть Ярослава дѣломъ обыкновеннымъ, или нѣтъ, хотѣлъ ли Ярославъ освободить ихъ отъ дани Кіевской, или только удержалъ ее въ свою пользу, наконецъ перебилъ ли Ярославъ старшинъ одной стороны, или разныхъ, ибо мы знаемъ только, что онъ вырѣзалъ нарочитыхъ мужей „иже биху изсѣкли Варяги". Такое или другое объясненіе можетъ рѣшительно измѣнить взглядъ на вещи, и потому намъ бы казалось естественнѣе, согласнѣе съ истиной вовсе не пускаться въ объясненія. Далѣе:

„И здѣсь (въ Россіи) точно такъ какъ прежде у Чеховъ, Болеславъ заботился только о своихъ выгодахъ, а не о выгодахъ союзниковъ; онъ велѣлъ развести свое войско по окрестнымъ городамъ на кормленіе, при чемъ обнаруживалъ намѣреніе оставить Русь за собою и утвердить свою столицу въ богатомъ Кіевѣ. Наши лѣтописцы приписываютъ Святополку приказъ убивать разведенныхъ по городамъ Польскихъ воиновъ, но вѣроятнѣе, что сами Поляки, какъ прежде у Чеховъ, насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ". (Стр. 63—64).

Хотѣлъ ли Болеславъ оставить за собою Россію и утвердить свою столицу въ Кіевѣ (?)— объ этомъ нѣтъ ни слова въ нашей лѣтописи, ни у Дитмара, ни у Карамзина, ни у Татищева. Еслибъ это не была одна догадка г. Соловьева, вѣроятно наши историки упомянули бы о такомъ намѣреніи. А если авторъ имѣетъ на это свидѣтельства, жаль, что онъ ихъ не привелъ, ибо фактъ чрезвычайно важенъ. Болеславъ былъ основателемъ Польскаго королевства. Послѣднее предположеніе, „что поляки насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ", имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ слова Татищева, который говоритъ, что Святополкъ слышалъ на поляковъ жалобы, и потому велѣлъ ихъ убивать (Истор. Тат.. кн. II, стр. 99); онъ не показываетъ, откуда взялъ это и стіе, о которомъ молчатъ всѣ источники

На стр. 65 авторъ объясняетъ войну числава съ Ярославомъ тѣмъ, что пер „повидимому добивался новаго распред нія волостей между родичами, болѣе наго". Но объ этомъ въ лѣтописяхъ ни сл Что Ярославъ хотѣлъ задобрить Брячис уступкой нѣсколькихъ городовъ, объ эт по свидѣтельству Карамзина, есть изв въ новѣйшихъ лѣтописяхъ (Ист. Карам., прим. 21); но г. Соловьевъ не показалъ, какого именно источника онъ почерп свои слова. Наконецъ хотѣлъ ли Ярос этими уступками обезопасить себя со роны Изяславича, *вѣроятно* предвидя щую войну съ Мстиславомъ,—этого мы н не встрѣчали въ источникахъ, и потому таемъ далеко не рѣшеннымъ.

Третья глава исключительно посвящ изслѣдованію о распорядкѣ владѣній м сыновьями Ярослава и линіею Изяслава димировича и составляетъ необходимое деніе въ собственно такъ называемый пер удѣловъ. Какъ ни коротка эта глава (стр. 77), она заключаетъ въ себѣ много споры положеній, которыя мы и разберемъ те по порядку.

Читателямъ вѣроятно извѣстенъ разс лѣтописей о томъ, какимъ образомъ Изяс получилъ Полоцкъ. Сначала этимъ город владѣлъ Рогвольдъ, котораго дочь Рогн Владиміръ насильно взялъ за себя зам Отъ этого брака родился Изяславъ. Пот Владиміръ вступилъ въ другіе браки и ст пренебрегать Рогнѣдой. Она рѣшилась убить, но покушеніе не удалось; Владим хотѣлъ казнить ее смертью, но въ то вре какъ онъ вошелъ въ ея „храмину", чт исполнить казнь, Изяславъ, по наущ матери, подошелъ къ нему съ обнаженн мечомъ и просилъ убить прежде его, чт ему не видать смерти матери. Тогда диміръ бросилъ мечъ, созвалъ бояръ, рые присовѣтовали ему для младенца убивать Рогнѣды, но возвратить ей с номъ вотчину ея (Кенигсб. Лѣтоп., 186 и 187.—Никон. Лѣт., ч. II, стр. Какъ ни страненъ, сомнителенъ этотъ сказъ по многимъ причинамъ, но онъ водитъ насъ однако къ тому заклю что Полоцкое княженіе досталось Рогн и сыну ея Изяславу на правахъ

ьльной собственности, переходящей
телей къ дѣтямъ по наслѣдству.
мы знаемъ, г. Соловьевъ первый за-
то и превосходно воспользовался въ
іи отношеній Полоцкихъ князей къ
Ярослава и ихъ какого-то исклю-
го положенія, особливо въ началѣ
удѣловъ.

овьевъ думаетъ,—и мы совершенно
согласны,—что Изяславъ былъ *вы-*
„выдѣленный разъ членъ рода не
же болѣе права на родовое иму-
потому Полоцкіе князья, потомки
, не могли имѣть притязаній на
собственность Владимірова рода“
точно такъ же какъ—прибавимъ
ебя—Ярославичамъ не было ника-
до владѣній Полоцкихъ князей.
потому, что Изяславъ былъ выдѣ-
потомки и имѣли свои владѣнія;
къ справедливо замѣчаетъ авторъ,
мѣли бы ни старшинства, ни уча-
родовой собственности, потому что
льникъ ихъ, Изяславъ, умеръ еще
и Владиміра.

мъ слѣдуетъ розысканіе о раздѣле-
ѣній между сыновьями Ярослава.
первыхъ четырехъ, Изяслава, Свя-
Всеволода и Вячеслава безспорно
. О послѣднемъ, Игорѣ, древнѣй-
иси или не говорятъ, или содер-
иски. Карамзинъ заключилъ изъ
Игорь былъ обдѣленъ, и получилъ
удѣлъ отъ старшаго брата. Г. Со-
тарается разрѣшить сомнѣнія тѣмъ,
шіе четыре сына получили свои
еще при Ярославѣ, а послѣднему,
оставался при отцѣ до его смерти,—
бывало,—дали удѣлъ его братья,
ѣ кончины великаго князя. Такимъ
невѣроятная догадка о частномъ
ничтожается сама собою. Но вотъ
ніе: въ завѣщаніи Ярослава не ска-
участкѣ Игоря. Стало быть онъ
ельно обдѣленъ, и не получилъ вла-
равнѣ съ прочими братьями, иначе
ыло бы непремѣнно сказано. От-
это? Г. Соловьевъ не распутываетъ,
етъ узелъ и объявляетъ завѣщаніе
имъ сочиненіемъ. Вотъ его доводы:
вѣщаніи лѣтописецъ влагаетъ въ
рающаго князя слова, „которыя по-
наченіе позже, во время страшныхъ
между потомками Ярослава... Эти
выраженія принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ“. 2) „Въ самомъ описаніи событій, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, есть несообразности. Въ началѣ описанія сказано: еще живу сущу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ: се язъ отхожу свѣта сего. „Наряди сыны своя“ показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины В. К. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ старшинство и кіевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? Онъ не могъ думать, что отецъ еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: се язъ отхожу свѣта сего“ и т. д.

Нельзя не сознаться, что затрудненіе дѣйствительно есть, и разрѣшить его гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда; ибо мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, будто завѣщаніе Ярослава, помѣщенное въ лѣтописи, есть позднѣйшее сочиненіе. Доводы г. Соловьева кажутся намъ слишкомъ слабыми. Одинаковость выраженій въ завѣщаніи и другихъ мѣстахъ лѣтописи указываетъ на одинаковость ихъ предмета, содержанія,—никакъ не болѣе. Это доказательство второстепенное, уважительное при другихъ и ничего незначащее само по себѣ. Что слова, сказанныя Ярославомъ, получили значеніе не прежде усобицъ между потомками этого великаго князя, едва ли справедливо. Передъ нимъ были примѣры Святославичей и его братьевъ, Владиміровичей. Въ распряхъ послѣднихъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе, и опытъ не могъ не умудрить такого умнаго человѣка, каковъ былъ Ярославъ. Что же касается до сомнѣній, выводимыхъ изъ разбора самого завѣщанія, то они намъ кажутся не болѣе какъ натяжкой. Изъ словъ „се язъ отхожу свѣта сего“ никакъ нельзя заключить, что Ярославъ говорилъ ихъ, лежа на смертномъ одрѣ; онъ могъ ихъ сказать гораздо прежде, задолго до кончины и предсмертной болѣзни, какъ весьма часто и теперь составляются завѣщанія. Выраженіе: „се язъ отхожу свѣта сего“, показываетъ только, что Ярославъ дѣлалъ распоряженіе на случай смерти, предвидя ея близкое наступленіе, но не даетъ ни малѣйшаго права думать, что онъ тотчасъ послѣ этихъ словъ и скон-

чался. По всѣмъ этимъ причинамъ мы позволимъ себѣ предложить другую догадку, въ разрѣшеніе затрудненій, которымъ лѣтописи подаютъ поводъ: не было ли завѣщаніе составлено гораздо ранѣе, когда Игорь былъ малолѣтенъ или еще и не родился? Въ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, ничто не опровергаетъ этой догадки; внутренней невѣроятности она тоже не имѣетъ, а между тѣмъ она сохраняетъ завѣщаніе Ярослава, конечно одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характеристическихъ памятниковъ древней Руси. Мысль, что оно будто бы состоитъ изъ однихъ выраженій, „освященныхъ обычаемъ", для описанія извѣстныхъ случаевъ, кажется намъ совершенно ошибочной. Напротивъ, въ завѣщаніи очень замѣтно стремленіе Ярослава создать прочную систему, и если ему это не удалось, если начала, положенныя имъ во главу угла его системы, были слишкомъ шатки и недостаточны, то во всякомъ случаѣ она есть нѣчто новое въ нашемъ политическомъ устройствѣ, и въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей представляетъ шагъ впередъ, высшую степень въ развитіи родовыхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ до этого завѣщанія? Совершенное отсутствіе всякаго подчиненія, всякой зависимости князей одного отъ другого, если они были равны между собою по рожденію, т.-е. братья. Слова Бориса: „не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, тось ми буди въ отца мѣсто" — показываютъ только личное почтеніе и ничего не доказываютъ въ пользу политической зависимости Бориса отъ Святополка. Отъ этого Россія раздѣлялась на части, какъ только переходила въ руки нѣсколькихъ князей; между ними начинались распри и политическое единство земли утрачивалось. Противъ этого-то и направлено все завѣщаніе. Ярославъ не могъ, по времени, въ которомъ онъ жилъ, отрѣшиться отъ мысли, что Россія есть наслѣдственная вотчина его дѣтей; но онъ старался помирить это представленіе съ другимъ, противоположнымъ ему, а именно съ неяснымъ, смутнымъ представленіемъ о государствѣ. Для этого было одно средство: возвести начало рода на степень политической системы, и Ярославъ это сдѣлалъ, хотя и несовершенно, потому что юридическіе элементы вовсе не были развиты въ древней Руси. Сначала онъ всячески увѣщеваетъ дѣтей жить между собою въ любви и согласіи: „аще ли ненавидно живуще въ распряхъ и щеся", говоритъ онъ,—„то погыбн и погубите землю отецъ своихъ и д ихъ, юже налѣзоша трудомъ своим кымъ". Вотъ о чемъ онъ думалъ! влетворяясь однимъ совѣтомъ, онъ распоряженія, долженствующія об сохраненіе мира между братьями. С Изяславу, даетъ Кіевъ и старшинс всѣми князьями; Изяславъ для них которому они обязаны повиноватьс повиновались своему отцу. Потомъ чаетъ города и прочимъ братьямъ, имъ не переступать границъ одном гого, не выгонять другъ друга изъ Наконецъ, снова обращаясь къ Изяс велитъ ему помогать обиженному противъ обидчиковъ, желая тѣмъ об права каждаго, единство рода, а тельно и единство всей Россіи. Всѣ поряженія—очевидно, плодъ опытн зультатъ исторіи, предшествовавше властію Ярослава; самая недоста мѣръ, предложенныхъ въ завѣщан убѣдительнѣе говоритъ въ его поль оно составлено позднѣе, оно нел предвидѣло бы случаи и поводы р замѣшательствъ, обнаружившихся называемый періодъ удѣловъ, и к не могъ предвидѣть Ярославъ. Вотъ почему мы не можемъ согласиться ніемъ г. Соловьева о завѣщаніи Яро съ своей стороны признаемъ, что за если не по формѣ, то по содержан премѣнно принадлежитъ Ярославу.

Разсказавъ подробно, какія владѣ лучили Ярославичи, и мимоходомъ ос оправдавъ извѣстіе Татищева, что Рост Владиміровичъ до бѣгства своего въ ракань владѣлъ Владиміромъ-Волы (стр. 74), авторъ критически разсматр мнѣніе, существовавшее между кня древней Руси, „что Днѣпромъ русскія раздѣляются на двѣ половины такъ, линія рода Ярославова, которой дост восточная половина, не имѣетъ уже на западную сторону". Г. Соловьевъ гаетъ, что это мнѣніе основывалось на что такъ были раздѣлены русскія вл между Ярославомъ I и его братомъ славомъ, а не на основаніи Ярослав вѣщанія, на которое ссылаются Мон вичи, и подробно опровергаетъ это

и 76). Мы думаемъ, что авторъ
неправъ. Во-первыхъ, нѣтъ ника-
азательствъ, что рядъ Ярослава съ
омъ послужилъ основаніемъ этому
во-вторыхъ, какъ ни дѣльно опро-
его г. Соловьевъ, — исключая до-
ованнаго на подложности Яросла-
ѣщанія, о чемъ мы сейчасъ гово-
нъ, какъ намъ кажется, бьетъ мимо
и именно поэтому вся его полемика,
чень основательная, не ведетъ ни
Дѣло совсѣмъ не въ томъ, правы
аховичи, отказывая Святославичамъ
ной сторонѣ Днѣпра [1]), а въ томъ,
ъ основаніи они отказывали. Если
Ростиславичей къ Ярополку Изясла-
словамъ автора, „можно объяснить
ѣмъ, что они видѣли въ немъ по-
своего наслѣдія“ (стр. 74); если
Ростиславичей, Давида Игоревича
олка Изяславича можетъ быть объ-
олько тѣмъ, что всѣ эти князья счи-
и въ правѣ владѣть Владимірскою
“; если наконецъ Ярославъ Изясла-
ъ сказать Святославу: чему тобѣ
чина, а Рюрикъ, Всеволодъ и Да-
ывали Кіевъ и Смоленскъ *отчиной*
ова племени, то изъ всего этого мы
олное право заключить, что было
удь основаніе, противоположное ро-
о которому одни князья предъявляли
согласныя съ родовымъ устройствомъ
отвергаемыя другими. Это основа-
ъ *вотчинное начало*, которое, какъ
амѣтили, не обратило на себя дол-
иманія автора Изъ столкновенія
ала съ родовымъ, которое Ярославъ
ъ систему, и происходила въ это вре-
ая часть раздоровъ между князьями,
зь владѣлъ какою-нибудь областью,
смотрѣли уже на нее какъ на свою
такъ смотрѣли Мономаховичи даже
. Этому не противорѣчитъ, что не
ть великими князьями потомки кня-
ившагося до Кіевскаго престола. На-
это положеніе доказываетъ, что
начало играло большую роль, даже
омъ распорядкѣ, такъ что онъ не
проведенъ строго послѣдовательно,
вое начало не могло ничего при-
ромъ родового старшинства: слѣдуя
ему, старшій князь долженъ былъ владѣть старшимъ столомъ. Оттого безпрестанно новый распорядокъ владѣній между князьями и переходы послѣднихъ съ мѣста на мѣсто, причемъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи объ удержаніи области за нисходящимъ потомствомъ князя, который когда-нибудь владѣлъ ею. Представителями того и другого начала были очень естественно тѣ князья, которые находили въ этомъ свою выгоду. Мономаховичамъ, владѣвшимъ Кіевомъ, было выгодно защищать отчинное начало, и Святославичамъ, добивавшимся Кіевскаго престола,—защищать начало родовое, какъ во всякой общинѣ или міру имѣющій хорошій участокъ противится всѣми силами передѣлу пашни, а бѣдные требуютъ его, ссылаясь на общее владѣніе, не дающее никому постояннаго права на ту или другую землю. Слѣдовательно, не оправдывать то или другое мнѣніе долженъ былъ авторъ, а показать, откуда оно взялось, гдѣ его источникъ; а онъ этого не сдѣлалъ. Если вотчинное начало наконецъ одержало верхъ, оно исторически оправдано. Въ вотчинномъ смыслѣ толкуютъ Мономаховичи и завѣщаніе Ярослава, которое говоритъ только о сыновьяхъ послѣдняго и ни слова объ ихъ потомствѣ; но его можно толковать и иначе, въ родовомъ смыслѣ. Поэтому-то и другое толкованіе не можетъ служить доказательствомъ въ пользу или противъ подлинности завѣщанія, и аргументъ г. Соловьева, на этомъ основанный, ровно ничего не доказываетъ. Наконецъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ, будто бы слова, приписываемыя лѣтописцемъ Ярославу: „аще ти (Всеволоду) подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей со правдою, а не насильствомъ“—тоже позднѣйшее сочиненіе (стр. 76, примѣч. 1). Въ завѣщаніи сказано: „и тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни згонити“. Признавая подлинность распоряженій Ярослава, мы не можемъ не признать и подлинности приведенныхъ выше словъ его къ Всеволоду; тѣ изъ нихъ, которыя особенно возбудили сомнѣніе въ авторѣ („со правдою, а не насильствомъ“) даже не дополняютъ, а только поясняютъ завѣщаніе.

Отношенія между русскими князьями отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Великаго, сына Мономахова, составляютъ предметъ особой — четвертой главы. Они отдѣлены отъ дальнѣйшихъ не безъ причины:

[1]) стр. 75, въ первой ссылкѣ на Ипатьевскую ошибкою напечатано 100, вмѣсто 110.

Особенный характеръ этихъ отношеній отличаетъ ихъ отъ слѣдующихъ.

„Всѣ борьбы,—говоритъ авторъ,—всѣ усобицы, имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ сонаслѣдія съ дядьми; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Полоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая при Святополкѣ Изяславичѣ, на Любечьскомъ съѣздѣ,—возвращеніемъ несправедливо исключеннымъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополкѣ, на Витичеевскомъ съѣздѣ, исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соперничествующими линіями—Изяслава и Владиміра Ярославичей; но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линіями, подѣлившими ее, между Ярославомъ Святополковичемъ и Ростиславичами; сюда присоединилась вражда — Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ къ Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области — Черниговскую или Владиміро-Волынскую; эти области служатъ только средствомъ для исключенныхъ князей снова войти въ родъ и во владѣніе родовою собственностью; имъ нѣтъ нужды, какія бы имъ волости ни дали, только бы ввели ихъ въ рядъ, но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домогаются, по крайней мѣрѣ, получить ихъ, хотя въ отдѣльную собственность, на подобіе княжества Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи въ Галиціи; но Святославичи, получивъ опять отцовскую Черниговскую область, не хотятъ ограничиться ею и выдѣлиться изъ рода Ярославова, что и подаетъ поводъ къ новымъ спорамъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ“ (стр. 134—135)

Ниже мы постараемся доказать, что авторъ не вполнѣ правильно смотритъ на претензіи обдѣленныхъ князей. Тѣмъ не менѣе дѣйствительно, если не всѣ, то безспорно большая часть княжескихъ усобицъ въ означенный періодъ, вели свое начало отъ стремленія исключенныхъ князей получить часть въ общей родовой собственности, и потому эти усобицы, по всей справедливости, могутъ составить особый отдѣлъ въ исторіи междукняжескихъ отношеній. Эти отношенія вообще изслѣдованы превосходно. Хронологическая и внутренняя послѣдовательность событій строго соблюдены: отрывочныя извѣстія лѣтописей соединены въ разсказѣ автора въ цѣльную, живую картину, — заслуга, которую вполнѣ оцѣнятъ тѣ, которые сами боролись со всѣми трудностями подобной работы. Отыскивая вездѣ начала, на которыхъ *покоился* нашъ древнѣйшій бытъ, авторъ открылъ и указалъ причины между-кн скихъ отношеній, мирныхъ и враждебн лежавшія въ духѣ времени, въ господ вавшихъ тогда понятіяхъ, и потому и понимаетъ тогдашнихъ дѣятелей, чѣмъ предшественники. Его чисто-историч воззрѣніе перевершило отвлеченно мо ный приговоръ, произнесенный Карамзин —приговоръ, давно уже потерявшій ав тетъ, но до сихъ поръ еще не опровер тый систематически и потому отзываю по временамъ въ разсужденіяхъ о дре Руси. Теперь, съ появленіемъ книги г. ловьева, это будетъ не такъ-то легк слова: *великодушный*, *коварный* и т. д. въ мѣненіи къ потомкамъ Владиміра, вый мало-по-малу изъ употребленія. Съ вмѣстѣ—что̀ очень важно—мы уже не немъ теперь, какъ было до сихъ поръ, тать между строкъ древней русской ис то, чего въ ней не было. Пока туманъ стилалъ глаза и картина не проясни такое историческое провидѣніе было можно и отчасти извинительно; теперь будетъ смѣшно, но ужъ никого не соб съ толку.

Излагая событія, авторъ мѣстами ха теризируетъ и дѣйствующія лица. Не характеристики равно удачны, но нѣк рыя—верхъ совершенства. Вотъ напри характеристика Мономаха.

„Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ вели историческимъ дѣятелямъ, которые являют самыя бѣдственныя времена для поддержанія щества, которые своею высокою личностью ум сообщить блескъ и прелесть самому дурному щественному организму. Мономахъ вовсе не надлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ торые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, влетворяютъ новымъ потребностямъ общества было лицо съ характеромъ чисто охранительн и только. Мономахъ не возвышался надъ тіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ ин хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ ве но высокими личными доблестями, строгимъ ис неніемъ своихъ обязанностей, прикрывалъ н сгатки существующаго порядка вещей, дѣлал не только сноснымъ для народа, но даже сно нымъ удовлетворять его общественнымъ потре стямъ. Тогдашнее общество требовало прежде отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои се ныя обязанности, не которовался съ братіей, рилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми вѣтами нарядъ въ семью: Мономахъ, во время вражды между братьями, заслуживъ названіе толюбца, умными совѣтами и рѣшительностью вращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ ко крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго со

обращенное общество требовало отъ князя
одѣтелей христіанскихъ: Мономахъ отличался
ыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требо-
отъ князя строгаго правосудія: Владиміръ самъ
юдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ
ть слабыхъ. Въ это время, когда другіе князья
ли клятвою, на слово Мономаха можно было
житься. Когда другіе князья позволяли себѣ
здержаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ
чался чистотою нравовъ и строгимъ соблюде-
ь интересовъ народа. Общество больше всего
видѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ
больше имъ гнушался. Новорожденное евро-
ко-христіанское общество, окруженное варва-
, требовало отъ князя неутомимой воинской
ельности: Мономахъ почти всю жизнь не схо-
съ коня, стоялъ на-сторожѣ Русской земли:
акомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мо-
хъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если
отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ
льное благоговѣніе, разсматривая высокую его
ельность, то какъ же должны были смотрѣть
его современники? Не дивно, что народъ лю-
его и перенесъ эту любовь на все его по-
гво“ (стр. 104—105).

ъ этому описанію трудно что-нибудь при-
ть или что нибудь въ немъ измѣнить;
дая черта — живая, вѣрная картина, не
ко лица, но цѣлаго времени, цѣлой эпохи.
здо менѣе понравилась намъ характе-
ика Олега Святославича:

есправедливость дядей ожесточила въ моло-
сердце этого князя; изгнанническая жизнь
ила его отъ родины, заставила думать только
момъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ
лъ справедливыми всѣ средства для возвра-
правъ своихъ; потерпѣвъ гоненіе отъ род-
никовъ, онъ уже не вѣрилъ болѣе родственной
и, святости семейнаго союза, въ поступкахъ
евъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя
равѣ быть также коварнымъ; добывъ мечемъ
ъ въ родовой собственности, онъ полагался
ко на одинъ мечъ, и не любилъ никакихъ
ественныхъ миролюбивыхъ сдѣлокъ. Таковъ
Олегъ Святославичъ“ (стр. 110).

чевидно, эти слова не могутъ служить
ючительной характеристикой Олега; они
авной мѣрѣ примѣнимы ко всѣмъ тогдаш-
ъ князьямъ; каждый изъ нихъ „думалъ
ко о самомъ себѣ“, „считалъ справедли-
и всѣ средства для возвращенія правъ
хъ“ и „не вѣрилъ родственной любви,
ости семейнаго союза“. Самый Мономахъ
сти подходитъ подъ эту характеристику,
ъ болѣе другіе. Сверхъ того, этотъ очеркъ
га не отзывается ли фразой, какими усѣяна
рія Карамзина? Въ словахъ г. Соловьева
ется ли Олегъ живымъ человѣкомъ? Нѣтъ,
не является такимъ; у него онъ выхо-

дитъ какимъ-то невозможнымъ, отвлеченнымъ отрицаніемъ добродѣтелей, не существовавшихъ въ древнѣйшей Руси въ Рюриковомъ родѣ. Не надобно забывать, что у всѣхъ народовъ, въ первобытныя времена, развита не нравственная, а формальная, внѣшняя сторона семейственнаго союза; не любовь, а господство и подчиненіе лежатъ въ основаніи родственныхъ связей. Если при такомъ порядкѣ вещей появится неопредѣленность этихъ связей и отношеній, и станутъ показываться имущественные, владѣльческіе интересы, родственныя, семейныя отношенія обращаются въ предлогъ и поводъ къ домогательствамъ, имѣющимъ совсѣмъ другія цѣли, и потому нарушаются весьма часто. Это и представляетъ намъ такъ называемый періодъ удѣловъ: клятвонарушенія, насилія встрѣчаются на каждомъ шагу, и нѣтъ князя, котораго нельзя въ нихъ упрекнуть болѣе или менѣе. Намъ могутъ возразить на это, что если родовое, кровное начало, преобладанію котораго въ древней Руси мы придаемъ такую важность, прикрывало собою совсѣмъ другіе интересы, то оно не было главнымъ дѣятелемъ и слѣдственно не можетъ характеризировать цѣлую эпоху; но такое возраженіе несправедливо. Пока извѣстныя формы существуютъ, пока онѣ составляютъ норму, которой всѣ придерживаются, искренно или притворно, и не опровергнуты какъ высшій идеалъ общественныхъ отношеній,—до тѣхъ поръ мы не только вправѣ, но должны, если хотимъ быть вѣрны исторической истинѣ, характеризировать этими формами эпоху, которую описываемъ, и можемъ закончить эту эпоху только тамъ, гдѣ наконецъ новый идеалъ общественныхъ отношеній смѣняетъ прежній. Исторія есть развитіе, постепенное очищеніе понятій человѣка о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Насколько жизнь народа ихъ вырабатываетъ, настолько они въ свою очередь ее передѣлываютъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя указать минуты въ исторіи, когда бы при полномъ господствѣ извѣстныхъ отношеній не развивались, въ тѣни, подъ формами, имъ не вполнѣ соотвѣтствующими и свойственными, совершенно другія отношенія. Несмотря на то, мы все такъ-же будемъ характеризировать эту минуту исторіи не послѣдними, а первыми.

Разсматривая внимательно четвертую главу книги г. Соловьева и вглядываясь при-

стально въ очерченную имъ картину междукняжескихъ отношеній, мы открываемъ въ ней при несомнѣнныхъ достоинствахъ и значительные недостатки. Главный (кромѣ мелкихъ неточностей, о которыхъ ниже) заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ отвлеченно проводитъ одно родовое начало и забываетъ другія, имѣвшія однако немаловажное вліяніе на опредѣленіе владѣній, а слѣдовательно и взаимныхъ отношеній тогдашнихъ князей. Эти забытыя имъ начала суть: во-первыхъ, вотчинное, наслѣдственное по нисходящей линіи, по которому князья всячески старались удержать за собою владѣнія отцовъ; во-вторыхъ, участіе общинъ, городовъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній. Это участіе обнаруживалось тѣмъ, что общины, не стѣсняясь родовыми разсчетами и правами князей, призывали однихъ, изгоняли другихъ, судя потому, были ли они имъ пріятны, или нѣтъ. Если это участіе и не было постоянное, юридически опредѣленное, то тѣмъ не менѣе оно было, и вмѣстѣ съ вотчиннымъ началомъ содѣйствовало постепенному упадку родового устройства древнѣйшей Руси. Этимъ мы не хотимъ сказать, что авторъ скрылъ факты или пропустилъ ихъ безъ вниманія. Напротивъ, они у него разсказаны весьма добросовѣстно,— ни одинъ не утаенъ. Но дѣло въ томъ, что г Соловьевъ не выставилъ ихъ какъ движущее начало, видоизмѣнившее послѣдовательное развитіе родового, отчего вся картина выходитъ у него нѣсколько натянута, освѣщена однимъ свѣтомъ и лишена разнообразія, присущаго всякому живому, историческому явленію.—Въ общемъ обозрѣніи между-княжескихъ отношеній, въ самомъ концѣ четвертой главы, авторъ говоритъ (стр. 135): „Второе главное явленіе, замѣченное нами въ описанномъ періодѣ, есть отстраненіе волею гражданъ старшей линіи отъ старшинства, и передача его въ третью линію Ярославова потомства". Кромѣ разсказа фактовъ, въ которыхъ выразилась воля гражданъ, это—единственное замѣчаніе объ участіи общинъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній, и то оно говоритъ объ одномъ явленіи, а не началѣ, которое до кончины Мстислава рѣдко выражалось, но впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, играло весьма важную роль въ государственномъ бытѣ древней Руси. Иначе и быть не могло. Не трудно доказать, что по мѣрѣ того, какъ развивалось родовое устройство со всѣми своими послѣдствіями, оно должно было вызвать у стіе городовыхъ общинъ въ раздѣленіи в дѣній между князьями. Это заключалось условіяхъ родового, общаго владѣнія и него вытекало самымъ естественнымъ об зомъ. Что вело за собою общее владѣніе лою Русью? Безпрестанные переходы кня изъ города въ городъ, изъ владѣній во в дѣніе: чѣмъ больше было князей, тѣмъ мел были эти владѣнія, слѣдовательно тѣмъ бо нѣе князья. А между тѣмъ они вели б престанныя войны, содержали дружины, сна жали войско конями и оружіемъ. Претен этихъ князей, по родовымъ счетамъ, весь часто далеко превышали ихъ средства. Что увеличить ихъ, они должны были или об менять свои владѣнія тяжелыми поборам или ходить на добычу. Имѣя совершен различные интересы съ общинами, не буду правителями въ настоящемъ значеніи сло князья не гнушались этими, по нашимъ н нятіямъ, безиравственными источниками д ходовъ. Вотъ почему грабежи и разоре областей посредствомъ набѣговъ, тіуновъ отроковъ тянутся непрерывною нитью чре весь такъ называемый періодъ удѣловъ. Ес не всѣ князья такъ дѣйствовали, то бо шая часть безъ всякаго сомнѣнія, и восто женная любовь современниковъ къ Мо маху служитъ убѣдительнымъ доказател ствомъ, какъ исключенія были рѣдки.

Взглянемъ теперь на общины. Каковы о онѣ ни были, ихъ интересы были совершен другіе. Успѣхъ того или другого князя во буждалъ ихъ участіе только въ той мѣр какъ онъ былъ для нихъ полезенъ: собстве но до княжескихъ усобицъ, побѣдъ и тор жествъ имъ не было никакого дѣла. Посл ослѣпленія Василька, Ростиславичи подъ пили ко Владиміру Волынскому, и ко объявили, что пришли не на городъ и на горожанъ, а на тѣхъ, которые науш Давида ослѣпить Василька, Владимірцы ложили сдаться (Лавр. Лѣт. стр. 114). лочане, стѣсненные со всѣхъ сторонъ ками Мстислава, „стоскнувшись" прос своихъ князей, изъ-за которыхъ пос ихъ война (тамъ же стр. 131); когда ловцы разбили Ярославичей, кіевляне бовали, чтобъ Изяславъ опять велъ н враговъ, которые „разсѣялись по землѣ славъ отказалъ, а кіевляне освободи слава Полоцкаго изъ тюрьмы и постав посреди княжескаго двора (стр 74, тамъ

этихъ примѣровъ въ началѣ періода
въ, но они убѣдительно говорятъ въ
у той мысли, что города отдѣляли свои
ресы отъ интересовъ князей, — и это
такъ естественно! При каждой пере-
князя старѣйшіе въ общинахъ под-
лись опасности, что новопришедшіе дру-
ики ототрутъ ихъ отъ высшихъ мѣстъ;
младшихъ была страшна смѣна тіуновъ,
ихъ и отроковъ, правившихъ ими, при
раниченной власти правителей и при
ложной системѣ посуловъ, поклоновъ,
ковъ и кормовъ, которыми нужно было
ый разъ задабривать новаго княжескаго
ника. Недаромъ Мономахъ совѣтуетъ
мъ своимъ: „куда ходяще путемъ по
ъ землямъ, не дайте накости дѣяти
омъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ се-
, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ нач-
(Лавр. Лѣт., стр. 102). Если вдоба-
къ этимъ естественнымъ тягостямъ, не-
имымъ спутникамъ частаго перехода
й и общаго владѣнія землею, князь
несправедливъ, жестокъ, корыстолю-
очень понятно, что общины при всемъ
ъ миролюбіи иногда выходили изъ тер-
и при первой открывшейся возмож-
призывали князя, который имъ боль-
равился, который былъ силенъ и могъ
тить ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и не
имали извѣстнаго имъ съ худой стороны,
ще не соединявшаго въ себѣ условій, тре-
ыхъ отъ князя, хотя бы первый не имѣлъ
кихъ родовыхъ правъ на владѣніе ими,
права вполнѣ и безспорно принадле-
послѣднему. Ослабленіе князей пода-
общинамъ больше и больше поводовъ
зовать въ своихъ интересахъ; даже
вѣроятно, что вольность Новгорода
ла такимъ образомъ.

касается до вотчиннаго начала, то
къ мы уже не одинъ разъ замѣтили,
ало родовой распорядокъ съ другой
. Въ призваніи и изгнаніи князей
и высказывалось древнее *вѣчевое* об-
начало: въ стремленіи князей удер-
собою отцовскія владѣнія—не ясно
емый взглядъ на области какъ на
собственность, переходящую отъ
сыну. Этому послѣднему началу при-
ала будущность въ русской исторіи,
какъ общины, съ прекращеніемъ
бленности Россіи, утратили полити-
значеніе, вотчина возвысилась на сте-
пень формы государственнаго устройства, упразднила родовую іерархію и послужила прототипомъ для государства. Г. Соловьевъ говоритъ, что до смерти Мстислава усобицы происходили между князьями не за области: области служили для исключенныхъ князей только средствомъ войти въ родъ, о чемъ они прежде всего заботились; но какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ княжили ихъ отцы, то они старались по крайней мѣрѣ получить эти владѣнія, хотя бы въ *отдѣльную собственность*. Добившись этого, они тѣмъ не ограничивались, не хотѣли выдѣлиться изъ цѣлаго княжескаго рода (стр. 134 и 135). Въ этихъ словахъ есть доля правды, и лѣтописи сообщаютъ нѣкоторые факты въ ихъ подтвержденіе. Ростиславъ Владиміровичъ успокоился, овладѣвъ Тмутороканью, хотя отецъ его и не владѣлъ ею. Всеволодъ оставляетъ одного Изяславича, своего племянника, на его столѣ, другому даетъ область,— и они живутъ мирно съ великимъ княземъ. Но рядомъ съ этими, впрочемъ немногочисленными данными, мы встрѣчаемъ множество такихъ, которые прямо противорѣчатъ мнѣнію г. Соловьева и доказываютъ, что вотчинное начало уже теперь стало высказываться самостоятельно, въ противоположность родовому, и сильно видоизмѣнило устройство, которое имѣла бы тогдашняя Русь, еслибы родовой распорядокъ исключительно господствовалъ. Вотъ эти данныя:

1) Обыкновенно случалось, что лишь только одинъ изъ старшихъ князей умиралъ, дѣти его лишались владѣній, исключались изъ рода, остальные старшіе князья забирали все въ свои руки и раздавали своимъ дѣтямъ. Конечно послѣдніе не владѣли наравнѣ со старшими, которые сажали ихъ тамъ или здѣсь по усмотрѣнію; но для насъ важно, что въ большей части случаевъ они владѣли, а осиротѣвшіе племянники старшихъ князей— нѣтъ,—такъ что Русь представлялась раздѣленною на части, изъ которыхъ въ каждой сидѣли князья съ своими сыновьями. Не считаемъ нужнымъ высчитывать примѣры, ибо ими наполнена глава разсужденія г. Соловьева, о которой теперь идетъ рѣчь. Предпочтеніе дѣтей племянникамъ ясно указываетъ на вотчинное начало, а не на родовое, ибо изъ послѣдняго невозможно вывести преимущества дѣтей живыхъ князей передъ сыновьями умершихъ. Впрочемъ объ этомъ мы уже говорили.

2) Мы знаемъ, что Изяславъ старался чрезъ посредство папы доставить велико-княжескій престолъ своему сыну; авторъ объясняетъ этотъ замѣчательный фактъ тѣмъ, „что Изяславъ, отчаявшись самъ возвратить себѣ престолъ, просилъ папу употребить стараніе, чтобы по крайней мѣрѣ потомство его не было исключено изъ родового наслѣдства и не осталось вѣкъ въ изгнаніи на чужой сторонѣ“ (стр. 90). Но вѣдь въ глаза бросается, что это натяжка; въ письмѣ своемъ папа прямо говоритъ о государствѣ (regnum). А что Изяславъ дѣйствительно могъ желать, чтобы Кіевъ достался его сыну, это всего убѣдительнѣе доказывается примѣромъ Мстислава Владиміровича, который по смерти Мономаха сталъ великимъ княземъ. Объясненіе этого явнаго нарушенія родового порядка наслѣдованія находимъ на стран. 129 и 130.

„По смерти Мономаха старшинство принимаетъ прямо сынъ его Мстиславъ. Святославичи не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ, слѣдовательно этимъ самымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, отказались отъ старшинства за себя и за цѣлый родъ свой; ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ родичъ терялъ право, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижался предъ родомъ того, кому было уступлено; отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, это отношеніе тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Оставался еще родъ старшаго Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его— Ярославомъ, Изяславомъ и Брячиславомъ Святополчичами, но родъ Святополка потерялъ даже Владиміро-Волынскую область; Изяславъ и Брячиславъ, вѣроятно находившіеся на сторонѣ брата, какъ ослушники воли старшаго родича, подверглись исключенію; по крайней мѣрѣ младшій, Брячиславъ, не могъ имѣть волости, оставшись послѣ отца 10 лѣтъ, а чрезъ четыре года уже начались бѣдствія его семьи. Оба, Изяславъ и Брячиславъ, умерли въ 1127 году, переживъ свою мать только тремя годами. Ясно, что эти князьки не могли оспаривать старшинства у Мстислава Владиміровича, который наслѣдилъ потъ отца своего, по выраженію лѣтописца, и потому долженъ былъ наслѣдовать и столъ отеческій; со стороны Черниговскихъ князей нельзя было также ожидать возобновленія притязаній; Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха, меньшой братъ ихъ Ярославъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, удержать и Черниговскаго стола противъ родного племянника: ясно, что онъ не могъ спорить со Мстиславомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, требуя только, чтобъ в. князь поддерживалъ его на столѣ Черниговскомъ“ (стр. 129—130).

Это объясненіе сбивчиво. Сначала говорится, что Святославичи не могли претендовать на старшинство, уступивъ его Моном
а въ концѣ сказано, что Ярославъ не
спорить съ Мстиславомъ. Что-нибудь
двухъ: или Мстиславъ вступилъ на кіев
престолъ по праву, или безъ всякаго пр
въ первомъ случаѣ притязанія Святослав
были бы незаконны, противны родовому
ройству, хотя бы у нихъ и достало
перебить или отнять у Мстислава велико-
жескую власть; въ послѣднемъ неправъ М
славъ, и сила или безсиліе Святославичей
какъ не могутъ его оправдать. Въ этомъ
вопросъ, который разрѣшенъ у автора как
обоюдно. Что же касается до Изяслави
очевидно имѣвшихъ старшинство пер
Мстиславомъ по родовому распорядку,
г. Соловьевъ долженъ былъ сознаться,
„эти князьки не могли оспаривать старш
ства у Мстислава“, и тѣмъ прямо призна
что вопросъ рѣшенъ силой, личнымъ дост
ствомъ послѣдняго, чѣмъ хотите, только
родовыми правами.

Вотчинное начало объясняетъ эти два
чая очень просто. И въ томъ, и въ друг
князья смотрятъ даже на велико-княже
достоинство какъ на наслѣдіе, переходя
отъ родителей къ дѣтямъ; но первому,
тому что онъ слабъ, не удается провести э
взгляда, а второму, потому что онъ сил
удается. И только. Вездѣ, гдѣ только
чинное начало могло высказаться, оно
сказывалось и положительно, и отрицател
то доставляя старшинство и владѣнія ни
дящимъ помимо боковыхъ, то лишая и т
и другого. Въ оправданіе Мстислава,
лаясь на мѣстническіе разсчеты, по котор
лицо, однажды лишившееся старшинства,
шаетъ его вмѣстѣ съ собою и все свое
томство, авторъ, можетъ быть и не подоз
вая того, подтверждаетъ наши слова,
что же такое лишеніе доказываетъ, как
присутствіе вотчиннаго начала въ кажущ
чисто родовомъ распорядкѣ?

3) Какъ неправильно объясняетъ авт
домогательства исключенныхъ князей одн
желаніемъ „лишь быть введеннымъ въ род
это всего очевиднѣе доказывается распр
за Владиміро-Волынскую область, котор
такъ превосходно изложены въ разбира
нами книгѣ. По словамъ г. Соловьева,
дая изъ враждебныхъ линій, между котор
была раздѣлена Владимірская область, „
тала себя въ правѣ на обладаніе цѣлою
лостью“ (стр. 115). Въ пользу этой догад

мѣста изъ Лаврентьевской лѣтописи,
деннаго авторомъ (стр. 119, примѣч. 2),
убѣдительно говорятъ еще и безпре-
я междоусобія князей-владѣльцевъ этой
и. Изъ ихъ притязаній ясно видно, что
отѣлось не части въ общей родовой
енности, а всѣхъ отцовскихъ владѣній,
они бы не воевали между собою. При
замѣтимъ еще слѣдующее: изъ всѣхъ
енныхъ князей до смерти Мстислава
только Ростиславъ Владиміровичъ не-
ъ воевать съ дядями, завладѣвъ Тму-
анью. Но извѣстно, что онъ умеръ на
же годъ; сверхъ того отецъ его Вла-
ь никогда не былъ старшимъ, не вла-
самостоятельно Новгородомъ, а держалъ
одъ отцомъ; слѣдовательно, строго го-
для Ростислава не было вотчины. (Какъ
ивопонимали князья различіе между вла-
мъ самостоятельнымъ старшаго князя,
мостоятельнымъ младшаго князя, полу-
мъ отъ другого, старшаго, видно изъ
ра Ростиславичей, которые смотрѣли на
міро-Волынскую область какъ на вот-

Всѣ прочіе, безъ исключенія, жили
, если оставались въ прежнихъ отцов-
владѣніяхъ (напримѣръ Изяславичи),
отивномъ случаѣ воевали до тѣхъ поръ,
старшіе князья не отдавали имъ отцов-
участковъ; примѣромъ могутъ служить
сключенные князья, поперемѣнно и въ
время владѣвшіе Тмутороканью послѣ
слава. Кажется, чего бы имъ искать? Они
часть въ общей родовой собственности?
нѣтъ!—они шли на Русь, наводили на
оловцевъ и успокоивались не прежде,
получивъ отцовскія владѣнія.

всего этого мы видимъ, что въ то время,
одни князья дѣйствовали, распоряжа-
на основаніи родового начала, другіе
дили начало вотчинное, искали именно
ній отцовъ, а не мѣста въ родовомъ
рядкѣ, какъ говоритъ г. Соловьевъ.

Наконецъ, въ совершенномъ соотвѣт-
съ этими стремленіями исключенныхъ
й, мы видимъ явное нарушеніе родо-
начала въ пользу вотчиннаго со стороны
ихъ. При Мстиславѣ, какъ замѣчаетъ
ь авторъ, „Мономаховъ родъ владѣлъ
ею частію русскихъ областей“ (стр. 131)
томъ безъ всякаго ихъ различія по стар-
ву: такъ Переяславль, Смоленскъ, быв-
ъ началѣ княженія Изяслава во владѣ-
аршихъ князей, а при Всеволодѣ—во
владѣніи его сыновей, поперемѣнно находи-
лись въ рукахъ братьевъ и сыновей Мсти-
славовыхъ, несмотря на старшинство первыхъ
надъ послѣдними. Еслибы господствовало
одно родовое начало, князья не сидѣли бы
во владѣніяхъ своихъ отцовъ, и распорядокъ
областей между ними былъ бы совершенно
другой. Въ 1125 году, когда умеръ Владиміръ Мономахъ, были въ живыхъ одинъ внукъ
Ярослава и *восемнадцать* Ярославовыхъ правнуковъ. Первому (Ярославу Святославичу)
было столько же до Ярослава, сколько и Мономаху, да сверхъ того онъ былъ потомокъ
старшаго сына, а Мономахъ—младшаго; изъ
правнуковъ *двѣнадцать* были старше Мстислава. Одни эти факты ясно показываютъ,
что̀ сталось съ родовымъ началомъ уже въ
четвертомъ поколѣніи Ярославова потомства,
и какой значительный верхъ получило надъ
нимъ начало вотчинное.

Всѣ изложенныя причины заставляютъ насъ
смотрѣть нѣсколько иначе на между-княжескія отношенія отъ Ярослава до смерти Мстислава, нежели какъ понимаетъ ихъ г. Соловьевъ. Величайшая неопредѣленность существовала въ понятіяхъ князей XI и XII
вѣковъ насчетъ права и титула, на основаніи
котораго они владѣли областями: собственность, владѣніе въ его различныхъ видахъ,—
все это мѣшалось у нихъ въ головѣ самымъ
страннымъ образомъ: мы видимъ зачатки собственности, государственнаго и частнаго владѣнія,—но ни одно изъ этихъ понятій не
проведено послѣдовательно; безпрестанно переливаются они одно въ другое, такъ что въ
результатѣ остается нуль, и мы убѣждаемся,
что собственно объ этомъ не было никакихъ
понятій. Совершенно то же самое и въ такой
же степени должно сказать и о личныхъ отношеніяхъ князей между собою. Родовыя отношенія безспорно были; рядомъ съ ними
являются и отношенія семейныя въ естественной противоположности съ ними. Но и
тѣ, и другія остаются совершенно неразвитыми, неопредѣленными юридически; оттого
ни тѣ, ни другія не выдержаны, какъ бы
слѣдовало ожидать, и представляются въ самомъ пестромъ, безобразномъ смѣшеніи. Какъ
противоположныя, они иногда и сталкиваются,
но иногда живутъ мирно другъ подлѣ друга;
всего чаще мы видимъ, что родовыя вдругъ
переходятъ въ семейныя, семейныя—въ родовыя, такъ что для изслѣдователя нѣтъ ни
одной постоянной точки, отъ которой онъ

могъ бы прямо повести свои изслѣдованія, не сбиваясь на каждомъ шагу. Никакая аріаднина нить, никакое самое сосредоточенное вниманіе и память не въ силахъ руководить въ этой грудѣ фактовъ, не имѣющихъ своей опредѣленной, рѣзко обозначенной физіономіи, а потому и необходимой послѣдовательности и связи между собою. Слѣдовательно, соображая личныя отношенія князей, изучая и перекладывая ихъ такъ и этакъ, мы наконецъ тоже получаемъ въ результатѣ нуль—другими словами, получаемъ убѣжденіе, что конечно были зачатки и родовыхъ, и семейныхъ отношеній, но ни одинъ не развился, и опредѣленныхъ понятій о каждомъ изъ нихъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ вовсе не было. Въ этомъ пловучемъ хаосѣ самыхъ разнородныхъ началъ, долженствовавшемъ однако опредѣлять взаимныя отношенія князей между собою, а на самомъ дѣлѣ безсильномъ опредѣлить ихъ, открывалось широкое раздолье самому неограниченному произволу, и если онъ не былъ таковъ, какимъ мы его теперь разумѣемъ, то причины должно искать въ низкой степени образованія, бѣдности содержанія, характеризующихъ древнюю Русь; тогда произволу не изъ чего было развиться въ разнообразныхъ формахъ и широкихъ размѣрахъ. Но насколько ему было по плечу, онъ развился; это видно въ притязаніяхъ выдѣленныхъ Полоцкихъ князей завладѣть велико-княжескимъ престоломъ, но еще въ большей степени—въ объемѣ княжескихъ владѣній. Почему такой-то князь владѣлъ такою-то областью, ни больше ни меньше, это опредѣлялось совершенно произвольно; естественно, каждый князь старался захватить какъ можно болѣе, и сила, а не право, рѣшала удачу или неудачу такихъ домогательствъ. Изъ всего этого мы выводимъ вотъ что̀: родовое начало дѣйствительно играло большую роль въ междукняжескихъ отношеніяхъ до смерти Мстислава; но вотчинное, противоположное ему, съ самой смерти Ярослава принимало не менѣе дѣятельное участіе въ опредѣленіи этихъ отношеній и съ помощью нѣкоторыхъ другихъ условій тогдашняго времени (участія общинъ и произвола князей) успѣло положить первое начало раздробленію Рюрикова рода на линіи, а Россіи—на части. Но такъ какъ почва, на которой совершалась исторія, была совершенно не юридическая, основанія тогдашняго быта не сознаны, и потому не *развиты* и неопредѣленны, то и отношенія обоихъ началъ—родового и семейнаго,—бы[illegible] чрезвычайно неопредѣленны, борьба и[illegible] крайне неправильна, и перевѣсъ послѣдня[illegible] надъ первымъ произошелъ совершенно бе[illegible] сознательно, какъ бы самъ собою.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя неправил[illegible]ности, вкравшіяся въ книгу г. Соловьева. [illegible] стр. 80, примѣч. 2, авторъ говоритъ, ч[illegible] Кенигсбергскій лѣтописецъ приписываетъ н[illegible]нависть Всеслава Полоцкаго къ потомст[illegible] Ярослава тому, „что Изяславъ былъ выд[illegible]ленъ отцомъ, почему онъ и потомство его [illegible]теряли право на общую родовую собстве[illegible]ность, доставшуюся Ярославичамъ“. Это сли[illegible]комъ произвольное толкованіе темныхъ сло[illegible] „Володиміръ же устрои городъ и да има (Из[illegible]славу съ матерью) и нарече имя граду то[illegible] Изяславль, и оттолѣ мечь взимаютъ Рого[illegible]ложи внуцы противу Ярославлимъ внукомъ[illegible] На стр. 82 находимъ описаніе возстанія кіе[illegible]лянъ, вслѣдствіе котораго Изяславъ долже[illegible] былъ бѣжать, а Всеславъ Полоцкій сѣлъ [illegible] велико-княжескій престолъ. Въ разсказѣ [illegible] находимъ между прочимъ, что послѣ разби[illegible] Ярославичей половцами, кіевляне пошли пр[illegible]сить у князя оружія и коней, чтобъ выст[illegible]пить „однимъ“ противъ враговъ. Одни [illegible] они хотѣли идти, объ этомъ въ лѣтописи [illegible] слова, и потомъ выраженіе *одни* очень [illegible] опредѣленно. Изяславъ отказалъ въ просьб[illegible] Почему? Авторъ говоритъ: „согласиться [illegible] такое требованіе значило отказаться отъ гла[illegible]ной своей обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ сл[illegible]довательно отъ своихъ правъ, потерять св[illegible] значеніе“. И такъ *одни* значитъ у автора *бе[illegible] князя, сами собою.* Но въ лѣтописи нѣтъ [illegible] малѣйшаго повода къ такому объясненi[illegible] (Лавр. Лѣт. стр. 73). На стр. 99 и 100 автор[illegible] говоритъ, что Романъ Святославичъ был[illegible] убитъ половцами, а „шайка Козаровъ, окр[illegible]жавшая Олега, брата Романова, измѣн[illegible] ему и силою отправила его въ Грецію“,—[illegible] заключаетъ такъ: „Изъ этого мы ясно [illegible]димъ, сколько разноплеменныхъ наро[illegible] толпилось въ степномъ приморьѣ, изъ [illegible]шенія которыхъ съ бѣглецами русскими [illegible]зовались многочисленныя шайки, го[illegible] вести всякаго на Русь“. Шайка ли, окр[illegible]шая Олега, отправила его въ Грецію, [illegible] не говоритъ лѣтопись; замѣчаніе о ра[illegible]менности народовъ, толпившихся въ ст[illegible] приморьѣ, здѣсь по крайней мѣрѣ не из[illegible] потому что лѣтописецъ подъ половц[illegible] зумѣлъ тутъ козаръ. На 88 стр. *Лавр.*

иси сказано, что Олегъ „сѣче Козары, ыша свѣтници на убіеніе брата его и ого“, а выше они названы половцами. 102 и 103 г. Соловьевъ доказываетъ, что икъ Изяславичъ былъ убитъ братьями, лавичами. Доводы его очень убѣди-, кромѣ ссылки на слова самого Яро- Восклицаніе этого князя: „то тѣ (а ъ, какъ у автора) мя враже улови!“ не доказываетъ. На стр. 109, послѣ но вѣрной характеристики Святополка, говоритъ: „Могла ли Русь ждать чего- хорошаго отъ такого князя? И вотъ ы не замедлили открыться“. Эта фраза не годится въ историческомъ разсуж- и простительна только лѣтописцу. Кто перь вѣритъ въ таинственную связь венныхъ достоинствъ князя и благо- ія страны? Усобицы при Святополкѣ ли слѣдствіемъ его дурныхъ качествъ, лючая даже ослѣпленія Василька. На е страницѣ: „Владиміръ думалъ, что ивъ несправедливость дяди и отца, тивъ Святославичамъ отцовскую во- онъ тѣмъ самымъ умиритъ Русь, ибо ченные князья не будутъ уже болѣе ить на нее Половцевъ“. Выше (стр. 99) акъ же называетъ отдачу Чернигова аху „дѣломъ несправедливымъ и без- нымъ“. Что оно было безразсудно — имъ; но почему же авторъ считаетъ правѣ сказать, что оно было неспра- во? Онъ же самъ доказываетъ, что пле- ки не были владѣльцами при дядяхъ. вное противорѣчіе. О намѣреніяхъ, съ ми Мономахъ уступилъ Черниговъ въ лѣтописи ни слова; стало быть идуманы авторомъ. На стр. 116, Ва- Ростиславичъ ошибочно названъ пря- нукомъ Святослава Игоревича: онъ омокъ въ пятомъ колѣнѣ; при томъ а между ними мало.—Совѣтъ, данный и людьми Святополку по дѣлу Ва- неправильно названъ у автора „не- зорительнымъ“ (стр. 118). Они опре- ьно отвѣчали, что Василька надо каз- а стр. 124, авторъ говоритъ: „Олегъ недоброжелательство къ себѣ народа, ъ былъ и старъ, и слабъ: уже давно лъ въ походы съ братьями по при- лѣзней“. Кромѣ недоброжелательства на которое есть данныя, все прочее присказалъ отъ себя. Въ мѣстѣ изъ си, на которое ссылается г. Соловьевъ, сказано только, что Святополкъ и Владиміръ въ 1103 году послали къ Святославичамъ звать ихъ противъ половцевъ; Давидъ по- шелъ, „а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: несдравьлю“ (стр. 118). Послѣднія слова ясно говорятъ, что Олегъ могъ идти, да не хотѣлъ, и болѣзнь служила ему предлогомъ Сверхъ того мы знаемъ, что онъ былъ въ постоян- ныхъ сношеніяхъ съ половцами и не ходилъ на нихъ войной съ русскими князьями. Г. Со- ловьевъ истолковалъ здѣсь лѣтопись слиш- комъ произвольно и вовсе невѣроятно.

На стран. 85 и 86, примѣч. 2, авторъ объ- ясняетъ, „какимъ образомъ Глѣбъ Святосла- вичъ попалъ въ Новгородъ?“ Этотъ вопросъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Основываясь на томъ, что, по мнѣ- нію Карамзина, Мстиславъ Изяславичъ, князь новгородскій, разбитый Всеславомъ Полоц- кимъ, бѣжалъ въ Кіевъ, авторъ говоритъ: „Вѣроятно Изяславъ послѣ этого уступилъ такое отдаленное и опасное владѣніе Свято- славу, который и послалъ туда своего сына Глѣба, лишеннаго Тмуторокани“. Но почему жь это вѣроятно? Мы думаемъ, что, напро- тивъ, такая уступка важной области вовсе невѣроятна. Гораздо правдоподобнѣе догадка, предложенная г. Соловьевымъ въ изслѣдо- ваніи „объ отношеніяхъ Новгорода къ ве- ликимъ князьямъ“. Здѣсь, на стран. 54 и 55, мы читаемъ: „Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новго- родѣ: здѣсь является княземъ сынъ Свято- слава — Глѣбъ; послѣдній въ свою очередь долженъ былъ оставить Новгородъ, вслѣд- ствіе вторичнаго торжества Изяслава, кото- рый послалъ сына своего Святополка“. Вѣ- роятность этого объясненія доказывается тѣмъ, что въ 1069 году Глѣбъ уже былъ въ Новгородѣ (Новг. первая лѣт., стр. 2), а Изяславъ лишился въ первый разъ кіевскаго престола въ 1068 году. Если мѣсто его и заступилъ Всеславъ, то Святославъ все же былъ старшимъ между Ярославичами и могъ считать себя вправѣ распорядиться тѣмъ, чего не успѣлъ захватить Всеславъ. Еще сильнѣе говоритъ въ пользу этого мнѣнія за- мѣчаніе Арцыбашева (книга II, пр. 181), что Святополкъ Изяславичъ былъ отправленъ въ Новгородъ еще до смерти Глѣба Наконецъ авторъ самъ приводитъ въ своей мастерской диссертаціи (примѣч. 105) мѣсто изъ лѣто- писи, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, которое прямо говоритъ: „и посади Свято-

славъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдь". Не знаемъ, почему авторъ счелъ нужнымъ отбросить это очень вѣроятное объясненіе и принять другое, въ пользу котораго нѣтъ никакихъ доказательствъ. Вообще замѣтимъ, что въ распредѣленіи сѣверныхъ владѣній при Изяславѣ произошли важныя перемѣны. Карамзинъ (т. II, стр. 40, изд. Эйнерл.) и г. Соловьевъ (стр. 73) согласно думаютъ, что Бѣлоозеро по первоначальному распорядку досталось Всеволоду; а изъ лѣтописи (Лаврен., стр. 75) мы видимъ, что здѣсь въ 1071 году сбиралась дань на Святослава. Когда и какъ это сдѣлалось—не видно, и трудно объяснить, потому что нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Есть и другія мѣста, въ которыхъ авторъ *отъ себя* присказываетъ къ лѣтописнымъ извѣстіямъ; но ихъ мы не приводимъ, потому что добавленія если не имѣютъ, то по крайней мѣрѣ могутъ имѣть нѣкоторое вѣроятіе. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на два замѣчанія автора, которыя показались намъ и новыми, и удачными. Въ лѣтописи говорится о нѣкоторыхъ князьяхъ, что они любили юныхъ, молодыхъ совѣтниковъ. По мнѣнію автора, подъ ними должно разумѣть новую дружину, приведенную княземъ, въ противоположность дружинѣ прежняго князя, предмѣстника. Кромѣ того, что это объясненіе очень вѣроятно само по себѣ, оно доказывается и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. На стр. 93 мы въ ней читаемъ: „Святополкъ же не сдумавъ, съ болшею дружиною отнею и строя своего, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ". *Большій и старѣйшій, меньшій и младшій* въ нашемъ древнемъ языкѣ—синонимы.

Значеніе и роль Тмуторокани въ нашей древнѣйшей исторіи замѣчены и характеризованы превосходно.

„Здѣсь, на отдаленномъ застепномъ приморьѣ, окруженномъ разными варварскими народами, былъ самый удобный притонъ варяжничеству; сюда стремились всѣ тѣ, которымъ почему-нибудь было тѣсно въ обществѣ, здѣсь изъ разноплеменныхъ пришельцевъ составлялись дружины, готовыя на всѣ возможные подвиги подъ знаменами перваго искателя приключеній" (стр. 79).

Пятая глава посвящена обозрѣнію междукняжескихъ отношеній въ короткій, но обильный событіями періодъ времени—отъ смерти *Мстислава* (1132 г.) до взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ и союзными съ н
князьями (1169). Вотъ какъ характеризу
авторъ этотъ періодъ:

„Усобицы, имѣвшія мѣсто при сыновьяхъ и
кахъ Ярослава I-го, происходили оттого, что д
исключали племянниковъ изъ владѣній род
собственностью, но борьба между князьями
чавшаяся по смерти Мстислава, носитъ соверш
другой характеръ: теперь уже князья бьютс
для того, чтобъ снова получить участки въ р
вой собственности, — они бьются за старшин
Внуки и правнуки Святослава враждуютъ т
со внуками и правнуками Всеволода уже
область Черниговскую, но за старшинство, за К
теперь уже Мономаховичи не изгоняютъ Свят
вичей изъ Чернигова, но хотятъ только искл
ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, твердятъ имъ: ост
тесь за Днѣпромъ, какъ распорядился прадѣдъ
Ярославъ Великій; Олеговичи отвѣчаютъ: „м
венгры и не ляхи, но потомки одного пред
отказаться отъ Кіева не можемъ", слѣдовате
являются защитниками нераздѣльнаго, общаго
дѣнія; но они знаютъ, что право старшинства
нарушено и возстановить его трудно вслѣд
столкновенія противоположныхъ правъ и ин
совъ: Мономаховичи считаютъ полное пра
своей сторонѣ, ибо Святославичи не проти
троекратному нарушенію своего права и та
образомъ добровольно отказались отъ него.
почему, когда Святославичамъ удается пер
на западную сторону Днѣпра, овладѣть Кіе
то они хотятъ перебраться всѣ на эту завѣ
сторону, оставить ее за потомствомъ, въ свою
редь исключить Мономаховичей, отбросить и
Востокъ: какая же цѣль этого стремленія? жел
прервать единство рода, раздѣлиться? прог
ваетъ ли тутъ начало новаго порядка вещей
выхъ отношеній? Ничего подобнаго: имъ хоч
только удержать постоянно старшинство за со
въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда
нимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отнош
старшаго къ младшимъ членамъ рода; однимъ
вомъ Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева
для старшинства" (стр. 137–138).

„Но борьба за старшинство идетъ не м
одними Святославичами и Всеволодовичами;
княжескія линіи, игравшія прежде важную ро
линія Изяслава Владиміровича Полоцкаго,
слава и Игоря Ярославичей вышли теперь
борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются
Греціи, но уже не имѣютъ никакого вліянія
отношенія между Ярославичами); но зато вс
страшная котора въ самомъ родѣ Мономахов
Здѣсь, повидимому, повторяется прежняя бор
борьба дядей съ племянниками, но опять уж
другимъ значеніемъ: дядья не исключаютъ пле
никовъ изъ владѣнія родовою собственностью,
враждуютъ съ ними за старшинство, не хот
допустить, чтобы дѣти старшаго брата отни
старшинство и столъ Кіевскій у младшихъ
своихъ, вслѣдствіе новаго представленія, что с
шій сынъ старшаго брата есть старшій бр
дядьямъ своимъ" (стр. 138—139).

„Торжество осталось на сторонѣ послѣдн
ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ, была

побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, е самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ ваго брата" (стр. 211).

Вотъ итогъ и послѣдній выводъ изъ изслѣдованій, заключающихся въ пятой главѣ. Соловьевъ очень удачно схватилъ многіе ные интересы эпохи и—что главное—возстилъ имъ то значеніе, которое они имѣли исторіи, но не имѣли въ книгахъ, писанкъ о ней. Сколько бы разъ ни повторяли орники старой школы, что все это было сказано Карамзинымъ и развито на лекхъ, мы столько же разъ отвѣтимъ, что связные намеки и отрывочныя замѣчанія рамзина не могутъ быть поставлены нанѣ съ развитымъ взглядомъ. Большая ница между отдѣльной мыслью и системическимъ ея построеніемъ.

Съ своей стороны, не взводя на автора робныхъ обвиненій, мы замѣтимъ однако, г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не лнѣ обозрѣлъ движущія начала междужескихъ отношеній того времени, а удоьствовался только нѣкоторыми; это притъ его взгляду односторонность и ввоъ его въ ошибки. Другой недостатокъ соитъ въ томъ, что г. Соловьевъ, характеуя эпоху, останавливается на однихъ явіяхъ, не проникая далѣе, не восходя до основныхъ причинъ. Отсюда недостаъ глубокаго пониманія внутренней связи, лѣдовательности между эпохами, хотя онѣ, же хронологически, шли одна за другой, ождали одна другую и слѣдовательно по бходимости связаны между собою единомъ начала. Каждая эпоха стоитъ у г. Соьева какъ-то слишкомъ отдѣльно, изолианно, и преемственность ихъ только внѣш. И то, и другое открывается изъ приведныхъ словъ. Разберемъ ихъ.

Авторъ говоритъ, что теперь князья бьются изъ участка въ родовой собственности, а старшинство. Выше мы старались доказать, что до смерти Мстислава князья бились за участки въ родовой собственности, а владѣнія отцовъ, вотчину, что существенно измѣняетъ вопросъ, ибо, предполагая вое, мы выведемъ, что родовой распорядъ былъ послѣдней, крайней цѣлью княжескихъ стремленій; напротивъ, принявъ поднее, мы увидимъ въ притязаніяхъ князей желаніе получить владѣнія для усиленія сти, увеличенія доходовъ, богатства, чего ите, только не для занятія извѣстнаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ. Инымъ съ перваго взгляда можетъ показаться, что мы придираемся и играемъ словами; но этого не скажетъ тотъ, кто пристально вникнетъ въ дѣло. Все разногласіе между нами и г. Соловьевымъ вертится на томъ, что онъ смотритъ на владѣнія, какъ на средство для цѣлей, условливаемыхъ родовою честью, а мы видимъ въ родовыхъ правахъ, предъявляемыхъ князьями, средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія. То, что́ у него играетъ главную роль, намъ кажется второстепеннымъ, и наоборотъ. При совершенномъ отсутствіи всякаго государственнаго и гражданскаго устройства, когда понятія дальше родственныхъ, кровныхъ отношеній не шли, князьямъ не на чемъ было основывать своихъ правъ и притязаній, кромѣ родовыхъ счетовъ, и въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ авторомъ, что кровныя отношенія играли теперь главную, первенствующую роль. Но подъ ними высказывались владѣльческіе интересы, приготовившіе полное торжество вотчиннаго начала надъ родовымъ, раздробленіе рода на самостоятельныя линіи и собственность, сначала въ не-гражданственной, патріархальной формѣ вотчины: нѣсколько примѣровъ всего лучше поясняютъ нашу мысль.

Если бы кровныя, родственныя отношенія господствовали исключительно, и только изъ нихъ хлопотали князья, а не изъ владѣній, какъ бы могъ Ростиславъ Юрьевичъ поссориться съ отцомъ „оже ему отець *волости не далъ* въ Суждальской земли" и перейти къ врагу его Изяславу Мстиславичу? Этотъ фактъ говоритъ очень сильно, особенно потому, что Изяславъ сказалъ пришедшему къ нему Ростиславу: „нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю" (Ипат. Лѣт., стр. 39). Изяславъ задобриваетъ своего двоюроднаго брата, и чѣмъ же?—не обѣщаніемъ такого или другого мѣста въ родовомъ распорядкѣ, а волостью: „отецъ не далъ, а я дамъ". Впослѣдствіи, упрекая Ростислава въ измѣнѣ, онъ говоритъ ему: „волость ти есмь вдалъ, ако ни отець того вдалъ, что я тобѣ вдалъ" (стр. 41). Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ главное для князей были владѣнія, волости, а не родовая часть,—иначе нельзя бы задобривать, приманивать къ себѣ волостями.

Еще: „Володиміръ Андреевичъ нача припрашивати волости у Мстислава. Мстиславъ

же... рече: брате Володиміре! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у мене? (стр. 99).

Оба эти мѣста тоже доказываютъ, что князья искали иногда владѣній, а не родовой части. Ищи Рогвольдъ послѣдней, онъ не сѣлъ бы въ Друцкѣ, а сталъ бы прямо отыскивать Полоцка, какъ Ольговичи и Юрій —Кіева. Владиміръ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Мстиславу, стало быть старше его, однако взялъ волость у Мстислава и цѣловалъ ему крестъ.

„Новгородци сдумавше рекоша (Всеволоду): дай ны шюрина своего Мстиславича. Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимиричемъ, призва шюрина своя и да имъ Берестій". (Лаврент. лѣтоп. стр. 134). Всеволодъ задобриваетъ и удерживаетъ при себѣ князей волостями, владѣніями.

Давши Ростиславу Божескъ и другіе города, Изяславъ велѣлъ сказать брату его Глѣбу: „иди ко Ольговичемъ, къ тѣмъ еси пришелъ, а ти дадятъ *волость*" (тамъ же стр. 138). Стало быть князья приходили иногда одни къ другимъ и получали волость, и это бывало между князьями различныхъ линій, враждовавшихъ между собою.

Этихъ немногихъ примѣровъ кажется достаточно, чтобъ убѣдить въ достовѣрности нашей мысли. Они свидѣтельствуютъ, что рядомъ съ родовыми кровными интересами развивались и другіе, владѣльческіе, которые впослѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе. Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать вздерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ между-княжескія отношенія въ эту эпоху,—не что̀ иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которое князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ. Именно потому, что нуженъ былъ предлогъ, оправданіе, сообразные съ нравами и понятіями времени, Кіева искали Святославичи, по старшинству въ Ярославовомъ потомствѣ, Мстиславичи—по праву вотчинному, и Владиміровичи, которымъ предлогомъ служило родовое старшинство предъ Мстиславичами, ихъ племянниками. Изяславъ не могъ самъ собой удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать кіевскимъ княземъ и отцомъ тожнаго дядю своего Вячеслава, потому послѣдній былъ старшій изъ живыхъ диміровичей (Мономаха). Это признаніе пустой формой: Вячеславъ ни во чт вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей, и вся в на дѣлѣ принадлежала Изяславу; но формальность доставила Ростиславу, Изяслава, такую же власть, какой по вался послѣдній. По той же самой прич т.-е. потому, что нужны были предлог искали кіевскаго престола безспорно шіе въ княжескомъ родѣ. Итакъ, м скажемъ съ авторомъ, что князья „бы за старшинство"; тѣмъ менѣе,—что С славичи хотятъ Кіева не для Кіева, старшинства". Напротивъ, мы утвержд что князья стараются пріобрѣсти луч возможно бо̀льшія владѣнія, оправд себя родовымъ старшинствомъ, смотр тому, которое изъ нихъ говорило въ пользу. До Андрея Боголюбскаго луч владѣніемъ въ Россіи былъ Кіевъ, и е домогался всякій князь, который имѣл него хоть какую-нибудь тѣнь права. С только вспомнить, какіе князья сидѣл этотъ періодъ на кіевскомъ престолѣ: славъ Владиміровичъ, братья его Яро и Вячеславъ, Всеволодъ и Игорь Ольг изъ Святославова рода, Изяславъ и Р славъ Мстиславичи подъ дядей Вячесла Владиміровичемъ, Юрій—его братъ, славъ Давидовичъ изъ Святославова р Мстиславъ Изяславичъ. Не многіе изъ князей не были изгоняемы, иные по сколько разъ, и какія были ихъ права? володъ былъ женатъ на старшей сестрѣ слава Мстиславича—вотъ и все его п Но что это за право! Еслибъ пере свойства тогдашнихъ князей, какимъ п заніямъ не нашли бы мы предлога и ванія; однако о нихъ лѣтопись не гово а говоритъ, что Всеволодъ искалъ и чилъ кіевскій престолъ. Всеволодъ от Кіевъ Игорю, брату своему, на томъ ваніи, что Мстиславъ также отдалъ своему брату! Эти предлоги сшиты бѣ нитками. И права другихъ не лучше въ смыслѣ, что они не имѣютъ одного основ перваго условія правомѣрности. Каждый дится по особымъ правамъ, изъ подъ рыхъ проглядываетъ совершенное безпр Напрасно силится г. Соловьевъ объяснит оправдать все это. Мы увидимъ въ сво

тѣ, какъ и объясненія и оправданія раз-
ются при первомъ прикосновеніи юри-
ческой критики. Здѣсь скажемъ только,
отсутствіе твердаго, ясно сознаваемаго
дка наслѣдованія въ кіевскомъ престолѣ
болѣе доказываетъ, что этой сбивчивой
оизвольной казуистикой заправляли ося-
льные, практическіе интересы, а не от-
енное почитаніе родовыхъ разсчетовъ и
ъ: будь послѣднее, они бы давнымъ
о опредѣлились въ систему. Съ этой
и зрѣнія все сказанное авторомъ въ
исанныхъ нами мѣстахъ о Святослави-
ъ и ихъ стремленіяхъ, кажется намъ со-
ненно ошибочнымъ и не имѣющимъ ни-
го основанія.

ругой недостатокъ въ характеристикѣ
эпохи, о которомъ мы уже говорили,
оитъ въ томъ, что авторъ не показы-
ъ ея связи къ предыдущей, и она у
выходитъ какъ-то сама по себѣ, въ
ивность естественному, историческому
итію. До смерти Мстислава исключенные
ья отыскиваютъ часть въ общемъ вла-
и; послѣ смерти Мстислава до 1169
они бьются за старшинство. Очень хо-
о; но какъ же одно относится къ дру-
, почему послѣднее пришло послѣ, а
ое ему предшествовало? Какъ вытекла
борьбы за участки въ общемъ владѣніи
ба за старшинство? Куда и къ чему
ъ эти перемѣны? На эти вопросы мы
аходимъ отвѣта въ книгѣ г. Соловьева.
передаетъ фактъ, не вникая въ его
еніе. Отсюда и недостаточность его
яда. Еслибъ онъ всмотрѣлся въ цѣлый
ь между-княжескихъ отношеній преем-
нно въ разныя эпохи и старался открыть
ало, связующее ихъ въ единый живой
анизмъ, онъ непремѣнно обратилъ бы
маніе на явленія, оставленныя имъ въ
и. Здѣсь мы опять должны напомнить о
пиномъ началѣ, несправедливо пренс-
женномъ авторомъ въ ущербъ его взгляду
ѣлому построенію системы между-кня-
кихъ отношеній. Теперь, въ эту эпоху,
выражается еще сильнѣе, чѣмъ до смер-
Мстислава. Лѣтописи наполнены указа-
ми на это начало. Постоянно упоминается
ина, постоянно говорится, что князь оты-
маетъ своей вотчины; много изъ нихъ
е на Кіевъ объявляютъ притязанія какъ
отчину. Всего яснѣе, опредѣленнѣе вы-
ано оно на 65 и 66 стр. Ипатьевской
лѣтописи: „Святославъ же Олговичь... ску-
пишася съ сыновцомъ своимъ съ Святосла-
вомъ Всеволодовичемъ, и посластася ко Изя-
славу Чернигову, рекуча:... братья есмы собѣ,
а прими насъ къ собѣ; а се отцинѣ межи
нама двѣ, одина моего отца Олга, а другая
твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь,
а язъ Олговичь; ты же, брате, прими отца
своего Давыдово, а што Олгово, а ты нама
дай, ать вѣ ся тѣмъ подѣливѣ". Вотъ какъ
смотрѣли князья на свои владѣнія, и ничто
не могло быть естественнѣе этого взгляда.
Чѣмъ слабѣе сознавалось единство рода, тѣмъ
сильнѣе развивалось вотчинное начало. Та-
кимъ образомъ, въ томъ, что прежде князья
исключались изъ общаго владѣнія, а теперь—
нѣтъ (хотя и есть нѣкоторые примѣры: ука-
жемъ на Ивана Гирладника), мы видимъ
шагъ впередъ въ развитіи вотчиннаго начала;
ибо если племянникъ владѣетъ наравнѣ съ
дядей, ясно, что признаны права нисходя-
щихъ подлѣ правъ старшихъ боковыхъ. И
прежде племянники владѣли въ одно время
съ дядями, но подъ защитою и въ областяхъ
отцовъ; теперь же мы видимъ, что племян-
ники-сироты владѣютъ въ одно время съ
дядями, какъ самостоятельные князья. Въ
непосредственной связи съ этимъ явленіемъ
состоитъ и вопросъ о старшинствѣ между
племянниками и дядями. Его появленіе не-
сомнѣнно свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ
участіи вотчиннаго начала въ тогдашнемъ
распорядкѣ владѣній; ибо только постепен-
ное укорененіе мысли, что владѣніе есть
частная собственность князя и законное
наслѣдство его дѣтей, можетъ поднять во-
просъ, чьи права лучше, сильнѣе на это
владѣніе: сыновей или братьевъ? Вотъ по-
чему не-исключеніе младшихъ князей изъ
владѣнія, споры о старшинствѣ являются въ
нашихъ глазахъ какъ усиленіе вотчиннаго
начала и упадокъ родового,—другими сло-
вами, какъ подготовленіе перехода княже-
скихъ владѣній въ частную собственность
князей, распаденія Руси на отдѣльныя, не-
зависимыя одна отъ другой части, и рѣ-
шительнаго первенства нисходящихъ род-
ственниковъ по прямой линіи передъ боко-
выми. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ
эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, част-
ные, владѣльческіе интересы, начинаютъ
играть въ между-княжескихъ отношеніяхъ
немаловажную роль (см. выше); раздробле-
ніе Россіи усиливается, такъ что подлѣ прež-

ихъ отдѣльныхъ княженій—Черниговскаго, Полоцкаго, Галицкаго, начинаютъ образовываться новыя части той же прежней нераздѣльной Руси—Кіевское, Смоленское, Владимірское, Муромское. Наконецъ родъ кіевскихъ князей ясно показываетъ, что права старшихъ въ родѣ далеко не безусловны. Разумѣется, здѣсь мы указываемъ только на тѣ явленія, въ которыхъ выразились новыя понятія, отрицавшія родовое начало со всѣми его послѣдствіями. Но исторія не нитка: ее въ струнку не вытянешь; рядомъ съ этими зачатками новаго порядка вещей продолжало существовать старое, и ихъ взаимныя отношенія были тѣмъ неопредѣленнѣе, случайнѣе, что тогдашній нашъ бытъ былъ крайне неопредѣленъ. Оттого мы нисколько не думаемъ опровергать г. Соловьева, но хотимъ только дополнить его взглядъ и исправить его, насколько онъ ошибоченъ безъ этого необходимаго дополненія.

Одна неправильность, натяжка, непремѣнно влечетъ за собою другую; это неизмѣнное правило. Взглянувши односторонно на эпоху, авторъ по необходимости долженъ былъ сдѣлать еще много другихъ натяжекъ, чтобы сдѣлать правдоподобнымъ свое воззрѣніе. Пятая глава изобилуетъ произвольными соображеніями, перетолкованіями лѣтописей, прибавками отъ себя, такъ что историческая основа почти теряется и едва видна изъ-за блестящей, мастерской, но не всегда вѣрной картины. Подробный разборъ докажетъ это.

На стр. 143 Вячеславъ названъ старшимъ братомъ Ярополка, а на 131 младшимъ. Это описка. Тамъ же авторъ сдѣлалъ добавленіе отъ себя (см. стр. 143, „тогда Ярополкъ“ и пр.). Въ лѣтописи: „Георгій Князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю.“ О намѣреніи, съ которымъ Юрій удержалъ часть—ни слова.

„Вѣроятно Ярополкъ хотѣлъ отдать ростовскую землю Изяславу: этою сдѣлкою онъ надѣялся успокоить братьевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, самую отдаленную область, на сѣверѣ“ (Стр. 143—144).

Почему это вѣроятно, когда въ лѣтописи нѣтъ на то ни малѣйшаго намека, не сказано.—На стр. 141 авторъ говоритъ, что Переяславль былъ послѣ Кіева старшимъ столомъ въ областяхъ Мономаховичей. Выше мы видѣли, что Переяславль былъ во [illegible] дѣніи разныхъ князей и старшихъ и мла[illegible] шихъ, стало быть онъ не былъ старшимъ ст[illegible] ломъ. Новое подтвержденіе находимъ и [illegible] эту эпоху. Переяславль былъ отданъ Андре[illegible] Владиміровичу, который, по мнѣнію г. С[illegible] ловьева, былъ младшимъ братомъ Юрію (ст[illegible] 146).

„Юрій Ростовскій видѣлъ, какъ спорны Русск[illegible] столы, и потому, пожившъ нѣсколько времени [illegible] Руси, удалился въ свою вѣрную сѣверную волос[illegible] онъ былъ успокоенъ тѣмъ, что въ Переяславлѣ [illegible] детъ княжить младшій братъ его, а не сынъ ст[illegible] шаго брата: знакъ, что Изяславъ имѣлъ болы[illegible] правъ на старшинство, чѣмъ Андрей Владимірович[illegible] и потому казался опаснѣе дядѣ Юрію“ (Стр. 14[illegible]

Новая натяжка. Въ лѣтописи ни слова о [illegible] этихъ соображеніяхъ Юрія.

Стр. 149. Авторъ пространно объясняет[illegible] какъ и почему Всеволодъ Ольговичъ сѣлъ [illegible] кіевскій престолъ, съ котораго прогналъ В[illegible] чеслава. Соображенія его такъ шатки, та[illegible] произвольны, что противъ каждаго можно в[illegible] ставить по нѣскольку равносильныхъ возр[illegible] женій. Когда источники молчатъ, трудно д[illegible] полнить пробѣлы соображеніями, особенно [illegible] древней русской исторіи, гдѣ неопредѣле[illegible] ность, безпричинность явленій составляю[illegible] правило. Стоитъ сравнить разсказъ этой эпо[illegible] по Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтоп[illegible] сямъ, чтобъ однажды навсегда отчаяться [illegible] возможности дополнить эти промежутки и[illegible] головы. Русская исторія—не система римска[illegible] права, развившаяся такъ строго-логичес[illegible] подъ перомъ юристовъ, что по двумъ, трем[illegible] намекамъ можно возсоздать цѣлое ученіе.

„Святославичи сильно роптали на брата. Ч[illegible] онъ переступилъ такой важный столъ, каковъ бы[illegible] Переяславскій, храброму Изяславу, а послѣдн[illegible] съ своей стороны, видѣлъ, что Всеволодъ щади[illegible] Мстиславичей только изъ страха, чтобы они [illegible] соединились съ дядьми, старшинство же прочи[illegible] своему роду, и потому рѣшился примирить всѣ[illegible] членовъ Мономаховой семьи и дѣйствовать нас[illegible] пательно противъ Святославичей; съ этою цѣл[illegible] онъ не усомнился поѣхать для личнаго свида[illegible] къ заклятому врагу своему, Юрію Ростовско[illegible] чтобы убѣдить его отложить вражду для блага [illegible] лаго народа; но притязанія дяди и племянника [illegible] могли быть согласены, и оба князя разстали[illegible] болѣе врагами, чѣмъ были прежде“ (Стр. 161).

Въ лѣтописи сказано: „и не любяхуть се[illegible] (Всеволода) Олговичи, братья Всеволожа, [illegible] поропташа нань, оже любовь имѣетъ съ Мьст[illegible] славичи съ шюрьями своими, а съ нашим[illegible]

гы и осажалъся ими около, а намъ на оловіе и безъмѣстье и себѣ. И тако молтъ ему братья, и докучивахуть ему пойти ю на Мьстиславичи; онъ же воли ихъ чини." (Ипат., стр. 19). „Тое же зимы е Изяславъ къ стрыеви своему Дюрдеви далю, и не уладився съ нимъ, иде ко у своему Ростиславу Смоленьску, и отъ иде къ другому брату своему Святоку Новугороду" и т. д. (тамъ же).

гоитъ сравнить слова лѣтописи и автора, ъ увидать, сколько онъ произвольно приилъ отъ себя. Такія амплификаціи нетно видѣть въ такомъ превосходномъ исическомъ трудѣ...

тр. 165. „Ольговичи, Игорь и Святославъ пили желанію народа и цѣловали крестъ, отнынѣ не будетъ ему никакого насилія, го тіуны будутъ избираемы по волѣ граж-ъ". Въ лѣтописи: „а се вамъ и тіунъ, а ашей воли" (Ипат. лѣт., стр. 22). Важ неточность, возводящая частный слуъ общее правило и совершенно измѣщая смыслъ словъ.

а стр. 166 авторъ разсказываетъ, что ди, бывшіе въ большой чести у Всеволода ата его", вмѣстѣ съ кіевскими граждаи передались Изяславу, и замѣчаетъ при ъ, что измѣна первыхъ „всего страннѣе лась для современниковъ". Но лѣтопи не изъявляетъ ни малѣйшаго удивленія азсказываетъ такъ: „Всекозненный же олъ, не хотя любви межи братьею, вложи ердце злымъ съвѣтомъ Улѣбови тысячьу, Иванови Воитишичю, иже съ вѣщаста ѣтъ золъ съ Кіяны" и т. д. (Ипат. Лѣт., 23). Подобныя фразы встрѣчаются въ иси во многихъ мѣстахъ и далеко не жаютъ удивленія, а только мнѣніе, судъ писца. А между тѣмъ и другимъ больразница: удивись лѣтописецъ, мы были ъ правѣ заключить, что подобныя измѣны ко встрѣчались, что онѣ не были въ нра-,—и точка зрѣнія на эпоху совершенно нилась бы. Нѣтъ!—клятвопреступленія, ны, обманы и насилія вызывали тогда дивленіе, а сожалѣніе и сѣтованіе: они слишкомъ обыкновенны, чтобы можно имъ удивляться.

а той же страницѣ, въ примѣчаніи, авъ объясняетъ причину измѣны со стороны ъ: „Поведеніе этихъ бояръ объяснить о: они видѣли всеобщую ненависть къ овичамъ, знали, что имъ не удержаться, и потому спѣшили соединиться съ гражданами, чтобъ удержать ихъ расположеніе и благосклонность новаго князя, которому они доставляли столъ" (стр. 166 и 167 въ примѣчаніи). Это не объясненіе, а гипотеза, не основанная ни на какомъ свидѣтельствѣ, ни на какихъ данныхъ.

Мѣсто Игоря заступилъ на кіевскомъ престолѣ Изяславъ Мстиславичъ. По этому поводу авторъ говоритъ:

„Торжество Изяслава надъ Игоремъ было торжествомъ Мономахова рода надъ Святославовымъ, но вмѣстѣ и торжествомъ новаго представленія— о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьми. Торжеству этого представленія способствовали слѣдующія обстоятельства: еслибы Изяславъ, по примѣру дѣда своего, свято уважалъ права старшихъ родичей, то, подобно Мономаху же, былъ бы принужденъ гражданами принять велико-княжеское достоинство: слабый Вячеславъ, старшій изъ дядей, не могъ ни управлять самъ, ни защищать Кіевъ отъ Черниговскихъ и Половцевъ; здѣсь мы можемъ оставить даже *бы*, и говорить утвердительнѣе, основываясь на слѣдующемъ: Изяславъ, двинувшись къ Кіеву на Ольговичей, объявилъ, что идетъ возвратить дѣдовскій столъ старшему брату своему (дядѣ) Вячеславу; что же, кромѣ воли гражданъ, могло заставить его перемѣнить намѣреніе? Такъ, когда послѣ Юрій бѣжалъ изъ Кіева передъ Изяславомъ, а Вячеславъ занялъ его мѣсто, то граждане, вышедши навстрѣчу къ Изяславу, говорили ему: „Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ". Юрія Ростовскаго не знали на югѣ, и еще хуже, еслибы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной, которою пользовался въ высокой степени племянникъ его Изяславъ. Послѣдній зналъ, что посадить на Кіевскій столъ Вячеслава значитъ дать дорогу притязаніямъ Юрія, непримиримаго врага своего, и потому принялъ на себя старшинство. Сперва Вячеславъ надѣялся-было, что племянникъ почтитъ его, и потому, узнавъ о низложеніи Ольговичей, забралъ назадъ города, отнятые у него прежде Всеволодомъ; мало того, началъ уже, какъ старшій, распоряжаться волостями, занялъ Владиміръ Волынскій и посадилъ въ немъ племянника Владиміра Андреевича. Но Изяславъ спѣшилъ показать, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ отношеніи къ дядьямъ: онъ послалъ брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава и отнялъ у него Туровъ, гдѣ посадилъ сына своего Ярослава, а стольный городъ Мономаха, Переяславль, отдалъ старшему сыну Мстиславу. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго, Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ не храбрый и вовсе не честолюбивый князь самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ долженъ былъ безпрестанно отбивать Черниговскихъ, Половцевъ и вступить въ смертельную вражду съ дядею Юріемъ, чего онъ никакъ не хотѣлъ" (Стр. 168—170).

Послѣднія слова дополняются и объясняются замѣчаніемъ (стр. 154), что Юрій лю-

билъ Ростислава „за неучастіе въ борьбѣ братьевъ съ дядями и за постоянное уваженіе къ послѣднимъ.“

Если занятіе Кіева Изяславомъ было торжествомъ новаго представленія о старшинствѣ, то оно недолго продолжалось, а именно съ 1146 по 1150 годъ; въ этомъ году Изяславъ, чтобы дать благовидность своему княженію въ Кіевѣ и упрочить власть, призналъ княземъ кіевскимъ дядю своего Вячеслава, слѣдовательно опять восторжествовало представленіе о старшинствѣ дядей?—Можно ли назвать такой кратковременный перевѣсъ торжествомъ? Тутъ ошибка вся въ томъ, что г. Соловьевъ хочетъ провести рѣзкую черту между господствомъ различныхъ понятій, что рѣшительно невозможно. Долго существуютъ противоположныя начала одно возлѣ другого, пока одно не возьметъ наконецъ верхъ, дѣйствительно не восторжествуетъ.—Далѣе авторъ говоритъ, что воля народная заставила Изяслава перемѣнить намѣреніе и вмѣсто того, чтобъ доставить кіевскій престолъ дядѣ, сѣсть самому. Едва ли! Еслибъ такъ было, Изяславъ не сказалъ бы Вячеславу: „согрѣшилъ есмь первое, а того ся каю; а изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а я есмь тобѣ чести не положилъ,.. нынѣ же, отце, того всего каюся предъ Богомъ и предъ тобою“ (Ипат. лѣтоп. стр. 57); Вячеславъ не сказалъ бы Юрію: „язъ, Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣли, того всего не помянулъ, но и еще вамъ есмь явилъ, оже Изяславъ ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю—а то ти молвить биться ѣда — а и Богъ ему помоглъ, а онъ же Кіевъ собѣ, и еще надъ тѣмъ и Туровъ и Пинескъ у мене отнялъ, то ти Изяславъ мя тѣмъ пріобидилъ“ (тамъ же, стр. 61). Эти выписки доказываютъ, что Изяславъ, не хуже другихъ, хотѣлъ Кіева себѣ, а говорилъ, что отыскиваетъ его для дяди, только чтобъ имѣть благовидный предлогъ. Всѣ они такъ дѣйствовали! Что кіевляне позднѣе говорили „не хотимъ Вячеслава“—ничего не доказываетъ; позднѣй не захотѣли, а прежде могли хотѣть или по крайней мѣрѣ не препятствовать ему владѣть Кіевомъ. Потомъ, почему авторъ знаетъ, что Юрія не знали на югѣ? Откуда это видно? Также неосновательно разсужденіе, почему Изяславъ не посадилъ Вячеслава на кіевскій престолъ въ 1146 году; вѣдь посадилъ же онъ его четыре года спустя. Что жъ? Р теперь исчезли опасенія открыть Юрію рогу къ велико-княжескому достоинству? конецъ также произвольно объясненіе, по Ростиславъ не получилъ Переяславля. куда взялъ авторъ, что Ростиславъ *нико хотѣлъ* вступить во вражду съ Юріемъ? чего онъ видитъ, что Юрій любилъ его, Ростиславъ не принималъ участія въ бо съ дядями, уважалъ ихъ? Гдѣ на все эт казательства? Самъ же г. Соловьевъ говор что Ростиславъ ходилъ на дядю своего чеслава и отнялъ у него Туровъ (стр. хотя и настоятельно совѣтовалъ своему б „положити честь на стрѣи своемъ и на своемъ“ (Вячеславѣ) (Ипат. лѣт., стр. Откроемъ лѣтопись: въ 1148 году онъ дилъ съ Изяславомъ на Юрія и воевалъ волость (Ипат. лѣт., стр. 40); въ 1149 онъ приходилъ съ своими войсками на мощь къ Изяславу противъ Юрія и пр малъ участіе въ войнѣ до самаго вступл Юрія въ Кіевъ (тамъ же, стр. 42—45 же было опять въ 1151 году, когда приходилъ на Кіевъ (тамъ же, стр. 58 и слѣдующія). Вотъ еслибъ авторъ ска то же самое объ отношеніяхъ Ростислав Изяславу, мы согласились бы съ нимъ со шенно, потому что Ростиславъ *никогда* нимъ не воевалъ; напротивъ, по каж призыву, являлся съ войсками, и даже вѣтуя брату помириться съ дядей, испол однако его волю и ходилъ на Вячеслав

О послѣднемъ говоритъ г. Соловьевъ, онъ не могъ управлять самъ, а въ пр чаніи, что имъ управляли бояре, и ссыла на 25 стр. Ипатьевской лѣтописи. Мы сп лялись съ нею и не нашли ничего подоб Вотъ ея слова: „Вячеславъ же се слыш надѣяся на старшьство и послушавъ бо своихъ, не приложи чести къ Изяславу“ и Кто не согласится, что быть управляему рами и послушаться ихъ совѣта въ дан случаѣ—большая разница.

Точно такъ же ни на чемъ не основ слѣдующія соображенія:

„Силы Юрія Ростовскаго не были въ уро съ силами Мстиславичей, область его была ширна, но мало населена, и потому онъ не рѣшиться подать дѣятельную помощь союзни при томъ мы узнаемъ послѣ лѣтъ Юрія, его способность къ быстрымъ ратнымъ движен (стр. 174).

„Тогда Святославичи увидали необходим просить мира у Изяслава, который и далъ ихъ

мирить югъ, дабы имѣть возможность на-
ильный ударъ Юрію въ собственныхъ обла-
го. Тогда же старшій сынъ Юрія, Рости-
тчаявшись въ успѣхѣ отцовскаго дѣла, пе-
на сторону Изяслава, призналъ его стар-
и получилъ города на Руси, которые пре-
жалъ Всеволодичь Святославъ" (стр. 175).

чаніе, почему Ростиславъ Юрьевичъ
ъ къ Изяславу, особенно потому лю-
о, что оно противорѣчитъ *двумъ* лѣто-
. Въ Лаврентьевской—Ростиславъ го-
дружинѣ: „любо сися на мя отцю гнѣ-
не иду къ ворогомъ своимъ, то суть
рози и дѣду моему и строемъ моимъ;
демъ, дружино моя, къ Изяславу, то
сердце свое, ту ти дасть на волость"
38). Въ Ипатьевской сказано: „Въ то
емя пришелъ бѣ Гюргевичъ старѣйшій
лавъ, роскоторовся съ отцемъ своимъ,
му отець волости не далъ въ суждаль-
емли" (стр. 39).

непріятности ждали Изяслава съ другой
. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай
ь, какъ народъ благоговѣлъ къ памяти Мо-
въ противоположныхъ концахъ русскихъ
й, на Сѣверѣ, Востокѣ и Югѣ, въ Новго-
урскѣ и Кіевѣ граждане отказывались под-
руки на Мономаховичей; они съ ужасомъ
и на усобицу въ потомствѣ того, кто всю
рудился надъ примиреніемъ братій; распря
ѣ Мономаха казалась народу грѣховнымъ
іемъ надъ памятью великаго братолюбца
го страдальца за русскую землю; такъ Мо-
и по смерти своей оставался хранитель-
ухомъ Руси; и по смерти сдерживалъ не-
ыя ему при жизни усобицы родовыя!"
8).

бъ авторъ потрудился счесть, сколько
ародъ дрался въ усобицахъ между Мо-
вичами, и сколько разъ отказывался
, онъ бы не сказалъ, что духъ Мо-
сдерживалъ родовыя усобицы. Слова
рочемъ сильно отзываются фразой и
ого доказательства.

той сынъ Юрія, знаменитый впослѣд-
ндрей Боголюбскій, изъ начала не любивъ
рую южную Русь, также увѣщевалъ отца
ться съ Изяславомъ и покинуть сторону,
ничего не обѣщала, кромѣ усобицъ" (стр.
Такимъ образомъ при Рутѣ сошлись два
ныхъ брата, одинъ — Изяславъ, полный
витель старой Руси, доблестный вождь дру-
ражающійся для чести, для славы, но не
ы; другой — человѣкъ будущаго, который
ѣлъ старину на югѣ, и непреодолимою си-
кся къ сѣверу, чтобы тамъ положить осно-
сударству, чтобъ изъ князя-вождя дружи-
ъ первымъ княземъ правителемъ, первымъ
тцемъ" (стр. 190).

Что Изяславъ дрался „для чести, для славы, а не для силы"—не видно вовсе. Также мало видны ненависть Андрея къ кіевской сторонѣ и влеченіе на сѣверъ для того, чтобъ стать тамъ самовластцемъ. Просимъ автора показать намъ хоть одно мѣсто въ лѣтописи, что Андрей изъ нелюбви къ южной Россіи уходилъ на сѣверъ или убѣждалъ къ тому своего отца.

На страницѣ 184 и 185 находимъ очень вѣрное замѣчаніе объ отношеніи князей къ остальному населенію; но мѣсто изъ лѣтописи, приведенное въ доказательство, урѣзано и чрезъ это смыслъ его искаженъ.

„Изяславъ, видя, что не можетъ противиться съ одною своею дружиною, удалился и самъ. Это событіе показываетъ намъ отношенія того времени. Князья съ своею вѣрною дружиною сохраняютъ прежній характеръ неустрашимыхъ бойцовъ, предпочитающихъ смерть постыдному бѣгству. Но не такъ думаютъ сбродныя полчища варваровъ пограничныхъ, не такъ думаютъ граждане: родовыя отношенія князей, произведшія безпрестанную ихъ смѣну, сдѣлали подданныхъ равнодушными къ особѣ правителей; они любятъ князя за его личныя доблести, но вѣрны ему тогда только, когда онъ силенъ, когда на его сторонѣ счастіе: „ты нашъ князь, коли силенъ будеши!..." (стр. 184).

Въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 51) это мѣсто читается такъ: „И начаша Черніи Клобуци молвити Изяславу: княже! сила его велика, а у тебе мало дружины, да же не перейдеть на ны черезъ рѣку, не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою, а нынѣ не твое время, поѣди прочь", то есть, другими словами: если будешь теперь биться съ врагами, ты погубишь и насъ, и себя; но вѣдь ты нашъ князь; какъ только ты соберешься съ силами, мы тотчасъ же примкнемъ къ тебѣ, а теперь не твое время; поѣзжай лучше прочь. Очевидно, смыслъ вовсе не тотъ, какой придалъ этимъ словамъ г. Соловьевъ, неправильно перерѣзавъ фразу. У него клобуки признаютъ князя, если онъ силенъ; по нашему мнѣнію, они, напротивъ, убѣждаютъ его въ своей преданности и только совѣтуютъ удалиться на время, потому что непріятель сильнѣе его. Впрочемъ мы не понимаемъ, почему выбралъ авторъ именно это мѣсто въ подтвержденіе своей мысли; доказательства разсѣяны по лѣтописи. Нѣкоторыя мы привели выше.

На стр. 191: „Сѣча (при Рутѣ) была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи усо-

бицъ княжескихъ". Въ лѣтописи: „Съ ступившимъся пълкомъ, бысть сѣча крѣпка". (Ипат. лѣтоп. стр. 63.)

На стр. 193 и 194 находимъ характеристику Изяслава Мстиславича. Многія черты вѣрны, но другія тоже вѣрныя не вошли въ нее; оттого этотъ князь идеализированъ, и слова автора, представляя его собственное воззрѣніе на древнюю Русь, не вполнѣ вѣрно воспроизводятъ историческое лицо. Въ подтвержденіе мысли, что „Изяславъ былъ образцомъ тѣхъ южныхъ князей-богатырей, которые предпочитали всему честь и славу, которые славу русской земли полагали въ томъ, что князья ея никогда не были побѣждены на полѣ брани" (стр. 193), г. Соловьевъ приводитъ слова, сказанныя Изяславомъ князьямъ и дружинѣ передъ битвой на р. Санѣ съ Владиміркомъ Галицкимъ:

„Братья и дружино! Богъ всегда Русскыя землѣ и Рускихъ сыновъ, въ безчестьи не положилъ есть, на всѣхъ мѣстехъ честь свою взимали суть; нынѣ же, братья, ревнуемы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки дай ны Богъ честь свою взяти" (стр. 194).

Это доказательство очень слабо, ибо почти точно такими же словами говорилъ и Юрій Долгорукій, про котораго г. Соловьевъ говоритъ, что онъ „не былъ похожъ на отца ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи: какъ правитель и какъ человѣкъ онъ не могъ заслужить уваженія и привязанности родичей и чужихъ" (стр. 149),—что его не знали на югѣ и было бы „еще хуже, еслибы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной" (стр. 169)),—что онъ былъ лѣнивъ и неспособенъ къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ (стр. 174), — что онъ имѣлъ „вовсе не любезный характеръ" (стр. 189), и слѣдовательно былъ самымъ разительнымъ контрастомъ Изяслава. Вотъ эти слова Юрія къ Святославу Ольговичу: „сыновець мой Изяславъ, на имя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ русьской земли, и волости ему не далъ и соромъ на мя взложилъ; а любо соромъ сложю и земли своей мыщю, любо честь свою налѣзу пакы ли а голову свою сложю" (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 42). Не правда ли, и это рѣчь князя-богатыря? Чѣмъ рѣчь Изяслава лучше въ богатырскомъ смыслѣ? Кстати замѣтимъ здѣсь, что характеристики, заключающіяся въ пятой главѣ, очень неудовлетворительны: всѣ онѣ произвольны и сильно отзываются общими мѣстам Оно и понятно. Матеріаловъ въ лѣтопися нѣтъ для полной исторической характер стики, и большею частью князья удивите но какъ похожи другъ на друга, съ т только разницей, что одинъ былъ похрабр другой трусливѣй, одинъ открыто наруша клятвы, какъ Владимірко, другой подъ р ными предлогами; одинъ добивался получи побольше владѣній, другой былъ смирнѣй лѣнивѣй. Вотъ и все. Конечно въ этомъ лѣтописцы виноваты. Жизнь не представля никакой пищи, никакого содержанія для р витія выпуклыхъ, рѣзкихъ личностей, б которыхъ и характеристики не возможны возможны одни физіологическіе очерки. Н сомнѣнія, что и тогда были люди, щед одаренные природой умственными и нр ственными способностями, но изъ всего эт ничего не вышло, по недостатку живите ной стимулирующей среды. Этого не поня авторъ, и оттого всѣ его усилія очерти тогдашнихъ историческихъ дѣятелей и извели только блѣдные, натянутые и н естественные образы.

На стр. 197 авторъ разрѣшаетъ вопро какое право имѣлъ Изяславъ Давидови быть представителемъ Святославова рода его правъ на старшинство, на Кіевъ, п жизни Святослава сына Олегова?

„Вспомнимъ, что самъ Святославъ доброволь соступился со старшинства; послѣ несчастія братомъ его Игоремъ, онъ говорилъ Давидо чамъ: „не хочу ни волости, ни чего другаго, тол выпустите мнѣ брата!" и послѣ онъ не вск Чернигова подъ Давидовичами, даже при тор ствѣ своего союзника Юрія: тѣмъ болѣе не м этого сдѣлать при торжествѣ Мстиславичей; с довательно Изяславъ, сидя на старшемъ столѣ Святославовомъ родѣ, переносилъ на себя пр ставительство этого рода и право его на Кіе (стр. 197—198).

Странно, даже смѣшно читать это объяс ніе. Нѣсколько разъ авторъ самъ доказыва что Святославичи потеряли право на ст шинство и кіевскій престолъ,—нѣсколько ра самъ разсказывалъ, какъ младшіе кня присвоивали себѣ право старшихъ, а теп изыскиваетъ правомѣрное основаніе для пр тязаній Изяслава Давидовича! Не значи ли это себя обманывать и вводить други въ заблужденіе? Гдѣ царствуетъ безпра и величайшій произволъ, можетъ ли вст питься трудный вопросъ, требующій объ нія? Все понятно!

201: „Едва узналъ народъ о кончинѣ
имаго князя, какъ не могъ удержать
ненависти; дворы его и сына его были
блены, Суздальскіе тіуны по городамъ
мъ были побиты, имѣніе ихъ расхи-
. Въ лѣтописи (Ипат. стр. 81) сказано
ьци, а не *Суздальскіе тіуны*, а это
ая разница.

ясненіе, почему Изяславъ Давидовичъ,
цы лишившійся уже кіевскаго пре-
опять занялъ его по смерти Юрія,
исполнено догадокъ и соображеній,
ъ не доказанныхъ и ни на чемъ не
нныхъ. Одно правда, что „раздѣленіе
цѣ Мономаховичей дало... возможность
лавичу достать старшинство". Сила съ
стороны, безсиліе — съ другой. Тогда
ло самымъ лучшимъ правомъ. Замѣ-
также противорѣчіе: авторъ, какъ мы
и, вездѣ проводитъ мысль, что Андрей
обскій не любилъ южной Руси и стре-
на сѣверъ, *чтобъ* стать тамъ самовласт-
Какимъ же образомъ, спрашивается,
лавъ Изяславичъ занятіемъ Кіева могъ
оружить противъ себя Андрея, который
старше его? Если Андрей не думалъ
гѣ и Кіевѣ, какое было ему дѣло, кто
ъ кіевскимъ княземъ?

стиславъ сначала заключилъ тѣсный союзъ
говичами; князья пировали вмѣстѣ и богато
сь (Ипатьев., 86); по Кіевляне, постоянно
іе ненависть къ Ольговичамъ, не могли ра-
но смотрѣть на такую пріязнь, а когда В.
послалъ сына своего Рюрика на помощь
ьговичамъ противъ Изяслава Давидовича,
не Кіевскіе и варвары заставили его взять
жники Всеволода, сына Святослава Всево-
на: „Ростиславъ бяше поялъ у Святослава
ода сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣѣ,
о не вѣрующе за свое согрѣшеніе" (Ипатьев.
р. 205—206).

ъ рядомъ разсказъ автора и опровер-
его: въ выпискѣ изъ лѣтописи ни слова
ависти кіевлянъ къ Ольговичамъ, ни
о томъ, что кіевляне заставили Рости-
взять Всеволода въ заложники. Смыслъ
акой: кіевляне, виноватые передъ Оль-
ами, не довѣряли имъ; Ростиславъ, чтобъ
ить ихъ, разсѣять ихъ опасенія, взялъ
логъ Всеволода. Смыслъ совершенно
ѣ.

. 209. Авторъ говоритъ, что старшая
на осердилась на Владиміра Мстисла-
а то, „что онъ не *объявлялъ* ей сво-
овѣтовъ". Опять частный случай обоб-
щенъ, въ ущербъ строгой, исторической истинѣ. Въ лѣтописи (Ипат. стр. 97) сказано, что Владиміръ Мстиславичъ началъ сноситься съ Берендѣями противъ Мстислава Изяславича и объявилъ о томъ своей дружинѣ: „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали". То есть въ лѣтописи выходитъ, что князь *не объявилъ*, а г. Соловьевъ вывелъ изъ этого цѣлый образъ дѣйствій Владиміра въ отношеніи къ дружинѣ.

Довольно этихъ выписокъ. Многія мѣста, подобныя этимъ, мы опустили. Но еслибъ захотѣть слѣдить за каждымъ словомъ автора и непремѣнно указывать на каждую неточность и произвольность въ выраженіяхъ,— разборъ пятой главы, и безъ того уже слишкомъ длинный, вышелъ бы вдвое длиннѣе подлинника.

Второй отдѣлъ разсужденія г. Соловьева обнимаетъ періодъ времени отъ взятія Боголюбскимъ Кіева до вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна Калиты. Теперь, по словамъ автора, обнаружилось стремленіе смѣнить родовыя отношенія государственными. Мы видѣли, справедливо ли это. Что касается до фактовъ, они изложены превосходно; не всегда можно согласиться съ значеніемъ, которое имъ придаетъ авторъ, но вообще разсказъ ихъ проще, менѣе изобилуетъ соображеніями, и потому ближе къ дѣйствительности. — Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ шесть главъ. Мы ихъ разсмотримъ по порядку.

При Андреѣ Боголюбскомъ начинаетъ обнаруживаться новый порядокъ вещей, пересоздавшій со временемъ политическій бытъ древней Россіи. Самъ Андрей былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ представителей этого новаго порядка. Онъ первый задумалъ быть „самовластцемъ" въ патріархально-родовомъ смыслѣ этого слова: не терпѣлъ родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ, и старшихъ князей, и потому не далъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгналъ ихъ изъ своихъ владѣній. Кіевъ—сѣдалище, центръ родовой политической системы, основанной Ярославомъ, утратилъ значеніе первенствующаго города, зависѣлъ отъ Андрея и изъ его рукъ получалъ князей наравнѣ съ другими подвластными городами; даже въ церковномъ отношеніи Андрей хотѣлъ освободить свои

владѣнія отъ южной Россіи и замышлялъ учредить во Владимірѣ особенную митрополію, которая бы поставила его въ непосредственныя отношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, равныя съ кіевской митрополіей. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видѣнъ собственникъ, владѣлецъ, а не членъ рода,— и это дѣлаетъ его, по всей справедливости, зачинателемъ новой эпохи русской исторіи.

Съ нимъ общее владѣніе уступаетъ мѣсто отдѣльной собственности, единство Россіи— раздробленію ея на отдѣльныя, самостоятельныя части, права, основанныя на родовыхъ разсчетахъ — преимуществу силы. Все это конечно было подготовлено предыдущимъ порядкомъ вещей; въ немъ мы видѣли зачатки распаденія Россіи на части и разложенія родового начала; мы видѣли, что и прежде владѣнія были главной цѣлью князей, только эти цѣли прикрывались внѣшнимъ признаніемъ родового начала, которое своею запутанностью давало легкіе поводы благовидно домогаться той или другой волости. Но княженіе Андрея потому составляетъ эпоху, что онъ явно отрицалъ родовой распорядокъ, явно и открыто дѣйствовалъ во имя стремленій, которыя прежде таились подъ старыми формами и не смѣли выступить прямо, своимъ лицомъ. Г. Соловьевъ, вообще согласный съ этимъ взглядомъ на Андрея, выводитъ новый характеръ нашей исторіи изъ мѣстныхъ условій сѣверо-восточной Руси и не видитъ въ немъ прямого, естественнаго продолженія того, что уже происходило въ южной Россіи. Это его слабая сторона, которая вовлекла его въ натяжки, превратное истолкованіе историческихъ данныхъ и ложное пониманіе нашего древнѣйшаго городового устройства; рядъ неправильныхъ выводовъ былъ послѣдствіемъ этой гипотезы, слабо защищенной имъ противъ нападокъ съ различныхъ сторонъ. И въ первой главѣ второго отдѣла она заставила автора написать объ Андреѣ Боголюбскомъ нѣсколько страницъ, въ подтвержденіе которыхъ или вовсе нѣтъ фактовъ, или есть, но ничего не говорящіе въ его пользу и перетолкованные авторомъ слишкомъ произвольно. Такъ какъ мы высказали уже свое мнѣніе о гипотезѣ г. Соловьева, то, не останавливаясь на ней теперь, разскажемъ результаты его изслѣдованій объ этой эпохѣ русской исторіи.

Съ борьбою Андрея и Ростиславичей характеръ княжескихъ отношеній измѣняет
прежде исключенные князья бились за ча
въ общемъ владѣніи; потомъ происходи
борьба за старшинство между племянника
и дядями: теперь начинается борьба за
довое начало; южные князья его отстаиваю
владимірскіе — стараются упразднить.

„Здѣсь,—говоритъ авторъ,—борются не за в
сти отцовскія и не за старшинство, но кня
южные, или Ростиславичи борются за старый
рядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бы
который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ
великой и многозначительной борьбѣ объ враж
ныя линіи княжескія или, лучше сказать, объ Р
выставляютъ каждая по двое князей для бор
Русь старая, Ростиславичи, выставляютъ дво
Мстиславовъ,—отца и сына, прямыхъ правну
Мономаха, представлявшихъ образецъ князей
раго времени, героевъ въ битвахъ, щедрыхъ
дружинѣ и народолюбивыхъ; новая, сѣверная Р
имѣетъ представителями двоихъ братьевъ, Юр
вичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III.
князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ ро
выхъ отношеній“ (стр. 223 и 224).

Впрочемъ, этой борьбой не исчерпывал
всѣ между-княжескія отношенія въ это вр
мя. Какъ сыновья Юрія были представи
лями новаго порядка вещей въ отношен
къ Ростиславичамъ, такъ послѣдніе, въ св
очередь, отстаивали новое противъ Оль
вичей Черниговскихъ.

„Святославъ Всеволодовичъ хочетъ воспол
ваться также враждою въ родѣ Мономахово
между Мстиславичами и Юрьевичами и доби
себѣ Кіевъ. Здѣсь въ первый разъ Мономахови
ясно говорятъ Ольговичамъ, что западная сторо
Днѣпра принадлежатъ имъ не можетъ; Яросла
велѣлъ сказать Святославу: „Зачѣмъ ты вступае
ся въ нашу отчину, тебѣ эта страна ненадоби
Святославъ отвѣчалъ ему: „Я не Угринъ и
Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколькими с
пенями ты отстоишь отъ него, сколькими и
Слова многозначительныя! Въ то время, ко
Мстиславичи боролись съ новыми понятіями, яв
шимися на сѣверѣ, когда такъ геройски отстаив
родовыя отношенія между старшимъ княземъ
младшими,—въ то самое время, съ другой сторо
они должны были вести борьбу съ княземъ,
котораго уже Мстиславичи являются нововводи
лями, нарушителями стараго порядка вещей.
княземъ, который стоитъ нетолько за родовыя
ношенія между В. княземъ и младшими князья
но напоминаетъ объ единствѣ всего потомст
Ярославова, ратуетъ за общность владѣнія вс
Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хот
удержать Кіевъ навсегда за собою. Такимъ об
зомъ въ одно и то же время, въ разныхъ конца
Руси идетъ борьба за три разные порядка веще
которыхъ представителями являются линіи Яр
славова потомства. Ольговичи бьются за пер

дѣльность цѣлаго рода Ярославова: мы всѣ внуки одного дѣда, говорятъ они. Мстиславичи хотятъ исключить Ольговичей изъ старшинства и владѣнія Кіевомъ, но хотятъ поддержать родственныя отношенія между старшими и младшими въ Мономаховичахъ: не хотимъ слушаться тебя, говорятъ они Андрею, потому что ты обходишься съ нами не какъ съ князьями, но какъ съ подручниками. Наконецъ Юрьевичи стараются замѣнить родственныя отношенія государственными, смотрятъ на младшихъ князей не какъ на младшихъ братьевъ, но какъ на подчиненныхъ правителей: вы не слушаетесь меня, такъ ступайте вонъ изъ Русской земли, говоритъ Андрей Ростиславичамъ. Побѣда, какъ мы видѣли, осталась на сторонѣ послѣднихъ, но они, воспротивившись насильственнымъ поступкамъ Андрея, остались однако вѣрны своимъ понятіямъ и продолжали смотрѣть на Боголюбскаго, какъ на старшаго въ родѣ Мономаха" (стр. 229—231).

Послѣ Андрея, такъ энергически проводившаго типъ самовластца, на сѣверо-востокѣ произошли междоусобія на основаніи уже упадавшихъ родовыхъ отношеній. Дяди опять одержали верхъ надъ племянниками, по старинному родовому представленію о старшинствѣ, что между прочимъ убѣдительно доказываетъ, до какой степени новыя начала были поддерживаемы личностью князей, а не условіями, которыя они встрѣтили въ сѣверо-восточной Россіи. Но вскорѣ на владимірскій престолъ сѣлъ Всеволодъ III, съ замыслами Андрея, но гораздо его хитрѣе, дальновидиѣе и осторожиѣе. „Всеволодъ III, —говоритъ г. Соловьевъ,—показалъ, что намѣренъ быть, подобно брату, старѣйшимъ, то-есть, по новымъ сѣвернымъ понятіямъ, сильнѣйшимъ княземъ, и южные князья должны были признать его старшинство, или, лучше сказать, его силу" (стр. 237). Всеволодъ уже не князь-боецъ южной, древнѣйшей Руси, а собственникъ, неохотно отдающій дѣло на рѣшеніе случая: „До сихъ поръ князь былъ по преимуществу предводитель дружины, храбрый изъ храбрыхъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ его мѣсто было впереди всѣхъ, слѣдовательно до сихъ поръ необыкновенная личная храбрость, отважность простого воина, необходимо требовалась отъ князя: таковы были всѣ герои-князья старой, южной Руси. Но Всеволодъ III отличался уже другимъ характеромъ: встрѣтившись съ черниговскимъ княземъ недалеко отъ Переяславля-Залѣсскаго, на берегахъ рѣки Влены, онъ выбралъ выгодное положеніе, укрѣпился станомъ и не хотѣлъ вступать въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительностью въ нападеніяхъ. Онъ первый пересталъ полагаться на битвы, какъ на судъ Божій, первый началъ предпочитать осторожность въ битвахъ рѣшительности" (стр. 238 и 239). Пользуясь искусно враждами князей южной Россіи, Всеволодъ сдерживалъ междоусобія и не давалъ ни одному усилиться насчетъ другихъ. Въ его время „южная Русь наслаждалась спокойствіемъ, потому что могущество сѣвернаго князя сдерживало въ ней всѣ междоусобія. Ольговичи не смѣли трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который, какъ Мономаховичъ, вступился бы за своихъ. Съ другой стороны, Мономаховичи южные не смѣли трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотѣлъ усиливать своихъ родичей на счетъ Ольговичей, потому что такое усиленіе было для него столь же опасно, какъ и могущество Ольговичей; напротивъ, какъ видно, Всеволодъ III хотѣлъ держать оба враждующіе рода въ равновѣсіи, держать въ страхѣ одинъ посредствомъ другого, что необходимо давало ему самому важное передъ ними преимущество" (стр. 242). Но когда нужно было, Всеволодъ умѣлъ ссорить князей, вооружать ихъ другъ на друга, обѣщать помощь и не давать ея. Такимъ образомъ новое стремленіе, „начатое Боголюбскимъ, стремленіе утвердиться на сѣверѣ, пріобрѣсть силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственныя, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Новгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ неодолимую храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ, и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признаться, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, повидимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности ведетъ неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядями, что показалъ разительно поступокъ Всеволода, который, какъ собственникъ и самовластецъ, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими

братьями идутъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца—собственника, имѣвшаго слѣдовательно право располагать своею собственностью, и сила—вотъ права младшихъ Всеволодовичей: „перемоги насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля!“ Итакъ, теперь, вслѣдствіе понятія объ отдѣльной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недовѣрчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его увеличивать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, вооружаются, заключаютъ союзъ, чтобъ отразить силу силою“ (стр. 258—260).

По смерти Всеволода родовые счеты князей, замиравшіе на время при каждомъ даровитомъ и умномъ князѣ и уступавшіе дѣйствительной силѣ, возникли снова. Но кругъ ихъ дѣйствія стѣснился. Вотчинное начало, которое уже на югѣ сильно высказывалось подлѣ родового, въ сѣверо-восточной Руси узаконилось совершенно и скоро вытѣснило родовое начало. Здѣсь легко принялось „старшинство сына отъ перваго брата надъ дядьми, именно вслѣдствіе того, что на сѣверѣ удѣлы (здѣсь это слово имѣетъ свое настоящее значеніе) неотъемлемы, даются на всю жизнь и въ потомство; изъ Константиновичей, Василько былъ посаженъ въ Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ, Владиміръ въ Угличѣ, они такъ и остаются навсегда, и тѣ же самые столы передаютъ дѣтямъ своимъ“. Вскорѣ „понятіе собственности—отдѣльности владѣній такъ утвердилось на сѣверѣ, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя“ (стр. 285). „Одинъ только стольный городъ велико-княжескій еще переходитъ къ старшему въ родѣ, но и это скоро прекращается“ (стр. 262). Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаніе смѣняетъ прежніе ряды старшихъ съ младшими, потому что „на сѣверѣ родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, имѣлъ право завѣщать свою собственность, кому хотѣлъ“ (стр. 289). Оттого и право сильнаго преобладаетъ надъ родовыми отношеніями. При такомъ „разрушеніи родственной связи, при постоянномъ стремленіи каждаго В. князя усилить, во чтобъ то стало, собственное княжество, жребій литься предъ прочими княжествами и с чрезъ это сосредоточивающимъ пункт Руси выпалъ сперва Твери; но слабоха терность Ярослава Тверскаго и соперн ство Василія воспрепятствовали усил Твери; Василій Костромской едва полу в. княжескую область, какъ началъ дѣй вать точно такимъ же образомъ, какой ждалъ въ братѣ, подобно ему привелъ таръ на вольныхъ людей, тогда такъ пре заступался за послѣднихъ и отклонилъ нихъ татарское нашествіе; но кратковре ное пятилѣтнее правленіе не позволило усилить Костромское княжество, и оче перешла къ Переяславлю Залѣсскому, раго князь Дмитрій Александровичъ чилъ старшинство съ областью В. княже Владимірскаго, по всѣмъ правамъ. Но тивъ него вооружился меньшой братъ Андрей Городецкій—вопреки всѣмъ права (стр. 272 и 273). Такъ „всѣ прежнія по тія о правѣ старшинства исчезли; в. кн показали, что они добиваются не старш ства, но силы. Каждый князь, получивъ ласть в. княжества Владимірскаго, старае увеличить свою собственность, упрочить въ своей семьѣ, насчетъ другихъ князей, гихъ княжествъ. Но мы знаемъ, что в прежнее время младшіе князья какъ с видѣли, что старшій разрозниваетъ свои тересы съ интересами рода, то возста противъ него и каждый заботился о с Теперь же, когда преобладаніе собственно отдѣльности владѣнія заставляло каждаго князя неминуемо заботиться только о сам себѣ, теперь всѣ остальные князья не м уже болѣе довѣрять родственной связи, дол были также заботиться о самихъ себѣ, в средствами должны были стараться пріобр силу, потому что имъ оставалось на выб быть жертвою сильнѣйшаго, или друг сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ поч мы видимъ теперь возстанія князей на ликаго съ попраніемъ всѣхъ старин правъ, всѣхъ родовыхъ отношеній“ (стр. и 275). Когда такимъ образомъ интер чисто территоріальные, владѣльческіе, нили прежніе родовые и родственные „бояре, члены старшей дружины князя, перь двора, усѣвшись вмѣстѣ съ княземъ одномъ владѣніи, пріобрѣли отъ этой ос лости болѣе важности, значенія; но имѣ

съ усиленіемъ своего значенія бояре получили отъ осѣдлости постоянные интересы; ихъ судьба теперь тѣсно соединена съ судьбою извѣстнаго княжества. Прежніе бояре если интриговали, то съ цѣлью не быть вытѣсненными отъ пришлой дружины; теперь бояре хотятъ усиленія своего князя, своего княжества насчетъ другихъ, ибо ясно видятъ, что при уничтоженіи равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами ихъ, что если князья изъ равныхъ родичей станутъ подручниками в. князя, то ясно, что и бояре ихъ должны занять второстепенное мѣсто предъ боярами сильнѣйшаго князя" (стр. 276). Въ этомъ порядкѣ вещей, установившемся въ Россіи во времена монгольскаго ига, татары играли ту же самую роль, какую прежде половцы; „князь, желая воевать противъ другого, идетъ въ Орду, какъ прежде на снемъ къ Половцамъ, и нанимаетъ у Татаръ войско" (Ibid). Обыкновенно такія войска нанимались князьями въ помощь противъ великаго князя владимірскаго, ибо къ нему видна постоянная недовѣрчивость князей; „каждый князь и каждое княжество безпокойно стерегутъ движенія другихъ князей, и порознь, или вмѣстѣ съ другими, стараются предупредить движеніе противника, ибо дѣло идетъ о томъ: быть государемъ всей Русской земли, или слугою этого государя; при такомъ вопросѣ нельзя было разбирать правъ и средствъ: каждый пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ попавшимся средствомъ, чтобъ выиграть шагъ впередъ при достиженіи одной общей цѣли. Въ такой борьбѣ каждый изъ князей имѣлъ право на своей сторонѣ—право самоохраненія, и кто бы изъ нихъ не осилилъ—Московскій или Переяславскій, Городецкій или Тверской, слѣдствіе было одно и то же—соединеніе и могущество Руси" (стр. 281). „Въ отдѣльныхъ княжествахъ событія обнаруживали тѣ же самыя современныя стремленія, стремленія усиливаться на счетъ другихъ, пріобрѣтать собственность, съ совершеннымъ презрѣніемъ прежнихъ родственныхъ отношеній" (стр. 281). Россія распадалась болѣе и болѣе. Живя въ постоянной враждѣ, составляя между собою союзы противъ сильнаго, и потому опаснаго, князья иногда съѣзжались для полюбовнаго окончанія споровъ; но эти княжескіе съѣзды „нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы; старшаго, отца между ними не было больше" (стр. 286).

Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Руси владѣльческіе интересы князей, сначала робко высказывавшіеся подъ родовыми формами, наконецъ выступили на первый планъ и измѣнили нашъ политическій бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый характеръ между-княжескихъ отношеній, въ юго-западной Руси, въ Галицкомъ княжествѣ, внутренній бытъ тоже существенно измѣнился. Здѣсь образовалась сильная аристократія, которой появленіе г. Соловьевъ объясняетъ такимъ образомъ:

„На Руси дружинники, благодаря безпрерывному переходу князей изъ одной области въ другую, не могли нигдѣ основаться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, нигдѣ не могли пріобрѣсть аристократическаго характера, съ особымъ сословнымъ интересомъ, и потому въ отношеніяхъ между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сценѣ, то не какъ лица независимыя, дѣйствующія въ смыслѣ своего сословнаго интереса, но всегда только какъ побочные дѣятели при князѣ; такъ, напримѣръ, бояре являются постоянными совѣтниками, неразлучными сопутниками князя, но здѣсь они дѣйствуютъ постоянно въ интересѣ князя и никогда въ интересѣ сословномъ; если боярин, перейдя отъ одного князя къ другому, поссоритъ ихъ, то чрезъ это онъ имѣетъ вліяніе на событіе, однако и здѣсь опять этотъ боярин дѣйствуетъ въ личномъ интересѣ, а не въ сословномъ. Не такъ было въ Галичѣ: эта страна, ставши владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава I, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностью, поэтому самому не перемѣняла князей своихъ, съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ родѣ Ростиславичей, ибо Владимірку удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ княжествѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и боярамъ княжескимъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть великое вліяніе на дѣла страны; вотъ почему галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверо-западномъ и юго-западномъ, въ Новгородѣ и Галичѣ, обнаруживаются въ формахъ быта отмѣны противъ быта въ остальной Руси, а именно, въ Новгородѣ, вслѣдствіе безпрерывной смѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ,

вслѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей, усиливается боярство, при чемъ, разумѣется, сосѣдство Венгріи и Польши не могло остаться безъ вліянія" (стр. 242—244).

Таковы выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно второй эпохи между-княжескихъ отношеній. Читатели сами видятъ, какъ интересны его изысканія. Принявъ, по нашему мнѣнію, ложную точку отправленія, гипотезу о новыхъ городахъ, г. Соловьевъ, несмотря на то, остался вѣренъ фактамъ и превосходно характеризовалъ различіе этой новой эпохи съ предыдущей. Поэтому-то, видя въ политической исторіи сѣверо-восточной Руси прямое, естественное развитіе порядка вещей, установившагося на югѣ, мы все-таки понимаемъ ее совершенно одинаково съ авторомъ и въ каждой чертѣ, такъ художественно имъ обрисованной, видимъ подтвержденіе нашей мысли.

Есть однако въ этомъ отдѣлѣ взгляды, которыхъ мы не можемъ раздѣлять съ г. Соловьевымъ. Съ перваго разу наше разногласіе можетъ показаться незначительнымъ, но оно становится рѣзкимъ въ послѣдствіяхъ и выводахъ. Мы говоримъ о мнѣніяхъ автора о боярствѣ, аристократическомъ элементѣ въ южной, сѣверо-восточной, сѣверо-западной и юго-западной Руси, въ кіевскомъ, галицкомъ и владимірскомъ княженіяхъ и въ Новгородѣ. Здѣсь и тамъ г. Соловьевъ характеризуетъ его различно и открываетъ важныя особенности. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ: боярству въ разныхъ частяхъ тогдашней Россіи едва ли можно придать особенное значеніе. Вездѣ оно существовало, вездѣ играло большую роль, пока не утвердился какой-нибудь государственный порядокъ; вездѣ между боярствомъ и князьями, рано или поздно, возникала вражда, которой послѣднимъ результатомъ была всегда побѣда князя и утвержденіе его власти. Въ началѣ такъ называемаго періода удѣловъ кто выгонялъ и призывалъ князей во всей Россіи? Андрей не любилъ бояръ; это видно изъ того, что онъ ихъ изгналъ изъ своихъ владѣній и погибъ жертвою боярскаго заговора. Не иначе дѣйствовали Іоаннъ III и IV: всѣ высшія должности, присутствіе въ судахъ принадлежало обыкновенно высшимъ сословіямъ: это преобладаніе въ Новгородѣ боярства видно всего болѣе изъ распоряженій Іоанна III, послѣ покоренія этого города: его гнѣвъ палъ преимущественно на бояръ, а не на простой нар
Такимъ образомъ нѣтъ никакой надобн
создавать особенную теорію для объясн
кровавыхъ галичскихъ происшествій,
прибѣгать ко вліяніямъ Венгріи и Пол
То, что было въ Галичѣ, было и вездѣ
и могло-ли быть иначе въ полу-восточн
общинахъ древней Руси? Бояре могли и
свои интересы, которые привязывали
къ князю или ставили съ нимъ въ пр
воположность; но боярскаго сословія
нигдѣ не видимъ, также мало въ Гал
какъ въ Москвѣ и Новгородѣ, потому
сословія въ государственномъ значеніи
существовали въ древней Руси. Увлек
кающимися, вовсе не существенными
знаками различій, г. Соловьевъ затемн
единство древней русской исторіи—един
типа, который такъ ясно выдается впе
во всѣхъ явленіяхъ нашей общественн
частной жизни.

Третій отдѣлъ обнимаетъ исторію кн
скихъ отношеній отъ Іоанна Калиты
Іоанна III. Главную роль въ этотъ пер
времени играетъ родъ князей московск
который успѣлъ потомственно удержат
своихъ рукахъ велико-княжеское достоин
и съ его помощью до того расширял
увеличилъ свои отчинныя владѣнія, что
конецъ они обняли почти всю Россію.
дыдущая исторія съ Андрея Боголюбс
выработала начало, что княжескія в
нія—частная собственность князей, кото
они могутъ, по гражданскому праву, о
зывать не только сыновьямъ, но и дочер
вотчина смѣнила родовое владѣніе. Это
чало развиваютъ и утверждаютъ моско
князья, какъ общую государственную фо
Дмитрій Донской въ завѣщаніи своемъ
вый полагаетъ основаніе другому, б
прочному государственному порядку, уст
вившемуся при послѣднихъ государяхъ
рикова дома. Власть великаго князя,
редъ монгольскимъ игомъ утратившая
кое значеніе, возстановленная татарам
значеніи власти ханскаго прикащика и
восходно утилизированная московскими
зьями въ пользу московскаго княженія,
лась съ властью государя и владѣльца
ковской отчины и исчезла въ ней.

Изложенію постепеннаго хода этихъ
мѣненій предшествуетъ въ книгѣ г. С
вьева особенная глава. Судя по загла
она должна бы содержать въ себѣ такое

ѣдованіе началъ, опредѣлявшихъ между-
ческія отношенія, какое находимъ въ
ой главѣ перваго отдѣла. Но этого нѣтъ:
ая глава перваго отдѣла говоритъ о
реннемъ устройствѣ и управленіи кня-
ихъ удѣловъ, о взаимныхъ обязанно-
ъ князей по владѣніямъ и т. д.,—сло-
, это подробное и добросовѣстное воз-
овленіе тогдашней администраціи и нѣ-
рыхъ сторонъ юридическаго быта, на
ваніи духовныхъ завѣщаній и договор-
ъ грамотъ князей. Чѣмъ опредѣлялись
ческія отношенія теперь и чѣмъ они
чались отъ прежнихъ, обусловленныхъ
вымъ началомъ, объ этомъ не находимъ
лова въ первой главѣ; это недостатокъ
бщемъ составѣ сочиненія. Тѣмъ не ме-
глава эта превосходна. Она разрѣшаетъ
ie вопросы, оставшіеся до сихъ поръ
отвѣта, на другіе предлагаетъ новыя
ѣнія, если и не всегда вполнѣ удовле-
ительныя, то во всякомъ случаѣ инте-
ыя; наконецъ, какъ живая связная кар-
одной стороны быта этого времени,
представляетъ несомнѣнныя достоинства,
рѣдко встрѣчаемъ соединенными въ
шей части теперешнихъ изслѣдованій
асти русской исторіи. Къ числу новыхъ
румныхъ объясненій должно отнести
ованіе словъ: *числяки*, *численные* люди.
ленными людьми они назывались по-
, что подлежали числу, то есть пого-
ой переписи для платежа дани; дань въ
время, несмотря на монгольскую пе-
сь, взималась не съ души, но съ капи-
, съ приравненіемъ всѣхъ промысловъ
охѣ: тѣ же люди, которыхъ занятія не
приравнены къ сохѣ, подлежали по-
вной подати, числу" (стр. 320).

одынцы. По мнѣнію г. Соловьева, подъ
разумѣлись плѣнники, выкупленные
ьями изъ Орды (стр. 820), и вотъ чѣмъ
это доказываетъ. Въ договорахъ между
ьями часто встрѣчается положеніе: „а
наши Ордынцы и дѣлюи, а тымъ знати
служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ,
ель ихъ не купити". А въ договорѣ
юна съ братьями читаемъ: „а которые
но нашимъ волостямъ выиманы ныи...
ы... намъ къ себѣ не примати; а кото-
людей Отецъ нашъ К. В. выималъ
(пробѣлъ, находящійся тутъ, г. Со-
евъ дополняетъ словами: изъ Орды) въ
бу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ
которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не примати". Намъ кажется это толкованіе произвольнымъ; въ пробѣлъ можно вставить многое, совершенно измѣняющее смыслъ словъ, и нѣтъ никакой возможности даже приблизительно возстановить текстъ. Но положимъ, что приведенныя два мѣста говорятъ объ одномъ и томъ же (хотя это и требуетъ еще доказательствъ), мы все-таки будемъ въ затрудненіи: послѣднее изъ нихъ можетъ относиться и къ ордынцамъ, и дѣлюямъ, а по мнѣнію автора, оба имѣютъ различное значеніе. Наконецъ намъ кажется это толкованіе и потому невѣроятнымъ, что о выкупѣ въ обоихъ мѣстахъ не говорится ни слова, да сверхъ того избавленные отъ плѣна, какъ видно изъ лѣтописей, возвращались обыкновенно на родину, а не служили князьямъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и могли служить. Во всякомъ случаѣ, если мнѣніе автора впослѣдствіи и оправдается новыми доказательствами, то теперь, покуда, оно не можетъ считаться несомнѣнно справедливымъ. Что подъ дѣлюями разумѣлись „дѣловые мастеровые люди", тоже ничѣмъ не доказано; дѣловые люди встрѣчаются въ древнихъ актахъ подъ этимъ названіемъ, и нѣтъ основанія считать ихъ и дѣлюевъ за одно и то же.

Подъ *введеннымъ бояриномъ* г. Соловьевъ разумѣетъ такого, „котораго князь вводилъ во владѣніе извѣстнымъ городомъ, извѣстною областью", и доказываетъ это тѣмъ, что „Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у В. К. Димитрія Ивановича бояринъ введенный и горододержавецъ; держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки". Но и путники держали города; слѣдовательно, это не доказательство. Авторъ тѣмъ опровергаетъ мнѣніе г. Валуева, будто введенный бояринъ значило „введенный въ общій родовой распорядокъ государства",—что еслибъ введенный имѣло это значеніе, сынъ введеннаго не назывался бы введеннымъ, тогда какъ факты говорятъ противное. Но и здѣсь г. Соловьевъ не правъ: если вводилась боярская семья въ составъ служебныхъ родовъ, то не одинъ ея глава вводился, а всѣ ея члены, такъ что когда, напримѣръ, отецъ становился выше такого-то и ниже другого,—и сынъ его долженъ былъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ служебной аристократіи; благодаря изслѣдованіямъ г. Валуева, мы знаемъ, что и возвышеніе, и пониженіе одного члена рода

передъ другими въ общемъ служебномъ распорядкѣ влекло за собою такое же повышеніе или пониженіе всѣхъ прочихъ членовъ того же рода; то же должно было быть и въ отношеніи къ введеннымъ, слѣдовательно названіе и отца, и сына введенными ничего не доказываетъ. Вотъ еслибъ это названіе давалось отдаленнымъ потомкамъ—правнуку, праправнуку введеннаго, и мы бы знали притомъ, что этотъ служебный родъ постоянно служилъ въ одномъ княжествѣ, мы бы согласились съ г. Соловьевымъ; ибо едва-ли боярин могъ пріѣхать на службу съ правнуками, а сына онъ могъ привезти съ собою, и даже совершеннолѣтняго, способнаго служить, который поэтому вмѣстѣ съ нимъ могъ стать введеннымъ. Слѣдовательно, объясненіе г. Соловьева покамѣстъ гипотетическое; оно очень возможно, но требуетъ доказательствъ.—Выраженіе „знать Орду“ г. Соловьевъ объясняетъ такъ: „удѣльные князья должны были давать ему (великому князю) со всѣхъ удѣловъ дань, которую онъ и отвозилъ въ Орду“ (стр. 326). Едва-ли такъ. Слово *знать* имѣетъ болѣе широкій смыслъ и значитъ вообще имѣть сношеніе, для чего бы то ни было. Московскіе великіе князья имѣли тысячу причинъ желать, чтобъ никто изъ князей, кромѣ ихъ, не имѣлъ сношеній съ Ордою.—Слово *ямъ* превосходно объяснено въ смыслѣ побора (отъ *емлю, имать*) (стр. 327). Любопытно было бы опредѣлить различіе ямa отъ дани, съ которою онъ обыкновенно вмѣстѣ упоминается.

Затѣмъ начинается разсказъ между-княжескихъ отношеній до Іоанна III. Не останавливаясь надъ частностями, мы замѣтимъ одно главное, существенное въ выводахъ г. Соловьева.

„Иванъ Калита Московскій (говоритъ авторъ) продолжаетъ поведеніе брата своего Юрія, т.-е. будучи проникнутъ господствовавшею въ то время мыслью—усилить во что бы то ни стало свое княжество насчетъ другихъ, онъ примышляетъ къ своему владѣнію земли, дѣлаетъ это съ меньшимъ насиліемъ, но не съ меньшею пользою и прочностью. Кто пріобрѣтаетъ, тотъ дорожитъ своимъ пріобрѣтеніемъ и не рискуетъ имъ; такой характеръ бережливаго хозяина, который трепещетъ за свою собственность, за свои пріобрѣтенія, и потому избѣгаетъ мѣръ рѣшительныхъ, былъ необходимъ въ нашихъ князьяхъ вслѣдствіе новаго порядка вещей, именно вслѣдствіе понятія о собственности, вслѣдствіе того, что всѣ сѣверные князья были собственниками; отсюда этотъ хозяйственный характеръ, господствующая мысль о пріобрѣтеніи и сбереженіи, избѣганіе рѣшительныхъ мѣръ, которыя отличаютъ большинство сѣверныхъ князей преимущественно князей Московскихъ, отъ Дан до Іоанна III, послѣдняго князя-хозяина и пер Государя. Разумѣется, что такой хозяйствен характеръ сѣверныхъ князей лишенъ той прел того блеска и благородства, которыми отлич характеръ князей южныхъ, героевъ, предводит дружинъ, которые не сбирали себѣ ни золота серебра, но все отдавали дружинѣ—и расши Русскую землю. Точно наши Русскіе князья с отвагою, своею благодѣтельною дѣятельностью плодили Русскую землю, намѣтили границы ея пейской государственной области, неутомимо бѣгая ея пустынныя пространства, строя го прокладывая пути чрезъ лѣса и болота, нас степи, соединяя расточенное народонаселеніе здѣсь и оканчивается ихъ благодѣтельная дѣя ность, ибо прочности, крѣпости, всему этому дать не могли по своему характеру; для этого обходимъ былъ хозяйственный характеръ С ныхъ князей-собственниковъ. Южные князь конца удержали прежній характеръ, и южная сія вѣками бѣдствій должна была поплатить это и спаслась единственно съ помощью сѣве Руси, собранной и сплоченной умнымъ хозяйст князей своихъ“.

При Иванѣ Калитѣ совершилось важ событіе въ исторіи Москвы и всей Ро которое имѣло рѣшительное вліяніе на д нѣйшее усиленіе московскаго княжест роль, которую оно потомъ играло: мы г римъ о перемѣщеніи митрополіи въ Мос

„Торжество Москвы было безспорно, но прежде Иванъ постарался упрочить это торже Въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ стошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасн и перешелъ на жительство во Владиміръ. Пос ній городъ былъ столицею великихъ, или силь шихъ князей только по имени, каждый изъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ; од пребываніе митрополита во Владимірѣ, при тог немъ значеніи и дѣятельности духовенства, щало этому городу видъ столицы болѣе, чѣм даніе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ в было для какого-нибудь города, стремившагося первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ свое пребываніе: это необходимо давало ему столицы всея Руси, ибо единство послѣдней держивалось въ это время единымъ митрополи мало того, способствовало его возрастанію и гащенію, ибо туда со всѣхъ сторонъ стека лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ доточіе церковнаго управленія; наконецъ митр литъ необходимо долженъ былъ дѣйствовать стоянно въ пользу того князя, въ городѣ кото имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть ра ложеніе св. митрополита Петра, такъ что и святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ гихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Г св. мужа былъ для Москвы столь же драгоцѣн какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Пе казался внушеніемъ Божіимъ: разнеслось проро ство его о будущемъ величіи Москвы, и во

полить Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить
и дома чудотворцева; другіе князья хорошо
важныя послѣдствія этого явленія и него-
, но помочь уже было нельзя" (стр. 335 и

князья хорошо понимали, къ чему поведетъ
ніе одного княжества на счетъ другихъ, при
новеніи родовыхъ отношеній, и потому ста-
ъ препятствовать этому усиленію, составляя
противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали
го и случилось: Московскій князь, ставши си-
и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться
силою, чтобъ примыслить сколько можно бо-
ъ своей собственности. Начало княженія Ка-
было, по выраженію лѣтописца, началомъ на-
для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій соб-
никъ распоряжался своевольно" (стр. 343).
прочемъ насилій со стороны Москвы не могло
ть, ибо не могло быть добровольнаго, тихаго
ненія старыхъ, независимыхъ княжествъ од-
изъ самыхъ младшихъ городовъ" (стр. 344).
о смерти Калиты всѣ Русскіе князья отпра-
ъ въ Орду; Ханъ объявилъ Симеона Москов-
в. княземъ Владимірскимъ; благодаря успле-
Москвы это уже былъ теперь пустой титулъ,
го опасались князья еще со временъ Мсти-
Храбраго, то исполнилось, — они перестали
родичами, и стали подручниками: „и всѣ
Русскіе подъ руцѣ его даны". Мы видѣли, что
чтоженіемъ родоваго единства, всѣ старшіе
и отдѣльныхъ родовъ необходимо принимаютъ
ъ великихъ, который именно и означалъ
старшаго въ извѣстномъ родѣ; Симеонъ
Московскій и Владимірскій, взявъ подъ свои
всѣхъ другихъ князей великихъ, называетъ
ебя в. княземъ всея Руси, и такимъ образомъ
иетъ родовыя понятія отъ государственныхъ,
летъ другимъ князьямъ названіе великихъ,
бѣ беретъ титулъ начальника не рода кня-
го, но всей Русской земли, государства. И
іе сильные духомъ в. князья повелѣвали
ими, которые должны были ѣздить подлѣ
стремени и приходить по первому зову, но
они повиновались какъ дѣти отцу; теперь
язь Симеонъ требуетъ безусловнаго повино-
но требуетъ какъ государь, и тяжко было
нязей подобное повиновеніе; они прозвали
она Гордымъ. Есть извѣстіе, что Симеонъ,
ал князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, на-
алъ имъ, что Русь была только тогда сильна
вна, когда князья безпрекословно повинова-
старшему, и что теперь только такимъ же
екословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону,
огутъ надѣяться освобожденія отъ татарскаго
о князья знали разницу между прежними и
ящими отношеніями, знали къ чему поведетъ
покорность. Говорятъ, что Симеонъ и лич-
характеромъ своимъ былъ способенъ возбу-
почтеніе, умѣлъ остеречься отъ того гнуснаго
а, который былъ тогда общимъ, отъ пьянства,
терпѣлъ его въ другихъ: ненавидѣлъ крамолу
правду, и строго наказывалъ за нихъ; онъ
пріобрѣсть уваженіе и тѣмъ, что довольный
имъ наслѣдствомъ, не собиралъ всякими сред-
имѣнія, но расточалъ его на выкупъ плѣн-
мало того, Симеонъ хотѣлъ показать князь-
ямъ, что они могли только выиграть, признавъ себя
его подручниками, такъ, напримѣръ, исходатайство-
валъ въ Ордѣ для разореннаго Тверскаго княженія
свободу не платить дани монголамъ" (стр. 347—349).

Договоръ Симеона съ братьями, дошедшій до насъ, характеризуетъ, по мнѣнію г. Соловьева, новый порядокъ вещей, утвердившійся въ Россіи въ это время.

„Теперь,—говоритъ онъ,—когда родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями,—знакъ, что они уже не смотрятъ болѣе на себя какъ на братьевъ, уже не вѣрятъ родственному союзу, видятъ другъ въ другѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Насъ не обманутъ здѣсь выраженія изъ міра прошедшаго: такъ въ началѣ договора младшіе братья обѣщаются чтить Симеона „во отцево мѣсто". Младшіе родичи постоянно требуютъ поддержанія прежнихъ родовыхъ отношеній; мы увидимъ, что они будутъ требовать этого до самаго пресѣченія Рюриковой династіи; но уже то одно обстоятельство, что они заключаютъ договоръ со старшимъ, показываетъ тщету ихъ требованій. Прежде князья не иначе называли другъ друга, какъ братъ, отецъ, сынъ: въ нашемъ договорѣ младшіе братья, обѣщая, что будутъ имѣть Симеона во отцево мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или, скажу болѣе, не умѣютъ назвать его: отче, но—Господине, князь великій! Младшіе братья болѣе всего толкуютъ о собственности, о своемъ участкѣ, чтобы старшій не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; такъ же: „кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семъ что кто прикупитъ или примыслитъ чужое (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидити". Каждый слѣдовательно предоставляетъ себѣ право дѣйствовать отдѣльно, прикупать и примышлять собственно для себя, къ своему участку" (стр. 351—352).

Раздоры князей, частыя войны между ними производили великое броженіе въ тогдашней Россіи:

„Когда князья начинаютъ ссориться, люди стремятся вонъ изъ ихъ области; когда мирятся, приходятъ снова, кочуютъ изъ одного княжества въ другое; ясно, какія огромныя толпы людей бездомныхъ должны были образоваться въ это время, которые привыкли къ жизни кочевой, къ бездомовью, ко внѣ-общественному положенію; отсюда усиленіе казачества. Ясно также, что при этихъ безпрерывныхъ насиліяхъ, и отъ своихъ и отъ чужихъ, народъ отвыкалъ отъ собственности, отъ удобствъ жизни, скрывалъ имущество, становился самъ скрытнымъ и дикимъ; женщина, спасаясь отъ оскорбленія, запиралась въ отдаленные покои, не выходила изъ дому не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно вслѣдствіе необходимости скрыться отъ оскорбленій; женщины дичали, запертыя въ теремахъ, мужчины дичали вслѣдствіе ихъ отсутствія, — и между тѣмъ такъ сильна общественная связь, въ основаніи которой лежало христіанство, что, несмотря на всѣ препятствія, общество не распалось, но претерпѣло

до конца, и спаслось. Даже въ самыхъ бѣдствіяхъ, описанныхъ нами, которыя принуждали гражданъ къ безпрестаннымъ переселеніямъ, были свои выгоды для общества; эти переселенія, эти движенія уничтожали мѣстныя, областныя народности, уничтожали враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ; вотъ одна изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ московскому, почему сопротивленіе было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселенія“ (стр. 353–354).

Съ этими разсужденіями автора мы не можемъ согласиться, и сколько все предыдущее вѣрно и основательно, столько послѣднее невѣрно и неправдоподобно. Авторъ видитъ причину усиленія казачества, порчи народной нравственности, задичалости тогдашнихъ русскихъ въ княжескихъ междоусобіяхъ; не знаемъ, почему именно усобицы XIV вѣка имѣютъ въ его глазахъ это значеніе: съ половины XI вѣка онѣ не прекращались, и едва-ли не были гораздо чаще и страшнѣе, опустошительнѣе прежде, чѣмъ впослѣдствіи, ибо, по словамъ самого же г. Соловьева, „рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ; обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся безъ битвы“ (стр. 278). Нисколько не отрицая неблагопріятныхъ послѣдствій междоусобныхъ войнъ, мы думаемъ только, что ими однѣми нѣтъ никакой возможности объяснить ту порчу народной нравственности, которую мы замѣчаемъ въ московскій періодъ нашей исторіи; ибо еслибъ войны были тому причиной, давнымъ давно, за долго до XIV вѣка, мы бы уже никуда не годились. Очевидно, г. Соловьевъ въ этомъ случаѣ слишкомъ поверхностно взглянулъ на предметъ, и, видя явленіе, хотѣлъ объяснить его фактами, которые были у него ближе всего подъ руками.

Еще неправильнѣе кажется намъ объясненіе затворничества, теремной жизни — единственно необходимостью скрыться отъ оскорбленій. Какія женщины могли подвергнуться оскорбленіямъ во время усобицъ?—Женщины простого званія; а мы видимъ, что затворничество женщинъ развилось не въ низшихъ, а именно въ высшихъ слояхъ общества. Сверхъ того, какъ объяснить, что оно преимущественно развилось въ періодъ московскаго государства, когда усобицы кончились, и внутренняя тишина, не доставававшая Россіи цѣлые шесть вѣковъ, наконецъ водворилась; ибо, какъ нарочно, до московскаго государства мы видимъ, что женщины управляютъ областями, княжатъ, принимаютъ дѣ
участіе въ дѣлахъ общественныхъ,
сковскимъ государствомъ это прекр
Устраняя греческое и восточное вл
общественное положеніе женщины
ней Россіи, авторъ желалъ найти бо
ственное объясненіе замѣчательнаг
затворничества и теремной жизни;
объясненіе весьма неудачно, потому
ходной точкой служатъ ему совреме
нятія объ отношеніяхъ мужчинъ и ж
—понятія совершенно неприложимы
шему древнему быту. Что авторъ,
вездѣ вѣрный исторической истин
взглянулъ глазами XIX вѣка — до
ствомъ служитъ слѣдующая фраза: „
дичали, запертыя въ теремахъ, му
чали вслѣдствіе ихъ отсутствія“.
дить по нашему теперешнему прос
роду, который, какъ извѣстно, сох
еще живую печать древней Руси,
женщинъ въ XIV и XV вѣкахъ
много содѣйствовало умягченію нрав
чинъ; у турецкихъ славянъ мы
видимъ то же самое. Любопытно было
доводы г. Соловьева, заставившіе е
зать такую новую, оригинальную и н
подобную мысль.

Также нельзя согласиться съ м
автора, будто сильная общественна
спасла Россію отъ распаденія во вр
бицъ, будто безпрестанная передвиж
телей, вслѣдствіе этихъ усобицъ, бы
изъ причинъ, почему разныя княжес
легко примкнули къ московскому,
тивленіе было только со стороны к
не народонаселенія. Во-первыхъ, гд
лена земля на совершенно отдѣльн
чины, тамъ трудно искать общес
связи, которая бы обнимала цѣлый
Общественная связь — начало, для
котораго необходимо стеченіе многи
гопріятствующихъ условій въ народн
а ихъ именно и не имѣла древня
Въ ней не было сословій, не было м
ныхъ интересовъ, создающихъ обще
связь; указъ объ *асамблеяхъ* и спо
введенія даютъ вѣрное мѣрило д
древней общественности; мѣстничес
указываетъ на разлагающія, разъед
начала, присущія древней Руси. Мы д
что вовсе не для чего такъ далеко
вать причины явленій, чрезвычайно пр
и понятныхъ съ перваго взгляда. К

и Андрей поклялись не принимать въ свою службу мятежнаго боярина, и несмотря на то, онъ является тысяцкимъ при в. князѣ Иванѣ. Зимою, 3 февраля 1357 г., рано во время заутрень, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти. Никто не видалъ, какъ совершилось убійство, но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ и ковали ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей. Сильный мятежъ всталъ въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника, и большіе московскіе бояре должны были отъѣхать въ Рязань съ женами и дѣтьми“ (стр. 359—362).

Прочитавъ это мѣсто, можно подумать, что у насъ въ древней Руси была потребность въ посредствующихъ органахъ, чтобы держать въ равновѣсіи двѣ враждующія крайности,— что эти органы имѣли опредѣленное общественное положеніе, которое одни поддерживали, а другіе старались подорвать. Считая такое воззрѣніе совершенно ошибочнымъ, бросающимъ ложный свѣтъ на нашъ древній внутренній бытъ, мы тщательно прочли всѣ цитаты, подведенныя авторомъ, справлялись съ лѣтописями—и окончательно убѣдились, что все сказанное г. Соловьевымъ о значеніи тысяцкихъ въ древней Россіи — блистательная гипотеза, превосходно изложенная, но не подкрѣпленная ни однимъ доказательствомъ, ни однимъ историческимъ соображеніемъ. Изъ всего разсказа вѣрно только описаніе убійства тысяцкаго, и то за исключеніемъ двухъ фразъ, очевидно внушенныхъ увлеченіемъ, столько естественнымъ при развитіи любимой мысли. Г. Соловьевъ говоритъ, что тысяцкій Алексѣй Петровичъ былъ гордъ „народнымъ къ себѣ расположеніемъ“, и что когда онъ былъ убитъ, сильный мятежъ всталъ „въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника“; ни того, ни другого нѣтъ въ лѣтописяхъ. Вообще вопросъ о тысяцкихъ еще очень теменъ; весьма вѣроятно, что они были предводителями войскъ, и кажется однозначительны съ воеводами; по какую роль играли внѣ войны,— вотъ чего мы покуда не знаемъ; въ нихъ много загадочнаго по скудости извѣстій; но судя потому, какъ просто были рѣшены многіе вопросы о внутреннемъ бытѣ древней Руси, мы имѣемъ нѣкоторое право заключать, что точно также рѣшится и этотъ съ открытіемъ новыхъ данныхъ; во всякомъ случаѣ онъ рѣшится безъ помощи остроумной гипотезы г. Соловьева, слишкомъ сложной, юридической для того времени.

Княженіе Іоанна Іоанновича не предста ляетъ впрочемъ ничего особенно замѣч тельнаго. Гораздо важнѣе княженіе Дмитр Іоанновича Донского. Переходя къ нему, г. С ловьевъ бросаетъ бѣглый взглядъ на межд княжескія отношенія въ южной Руси и с священъ имъ особую (пятую) главу. Здѣ являются дѣйствующими на первомъ пла Галичъ и Литва. И тамъ, и здѣсь проис дило совершенно то же, что и въ сѣверо- сточной Руси: въ политической сферѣ утвер дается начало собственности вмѣсто ро выхъ отношеній: князья не члены рода, вотчинники, располагающіе своими влад ніями въ пользу дѣтей, думающіе только пріобрѣтеніи возможно большихъ имущест Родъ литовскихъ князей играетъ здѣсь же роль, какую и московскіе князья на с веро-востокѣ Россіи.

„Онъ (Гедиминъ) заставилъ всѣхъ князей з западной Руси, потомковъ св. Владиміра, призн свое первенство точно такъ, какъ прежде они пр знавали сѣвернаго князя Владимірскаго, и кня литовскіе рода Гедиминова исполнили, въ от шеніи къ юго-западной Руси, только то, что нача Юрьевичи Владимірскіе, т.-е., сначала застав южныхъ князей признать свое первенство, заставя признаться, что они не могутъ быть безъ ни потомъ, мало-по-малу, привели ихъ въ подручн скія отношенія и, наконецъ, сдѣлали вполнѣ с жебными; однимъ словомъ, родъ Гедимина, от сительно юго-западной Руси, играетъ точно так же роль, какую родъ князей Московскихъ игра относительно сѣверо-восточной: Литва собира юго-западную Русь точно такъ, какъ Москва собираетъ сѣверо-восточную... Они (Гедиминов видѣли, что для сохраненія пріобрѣтеннаго мо щества необходимо постоянное сосредоточива власти въ рукахъ одного, и потому всегда с нѣйшій изъ нихъ гналъ, истреблялъ братье (стр. 371 и 372).

Вмѣсто того, чтобъ объяснить эти изм ненія, совершенно одинаковыя въ двухъ л ловинахъ древней Руси, естественнымъ х домъ развитія нашего внутренняго быта, г. С ловьевъ опять прибѣгаетъ къ посторонни причинамъ: въ сѣверо-восточной Руси, ка мы видимъ, онъ создалъ систему новыхъ родовъ; въ юго-западной надо было на что-нибудь другое, и онъ, разумѣется, наш дитъ—иностранное вліяніе и нерусское п исхожденіе рода литовскихъ князей.

„Даніилу стоило тяжкаго труда утвердиться Галичѣ; онъ былъ его завоевателемъ, мало то онъ былъ возобновителемъ, творцомъ своего м жества, слѣдовательно болѣе, чѣмъ отецъ Рома имѣлъ Даніилъ право смотрѣть на Галичъ, ка

вою собственность, и не дѣлиться ею ни съ
при этомъ не должно опускать изъ виду, что
ъ и Волынь входятъ въ самыя тѣсныя сно-
съ западными государствами; Даніилъ хо-
на западъ, въ Богемію, такъ далеко, какъ
еще изъ его предшественниковъ; Даніилъ
ъ пріобрѣсть сыну своему герцогство Австрій-
посредствомъ брака на сестрѣ послѣдняго
га; наконецъ, Даніилъ принялъ новый чуж-
древней Руси титулъ короля (rex); ясно, что
такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя
ія должны были исчезнуть въ Галичѣ, и ко-
Даніилъ не могъ смотрѣть глазами старин-
князей русскихъ, но смотрѣлъ на право на-
тва, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе;
донаселеніе галицкое также не могло смо-
иначе; болѣе давно приняли характеръ чуж-
что доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе; город-
ке народонаселеніе состояло преимущественно
нѣмцевъ, жидовъ и армянъ, толпами стекав-
въ богатую область. Такимъ образомъ, тѣ же
понятія о собственности, о преемствѣ отъ
къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явив-
въ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились
я собственнаго организма, въ Галичѣ были
ены извнѣ, но привились и утвердились не-
имо вслѣдствіе обстоятельствъ историческихъ"
368 и 366). „Какъ здѣсь (въ юго-западной
, такъ и тамъ (въ сѣверо-восточной) родовый
господство родовыхъ отношеній между князь-
рушится—здѣсь вслѣдствіе преобладанія но-
городовъ и произникшаго оттуда понятія объ
ьной собственности, тамъ вслѣдствіе того, что
лѣ князей рода св. Владиміра сталъ чуждый
Гедиминовъ, стремившійся къ пріобрѣтенію
щества, къ увеличенію своей собственности
еть другихъ владѣтельныхъ родовъ, и это же
стремленіе не позволило Гедиминовичамъ
дить русскихъ родовыхъ отношеній и другъ
угу... Сюда нужно прибавить еще могуще-
ное вліяніе государственныхъ идей Запада,
оторымъ литовскіе владѣльцы съ самаго на-
вошли въ тѣсную связь" (стр. 372).

тъ какъ одна ошибка влечетъ за собой
ю! Еслибъ г. Соловьевъ не ввѣрился
гипотезѣ о новыхъ городахъ въ сѣверо-
чной Руси, и постепенныя внутреннія
ненія, происходившія у насъ, старался
снить изъ условій общихъ всей Россіи,
славянскому міру, изъ родового начала,
ое онъ такъ превосходно изслѣдовалъ
ношеніи къ князьямъ,—онъ увидалъ бы,
ной стороны, невозможность тѣхъ рѣз-
различій въ древней Руси, которыя ле-
въ основаніи его системы старыхъ и
къ городовъ, съ другой—онъ не припи-
бы внѣшнимъ вліяніямъ такого рѣши-
аго значенія въ до-Петровской Руси.
цать это вліяніе нельзя, но перецѣ-
ть не должно. Покуда патріархальные
ниты сильны въ народѣ, заимствуется
одно внѣшнее, обыкновенно долго остающееся безъ всякихъ послѣдствій для внутренняго быта. Такъ было у насъ и вездѣ. Авторъ знаетъ, какъ нѣмецкіе славяне потеряли свою національность: нѣмецкія колоніи, во множествѣ селившіяся въ славянскихъ земляхъ, довершили дѣло завоеванія. Но какимъ образомъ внутренній бытъ Галича и Литвы могъ существенно измѣниться вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній въ XIV вѣкѣ, вотъ чего мы себѣ никакъ не можемъ представить. Да и зачѣмъ представлять? Мы видѣли, что внутренній бытъ сѣверо-восточной Руси естественно, необходимо развился изъ быта древнихъ русско-славянскихъ племенъ. Если между-княжескія отношенія и въ юго-западной Руси имѣли такое же развитіе, не понимаемъ, почему и ихъ не объяснить такимъ же образомъ: оно и проще, и ближе.

Переходимъ ко времени Донского.

При немъ безпрерывно возрастающее господство московскихъ князей обнаруживается въ новыхъ, небывалыхъ явленіяхъ: „обиженные князья требуютъ помощи и посредничества у князя московскаго". Слѣдуя образу дѣйствій, котораго держался еще Всеволодъ и который лежалъ въ духѣ и обстоятельствахъ времени, „Москва не хочетъ усиливать одного князя насчетъ другого" и „старалась раздробленіемъ соперничествующихъ княжествъ обезсиливать ихъ". Вслѣдствіе этого, отношенія между великимъ княземъ и остальными князьями совершенно измѣнились. Это ясно видно изъ отношеній Донского къ двоюродному брату, Владиміру Андреевичу Храброму. Послѣдній обязуется служить Димитрію безъ ослушанія, а Дмитрій обязуется *кормить* Владиміра *по службѣ*. „Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова: этимъ утверждается новый обычай, что вымороченный удѣлъ поступаетъ прямо къ в. князю, безъ раздѣла съ родичами" (стр. 396). „Несмотря на допущеніе перехода бояръ отъ в. князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго" (ibid). Не довольный старшими боярами Владиміра, Дмитрій „велѣлъ схватить" ихъ „и развести розно по городамъ, гдѣ держалъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ" (стр. 398). „Великій князь выговариваетъ себѣ право казнить бояръ брата своего, если они ослушаются идти на службу,

требуемую государственною пользою; мало того, в. князь выговариваетъ себѣ право назначать изъ бояръ брата способнѣйшихъ къ извѣстной службѣ: важный шагъ на поприщѣ государственнаго развитія! Теперь не цѣлый родъ владѣетъ землею, но одно лицо, одинъ в. князь всея Руси; этотъ в. князь, принимая на себя одного отвѣтственность въ управленіи государствомъ, долженъ по этому самому заботиться и о средствахъ къ лучшему достиженію государственныхъ цѣлей, долженъ имѣть вліяніе на выборъ людей, назначаемыхъ къ достиженію этихъ цѣлей" (стр. 397). „Владиміръ обязуется не искать московской отчины Димитріевой и в. княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ дѣтьми его". „Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцомъ Владиміра, старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, то-есть, равнымъ, а меньшіе сыновья младшими братьями" (стр. 397 и 399). „Прежде каждый родичъ считалъ себя въ правѣ получить отъ старшаго извѣстную часть родовой собственности; теперь онъ бьетъ челомъ чрезъ митрополита в. князю, какъ полновластному господину, о милости, и тотъ жалуетъ ему просимое" (Ibid).

Главными дѣятелями этого новаго порядка вещей, орудіями усиленія московскихъ князей насчетъ всѣхъ другихъ являются *бояре и духовенство*. „Бояре, умные отцовскіе слуги, которые дѣду нашему и отцу добра хотѣли, по выраженію Симеона Гордаго,—бояре дѣйствуютъ за князя" (стр. 379); „интересы московскаго княжества, интересы рода Калиты были тѣсно связаны съ интересами бояръ московскихъ: привыкнувъ быть боярами велико-княжескими, они не хотѣли принять роль второстепенную; съ другой стороны, наслѣдственные слуги дяди и отца Димитріева, они не хотѣли переѣзжать къ новому в. князю, въ Нижній или Тверь, гдѣ не могли играть первостепенной роли, вытѣснить изъ благосклонности князя дѣдовскихъ бояръ его" (стр. 402); „но бояре дѣйствуютъ тайно, чрезъ князя; кто же явно дѣйствуетъ за Москву, кто является вездѣ на первомъ планѣ? Это духовенство, митрополитъ, который живетъ въ Москвѣ. Митрополитъ посылаетъ св. пустынника Сергія къ нижегородскому князю съ приказомъ явиться въ Москву на судъ, и когда тотъ отказывается, Сергій заставляетъ всѣ церкви въ Нижнемъ. Так
въ спорѣ князей тверскихъ митропол
приказалъ разсудить соперниковъ тверск
епископу Василію, и тотъ оправдалъ плем
ника, сына старшаго брата предъ дяд
по обычаю новому" (стр. 379). (Въ эт
превосходномъ мѣстѣ мы не понимаемъ
личенія Москвы и князя).

„Московскій князь, привыкшій съ м
лѣтства не уважать ханскихъ ярлыковъ
только считалъ возможною войну обор
тельную, но и наступательную" (стр. 3
Въ Куликовской битвѣ „обнаружился и
линскій шагъ впередъ, какой сдѣлало
ское общество на пути государственн
тогда-то открылось все превосходство но
порядка вещей, вся заслуга Москвы. По с
московскаго князя сонмъ служебныхъ
зей явился, каждый князь съ своими
ками; на Калкѣ котора между родич
сгубила войско и Русь; на Дону, гдѣ Дими
встрѣтилъ Мамая, никто изъ князей не см
которовать въ присутствіи великаго, и
голы были разбиты" (стр. 388).

Подобно княженію и завѣщаніе Дими
Донского служитъ новымъ, живымъ сви
тельствомъ того порядка вещей, который
ступалъ тогда въ сѣверо-восточной Ро
„Московскій князь благословляетъ старш
своего сына Василья в. княженіемъ Вл
мірскимъ, которое зоветъ своею отчи
Донской уже не боится совмѣстниковъ
своего сына, ни изъ Твери, ни изъ Суд
онъ увѣренъ и въ согласіи Хана, потому
въ случаѣ отказа Московскій князь так
ленъ, что можетъ обойтись и безъ Хан
въ случаѣ согласія такъ богатъ, что бл
дарность его будетъ гораздо цѣннѣе,
благодарность какого-нибудь другаго кн
(стр. 405), Въ своей отчинѣ, „то-есть, въ
родѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней при
лежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребі
жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симе
третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ
дреевичъ; онъ остался за нимъ и теперь.
двухъ своихъ жребіевъ в. князь полов
отдаетъ старшему сыну Василью, на стар
путь, другая половина раздѣлена на три ч
между остальными сыновьями: изъ этого ви
какъ усилена собственность старшаго" (
405, 406).

. „Усиливъ старшаго сына не въ примѣръ пр
прочими областью в. княженія, областью уже
перь вѣрною, переходившею какъ отчина и

тво послѣдняго. Донской счелъ справедливымъ
ничить нѣсколько обогащеніе старшаго въ
зу младшихъ и потому уступилъ, повидимому,
нимъ родовымъ понятіямъ, а именно, въ слу-
смерти старшаго сына Василія бездѣтнымъ,
ѣвіе его, т.-е. московская часть, вмѣстѣ съ
няженіемъ, переходили къ старшему по немъ,
лъ послѣдняго, какъ праздный, дѣлился снова
у братьями, слѣдовательно здѣсь поступлено
реки неотчуждаемости разъ полученной соб-
ности, и князь Юрій, получивъ удѣлъ старшаго
а, долженъ былъ отказаться отъ своего наслѣд-
наго удѣла, который подвергался дробленію;
о Донской завѣщалъ, что если кто умретъ изъ
ихъ сыновей бездѣтнымъ, то выморочный
ъ также дѣлится между оставшимися въ жи-
братьями. Но здѣсь, какъ уже сказано, только
мая уступка прежнимъ родовымъ понятіямъ;
братья имѣютъ право на выморочный удѣлъ,
то право ограничено произволомъ княгини-
ри: „а вы дѣти мои слушайте своее матери; что
дасть, то тому и есть". Слѣдовательно, здѣсь
идимъ уступку не прежнимъ родовымъ поня-
ъ, но уступку произволу собственника, что со-
енно несогласно съ прежними понятіями. В.
ъ, какъ собственникъ, передаетъ свое право
олагать своею собственностью по произволу
; выморочный удѣлъ не раздѣляется прямо
у всѣми сыновьями, но отдается въ распоря-
е княгинѣ-матери, распоряженіе, совершенно
звольное" (стр. 406, 407).

арактеръ княженія Василія Дмитріевича
икомъ извѣстенъ. Главный интересъ этого
женія сосредоточивается въ отношеніяхъ
ро-восточной Руси къ Литвѣ, которыхъ
ліями были бояре. Теперь, какъ при Ди-
ріи, бояре играютъ весьма важную роль;
режнее ихъ поколѣніе смѣняется новымъ,
е рѣшительнымъ, болѣе открыто-дѣйству-
мъ. Бояре каждаго княжества старались
лить его насчетъ другихъ; когда эта по-
ка удалась только боярамъ московскимъ,
бояре остальныхъ княжествъ, видя не-
ожность бороться съ Москвою, видя, что
или поздно ихъ княжества должны
иниться Москвѣ, спѣшили соблюсти соб-
нныя выгоды и даже увеличить ихъ
леніемъ своихъ несчастныхъ князей и
ходомъ въ службу князя московскаго:
не считалось измѣною, потому что удер
лось еще старое право бояръ свободно
ходить отъ одного князя къ другому"
410).

Бояре Донского, которыхъ главною заботою
дѣла Ордынскія и которые были напуганы
ствіемъ Туктамыша, не могли перемѣнить го-
ствующаго направленія своей дѣятельности,
гли стать въ уровень съ настоящими потреб-
ми, и потому, не понимая всей опасности отношеній Литовскихъ, всей опасности, которая грозила съ запада, отвлекали вниманіе в. князя отъ замысловъ Витовта и обращали его преимущественно на дѣла Орды, совѣтуя, какъ старики, мѣры осторожныя въ отношеніи къ послѣдней; но бояре молодые, въ челѣ которыхъ стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка, уразумѣли, что отношенія Литовскія должны играть главную роль, что Москва должна напречь всѣ силы для сопротивленія замысламъ Витовтовымъ, тогда какъ опасность отъ издыхающей Орды, въ сравненіи съ послѣдними, разумѣется, была ничтожна. Вотъ почему Василій сначала, когда руководился совѣтами стараго Кошки, не полагалъ никакой преграды замысламъ Витовтовымъ и позволилъ ему овладѣть Смоленскомъ; но послѣ, когда получилъ вліяніе молодой Иванъ Кошка, то в. князь какъ бы пробудился отъ прежняго бездѣйствія и сильными, рѣшительными мѣрами заставляетъ Витовта отложить свои замыслы касательно примысловъ въ Московской Руси" (стр. 421, 422).

Политическая жизнь и смыслъ болѣе и болѣе сосредоточивались въ высшихъ слояхъ общества. Народъ разсуждалъ по старому, и вовсе не въ новыхъ интересахъ московской Руси.

„Въ 1408 году Свидригайло отъѣхалъ въ Москву; съ нимъ вмѣстѣ отъѣхалъ черниговскій епископъ, шесть князей и цѣлая толпа бояръ южной Руси; Василій не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе этому драгоцѣнному союзнику; онъ далъ ему на кормленіе Владиміръ, со всѣми волостьми, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила московскій народъ. Народъ не понималъ смысла великой борьбы, которую велъ Василій съ Витовтомъ; ему гораздо опаснѣе казались татары и, видя союзъ своего князя съ Ордою противъ Витовта, народъ съ ужасомъ думалъ, что татары нарочно ссорятъ зятя съ тестемъ, дабы воспользоваться ихъ междоусобіемъ" (стр. 417, 418).

Послѣднія княжескія усобицы были при Василіи Темномъ; „но онѣ всего лучше показали невозможность возвращенія старины, уяснивъ для народа, что настоящее его положеніе гораздо выше прежняго" (463 стр.). „Уже давно жители Руси отвыкли отъ княжескихъ переходовъ изъ одной области въ другую, давно уже князья сидѣли въ одномъ удѣлѣ постоянно съ боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тѣсно связаны съ интересами княжества съ интересами остального народонаселенія; вотъ почему граждане уже давно отвыкли отъ грабительства чуждыхъ бояръ и отроковъ, какъ-то было въ древней Руси. ."

„Москвитяне, которые жаловались на Василія Васильевича за то, что онъ обременяетъ ихъ налогами для уплаты выкупа въ Казань, увидали, что

при Шемякѣ, князѣ чуждомъ и приведшемъ чуждую дружину, положеніе ихъ не улучшилось: *Шемякинъ судъ* остался для потомства выраженіемъ суда несправедливаго, точно такого, какимъ былъ для древнихъ кіевлянъ судъ Ольговичей, для владимірцевъ судъ Ростиславичей. Но если кіевляне и владимірцы не могли снести управленія Ольговичей и Ростиславичей въ то время, когда переходъ князей былъ освященъ обычаемъ, то ясно, что москвитяне не могли стерпѣть Шемякина суда въ то время, когда уже они привыкли къ другому обычаю" (стр. 462 и 463).

Вотъ почему начатое при прежнихъ московскихъ великихъ князьяхъ, несмотря на смутное время, продолжало развиваться въ томъ же направленіи: уже при Темномъ „и послѣ в. князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно пребывая въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить жителей его къ себѣ, пріобрѣсть ихъ любовь" (Стр. 447). Даже тѣ удѣльные князья, которые пребыли вѣрными Темному, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Васильева в. княземъ вмѣсто отца, по приказу в. князя садиться на коня безъ ослушанія, и хотя князья „выговариваютъ себѣ право примысла, но это право безполезное, ибо у нихъ отняты средства къ примышленію: в. князь обязываетъ ихъ, чтобъ они не принимали служебныхъ князей съ вотчинами; не прикупать волостей въ чужихъ княжествахъ они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла—завоеванія у иноплеменниковъ, но для этого удѣльные князья были слишкомъ слабы. Одинъ только в. князь московскій имѣлъ право и возможность дѣлать примыслы" (Стр. 465). „Митрополитъ Іона ясно высказываетъ въ письмѣ къ смоленскому епископу, „что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, но подданные!" (стр. 476). „Василій Ярославичъ Боровскій обязуется и съ дѣтьми своими считать старшимъ не только в. князя Василія и старшаго сына его Ивана, но и всѣхъ младшихъ сыновей, и послѣднихъ держать такъ честно и грозно, какъ самого в. князя" (Стр. 479). При Темномъ „упоминаются въ первый разъ князья — бояре московскіе" (Стр. 480 пр. I.). Разумѣется, удѣльные князья ненавидѣли московскаго великаго князя. Нѣкоторые изъ нихъ „въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, мечтали о в. княженіи; ихъ договоръ служитъ самымъ лучшимъ оправданіемъ насильственныхъ мѣръ в. князя: еслибъ онъ не предпринялъ этихъ мѣръ, то ихъ предприняли бы противъ него; сынъ боровскаго князя говоритъ можайскому: „и дастъ Богъ не по нашимъ грѣхомъ, князя великаго побіемъ или сгонимъ, а дастъ Богъ, господине, достанешь в. княженья." Изгнаніе и убіеніе грозило в. князю отъ князей удѣльныхъ, которые готовы были на всякую мѣру, ибо предвидѣли скорое изгнаніе или убійство отъ сильнѣйшаго" (Стр. 481). „Съ другой стороны, вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще также содѣйствовалъ къ усиленію московскаго княжества: боярину гораздо лестнѣе было служить сильнѣйшему, то есть в. князю, чѣмъ удѣльному, и потому онъ съ охотою переходилъ къ первому, тѣмъ болѣе, что отчины его оставались за нимъ, тогда какъ переходъ отъ в. князя къ удѣльному боярину могъ рѣшиться только въ случаѣ крайности, ибо не смотря на взаимное обязательство, сильнѣйшій князь всегда имѣлъ болѣе возможности отомстить невѣрному боярину захваченіемъ, или даже притѣсненіемъ его отчины... Сильнѣйшіе князья или великіе нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, чтобъ они переходили къ нимъ въ службу" (Стр. 467). „Русское духовенство, въ лицѣ своего представителя, митрополита... содѣйствовало утвержденію единовластія, ибо одно духовенство въ это время могло сознательно смотрѣть и вполнѣ оцѣнить стремленіе московскихъ князей. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога, и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ положеніи со старымъ порядкомъ вещей, съ родовыми отношеніями, и когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ, велико-княжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный" (стр. 458). „Это духовенство представляло единое цѣлое; нѣтъ духовенства областного, рязанскаго, тверскаго, московскаго, есть только духовенство всероссійское, чуждое постоянно всякихъ областныхъ интересовъ: такъ Іона, епископъ рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственныя стремленія московскаго князя, и московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что рязанскій владыка не

несетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ
мленій; исключеніемъ здѣсь является
нъ только архіепископъ новгородскій, пре-
дующій постоянно интересы своего города,
этого мы замѣчаемъ нерасположеніе ми-
олита къ архіепископамъ новгородскимъ,
митрополитъ требуетъ, чтобъ духовен-
было выше всѣхъ областныхъ, част-
ъ интересовъ".

е раздѣляя вполнѣ мнѣнія автора о цѣ-
ъ и стремленіяхъ тогдашняго духовен-
и на основаніи послѣдующихъ событій
ода ихъ нѣсколько идеализированными,
тѣмъ не менѣе совершенно согласны съ
ъ въ фактахъ, событіяхъ, которыя были
льтатомъ цѣлей. Дѣйствуя мечомъ ду-
нымъ, духовенство отлучало строптивыхъ
льныхъ князей отъ церкви, предавало
клятію; понятно, какъ такія мѣры должны
и упрочивать порядокъ вещей, созданный
ковскими великими князьями За то тог-
нее общественное мнѣніе мало и худо
имало ходъ исторіи. Оно было живымъ,
уже запоздалымъ отголоскомъ прежняго,
житаго, и потому странно, несовременно,
рактически отзывалось о новыхъ собы-
ъ:

Съ в. княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья
рскіе со многими людьми, и прежде Василій
но принималъ татарскихъ князей въ службу,
авалъ имъ кормленія, — средство превосходное
ивопоставлять варварамъ варваровъ же, за-
лая ихъ биться за гражданственность, средство,
рое Россія должна была употреблять вслѣдствіе
го своего географическаго положенія. Мы, ра-
ется, можемъ только хвалить Василія за упо-
бленіе этого средства, но современники думали
такъ: мы видѣли, какъ они роптали на отца
ньева за то, что онъ давалъ Литовскимъ князь-
богатыя кормленія; еще болѣе возбудили ихъ
дованіе подобные поступки Василія съ татара-
и, ибо въ нихъ не могла погаснуть страшная
авность къ этимъ врагамъ, которые тогда не оста-
и еще притязанія на господство надъ Русью,
на безнаказанное насиліе надъ ея жителями,
гда къ тому еще огромныя подати наложены
и на народъ, чтобы достать деньги для окупа,
негодованіе на в. князя обнаружилось въ са-
ъ стѣнахъ Москвы" (стр. 453).

Распустили слухъ, „будто в. князь обѣ-
ъ отдать хану (казанскому) все москов-
е княжество, а самъ удовольствоваться
рьемъ" (стр. 454), и этому слуху повѣрили!
инительные пункты, за что ослѣпили Тем-
о, между прочимъ были: „Почто еси та-
ъ привелъ на русьскую землю и городы
авалъ еси имъ и волости въ кормленіе;
а татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишь,
а христіанъ безъ милости томишь, и злато
и сребро татарамъ даешь". Оно не могло
быть впрочемъ иначе; по необходимому, ло-
гическому закону развитія нашей древней
исторіи, вся жизнь сосредоточилась наконецъ
въ государственной, политической сферѣ, и
во главѣ ея были московскіе великіе князья.
Общество далеко отстало отъ этого движенія
и догоняло его задними числами; съ Петра
Великаго разстояніе между той и другой
жизнью можно считать вѣками: важное об-
стоятельство, бросающее свѣтъ на множество
явленій въ нашей исторіи, надъ которыми
мы тщетно ломаемъ себѣ голову и которыя
большею частью объясняемъ такъ странно.

При Василіи Темномъ мысль о нераздѣль-
ности государства совершенно созрѣла, быть
можетъ, и даже вѣроятно, подъ вліяніемъ
тревожныхъ событій его княженія. „Дабы
предотвратить всѣ споры касательно велико-
княжескаго наслѣдства, Василій еще при
жизни назвалъ сына своего Ивана в. княземъ
и началъ писать имя его подлѣ своего въ
грамотахъ". Соединивъ въ „одно всѣ удѣлы
московскаго княжества, кромѣ верейскаго, Ва-
силій снова далъ удѣлы меньшимъ сыновьямъ;
но эти удѣлы были ничтожны въ сравненіи
съ огромнымъ участкомъ старшаго сына в.
князя Ивана. Въ завѣщаніи Василья въ пер-
вый разъ область великаго княжества вла-
димірскаго смѣшивается съ областями кня-
жества московскаго" (стр. 500). Вмѣстѣ съ
тѣмъ „завѣщатель приказываетъ меньшимъ
сыновьямъ слушаться старшаго брата какъ
отца, а послѣднему держать младшихъ въ
братствѣ, безъ обиды; но эти обычныя и не-
опредѣленныя выраженія не могли ни къ
чему обязать ни старшаго, ни младшихъ; те-
перь нужны были точнѣйшія опредѣленія
правъ и обязанностей, и старшему дана была
полная возможность опредѣлить ихъ въ свою
пользу" (стр. 501, 502).

То же самое, въ отношеніи къ удѣльнымъ
князьямъ, происходило въ Литвѣ; „въ опи-
сываемое время" всѣ Рюриковичи, „которые
остались въ юго-западной, старой Руси, уже
вошли въ служебныя и подданническія отно-
шенія къ Гедиминовичамъ" (496 и 497 стр.).

Четвертый, послѣдній отдѣлъ книги г. Со-
ловьева есть верхъ торжества историческаго
таланта автора. Еслибъ мы хотѣли вполнѣ
подѣлиться съ читателями всѣмъ тѣмъ, что
есть замѣчательнаго въ этой превосходной

части разбираемаго изслѣдованія, пришлось бы переписать ее цѣликомъ. Въ цѣлой книгѣ, такъ мастерски написанной, художественность изложенія нигдѣ не достигаетъ такой высоты, какъ здѣсь. Образъ Іоанна III и въ немъ цѣлая эпоха, цѣлый XV вѣкъ русской исторіи возсозданъ впервые въ тѣхъ размѣрахъ, съ тѣми чертами, какіе ему свойственны. Каждая строка дышетъ историческою истиною; оправданіе, или, лучше сказать, объясненіе дѣйствій и характера Іоанна IV, написанное на основаніи положительныхъ данныхъ, есть подвигъ и заслуга, едва ли имѣющіе себѣ равныхъ въ теперешней русской исторической литературѣ. Стѣсненные предѣлами журнальной критической статьи, за которые мы и безъ того выходили поневолѣ слишкомъ часто, мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, съ трудомъ и сожалѣніемъ ограничиваясь самымъ необходимымъ и характеристичнымъ.

„До сихъ поръ“ — говоритъ авторъ, описывая княженіе Іоанна III — „главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской земли, промыслы, прибытки; изъ князей-вождей дружины Сѣверные князья, преимущественно Московскіе, стали князьями собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись въ Ордѣ не только Хану, но и вельможамъ его, отъ которыхъ родичи еще требовали родственнаго, равнаго обхожденія, эти князья не были еще окружены тѣмъ величіемъ, которымъ были окружены другіе монархи Европы, какъ преемники цезарей, какъ помазанники свыше. У насъ, несмотря на стремленія духовенства, в. князю трудно было получить царственное значеніе именно вслѣдствіе родового быта, такъ долго господствовавшаго и затруднявшаго развитіе идей государственныхъ. Чтобы церкви успѣть въ своемъ стремленіи сообщить в. князю царственное величіе, нужна была помощь извнѣ, и какъ на западѣ на помощь церкви пришли преданія имперіи, такъ точно и у насъ на Руси эти преданія имперіи принесены къ Московскому двору Софіею Палеологъ. Изслѣдуйте движенія, перемѣны, имѣвшія мѣсто при Иванѣ III, и вы увидите, что все движется, измѣняетъ форму для принятія какихъ-то новыхъ, неизвѣстныхъ идей, византійская царевна хочетъ быть царицею: для этого ей нуженъ дворъ по образцу Византійскаго, и этотъ дворъ является при Иванѣ III; но прежде всего царевнѣ нужно гдѣ жить, и въ этой бѣдной Москвѣ, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронныя палаты, для построенія которыхъ вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи съ иностранными государствами; наши послы отправляются къ западнымъ дворамъ, просятъ прислать художниковъ своему государю; императоръ и короли хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ для достиженія своихъ цѣлей, предлагаютъ союзы, крестовые походы, браки; Московскій князь не *прочь ни* отъ чего, но хитрый правнукъ Калиты преслѣдуетъ во всемъ ближайшую цѣль, не захо
далеко, не обязывается никакими обѣщаніями
не спускаетъ глазъ съ Орды, Литвы и По
для чего пересылается съ Императоромъ, и и
ищетъ дружбы Султана. Вотъ слѣдствія появ
Греческой царевны въ Москвѣ для распро
ненія нашихъ иностранныхъ сношеній; но
до важнѣе были перемѣны внутреннія, по
вліяніемъ произведенныя. Никто лучше см
ваго Іоанна III не могъ воспринять тѣхъ
которыя принесла Софія: вотъ почему онъ
легко является грознымъ государемъ на Мо
скомъ, велико-княжескомъ столѣ; онъ первый
чилъ названіе грознаго, потому что первый я
для двора и народа Монархомъ, требующимъ
прекословнаго повиновенія, и строго караю
за ослушаніе, первый возвысился до царстве
недосягаемой высоты, передъ которою боя
князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны
благоговѣйно преклониться наравнѣ съ по
нимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ х
терѣ в. князя не могла не возбудить сильнаг
гованія въ толпѣ князей и бояръ. Иван
посягнулъ на важнѣйшее изъ правъ, право отъ
и по первому мановенію грознаго Самодержца
ловы крамольныхъ князей и бояръ дежали
плахѣ; отсюда та страшная ненависть князя
бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся
Ивана III, отсюда та страшная ненависть их
виновницѣ этой новизны, В. К. Софьѣ. Для
зательства сказаннаго раскроемъ Курбскаго,
ката старины и правъ князей и бояръ..“
529—531).

„Кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще другой
скій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, прин
номъ Софьею. Уже въ княженіе сына ея Вас
боярин Берсень такъ говорилъ Максиму Г
„А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля
замѣшалася; а дотолѣ земля наша Русская
въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюды
В. князя княгини Софье съ вашими греки,
наша земля замѣшалася, и пришли нестроени
ликія какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при ва
царѣхъ“. На слова Максима, „Господине, ма
князя В. княгини Софья съ обѣ стороны
роду великого, по отцѣ царскій родъ Цареѣ
скихъ, а по матери великаго Дуксуса Фер
скаго Италѣйскіе страны“, Берсень отвѣчалъ
подине, какова ни была, а къ нашему нестро
пришла, — которая земля переставливаетъ об
свои, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у
старые обычаи В. К. перемѣнилъ, ино на
котораго добра чаяти?“ Въ чемъ же, по ми
боярина, состояла эта перестановка обыч
Вотъ въ чемъ: „Лутче старыхъ обычаевъ д
тися, и людей жаловати, и старыхъ почита
нынѣ деи государь нашъ запершися самъ т
у постели всякія дѣла дѣлаетъ“. Итакъ пер
новка обычаевъ состояла въ томъ, что В.
отстранилъ вліяніе бояръ, началъ думать
свою думу, и теперь уже бояре не могли ск
ему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а нѣ
по тебѣ, мы того невѣдали“, потому что нов
скіе князья, „желая крови братій своихъ, не
ства ради своего“, изгубили родичей, овла
ихъ удѣлами, и боярамъ некуда было болѣе

. Не одни недовольные князья и бояре оста-
намъ свидѣтельства о великомъ вліяніи Софьи
ерестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть
я свидѣтельства болѣе безпристрастныя: Ге-
тейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына
и, говоритъ о ней: это была женщина не-
новенно хитрая, по ея внушенію В. князь сдѣ-
многое". И наши лѣтописцы подтверждаютъ
говоря, напримѣръ, что Софьѣ принадлежитъ
ательный разрывъ съ Ордою при Иванѣ III"
533 - 535).

тношенія къ удѣльнымъ князьямъ, къ
ѣ — изложены превосходно. Разсказъ
живъ, что, читая, переносишься въ
у описываемыхъ событій.
няженіе Василья Ивановича—интерме-
между великими Іоаннами—было хотя
еблистательнымъ, но тѣмъ не менѣе
ѣдовательнымъ переходомъ отъ гони-
удѣльныхъ князей къ истребителю ихъ
личиной московскихъ бояръ.

Василій не могъ заслужить любви бояръ и
иковъ владѣтельныхъ князей, потому что, по
мъ Гебершгейна, совершилъ то, что отецъ
началъ, и явился монархомъ" (стр. 587).
Но у бояръ, и вообще у всѣхъ дружинниковъ
угъ вольныхъ противъ жестокости в. князя
алось важное право, право отъѣзда къ дру-
князьямъ; въ сѣверо-восточной Руси исчезли
ависимые князья; отъ братьевъ в. князя нельзя
ожидать покровительства отъѣхавшему изъ
вы боярину; оставался одинъ отъѣздъ въ ли-
ую Русь, къ в. князю Литовско-Русскому,
новольные дружинники стремятся туда. Для
ращенія этого явленія изъ стараго, родового
, Московскіе государи придумываютъ сред-
а именно берутъ съ подозрительныхъ бояръ
ису не отъѣзжать отъ нихъ: со времени Ивана III,
аго государя въ Москвѣ, перваго князя, ко-
й возсталъ противъ отъѣзда боярскаго, по-
ются эти клятвенныя записи; онѣ умножа-
при сынѣ его Василіѣ, еще болѣе ихъ при
ѣ его, Иванѣ Грозномъ,—признакъ постоянно
явшейся борьбы между двумя правами: пра-
государя на вѣчную покорность подданнаго
ветшавшимъ правомъ дружинника перемѣнять
я, переходить изъ одной дружины въ дру-
правомъ, которое такъ долго поддержива-
родовыми отношеніями княжескими, и теперь
енствовавшимъ исчезнуть вслѣдствіе смѣны
отношеніями государственными" (стр. 588 и

Но Московскіе государи, начиная съ Ивана III,
вольствовались порукой духовенства и грамо-
они требовали ручательства болѣе веществен-
и потому заставляли другихъ бояръ и дво-
ручаться за провинившагося боярина, что
не отъѣдетъ, а въ случаѣ отъѣзда поручив-
долженъ былъ внести князю извѣстную
у денегъ; такъ по князѣ Холмскомъ пору-
И. Н. Воронцовъ, что онъ въ случаѣ его
да внесетъ 250 рублей" (стр. 591, 592).

Послѣдняя глава (третья) посвящена Ивану Грозному: подобно первой главѣ третьяго отдѣла, она, строго говоря, лишняя въ этомъ сочиненіи. Удѣльныхъ князей не было при Іоаннѣ, стало быть при немъ и не могло быть въ Россіи между-княжескихъ отношеній, главнаго предмета изслѣдованія (ибо какъ называть удѣльными нѣсколькихъ князей, лишенныхъ владѣльческихъ правъ?). Борьба Іоанна съ князьями—подданными, боярами, принадлежитъ не сюда. Какъ характеристика этого царя—глава неполна, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ его удивительной, необыкновенной личности. Несмотря на это, очеркъ характера Грознаго и его отношеній къ вельможамъ—такое капитальное пріобрѣтеніе русской исторической литературы, что отступленіе отъ плана и системы кажется передъ нимъ маловажнымъ, незначительнымъ. Не то, чтобы мы были во всемъ и совершенно согласны съ мнѣніемъ автора объ Іоаннѣ IV: иное мы понимаемъ иначе, другое намъ кажется преувеличеннымъ, идеализированнымъ: со всѣмъ тѣмъ мы еще ничего не читали объ Іоаннѣ, что бы насъ такъ глубоко удовлетворило, какъ послѣднія сто страницъ его книги.

„Мы достигли въ нашей исторіи"—говоритъ г. Соловьевъ въ началѣ главы — „того времени, когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву, которою знаменуется царствованіе Грознаго. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда, слѣдовательно, отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ, и въ положеніи дружины, двора. Отсюда ясно, что в. князья въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, существовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ остального даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, и прекращавшаяся при смѣненіи ихъ государственными. Это-то возможность перехода, являвшуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напримѣръ для дружинниковъ и вообще слугъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ освященнаго обычая, старины (напримѣръ для старыхъ городовъ), старое общество

поддерживало всѣми силами противъ государственныхъ стремленій Московскихъ в. князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, измѣну. Вотъ смыслъ борьбы, начавшейся давно въ Сѣверной Руси, но обнаружившейся съ большею силою при Иванѣ III, и дошедшей до крайности при внукѣ его Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помѣшанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помѣшано на переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какимъ-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіямъ; факты противорѣчатъ этому; Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены закоренѣлою болѣзнью стараго русскаго общества — страстью къ переходу или отъѣзду" (стр. 596 и 597).

Изъ этихъ словъ видно, какъ вѣрно авторъ смотритъ на значеніе Іоанна въ русской исторіи. Въ нихъ, конечно, проглядываетъ нѣкоторое пристрастіе въ пользу московскихъ князей и Іоанна Грознаго. Г. Соловьевъ находитъ, что великіе князья „справедливо видѣли несообразность, беззаконіе, измѣну" въ возможности перехода; онъ говоритъ, что „старое общество было помѣшано на переходѣ или отъѣздѣ". Едва-ли можно утверждать это съ юридической точки зрѣнія. Намъ кажется, что авторъ здѣсь какъ-будто нѣсколько измѣнилъ строго-историческому воззрѣнію. Но мы не станемъ его винить за это; напротивъ, такое пристрастіе, такое отклоненіе отъ исключительно-историческаго пониманія обнаруживаетъ въ г. Соловьевѣ живой взглядъ, живое сочувствіе къ событіямъ и лицамъ, безъ котораго конечно можно писать хорошія историческія изслѣдованія, но нельзя быть историкомъ. Сверхъ того, пристрастіе или увлеченіе г. Соловьева въ пользу Іоанна IV въ настоящее время кажется намъ даже заслугой. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась исторія Карамзина, всѣ привыкли смотрѣть на Іоанна IV, какъ на властителя, алкавшаго крови и жертвъ безъ смысла и причины. Конечно благородное чувство водило перомъ Карамзина, когда онъ писалъ IX томъ исторіи Государства Россійскаго; какъ историческое явленіе, его взглядъ имѣетъ огромную, неизмѣримую важность. Но возвышенныхъ чувствъ, какъ извѣстно, еще недостаточно, чтобы быть хорошимъ историкомъ; сверхъ того, судъ съ нравственной точки зрѣнія рѣдко бываетъ вѣренъ и справедливъ: онъ *можетъ быть* важенъ для извѣстной эпохи, какъ выраженіе ея понятій, какъ средство ихъ распространенія подъ исторической призмой; но какъ судъ не-историческій, принимаемый однако за чистыя деньги, вноситъ величайшія недоразумѣнія въ исторію, представляетъ ее въ ложномъ свѣтѣ своимъ авторитетомъ надолго затемняетъ прямой взглядъ на прошедшія и будущія историческія судьбы народа. «Съ этимъ [illegible] едва-ли можно сравнить какія-либо другія ибо что̀ можетъ быть важнѣе въ народной жизни прямого, естественнаго, ничѣмъ неотуманеннаго самосознанія? Іоаннъ IV — цѣлая эпоха русской исторіи, полное и яркое выраженіе нравственной физіономіи народа въ данное время. Не нравится историческое лицо,—ищите причинъ въ [illegible] народной жизни, предшествовавшей современной ему; Карамзинъ, какъ мы [illegible] зали, изъ очень похвальныхъ побужд[illegible] поставилъ Іоанна особнякомъ: никакой [illegible] между имъ и эпохой, кромѣ непонятно[illegible] такомъ даровитомъ человѣкѣ жажды [illegible] разрушенія. Во второй половинѣ цар[illegible] ванія Іоаннъ выходитъ у историографа [illegible] чомъ Божіимъ, разслабившимъ и ун[illegible] шимъ Россію; послѣдняя—невинной ст[illegible] лицей, смиренно принимавшей кару, н[illegible] сланную на нее съ небесъ. Изъ этого [illegible] разумѣется, составляемъ себѣ о Россіи [illegible] выгодное понятіе, льстящее нашей н[illegible] ной гордости. Отчего же, спрашивается [illegible] наша дальнѣйшая исторія шла по нача[illegible] высказаннымъ впервые Іоанномъ IV? О[illegible] всѣ наши преобразованія носили тотъ [illegible] характеръ, что̀ и при немъ, смягчаясь т[illegible] въ формахъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилиз[illegible] Что-нибудь изъ двухъ надо признать: [illegible] Іоаннъ былъ вполнѣ народнымъ дѣяте[illegible] въ Россіи, слѣдовательно кромѣ сторонн[illegible] ставленныхъ выпукло Карамзинымъ, и [illegible] и другія, которыя связывали Грознаго сл[illegible] тѣснымъ образомъ съ временемъ и наро[illegible] посреди котораго онъ дѣйствовалъ,—или [illegible] отвергнуть всю русскую исторію, извѣс[illegible] намъ, и сочинить или предположить гд[illegible] тамъ, за всѣмъ тѣмъ, что̀ мы знаемъ и [illegible] димъ изъ историческихъ данныхъ о се[illegible] менной Россіи, другую, гадательную, ни[illegible] неизвѣстную и небывалую, какъ дѣла[illegible] нѣкоторые. Съ легкой руки Карамзина Іо[illegible] сталъ извѣстенъ какъ страшное исключ[illegible] изъ русской исторіи. Несправедливость [illegible] кого односторонняго приговора не могл[illegible]

иться въ глаза, когда наша старина алась болѣе извѣстна и доступна для ъ, и это вызвало другую крайность, словное поклоненіе Іоанну, безусловное восхваленіе. Она имѣетъ, безспорно свою ую, даже дурную сторону; но нельзя не аться, что теперь, когда рѣчь идетъ только о возстановленіи несомнѣнныхъ тъ и достоинствъ Іоанна въ глазахъ ъ, въ противоположность неумолимому основательному охужденію этого даройшаго и умнѣйшаго изъ древнихъ русъ царей,—особенное предрасположеніе го пользу понятно, какъ реакція, и ко- найдетъ полное свое оправданіе не- лицомъ даже самыхъ безпристрастъ судей. Таковъ ходъ развитія человѣихъ сужденій и понятій: не вдругъ дотся истина: умъ начинаетъ съ крайи и изъ одной переходитъ въ другую, не отыщетъ разумной середины или ающей ихъ мѣры.

настоящее время изъ двухъ крайностей ѣдняя, въ пользу Іоанна, кажется намъ е къ истинѣ, потому что искореняетъ овыхъ поколѣніяхъ предразсудокъ, успѣвпустить корни, и раскрываетъ тѣ сто- Іоаннова царствованія и характера, рыя, къ сожалѣнію, слишкомъ долго вались въ тѣни, почти незамѣченными. томъ мы видимъ новый успѣхъ народсамосознанія, путь къ болѣе дѣйствиной, вѣрной оцѣнкѣ насъ самихъ, и по- не можемъ не радоваться.

Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій терь, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ княосковскихъ, ихъ предшественниковъ: главныя этого характера—разсудительность, разсчетть, преобладаніе головы надъ сердцемъ; пря- наслѣдники Калиты, Иванъ III и сынъ его ій не увлекались никогда чувствомъ. Совер- иная была природа Ивана IV: это былъ орно самый даровитый государь, какого только представляетъ русская исторія до Петра В., блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; необыкновенною ясностью взгляда, ловкостью чахъ и поступкахъ, качествами, полученными слѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было разъ высшей степени другое, противоположное о, женственное,—чувство: сколько Иванъ былъ ь и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, іимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекатьходить до крайности. Можно легко угадать, й характеръ долженствовала принять борьба о государя съ неисцѣлимымъ зломъ старин- притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его ій не были еще такъ далеки отъ стараго по- вещей, смотрѣли на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровнѣе и умѣреннѣе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понятіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понятія своею обширною начитанностью, изученіемъ священной, церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на римскомъ. Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хочетъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ, окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало; оскорбленный такими противогосударственными притязаніями, какъ государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV не только преслѣдуетъ противогосударственныя стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ, лично оскорбленный. Наконецъ для такого государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко-обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія,—и вмѣсто того отъ ранняго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами, и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Дмитрій Донской, сынъ его и внукъ вступили на велико-княжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тѣмъ, въ началѣ ихъ княженій, мы вовсе не видимъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто во время малолѣтства Ивана IV: напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣятельное управленіе бояръ для блага князя и княжества; откуда же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынѣ и внукѣ его, интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположныхъ стремленій; бояре московскіе дружно отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со временъ Ивана III интересы великаго князя и бояръ разрознились: князь началъ руководствоваться идеями государствен-

ными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этими идеями притязанія. По смерти Василія Ивановича опекуншею малолѣтняго сына его Ивана оставалась жена его Елена, уже ненавистная боярамъ; она не отступала отъ поведенія своего мужа, слѣдовательно не уменьшила этой ненависти. Не могши управлять одна, Елена вѣрилась извѣстному лицу изъ бояръ же, и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партіи между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между московскими боярами не было князей, ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ, куда принесли свои притязанія и свою ненависть къ московскимъ государямъ, лишившимъ ихъ удѣловъ, сведшимъ ихъ со степени независимыхъ владѣльцевъ на степень слугъ своихъ" (стр. 597—601).

„По смерти матери Иванъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ касательно умственнаго и нравственнаго развитія. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ жадно схватилъ все, что могли предложить ему вѣкъ и общество; масса свѣдѣній была не велика, дѣлать выбора было не изъ чего, молодой князь взялъ все, прочелъ все, что̀ могъ достать прочесть; слѣдовательно въ дѣлѣ умственномъ Иванъ могъ еще обойтись безъ руководителя. Но не такъ было въ дѣлѣ нравственномъ; среди эгоистическихъ стремленій партій, царственный младенецъ былъ предоставленъ въ руководство одному собственному эгоизму; Иванъ съ ранней юности былъ окруженъ людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, безпрерывно оскорбляли его: отсюда Иванъ необходимо долженъ былъ привыкнуть—имѣя въ виду только собственные интересы, не обращать вниманія на интересы другихъ, не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка; если онъ, какъ началъ себя помнить, не встрѣчалъ ни откуда не только сочувствія, даже вниманія, то какъ хотѣть, чтобъ онъ сочувствовалъ другимъ, обращалъ вниманіе на другихъ? Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, оставляли его предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли въ самыхъ лучшихъ, самыхъ святыхъ его интересахъ, именно въ привязанности къ людямъ, оскорбляли вдвойнѣ, оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ, не обращали вниманія на его слезы: отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ, въ немъ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть ко врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія" (стр. 620, 621).

„Ужаснымъ потворствомъ раздражительная, воспріимчивая природа Ивана была пріучена к ственнымъ наслажденіямъ; эта привычка къ з зрѣлыхъ повела къ разврату и къ той стра внутренней борьбѣ, которая происходила въ царя, вполнѣ сознавшаго паденіе свое въ ственномъ отношеніи. Въ адвокатскихъ нис своихъ къ Курбскому онъ еще старается дать это паденіе: по предъ лицомъ религіи, рой требованія онъ зналъ лучше другихъ, о смѣлъ оправдываться, и въ отчаяніи обнаруж страшныя язвы души своей. Человѣкъ пр видѣть въ тѣлѣ своемъ и его страстяхъ внѣшнее и враждебное: отсюда стремленіе лять тѣлесныя страсти тѣлесными же, внѣш подвигами благочестія, отсюда пристрастіе наго къ этимъ подвигамъ; но тѣло очищает стотою душевною, и тѣлесныя страсти умол тогда, когда душа исполнена высокихъ помы а душа Грознаго постоянно волновалась гнѣ подозрѣніемъ, презрѣніемъ: при такомъ сост души успѣшная борьба его съ испорченно дѣтствѣ тѣлесною природою была не возм Къ безстыднымъ ласкателямъ, жившимъ на его слабостей, къ этимъ Вяземскимъ и Гряз царь не могъ не питать презрѣнія; но въ то мое время онъ не могъ равнодушно сноси только гласнаго укора, но даже грустнаго м нія людей, оскорбленныхъ его поведеніемъ, п что въ этомъ онъ видѣлъ посягновеніе на права, которыя отстаивалъ отъ притязаній с ны; онъ не могъ отдѣлить укора на безправ ность человѣка отъ возстанія на власть цар тому что боярин, укорившій его, не былъ отъ старинныхъ притязаній, и укоръ, слѣд благороднаго негодованія, доброжелательств царю, казался послѣднему дерзостью дружин который думалъ, что царь не могъ ничего д безъ его совѣта; боярин выразилъ свое п вольствіе, а единственное право дружини за которое они стояли такъ упорно, было первомъ неудовольствіи отъѣзжать: вотъ п Грозный, какъ скоро встрѣчалъ недовольное боярина, уже видѣлъ въ немъ человѣка, замы шаго отъѣздъ, и спѣшилъ предупредить измѣн (стр. 623, 624).

Къ этимъ словамъ трудно что-нибудь бавить. Идеализація конечно есть; есть фразы и разсужденія далеко не вѣрны видно, что путь, которымъ идетъ г. вьевъ, разсуждая объ Іоаннѣ,—единств ведущій къ правильному обсужденію наго и его времени. Истина лежитъ въ словахъ и проступаетъ на каждомъ

Рѣчь, произнесенная Іоанномъ митр литу и народу на лобномъ мѣстѣ, выз была, по мнѣнію автора, желаніемъ наго прервать союзъ народа съ бояр

„Скоро послѣ вѣнчанія на царство Иванъ нился на дочери покойнаго окольничаго Ро Юрьевича Захарьина; царю было тогда семнад лѣтъ. Самыми приближенными къ нему особ были дяди его Глинскіе, и потомъ новые родст

по женѣ, Романовы: имъ только могъ довѣ-
вполнѣ царь по единству интересовъ; вотъ по-
обѣ эти фамиліи возбудили противъ себя не-
ть остальныхъ бояръ. Къ несчастію старые
ые родственники, Глинскіе и Романовы, со-
чали между собою, а съ другой стороны Глин-
спѣли раздражить и народъ, потворствуя на-
ъ слугъ своихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1548 году,
ненавидѣвшіе Глинскихъ и не могшіе теперь
уть ихъ ни насиліемъ, ибо не имѣли болѣе
ни посредствомъ царя, ибо тотъ не довѣрялъ
воспользовались страшнымъ пожаромъ для воз-
нія народа противъ Глинскихъ: Юрій Глинскій
умерщвленъ разъяренною чернью, которая
лась-было и въ село Воробьево, гдѣ жилъ
царь, съ требованіемъ выдачи другихъ Глин-
, но была разогнана строгими мѣрами, при-
ми Грознымъ".

о сихъ поръ Иванъ былъ занятъ только отно-
ми къ боярамъ; но теперь бояре вздумали осо-
ся съ народомъ, употребить народъ для до-
нія своихъ цѣлей: Царь увидалъ опасность и
ъ прервать этотъ союзъ. Послѣ похода на Ка-
продолжать который помѣшала ему оттепель,
, въ 1549 году, велѣлъ „собрати свое госу-
во изъ городовъ всякаго чину".

евосходно разобраны отношенія Іоанна
ильвестру, – по Карамзину, чудесныя,
икновенныя.

ГИЛЬЧЕР.

е одного Адашева взыскалъ царь ради помощи
своей: сильную помощь этой растерзанной
оказалъ въ началѣ Сильвестръ, священникъ
ѣщенскаго дворцоваго собора, родомъ Нов-
ецъ. По своему званію священника дворцовой
и, Сильвестръ безпрестанно былъ на глазахъ
на, а замѣчательная личность этого человѣка,
выдававшаяся изъ толпы людей, занятыхъ
и мелкими интересами и крамолами, не могла
ратить на него вниманія государя. Что влія-
ильвестра началось давно, доказательствомъ
ть извѣстіе, что по мысли его было освобож-
изъ темницы семейство князя Андрея Ста-
го, а это освобожденіе имѣло мѣсто еще въ
оду. Чѣмъ болѣе выросталъ Иванъ и прихо-
ъ сознаніе своего положенія, тѣмъ болѣе при-
ся къ Сильвестру, и усиливалось вліяніе по-
нго на дѣла. Странно было бы представлять
Сильвестра какимъ-то загадочнымъ сверхъ-
веннымъ существомъ, явившимся въ первый
предъ царя во время большого московскаго
а и такъ напугавшимъ воображеніе Ивана,
отъ подчинился его вліянію. Не надобно также
ать изъ виду разстояній времени, протекшаго
ного событія до другаго: такъ, напримѣръ,
мы помѣстимъ тотчасъ за пожаромъ и появле-
Сильвестра созваніе выборныхъ и рѣчь царя
бномъ мѣстѣ (тогда какъ пожаръ былъ въ
оду, а созваніе выборныхъ имѣло мѣсто въ
то этимъ сокращеніемъ времени скроемъ
венное, постепенное развитіе умственныхъ
вственныхъ силъ царя: чего онъ не могъ со-
вполнѣ и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ со-
ъ и совершаетъ въ 19, – это ясно! Но при этомъ
также, что поступки Ивана были слѣдствіемъ
его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключительно-чуждымъ вліяніемъ. Сильвестръ и Адашевъ были давно въ глазахъ царя, но не имѣли большого вліянія на дѣла, потому что самъ царь еще не имѣлъ его; съ возрастаніемъ же Ивана возрастало вліяніе этихъ двухъ людей, которыхъ онъ взыскалъ на помощь душѣ своей, по его собственному выраженію. Нравственное вліяніе обоихъ, и Сильвестра, и Адашева, на царя, нравственная помощь отъ нихъ душѣ его безспорна; сильная религіозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть надъ нимъ по самому сану его: въ дѣлахъ, касающихся религіи и нравственности Иванъ слушался Сильвестра, какъ добрый христіанинъ слушается духовнаго отца, достойнаго служителя алтаря. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но вдѣсь-то и начало борьбы между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ относительно ясности политическаго взгляда былъ несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ него, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не могъ своихъ свѣтлыхъ государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію своему къ Сильвестру: отсюда тягость, которую началъ чувствовать государь отъ несправедливыхъ притязаній Сильвестра; напримѣръ, Иванъ первый началъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда усвоитъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому неодолимую преграду поставлялъ Ливонскій орденъ, не пускавшій въ Россію ученыхъ и художниковъ изъ справедливаго опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Ливонію. Противъ этого намѣренія возстала вся дума и особенно Сильвестръ: они совѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, предъ которой трепетала еще вся Европа, и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется, не было никакихъ средствъ къ сопротивленію; Иванъ понималъ всю безразсудность этого совѣта и отвергъ его, преслѣдуя войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыдился говорить царю, что болѣзнь его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. Такъ употреблялъ во зло Сильвестръ довѣренность Ивана! Мало того: онъ употреблялъ во зло глубокое религіозное чувство царя, позволивъ себѣ обмануть его какими-то ложными видѣніями. Кто изучалъ сколько-нибудь душу человѣческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются гораздо легче, чѣмъ обманъ, потому что при послѣднемъ оскорбитель разсчитываетъ на слабоуміе оскорбляемаго, а такой разсчетъ простить трудно!.. Наконецъ неблагоразуміе Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно занемогъ: ему предложили сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему,

младенцу Димитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Но тутъ-то обнаружились съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльныхъ, съ другой — притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданія, есть понятія, отъ которыхъ нельзя освободиться, которыя родятся съ нами и умираютъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльныя преданія вымерли только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно только то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. Сильвестръ, пользуясь неограниченною довѣренностью царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибъ даже и не хотѣлъ того, долженъ былъ составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны ему своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ нимъ одни стремленія; такъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ извѣстно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы. Ясно, что довѣренность царя къ Сильвестру раздѣляли всѣ сторонники послѣдняго. Вліяніе этой партіи могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Романовыхъ: отсюда ненависть Сильвестровыхъ сторонниковъ къ царицѣ Анастасіи и ея родственникамъ,— ненависть, которая, разумѣется, не могла не вызвать и со стороны Романовыхъ подобнаго же чувства Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустымъ Сильвестра; Курбскій называетъ Романовыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ, и сторонники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола Владиміра Андреевича“ (стр. 633—640).

„Но всѣ эти крамолы остались тщетными: царь выздоровѣлъ. Онъ всталъ съ постели здоровый тѣломъ, но жестоко больной душою, жестоко оскорбленный, какъ государь, сопротивленіемъ бояръ государственному уставу престолонаслѣдія, оскорбленный какъ отецъ, какъ мужъ, наконецъ какъ человѣкъ, обманувшійся въ чувствахъ людей, которыхъ считалъ къ себѣ близкими, къ которымъ питалъ полную довѣренность. Оправившись отъ болѣзни, царь, по обѣщанію, отправился на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но при этомъ у него была еще другая цѣль. Еще начиная съ княженія Ивана III, монахи Іосифова Волоцкаго монастыря играютъ важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Св. Іосифъ Волоцкій прославился своею борьбою съ жидовскою Схаріевою ересью, начавшеюся при Иванѣ III въ Новгородѣ, перешедшею оттуда въ Москву и утвердившеюся при дворѣ: отсюда дѣло этой ере
впадаетъ съ придворными перемѣнами, имѣ
мѣсто въ княженіе Ивана III. Великая Кн
Елена, вдова Ивана молодаго и мать Дим
принадлежали къ Схаріевой ереси; но за
стояли бояре, Курбскій называетъ ее святов
Елена и ея партія были въ силѣ, до тѣхъ
была въ силѣ и ересь: еретикъ Зосима, Сим
ский архимандритъ, сталъ митрополитомъ; у
ній Іосифа Волоцкаго не слушали; съ откры
еретиками въ Новгородѣ обошлись милостив
деніе Елены и ея партіи были знакомъ к
слѣдованію еретиковъ и торжеству Іосифа;
вательно, послѣдній, борясь противъ ереси
женъ былъ вмѣстѣ бороться противъ Елены
партіи, т.-е. партіи боярской, и съ тѣмъ в
необходимо былъ на сторонѣ Софьи и ея
Василія. Отсюда ненависть бояръ къ мон
Іосифова Волоцкаго монастыря, которые по
но находятся на сторонѣ Василія въ борьб
съ боярами; вотъ почему Курбскій называетъ
монаховъ или Осифлянъ, но его выраженію
добными въ злости в. князю Василію, ско
помощниками его, и во всѣхъ злыхъ нота
ками и подражателями. Игуменъ Іосифова
стыря, Даніилъ, былъ возведенъ при Васи
санъ митрополита; другой монахъ того же
стыря, Вассіанъ Топорковъ, сдѣланъ еписк
Коломенскимъ; оба, вѣрные преданію своего
стыря, стояли на сторонѣ Василія въ борьб
съ древними притязаніями, и оба потому
ненавидимы боярами. Курбскій называетъ Да
прегордымъ и лютымъ; Берсень говорилъ объ
„Изъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ и
сквѣ: учительна слова отъ него нѣтъ никот
а не печалуется ни о комъ; а прежніе свят
сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и
ловались Государю о всѣхъ людехъ“. Но
упрекъ Берсеня митрополиту Даніилу въ том
онъ пренебрегалъ своею обязанностью печал
ся у государя за опальныхъ бояръ, несправе
до насъ дошло 6 записей боярскихъ, въ кот
Даніилъ является печальникомъ за провинив
бояръ и своимъ ручательствомъ освобождает
отъ опалы. Какъ бы то ни было, по смерти
лія и Елены бояре воспользовались своим
жествомъ, чтобы свергнуть Даніила и Вас
но послѣдній переслилъ боярщину, и въ о
ваемое нами время находился въ Пѣсноше
монастырѣ: къ нему-то, къ этому ненавист
бояръ, спѣшилъ Иванъ. Партія Сильвестра
видѣла всю опасность для себя отъ этого с
нія и спѣшила воспрепятствовать ему. Въ Т
комъ Сергіевѣ монастырѣ жилъ тогда знамен
Максимъ Грекъ, врагъ Даніила и Вассіана,
ченный при Василіи за сопротивленіе разво
Соломоніею, освобожденный при Иванѣ стара
Сильвестровой стороны, которая теперь увол
ляетъ его средствомъ для отклоненія царя от
ѣздки, т.-е. отъ свиданія съ Вассіаномъ. К
царь, по пути, заѣхалъ въ Троицкій монасты
зашелъ къ Максиму, тотъ началъ уговаривать
отложить дальнѣйшую поѣздку; Максимъ гово
Ивану, что вмѣсто путешествія онъ долженъ
ботиться вдовами и сиротами воиновъ, пад
подъ Казанью; совѣтъ былъ прекрасенъ, но

ог понять, почему исполненіе обѣта съѣздить Кирилловъ монастырь можетъ помѣшать ему отиться семействами убитыхъ подъ Казанью овъ,—почему одно было несовмѣстно съ дру-? „Если ты меня не послушаешь, грозилъ ему симъ, если позабудешь осиротѣлыя семейства ѣдешь съ упрямствомъ, то сынъ твой не воз-нится живой съ дороги". Такая настойчивость а только возбудить или усилить уже возбуж-ыя подозрѣнія Ивана, и онъ отправился на аніе съ Вассіаномъ. Сторонники Сильвестра, овождавшіе царя, замѣтили, какъ Вассіанъ галъ что-то царю на ухо, знали, что совѣтъ не можетъ быть для нихъ благопріятенъ, и съ омъ видѣли, что царь изъявилъ за него Вас-у живѣйшую благодарность; Курбскій пишетъ, о Вассіанъ сказалъ царю: „Если хочешь быть держцемъ, то не держи себѣ совѣтника мудраго". Разумѣется, это одна только догадка ъ, потому что если кто шепчетъ на ухо, то о не съ намѣреніемъ, чтобъ другіе это слы-. Смерть царицы Анастасіи, послѣдовавшая 1560 году, повела къ окончательному разрыву у царемъ и Сильвестровою партіею. Самое ственное чувство послѣ потери любимаго че-ка — это усиленная привязанность къ тому, любилъ покойный, и усиленная вражда къ то-го не любилъ; но Иванъ зналъ вражду, су-вовавшую между Анастасіею и Сильвестровою оною; враги послѣдней не замедлили дать знать , что смерть Анастасіи была чрезвычайно вы-а для враговъ ея; Иванъ помнилъ, что мать была отравлена, и не могъ не заразиться по-бніемъ, особенно въ то ужасное время; кто, бно Курбскому, съ такою щедростью расто-ь другимъ обвиненія въ отравѣ, тотъ не дол-жаловаться, что его и друзей его подозрѣ-въ томъ же!" (стр. 645—650).

зглядъ г. Соловьева на отношенія Іоанна Курбскому чрезвычайно оригиналенъ; ихъ авторъ видитъ выраженіе борьбы аго порядка вещей съ новымъ:

Всего любопытнѣе для насъ переписка отъ-шаго боярина, кн. Андрея Курбскаго, съ ца-. Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ сторіи его царствованія, Курбскій вполнѣ об-живаетъ старинныя притязанія дружинниковъ, енмущественно потомковъ князей-родичей; съ стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь вы-ываетъ свои понятія о царской власти, свою ю объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ ъ нами говорятъ старая и новая Русь, Русь одовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государ-нымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представите-Курбскаго, отъѣзжаго боярина, потомка Яро-скихъ князей, и Ивана, В. К. Московскаго, аго царя. Такимъ образомъ вмѣсто сухой, вой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опу-ъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ скаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ бор-двоихъ представителей противоположныхъ леній; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто ываетъ причины явленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевныя мысли, свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскры-ваютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется, без-пристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба—и царь, и Курб-скій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они щедры на сильные эпи-теты, щедры на неумѣренную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ. Мы упоминали уже о старинныхъ притязаніяхъ дружинниковъ, вы-несенныхъ ими изъ древней Руси, о притязаніяхъ на обычай совѣта и права отъѣзда. Адвокатъ этихъ дружинныхъ притязаній, Курбскій ясно высказы-ваетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ" (стр. 655 и 656).

„Оба не безпристрастны, оба преувеличиваютъ, оба противорѣчатъ самимъ себѣ. Надобно вѣрить однимъ несомнѣннымъ фактамъ, а эти факты по-казываютъ: во 1), что Иванъ былъ не трусъ (хотя личная храбрость въ государѣ не есть еще важ-ное достоинство, часто даже недостатокъ), и что его вовсе не нужно было вести въ походъ какъ плѣнника, и удерживать отъ бѣгства хотяща нехотяща (какъ говоритъ Курбскій). Этотъ же самый Иванъ взялъ Полоцкъ, когда уже при немъ не было людей, могущихъ вести его какъ плѣнника; правда, послѣ Иванъ не водилъ самъ полки въ походъ и удалялся при первомъ извѣстіи о при-ближеніи непріятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться въ записяхъ, что они наводили враговъ на Русскую землю; во 2), что когда Сильвестръ владѣлъ полною довѣренностью царя, и тогда послѣдній не былъ слѣпымъ ору-діемъ въ рукахъ Сильвестра и его сторонниковъ, но всегда сохранялъ полную свободу слѣдовать и не слѣдовать совѣтамъ этой стороны, и когда слѣ-довалъ, то съ яснымъ сознаніемъ ихъ пользы, и слѣдовательно все добро, сдѣланное Сильвестромъ и его стороною, принадлежитъ царю, который со-знательно, съ полною свободою принималъ добрые совѣты и отвергалъ безразсудные. Я уже упоми-налъ о войнѣ Ливонской, которую Иванъ пред-принялъ противъ желанія Сильвестровой стороны, хотѣвшей покоренія Крыма; но вотъ еще другіе примѣры: послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные, т.-е. Курбскій съ това-рищи, совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны, но царь совѣта мудрыхъ вое-водъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ (т.-е. Романовыхъ). Это ясно пока-зываетъ, что Иванъ имѣлъ полную свободу посту-пать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь стороны. Потомъ, когда въ 1555 году царь выступилъ про-тивъ крымскаго Хана и пришла къ нему вѣсть, что одно русское ополченіе уже разбито Ханомъ, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храб-рые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ сторонниковъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ; при чемъ надобно замѣтить, что это событіе имѣло мѣсто уже послѣ болѣзни царя, когда онъ потерялъ рас-положеніе къ сторонѣ Сильвестра.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Иванъ въ

одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ — другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая борьбу съ близорукими совѣтниками. Но намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ: никакое подыскиваніе подъ слова Ивана, съ цѣлью отнять у него славу великаго государственнаго дѣятеля и приписать ее совѣтникамъ его, никакое подыскиваніе такого рода не можетъ устоять противъ свидѣтельствъ современниковъ и людей, близкихъ къ нимъ, иностранцевъ и Русскихъ, которые всѣ единогласно величаютъ великій умъ царя, его неутомимую дѣятельность, его правосудіе“ (стр. 677—678).

Разборъ переписки Іоанна съ Курбскимъ исполненъ интереса: вездѣ приведены мѣста, живо характеризующія борьбу, которой оба противники были представителями. Авторъ на каждомъ шагу слѣдитъ за тѣмъ и другимъ, читаетъ между строками переписки ихъ тайныя побужденія, страсти, волнующія обоихъ, искажающія подъ ихъ перомъ событія и ихъ истинный смыслъ. Это раскрытіе внутренняго психологическаго процесса двухъ противниковъ сдѣлано съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, талантомъ, живымъ интересомъ къ предмету. Въ г. Соловьевѣ Іоаннъ IV нашелъ достойнаго адвоката передъ нашимъ временемъ, которое глубже привыкло смотрѣть на исторію, произносить болѣе строгіе и болѣе осторожные, осмотрительные приговоры; раздѣляя съ авторомъ большую часть его мнѣній о великомъ предшественникѣ и образцѣ Петра въ дѣлѣ преобразованій, мы не умѣемъ иначе выразить впечатлѣніе, произведенное на насъ его остроумной, превосходной критикой переписки.

Ужасно было состояніе Іоанна въ самый разгаръ борьбы его съ старымъ порядкомъ вещей. Онъ былъ вовлеченъ въ нее вполнѣ, всѣми силами души, всѣмъ существомъ. Для него въ ней рѣшался не вопросъ о какомъ-нибудь отвлеченномъ началѣ, которое можно и отложить на время или и совсѣмъ оставить, а вопросъ о жизни и смерти, столько же общій, государственный, сколько и личный, касающійся непосредственно самого царя. Судя Іоанна, не должно этого забывать ни на минуту. Мы видимъ теперь только дѣло, результатъ историческаго развитія, движущее начало: намъ легко съ важностью судить дѣйствіе и отдѣлять дѣло отъ лица, но въ жизни, въ историческомъ явленіи, они смѣшиваются безпрестанно; тѣмъ болѣе должны были смѣшиваться въ московскомъ царствѣ XVI вѣка, *при* совершенномъ отсутствіи сколько-нибудь выработаннаго и сознательнаго общест наго быта. Іоаннъ былъ живымъ носител новой идеи, которая была тогда на очер въ древней Руси по внутреннему, естест ному порядку развитія. Отстаивая ее, отстаивалъ себя. Въ 1572 году, какъ ви изъ его духовнаго завѣщанія, составлен въ это время, онъ „былъ вполнѣ убѣжде что самъ онъ и его семейство непрочны Московскомъ престолѣ, считалъ себя изг никомъ, а государство въ военномъ поло нiи, до тѣхъ поръ, пока онъ съ своею оп чиною не истребитъ враждебныя начал не утвердится снова на престолѣ; при эт онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца бор и въ духовной дѣлаетъ наставленія сы ямъ, какъ они должны жить до ея окон нія“ (стр. 687 и 688).

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе об щаетъ, во-первыхъ, желаніе царя, чт дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, п старшій изъ нихъ, Иванъ, не сломитъ вс крамолъ и не утвердится на престолѣ; въ противномъ случаѣ, удѣльный князь детъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рук недовольныхъ. Во-вторыхъ въ своемъ з щаніи Грозный не довольствуется уже, добно предшественникамъ, однимъ нео дѣленнымъ приказомъ младшему сыну жать старшаго въ отца мѣсто; онъ опр ляетъ, въ чемъ должно состоять это сы нее повиновеніе: младшій долженъ быт волѣ старшаго до крови и до смерти, ч чемъ не прекословить, а въ случаѣ об отъ старшаго, не смѣть поднимать про него оружіе; этимъ приказомъ Грозный чтожаетъ de jure междоусобія въ цар семействѣ, ставитъ младшаго брата въ вершенно подданническія отношенія къ с шему; теперь уже младшіе братья не см сказать старшему, подобно древнимъ О вичамъ: Ты намъ братъ старшій, аже т даси, о намъ самѣмъ о собѣ поискати. Од словомъ, этимъ приказомъ Грозный дор ваетъ родовой бытъ, родовыя отношенія жду князьями“ (стр. 692).

Такова книга г. Соловьева. Кто без страстно прочтетъ ее или хоть выписки, сдѣланныя, тотъ, конечно, не скажетъ, мы воздали ей незаслуженныя похвалы. среди отсталыхъ теорій, скучныхъ и вд вокъ весьма часто безплодныхъ, ни къ ч не ведущихъ изысканій, она рѣзко выдае какъ чрезвычайно рѣдкое и въ высшей

отрадное исключеніе. Читатели видѣли, мы во многомъ не согласны съ авторомъ; го изложеніи встрѣчаемъ натяжки, не-ственные выводы, не вполнѣ удовлетво-льное пониманіе среды, въ которой со-алась наша исторія, и потому событія ца не всегда правильно освѣщены; во книгѣ замѣтна какая-то идеализація овъ, перенесеніе ихъ въ сферу высшую въ которой они на самомъ дѣлѣ совер-ись; оттого разсказъ не довольно простъ зывается фразой, бѣгущей на помощь къ йствительности воззрѣнія; но нельзя не сказать, къ чести г. Соловьева, что всѣ эти недостатки гораздо менѣе чувствительны во второй половинѣ его труда, чѣмъ въ первой, а въ послѣднемъ отдѣлѣ едва замѣтны при самомъ внимательномъ чтеніи. Отъ главы до главы авторъ видимо растетъ, идетъ впередъ, воззрѣніе его становится глубже и проще,—признаки силы и долговѣчности таланта. Такіе задатки даютъ намъ право ожидать еще бо́льшаго въ будущемъ отъ г. Соловьева. Безъ сомнѣнія, наши ожиданія сбудутся.

(Современникъ, 1847—48).

рія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. ѣя Соловьева. Томъ первый. *Москва. 1851.*

ке давно, года два назадъ, носились и, что профессоръ Соловьевъ пишетъ рію Россіи. Они, очень понятно, возбу-живой интересъ и въ читающей пуб-, и между знатоками предмета: г. Со-евъ не даромъ пользуется извѣстностью, ученый и профессоръ. Его историче-труды доказываютъ хорошее знакомство источниками, неутомимое трудолюбіе и зованный взглядъ на предметъ, столько кій каждому русскому. Неудивительно, отъ такого ученаго и писателя всѣ ожи-замѣчательнаго сочиненія. Вопросъ, силу ли автору трудъ, въ отношеніи Соловьеву, не могъ имѣть смысла; но о же время имена изслѣдователей, пред-венниковъ г. Соловьева, множество част-розысканій, вышедшихъ изъ-подъ пера оклассныхъ ученыхъ, богатство и разно-ріе матеріаловъ, обнародованныхъ осо-о въ послѣднее время, благодаря про-ценной ревности нашего правительства и іямъ частныхъ лицъ,—все это налагало оваго историка Россіи такой трудъ, такія анности, такую ученую отвѣтственность, можно было опасаться и за огромный итъ; во всякомъ случаѣ, никакой талантъ огъ казаться выше задачи. Сказать что-дь новое, даже только свести разумнымъ ленымъ образомъ сдѣланное доселѣ по кой исторіи—одинъ такой трудъ самъ бѣ—достойный предметъ самаго ученаго маго талантливаго историка.

Наконецъ первый томъ „Исторіи Россіи“ лежитъ передъ нами. О планѣ и объемѣ этого сочиненія мы пока не можемъ сказать ничего. Авторъ—конечно, по какимъ-нибудь своимъ соображеніямъ — оставилъ многочисленныхъ своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи о томъ и другомъ. Непосредственно послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ предисловіе, изъ котораго мы узнаемъ только общій взглядъ г. Соловьева на внутренній ходъ событій русской исторіи до нашего времени. Взглядъ этотъ, изложенный въ видѣ какъ бы программы или мотивированнаго оглавленія цѣлаго сочиненія, занимаетъ всего восемь страничекъ или полъ-листа крупной печати. Затѣмъ г. Соловьевъ прямо переходитъ къ обзору географическихъ и этнографическихъ условій русской исторіи, а потомъ говоритъ о призваніи варяговъ-Руси и первыхъ князьяхъ, объ Ольгѣ, Святославѣ и такъ далѣе, до кончины Ярослава I-го. Нигдѣ не видимъ, съ какою мыслью авторъ приступилъ къ своему труду, въ какое отношеніе ставитъ его къ предшествующимъ сочиненіямъ и изслѣдованіямъ по русской исторіи. Такое совершенное молчаніе имѣетъ, конечно, свою выгодную сторону для сочинителя, повидимому не обязывая его ни къ чему; но въ замѣнъ того, оно открываетъ широкое поле для требованій: каждый считаетъ себя вправѣ находить, что авторъ не понялъ своей задачи, указывать на неполноты и излишества, спрашивать, почему нѣтъ въ книгѣ того и другого, смотря по тому, какъ самъ понимаетъ дѣло. При отсутствіи мѣрила и точки зрѣнія, высказанныхъ самимъ авторомъ, трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ эти требованія справедливы или неосновательны и придирчивы.

Многіе, напримѣръ, требуютъ, чтобы всякій новый трудъ былъ заключительнымъ звеномъ всѣхъ другихъ трудовъ по той же части, но появившихся прежде. Кто въ правѣ считать такое требованіе преувеличеннымъ или неумѣстнымъ, когда самъ авторъ своимъ молчаніемъ даетъ каждому право требовать все, что̀ ему угодно? Итакъ, для обсужденія новаго сочиненія г. Соловьева остается только разсмотрѣть его книгу, опредѣлить, къ какому разряду историческихъ сочиненій она относится и въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки и требованіямъ русской исторіографіи.

Первый, вышедшій теперь томъ „Исторіи Россіи“, какъ мы уже сказали, обнимаетъ собою весь ея первый, такъ называемый, варяжскій или норманскій періодъ до смерти Ярослава I-го и, по характеру своему, принадлежитъ къ разряду прагматическихъ сочиненій. Авторъ подробно разсказываетъ событія даннаго времени, объясняетъ ихъ причины, послѣдствія и тѣ бытовыя и другія условія, при которыхъ зачалась и развивалась русская исторія. Согласно съ этимъ, первый томъ „Исторіи Россіи“ отличается отсутствіемъ всякой полемики. Онъ представляетъ первую эпоху русской исторіи, какъ ее знаетъ и понимаетъ г. Соловьевъ. Опровергать и разбирать чужія мнѣнія, какъ о всей, такъ называемой, варяжской эпохѣ, такъ и о разныхъ предметахъ, къ ней относящихся, повидимому, лежало внѣ его задачи. Даже во множествѣ примѣчаній, которыми снабженъ первый томъ „Исторіи Россіи“ (около 450-ти), рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтимъ опроверженіе мнѣній прежнихъ или современныхъ изслѣдователей, да и эти рѣдкія исключенія авторъ допускаетъ въ свою книгу какъ-будто нехотя, когда уже нельзя безъ того обойтись.

Какъ прагматическое сочиненіе, новая книга г. Соловьева, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ историческихъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Если хотите, содержаніе ея не ново. Первая глава—„Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію“—была уже напечатана въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году; третья: „Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства; ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка“—тоже извѣстна уже отчасти, и въ другомъ видѣ, *изъ статьи*, помѣщенной въ „Архивѣ исто-

рико-юридическихъ свѣдѣній, относ
до Россіи“ г. Калачова, подъ загл
„Очеркъ нравовъ, обычаевъ и рели
вянъ, преимущественно восточныхъ,
мена языческія“; наконецъ, главы
шестая и седьмая знакомы намъ то
части изъ двухъ извѣстныхъ дисс
г. Соловьева объ исторіи Новгорода
отношеніяхъ князей Рюрикова рода.
достатокъ новизны въ общемъ ним
уменьшаетъ ученой заслуги г. Сол
Книга его достойнымъ образомъ пр
ляетъ въ нашей исторической лите
направленіе, данное въ послѣднее вре
ченію русской исторіи: и если мы в
емъ въ ней уже извѣстное изъ пре
сочиненій того же автора, то, въ з
найдемъ очень много весьма удачныхъ
ныхъ замѣчаній, впервые являющихся
чати и объясняющихъ не одно темно
въ страницахъ нашей первоначальной и
Указывать здѣсь на эти замѣчанія и в
вать ихъ считаемъ излишнимъ. Кажд
вольно самъ остановится на нихъ, чита
мательно книгу. На насъ лежитъ
ность упомянуть о нихъ и отдать им
ную справедливость. Прибавимъ, что
ловьевъ обладаетъ счастливымъ тал
группировать и подбирать факты,
встрѣчая въ его книгѣ уже извѣст
много разъ объясненное, какъ будто по
ешь его яснѣе, лучше; оно дѣлается го
очевиднѣе, чѣмъ представлялось прежд
свойство изложенія дѣлаетъ книгу г.
ловьева весьма интересною.

Чтобъ оцѣнить въ мѣру все достои
перваго тома „Исторіи Россіи“ г. Сол
не надо забывать, что эпоха, которая
гается въ этомъ томѣ,—едва-ли не сам
благодарный предметъ въ цѣлой русской
ріи. Изслѣдователю государствованія
Іоанновъ, III и IV, Бориса Годунова,
наго времени, первыхъ царей изъ дом
мановыхъ, Петра Великаго и послѣдув
царствованій открывается обширное,
работанное или мало разработанное
Передъ нимъ великіе характеры и ве
событія; источниковъ множество: есть
чѣмъ потрудиться, есть гдѣ развернуть
силы, есть надъ чѣмъ выказать та
блеснуть богатствомъ и глубиною мы
Самый предметъ невольно овладѣваетъ
сателемъ, такъ сказать подымаетъ ег
варяжскій или норманнскій періодъ р

и время, которое ему предшество-
редставляютъ совсѣмъ другое. Источ-
звѣстны на перечетъ; нѣтъ въ нихъ
ого слова, которое бы не было крити-
бъясняемо лучшими изслѣдователями
исторіи. Надобно къ этому прибавить,
тѣхъ поръ, какъ варяжская эпоха
исторіи стала предметомъ ученой
ки, до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка,
одной почти исключительно сосредо-
ись всѣ ученые споры о русской исто-
льзя было записать свое имя въ число
вателей, не испытавъ своихъ силъ на
предметѣ. Такимъ образомъ ученые
и изслѣдованія этой первой эпохи
динственной школой и пробнымъ кам-
ля молодыхъ ученыхъ. Такъ продол-
безъ малаго сто лѣтъ. Въ наше время
дѣлателю на томъ же поприщѣ по
имости выпадаетъ незавидная доля.
ы онъ ни былъ ученъ, добросовѣстенъ,
ы ни былъ глубокъ и оригиналенъ
лядъ на исторію,—ему здѣсь почти
дѣлать: непремѣнно придется повто-
азанное съ нѣкоторыми развѣ варія-

той неблагодарности предмета, вслѣд-
го обработанности, должно прибавить
о крайнюю сухость. Что представля-
мъ данныя, относящіяся къ норман-
охѣ? Одно хронологическое собраніе
историческихъ датъ, которыхъ общій
открывается только послѣ самаго
го изученія; кромѣ того, до насъ до-
того времени, но въ позднѣйшей ре-
нѣсколько народныхъ преданій, ко-
характеристическихъ для времени и
нныхъ поэзіи, но все же преданій, а
орическихъ фактовъ. Этими преда-
ожно воспользоваться для опредѣле-
асти духа эпохи, ея нравовъ и по-
но не болѣе. Такимъ образомъ въ
бнимающую цѣлые два вѣка, изъ-
щаго уровня, проведеннаго надъ нею
разсказомъ, яснѣе выступаютъ два-
а, да нѣсколько обычаевъ—и только.
тальное такъ сглажено, что самые
вопросы должны оставаться нерѣ-
и.

отря на всѣ эти неблагопріятныя услo-
вый томъ „Исторіи Россіи“ имѣетъ
преимущества передъ лучшими со-
ми въ томъ же родѣ прежняго, хотя
няго времени. Можно не соглашаться
съ г. Соловьевымъ, но нельзя не признать, что его сочиненіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи автора, его правильномъ историческомъ взглядѣ и методѣ и знакомствѣ съ исторической критикой въ ея современномъ значеніи. Вотъ почему первый томъ „Исторіи Россіи“—безспорно, историческое сочиненіе въ полномъ значеніи слова. Этого нельзя въ той же мѣрѣ сказать, напримѣръ, о первомъ томѣ „Исторіи русскаго народа“. Сочиненіе г. Полеваго было какъ бы вызвано отсутствіемъ исторической критики въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Авторъ очевидно хотѣлъ написать критическую исторію Россіи. Одно посвященіе Нибуру доказываетъ это намѣреніе. У г. Полеваго вездѣ на первомъ планѣ общіе историческіе взгляды, бывшіе въ ходу между учеными въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Эти взгляды онъ старался приложить къ русской исторіи, и нельзя сказать, чтобъ опытъ въ отношеніи къ варяжской эпохѣ былъ совершенно неудаченъ. Г. Полевой отвергъ общія разсужденія Карамзина, показалъ непримѣнимость ихъ къ первой эпохѣ нашей исторіи и на каждой почти страницѣ указываетъ на необходимость болѣе историческаго и критическаго обсужденія событій. Это несомнѣнное достоинство перваго тома „Исторіи русскаго народа“ и немаловажная заслуга г. Полеваго. Но справедливость требуетъ сказать, что исполненіе задуманной имъ исторіи Россіи не соотвѣтствовало требованіямъ, которыя онъ самъ же выставилъ. Г. Полевой какъ будто не совладалъ съ предметомъ съ матеріальной стороны. Взглядъ его слишкомъ общъ, и потому нерѣдко поверхностенъ; общія положенія иногда отзываются фразами и общими мѣстами. Оттого частная критика данныхъ слишкомъ легка и неудовлетворительна. Это и было, вѣроятно, главной причиной, почему „Исторія русскаго народа“ скоро была забыта. Но значеніе ея въ русской исторической литературѣ тѣмъ не менѣе ощутительно. Она была выраженіемъ болѣе серьезнаго историко-критическаго направленія, которое въ то время, впервые послѣ Шлецера и Круга, начало снова обнаруживаться.

„Исторія Государства Россійскаго“, вышедшая въ 1816 году, „Исторія русскаго народа“, появившаяся въ 1830 году, и „Исторія Россіи“, изданная въ 1851 году, представляютъ собою ступени постепеннаго раз-

витія и возмужанія нашего историческаго сознанія и смысла. Ни Карамзинъ, ни Полевой, ни Соловьевъ не создали науки вновь. Каждый изъ нихъ былъ приготовленъ предшествующими трудами, каждый только высказалъ взглядъ и мнѣніе своихъ современниковъ о русской исторіи, какъ они выражались и выражаются въ лучшихъ сочиненіяхъ и умахъ. Съ этой точки зрѣнія мы не безъ нѣкоторой гордости можемъ сказать, что въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ съ перваго появленія „Исторіи“ Карамзина, и даже въ тѣ двадцать лѣтъ, которыя прошли съ изданія „Исторіи русскаго народа“, мы замѣтно подвинулись впередъ. „Исторія Россіи“ есть зрѣлый и сознательный ученый историческій трудъ, а не шаткій опытъ. Всѣ историческія явленія разсматриваются здѣсь съ ихъ внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются послѣдовательно, по ихъ внутренней преемственности; бытовая сторона обращаетъ на себя, какъ и слѣдуетъ, гораздо большее вниманіе автора, чѣмъ внѣшнія событія. Наконецъ взглядъ гораздо серьезнѣе, пріемы строже.

Вотъ общая оцѣнка разбираемой нами книги, какъ мы ее понимаемъ. Она произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе, какъ живое, несомнѣнное доказательство преуспѣянія русской исторической литературы и ея быстрыхъ успѣховъ въ такое короткое время.

Но, при большихъ и существенныхъ достоинствахъ, первый томъ „Исторіи Россіи“ г. Соловьева имѣетъ свои недостатки. Они столько же замѣтны въ основной мысли труда, сколько и въ самомъ ея исполненіи. Какъ мы уже выше сказали, это сочиненіе исключительно прагматическое. Спрашивается: удовлетворяетъ ли современнымъ требованіямъ науки одно прагматическое изложеніе перваго періода русской исторіи? Мы думаемъ, что нѣтъ, и потому совершенное отсутствіе критической стороны въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ считаемъ за существенный недостатокъ этого сочиненія. Большое и до сихъ поръ продолжающееся разногласіе мнѣній обо всемъ, относящемся къ варяжской эпохѣ, въ особенности же скудость, отрывочность и спорность источниковъ, наконецъ, предшествовавшая почти исключительно критическая разработка этой эпохи,—все заранѣе обусловливало по преимуществу критическій характеръ новаго историческаго труда объ этомъ предметѣ. Онъ, какъ позднѣйш
женъ былъ представить окончательн
зультатъ прежнихъ трудовъ; а возмо
это въ сочиненіи исключительно пр
ческомъ? Очевидно, нѣтъ. Мы, напр
согласны съ авторомъ, что варяги-Ру
скандинаво-германскаго происхожде
убѣдятся ли въ этомъ изъ перваг
„Исторіи Россіи“ всѣ тѣ, которые сч
ихъ прибалтійскими славянами, п
и т. д.? Едва-ли. Въ разбираемой нам
едва сдѣланъ только намекъ на то,
которые выводятъ варяговъ-Русь изъ
раніи. Вообще весь вопросъ о варягах
г. Соловьевъ рѣшаетъ на четырехъ
цахъ (82—86), тогда какъ о немъ на
десятки томовъ, если собрать и отн
вмѣстѣ все, что́ появилось съ Байера
шего времени. Далѣе, авторъ, по
мнѣнію, тоже правъ, признавая подл
договоровъ нашихъ первыхъ князей
ками, подлинность „Русской Правды“
неизвѣстныхъ намъ доселѣ Ярослав
грамотъ,—правъ, конечно, съ важны
ворками относительно редакціи нѣкот
изъ этихъ памятниковъ и кой-какихъ
робностей ихъ составленія и значен
что́ скажутъ тѣ, которые отвергаютъ
подлинность? Будутъ ли они удовлет
тѣмъ, что въ книгѣ г. Соловьева не
не упоминается о ихъ доводахъ, но
едва есть намеки на самыя сомнѣнія?
бы сказалъ Каченовскій и его непосред
ные послѣдователи, не встрѣчая не тол
слова о своихъ нѣкогда знаменитыхъ
цаніяхъ достовѣрности источниковъ дре
шей русской исторіи, но даже вообщ
слова о самихъ источникахъ, кромѣ о
ссылокъ? Послѣ жаркихъ и продолж
ныхъ преній объ этомъ предметѣ, напо
шихъ нѣкогда страницы нашихъ журн
и составлявшихъ любимую и обыкнов
тему литературныхъ и не-литератур
письменныхъ и изустныхъ споровъ,
вало бы хоть по крайней мѣрѣ упом
о сомнѣніяхъ и ихъ неосновательност
обще странно видѣть въ наше время
о первомъ періодѣ русской исторіи, съ
ками на источники, которые были и
томъ самыхъ разнообразныхъ толк
изслѣдованій, и не найти въ ней да
речня. Г. Соловьевъ ссылается, при
ніи варяжскаго періода, на извѣстія
скихъ писателей, „Степенную книгу“

падно-двинской рѣчной системѣ лежали области Полоцкая, Торопецкая и Минская, образовавшія особенныя княжества. Изъ нихъ Торопецкое княжество находилось въ серединѣ между четырьмя рѣчными областями и потому посредничало между ними; Минское, лежавшее уже въ Днѣпровской области, было предметомъ постоянныхъ споровъ между полоцкими и русскими князьями; Полоцкое, при неплодородной почвѣ и удобствахъ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, рано стало промышленнымъ и торговымъ. Юго-западныя области, собственная Русь, лежали по рѣчной системѣ Днѣпра. Каждая изъ нихъ образовалась особою системою рѣкъ или притоковъ Днѣпра: такъ Владиміро-Волынское княжество принадлежало по западному Бугу къ системѣ Вислинской, то есть къ Польшѣ, а притоками Припети—къ Днѣпровской; Галицкое было расположено по системѣ Вислинской и Днѣстровской; Черниговское по Деснѣ и ея притокамъ, Курское по Сейму и т. д. Княжество Смоленское, лежавшее въ верховьяхъ Днѣпра, находилось поэтому въ тѣсной связи съ Кіевомъ; но съ другой стороны его срединное положеніе между областью Волги, Днѣпра и Двины опредѣлило важное значеніе этого княжества въ періодъ удѣловъ и въ распряхъ между Литвою и Московскимъ государствомъ, наконецъ опредѣлило и торговый, промышленный характеръ его жителей. Въ области верхней Волги лежалъ Ростовъ. Его ранняя тѣсная связь съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро соединяется Шексною, Волгою и Которостью съ озеромъ Неро, на которомъ стоитъ Ростовъ. Собственно же область Волги есть область Московскаго государства. Волжскою системою указано было распространеніе Московскаго государства внизъ до Каспійскаго моря, по Камской системѣ и близко къ ней подходящимъ сибирскимъ рѣкамъ—на востокъ въ Сибирь; близость Москвы-рѣки къ верховьямъ Днѣпра опредѣлила ея распространеніе въ юго-западную Русь. Такимъ образомъ географическое положеніе княжествъ на разныхъ системахъ рѣкъ опредѣлило величину ихъ территоріи, роль ихъ въ русской исторіи и занятія ихъ обитателей. Такъ какъ система Волжская — самая обширная изъ всѣхъ рѣчныхъ системъ Европейской Россіи и находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи со всѣми другими рѣчными системами—Днѣпровской, Двинской и Озерной, то и Московское государство
было быть больше всѣхъ другихъ кня
и распространить на нихъ свое влады

Вотъ въ чемъ заключается взгляд
ловьева на роль территоріи Россіи в
дѣленіи ея первоначальной исторіи.
маемъ, что исходная, основная мысл
взгляда не подлежитъ сомнѣнію; но
витіи ея авторъ, кажется, увлекся сл
далеко. Что первое разселеніе слав
племенъ въ Россіи большею частью
ходило по рѣкамъ — это очевидно: в
минаніе объ этомъ сохранилось еще
мена Нестора, который рѣками опред
жилища нашихъ племенъ. Выгодное
женіе на рѣчныхъ торговыхъ путях
относительной скудости почвы, дѣйстви
рано должно было превратить нѣкото
селенія въ торговые пункты, съ бол
населеніемъ и относительно бо́льше
зованностью. Эти поселенія могли
рано сдѣлаться средоточіемъ окольна
селенія и племени, посреди которы
никли; такъ образовались области, ко
границы опредѣлялись этнографичес
какъ племена разселились по областям
то границами этихъ областей дѣйстви
могли служить рѣчныя урочища, во
водораздѣлы. Наконецъ, мы охотно
каемъ, что географическія условія ш
жали могущественно дѣйствовать и
когда появилась исторія въ собстве
смыслѣ, и природные элементы этно
ческій и географическій должны были
по-малу уступить первенство политич
элементу — видамъ и разсчетамъ князе
личнымъ достоинствамъ и доблести,
заніямъ сосѣднихъ племенъ и государ
т. д. Но приписывать географическим
віямъ главную роль въ опредѣленіи вс
ской исторіи до позднѣйшаго времен
объяснить важнѣйшія ея событія, важ
отношенія ея съ сосѣдними государст
это, какъ мы думаемъ, значитъ идти
комъ далеко. Исторія всѣхъ европей
племенъ и народовъ, призванныхъ
мірно-исторической дѣятельности, о
гаетъ подобныя крайности. Всѣ эти
сначала находились подъ исключител
опредѣленіемъ природныхъ условій,
нялись имъ; но, при дальнѣйшемъ хо
торіи, эти условія, въ свою очередь,
нялись дѣятельности и вліянію люде
дарства и народы съ теченіемъ времен

ъ свою территорію не столько есте-
ими границами, сколько политическими
и потребностями; то, чего внутри
оріи не дала природа, замѣняется и
аждается искусственными средствами.
о примѣровъ, что страны, прежде не-
ыя, покрылись потомъ цвѣтущими по-
ми: гдѣ сперва не было никакого сооб-
проведены удобные искусственные
колько примѣровъ, что государства вла-
территоріею, не состоящею съ ними ни
ой естественной, географической связи!
е это несомнѣнно въ отношеніи къ дру-
вропейскимъ государствамъ, то нѣтъ
го основанія отрицать это и въ отно-
къ Россіи. Объяснить одними геогра-
ими условіями ходъ образованія рус-
осударства, политическое преобладаніе
-восточной Руси надъ юго-западною,
роль торопецкихъ и смоленскихъ
въ періодъ удѣловъ и т. д., невоз-
не дѣлая очевидныхъ натяжекъ, не
историческихъ фактовъ. Чтобъ дока-
о, разсмотримъ подробно первую главу
ріи Россіи", и отмѣтимъ въ ней тѣ
которыя, по нашему мнѣнію, содер-
ъ себѣ ошибочные выводы изъ глав-
сли, въ сущности весьма основатель-
вѣрной.

первая страница представляетъ не-
ьныя заключенія о вліяніи природы
йской территоріи Россіи на нашу ис-
Вотъ они:

долго до начала нашего лѣтосчисленія зна-
й грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи,
ъ сѣверныя берега Чернаго моря; вѣрнымъ
мъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ
вшія, и записалъ въ своей безсмертной кни-
племена эти ведутъ образъ жизни, какой
имъ природа страны. Прошло много вѣ-
ѣсколько разъ племена смѣнялись одни дру-
бразовалось могущественное государство;—
еніе, замѣченное Геродотомъ, остается по
му въ силѣ; ходъ событій постоянно под-
ся природнымъ условіямъ" (стр. 1).

аведливо ли это?
стр. 28 г. Соловьевъ такъ описываетъ
а, жившія въ южной Россіи во вре-
Геродота:

Днѣпру—на западъ до самаго Днѣстра, на
—очень на короткое разстояніе отъ берега,
народонаселеніе земледѣльческое, или, по
й мѣрѣ, переходное, которое, хотя еще и
тало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не
ло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ пред-
метъ выгодной торговли; такимъ образомъ щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣлости, или по крайней мѣрѣ заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страною до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ при-Днѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ—кочевники смѣнятся кочевниками" (стр. 28 и 29).

Изъ этого мѣста видно, что природа не навсегда осуждала южную Россію быть кочевьемъ для выходцевъ изъ средней Азіи: здѣсь, около Днѣпра, были и во времена Геродота осѣдлые жители и земледѣльцы. Конечно, природа страны давала возможность обработывать поля, иначе не было бы никакой возможности возникнуть земледѣлію. Что именно побудило къ земледѣлію — другой вопросъ, на который отвѣтъ находимъ на стр. 33.

„Между скиѳами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе, что скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани; такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобы заплатить дань господствующему племени" (стр. 33).

Всѣ эти мѣста приводятъ къ такому заключенію: во времена Геродота кочевники южной Россіи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, добровольно или по принужденію, обращались къ осѣдлой жизни и земледѣлію; слѣдовательно образъ ихъ жизни не опредѣлялся одною природою страны, но и происхожденіемъ ихъ, и привычками, которыя они приносили изъ своего первоначальнаго отечества. Этотъ образъ жизни мѣстами измѣнился, мѣстами остался прежній, независимо отъ страны и почвы. Наконецъ, когда Россійская имперія, окрѣпнувъ, уничтожила гнѣздо кочевниковъ въ Крыму и заперла дорогу

степнымъ народамъ изъ средней Азіи; когда европейское народонаселеніе Россіи, по мѣрѣ расширенія нашихъ государственныхъ границъ, подвигалось все далѣе и далѣе на югъ, заселило огромныя степныя пространства южной Россіи, тогда кочевая жизнь въ этой ея части кончилась и уступила мѣсто земледѣлію. Какое же основаніе имѣлъ г. Соловьевъ утверждать, что во времена Геродота племена, кочевавшія около Чернаго моря, вели образъ жизни, какой указала имъ природа страны: вѣдь съ тѣхъ поръ природа ея не перемѣнилась?

Далѣе, какое основаніе имѣлъ авторъ сказать, что послѣ многихъ вѣковъ ходъ событій продолжаетъ постоянно подчиняться природнымъ условіямъ? Теперь югъ Россіи, промышленный по приморскимъ окраинамъ, уже не кочевой, а земледѣльческій. Когда же, спрашивается, ходъ событій подчинялся природнымъ условіямъ страны: тогда, при Геродотѣ, когда на югѣ кочевали степные варвары, или теперь, когда въ немъ живутъ мирные земледѣльцы? Очевидно, г. Соловьевъ съ самаго начала увлекся своею мыслью Онъ приписалъ слишкомъ много однимъ физическимъ условіямъ исторіи и слишкомъ мало условіямъ политическимъ и историческимъ. Это увлеченіе особенно замѣтно въ выводахъ о значеніи рѣкъ: въ нихъ авторъ видитъ не одни пути сообщенія, даже не однѣ рамы для разселенія племенъ и образованія областей и княжествъ, но какой-то неотразимый законъ, вслѣдствіе котораго русская исто ія должна была неизбѣжно принять такое направленіе, а не другое, Россія – распространяться въ ту, а не въ другую сторону, Москва, а не другой городъ—стать средоточіемъ государства.

„Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ; его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т.-е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце—Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область“ (стр. 13 и 14).

Кіевское княженіе находилось, конечно, ближе къ устью Днѣпра, чѣмъ московское. Отчего бы, кажется, при благопріятныхъ ус
віяхъ, не распространить ему своего вла
чества до Чернаго моря? Вѣдь сидѣли
угличи и тиверцы по Днѣстру до Дуная
моря, а можетъ быть, и далѣе—отъ Дуная
востокъ за Днѣпръ (стр. 46); мы знаемъ
лѣтописи, что Олегъ побѣдилъ тиверце
(стр. 105), Свѣнельдъ—угличей (стр. 1
Но всѣ эти завоеванія не послужили ни
чему. Не потому ли, подумаетъ читатель,
Кіевское княженіе, вслѣдствіе разныхъ ис
рическихъ причинъ, ослабѣло и не мо
удержать за собой завоеваній и первы
князей? Нѣтъ, русской государственной
ласти надлежало непремѣнно распрост
няться естественнымъ образомъ изнутри,
своего ядра, внизъ по рѣкамъ, до естеств
ныхъ своихъ предѣловъ, то-есть до устье
этихъ рѣкъ. Кіевъ стоитъ на перепутьи; к
же было ему овладѣть устьемъ Днѣпра, ко
его истоки въ сердцѣ Россіи, а это сердце
московская область? Она страна источнико
сама природа приготовила ее именно для т
чтобъ стать государственнымъ зерномъ
Россіи. Но какъ же это такъ?

„Изъ положенія Торопецкаго княжества, ле
щаго въ срединѣ между озерною (Новгородск
Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (южно-р
скою) и Волжскою (Ростовскою или Суздальск
областями, уясняется вамъ положеніе князей
ропецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ зна
піе, какъ посредниковъ между Новгородомъ,
ною Русью и князьями Суздальскими; посредст
Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою
южною Русью, изъ Торопца получилъ защиту
притѣсненій князей Суздальскихъ“ (стр. 11).

Почему же Торопецъ не сдѣлался
доточіемъ русскаго государства? Его по
женіе такъ удобно: на всѣ стороны откры
путь по рѣкамъ.

„Смоленскъ находился въ области Криви
которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Дне
и Двины; изъ этого положенія легко видѣть
ное значеніе Смоленской области, находив
между тремя главными частями Руси—между
ластью Волги, Днѣпра и Двины, т.-е. между Ве
кою, Малою и Бѣлою Россіею; держа ключ
всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья дер
Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси
регутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверяни
зей, принимаютъ самое дѣятельное участіе
пряхъ послѣднихъ съ южными; являются
дѣятелями въ исторіи юго-западной Руси (
норъ, какъ Волынскіе князья обращаютъ
вниманіе на западъ), борются съ Волын
личемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы
держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородом

ою областью. Изъ положенія Смоленской об-
понятно, почему Смоленскъ служилъ постоян-
одомъ къ спору между сѣверо-восточною, или
скою, и юго-западною, или Литовскою Русью,
ни Московское, ни Литовское (Польское),
ельство не могли успокоиться, не имѣя въ
рукахъ Смоленска" (стр. 15 и 16).

ь еще княжество, которое весьма бы
о могло объединить всѣ части обшир-
ссіи. Географическое положеніе самое
ое: здѣсь тоже сходятся истоки всѣхъ
йшихъ рѣкъ. Отчего жъ Смоленскъ не
ердцемъ Россіи, государственнымъ зер-
А вотъ отчего:

торическое дѣленіе русской государственной
на части условливается отдѣльными рѣч-
истемами; ясно, что величина каждой части
соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной об-
чѣмъ область Волги больше области всѣхъ
ъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государ-
лжна быть больше всѣхъ остальныхъ частей
а естественно меньшимъ частямъ примы-
ь большей; отсюда понятно, почему и Нов-
кая озерная область, и Бѣлая, и Малая Русь
ули къ Московскому государству. Итакъ
область Волги есть преимущественно об-
Московскаго государства, и Ро товская об-
удетъ только областью верхней Волги. Про-
ь же теперь распространеніе Русской госу-
енной области по Волжской системѣ, и пере-
остовской области въ область Великаго кня-
Владимірскаго, и послѣдней—въ область Мо-
аго государства. Ростовъ былъ городомъ пле-
, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ
ъ въ цѣлой обширной области, получившей
го свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ
хъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей
остроеніе городовъ. Это построеніе носитъ
разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что
изъ положенія новыхъ городовъ и изъ раз-
ихъ одного отъ другаго. Ярославль по-
ъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости
гу, которая посредствомъ этого притока сое-
ся съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы ви-
тремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся
авныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значи-
хъ ея притоковъ; такъ построена Кострома
воротѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее
мы. Юрьевецъ-Поволжскій при слѣдующемъ
мъ колѣнѣ, при поворотѣ Волги на югъ, при
іи въ нее Унжи; наконецъ Нижній-Новго-
ри впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время
вилось естественное стремленіе сѣверныхъ
внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи" (стр.
8).

юмѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ
было еще другое стремленіе, болѣе важное,
. стремленіе на югъ, для соединенія съ юго-
ою Русью, гдѣ находилась главная сцена
ія. Мы назвали это стремленіе болѣе важ-
потому что хотя у князей это было только
еніе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго Русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершиться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ, если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ; такъ и сѣверные князья переносили свои столы—изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ велико-княжескій утвердился на долго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ по рѣкамъ—Клязьмою къ Окѣ, и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было очень выгодно для того времени, когда, послѣ нашествія монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль; Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему Владимірскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверо-востока, такъ охладѣли къ югу; такое охлажденіе особенно замѣчается въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для Русскихъ областей; положеніе его односторонне; рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ Финскому сѣверо-востоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юго-востоку, тогда какъ для отысканія центра Русскихъ областей нужно было уклониться къ юго-западу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на юго-западъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи; въ первой разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и Верхнимъ Днѣпромъ. Москва-рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала Финскому сѣверо-востоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ нахо-

дились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ, издавна примыкавшей къ южной Руси и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе русское, между племенемъ славянскимъ и финскимъ.

„Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но зато она почти вездѣ способна къ обработыванію, слѣдовательно вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію чедовѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую—для сѣвернаго, дополняя слѣдовательно одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга“ (стр. 19—21).

Наконецъ:

„Мы видѣли, что распространеніе русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Во-первыхъ, оно шло озерною новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или западу, и въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ Бѣлозерскимъ, по Шексиѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи, къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. На встрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ—притоку Днѣпра, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу; потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера, отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга, отъ Днѣпра, причемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью“ (стр. 22).

Итакъ вотъ ключъ къ рѣшенію вопроса, почему не Торопецъ, не Смоленскъ, не Владиміръ, а именно Москва стала средоточіемъ Россіи. Во-первыхъ, волжская, то-есть московская область—самая большая; во-вторыхъ, Москва лежитъ по пути въ Днѣпровскую Русь, на юго-западъ отъ Ростова. Немножко дальше на востокъ—и всѣ силы и дѣятельность новаго государства устремились бы на фин
сѣверо востокъ. Примѣръ есть на-лицо:
димірскіе князья устремили же все свое
маніе на сѣверо-востокъ и охладѣли къ
Напротивъ, Москва стоитъ на томъ им
мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку,
редаетъ ей (то-есть Москвѣ) обязанность
жить соединеніемъ между сѣверными и
ными русскими областями. По этому сво
географическому положенію, Москва
пунктъ соединенія между сѣверомъ и юго
однако съ характеромъ сѣвернымъ,
именно и было нужно, потому что на сѣв
находились крѣпкія государственныя осн
Въ-третьихъ, Москва находилась въ са
серединѣ между двумя главными племен
русскаго государства—славянами и финн
Въ-четвертыхъ, московское центральное
странство какъ бы воспроизводитъ собою
маломъ видѣ сѣверную и южную Россію:
верная часть этого пространства менѣе
дородна, чѣмъ южная. Слѣдовательно, зд
первоначальная промышленность южная
производящая сѣверная столкнулись и им
всю возможность убѣдиться, какъ обѣ не
ходимы другъ для друга. Наконецъ, въ
тыхъ, распространеніе русскихъ владѣ
происходившее по дугѣ, образуемой Вол
до Оки къ сѣверу и Днѣпромъ къ югу
потомъ въ серединѣ этой дуги съ сѣвера
Волги и съ юга отъ Днѣпра, на встр
другъ другу, сходились въ области Мос
рѣки. Вотъ пять причинъ, почему Мос
была искомымъ центромъ русскихъ облас
„Это (говоритъ г. Соловьевъ) обозначил
тотчасъ же въ исторіи“. Москва постро
Юріемъ Долгорукимъ въ 1147 году, по
чаю свиданія Долгорукаго съ Святосла
Сѣверскимъ. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ,
само собою разумѣется, уже въ полов
XII вѣка въ Россіи сознавали всю важно
географическаго положенія и будущую ве
кую роль Москвы; лѣтописецъ упомянул
ней, конечно не случайно, не по пов
встрѣчи двухъ князей, а въ предвидѣніи
послѣдующаго призванія въ исторіи Р

Можно ли назвать всѣ эти доводы у
тельными? Разрѣшаютъ ли они важный
рическій вопросъ, почему вся Россія
нилась въ одно цѣлое въ московскомъ
дарствѣ? Едва-ли. Обширность волжс
стемы безспорна; но на ней было по
много городовъ, и мы не видимъ основ
присвоить всю ея систему именно Мо

рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-Смоленскихъ, устье во власти князей Рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: Князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною" (стр. 21—22).

Но къ чему могли служить эти пріобрѣтенія въ отношеніи къ рѣкѣ? Какъ могъ Юрій Даниловичъ считать свою область вполнѣ самостоятельной, когда въ его владѣніи находились истоки и устье Москвы рѣки, да та ея часть, которая протекала по Московскому княженію, а пространства между Можайскою и Московскою областями, также между послѣднею и Коломенскою, оставались въ чужомъ владѣніи? Ничто не уполномочиваетъ насъ думать, что эти промежуточныя пространства принадлежали московскимъ князьямъ прежде Іоанна Калиты. Только послѣдній начинаетъ ужъ явнымъ образомъ округлять московскія владѣнія и, какъ кажется, бо́льшею частью покупкой. Однако и у него были купленныя села въ Новгородѣ, Владимірѣ, Юрьевѣ и Бѣжецкомъ-Верхѣ, да, судя по завѣщанію Димитрія Донского, онъ пріобрѣлъ также куплей Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро. Какого воднаго пути онъ придерживался, чтобы достигнуть до этихъ владѣній? Какая система рѣкъ понуждала его дѣлать эти отчасти отдаленныя, отчасти разбросанныя, несплошныя пріобрѣтенія? Нѣтъ, Москва стала политическимъ средоточіемъ Россіи не вслѣдствіе географическаго своего положенія, не вслѣдствіе теченія рѣкъ, а вслѣдствіе особенно счастливыхъ историческихъ условій и вслѣдствіе ума и дѣятельности ея князей, такъ удачно названныхъ г. Соловьевымъ собирателями русской земли. Теряя изъ вида историческіе элементы, подчиняя такъ безусловно дѣятельность лицъ и племенъ условіямъ географическимъ, авторъ обличаетъ неправильную точку зрѣнія на историческое развитіе, лишаетъ исторію по преимуществу ей принадлежащаго значенія дѣятельности человѣка. Мы убѣждены, что самъ г. Соловьевъ понимаетъ исторію иначе, и односторонности его воззрѣній, весьма ясныя въ первой главѣ, охотно приписываемъ увлеченію любимой мыслью. Къ числу такихъ же увлеченій должно отнести еще и *слѣдующія* мѣста:

„Несмотря на то, что юго-западная Русь, пре
щественно Кіевская область, была главною
ною древней нашей исторіи, пограничность
близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ
родовъ, дѣлали ее неспособною стать государст
нымъ зерномъ для Россіи, для чего именно
рода приготовила Московскую область; отс
Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ см
вначалѣ и послѣ носитъ характеръ погранич
военнаго поселенія, остается страною Каза
до полнаго государственнаго развитія, начавша
съ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

„Но если, по причинамъ естественнымъ,
западная Русь не могла стать государствен
ядромъ, то природа же страны объясняетъ и
почему она была главною сценою дѣйствія въ
чальной нашей исторіи: области древнихъ
жествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславска
собственно Черниговскаго составляютъ самую
гословенную часть областей Русскихъ, отн
тельно климата и качества почвы" (стр. 14).

Не гораздо ли проще объяснить пер
начальное сосредоточеніе исторіи Россіи
юго-западной Руси тѣмъ, что варяжская д
жина, издавна ходившая по Днѣпру въ К
стантинополь служить, торговать и воевать
что эта дружина хотѣла быть ближе къ Гре
Не естественнѣе ли объяснить дальнѣй
ходъ русской исторіи системою удѣловъ,
леніемъ Владимірскаго, а потомъ Мос
скаго княженія, которое, въ свою очере
имѣло свои причины? Словомъ, не лучше
въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, ближай
естественнѣйшее, простѣйшее объясне
чѣмъ далекое, запутанное и невѣроятное

„Область Западной Двины, или область По
кая имѣла такую же участь, какъ и озерная
ласть Новгородская: Славянское племя занало
чало и средину теченія Двины, но не успѣло,
медленномъ движеніи своемъ, достигнуть ея ус
береговъ моря, около котораго оставались
туземцы, хотя подчиненные Русскимъ князья
но не подчинившіеся Славяно-русской народно
Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжес
его слабость вслѣдствіе этой особности и усоб
были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ
скихъ береговъ, съ устья Двины, начинается
ступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которы
Полочане должны были отступать все далѣе и
лѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княже
подчинилось династіи князей Литовскихъ, и
резъ нихъ соединилось съ Польшею; Московс
государство, сосредоточивъ сѣверо-восточныя Р
скія области, усилившись, начало стремиться,
естественному направленію, къ морю, ибо въ
ласти Московскаго государства находились исто
Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе
воніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій
нялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, вслѣдст
чего почти все теченіе Двины стало находит
въ области одного государства. Но чрезъ в

ко времени Шведы отняли у Поляковъ устье
ы, и область этой рѣки явилась въ затруднит-
номъ, неестественномъ положеніи, подѣлен-
между тремя государствами. Петръ Великій
ъ низовье Двины у Шведовъ, вслѣдствіе чего
женіе Двинской области стало еще затрудни-
нѣе, потому что верховье и устье находились
бласти одного государства, а средина въ об-
и другого. При Екатеринѣ II-й Двинская об-
ь была выведена изъ этого неестественнаго
женія" (стр. 9 и 10).

дѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣ-
ъ, политическое распространеніе госу-
ства смѣшано съ этнографическимъ раз-
ніемъ племенъ; политическіе виды и цѣли
инены требованіямъ мѣстности, географіи.
справедливо ли это? Не полочане отсту-
и передъ нѣмцами внутрь страны, а вла-
ія Полоцкаго княжества были отчасти
еваны нѣмцами; между тѣмъ и другимъ
ьшая разница. Московское государство
ю стремиться къ морю не по „естествен-
у" направленію, а по политическимъ ви-
ъ. Намъ нужно было непремѣнно имѣть
ктъ на Балтійскомъ морѣ, и пріобрѣте-
такого пункта составляло цѣль стремле-
русскихъ государей съ того самаго вре-
и, какъ Россія сложилась въ значитель-
политическое тѣло и почувствовала свои
ы. Выраженіе „неестественное положеніе
и" странно, именно потому, что пред-
ляетъ дѣло въ превратномъ видѣ. Не
етъ быть вопроса о томъ, пріятно и естест-
но ли рѣкѣ быть подѣленной такъ, а не
че между двумя или тремя государствами:
ь можетъ быть только о томъ, выгодно
такое раздѣленіе одному или всѣмъ этимъ
гдарствамъ, или невыгодно; а эти вопро-
рѣшаютъ не только завоеваніемъ всей
ной системы однимъ государствомъ, но и
оворами сосѣднихъ державъ. Нѣманъ,
ла, Днѣстръ, Дунай, Эльба, Везеръ,
инъ, Дуэро, Тахо, Гвадіана, то-есть почти
важнѣйшія рѣки въ Европѣ находятся
такомъ же точно положеніи, въ какомъ
и прежде Днѣпръ и Западная Двина;
ако это не мѣшаетъ торговлѣ и судоход-
у по этимъ рѣкамъ.

„Извѣстно, что вездѣ, при своихъ столкновеніяхъ, Славяне занимали возвышенныя, сухія и плодородныя пространства; Финны же—низменныя, болотистыя" (стр. 8).

И въ другомъ мѣстѣ.

„Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и финскія названія разныхъ племенъ, напримѣръ, Емь и Ямъ (Häm) значитъ *мокрый, водяной*; Весь объясняется изъ финскаго Vesi—вода. И теперь финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ. Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ финскія племена преимущественно около озеръ" (стр. 73).

Очевидная натяжка, происшедшая отъ желанія опредѣлить мѣстностью, географическими условіями, явленія вполнѣ историческія. Съ чего было финну любить преимущественно болота и сырыя мѣста? Этимологическое производство нѣсколькихъ названій финскихъ племенъ, если оно и достовѣрно, или правдоподобно, ничего не доказываетъ: по болотистой и низменной мѣстности эти племена такъ и назывались. За то, сколько мѣстностей, вовсе не болотистыхъ и не низменныхъ, до сихъ поръ населены финскими племенами: таковы губерніи Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская и другія. Слѣдовательно, изъ того, что на сѣверѣ есть различіе между мѣстами, занимаемыми славянами и финнами, нельзя еще выводить общаго правила для всей Россіи. Съ другой стороны, очень понятно, что гдѣ удобной, плодородной земли было мало, тамъ эту землю заняли русскіе и вытѣснили съ нея финновъ въ болота; иначе и не могло быть при столкновеніяхъ племени сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ; только нельзя же отсюда выводить какую-нибудь черту народнаго характера русскихъ и финновъ.

Вотъ нѣсколько замѣчаній на первую главу „Исторіи Россіи". Вторая глава изслѣдуетъ быть и судьбу народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область, до явственнаго появленія въ ней племенъ славянскихъ. Въ этой главѣ г. Соловьевъ разсматриваетъ извѣстія грековъ и римлянъ о теперешней Россіи и ея обитателяхъ. Такъ какъ содержаніе ея не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ русской исторіи, то, не останавливаясь на ней, мы перейдемъ прямо къ третьей главѣ, посвященной обозрѣнію славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, также ихъ быта и судьбы до половины IX вѣка. Эта глава содержитъ менѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ заглавіе. По заглавію, читатель будетъ ожидать полнаго обозрѣнія всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя входятъ теперь въ составъ имперіи; но вмѣсто того, онъ найдетъ очеркъ однихъ народовъ, упоминаемыхъ у Нестора. Какъ бы то ни было, но въ третьей

главѣ сперва говорится о племенахъ славянскихъ, потомъ объ остальныхъ и, въ заключеніе, о варягахъ-Руси. Еще прежде, при разборѣ перваго тома „Архива“ г. Калачова, мы имѣли случай отдать должную справедливость взгляду г. Соловьева на древнѣйшій бытъ русскихъ славянъ, и объясненіямъ нѣкоторыхъ особенностей этого быта, не встрѣчающихся у другихъ европейскихъ племенъ, и потому не всегда правильно понимаемыхъ европейскими учеными. Въ то же время мы находили, что въ изложеніи языческихъ вѣрованій допущено много гипотезъ, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Этотъ отзывъ, несмотря на новую редакцію той же статьи въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ и на нѣкоторыя сдѣланныя въ ней перемѣны, можетъ быть повторенъ и теперь. Бытъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, обрисованъ удовлетворительно; но очеркъ языческихъ вѣрованій намъ показался слабѣе, именно потому, что въ немъ весьма много произвольнаго, гипотетическаго. Рановременность прагматическаго изложенія перваго періода русской исторіи ни въ чемъ такъ не замѣтна, какъ именно въ изображеніи языческой религіи русскихъ славянъ. Она, какъ извѣстно, еще очень недавно стала предметомъ дѣятельнаго и самостоятельнаго изслѣдованія. Покуда, въ ней все шатко, неопредѣленно, и потому прагматическое изложеніе къ ней вовсе нейдетъ.

Въ самомъ началѣ третьей главы г. Соловьевъ, основываясь преимущественно на Несторовой лѣтописи, разсматриваетъ извѣстія о первоначальныхъ жилищахъ славянъ и ихъ разселеніи. Обойдя безъ разрѣшенія важный вопросъ — кто были Волхи, нашедшіе на Дунайскихъ славянъ, авторъ „Исторіи Россіи“, изъ соображенія трехъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, выводитъ слѣдующее:

„Если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что Славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ - Дулебахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣ не вслѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо“ (стр. 43).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ г. Соловьевъ правъ, дѣлая подобный выводъ о порядкѣ разселенія племенъ и о томъ, что племена, не исчисленныя въ первомъ и второмъ извѣстіи, явились въ Россіи особо. Начальный лѣтописецъ могъ перечислять племена, принявъ за основаніе ихъ жилища сначала по западной, а потомъ по восточной сторонѣ Днѣпра; при этомъ исчисленіи онъ весьма легко могъ упустить нѣкоторыя племена и потомъ назвать ихъ особо. Конечно, въ отношеніи къ радимичамъ и вятичамъ такое предположеніе менѣе вѣроятно, потому что лѣтописецъ прямо говоритъ, что они пришли отъ ляховъ, и ихъ переселеніе дѣйствительно могло совершиться позднѣе; что же касается до дулебовъ, бужанъ, угличей и тиверцевъ, то наше предположеніе если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же вѣроятно, какъ и предположеніе г. Соловьева.

Кромѣ этого вывода, который намъ кажется недостаточно доказаннымъ, въ обозрѣніи славянскихъ племенъ и ихъ разселенія въ Россіи мы встрѣтили еще слѣдующія мнѣнія и замѣтки, съ которыми едва ли можно согласиться.

На стр. 45 г. Соловьевъ говоритъ:

„Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ, или отъ именъ родоначальниковъ, или называются собственнымъ существительнымъ, какъ напримѣръ, Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ „прозвашась своимъ именемъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что славяне ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видового названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ — финновъ, которыми были окружены“ (стр. 45).

Когда именно произошло разселеніе славянскихъ племенъ въ Россіи — сказать очень трудно. По всѣмъ вѣроятіямъ, оно имѣло мѣсто гораздо прежде того времени, когда писалъ нашъ лѣтописецъ. Вотъ почему мы думаемъ, что г. Соловьевъ не вполнѣ правъ, принимая, безъ всякой критики, видовое названіе славянъ за родовое испоконъ вѣка. Во-первыхъ, какъ родовое названіе, оно и до сихъ поръ не есть народное, а книжное, литературное, и могло быть усвоено всѣмъ славянамъ по одному какому-нибудь племени, которое именно называлось славянами. Такъ думаютъ многіе; напримѣръ г. Савельевъ-Ростиславичъ говоритъ, что Іорнандъ разумѣлъ подъ славянами однихъ только словѣнцевъ и словаковъ, а не всѣ славянскія пле-

на, и что, слѣдовательно, нѣтъ никакого
ования распространять то, что онъ гово-
ъ о славянахъ, на всѣ племена, извѣст-
и намъ теперь подъ этимъ названіемъ.
ижайшимъ, сосѣднимъ съ греками и рим-
ами славянскимъ племенемъ были сло-
и и словенцы; по ихъ племенному назва-
прозваны всѣ славянскія племена, а по-
ъ отъ грековъ и римлянъ это состав-
ное родовое названіе перешло къ араб-
мъ и франкскимъ лѣтописцамъ (Слав.
рникъ, стр. 86 и 87). Правъ ли г. Са-
ьевъ или нѣтъ—другой вопросъ; но весь-
замѣчательно, что названіе славянъ, какъ
овое, неизвѣстно и до сихъ поръ самимъ
вянскимъ племенамъ, изъ чего мы и за-
чаемъ, что оно никогда такимъ и не было.
ожимъ, однако, что мы ошибаемся. Если
ь ошибочное мнѣніе, его слѣдуетъ сперва
овергнуть и потомъ уже дѣлать выводы;
г. Соловьевъ прямо прибѣгаетъ къ самому
ѣроятному изъ всѣхъ возможныхъ пред-
оженій, чтобъ объяснить, почему новго-
цы удержали названіе славянъ. Во-пер-
ъ, приписываемая новгородцамъ методич-
ть въ отличеніи себя названіемъ отъ со-
мениковъ вовсе несвойственна времени;
оцкіе кривичи, разселившіеся на значи-
ьномъ пространствѣ, сохранили же одно
ее названіе: отчего же не могли удер-
ть его и кривичи новгородскіе? Далѣе,
послѣдніе были позднѣйшими выселен-
ми, тѣмъ менѣе могли они сохранить во-
минаніе объ общемъ родовомъ названіи
аже присвоить его себѣ исключительно.
На стр. 46 г. Соловьевъ говоритъ:

„Указанія лѣтописца на многочисленность ти-
ковъ и угличей, на ихъ упорное сопротивленіе
ким князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра,
даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ
, дальше на востокъ, *не оставляютъ никакого*
нія, что это тѣ самыя племена, которыя Про-
ію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ
овъ".

Что касается до Іорнанда—можетъ быть;
очень трудно согласить извѣстіе Проко-
о жилищахъ Антовъ съ мѣстомъ изъ на-
начальной лѣтописи о поселеніяхъ угли-
и тиверцевъ. По свидѣтельству Проко-
безчисленные народы Антовъ жили даль-
къ сѣверу отъ Азовскаго моря, а ближе,
берегахъ этого моря, жили Утургуры; по
описи же, угличи и тиверцы сидѣли по
ному морю, по берегамъ Днѣстра и Днѣпра.
Во всякомъ случаѣ, извѣстіе Прокопія о „без-
численныхъ" народахъ Антовъ не можетъ
относиться къ однимъ угличамъ и тиверцамъ.

Съ 46-й страницы по 64-ю г. Соловьевъ
разсматриваетъ внутренній бытъ русскихъ
славянъ. Это, какъ мы сказали, лучшая часть
главы и читается съ большимъ удовольствіемъ. Мы позволимъ себѣ только обратить вниманіе автора на слѣдующія мѣста,
которыя намъ показались спорными. На страницѣ 54-ой г. Соловьевъ говоритъ:

„Одни писатели называютъ славянъ не-лука-
выми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объ-
ясняется извѣстіемъ, что между славянами господ-
ствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ
они не были между собою согласны; если одни въ
чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же на-
рушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ
другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ по-
виноваться другому. Такое поведеніе проистекало
естественно изъ разрозненности, особности быта
по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ
интересѣ внѣ интереса родового".

Намъ кажется, что и отсутствіе лукавства
и вѣроломство не имѣютъ ничего общаго съ
различіемъ мнѣній и отсутствіемъ согласія
между славянами: одно другимъ не объясняется. Г. Соловьевъ съ большимъ правомъ
могъ бы распространить и на эти, повидимому, противорѣчащія извѣстія, замѣчаніе,
сдѣланное имъ нѣсколько строкъ выше, по
поводу такихъ же разнорѣчивыхъ показаній
о добротѣ и въ то же время жестокости и
свирѣпости первоначальныхъ славянъ: „такъ
часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ,
добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ
влеченіямъ одной природы". Въ патріархальномъ обществѣ, не просвѣщенномъ христіанствомъ, и котораго всѣ религіозныя вѣрованія ограничиваются однимъ поклоненіемъ
явленіямъ и силамъ видимой природы, иначе
и быть не могло: въ такомъ быту противорѣчія легко уживаются одно возлѣ другого.

О гостепріимствѣ славянъ авторъ выражается такъ:

„Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство славянъ, ихъ ласковость къ иностран-
цамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного
мѣста въ другое; и если случится, что странникъ
претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію сво-
его хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается
противъ него, почитая священнымъ долгомъ от-
мстить за странника; о сѣверо-западныхъ славя-
нахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позво-
леннымъ украсть для угощенія" (стр. 55).

Это странное извѣстіе о позволительности самой кражи для угощенія странника г. Соловьевъ объясняетъ такъ:

„Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода“ (стр. 56).

Но какъ будто самъ недовольный этимъ объясненіемъ, прибавляетъ въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту:

„Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (ibid. I, cap. LXXXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ селеніи славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ угостить странника, на общій счетъ цѣлаго рода“.

Свидѣтельство, дѣйствительно, очень странное. Ошибся ли Гельмольдъ, принимая за кражу приносъ того, чего недоставало для угощенія, изъ чужого дома, или его извѣстіе должно принимать буквально — трудно рѣшить. И то и другое какъ-то невѣроятно. Но во всякомъ случаѣ, объясненіе г. Соловьева весьма неправдоподобно, потому что не соотвѣтствуетъ нравамъ и духу времени. Смотрѣть снисходительно на кражу и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что это кража, признавать ее за кражу,— это слишкомъ утончено, искусственно для первобытнаго общества. Месть сосѣдей хозяину, у котораго въ домѣ гость потерпѣлъ бѣду, явно показываетъ, что рѣчь идетъ не о членахъ одного рода; ибо, по мнѣнію самого же г. Соловьева, члены одного рода не могли мстить другъ другу (примѣч. 236). Такимъ образомъ предположеніе, что угощеніе покраденнымъ происходило насчетъ цѣлаго рода, едва ли можно допустить. Мы думаемъ, что это мѣсто покуда, до отысканія новаго свидѣтельства и аналогическихъ данныхъ, останется необъяснимымъ. Такихъ странныхъ извѣстій очень много, и едва ли не осторожнѣе оставить ихъ безъ объясненія, чѣмъ натягивать ихъ смыслъ.

На стр. 56 г. Соловьевъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе и объясненіе тоже весьма загадочнаго свидѣтельства императора Маврикія о положеніи плѣнныхъ у славянъ.

„Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они воль
или возвратиться къ своимъ, давши окупъ,
остаться жить между Славянами, въ качествѣ
дей водныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣти
что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ к
можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сил
во-первыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйств
ныя и общественныя отправленія сложны, р
кошь развита; во-вторыхъ, рабы нужны народа
хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые с
таютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою
звѣрями, единственно приличнымъ для свобод
человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ
женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всяк
явленію, такъ и къ явленію рабства посреди
народъ долженъ привыкнуть, для этого нар
долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать
бовъ посредствомъ купли, или воинственен
пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ б
завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жи
обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ
мыми простыми формами быта, быта родов
ихъ хозяйственныя отправленія были не тру
и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господс
вало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ т
и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чуж
при постоянной готовности покинуть свое мѣ
пребываніе и спасаться отъ врага, рабы м
только затруднять Славянское семейство, а
тому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ
вѣстно, что воинственность не была господс
ющею чертою Славянскаго народнаго характ
и что Славяне вовсе не гнушались земледѣл
скими занятіями. У народа, въ простотѣ родов
быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ б
шаго различія отъ членовъ семьи; онъ быв
также младшимъ членомъ ея, малымъ, вну
пень его повиновенія и обязанностей ко г
семьи одинакова со степенью повиновенія и
занностей младшихъ членовъ къ родоначальн
(стр. 56—57).

Все сказанное о положеніи рабовъ у с
вянъ весьма справедливо и дѣльно. Но н
водить въ числѣ причинъ, что рабы
имѣли большой цѣны, потому что мѣш
славянскому семейству спасаться, въ слу
нужды, бѣгствомъ,—странно! Да и поч
знать, были ли рабы у славянъ дороги
нѣтъ? Ихъ вывозили во множествѣ на п
дажу въ Ишиль и въ Константинополь.
этого скорѣе можно заключить, что они б
дороги. Что касается до невоинственности с
вянъ, то и это тоже было различно, смо
по племени и мѣсту, гдѣ оно жило. Са
же г. Соловьевъ, на стр. 48, приписыва
воинственный характеръ померанскимъ с
вянамъ. Намъ кажется, что свидѣтельст
Маврикія гораздо проще и естествен
объясняется патріархальнымъ характеро
славянскихъ племенъ и отсутствіемъ меж
ними гражданственности и развитого пов

тія о правѣ собственности. По этимъ причинамъ плѣнные и рабы становились у нихъ младшими членами семьи и находились въ одинаковомъ съ ними положеніи.

Нѣсколько ниже г. Соловьевъ дѣлаетъ очень много дѣльныхъ замѣчаній о способѣ заключенія браковъ у русскихъ славянъ, о различіи браковъ городскихъ и сельскихъ, и выводитъ извѣстныя намъ по лѣтописи и обрядамъ формы заключенія браковъ изъ древнѣйшаго быта нашихъ предковъ. Мѣстами, однако, и здѣсь встрѣчаемъ довольно спорныя объясненія. Такъ, наприм., о похищеніи невѣстъ читаемъ слѣдующее:

„Похищеніе могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужого рода, изъ чужого села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности, религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти оттого, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужого рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе естественно производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія“ (стр. 58).

„Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія“ (стр. 58—59).

„Вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться что-нибудь получить отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другого члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены“ (стр. 60).

Все сказанное о послѣдствіяхъ похищенія невѣсты и брака съ согласія ея родителей совершенно справедливо. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ могъ г. Соловьевъ смѣшать обыкновенные увозы и похищенія невѣстъ, которые, какъ можно заключить по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, производились иногда нападеніемъ, открытою силою, съ увозами или похищеніями, происходившими на игрищахъ — религіозныхъ языческихъ празднествахъ? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что жители сосѣднихъ селеній, зная навѣрное, что на игрищахъ непремѣнно произойдутъ похищенія невѣстъ, и негодуя на такія похищенія, несмотря на то, все-таки съѣзжались на нихъ и привозили своихъ дочерей? Что-нибудь изъ двухъ: или наученные опытомъ, они должны были не пускать ихъ на игрища, или не враждовать за увозы. Намъ кажется, что послѣднее вѣроятнѣе, и вотъ почему увозы на игрищахъ, какъ ихъ намъ описываетъ лѣтопись, очевидно были символическимъ дѣйствіемъ, обрядомъ, а не похищеніемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Религіозный характеръ игрищъ доказываетъ это несомнѣнно. Что въ основаніи такой формы заключенія браковъ лежало похищеніе, это вѣроятно. Во времена лѣтописца уже было иначе. Но обрядъ, какой бы онъ ни выражалъ первоначальный фактъ, допускаетъ и предварительное условіе, и приданое, и брачные подарки, однимъ словомъ всѣ принадлежности брака, заключаемаго по сговору.

Наконецъ, нельзя пропустить безъ вниманія слѣдующаго мѣста:

„Было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины. Впрочемъ, справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами“ (стр. 61).

„По свидѣтельству Массуди (Fr. Ibn Fosz., 317) если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай.— Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т. е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другого и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ“ (прим. 68).

Авторъ смѣшиваетъ здѣсь извѣстія о славянахъ съ извѣстіями о руссахъ. Если, по его мнѣнію (впрочемъ, нигдѣ прямо невысказанному), арабскія извѣстія о руссахъ должны быть относимы къ славянамъ, то мы не видимъ причины, почему на стр. 56 г. Соловьевъ говоритъ, что у славянъ „въ

одеждѣ, въ жилищахъ, господствовало отсутствіе всякой роскоши"; когда по арабскимъ извѣстіямъ (стр. 250), нитки бисера, особенно зеленаго цвѣта, составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, такъ что мужья ихъ *разорялись*, платя нерѣдко по диргему (отъ 15 до 20 коп. сер.) за каждую бисеринку. Такое неопредѣленное пользованіе источниками заставляетъ насъ снова пожалѣть, что въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи" мы не находимъ исчисленія и оцѣнки тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ варяжскому періоду. Въ критическомъ обозрѣніи ихъ ученый авторъ, конечно, изложилъ бы намъ свое мнѣніе о томъ, въ какой мѣрѣ вѣроятны или достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя о Россіи и русскихъ арабами, и почему въ одномъ случаѣ, ихъ извѣстія могутъ служить источникомъ для изученія славянскаго быта, а въ другомъ—не могутъ. Независимо отъ этого, намъ кажется, что г. Соловьевъ какъ-то слишкомъ отвлеченно и далеко объясняетъ слѣдованіе женъ за мужьями въ могилу. Женщины также мало нуждались въ мужьяхъ для входа въ рай, какъ мужья въ женахъ; да и не объ этомъ шла рѣчь. Загробная жизнь представлялась грубымъ язычникамъ какъ продолженіе здѣшней, со всѣми ея принадлежностями. Оттого съ умершимъ хоронили его женъ, рабовъ, любимаго коня, оружіе и т. д. Несамостоятельность женщины въ то время была причиной тому, что жена могла считать самоубійство послѣ смерти мужа обязанностью и добровольно прекращать свою жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобъ этотъ варварскій обычай могъ быть распространенъ между славянами, по крайней мѣрѣ тѣми, которые, вслѣдствіе разныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій, долго оставались погруженными въ чисто-патріархальный бытъ. Обычай этотъ предполагаетъ уже опредѣлившіяся языческія вѣрованія, нѣчто большее непосредственнаго поклоненія явленіямъ, предметамъ и силамъ природы. У племенъ воинственныхъ, конечно, онъ могъ образоваться и развиться скорѣе, чѣмъ у чисто земледѣльческихъ.

За разсмотрѣніемъ древняго быта русскихъ славянъ, слѣдуетъ изложеніе ихъ языческой религіи (стр. 64 — 72). Основной взглядъ г. Соловьева на этотъ предметъ весьма вѣренъ. „Религія восточныхъ славянъ" (говоритъ авторъ) „соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физичес
жествамъ, явленіямъ природы и душа
шихъ, родовымъ, домашнимъ геніям
довъ героическаго элемента, такъ
развивающаго антропоморфизмъ, мы
чаемъ у нашихъ славянъ: знакъ, чт
ними не образовались завоевательн
жины подъ начальствомъ вождей-ге
что переселенія ихъ совершались въ
дружинной формѣ" (стр. 64). Все эт
справедливо. Но въ самомъ изложен
вѣрованій есть, какъ намъ кажетс
произвольныхъ, недоказанныхъ и н
ныхъ предположеній.

На стр. 65 г. Соловьевъ говоритъ:
право думать, что Перунъ у языческ
вянъ носилъ еще другое названіе
Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (74
ходимъ доказательства: по-санскритс
имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ
денія по небу. Можетъ быть и так
жъ изъ этого? Далѣе приводится м
Ипатьевскаго списка, изъ котораго
между прочимъ, что Ѳеостъ, Ефест
канъ, египетскій Фтасъ есть славянс
рогъ: „царствующу сему Феостѣ въ
во время царства его, спадоша к
небесѣ, нача ковати оружье". Г. С
замѣчаетъ по этому поводу: „Ефес
богъ молніи, ковачь небеснаго, бо
наго оружія... но богъ молніи, богъ
есть Перунъ". И затѣмъ ужъ нѣтъ
названія Перуну, какъ „Сварогъ-П
Такое отождествленіе Перуна съ Св
потому только, что Сварогъ то же,
фестъ, а Гефестъ богъ молніи и Пер
молніи—неосторожно. Ни Гефестъ,
канъ, никогда не были богами молн
не видно ни въ одномъ изъ ихъ
сленныхъ аттрибутовъ. Въ доказа
ссылаемся на учебникъ греческой и
миѳологіи Геффтера (Die Religion d
chen und Römer etc., 2-е изд. Bran
1848. О Гефестѣ стр. 283 и слѣд.,
канѣ стр. 493—495). Гефестъ прежде
богъ литейнаго и кузнечнаго дѣла;
онъ сталъ богомъ огня; но это зна
есть второстепенное, производное.
былъ собственно богомъ огня, какъ
элемента вреднаго и враждебнаго че
Вулканъ сдерживалъ, обуздывалъ эт
Позднѣе, въ эпоху синкретизма язы
вѣрованій, на Вулкана перенесены бы
ставленія о Гефестѣ. Итакъ, всѣ ви

дробленіи ея, мы не имѣемъ рѣшительно никакого права дѣлать предположенія при тѣхъ данныхъ, которыя до сихъ поръ извѣстны. На чемъ, далѣе, основана вѣроятность догадки, что праздникъ Ярилы совпадалъ, въ эпоху язычества, съ праздникомъ Купалы? Игрище Ярилы справляется въ разныхъ мѣстностяхъ различно и въ разное время, и нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что одинъ изъ этихъ сроковъ былъ древній, а другіе — новые, измѣненные. На стр. 66 г. Соловьевъ, основываясь на изслѣдованіяхъ профессора Срезневскаго, доказываетъ, что святки, и теперь называемыя въ простомъ народѣ колядой, были временемъ жертвоприношеній, потому что слово *колдовать* (очевидно, одно и то же съ словомъ колядовать) до сихъ поръ въ хорутанскомъ нарѣчіи значитъ приносить жертву. Это весьма справедливо. Но имѣлъ ли авторъ малѣйшее право и поводъ выводить какое-то особенное отношеніе между святками и масляницею изъ того только, что колядскія пѣсни поются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ оба эти праздника? Коляда, по своему этимологическому значенію, есть терминъ общій, а не спеціальный; онъ могъ сохраниться для однихъ праздниковъ, а для другихъ исчезнуть. У насъ до сихъ поръ нѣсколько народныхъ праздниковъ носятъ названіе *субботъ*, *субботокъ*, очевидно, состоящее въ связи съ названіемъ *шабашъ*. Неужели по одному этому всѣ такіе праздники находятся въ связи между собою, и между ними непремѣнно было прежде извѣстное отношеніе? Далѣе, наши простонародные праздники, сохранившіе на себѣ замѣтный отпечатокъ язычества, до сихъ поръ, при тщательномъ изученіи, не даютъ ни малѣйшаго права заключать, что они происходили въ честь какого-нибудь божества. Олицетворенія, играющія роль при нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда, постоянно, изображаютъ самый праздникъ, Купало, Масляницу и т. д. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ отношеніи къ временамъ года, веснѣ и зимѣ, существуютъ довольно живо сохранившіяся воспоминанія о ихъ значеніи во времена язычества: зима—смерть; ее выносятъ изъ села, топятъ въ рѣкѣ. Такое же опредѣленное значеніе имѣютъ другія олицетворенія, напримѣръ Ярилы. Но олицетворенія Купалы, Масляницы, не представляютъ ничего подобнаго. Они изображаютъ праздникъ, не болѣе, и именно по этому, очень вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Какое же право имѣ
авторъ такъ рѣшительно относить праздни
Купалы къ тому или другому стихійно
божеству? Гдѣ для этого данныя? Въ дово
неніяхъ къ первому тому „Исторіи Росс
г. Соловьевъ, разбирая споръ, возник
между нами и г. Аѳанасьевымъ, по пово
статьи: „Вѣдунъ и Вѣдьма“, замѣчаетъ:
Кавелинъ, справедливо вооружаясь проти
нѣкоторыхъ произвольныхъ предположе
г. Аѳанасьева, вмѣстѣ съ тѣмъ перегну
дугу въ противоположную сторону“ (стр.
Это дѣйствительно можетъ быть и такъ;
мому трудно судить объ этомъ, потому
въ дѣлѣ славяно-русской миѳологіи лич
взглядъ до сихъ поръ еще не имѣетъ об
тивной повѣрки: факты такъ еще шат
такъ неразработаны. Но г. Соловьевъ
гласится, что для перегибанія дуги въ с
рону противоположную всѣмъ другимъ из
дователямъ мы имѣли болѣе чѣмъ достат
ное основаніе: они, и въ томъ числѣ са
г. Соловьевъ, гнули ее въ свою сторону та
что наконецъ натяжка стала очевидна
всѣхъ и каждаго. Въ наше время слав
русская миѳологія, какъ она выходитъ и
подъ пера изслѣдователей,—не исторія,
вымыселъ, да притомъ вымыселъ почти
напоминающій исторію. Гипотезы, которы
завалена эта миѳологія, не опираются на
вокупности миѳологическихъ данныхъ,
хранившихся отъ временъ язычества, а
миѳологическихъ системахъ европейски
ученыхъ. Труды послѣднихъ, достойные
сокаго уваженія въ отношеніи къ грече
и римской миѳологіямъ, оставляютъ еще м
гаго желать въ отношеніи къ славянск
язычеству. А между тѣмъ, какъ нарочи
воззрѣнія этихъ-то ученыхъ, выработавшія
подъ вліяніемъ классическаго язычества,
реносятся въ наши языческія вѣрова
иными сознательно, другими безсознатель
потому только, что ужъ однажды слож
извѣстное представленіе о язычествѣ,
представленіе считается за несомнѣ
истину, за общее начало, равно присущ
всѣхъ языческихъ религіяхъ. Вотъ
чего мы всего болѣе вооружались въ
о „Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ“. Отвѣтъ г. Аѳа
удивилъ насъ, но не убѣдилъ. Можетъ
еще представится когда-нибудь слу
говорить подробнѣе о русской ми
объ отвѣтѣ г. Аѳанасьева. Теперь
тимся къ изслѣдованіямъ г. Солов

стр. 68 авторъ переходитъ къ изло-
ю вѣрованій славянъ въ геніевъ и души
шихъ. Намъ показался и этотъ отдѣлъ
ифологическихъ изслѣдованій очень сла-
и преисполненнымъ гипотезами. Вотъ
инныя слова г. Соловьева:

„Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ боже-
ъ, теперь обратимся къ другой половинѣ
нской миѳологіи, именно къ поклоненію ге-
и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загроб-
кизнь, естественно было придти къ тому мнѣ-
что душа умершаго родоначальника и по
я блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда
хожденіе духовъ покровителей для цѣлаго ро-
каждаго родича- *рода и рожаницъ*. Что подъ
мъ рода разумѣлась душа умершаго родона-
ика, доказываетъ, во-первыхъ, связь рода съ
мъ, а во-вторыхъ, извѣстіе, что подъ име-
рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, ко-
ъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія
ановенно принимаютъ души умершихъ, и бо-
а тѣсно съ ними связанныя. Въ значеніи
божества-покровителя является щуръ дѣдъ,
дъ, что ясно изъ употребительнаго *пращуръ*;
предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которымъ
мъ собственно и извѣстно божество, охра-
ее родъ, домъ. Это божество призывается и
ь безсознательно въ опасностяхъ, особенно,
простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ
духовъ: „Чуръ меня! Чуръ меня!“ говоритъ
тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ
и то же; можно думать также, что съ упад-
родового быта и съ усиленіемъ христіанства
ъ язычества, Чуръ, или родъ перешелъ въ
вого.

Младенчествующій народъ не могъ понимать
шаго существованія за гробомъ, и представ-
души праотцевъ доступными для всѣхъ ощу-
этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть
ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ
весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекра-
и и ночной путь для душъ, которыя подни-
я къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой
– Это мнѣніе естественно проистекало изъ
женія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ
ч., которыхъ вліяніе должно было прости-
на весь міръ, видимый и невидимый. Въ
праздникъ поворожденнаго солнца, въ пер-
мнюю коляду, мертвые уже вставали изъ
и устрашали живыхъ: отсюда и теперь
святокъ считается временемъ странствова-
въ. Масляница, весенній праздникъ солнца,
Пасхѣ и поминовенная недѣля, на что прямо
тъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго
я. Съ древней Масляницы, т. е. съ начала
живые здороваются съ усопшими, посѣща-
могилы, и праздникъ *Красной Горки* сое-
ся съ *Радуницею*, праздникомъ свѣта, солн
умершихъ; думаютъ, что души покойни-
стаютъ тогда, во время поминовенія изъ тем-
гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу
съ пришедшими.

непосредственной связи съ вѣрованіемъ,
что весною души умершихъ встаютъ для наслаж-
денія новою жизнью природы, находится празд-
никъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки
вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было
нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но
отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное
что, какъ души умершихъ, выходящія весною на-
слаждаться оживленною природою. Народъ теперь
вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умер-
шихъ безъ крещенія, но когда всѣ Славяне уми-
рали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны
были становиться русалками? Русалки появляются
съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и *кликали мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Меня мати породила, некрещену положила“. Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ, на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ; поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски,—обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобъ пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками; мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

„У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны совершались проводы послѣднихъ. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище – провожанье русалокъ въ могилы. Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ *Навьи*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки)“ (стр. 68, 69 и 70).

Объ этихъ мнѣніяхъ г. Соловьева мы также имѣли случай говорить довольно подробно въ разборѣ „Архива“ г. Калачова. Сколько помнится, г. Афанасьевъ нашелъ доводы наши противъ тожества домового съ душами умершихъ предковъ если не совершенно убѣдительными, то по крайней мѣрѣ заслуживающими вниманія. Г. Соловьевъ, какъ видно, судилъ объ этомъ иначе; статья его объ этой отрасли вѣрованій русскихъ славянъ осталась безъ всякихъ измѣненій. Какъ читатель самъ можетъ удостовѣриться, родъ и рожаница, извѣстные доселѣ только по имени, точно такъ же произведены въ званіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича, и въ должность душъ умершихъ родоначальниковъ; точно такъ же является, и съ тѣмъ же значеніемъ, *щуръ* — извѣстный только изъ составного слова пращуръ, и чуръ, извѣстный изъ одного только зачурянья; выводъ, разумѣется, тотъ же, именно, что *чуръ и родъ* одно и тоже, и что съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ христіанства чуръ перешелъ въ домового. Все это, по словамъ г. Соловьева, и „естественно“ и „ясно“ и „можно положить“ и „можно думать“. Но убѣдительно ли это—вотъ вопросъ. Все, что говорится о вѣрованіи въ души умершихъ предковъ, какъ духовъ-покровителей, къ сожалѣнію, совершенно бездоказательно. Тѣнь доказательства—но только тѣнь, никакъ не болѣе — представляетъ разсужденіе, почему подъ именемъ рода должно разумѣть душу умершаго родоначальника. Мы называемъ доводы г. Соловьева въ этомъ мѣстѣ тѣнью доказательствъ, потому что никто, конечно, не увидитъ никакой связи между родомъ и упыремъ изъ свидѣтельства одного сборника Кириллова монастыря: „Словѣне ти начаша требы класти роду и рожаницамъ, прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ“; то-есть славяне прежде приносили жертвы роду и рожаницамъ, а потомъ упырямъ и берегинямъ. Какая тутъ связь? Да и что жъ бы изъ нея слѣдовало, еслибъ она и дѣйствительно была? Упырь—просто мертвецъ, а не предокъ, не родоначальникъ, даже не родственникъ. Потомъ: родомъ стращали дѣтей. Стало быть, говоритъ г. Соловьевъ, родъ былъ духъ, привидѣніе. Да кто жъ это сказалъ, изъ чего это видно? Ну, а привидѣніе, продожаетъ г. Соловьевъ,—стало быть, умершій родоначальникъ, или предокъ, потому что характеръ привидѣній принимаютъ души
шихъ и божества, съ ними тѣсно связ
Любопытный рядъ посылокъ, которыя
въ себѣ не вѣрны, да и между собой
не связаны. Слова текста вотъ какія:
бѣгаютъ рода“. Ну, что жъ? Они б
лѣшаго, банника, водянаго: и это вс
родоначальниковъ, привидѣнія, тѣни
шихъ? „Употребленіе единственнаго „
множественнаго рожаницы, говоритъ
ловьевъ въ 90 примѣчаніи, можетъ
ниться представленіемъ языческой сем
одинъ отецъ окруженъ многими жена
одномъ отцѣ (родѣ) было много матер
жаницъ)“. Положимъ, что это совер
справедливо. Да вѣдь говоря — пред
разумѣемъ не одного умершаго дѣд
прадѣда, положимъ со всѣми бабушк
всѣхъ и прадѣдовъ, и прапрадѣдовъ,
щуровъ и т. д. Отчего жъ всѣ они яв
однимъ лицомъ, а предки женскаго рода
дая въ своемъ? Это странно!

„Изъ этого (приведеннаго нами вы
вѣстія (говоритъ въ томъ же прим
г. Соловьевъ) видимъ, что поклоненi
и рожаницамъ смѣнило поклоненіе у
и берегинямъ; перемѣнилось названі
ченіе осталось одно и то же; упырь с
ствуетъ роду, берегиня — рожаницѣ;
вѣстно, что упырь есть мертвецъ“. Что
—мертвецъ, конечно, очень хорошо из
Но кто же сказалъ, что упырь соотвѣт
роду, берегиня—рожаницѣ? Изъ каки
дѣтельствъ это видно? Въ сборникѣ К
Бѣлозерскаго монастыря, послѣ выпис
нами словъ, читаемъ слѣдующее: „По с
крещеньи Перуна отринуша, а по Хор
таетъ г. Соловьевъ) бога яшась, но і н
украінамъ молятся ему проклятому б
руну и Хорсу (опять читаетъ г. Солов
мокоши і вилу і то творят отаі“. Разсу
примѣру г. Соловьева, мы имѣли бы пра
лать такой выводъ: Перунъ соотвѣт
упырю, Хорсъ (если г. Соловьевъ не
читая такъ) берегинѣ: перемѣнилось на
значеніе осталось одно. Что жъ? Всѣ
бы такой выводъ страннымъ, а почем
тому что мы знаемъ, что значитъ упы
рунъ и Хорсъ. Но ужели выводъ
ловьева можетъ быть названъ вѣрн
тому только, что мы совершенно не
знаемъ о значеніи рода и рожаницы; не
даже, относятся ли они къ языческим
рованіямъ русскихъ или другихъ сла

выходятъ и на могилы для поминокъ" (Сказ. Русск. Народа, Т. II., Русск. Народ. Годовщ. стр. 83 и 84). Такимъ образомъ, доказавъ, какъ мы думаемъ очень убѣдительно, что русалокъ нельзя относить къ разряду стихійныхъ геніевъ, или олицетвореній, г. Соловьевъ не опредѣлилъ, что же онѣ были именно, и въ чемъ заключалось безспорное различіе ихъ отъ прочихъ душъ умершихъ?—Почему г. Соловьевъ ставитъ водяныхъ дѣдушекъ и лѣшихъ въ тѣсную связь съ русалками—мы не знаемъ. Съ кикиморами они дѣйствительно имѣютъ связь, и повидимому довольно близкую, если только повѣрья о кикиморахъ не измѣнились подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій: но водяные и лѣшіе—стихійные, природные геніи: что могли они имѣть общаго съ русалками, душами умершихъ?

Къ этимъ главнымъ замѣчаніямъ прибавимъ еще слѣдующія. Г. Соловьевъ (примѣчаніе 95) находитъ, что корень слова *Радуницы* есть *рад*, что значитъ свѣтъ, radius. Но эта этимологія далека. Не ближе ли производить это слово отъ слова „радоваться"? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *радуница* называется *радованицею*. При живомъ вѣрованіи въ возвращеніе мертвыхъ весною на землю, это время и должно было быть временемъ радости. Вспомнимъ, какъ родные покойниковъ до сихъ поръ еще въ Бѣлоруссіи призываютъ ихъ къ себѣ „хлѣба и соли откушать". — Въ примѣчаніи 103 г. Соловьевъ, недовольный и безъ того весьма убѣдительными доказательствами, что масляница была также праздникомъ въ честь мертвыхъ, ссылается еще на связь ея съ Семикомъ. Смѣемъ увѣрить его, что эта связь позднѣйшаго происхожденія, и ничего не доказываетъ; она образовалась изъ того, что масляница справляется за семь недѣль до Пасхи, а Семикъ въ седьмую недѣлю по Пасхѣ.—Въ примѣчаніи 90 г. Соловьевъ, на основаніи приведеннаго нами выше мѣста изъ сборника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, найденнаго г. Шевыревымъ, утверждаетъ, что „треба, покормъ, жертва, преимущественно назначались для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну". Но это совершенно произвольный выводъ: жертвоприношенія, требы, покормы появились, когда предметы языческаго поклоненія были олицетворены и имъ приписаны человѣческіе аттрибуты. *Весну встрѣчаютъ* у насъ до сихъ поръ съ пирогомъ; къ звѣздамъ дѣвушки об
щаются тоже съ пирогомъ. Однимъ слово
покормъ относится ко всѣмъ олицетвор
нымъ и обожаемымъ предметамъ; не вк
никакого преимущества надъ ними ду
умершихъ; да его и не могло быть.—
томъ же примѣчаніи, на основаніи того
свидѣтельства, г. Соловьевъ выводитъ,
„когда, вслѣдствіе распространенія христ
ства, поклоненіе Перуну должно было
кратиться, то поклоненіе Хорсу (соли
долго еще оставалось въ силѣ, потому
дѣятельность этого божества ближе къ
ловѣку, чаще проявляется: Перунъ когда
ударитъ, а солнце видимо каждый день;
главные праздники были тѣсно связаны
поклоненіемъ солнцу, и потому долго
могли отстать отъ него". Въ этомъ тол
ваніи нельзя не замѣтить желанія объясн
все, даже тѣ факты, которые намъ едва з
комы; другого, объективнаго значенія оно
имѣетъ, потому что слишкомъ предполож
тельно, легко, и даже нѣсколько нав
Куда, напримѣръ, будетъ оно годиться, е
г. Соловьевъ не такъ прочелъ слово Хор
Вся система его должна неминуемо рушить
Въ примѣчаніи 103 читаемъ, что „битье
ладоши есть *обычай* русалокъ". Почему
такъ? Битье въ ладони есть выраженіе
дости и является во всѣхъ нашихъ нар
ныхъ свадебныхъ и другихъ праздникахъ
На стр. 70 и въ примѣчаніи 106 мы встр
чаемъ мысль, основанную на изслѣдованіи
г. Буслаева, будто бы мертвецовъ предс
ляли себѣ въ видѣ карликовъ. Это о
могло быть; только подобное представле
нисколько не относится къ вѣрованіямъ
скихъ славянъ, потому что у нихъ
находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этих
рованій. Наконецъ, въ примѣчаніи 109 м
чаемъ странную мысль, противорѣчащу
нымъ всѣхъ языческихъ религій, бу
„доброе или бѣлое волшебство проис
изъ существа женщины, тогда какъ
книжіе, по своему характеру, есть му
Стоитъ вспомнить о нашихъ кол
вѣдьмахъ, бабѣ-ягѣ, чаровницахъ,
тельницахъ старинныхъ сказаній и
чтобъ убѣдиться, какъ неосновате
добное заключеніе.

Послѣ этого, по возможности с
бора статьи о языческихъ религіо
рованіяхъ русскихъ славянъ, мы
вправѣ повторить сужденіе о ней,

вѣкѣ, сознаются, что сами собою не могутъ устроить у себя порядка и отправляются къ иноплеменникамъ, въ чужую страну, просить помочь имъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, утвердить у нихъ судъ и правду? Такое единодушное признаніе собственнаго безсилія въ народахъ, изъ которыхъ образовалась могущественнѣйшая держава въ мірѣ, доказавшая и доказывающая на дѣлѣ прочность своихъ государственныхъ основъ, въ самомъ дѣлѣ непостижимо, особенно въ такое отдаленное время.

Карамзинъ въ первомъ томѣ своей исторіи пытался объяснить призваніе варяговъ; но это объясненіе скоро оказалось неудовлетворительнымъ, и теперь оставлено. Г. Полевой схватилъ одно общее значеніе этого факта въ русской исторіи. „Гораздо прежде 859 г. (говоритъ онъ) Варяги являлись на берегахъ Финскаго залива, налагали дани, встрѣчали сопротивленіе, были изгонлемы, и около 862 г. только рѣшительно укрѣпились въ земляхъ Чуди, Мери, Веси и Ильмери, срубивъ деревянные свои городки, или крѣпости, подлѣ чудскихъ и славянскихъ селеній, на озерахъ Чудскомъ, Ладожскомъ и Бѣломъ. Тогда кончилась независимость окрестныхъ финскихъ и славянскихъ народовъ. Смерть братьевъ Рюрика предала въ его волю Бѣлоозерскій и Чудскій городки сихъ двухъ князей. Онъ отправилъ своихъ правителей въ бывшія мѣста пребыванія братьевъ, и самъ перешелъ къ Ильменю, гдѣ Новый городъ, имъ срубленный, сдѣлался главнымъ мѣстомъ его пребыванія. Сбылось то, что дѣлали Варяги въ другихъ мѣстахъ. Новые пришельцы съ береговъ скандинавскихъ начали собираться въ притоны варяжскіе. Одни селились въ городкахъ Рюриковыхъ; другіе шли далѣе. Рюрикъ сталъ богатымъ владѣтелемъ, укрѣпился дружиною, и здѣсь положено было начало перваго Русскаго княжества“. (Исторія Русскаго Народа, т. I, по 2-му изд. стр. 55). Объясняя такимъ образомъ прибытіе варяговъ-Руси на княженіе къ сѣвернымъ племенамъ, г. Полевой совершенно опустилъ изъ виду разсказъ лѣтописца о призваніи, и даже не объясняетъ, почему оставилъ его въ сторонѣ. Можно догадываться, что г. Полевой не считалъ этотъ разсказъ правдоподобнымъ, или онъ не казался ему заслуживающимъ особеннаго вниманія. Но тогда ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ объяснить, какъ могло образоваться преданіе о призваніи. Г. Полевой н сдѣлалъ и этого. Такимъ образомъ авто „Исторіи русскаго народа“ рѣшилъ важны вопросъ о началѣ русскаго государства толь вполовину и не совсѣмъ удовлетворительн новые вопросы, рождающіеся изъ его рѣш нія, оставлены имъ безъ отвѣта.

Г. Соловьевъ разсматриваетъ предметъ с вершенно иначе, чѣмъ его предшественник Его взглядъ прямо противоположенъ взгля г. Полеваго. Для послѣдняго вся истор ческая важность событія заключается, ка мы видѣли, въ окончательномъ утвержде варяжскаго владычества въ Россіи; для Соловьева, напротивъ, національность вар говъ — вопросъ второстепенный, неважны

„Кромѣ Грековъ новорожденная Русь нах дится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сно ніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Но манами: отъ нихъ пришли первые князья. Но манны составляли главнымъ образомъ первон чальную дружину, безпрестанно являлись при дво нашихъ князей, какъ наемники участвовали поч во всѣхъ походахъ,—каково же было ихъ вліян Оказывается, что оно было незначительно. Но манны не были господствующимъ племенемъ, о только служили князьямъ туземныхъ племенъ; мн гіе служили только временно; тѣ же, которы оставались въ Руси навсегда, по своей численно незначительности, быстро сливались съ туземцам тѣмъ болѣе, что въ своемъ народномъ бытѣ н находили препятствій къ этому слиянію. Такимъ образомъ при началѣ Русскаго общества не м жетъ быть рѣчи *о господствѣ* Норманновъ, о нор манскомъ періодѣ“ (предисл. стр. VI).

Въ другихъ мѣстахъ книги та же мы выражена еще яснѣе. Такъ въ 162-мъ пр мѣчаніи, опровергая взглядъ г. Погодина н это событіе, г. Соловьевъ говоритъ: „Г. По годинъ видитъ въ событіи только приход норманновъ въ нашу славянскую землю; з здѣсь дѣло не въ норманнахъ, не въ наро ности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ к кимъ они пришли“. Въ самомъ концѣ пер ваго тома читаемъ слѣдующее: „Если влія ніе норманской народности было незначи тельно, если, по признанію самыхъ сильных защитниковъ норманства, вліяніе варяго было болѣе наружное, если такое наружно вліяніе могли одинаково оказать и дружин славянъ поморскихъ, столько же храбрыя предпріимчивыя, какъ и дружины сканди навскія, то ясно, что вопросъ о національ ности варяговъ-Руси теряетъ свою важност въ нашей исторіи“ (стр. 279).

Но въ той мѣрѣ, какъ варяжскій элемент

летъ свою значительность въ русской исто-
подъ перомъ г. Соловьева, фактъ при-
нія получаетъ въ его книгѣ большее зна-
іе. Оно, по его мнѣнію, есть органиче-
е явленіе въ исторіи племенъ, изъ ко-
ыхъ образовалось наше государство, фактъ
россійскій, какъ выражается авторъ. Эта
ль выражена весьма опредѣлительно во
гихъ мѣстахъ книги. Приведемъ здѣсь
ько нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя.

„При изображеніи нравовъ и обычаевъ Сла-
ъ вообще, замѣчено уже было, что родовой
ъ условливалъ между ними вражду, на кото-
такъ прямо указываютъ писатели иностран-
, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ под-
ждаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ
, племена начали владѣть сами собою, то не
ю у нихъ правды, т.-е., безпристрастнаго рѣ-
нія споровъ; не было у нихъ устава, который
всѣ согласились исполнять, не было власти, ко-
ая бы принудила ослушниковъ къ исполненію
нятаго устава. При столкновеніяхъ между ро-
и, при общихъ дѣлахъ, рѣшителями споровъ
женствовали быть старшины родовъ. Но могли
они рѣшать споры безпристрастно? Каждый
ршина былъ представителемъ своего рода, блю-
телемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкно-
іяхъ между членами родовъ, каждый старшина
занъ былъ не выдавать своего родича; кто бу-
ъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами?
умѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать
родъ, и сила должна утвердить право. Исторія
мени и города, которые имѣли такое важное
ченіе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія
вянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, пред-
лляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ
ніемъ времени родовыя отношенія здѣсь ис-
ли; но пять концовъ съ своими старостами
оминали о пяти родахъ, изъ которыхъ могло
ставиться первоначальное народонаселеніе, и
жда между концами заступила мѣсто родовой
жды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ,
ъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остал-
брали сторону того или другаго, а иногда
авались спокойными зрителями борьбы. Роды,
кнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому
емившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣ-
ію отношеній между собою, должны были ис-
ь силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, на-
ъ, должны были искать правительства, которое
о бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника
спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ.
стную судью, а такимъ могъ быть только князь
чужаго рода. Установленіе наряда, нарушен-
о усобицами родовъ, было главною, единствен-
цѣлью призванія князей; на нее лѣтописецъ
мо и ясно указываетъ, не упоминая ни о ка-
ъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣто-
ца совершенно согласно со всѣми обстоятель-
ами, такъ что мы не имѣемъ никакого права
ать свои предположенія. Но кромѣ прямого и
аго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей,
ъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подоб-
ныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца; есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя. У внука Рюрикова новгородцы просятъ князя, и, въ случаѣ отказа, грозятъ найти другого. Вотъ что сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: „Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства“. Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ“ (стр. 88 и 89).

„Какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства,—это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, славянскія и финскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ; потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобъ посредствомъ ихъ сосредоточивать и другія: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать“ (стр. 90 и 91).

„Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнью вслѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ: и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужого рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое-либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ“ (стр. 210).

Такимъ образомъ призваніе варяжскихъ князей было органическимъ явленіемъ родового быта. Когда роды не могли поладить между собою, не хотѣли уступить другъ другу, явилась необходимость избрать, для прекращенія происходившихъ оттого смутъ и междоусобій, посредника, миротворца, третьяго

го судью; а такимъ могъ быть только князь, непричастный усобицамъ, слѣдовательно, равно безпристрастный ко всѣмъ враждовавшимъ между собою. Это – основная мысль г. Соловьева. Почему она преобладаетъ въ его книгѣ, почему призваніе является у г. Соловьева на первомъ планѣ — объяснить не трудно. Въ послѣднее время изслѣдователи русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій: внѣшняя ихъ сторона, такъ усердно обрабатываемая прежде, поставлена теперь на второмъ планѣ. При этомъ направленіи, взглядъ на начало русской исторіи долженъ былъ измѣниться. Возможность призванія варяговъ, бытовое его значеніе, какъ и весьма естественно, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности варяговъ. Мало этого: изслѣдованіе органическаго, постепеннаго развитія русской исторіи и отсутствія въ ней явныхъ слѣдовъ глубокаго чуждаго вліянія, должны были привести къ мысли, что были варяги германо-скандинавы, или славяне—все равно. Какого бы они ни были племени, варяги не оставили послѣ себя слѣдовъ; слѣдовательно, вопросъ о ихъ національности — дѣло историческаго любопытства, не болѣе. Г. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ и, надо отдать ему справедливость, представителемъ весьма полнымъ и послѣдовательнымъ. Онъ не только подробно излагаетъ свой взглядъ, но старается разрѣшить и всѣ сомнѣнія, дѣлающія событіе невѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ, весьма страннымъ. Какъ могли соединиться между собою финны и славяне? Какъ могла имъ прійти мысль призвать князей изъ племени враждебнаго и чуждаго по происхожденію? Эти вопросы г. Соловьевъ рѣшаетъ такимъ образомъ:

„Нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья Варяго-Русскіе и дружина ихъ была происхожденія Славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же славянамъ, не могли призывать чужихъ,—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена германское и славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ [illegible] тіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія провела еще между ними рѣзкихъ разграничительныхъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе варяжскихъ князей; послѣ новгородцы и псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей варяговскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: мещь, ляхъ, татаринъ, бурятъ становились полезными членами русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію Православной церкви: это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало; поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ [illegible] гами скандинавскими у нашихъ сѣверянъ и вятичей была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы новгородцы и кривичи по нашимъ настоящимъ понятіямъ непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ славянина, то не надобно забывать, что въ странѣ съ ними были племена финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія“ (стр. 84—85).

„Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя [illegible] гія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописномъ разсказѣ о призваніи князей. Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ славянскихъ и [illegible] скихъ: что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь съ завоеваніемъ варяжскимъ, какъ впослѣдствіи остальныя разрозненныя славянскія племена были приведены въ связь съ князьями изъ рода Рюрикова. Это тѣсная связь между Чудью, Весью, славянами ильменскими и кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи варяговъ, и потомъ въ призваніи князей“ (стр. 89).

Вотъ взглядъ г. Соловьева. Нельзя назвать этотъ взглядъ совершенно новымъ; но въ „Исторіи Россіи“ онъ въ первые высказанъ весьма подробно, отчетливо и со всѣми своими необходимыми послѣдствіями. Намъ кажется, что имъ долженъ заключиться длинный рядъ различныхъ рѣшеній вопроса о призваніи варяговъ. Придумать еще новое на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми теперь располагаетъ наука, едва-ли возможно.

Отдавая г. Соловьеву всю должную справедливость, мы не можемъ назвать его изслѣдованіе объ этомъ предметѣ вполнѣ удовлетворительнымъ. Кромѣ разныхъ обстоятельствъ, которыми, по начальной лѣтописи, сопровождалось призваніе и которыя очень трудно объяснить, оно не имѣетъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, какъ бы вставка, отсутствіе которой не измѣняетъ естественнаго хода первоначаль[illegible]

й исторіи. Каждому изъ нашихъ чи-
й извѣстно, что, начиная съ VI вѣка,
но въ IX, X и XI вѣкахъ, норманскія
ны, подъ предводительствомъ храбрыхъ
ихъ королей, объѣздили почти всю Ев-
проникая далеко внутрь странъ че-
устья рѣкъ. Въ IX вѣкѣ они откры-
Фароерскіе острова, Исландію, Геб-
е острова и первые между европей-
– Америку: такъ далеко простирались
транствія. Славянскія земли оботритовъ
кленбургѣ и Помераніи), Нидерланды,
и, Франція, Англія, Испанія, южная
, Эпиросъ, острова Цикладскіе, Критъ,
е Кипръ испытали ихъ набѣги и опу-
нія. Предпринимая такія отдаленныя
иціи, норманны не могли оставить въ
ближайшіе къ нимъ берега Балтій-
моря. По устьямъ рѣкъ и сѣти вод-
нутей, которыми покрыта теперешняя
они рано должны проникнуть внутрь
, и далѣе до Каспійскаго, Азовскаго
наго морей. Такъ какъ здѣсь въ IX
е было государства, некому было сдѣ-
мъ отпоръ, то нѣтъ ничего невѣроятна-
они безпрепятственно ходили по этимъ
мъ путямъ. Извѣстія, относящіяся къ
древнѣйшей исторіи, подтверждаютъ
дливость этихъ заключеній, которыя
было вывести a priori, зная только
новъ и географію Россіи. Изъ нашей
си видно, что варяги владѣли сѣвер-
племенами. Съ котораго времени—лѣ-
цъ не знаетъ; ему извѣстно только,
859 году варяги уже брали съ нихъ
ю описаніе воднаго пути изъ варягъ
ки и названія днѣпровскихъ пороговъ
авляютъ никакого сомнѣнія въ томъ,
адычество варяговъ въ Россіи нача-
ьиздавна; иначе путь этотъ не назы-
бы такъ, и въ нѣсколько лѣтъ не
быть усвоены днѣпровскими порогами,
съ славянскими, особыя скандинаво-
скія названія. Въ теченіе трехъ лѣтъ,
едственно слѣдующихъ послѣ перваго
я о владычествѣ варяговъ въ сѣвер-
ссіи (въ 860, 861 и 862 годахъ), ва-
ыли изгнаны, призваны Рюрикъ, Си-
и Труворъ; двое изъ нихъ скончались,
икъ остался единовластителемъ надъ
ыми племенами.

ѣ призванія, дѣятельность варяговъ
сіи была точно такая же, какъ и вездѣ,
олько они являлись; тотчасъ же, по
прибытіи, они начинаютъ воевать всюду, облагаютъ данью сосѣднія племена, предпринимаютъ отдаленные походы въ Византію, на берега Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и до временъ Владиміра не могутъ утвердиться на одномъ мѣстѣ: Олегъ изъ Новгорода переходитъ въ Кіевъ; Святославъ задумываетъ двинуться еще далѣе на югъ; ему хочется утвердиться съ дружиною въ Болгаріи; въ Кіевѣ ему не сидится. Только со временъ Владиміра прекращается эта безпокойная дѣятельность: но при немъ варяжскіе пришлецы и дружинники начинаютъ уже ослабѣвать въ Россіи. Самъ великій князь Владиміръ уже смотритъ на нихъ съ недовѣрчивостью. При Ярославѣ, въ XI вѣкѣ, дѣятельность ихъ въ Россіи совершенно прекращается, какъ и въ остальной Европѣ.

Добровольно ли подчинялись этимъ завоевателямъ племена, обитавшія въ Россіи, или они были завоеваны? Есть примѣры и добровольнаго подданства, и примѣры покоренія, и нельзя сказать, чтобъ то или другое являлось преобладающимъ, характеристическимъ въ русской исторіи; племена, соглашавшіяся платить дань, не подвергались принужденію и, можетъ быть, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, платили дань меньше; тѣ, которыя не соглашались, были къ тому принуждаемы силою. Таковъ характеръ распространенія владѣній первыхъ русскихъ князей. До призванія, варяги берутъ дань съ сѣверныхъ племенъ; послѣ призванія, въ продолженіе всей норманской эпохи, они являются не мирными правителями, но воинственными дружинниками, даже въ самомъ Новгородѣ. Такимъ образомъ посольство и призваніе представляются въ нашей древнѣйшей исторіи событіемъ эпизодическимъ, одинокимъ, безъ связи съ тѣмъ, что было до него, и съ тѣмъ, что происходило послѣ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ весьма полновѣсный въ настоящемъ вопросѣ авторитетъ г. Погодина. Всѣ знаютъ, какое важное значеніе онъ придавалъ различію призванія и завоеванія въ нашей исторіи; на немъ онъ основывалъ существенное различіе въ судьбахъ Россіи и остальной Европы. Но когда одинъ рецензентъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ опровергалъ важность этого различія фактами варяжскаго періода, то самъ г. Погодинъ нашелъ доводы столь убѣдительными, что въ „Москвитянинѣ“, печатно, почти согласился съ рецензентомъ

словами: „можетъ-быть онъ и правъ“. Мы потому придаемъ этому особенную важность, что лучшая часть историко-критическихъ изслѣдованій г. Погодина, безспорно, принадлежитъ варяжскому періоду, для котораго онъ много сдѣлалъ; сверхъ того, г. Погодинъ, какъ испытали многіе изъ его рецензентовъ и критиковъ, неохотно отступаетъ отъ своихъ ученыхъ выводовъ, даже когда они явно ошибочны.

Послѣ всего сказаннаго, имѣетъ ли въ нашей исторіи особенную важность фактъ призванія? Мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Варяги владѣли у насъ и прежде призванія, и послѣ. Общій ходъ событій былъ таковъ, что они, во всякомъ случаѣ, должны были утвердиться въ Россіи и, утвердившись, дѣйствовали сообразно съ своимъ характеромъ, достаточно извѣстнымъ изъ ихъ походовъ въ другія страны. Слѣдовательно, образъ прибытія ихъ къ намъ нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Поэтому, далѣе, есть нѣкоторое основаніе усомниться и въ самой дѣйствительности этого событія. Кромѣ приведенныхъ нами выше вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ натяжекъ и невѣроятныхъ предположеній, подлинность его неправдоподобна по слѣдующему соображенію. По лѣтописи, какъ мы видѣли, изгнаніе варяговъ, междоусобія внутри племенъ, ихъ соглашеніе призвать князей, прибытіе князей, двухлѣтнее владычество Синеуса и Трувора и кончина ихъ, наконецъ, соединеніе ихъ владѣній подъ властью Рюрика,—все это совершилось въ три года; выключимъ изъ нихъ два года княженія Синеуса и Трувора, и на долю изгнанія, внутреннихъ усобицъ, посольства и прибытія Рюрика, Синеуса и Трувора придется только одинъ годъ. Вѣроятно ли, чтобы все это могло совершиться въ такой короткій промежутокъ времени? Такимъ образомъ, разсказъ лѣтописца едва-ли можетъ быть признанъ за несомнѣнный историческій фактъ. Онъ или преданіе, какихъ мы много встрѣчаемъ въ лѣтописи, или, можетъ быть, что конечно менѣе вѣроятно, соображеніе лѣтописца въ объясненіе событія, для котораго не было историческихъ данныхъ. Изгнаніе варяговъ и послѣдующее ихъ водвореніе, ничѣмъ не связанныя между собою, должны были заставить предположить между ними посредствующее событіе, и такимъ является *призваніе. Почему* именно оно, а не какое-нибудь другое—объясняется обстоятельс
ми, къ которыхъ мы находились во врем
лѣтописца. Г. Соловьевъ приводитъ изъ
шей послѣдующей исторіи нѣсколько пр
ровъ призванія князей; къ нимъ можно
бавить еще много другихъ, и не изъ оди
новгородскихъ лѣтописей. Распри и несо
сія были явленіемъ обычнымъ во вре
начальнаго лѣтописца; на нихъ указыва
слѣдующія многозначительныя слова,
1067 годомъ: „Придоша иноплеменьници
Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ
и Святославъ, и Всеволодъ изидоша про
имъ на Льто: и бывши нощи, подъид
противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ
пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Р
скыи князи, побѣдиши Половци. Навод
бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьн
на землю, и тако сокрушенымъ имъ въ
мянутся къ Богу; усобная же рать быв
отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не
щетъ зла человѣкомъ, но блага; а дья
радуется злому убійству и кровопролит
подвизая свары и зависти, братоненавидѣ
клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй
бо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ,
наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли
сеницею, ли инѣми казньми“, и т. д. В
мнимъ притомъ, что варяги въ XI в
когда писалъ лѣтописецъ, давно уже об
сѣли, а княжескій родъ Рюриковъ еще р
ше; вспомнимъ, что, по причинамъ, леж
шимъ въ самихъ варягахъ, у насъ не б
раздѣленія земель между пришельцами; в
мнимъ, наконецъ, какъ любимъ былъ к
жескій родъ, помимо членовъ котораго,
самаго его прекращенія, не былъ избр
ни одинъ князь, даже въ то время, к
Россія была раздѣлена на части, соверше
независимыя другъ отъ друга. Все
какъ намъ кажется, можетъ объяснить,
кимъ образомъ сложилось преданіе о п
званіи князей, или какъ пришелъ къ
кому объясненію событій начальный лѣто
сецъ.

По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что
обстановка и подробности призванія вп
соотвѣтствуютъ понятіямъ или предста
ніямъ позднѣйшимъ, которыя могли б
перенесены на первоначальную исторію.

Впрочемъ, мы нисколько не настаив
на этомъ объясненіи происхожденія преда
тѣмъ менѣе на сомнѣніи въ подлинно
событія. Не въ этомъ собственно дѣло.

а въ томъ, что событіе это, если оно и ствительно было, далеко не такъ важно своему значенію и послѣдствіямъ, какъ аетъ г. Соловьевъ. Читая его выводы, но подумать, что въ призваніи весь слъ послѣдующей русской исторіи: будь еваніе, было бы совсѣмъ другое. Но мы ѣли, что призваніе не состоитъ въ орга-ческой связи ни съ предыдущимъ, ни съ ѣдующимъ. Прибавимъ къ этому, что бъ насъ завоевали франки или лонго-ды, дѣйствительно русская исторія, мо-ъ быть, и приняла бы другой характеръ, германскіе скандинавы, сами не знавшіе дализма, не могли оставить по себѣ фео-ьныхъ учрежденій въ Россіи; князья авляли своими мужами, ярлами, и какъ ько тѣ и другіе обрусѣли, всѣ слѣды шаго когда-то владычества иноземной жины должны были исчезнуть. Вотъ по-у вся полемика г. Соловьева противъ г. одина, противъ вліянія варяговъ и нор-скаго періода не выдерживаетъ критики. ясненіе нѣсколькихъ словъ, которыя до ъ поръ считались германо-скандинавскаго исхожденія, другими славянскими нарѣ-и такъ же мало убѣдительно, какъ остро-ыя соображенія о томъ, что варяжскіе жинники служили нашимъ князьямъ, и туземныя племена принимали дѣятельное стіе въ княжескихъ походахъ. Первые и князья были норманны, и ихъ утвер-ніе въ Россіи, какъ бы оно ни произошло, звычайно важно потому именно, что съ и появляются на нашей почвѣ первые атки государственной жизни, которыхъ до того времени не видимъ. Это начало о ново на русской почвѣ; его представ-и варяги, связавшіе тогдашнюю Россію въ о цѣлое. Когда они переродились и обру-и, оно приняло новую форму, приспосо-ось, такъ сказать, къ патріархальнымъ ментамъ, составлявшимъ основу древней кой жизни, но тѣмъ не менѣе сохранилось. ъ чѣмъ опредѣляется важное существен-значеніе варяговъ въ нашей исторіи, ихъ ніе на дальнѣйшій ея ходъ, а не сомни-ьнымъ усвоеніемъ русскому языку ка-ъ нибудь двухъ десятковъ иностранныхъ въ и еще болѣе сомнительными учрежде-ми, или слѣдами въ обычаяхъ и пра-ъ. Около полутораста лѣтъ не славяне е финны, а варяги играли въ нашей оріи первую главную роль. Этого г. Со-ловьевъ, конечно, не можетъ отрицать; а допустивъ, онъ поневолѣ долженъ будетъ согласиться съ г. Погодинымъ, который, конечно, вдался въ крайность, но въ крайность болѣе поучительную, болѣе близкую къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе г. Соловьева. Въ основаніи преувеличеній г. Погодина относительно норманскаго періода лежитъ дѣйствительный фактъ; въ основаніи ошибокъ г. Соловьева—одностороннее воззрѣніе. Г. Соловьевъ смѣшалъ, какъ намъ кажется, двѣ вещи, совершенно разныя, исторію законодательства съ политической исторіей въ обширномъ смыслѣ слова. Въ исторіи русскаго законодательства на долю варяговъ дѣйствительно приходится немногое. Вліяніе ихъ на внутренній, гражданскій бытъ нашихъ племенъ было очень незначительно; то, что считалось еще недавно варяжскимъ, теперь признано за наше, славянское, національное. Слѣдовательно, въ исторіи учрежденій, обычаевъ, нравовъ того времени, о варягахъ почти ничего не приходится сказать. Но въ политической исторіи—совсѣмъ другое дѣло; для нея юридическая точка зрѣнія слишкомъ тѣсна. Въ политической исторіи должны быть приняты въ соображеніе явленія, которыя лежатъ внѣ юридическаго быта, и къ числу ихъ несомнѣнно принадлежитъ роль, которую играли у насъ варяги; нельзя ею пренебречь безнаказанно, разсуждая о древнѣйшей русской исторіи. Г. Соловьевъ, чтобъ доказать незначительность варяжскаго вліянія, пользуется всѣмъ, чѣмъ только можно воспользоваться: отличаетъ вліяніе народа отъ вліянія народности, силится доказать, что варяги не составляли у насъ господствующаго народонаселенія относительно славянъ, что они не могли приходить въ Русь съ женами, и если оставались навсегда въ Россіи, женились на славянкахъ; что варяги не стояли выше славянъ на ступеняхъ общественной жизни; что ихъ языческій бытъ имѣлъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ славянъ; наконецъ, когда нужно, г. Соловьевъ искусно возражаетъ фактами изъ послѣднихъ годовъ варяжскаго періода, то есть, когда варяги уже сильно обрусѣли (стр. 275—279 и прим. 437). Но все это не затемняетъ истины, и слова г. Погодина, приведенныя въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“, не смотря на ловкіе комментаріи ея автора, остаются въ сущности лучшимъ, что только

было досел҃ сказано о значеніи и характер҃ варяжскаго періода.

Сл҃дующія зат҃мъ главы, пятая, шестая и седьмая, содержатъ подробное изложеніе политической исторіи Россіи отъ Рюрика до кончины Ярослава I, а посл҃дняя, восьмая, посвящена обозр҃нію нашего внутренняго быта въ такъ называемый варяжскій періодъ. Вообще говоря, эта часть сочиненія лучше первой. Она читается съ большимъ интересомъ и содержитъ много новыхъ мыслей, хорошо изложенныхъ и живо обрисовывающихъ общую историческую картину; есть и новыя, весьма удачныя, соображенія. Къ сожал҃нію, общее, выгодное впечатл҃ніе этихъ главъ м҃стами ослабляется недоказанными положеніями, натяжками, желаніемъ взглянуть на предметъ съ новой точки зр҃нія, желаніемъ объяснить необъяснимое, или и безъ того весьма ясное, наконецъ, очевидными увлеченіями любимою мыслью, которая въ основаніи своемъ в҃рна, но нер҃дко искажается въ ближайшихъ примѣненіяхъ. Такъ какъ новый трудъ г. Соловьева составляетъ капитальное явленіе въ нашей исторической литератур҃ и читается всѣми съ дов҃ріемъ, то мы вм҃няемъ себ҃ въ обязанность отм҃тить зд҃сь, въ посл҃довательномъ порядк҃, т҃ м҃ста, въ которыхъ указанные недостатки выставляются всего р҃зче. Авторъ на насъ за это, конечно, не посѣтуетъ и, можетъ быть, воспользуется н҃которыми замѣчаніями при новомъ изданіи разбираемой книги.

По поводу дани, взимаемой козарами съ полянъ и другихъ южныхъ племенъ „по бѣл҃ и в҃вериц҃ отъ дыма“, авторъ входитъ въ подробное объясненіе юридическаго значенія слова *дымъ*. *Дымъ*, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ зд҃сь обитаемое жилище. „Былъ обычай (говоритъ г. Соловьевъ), для наказанія или вынужденія чего-нибудь, разламывать печь, и такимъ образомъ д҃лать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ“. Но отсюда ли? Кто не знаетъ, что печь, очагъ очень важны въ домѣ, хотя бы ихъ и не разламывали для наказанія или вынужденія чего-либо. Зат҃мъ сл҃дуютъ такіе выводы: *домъ* и *дымъ* одного происхожденія, ибо означаютъ возвышеніе, н҃что возвышающееся; отсюда и *дума*—мысль и *дума*—гордость; *дума*—нашъ древній государственный совѣтъ—означала верхъ. Въ этихъ филологическихъ изысканіяхъ много произвольнаго и излишняго. Объяснять слово *дума*—совѣтъ—не прям его значеніемъ странно. Выраженіе наш пѣсенъ „думу или думушку думати“ показываетъ, какъ это слово получило ченіе совѣта.

На стр. 93 читаемъ, что „народы гер ского племени оставили формы родо быта прежде, вслѣдствіе переселенія римскую почву, гд҃ они приняли ид формы государственныя, а Славяне, остав на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго рическаго міра, оставались и при прежн первоначальныхъ формахъ быта“. Это женіе и объясненіе его крайне спор Не всѣ народы германскаго племени селились на римскую почву, не всѣ вили формы родоваго быта; славяне, и стѣ съ другими народами, и одни, не вторгались въ римскую имперію и сел на почв҃ древняго міра, однако сохра формы родоваго быта. Итакъ приведе нами разсужденіе поверхностно и не р҃шаетъ вопроса.

На стр. 95, Ростиславу Моравскому писываются глубокомысленные политич виды:

„Князь Моравскій долженъ былъ понимать для независимаго состоянія славянскаго гос ства прежде всего была необходима нез висимая славянская церковь, что съ н҃мецкимъ духо ствомъ нельзя было и думать о народной и дарственной независимости славянъ, что съ скимъ богослуженіемъ христіанство не могло пести пользы народу, который понималъ в҃ру только со внѣшней, обрядовой стороны разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ во князь Моравскій долженъ былъ обратиться к зантійскому двору, который могъ прислать Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учив на славянскомъ язык҃, могшихъ устроить сла ское богослуженіе и основать независимую вянскую церковь; близкій и недавній примѣръ гаріи долженъ былъ указать Моравскому кня этотъ путь; со стороны Византіи нечего было саться притязаній, подобныхъ н҃мецкимъ; она слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростисла сылаетъ въ Константинополь къ императору хаилу съ просьбою о славянскихъ учителях въ Моравіи являются знаменитые братья—Кир и Меѳодій, доканчиваютъ зд҃сь переводъ свя ныхъ и богослужебныхъ книгъ и распростран славянское богослуженіе въ Моравіи и Панно (стр. 95).

Не лучше ли было бы, при совершен неизв҃стности о планахъ Ростислава, п сто разсказать какъ д҃ло было, безъ кихъ предположеній. Такія же объясне встр҃чаемъ и на стр. 100. Р҃чь идет

ъ, что Аскольдъ и Диръ не только не ли, но и не имѣли въ виду утведиться въ вѣ:

„Владѣніе, основаннае варяжскими выходцами Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, основано было сбродною шайкою искателей ключеній, которые могли храбро драться съ ѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, не могли, по своимъ средствамъ, да и не имѣли виду основать какой-нибудь прочный порядокъ ей среди племенъ, жившихъ по великому вод- у пути. Это могли сдѣлать только сѣверные зья, имѣвшіе для того достаточную матеріаль- силу и привязанные къ странѣ правитель- енными отношеніями къ племенамъ, ихъ при- вшимъ“ (стр. 100).

Здѣсь что ни слово, то гипотеза, что ни водъ, то произвольное предположеніе. Кто етъ, что̀ имѣли и чего не имѣли въ виду яжскіе выходцы? А что они были до- ьно сильны, видно изъ преданія объ еніи Аскольда и Дира Олегомъ. Къ чему эти натяжки, чтобъ объяснить чего ьзя объснить, а только можно разсказать? Далѣе, на стр. 101 читаемъ, что Олегъ къ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ олѣтняго князя, получилъ всю власть Рюрика“. Лѣтопись повѣствуетъ такъ: ершю Рюрикови, предасть княженіе свое гови, отъ рода ему суща, въдавъ ему ъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ ьми“. О старшинствѣ Олега въ родѣ ни ва. Много было толкованій этого мѣста, они не привели пока ни къ какому поло- тельному результату. Отчего же объ нихъ упомянуто? Мнѣніе, высказанное г. Со- ьевымъ, лишь одно изъ многихъ. Но ъ же оно лучше, удовлетворительнѣе гихъ?

Вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ мы встрѣчаемъ, поводу похода Олега на югъ, весьма анное разсужденіе о томъ, что варяги Олега не имѣли даже желанія утвер- ься на водномъ пути изъ Балтійскаго я въ Черное. Читатели не повѣрятъ ъ. Вотъ подлинныя слова:

„Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій вод- путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно или они по немъ, но ходили малыми дружинами, имѣли ни желанія, ни средствъ утвердиться на ъ пути, смотрѣли на него, какъ на путь только, я въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ цѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ состав- тся владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; инуясь общему историческому закону, ново- денное владѣніе, вслѣдствіе сосредоточенія ихъ силъ чрезъ единство власти, стремится упо- требить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя“ (стр. 101).

Такимъ образомъ, походъ Олега на югъ былъ дѣломъ государственнымъ, а не дружиннымъ. Въ семнадцать лѣтъ юное государство успѣло возмужать, окрѣпнуть и уже питать честолюбивые планы расширенія государственныхъ границъ. Вѣроятно ли все это?

„Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ; но это не вождь одной варяжской шайки, дружины; въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлью одного грабежа, но для того только, чтобъ пробраться въ Византію; пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себѣ всѣ, встрѣчающіяся ему на пути, племена, закрѣпляетъ себѣ навсегда всѣ находящіеся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія насчетъ другихъ, владѣнія сильнаго насчетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть; отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между варяжскими князьями и призвавшими племенами“ (стр. 101).

Всего страннѣе въ этихъ выводахъ то, что они высказываются такъ положительно, какъ будто бы это были несомнѣнные историческіе факты, засвидѣтельствованные достовѣрными современными памятниками. Мало того: ими же, этими выводами, доказывается важность другого событія, котораго достовѣрность сама еще нуждается въ доказательствахъ.

„Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ; кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства; Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и, вѣроятно, было прежде сборное мѣсто для русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со

стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи; по его берегамъ образовалась первоначальная русская государственная область, отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ впослѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому" (стр. 103).

Въ убіеніи Аскольда и Дира хитростью, а не открытою силою, мы видимъ совсѣмъ другое, именно опасенія отпора и сопротивленія. Во всякомъ случаѣ, заключеніе о слабости и малочисленности кіевской дружины—одно предположеніе, которое тѣмъ менѣе вѣроятно, что разсказъ лѣтописи о занятіи Кіева похожъ на преданіе, а не на исторію. Объясненіе, почему Олегъ остался въ Кіевѣ, и мимоходное замѣчаніе о важности воднаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное—тоже не убѣдительны, потому что произвольны. Тѣ, которые вмѣстѣ съ г. Погодинымъ видятъ въ событіяхъ перваго періода русской исторіи дѣятельность одной поселившейся у насъ варяжской дружины, понимаютъ важность воднаго пути совершенно иначе: они, не безъ основанія, говорятъ, что не государственныя соображенія, не пріятность климата, не красивость мѣстоположенія, не проблематическое богатство страны привлекли Олега къ Кіеву, а желаніе быть ближе къ Константинополю—цѣли походовъ, военныхъ и торговыхъ. Итакъ взглядъ на утвержденіе варяжской дружины въ Кіевѣ зависитъ отъ взгляда на варяжскую эпоху; положительныхъ данныхъ нѣтъ. При такихъ условіяхъ надлежало, не вдаваясь въ объясненія, разсказать какъ что́ было. Наконецъ, всего страннѣе и неправдоподобнѣе объясненіе связи Кіева съ Новгородомъ. Эта связь, во-первыхъ, совсѣмъ не была такъ постоянна, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ. Уже съ XI вѣка начинаются въ Новгородѣ призванія князей. Если во весь варяжскій періодъ и даже въ началѣ періода удѣловъ не было ничего подобнаго, такъ это потому, что вся тогдашняя Россія почти безпрерывно находилась подъ властью одного князя. Какъ скоро единство ея исчезло, исчезло и политическое единство страны. Княжества отдѣлились другъ отъ друга и мало-по-малу образовали самостоятельныя владѣнія; въ числѣ ихъ былъ и Новгородъ. Такимъ образомъ не географическія условія, а историческія создали и поддерживали связь Новгорода съ К вомъ; какъ только они исчезли, исчезла и св

На стр. 103 и 104 г. Соловьевъ старает привести въ систему дѣйствія и распоряж нія Олега. Этотъ князь сначала строитъ рода, острожки въ Украйнѣ, для утверж нія своей власти и для защиты отъ кочев ковъ. Потомъ „нужно было опредѣлить ношенія къ старымъ областямъ, къ плем намъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ водн пути, что было необходимо вслѣдствіе нов поселенія на югѣ; главная форма, въ ко рой выражались отношенія этихъ племе къ князю, была дань, и вотъ Олегъ ус вилъ дани славянамъ (ильменскимъ), кри чамъ и Мери" (стр. 104).

Желаніе систематизировать здѣсь, как во многихъ другихъ мѣстахъ, вредитъ стоинству разсказа. Лѣтопись говоритъ п сто: „Се же Олегъ нача городы ставити, устави дани славѣномъ, кривичемъ и Мер ни слова о томъ, что города ставились Украйнѣ; ни слова о значеніи дани, котор были обложены славяне и другія племе Но подъ перомъ г. Соловьева все разросл и получило другой, болѣе важный видъ. торъ „Исторіи Россіи" знаетъ, гдѣ Оле ставилъ города: ему подробно извѣстно, чѣмъ Олегъ уставлялъ дани у славянъ, к вичей и Мери, и что именно значила да Изъ его разсказа нельзя не подумать, Олегъ, строя крѣпостцы, уставляя дани, бы слѣпымъ орудіемъ высшей необходимос которая неудержно влекла его исполн свой законъ. Такой историческій пріемъ правиленъ и не достигаетъ своей цѣли, есть не убѣждаетъ, а, напротивъ, внуша недовѣріе, особливо если повторяется сл комъ часто. Каждый читатель хочетъ зн взглядъ писателя; но прежде всего онъ четъ знать факты, безъ примѣси, какъ были. Противъ этого г. Соловьевъ грѣш и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ своей кн

На стр. 106 читаемъ, что послы Ол вытребовали отъ византійскаго императ уклады на русскіе города, потому что этихъ городахъ сидѣли Олеговы мужи. „ (говоритъ авторъ) оставались дома хран нарядъ въ землѣ, удерживать племена покоѣ, и потому не могли быть лишены у стія въ добычѣ". Но въ лѣтописи сказ только: „но тѣмъ бо городамъ сѣдяху кня подъ Ольгомъ суще". Были они мужи О говы, или самостоятельные владѣльцы,

ли въ походъ, или не ходили,—объ этомъ
него неизвѣстно, потому что мужи и князья
одно и то же, а выраженіе „сѣдяху“ со-
мъ не значитъ, что они сидѣли по горо-
ъ во время похода; оно показываетъ, что
вообще жили, находились въ городахъ.
кія толкованія можно ли признать за фактъ,
исторію?

Далѣе, объясняя, почему Олегъ былъ на-
нъ *вѣщимъ*, г. Соловьевъ (на стр. 110)
ѣчаетъ, между прочимъ, что этотъ князь
кими переговорами подчинилъ себѣ безъ
кихъ насилій племена, жившія на восточ-
сторонѣ Днѣпра. Ловкими переговорами?
кіе ловкіе переговоры велъ Олегъ? И съ
ими племенами? Лѣтопись разсказываетъ
ношеніяхъ Олега съ племенами, жившими
востокъ отъ Днѣпра такимъ образомъ:
це Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣве-
ы и възложи нань дань легъку, и не дастъ
Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ
тивенъ, а вамъ нечему“. Итакъ перего-
ы съ сѣверянами не могутъ быть названы
кими. Напротивъ, они очень просты. „Да-
: „Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька:
му дань даете?“ они же рѣша: „Коза-
ъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Коза-
ъ, но мнѣ дайте“, и вѣдаша Ольгови по
ягу, якоже Козаромъ даху“. Этими двумя
ѣстіями ограничиваются всѣ переговоры
га съ племенами, жившими на востокъ
Днѣпра. Гдѣ-же и какія были тѣ ловкіе
еговоры, о которыхъ говоритъ г. Со-
ьевъ? Ихъ очевидно не было. А между
ъ это выраженіе должно опредѣлять из-
тную черту характера Олега.

Далѣе на стр. 117, описывая характеръ
ря, г. Соловьевъ называетъ его, будто-бы
основаніи „занесенныхъ въ лѣтопись пре-
ій“, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ
отважнымъ. „Онъ (Игорь) не ходитъ за
ью къ прежде-подчиненнымъ уже племе-
ъ, не покоряетъ новыхъ; дружина его
ка и бѣдна, подобно ему“. Такъ отзы-
тся объ Игорѣ г. Соловьевъ; а между
ъ самъ же, страницей выше, разсказы-
ъ несчастный походъ этого князя за
ью къ древлянамъ, окончившійся его
ртью. Походъ этотъ не исключаетъ воз-
жности другихъ подобныхъ; и если они
упоминаются въ лѣтописи, то это еще не
нитъ, что ихъ и не было; молчаніе до-
ываетъ только, что во время этихъ по-
овъ не случилось ничего особенно замѣ-
чательнаго. Слова лѣтописца не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія; ибо вслѣдъ за разсказомъ о присягѣ Игоря, по заключеніи договора съ греками, онъ говоритъ: „Игорь же нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань“. Изъ этихъ словъ видно, что Игорь началъ собираться на осеннее полюдье, а они были дѣломъ обыкновеннымъ, какъ извѣстно изъ нашихъ и иностранныхъ свидѣтельствъ. Затѣмъ лѣтописецъ продолжаетъ: „Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ и мужи его“. Потомъ разсказъ идетъ, какъ онъ переданъ у г. Соловьева. Ясно, что по просьбѣ дружины Игорь отправился къ древлянамъ за данью въ другой разъ: „примышляше къ первой дани“: наконецъ, онъ отправилъ дружину и „съ маломъ дружины“ опять воротился „походить еще“. Послѣ этого спрашивается, изъ чего заключилъ г. Соловьевъ, что Игорь былъ князь робкій? Взять съ одного и того же племени двойную дань и потомъ отправиться къ нему за данью же въ третій разъ, въ малой дружинѣ, и притомъ къ племени, покоренному не болѣе какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, уже при Олегѣ,—да это подвигъ, свидѣтельствующій скорѣй о необдуманной храбрости и отвагѣ, чѣмъ о робости.

Въ примѣчаніи 256, г. Соловьевъ опровергаетъ извѣстіе лѣтописца, что Владиміръ велѣлъ „рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири“. „Одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ, говоритъ авторъ, показываетъ, что здѣсь только и была построена церковь на мѣстѣ кумировъ, ибо ясно, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры“. Но возраженіе неосновательно. Лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ, что Владиміръ велѣлъ ставить церкви на мѣстѣ кумировъ въ одномъ Кіевѣ. Онъ не опредѣляетъ города, къ которому относилось распоряженіе великаго князя. Если въ Кіевѣ кумиры стояли въ одномъ мѣстѣ, то, разумѣется, лѣтописецъ и не могъ говорить о двухъ церквахъ.

Что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ другихъ городахъ, мы не знаемъ, и слѣдова-

тельно не имѣемъ права отвергать извѣстіе лѣтописи, тѣмъ болѣе, что оно само по себѣ очень вѣроятно и согласно съ обстоятельствами времени: всѣ просвѣтители язычниковъ поступали точно такъ, какъ поступилъ по лѣтописи св. Владиміръ.

На стр. 125, г. Соловьевъ говоритъ о „полюдьи“ и замѣчаетъ: „Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества, это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу“. Разсуждая такимъ образомъ, авторъ показываетъ ошибочное воззрѣніе на древнее значеніе суда. И въ это время и долго послѣ, судъ не былъ обязанностью, но правомъ, и правомъ весьма выгоднымъ по финансовому характеру нашего древняго судопроизводства. „А судья за нимъ (истцомъ) идетъ, своего прибытка смотритъ“, сказано въ одной грамотѣ XV вѣка. Тотъ же характеръ имѣло судопроизводство и по „Русской Правдѣ“, и по двумъ „Судебникамъ“, и по всѣмъ уставнымъ и суднымъ грамотамъ до Уложенія. Оттого право суда давалось какъ награда и какъ привилегія, а изъятіе изъ подсудности было постоянной, непремѣнной статьей всѣхъ жалованныхъ грамотъ духовенству и монастырямъ.

На той же страницѣ г. Соловьевъ говоритъ, что обязанность племенъ содержать князя и дружину во время полюдья называлась „кажется“ оброкомъ. Это едва ли такъ. Судя по нѣкоторымъ *оброчнымъ* грамотамъ XVI вѣка, подъ *оброкомъ* разумѣлись вообще всѣ сборы, пошлины и повинности, которыя платились общиной. Въ „Русской Правдѣ“ слово *оброкъ* не встрѣчается, но говорится объ *урокахъ*: здѣсь это слово имѣетъ тоже очень обширное значеніе: всякая закономъ опредѣленная плата и пошлина называется *урокомъ*. Поэтому *урокомъ* названъ и поклонъ вирный, и плата мостьникамъ, городникамъ, и плата за судъ, за присягу и т. д. Такимъ образомъ „оброкъ“ или „урокъ“ значили: законное опредѣленіе или постановленіе, касавшееся величины какой бы ни было платы или повинности. Въ болѣе тѣсномъ значеніи это слово, сколько намъ извѣстно, не встрѣчается.

На стр. 133 находимъ очень странное объясненіе словъ Святослава о Переяславцѣ: „то есть середа въ землѣ моей“. Авторъ спрашиваетъ: какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою земли Свято
вовой, и отвѣчаетъ:

„Это выраженіе можетъ быть объяснено д
кимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ землѣ
есть серединное мѣсто, потому что туда изо вс
странъ свозится все доброе; Переяславецъ сл
вательно названъ серединою не относительно
ложенія своего среди владѣній Святослава, но
средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе
кажется легче: Святославъ своею землею счи
только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ сам
Русскую же землю считалъ, по понятіямъ
времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Св
славъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Р
онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ К
другого, Олега, въ землѣ Древлянской“, и
(стр. 133).

Итакъ Болгарія должна была стать
биной“, то-есть отдѣльной собственно
Святослава? Любопытно! Къ сожалѣнію,
прежде, ни послѣ мы не встрѣчаемъ ни
ного примѣра, чтобы князь, завоевавъ
ласть, не думалъ присоединить ее къ
чимъ, а составлялъ изъ нея для себя
бенное владѣніе: ни Рюрикъ, ни Олегъ,
Владиміръ, ни Ярославъ такъ не поступ
потому что это было совершенно проти
духу и характеру времени. То, что пріоб
тали князья, они пріобрѣтали для сво
наслѣдниковъ и потомковъ, какъ говор
Ярославъ своимъ сыновьямъ: „аще ли
дете ненавидно живуще... погубите
отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣ
трудомъ своимъ великимъ“. Неужели о
Святославъ составлялъ исключеніе изъ
общаго правила? Не думаемъ. Скорѣй г.
ловьевъ слишкомъ увлекся мыслью, вѣр
въ основаніи, но неудачно примѣненной.
же неудачное примѣненіе заставило его
зать въ противность всѣмъ даннымъ, что
тославъ будто бы спѣшилъ окончить
княженіе на Руси. Если ему было „не л
жить въ Кіевѣ“, то изъ этого еще ни
не слѣдуетъ, чтобъ онъ отказывался отъ
сіи. Вѣдь и Олегу не любо было жить
Новгородѣ, однако онъ отъ него не о
зался? Раздача областей сыновьямъ или,
вильнѣе, разсылка ихъ по городамъ, бы
при Владиміръ и при Ярославѣ, и ни
не доказываетъ того, что хотѣлъ дока
г. Соловьевъ; слова Ольги къ Святославу:
видишь, что я больна, куда же хочешь
меня идти! Похоронивши меня, иди
хочешь“, опять ничего не доказыва
Ольга удерживала Святослава въ Кіевѣ
своей кончины, а Святославу хотѣлось

въ Переяславецъ. Самыя слова Свято-
ва къ дружинѣ, приведенныя г. Соловье-
ъ на стр. 137 и 138, показываютъ, что
и не думалъ оканчивать своего княже-
въ Руси; напротивъ, онъ уговариваетъ
жину заключить миръ съ царемъ и обна-
иваетъ ее тѣмъ, что если царь переста-
ь платить дань по условію, то, собравши
ольше войска, онъ опять пойдетъ съ нею
Византію. Наконецъ, въ лѣтописи начало
женія Ярополка отнесено къ 973 году,
витославъ погибъ къ 972 году; три года,
текшіе съ кончины Ольги, присчиты-
тся къ княженію Святослава, а не Яро-
ка. Какъ бы могло это случиться, еслибъ
тославъ ушелъ изъ Россіи совсѣмъ и на-
да? Очевидно, г. Соловьевъ слишкомъ
екся, и это увлеченіе заставило его бро-
ся въ лабиринтъ предположеній и на-
екъ для объясненія того, что само по
б очень ясно и просто.

Это преданіе (о возвращеніи и погибели Свя-
ава), какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ
оторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего пред-
ляется вопросъ: почему Святославъ, который
мало былъ способенъ къ страху, испугался
енѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣло-
жье; если испугался въ первый разъ, то какую
жду имѣлъ къ безпрепятственному возвраще-
послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что
енѣги не будутъ сторожить его и въ это время;
онецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не
ялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ
обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ
зомъ спасся Свѣнельдъ? Во-первыхъ, мы знаемъ,
мъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оста-
ній своего вождя въ битвѣ, пережившій его и
вшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому
естію наиболѣе подвергались самые храбрѣй-
т.-е. самые приближенные къ вождю князю;
о былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дру-
а обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его го-
, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дру-
, не знавшая страха среди многочисленныхъ
ищъ греческихъ, дрогнула передъ Печенѣгами?
ужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ
, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Но-
ыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? Мы
мъ, какъ затруднительны бывали переходы рус-
ъ черезъ пороги, когда они принуждены бы-
тащить на себѣ лодки и обороняться отъ вра-
, и при такой малочисленности Святославовой
ины трудно, чтобы главный по князѣ вождь
спасъ отъ тучи облегавшихъ варваровъ.
рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить
аніе на характеръ и положеніе Святослава,
они выставлены въ преданіи. Святославъ за-
алъ Болгарію, и остался тамъ жить; вызванный
да вѣстью объ опасности своего семейства, не-
поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти
матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился
навсегда въ Болгарію, *свою* страну. Но теперь онъ
принужденъ снова ее оставить и возвратиться въ
Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили
его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился
къ нимъ, особенно къ старшему, Ярополку, сидѣв-
шему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ, ему необхо-
димо было лишить послѣдняго данной ему власти,
и занять его мѣсто; притомъ, какъ должны были
смотрѣть на него кіевляне, которые и прежде упре-
кали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь
онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ
Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю.
Естественно, что такое положеніе должно было
быть для Святослава нестерпимо; не удивительно,
что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ
остался зимовать въ Бѣлобережьѣ, пославъ Свѣ-
нельда степью въ Русь, чтобъ тотъ привелъ ему
оттуда побольше дружины, съ которою можно было
бы снова выступить противъ болгаръ и грековъ,
что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣз-
домъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею или неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Свя-
тославу медлить болѣе въ Бѣлобережьѣ; идти въ
обходъ степью было нельзя; кони были всѣ съѣдены,
по необходимости должно было плыть Днѣпромъ
чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ
самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ
этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись" (стр.
140 и 141).

Трудно опровергать здѣсь г. Соловьева: все
имъ сказанное такъ неестественно, столько
выставлено имъ вовсе ненужныхъ вопросовъ,
затрудненій и сомнѣній. Самыя ссылки на
факты здѣсь невѣрны. Святославъ передъ
отъѣздомъ изъ Болгаріи вовсе не обѣщалъ
снова выступить въ походъ противъ болгаръ
и грековъ; напротивъ, онъ прямо говоритъ:
царь согласился давать намъ дань, будемъ
и тѣмъ довольны; а если онъ не станетъ
платить дани, то опять пойдемъ на Царь-
градъ изъ Руси. Какое же тутъ обѣщаніе?
Оно условное.

На стр. 144 находимъ двѣ неудачныя по-
пытки объяснить историческія событія, ко-
торыя отчасти сами по себѣ ясны, отчасти
же не могутъ быть объяснены по недостатку
данныхъ.

„Наступательное движеніе Владиміра противъ
Ярополка было необходимо: Владиміръ не могъ на-
дѣяться, чтобы старшій братъ спокойно снесъ из-
гнаніе своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода; Вла-
диміру нужно было предупредить его, тѣмъ болѣе,
что у него теперь были наемные варяги, а Яро-
полкъ не собрался съ силами; варяговъ надобно
было употребить въ дѣло, отпустить ихъ ни съ
чѣмъ было невыгодно и опасно, оставить ихъ у
себя въ Новгородѣ было еще невыгоднѣе и опас-
нѣе; отпустивши ихъ, дожидаться пока Ярополкъ,
собравши всѣ силы юга, двинется противъ Новго-
рода,—было безразсудно".

„Прежде начатія борьбы, обоимъ братьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ Полоцкомъ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобъ склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову“ (стр. 144).

Въ пользу всѣхъ этихъ соображеній нѣтъ фактовъ. Зачѣмъ же было вводить ихъ? Они ничего не объясняютъ и не убѣдительны. Жаль, что такія мѣста встрѣчаются довольно часто въ книгѣ г. Соловьева и вредятъ ея существеннымъ и безспорнымъ достоинствамъ.

На стр. 180, по поводу населенія великимъ княземъ Владиміромъ Бѣлгорода на Днѣпрѣ, г. Соловьевъ задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ происходило это населеніе и переселеніе?“—и отвѣчаетъ такимъ образомъ:

„Вѣроятнѣе всего жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т.-е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того, жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія“ (стр. 180).

Признаемся, намъ кажется этотъ способъ населенія и переселенія самымъ невѣроятнымъ для временъ Владиміра. Лѣтопись говоритъ: „много людей свелъ въ него“ (т.-е. въ Бѣлгородъ). Выраженіе *свелъ* точно опредѣляетъ, какъ происходило переселеніе: великій князь приказывалъ переселяться — и переселялись. Привлеченіе переселенцевъ льготами—позднѣйшее явленіе и, какъ можно догадываться, возникло подъ вліяніемъ удѣльной системы и духовенства. Перезывались если не исключительно, то всего чаще жители другихъ княженій; чтобы побудить ихъ оставить свое пепелище и водвориться на новомъ мѣстѣ, для этого нужны были льготы. Вслѣдствіе благочестія князей и ихъ усердія къ церкви, такія льготы всего чаще давались переселенцамъ на земли, принадлежавшія монастырямъ и духовенству. Что во времена Владиміра удальцы находили свой разсчетъ переселяться, что жители бѣднаго сѣвера льстились Украйной—ни изъ чего не видно; напротивъ, продолжающаяся и до сихъ поръ привязанность къ землѣ, на которой жили отцы и дѣды, дѣлаетъ послѣднее предположеніе очень невѣроятнымъ.

Въ характеристикѣ Владиміра, на той же 180 страницѣ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующую странную мысль: „Онъ (В. К. Владиміръ) пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью“. Трудно догадаться, что здѣсь намекъ на народное преданіе о походѣ Владиміра на Болгары, записанное въ лѣтописи такимъ образомъ: „иде (въ 985 году) Володимеръ на болгаре съ Добрыною съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на коняхъ, и побѣди болгары. Рече Добрына Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. Что́ бы ни значило это темное преданіе, во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ не свидѣтельствуетъ о благоразумной умѣренности князя, о которой говоритъ г. Соловьевъ. Дѣло очень простое: В. К. Владиміру говоритъ дядя: болгары ходятъ въ сапогахъ; съ этихъ намъ дани не взять, пойдемъ-ка лучше поищемъ лапотниковъ. Владиміръ согласился; необходимость заставила его быть благоразумнымъ. Больше изъ этого разсказа ничего не слѣдуетъ.

Разсуждая о Владимірѣ, г. Соловьевъ долженъ былъ коснуться пѣсенъ и сказокъ о его пирахъ и богатыряхъ, которыя до сихъ поръ сохранились въ устахъ народа. Извѣстно, что первое историческое лицо нашихъ пѣсенъ и сказокъ есть В. К. Владиміръ: объ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ народъ не помнитъ.

Г. Соловьеву непремѣнно хочется объяснить, почему это такъ, и вотъ онъ заводитъ рѣчь издалека:

„Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ, напримѣръ, трудно было выказаться богатыремъ и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ: если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много изъ безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ русскаго народа, и была за самые близкіе его интересы; отраженіе печенѣговъ, поимка какого-нибудь страшнаго разбойника были для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; при томъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей, отсюда

богатырство дружинниковъ вызывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться" (стр. 182—183).

То, что здѣсь говорится о Владимірѣ, можетъ быть сказано и объ Игорѣ и объ Ярославѣ. Разсужденія г. Соловьева въ примѣненіи именно къ Владиміру совершенно произвольны. Ну, что, еслибъ вдругъ, въ какомъ-нибудь старинномъ манускриптѣ, нашлась хоть одна пѣсня объ Олегѣ и его богатыряхъ? Вѣдь это дѣло не невозможное. Найдены же были, уже въ XIX вѣкѣ, такъ называемыя пѣсни Кирши Данилова, и Слово о полку Игоревѣ? Что сталось бы тогда со всѣми выводами г. Соловьева, изъ которыхъ должно слѣдовать какъ дважды два—четыре, что народъ могъ воспѣвать только богатырей временъ В. К. Владиміра, но никакъ не богатырей Игоревыхъ, Святославовыхъ, Олеговыхъ? Обстоятельства, давшія, по его словамъ, развиться богатырству въ княженіе Владиміра, развѣ не относятся, и въ той же мѣрѣ, и къ другимъ княженіямъ? Если ужъ никакъ нельзя обойтись безъ объясненія, почему именно княженіе Владиміра и его богатыри составляютъ предметъ нашихъ древнѣйшихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ и сказокъ, то взглядъ г. Погодина на норманскій періодъ объясняетъ дѣло гораздо проще и вѣроятнѣе. До Владиміра князья и ихъ дружина все еще сохраняютъ варяжскій характеръ и типъ; они составляетъ дружину, отдѣльную отъ народа. В. К. Владиміръ—первый народный князь. Въ его время дружина частью сама ославянилась, частью приняла въ свои ряды дружинниковъ родомъ славянъ. Къ этому присоединилось, что при В. К. Владиміръ мы приняли христіанство, которое должно было окончательно уничтожить прежнее различіе пришлой дружины и туземнаго народонаселенія. Такимъ образомъ въ памяти и жизни народа Владиміръ и его сподвижники должны были оставить продолжительный, глубокій слѣдъ, а личный характеръ князя, его щедрость, его пиры, его широкій размахъ, который такъ нравится славянину, сдѣлали его первымъ и любимымъ лицомъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

На стр. 184 — 186, разсказу о событіяхъ послѣ кончины Владиміра г. Соловьевъ предпосылаетъ подробное изслѣдованіе старшинства между сыновьями этого князя. Многія замѣчанія и выводы автора остроумны и не лишены вѣроятія; но мы думаемъ, что это изслѣдованіе вообще едва-ли можетъ привести къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, разумѣется, безъ помощи какихъ-нибудь новыхъ источниковъ. Владиміръ имѣлъ дѣтей не отъ одного брака, а отъ нѣсколькихъ, а притомъ многіе изъ его сыновей родились до принятія имъ христіанства, слѣдовательно, когда онъ пребывалъ въ полигаміи. Какъ изслѣдовать, который изъ его сыновей былъ старше, который моложе? Порядокъ ихъ старшинства не можетъ быть опредѣленъ ни старшинствомъ брака, ни тѣмъ, что братья родились отъ одной матери. Кромѣ этого основного недостатка цѣлаго изслѣдованія, мы замѣтили въ немъ и нѣкоторые частные. На стр. 185 г. Соловьевъ говоритъ: „Второго сына Адели, Станислава, этотъ же лѣтописецъ (Іоакимъ), равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ"; ниже, на той же страницѣ, читаемъ: „Несмотря на это молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ всеобщее молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда" и т. д. Это противорѣчіе. Далѣе, на стр. 186, г. Соловьевъ приписываетъ Владиміру намѣреніе передать кіевскій старшій престолъ Борису, на томъ только основаніи, что Владиміръ любилъ Бориса болѣе другихъ сыновей и держалъ его при себѣ; но изъ этого, кромѣ простого предпочтенія, едва-ли можно что-нибудь вывести. Наконецъ, въ томъ же изслѣдованіи, на стр. 186, встрѣчаемъ странное объясненіе, почему великій князь Владиміръ не роздалъ своимъ сыновьямъ владѣній, на востокъ отъ Днѣпра,—ни Чернигова, ни Переяславля. „Это явленіе, говоритъ г. Соловьевъ, можетъ объясниться только пустынностью страны, составившей впослѣдствіи княжества Черниговское и Переяславское". Но самъ же г. Соловьевъ говоритъ (на стр. 200), что Мстиславъ, помирившись съ братомъ своимъ Ярославомъ, „взялъ себѣ восточную сторону, съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ". Первая разсылка сыновей Владиміра въ области была, по лѣтописи, въ 988 году, а Ярославъ заключилъ миръ съ Мстиславомъ и раздѣлилъ съ нимъ Россію въ 1025 году; слѣдовательно, всего прошло съ разсылки тридцать лѣтъ. Вѣроятно ли, что въ такое короткое время восточная сторона Днѣпра заселилась, бывши до

того времени пустынной? Притомъ въ Черниговѣ и Переяславлѣ уже во времена Олега сидѣли подручные ему князья. Если они тамъ были, могли сидѣть и сыновья Владиміра. Очевидно, гипотеза г. Соловьева не разрѣшаетъ затрудненія.

Въ разсказѣ о кончинѣ великаго князя Владиміра, на 187 стр., г. Соловьевъ говоритъ: „Когда въ городѣ узнали объ этомъ (то-есть о кончинѣ великаго князя), то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакать по немъ—*знатные*, какъ по заступникѣ земли своей, убогіе какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ". Въ лѣтописи это изложено такъ: „Се же увѣдѣвъше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ, *боляре* акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя". Въ 291 примѣчаніи г. Соловьевъ такимъ образомъ объясняетъ замѣну слова *боляре* словомъ *знатные*: „здѣсь ясно, что они (боляре) противополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще *неубогихъ*, богатыхъ и знатныхъ". Но это объясненіе невполнѣ удовлетворительно, и потому правильность замѣны одного слова другимъ остается сомнительной. Приведенное мѣсто очень важно для нашей внутренней исторіи. Въ немъ съ перваго взгляда дѣйствительно какъ будто „боляринъ" противополагается „убогому". Но все будетъ зависѣть отъ толкованія словъ: „акы заступника земли". Если принять это выраженіе въ общемъ смыслѣ, то-есть, что великій князь Владиміръ защищалъ Русскую землю отъ враговъ, то г. Соловьевъ правъ; только будетъ ли вѣрно такое объясненіе? Не содержатъ ли въ себѣ приведенныя слова намекъ на то, что бояре были землевладѣльцы и что князь, какъ судья и блюститель внутренняго мира, защищалъ и охранялъ ихъ владѣнія? Безъ новыхъ данныхъ вопросъ этотъ рѣшить трудно. Поэтому-то мы думаемъ, что было бы осторожнѣе переводить приведенныя слова лѣтописи буквально, не измѣняя въ нихъ ничего.

Къ числу неудачныхъ объясненій, попадающихся въ книгѣ г. Соловьева, принадлежитъ, между прочимъ, и разсужденіе объ избіеніи новгородцевъ Ярославомъ передъ походомъ его противъ Святополка. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: „Ярославу же невѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣва Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ послалъ къ новгородцемъ, рѣче: уже мн сихъ не крѣсити. И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху изсѣкли варягы, обол стивъ и исѣче. Въ ту же нощь приде е вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Перед славы: со отець ти умерлъ, а Святопол сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Гл посла; а блюдися его повелику. Се слыша печаленъ бысть о отци и о дружинѣ: зау же собравъ избытокъ новгородець, Ярослав рече: о люба моя дружина, юже вчера бихъ, а нынѣ быша надобѣ. И утре сле и рече имъ на вѣчи: отець мой умерлъ, Святополкъ сѣдитъ Кыевѣ, избивая брат свою. И рѣша новгородци: аще, княже, брат наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороть Этотъ простой разсказъ г. Соловьевъ по няетъ такимъ образомъ:

„Причину такого рѣшенія новгородцевъ объ нить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Вл міра было въ выгодѣ новгородцевъ, освобожд шихся отъ платежа дани въ Кіевъ; отказаться мочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значи возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, прин опять посадника Кіевскаго князя, простого му чего очень не любили города, а между тѣмъ Яр славъ, если убѣжитъ, то можетъ возвратиться варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже к не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выг шимъ его отъ себя, тогда какъ, въ случаѣ поб Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ пр ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ плат дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде от зался платить ее. Что же касается до посту Ярослава съ убійцами варяговъ, то мы долж смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени; изъ лѣтописнаго разск мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ от шеній; новгородцы ссорятся съ варягами: дѣло ходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ ряговъ; князь хитростью зазываетъ къ себѣ ви никовъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь понятіяхъ новгородцевъ слѣдовательно все это бы очень естественно, и потому трудно было им это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого осн ванія принимать убійство варяговъ за дѣло кн города, это была частная ссора и схватка, на указываетъ опредѣленіе мѣста—дворъ. Паралично число жертвъ мести Ярославовой явно преуве чено, трудно было обманомъ зазвать такое ко чество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ б сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; видимъ, что не всѣ знатные новгородцы были рерѣзаны, оставались бояре и старосты, котор послѣ собираютъ деньги для найма варяговъ. От чали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ, которые не участвовали въ убійствѣ варяговъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ варяго были по этому самому равнодушны къ ихъ

ступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ варяжскихъ и отдать ихъ на месть варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ, если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: „хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя“. И этотъ отвѣтъ можетъ также служить объясненіемъ дѣлу: откажись новгородцы сражаться за Ярослава, онъ принужденъ былъ бы призвать новыя толпы варяговъ, слѣдовательно новгородцы должны были подвергнуться новымъ непріятностямъ со стороны послѣднихъ, и потому они предпочитаютъ уже сами идти съ Ярославомъ на Святополка. Сюда должно прибавить, что поведеніе Святополка также не могло возбудить къ нему расположенія въ гражданахъ; съ Ярославомъ легко было помириться: новгородцы разсердились на варяговъ и побили ихъ, Ярославъ имѣлъ полное право разсердиться на новгородцевъ за это и перебить ихъ—дѣло обоюдное; но трудно было доброжелательствовать князю, который началъ свое правленіе убійствомъ родныхъ братьевъ. Впрочемъ, это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избіеніи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцомъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая на долго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, послалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣдовательно наступила страшная для Ярослава: сестра писала: берегись; оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ, нужно было или бѣжать за море, или выступать немедленно противъ Святополка, предупредить его; однимъ словомъ поступить по примѣру отца своего Владиміра“ (стр. 192, 193, 194).

Въ приведенномъ объясненіи такъ много искусственности и натяжекъ, что дѣлаетъ самое событіе еще непонятнѣе. Изъ чего, напримѣръ, видно, что избіеніе варяговъ новгородцами, новгородцевъ Ярославомъ,—было дѣло частное, на которое цѣлому городу нечего было обращать вниманія? Изъ лѣтописи слѣдуетъ совсѣмъ противное. Далѣе, откуда слѣдуетъ, что новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, были равнодушны къ насильственной смерти ихъ согражданъ? Такъ же неудачны предположенія, почему Ярославъ жалѣлъ объ избіеніи дружины, и неудачны именно потому, что не просты. Дѣйствительно, все это событіе объясняется какъ нельзя лучше и характеромъ нашихъ предковъ, и духомъ времени, и обстоятельствами, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предположеній. Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ около тридцати лѣтъ, именно 28 лѣтъ. Въ примѣчаніи 297 г. Соловьевъ отвергаетъ извѣстіе лѣтописи: „и бѣ тогда (въ 1016 году) Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28“, потому что Ярославъ смѣнилъ въ Новгородѣ Вышеслава, а Вышеславъ, по Татищеву, умеръ въ 1010 году. Но можно ли отвергать лѣтопись по показаніямъ Татищева, когда онъ не ссылается на источники? Въ лѣтописи замѣна Вышеслава Ярославомъ въ Новгородѣ разсказана подъ 188 годомъ, и произошла въ томъ же году, какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста. Достоинства Ярослава несомнѣнны; весьма понятно, что новгородцы его любили. Быть можетъ, новгородцы имѣли и особенныя причины любить Ярослава: отказъ его платить 3,000 гривенъ могъ быть сдѣланъ по ихъ желанію и въ ихъ пользу. Вдругъ, по поводу варяговъ, между новгородцами и Ярославомъ произошла ссора. Что бы изъ нея могло выйти—неизвѣстно; но во время этой ссоры возникла опасность для князя со стороны; всѣ дѣла въ Руси, съ кончиною Владиміра, приняли другой видъ. Въ эту критическую минуту домашняя ссора, происшедшая случайно и по обоюдной винѣ, была забыта. Что можетъ быть естественнѣе? Надъ чѣмъ тутъ затрудняться? Чѣмъ ближе будемъ толковать лѣтописный разсказъ, тѣмъ онъ становится понятнѣй.

На стр. 207 г. Соловьевъ говоритъ, и очень положительно, хотя безъ всякихъ доказательствъ, что Ярославъ далъ новгородцамъ „финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются впослѣдствіи, при столкновеніяхъ съ князьями“. Всѣмъ извѣстно, что вопросъ о Ярославовыхъ грамотахъ, на которыя ссылаются новгородцы въ своихъ договорахъ съ князьями, былъ предметомъ длинныхъ изслѣдованій и споровъ и, по недостатку данныхъ, не рѣшенъ и до сихъ поръ. Одни думаютъ, что подъ Ярославовыми грамотами должно разумѣть „Русскую Правду“; другіе отвергаютъ это мнѣніе и утверждаютъ, что грамоты Ярославовы могли быть только льготныя, а не судебныя. Не знаемъ,

почему авторъ „Исторіи Россіи“ не обратилъ вниманія на эту спорность вопроса, и рѣшаетъ его такъ легко. Мы думаемъ, что слѣдовало выразиться осторожнѣе и, хоть въ примѣчаніи, въ нѣсколькихъ словахъ разсказать въ чемъ споръ, кто писалъ объ Ярославовыхъ грамотахъ и какія есть объ нихъ мнѣнія.

На стр. 208 невольно останавливаетъ насъ оборотъ рѣчи, который встрѣчается въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ довольно часто и, признаемся, производитъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Дѣло вотъ въ чемъ: по извѣстіямъ лѣтописи, христіанство начало распространяться въ Россіи при Ярославѣ. Онъ этому значительно способствовалъ, потому что былъ князь очень набожный и, по тогдашнему, весьма грамотный. Такъ бы и слѣдовало объ этомъ отозваться въ историческомъ сочиненіи. Но г. Соловьевъ предпочелъ труднѣйшій, менѣе простой и обычный путь. Онъ считаетъ нужнымъ пояснить дѣло, разсказать его иначе.

„Уже при Владимірѣ (говоритъ г. Соловьевъ) греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ“.

Къ чему этотъ выводъ, повидимому строго логическій, но въ сущности дѣла только натянутый? Такой методъ изложенія историческихъ фактовъ давно оставленъ, потому что представляетъ большія требованія, когда нѣтъ никакихъ средствъ ихъ выполнить. Внутренняя связь событій есть въ общемъ, а не въ частностяхъ. Въ постепенномъ распространеніи и утвержденіи христіанства въ древней Россіи есть внутренняя послѣдовательность, которую можно прослѣдить исторически. Но какъ доказать à priori, что оно должно было распространяться при Ярославѣ? Этого нельзя доказать, точно такъ же, какъ нельзя доказать à priori силлогизмомъ, почему Славяно-Греко-Латинская Академія заведена въ Москвѣ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, а не при Алексѣѣ Михайловичѣ, почему Ярославъ скончался въ 1054 году, а не годомъ раньше или позже, почему Ломоносовъ написалъ первую свою оду въ 1739 году.

На стр. 211 г. Соловьевъ отвергаетъ долговременное существованіе прежнихъ слав
скихъ князей и переходъ ихъ въ боярс
земскимъ значеніемъ. Тѣ, которые такъ
маютъ, забываютъ, по мнѣнію г. Соловь
что

„Родовой бытъ славянскихъ племенъ сохран
при своихъ первоначальныхъ формахъ, не пере
въ бытъ кланов, гдѣ старшинство было уже
слѣдственно въ одной линіи, переходило отъ
къ сыну, тогда какъ у нашихъ славянъ князь
женствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ,
линіи рода были равны относительно старшинс
каждый членъ каждой линіи могъ быть старш
въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физичес
старшинству: слѣдовательно, одна какая-нибудь
нія не могла выдвинуться впередъ передъ друг
какъ скоро родовая связь между ними рушил
ни одна линія не могла получить большого
ченія по своему богатству, потому что при р
вой связи имѣніе было общее; какъ же скоро
связь рушилась, то имущество раздѣлялось поро
между равными въ правахъ своихъ линіями: л
слѣдовательно, что боярскіе роды не могли
изойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, р
начальниковъ, по не-наслѣдственности этого зва
если старшина рода переходилъ въ дружину
жескую, то онъ сохранялъ свое родовое знач
только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ з
значенія, оно переходило къ какому-нибудь четв
юродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ р
то доля имущества его была равна долѣ каж
другого родича. Вотъ почему славянскіе кн
исчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ; не
искать ихъ и въ боярахъ по той же самой
чинѣ, т.-е. потому, что достоинство старши
славянъ не было наслѣдственнымъ въ одной р
вой линіи. Отсюда объясняется и то явленіе,
въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредст
ныя отношенія князей къ городскому народон
ленію, къ общинѣ“.

Противъ этихъ выводовъ можно ска
многое. Во-первыхъ, авторъ очевидно не
жетъ возражать противъ предположенійни
какъ тоже предположеніями: долго ли су
ствовали прежніе славянскіе князья или н
—мы не знаемъ; перешли ли славянскіе с
шины въ бояре съ земскимъ значеніемъ
не перешли — тоже неизвѣстно. Какъ
объ этомъ спорить: для состязанія нѣтъ по
Во-вторыхъ, на бывшихъ когда-то насл
ственныхъ славянскихъ князей въ Россіи у
зываетъ одно мѣсто: въ лѣтописи: „и по с
братьи (то-есть Кія, Щека и Хорива) л
жати почаша родъ ихъ княженье въ
ляхъ“. Стало быть, могли быть и при ро
вомъ устройствѣ случаи, когда одинъ р
возвышался надъ другими и удерживалъ
собою власть наслѣдственно. Скажемъ бол
въ патріархальномъ, родовомъ быту это

кое же обыкновенное, нормальное явленіе, какъ и избираемые старшины. Древнѣйшая исторія славянскихъ племенъ представляетъ этому самыя убѣдительныя доказательства. У однихъ изъ этихъ племенъ старшины избирались, у другихъ власть ихъ передавалась наслѣдственно. Такъ какъ строго-опредѣленнаго юридическаго устройства не было, то естественно, что все зависѣло отъ личности старшинъ и ихъ отношеній къ племенамъ. Такимъ образомъ у одного и того же племени наслѣдственное старшинство могло потомъ замѣниться избирательнымъ и, наоборотъ, избирательное смѣниться наслѣдственнымъ. На это тоже есть много примѣровъ; вообще большая ошибка искать точныхъ и постоянныхъ опредѣленій тамъ, гдѣ юридическія отношенія почти не существуютъ.

На стр. 215 и слѣд., г. Соловьевъ старается опредѣлить отношенія, въ какихъ находилась варяжская дружина къ нашимъ князьямъ и къ тогдашней Россіи. Вопросъ этотъ—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ первоначальной русской исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія; отъ его рѣшенія зависитъ правильный взглядъ на варяжскій или норманскій періодъ. Главный результатъ, къ которому приходитъ г. Соловьевъ въ своемъ изслѣдованіи, состоитъ въ томъ, что дружинники у насъ не дѣлили землю съ княземъ, потому что находились къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ: варяжскіе мужи, намѣстники, посадники по городамъ были правители, а не владѣльцы. Если князья и могли раздавать имъ земли, то остается еще вопросъ: выгодно ли имъ было пріобрѣтать ихъ? Конечно, имъ было выгоднѣе ходить съ княземъ за добычей къ непокореннымъ народамъ и за данью съ племенамъ подвластнымъ, однимъ словомъ, получать содержаніе непосредственно отъ князя.

Все это, конечно, очень могло быть, и до извѣстной степени даже вѣроятно было въ концѣ варяжской эпохи, когда родъ Рюриковъ обрусѣлъ и сталъ чуждъ варягамъ и другимъ дружинникамъ, приходившимъ изъза моря. Но было ли такъ же и въ началѣ этой эпохи—очень трудно рѣшить. Туръ и Рогволодъ какъ будто указываютъ, что между пришельцами варягами были и владѣльцы. Самъ г. Соловьевъ (стр. 114) затрудняется сказать, въ какихъ отношеніяхъ находился Рогволодъ къ правнукамъ Рюрика. Кто были свѣтлые князья, сидѣвшіе по городамъ и бывшіе подъ рукою Олега и Игоря,—также нельзя опредѣлить: если они посылали отъ себяословъ, если на ихъ долю приходилась часть добычи, можно ли считать ихъ только княжескими слугами или мужами, получавшими содержаніе непосредственно отъ князей? Г. Соловьевъ (стр. 107) видитъ въ нихъ родичей Рюриковыхъ. Но гдѣ этому доказательства? Самъ же онъ говоритъ (примѣч. 194), что въ договорахъ нашихъ князей съ греками названія „князь“ и „боярин“ употребляются, безъ различія, одно вмѣсто другого, и списки договоровъ также смѣшиваютъ оба названія. Какое же основаніе видѣть въ этихъ князьяхъ Рюриковыхъ родичей? Дѣлежъ добычи и дани между княземъ и дружиной не свидѣтельствуетъ ли объ отношеніяхъ неслужебныхъ? Впослѣдствіи, конечно, значеніе этого дѣлежа могло измѣниться,—не споримъ; но начало происхожденія его нельзя искать въ служебныхъ отношеніяхъ. Вообще намъ кажется, что г. Соловьевъ смотритъ на варяговъ, бывшихъ въ Россіи, нѣсколько односторонне. Онъ повидимому предполагаетъ, что они составляли одну дружину, одно цѣлое. Но это едва ли было такъ, особливо вначалѣ. Варяги приходили въ Россію въ разное время, останавливались и селились въ нѣкоторыхъ городахъ независимо отъ князей Рюрикова дома, и могли такимъ образомъ основать не одно, а нѣсколько владѣній въ нашемъ отечествѣ. Мы и до сихъ поръ не знаемъ, были ли призванные князья первые владѣтели, или и до нихъ были у насъ другіе? Всѣ ли такіе владѣтели исчезли съ изгнаніемъ варяговъ, или нѣкоторые остались? Кромѣ приведенныхъ примѣровъ Тура и Рогволода, можно указать на Аскольда и Дира. Въ отношеніи къ такимъ владѣтелямъ, взглядъ г. Соловьева непримѣнимъ. Они, кажется, были довольно независимы отъ Рюрика и его преемниковъ, хотя могли вмѣстѣ съ ними участвовать въ большихъ походахъ и другихъ военныхъ предпріятіяхъ. Разумѣется, непосредственная прислуга и свита князей находилась, съ самаго начала, въ большей зависимости отъ князей, хотя и въ отношеніи къ ней эпитетъ „служебная“ можетъ быть несовсѣмъ точенъ.

На стр. 219, г. Соловьевъ говоритъ, что „мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при князѣ въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ—болярцы“. Сколько мы припоминаемъ,

о болярцахъ упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ, именно въ разсказѣ о томъ, какъ къ Вышегородскимъ болярцамъ обратился Святополкъ по кончинѣ Владиміра; но въ этомъ мѣстѣ ни слова не сказано, что̀ они такое были и чѣмъ занимались; слѣдовательно, объясненіе ихъ значенія бездоказательно и произвольно. Если г. Соловьевъ считалъ совершенно необходимымъ разслѣдовать, что такое были болярцы, не знаемъ, почему онъ не воспользовался указаніями Ярославова Церковнаго Устава, въ которомъ говорится о боярахъ великихъ, среднихъ и меньшихъ. Здѣсь онъ бы тоже не нашелъ ближайшаго опредѣленія этихъ разрядовъ; но, по крайней мѣрѣ, могъ бы сослаться на параллельное мѣсто.

На стр. 224, г. Соловьевъ возвращается къ своей любимой мысли, встрѣчающейся много разъ въ его новомъ сочиненіи, — къ мысли, что сѣверное народонаселеніе Россіи, въ описываемый періодъ, было храбрѣе, мужественнѣе, заключало въ себѣ болѣе государственныхъ элементовъ, чѣмъ южное. Факты, вообще, какъ-будто подтверждаютъ эту мысль: побѣда всегда почти была на сторонѣ тѣхъ, за кого сражались сѣверные жители. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до кончины Ярослава. Но вотъ затрудненіе: Мстиславъ побѣдилъ брата своего Ярослава съ помощью сѣверянъ, а Ярославъ привелъ съ собой варяговъ. Какъ объяснить это событіе, противорѣчащее общему взгляду? Г. Соловьевъ не затрудняется нисколько. Онъ даетъ этому дѣлу такой оборотъ: „южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе, тѣ лучшіе мужи, которыхъ Владиміръ перевелъ съ сѣвера и поселилъ въ пограничныхъ городкахъ, дало торжество Мстиславу надъ варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ“. Это объясненіе было бы совершенно удовлетворительно, еслибъ въ лѣтописи былъ хоть малѣйшій намекъ на то, что въ рядахъ сѣверянъ сражались противъ Ярослава и эти лучшіе мужи, или что они склонили побѣду на сторону Мстислава; но такого намека нѣтъ, и мы считаемъ себя вправѣ спросить г. Соловьева, почему онъ знаетъ, что лучшіе мужи доставили побѣду, а не сѣверяне, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ?

На стр. 230 авторъ говоритъ объ изгояхъ. Въ послѣднее время изслѣдованіе г. Калачова объ этомъ предметѣ, помѣщенное въ „Архивѣ“, подало поводъ къ живому
Вопросъ остался нерѣшеннымъ, но недо
данныхъ; но онъ былъ обслѣдованъ с
ныхъ точекъ зрѣнія, и всѣ заключенія
рыя можно было извлечь изъ наличныхъ
дѣтельствъ объ изгояхъ, сдѣланы. У
маемъ, что слѣдовало бы упомянуть о
какъ наши ученые объясняютъ загад
извѣстія объ изгояхъ и ихъ происхож
Но г. Соловьевъ не ссылается ни на
г. Калачова, ни на сдѣланныя ему
женія.

На той же страницѣ г. Соловьевъ
дуетъ судебную власть князя. По м
его, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были
званы для прекращенія междоусобій.
быть, главное назначеніе князя было—
и разбирать споры и тяжбы. Отсюда а
разумѣется, выводитъ, что между
„бывали случаи мирнаго разбирательс
соглашенія, и эти случаи служили
ромъ; но эти случаи, какъ видно (sic)
довольно рѣдки; большею же частью ст
венія оканчивались враждебно, возст
рода на родъ, что̀ и повело къ мысли
обходимости третьяго судьи“. Такова
мыслей. Но изъ чего заключаетъ г. Сол
что случаи мирнаго разбирательства
рѣдки? Откуда это видно? Послѣ этого м
пожалуй, утверждать, что, напримѣръ,
городцевъ и въ позднѣйшее время
вовсе не было суда; ибо нельзя указа
страну въ древней Россіи, гдѣ бы ус
были чаще. Тѣмъ не менѣе судебные у
свидѣтельствуютъ, что у новгородцевъ,
зависимо отъ княжескаго суда, былъ
посадника, судъ тысяцкаго, вѣчевой
Да и можно ли такъ утвердительно гово
что распри и усобицы происходили в
мѣнно по поводу дѣлъ судебныхъ? Раз
было и не могло быть тысячи другихъ
чинъ? А если не одни судебныя дѣла
причиной внутреннихъ раздоровъ, то по
бы случаи мирнаго разбирательства и с
шенія могли быть рѣдки? Вѣдь объ
мы ничего не знаемъ.

На стр. 231 — 234, авторъ излагаетъ
стему виръ по Русской Правдѣ. Это
женіе представляетъ нѣкоторыя неточ
и ошибочные выводы, на которые мы
таемъ нужнымъ обратить вниманіе. Т
на стр. 231, въ одномъ мѣстѣ говорится
вира платилась князю, въ другомъ она
сматривается какъ вознагражденіе обще

ъ этихъ объясненій вѣрно? Каждое
нашей исторической литературѣ
щитниковъ.—На слѣдующей стра-
оловьевъ объясняетъ значеніе и
еніе дикой виры такимъ образомъ:

родовой мести существовала также
ая пеня въ томъ случаѣ, когда не бу-
ля; но если при послѣднемъ обстоя-
бійство будетъ совершено, и убійца
о правительство чрезъ это лишается
редотвращенія такого лишенія въ озна-
учаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ,
совершено убійство; такая вира назы-
ею или *дикою* вирою. Вервь не платила
учаѣ, когда находили въ ней только
ѣтельствовавшія о давности преступле-
тила также за мертвеца, о которомъ
знала. Это установленіе *дикой виры*
мы и въ другихъ новорожденныхъ
, въ которыхъ правительственный орга-
не зрѣлъ; при такомъ состояніи обще-
ейскія обязанности обыкновенно пору
льнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ
езпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ
ю разумѣлось также общее поручитель-
горому всѣ или нѣкоторые жители верви
ь, въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ со-
йство, помогать ему въ платежѣ виры.
лъ ли обычай дикой виры въ описы-
мя, или явился позднѣе? Обязанность
гить и представить убійцу, или платить
у въ случаѣ, если не отыщутъ его, без-
лась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ;
шить, когда явился обычай дикой виры
говарищества для вспоможенія убійцѣ
ру; если этотъ обычай имѣлъ мѣсто въ
е время, то долженъ былъ особенно
послѣ Ярослава, когда месть была окон-
амѣнена вирами. Правда различаетъ
ство, когда человѣкъ убилъ другого безъ
жды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу
и. Дикая вира относительно разбойника
мѣтъ мѣста; за разбойника люди не пла-
давали его съ женою и дѣтьми, князю
(изгнаніе), домъ его отдавался на раз-
(стр. 232 и 233).

взглядъ на дикую виру не совсѣмъ
По словамъ автора, происхожденіе
о искать въ томъ, что въ обще-
оторыхъ правительственный орга-
зрѣлъ, полицейскія обязанности,
нность за тишину и порядокъ воз-
па отдѣльные округи. Вполнѣ при-
раведливость факта, мы думаемъ,
ито причина его лежитъ глубже,
въ первоначальномъ значеніи мі-
ры представляли въ древности об-
ыя единицы, замкнутыя въ себѣ,
сообща владѣли, сообща отвѣчали
ередъ другими, сообща платили. Въ
ихъ внутренній бытъ никто не входилъ; они судились и управлялись сами собою. Въ древнѣйшей русской исторіи это значеніе міровъ было, конечно, еще замѣтнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, дикая вира не была собственно установленіемъ или законодательною мѣрою, но образовалась сама собою, изъ внутренняго быта и характера міровъ.

Что касается до случаевъ, когда платилась дикая вира, то и ихъ г. Соловьевъ опредѣлилъ тоже не совсѣмъ правильно. По его мнѣнію, дикая вира платится цѣлымъ округомъ или вервью, когда убійство будетъ совершено надъ лицомъ, за котораго нѣтъ мстителя, а убійца скроется. Но Русская Правда говоритъ объ этомъ иначе. Въ ея краткихъ спискахъ, включенныхъ въ Новгородскія Лѣтописи древнѣйшаго состава, и не безъ основанія почитаемыхъ за древнѣйшія, статья о дикой вирѣ изложена такъ: „А иже убьютъ огнищанина въ разбои или убіица не ищуть (съищутъ), то вирное платити въ ней же вири голова начнеть лежати“. Такимъ образомъ, первоначальная дикая вира взыскивалась въ такомъ только случаѣ, когда убитъ огнищанинъ разбоемъ, и убійца его не будетъ сысканъ. Впослѣдствіи положеніе это расширилось, какъ видно изъ пространныхъ списковъ: дикую виру стали взимать не за одно убійство разбоемъ огнищанъ, но вообще за всякое такое убійство кого бы то ни было. Что послѣднее положеніе было позднѣйшимъ распространеніемъ перваго, очевидно изъ редакціи пространныхъ списковъ Русской Правды. Въ этихъ спискахъ назначеніе величины дикой виры за княжа мужа отнесено къ концу статьи и затѣмъ прибавлено, что за людина должно взыскивать по 40 гривенъ: приставка ясна. Независимо отъ того, не знаемъ, позднѣе или въ то же время, дикую виру стали, кажется, платить за всѣ убійства безъ различія, притомъ хотя бы убійца находился въ округѣ или въ міру и былъ извѣстенъ. Очень трудно объяснить, какъ это сдѣлалось, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ, изъ которыхъ это видно, прямо сказано, что за разбойниковъ не платятъ виры, но выдаютъ ихъ на потокъ и разграбленіе; отмѣна ли мести за убійство уравняла разные его виды между собою установленіемъ денежнаго окупа за всѣ безъ различія, или мірамъ предоставлялось право заплатить виру за убійство или выдать разбойника, — какъ бы то ни было,

но, на основаніи „Русской Правды", несомнѣнно, что бывали случаи, когда округъ платилъ виру даже если преступникъ былъ налицо, и даже когда онъ убилъ кого нибудь не разбоемъ, но явно, въ есорѣ или на пиру. Одна статья „Русской Правды" подробно опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ участвуетъ въ уплатѣ дикой виры самъ преступникъ. Однако такая раскладка виры на округъ или міръ тоже не была, повидимому, общимъ правиломъ, потому что въ другой статьѣ Русской же Правды прямо сказано, что кто не участвуетъ въ уплатѣ дикой виры за того и люди не платятъ, а онъ платитъ самъ. Чѣмъ опредѣлялись эти исключенія: добровольно самимъ мірянином, жителемъ верви, или тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ особливому отъ остальныхъ ея жителей званію и не былъ въ общинѣ—трудно сказать, по недостатку данныхъ. Наконецъ, округъ освобождался отъ обязанности платить виру, когда убитый былъ совершенно неизвѣстенъ. Это положеніе, странное съ перваго взгляда, можетъ быть объяснено только историческимъ происхожденіемъ виръ. Въ началѣ онѣ были выкупомъ за убійство, замѣною мести. Поэтому не было положено виры за неизвѣстнаго человѣка, такъ какъ за него некому было мстить, а слѣдовательно и не откого было откупаться.

Таковы положенія Русской Правды о дикой вирѣ. Намъ кажется, что г. Соловьевъ не довольно подробно вникнулъ въ ихъ содержаніе; иначе онъ не увидалъ бы двухъ дикихъ виръ вмѣсто одной, и не сказалъ бы, что округъ не платилъ виры когда въ немъ находили кости, потому что кости свидѣтельствовали о давности преступленія. Эти и выше нами указанныя неправильныя объясненія дикой виры находятся въ тѣсной связи съ другимъ общимъ недостаткомъ изложенія нашего внутренняго быта по Русской Правдѣ: г. Соловьевъ нигдѣ не говоритъ о составленіи этого памятника. На стр. 209 читаемъ, что Ярославъ „любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писаный уставъ гражданскій, такъ называемая „Русская Правда". На стр. 231 такое же мимоходное указаніе на Русскую Правду: „Если главное значеніе князя (говоритъ г. Соловьевъ) было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ
ною, старцами городскими, а послѣ
христіанства съ епископами, — и во
славу первому приписывается подоб
санный уставъ, подъ именемъ Русской
Названіе Русской Правды получил
уставъ, какъ видно (?), для отличія
вовъ греческихъ, которые, по приня
стіанства, имѣли такое сильное вл
юридическій бытъ Руси". Затѣмъ
отсылаетъ читателя къ изслѣдованія
ской Правды г. Калачова (прим. 37
цѣломъ первомъ томѣ „Исторіи Ро
не встрѣчаемъ уже ни слова болѣе о
памятникѣ. Конечно, настоящая о
Русской Правды весьма неудовлетвор
но и ею г. Соловьевъ воспользовалс
не вполнѣ. Онъ безразлично ссылает
древніе и новые списки и позднѣйш
женія вводитъ въ обозрѣніе нашего
няго быта до половины XI вѣка, т
изслѣдованія если и не доказали
тельно, то по крайней мѣрѣ сдѣлал
вѣроятнымъ раздѣленіе Правды на
дакціи, изъ которой одна принадлеж
мени Ярослава, другая - его сыновей,
относится къ эпохѣ еще позднѣйш
этомъ раздѣленіи г. Соловьевъ даже
мянулъ. Въ первомъ томѣ „Исторіи
подробно говорится о наслѣдствѣ, о
холопяхъ, о наймитахъ и другихъ
тахъ, которые опредѣлены однѣми п
ными, очевидно позднѣйшими ред
Правды. Нѣкоторыя изъ этихъ стате
жены тоже неправильно. Такъ, напр
на стр. 237 и 238, г. Соловьевъ по
хотя и нѣсколько натянуто объясняе
чему наслѣдство не переходило въ б
линіи. По его мнѣнію, въ Русской
здѣсь идетъ рѣчь о родичахъ, выдѣлив
изъ рода. Но изъ чего же это видно?
смерда, говоритъ г. Соловьевъ, имѣ
реходитъ къ князю, потому что князь
нилъ для смерда родоначальника. Но
очень бездоказательно. Почему же, спр
мы, наслѣдовалъ сынъ смерда, а не
если у смерда были сыновья? Какъ объ
эту аномалію? Далѣе г. Соловьевъ ду
что имѣніе дружинника (въ Русской П
говорится о боярахъ и дружинѣ; но, п
которымъ спискамъ, эта статья относи
къ людинамъ) переходило къ его д
сыновьямъ или дочерямъ, но не къ
потому что дружинникъ не принад

ѣ, былъ вольный, временной слуга
ь всѣхъ этихъ объясненій должно
, что г. Соловьевъ считаетъ поло-
ской Правды о наслѣдствѣ націо-
туземными, вылившимися изъ по-
ещей въ данный періодъ времени.
ю ли послѣ этого встрѣтить нѣ-
иже, именно на стр. 260, слѣдую-
аніе: „справедливо замѣчаютъ так-
атьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, на-
въ Русской Правдѣ, большею ча-
ствованы изъ греко-римскаго зако-
тва, перешедшаго въ наше мірское
льство посредствомъ духовенства“.
мнѣніе само по себѣ ни справед-
оно рѣшительно противорѣчитъ
у выше.— О разныхъ княжескихъ
судебныхъ чиновникахъ, приво-
въ исполненіе приговоръ, произво-
слѣдствіе, взимавшихъ пошлины,
тр. 239) слишкомъ мало, а нѣко-
е и вовсе не упомянуты, напри-
сынки“. Мы думаемъ, что этотъ
заслуживалъ подробнаго разсмо-
ля него же, притомъ, кое-какія
ельныя работы уже сдѣланы.

нравы и обычаи эпохи, г. Со-
мѣчаетъ, между прочимъ (стр. 246),
ые жители смѣялись надъ пристра-
верныхъ къ банямъ“, и ссылается
ный лѣтописный разсказъ о сла-
баняхъ (Лавр. лѣт., стр. 4). Мы,
я, не видимъ въ разсказѣ насмѣшки.
ожно открыть въ немъ желаніе
ть себѣ удивленіе иностранца при
торыхъ нашихъ обычаевъ, ему до-
шенно неизвѣстныхъ, стать на его
нія. Если въ разсказѣ и есть ирο-
ронія весьма добродушная надъ
ами, не понимавшими нашихъ обы-
вовсе не надъ сѣверными жителями
банями.

о мы нашли нужнымъ сказать во-
въ частности о новомъ сочиненіи
ва, составляющемъ начало пред-
имъ обширнаго историческаго
ибъ мы захотѣли также подробно
всѣ достоинства перваго тома „Исто-
“, какъ обозначили его недостатки,
рѣніе, и безъ того слишкомъ длин-
чилось бы въ объемѣ втрое или
Позволяемъ себѣ думать, что это
овершенно безполезно. Мы знаемъ,
книга г. Соловьева читается много
и со вниманіемъ. Всѣ ея хорошія стороны
принесутъ свой плодъ и не замедлятъ ото-
зваться въ нашей исторической литературѣ.
Желать ей успѣха, расточать ей похвалы,
было бы совершенно неумѣстно: ни г. Со-
ловьевъ, ни его трудъ, въ этомъ нисколько
не нуждаются. Задача добросовѣстной кри-
тики, при разборѣ такого значительнаго исто-
рическаго труда, состояла, какъ мы думаемъ,
только въ спокойномъ, безпристрастномъ ука-
заніи на недостатки, которые, при ученомъ
авторитетѣ писателя, при всѣми признанномъ
достоинствѣ его сочиненій, могутъ укоренить
или ошибочныя, или, по крайней мѣрѣ,
неточныя понятія о предметѣ. Эту задачу
мы и старались выполнить по мѣрѣ силъ,
останавливаясь болѣе всего на недостаткахъ
очевидныхъ, на положеніяхъ или явно оши-
бочныхъ, или по крайней мѣрѣ спорныхъ и
недоказанныхъ, и устраняя всѣ требованія,
которыхъ, при настоящихъ средствахъ науки,
еще невозможно выполнить. Въ этомъ смыслѣ
появившіеся доселѣ отзывы о первомъ томѣ
„Исторіи Россіи“ намъ показались отчасти
слишкомъ строгими, отчасти не довольно спо-
койными и безпристрастными. Новый трудъ
г. Соловьева, какъ бы мы ни стали судить
его, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ и бла-
годарности, и благорасположенія. За подобное
требованіе, конечно, никто не упрекнетъ насъ
въ пристрастіи къ г. Соловьеву, ни въ пре-
увеличеніи его ученыхъ заслугъ: это самое
меньшее, что̀ можно объ немъ сказать, на
что́ онъ пріобрѣлъ неоспоримое право.

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторыя неточ-
ности и обмолвки, попадающіяся въ разби-
раемой нами книгѣ. На стр. 100 сказано:
„и прежде болѣе воинственные Древляне и
Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ“.
Въ ссылкѣ (прим. 171) приведено мѣсто изъ
лѣтописи о томъ, что поляне были обижаемы
древлянами „инѣми околними“: объ угличахъ
ни слова. На стр 102 сказано, что Олегъ
сажаетъ своего мужа въ Смоленскѣ „разу-
мѣется не одного, а съ дружиною, достаточ-
ною для удержанія за собою владѣнія“. Но
въ лѣтописи (прим. 174) о дружинѣ не гово-
рится ни слова. На стр. 125 авторъ говоритъ:
„во времена лѣтописца показывали ея (В. К.
Ольги) сани во Псковѣ, по Днѣпру и по
Деснѣ перевѣсища или перевозы“. *Но пере-
вѣсище* не значитъ *перевозъ*. *Перевѣсъ* озна-
чаетъ или мѣсто, гдѣ охотились за птицами,
или сѣть, которой ихъ ловили. Въ Русской

Правдѣ читаемъ: „Аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ“—„Аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ“ (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: несъ). На стр. 24 читаемъ: „Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка“. Оборотъ неправиленъ и подаетъ поводъ думать, будто бы, по мнѣнію г. Соловьева, это вѣче было первое; авторъ, разумѣется, хотѣлъ сказать, что въ первый разъ упоминается такое вѣче. Стр. 261: „Духовенство... преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю“, а въ выноскѣ (примѣч. 418) прибавлено: „такъ, напримѣръ, если онъ кусается“. Въ подлинникѣ, изъ котораго взято это извѣстіе, именно въ уставѣ Ярославовомъ, сказано: „аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть“. Тутъ дѣло изложено полнѣе, и потому понятнѣе. На стр. 120, въ разсказѣ о мести Ольги, выраженіе лѣтописи: „лязите въ лодьи величающеся“ переведено такъ: „разлягтесь тамъ (въ лодкѣ) съ важностью“. Переводъ неудаченъ. Неудачны также слѣдующія мѣста: „Ярославъ не заслужилъ такой *пріятной* памяти въ народѣ“ (стр. 207). „Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему порядку, хозяйственной дѣятельности женщина, она была способнѣе къ при христіанства“ (стр. 125). Это фраза. рѣка раздѣляла враждебныя войска, одно изъ нихъ не хотѣло первое не виться, то употреблялись поддразни (стр. 225): какъ будто былъ уставъ на чай поддразнивать въ такихъ обсто ствахъ: какъ будто это не случайное вторившаяся всего два раза въ 250 Къ числу странныхъ положеній относ то, будто бы есть для экзегезиса пра даже извѣстное, что „труднѣйшее чтені почитается легчайшему“. Объ этомъ ловьевъ говоритъ два раза, именно 90 и въ прим. 231. Такое правило ра то только годится, чтобъ безъ нужды р жать комментаріи. Спора нѣтъ, не сл легкомысленно отвергать чтеніе, ког не вдругъ поддается толкованію; но вить правиломъ—изъ двухъ или многих ній непремѣнно выбирать самое непонят это, какъ хотите, крайности ученыхъ ментаторовъ, а не дѣло.

(Отеч. Записки, 1851, кн. 12).

О КНИГѢ Г. ЧИЧЕРИНА.

Областныя учрежденія Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Соч. Б. Чичерина. *Москва. 1856.*

Книга г. Чичерина служитъ самой утѣшительной повѣркой тому, какими быстрыми шагами подвигается у насъ впередъ изученіе нашего внутренняго быта и созрѣваетъ наше народное самосознаніе. Давно ли, кажется, весь интересъ ученыхъ изслѣдованій и преній по русской исторіи, сосредоточивался около вопросовъ внѣшней, политической исторіи, или по большей мѣрѣ простирался не далѣе критики источниковъ? Около половины минувшаго тридцатилѣтія наши древнія внутреннія учрежденія и юридическіе обычаи стали сильно занимать уч какъ? Болѣе по сравненію съ внутрен бытомъ другихъ европейскихъ народо съ сильнымъ перевѣсомъ теоретиче взглядовъ надъ дѣйствительнымъ изу скимъ изученіемъ. Всѣ живо еще по это время нашей исторической литер время броженія, иногда слишкомъ см иногда же черезъ-чуръ робкихъ и часто неудачныхъ примѣненій готовыхъ рическихъ взглядовъ къ полуизвѣст фактамъ, время блужданія въ какомъ-т манѣ, въ которомъ едва видѣлись к кія твердыя руководительныя точк это время незрѣлыхъ начинаній, ко

ъ недавно вызывали противъ себя
основательныхъ и неосновательныхъ
ній, миновало. Изъ области полу-
ческихъ, полу-историческихъ мечта-
очевидно выходимъ въ область чи-
торической дѣятельности. Сравни-
обозрѣніе вызвало самостоятельный
придало высокій интересъ тому, что
ало отъ вниманія, потому что было
ь слишкомъ близко. Съ неотразимою
вательностью мы проходимъ, въ на-
ственной жизни и развитіи народнаго
, тотъ же самый путь, по которому,
вѣка назадъ, совершалось наше поли-
е развитіе: тогда вліяніе Европы вы-
ь жизни наши политическія силы и
государство; теперь вліяніе европей-
уки возбудило въ насъ самосознаніе
ило къ серьезному изученію самихъ

ніе г. Чичерина невольно навело
эти размышленія. Оно дышетъ тою
тью историческаго изученія, которая
свидѣтельствуетъ о зрѣлости мысли.
апотеоза нашего прошедшаго, плохо
ющая отсутствіе критики основныхъ
это не поверхностное, мимолетное
ie, подводящее историческія явленія
кое-то внѣшнее односторонно-примѣ-
мѣрило, — нѣтъ, это историческое,
изслѣдованіе, передающее читателю
ъ во всей его подробности, со всѣми
мещущими оттѣнками эпохи. Кажъ
очитавъ книгу, самъ можетъ судить,
и г. Чичеринъ, или нѣтъ, потому
факты у него передъ глазами. Въ
отношеніи добросовѣстность автора
сякихъ похвалъ и служитъ несомнѣн-
оказательствомъ того, съ какимъ ува
онъ смотритъ на предметъ своего
ванія. Книга г. Чичерина — единствен-
ный трудъ по этой части, такъ что
жно отнынѣ говорить объ област-
режденіяхъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ,
ивъ напередъ этого замѣчательнаго
ескаго труда. Особенную цѣну при-
очиненію г. Чичерина, кромѣ указан-
остоинствъ, е.ге и самый предметъ
гѣдованія. Управленіе центральное и
состоитъ въ неразрывной связи со
торонами внутренней жизни государ-
народа: уставъ сословный, части ду-
военная, гражданская, финансовая,
ская, судопроизводство,—словомъ, все
имѣетъ отношеніе къ управленію и находится въ нѣкоторомъ смыслѣ подъ его вліяніемъ. Вслѣдствіе этого, говоря объ областныхъ учрежденіяхъ, г. Чичеринъ долженъ былъ коснуться всѣхъ сторонъ нашего внутренняго быта въ XVII-мъ вѣкѣ, что расширяетъ предметъ его сочиненія далеко за предѣлы, обозначаемые заглавіемъ.

Важность и необработанность предмета, а также новость многихъ результатовъ, выводимыхъ г. Чичеринымъ, налагаютъ на насъ обязанность дать возможно-полный отчетъ о его книгѣ. Мы постараемся исполнить это, придерживаясь какъ можно ближе къ подлиннику, большею частью собственными словами автора, въ убѣжденіи, что высокій интересъ изслѣдованія оправдаетъ обиліе выписокъ.

Первоначальный бытъ нашихъ славянъ былъ патріархальный, основанный на естественныхъ, кровныхъ отношеніяхъ; но, при столкновеніи съ чуждыми племенами, онъ сталъ клониться къ упадку; родовая связь рушилась, личность выступила на первый планъ съ своею частною волею и частными притязаніями, и вслѣдствіе этого сложился порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и ея частныхъ правъ.

Варяги и принесенное ими дружинное начало, противоположное родовому порядку дѣлъ, ускорили разложеніе послѣдняго. Князья стали къ русско-славянскимъ племенамъ въ отношенія начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель, получили право суда и право на взиманіе дани, и эти права оставляли за собою или уступали своимъ товарищамъ и членамъ дружины.

Частныя, личныя цѣли преобладали въ этомъ порядкѣ управленія. Судъ и дань разсматривались единственно какъ источники дохода и обогащенія дружинниковъ.

Когда князья усѣлись въ своихъ владѣніяхъ, стали вотчинниками, порядокъ управленія остался тотъ же. Доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ, или сбирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками или сотскими и старостами городскихъ общинъ и сельскихъ волостей; ибо община вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно призваніе: уплачивать подати и отправлять повинности въ пользу землевладѣльца.

Судъ, составлявшій единственную общественную потребность того времени, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, до какой степени частные, личные интересы господствовали исключительно.

Судъ въ удѣльный періодъ вотчинной Руси имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности. Въ этомъ значеніи онъ дѣлился между князьями, дробился между ними и между кормленщиками на участки, на года, передавался по частному праву въ кормленіе, не въ видѣ общественной должности, а въ видѣ жалованья, подарка, и служилъ источникомъ дохода. Такой порядокъ суда былъ неминуемымъ послѣдствіемъ господства частнаго права въ общественной жизни, — а бытъ, основанный на частномъ правѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Когда разрушается первоначальный общественный союзъ, основанный на кровныхъ началахъ, тогда временно пропадаетъ сознаніе объ обществѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ; личности распадаются врознь и водворяется господство частнаго права, которое своими темными сторонами ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ будущей его прочности.

Иной характеръ имѣлъ судъ и управленіе въ другой формѣ общественной жизни средневѣковой Руси — въ вольной общинѣ, какою является Новгородъ. Здѣсь судъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятія, „на боярина, на житьего и молодшаго человѣка“, не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Устройство этой должности совершенно опредѣлялось характеромъ новгородскаго быта. Договорная община не имѣетъ въ себѣ крѣпкихъ жизненныхъ началъ и прочныхъ учрежденій, какъ община, основанная на естественныхъ, родовыхъ отношеніяхъ, или какъ община, проникнутая началомъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ въ основаніи всего общественнаго устройства лежитъ личная воля и согласіе каждаго, неминуемы раздоры, борьба партій, господство силы. Поэтому договорная община, не будучи въ состояніи управляться сама собою, иногда призываетъ себѣ посредника извнѣ; но самое подчиненіе этому посреднику, основанное опять же на договорѣ и согласіи каждаго гражданина, не имѣетъ обязательной силы для всѣхъ: при всяк случаѣ можетъ быть воззваніе къ са гражданамъ,—и вслѣдствіе того, новые доры, новыя кровопролитія. Такова характеръ суда въ Новгородѣ. Верхов судьею былъ призванный извнѣ посред —князь, котораго власть всякій разъ у ждалась договоромъ. Но каждый гр нинъ, по каждому частному иску, могъ вать народное вѣче и предлагать ему дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ был гласіе, то оно само тотчасъ исполняло приговоръ; если же согласія не было, ходила драка, и дѣло рѣшалось силою. томъ, такъ какъ вѣче было не собран созываемымъ въ установленныхъ закон формахъ, а случайною сходкою граж то могло быть въ одно время нѣск разныхъ вѣчъ; обиженный созывалъ обвиненный—другое, и споръ опять рѣш кровопролитіемъ. Преступленія не быть разсматриваемы здѣсь какъ дохо дѣйствія, изъ которыхъ судья извле прибытокъ; преступникъ нарушалъ ственный миръ и за это подвергался женію изъ общиннаго союза: имущест предавалось разграбленію, а самъ онъ давался князю на *потокъ* или изгнаніе иногда само вѣче, схвативъ преступни бросало ихъ въ Волховъ, — чистая ф мести. Въ гражданскихъ дѣлахъ, в тивъ, судъ имѣлъ характеръ чисто-посре ческій. Судьи, избираемые своими щимися, ясно указываютъ на третей судъ.

Частное право, лежавшее въ основаніи дневѣкового быта вотчинной Руси, не м основать прочныхъ общественныхъ учре ній. Возникши изъ развитія личности зданный имъ бытъ разрушается анарх скимъ дѣйствіемъ собственныхъ начал ведетъ къ необходимости новыхъ фо основанныхъ на противоположномъ нача на началѣ общественномъ.

Эта новая форма общественной жизн государство. Строители его, московскіе дари, начали водворять государственное чало, постепенно прекращая слишкомъ ш шое обособленіе личностей и образуя со которые могли бы служить орудіями дарственной власти. Они не разруша не передѣлывали на новый ладъ элемен средневѣковой жизни, но только укрѣп ихъ, заставивъ подчиниться обществ

ти. Бояре и слуги обязаны были служ-
и стали писаться холопами; крестьяне
родскіе жители были укрѣплены къ своимъ
ищамъ; каждый долженъ былъ служить
дарству, тянуть тягло на своемъ мѣстѣ.
имъ образомъ на всѣ сословія возложены
общія для каждаго изъ нихъ обязан-
и, которыя дали имъ сословное един
и изъ собранія лицъ превратили ихъ
осударственные союзы. Такимъ образомъ
должно было служить государственнымъ
имъ,, и учрежденія того времени соста-
отъ обширную систему повинностей, ко-
я господствовала до самыхъ временъ
терины II-й.
ги же начала выразились и въ развитіи
стного управленія. Кормленія были не-
ѣстимы съ государственнымъ порядкомъ,
му что общество не можетъ отчуждать
права въ частныя руки. Поэтому мос-
кіе государи всячески старались огра-
ить власть намѣстниковъ и волостелей,
давали права ихъ другимъ органамъ
вленія и наконецъ совершенно уничто-
и систему кормленій.
ажнѣйшимъ ограниченіемъ власти на-
никовъ и волостелей было введеніе въ
старостъ и цѣловальниковъ, учрежден-
ь при Иванѣ Грозномъ вмѣсто „добрыхъ
ей", которые были не что иное, какъ свид
ли при судѣ и, кажется, не были вы-
ые. Но въ царствованіе же Грознаго
осты и цѣловальники получили большое
еніе. Послуживъ сначала, подобно доб-
ь людямъ, обезпеченіемъ противъ намѣст-
въ и волостелей, они потомъ, мало-по-
, сосредоточили въ своихъ рукахъ су-
о-полицейскую отрасль суда, самое право
гражданскаго и уголовнаго и наконецъ
ie сборы: таможенные, кабацкіе, съ рыб-
ь ловель и т. п. Такимъ образомъ об-
ное начало получило значительное уча-
къ земскомъ управленіи, что̀ было
ніемъ новымъ, созданіемъ московскихъ
й. Сознавая новыя потребности, стре-
къ водворенію общественнаго порядка,
дарство нуждалось въ органахъ управ-
и. Намѣстники и волостели не могли
для него орудіями; собственною дѣя-
ностью государство также не могло удо-
ворить общественнымъ потребностямъ,
му что у него было еще слишкомъ мало
ріальныхъ средствъ; государственный
низмъ, созидаясь мало-по-малу, былъ
еще въ такомъ хаотическомъ состояніи, при которомъ правильная дѣятельность и контроль были невозможны. Оставалось одно: искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія. Этотъ порядокъ породилъ систему поручительства и выборное начало. Такимъ образомъ дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Когда же государство мало-по-малу окрѣпло въ самомъ себѣ, средства его умножились и учрежденія его начали развиваться въ стройное цѣлое, система повинностей стала замѣняться собственною дѣятельностью государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ общинный былъ постепенно вытѣсненъ элементомъ приказнымъ. Для распоряженій со стороны государства необходимы были особливые органы управленія — дьяки и городовые прикащики, которые завѣдывали государственными дѣлами — распорядительными, помѣстными, финансовыми, даже отчасти судебными.

Эти три элемента областного управленія— кормленщики, общины и приказные люди— существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ. Въ иныхъ мѣстахъ судъ предоставленъ былъ кормленщикамъ, въ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе не было; нѣкоторыя общины имѣли полное право суда и управленія, въ другихъ выборные люди состояли подъ распоряженіемъ приказныхъ людей. Съ бо́льшимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными; кормленія вовсе были несогласны съ новымъ порядкомъ вещей; общинное управленіе слишкомъ разрознено было и слишкомъ мало подлежало вліянію центральной власти; приказные люди, лишенные военной власти, не имѣли достаточныхъ средствъ для управленія. Явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточною силою и сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представителемъ правительства въ областяхъ. Такою властью были воеводы. Сначала они назначались въ города только на время войны; но въ смутное время, въ началѣ XVII-го вѣка, когда войны и мятежи распространя-

лись по всей землѣ и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы появились почти во всѣхъ городахъ и, со временъ Михаила Ѳедоровича, составили общее учрежденіе для всей Россіи. Съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Приказные люди превратились въ товарищей воеводъ, или въ ихъ подчиненныхъ; только тамъ, гдѣ не было воеводъ, они продолжали самостоятельно управлять земскими дѣлами. Намѣстники и волостели, мало-по-малу вытѣсняемые воеводами, наконецъ совершенно исчезли и со временъ Михаила Ѳедоровича болѣе не встрѣчаются. Судебная власть ихъ перешла къ воеводамъ, но ужъ совершенно въ другомъ видѣ: воевода не сбиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не взыскивалъ виръ, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ завѣдывалъ дѣлами на себя, воевода—на царя. Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода — правитель. Общинное начало также было стѣснено воеводами. Судъ выборныхъ старостъ ограничивался слишкомъ тѣсными предѣлами и не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Ѣздить въ Москву по всякому дѣлу, возникавшему между жителями различныхъ общинъ или округовъ, было неудобно: нуженъ былъ областной судья, и судъ отъ выборныхъ общины перешелъ къ воеводамъ, которые притомъ имѣли ужъ судебную власть, переданную имъ отъ намѣстниковъ. Послѣ 1613 года цѣловальники были отмѣнены, и воеводы стали судить одни. Въ слѣдующій періодъ, въ вѣдомство воеводъ перешли губныя дѣла. Такимъ образомъ, съ развитіемъ государства, дѣятельность общинъ стѣснялась и уступала мѣсто дѣятельности правительственной. Со всѣмъ тѣмъ, въ періодъ времени отъ Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго, выборные отъ общинъ имѣли еще значительное участіе въ земскихъ дѣлахъ, такъ что съ уничтоженіемъ кормленій оставались два элемента, общинный и правительственный, которые раздѣляли между собою областное управленіе. Выборное начало существовало для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность; правительственное начало или приказное—для тѣхъ, которыя завѣдывались собственною дѣятельностью государства.

Таково происхожденіе и значеніе нач
лежавшихъ въ основаніи нашего област
управленія, въ XVII-мъ вѣкѣ. Област
учрежденія были организованы соотвѣтст
но съ этими началами.

На первомъ планѣ стоятъ въ это в
воеводы и воеводское управленіе. Вое
съ товарищами завѣдывали одними и
же дѣлами. Но какъ воеводы были боль
частью безграмотны и не умѣли считат
письмоводство и счетоводство всегда
сѣли отъ дьяковъ и подъячихъ, и на
лежала отвѣтственность въ приходѣ и
ходѣ денежной казны и всякихъ запас
Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ
не было ни юридическаго опредѣленія
шеній, ни точнаго разграниченія вѣдом
все рѣшалось частными и временными
требностями и личными отношеніями пр
телей: если они не могли ужиться, ихъ
няли или наказывали; понятія о разл
коллегіальной формы управленія и бюро
тической въ московскомъ государствѣ
не было: оттого въ однихъ и тѣхъ же
лахъ управленіе поручалось одному
если дѣлъ было мало, а если ихъ было м
ему давались помощники или товарищи

Что касается предметовъ вѣдомства
водъ, то кругъ ихъ былъ весьма обшир
и обнималъ почти всѣ дѣла мѣстнаго у
вленія: дѣла иностранныя, военныя, раз
ныя, помѣстныя, судныя, полицейскія,
нансовыя и даже нѣкоторыя дѣла по ду
ному управленію. Впрочемъ, замѣтить дол
что многимъ воеводамъ предоставлялись т
ко дѣла судебныя и полицейскія; иност
ныя завѣдывались только пограничными
водами; финансовыя предоставлялись ин
другимъ лицамъ; военныя существовали т
ко тамъ, гдѣ были укрѣпленія и войско

Власть воеводъ была весьма различна; к
дый предметъ ихъ вѣдомства опредѣля
разнообразными постановленіями; не б
почти ни одного общаго правила, которое
не подвергалось многочисленнымъ исклю
ніямъ. Все опредѣлялось частными,
случайными обстоятельствами, измѣняя
даже власть воеводъ одного и того
рода. Каждый наказъ опредѣлялъ, и
совсѣмъ точнымъ образомъ, власть о
ныхъ воеводъ для каждаго рода дѣлъ
рѣшалось всегда временными удоб
безъ общихъ плановъ и соображеній,
всякаго сравненія съ другими городам

отому разнообразію власти присоедиея неопредѣленность. Воеводѣ давался ; но ему дозволялось отступать отъ если онъ оказывался неудобнымъ; ему сывалось поступать „какъ пригоже, ему разсмотрѣнію и крайнему разумѣкъ Богъ вразумитъ“, и предоставлялринимать всѣ мѣры, которыя могли къ приращенію казны. Поэтому воеользовались такими правами, которыя витомъ государствѣ могутъ принадлеголько центральной власти: они вводовые откупа, установляли новые споправленія. Только въ производствѣ въ воеводы всегда подвергались строограниченіямъ. Самыя сношенія съ льною властью были часто чрезвычайопредѣленны: воеводамъ предписываобще „писать обо всемъ почасту“, исать „о великихъ дѣлахъ“, или „о , которыхъ зачѣмъ вершить будетъ о“, безъ означенія самыхъ дѣлъ. Съ стороны, тѣ дѣла, которыя собственнадлежали вѣдомству областныхъ праи, нерѣдко производились въ центральучрежденіяхъ. Вообще, не было точонятія о различіи центральной власти частной; вѣдомства ихъ смѣшивались, свіе чего тѣ приказы, которые были льными учрежденіями для всей Россли вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстными учреми для Москвы. Притомъ же и самое еніе областныхъ правителей московприказамъ было чрезвычайно запутано. дѣлопроизводствѣ не было ни закономъ вленнаго порядка, ни общихъ письхъ формъ для бумагъ и отчетовъ, ни ныхъ сроковъ для производства дѣлъ иски съ высшими властями. Все опресь обычаемъ и удобствомъ; немного аконныхъ постановленій, да и тѣ опрене общій порядокъ, а частные слуъ особенности, гдѣ дѣло касалось до аго интереса. Большая противъ прежложность управленія и потребность ія дѣлали необходимымъ большее и е введеніе письменности въ дѣлопроство; но государство, дѣйствуя отрыи частными мѣрами, не сознавая еще административныхъ правилъ, не ввести систематическаго порядка и въ неизмѣнныхъ формахъ облегченія и обезпеченія въ исполненіи законолько въ концѣ XVII-го вѣка начали принимать нѣкоторыя мѣры для введенія большаго порядка въ дѣлопроизводство, но все это было отрывочно, и только при Петрѣ Великомъ установлена была правильная система.

Хотя отчетность наиболѣе обращала на себя вниманіе правительства, потому что здѣсь преобладалъ казенный интересъ, но и въ ней господствовали тотъ же безпорядокъ, какъ и вездѣ, то же разнообразіе требованій, тѣ же частныя предписанія: кромѣ того, отчетность имѣла почти исключительно финансовую цѣль; о прочихъ дѣлахъ не было постояннаго ежегоднаго отчета, но воеводы дѣлали свои донесенія въ формѣ частныхъ отписокъ, для которыхъ не было назначено сроковъ. Вслѣдствіе этого они о многихъ дѣлахъ могли даже вовсе не писать, и контроль былъ невозможенъ, потому что не было записныхъ книгъ, не было формъ, стѣсняющихъ произволъ. Самые отчеты не всегда присылались исправно.

Понятно, что при такомъ порядкѣ возможны были злоупотребленія всякаго рода. Для предупрежденія ихъ правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ, ограничивая права воеводъ и тѣмъ уменьшая возможность произвольныхъ поступковъ. Тѣмъ не менѣе отсутствіе правильнаго разграниченія вѣдомствъ давало имъ слишкомъ много простора, а запутанность управленія, великость предоставленной имъ власти, недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства, открывали имъ возможность наживаться и всячески притѣснять жителей управляемой области, такъ что многіе жалѣли о прежнемъ времени, когда не было воеводъ, а управляли губные старосты, и земскіе люди судились собственнымъ судомъ. Дѣйствительно, введеніе воеводъ совершенно измѣнило систему, установленную Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. При этой системѣ дьяки, находившіеся въ большихъ городахъ, не имѣя въ рукахъ военной силы, далеко не имѣли и той власти, какою пользовались воеводы; губные старосты, завѣдывавшіе всѣми дѣлами, были выборные, и земское начало играло значительную роль въ управленіи. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ, все это измѣнилось; правительственный элементъ получилъ въ областномъ правленіи такую силу, передъ которой земскія власти должны были исчезнуть; дѣятельность послѣднихъ

мало-по-малу переходила къ первымъ, а неправильное разграниченіе властей еще болѣе способствовало вмѣшательству воеводъ во всѣ возможныя дѣла. А между тѣмъ введеніе воеводъ было важнымъ шагомъ впередъ въ системѣ областныхъ учрежденій. Вмѣсто управленія разрозненнаго, разсѣяннаго по множеству разнородныхъ центровъ, вводится управленіе единое, государственное, каждый уѣздъ собирается въ одно цѣлое, и каждый центръ управленія становится въ извѣстное отношеніе подчиненія центральной власти. Государство находитъ себѣ, наконецъ, приличныхъ органовъ въ областяхъ, и образовательная его дѣятельность становится возможною.

Что касается воеводъ приписныхъ городовъ, то какъ власть ихъ, такъ и отношенія къ главнымъ воеводамъ и къ московскимъ приказамъ были чрезвычайно неопредѣленны и разнообразны. Казалось бы, воеводы главныхъ городовъ должны были быть посредствующими членами между пригородами и центральною властью, но на дѣлѣ было не такъ. Въ московскомъ государствѣ не было понятія о систематическомъ устройствѣ управленія, о точномъ разграниченіи властей и объ установленіи правильныхъ отношеній между правительственными мѣстами и лицами. Поэтому всѣ эти отношенія перепутывались: подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей власти; царскія грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ, и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка: все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ. Съ другой стороны, воеводы приписныхъ городовъ, будучи назначены самимъ государемъ и управляя отдѣльнымъ уѣздомъ, были совершенно самостоятельными правителями, которые только въ распоряженіяхъ, превышавшихъ власть ихъ, требовали разрѣшенія высшихъ начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣла приписныхъ округовъ завѣдывались иногда непосредственно главными воеводами, что совершенно уничтожало самостоятельность подчиненныхъ. Къ этому присоединилась неопредѣленность подчиненія: наказы и грамоты опредѣляли только отдѣльные случаи зависимости, которые почему либо бросались въ глаза; остальное же предоставлялось усмотрѣнію самихъ воеводъ. Оттого зависимость была и отрывочна, и разнообразна: воевода, который, по извѣстному роду дѣлъ, былъ гораздо болѣе ограничен
своихъ правахъ, нежели другіе, въ дру
дѣлахъ имѣлъ, напротивъ, гораздо бо
власть. Общихъ соображеній, общей сис
не было; и если приписаніе малыхъ горо
къ бо́льшимъ было шагомъ къ правиль
устройству областнаго управленія, то, съ
гой стороны, этою мѣрою установлялись
выя отношенія, въ которыхъ господство
тотъ же распорядокъ и та же неопредѣ
ность, какъ и въ цѣломъ, такъ что упра
ніе дѣлалось чрезъ это сложнѣе и запутан

Въ зависимости отъ воеводъ находи
различныя должности, раздѣлявшіяся на
казныя и выборныя. Это различіе осно
было на различіи сословій и ихъ служеб
обязанностей. Средневѣковыя сословія, о
ванныя на частномъ правѣ, не состав
союзовъ, которыхъ члены имѣли бы один
права; союзный духъ не былъ въ харак
русскаго народа, и вмѣсто правъ, прина
жащихъ вмѣстѣ цѣлому разряду лицъ,
рически выработались права, принадле
шія каждому отдѣльному лицу въ его
ственной сферѣ. Единство, какъ сказано
ше, придали сословіямъ московскіе госу
наложивъ на нихъ обязанности въ по
государства. Въ этомъ отношеніи слу
сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ;
лый членъ его обязанъ былъ всю жизнь
служить отечеству и всегда долженъ
находиться въ готовности идти на сл
по первому востребованію; за это онъ
чалъ отъ царя денежное и хлѣбное жа
нье и помѣстья. Если такимъ об разомъ ка
изъ нихъ обязанъ былъ всегда нести слу
то опредѣленіе къ должности зависѣло
отъ усмотрѣнія правительства: почему
ба служилыхъ людей преимущественно
приказная. Напротивъ, сословія торго
крестьянское были тяглыя, обязанны
только службою, но и въ особенности по
ми и повинностями. Служба составляла то
часть ихъ обязанностей, вслѣдствіе чего
не несли ея постоянно, а отправляли по
реди, на основаніи извѣстныхъ правил
торыя могли видоизмѣняться до безко
ности. Рѣшеніе вопроса: кто долженъ
служить и кто оставался свободнымъ
службы, предоставлено было имъ сам
вслѣдствіе чего служба ихъ была выбор
Такимъ образомъ различіе выборной слу
отъ приказной основывалось не на пра
выбирающихъ лицъ, а на различіи слу

ныхъ обязанностей сословій. Впрочемъ, такъ какъ въ московскомъ государствѣ не было точныхъ юридическихъ опредѣленій, то нерѣдко приказныя должности смѣшивались съ выборными; въ однѣ и тѣ же должности назначались то приказные люди, то выборные; несмотря на то, что въ томъ и въ другомъ случаѣ отвѣтственность была совершенно различная.

Къ числу приказныхъ должностей, зависѣвшихъ отъ воеводъ, относились письменные головы, городовые приказчики и городничіе, осадные головы, засѣчные головы и прикащики, стрѣлецкіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе и житничіе головы, ямскіе, становые и слободскіе приказчики, слободчики, острожные прикащики и прикащики при соленыхъ озерахъ. Большая часть исчисленныхъ должностей были только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію тѣмъ или другимъ лицамъ; другія, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ. Поэтому всѣ эти должности отрывочны и не вяжутся между собою; поэтому также, съ одной стороны, одно и то же дѣло находилось въ вѣдомствѣ разныхъ лицъ, съ другой стороны— самыя разнородныя дѣла соединялись въ однѣхъ рукахъ. Не было понятія о систематическомъ раздѣленіи должностей по поручаемымъ дѣламъ; минутная потребность опредѣляла кругъ дѣятельности извѣстнаго лица, и въ этотъ кругъ могли входить предметы, не имѣщіе никакой связи между собою. Самый порядокъ назначенія и подчиненія не былъ строго опредѣленъ; воеводы были центромъ областнаго управленія, но имъ подчинялись лица, назначаемыя прямо изъ Москвы, и болѣе или менѣе отъ нихъ независимыя. Это еще болѣе осложняло и безъ того запутанное управленіе и ослабляло власть воеводъ совершенно случайнымъ и безпорядочнымъ образомъ. Указъ 1679 года, которымъ упразднены эти должности, былъ поэтому важнымъ шагомъ впередъ. Вообще, государство не развилось еще въ стройное тѣло; должности не составляли еще іерархическаго, систематически устроеннаго организма, по которому двигались бы должностныя лица; все еще опредѣлялось частною, временною потребностью, которая не возводилась къ общему сознанію. Къ этому присоединялся и самый характеръ государственной службы: служащіе были не должностныя лица, а люди, обязанные служить и не имѣвшіе никакой опредѣленной должности. Каждый служилый человѣкъ могъ занимать всякое мѣсто; не было различія между военными и гражданскими должностями, не было законныхъ правилъ для порядка службы, или же единственными правилами были законы мѣстничества, которые опредѣлялись не государственными потребностями, а частными правами. Каждый обязанъ былъ служить и всегда находился въ распоряженіи воеводы, который, по усмотрѣнію, давалъ ему то или другое порученіе, опредѣлялъ его къ той или другой должности, по исправленіи которой онъ возвращался въ прежнее состояніе. Это неминуемо должно было сообщить временный характеръ должностямъ. Всѣ равно несли обязанности: поэтому и тяжесть должна была падать равно на всѣхъ, и тяжелыя должности должны были исправляться поочередно то тѣми, то другими. Съ другой стороны, и доходныя должности должны были переходить изъ рукъ въ руки, потому что каждый ждалъ своей очереди. Потому отчасти и самыя воеводскія должности давались на такіе короткіе сроки. Наконецъ, ко всему этому присоединялось и то, что каждый человѣкъ, будучи вмѣстѣ военнымъ, могъ быть ежеминутно оторванъ отъ должности по требованію царской службы. Все это сообщало должностямъ временной характеръ, который онѣ сохранили во все продолженіе XVII-го вѣка. Только Петръ Великій устроилъ общую служебную обязанность сообразно съ потребностями государства, опредѣливъ каждаго служащаго къ извѣстной должности и установивъ правила служебнаго порядка, что̀ сдѣлало возможною и систематическую организацію должностей.

То же самое было въ выборныхъ или вѣрныхъ должностяхъ: служба выборныхъ была очередная, почему и должности поручались имъ временныя; а если дѣло требовало постояннаго исправленія, то должностныя лица мѣнялись ежегодно.

Служебныя выборныя, или „вѣрныя“ обязанности падали на посадскихъ людей, на уѣздныхъ крестьянъ и на служилыхъ людей, которые занимались торговыми промыслами, и потому уравнивались съ посадскими. Послѣдніе несли вѣрную службу преимущественно предъ прочими, потому что къ этому обязывало ихъ самое сословное ихъ значеніе.

Такъ они служили городовыя службы и отъѣзжія: послѣднія были гораздо тяжеле другихъ и могли быть возлагаемы только на зажиточныхъ людей; они же избирались въ головы, которыхъ служба тоже считалась болѣе тяжелою; наконецъ, имъ же поручались всѣ торговыя дѣла, напримѣръ, продажа царскихъ товаровъ, покупка хлѣба и проч. Крестьяне же выбирались только въ мѣстныя службы и въ цѣловальники, а не въ головы.

Внутри каждой общины и каждой корпораціи служебныя очереди опредѣлялись самими членами, слѣдовательно уравненіе производилось не закономъ, а мѣстными и временными постановленіями; законъ же даже нарушалъ ихъ иногда, требуя, чтобы выбраны были люди, годные къ государеву дѣлу, несмотря на очереди Но между отдѣльными общинами уравненія не было никакого; не было законныхъ правилъ, опредѣляющихъ, какую службу должно нести каждое лицо; все зависѣло отъ количества лицъ, несущихъ служебную обязанность въ извѣстной мѣстности, или въ извѣстной корпораціи, отъ ихъ имущества и отъ числа требуемыхъ выборныхъ. Въ интересахъ каждаго сословнаго союза было, чтобъ служебныя обязанности распредѣлялись на возможно большое число лицъ; поэтому московскіе гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ часто просили о пополненіи числа ихъ изъ другихъ сотенъ и слободъ. Но, съ другой стороны, и черныя сотни и слободы, жалуясь на бѣдность и на тяжесть службы, просили царя, чтобъ онъ велѣлъ брать у нихъ торговыхъ людей въ гостиную и суконную сотни. Это было столкновеніе противоположныхъ интересовъ, въ которомъ каждое сословіе хотѣло облегчить себѣ бремя насчетъ другихъ. Хотя приписаніе къ высшему разряду доставляло большую почесть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служба была тяжеле, такъ что нерѣдко торговые люди избѣгали этого и укрывались, какъ римскіе куріалы, отъ почетныхъ должностей. Для соглашенія этихъ интересовъ и для уравненія службъ сословныхъ разрядовъ нарядались иногда особенныя коммисіи: но, разумѣется, такое уравненіе возможно было только между жителями одного и того же города; разные же города должны были остаться при неравенствѣ служебныхъ обязанностей.

Головъ и цѣловальниковъ всегда предписывалось выбирать изъ лучшихъ и среднихъ статей: худшіе же люди, т.-е. самые бѣдные, могли нести службы, потому что не были состояніи содержать себя безъ промысло Нѣкоторыя должности бывали, впрочемъ, кого рода, что цѣловальники могли изва изъ нихъ выгоды; но этимъ пользовали богатые люди, чтобъ удержать эти долж сти за собою, такъ что иногда онѣ п нимали даже характеръ наслѣдственнос обыкновенно же тяжесть службы застави каждаго избѣгать ее по возможности, и бѣ ные люди жаловались иногда на то, что о неправильно выбраны.

Для уменьшенія тяжести, выборные по чали иногда подмогу отъ избирателей; это отнюдь не было общимъ правиломъ, обыкновенно очередная служба считалась кою обязанностью, при которой слѣдова нести и всѣ издержки. Иногда выборные лучали подмогу единственно на казенн расходы, которые иначе пали бы на сами цѣловальниковъ. Такъ какъ отчужденіе о торговъ и промысловъ безъ всякаго воз гражденія было чрезвычайно обремените но для жителей, то они предпочитали нан нанимать цѣловальниковъ по добровольно соглашенію. Въ такомъ случаѣ дѣлалась нанимаемымъ лицомъ рядная запись, и ловальникъ получалъ наемныя деньги.

Въ головы и цѣловальники нужно бы избирать богатыхъ людей и для того ещ чтобъ, въ случаѣ убытка, причиненнаго каз ихъ умысломъ или оплошностью, они мог всегда отвѣчать своимъ имуществомъ. Впр чемъ, если имущество ихъ оказывалось достаточнымъ, то убытокъ взыскивался избирателей. Это было обязательное поруч тельство, въ которомъ государство иск обезпеченія противъ потерь и которое лало служебную обязанность вдвойнѣ тяжел

Служба головъ и цѣловальниковъ назы лась вѣрною, потому что выборные при дились къ присягѣ, или къ вѣрѣ, по тогда нему выраженію. Выборы производились требованію воеводъ; всякій разъ, какъ ну ны были головы и цѣловальники, воево предписывалъ сдѣлать выборъ, смотрѣ чтобъ выбраны были люди достойные и н дежные, получалъ выборные списки, при дилъ выборныхъ къ присягѣ, а иногда д валъ имъ наказы. Большею частью выбо производились всѣми жителями, но иног выбирали земскіе старосты съ цѣловаль ками, иногда же воеводы сами назнача

цей, „кого въ такое дѣло станетъ“, въ бенности, если дѣло требовало довѣрія. имъ образомъ, выборная служба смѣшивась съ приказною.

Число требуемыхъ цѣловальниковъ иногда началось въ царскихъ грамотахъ, большею тью неопредѣленнымъ образомъ; но обыкенно воеводѣ предписывалось велѣть выть „сколько человѣкъ пригоже“.

Время выборовъ также не опредѣлялось: постоянныя должности головы и цѣлольники выбирались обыкновенно предъ наомъ новаго года, т.-е. 1-го сентября; но кій разъ, какъ являлось новое требованіе, едписывалось произвести новые выборы.

Если цѣловальникъ оказывался ненадежмъ, воевода смѣнялъ его и требовалъ новаго. нятно, что при этомъ было обширное поле злоупотребленій: воевода могъ всячески итѣснять жителей, потому что въ этомъ ошеніи власть его была довольно неопреленна, и онъ никому не давалъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Жителямъ оставалось лько жаловаться на притѣсненія.

Трудно исчислить должности, въ которыя бирались головы и цѣловальники; вообще ь поручались всѣ дѣла, гдѣ нужна была кая-нибудь счетность, но, кромѣ того, и ожество другихъ. Иногда къ извѣстному у назначались головы съ цѣловальниии, иногда одни цѣловальники, иногда ловальники ставились подъ начальство иказныхъ людей. Одну и ту же подать, примѣръ, ясакъ или выдѣльный хлѣбъ, рали, по усмотрѣнію воеводы или по рскому распоряженію, то выборные сборки, то приказные люди. Иногда воеѣ просто предписывалось послать для ра, „кого пригоже“. Здѣсь имѣлись въ у только частныя соображенія, удобство, мѣріе и т. п.; общія же соображенія, съ-то: служебныя обязанности сословій, ершенно различная отвѣтственность тѣхъ другихъ, не принимались даже въ разтъ. Изъ пошлинъ, сбору головъ и цѣльниковъ подлежали главнымъ образомъ южденныя и кабацкія. Для сбора десятинпошлины посылались обыкновенно цѣлольники, для надзора за добываніемъ соли служилые люди съ цѣловальниками, для ра пошлинъ и оброковъ съ рыбныхъ ло—то служилые люди, то цѣловальники, сбора пролубнаго—цѣловальники, для ра пошлинъ съ мытовъ и перевозовъ—служилые люди съ цѣловальниками, или одни цѣловальники. Казенное добываніе соли производилось соляными головами и цѣловальниками; казенные металлическіе заводы управлялись служилыми людьми или выборными головами и цѣловальниками; продажа казенныхъ товаровъ поручалась посылаемымъ изъ Москвы или назначаемымъ изъ мѣстныхъ жителей торговымъ людямъ, которымъ на помощь выбирались на мѣстѣ цѣловальники. Выборные головы съ цѣловальниками или служилые люди съ цѣловальниками были при казенныхъ виноградныхъ и тутовыхъ садахъ, при шелковыхъ заводахъ и при казенномъ промыслѣ мареною. Кромѣ того, были цѣловальники при покупкѣ казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ, при денежномъ дѣлѣ, у казенныхъ мельницъ, у житницъ, у дѣловаго двора, у пороховой и свинцовой казны, при молотьбѣ хлѣба въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Отвозъ въ Москву собранныхъ денегъ поручался также или тѣмъ цѣловальникамъ, которые ихъ сбирали, или особымъ цѣловальникамъ, или служилымъ людямъ. Для устройства новыхъ мѣръ выбирались особые цѣловальники. Кромѣ того, были цѣловальники подъ начальствомъ служилыхъ людей при разныхъ дѣлахъ, гдѣ требовалось счетоводство, какъ-то: при городовомъ дѣлѣ, при мостовомъ дѣлѣ, при постройкахъ. Для измѣренія и чищенія дорогъ посылались служилые люди съ цѣловальниками. Встрѣчается даже цѣловальникъ, посланный для правежа денегъ по частному взысканію, что обыкновенно дѣлалось приставами. Наконецъ, кромѣ цѣловальниковъ, мѣстные жители ставили сторожей и тому подобныхъ низшихъ служителей.

Цѣловальникамъ, точно такъ же, какъ и приказнымъ людямъ, поручались иногда разнородныя дѣла; такъ, напримѣръ, въ 1622 году, цѣловальникамъ, посланнымъ изъ Перми для сбора десятинной пошлины съ товаровъ, порублевой съ пріѣзжихъ иноземцевъ, пошерстной съ продаваемыхъ лошадей и оброчныхъ денегъ съ наемно-рабочихъ, велѣно было вмѣстѣ съ тѣмъ судить тяжбы между торговыми людьми и остяками.

Не всѣ эти лица подчинялись воеводамъ; присылаемые изъ Москвы были обыкновенно болѣе или менѣе отъ нихъ независимы; другихъ же воевода могъ наказывать и смѣнять по усмотрѣнію.

Особенность въ этомъ отношеніи представляетъ таможенное и питейное управленіе того времени, которое также вѣрялось головамъ и цѣловальникамъ — таможеннымъ и кабацкимъ. Это была повинность низшихъ сословій, служба, которую служило преимущественно купечество, но также и крестьяне и даже нѣкоторые разряды служилыхъ людей. По существу своему, эта служба была нѣчто среднее между службою приказною и земскою; но какъ повинность, за которую отвѣтственность лежала на земскихъ людяхъ, она должна была находиться въ зависимости отъ земскихъ властей. Тѣмъ не менѣе до послѣдней четверти XVII-го вѣка земскія власти были совершенно устранены отъ участія въ управленіи, и это былъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ таможенныхъ и кабацкихъ учрежденій того времени. Къ этому присоединилось то отсутствіе правильности и порядка, которое проявлялось во всѣхъ установленіяхъ. Вѣрные сборщики управляли то одною таможнею или кабакомъ, то частью уѣзда, то цѣлымъ уѣздомъ, то нѣсколькими городами. Отношенія головъ къ цѣловальникамъ были разнообразны и неопредѣленны; отношенія ихъ къ воеводамъ были еще запутаннѣе: вѣдомство ихъ не было строго разграничено, и тѣ же предметы завѣдывались то тѣми, то другими, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; зависимость головъ отъ воеводъ была то болѣе, то менѣе, и вслѣдствіе того, самая власть ихъ была различна. Единство управленія нарушалось также смѣшеніемъ вѣрныхъ сборовъ съ откупными; въ одномъ и томъ же округѣ одни сборы отдавались на вѣру, другіе на откупъ. Наконецъ, оно нарушалось и подчиненіемъ сборовъ различнымъ приказамъ. Указы 1673, 1677 и 1681 годовъ во многомъ улучшили устройство управленія: они устранили вліяніе воеводъ, подчинили управленіе земскимъ властямъ, установили извѣстный порядокъ въ выборахъ сословій, уничтожили откупное содержаніе и подчинили государственное управленіе одному Приказу Большой Казны. Однакожъ, многое оставалось недоконченнымъ: по тогдашнему обыкновенію, общія постановленія безпрестанно нарушались, сборы отдавались на откупъ, воеводы продолжали имѣть значительное и разнообразное участіе въ управленіи; самые указы не предоставили сборовъ исключительному вѣдомству купечества, а требовали исправленія служебной повинности и отъ крестьянъ и служилыхъ людей, которые были совершенно къ этому неспособны; головы продолжали присылаться изъ другихъ городовъ, что совершенно уничтожало вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ мѣстныхъ выборныхъ; наконецъ, самые округи оставались въ прежнемъ видѣ. Словомъ, сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ; но систематической, правильной организаціи еще не было. Это было совершено Петромъ Великимъ, который въ 1699 году учредилъ по всей Россіи земскихъ бурмистровъ и подчинилъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, устранивъ совершенно вліяніе воеводъ на вѣрные сборы.

Другое начало лежитъ въ основаніи учрежденія губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, равно какъ и прочіе цѣловальники, были вѣрные сборщики и служители, избранные по служебной обязанности низшихъ сословій для управленія казенными дѣлами; напротивъ, губные старосты и цѣловальники были земскою властью. Въ самомъ ихъ названіи видно уже различіе: тѣ были *головы*, главные сборщики, — эти были *старосты*, старшіе надъ земскими людьми, ибо только земскіе начальники назывались старостами.

Губные старосты были земскою властью по своему происхожденію. Въ XVI-мъ вѣкѣ общины чувствовали потребность въ истребленіи воровъ и разбойниковъ и просили царя позволить имъ самимъ преслѣдовать и казнить ихъ. Царь давалъ имъ такое дозволеніе въ губныхъ грамотахъ; это было одно изъ началъ земскаго управленія, установленнаго Иваномъ IV-мъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникшее государство сознавало такое право общинъ, какъ собственную потребность и собственную обязанность; оно видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины. Поэтому правительство не могло довольствоваться пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, а сдѣлало губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи. Всюду поимка и казнь воровъ и разбойниковъ возложены были на общины, какъ обязанность, и устроены были губныя повин-

и. Государство признало за собою право
овать отъ земскихъ людей строгаго
лненія этихъ обязанностей, возложило
ихъ тяжкую отвѣтственность и поста-
губное управленіе подъ надзоръ цен-
ьной власти, подчинивъ его Разбойному
казу. Мало того: въ губныхъ старостахъ
ительство видѣло собственныхъ орга-
, называло ихъ приказными людьми и
чало имъ все областное управленіе, какъ
угимъ приказнымъ людямъ. Эта смѣсь
казнаго начала съ земскимъ, или, ско-
это превращеніе земской власти въ
казную, было причиною того, что губ-
старосты удержались до временъ Петра
икаго, тогда какъ другое чисто земское
жденіе Ивана IV-го, именно, судъ зем-
ъ старостъ и цѣловальниковъ, исчезло
началѣ XVII-го вѣка. Государство ввело
въ управленіе земское начало настолько,
олько оно могло служить для него ору-
ъ, и насколько повинности земскихъ
ей облегчали собственную его дѣятель-
ь. Никогда оно на губное управленіе
смотрѣло какъ на право земскихъ лю-
и доказательствомъ этому служитъ то,
всякій разъ, какъ оно находило это бо-
удобнымъ, оно поручало губныя дѣла
имъ властямъ, назначеннымъ отъ пра-
льства.

Учрежденіе губныхъ старостъ было далеко
овсемѣстнымъ. Во многихъ городахъ губ-
и дѣлами управляли воеводы, или посы-
ые отъ правительства сыщики. Въ од
ъ и томъ же городѣ губныя дѣла нахо-
ись въ вѣдомствѣ то губныхъ старостъ,
ыщиковъ, то воеводъ. Въ 1627 году ве-
было всюду ввести губныхъ старостъ,
ыщиковъ не посылать; но этотъ указъ
ъ болѣе временною мѣрою, нежели по-
нымъ постановленіемъ, и въ Уложе-
велѣно было воеводамъ вѣдать губныя
тамъ, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ. Въ
году губныя дѣла всюду отданы были
вѣдомство сыщиковъ, которымъ губные
осты были подчинены, а въ 1679 году
щики, и губные старосты уничтожены,
ѣ дѣла ихъ возложены на воеводъ. Въ
году опять стали посылать сыщиковъ,
1684 возстановлены были губные ста-
ы, которые окончательно уничтожены
702 году.

мское по происхожденію, губное управ-
е вмѣстѣ съ тѣмъ представляло въ себѣ
смѣшеніе элементовъ приказнаго и вѣрнаго. Съ теченіемъ времени земскій элементъ совершенно даже ослабѣлъ, и слѣды его остались только въ томъ, что въ выборѣ губнаго старосты участвовали всѣ сословія. Начала вѣрное и приказное сдѣлались преобладающими. Первое выражалось во всемъ управленіи, за исключеніемъ самой должности губныхъ старостъ: общины отвѣчали государству за всѣхъ живущихъ въ нихъ людей; на нихъ возложена была обязанность указывать преступниковъ, объявлять о нихъ, преслѣдовать и ловить ихъ, караулить ихъ, съ отвѣтственностью за побѣгъ; они ставили низшихъ служителей къ губному дѣлу и отвѣчали за причиненные ими убытки; они наконецъ, исправляли множество натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Вся матеріальная часть лежала на нихъ; самое же управленіе поручалось или воеводамъ, или сыщикамъ, или губнымъ старостамъ, которые были тѣ же приказные люди. Приказный ихъ характеръ выражался въ безсрочности ихъ должности, въ томъ, что на нихъ возлагались всякія приказныя дѣла, въ томъ, наконецъ, что должность эту могли занимать только дворяне и дѣти боярскія, которые всегда назначались въ приказные люди. Это преобладаніе началъ приказнаго и вѣрнаго въ губномъ управленіи приспособляло его къ новымъ потребностямъ, возникшимъ съ развитіемъ правительственнаго начала въ областныхъ учрежденіяхъ, и было причиною того, что оно сохранилось гораздо долѣе судебныхъ старостъ и цѣловальниковъ, несмотря на то, что, по своему характеру, принадлежало къ предыдущему періоду. Губное управленіе возникло въ то время, когда крестьяне и посадскіе люди не были еще укрѣплены къ мѣстамъ, когда еще не опредѣлились обязанности сословій и особенные роды службы для каждаго изъ нихъ. Оно было смѣшеніемъ всѣхъ началъ управленія, и сдѣлалось аномаліею, когда стали разграничивать роды службы и способы управленія и подводить учрежденія подъ тотъ или другой разрядъ. Въ московскомъ государствѣ сдѣлалось уже яснымъ, что сошные люди должны нести повинности и вѣрную службу, а служилое сословіе—службу приказную. Поэтому выборъ губныхъ старостъ сдѣлался странностью, особенно при большемъ и большемъ преобладаніи въ немъ приказнаго характера. Не было ничего естественнѣе и сообразнѣе съ осталь-

нымъ порядкомъ управленія, какъ поручить эту должность приказному человѣку, назначенному, какъ и всѣ прочіе, правительствомъ. Но въ московскомъ государствѣ не было систематическаго взгляда на управленіе, не было еще и точнаго разграниченія сословныхъ обязанностей. Поэтому все ограничивалось попытками и частными мѣрами, и окончательное уничтоженіе губныхъ старостъ послѣдовало не ранѣе царствованія Петра Великаго.

Органами собственно-земскаго, мірскаго начала были въ XVII-мъ вѣкѣ земскіе старосты и цѣловальники. Они были выборные, такъ же какъ и вѣрные головы и цѣловальники; но основаніе выбора было совершенно другое; послѣдніе ставились жителями къ государеву дѣлу: это была государственная повинность и служба, отправлявшаяся по очереди; земскія власти, напротивъ, выбирались для управленія земскими дѣлами, и выборъ ихъ составлялъ скорѣе право общинъ, нежели обязанность.

До преобразованія Ивана Грознаго, земскими начальниками были сотскіе, десятскіе и старосты, которыхъ должность состояла въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями, отправляемыми въ пользу князя. Иванъ IV-й, который хотѣлъ сдѣлать общины органами государственной власти, во многихъ мѣстахъ уничтожилъ намѣстниковъ и волостелей, и предоставилъ судебную, финансовую и отчасти полицейскую власть выборнымъ земскимъ начальникамъ, получившимъ названіе излюбленныхъ головъ или старостъ, данныхъ старостъ и цѣловальниковъ, наконецъ земскимъ судейкъ. Тамъ же, гдѣ оставались намѣстники и волостели, въ судѣ у нихъ сидѣли мѣстные старосты и цѣловальники. Въ XVII-мъ вѣкѣ учрежденія Ивана IV-го почти вездѣ были уничтожены; земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей, а судейки оставались въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ слѣды прежняго быта и какъ исключеніе изъ общаго порядка. Но и въ обыкновенномъ земскомъ управленіи учрежденія Ивана Грознаго не остались безъ слѣда: къ прежнимъ сотскимъ и старостамъ почти вездѣ присоединились цѣловальники, хотя безъ участія въ судѣ, но съ большею опредѣленностью власти, нежели прежде. Имъ предоставлена была въ особенности раскладка податей, которая прежде производилась всѣмъ міромъ; они же раздавали пустыя земли, что прежде также совершалось мірскимъ приговоромъ. Государство, развивая свой организмъ, вмѣшалось и земскихъ дѣлъ, опредѣляло земскія отношенія; но, разумѣется, эта сторона управленія менѣе всего подлежала его вліянію. Оно возлагало на общины извѣстныя обязанности, потому что собственной его дѣятельности не доставало для управленія, мало вмѣшивалось въ способъ исполненія этихъ обязанностей, вслѣдствіе чего земское управленіе представляетъ менѣе всего внѣшнихъ формъ, менѣе всего порядка и болѣе неопредѣленности и запутанности.

Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ или городахъ, въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Въ Москвѣ, гдѣ общее городовое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ государственныхъ приказовъ, сотскіе и старосты были въ отдѣльныхъ сотняхъ и слободахъ.

Земскіе старосты и цѣловальники могли выбираться одними черными посадскими и уѣздными людьми. Это объясняется составомъ земскихъ общинъ.

Въ городахъ и уѣздахъ земля раздѣлялась на бѣлую, черную и дворцовую. Бѣлая земля была собственностью вотчинниковъ, служилыхъ людей, духовенства, монастырей, ямщиковъ и иностранныхъ купцовъ; черная была собственностью государя и находилась въ потомственномъ владѣніи посадскихъ людей и крестьянъ, которые несли съ нея подати и повинности, сохраняя, впрочемъ, право свободнаго распоряженія. Поэтому черная земля могла быть отчуждена и въ руки бѣлыхъ людей, которые, однако, продолжали нести съ нея податныя обязанности, если только не освобождались отъ этого особенными жалованными грамотами. Дворцовая земля была также собственностью государя, но приписана была ко дворцу и управлялась обыкновенно хозяйственнымъ образомъ, какъ вотчина, хотя и жалованныя грамоты могли предоставлять дворцовымъ селамъ самостоятельное управленіе; ими завѣдывали дворцовые приказные, которымъ въ посадахъ и волостяхъ подчинены были старосты и цѣловальники. Такъ же и бѣлыя земли управлялись вотчинномъ правѣ, не входя въ составъ земскихъ общинъ. Между тѣмъ бѣлыя земли были перемѣшаны съ черными; въ одномъ и томъ же посадѣ, въ одномъ станѣ или волости, были и черныя и бѣлыя земли,

только черныя имѣли земскихъ ста-
и цѣловальниковъ. Тяглый человѣкъ,
увшій тягло и вступившій въ услуже-
ъ частному человѣку или къ духовному
тѣмъ самымъ дѣлался независимымъ
емскихъ властей, хотя бы онъ оставался
мъ самомъ городѣ или въ томъ самомъ
ѣ, гдѣ жилъ прежде. Такимъ образомъ
на въ древней Россіи была поземельная
адѣльческая и составлялась изъ людей,
ихъ на землѣ, которая принадлежала
тному землевладѣльцу. Различіе между
ими землями и дворцовыми состояло въ
что послѣднія находились въ непо-
твенномъ хозяйственномъ распоряженіи
ря, тогда какъ съ первыхъ онъ полу-
только подати и повинности, что назы-
ъ царскимъ тягломъ. До укрѣпленія со-
, на дворцовыя земли садились кре-
е и посадскіе люди по добровольному
шенію съ землевладѣльцемъ, тогда какъ
я свободно отчуждались потомствен-
ихъ владѣльцами; но послѣ укрѣпленія,
чіе ихъ должно было сгладиться, и дѣй-
ельно, большая часть черныхъ земель
по-малу слилась съ дворцовыми. Кромѣ
съ укрѣпленіемъ крестьянъ и посад-
людей, къ поземельному характеру
ы присоединился и сословный; община
ла уже изъ извѣстныхъ тяглыхъ лицъ,
рѣпленныхъ къ извѣстному мѣсту и вла-
ихъ тяглыми землями. Но этими зем-
могли владѣть и постороннія лица, не
рѣпленныя къ мѣсту и принадлежавшія
угимъ сословіямъ. Прежде этого они
тягло, какъ всѣ свободныя лица, по-
ныя на тяглыхъ земляхъ; теперь же
енъ былъ возникнуть вопросъ о ихъ от-
шіи къ тяглой общинѣ, и дѣйствительно
вопросъ, возникшій въ особенности съ
ины XVII-го вѣка, повелъ ко множе-
узаконеній, часто противорѣчившихъ
другу и безпрерывно нарушаемыхъ,
одолжалось до Петра Великаго, когда
ы получили уже чисто сословный ха-
ъ.

оры земскихъ старостъ и цѣловальни-
огда совершались подъ надзоромъ
ельства; но, кажется, это дѣлалось
въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ были послан-
ъ государства прикащики. Воеводамъ
въ грамотахъ, ни въ наказахъ не
сывалось наблюдать за земскими вы-
брать выборные списки и приводить
избранныхъ къ присягѣ, тогда какъ въ отно-
шеніи къ вѣрнымъ сборщикамъ эти предпи-
санія встрѣчаются очень часто. Причина та-
кого различія понятна: вѣрные сборщики вы-
бирались къ государеву дѣлу, и для прави-
тельства было чрезвычайно важно, чтобъ они
были люди надежные; до земскихъ же влас-
тей государству не было дѣла, потому что
законодательная его дѣятельность не разви-
лась еще въ систему, обнимающую собою
весь государственный организмъ, но всегда
возбуждалась потребностями центральной вла-
сти, или просьбами жителей, а устройство зем-
скихъ властей подъ вліяніемъ правительства
въ настоящее время не было въ интересахъ
ни той, ни другой стороны. Въ XVII вѣкѣ
онѣ снова заняли низшее мѣсто въ област-
номъ управленіи и получили опять значеніе
чисто земское, тогда какъ по началамъ си-
стемы Ивана IV, земскіе судьи, старосты и
цѣловальники управляли не только общин-
ными, но и государственными дѣлами, и по-
этому и утверждались правительствомъ.

Названіе цѣловальниковъ показываетъ, что
они приводились къ присягѣ; это совершал-
лось на мѣстѣ, въ присутствіи земскихъ лю-
дей. Срокъ, на который они и старосты вы-
бирались, былъ всегда годовой. И вѣрные
сборщики также оставались въ должности
обыкновенно только годъ, но основаніе было
совершенно другое: вѣрные выборные несли
очередную службу, которая б ла для нихъ
тягостна и въ которой они искали облегче-
нія частыми перемѣнами; въ земскомъ управ-
леніи, напротивъ, частыя перемѣны нужны
были для обезпеченія земскихъ людей, ко-
торыхъ довѣріе могло бы быть употреблено
во зло, еслибъ выборные оставались на мѣстѣ
слишкомъ долго; наконецъ, въ губномъ управ-
леніи, гдѣ въ сильной степени развито было
начало приказное, губные старосты выбира-
лись на безсрочное время, а прочіе служи-
тели часто оставались по нѣсколько лѣтъ безъ
перемѣны. Годовой срокъ земской службы
былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что прежде
истеченія срока земскіе старосты не могли
быть смѣняемы земскими людьми, какъ видно
изъ того, что послѣдніе жаловались иногда
на ихъ злоупотребленія.

Кромѣ старостъ и цѣловальниковъ, во мно-
гихъ мѣстахъ выбирались еще земскіе дьяки;
но нельзя сказать, существовали ли они по-
всемѣстно. Иногда дьяки назначались въ зем-
скую избу воеводами; но такъ какъ они въ

этомъ случаѣ позволяли себѣ многія притѣсненія, то земскіе люди жаловались на это и выпрашивали себѣ грамоты, по которымъ право выбирать дьяковъ предоставлялось имъ самимъ.

Предметы вѣдомства земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, до послѣдней четверти XVII вѣка, были: владѣніе общинною землею, записка въ тягло, раскладка и сборъ податей, отправленіе повинностей, производство мірскихъ выборовъ и мѣстная полиція. Главнымъ, можно сказать, почти единственнымъ предметомъ ихъ вѣдомства были, изъ нихъ, уплата податей и отправленіе повинностей и служебъ въ пользу государства, т.-е. дѣла финансовыя; другихъ мірскихъ дѣлъ вовсе не было, и самая раздача земель и записаніе въ тягло имѣли значеніе только въ отношеніи къ государственнымъ обязанностямъ земскихъ людей. Изъ этого ясно, что общины не были самостоятельными союзами, имѣвшими собственныя дѣла, а имѣли чисто государственное значеніе: государство возлагало на мѣстныхъ жителей извѣстныя обязанности, и такъ какъ для ихъ исполненія нужны были мѣстныя земскія власти, то оно возлагало свои требованія на отдѣльные посады, волости, станы, погосты и частныя имѣнія, въ которыхъ существовали эти власти. Но всякая другая податная единица могла одинаковымъ образомъ служить для государственныхъ цѣлей, такъ что, вмѣсто общинъ, податями окладывались иногда отдѣльныя сохи, части уѣзда и даже цѣлые уѣзды. Все это зависѣло отъ удобства, и не было рѣчи о самостоятельности общинъ и о ихъ правахъ.

Этотъ государственный характеръ общинъ выражался въ совершенномъ безразличіи государственныхъ дѣлъ и общинныхъ. Общинная земля была вмѣстѣ и государственная, или, скорѣе, государева, и нисколько не отличалась отъ прочихъ государственныхъ земель. Поэтому и раздача ея только случайнымъ образомъ могла быть дѣломъ общиннымъ и такъ же часто была дѣломъ правительственнымъ. Вообще всѣ общинныя дѣла равнымъ образомъ могли находиться въ вѣдомствѣ земскихъ властей и въ вѣдомствѣ приказныхъ людей; каждая повинность могла или возлагаться на земскихъ людей, или находиться въ распоряженіи воеводъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія дѣлъ, не было точнаго разграниченія между приказною властью и земскою; воеводы вступались во всѣ земскія дѣла, распоряжались всѣмъ, употребляли зе
скихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ по
чиненныхъ имъ служителей, и уничтожа
всякую самостоятельность земскаго управ
нія. Если они иногда устранялись отъ уч
стія въ мірскихъ дѣлахъ, то это было слѣ
ствіемъ или особенныхъ, частныхъ сооб
женій правительства, или грамотъ и льго
предоставленныхъ земскимъ людямъ отдѣ
ныхъ общинъ и округовъ. Общія же разгр
ниченія вѣдомства послѣдовали уже въ п
слѣдней четверти XVII вѣка.

Дѣлопроизводство земскихъ избъ вовсе
опредѣлялось закономъ. Сношенія земски
старостъ и цѣловальниковъ были также бе
порядочны, какъ и сношенія прочихъ пр
вителей: предписанія они получали то чре
воеводъ, то прямо посредствомъ царски
грамотъ, то въ видѣ памятей изъ приказо
Точно такъ же и отписки свои они посыла
то къ воеводамъ, то прямо въ Москву.
четность ихъ оставалась совершенно неоп
дѣленною, равно какъ и отвѣтственно
предъ земскими людьми: государству они
вѣчали за сбираемыя подати и нерѣдко с
вились на правежъ въ случаѣ недоимокъ;
отчеты, которые они давали земскимъ л
дямъ, и отвѣтственность ихъ предъ посл
ними, были весьма недостаточны, какъ вид
изъ жалобъ земскихъ людей на злоупотр
ленія земскихъ старостъ.

Къ этому надобно прибавить, что воевода
иногда предписывалось оберегать земски
людей отъ ихъ насилій и притѣсненій.

Исключеніе изъ этого порядка земск
управленія московскаго государства соста
ляли общины, сохранившія учрежденія Ива
Грознаго. Здѣсь также было совершенное бе
различіе государственныхъ дѣлъ и общ
ныхъ; но между тѣмъ какъ въ первыхъ о
вело къ вмѣшательству приказной власти
всѣ дѣла, здѣсь, напротивъ, приказныя влас
были устранены отъ всякаго въ нихъ участ
и всѣ государственныя дѣла были предост
лены вѣдомству земскихъ властей.

Съ половины XVII-го вѣка, общинный бы
подвергается измѣненіямъ, которыя вы
каютъ изъ новыхъ государственныхъ нача
установляющихъ различіе сословій, ихъ пра
и обязанностей. Когда крестьяне и посадс
люди были укрѣплены къ мѣстамъ своего пр
быванія и тѣмъ получили сословное значен
тогда начало обозначаться различіе меж
ними. Занятія городскихъ жителей состои

въ промышленности и торговлѣ, которыя зависятъ единственно отъ личной дѣятельности каждаго лица и непремѣнно требуютъ бо́льшей или меньшей свободы въ дѣйствіяхъ. Напротивъ, занятія сельскихъ жителей состоятъ въ обработкѣ земли, и главнымъ лицомъ является здѣсь землевладѣлецъ, если крестьяне обрабатываютъ землю, не составляющую ихъ собственности. Это различіе обусловливало и различіе обязанностей того и другого сословія; главныя обязанности сельскихъ жителей относились къ землевладѣльцу, котораго землю они обрабатывали, тогда какъ для городскихъ жителей владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ; существенныя ихъ обязанности относились къ государству, которое поэтому особенно покровительствовало промышленности и торговлѣ, а это невозможно безъ предоставленія городскимъ жителямъ нѣкоторой свободы. Отсюда произошелъ и различный характеръ городовъ и селъ. Вообще городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейдти во владѣльческую. Поэтому въ Россіи XVII-го вѣка, гдѣ не было различія между государственною землею, государевою и общинною, черныя волости, послѣ укрѣпленія крестьянъ, неминуемо должны были слиться съ дворцовыми, а дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, должны были выйдти изъ дворцоваго вѣдомства. Прежній чисто-поземельный характеръ общинъ, оставшійся отъ средневѣковой жизни, вслѣдствіе новаго развитія государства, превратился въ сословный.

Это стремленіе къ обособленію сословій подвергалось, однако, исключеніямъ. Въ московскомъ государствѣ не было систематическаго воззрѣнія на управленіе и сословія: все вытекало изъ мѣстныхъ и случайныхъ потребностей, а потому не могло быть и систематическаго отдѣленія городскихъ общинъ отъ сельскихъ. Въ средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты и гдѣ сельскія общины находились подъ близкимъ вліяніемъ государства, само собою произошло слiяніе черныхъ волостей съ дворцовыми. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ владѣльческихъ элементовъ было мало, гдѣ, поэтому, древнія волости удержались въ своемъ первоначальномъ объемѣ, и отдаленность центральной власти способствовала сохраненію прежней ихъ самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ, не проникли даже законы объ укрѣпленіи крестьянъ, и доселѣ половники вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, препятствовавшая вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элементовъ, не допустила и смѣшенія черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а сохранила самостоятельность общинъ. Уѣзды поморскихъ городовъ составили, поэтому, особенное явленіе въ московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами.

Стремленіе къ устройству и обособленію городскихъ общинъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія около городовъ, были отобраны и присоединены къ тяглымъ землямъ, а владѣльцы вознаграждены изъ другихъ земель. Кромѣ того, владѣніе тяглыми участками и производство городовыхъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили опредѣленныя сословныя права. Далѣе, Новоторговымъ уставомъ 1667 года, купцы, во всемъ, что относилось до ихъ поѣздокъ, изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ, которые были выборные посадскіе люди. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей единому приказу, мысль, которая однакожъ осталась пока безъ осуществленія. Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати. Она была наложена на тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на олонецкій уѣздъ; всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные были, въ замѣнъ этого, обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальни-

камъ, а для раскладки выбирались въ посадахъ и въ каждой волости особые выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Однакожъ, и здѣсь бывали исключенія: иногда царскія грамоты о сборѣ денегъ посылались къ воеводамъ, которые давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего, въ 1689, 1695, 1697 и 1698 годахъ, воеводы были совершенно устранены отъ участія въ сборѣ подати, запрещено было посылать къ нимъ о томъ грамоты, а велѣно посылать памяти прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, и собранныя деньги отсылать прямо отъ себя въ Москву.

Это былъ важный шагъ для разграниченія вѣдомства земскихъ властей и приказныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ тяглыхъ земскихъ людей. Въ связи съ этимъ находились и указы, предоставившіе земскимъ властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ за таможенными и кабацкими головами. Самые выборы въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники указомъ 1681 года возложены на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ — изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. То былъ второй шагъ къ разграниченію вѣдомства земскихъ властей и воеводъ и къ предоставленію большей самостоятельности городскимъ общинамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году всѣ города съ приморскими уѣздами отдалъ въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставлены были общинный судъ и вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, а они, въ свою очередь, подчинены были выборнымъ бурмистрамъ, составлявшимъ Московскую Ратушу. Уѣзды поморскихъ городовъ были еще сравнены съ городами: это былъ остатокъ прежняго порядка. Но съ учрежденіемъ магистратовъ, города были совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, управлявшія дѣлами, которыя п
ставлены вѣдомству ихъ сословій. Это
окончательный результатъ того развитія
скихъ учрежденій, которому начало был
ложено Иваномъ Грознымъ,—результатъ,
ственно вытекавшій изъ постепеннаго в
ренія гражданскаго строенія въ моско
Россіи.

Такимъ образомъ, начала приказное,
ное и земское лежали въ основаніи т
господствующихъ системъ управленія. Гу
учрежденія были смѣшеніемъ всѣхъ т
они возникли по недостатку сознанія вт
различіи и должны были пасть съ болѣе
нымъ разграниченіемъ правительствен
началъ. Такое разграниченіе является
въ концѣ XVII-го вѣка и служитъ пр
комъ развитія государственнаго порядк
того времени всѣ три системы смѣшив
и перепутывались между собою; разли
начала существовали, но безсознатель
образомъ, безъ возведенія ихъ къ об
государственнымъ соображеніямъ, так
каждая правительственная власть непра
нымъ образомъ вступалась въ область
гихъ, и не было строгаго опредѣленія
взаимныхъ отношеній. Приказныя в
имѣли самое разнообразное вліяніе на
ные сборы и вступались во всѣ земскія
вѣрные сборщики находились къ тѣмъ
гимъ въ различныхъ отношеніяхъ и за
вали иногда какъ приказными, такъ н
скими дѣлами; земскія власти, наконец
которыхъ лежала наибольшая отвѣтс
ность, лишены были почти всякой вла
всюду стѣснены были въ своихъ дѣйств
Необходимо было точнѣе опредѣлить
дѣятельности каждой и дать имъ болѣе
вильную организацію. Начало этому поло
было Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но систем
ческое устройство учрежденій было вве
уже Петромъ Великимъ. Губное управл
было уничтожено, какъ несогласное съ
вымъ порядкомъ; вѣрные сборщики по
нены земскимъ властямъ, такъ что выбор
власти образовали самостоятельное упра
ніе, совершенно отдѣльное отъ приказн
Земское начало получило такимъ обра
большее значеніе, нежели прежде, но вм
съ тѣмъ облеклось въ сословный харак
который, вслѣдствіе новаго устройства
ментовъ государственной жизни, замѣн
собою прежній, поземельный.

Все это совершилось уже въ концѣ XVI

преобразованія Ѳедора Алексѣевича
ервымъ шагомъ къ преобразованіямъ
Великаго. До того времени приказныя
завѣдывали судомъ, полиціею, воен-
дѣлами и большею частью финансоваго
енія. Вѣрные сборщики завѣдывали
ыми сборами, а земскія власти—мѣст-
повинностями и службами, отправляе-
въ пользу государства. Всѣ эти пред-
вѣдомства имѣли характеръ чисто-го-
твенный; собственно мѣстныхъ, зем-
дѣлъ вовсе не было. Устройство мѣст-
союзовъ, съ ихъ правами, съ мѣстными
и учрежденіями, относится уже ко
амъ Екатерины II. Въ ея царствова-
ественнымъ началомъ управленія сдѣ-
народное благо, тогда какъ прежде
ю цѣлью была государственная польза.
рство было исходною точкою всего
веннаго развитія Россіи съ XV-го вѣка.
нувъ на развалинахъ средневѣковыхъ
ценій, оно нашло вокругъ себя чистое
не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ
нутыхъ; отдѣльныя личности, бродя-
мѣста на мѣсто и занятыя исключи-
своими частными интересами, однѣ
остояли новому общественному союзу.
ю задачею сдѣлалось устройство госу-
а, которое организовалось сверху, а не
нужно было устроить общій союзъ, а
е должны были служить ему орудіемъ.
у на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ го-
твенный характеръ; и такъ какъ преж-
го нужны были государству матеріаль-
редства, то и задача управленія была
ущественно финансовая. Этимъ XVII-й
тличается отъ XVIII-го, въ которомъ
управленія сдѣлались также промыш-
ть и образованіе, хотя и эти отрасли
ьности первоначально развивались въ
государственной пользы.

дства новаго государства были, одна-
ничтожны; ему недоставало людей,—и
дѣлало государственную службу повин-
сословій; ему недоставало денегъ,—и
редило множество мѣстныхъ повинно-
ъ пользу государства; ему недоставало,
щъ, и административныхъ средствъ,—и
полняло ихъ отвѣтственностью поддан-
Такимъ образомъ, надзоръ за мѣст-
правителями былъ почти невозможенъ;
у отвѣтственность за сборы возложена
какъ на мѣстныхъ жителей, которые
ы были выбирать вѣрныхъ сборщиковъ,
такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей,
которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ
и имуществомъ. Точно такъ же и богатство
отдѣльныхъ лицъ мало подлежало вліянію
государства, которое не имѣло средствъ ни
узнать количество имущества подданныхъ,
ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже при-
нудить ихъ къ уплатѣ податей; поэтому
уплата была возложена на цѣлыя общины,
которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами
уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта систе-
ма повинностей проникала такимъ образомъ
во всѣ отношенія; земскіе люди несли служ-
бы, отправляли повинности, отвѣчали за
сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ
живущихъ посреди нихъ подозрительныхъ
людей, хотя не имѣли на нихъ никакого
вліянія.

Ничтожность государственныхъ средствъ,
незначительное вліяніе центральной власти
на областное управленіе дѣлали необхо-
димымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому
всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ
рукахъ, къ чему, съ другой стороны, вели
младенческое состояніе правительственныхъ
учрежденій и самая запутанность адми-
нистраціи.

Эти три черты областного управленія: го-
сударственный характеръ учрежденій, систе-
ма повинностей и соединеніе всѣхъ дѣлъ въ
рукахъ воеводъ, характеризуютъ всю эпоху,
простирающуюся отъ возникновенія государ-
ства въ XV-мъ вѣкѣ до временъ Екатери-
ны II-й; только начальство надъ постоянными
войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ.
Но московское государство имѣло свои осо-
бенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ
Петровскихъ временъ.

Петръ Великій, не вводя никакихъ новыхъ
началъ въ областное управленіе, только при-
велъ въ порядокъ существующее. Попытка
его установить правильное раздѣленіе област-
ного управленія, которое прежде того все
сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была
преждевременна и потому не удалась. Послѣ
его смерти воеводы попрежнему соединили
всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе
получило уже правильную организацію. Ре-
зультатомъ преобразованія было, слѣдственно,
систематическое устройство управленія. Этимъ
опредѣляется его значеніе, которое прямо
вытекало изъ потребностей того времени и
изъ характера государственныхъ учрежденій
XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, преобразова-

нія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій московскаго государства; въ XVI-мъ вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII-мъ вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII-мъ вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

Таковы главнѣйшія воззрѣнія г. Чичерина на развитіе и составъ нашихъ областныхъ учрежденій въ XVII-мъ вѣкѣ,—воззрѣнія, основанныя на самомъ тщательномъ, подробномъ и добросовѣстномъ изученіи многочисленныхъ источниковъ, относящихся къ этой эпохѣ. Мы бы не кончили, еслибъ захотѣли передать всѣ отдѣльныя замѣтки и мысли, внушенныя авторомъ глубокимъ знаніемъ дѣла и разсѣянныя почти на каждой страницѣ разбираемаго нами достойнаго всякаго уваженія ученаго труда. Того, кто бы захотѣлъ глубже вникнуть въ предметъ и узнать его со всѣми оттѣнками, мы отсылаемъ къ самой книгѣ, чтеніе которой не замѣнятъ и болѣе длинныя выписки.

За самыми немногими и незначительными исключеніями, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія ученаго автора въ томъ, что касается собственно до избранной имъ эпохи; но едва ли можно согласиться съ нимъ безусловно во многомъ относительно нашего историческаго развитія, предшествующаго XVII-му вѣку; также и значеніе различныхъ фактовъ, относящихся къ нашей областной администраціи XVII-го вѣка, мы объяснили бы нѣсколько иначе, потому именно, что иначе смотримъ на предыдущее развитіе.

Сущность взгляда г. Чичерина приводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: у племенъ, образовавшихъ русское государство, былъ первоначально родовой, кровный бытъ; но онъ разрушился, и личное начало заступило мѣсто семейно-общиннаго. Выраженіемъ этого личнаго начала было необузданное господство частнаго права и произвола, наполняющее нашу внутреннюю исторію и составляющее основу нашего быта до образованія московскаго государства. Съ наступленіемъ третьяго періода нашего развитія, государство беретъ верхъ надъ исключительно личнымъ началомъ. Сперва, не имѣя возможности собственными средствами достигать своей цѣлей, оно какъ бы возлагаетъ исполненіе ихъ на народъ. Здѣсь, по мнѣнію г. Чичерина, лежитъ источникъ общиннаго и выборнаго на древней Россіи. Но лишь только государ сложилось и почувствовало свои силы, вительственная дѣятельность общинъ нилась дѣятельностью непосредственных ганов государственной власти—приказ людей и вскорѣ потомъ воеводъ. Въ время, преслѣдуя свои цѣли, государство ралось дать хоть какую-нибудь прочно постоянство безпрестанно колеблющим бродящимъ общественнымъ элементам для этого укрѣпило ихъ, возложивъ на по недостатку собственныхъ средствъ, жество личныхъ службъ и обязанностей каго рода въ свою пользу. Такъ обра лись сословія, имѣвшія сначала государ ное назначеніе, обязанныя, каждое, ра наго рода повинностями въ пользу гос ства и лишь въ царствованіе императ Екатерины II-й утратившія служебное ченіе. Подъ вліяніемъ этого служебна чала, или системы повинностей, города дѣлились изъ селъ, и жители ихъ образ особое сословіе. Но собственно общинно чало осталось неразвитымъ и бездѣятель Оттого выборныя и приказныя власти шивались между собою, кругъ дѣйствій и другихъ нимало не былъ разграниче областное—правильнѣе, мѣстное—управ представляло во всѣхъ отношеніяхъ шенный хаосъ, пока преобразованія Великаго не внесли нѣкоторую систе порядокъ въ эту неурядицу.

Чтобы найтись въ этомъ сплетеніи жества разнороднѣйшихъ явленій и фак разберемъ ихъ на группы: анализъ не мѣнно выведетъ насъ на прямую доро

Прежде всего надобно замѣтить, что называемая авторомъ система повинно то-есть требованіе со стороны государ отъ всѣхъ сословій, различнаго рода слу и работъ, едва ли можетъ быть призна историческое начало, и едва ли было бы вильно характеризовать этой системой какую-нибудь эпоху нашего государствен и общественнаго быта. Требованіе личн работъ и службъ—явленіе общее всѣмъ родамъ, которые въ экономическомъ шеніи стоятъ на очень низкой ступени. ществованіе этихъ службъ и работъ въ ченіи повинностей предполагаетъ, что народѣ не утвердились еще понятія о имуществѣ наемнаго и договорнаго передъ обязательнымъ и даровымъ, что

мѣетъ цѣны, другими словами, что про-
ы почти не существуютъ, а деньги—ве-
я рѣдкость; что правительство еще не
нитало, что для него самого во всѣхъ
шеніяхъ выгоднѣе требовать, вмѣсто лич-
службы, взноса денегъ, и на эти деньги
мать и заказывать по вольнымъ цѣнамъ
что нужно. Система повинностей—не
рическое начало, а просто неразсчетъ.
томъ же, эта система (если только она
живаетъ такого названія) существуетъ
съ исполнъ-вѣка, тянется чрезъ весь
ьный періодъ въ видѣ обязанностей на-
къ намѣстникамъ и другимъ княжескимъ
вникамъ, и продолжается отчасти до
его времени, все болѣе и болѣе уступая
о системѣ податей и пошлинъ. Какое
можетъ быть справедливое основаніе за-
нать повинности въ пользу государства
одну какую-нибудь эпоху, точно какъ-
о ихъ не существовало ни прежде, ни
ѣ? Итакъ, дѣло состоитъ, если мы не
баемся, не въ томъ, когда именно появи-
у насъ начало повинностей и когда оно
илось,—оно и теперь не исчезло,—а въ
собственно, что государственная власть,
икшая въ Москвѣ подъ формами исто-
ски-установившагося владѣльческаго ти-
олго не совлекала съ себя этого типа,
о жила подъ старою формою, хотя это и
во многихъ отношеніяхъ очень неудоб-
Восторжествовавъ надъ другимъ элемен-
, претендовавшими на политическое зна-
и роль, о чемъ мы скажемъ тотчасъ
государство, въ качествѣ домовладыки,
кло ихъ себѣ на служеніе по тогдаш-
, то-есть обложило разными личными
нностями или обязанностями. Чрезъ это
ченные элементы стали сословіями, обя-
ыми службою государству.

очно также и хаотическое состояніе ад-
истраціи въ древней Россіи должно от-
и къ числу явленій, общихъ всѣмъ не-
зованнымъ и неразвитымъ народамъ.
еніе, въ замѣнъ безпорядка, системати-
аго, стройнаго управленія, безспорно,
шагъ впередъ, особенно важный по сво-
практическимъ результатамъ; но оно не
етъ служить характеристическимъ при-
омъ цѣлой эпохи въ развитіи народной
сударственной жизни. Значеніе преобра-
ній Петра Великаго, конечно, весьма
око; но совершившаяся при немъ систе-
зація областныхъ учрежденій и управле-
нія, при всей несомнѣнной ея пользѣ, ни
въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа
эпохою въ историческомъ развитіи состав-
ныхъ стихій Россіи. Это такой же успѣхъ,
какъ смягченіе нравовъ, распространеніе про-
свѣщенія, умноженіе народнаго богатства и
проч.,—успѣхъ, встрѣчаемый у всѣхъ наро-
довъ, идущихъ впередъ, какъ бы ни были
различны ихъ историческія судьбы. И здѣсь,
какъ и въ предыдущемъ, дѣло, сколько мы
понимаемъ, не во внѣшнихъ признакахъ и
послѣдствіяхъ явленій, одинаковыхъ у всѣхъ
народовъ, а въ тѣхъ особенностяхъ, которыя
породили самыя явленія. Служебный характеръ
всѣхъ сословій въ отношеніи къ государству—вотъ эта особенность. Сначала господство послѣдняго было далекое, какъ-будто вытекало изъ международныхъ отношеній. Какъ варяжскіе князья требовали отъ подвластныхъ имъ племенъ только дани и покорности, предоставляя собственному ихъ усмотрѣнію ихъ внутреннія дѣла, такъ и государство относилось первоначально къ сословіямъ: не входя во внутреннее устройство ихъ, оно довольствовалось службами и повинностями, которыя они отправляли въ его пользу. Но на этомъ далекомъ господствѣ государства и подданствѣ сословій дѣло не могло остановиться. По служебному характеру сословій, государство мало-по-малу должно было все глубже входить въ подробности внутренняго быта сословій, опредѣлять не только ихъ отношенія между собою, но и отношенія членовъ каждаго сословія другъ къ другу. Такъ какъ при этомъ государство не имѣло еще, да и не могло имѣть никакихъ общихъ, руководительныхъ началъ, и потому установляло тотъ или другой порядокъ по внушенію и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, то отсюда возникъ въ администраціи невыразимый хаосъ, который можно было привести въ нѣкоторый порядокъ не иначе, какъ распредѣленіемъ всѣхъ предметовъ управленія по какой-нибудь готовой и выработанной системѣ. Это и сдѣлалъ Петръ Великій, оказавъ тѣмъ Россіи одну изъ тѣхъ услугъ, которыя, рано или поздно, оказываются всѣмъ народамъ съ болѣе или менѣе развитою государственностью.

Снявъ такимъ образомъ внѣшнюю оболочку, заслоняющую отъ насъ сокрытое дѣйствіе историческихъ началъ и обобщающую вопросъ въ ущербъ яснаго пониманія особен-

постей, обратимся теперь исключительно къ послѣднимъ, ибо на ихъ почвѣ выростаетъ, а слѣдовательно ими и опредѣляется и объясняется общее.

Какъ мы уже замѣтили, главная особенность нашего древняго общественнаго быта въ XVII вѣкѣ есть служебный характеръ всѣхъ сословій, ихъ, если можно такъ выразиться, исключительно повинностное значеніе и соотвѣтствующій этому преимущественно приказный, бюрократическій характеръ мѣстнаго управленія. Два могущественные элемента европейской общественности—общины, сословія и корпораціи,—у насъ существовали въ XVII вѣкѣ только по имени и не играли никакой роли. Этотъ фактъ поразителенъ! Глазъ, присмотрѣвшійся къ европейской исторіи, складъ ума, образовавшійся вслѣдствіе пристальнаго изученія условій европейской жизни, остаются въ недоумѣніи передъ этой совсѣмъ особенной комбинаціей общественныхъ элементовъ. Г. Чичеринъ старается объяснить это загадочное явленіе, и вотъ на чемъ мы расходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ: онъ полагаетъ, что сословія и общинное начало обязаны своимъ происхожденіемъ государству; мы же, напротивъ, думаемъ, что призраки сословій и общинъ XVII вѣка суть обветшалые и стертые остатки когда-то живыхъ историческихъ элементовъ и началъ, игравшихъ большую или меньшую роль, слѣдъ историческихъ типовъ, происхожденіе которыхъ теряется въ глубокой древности.

Возьмемъ различные разряды собственно такъ называемаго служилаго класса, обязаннаго военной, приказной и придворной службой. Классъ этотъ сложился изъ бывшихъ дружинниковъ, личной княжеской прислуги и грамотѣевъ, употреблявшихся по письменнымъ дѣламъ, которыми, по общей безграмотности, могли заправлять лишь немногіе. Положимъ, что послѣдніе два элемента служилаго класса суть позднѣйшаго происхожденія и сложились подъ вліяніемъ государственнаго начала. А дружинники? Они существовали съ незапамятныхъ временъ, и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ были самостоятельнѣе, независимѣе отъ князей. Безъ дружины князь ничего не могъ дѣлать; бывало, что дружина и не соглашалась съ мнѣніемъ князя и настаивала на своемъ; а въ нѣкоторыхъ княжествахъ, какъ, напримѣръ, въ Галицкомъ, изъ дружины развилась сильная аристократія — правильнѣе, олигархія, чатки которой находимъ и въ московск государствѣ. Вельможество и боярство премѣнно предполагаютъ зачатки со наго элемента и безъ него немыслимы. какой степени было сильно и развит словное начало—это другой вопросъ, о ромъ рѣчь впереди. Пока достаточно зать на присутствіе въ древней ру жизни, до образованія государства, за шей сословнаго начала. Этихъ зарод отрицать, кажется, невозможно.

Отвергая сословное начало въ до-гос ственной Руси, г. Чичеринъ разсматри власть намѣстниковъ съ точки зрѣнія наго права, и на этомъ основываетъ воззрѣніе на весь послѣдующій ходъ р тія нашихъ учрежденій. Но первая по едва-ли справедлива. Съ точки зрѣнія III и Ивана IV, намѣстники, конечно, дѣли своими кормленіями по частному потому что въ это время государство предъявлять свои требованія, и предста лями политическихъ элементовъ и жизн ли исключительно московскіе великіе к и цари; но до того времени намѣст были какъ бы самостоятельные владѣ пользовавшіеся почти княжескими пра за исключеніемъ развѣ одного лишь вступать въ дипломатическія сношенія. имѣли свою печать, свою дружину, управленіе; въ предѣлахъ ихъ владѣній доходы, сборы и повинности платились и отправлялись въ ихъ пользу, или они прикажутъ; очевидно, власть намѣс ковъ въ этомъ ея значеніи имѣла гос ственное, а не частное значеніе. дальше мы будемъ восходить назадъ, это предположеніе будетъ оправдываться лѣе и болѣе. Въ началѣ такъ-называе періода удѣловъ княжескіе намѣстни посадники, получавшіе въ кормленіе ласти, были еще независимѣе, чѣмъ нам ники послѣдующаго времени, потому члены тогдашнихъ княжескихъ дру еще не становились къ своему кня отношенія подданства; а свѣтлые князь бояре и мужи, бывшіе подъ рукою ка скихъ великихъ князей и посылавшіе их пословъ къ грекамъ вмѣстѣ съ по Олега и Игоря—прототипы послѣдую посадниковъ и намѣстниковъ, были чуть-ч не самостоятельные владѣтели, чуть-чуть союзники великихъ князей, имѣвшіе съ н

ія права. Послѣ Ивана IV намѣст-
исчезаютъ, но типъ сохраняется, вы-
ись все болѣе и болѣе. Мѣсто ихъ
ають владѣльцы помѣстій. Съ воцаре-
новой династіи, вельможи и знатные
принимавшіе дѣятельное участіе при
леніи новаго порядка дѣлъ, восполь-
ь щедростью юнаго правительства и
ли множество владѣній на помѣст-
правѣ. Помѣстья были для нихъ не
о средствомъ нести службу, какъ для
хъ служебныхъ разрядовъ, сколько
ю владѣній и отчасти владѣтельныхъ
которыми они пользовались въ каче-
амѣстниковъ. Но характеръ и значе-
адѣній существенно перемѣнились:
ія эти потеряли полу-политическій и
рственный характеръ и сдѣлались част-
Сначала они, кажется, изъяты были
енно отъ всякихъ повинностей и обя-
гей въ пользу государства, потому что
льцы ихъ несли службу; но впослѣд-
это отличіе ихъ мало-по-малу стало
ть, и владѣнія начали постепенно
иться подъ общую систему управле-
дателей и повинностей.

ю также и типъ вотчинника, получив-
ослѣдствіи чисто гражданскій харак-
сначала имѣлъ тоже государственное
итическое значеніе. Въ этомъ легко
ься, прослѣдивъ отношенія князей
собою, начинающіяся братскими, родо-
ыми связями удѣльныхъ князей съ
ми и кончившіяся отношеніями са-
трогаго подданства. А княжескія вла-
съ ихъ державными правами, имѣли
емъ основаніи вотчинный типъ, кото-
е только удержался во владѣніяхъ
ныхъ князей, но и весьма долго дер-
во внѣшнихъ формахъ московскаго
ства.

тимся теперь къ общинному началу.
енное вырожденіе общиннаго типа
вляетъ явленіе совершенно аналоги-
съ трансформаціей типа намѣстника
инника. До самаго образованія мос-
о государства общины даютъ несо-
ые признаки государственной жизни.
онѣ призываютъ, выбираютъ и мѣня-
язей; вездѣ дѣятельность ихъ про-
ся сквозь сѣть дружинъ, которыми
ута древняя Россія и заслонена вну-
я исторія народа; а гдѣ обстоятель-
оть сколько-нибудь благопріятство-

вали, тамъ онѣ тотчасъ же пріобрѣтали политическую самостоятельность. Весь сѣверъ и весь югъ Россіи были покрыты такими самостоятельными общинами. Только съ усиленіемъ московскаго государства общины понемногу перестаютъ играть политическую роль. Но даетъ ли это намъ право утверждать, что и въ общественной жизни не осталось слѣдовъ общиннаго духа? Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Историческіе типы не умираютъ скоропостижно, а угасаютъ постепенно, проходя чрезъ цѣлый рядъ перерожденій. Еще въ началѣ XVII вѣка, во время самозванцевъ, смутъ и вторженія иноплеменниковъ, общины обнаружили несомнѣнные признаки жизни: онѣ совѣщались о тогдашнемъ положеніи и событіяхъ, сносились между собою грамотами и старались общими силами спастись отъ угрожавшей со всѣхъ сторонъ гибели. Мининъ былъ результатомъ этой спасительной и патріотической дѣятельности общинъ въ началѣ XVII вѣка; въ лицѣ его и князя Пожарскаго подали другъ другу руку два элемента, которые до того времени нерѣдко враждебно сталкивались между собою и, кажется, вызвали бурю, потрясшую Россію въ самыхъ ея основаніяхъ; теперь же оба совокупными силами возсоздаютъ разрушенную власть какъ бы для того, чтобъ затѣмъ окончательно отказаться отъ всякой политической дѣятельности. Послѣ 1612 года государственная роль общинъ совершенно оканчивается.

Спрашивается: можно ли послѣ всего сказаннаго предположить, что мысль Ивана Грознаго призвать общины къ участію въ мѣстномъ управленіи явилась точно будто deus ex machina, безъ всякаго отношенія къ предыдущему? Возможно ли, чтобъ выборное начало, безъ котораго общинная жизнь немыслима, было совершенно неизвѣстно у насъ дотолѣ и было созданіемъ московскихъ государей? Чѣмъ больше вдумываешься въ эту мысль, тѣмъ она кажется невѣроятнѣе и невозможнѣе. Если мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что на намѣстничьемъ и волостелинскомъ судѣ изстари были цѣловальники или присяжные, то изъ этого никакъ еще нельзя заключить, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не присутствовали въ этихъ судахъ, тѣмъ болѣе, что Судебникъ 1550 года прямо предписываетъ: „въ которыхъ волостѣхъ *напередъ сего* старостъ и цаловальни-

ковъ *не* было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цаловальникомъ" (ст. 68). Учрежденіе старостъ и цѣловальниковъ, безъ всякой натяжки, можно усмотрѣть и ранѣе. Въ Судебникѣ 1497 года упоминаются старосты и „лучшіе люди"; тѣ же лучшіе люди, только съ прибавкою „цаловальника", встрѣчаются и въ Судебникѣ 1550 года. Значеніе ихъ совершенно одинаково; только права лучшихъ людей цѣловальниковъ по Судебнику 1550 года расширены. Какое же право имѣемъ мы заключить отсюда, что лучшіе люди, упоминаемые въ первомъ Судебникѣ, не были выборные, а цѣловальники временъ Грознаго были выборные? Явное дѣло, что это учрежденіе при Грозномъ не было нововведеніемъ, а существовало гораздо ранѣе его. Вступивъ въ борьбу съ вельможествомъ и олигархическимъ боярствомъ, царь Иванъ Васильевичъ опирался на общины, представлявшія элементъ, противоположный большимъ людямъ московскаго государства, и потому расширилъ, точнѣе опредѣлилъ права ихъ выборныхъ представителей, сдѣлалъ этихъ выборныхъ учрежденіемъ повсемѣстнымъ, но не создалъ этого учрежденія вновь.

Послѣ Грознаго общины утратили государственное значеніе. Во время смутъ онѣ, какъ мы уже сказали, въ послѣдній разъ заявили свое политическое существованіе. Но это была ихъ лебединая пѣсня. Послѣ 1612 года онѣ распались на свои составныя части. Служилые люди, духовенство, посадскіе и крестьяне образовали особыя сословія—чины, по древней нашей терминологіи, которые, въ свою очередь, подраздѣлились на множество мелкихъ союзовъ и званій. Представителями общиннаго начала остались лишь два самые низшіе класса, которые потому только и сохранили слабые слѣды общинной жизни, что въ нихъ удержалось отправленіе повинностей, службъ и работъ сообща, за круговымъ поручительствомъ, какъ было, когда племена, а затѣмъ общины находились въ подданствѣ; удержалось сожительство на однихъ мѣстахъ, и потому невольно, даже безсознательно, удерживались привычки старины. Обложеніе каждаго званія особыми, ему свойственными, повинностями и службами въ пользу государства окончательно создало у насъ сословія и разрушило общинное единство, потому что каждый общественный разрядъ получилъ свое особенное назначеніе и чрезъ это, весьма естественно, окончательно отдѣлился от прочихъ, не имѣя съ ними ничего общат кромѣ самыхъ поверхностныхъ соприкосн веній.

Такимъ образомъ, безспорно, что госуда ство принимало у насъ очень дѣятельн участіе въ образованіи сословій. Оно прил жило печать къ разложенію общинъ на и составныя стихіи; оно закрѣпило званія их раздѣльности и исключительности. созидателемъ сословій оно не было, то такъ же, какъ не оно образовало общи при Иванѣ IV-мъ. Элементы, данные д того и другого, были уже налицо, гото и государство только воспользовалось и для своихъ цѣлей.

Съ появленіемъ сословій, общинный д перешелъ въ нихъ и здѣсь поддерживал утративъ только политическое и госуд ственное значеніе и принявъ, въ замѣ того, гражданскій характеръ. Весьма ес ственно, что при этомъ въ сословіяхъ, ложенныхъ тягломъ, гдѣ условія общинн быта сохранились хотя отчасти, удержал и различныя формы и учрежденія этого бы напротивъ, въ служилыхъ разрядахъ, люди далеко не такъ тѣсно были связ между собою общими обязанностями и нѣтственностью, гдѣ службы и повинно отправлялись лично, а не сообща, общин установленія стали прививаться лишь в слѣдствіи времени, и дѣйствительно бы результатомъ организующей дѣятельно государства.

Дальнѣйшее развитіе нашего внутренн быта было послѣдовательнымъ выводомъ и этихъ данныхъ. По мѣрѣ того, какъ го дарственное начало, совлекая съ себя ус рѣлыя, несвойственныя ему формы часть быта, болѣе и болѣе обобщалось и при мало видъ, усвоенный ему въ Европѣ, ста постепенно исчезать и служебный хар теръ сословій, вытекавшій изъ владѣльчес го, вотчиннаго типа. Сначала дворянст потомъ и городскія сословія уволены обязательной службы, а за ними и госуд ственные крестьяне — отъ царскаго тя лицомъ и натурой. Въ параллель съ эти постепенно совершалась и внутренняя ор низація сословій. Началась она съ полови XVII-го вѣка устройствомъ городскихъ зе совъ, которое продолжалось при Феде Алексѣевичѣ, Петрѣ Великомъ, Екатери II-й и далѣе до нашего времени; позже

ских классовъ стали устраиваться слу-
ные классы, которые получили прочную
анизацію при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ
; наконецъ, при императорѣ Николаѣ
анизовано сословіе государственныхъ кре-
инъ. Въ этомъ постепенномъ устройствѣ
новій совершалось детальное развитіе, по
тямъ, общиннаго начала. По мѣрѣ того,
ъ служебный характеръ сословій исче-
ъ, должно было мало-по-малу исчезнуть
взаимное отчужденіе, разрозненность и
усственная замкнутость, а вмѣстѣ съ тѣмъ
аться снова взаимное тяготѣніе другъ къ
гу различныхъ общественныхъ интере-
ъ, представляемыхъ различными сословія-
безъ смѣшенія ихъ подъ однимъ внѣш-
ъ, искусственнымъ, безразличнымъ уров-
ъ. Центръ взаимнаго тяготѣнія сословій
сть общинное единство.

. Чичеринъ опровергаетъ существованіе
Россіи XVII вѣка общиннаго начала тѣмъ,
воеводы вмѣшивались во всѣ общинныя
а безъ изъятія, и что общее владѣніе
лею, которое почитается отличительною
тою русской и вообще славянской общины,
это время тоже не существовало, а со-
лось лишь впослѣдствіи, какъ необхо-
ый результатъ обращенія ея въ крѣпост-
и тяглую. На основаніи того, что ска-
нами выше, съ первымъ доводомъ можно
ласиться, не дѣлая, однако, никакихъ
ключеній о несуществованіи будто бы об-
инаго начала въ древней Россіи вообще.
же касается второго возраженія противъ
инъ, то оно не относится прямо къ об-
тному управленію, которое насъ теперь
имаетъ, и потому мы оставимъ его пока
сторонѣ, чтобъ не отвлечься отъ глав-
вопроса. Впрочемъ, мы надѣемся вскорѣ
вратиться къ этому предмету. Читатели,
ечно, припомнятъ, что между гг. Чиче-
ымъ и Бѣляевымъ идетъ теперь слож-
и весьма интересный споръ объ об-
инномъ владѣніи въ древней Россіи. Такъ
ъ вопросъ объ общинахъ имѣетъ для
ской исторіи особенную важность, то мы
имъ объ этомъ спорѣ подробный отчетъ,
огда уже разберемъ какъ значеніе общин-
о владѣнія, такъ и вообще все то, что
Чичеринъ говоритъ въ разсматриваемомъ
и сочиненіи объ общинахъ XVII-го вѣка.
Сводя все сказанное выше въ общіе итоги,
найдемъ, что и представители общин-
о начала—общины,—и представители на-
чала личнаго—дружинники, намѣстники и
кормленщики,—имѣли въ древней Россіи са-
мостоятельность и политическое значеніе; но
это значеніе ихъ современемъ утратилось, и
они вдвинуты въ условія частнаго граждан-
скаго быта. Этотъ, по своему значенію и
послѣдствіямъ, безконечно важный поворотъ
въ нашей внутренней исторіи совершился
московскими великими князьями и царями,
представлявшими собою начало государствен-
наго и политическаго единства Россіи. Оли-
гархическіе зачатки и плодъ ихъ—анархія,
разрозненность независимыхъ общинъ и не-
обходимый этого результатъ — распаденіе
народа и страны на части, — эти два опас-
нѣйшіе спутника политической жизни слав-
янъ, побѣждены великорусскимъ племенемъ.
Изъ этого удивительнаго и, къ сожалѣнію,
такъ еще мало изслѣдованнаго племени, ко-
торое одно между всѣми славянскими пле-
менами одарено государственнымъ смысломъ
и организующимъ геніемъ, возникла громад-
ная сила, овладѣвшая хаосомъ, остановив-
шая процессъ разложенія и сохранившая
единство народа. Неимовѣрностью этой силы
можно измѣрить степень разлагающей, обо-
собляющей силы въ славянскомъ племени.
Дружинники и общины, главные дѣятели
раздробленія и разрозненности, не могли
быть орудіемъ единенія. Оно и совершилось
помимо нихъ. Опричина, выразившая стре-
мленіе государства выгородиться изъ всѣхъ
элементовъ нашей древней общественности,
приказное начало, призвавшее къ государ-
ственной дѣятельности, помимо всѣхъ со-
ставныхъ стихій тогдашней Руси, людей тем-
ныхъ, стоявшихъ внѣ общинъ и сословій,
показываютъ, какъ мало третейская власть,
объединившая Россію, имѣла общаго со всѣ-
ми прочими тогдашними началами нашей жи-
зни, какъ она стояла особнякомъ отъ нихъ,
послушная только великому своему призванію
подавить внутреннюю борьбу и разорванность
и сохранить политическое единство. Была
минута — въ началѣ XVII-го вѣка, — когда
броженіе и вражда общественныхъ стихій,
достигнувъ высшей степени, одолѣли госу-
дарство и, вырвавшись на просторъ, исто-
щались въ безплодной и разрушительной
борьбѣ. Казалось, все погибло. Но здравый
политическій смыслъ великорусскаго племе-
ни спасъ русскій корабль отъ этой конечной
невзгоды. Зиждительный геній этого племе-
ни овладѣлъ разнузданными общественными

элементами и снова свелъ ихъ къ единству, подчинивъ еще болѣе сильной государственной власти, чѣмъ прежде.

Послѣ политическихъ бурь и смятеній московское государство долго не могло успокоиться. Наученная опытомъ, напуганная недавними событіями, государственная власть стала бдительнѣе и осторожнѣе. Этимъ объясняется замѣщеніе въ областномъ управленіи дьяковъ и приказныхъ воеводами, властей гражданскихъ военными, что совершилось послѣ 1612 года. Въ началѣ XVII-го вѣка, правительство походило на военный станъ, расположенный въ взволнованной странѣ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ власти были тогда соединены въ рукахъ воеводъ и что вліяніе ихъ на крестьянскія и посадскія общины—призракъ старинныхъ общинъ—было почти безграничное. Но какъ только волненіе утихло и государственное начало было упрочено, внутреннее развитіе снова началось. Мѣстное управленіе, оставаясь военнымъ по названію, болѣе и болѣе стало принимать гражданскій характеръ. Разныя отрасли администраціи начали постепенно отдѣляться отъ воеводъ и поручаться завѣдыванію другихъ должностныхъ лицъ и учрежденій.

Предметъ близко касается вопроса о централизаціи. О ней авторъ говоритъ (на стр. 257 и 258) слѣдующее:

„Понятія о раздѣленіи вѣдомства тогда (т.-е. въ XVII вѣкѣ) еще вовсе не было. Оно является уже при болѣе развитомъ управленіи, вмѣстѣ съ потребностью дать самостоятельное устройство каждой части и уничтожить злоупотребленія, которыя неизбѣжны при сосредоточеніи всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. У насъ раздѣленіе управленія послѣ неудачной попытки Петра Великаго, который, впрочемъ, окончательно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, было осуществлено уже Екатериною II. Въ Московскомъ же государствѣ, недавно возникшемъ и едва начинающемъ организоваться, господствовала нераздѣльность вѣдомства. Такое государство не заботится о самостоятельномъ устройствѣ частей, а имѣетъ только въ виду общее устройство управленія; оно ищетъ силы, ищетъ орудія, которое могло бы наилучшимъ образомъ приводить въ дѣйствіе правительственныя распоряженія. Кромѣ того, при отсутствіи сильной центральной власти, при недостаткѣ административныхъ средствъ, необходимо централизировать управленіе въ областяхъ, соединивши всѣ отрасли въ однѣхъ рукахъ; это одно можетъ дать ему достаточную силу. Раздѣленіе управленія неминуемо ведетъ къ общей централизаціи; раздробленное въ частяхъ должно быть строго и формально подчинено единому центру. Но централизація возможна только при чрезвычайно правильномъ и развитомъ устройствѣ управленія; тече… дѣлъ должно точно и безпрепятственно идти … центра къ окружности и наоборотъ. Въ возни… ющемъ государствѣ, которое содержитъ въ се… разнородныя и разнохарактерныя учрежденія, ц… трализація невозможна; поэтому тамъ должна су… ствовать нераздѣльность вѣдомства въ областно… управленіи. Это періодъ, за которымъ слѣду… раздѣленіе вѣдомства и наконецъ централизац…

Устранивъ совершенно вопросъ о цент… лизаціи политической, которая представля… собою государственное единство и есть … премѣнное и необходимое условіе госуд… ственной жизни, безъ котораго послѣдо… немыслима, остановимся на централиза… административной. Говоря о ней, мы так… должны различать предметы общей госуд… ственной важности, относящіеся къ цѣл… государственному организму, напримѣръ, … конодательство, внѣшнія сношенія, воен… силы, государственные финансы, отъ пр… метовъ чисто-мѣстнаго интереса, не им… щихъ никакого отношенія къ общей госуд… ственной жизни, каковы: мѣстные финан… текущія административныя и распорядите… ныя дѣла по всѣмъ отраслямъ мѣстн… управленія, имѣющія только мѣстное зна… ніе; судъ, полиція. Сосредоточеніе дѣ… перваго рода въ центральномъ государств… номъ управленіи такъ же естественно и … обходимо, какъ то, что нервы движенія … чувствованія сходятся къ головному моз… органу мысли и воли. Поэтому мы не с… немъ далѣе распространяться объ это… предметѣ, а обратимся къ централиза… дѣлъ чисто-мѣстныхъ. Эти дѣла могутъ бы… стянуты въ центральныя государственн… учрежденія, или сцентрализованы на … стахъ, и тутъ получатъ окончательное … шеніе. Но централизація управленія … изводится не однимъ перенесеніемъ дѣ… въ тѣ или другія правительственныя уч… жденія; та же цѣль достигается и извѣ… нымъ устройствомъ административныхъ … гановъ. Бюрократическій или коллегіальн… составъ правительственныхъ учрежденій, … значеніе чиновниковъ отъ короны или … выборамъ, степень отвѣтственности изб… ныхъ чиновниковъ предъ избирателями … правительствомъ, — вотъ условія, различ… комбинаціи которыхъ усиливаетъ или осл… ляетъ административную централизацію … безъ перенесенія дѣлъ изъ однѣхъ инст… ній въ другія, даже безъ сосредоточенія …

одномъ какомъ-нибудь учрежденіи, цен-
льномъ или мѣстномъ.
Г. Чичеринъ, очевидно, тоже говоритъ объ
ной административной централизаціи и
итомъ только о нѣкоторыхъ ея видахъ.
ыслъ приведеннаго нами мѣста изъ книги,
и не ошибаемся, тотъ, что соединеніе
хъ отраслей мѣстнаго управленія въ ру-
къ одной бюрократической власти, съ успѣ-
ми государственной жизни, должно устуг
ть мѣсто распредѣленію его между нѣс-
кими правительственными органами, а
тѣмъ вмѣстѣ централизація его необхо-
мо переносится въ центральныя государ-
енныя учрежденія. Но исторія представ-
тъ неопровержимые факты въ доказатель-
о, что этотъ взглядъ не обнимаетъ всѣхъ
ронъ вопроса, и потому едва ли можетъ
ть признанъ за послѣднее слово теоріи и
ки. Передъ нами Франція, издавна пред-
вляющая осуществленіе теоріи централи-
ціи, какъ ее разумѣетъ авторъ; передъ
ми и Германія, въ особенности же Англія,
, наоборотъ, недостатокъ или даже отсут-
іе централизаціи составляетъ отличитель-
о черту всей системы управленія. Вотъ
различныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же
дметъ, подтверждаемыя всѣмъ авторите-
ъ долговременнаго практическаго примѣ-
ія. Которому изъ нихъ отдать преимуще-
о? Конечно, англійская система стѣсни-
ьна для центральной власти, потворствуетъ
еобычности различныхъ элементовъ, изъ
орыхъ слагается общество или государ-
о, дѣлаетъ всякій успѣхъ, всякое развитіе
омѣрно тугимъ и медленнымъ, поставляя
въ зависимость отъ самой медленной вещи
мірѣ—отъ постепеннаго перерожденія на-
ныхъ обычаевъ, понятій и нравовъ. Но
орники англійской системы упрекаютъ си-
му французскую въ томъ, что, вслѣдствіе
центральная власть обременяется без-
леными, въ общемъ государственномъ
слѣ мелочными и незначительными дѣ-
ми; что ея вниманіе развлекается пестро-
подробностей, заключающихъ въ себѣ
дметы и вопросы важные и существенные,
орые должны были бы занимать ее исклю-
ельно; что притомъ и рѣшеніе дѣлъ мѣст-
о интереса чрезъ это тоже не выигры-
тъ, ибо, восходя до министерствъ и даже
законодательнаго собранія, такія дѣла те-
ятся въ круговоротѣ безконечнаго числа
гихъ подобныхъ имъ дѣлъ и потому не
могутъ имѣть въ глазахъ производителей и
депутатовъ той важности, которую имѣютъ
въ средѣ, гдѣ возникли: притомъ же дѣла
поступаютъ въ министерства и въ законода-
тельныя собранія въ большей части случаевъ
неполныя, потому что невозможно передать
на бумагѣ всю ихъ животрепещущую обста-
новку и подробности, которыя извѣстны всѣмъ
и каждому на мѣстахъ, но по необходимости
остаются малоизвѣстными для центральныхъ
учрежденій, или, по крайней мѣрѣ, доходятъ
до нихъ неполнѣ, нерѣдко даже въ искаженномъ видѣ. Всѣ эти принадлежности французской административной системы, по мнѣнію защитниковъ англійской теоріи, суть неизбѣжные спутники открытой вражды общественныхъ элементовъ во Франціи—вражды, которая и породила тамъ чрезмѣрную административную централизацію. Уже по одному этому французская система не можетъ служить основаніемъ для административной теоріи: ибо это значило бы больной организмъ представлять образцомъ и примѣромъ для здороваго. Внутренняя разорванность французскаго общества, не обращавшая на себя сначала никакого вниманія, легкомысленно пренебреженная въ то время, когда государственная власть имѣла всю необходимую силу для радикальнаго лѣченія этого страшнаго общественнаго недуга, быстро развилась и одолѣла самую власть, поставя ее тѣмъ въ искусственное и ложное положеніе. Цѣлый рядъ насильственныхъ переворотовъ во Франціи, въ теченіе какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ, безпрестанно вооружалъ тамъ и народъ, и правительство, и водворилъ наконецъ военный порядокъ вмѣсто гражданскаго; чтобъ остановить междоусобіе и спасти общество отъ разрушенія, правительство должно было обратиться тамъ въ диктатуру, управленіе—преобразоваться въ осадное положеніе. Частое повтореніе припадковъ этой горестной болѣзни не заставляетъ ли опасаться, что она обратится въ хроническую? Въ послѣднемъ случаѣ мѣры предупредительной полиціи должны будутъ однажды навсегда заступить мѣсто обыкновеннаго уголовнаго и полицейскаго порядка, потому что правительство не можетъ не сдѣлаться подозрительнымъ, должно будетъ ежеминутно быть на чеку, вѣчно на-готовѣ; предоставить ежедневную общественную жизнь ея свободному теченію сдѣлается рѣшительно невозможнымъ, ибо безъ вооруженнаго посредничества власти внутрен-

няя междоусобная война ежеминутно готова будетъ возгорѣться. Оттого-то во Франціи правительство по необходимости стягиваетъ всѣ жизненные соки народа подъ свой непосредственный надзоръ, въ Парижъ. Оконечности этого политическаго тѣла, вслѣдствіе того, замираютъ. Парижъ давно уже— вся Франція. Но отъ такого ненормальнаго, неестественнаго распредѣленія жизненныхъ силъ, опасность, вмѣсто того, чтобъ уменьшиться, только увеличивается; ибо парализія частей этого политическаго тѣла лишаетъ ихъ силы противостоять новымъ припадкамъ болѣзни. Теперь Парижъ возводитъ и низводитъ съ французскаго престола династіи, объявляетъ попеременно республику, имперію, конституціонную монархію, потомъ опять республику и опять имперію, и департаменты безпрекословно подчиняются всѣмъ этимъ быстрымъ метаморфозамъ правительства, какъ будто шла рѣчь о смѣнѣ префекта или мэра. Гдѣ же гарантіи и оплотъ противъ такой шаткости власти, противъ нечаянностей и случайностей переворотовъ, объясненіе которыхъ иногда придется искать въ однѣхъ лишь особенностяхъ и потребностяхъ парижскаго народонаселенія? Въ развитіи мѣстной общественной жизни. Въ тѣсномъ кругу мѣстной общественности, въ этомъ микрокосмѣ государства, воспитывается любовь къ отечеству и общественный духъ, слагается общественное мнѣніе, вырабатываются характеры, пріобрѣтается благодатный навыкъ къ завѣдыванію общественными дѣлами и интересами. Изъ этой школы, тѣсной по объему, но широкой по значенію и вліянію, выходятъ потомъ на службу государству, иногда и на сцену всемірной исторіи, великіе государственные дѣятели, честь, слава и украшеніе своей страны. Гдѣ нѣтъ мѣстной общественности, тамъ нѣтъ и такой школы.

Безъ сомнѣнія, административную централизацію производятъ, по крайней мѣрѣ поддерживаютъ также чрезмѣрная разрозненность сословій, запутанность ихъ взаимныхъ отношеній и т. п. Въ такихъ случаяхъ невозможность организовать, съ такими элементами, правильную мѣстную администрацію, и основанное на этомъ справедливое опасеніе злоупотребленій со стороны ничѣмъ необузданной бюрократіи, заставляютъ иногда центральное правительство взять мѣстное управленіе, со всѣми его подробностями, подъ свой непосредственный надзоръ и, не довѣряя мѣстной администраціи, по возможности
нить объемъ ея власти. Но и въ этомъ
чаѣ, какъ и въ приведенномъ выше,
средоточенію дѣлъ мѣстнаго интереса въ
тральныхъ учрежденіяхъ приводятъ о
ныя, временныя условія, которыя нельз
водить въ норму и полагать въ осн
административной теоріи.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ разсуж
спѣшимъ сдѣлать одну оговорку: мы н
борники соединенія всѣхъ отраслей мѣс
управленія въ рукахъ одной какой-нибу
полнительной власти;—эта система уж
залась неудобною на практикѣ; но то
опытъ доказалъ, что отсутствіе единст
области администраціи также неудоб
вредно, и потому, избѣгая одного зл
надобно возводить въ теорію другое.
томъ, вредныя стороны мѣстной центр
ціи управленія могутъ быть уничтожен
по крайней мѣрѣ ослаблены, извѣстны
ройствомъ центральныхъ мѣстныхъ у
деній.

Мы не считаемъ себя въ правѣ ок
разборъ сочиненія г. Чичерина, не вы
еще здѣсь блистательно проведенной
ромъ параллели между средневѣковым
витіемъ западно-европейскихъ народов
шимъ. Это сравненіе, исполненное глуб
взглядовъ, остроумныхъ сближеній и
токъ, читатели, безъ сомнѣнія, прочту
особеннымъ интересомъ и удовольст
тѣмъ болѣе, что оно существенно допол
взглядъ достойнаго молодаго ученаго на
историческія судьбы и законы нашего
витія.

Показавъ основныя начала судоустро
въ Россіи до реформъ Ивана Грозн
чемъ уже было сказано выше, г. Чич
говоритъ:

„На Западѣ судъ имѣлъ тотъ же хара
русской вотчинной системѣ соотвѣтствовал
система феодальная; ленное право было так
вомъ собственности, которое князь, на осн
частнаго договора, передавалъ въ потомст
владѣніе своимъ слугамъ и вассаламъ. Въ
этихъ ленныхъ правъ было и право суда.
(король, герцогъ, императоръ) былъ верхо
собственникомъ суда, и эту собственность о
давалъ въ ленное владѣніе графамъ и други
саламъ, которые, въ свою очередь, переда
своимъ слугамъ. Этотъ частный характеръ с
ражался на всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ.
надѣ существовали въ средніе вѣка тѣ же о
ныя пошлины, то же право на преступлен
ban), то же отсутствіе апелляціи, тѣ же

зилегіи, какъ и въ древней Россіи; но въ су-
ъ устройствѣ той и другой страны были,
ожъ, два важныя различія: 1) кормленіе было
всегда временнымъ, лѣнное владѣніе, напро-
всегда потомственнымъ. Причина этого раз-
лежала въ особенностяхъ народнаго духа
ремени: на Западѣ, какъ дворянинъ, такъ и
янинъ заключали съ своими господами дого-
постоянные, вступали въ прочные, потомствен-
оюзы; на Руси, напротивъ, бояре, слуги и
яне никогда не вступали въ прочные, потом-
ные союзы, а сохраняя личную независимость,
ли только временные договоры, которые
лались при первомъ удобномъ случаѣ. Поэтому
могли пріобрѣсти въ собственность предо-
емыхъ имъ княземъ вотчинныхъ правъ, а по-
ихъ только во временное владѣніе. 2) Это
даніе союзнаго начала на Западѣ произ-
другое явленіе, котораго не было въ вот-
Руси—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. По
-германскому праву, приговоръ произносился
ою, или ея представителями; судья только
ъ судъ и исполнялъ приговоръ. Эта древняя
суда сохранилась и при разрушеніи общин-
устройства, но приняла другой характеръ:
представителей общины, каждый вассалъ
имъ договоромъ съ господиномъ обязывался
у него въ судѣ. Вассалы одного разряда и
свободные слуги, будучи въ потомственномъ
съ господиномъ, составляли мелкую сослов-
орпорацію, которой каждый членъ судился
ми себѣ вассалами и слугами; господинъ, вла-
суда, только держалъ судъ, приговоръ же
осили равные (pares). Напротивъ, въ вотчин-
оссіи, гдѣ лицо не примыкало къ прочнымъ
ъ союзамъ, а сохраняло себя въ своей от-
сти и независимости, не могло быть цѣло-
ковъ въ судѣ; каждый слуга заключалъ съ
иномъ только временный договоръ, съ про-
лугами онъ вовсе не былъ въ союзѣ. Такимъ
мъ, между тѣмъ, какъ на Руси право суда
истою собственностью, на Западѣ оно было
ъ собственности, видоизмѣненнымъ уча-
союзнаго начала. Съ другой стороны, и въ
вѣковыхъ городскихъ общинахъ на Западѣ
ходимъ тѣ же черты, которыя встрѣчаются
ѣбномъ устройствѣ Новгорода: въ XIII-мъ
ъ итальянскихъ городахъ было общимъ пра-
призывать изъ чужого города третейскаго
подеста, съ которымъ община всякій разъ
ала договоръ. Въ западныхъ городахъ, такъ
съ и въ Новгородѣ, встрѣчается участіе въ
амой общины, особенно если отвѣтчикъ не
идти на судъ къ установленнымъ властямъ;
ѣ постоянно засѣдаютъ цѣловальники; пре-
нія считаются нарушеніемъ договора, и часто
ваются потокомъ и разграбленіемъ, послѣд-
рѣдко самою общиною. Но вообще городо-
режденія на Западѣ представляютъ гораздо
разнообразія, вслѣдствіе многочисленности
хъ городовъ, и гораздо болѣе юридической
ленности, нежели въ Новгородѣ. Послѣдняя
опять выражаетъ большую крѣпость союз-
ачала: чѣмъ болѣе развита общественность,
предѣленнѣе юридическій бытъ; напротивъ,
щественныя явленія предоставлены случай но-
сти, тамъ личная воля каждаго гражданина имѣетъ гораздо болѣе простора.

„Изложенныя начала судебнаго устройства отражаютъ въ себѣ характеръ всей общественной жизни среднихъ вѣковъ; славянскій міръ и западный, при поверхностномъ различіи явленій, представляютъ глубокое тождество основныхъ началъ своего быта. И здѣсь, и тамъ все средневѣковое гражданское общество зиждется на началахъ частнаго права; собственность и свободный договоръ лежитъ въ основаніи всѣхъ учрежденій и составляютъ двѣ господствующія формы гражданской жизни: первая, какъ система вотчинная и феодальная; вторая, какъ вольная община. Но при этомъ тождествѣ основныхъ началъ общественной жизни, есть, однакожъ, и различіе, состоящее въ томъ, что на Западѣ преобладали мелкіе союзы, а на Руси каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ.

„Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, бросивши бѣглый взглядъ на средневѣковыя учрежденія, западныя и русскія. И здѣсь и тамъ верховная власть, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, принадлежитъ вотчиннику, землевладѣльцу, какъ бы онъ ни назывался—князь, король, герцогъ и т. п. Право собственности, начало частнаго права, лежитъ слѣдственно въ основаніи всего общественнаго устройства, и до сихъ поръ еще въ Англіи, сохранившей черты средневѣковаго быта, король считается собственникомъ всей земли. Основанная на частномъ правѣ, верховная власть передается также по частному праву, но здѣсь является различіе между западными государствами и Русью: тамъ земля передается обыкновенно въ наслѣдство по праву майоратства, и младшій братъ получаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго; здѣсь земля дѣлится между всѣми сыновьями. Въ этомъ опять видно преобладаніе союзнаго начала на Западѣ: живущіе на землѣ люди составляютъ союзъ, который не дѣлится, не дробится, но цѣликомъ переходитъ въ руки новаго владѣльца. Майоратъ есть измѣненіе частнаго права въ пользу союза, тогда какъ дѣленіе земли на части выражаетъ чистое господство частнаго права Надобно прибавить, что право майоратства существовало не при одномъ изслѣдованіи верховной власти, но проникло во всѣ вотчинные союзы, которые составляли феодальное общество.

„Отношенія князя къ слугамъ опредѣлялись и здѣсь, и тамъ свободнымъ договоромъ. У насъ существовало правило: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. На Западѣ рыцарь дѣлался вассаломъ своего господина черезъ то, что онъ получалъ отъ него извѣстный участокъ земли, который обусловливалъ и служебныя его обязанности, или дѣлался владѣльцемъ извѣстной должности, которая опредѣляла его отношенія къ господину. Но здѣсь является опять чрезвычайно важное различіе, то, можетъ быть, которое болѣе всего опредѣлило различіе историческаго развитія западныхъ государствъ и Россіи. Феодальный владѣлецъ вступалъ въ прочный наслѣдственный союзъ съ своимъ господиномъ, тогда какъ бояре и слуги заключали съ князьями временные, случайные договоры, и при малѣйшемъ неудовольствіи, тотчасъ отъѣзжали къ другимъ. Это имѣло неисчислимыя послѣдствія: феодальный владѣлецъ сдѣлался осѣдлымъ, получилъ преимуще-

ственное значеніе землевладѣльца, укрѣпился на своей землѣ, построилъ себѣ замокъ, сталъ во главѣ постояннаго мелкаго союза своихъ собственныхъ вассаловъ и слугъ, и такимъ образомъ устроилъ на своихъ владѣніяхъ маленькое общество, которое давало ему силу и возможность стоять за свою самостоятельность. Напротивъ того, бояре и слуги, переходя съ мѣста на мѣсто, не могли получить значенія землевладѣльцевъ, не могли укрѣпиться на своей землѣ и стать во главѣ прочнаго владѣльческаго союза. Они оставались при своемъ личномъ обособленіи, болѣе всего дорожили личною свободою и существеннымъ своимъ правомъ считали право отъѣзда, которое давало имъ возможность пользоваться этою свободою. За это право они стояли, когда образовалось московское государство, за это казнилъ ихъ Иванъ Васильевичъ Грозный, но, разумѣется, борьба съ отдѣльными лицами не могла быть такъ упорна, какъ борьба западныхъ королей съ феодальными владѣльцами, которые во главѣ своихъ феодальныхъ союзовъ стояли за независимость свою отъ господина, землею котораго они владѣли.

„Точно такъ же, какъ бояре и слуги, крестьяне переходили у насъ съ мѣста на мѣсто и вступали съ поземельными владѣльцами въ договоры временные. Черезъ это они сохраняли свою личную независимость, но отношеніе ихъ къ землѣ имѣло менѣе прочности, и союзъ владѣльческой общины не могъ быть такъ крѣпокъ, какъ онъ былъ на Западѣ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцу были всегда наслѣдственныя. Эта наслѣдственность превращала даже поземельную зависимость въ личную (Hörigkeit). Крестьянинъ дѣлался крѣпкимъ землѣ, и право собственности переходило черезъ землю и на самое лицо, до такой степени, что поселенный на чужой землѣ въ продолженіе года со днемъ дѣлался его крѣпостнымъ, такъ же, какъ и у насъ дѣлался холопомъ принявшій на себя должность сельскаго тіуна или сельскаго ключника. Эта прочность владѣльческихъ отношеній давала крѣпость общинному владѣльческому союзу: крестьяне подчинялись своему особенному дворовому праву (Hofrecht), и каждая вотчина имѣла свой дворовый судъ (Hofgericht), гдѣ предсѣдательствовалъ землевладѣлецъ, или слуга, а засѣдали обыкновенно цѣловальники изъ крестьянъ. У насъ были также вотчинные суды, но это право даровалось вотчинникамъ, какъ особенная милость князя; иначе крестьяне подлежали общему суду княжескихъ кормленщиковъ. Такія жалованныя грамоты давались преимущественно духовенству, и гораздо рѣже боярамъ и слугамъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, менѣе дорожили своимъ поземельнымъ значеніемъ. Отъ этой неосѣдлости землевладѣльцевъ и крестьянъ владѣльческій элементъ, связывающій общину, былъ гораздо слабѣе, нежели на Западѣ. Тогда какъ баронъ, сильный своимъ поземельнымъ значеніемъ, старался округлить и обособить свои владѣнія, русскій помѣщикъ или вотчинникъ искалъ только независимости своего собственнаго лица и менѣе дорожилъ землею; поэтому онъ менѣе старался о распространеніи своихъ владѣній, и многія земли могли оставаться въ сторонѣ отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ. Это были такъ называемыя черныя земли, которыя принадлежали князю, но не управлялись на вотчинномъ правѣ, платили князю извѣстныя подати и нес пользу извѣстныя повинности. Здѣсь связь была еще слабѣе, нежели на дру ляхъ; каждый владѣлъ своимъ участко шенно независимо отъ другихъ, и еди значеніе общины заключалось въ уплатѣ и въ отправленіи повинностей, которыя, сутствіи владѣльческаго управленія, возла на каждаго отдѣльно, но на всѣхъ вмѣст ныя сельскія общины, ушедшія отъ вліянія ческихъ элементовъ, были, какъ исключе Западѣ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ к но здѣсь онѣ имѣли гораздо болѣе крѣп жели на Руси: общины имѣли здѣсь св принадлежавшія имъ въ собственность, своихъ правителей, свой судъ; онѣ состав кнутые, самостоятельные союзы, и нѣко лучили даже державныя права: словомъ, общины совершенно свободныя, основ взаимномъ договорѣ ихъ членовъ.

„Свободныя общины составляли вто общественной жизни среднихъ вѣковъ, ществу своему, эта форма принадлежа городовой общинѣ, нежели сельской. Въ люди соединяются на болѣе тѣсномъ прос нежели въ селахъ, что способствуетъ духу; кромѣ того, городскія стѣны до жителямъ возможность защищать свою мость, что гораздо труднѣе въ откры ніяхъ. Но какъ русская владѣльческая была слабѣе, нежели западная, отъ не господъ и крестьянъ и отъ меньшаго вл зывающаго общину владѣльческаго элеме и свободная или договорная община бы отъ меньшаго развитія союзнаго духа. Ве былъ усѣянъ договорными общинами, ко въ большей или меньшей степени отстая самостоятельность; въ Россіи же, напро ворныя общины находились только, ка ченіе, на границахъ государства, въ Но Псковѣ. Въ остальной Россіи городовыя игравшія нѣкоторую роль въ началѣ удѣ ріода, были остатками патріархальнаго торые съ усиленіемъ вотчинной власти в вершенно потеряли свое значеніе, и если кой-гдѣ договорное начало, то въ такихъ зачаткахъ, что оно не могло имѣть никак нѣйшаго развитія. На Западѣ города со замкнутыя общины, дававшія членамъ пр данства; они имѣли свое право, свои по учрежденія, которыя дѣйствовали на о законныхъ положеній; почти имѣли свои с тельныя власти, такъ что призваніе пр извнѣ, показывающее низшую ступень го быта, является какъ исключеніе, при упад довой жизни въ Италіи. Въ Новгородѣ, на это было постояннымъ правиломъ; городо вовсе не существовало; право граждан понятіе неизвѣстное; постоянныя юридич вила распространялись на немногіе случ шею частью все совершалось на основан ныхъ постановленій, принятыхъ случайн зомъ, нерѣдко послѣ кровопролитныхъ эр конецъ, западные города заключали внутр множество мелкихъ союзовъ, цеховъ, кор

всѣ имѣли свое устройство, свои уставы, ти. Въ русскихъ городахъ, напротивъ, ся корпораціи въ весьма слабыхъ зачат- ли цѣлыя слободы, заселенныя людьми, имися однимъ ремесломъ, какъ и теперь бныя сословія: но онѣ не имѣли никакого каго устройства и никогда не составляли вныхъ союзовъ.

ный духъ, образовавшій на Западѣ фео- и общинные союзы, имѣлъ значительное на образованіе сословій. Средневѣковыя основаны были на томъ положеніи, что ждаго лица зависятъ отъ его частной ъ его занятій, и передаются наслѣдствен- частная собственность. Этимъ они отли- ъ сословій новаго времени, которыя имѣ- государственное значеніе и получили, звѣстныя обязанности въ отношеніи къ ву. На западѣ лица, имѣвшія извѣстныя находились вмѣстѣ съ тѣмъ въ постоян- зѣ между собою; рыцари соединялись бязанностями въ отношеніи къ господину. —общиннымъ городскимъ союзомъ, кресть- шеніями къ землевладѣльцу. Отсюда про- , что цѣлые разряды лицъ получили оди- ва, и сословія составили замкнутые сою- еніе въ которые могло совершаться только анiи законныхъ правилъ. То же самое ществовало и на Руси; были служилые адскіе и крестьяне, но безпрерывные ихъ съ мѣста на мѣсто препятствовали обра- ословныхъ союзовъ. Вмѣсто того сослов- распредѣлилось по отдѣльнымъ лично- выразилось въ мѣстничествѣ: каждое от- лицо имѣло наслѣдственное право на из- ложеніе въ обществѣ, и этимъ оно не входило въ союзъ съ другими, а напро- ловилось въ противоположеніе ко всѣмъ го же разряда и отстаивало свои права отъ другихъ. Законныхъ правилъ для по- въ сословіе не было; но если низшій ся съ высшимъ, послѣдній считалъ себя нымъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о че- о связанное съ сословнымъ значеніемъ о такимъ образомъ не сословнымъ, какъ ѣ, а чисто личное; каждое лицо имѣло бенную честь, опредѣленную его частными ными и общественными отношеніями и но отличную отъ чести другихъ того же Мѣстничество было крайнимъ и самымъ ыраженіемъ личности, которая преобла- Россіи, между тѣмъ, какъ на Западѣ го- алъ союзный духъ, хотя и здѣсь, и тамъ инал жизнь была основана на однихъ на- стнаго права, въ основаніи которыхъ ле- житіе о личности съ ея особенной, частной

азличіе опредѣлило и различіе историче- а при образованіи государства. Оно почти ремя возникаетъ, на востокѣ и на западѣ, инахъ средневѣковыхъ учрежденій. Од- ъ измѣняется не вдругъ; въ законахъ и долго еще сохраняются начала частнаго только медленнымъ процессомъ развитія но, освобождаясь отъ нихъ, образуетъ изъ ильный организмъ, проникнутый однимъ общественнымъ началомъ. При возникновеніи государства, средневѣковые элементы противопоставили ему свои старыя притязанія и вступили въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей. Это явленіе было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ, но западные феодальные владѣльцы и города, образуя крѣпкіе союзы, могли бороться открытою силою, тогда какъ бояре и слуги, безсильные въ своемъ обособленіи, могли противопоставить государственному порядку только отъѣзды, крамолы и свои личныя притязанія. Западные государи стремились къ уничтоженію слишкомъ большой самостоятельности мелкихъ союзовъ; московскіе государи, напротивъ того, должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личностей и образовать союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. То, что на Западѣ образовалось само собою вслѣдствіе господства союзнаго духа, то у насъ учреждено правительствомъ, на основаніи государственныхъ потребностей.

„Создавши государственное единство, московскіе государи не стали разрушать и передѣлывать на новый ладъ элементы средневѣковой жизни; они только укрѣпили ихъ, заставивъ ихъ подчиниться общественной власти“ (стр. 25—36).

Сближеніе явленій русской и западно-европейской исторіи не только остроумное, но и очень вѣрное! Основныя начала нашей и европейской жизни какъ нельзя лучше схвачены въ ихъ отвлеченной рѣзкости. Но намъ кажется, что въ разсужденіяхъ автора не достаетъ одного и весьма важнаго—заключенія. Дѣйствительно, союзное начало у насъ развито крайне слабо, а въ Европѣ, напротивъ, весьма сильно. Тамъ государство должно было привести это начало въ границы, а у насъ, наоборотъ, развивать. Но какой смыслъ этого противорѣчиваго явленія? Неужели онъ сводится къ количественному рѣшенію, и немножко больше, немножко меньше и заключаетъ въ себѣ весь смыслъ задачи? Вотъ чего мы никакъ допустить не можемъ! Г. Чичеринъ нѣсколько разъ возвращается, и весьма правильно, къ той мысли, что въ Европѣ все дѣлалось снизу, а у насъ сверху, указываетъ на другія явленія, столь же рѣзко выказывающія противоположный ходъ европейской и нашей исторіи. Пунктъ, гдѣ онѣ пересѣкаются и какъ бы совпадаютъ, само собою разумѣется, есть; есть оттого и большое внѣшнее, наружное сходство между ними; но какъ точки отправленія разныя, то, при всемъ видимомъ сходствѣ между нашимъ и европейскимъ развитіемъ есть существенное различіе. Обнаружить это различіе, скрываемое обманчивой одинаковостью внѣшней оболочки, также необходимо, какъ показать сходство, потому что безъ того нѣтъ вывода, недостаетъ полной картины.

Г. Чичеринъ находитъ, что въ наши такъ называемые средніе вѣка (примемъ на вѣру, что они дѣйствительно средніе; названіе тутъ не при чемъ) главнымъ дѣйствующимъ началомъ была личность, потому что лицо является одинокимъ дѣятелемъ, внѣ всякаго союза. О началѣ личности когда-то, лѣтъ десять тому назадъ, было много говорено и писано, и тогда личность разумѣлась совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое придаетъ ей теперь г. Чичеринъ: тогда подъ личностью разумѣлась та сила, энергія, воля человѣка, которая сама создаетъ свою судьбу, творитъ исторію, есть властелинъ своей дѣятельности, исполнена сознанія своихъ правъ, своего могущества, своего творческаго величія. Въ этомъ смыслѣ разумѣлось, что начало личности лежитъ въ основаніи европейской исторіи; ибо крѣпость и сила союзнаго духа, который составляетъ ея отличительную черту, очевидно зависитъ отъ степени личной воли и дѣятельности. Назвать же началомъ личности фактъ обособленія бездѣятельнаго, пассивнаго лица, не опредѣляющаго ничего, а напротивъ, опредѣляемаго другою силою—едва-ли было бы правильно. Впрочемъ, о словахъ мы спорить не станемъ, только бы условиться въ понятіяхъ. Называя движущее начало нашей древней исторіи началомъ личности, г. Чичеринъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что у насъ лицо стояло особнякомъ, отдѣльно, не принадлежа ни къ крѣпкому кровному, ни къ прочному гражданскому союзу. Но какое значеніе этого факта? Кажется, то, что условія кровнаго быта уже не опредѣляли человѣка, а формы гражданскаго союза еще не создались; другими словами, личность не была еще довольно развита, чтобъ создать гражданственность. Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя сопоставлять и сравнивать бытъ Европы въ средніе вѣка и нашъ бытъ ему современный, потому что они, очевидно, стоятъ на различныхъ ступеняхъ. Мы такъ мало еще выработались въ то время изъ кровнаго, родственнаго элемента, что князья въ спорахъ между собою ссылались на степени родства, какъ на кодексъ своихъ взаимныхъ отношеній; о твердомъ гражданскомъ уставѣ еще не было и рѣчи; а германскія племена, завоевавшія римскую имперію, пришли дружинами, слѣдовательно, съ началомъ личности, уже до того закалившимся въ войнахъ, что общинное начало было у нихъ совсѣмъ разрушено, и поселились на римской почвѣ, обладавшей развитою гражданственно
насъ, въ разсматриваемую эпоху,
въ патріархальномъ безразличіи едв
лась, но еще ничто не успѣло опр
характера и направленія человѣка,
ность является въ ея отрицательно
сивномъ, а не въ положительномъ и
номъ значеніи; въ Европѣ же, въ эт
о патріархальныхъ элементахъ и по
было; ихъ отыскала и замѣтила лиш
да и то недавно, съ величайшими у
при помощи труднѣйшихъ археологи
операцій; гражданскіе же элементы,
живаемые всѣмъ авторитетомъ класс
міра и давности, представляли въ
для личности готовую и неизбѣжну
Что лучше и что хуже—это другой
но нельзя, кажется, отрицать, что т
разница не въ количествѣ, а въ кач
разница, которая дѣлаетъ невозможны
неніе средневѣковой Европы съ совр
ей Россіей, какъ нельзя ставить
доску ребенка съ юношей.

Воздерживаемся отъ всѣхъ дальн
выводовъ до другого раза, а въ зак
сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ зам
на книгу г. Чичерина.

На стр. 12 и 20, авторъ говорит
когда, въ теченіе удѣльнаго періода,
чалось затруднительное дѣло, и су
могъ самъ его рѣшить, то онъ докла
его *кому хотѣлъ*. Послѣднее выражені
намъ кажется, нельзя подтвердить
ческими свидѣтельствами. Обязанност
испрашивать разрѣшенія въ случаѣ со
могла быть опредѣлена недостаточно,
и оставлять большой произволъ суд
чтобъ было предоставлено на его волю
шивать разрѣшенія у того или друго
ца—въ этомъ мы сомнѣваемся.

На стр. 23—25 авторъ слишкомъ
и едва-ли справедливо отзывается о вл
немъ бытѣ Новгорода. (Мы не приведем
этого мѣста, потому что оно изложено
выше, почти цѣликомъ). Волненія,
дицы и кровопролитія новгородскія
разъ были предметомъ заслуженныхъ
цаній. Новгородъ болѣлъ и умеръ поли
ски, вслѣдствіе недостатка твердаго го
ственнаго устройства,— вотъ главное
судьбу, и по той же самой причинѣ,
лили съ нимъ и всѣ славянскія пле
кромѣ одного великорусскаго. Что
сается гражданскихъ учрежденій и су

ожно судить по дошедшимъ до насъ
амъ, они были въ Новгородѣ го-
ще московскихъ, и очень можетъ
реформы въ судопроизводствѣ, сдѣ-
розднымъ, не чужды новгородскаго
Отрицать существованіе въ Новго-
вильныхъ гражданскихъ учрежде-
ываясь на лѣтописныхъ свидѣтель-
происходившихъ въ этой муници-
дицахъ и междоусобіяхъ, едва-ли
тому что лѣтописи говорятъ только
ихъ чрезвычайныхъ, выходившихъ
новеннаго порядка; а ежедневное,
теченіе внутренней жизни Новго-
орое могло бы рѣшить вопросъ, не
въ лѣтописи и до насъ дошло только
ныхъ отрывкахъ.
или въ подробный разборъ сочине-
черина, потому что оно не только
турной и ученой лѣтописи нынѣш-
, но и вообще въ нашей историко-
кой литературѣ достойно занять
самыхъ почетныхъ мѣстъ. Не раз-
которыхъ воззрѣній ученаго автора,
мы по всей справедливости не можемъ, од-
нако, отказать ему въ глубокомъ уваженіи и
сочувствіи. Его обширное изслѣдованіе (почти
600 страницъ въ большую осьмушку) свидѣ-
тельствуетъ о замѣчательномъ историческомъ
и критическомъ его талантѣ, большой начи-
танности и, что рѣдко встрѣчается въ сое-
диненіи съ талантомъ—о большомъ трудо-
любіи и терпѣніи, безъ которыхъ было бы
невозможно такъ тщательно свести въ одно
стройное цѣлое множество памятниковъ на-
шей областной администраціи XVII вѣка,
разрозненныхъ, однообразныхъ и утомитель-
ныхъ безконечными повтореніями. Отъ души
желаемъ нашей исторической литературѣ по-
больше такихъ сочиненій.

Г. Чичеринъ посвятилъ свой трудъ памяти любимаго своего наставника, покойнаго профессора Грановскаго. Это лучшій вѣнокъ на могилѣ того, кто какъ-будто для того только и былъ рожденъ, чтобы руководить молодыя университетскія поколѣнія въ стезяхъ истины и добродѣтели.

(Отеч. Записки, 1856, кн. 12).

АТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ (1863—1864) [1]).

ль ея—западно-русскія племена—
йское и бѣлорусское. На югѣ: Кіевъ,
Козачина; на сѣверѣ: Полоцкъ,
ъ, Псковъ и въ особенности Нов-
Эти племена не могли образовать
ва и подпадали подъ власть и
итвы, Польши, Московіи. Въ нихъ
вался, рано или поздно, аристокра-
лементъ, которымъ тяготились мас-
ставало сильной центральной власти.
государство основано великорус-
еменемъ (теперь оно составляетъ

[1]) амма: освобожденіе крестьянъ als An-
unkt. Цѣль—пояснить это событіе истори-

отъ 35 до 40 милліоновъ[1]. Возникаетъ лишь въ XII вѣкѣ выселками изъ бѣлорусскаго и малороссійскаго племени въ страны на востокъ, заселенныя финскими племенами. Новгородцы колонизировали сѣверъ—Двинскую область, Вологду, Вятку, Пермь, съ юга потянулись колоніи въ Рязань, Владиміръ, Москву. Новгородскія поселенія были, кажется, главнымъ образомъ — торговыя; княжескія, судя по послѣдующему времени, по преимуществу — военныя, при участіи, однако, церкви и свободнаго движенія русскаго племени. Заселеніе азіатской и европейской Россіи русскимъ племенемъ продолжается безпрерывно и до сихъ поръ и

составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ, господствующихъ интересовъ внутренней исторіи.

Какъ образовалось великорусское племя, отличное отъ малороссійскаго и бѣлорусскаго, сказать трудно. Можетъ быть, отличія зависятъ отъ другихъ географическихъ условій (евреи въ Сибири); но болѣе чѣмъ вѣроятно, что финскій элементъ примѣшанъ въ этомъ племени къ русско-славянскому, что̀ доказывается: 1) тѣмъ, что прежде тутъ жили финскія племена; 2) мѣстными названіями и финскими словами въ великорусскомъ діалектѣ; 3) особенно постепеннымъ обрусеніемъ финскихъ племенъ; это совершается теперь, на нашихъ глазахъ, и не могло не быть прежде, съиздавна.

Въ древнѣйшія времена замѣтно яркое различіе великорусскаго племени отъ западнорусскихъ. Послѣднія смотрѣли на первое свысока, съ презрѣніемъ. Въ немъ нѣтъ почти индивидуальнаго начала, нѣтъ поэтическаго характера, личной храбрости, удальства, рыцарства; дѣйствуетъ массами, не пускается на рискованное дѣло, выжидаетъ, страшно выдержанно. Князья на этой почвѣ перерождаются: изъ переселяющихся изъ области въ область и воюющихъ становятся осѣдлыми и уже въ XII вѣкѣ мечтаютъ о единодержавіи. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ напоминаютъ послѣдующихъ московскихъ царей.

Нашествіе татаръ остановило на двѣсти лѣтъ развитіе великорусскаго племени; но, наконецъ, и съ татарами оно справилось. Московскіе князья начали понемногу дѣло освобожденія. Умѣли подольститься къ ханамъ (Иванъ Даніиловичъ), прикинуться ихъ вѣрнѣйшими слугами и такъ искусно вели дѣла, что ханы имъ повѣрили, предоставили старшинство надъ всѣми прочими и сдѣлали ихъ главными сборщиками податей. Князья московскіе умѣли съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользоваться этимъ положеніемъ: ордынскія подати употребляли на подкупы въ Ордѣ и на покупку себѣ владѣній; клеветали на своихъ соперниковъ ханамъ, какъ на мятежниковъ, выпрашивали себѣ, для ихъ усмиренія, татарскую помощь и стали мало-по-малу всесильны въ Россіи. Окрѣпнувши, они сняли маску, заговорили другимъ языкомъ съ Ордой и къ концу XV вѣка окончательно *сбросили* иго Орды.

Итакъ, государство образовано русскимъ элементомъ—единственны славянскими племенами, съумѣвшим вать прочное государство.

Историческій типъ, который легъ ваніе этого новаго государственна есть типъ des Guts- und Hausherrn. чистотѣ и послѣдовательности онъ никогда не былъ проведенъ въ исто нему, правда, примѣшались смутныя минанія западно-русскаго развитія, скаго господства, византійскіе эл польско-аристократическія черты: но элементы играли очень второстепен и остались на поверхности. Корень ность историческаго типа государств und Hausherr. Онъ развивался неу и совершенно выработался въ мель подробностяхъ въ XVII вѣкѣ.

Главныя черты этого типа:

1) Дружина свободная обратилась и дворню. Слуга—высшій титулъ и Названіе холопъ (Knecht) стало общ всѣхъ служащихъ московскому ца исключая высшихъ сановниковъ. полу-именами, въ унизительномъ смы лучали сперва области и города, земли въ кормленіе. Это была (жалованье). Совершенно и безусловн сѣли отъ царя, какъ принадлежащ собственность (аристократическія стр занесенныя изъ Польши, рушились почвѣ). Анекдотъ о кн. Вяземском отношеніяхъ къ Ивану Грозному.

2) Массы народа назывались, въ ніи къ царю, сиротами. Этимъ выра что царь былъ ихъ защитникъ, о оберегатель отъ сильныхъ людей, дворовыхъ.

3) Царь былъ государь—безусловны подинъ и наслѣдственный владѣлецъ з Такъ какъ другого типа государствен не было, то онъ дѣлилъ всѣ свои вла между женою и дѣтьми, какъ частныя Это продолжалось даже тогда, когда лась надежда и увѣренность освобо отъ монгольскаго ига. Лишь съ Дм Донского (конецъ XIV в.) младшіе стали получать меньшія части против шаго. Эти части все уменьшались и шались и съ XVII в. ихъ вовсе пер давать.

4) Въ XVII вѣкѣ строго проведено обязанности всѣхъ и каждаго нести въ

тва личную службу, натуральную
сть. Вытекая изъ начала рабства,
анность простиралась на всю жизнь
потомство. Необходимое раздѣле-
тій родило общественные разряды,
венные; начало рабства выразилось
, что они были приписаны къ землѣ
вѣдомству, учрежденію, заведенію.
: служащее дворянство, составляв-
огіе разряды, было расписано по
ь и областямъ; горожане — тоже:
не—по деревнямъ и селамъ; стрѣль-
Москвѣ и городамъ; казаки, даже
ристы и наборщики. Вообще, какъ
требовались люди для какого-нибудь
они приписывались съ женами и
къ вѣдомству и отправляли дѣло до
енія силъ или до смерти и наслѣд-
и сначала безвозмездно. Въ XVIII
XIX вѣкѣ, до нашего времени, это
переставши быть всеобщимъ, какъ
удержалось въ большихъ размѣ-
лдатъ, поступая на службу, совер-
ырывался изъ среды своей и на-
нно переходилъ навсегда въ воен-
омство, составляя особое званіе; ка-
многія частныя фабрики (поссесіон-
мѣли своихъ приписныхъ людей,
ыхъ и крестьянъ, которые работали
венно на фабрику, то же продолжа-
печатниками московскаго универси-
левозы, лашманы, казаки etc. Въ
кѣ, какъ сказано, всѣ служили ли-
и отправляли натуральныя повин-
слѣбомъ, припасами, напр., рыбою,
и проч. Нужны были мастеровые,—
ики, плотники, ремесленники, — ихъ
со всего государства и посылали
жно. Оригинальна была служба куп-
ъ XVII вѣкѣ продажа водки была
и существовали внутреннія и внѣш-
ожни; кромѣ того, казна получала
ири подать отъ инородцевъ мѣхами
ала ими. Всѣ эти вѣтви финансо-
равленія завѣдывались московскими
, которыхъ посылали съ этою цѣлью
а. Мѣха сдавались имъ по оцѣнкѣ,
олжны были ихъ продать, на свой
не ниже оцѣнки. Сборы кабацкіе и
ные должны были быть не меньше
наго. Эта служба была разорительна.
бѣгали, и чѣмъ меньше станови-
цовъ, тѣмъ чаще приходилось слу-
ни жаловались. И вотъ выбираютъ
богатѣйшихъ купцовъ изъ городовъ и переселяютъ ихъ въ Москву, чтобъ облегчить московское купечество. За заслуги давалось званіе гостя, которое такимъ образомъ изъ торговаго занятія обратилось въ чиновническое отличіе.

Этотъ типъ удержался въ строгой послѣдовательности до XVIII вѣка, несмотря на византійскія и польскія вліянія, которыя оставались на поверхности и не проникали въ глубину жизни. Типъ des Haus- und Gutsherrn повторялся отъ царя до послѣдняго подданнаго. Въ этомъ отношеніи бытъ представлялъ удивительное единство. Всѣ и все было крѣпостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наслѣдственно. Да и служба едва, едва спеціализировалась; въ концѣ концовъ, въ силу крѣпостного права, можно было заставить каждаго дѣлать все, что угодно, отправлять всякаго рода работу.

Такимъ образомъ индивидуальность не имѣла простора; начала личности не было вовсе. То, что составляетъ основаніе всего европейскаго развитія, что опредѣлило европейскую жизнь,—именно этого у насъ не было.

Такой бытъ, конечно, объясняется исторически. Другого не могло быть, и при данныхъ обстоятельствахъ онъ былъ полезенъ и благодѣтеленъ, потому что помогъ образоваться и установиться политическому тѣлу. Никакое другое славянское государство не устояло, даже при блестящей постановкѣ обстоятельствъ; всѣ пали отъ чрезмѣрнаго развитія аристократіи и слабости центральной власти. Очевидно, что въ этомъ племени государство могло образоваться и упрочиться только подъ условіемъ сильной центральной власти, и при данныхъ обстоятельствахъ она не могла образоваться иначе, какъ по указанному типу.

Но, признавъ это, надо сказать, что индивидуальность въ этихъ условіяхъ задыхалась. Если мы—европейскій народъ и способны къ развитію, то и у насъ должно было обнаружиться стремленіе индивидуальности высвободиться изъ-подъ давящаго ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякаго развитія; безъ нея немыслимъ человѣческій бытъ. И вотъ, въ концѣ XVII вѣка у насъ начинается броженіе, которое предвѣщало появленіе этого начала. Явилось оно къ намъ изъ Европы

и въ европейской формѣ (князь Хворостининъ).

Крѣпостное начало проникаетъ до XVIII в. весь нашъ частный и публичный бытъ. Это основаніе всего. Есть и другіе элементы: воспоминаніе западно-русскаго происхожденія (вѣчи и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжеское и польское) и византійское (въ быту церковномъ и во внѣшнихъ аттрибутахъ власти съ Іоанна III); но всѣ эти элементы остались на поверхности и не проникли въ глубь (соборы прекратились къ концу XVII вѣка, аристократическія стремленія подавлены Иваномъ IV и династіей Романовыхъ, церковь тоже приведена въ должныя границы при Иванѣ IV и Алексѣемъ Михайловичемъ въ борьбѣ съ Никономъ). Безличность быта не была навязана, наложена насильственно. Она была въ нравахъ большинства. Масса свободныхъ шла въ кабалу. Взглядъ на наказанія: женъ (по Олеарію, пѣснямъ и пословицамъ), крестьянъ и солдатъ (анекдоты и видѣнное). Странно, но не позорно и естественно.

Но жизнь есть только извѣстное опредѣленіе данныхъ элементовъ. Всѣ они, самые противоположные, всегда, во всякую данную минуту налицо. Начало личности было и у насъ изстари и рвалось на свободу. Бѣглецы, разбойники, казаки, какъ другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспѣтая въ особомъ отдѣлѣ народной литературы. Дѣлами о разбойникахъ завалены архивы. Стенька Разинъ, казаки (Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири). Эти проявленія индивидуальности идутъ въ параллель съ крѣпостнымъ началомъ, соотвѣтствуютъ ему и доказываютъ неспособность индивидуальности создать гражданскій бытъ; этимъ объясняютъ крѣпостное начало.

Въ сложившемся такимъ образомъ быту личное начало могло быть вызвано, пробуждено къ нравственному, духовному развитію только извнѣ и только начиная съ высшихъ слоевъ, потому что внутри, въ частной и гражданской жизни, не было для этого элементовъ.

Это пробужденіе выразилось, въ началѣ XVIII вѣка, въ Петрѣ Великомъ.

Петръ — первая свободная великорусская личность, со всѣми ея характеристическими чертами: практичностью, смѣлостью, широтою, и со всѣми недостатками, обусловл
тою средою и тѣми обстоятельства
которыхъ она появилась. Въ общест
строенномъ на крѣпостномъ началѣ, л
могла заявить себя не иначе, какъ
шною ненавистью къ порядку дѣлъ,
ее давилъ, со всею необузданностью
вомъ угнетенной силы, рвущейся на
съ пристрастіемъ къ цивилизованной
гдѣ личность служитъ основаніемъ об
наго быта и права, свобода ея пр
освящена. Далѣе, личность могла вы
только со всею неопытностью, м
ностью, пренебреженіемъ къ дѣйстви
сти, какъ является всякое новое
вѣрующее только въ себя и въ сво
Всѣ эти черты мы находимъ въ Пе
съ ненавистью смотритъ на старину
жающее его, всѣ его предубѣжде
пользу европейскаго просвѣщенія.
держимой, ужасающей силой и вѣ
свой идеалъ, онъ пересоздаетъ вес
бытъ отъ азбуки до синода, отъ бо
платья, отъ ассамблеи до сената.
препятствія его не останавливаютъ. В
его дѣйствіяхъ лежитъ въ основаніи
деніе, что нѣтъ ничего невозможна
можно все пересоздать сразу, и онъ с
сдѣлать въ свое царствованіе то,
обыкновенномъ порядкѣ историческа
витія есть дѣло вѣковъ и поколѣній.
передъ смертью онъ понялъ, что че
слабое твореніе. Своему дѣлу, своей
Петръ посвятилъ себя вполнѣ, безгра
съ полнымъ самопожертвованіемъ. Ег
ренность и самоотверженіе такъ же
какъ его дѣла. Онъ высказываетъ
что его наслѣдникомъ долженъ *быть*
кто наслѣдуетъ ему по духу, а не по
Онъ страшный, неумолимый деспотъ,
во имя своего лица, а во имя принци
потому деспотизмъ его просвѣтленъ
и не оскорбляетъ. Поставя начало, он
первый ему слѣдуетъ: учится, работает
служивается до чиновъ за дѣйствите
заслуги и выигранныя сраженія. Пере
вилизаціей чувствуетъ себя варваромъ
дится (случай въ собраніи въ Голлан
гордостью говоритъ дочерямъ, что не
чилъ образованія съ дѣтства). Во всемъ
Петръ—новое, небывалое, чрезвычайно
леніе въ русской исторіи. Онъ—цѣлая
люція, и какъ всякая революція—болѣ
грамма для будущаго, которую пришло

ь по слѣдующему времени. Но было ибочно думать, что Петръ — какая-то ность въ русской исторіи. Можно до- положительными данными, что всѣ еобразованія, не исключая ни одного, постепенно подготовлены предшеству- временемъ и развитіемъ: всѣ во- рѣшены имъ въ томъ духѣ, въ ка- ни поставлены предшествующей ис- только рѣшены рѣзко, круто, быстро. —фокусъ, въ которомъ они внезапно точились и ярко разрѣшились. От- нъ сталъ на грани между двумя ми русской исторіи и заслонилъ со- ошедшее. Онъ выразилъ собою стрем- прогрессивнаго меньшинства, которое лось бытомъ тогдашняго времени, и въ его главѣ. Называть его измѣн- родинѣ за пристрастіе къ иностран- упрекать и ненавидѣть его за то, что ылъ деспотъ, отыскивать въ немъ съ точки зрѣнія гуманности,—смѣшно о. Это судить его съ точки зрѣнія, которую онъ не можетъ подходить. —варваръ, и не могъ быть другимъ, икій человѣкъ, нашъ герой и полу- наша надежда и знаменіе русскаго . Страна, создавшая такого человѣка, етъ не имѣть будущности. Эта мысль а намъ утѣшеніемъ въ самыя тяжкія, дныя минуты и, исцѣляя наши ду- язвы, заставляла умолкать отчаяніе, дный змій въ пустынѣ. Съ Пет- еликимъ начало личной свободы было ено въ Россіи, какъ программа, какъ ніе, которое должно было постепенно твиться въ дѣйствительности. Задача еобыкновенно трудна. Надобно было и ее очень искусно, не подвергая ти выигранное государственное на- дя постепенно сверху внизъ, отъ къ слоевъ русскаго общества къ низ- Эту задачу разрѣшаютъ, въ нашемъ немъ быту, XVIII и первая поло- XIX вѣка. Теперь она разрѣшена и постепенное ея развитіе для насъ ясно и крайне интересно. Бросимъ взглядъ на то, какъ это сдѣлалось. ая личность—Петръ Великій нано- льнѣйшій ударъ исторически образо- ся общественнымъ разрядамъ и ста- дею государства, которому всѣ и должны служить. Самъ онъ первый этому примѣръ. Упраздняетъ форму des Haus- und Gutsherrn и замѣняетъ ее европейскими государственными формами.

Дворянство. Петръ разрушаетъ дворянство какъ исключительную служебную касту, имѣющую служебныя привилегіи. При Аннѣ Ивановнѣ прекращается обязанность дворянъ служить вѣчно, до смерти. Положенъ 25-ти лѣтній срокъ. Петръ III и потомъ Екатерина II освобождаютъ дворянство вовсе отъ обязанности служить, отъ тѣлеснаго наказанія, отъ лишенія правъ личныхъ и имущественныхъ безъ суда; предоставлено право свободно жить въ Россіи и за границей. Образованы дворянскія корпораціи, съ выборными представителями, съ нѣкоторою долею самоуправленія, съ правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ пользахъ и нуждахъ.

Городское сословіе, въ высшихъ своихъ разрядахъ, именно купечество, получило тѣ же самыя почти права. Низшее городское населеніе (мѣщане и ремесленники) получило ихъ только отчасти, въ гораздо меньшей степени. Но съ 1846 года положено начало, при организаціи управленія С.-Петербурга, самоуправленію городовъ, посредствомъ выборныхъ отъ всѣхъ городскихъ обывателей. Въ нынѣшнее царствованіе это распространено на Москву и Одессу. Есть проектъ сдѣлать то же самое для другихъ городовъ.

Въ 1832 или 1833 году художники, ученые, образованные люди всѣхъ классовъ и разрядовъ освобождены отъ подушной подати и тѣлеснаго наказанія. Долго торговавшіе купцы получили наслѣдственное право не платить подушной и не подвергаться тѣлесному наказанію.

Тѣ же права получило, мало-по-малу, и бѣлое *духовенство* съ семействами, которое у насъ до сихъ поръ образуетъ особое сословіе.

Начиная съ Александра I, подымается вопросъ о такомъ же постепенномъ освобожденіи низшихъ городскихъ и *сельскихъ* классовъ. Еще Екатерина II запретила свободнымъ добровольно записываться въ крѣпость. Но она ввела крѣпостное право въ Малороссіи и роздала множество населенныхъ имѣній, съ людьми, въ частную собственность. Только съ Александра I совершенно и навсегда прекратилось въ Россіи обращеніе людей въ частную собственность, и крѣпостные государства рѣзко отличены отъ

крѣпостныхъ дворянства (другіе классы, имѣвшіе тоже право владѣть крѣпостными, лишились постепенно этого права). Освобожденіе тѣхъ и другихъ идетъ параллельно, не перерываясь, до нашего времени.

Низшіе городскіе и сельскіе классы получаютъ при Александрѣ I право пріобрѣтать недвижимую собственность, поступать въ высшія учебныя заведенія (крестьяне—переходить въ городскіе классы), и, получивъ дипломъ, всѣ права высшихъ классовъ, освобожденныхъ уже прежде. При Николаѣ водворяется принципъ, что крѣпостные крестьяне государства—свободные люди; сельскія общества образуютъ особыя общины, подъ управленіемъ выборныхъ; множество натуральныхъ повинностей, по владѣнію казенной землей, отмѣняется и замѣняется денежными; многіе разряды крестьянъ освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Юридически ихъ бытъ установленъ и права признаны. Допущенъ свободный переходъ изъ городовъ въ села, изъ селъ въ города, подъ извѣстными условіями (какія?). Но надъ свободными крестьянами тяготѣетъ правительственная опека и произволъ чиновниковъ. Кромѣ того, по прежнему остается еще наслѣдственное званіе солдатъ; рекрутъ, солдатъ—все еще рабъ государства и употребляется въ фабричныхъ и заводскихъ работахъ, обращается въ разныя не-военныя должности, и солдатское званіе продолжаетъ быть наслѣдственнымъ. Равнымъ образомъ, удерживаются еще очень многіе разряды крестьянъ и мастеровыхъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, вѣдомствамъ, заведеніямъ, наслѣдственно, съ обязанностью почти безплатной и почти безсрочной работы. Они и солдаты были свободны только по имени. Въ нынѣшнее царствованіе совершается (отчасти уже совершилось) совершенное ихъ освобожденіе. Всѣ приписные къ вѣдомствамъ освобождены отъ обязательной работы. Солдаты перестали быть наслѣдственнымъ званіемъ, сроки ихъ службы сокращены на 10 лѣтъ (вмѣсто 25 — 15) и употребленіе солдатъ въ другія должности, кромѣ военной, если не совсѣмъ еще отмѣнено, то значительно сокращено. Тѣлесныя наказанія—по суду. Самое важное то, что опека чиновниковъ снимается. Для удѣльныхъ крестьянъ это уже сдѣлано, для государственныхъ должно сдѣлаться на дняхъ. Крестьянскія общества получаютъ право выкупить занимаемыя ими казенныя зе
чрезъ это обратиться въ свободныя об
Идетъ рѣчь объ отмѣнѣ подушной
(для низшихъ городскихъ сословій эт
сдѣлано). Кнутъ отмѣненъ. Тѣлесныя
занія только по суду. Число вовсе ос
денныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній ч
чайно расширено. Женщины освобо
отъ нихъ вовсе. Уничтоженіе крѣпо
права дворянства, совершившееся въ
время, подготовлено тоже непрерывны
домъ постепенныхъ ограничительныхъ
которыя начались съ первыхъ годов
ствованія Александра I, значительн
лены и умножены при Николаѣ, к
все свое царствованіе мечталъ объ ос
деніи крѣпостныхъ дворянства, но не
вился съ этимъ дѣломъ. Теперь это
шилось. Главныя основанія: 1) дв
освобождены безвозмездно; 2) крестьяне
чили всѣ гражданскія права, нарав
прочими свободными, и образуютъ об
съ выборными и съ большою долею
управленія; 3) удержали за собою бол
часть господскихъ земель, которыя обр
вали при крѣпостномъ правѣ на се
извѣстной оцѣнкѣ, и за нее или работ
или платятъ оброкъ, опредѣленный
номъ,—то или другое по своему ус
нію. 4) По соглашенію или по одност
нему желанію господина, надѣлъ м
обратиться въ полную собственность
стьянъ, за сумму, опредѣленную за
закономъ, при чемъ государство вы
сумму частью деньгами, частью облига
и платитъ на нихъ проценты, а крест
платятъ государству эти проценты и
шеніе (разсрочка погашенія на 49 л
Въ 9-ти западныхъ губерніяхъ въ 1863
введенъ обязательный выкупъ, по пр
намъ политическимъ. На этомъ основ
изъ 10 милліоновъ мужескаго пола
уже теперь можно считать половину с
ными собственниками. На остальныхъ
полученія оброка или права требовать
боты (и то безъ принудительныхъ мѣр
себя, а лишь черезъ посредника), помѣщ
не имѣютъ никакихъ правъ, никакого
дическаго вліянія.

Выводы. 1) Прекращеніе частнаго кр
стного права не есть у насъ особая
стоящая разумная политическая и соц
ная мѣра, какою была вездѣ въ Евро
была заключительнымъ, послѣднимъ

ъ ряду цѣлаго историческаго на-
женія въ теченіе XVIII и XIX вѣка,
существенный смыслъ—водвореніе
й почвѣ личнаго начала, нравствен-
ы и условія развитія и упраздненія
скаго типа, подъ которымъ сложи-
кое государство. Процессъ начался
шелъ постепенно внизъ, въ массы,
совершился вполнѣ въ наше время.
мѣна частнаго крѣпостного права
далась и отмѣною государственнаго
ого права относительно сельскихъ
сельскія массы составляютъ у насъ
населенія, за исключеніемъ всѣхъ
классовъ и даже солдатъ и низ-
одского населенія. Мы—мужицкое
Оттого освобожденіе сельскихъ массъ
езъ сравненія важнѣе, чѣмъ было
гѣ, гдѣ самостоятельно развились,
ою жизнь, свою блистательную ис-
ерковь, дворянство, средніе классы,
ческая власть, а крестьянство не
ю, какъ у насъ, всего, или почти
къ опредѣляющій элементъ внутрен-
и. У насъ всѣ другіе обществен-
енты развились поздно, слабо, не-
ельно. Они были плохой копіей съ
ныхъ образцовъ. Сельская масса
асъ издавна и съ каждымъ днемъ
болѣе опредѣляющимъ началомъ,
омъ внутренней жизни, хотя и без-
но, пассивно. Ею опредѣляется весь
сской исторіи, хотя она нигдѣ до
ъ не выступала впередъ, на пер-
ъ, какъ планета Нептунъ произво-
отурбаціи въ движеніи небесныхъ
хотя до недавняго времени о ней
е знали.

ие движеніе историческое — совер-
ратное съ европейскимъ. Послѣд-
лось съ блистательнаго развитія
ального начала, которое болѣе и
тавлялось, вдвигалось въ условія
веннаго быта; у насъ исторія нача-
совершеннаго отсутствія личнаго
которое мало-по-малу пробудилось и
ніемъ европейской цивилизаціи на-
виваться. Конечно, должно насту-
но или поздно, время, когда оба
пересѣкутся въ одной точкѣ и
авняются. Но теперь это глубокое
задатковъ развитія, общихъ пред-
й, есть одна изъ главнѣйшихъ при-
мы другъ друга мало понимаемъ.

Образованныхъ русскихъ находятъ въ Европѣ чрезмѣрно радикальными, забывая, что это крайность индивидуальнаго принципа, который именно у насъ и развивается теперь. Мы не можемъ относиться ко всему нашему иначе, какъ отрицательно. У насъ же просвѣщенные люди находятъ европейскій бытъ узкимъ, не довольно широкимъ, слишкомъ обусловленнымъ историческими преданіями, и, конечно, мы не правы, потому что мы смотримъ съ точки зрѣнія еще не опредѣлившейся, не жившей, только проснувшейся индивидуальности, которая потому и не видитъ еще ясно, что опредѣлиться она можетъ только въ исторической формѣ и ни въ какой другой, и что ей предстоитъ у насъ то же самое со временемъ. Это главный источникъ всѣхъ недоразумѣній и взаимнаго отчужденія.

4) Не только въ Европѣ, но въ особенности мы сами теперь относимся очень отрицательно къ нашей исторіи, видимъ въ ней только дикость, только варварство, находимъ, что мы тысячу лѣтъ спали, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ человѣческаго смысла, что наша исторія не европейская, а азіятская—глубочайшая неподвижность. Справедливо ли это? Я не думаю. Наша исторія длится съ появленія великорусскаго элемента, который ее опредѣляетъ и до сихъ поръ (отъ 35 до 40 милл. на населеніе въ 70 милл.), слѣдовательно съ XII вѣка, и продолжается не 1000 лѣтъ, а 700. Случайное призваніе князей варяжскихъ сѣверными племенами, исчезающее въ общемъ ходѣ исторіи по внѣшнимъ, случайнымъ причинамъ, считается началомъ русской исторіи. Въ эти 700 лѣтъ мы успѣли, по возможности, колонизировать огромное пространство, образовать огромное государство. Не имѣя предшественниковъ на своей почвѣ, которые бы передали намъ по наслѣдству, фактомъ, какую-нибудь цивилизацію, учась всему у другихъ изъ книгъ, по слуху, по впечатлѣніямъ немногихъ путешественниковъ, по немногимъ заходившимъ къ намъ отголоскамъ Европы, большею частью, особливо сначала представляемой у насъ не лучшими ея представителями, мы осуждены были жить своимъ умомъ, должны были вобрать въ себя множество элементовъ, которые нельзя считать принадлежащими къ аристократіи человѣческаго рода; вынесли въ самомъ началѣ двухсотлѣтнее иго монго-

ловъ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятствующія условія, страшно замедлявшія развитіе, мы успѣли выработать кой-какіе зачатки гражданскаго общежитія, гдѣ ихъ прежде вовсе не было; успѣли сбросить историческую форму безличности, которая на насъ тяготѣла. Выработавши почву, возможность нравственнаго развитія въ свободной личности, мы начинаемъ внутреннюю жизнь, внутреннее развитіе, не имѣя строго разграниченныхъ сословій, не имѣя за собой преданій сильной аристократіи, сильной и самостоятельной церкви съ свѣтскою властью, съ огромнымъ землевладѣльческимъ сельскимъ населеніемъ, котораго соціальное положеніе и привычки дѣлаютъ насъ надолго, если не навсегда, обезпеченными противъ самыхъ страшныхъ изъ всѣхъ волненій,— волненій народныхъ массъ противъ высшихъ, образованныхъ, владѣющихъ классовъ. Нельзя сказать, чтобы при тѣхъ условіяхъ, съ которыхъ мы начали, всег не было достаточно для 700-лѣтн тельности!

Дальнѣйшій ходъ нашей исторіи т енняго развитія есть тайна для н михъ. Почва приготовлена. Что̀ на ростетъ, что̀ она принесетъ въ сокров всемірной исторіи—это покажетъ б Вѣрно то, что на нашихъ глазахъ періодъ русской исторіи окончился, панъ совсѣмъ, и для насъ начинает гое время, другая жизнь. Вѣрно та мы развивались, страдали, боролис тали въ прошедшемъ, и въ этомъ номъ, терновомъ пути развитія—зал шего будущаго.

Европѣ готовится сюрпризъ вид мнимыхъ ордахъ—способное къ р спокойное племя.

(Русская Старина, 1887, к

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ ИСТОРІИ

С. Соловьева, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 13, 14, 15. *М. 1864—66.*

Н. Устрялова, Исторія Петра Великаго. *Спб. 1858—63.*

Съ каждымъ десятилѣтіемъ, а въ послѣднее время чуть ли не съ каждымъ годомъ, русская исторія выигрываетъ въ интересѣ, значеніи и важности. Мы начинаемъ серьезно сожалѣть, что знаемъ ее слишкомъ поверхностно и мало. Такія же сожалѣнія слышатся теперь нерѣдко и отъ европейскихъ историковъ и ученыхъ.

Когда-то исторія привлекала какъ любопытная сказка о старинѣ. Быль могла тогда безнаказанно перемѣшиваться въ ней съ небылицей. Исторія въ этомъ видѣ тѣшила воображеніе и подстрекала интересъ повѣстью о прошлыхъ временахъ и от ныхъ предкахъ.

Послѣ исторія стала поученіемъ и кой. Что̀ и какъ происходило прежде жило указаніемъ и совѣтомъ въ п ческой дѣятельности. Исторія обратил архивъ старыхъ политическихъ и го ственныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ и п ченныхъ.

Напослѣдокъ, исторія дѣлается ис комъ и зеркаломъ народнаго самосо На перепутьи двухъ періодовъ, въ меж ное время, когда ходъ народной жизни ляетъ привычное вѣковое русло и ищ выхъ путей, колеблясь между нѣскол наивная справка съ дѣяніями предко можетъ уже вразумить на счетъ того какъ дѣлать, да и нѣтъ уже больше наго настроенія души, и того досуга

ы, чтобы восхищаться полу-волшеб-
ой, художественнымъ сочетаніемъ
ой правды съ выдумкой. Торная
чилась; предстоитъ идти цѣликомъ,
щупью, и тогда-то наступаетъ время
раздумья. Народная мысль разрѣ-
цѣлый рядъ вопросовъ, догадокъ
оженій, посреди которыхъ мало-по-
зрѣваетъ народное самосознаніе,
ный вѣрный руководитель на этой
азвитія.

но и тяжко дается самосознаніе.
сторія допрашивается подробно, но
но, судьями, у которыхъ рѣшеніе
аніе. Вопросы предлагаются ей на-
ъ, чтобы получить желанный от-
ie отвѣты—еще не исторія, не ис-
нимъ узнается не то, что было, а
омогался, что хотѣлъ видѣть исто-
ько впослѣдствіи, возмужавшее и
народное самосознаніе приходитъ
въ исторіи и вступаетъ на твер-
въ практической жизни.

исторія прошла всѣ эти фазисы,
аго послѣдняго. Она являлась и
и поученіемъ. Событія и главные
азсматривались въ ней съ самыхъ
ъ точекъ зрѣнія; однако и до сихъ
е народное самосознаніе еще не
ось. Кто скажетъ, что мы себя
понимаемъ? Съ каждымъ новымъ
ередъ, мы, напротивъ того, по зна-
слову Сократа, убѣждаемся болѣе
что почти совсѣмъ себя не знаемъ.
сль не въ соотвѣтствіи съ нашей
самихъ себя, въ нашу народную
предстоящія намъ великія судьбы;
ляды на русскую исторію, наша
сторическихъ событій и дѣятелей
азываются, одни за другими, дѣт-
етомъ незрѣлой и нетвердой мысли,
ются также легко, какъ возникаютъ.
щемся мирнымъ и спокойнымъ, от-
ке сонномъ, строѣ нашей жизни,
быстрый водоворотъ кружитъ нашу
ося, одну за другой, всѣ слабыя по-
исталлизировать наше народное са-
въ сколько нибудь опредѣленныя

ное наше безсиліе никогда, можетъ
увствовалось такъ глубоко, какъ те-
сія, безъ малаго за двѣсти лѣтъ
нутая на новый путь, теперь снова
круто, хотя и въ иныхъ формахъ,

поворачиваетъ въ другую колею. Цѣлый кругъ понятій и взглядовъ, нажитый въ минувшіе два вѣка, измѣняется. Точно будто поднимается завѣса и передъ глазами открываются новыя перспективы, которыхъ мы до тѣхъ поръ и не подозрѣвали. Примкнувъ къ семьѣ романскихъ и германскихъ народовъ, мы твердо увѣрились, что намъ предстоитъ и двигаться въ кругѣ идей и направленій, выработанныхъ ихъ жизнью и трудами; а на повѣрку оказывается, что общаго у насъ съ этими народами одни только свойственныя всѣмъ людямъ стремленія и задачи, все же остальное—вовсе не похоже на европейское, и мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо предоставлены собственнымъ средствамъ и усиліямъ. Терпя наглядный образецъ, созерцаніемъ котораго лѣниво себя убаюкивали, мы теперь невольно начинаемъ спрашивать самихъ себя: что́ же мы такое, что насъ такими сдѣлало, и куда мы идемъ? Эти вопросы поднимаются у насъ теперь со всѣхъ сторонъ; во всемъ, что у насъ ни думается, ни дѣлается, видны попытки отвѣчать на эти вопросы. Въ литературѣ и искусствѣ одинаково слышится задача понять себя, уяснить себѣ смыслъ и значеніе нашего историческаго существованія.

Посреди этой заботы, на первый планъ естественно выдвигается изученіе русской исторіи. Событія и лица, казавшіяся намъ до сихъ поръ извѣстными и переизвѣстными, подвергаются новому изслѣдованію, возсоздаются въ искусствѣ, переработываются въ ученыхъ трудахъ. Изъ лаконическаго лѣтописнаго сказанія, изъ сухого свидѣтельства оффиціальнаго документа мы стараемся вызвать оживлявшій ихъ духъ, усиливаемся воскресить прошедшее во всей его животрепещущей правдѣ. Мы начинаемъ чувствовать, что происшествія, рѣшавшія судьбы русскаго народа, что лица, игравшія большую роль въ самыя знаменательныя эпохи нашей исторіи, подернуты какимъ-то туманомъ, не имѣютъ ярко очерченнаго образа, и вотъ, всѣ старанія направлены къ тому, чтобъ разогнать этотъ туманъ, сорвать таинственный покровъ. Въ какой степени удачны эти усилія—другой вопросъ; несомнѣнно только, что работа, вызванная новымъ оборотомъ нашей исторіи, идетъ впередъ, и, оглянувшись недалеко назадъ, нельзя не замѣтить, что уже произошла нѣкоторая перемѣна въ нашихъ взглядахъ на прошедшее,—вѣрный признакъ,

что народное самосознаніе зрѣетъ, что время его наступаетъ.

Петръ Великій и его эпоха не могли быть обойдены или остаться незамѣченными при такомъ усиленномъ общемъ нашемъ стремленіи къ самосознанію. Не понявъ Петра, нельзя понять Россіи: онъ много для нея сдѣлалъ; его глубоко любили и глубоко ненавидѣли современники и потомки; слѣды его неизгладимы въ русской исторіи; но для вѣрной оцѣнки Петра Великаго наше время едва ли не самое благопріятное. Мы всѣми путями порываемся выдти изъ того періода русской исторіи—періода заимствованій у Европы—который онъ собою открылъ и началъ. У его подножія еще идетъ горячій споръ объ историческомъ наслѣдствѣ, которое онъ по себѣ оставилъ. Къ Ивану Грозному, къ эпохѣ Самозванцевъ, къ Алексѣю Михайловичу мы относимся спокойно и объективно: все это уже давно прошло, забыто, и мы почему-то наивно воображаемъ, что интересы и вопросы тѣхъ временъ давно исчезли безъ слѣда. Но Петръ какъ будто еще живъ и находится между нами. Мы до сихъ поръ продолжаемъ относиться къ нему какъ современники, любимъ его или не любимъ, превозносимъ выше небесъ или умаляемъ его заслуги: но число его поклонниковъ рѣдѣетъ, а число порицателей растетъ, по мѣрѣ того, какъ мы выходимъ изъ поставленныхъ имъ условій нашей народной жизни, и пока новый нашъ историческій путь не обозначится вполнѣ, мы все будемъ колебаться между старой и новой Россіей, видѣть въ совершающемся то возвратъ къ до-петровской старинѣ, то продолженіе его реформы. Много, много еще пройдетъ времени, пока для Петра наступитъ спокойный, безпристрастный, нелицепріятный судъ, который будетъ вмѣстѣ и разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что мы такое и куда идемъ.

По какой-то счастливой случайности, профессоръ Соловьевъ окончилъ древнюю русскую исторію и перешелъ къ эпохѣ преобразованія именно въ то время, когда рядъ новыхъ коренныхъ законоположеній, пересоздающихъ внутренній строй петровской Россіи, возбуждаетъ особенный интересъ къ дѣлу и эпохѣ Петра, и невольно ставитъ вопросъ: была ли его реформа благомъ для Россіи или ошибкой геніальнаго государя? Новый трудъ профессора Соловьева составляетъ продолженіе его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. До сихъ поръ вышло только три тома, изъ которыхъ собственно два посвящены и ріи царствованія Петра; послѣдній томъ о чивается полтавской битвой. Судя по э надо полагать, что исторія Петра зай еще по крайней мѣрѣ три тома. Как прежнемъ своемъ сочиненіи, такъ и въ вомъ, достойный ученый держится на с исторической почвѣ. Трудъ его не апо и памфлетъ, а добросовѣстный фактич разсказъ, перерываемый лишь изрѣдка к дами и сужденіями самого автора. Къ дѣніямъ, взятымъ изъ напечатанныхъ и никовъ, профессоръ Соловьевъ прибавл множество новыхъ, почерпнутыхъ изъ а вовъ, что возвышаетъ ученое достоинств замѣчательнаго труда. О высокомъ инте новаго сочиненія профессора Соловьева чего говорить; исторія Петра Великаг можетъ не быть интересна въ высшей пени; но авторъ умѣлъ придать своей к особенную занимательность послѣдова нымъ и яснымъ разсказомъ, искуснымъ положеніемъ частей, отличной группир характеристическихъ подробностей. Ре ный матеріалъ, надъ которымъ онъ труд конечно, облегчалъ ему работу; но ему надлежитъ несомнѣнная заслуга, что съумѣлъ имъ прекрасно воспользоваться

Другое сочиненіе, посвященное Петру ликому, принадлежитъ академику Устря Оно, можно сказать, только начато. Въ году вышли три первые тома, содерж исторію Петра только до 1700 года, собственно до начала реформъ. Въ слѣ щемъ 1859 году изданъ особо шестой т содержащій исторію царевича Алексѣя тровича и слѣдственное дѣло о немъ; в нецъ, въ 1863 году вышелъ четвертый т (въ двухъ частяхъ), въ которомъ разс доведенъ до конца 1706 года. Изъ э видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ думанъ этотъ ученый трудъ. Книга про сора Устрялова богата критическими из дованіями и драгоцѣннѣйшими матеріал изъ которыхъ много чрезвычайно любо ныхъ открыты ученымъ авторомъ и нап таны впервые. Всякій, кому дорого Петра, дорога Россія, конечно, отъ души пожелаетъ, чтобъ авторъ выполн свою программу до конца, въ томъ же емѣ и съ тою же подробностью, какъ нач

Изъ числа сочиненій по русской исто появившихся въ послѣдніе годы, исто царствованія Петра Великаго Соловьев

трялова — самыя крупныя и замѣчатель-
и. Всѣ безъ сомнѣнія уже знакомы съ
ми, слѣдовательно передавать вкратцѣ ихъ
ержаніе нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе,
, какъ бы тщательно ни было составлено
ихъ извлеченіе, оно не можетъ замѣ-
ть подлинниковъ, исполненныхъ животре-
щаго интереса.

Сообщая множество неизвѣстныхъ доселѣ
стовъ, выставляя происшествія и лица въ
омъ свѣтѣ, оба историка значительно по-
нули впередъ разрѣшеніе существенныхъ
росовъ не одной петровской эпохи, но и
й русской исторіи. До сихъ поръ, мы не
ли связать между собою двухъ ея періо-
ъ, раздѣленныхъ Петромъ Великимъ, и
могли объяснить себѣ, какимъ образомъ
илась и выросла на древней русской
вѣ личность, подобная Петру. На петров-
й періодъ русской исторіи мы смотрѣли
съ на что-то совершенно новое, не имѣю-
е ничего общаго съ предъидущимъ вре-
немъ; въ самомъ Петрѣ напрасно стара-
сь мы отыскать черты, родственныя съ
ежними дѣятелями Россіи. Намъ представ-
лось, что у насъ въ эпоху Петра, словно
волшебной сказкѣ или на сценѣ, страна,
ди, нравы, понятія вдругъ исчезли безъ
зда и смѣнились новыми.

Кромѣ насъ нѣтъ народа въ мірѣ, кото-
й бы такъ странно понималъ свое про-
дшее и настоящее. Ни одинъ народъ не
рывается, въ своемъ сознаніи, на двѣ по-
вины, совсѣмъ другъ другу чуждыя и ни-
мъ не связанныя. Подобно намъ, всѣ евро-
йскіе народы переживали въ своей исторіи
утые перевороты, иногда по нѣскольку
въ; однако ни одинъ изъ нихъ не смот-
тъ на себя какъ на какіе-то два различ-
е народа. Реформація, французская рево-
ція, существенно, коренно измѣнили ста-
й бытъ и создали новый; но ни до-рево-
ціонная Франція, ни до-реформаціонная
рманія, не отдѣлены въ глазахъ француз-
съ и нѣмцевъ такой непроходимой бездной
, теперешняго ихъ быта, какъ отдѣлена,
нашимъ понятіямъ, древняя Россія отъ
вой, петровской. Норманское завоеваніе
ло не только переворотомъ въ цѣломъ
тѣ Англіи, но даже внесло въ нее чуж-
е элементы, чужую національность; одна-
несмотря на то, англичанинъ сознаетъ
ю солидарность и связь съ Англіей до-
рманскаго періода. Одни мы, русскіе, ли-
шены до сихъ поръ единаго народнаго со-
знанія. Теоретически, отвлеченно, мы понимаемъ, что преобразованная Россія и самъ Петръ не съ неба къ намъ упали; что было же что нибудь и прежде; что какъ нибудь Петръ и его реформа были подготовлены: знаемъ мы, что никакого завоеванія у насъ въ концѣ XVII вѣка не было, что страна и народъ теперь тѣ же самые, что и до Петра. Но все это представляется намъ какъ-то сухо, отвлеченно, книжно, мертво, входитъ въ нашу голову какъ-то холодно и безучастно, точно результатъ математической выкладки, выводъ изъ ряда посылокъ и умозаключеній. Въ непосредственномъ, живомъ сознаніи мы все продолжаемъ какъ-то двоиться, и эта половинчатость лежитъ тяжелымъ камнемъ на всемъ нашемъ нравственномъ существѣ и дѣятельности.

Въ этомъ удивительномъ психологическомъ фактѣ есть глубокій смыслъ. Раздвоенные въ народномъ сознаніи, мы не можемъ высвободиться изъ вопіющаго противорѣчія между нашимъ взглядомъ на самихъ себя и постепеннымъ, величавымъ ходомъ нашей исторіи. Событія идутъ у насъ какъ-то своимъ чередомъ, точно какъ будто помимо нашей воли и пониманія. Мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ, и слабы разумѣніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу.

Гдѣ источникъ этой умственной немощи? Онъ глубоко скрытъ въ вѣковой привычкѣ смотрѣть на себя чужими глазами, сквозь чужія очки. Толстый слой предразсудковъ, въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ отчета, присутствія котораго даже не подозрѣваемъ, мѣшаетъ намъ понимать себя правильнымъ образомъ. Думать и учиться мы стали поздно, гораздо позднѣе другихъ народовъ. Это дало намъ возможность пользоваться, безъ большихъ усилій, тѣмъ, до чего другіе народы дошли тяжкимъ трудомъ и горькимъ опытомъ. Но зато мы не привыкли думать, и, принимая чужія мысли за свои, не выходимъ изъ духовнаго малолѣтства. Оттого, нашъ собственный опытъ остается не продуманнымъ, и жизнь наша есть стихійная, неосмысленная. Наши взгляды, убѣжденія выведены нами не изъ насъ самихъ и не изъ нашей исторіи, а приняты цѣликомъ отъ другихъ народовъ. Оттого мы и не умѣемъ связать прошедшаго съ настоящимъ, и все,

что ни говоримъ, ни думаемъ, такъ безплодно, въ такомъ вопіющемъ разладѣ съ совершающимися фактами и съ ходомъ нашей исторіи.

Наша умственная апатія и безсиліе также стары, какъ мы сами. Напрасно будемъ мы утѣшать себя мыслью, что они ведутъ свое начало отъ реформы Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя помнимъ, наша мысль всегда была въ плѣну, находилась въ вѣчной кабалѣ, что не мѣшало фактамъ и событіямъ идти своимъ чередомъ, на основаніи указаній практики и потребностей. Правда, практическая наша жизнь и дѣятельность тоже часто, и даже очень часто, руководились посторонними элементами, вслѣдствіе нашего умственнаго рабства; но въ этой сферѣ чуждыя примѣси скоро давали себя чувствовать такъ сильно, что приходилось, волей-неволей, отъ нихъ отказываться и слушаться одного здраваго смысла и народныхъ инстинктовъ. Но въ области мысли и пониманія мы испоконъ-вѣка были покорными слугами другихъ, и наша жизнь шла своей дорогой, а голова—своей.

Сперва мы подпали подъ умственную опеку византійцевъ и оставались подъ ней чрезвычайно долго. Греки наводняли нашу страну, торговали въ ней, брали съ насъ дань. Старинные архивы константинопольскихъ патріарховъ, еслибъ они сохранились, повѣдали бы намъ любопытныя вещи и показали бы, какъ выгодна была для тогдашнихъ фанаріотовъ русская епархія. Мы не любили грековъ и считали ихъ хитрецами. Толстой, посланникъ нашъ въ Турціи при Петрѣ Великомъ, отзывается о нихъ почти тѣми же словами, какъ и старинныя наши лѣтописи. Князья, подобные Ярославу I, люди практическіе, нетерпѣливо сносили господство грековъ и пытались замѣнить присылаемыхъ къ намъ изъ Греціи митрополитовъ своими ставленниками изъ русскихъ. Несмотря на эти попытки, полное, духовное владычество надъ нами грековъ продолжалось. Мы жили по греческимъ законамъ, питались греческой письменностью, наслаждались греческимъ искусствомъ и художниками, ѣздили въ Грецію, какъ позднѣе въ Парижъ. Это умственное господство надъ нами грековъ продолжалось чрезвычайно долго. Слѣды его тянутся, постепенно слабѣя, вплоть до Петра Великаго.

Съ Ивана III, московскаго великаго князя, начинается мало-по-малу умственное п
порабощеніе литовско польскому владычес
Весьма замѣчательно, что и это духов
иго, подобно греческому, развивается въ
ратномъ отношеніи къ политической сил
значенію владычествующаго элемента. Ч
сильнѣе становится московское государ
въ отношеніи къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ с
нѣе литовско-польская нравственная вл
надъ нами. Высшей своей точки она до
гаетъ въ XVII вѣкѣ и затѣмъ постепе
ослабѣваетъ, но еще очень замѣтна даж
царствованіе Екатерины II. Подобно
камъ, литовцы и поляки стремились къ н
толпами и пытались внести свои пор
даже въ нашъ государственный строй
это имъ окончательно не удалось. Иванъ
Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Ѳе
Никитичъ Романовъ, царь Алексѣй Ми
ловичъ были люди практическіе и отра
этотъ напоръ въ государственной сферѣ
въ общественной жизни, въ литературѣ
правахъ и одеждѣ, во всей области умст
наго развитія, мы приняли новое духо
ярмо безпрекословно, несли его также
корно, какъ прежде греческое.

Почти въ одно время съ литовско-п
скимъ элементомъ, именно при Иванѣ
начинаютъ водворяться у насъ элементы
надно-европейскіе. Они усиливаются
Иванѣ IV, играютъ уже большую роль
Алексѣѣ Михайловичѣ, еще большую
Петрѣ Великомъ, и господствуютъ п
безгранично при Аннѣ Ивановнѣ. Со в
леніемъ на престолъ императрицы Ел
веты произошелъ переломъ, и съ тѣхъ п
началась чрезвычайно медленная убыль
го новаго господства, что продолжается
сихъ поръ. Въ теченіе этого длиннаго
ственнаго и нравственнаго служенія тре
му господину, которое еще не кончил
повторилось, точь въ точь, тоже, что б
прежде. Въ государственной и политичес
сферѣ мы, сравнительно, скоро очнулис
стали на свои ноги. Ни Петръ, ни Ек
рина II, въ самый разгаръ вторженія
Россію иностранныхъ элементовъ и иностр
цевъ, не жертвовали имъ русскими инте
сами, и вполнѣ самостоятельно представл
государство; но во всѣхъ другихъ сторон
русской жизни, начиная отъ покроя пла
и оканчивая взглядами и убѣжденіями, и
странные элементы владычествовали у н
безгранично, и мы являли собою все

оскорбительнаго и отталкивающаго въ
овольной духовной кабалѣ. Чѣмъ силь-
и значительнѣе мы становились въ го-
рственномъ и политическомъ смыслѣ,
ь угодливѣе и раболѣпнѣе дѣлались пе-
иностранцами въ умственномъ и нрав-
иномъ смыслѣ. Въ царствованіе импера-
Александра I, невиданный политиче-
блескъ и слава идутъ рука объ руку
ебывалымъ у насъ до тѣхъ поръ духов-
ь закрѣпощеніемъ иностранному игу.
ь утѣшеніе себя мы обыкновенно гово-
ь, что были до сихъ поръ „въ наукѣ“
ругихъ народовъ. Но это не совсѣмъ
о. Работая умственно разнымъ гос-
мъ поочередно, мы въ дѣйствитель-
и мало чему научились. Когда было
ь учиться: мы только идолопоклонни-
! Учиться, значитъ узнавать и брать
олкъ; это предполагаетъ извѣстную само-
тельность, а мы лишь повторяли чужія
, переводя ихъ на нашъ языкъ. Дѣй-
тельное серьезное ученіе можетъ на-
ся развѣ только теперь, когда мы стали
дываться, и то пока еще очень смутно,
пора наконецъ выдти изъ духовной ка-
, пора подумать хорошенько надъ тѣмъ,
мы твердимъ съ чужихъ словъ. Еслибъ
учились серьезно и сознательно, развѣ
и бы возможны наша теперешняя ум-
ная и нравственная скудость, наше
оуміе, невѣжество, вѣтренность, безала-
ость и всяческое малолѣтство? Европей-
народы тоже учились другъ у друга и
рь учатся безпрестанно: но находимъ ли
ихъ что нибудь подобное тому духов-
самоотреченію, которому мы предава-
, то въ пользу грековъ, то въ пользу
ы и поляковъ, то въ пользу западныхъ
шейцовъ? Нѣтъ, нигдѣ ничего подобнаго
бывало; по одному этому мы уже можемъ
ть, какъ далеко ушло наше развитіе.
еперь мы вступаемъ въ новый періодъ
рической жизни. Четвертый актъ само-
ченія для насъ больше невозможенъ;
лось бы вѣрить, что онъ сдѣлался не-
ожнымъ, потому что мы стали зрѣлѣе;
всякомъ случаѣ и идолопоклонничать
е не передъ кѣмъ. Внутренній нашъ
ь перестраивается кореннымъ образомъ,
указаніямъ потребностей и нуждъ, не
ющимъ ничего общаго съ нашей ум-
ной несостоятельностью. Теперь должна,
ется, наступить пора плодотворнаго уче-
нія и труда, пора серьезной провѣрки на-
шихъ взглядовъ и стремленій. Когда эта
пора дѣйствительно наступитъ, мы должны
будемъ, волей-неволей, глубоко вглядѣться
въ смыслъ нашей исторіи, сличить наши
историческія воззрѣнія съ живою лѣтописью,
съ тѣмъ, что мы теперь, во всѣхъ обществ-
енныхъ слояхъ и элементахъ. Много не-
ожиданностей предстоитъ намъ на этомъ
пути! Мы воображаемъ, что знаемъ и пони-
маемъ ходъ нашей прошедшей жизни: при-
дется отказаться отъ этого заблужденія:
придется убѣдиться, что мы задаемъ рус-
ской жизни, въ прошедшемъ и настоящемъ,
вопросы, которыхъ она не ставила и не ста-
витъ, придаемъ ей краски, которыхъ она не
имѣетъ, представляемъ себѣ событія и лица
совсѣмъ не такъ, какъ они были въ дѣй-
ствительности,—все отъ того, что живемъ
чужими мыслями, видимъ себя сквозь чужія
очки. Въ нашей духовной природѣ, отъ на-
шей умственной бездѣятельности, образо-
вался, незамѣтно для насъ самихъ, наростъ,
который долженъ быть открытъ и разрѣ-
шится только вслѣдствіе серьезной умствен-
ной работы и сознательнаго ученія. Уже
теперь, благодаря трудамъ, подобнымъ ис-
торіи профессора Соловьева и академика
Устрялова, начинаютъ разоблачаться многіе
предвзятые взгляды и историческіе миражи,
результатъ старыхъ и новыхъ предразсуд-
ковъ, не провѣренныхъ мыслью и работой.
Если мы не видимъ связи между древней и
новой Россіей, не понимаемъ, какъ могла
личность, подобная Петру, явиться въ ис-
ходѣ московскаго періода русской исторіи,
то очевидно, что въ нашихъ историческихъ
знаніяхъ долженъ быть большой пробѣлъ;
видимо, что мы или не такъ смотримъ на
Петра и его дѣло, или не такъ понимаемъ
старую Россію, какъ слѣдуетъ, или, нако-
нецъ, и наша оцѣнка московской Руси и
Петра и его преобразованія невѣрна. Про-
стой здравый смыслъ приводитъ къ этому
заключенію; ибо какъ бы ни была велика и
могуча личность Петра, какъ бы отрица-
тельно ни относилось его преобразованіе ко
всему старому,—все же онъ родился въ томъ
обществѣ, которое преобразовалъ, былъ дитя
своего времени и обстоятельствъ, и въ этомъ
смыслѣ какъ онъ, такъ и его дѣло должны
же были находиться въ органической связи
съ той средой, изъ которой возникли и къ
которой относились. Припомнимъ, что дѣло

Петра пережило его и живетъ до сихъ поръ; было ли бы это возможно безъ органической связи нашего прошедшаго съ настоящимъ? А отсюда слѣдуетъ, что въ насъ, въ нашемъ незнаніи или ошибочныхъ взглядахъ, должна скрываться причина, почему мы ее не видимъ и не понимаемъ.

Историческія изслѣдованія оправдываютъ эти выводы вполнѣ. Какъ только начали нѣсколько вникать во внутренній бытъ Россіи XVII вѣка и въ тогдашнее положеніе дѣлъ, тотчасъ же и оказалось, что тогдашній страшный хаосъ и безурядица должны были разрѣшиться такъ или иначе. Исчезло представленіе объ идеальномъ состояніи, которое Петръ будто бы Богъ вѣсть почему и зачѣмъ переломалъ на иностранный ладъ. Вообще, по мѣрѣ того какъ разрабатывалась русская исторія, идеалы оттѣснялись все болѣе и болѣе въ ту сѣдую старину, объ которой мы ничего не знаемъ и узнать не можемъ. Съ другой стороны, ближайшее знакомство съ Петромъ и его дѣлами снимаетъ съ него тяжкое обвиненіе въ платонической любви къ иностранцамъ, въ какомъ-то чудовищномъ, небываломъ планѣ вынуть у своего народа живую душу и вдохнуть въ него чужую. Освобожденный отъ риторическихъ прикрасъ и ѳиміама похвальныхъ рѣчей и лести, Петръ является передъ нами живымъ человѣкомъ, съ ошибками и удивительными дѣлами, съ недостатками и чертами генія, съ пороками и великими добродѣтелями. Сдѣлавшись изъ миоа историческимъ лицомъ, Петръ выигрываетъ въ размѣрахъ и величіи. Голая историческая истина о немъ поражаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вымыселъ, именно потому, что походитъ больше на сказку, чѣмъ на правду,— такъ она необыкновенна!

Несмотря однако на множество прекрасныхъ работъ и изслѣдованій по русской исторіи, на обнародованные, въ огромномъ числѣ, новые источники, она все еще также мало извѣстна и понятна, какъ и сама Россія. Въ русской исторіи поставлено множество вопросовъ, но пока все еще не хватаетъ силъ и средствъ разрѣшить ихъ: недостаетъ необходимѣйшихъ подготовительныхъ работъ. Кое-гдѣ открываются просвѣты; точнѣе опредѣляются нѣкоторыя задачи; рождаются догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, которыя и служатъ пока жалкой замѣной дознанной исторической нити, связующей, повидимому, безсвязные факты и эпохи. Все это только чаяніе будущихъ историческихъ трудовъ, черновыя замѣтки для программы будущей русской исторіи.

Въ какомъ же видѣ представляется, при основаніи скудныхъ указаній, общій ходъ русской исторіи? Гдѣ ея главные узлы? Какое значеніе важнѣйшихъ ея эпохъ и событій? На эти вопросы приходится уже теперь отвѣчать нѣсколько иначе, чѣмъ думали еще недавно.

I.

Четыре года тому назадъ, празднова тысячелѣтіе нашего государственнаго существованія. Боже! сколько мы расточали остроумія, сколько глумились надъ собою по этому поводу! Тысячу лѣтъ прожили—что разсуждали мы—и чего достигли? Самыя неотложныя потребности гражданскаго обихода житія и благоустройства еще удовлетворяются кое-какъ въ двухъ-трехъ центрахъ громаднаго нашего царства, а внѣ ихъ какъ будто вовсе не существуютъ. Сколько же столѣтій нужно намъ прожить еще, чтобъ стать хоть тѣмъ, чѣмъ была Европа въ XVIII вѣкѣ? А она между тѣмъ будетъ идти впередъ не по днямъ, а по часамъ.

Разсуждая такъ, мы сравниваемъ свое настоящее не съ своимъ же прошедшимъ, а съ постороннимъ образцомъ, который у насъ подъ глазами. Вотъ наша общая, всегдашняя ошибка зрѣнія, которая перепутываетъ всѣ наши понятія.

Представимъ себѣ колониста, который въ дикой глуши, раздѣленной огромными пространствами отъ жилыхъ и промышленныхъ центровъ, впервые заведетъ хозяйство. Какъ бы хорошо онъ ни повелъ свое дѣло, сколько бы ни создалъ удобствъ для своей ежедневной жизни, всѣ его успѣхи не выдержатъ никакого сравненія съ обстановкой городского и даже пригороднаго жителя, и чтобы справедливо оцѣнить его труды и усилія, должны будемъ сравнивать его, созданный въ глуши, не съ лучшими образцами въ мірѣ, а съ тѣми условіями и обстановкой, посреди которыхъ бросила его судьба, и на перекоръ которымъ онъ съумѣлъ-таки заложить основанія успѣшной и образованной жизни. Мы именно такіе колонисты. Судя о томъ, что мы сдѣла-

по тому, что̀ вообще можетъ человѣкъ
ать хорошаго на свѣтѣ, а по тому, что̀
могли сдѣлать при данныхъ обстоятель-
хъ, мы были бы справедливѣе къ на-
ъ предкамъ, а главное, почерпнули бы
изученіи нашего прошедшаго силы на
й трудъ, тогда какъ теперь мы рас-
иваемъ ихъ на безплодное и дешевое
румничаніе. Вникая глубже въ дѣло,
зя не изумляться, сколько мы успѣли
дѣлать въ такое сравнительно корот-
время! Невольно приходишь къ мысли,
мы не только не лѣнились, а напро-
, работали безъ устали. Чтобы достиг-
того, чего мы достигли въ прожитые
вѣка, нужны были чрезвычайныя, не-
вѣческія усилія.

ачнемъ съ того, что мы прожили не ты-
лѣтъ, а гораздо меньше. Раскроемъ пер-
нашу лѣтопись, которая писана во вся-
случаѣ, не позже XI вѣка. Составитель
наетъ малороссіянъ и перечисляетъ раз-
отрасли этой вѣтви русскаго племени;
ваетъ сѣверо-западныя отрасли того же
ени: кривичей (бѣлоруссовъ) и славянъ,
инаетъ еще радимичей и вятичей, про-
дшихъ отъ ляховъ; но замѣчательно, что
коруссовъ онъ вовсе не знаетъ. На вос-
отъ западныхъ русскихъ племенъ, гдѣ
рь живутъ великоруссы, обитаютъ, по
иси, финскія племена, частью суще-
ющія и теперь, частью уже исчезнувшія.
же были тогда великоруссы? Объ нихъ
еречисленіи племенъ, жившихъ въ те-
шней Россіи, не упоминается ни слова.
бъ они существовали уже въ то время,
а составитель лѣтописи писалъ свои этно-
ическія замѣтки, то навѣрное онъ зналъ
ту отрасль русскаго народа и упомянулъ
бъ ней. Изъ его совершеннаго молчанія
уетъ заключить, что въ то время этой,
рь самой многочисленной и по историче-
роли самой значительной вѣтви русскаго
ени, еще не существовало. Съ другой
оны, мы знаемъ, что колонизація фин-
востока началась съ XII вѣка. Такимъ
зомъ, мы имѣемъ все основаніе предпо-
ть, что великоруссы образовались въ осо-
вѣтвь не ранѣе XI вѣка. Съ того вре-
они успѣли сложиться въ сильное го-
ство, занять и обрусить огромную тер-
рію. Только на великорусской почвѣ
но и крѣпко зародилось русское государ-
только здѣсь мощные его ростки про-
бивались безпрестанно, пока имъ не удалось
пустить глубокихъ корней въ Москвѣ. Въ
Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, въ князь-
яхъ тверскихъ и рязанскихъ, слышатся за-
чатки государственности, осуществившіеся
трудами и умѣніемъ московскихъ единовлас-
тителей, при благопріятныхъ обстоятельст-
вахъ и въ единственно возможной тогда формѣ.
Пока русская исторія не ступила на велико-
русскую почву, этой настойчивой, органиче-
ской потребности объединиться въ государ-
ство не замѣтно, по крайней мѣрѣ въ такой
степени. Разные народы приходятъ къ за-
падно-русскимъ племенамъ, завоевываютъ ихъ
и берутъ съ нихъ дань, господствуютъ надъ
ними и потомъ исчезаютъ, или смѣняются
другими господами. Варяжская дружина была
не первая и не послѣдняя, придавшая запад-
ной Россіи извнѣ характеръ государства. Передъ варягами тоже дѣлали обры (авары) и
хозары, послѣ нихъ литовцы и поляки. Лишь
только внѣшніе властители сливались съ ту-
земцами, какъ напр., варяги и литовцы, го-
сударство расползалось и страна становилась
добычей новыхъ завоевателей или пришель-
цевъ.

Исконная несамостоятельность западной
Россіи, неспособность ея образовать единое
сильное государство, рѣзко выдвигаетъ впе-
редъ характеристическую особенность Ве-
ликороссіи, которой главнѣйшая жизненная
задача какъ будто исключительно въ томъ
только и состояла, чтобы создать и упрочить
государство. Этой цѣли она приносила и при-
носитъ въ жертву лучшія свои силы. Глу-
бокій смыслъ такого стремленія великорус-
совъ заключается въ томъ, что Россія есть
единственное свободное славянское государ-
ство.

Спрашивается: что же такое великоруссы?
Откуда взялись они, когда до XI или XII
вѣка они не существовали? Откуда взялся у
нихъ этотъ удивительный смыслъ къ госу-
дарству,—удивительный тѣмъ болѣе, что его,
въ этой степени, не оказалось ни у одного
изъ прочихъ славянскихъ народовъ?

Эти вопросы—основные, первые, не только
въ русской исторіи, но и въ исторіи всего
славянскаго племени. Къ сожалѣнію, они-то
именно и разработаны всего слабѣе. Пока,
мы должны довольствоваться однѣми догад-
ками, по нѣкоторымъ намекамъ и отрывоч-
нымъ указаніямъ.

Восточная отрасль русскаго племени обра-

зовалась частью изъ переселенцевъ изъ Малороссіи и сѣверо-западнаго края на финской землѣ, частью изъ обрусѣлыхъ финновъ. Русскіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ условій, на новой почвѣ, получили иной характеръ, отличный отъ первоначальнаго корня, отъ котораго отдѣлились; съ другой стороны, обрусѣвшія финскія племена внесли новую кровь, новые физіологическіе элементы въ младшую вѣтвь русскаго племени. Эта вѣтвь давно отличается отъ своихъ родичей замѣтными, выдающимися нравственными и физическими чертами, и слѣд. давно уже успѣла образоваться и получить свою особую физіономію. Къ тому времени, когда началъ слагаться московское государство, процессъ ея образованія уже вполнѣ совершился, новая племенная отрасль сложилась вполнѣ. Съ тѣхъ поръ, она только окрѣпла, политически объединилась, разселялась далѣе и далѣе, и поглощала финскія племена, что безостановочно продолжается и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, въ какихъ нибудь три, четыре вѣка, возникло новое зерно для исторической жизни, завязался новый историческій узелъ, и притомъ такъ крѣпко и прочно, что, несмотря на всѣ невзгоды, онъ разросся, въ слѣдующіе три, четыре вѣка, въ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ въ мірѣ. Не медленности этого движенія надобно удивляться; напротивъ, изумительна крѣпость и мощь этого зародыша, который развивался и развивается такъ быстро. Говоря объ исторіи другихъ государствъ, существующихъ многія столѣтія, мы имѣемъ въ виду, иногда не отдавая себѣ яснаго отчета, исторію государственнаго существованія племени или народа уже сложившагося, имѣвшаго уже предъ тѣмъ опредѣленную физіономію; но исторія русскаго государства есть вмѣстѣ исторія возникновенія и образованія цѣлой отрасли русскаго племени, которая составляетъ главное его зерно. Между тѣмъ и другимъ есть громадная, неизмѣримая разница!

Въ образованіи великорусской вѣтви, ея разселеніи и обрусѣніи финновъ состоитъ интимная, внутренняя исторія русскаго народа, оставшаяся доселѣ какъ-то въ тѣни, почти забытая; а между тѣмъ, въ ней-то именно и лежитъ ключъ ко всему ходу русской исторіи. Изучая ея пеструю внѣшнюю оболочку, мы постоянно, до позднѣйшаго времени, теряли изъ виду внутренній, господствующій въ ней фактъ, и конечно отъ того мало ее понимали.

На исторію постепеннаго разселенія велик
руссовъ и постепеннаго обрусѣнія финно
стали очень еще недавно обращать серьезн
вниманіе. О древнѣйшемъ ея періодѣ пи
менныя свидѣтельства крайне скудны: з
московской эпохи они уже гораздо обильн
а за послѣднія полтораста, двѣсти лѣтъ
можно прослѣдить по документамъ, съ ве
чайшей подробностью,—была бы только ох
рыться въ архивахъ. Но самымъ важным
любопытнымъ временемъ является имен
начало колонизаціи и обрусѣнія финно
когда великорусская вѣтвь стала слагать
Разъяснить, какъ это совершилось, мож
только пристальное сравнительное изуче
нѣмыхъ памятниковъ старины, русскихъ
финскихъ,—названій живыхъ урочищъ, язы
областныхъ нарѣчій и этнографіи, а за
дѣло едва-едва у насъ только принимают
и то еще очень вяло. Сообразая скудн
письменныя извѣстія съ позднѣйшимъ д
женіемъ колонизаціи въ Россіи, видно, к
замѣтилъ проф. Соловьевъ, что разселеніе
правлялось, главнымъ образомъ, на восто
и происходило, повидимому, самыми разл
ными путями и способами. Съ одной стор
поселенія двигались изъ Новгорода, по
веру теперешней Великороссіи, къ Уралу;
другой, заселялись внутреннія наши губер
изъ Малороссіи. Какъ только завязались н
вые узлы или центры русскаго населенія
этихъ странахъ, тотчасъ же стали выход
отъ нихъ новые поселки въ различныхъ
правленіяхъ и самымъ различнымъ образо
Вольными дружинами заселялся, повидимо
преимущественно сѣверъ, изъ Новгоро
Весьма замѣчательно, что сѣверное насел
и до сихъ поръ удерживаетъ своеобраз
характеръ, напоминающій ихъ новгородс
происхожденіе; въ гражданскомъ и общест
номъ быту оно замѣтно выше, развит
Князья, съ своей стороны, тоже выводи
колоніи; впослѣдствіи, государственная ко
низація получила правильный ходъ и гром
ные размѣры. Въ края, заселенные инор
цами или подверженные вторженіямъ
чевниковъ, русское населеніе продвигал
подъ прикрытіемъ ряда крѣпостей, котор
отодвигались все дальше и дальше: въ д
гихъ мѣстахъ, какъ напр., въ Сибири въ XV
вѣкѣ, правительство заселяло край добров
ными поселенцами, которые привлекались т
разными льготами. При помощи такихъ
льготъ заводила новыя поселенія и церк

въ особенности монастыри. Могущественнымъ двигателемъ колонизаціи была также помѣстная система, особливо съ тѣхъ поръ, какъ стали даваться въ помѣстья незаселенныя земли (дикія поля); такимъ же двигателемъ явилось впослѣдствіи крѣпостное право, при помощи котораго, еще въ недавнее время, заселились Заволжская степь и Оренбургская губернія. Наконецъ, припомнимъ, что въ очень ранніе времена, люди, изъ самыхъ различныхъ побужденій, оставляли общество и основывали новыя поселенія, вдали отъ человѣческихъ обиталищъ. Съ одной стороны, благочестивые отшельники уходили въ пустыни и глушь лѣсовъ, чтобы безъ помѣхи предаваться молитвѣ и созерцательной жизни: такъ возникли пустыни, скиты, обители и монастыри, сдѣлавшіеся впослѣдствіи центрами болѣе или менѣе многочисленнаго населенія. Съ другой стороны, все тяготившееся тогдашнимъ общественнымъ строемъ, повинностями, службами и притѣсненіями, все искавшее простора и разгула, бѣжало въ степь и основало независимыя казацкія общества. Бѣглыми людьми и крѣпостными, еще не очень давно, заселялись Новороссія и Кавказъ.

Совокупными дѣйствіями всѣхъ этихъ видовъ, колонизація Россіи подвигалась быстро. Пустыри и степи обращались въ заселенныя мѣста. Когда нибудь, точныя изслѣдованія возстановятъ этотъ процессъ постепеннаго распространенія русскаго племени по огромной территоріи, и это, конечно, будетъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ страницъ русской внутренней исторіи.

Столько же интересна исторія постепеннаго поглощенія финскихъ племенъ русскимъ. Если не ошибаемся, покойный Сенковскій первый обратилъ вниманіе на этотъ знаменательный фактъ. Наблюденіе это такъ поразило его, что великоруссы представились ему чуть ли не славянскимъ прививкомъ на финскомъ корнѣ. Въ наше время Духинскій подхватилъ этотъ намекъ и обратилъ его въ орудіе цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой и исторической истиной. Для достиженія этихъ цѣлей, ему очень хочется доказать, что великоруссы не славяне, а монголы, туранцы. Г. Духинскій не заслуживаетъ чести опроверженія. Доказывать, что мы не по указу Петра или Екатерины называемся русскими, а были ими съ тѣхъ поръ, какъ себя помнимъ на великорусской почвѣ—значило бы унижать науку. Еслибъ даже фразистая замѣтка Сенковскаго была полной исторической истиной,—еслибъ великоруссы дѣйствительно были не что иное, какъ обрусѣвшіе финны, то и тогда ославянившійся инородческій элементъ, утративній свой языкъ и самое воспоминаніе о своей первоначальной народности, слѣдовало бы причислить къ славянамъ; теперешніе жители саксонскаго королевства и нѣмецкаго поморья считаются же нѣмцами, хотя они, въ значительной степени, — онѣмеченные славяне: жители теперешней Греціи считаются же греками, не смотря на то, что въ нихъ много славянской примѣси; жители Ломбардіи — итальянцами, хотя они, собственно говоря, смѣсь нѣмцевъ (лангобардовъ) съ туземными жителями. А мысль Сенковскаго, вдобавокъ, не есть историческая истина. Мы знаемъ несомнѣнно, что финскія племена обрусѣваютъ; но смѣшивались ли западно-русскіе переселенцы съ туземцами, или вытѣсняли ихъ и занимали ихъ мѣста,—этого мы не знаемъ. Если судить по позднѣйшему времени, то послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Приципщенники есть и теперь еще въ Башкиріи; многіе думаютъ, что еслибъ постепенное мирное вторженіе русскихъ въ Башкирію не было остановлено административными распоряженіями, то русскій элементъ значительно бы ослабилъ башкирскій въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній этого народа. Въ оренбургской губерніи много деревень съ чувашскими названіями, изъ которыхъ природные обитатели — чуваши — были совсѣмъ вытѣснены русскими приципщенниками, когда послѣдніе усилились въ числѣ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ права утверждать положительно, что великоруссы—смѣсь финновъ съ западно-русскими поселенцами. Вѣрно только, какъ сказано выше, что массы финновъ обрусѣли, и что обрусѣніе ихъ продолжается и до сихъ поръ. Тамбовская и пензенская губерніи — обрусѣвшая мордва: это обличаетъ наружный видъ тамошнихъ крестьянъ и географическія названія. Вотяки (старинная водь) въ вятской губерніи русѣютъ на нашихъ глазахъ; тоже замѣтно на петербургской губерніи, гдѣ, по словамъ окрестныхъ чухонцевъ, еще около пятидесятыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ чухонскихъ деревняхъ женщины и дѣти совсѣмъ не понимали по-русски, а теперь и понимаютъ и говорятъ. Любопытныя свѣдѣнія о постепенномъ обрусѣніи чухонцевъ петербургской губерніи собраны покойнымъ профессоромъ С. Кутор-

гой, во время его геологическихъ изслѣдованій здѣшней губерніи. Знакомые съ приволжскимъ краемъ (бывшей Низовской землей) сообщаютъ наблюденія, сходныя, въ главныхъ чертахъ, съ свѣдѣніями покойнаго Куторги; тамъ еще до сихъ поръ можно, не справляясь съ историческими свидѣтельствами, видѣть на мѣстахъ старинное распредѣленіе финскихъ племенъ и направленіе русской колонизаціи, можно отличить прежнее мѣстожительство двухъ вѣтвей мордовскаго племени—эрзы и мокши, съ ихъ столицами, Арзамасомъ и Моршанскомъ. Этнографическія изслѣдованія тверской губерніи, по всей вѣроятности, повели бы къ любопытнымъ результатамъ относительно стариннаго распредѣленія сѣверныхъ финскихъ племенъ. Къ сожалѣнію, мы пока очень равнодушны къ такого рода историческимъ вопросамъ, а между тѣмъ финскія племена неудержимо обрусѣваютъ, и слѣды стариннаго быта изглаживаются безвозвратно и безслѣдно. По тому, что происходитъ теперь у насъ подъ глазами, чрезвычайно трудно составить себѣ понятіе о томъ, что и какъ дѣлалось въ началѣ колонизаціи, въ губерніяхъ, теперь совершенно русскихъ — московской, владимірской, костромской, ярославской. Считать ли большинство жителей этихъ губерній обрусѣвшими финнами, или русскими поселенцами, преимущественно изъ Малороссіи,—вотъ вопросъ чрезвычайно важный, но который, можетъ быть, навсегда останется неразрѣшеннымъ, по недостатку данныхъ; тогда какъ одно лишь разъясненіе этого вопроса можетъ вести къ правильному разрѣшенію другого, несравненно важнѣйшаго вопроса: опредѣляются ли отличія великоруссовъ отъ западнорусскихъ племенъ другой обстановкой жизни на новой почвѣ, въ теченіе вѣковъ,—или же постепеннымъ смѣшеніемъ поселенцевъ съ финскими элементами. И то и другое предположеніе имѣетъ своихъ защитниковъ, но ни одно изъ нихъ не подкрѣплено пока серьезными и точными научными изслѣдованіями. Профессоръ С. Куторга указываетъ въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ географическому обществу, на много словъ, повидимому заимствованныхъ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ финскаго языка, такъ какъ они только въ финскомъ языкѣ объясняются этимологически. Приведенныя имъ слова относятся къ земледѣлію и домашнему быту, изъ чего можно предполагать, что, съ этой стороны, русское племя подчинялось вліянію финновъ и позаимствовало отъ нихъ понятія и привычки, которыхъ оно не имѣло, или которыя были, по крайней мѣрѣ, менѣе развиты и укоренены у нихъ, чѣмъ у финскихъ племенъ. Но такой важный и рѣшительный выводъ очевидно не можетъ быть принятъ въ науку и возведенъ въ исторически-достовѣрный фактъ на основаніи бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, собранныхъ въ одной губерніи. Только подробное изученіе великорусскаго нарѣчія сравнительно съ другими русскими и славянскими языками, и въ то же время съ финскими, можетъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ, около котораго, повторяемъ, сосредоточенъ весь интересъ древнѣйшей исторіи Великороссіи. Къ сожалѣнію, сколько мы знаемъ, на такого рода труды пока только указывается; никто, кажется, за нихъ еще не принимался, по крайней мѣрѣ они вовсе неизвѣстны.

Отъ этнографическихъ элементовъ обратимся теперь къ культурѣ великоруссовъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное, рѣшительное вліяніе имѣетъ на развитіе и историческія судьбы государства степень культуры, которую приносятъ съ собою переселенцы, образующіе въ новой странѣ господствующій элементъ. Живой примѣръ тому представляютъ древнія греческія колоніи, а въ настоящее время англійскія поселенія, раскинувшіяся почти по всему земному шару.

Спрашивается: какую степень культуры принесли съ собою въ Великороссію переселенцы изъ западной Россіи? Вопросъ этотъ тоже вовсе не изслѣдованъ, даже едва затронутъ. Почти ничего не подготовлено для его изслѣдованія, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что значительные научные предразсудки и предубѣжденія существенно мѣшаютъ и долго еще будутъ мѣшать правильному его поставленію, безъ чего успѣшная его разработка невозможна.

Одна изъ существенныхъ, коренныхъ ошибокъ, затемняющихъ дѣло, состоитъ, кажется, въ томъ, что, изслѣдуя древнѣйшій бытъ славянъ, мы безразлично сводимъ въ общіе результаты находимое у разныхъ славянскихъ народовъ; вслѣдствіе этого, въ нашемъ представленіи слагается одинъ общій типъ, одинъ общій уровень древнѣйшей славянской культуры, и этотъ-то типъ мы затѣмъ невольно и безсознательно одинаково

исываемъ всѣмъ славянскимъ народамъ,
шимъ, повидимому, на различной сту-
развитія. Этимъ мы лишаемъ себя воз-
ости ясно и отчетливо различать то,
ъ дѣйствительности могло быть весьма
ично.

лонизація Великороссіи изъ западной
и началась, какъ мы сказали, повиди-
, въ XI или въ XII вѣкѣ, слѣдова-
о, спустя какихъ нибудь полтора или
вѣка послѣ принятія христіанства при
имірѣ. Это великое событіе было дѣломъ
и меньшинства народа и шло, какъ
великія реформы у славянъ, сверху
; массы народа были погружены въ
ество; а исторія всѣхъ народовъ показы-
, какъ медленно народныя вѣрованія
киваются въ массахъ и какъ туго во-
лось въ нихъ христіанство, даже послѣ
какъ оно было признано за господ-
ющую вѣру. Цѣлые вѣка проходили,
христіанство проникало въ ежедневъ-
бытъ, внѣдрялось въ народные обычаи,
и убѣжденія. Мы знаемъ также изъ
іи, что церковь, для достиженія этого
ьтата, не только энергически боролась
ыческими представленіями, но мудро и
ожно щадила языческіе предразсудки,
оволь замѣняя ихъ христіанскими об-
и и цѣлымъ рядомъ такихъ благора-
ыхъ снисхожденій переводя мало-по-
языческія вѣрованія въ христіанскія,
наконецъ первыя вовсе не изглаживал-
и исчезали передъ новымъ ученіемъ
тинами. На встрѣчу этимъ усиліямъ
естественное стремленіе новообращен-
, — приспособить новое вѣроученіе къ
ъ укоренившимся представленіямъ, по-
и усвоить его себѣ въ формахъ из-
ыхъ и обычныхъ. Такимъ образомъ,
ескія представленія долго выражались
асти развивались подъ христіанскими
ами, пока наконецъ духъ христіанства
праздилъ языческое міросозерцаніе въ
ъ его основаніи.

пятораста или двухсотъ лѣтъ, прошед-
со времени крещенія Руси при Вла-
мѣ до вѣроятнаго начала колонизаціи
короссіи, было слишкомъ недостаточно,
совершеннаго перерожденія русскихъ
иковъ. Культура не могла не быть
все еще по преимуществу языческой.
кова могла быть степень этой куль-
При изслѣдованіи этого вопроса, уче-

ные, намъ кажется, впадаютъ тоже въ важ-
ную ошибку, которая едва ли не есть глав-
ная причина безуспѣшности и безрезультат-
ности всѣхъ поисковъ въ этой области, и
безъ того чрезвычайно запутанной и темной.
Чтобы дорыться до первоначальныхъ на-
шихъ языческихъ представленій и вѣрова-
ній, нужно проникнуть сквозь тѣ формы, въ
которыя они облеклись подъ вліяніемъ но-
выхъ вѣрованій. Уже это одно, само по себѣ,
чрезвычайно трудно, потому что, облекаясь
въ новыя формы, язычество значительно
измѣняется въ самомъ существѣ, о которомъ
мы имѣемъ лишь самыя отрывочныя истори-
ческія свидѣтельства. Посреди такой сбивчи-
вой и необыкновенно тонкой работы, во-
ображеніе невольно разыгрывается. Стертыя
и однообразныя черты, до которыхъ мы
доискались, насъ не удовлетворяютъ; мы
охотно приписываемъ скудость и блѣдность
того, что нашли, дѣйствію времени, силѣ
разрушающихъ вліяній, и дополняемъ не-
достающее по нашему мнѣнію — цвѣтами
нашей собственной фантазіи, воображаемъ,
что за тѣмъ, что до насъ дошло, скрывается
цѣлая развитая, полная система языческой
миѳологіи и міросозерцанія, которыя вне-
слѣдствіи утратились. Гриммъ открывалъ, по
болѣе развитымъ и опредѣлившимся остат-
камъ скандинавской миѳологіи, слѣды исчез-
нувшихъ такихъ же вѣрованій у остальныхъ
германскихъ народовъ. Быть можетъ, этотъ
методъ не вполнѣ вѣренъ и въ примѣненіи
къ германской миѳологіи; въ скандинавской
миѳологіи могли полнѣе и отчетливѣе раз-
виться, при благопріятныхъ обстоятельст-
вахъ, зародыши миѳологіи, которые у про-
чихъ германскихъ народовъ, при другихъ
условіяхъ, не успѣли опредѣлиться и до-
шли до насъ въ этомъ начальномъ своемъ
видѣ. Мы обращаемся съ данными славян-
ской миѳологіи гораздо произвольнѣе и дурно
подражаемъ Гримму. Смѣшивая миѳологиче-
скія данныя, собранныя у разныхъ славян-
скихъ народовъ, мы едва замѣчаемъ, что,
судя по нѣкоторымъ указаніямъ, русскій
Олимпъ едва началъ слагаться около вре-
менъ Владиміра, и вѣроятно потому не
удержался въ народной памяти. Въ запад-
ной Россіи припоминается еще Перунъ въ
названіяхъ урочищъ и въ нѣкоторыхъ вы-
раженіяхъ; у бѣлоруссовъ сохранилось вос-
поминаніе о Волосѣ или Велесѣ, передѣлан-
номъ въ Власія, какъ Святовидъ у сѣвер-

ныхъ славянъ преобразился въ святого Вита. Прочіе боги, которымъ, по лѣтописи, поклонялись въ западной Руси, не удержались въ народной памяти и занесены, кажется, отъ другихъ, славянскихъ и даже неславянскихъ народовъ. Вѣроятно поэтому они и исчезли безъ слѣда. Перунъ былъ богъ грома и молніи, Волосъ—богъ скота. Вотъ все, что мы объ нихъ знаемъ. Бѣднѣе миѳологію трудно себѣ представить. Намъ скажутъ: это потому, что памятники недостаточны, что христіанство тщательно истребляло слѣды язычества. Но въ западной Европѣ языческія воспоминанія удержались же въ народѣ, несмотря ни на что; у насъ литовцы и мордва до сихъ поръ сохранили, съ гораздо большей ясностью и опредѣленностью, древнія миѳологическія представленія, чѣмъ русскія племена. Сравнительно позднее водвореніе между этими народами христіанства не опровергаетъ этого вывода: успѣли же сохраниться въ народной памяти западнорусскихъ племенъ Перунъ и Волосъ; если остальные языческіе боги исчезли, то это ничему другому приписать нельзя, какъ тому, что они либо только начали слагаться въ то время, когда были застигнуты христіанствомъ, либо заимствованы отъ другихъ народовъ не задолго до крещенія Руси при Владимірѣ.

Очень замѣчательно, что великорусы не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о Перунѣ; есть только слѣды Волоса. Всѣ мѣстныя названія, всѣ обороты рѣчи, въ которыхъ поминается о Перунѣ, встрѣчаются теперь исключительно только у малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Это подтверждаетъ, что колонизація Великороссіи началась уже послѣ принятія христіанства, когда воспоминаніе о языческихъ богахъ стало слабѣть. Волосъ удержался, можетъ быть, единственно потому, что былъ пріуроченъ къ православному календарю.

Миѳологическія божества являются у язычниковъ какъ плодъ уже извѣстнаго развитія. Характеръ божествъ, значеніе ихъ, большая или меньшая опредѣленность ихъ формы въ народныхъ понятіяхъ, даютъ мѣрило степени этого развитія. Суди по такимъ признакамъ, мы можемъ безошибочно заключить, что у русскихъ славянъ развитіе въ эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени.

Впрочемъ, миѳологія еще не вполнѣ исчерпываетъ языческое міросозерцаніе. опредѣленность ея формъ доказываетъ тол что оно не успѣло сложиться въ ученіе перешло въ сознаніе. Замѣтимъ также, богатая миѳологія предполагаетъ, между чимъ, большую силу и живость фант которою одарены не всѣ народы, по к ней мѣрѣ не всѣ въ равной степени. Осо ная осторожность необходима въ выво и заключеніяхъ, когда рѣчь идетъ о сл нахъ—племени, котораго развитіе, по в видимостямъ, еще впереди, и призваніе исторіи еще не обозначилось. Поэтому, дѣлая никакихъ окончательныхъ закл ній о томъ, почему слабые, едва намѣ ные зачатки западно-русской миѳологіи всѣмъ исчезаютъ на великорусской по постараемся опредѣлить міросозерцаніе к коруссовъ въ ту отдаленную эпоху, к эта отрасль русскаго племени начала скл ваться.

Было время, когда этотъ вопросъ интересовалъ насъ. Обильные матеріалы его изученія представляютъ бытовые родные памятники,—пѣсни, сказки, обр праздники, повѣрья, примѣты и проч. ни мало разработанъ этотъ матеріалъ общія и главныя черты древнѣйшаго созерцанія великоруссовъ выступаютъ него очень ясно и выпукло. Насъ по поражалъ первобытный, непосредстве реализмъ, которымъ дышатъ эти ост старины. Иносказаніе, символизмъ игр въ нихъ самую незамѣтную роль; антр морфизмъ является въ очень слабыхъ, ничныхъ намекахъ и формахъ; перво ные, грубые факты, которые можно пре лагать въ основаніи роскошно развив греческой миѳологіи и даже въ основѣ нѣе блестящей и поэтической миѳол германской, у великоруссовъ являются всей своей первоначальной непосредст ности. Мы думаемъ, что, въ этомъ смыслѣ слѣдованіе великорусскихъ языческихъ ставленій было бы необходимымъ и луч веденіемъ къ греческой и германской м логіи, какъ картина міросозерцанія, ко и у грековъ и нѣмцевъ предшество миѳологическому періоду, но впослѣд было ими, мало-по-малу, забыто и сохр лось только въ немногихъ, слабыхъ, понятныхъ намекахъ ихъ миѳологій. Кл къ этому первобытному міросозерцанію жить въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ

здникахъ, пріуроченныхъ къ днямъ и менамъ года. Разсматривая ихъ, мы най-ь, что въ основаніи ихъ лежитъ первоное, непосредственное поклоненіе предмъ, явленіямъ и силамъ природы, при ихъ слабыхъ зачаткахъ олицетворенія, уживщихъ у другихъ народовъ исходточкой для дальнѣйшаго миѳологичео развитія. На этой ступени культуры, овѣкъ подчиняется силамъ и явленіямъ роды вполнѣ, безусловно, безгранично. дый шагъ, каждое движеніе его, дома нѣ дома, обставлены обрядами, точное юденіе которыхъ предохраняетъ отъ зла апастей; никакое дѣйствіе, даже самое ачительное, не можетъ быть предприз безъ соблюденія такого предохранинаго и спасительнаго обряда. Вся жизнь, колыбели до гробовой доски, совертся, такимъ образомъ, посреди непреыхъ обрядностей и ритуаловъ, и своой иниціативѣ человѣка не оставлено малѣйшаго простора. Къ этому главному, вному элементу древнѣйшаго языческаго созерцанія великоруссовъ, присоединяетоклоненіе умершимъ, которое переплеся съ поклоненіемъ силамъ и явлеъ природы, поставлено въ зависимость него и пріурочено ко временамъ года. ьзя однако не замѣтить, что древнѣйпоклоненіе предкамъ далеко неясно; вычайно трудно различить въ дошедъ до насъ фактахъ первоначальную осотъ позднѣйшихъ западно-русскихъ и ще славянскихъ вліяній, а также оттіанскихъ представленій.

ародные бытовые памятники западнокаго населенія далеко не имѣютъ такого обытнаго, непосредственно-реальнаго хаера. Въ нихъ фантазія играетъ гораздо шую роль. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ довыхъ пѣсняхъ встрѣчаются поэтиче олицетворенія силъ и явленій природы, роченныя къ именамъ святыхъ. Вообще, ападно-русскаго народа отношеніе къ юдѣ болѣе поэтическое и болѣе свобод нѣтъ того поглощенія человѣка обря, какъ у великоруссовъ. Послѣдніе ограотъ себя имъ на каждомъ шагу отъ злоныхъ вліяній и силъ; у малороссовъ и руссовъ обрядъ и ритуалъ не имѣютъ заклинательнаго значенія чаръ; они учились въ преданіе и поэтическое дѣй, не лишенное изящной торжественности, украшающей важныя минуты и событія жизни, возвышающей ихъ надъ прозаическимъ теченіемъ ежедневности.

Откуда взялось это поразительное различіе, которое теперь, мало-по-малу, сглаживается, но еще лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ бросалось въ глаза? Произошло ли оно вслѣдствіе вліянія финской примѣси, или вслѣдствіе внѣшнихъ условій и обстановки западно-русскихъ колоній въ новой родинѣ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ пролило бы яркій свѣтъ на начало и процессъ образованія великорусской вѣтви. Замѣчательно, что въ бывшихъ новгородскихъ колоніяхъ обрядовая сторона народной жизни имѣетъ, кажется, болѣе свѣтлый и поэтическій характеръ; но въ то же время, нельзя сказать, чтобъ у однихъ завѣдомо обрусѣвшихъ финновъ замѣчался тотъ характеръ обрядности, который мы выше приписали великоруссамъ. При теперешнемъ состояніи русской этнографіи, вопросъ такой существенной важности не разрѣшимъ, и для разныхъ предположеній открывается широкое поле. Одно только можно, кажется, вывести съ нѣкоторою вѣроятностью: выселенцы въ Великороссію изъ западной Руси,—смѣшались ли они съ туземцами-финнами или нѣтъ,—переродились въ новой родинѣ. Характеръ ихъ міросозерцанія, ихъ обрядовъ и повѣрій указываетъ на какой-то перерывъ во внутренней жизни русскаго племени, который можно объяснять и чуждой примѣсью, и суровой, не гостепріимной страной, въ которой они поселились. Такого перерыва не было у западно-руссовъ, оставшихся на старыхъ мѣстахъ, продолжавшихъ развиваться на томъ же корню, подъ болѣе благопріятными географическими и климатическими условіями.

Отсутствію культуры въ міросозерцаніи древнѣйшихъ великоруссовъ отвѣчало отсутствіе ея въ ихъ соціальномъ быту. Прямыми источниками для его изученія служатъ опять народные праздники, обычаи, нравы, послов ицы; вспомогательнымъ—вся наша исторія до Петра. Ни въ чемъ, можетъ быть, привычка наша перемѣшивать разные обычаи и нравы и выводить изъ этого пестраго матеріала общіе выводы не оказала намъ такой плохой услуги, какъ въ пониманіи русской исторіи. Наклонность и способность славянскаго племени, въ томъ числѣ и русскихъ, къ общинной и артельной жизни, не подле-

житъ сомнѣнію. Въ минуты великихъ общественныхъ бѣдствій и радостей, при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ и событіяхъ, эта сторона славянскаго характера всегда выступаетъ у насъ на первый планъ весьма ярко. Другое дѣло—ежедневная, будничная жизнь. Основная черта народнаго характера будетъ стремиться выразиться и въ ней; но въ какой степени она проникнетъ собою подробности частнаго и общественнаго обыденнаго быта и въ какихъ именно формахъ выразится, — это уже зависитъ отъ историческаго возраста народа, отъ условій его развитія, отъ тысячи разныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена народная жизнь. Обстоятельства могутъ задержать, подавить, исказить народный характеръ, и наоборотъ, могутъ способствовать его правильному раскрытію. Какъ въ жизни частнаго человѣка, такъ и въ жизни народа, могутъ выдаваться цѣлыя эпохи, когда основной фондъ его характера какъ будто совсѣмъ исчезаетъ, а на самомъ дѣлѣ только дремлетъ и впослѣдствіи снова выступаетъ наружу. Потому-то большая ошибка—задаваться какимъ-нибудь, хотя бы неоспоримымъ, несомнѣннымъ народнымъ свойствомъ и дѣлать изъ этого посылку, что оно непремѣнно выражалось въ каждую эпоху жизни народа, даже когда нѣтъ на это никакихъ историческихъ указаній, или когда данныя противорѣчатъ такому выводу; большая ошибка — смѣшивать быть разныхъ вѣтвей одного и того же народа, и извѣстныя черты, встрѣчаемыя у одной изъ нихъ, переносить на другія.

Въ жизни западной Россіи, уже въ отдаленную эпоху, замѣтно большое движеніе; есть городскія общины, есть какіе-то зачатки феодальныхъ отношеній, есть намеки на аристократическіе элементы. Очень рано появляется дѣлежъ наслѣдства—признакъ развитія начала личности. Такимъ образомъ, въ западно-русскомъ населеніи, общественный бытъ и отношенія представляютъ, въ началѣ исторіи, нѣкоторое разнообразіе и сложность. Слѣды этого сохранились до сихъ поръ въ тамошней семьѣ и общинѣ, особливо въ Малороссіи, чему, конечно, значительно способствовала и послѣдующая исторія.

Совсѣмъ другое находимъ въ Великороссіи. Съ тѣхъ поръ, что здѣсь образовалась особая вѣтвь русскаго племени, ни котораго изъ названныхъ выше общественныхъ элементовъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Въ основѣ всѣхъ частныхъ и общественныхъ о
шеній лежитъ одинъ прототипъ, изъ к
раго все выводится, — именно, дворъ,
домъ, съ домоначальникомъ во главѣ,
подчиненными его полной власти чада
домочадцами. Это, если можно такъ в
зиться, древнѣйшая, первобытная и прос
шая ячейка осѣдлаго общежитія. Этот
чальный общественный типъ играетъ
шую или меньшую роль во всѣхъ мало
витыхъ обществахъ; но нигдѣ онъ не
чилъ такого преобладающаго значенія, к
не удержался въ такой степени на пер
планѣ во всѣхъ соціальныхъ, частны
публичныхъ отношеніяхъ, какъ у ве
руссовъ. Въ крестьянскомъ быту онъ,
въ очень недавнее время, живо сохра
въ первоначальномъ видѣ, когда общес
государство уже приняли другія форм
говоря о внутреннемъ устройствѣ крес
ской семьи и семейныхъ отношеній, лич
и по имуществу, припомнимъ значеніе
въ народныхъ повѣрьяхъ; безчисленное
жество примѣтъ, относящихся къ избѣ,
угольямъ; особенные, полу-языческіе обр
сопровождающіе основаніе новой усад
переходъ въ новую избу, причемъ гор
уголья играютъ такую важную роль.

Такимъ образомъ, зачатки великорусс
элемента, лежащаго въ основаніи Мо
скаго государства и Россійской Им
были, повидимому, вотъ какіе: въ XI
XII вѣкѣ, переселенцы двинулись, раз
нутями, изъ западной Россіи, на вос
въ финскія земли. Они не принесли с
бой никакой культуры, ни умственной
гражданской. Въ новой родинѣ, печал
и суровой, они не нашли ни образован
народовъ, ни даже остатковъ прежде
шей культуры. Туземцы, финскія плем
разбросанные на огромномъ простра
нынѣшней Великороссіи, подпали посте
но подъ власть и вліяніе переселенцев
можетъ быть, смѣшались съ ними, всего
роятнѣе стали постепенно обрусѣвать,
кимъ образомъ внесли новую кровь, н
элементы въ русское начало, принесе
колонистами съ запада. Подъ вліяніемъ
вой почвы, новой обстановки и притока
ской крови, сложилась постепенно н
вѣтвь русскаго племени. По мѣрѣ того, к
она вырабатывалась и получала свою ос
физіономію, подготовлялись элементы
новой государственной формаціи, рѣзко

авшейся, подобно своей основѣ, отъ всего, аннаго дотолѣ. На характерѣ великорус- отразилась исторія ихъ происхожденія постепеннаго образованія; а характеръ ъ, въ свою очередь, опредѣлилъ осо- ности гражданскаго и государственнаго я, который образовался у этого удиви- наго народа. Переселенецъ сталъ на й почвѣ колонизаторомъ, и распростра- ся постепенно по громадной территоріи. вѣковыхъ трудахъ разселенія образова- та подвижность, то умѣніе найтись въ ныхъ обстоятельствахъ, тотъ практиче- тактъ въ сношеніяхъ съ инородцами, рыми такъ отличается великороссіянинъ дъ своими соплеменниками. Преобладa- ъ, въ новомъ отечествѣ, надъ всѣми ими племенами объясняется то чувство осходства надъ инородцами, которое ве- руссы глубоко носятъ въ своей душѣ, и не всегда выказываютъ. Не принеся собою изъ родины никакой культуры и найдя ея на новой почвѣ, переселенецъ, реди тяжкихъ условій, въ которыя былъ авленъ въ не-гостепріимномъ климатѣ и дикой странѣ, долгое время осужденъ ь оставаться при грубыхъ умственныхъ оціальныхъ зачаткахъ первобытнаго че- ка. Трудная, упорная борьба съ приро- мачихой, поглощая всѣ силы, не остав- ему досуга для высшихъ помысловъ, ила, рядомъ съ суевѣрнымъ фатализ- ь, признакомъ гнетущей внѣшней обста- и, какой-то грубый реализмъ и надолго ышала образоваться въ немъ той идеаль- сдержкѣ, которая даетъ человѣку точку ы противъ окружающаго, противъ из- чивости обстоятельствъ и случайностей, бы влагаетъ въ него центръ тяжести, ерживающій равновѣсіе посреди бурь йскаго моря и въ то же время служа- складалищемъ опытности и воспомина- накопленнаго жизнью умственнаго за- . Не безъ основанія ставятъ великорус- въ упрекъ большую плутоватость, от- гвіе предусмотрительности, жизнь со дня день; замѣчаютъ съ изумленіемъ, что у народа какъ будто нѣтъ исторической ти, что величайшія событія и эпохи исторіи какъ будто пронеслись надъ его вой незамѣтно, не оставя почти ника- слѣдовъ въ народныхъ воспоминаніяхъ. ни различны между собою всѣ эти ы, но онѣ сводятся къ тому же перво- бытному, непосредственному реализму, котораго источникъ скрывается не въ прирожденныхъ свойствахъ великороссовъ, а въ полномъ отсутствіи культуры русскихъ массъ, выселившихся первоначально изъ западной Россіи, въ совершенномъ отсутствіи культуры на почвѣ, на которую они пришли, и въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя они были здѣсь поставлены, въ томъ трудѣ, на который были здѣсь обречены въ теченіе столѣтій.

Для полноты этой характеристики великорусскаго элемента необходимо коснуться еще двухъ его особенностей, которыя объясняются сказаннымъ выше и безъ него остаются совершенно непонятными.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Несмотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени, названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и надолго замѣнило сознаніе народности. Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и то же: православный, хотя бы и не-русскій по происхожденію, все-таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ, заступала мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи; въ западной Россіи оно получило его впослѣдствіи, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя такимъ образомъ оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени, однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія. Въ XVII вѣкѣ, малороссіяне укоряли москалей за чрезмѣрный формализмъ въ дѣлахъ вѣры, за то, что внѣшняя сторона поставлена у нихъ на первомъ планѣ и производитъ непримиримыя вражды и пагубные раздоры между братьями и христіанами. Не разъ слышались, послѣ того, съ разныхъ сторонъ, подобные же укоры, но уже православной вѣрѣ, свидѣтельствующіе о полномъ непониманіи дѣла. Обобщая упреки и относя ихъ къ

исповѣданію, теряютъ изъ виду народъ. Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, приноровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полу-языческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы естественно гораздо позднѣе стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья, въ первоначальной родинѣ. Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, прямо называетъ насъ язычниками. Весьма знаменательно, что туземныя ереси и расколы появляются въ Великороссіи не прежде XVII вѣка, и еще въ XVIII вѣкѣ вращаются около однихъ внѣшнихъ, обрядовыхъ и богослужебныхъ предметовъ, глубоко погружены въ церковный формализмъ. Предшествовавшія имъ ереси и секты частью занесены къ намъ, повидимому, изъ Византіи, частью, кажется, съ запада, или,—что, можетъ быть, вѣроятнѣе,—образовались въ областяхъ (преимущественно въ Псковѣ), принадлежащихъ, по своему происхожденію и степени культуры, къ западнорусскимъ группамъ. Въ западной Россіи, развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ. Въ Великороссіи, православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остального образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самом же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отс ли въ культурѣ отъ Европы потому, жизнь Великороссіи началась съ азбуки, самой первой ступени осѣдлаго быта, ед ли ранѣе XII вѣка, при самыхъ небла пріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда л находился другой народъ. Не православ заражено формализмомъ, а мы воспри его преимущественно съ формальной, вн ней, обрядовой стороны, потому что, по пени развитія, были неспособны поднят до внутренняго, духовнаго содержанія стіанства. И при всемъ томъ, православ оказало Россіи неисчислимыя услуги. Бл даря ему, мы сохранили сознаніе націон наго единства и не сдѣлались добычей гихъ христіанскихъ народовъ, опередивш насъ въ образованности. Православіе возможность, въ тиши и уединеніи, житься и окрѣпнуть славянскому зарод заброшенному въ дебри и пустыни, на свѣта; оно хранило его и оберегало, до поръ, пока изъ этого слабаго зачатка зовалось могучее политическое тѣло, к рому не страшны стали внѣшнія борь бури. Будь мы съ самаго начала коло ціи римскими католиками, или сдѣлайся вскорѣ послѣ водворенія на новой по мы были бы роковымъ образомъ втян въ кругъ западно-европейскаго развитія торое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ствовало разлагающимъ образомъ на всѣ вянскія племена, которыхъ коснулось. слѣдняго термина этой посылки мы не емъ: онъ еще впереди. Не можетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что славя племена не могутъ развиваться, не усво себѣ плодовъ высшей, европейской ку ры; но вопросъ вовсе не въ этомъ, томъ, когда, на какой ступени развитія могутъ принимать въ себя европейскій ментъ, не теряя своей политической и родной самостоятельности; на это ист отвѣчаетъ очень категорически, примѣр Россіи и прочихъ славянскихъ государ и народовъ.

Другое характеристическое явленіе ской жизни, получившее свой особый о нокъ въ Великороссіи, есть склонность молодечеству, къ разгулу, къ безгранич свободѣ,—удаль, не знающая ни цѣли, предѣла. Профессоръ Соловьевъ очень м и вѣрно указалъ на огромную роль, к

ота черта играетъ въ нашей исторіи. оздала казачество; она наводнила стра- збойничьими шайками; она производила ные взрывы, потрясавшіе государство, ступаетъ во всѣхъ нашихъ внутрен- смутахъ. Черту эту нельзя объяснить министративнымъ гнетомъ, ни склон- о къ переходамъ и бродячей жизни, стыми разореніями, отучавшими на- отъ осѣдлости, ни крѣпостнымъ пра- всѣ эти обстоятельства, конечно, вы- и наружу указанную черту характера, ъ быть, усиливали ее, но намъ не няютъ, почему она въ насъ есть, по- принимаетъ у насъ такія невиданныя ывалыя формы. Одинъ изъ ея элемен- безспорно, — большія силы, ищущія ора и дѣятельности и не находившія въ ежедневной житейской обстановкѣ. акія же громадныя силы чувствуются и веро-американцѣ. Отчего же онѣ про- ятся у него иначе, — въ гражданской льности, трудѣ, промышленной пред- чивости? Поэтому-то мы и думаемъ, олженъ быть еще другой элементъ, ко- ъ эта черта нашего характера вполнѣ няется. Разгадки опять-таки должно ь въ отсутствіи культуры, къ чему мы естанно должны возвращаться, объя- многія особенности нашей исторіи и Молодечество, безграничная удаль, лъ, стремленіе къ безграничной свобо- оторая манитъ человѣка изъ гражданской обстановки въ поля и лѣса, на при- , есть лишь оборотная сторона той ней обрядности, того предохранитель- и спасительнаго ритуала, которымъ че- ъ безъ культуры обставляетъ каждый шагъ, изъ боязни, чтобъ ему не при- лось какой бѣды. Имъ не руководитъ енное сознаніе, полагающее границы льности и указывающее способы какъ вовать; его извнѣ какъ бы опутываетъ ъ и обычай, которому онъ подчиняется , по привычкѣ, или изъ боязни его пить. Натура не особенно сильная сдер- ется этой внѣшней уздой: но сила съ не уживается; она разрываетъ гнетущія нѣшнія оковы и, не умѣряемая вну- нимъ содержаніемъ, истощается въ без- чномъ и безпредметномъ разгулѣ. Глу- проходитъ эта черта чрезъ всю русскую ь; безпрестанно отзывается она въ ней. шайте разсказы о томъ, какъ кутитъ наемный рекрутъ-охотникъ до окончательнаго поступленія на службу! Кто не знаетъ и не видитъ своими глазами, какъ человѣкъ, долго жившій порядочно и честно, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сбивается съ толку и дѣлается никуда негоднымъ. Сколько у насъ людей, проведя жизнь, чуть-чуть не до старости, за какимъ нибудь дѣломъ, вдругъ, безъ всякой причины, бросаютъ его и начинаютъ фантазировать, въ ущербъ своей дѣятельности и матеріальному положенію. Сколько можно привести другихъ подобныхъ примѣровъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ нашего общества и самыхъ разнородныхъ положеній и профессій! Струна казачества въ насъ еще не совсѣмъ заглохла и все еще звучитъ, отъ времени до времени. Въ образованныхъ слояхъ нашего общества, внѣшній формализмъ съ одной стороны, удаль и разгулъ — съ другой, переносятся въ сферу мысли и духовной дѣятельности. Нравственная пустота, сила безъ внутренняго центра тяжести, — вотъ элементы нашего умственнаго казачества. Такъ долго переживаются первобытныя черты, такъ трудно пополняется пробѣлъ духовной, внутренней стороны, закѣщанный отдаленными вѣками.

II.

Указываютъ, какъ на особенность и странность русской исторіи, что въ XI и даже въ XII вѣкѣ мы стояли, по образованію, выше современныхъ европейскихъ народовъ; но съ тѣхъ поръ, они развивались далѣе, а у насъ культура почему-то начала падать. Причины этого явленія приписываютъ нашествію монголовъ и татарскому игу. Но значеніе ига сильно преувеличивается. Другіе иронически замѣчаютъ, что не будь у насъ татарскаго владычества, не было бы и московскаго государства. Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо? Было ли татарское иго для насъ зломъ, или благомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что татарское владычество было горестнымъ, тяжелымъ и несчастнымъ эпизодомъ русской исторіи; оно насъ разорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитіе, легло тяжкимъ бременемъ на наши плечи; но напрасно станемъ мы отыскивать слѣдовъ органическаго вліянія дикихъ кочевниковъ на нашу жизнь. Нѣсколько словъ, позаимствованныхъ русскими у татаръ, также

мало доказываютъ такое вліяніе, какъ турецкія слова, вошедшія въ сербское нарѣчіе,—вліяніе на сербовъ турецкаго элемента. Учрежденій у татаръ мы никакихъ не заимствовали, да и трудно было ихъ заимствовать у побѣдителей и господъ, которые правили нами издалека. Словомъ, намъ неизвѣстно ни одного явленія русской жизни, которое бы мы вынуждены были приписать органическому вліянію на нее татарщины, и не объяснялось бы собственнымъ, внутреннимъ развитіемъ западно-русскихъ поселенцевъ на новой почвѣ. Что московское государство сложилось, благодаря татарамъ,—объ этомъ смѣшно и говорить. Стремленіе къ объединенію Великороссіи появилось очень скоро послѣ начала колонизаціи и безпрестанно проявлялось, подъ самыми различными формами; московскіе князья только воспользовались татарскимъ игомъ, для достиженія той же цѣли, которую имѣли и другіе князья, ихъ предки и современники; а между умѣніемъ воспользоваться обстоятельствами, умѣніемъ, при ихъ помощи, провести планъ, и фактами или условіями, опредѣляющими развитіе исторической жизни, есть огромная разница, которою можно пренебречь остроумія ради, но которую нельзя оставить безъ вниманія, при серьезномъ разрѣшеніи историческаго вопроса.

Причина кажущагося попятнаго движенія нашей культуры лежитъ не въ татарскомъ игѣ, а гораздо глубже. Чтобы выяснить ее, необходимо хорошенько условиться въ томъ, о чемъ мы хотимъ говорить. Въ Малороссіи, въ сѣверо-западной Россіи, культура нисколько не понизилась. Въ первой, вѣчевое и дружинное начала продолжали развиваться по прежнему; создалась сильная аристократія, съ которой боролись князья. Южно-русскія лѣтописи исполнены высокаго драматическаго интереса, указывающаго на дѣятельную, умственную и нравственную жизнь тамошняго населенія. Такою же полною жизнью продолжала жить и сѣверо-западная Россія, къ которой принадлежала не одна Бѣлоруссія, т.-е. кривичи, но и славяне—новгородцы и псковитяне, признаваемые и Шафарикомъ за особую группу. Здѣсь развилась преимущественно муниципальная жизнь, промышленная и торговая дѣятельность, и муниципіи этого края продолжали сильно и быстро развиваться; никакого упадка культуры незамѣтно; напротивъ, видно постепенное ея усиленіе. Быстрое обрусѣніе товцевъ, покорившихъ западную Россію, говоритъ въ пользу тамошней культуры. конецъ, живой интересъ къ вопросамъ и церкви, религіозныя борьбы, въ ос ности съ римскимъ католичествомъ, вы шія большое умственное движеніе, созда школы и цѣлую духовную литературу, н казываютъ упадка культуры, а напрот подтверждаютъ, что она пустила здѣсь ко

И такъ, говорить объ упадкѣ образо ности можно только, имѣя въ виду Великороссію. Но будетъ ли точно это раженіе? Основываясь на томъ, что ска выше, мы думаемъ, что нѣтъ; что куль здѣсь вовсе не было, и потому упасть не могла. Насъ вводитъ въ заблуждені простое обстоятельство, что, въ самомъ чалѣ колонизаціи Великороссіи съ зап переселенцы принесли съ собою живыя поминанія о родинѣ; въ княжескомъ ро высшихъ слояхъ населенія, сначала, под живались съ нею связи; очень возмо что новыя выселенія освѣжали эти вос нанія, точно такъ же, какъ и частыя пер щенія князей и дружинниковъ изъ запа Россіи въ восточную, и обратно. Такимъ зомъ, сначала происходилъ естественный мѣнъ между западной и восточной Россіей и поддерживало, нѣкоторое время, запа русскій строй жизни на новой почвѣ. Отто мы сперва не видимъ рѣзкаго перехода западной Россіи къ восточной; въ послѣд сначала какъ будто происходитъ то же са что въ первой; видны тѣ же интересы, т учрежденія, тѣ же дружины и города съ вѣчами, та же оживленная жизнь. Но к связи между обѣими половинами русс міра, по немногу, ослабѣваютъ и пре щаются, жизнь Великороссіи, не обновля болѣе новыми переселенцами и выход изъ западной Россіи, перестаетъ искусств поддерживаться на одинаковой высотѣ съ слѣдней и приходитъ, мало-по-малу, въ е ственный уровень съ тѣми элементами, торые сложились на мѣстѣ. Съ тѣмъ имѣ оживленное движеніе, характеристическіе разы, поэтическія черты, свидѣтельствую о томъ, что довольно развитая индивидуа ность лежитъ въ основѣ общественности, м по-малу блѣднѣютъ и замираютъ. Лѣто становятся сухи и прозрачны, превращаю въ календарь событій; личность дѣятелей с рается за голыми фактами, точно будт

ился пульсъ общественной жизни. Дру-
конечно, и не могло быть, когда первo-
ьные элементы жизни Великороссіи, ко-
е мы характеризовали выше, мало-по-
начали вступать въ свои права. Гру-
ій, первобытный реализмъ слагающагося
да, при полномъ отсутствіи благопріят-
щихъ культурныхъ условій, постепенно
выдвигаться изъ-подъ временнаго на-
а западно-русской жизни. Слѣдовательно,
ый упадокъ культуры состоялъ только въ
что дѣйствительная основа жизни Ве-
россіи стала проступать наружу, изъ-подъ
ичиваго, наноснаго, чуждаго покрова.
высокой степени любопытно и поучи-
ю прослѣдить въ исторіи Великороссіи
пенное развитіе тѣхъ зачатковъ, на ко-
е мы указали выше. Одинъ и тотъ же
ріалъ, — русское племя, — поставленный
ю въ разныя условія, даетъ на западѣ
стокѣ Россіи совершенно различные
льтаты, вырабатывается въ различныя
ы, подъ которыми лишь съ трудомъ
ю разглядѣть общее всѣмъ имъ основа-
Интересъ такого изслѣдованія перестаетъ
мѣстнымъ, русскимъ, и становится все-
о-историческимъ, когда вспомнимъ, что
реннимъ ходомъ великорусской жизни
авленъ и разрѣшенъ вопросъ государ-
наго существованія, а слѣдовательно,
тической независимости и самобытности
инскаго элемента. Исторія показываетъ,
ля этого недостаточно было одного ума,
ой доблести, талантовъ, въ которыхъ ни-
а не было недостатка у славянъ: нуженъ
цѣлый строй жизни, который выдер-
бы въ суровой дисциплинѣ мягкій,
ывчатый, впечатлительный, женствен-
славянскій элементъ, до эпохи его исто-
ской возмужалости. Въ Великороссіи онъ
шился отъ остального образованнаго міра
іяній высшей культуры, и долженъ былъ
въ себѣ искать условій государственной
и, соотвѣтствовавшихъ его историче-
у возрасту. Онъ и нашелъ ихъ. Изъ своей
пенной, своеобразной и тяжелой жизни
вынесъ то, чего прочіе славянскіе на-
напрасно искали другими путями.
стараемся теперь показать, въ общихъ
ахъ, какое вліяніе имѣлъ обрисованный
е характеръ зачатковъ великорусской
и на все наше послѣдующее развитіе.
турныя условія этихъ зачатковъ отзы-
ся, какъ основный тонъ, въ цѣломъ ходѣ
нашего образованія и гражданскаго быта,
даже до настоящаго времени.

Мы сказали выше, что православіе замѣ-
нило намъ вначалѣ сознаніе народности. От-
сюда тогдашній государственный и полити-
ческій характеръ нашей церкви. Сперва одна
она и представляла наше народное единство;
церковное единеніе задолго предшествовало
государственному, и въ теченіе столѣтій под-
готовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ
Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву,
были столько же государственными, сколько
церковными событіями, даже болѣе государ-
ственными, чѣмъ церковными. Алексѣй ми-
трополитъ навлекаетъ на себя сѣтованія пат-
ріарха за то, что держитъ сторону москов-
скаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными.
Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ
противъ татаръ, благословляетъ на подвигъ
Дмитрія Донского, склоняетъ колеблющагося
Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политиче-
скихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу нарож-
дающагося государства, церковь играетъ пер-
вую роль; она его вскормила, выходила и
передала на руки свѣтской государственной
власти, когда процессъ образованія полити-
ческаго тѣла уже совершился. Не понимая
этого высокаго призванія въ судьбахъ Ве-
ликороссіи,—призванія, опредѣлявшагося со-
ставными стихіями послѣдней, — нельзя по-
нять характера нашей церкви въ древнѣй-
шую эпоху великорусской исторіи.

Также значительна была и образователь-
ная роль церкви. Если мы ее недостаточно
цѣнимъ, то единственно потому, что не бе-
ремъ въ разсчетъ среды, на которую ей при-
ходилось дѣйствовать. Изукрашая старинный
нашъ бытъ вымыслами или просто не думая
объ немъ вовсе, мы бы хотѣли видѣть въ
тогдашней дѣятельности нашей церкви бо́льшее развитіе нравственныхъ, духовныхъ эле-
ментовъ, большее обращеніе къ уму и сердцу
людей. Но разсмотрите внимательно памят-
ники: они разрѣшаютъ всѣ неудомѣнія. Церкви
приходилось бороться не со злою волей, или
развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими язы-
ческими нравами, съ дикими предразсудками,
съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ
люди приближались къ звѣрямъ и безсловес-
нымъ. Борьба эта продолжается чрезъ всю
древнюю исторію, мѣстами и до сихъ поръ.
Встрѣчаются и теперь кое-гдѣ, въ захолустьяхъ, примѣры невообразимой дикости нра-
вовъ. Имѣя дѣло съ такой средой, церковь

должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію. Знакомый хоть сколько-нибудь съ теперешними нравами и обычаями нашего народа не станетъ отрицать, что они еще очень грубы и суевѣрны. Что же было въ древнія времена, и каково было вѣдаться съ ними? Церковь и дѣлала, что могла, прибѣгая къ единственно возможнымъ тогда и самымъ дѣйствительнымъ средствамъ. Прибавимъ къ этому, что личный составъ ея обновлялся, подъ конецъ, большею частью изъ туземцевъ; слѣдовательно, въ нее, по необходимости, вторгались тѣ же самые элементы, которые она призвана была воспитывать.

Вообще, ходъ нашего образованія, и духовнаго, и свѣтскаго, вслѣдствіе всей совокупности условій, при которыхъ возникла жизнь Великороссіи, былъ очень своеобразенъ. Развитіе культуры было чисто внѣшнее; вмѣсто самодѣятельности, видимъ пассивное воспринятіе чужого; меньшинство является проводникомъ этого чужого въ нашу жизнь, и потому весь культурный процессъ идетъ сверху внизъ, изъ вершинъ общества въ народныя массы. Припомнимъ, что переселенцы изъ западной Россіи явились въ Великороссію безъ всякой культуры, и слѣдовательно, безъ зачатковъ духовнаго развитія; что новая ихъ родина была точно такая же, и не внесла непосредственно въ ихъ жизнь никакихъ образовательныхъ элементовъ; что затѣмъ и послѣ, въ продолженіе всей нашей исторіи, односложность нашего быта никогда не нарушалась притокомъ въ нашъ народный составъ чужого племени, или наплывомъ завоевателей; что, наконецъ, въ теченіе столѣтій, всѣ силы Великороссіи были обращены на грубый матеріальный трудъ заселенія дикой страны, между дикими племенами и при самыхъ враждебныхъ человѣку природныхъ условіяхъ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, на цѣлые вѣка сдѣлали невозможнымъ развитіе великорусской вѣтви изъ самой себя. Ее не воспитывала среда, въ которой она жила; нравственная и умственная сторона въ ней дремала. Единственнымъ путемъ культуры Великороссіи, — путемъ окольнымъ и чрезвычайно длиннымъ,—было постепенное, такъ сказать, всасываніе въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ, изъ другихъ странъ, болѣе образованныхъ. Наша подражательность, обезьянничанье, наша г
кость къ новому и чужому, наша способн
принимать всевозможные виды и образы,
вять намъ въ укоръ; но такая воспріи
вость и впечатлительность, выработанна
насъ, правда, до виртуозности, доказыва
только отсутствіе въ насъ всякаго содерж
и сильную потребность наполнить эту пус
единственнымъ способомъ, который остава
—впитываніемъ, вдыханіемъ въ себя обр
вательныхъ элементовъ извнѣ. Эти внѣш
вліянія чрезвычайно медленно осѣдали
народѣ и продолжали жадно воспринимат
отовсюду, до тѣхъ поръ, пока почва не нап
лась ими и не народилась для самостоят
наго, нравственнаго и духовнаго развити

Отсюда множество явленій въ нашей жи
на которыя мы теперь горько жалуемся,
тому что время ихъ проходитъ. Внѣшній
рактеръ образованія, раздвоенность общес
отчужденіе высшихъ слоевъ народа отъ
шихъ и высокомѣрное отношеніе перв
къ послѣднимъ, посягательство незамѣт
меньшинства на обычаи и нравы больш
ства народа,—все это обусловливалось с
мленіемъ грубой среды къ культурѣ. Н
не нравится теперь формы, въ которыхъ
выразилось; но онѣ были такія, а не дру
именно потому, что такова была среда. И
ходъ образованія, иныя формы стремле
къ нему, для нея были невозможны.

Отсюда же и другая особенность разви
нашей культуры, на которой нельзя не о
новиться,—такъ она поразительна. Попы
меньшинства водворить въ большинствѣ вн
нія формы образованности, заимствован
отъ другихъ народовъ, не имѣли и не мо
имѣть между собой никакой органичес
связи, потому что вытекали не изъ х
внутренней жизни, а опредѣлялись внѣшн
матеріалами, которые случайно попадал
подъ руки и, слѣдовательно, тоже не мо
имѣть между собою никакой внутрен
связи. Преобразованія на греческій ладъ
Иванѣ III, польскія и литовскія вліянія
XVII вѣкѣ, западно-европейскія вліянія
XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка пр
ставляютъ этому обильные примѣры.
рѣдко страшныя силы поглощаются въ
кихъ попыткахъ безслѣдно, цѣлыя напр
ленія вдругъ возникаютъ и вдругъ исчезаю
Существованіе у насъ литературнаго пам
ника, книги, произведеній искусства, на р
скомъ языкѣ и съ кажущейся русской об

ой, не даетъ еще права заключать, что
родуктъ народной жизни, не доказываетъ,
мысль и направленіе, которыя въ нихъ
жаются, нашли въ странѣ сочувствіе,
ились, были распространены; такіе на-
ники очень часто оказываются передѣл-
или переводами съ иностранныхъ об-
овъ, дѣломъ прихоти, вкуса, мысли не-
шихъ кружковъ, даже отдѣльныхъ лич-
ей; кругъ дѣйствія и вліянія этихъ на-
никовъ и произведеній ограничивается,
дко, небольшимъ числомъ любителей, въ
емъ случаѣ извѣстнымъ слоемъ общества,
авляющимъ незамѣтное меньшинство. По-
-то, разработывая исторію нашей куль-
, мы ходимъ на почвѣ весьма шаткой,
представляющей ничего органическаго.
ду несомнѣннымъ фактомъ и средой, въ
рой онъ оказывается, не существуетъ не
димой, непосредственной связи, и потому
ожетъ быть сдѣлано безошибочно по-
и отъ перваго къ послѣдней. Изложите,
имѣръ, весь ходъ русской литературы,
начала до конца; разберите и объясните
обно всѣ ея памятники,—и вы все-таки
удете имѣть исторіи развитія русской
и въ литературѣ: отбросьте наплывной
ріалъ, и въ результатѣ останется, кромѣ
одного таланта, отрицательное отноше-
къ средѣ и развитіе языка, выработка
стоятельной формы для выраженія бу-
ей самостоятельной мысли. То же и во
ъ остальномъ.

братимся теперь къ гражданскому и го-
рственному быту Великороссіи: онъ точно
е представляетъ своеобразное развитіе
тковъ, принесенныхъ сюда переселенцами
апада, поставленныхъ въ условія, о ко-
ихъ мы уже говорили выше.

ервобытный, начальный типъ осѣдлаго
житія, — домъ или дворъ, — лежитъ въ
вѣ великорусской общественности до са-
Петра Великаго. Гдѣ было завоеваніе,
хоть добровольное призваніе чужезем-
, тамъ въ жизнь вносится дружинный
ентъ, изъ котораго впослѣдствіи разви-
ся аристократія или олигархія. Гдѣ ран-
поселенія становятся центрами торговли
ышленности, тамъ развивается, совре-
мъ, муниципальная жизнь, и поселенія
ащаются въ государства, на подобіе древ-
ь и средневѣковыхъ городскихъ респуб-
ъ, съ городскимъ патриціатомъ и чернью.
гдѣ ни того ни другого нѣтъ, гдѣ на-
родъ слагается изъ самыхъ первобытныхъ элементовъ, не имѣетъ никакой культуры и не находитъ въ странѣ высшей образованности, которая могла бы имѣть на него непосредственное, ежедневное вліяніе, тамъ формы общежитія могутъ быть только развитіемъ дома или двора, этой первичной соціальной ячейки, общей всѣмъ осѣдлымъ народамъ въ мірѣ. Если никакія внѣшнія обстоятельства не помѣшаютъ ея естественному развитію, напримѣръ, если народъ не обратится въ военную дружину и не получитъ, вслѣдствіе того, военнаго характера и устройства, то типъ дома или двора, мало-по-малу, непремѣнно разростается и опредѣлитъ характеръ всей гражданской и государственной жизни.

Такъ и случилось въ Великороссіи. Едва ли есть другая страна въ мірѣ, которая представляла бы такое полное, безпримѣсное и послѣдовательное развитіе типа двора или дома, отъ первыхъ его зачатковъ до высшей ступени; едва ли гдѣ этотъ типъ такъ выносился и вызрѣлъ, какъ въ Великороссіи. У малороссіянъ, въ составныхъ элементахъ общества находимъ присутствіе дружиннаго начала; у сѣверо-западныхъ отраслей русскаго народа, муниципальный элементъ рано началъ играть важную роль. Ничего подобнаго нѣтъ въ Великороссіи, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь сложилась особая вѣтвь русскаго племени.

Эта характеристическая особенность великорусскаго быта имѣетъ неизмѣримую важность. Ею объясняется безпримѣрная его своеобразность. Благодаря ей, древній бытъ Великороссіи представляетъ небывалую соціальную формацію, которая не можетъ быть обойдена во всемірной исторіи, заносящей на свои страницы всевозможные типы человѣческихъ обществъ; что же касается русской исторіи, то въ ней шагу нельзя ступить, не возвращаясь безпрестанно къ особенностямъ соціальнаго развитія Великороссіи; здѣсь ключъ къ правильному пониманію глубокихъ общественныхъ различій между древней западной и восточной Русью и различныхъ политическихъ судебъ обѣихъ половинъ одного народа, въ теченіе столѣтій; здѣсь, наконецъ, разгадка множества явленій нашего быта, нашего прошедшаго и настоящаго, всего нашего народнаго характера.

Домъ или дворъ, какъ мы уже сказали выше, представляетъ человѣческое общество, поселенное на извѣстномъ мѣстѣ, состоящее

изъ членовъ семьи и домочадцевъ и подчиненное власти одного господина, домоначальника Въ этой соціальной единицѣ заключаются, какъ въ зародышѣ, зачатки всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ отношеній: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство.

Развитіе древняго великорусскаго общества и государства, дѣйствительно, представляетъ выдѣленіе и самостоятельное развитіе этихъ зачатковъ. Сначала домъ или дворъ оставался, какъ еще недавно у нашихъ крестьянъ, постоянной единицей, къ которой все пріурочивалось. Отдѣлившійся членъ семьи переставалъ принадлежать къ этой единицѣ и не имѣлъ въ ней никакой доли; только наличные члены дома принадлежали къ нему и участвовали въ немъ. На этой ступени развитія, связи личныя и опредѣляемыя мѣстомъ жительства не различаются. Такъ у нашихъ крестьянъ: сынъ отдѣлившійся отъ семьи, переселившійся въ другое мѣсто, или отданный въ солдаты, и дочь, выданная замужъ,— отрѣзанные ломти, не имѣющіе части въ семейномъ имуществѣ, которое скорѣй принадлежитъ дому, двору, чѣмъ главѣ семейства. Развитіе этой первичной формы общежитія выражается сначала въ томъ, что личныя связи перестаютъ совпадать съ сожительствомъ въ одномъ дворѣ или домѣ и получаютъ самостоятельное значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, выдвигается на первый планъ союзъ семьи и родства, независимо отъ мѣста поселенія, причемъ общее достояніе двора или дома обращается, мало-по-малу, въ личное имущество главы семейства или родоначальника, и послѣ его смерти дѣлится между членами того семейства или рода. Вслѣдъ за тѣмъ, и союзъ свойства получаетъ значеніе и становится основаніемъ прочныхъ личныхъ связей; дочь, выданная замужъ, уже перестаетъ быть оторваннымъ и чуждымъ членомъ семьи: укрѣпленіе личныхъ связей, основанныхъ на родствѣ, дѣлаетъ безразличнымъ, гдѣ она живетъ,—между своими или чужими. Но личнымъ связямъ и чужіе дѣлаются своими. Рабы обращаются въ имущество, предметъ гражданскихъ сдѣлокъ.

На этихъ-то простѣйшихъ основаніяхъ построена общественность древней Великороссіи. И частный и государственный бытъ ими проникнуты. Политическая организація удѣльныхъ княжествъ,—если только къ нимъ идетъ это выраженіе, — приводится къ тѣмъ же основаніямъ, по мѣрѣ того, какъ забыва
западно-русскія формы, занесенныя во в
колонизаціи. Княжеская дружина прео
зуется въ княжескій дворъ, который сост
изъ князя, членовъ его семьи и двор
слугъ княжихъ. Княжество принадле
князю, есть его наслѣдственный удѣлъ; к
—дѣдичъ и отчичъ княженія. Типъ
лежитъ и въ основаніи московскаго гос
ства: онъ только раздвинулся, принялъ
мадные размѣры. Точно такъ же, какъ пр
князь, такъ и теперь московскій гос
есть отчичъ и дѣдичъ московскаго гос
ства. Царскій домъ или дворъ состоитъ
членовъ царскаго семейства. Слуги царя
холопи окружаютъ его, нисходя по степен
отъ высшихъ, приближенныхъ, до низш
Прибавляется только къ прежнимъ со
нымъ элементамъ двора или дома — нар
„сироты царскія“, т.-е. состоящіе подъ
щитой, охраной и попеченіемъ государя

Собственно говоря, переходъ отъ удѣл
системы къ государственному единству
возвращеніемъ, въ государственной сф
къ первоначальному типу двора или
Во время удѣловъ княжества обратилис
имущество князей, которое они дѣлили м
членами своего семейства, покупали, пр
вали. Съ Дмитрія Донского начинаетъ
батываться ясное представленіе о гос
ственномъ единствѣ и о единствѣ гос
ственной власти, вслѣдствіе чего часть,
ставшаяся великому князю, становится
больше, а части прочихъ князей все ме
Съ Ивана III, всѣ владѣнія переходятъ
руки одного государя, а остальнымъ князь
достаются ничтожные удѣлы. И такъ, м
сказать, что съ этого времени, въ гос
ственной жизни Великороссіи, начальный
дома или двора возстановляется во всей
первоначальной чистотѣ и остается го
ствующимъ до Петра Великаго. Если эт
вдругъ бросается въ глаза, то причины
дуетъ искать въ томъ, что внѣшнія насло
разныя, заимствованныя извнѣ, формы,
слоняютъ отъ насъ дѣйствительную сущ
дѣла. Западно-русское представленіе о в
комъ князѣ усвоено и Великороссіею; он
несено сюда переселенцами. Но какъ же
лично оно здѣсь и тамъ! Западно-русскій
ликій князь есть старшій изъ князей, г
княжескаго рода; въ Великороссіи онъ
рождается въ территоріальнаго владѣл
Великое княженіе, изъ власти, ставшей

стью. При помощи великаго княженія, шій, великій князь дѣлается матеріально ѣе прочихъ князей, и это, мало-по-малу, ъ къ объединенію всей Великороссіи, властью велико-княжескаго двора или . Иванъ III усвоиваетъ туземному, ве- русскому типу внѣшнія формы византій- царской власти. Такимъ образомъ, за- о-русская форма замѣнилась иною, гре- й; по самый типъ власти, въ сущности, ся тотъ же самый, какимъ былъ и вы- ъ изъ самыхъ основъ великорусской и.

тъ же самый типъ лежитъ и въ осно- крѣпостного права, которое было лишь мъ изъ его выраженій. Въ XIX вѣкѣ, крѣ- ое право, подъ вліяніемъ европейскихъ мическихъ воззрѣній и замѣтно уси- агося промышленнаго развитія, начало ами вырождаться въ отталкивающую, тительную эксплуатацію людей изъ ба- ; юридическое право на человѣка стало цать его въ капиталъ, изъ котораго можно жно, прежде всего, извлекать наиболь- роцентъ. Крѣпостное право начало-было, мъ образомъ, обращаться въ рабство, что орило его паденіе. Но въ древней Рос- но не имѣло этого характера. Оно было о властью, иногда жестокой и суровой, ствіе грубости тогдашнихъ нравовъ, но равомъ собственности на человѣка. Крѣ- ое право не исключало попечительности дяхъ, справедливости въ обращеніи съ , правильнаго, не слишкомъ тяжелаго ѣленія ихъ обязанностей и повинностей. называемыя патріархальныя отношенія у владѣльцами и ихъ крѣпостными вы- и изъ того, что основаніемъ крѣпост- права служилъ начальный типъ велико- аго общественнаго быта, — домъ или ь. Такой характеръ сохранило у насъ остное право, у большинства владѣль- даже до позднѣйшаго времени, не успѣвъ ить ни строго юридическаго, ни строго мическаго характера, какъ напримѣръ ольшѣ и западныхъ губерніяхъ.

воря о крѣпостномъ правѣ, мы теперь ставляемъ себѣ только извѣстныя отно- я частнаго права, упраздненныя на на- глазахъ, и едва подозрѣваемъ, что они запоздалымъ остаткомъ цѣлаго обще- наго строя, который встарину господ- алъ исключительно въ нашемъ государ- номъ и частномъ быту. Княжескіе слуги имѣли сначала вольный переходъ отъ князя къ князю; когда утвердилось московское еди- нодержавіе, такіе переходы запрещались и наказывались, какъ преступленіе. Точно также и крестьяне сначала вольно переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, а потомъ такіе выходы прекращены. Въ XVII вѣкѣ, строго раз- граничены между собою разные разряды, „чины“, отправлявшіе царскую службу и тягло, съ запрещеніемъ перехода изъ одного разряда въ другой, подъ страхомъ наказанія. Самые, по природѣ своей, свободные про- мыслы, какъ напр., торговля, подведены подъ то же самое начало; московскіе купцы обра- щены на царскую службу и образовали осо- бый служебный разрядъ, къ которому при- писывались, принудительно, торговцы и по- садскіе другихъ городовъ, смотря по потреб- ностямъ царской службы, и изъ котораго не было добровольнаго выхода въ другіе раз- ряды. Мало-по-малу, это начало распростра- нено на всѣ виды царской службы: пушкари и печатники, мастера и рабочіе разнаго рода, приписаны наслѣдственно, каждый къ своему вѣдомству, безъ права перехода къ другому занятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый приписан- ный къ княжеству, частному владѣнію, слу- жебному разряду и вѣдомству, поступалъ подъ полную ихъ власть, судъ и управленіе. Слѣды этого порядка дѣлъ удержались до позднѣй- шаго времени, и окончательно отмѣнены лишь въ нынѣшнее царствованіе; сохранились они теперь, и то отчасти только, въ сословіи бѣ- лаго духовенства. Такое стремленіе каждаго землевладѣнія, каждаго вѣдомства, каждаго особаго управленія, замкнуться въ особую единицу, составить особое цѣлое, съ полною властью надъ принадлежащими къ нему ли- цами, характеризуетъ великорусскій бытъ въ теченіе всего московскаго періода, и получило полное развитіе, въ малѣйшихъ подробностяхъ гражданской и государственной жизни, въ XVII вѣкѣ. Слѣдовательно, крѣпостное на- чало было, въ то же время, можно сказать, основаніемъ всей нашей общественности, а это начало прямо вытекало изъ первообраза великорусскаго быта,—двора или дома. По- тому-то оно и было въ нравахъ. Чадамъ и домочадцамъ, состоящимъ подъ властью гос- подина, по догдашней терминологіи „госу- даря“, казалось очень естественнымъ состоять подъ его „наказаніемъ“ (т.-е. и наставленіемъ и исправительнымъ взысканіемъ). Эпитетъ „грозный“ выражалъ хвалу, по крайней мѣрѣ

одобреніе, а никакъ не порицаніе. Не наставлять, не руководить подвластныхъ, не взыскивать съ нихъ, когда они того заслуживали, считалось, въ глазахъ самихъ подвластныхъ, предосудительнымъ признакомъ равнодушія, невниманія. Разсказъ Олеарія о русской женѣ иностранца, которая плакала о томъ, что мужъ никогда не билъ ее,—есть каррикатура, но не злостная выдумка; въ основаніи этого разсказа лежитъ правда, которую ни Олеарій, ни передававшій этотъ случай, не поняли, потому что она лежала совершенно внѣ круга ихъ понятій. Еще на нашей памяти, простолюдинъ, послѣ наказанія, благодарилъ за то, что его учили уму-разуму. Въ старыя времена, это было у насъ повсемѣстно дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Факты такого рода—а ихъ можно привести множество — чрезвычайно характеристичны. Они доказываютъ, что древняя великорусская общественность, построенная, снизу до верху, на началѣ двора или дома и проникнутая вытекавшимъ изъ него крѣпостнымъ правомъ, была въ народныхъ правахъ и убѣжденіяхъ, поддерживалась не насиліемъ, а сознаніемъ. Теперь намъ становится трудно вдуматься въ этотъ строй жизни, потому что мы изъ него выросли; но въ народныхъ массахъ онъ еще живъ, во взглядѣ на вещи, въ привычкахъ, пословицахъ и преданіяхъ, и пройдетъ еще много, много времени, пока онъ совсѣмъ забудется. Подчиненный власти считалъ себя, въ древней Великороссіи, не рабомъ, не предметомъ промышленной эксплуатаціи, а несовершеннолѣтнимъ, неразумнымъ, малосвѣдущимъ, темнымъ человѣкомъ, котораго надо учить, наставлять, вразумлять и направлять. Оттого и наказаніе считалось мѣрою исправленія, а не дѣломъ каприза, своеволія и жестокости. Такой взглядъ образовался, какъ сказано, по той причинѣ, что крѣпостное право возникло изъ домашней власти и развилось по ея образцу; потому-то именно оно и не было ни строго юридическимъ, ни экономическимъ явленіемъ. Одно глубокое непониманіе дѣла можетъ переносить на этотъ складъ жизни юридическія понятія и измѣрять его послѣдними. Постепенная отмѣна крѣпостныхъ отношеній, составляющая существенный смыслъ нашего внутренняго развитія въ XVIII и XIX вѣкѣ и завершившаяся въ 1861 году, дѣйствительно, а не въ переносномъ смыслѣ, обозначаетъ ступени нашего гражданскаго роста и перехода отъ несовершеннолѣтія къ возмужало
Многіе удивляются, почему великорусскій
стьянинъ, несмотря на крѣпостную зав
мость въ теченіе, безъ малаго, трехъ вѣк
нисколько не походилъ на раба. Особенно
поражало иностранцевъ. Но кто вникъ в
рактеръ и внутренній смыслъ крѣпости
отношеній, тотъ найдетъ это явленіе о
понятнымъ и естественнымъ.

При изслѣдованіи своеобразнаго быта
ринной Великороссіи, самъ собою пред
влается слѣдующій вопросъ: какъ согла
съ этимъ строемъ жизни, основанным
крѣпостномъ правѣ, общинный бытъ м
великорусскаго населенія, его несомнѣн
способность и привычку къ общинной и
тельной жизни? Вопросъ этотъ—одинъ
труднѣйшихъ, въ особенности потому,
кажется, никогда еще не былъ правил
поставленъ. У всѣхъ славянскихъ плем
есть природное расположеніе къ общин
жизни; это фактъ, не подлежащій сомнѣ
Но какъ оформилась въ исторіи эта об
всѣмъ имъ черта,—это другой вопросъ,
тораго никакъ не слѣдуетъ смѣшивать
первымъ. Между тѣмъ, говоря объ общ
номъ бытѣ русскаго народа, мы обыкнов
не различаемъ природной способности, и
расположенія, отъ организаціи, отъ опр
ленной и установившейся формы отноше
и потому, при обсужденіи этого вопр
никакъ не можемъ придти къ точнымъ,
ложительнымъ результатамъ. Живя вмѣ
имѣя общія дѣла, общія занятія, общіе
тересы, люди естественно образуютъ гру
цѣлое общество, особливо при живости
рактера, общительности и большомъ до
душіи, которыми мы отличаемся. Но в
этого еще мало, чтобы признать сущес
ваніе у насъ общиннаго быта. Такой б
предполагаетъ общественное устройств
извѣстный способъ веденія общественн
дѣлъ, перешедшій въ обычаи и нравы. К
ли у насъ общинный бытъ въ этомъ см
или нѣтъ,—сказать очень трудно. Рядомъ
фактами, несомнѣнно доказывающими
существованіе въ однѣхъ мѣстностяхъ, п
водятся данныя изъ другихъ мѣстност
доказывающія совершенно противное;
рѣдко такіе противорѣчащіе факты встрѣ
ются въ одной и той же мѣстности, и да
не на большомъ разстояніи другъ отъ дру
еще чаще можно замѣтить, что въ одно
и томъ же обществѣ есть очень развитыя

ло установившіяся общинныя учрежде-
ію одной какой нибудь сторонѣ обще-
ной жизни, и полное ихъ отсутствіе—
ругой. Послѣднее, можно сказать, фактъ,
и повсемѣстный въ Великороссіи. То же
иворѣчіе видимъ и въ пословицахъ, вы-
ющихъ народный взглядъ на общину.
пословица: „міръ—великое дѣло"; но
и другая: „міръ силенъ, какъ волна, и
ь, какъ свинья". Рядомъ съ пословицей:
жка объ дружкѣ, Богъ обо всѣхъ",—
тоже пословица: „моя изба съ краю,
го не знаю". Всего подробнѣе и точ-
развиты въ цѣломъ народѣ обычаи,
сящіеся къ общественной раскладкѣ вся-
рода повинностей, податей, сборовъ,
рой и деньгами, а также къ раздѣлу
й и угодій; всѣ другіе общинные обы-
далеко не такъ повсемѣстны, какъ эти.
всего этого можно, кажется, заключить,
природная наша способность къ общин-
жизни, которой никто не отрицаетъ,
дится еще въ развитіи и успѣла при-
опредѣленныя обычныя формы въ тѣхъ
ко случаяхъ, когда обстоятельства тому
оріятствовали; но едва-ли можно поло-
льно утверждать, что общинный бытъ
съ уже существуетъ, что онъ уже те-
представляетъ нѣчто развитое, прочно
новившееся и выработанное во всѣхъ
ихъ и повсемѣстно.

равильному разрѣшенію вопроса объ об-
омъ бытѣ Великороссіи мѣшаетъ также,
намъ кажется, еще и то, что мы въ
ь отношеніи не достаточно различаемъ
ыя эпохи русской исторіи, а это, въ
очередь, существенно вредитъ правиль-
и нашихъ историческихъ воззрѣній. О
реннемъ бытѣ великорусскихъ крестьян-
ъ и городскихъ обществъ мы имѣемъ.
арствованія Ивана Грознаго, одни только
ныя извѣстія, относящіяся, почти ис-
ительно, лишь къ податямъ, повинно-
ъ и раскладкамъ. Изъ этихъ свѣдѣній,
о, что волости были обр менены нало-
, что судъ принадлежалъ не имъ,
рмленщикамъ или частнымъ владѣль-
ъ. Необыкновенныя усилія употреблялъ
ъ III, чтобъ обуздать произволъ на-
никовъ и волостелей. Иванъ IV, въ из-
омъ имъ Судебникѣ, усилилъ мѣры,
нятыя въ этомъ отношеніи Иваномъ III,
же намѣревался отмѣнить вовсе мѣст-
ь царскихъ правителей, а судъ и поли-
цію передать самимъ обществамъ. Во всемъ этомъ трудно усмотрѣть слѣды сколько нибудь установившейся общинной жизни въ Великороссіи; наоборотъ, изъ этихъ указаній, повидимому, слѣдуетъ, что сельское и городское населеніе жило вполнѣ подъ частнымъ правомъ, или подъ произволомъ княжескихъ слугъ и кормленщиковъ, типъ власти которыхъ былъ тотъ же, что и частныхъ владѣльцевъ. Не надо также забывать, что въ то время еще существовалъ свободный переходъ съ одного мѣста на другое, что на частныхъ земляхъ люди жили по договорамъ съ владѣльцами, и что такіе договоры заключались послѣдними не съ цѣлымъ обществомъ, а съ отдѣльными лицами. При такомъ порядкѣ дѣлъ, едва-ли могла существовать выработанная, самостоятельная жизнь городскихъ и сельскихъ общинъ. Такимъ образомъ, до XVII вѣка, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ общинной жизни великорусскаго народа, а тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, дѣлаютъ существованіе прочнаго общиннаго быта невѣроятнымъ, и говорятъ скорѣй противъ него, чѣмъ въ его пользу. Въ XVII вѣкѣ, крѣпостное право было въ полномъ цвѣту; оно опредѣляло всю общественную и государственную жизнь, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ; слѣдовательно, въ теченіе этого вѣка, менѣе чѣмъ когда-либо прежде, могъ существовать самостоятельный бытъ общинъ; но весьма вѣроятно, что въ этомъ вѣкѣ онъ началъ, мало-по-малу, слагаться, и именно подъ вліяніемъ крѣпостного начала. Первый его узелъ завязанъ, какъ кажется, налогами, повинностями, вообще тягломъ, которое сельчане и горожане должны были тянуть въ пользу казны. Ей было удобнѣе, проще и вѣрнѣе имѣть дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ городомъ, сотней, слободой, волостью, деревней,—словомъ, съ обществомъ; вслѣдствіе этого, на общество легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы. Это должно было сплотить между собою лица, принадлежащія постоянно и наслѣдственно къ одному податному, тяглому обществу, должно было связать ихъ однимъ общимъ дѣломъ, и создать юридическія общинныя, податныя единицы, съ выборными представителями во главѣ. Въ такомъ, кажется, видѣ стала, мало-по-малу, осуществляться великая мысль Грознаго, брошенная имъ едва-ли не въ разгарѣ крова-

вой борьбы съ олигархами. За ту же мысль, позднѣе, снова ухватился Петръ Великій, но также безуспѣшно; общинный бытъ тогда не успѣлъ еще выработаться. Много дѣлалось попытокъ въ томъ же смыслѣ и впослѣдствіи, но и онѣ остались безъ результата, пока наконецъ уже въ наше время со всѣхъ сельскихъ обществъ не было снято бремя административной опеки, чѣмъ и положено дѣйствительное основаніе къ развитію сельскаго общиннаго быта.—Въ крестьянствѣ, жившемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и впослѣдствіи закрѣпощенномъ за ними, общинное начало появилось едва-ли ранѣе XVII вѣка, и вотъ почему: когда существовала помѣстная система, огромное большинство помѣщиковъ и вотчинниковъ (послѣднихъ, кажется, было очень немного) жили въ своихъ имѣніяхъ и хозяйничали сами, или чрезъ своихъ приказчиковъ и ключниковъ; издѣльное хозяйство, по условіямъ тогдашняго быта, было повсемѣстно; казенныхъ и общественныхъ повинностей и тягостей помѣщичьи и вотчинные крестьяне не несли; въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ духовному вѣдомству, а также и тѣмъ изъ придворныхъ чиновъ, которые, по обязанностямъ службы, не могли жить въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, вѣроятно тоже существовало издѣлье и приказчичье управленіе; слѣдовательно, общинный бытъ могъ начать вырабатываться въ дворянскихъ населенныхъ имѣніяхъ лишь въ XVIII вѣкѣ, когда крѣпостные, приписанные къ этимъ имѣніямъ, были привлечены къ участію въ государственныхъ и земскихъ повинностяхъ, податяхъ и службахъ, и когда издѣлье отчасти замѣнилъ оброкъ натурою или деньгами.

Все сказанное нами выше объ общинахъ и общинномъ бытѣ, пока, разумѣется, не болѣе, какъ однѣ догадки и предположенія. Профессоръ Чичеринъ первый указалъ на податное, финансовое, тягловое происхожденіе нашихъ городскихъ и казенныхъ сельскихъ общинъ. Онѣ и доселѣ глубоко запечатлѣны этимъ характеромъ. Что въ ихъ бытѣ принадлежитъ генію славянскаго племени и что исторіи и особеннымъ обстоятельствамъ, посреди которыхъ они развились,—покажетъ будущее; но въ прошедшемъ великорусскаго племени онѣ едва-ли имѣли то значеніе, которое имъ нѣкоторые приписываютъ; по крайней мѣрѣ, нашъ древній общинный бытъ ничѣмъ не за себя въ ежедневной, будничной жизн оставилъ по себѣ слѣда, что было б премѣнно, еслибъ онъ развился и какую нибудь роль въ народной жизни гое видимъ мы въ Малороссіи и въ с западной Россіи, начиная съ отдал эпохи; можетъ быть, именно это обсто ство и вводитъ насъ въ заблужденіе о тельно великорусской старины: не раз въ прошедшемъ восточную Россію отъ ной, мы безпрестанно впадаемъ въ о Въ Великороссіи, общинное начало, ка сказали выше, есть, кажется, сравнит явленіе новое; оно развивается и ес димо предстоитъ будущность въ на судьбахъ. Городовыя положенія С.-П бурга, Москвы и Одессы, земскія и к янскія сельскія учрежденія указываю вѣроятный исходъ изъ старинной н русской крѣпостной организаціи, упра ной въ теченіе XVIII и первой пол XIX вѣка. Но пока это только зар будущаго, а не зрѣлый плодъ прош

Къ тому же результату приводятъ гія соображенія. Въ общественномъ древняго великорусскаго общества не мѣста для общиннаго быта. Вся орг ція Великороссіи, въ XVII вѣкѣ, пре ляется въ такомъ видѣ: въ частномъ б полновластный глава семейства и д господинъ надъ холопами; въ обще номъ, — значительная часть сельскаго ленія подвластна частнымъ владѣльц духовенству; весь остальной народъ ленъ на наслѣдственные „чины“ или ра пріуроченные къ извѣстнымъ надобно царской службы, и находится въ так подчиненности своему разряду, какъ ничьи и вотчинные крестьяне своему дѣльцу; въ администраціи—воеводы и р царскіе слуги, съ такою же точно вл надъ подчиненными имъ городами (ст ми, съ Алексѣя Михайловича, исключит царскими) и сельскимъ населеніемъ; в сударство представляетъ колоссальный или дворъ, подвластный московскому который завѣдываетъ имъ посредствомъ ихъ слугъ. Посреди такой организаціи, вставить общинное устройство и быть? властные одному владѣльцу или одному новнику люди могли жить вмѣстѣ, вмѣстѣ, общими силами, тянуть тягло образовать органическое общежитіе

весь складъ этого общественнаго строя
чаетъ общину. Тѣ, которые предпола-
и отыскиваютъ въ древней Велико-
установившійся и развитый общинный
не достаточно, какъ мы думаемъ, вни-
въ историческое призваніе великорус-
элемента среди другихъ вѣтвей рус-
народа и славянскаго племени. Глу-
смыслъ московскихъ государственныхъ
щественныхъ порядковъ тотъ, что въ
осуществилось государство, въ фор-
вполнѣ доступныхъ и понятныхъ ве-
усскому народу. Какъ былъ устроенъ
ый бытъ, точно также было устроено
государственное зданіе. Домашняя ди-
ина послужила образцомъ для дисци-
общественной и государственной. Въ
ой власти, сложившейся по типу власти
ладыки, русскому народу представи-
въ идеальномъ, преображенномъ видѣ,
самая власть, которую онъ коротко
изъ ежедневнаго быта, съ которой
и умиралъ. Царь, по представленіямъ
орусскаго народа, есть воплощеніе го-
ства. Чтобы проникнуть во внутренній
ъ этого типа, неизвѣстнаго или забы-
у другихъ народовъ, нужно глубоко
ѣться въ основаніе великорусскаго бы-
сскій царь, по народнымъ понятіямъ,
чальникъ войска, не избранникъ на-
не глава государства, или представи-
дминистративной власти, даже не сен-
тальный Landesvater или bon père du
, хотя въ двухъ послѣднихъ типахъ
кое-что, напоминающее великорусскій
ь царя. Царь есть само государство,—
ьное, благотворное, но вмѣстѣ и грозз-
го выраженіе; онъ превыше всѣхъ по-
нъ внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ,
ому неприкосновененъ; потому же онъ
пристрастенъ ко всѣмъ; всѣ передъ
равны, хотя и неравны между собою.
долженъ быть безгрѣшенъ; если наро-
охо, виноватъ не онъ, а его слуги;
царское велѣніе тяжело для народа,—
гъ, царя ввели въ заблужденіе; самъ
онъ не можетъ ничего захотѣть дур-
для народа. Девизъ царя: „не боюсь
, боюсь грѣха,“ и горе народу, когда
шитъ царь, потому что, если „народъ
нитъ — царь замолитъ, а царь согрѣ-
— народъ не замолитъ.“ Совершенно
но недоумѣніе западныхъ европейцевъ
ь такимъ типомъ государственной вла-
сти, ключъ къ которому у нихъ потерянъ. Не зная, что она собою выражаетъ, они были бы готовы подвести ее подъ извѣстный шаблонъ восточныхъ деспотій, еслибъ царская власть не была въ Россіи дѣятельнымъ органомъ развитія и прогресса въ европейскомъ смыслѣ. Въ чемъ же тайна этой всемогущей власти? Какимъ чудомъ она одна остается неподвижной и несокрушимой въ русской жизни, въ теченіе столѣтій, несмотря на внутреннія потрясенія и внѣшнія замѣшательства, и когда все вокругъ нея, по ея же иниціативѣ, движется и измѣняется? Это становится понятнымъ только при глубокомъ изученіи внутренняго смысла исторіи Великороссіи. Установленіе ея государственнаго единства, а слѣдовательно и политическаго бытія, совпадаетъ съ судьбами царской власти: вмѣстѣ они появились, окрѣпли, бѣдствовали и спасались отъ бѣдъ. Въ самыя трудныя и тяжкія времена, когда приходилось чуть ли не съизнова начинать политическое существованіе, великорусскій народъ, прежде всего, принимался за возстановленіе царской власти, обезпечивалъ ее себѣ и дѣлилъ съ царемъ радости и горе. Народъ и царская власть сжились у насъ, какъ Англія съ своимъ парламентомъ; оба учрежденія глубоко національны. Въ этой способности создать себѣ идеалъ государства въ формахъ народныхъ, и потому доступныхъ и понятныхъ каждому, отъ мала до велика,—въ умѣньѣ поддерживать и сохранять, какъ зеницу ока, царскую власть, въ которой этотъ идеалъ выразился, несмотря ни на какія обстоятельства, чрезъ всю исторію,—и заключается значеніе Великороссіи посреди другихъ славянскихъ племенъ и народовъ. У всѣхъ славянъ зачатки быта были одни и тѣ же; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, въ ихъ жизнь вторглись чуждые элементы, прежде чѣмъ она успѣла сложиться въ государственную форму, отвѣчавшую ихъ народнымъ понятіямъ и историческому возрасту; или же ихъ естественный ростъ, а съ нимъ и равновѣсіе составныхъ общественныхъ стихій, были нарушены. Оттого прочіе славяне и потеряли свою политическую самостоятельность; но въ массахъ народныхъ сохранялся утраченный въ дѣйствительной жизни идеалъ государства и государственной власти. Онъ тянулъ весь русскій народъ къ Великороссіи; онъ покорилъ Москвѣ Новгородъ и Псковъ, присое-

динилъ къ ней Малороссію, какъ въ наше время влечетъ къ намъ народныя массы въ западномъ краѣ и въ самомъ царствѣ Польскомъ. Этого не понимаютъ въ Европѣ и отрицаютъ самый фактъ, стараясь объяснить рядомъ случайностей и минутныхъ обстоятельствъ органическія явленія русской жизни.

Народный характеръ царской власти и великое ея значеніе въ судьбахъ русскаго племени проливаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторые эпизоды великорусской исторіи и объясняютъ ихъ иначе, чѣмъ мы привыкли смотрѣть на нихъ до сихъ поръ. Слѣдившіе за успѣхами критической разработки русской исторіи знаютъ, какъ измѣнился въ послѣднее время взглядъ на Ивана Грознаго. Увлекшись самыми честными побужденіями, Карамзинъ не понялъ и ошибочно истолковалъ борьбу Грознаго съ вельможествомъ. Послѣ Карамзина старались, въ особенности профессоръ Соловьевъ, исправить эту ошибку, и отчасти въ томъ успѣли. Говоримъ „отчасти“, потому что выяснена, пока, только психологическая сторона дѣйствій и побужденій Грознаго: объективная, предметная сторона вопроса остается, по прежнему, очень загадочною. Вдумываясь въ ходъ великорусской исторіи, невольно останавливаешься передъ рядомъ событій, начиная съ Ивана Грознаго и оканчивая царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Чувствуется, что за этотъ промежутокъ времени обычная ея нить какъ будто порвана и теряется; что-то необыкновенное начинается при Грозномъ: затѣмъ, крайне натянутое положеніе послѣ его смерти, при его сынѣ, собственно говоря, при Годуновѣ; послѣ того,—страшныя смуты, посреди которыхъ чуть чуть не погибаетъ государство; его спасаютъ сверхъестественныя усилія всего народа; избраніе Михаила Ѳедоровича Романова полагаетъ конецъ разгрому, но отголоски и послѣдствія его отзываются долго послѣ, почти чрезъ все царствованіе Михаила. Съ Алексѣя Михайловича все опять возвращается въ обычную колею, и несмотря на то, что его время совсѣмъ не то, что прежнее, до кровавыхъ расправъ Ивана, видишь однако, что оно есть естественное его продолженіе, что нормальный ходъ великорусской жизни возстановленъ и обратился на старое свое русло. Такимъ образомъ, періодъ времени отъ Ивана IV до царя Алексѣя Михайловича составляетъ одно цѣлое, до сихъ поръ мало разъясненное из
ныхъ своихъ основаніяхъ и пружинах
внительно очень богатая литератур
этомъ періодѣ обыкновенно ограничи
промежуткомъ времени между избр
Бориса Годунова и Михаила Ѳедоров
точки зрѣнія внѣшнихъ событій это
шенно правильно. Но такъ ли, по в
нему смыслу событій? Мы не думаем
подготовлялась издалека и раскаты
шались долго послѣ. Повторяемъ, нам
эпизодъ является какой-то удивитель
гадочной вставкой въ русскую исто
чѣмъ больше уясняются факты, тѣ
становится, на нашъ взглядъ, темнѣ
понятнѣй. Сблизьте съ эпохой смут
Грознаго,—и она предстанетъ перед
въ трагическомъ величіи. Значитъ,
не одна кровожадность и подозрител
заставляли его лить потоки крови! Он
бѣду и боролся съ ней до истощенія
Прочтите его завѣщаніе, писанное в
винѣ царствованія: оно исполнено мр
предчувствій, которыя оправдались
дующими событіями. Грозный впервы
мулируетъ царскую власть какъ при
возводитъ ее къ единственно доступно
по тому времени, идеалу византійска
ператорства; но и это кажется ему н
точнымъ: онъ производитъ себя отъ А
Цезаря, какъ будто для того, чтобъ п
больше авторитета, прочности и силы
власти. Откуда эти заботы? Неужел
ному нужно было оправдывать царскую
чужеземными идеалами и иностранны
исхожденіемъ передъ народомъ, котор
лилъ его возвратиться изъ Александр
слободы въ Москву? Не наступи, вскор
смерти Грознаго, смутное время, м
бы готовы приписать всю заботу, гнѣв
вогу, опасенія царя его тиранскимъ н
ностямъ; но въ виду послѣдующихъ с
такой приговоръ былъ бы наивенъ и
метчивъ. Жестокости и казни Грозного-
тогдашняго времени, нравовъ, положи
же личнаго характера; но сводить и
одни психологическія побужденія, им
редъ глазами цѣлый періодъ внутре
смутъ и потрясеній, невозможно. Д
были быть глубокія объективныя пр
вызывавшія Грознаго на страшныя
Причины эти были, повидимому, слѣду
Со времени Ивана III, въ составъ мо
скаго государства вошла значительная ч

ней западной Россіи, — Новгородъ,
, города и княжества литовскія. Съ
мѣстѣ долженъ былъ произойти от-
ачительный притокъ въ Великорос-
ментовъ, чуждыхъ ея общественному
не дававшихъ въ западной Россіи
ься государству, и столько же враж-
ъ къ нему въ Великороссіи. Эти эле-
вошли, главнымъ образомъ, въ составъ
хъ служебныхъ чиновъ, и, усилившись
литовскими и польскими выходцами
границы, получили, въ царствованіе
го, большое вліяніе. Вспомнимъ роль
ихъ, стоявшихъ во главѣ правленія;
аго, потомка Гедимина, соискателя
каго престола; къ той же категоріи
лежалъ и знаменитый Курбскій. Къ
лементамъ могли присоединиться ста-
великорусскіе удѣльные князья, ли-
владѣній и обратившіеся въ слугъ
кихъ государей; въ то время, мос-
знать едва ли меньше сочувствовала
имъ и литовскимъ порядкамъ, чѣмъ
дствіи шведскимъ, французскимъ и
кимъ. Въ попыткахъ всѣхъ этихъ
говъ измѣнить, по своему идеалу, го-
венный строй Великороссіи, внести въ
падно-русскія начала, и слѣдуетъ,
амъ кажется, искать ключа къ явле-
и событіямъ этой замѣчательной эпо-
лицѣ Грознаго, великорусское госу-
вступило въ борьбу съ западно-рус-
и польскими государственными эле-
и, вошедшими въ составъ московскаго
ства. Что это не одна догадка, дока-
ъ обстоятельства избранія на престолъ
аго и, если вѣрить Котошихину и
ой лѣтописи,—самого Михаила Ѳедо-
Флетчеру, черпавшему свои свѣдѣ-
видимому, въ той средѣ, которая со-
вала литовскимъ и польскимъ поряд-
предсказывали предстоявшій перево-
Разсказъ этого иностранца особенно
тенъ, какъ отголосокъ партій, игравъ
потомъ большую роль въ событіяхъ
го времени.

не станемъ развивать далѣе нашу
боясь выдти изъ предѣловъ очерка.
имъ себѣ только замѣтить, что раз-
исторіи Ивана Грознаго, собственно
едва только еще начинается. До
оръ даже не опредѣлено критически
ество тѣхъ источниковъ, изъ кото-
очерпаются свѣдѣнія объ этой эпохѣ;
а безъ такой предварительной работы нельзя и приниматься за подобный трудъ. Страсти и происки, разъигравшіеся впослѣдствіи, зачинались уже при Грозномъ и встрѣтились съ нимъ лицомъ къ лицу. Оттого такъ разнорѣчивы сказанія и отзывы о немъ. Чтобъ узнать правду, нужно отличать голосъ враждебныхъ ему элементовъ отъ голоса великорусскаго народа; въ свидѣтельствахъ иностранцевъ, — ихъ хроническое непониманіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ отъ народныхъ сказаній и сужденій, внушенныхъ ихъ личными расчетами, или записанныхъ со словъ той или другой изъ тогдашнихъ партій. Какъ бы мы ни смотрѣли на Ивана Грознаго, царствованіе его, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской исторіи; а мы, даже до сихъ поръ, все больше обращаемъ вниманіе на психологическій характеръ его жестокостей, какъ будто въ нихъ вся сущность дѣла. Не то же ли это самое, что судить о послѣдней американской войнѣ по однимъ ея ужасамъ, о царствованіи Петра — по розыскамъ и казнямъ, о нашемъ призваніи въ Польшѣ и западномъ краѣ—по судьбѣ враждебнаго намъ элемента? Смотрѣть такъ на исторію, значитъ заранѣе отказаться отъ пониманія величайшихъ историческихъ эпохъ и событій. Ни въ чемъ наше умственное несовершеннолѣтіе не выказывается такъ осязательно, какъ въ томъ, что мы не только не понимаемъ, но почти не знаемъ царствованія Ивана IV, и даже мало имъ интересуемся, воображая, что, и не изучивъ его, можно понимать русскую исторію; а между тѣмъ, эпоха Грознаго, по своему значенію во внутреннемъ развитіи Великороссіи, есть преддверіе къ эпохѣ Петра и имѣетъ съ ней глубочайшую связь.

Намъ остается еще, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о частномъ бытѣ и нравахъ Великороссіи. Они тоже опредѣлялись, и въ общемъ, и во всѣхъ подробностяхъ, указанными выше зачатками, лежавшими въ основаніи внутренней ея жизни. Пассивное воспринятіе чужой культуры, безъ собственной производительности; по преимуществу дисциплинарная роль церкви и первобытныя формы государства,—все это свидѣтельствуетъ о первоначальной, грубѣйшей непосредственности людей, о крайне слабомъ развитіи въ нихъ духовнаго, нравственнаго элемента, который немыслимъ тамъ, гдѣ индивидуальное развитіе еще не начиналось.

Это и отражается на частномъ бытѣ и нравахъ, которые описываются самыми мрачными красками въ туземныхъ источникахъ и въ сказаніяхъ иностранцевъ. Величайшая невоздержность, всякаго рода вѣроломство, обманъ, насиліе, воровство, частые грабежи и разбои, шаткость во всемъ, своекорыстіе, плутовство во всѣхъ возможныхъ видахъ,— вотъ въ чемъ, на разные лады и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, упрекается великорусскій людъ всѣхъ общественныхъ разрядовъ и положеній. Тѣ же упреки, съ небольшими варіаціями, слышатся и до сихъ поръ. Странно было бы считать эти пороки русскаго общества прирожденными, и на этомъ основаніи отчаяваться въ возможности ихъ искорененія. Мы страдали и страдаемъ нравственной и духовной неразвитостью; наши пороки — признакъ грубаго, недозрѣлаго, но не старческаго, перезрѣвшаго общества. Его здоровыя силы выражаются въ томъ, что, чувствуя свою несостоятельность, оно крѣпко держится за свой государственный строй, обезпечивающій его политическую цѣлость и независимость. Приписывать первобытнымъ формамъ государственнаго порядка Великороссіи состояніе тогдашняго общества, значитъ извращать вопросъ и видѣть въ слѣдствіи—причину, а въ причинѣ—слѣдствіе. Общество, развивающееся правильно, всегда будетъ имѣть и соотвѣтствующія его историческому возрасту государственныя формы; слѣдовательно, вся сила во внутреннемъ развитіи; оно должно стоять на первомъ планѣ и въ историческомъ изслѣдованіи и въ практической дѣятельности.

Въ этомъ смыслѣ можно также сказать, что частный бытъ и нравы древней Великороссіи представляютъ оборотную сторону быта церковнаго, государственнаго, и культуры, служатъ имъ поясненіемъ и подтвержденіемъ. Это видно во всемъ, на что ни взглянемъ.

Откуда взялась, напримѣръ, затворническая, тюремная жизнь великорусскихъ женщинъ высшаго сословія въ XVII вѣкѣ? Не понимая ея связи съ коренными основами великорусской жизни, мы или остаемся въ недоумѣніи передъ этимъ явленіемъ, или приписываемъ его вліянію татарщины. Но оно прямо вытекаетъ изъ основныхъ условій великорусскаго быта. Стоитъ вдуматься въ нашъ народный взглядъ на женщину вообще и жену въ особенности, — из выразившійся въ пословицахъ, пѣсн свадебныхъ обрядахъ,—чтобъ увидѣт что теремная жизнь женщинъ ест его практическое примѣненіе. Она только развилась въ однихъ высшихъ старинnаго нашего общества, что пр своимъ достаткамъ и образу жизни, п точно также устроить свой семейный Аналогическое явленіе представляетъ повсемѣстное единоженство массы м магометанскаго народонаселенія, несмо дозволеніе Корана имѣть нѣсколько Только высшіе классы старинnаго скаго общества могли осуществить домашней жизни, который носился цѣлымъ народомъ и обусловливался новными соціальными элементами.

Возьмемъ другую поразительную че еще весьма недавнюю безличность русской массы, отсутствіе, въ огр большинствѣ, ясно опредѣленнаго дуальнаго характера, индивидуально собленности И теперь еще, когда эта замѣтно сглаживается, она все еще замѣтна. Русская народная масса ходна во всѣхъ отношеніяхъ; а выд изъ нея человѣкъ, — рѣдко, очень найдешь въ немъ тѣ качества, котор налюбуешься въ цѣломъ народѣ. началѣ нынѣшняго вѣка, безличнос шихъ народныхъ массъ поражала и из не только иностранцевъ, но даже м сіянъ, у которыхъ, напротивъ, индив ность сильно развита, вслѣдствіе их ріи и сравнительно высшей степени туры. Намъ удавалось слышать от россіянъ, бывавшихъ въ молодости ликороссіи и возвратившихся сюда лѣтъ двадцать, что они были удивлен вторичномъ пріѣздѣ, перемѣной, замѣ ими въ простомъ народѣ: по ихъ отз прежнее однообразіе и неподвижность номіи, прежнее совершенное отсутствіе видуальнаго характера, значительно с лись. Тотъ же фактъ подтверждается лившимися, особенно въ послѣднее раздѣлами крестьянскихъ семействъ. явленіе, конечно, объясняется разными гими обстоятельствами и новыми усло крестьянскаго быта: но ими одними о нить этого явленія нельзя, потому что между самими крестьянами встрѣчаетъ возраженій, — явный признакъ, что не

ия обстановка побуждаетъ сельскій
къ семейнымъ раздѣламъ.
не однѣ народныя русскія массы без-
Безличностью и безхарактерностью
ъ домашняя и общественная жизнь,
нная и всякая дѣятельность, даже
ванныхъ слоевъ нашего общества. Жи-
го за границей, въ Европѣ, гдѣ инди-
ьность опредѣлилась такъ рѣзко и
характерно, пріучаешься легко отли-
усскихъ, по какой-то неопредѣленно-
всемъ, — въ наружности, въ движе-
въ разговорѣ и въ самыхъ взглядахъ
ди.
гановимся еще на одной чертѣ. Въ
оссіи не было, да и не могло быть
общественности, кромѣ, такъ сказать,
ней и семейной, или родственной. Ее
находимъ здѣсь, въ старину, въ пол-
развитіи. Домъ и дворъ, разросшійся,
шій отпрыски и вѣтви, — вотъ един-
ый центръ нашей старинной обще-
ости. Народные обычаи и праздники
ые ея свидѣтели; еще недавніе нравы
наи образованныхъ классовъ велико-
го общества доказываютъ то же самое,
тря на указъ объ ассамблеяхъ. Только
и событія и бѣдствія вызывали тогдаш-
людей къ совокупной общественной
ьности; проходили эти минуты, всту-
жедневная жизнь въ свои права, — и
старинное русское общество распада-
а свои замкнутые домашніе кружки.
ельство на однихъ мѣстахъ, многораз-
я точки соприкосновенія между людь-
ишь крайне медленно подготовляли
ственную гражданскую жизнь. А между
изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, ни
ие одарено такими сильными государ-
ыми и политическими инстинктами,
великоруссы; ни одно не являло ихъ
блистательно, чрезъ длинный рядъ
ивыхъ и тяжелыхъ дней. Это кажу-
противорѣчіе объясняется, какъ нель-
ше, начальными формами нашего бы-
ъ которыхъ мы и до сихъ поръ еще
работались и не выработаемся, пови-
, весьма долго. Много, и съ разныхъ
зрѣнія, обсуждался у насъ вопросъ о
ничествѣ, всосавшемся въ нашу плоть
ь. Тысячи причинъ, и очень основа-
ихъ, приводятся въ объясненіе, почему
вилось и чѣмъ поддерживается; но
дая объ этой проказѣ, не обращаютъ,
кажется, должнаго вниманія на очень любопытный фактъ, что большинство отъявленныхъ взяточниковъ и казнокрадовъ — лучшіе отцы семействъ, образцовые супруги, истинные благодѣтели своихъ родственниковъ, вѣрные и надежные друзья, вообще люди добрые и благотворительные. Чтожъ это показываетъ? Очевидно, всѣ ихъ хорошія стороны сосредоточены только въ домашнемъ, семейномъ быту; только интересы семейные и домашніе составляютъ для нихъ серьезное дѣло; все, что внѣ этого круга, — государство и общество, — являются, въ ихъ глазахъ, чѣмъ-то постороннимъ, внѣшнимъ, чужимъ, до котораго имъ нѣтъ дѣла; до этого рода интересовъ они еще не поднялись; другими словами, въ ихъ сознаніи и ежедневныхъ привычкахъ не выработалась, рядомъ съ домашнимъ бытомъ, среда государства и общества, менѣе непосредственная, болѣе духовная, связующая людей и опредѣляющая ихъ дѣятельность невидимымъ, но оттого не менѣе реальнымъ началомъ общественной пользы и блага. Если вглядѣться глубже въ нашу жизнь, то окажется, что не одни взяточники выражаютъ собою этотъ видъ неразвитости русскаго общества.

III.

Внутренній бытъ Россіи, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ, представлялъ округленное и законченное цѣлое. Московское государство было азіатской монархіей, въ полномъ смыслѣ слова. Односложная формація осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до покоренія другимъ народомъ, или до внутренняго распаденія, вслѣдствіе собственной дряхлости. Остановись мы на этой точкѣ и не иди далѣе, — трудно было бы сказать, что выиграла Великороссія передъ западной Россіей и прочими славянами, покоренными чужеземному игу или принявшими исподоволь нравы и языкъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ. Самостоятельность на манеръ персидской или китайской едва ли чѣмъ лучше несамостоятельнаго участія въ жизни другихъ народовъ, которые играютъ роль во всемірной исторіи и общемъ ходѣ культуры.

Но къ концу XVII в. замѣчается въ московскомъ царствѣ броженіе, какого въ немъ

прежде не бывало. Прежнія смуты были вызваны столкновеніемъ, внутри государства, туземныхъ элементовъ съ чуждыми, внесенными извнѣ въ его составъ. Волненія и неустройства, предшествовавшія Петру Великому, были совсѣмъ другого рода. Они свидѣтельствовали о разслабленіи связей, которыми до тѣхъ поръ крѣпко держалось все общество. Появляется хаосъ въ головахъ и въ дѣйствительности. Никто не знаетъ какъ приняться за исправленіе непорядковъ, которые все усиливаются и вырождаются въ бунты, грозящіе опасностью даже цѣлости и единству государственной власти. Видимо, внутреннія, органическія причины колеблютъ государство. И вотъ, посреди этой неурядицы, является Петръ, съ необыкновенной энергіей и жестокостью подавляетъ смуты, преобразуетъ, внѣшнимъ образомъ, всѣ формы быта и придаетъ странѣ наружный видъ европейской монархіи того времени.

Еслибъ реформа остановилась со смертью Петра Великаго, то не могло бы оставаться сомнѣнія въ томъ, что московское государство принадлежитъ къ азіатской, а не европейской группѣ. Мало ли было броженій и великихъ государей на Востокѣ! Единичныя явленія, сами по себѣ, ничего не значатъ и подтверждаютъ, а не опровергаютъ, общее правило. Внѣшній характеръ петровскаго преобразованія служилъ бы, въ такомъ случаѣ, новымъ доказательствомъ, что мы азіатскій народъ. Но въ томъ-то и сила, что дѣло Петра не умерло послѣ него на русской почвѣ; напротивъ того, оно, несмотря на крайне неблагопріятныя обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора вѣка, вплоть до нашего времени. Вмѣсто того, чтобъ ослабить Россію, реформа вызвала къ дѣятельности дремавшія въ ней громадныя силы и развила ихъ въ невиданныхъ размѣрахъ. Вотъ почему, нельзя не признать реформы Петра органическимъ явленіемъ великорусской жизни,—явленіемъ, которое, по своей своеобразности и необычайности, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Зная судьбы преобразованія въ Россіи, мы не вправѣ говорить свысока, съ пренебреженіемъ, о полу-восточномъ характерѣ броженія, которое предшествовало эпохѣ Петра, о крутомъ, насильственномъ, внѣшнемъ характерѣ его реформы: все это имѣетъ свое значеніе и свой опредѣленный смыслъ, есть характеристика приготов[illegible] и обстановки событій, которымъ нѣт[illegible] добныхъ въ исторіи.

Спрашивается: какія внутреннія, ор[illegible] ческія причины вызвали переворотъ? [illegible] правильно разрѣшить этотъ вопросъ, [illegible] раемся уяснить себѣ, чѣмъ собствен[illegible] личаются направленіе и характеръ [illegible] внутренней жизни до Петра и послѣ П[illegible] Что представляетъ она въ этомъ отно[illegible] новаго въ послѣдніе полтора вѣка, ср[illegible] тельно съ тѣмъ, что было до реформы?

Перемѣна, если въ нее вдуматься [illegible] шенько, поразительна. Наша жизнь у[illegible] нилась новымъ факторомъ; въ нее вне[illegible] европейскій идеалъ, во имя котораго [illegible] шинство русскихъ людей стало расход[illegible] съ окружающей дѣйствительностью, [illegible] ситься къ ней отрицательно, иногда [illegible] дебно, и во всякомъ случаѣ критичес[illegible] свободно. Каковъ бы ни былъ этотъ ид[illegible] но онъ представляетъ новую силу, вв[illegible] ную въ нашу жизнь со времени Петра [illegible] ликаго. Съ тѣхъ поръ, въ ней выступ[illegible] на первый планъ личная иниціатива, [illegible] видуальность выдается впередъ изъ н[illegible] ной массы, въ которой она стушевыва[illegible] Древняя русская исторія, по своей про[illegible] и правильному развитію, принадлежитъ [illegible] бы къ области естественной исторіи. М[illegible] не забѣгаетъ впередъ событій; ее вызы[illegible] необходимый ходъ вещей; человѣкъ т[illegible] слѣдуетъ за нимъ, отражаетъ его на [illegible] становится его орудіемъ. Поэтому, н[illegible] разлада между дѣйствительностью и мы[illegible] нѣтъ внутреннихъ противорѣчій въ [illegible] вѣкѣ и обществѣ: все однообразно, [illegible] сложно, и просто. Подумаешь, что не [illegible] дѣлаютъ исторію, а она дѣлается сам[illegible] бою, безъ всякаго участія человѣка, по[illegible] имъ органическимъ, внутреннимъ, непре[illegible] нымъ законамъ; человѣка какъ будто [illegible] вовсе, а дѣйствуютъ одни элементы и [illegible] природы, движимые собственнымъ ес[illegible] вомъ.

Все это измѣнилось съ преобразован[illegible] Петра. Точно въ жизнь вошелъ новый [illegible] тель, призванный всюду и во всемъ пр[illegible] вести разладъ. Въ русскомъ народѣ, [illegible] сложномъ по своему составу, по складу ж[illegible] по единству соціальнаго типа, выдѣля[illegible] цѣлая среда,—образованный классъ,—[illegible] рая живетъ чужою жизнью, принимаетъ [illegible] жіе нравы, мѣняетъ свой языкъ на чу[illegible]

...ляется къ идеаламъ, взглядамъ, тре-
...іямъ, выработаннымъ чужою жизнью.
...ревней Россіи, человѣкъ, отрѣшившійся
...воего быта, бѣжалъ изъ него вонъ, на
...оръ; никакого опредѣленнаго образа
...анскаго и государственнаго существо-
...онъ не умѣлъ и не могъ противопо-
...ть тому быту, который отрицалъ, и по-
...мѣнялъ его на лѣса и степи, гдѣ не
никакого устроеннаго человѣческаго
...тва. Теперь среда, выдѣлившаяся изъ
...а, остается посреди его, отрицаетъ уста-
...шійся народный бытъ не во имя какой-
...граничной, несуществующей нигдѣ сво-
и разгула, а во имя идеала другого,
...аго, лучшаго быта и стремится водво-
...его въ народной жизни, передѣлать ее
...ому идеалу, пересоздать, согласно съ
обычаи и нравы. Еслибъ такая среда
внесена въ русскую жизнь откуда-ни-
...извнѣ, представляла чуждый намъ этно-
...ческій и историческій элементъ, то у
...былъ бы одинъ такой идеалъ; но преоб-
...щая среда возникла у насъ, между нами,
...ми же пополнялась; русская голова и
...ая душа приняла чужіе идеалы, во имя
...ыхъ передѣлывался нашъ внутренній
, и потому было множество различныхъ
...овъ, смотря по времени, по обстоятель-
...ъ, обстановкѣ и тысячѣ случайнымъ усло-
дѣйствовавшихъ лицъ. Отсюда разладъ
...емъ. Бытъ перестроивался не всегда со-
...о съ его внутренними требованіями,
...ъ осуществлялся, не всегда отвѣчая
...іямъ дѣйствительности. Естественный,
...альный ходъ жизни былъ нарушенъ:
...ъ то опережала ее, то отъ нея отста-
дѣйствительныя потребности то остав-
...ись безъ вниманія, потому что не подхо-
подъ идеалъ, то удовлетворялись не
какъ бы слѣдовало, потому что на нихъ
...рѣли не прямо, а сквозь предвзятую
...ь. Появилось множество неестествен-
сочетаній, причудливыхъ комбинацій
...ысли и въ самыхъ фактахъ; создалась
...ственная жизнь, искусственная дѣйстви-
...ость, которая, въ свою очередь, вызывала
...ственную мысль. Мало-по-малу, призраки
...мѣшались съ дѣйствительностью, иллю-
...съ трезвой мыслью. Возникъ, посреди
...твительной жизни, цѣлый міръ фантазій
...ражей, и различить ихъ между собою
...ыло силъ. Смѣсь ихъ опутывала чело-
и не выпускала изъ своего заколдован-
наго круга. Заманчивая и обстоятельная ткань, въ которой ложь вплеталась въ правду, истина въ вымыселъ, ослѣпляла умственное зрѣніе, лишала его даже способности замѣчать между ними разницу.

Теперь эта удивительная эпоха, похожая на арабскую сказку, приходитъ къ концу. На это указываютъ несомнѣнные признаки. Пристрастіе къ иностранному и чужому видимо смѣняется, въ образованныхъ слояхъ нашего общества, охлажденіемъ къ Европѣ, даже не всегда справедливымъ предубѣжденіемъ противъ европейскаго; національное чувство ростетъ быстро; идеалы и идеальное направленіе въ рѣшительномъ пренебреженіи, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало; мысль становится трезвѣе, получаетъ практическій складъ, обращается къ практическимъ интересамъ; стараются, какъ бы нарочно, окоротить ея полетъ и держаться исключительно въ кругу ближайшихъ, фактическихъ условій дѣйствительности: въ этомъ тоже замѣтна своего рода крайность, съуживающая горизонтъ зрѣнія. Такая перемѣна въ направленіи запечатлѣна духомъ реакціи противъ прежняго; но это обстоятельство именно и доказываетъ, что эпоха, начатая Петромъ Великимъ, уходитъ въ прошедшее.

Что̀ выражала она собою? Возрастъ или степень развитія, черезъ которую проходитъ, въ той или другой формѣ, каждый человѣкъ и каждый народъ. Въ жизни человѣка это называется юностью; въ жизни народовъ — героическимъ періодомъ. Главной движущей пружиной этого возраста является пробудившаяся умственная и нравственная дѣятельность, которая становится самостоятельнымъ органомъ въ судьбахъ человѣка и народа. На первыхъ порахъ, этотъ новый двигатель преисполненъ сознаніемъ своего всемогущества и неудержимо стремится подчинить себѣ все, даже самую природу и ея неизмѣнные законы. Отсюда, въ эту пору жизни, необыкновенное развитіе силъ, рвущихся проявиться наружу, упразднить дѣйствительность какъ она есть и передѣлать ее на другой ладъ, не соображаясь съ тѣмъ, возможно ли это, допускаютъ ли это законы природы. Ясное пониманіе свойства этой силы, ея призванія и назначенія, ея предѣловъ и отношеній къ дѣйствительному міру, наступаетъ позднѣе, и тогда она вступаетъ въ гармоническое сочетаніе съ дѣйствительностью, которой не можетъ побѣдить,—изъ разрушительнаго, от-

рицательнаго элемента становится зиждительнымъ условіемъ осмысленной и правильно развивающейся жизни.

Нашъ героическій вѣкъ опредѣлился особенными обстоятельствами и условіями, въ которыхъ мы находились къ концу XVII вѣка. Если онъ намъ кажется не такимъ привлекательнымъ, какъ бы мы того ожидали отъ героическаго возраста, то это не его вина, а наша: мы стоимъ къ нему слишкомъ близко, теряемся въ деталяхъ и упускаемъ изъ виду цѣлое. Это просто ошибка зрѣнія. Еслибъ мы знали сухую, прозаическую истину о героическомъ періодѣ Греціи, и притомъ съ такою ужасающею подробностью, какъ знаемъ теперь даже Петра, — Богъ знаетъ, показался ли бы намъ этотъ періодъ такимъ поэтическимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ сквозь легенды и сказанія, въ которыхъ онъ до насъ дошелъ. Отступите подальше и взгляните въ перспективѣ на Петра, на Екатерину II, на Александра I-го, – развѣ это не фигуры героевъ и полубоговъ древности? Съ точки зрѣнія науки и исторической истины, такая близость къ героическому періоду имѣетъ свою очень выгодную сторону: по нашей исторіи мы можемъ прослѣдить, почти шагъ за шагомъ, какъ приготовлялся этотъ періодъ, какіе были его составные элементы, какъ онъ родился изъ нѣдръ старинной русской жизни. Формы его даны прошедшимъ и имъ объясняются, точно также какъ онѣ, въ свою очередь, бросаютъ свѣтъ на предшествовавшій періодъ.

Мы сказали выше, что московское государство, къ концу XVII вѣка, находилось въ ненормальномъ состояніи. Это отлично обрисовано профессоромъ Соловьевымъ, въ первой главѣ тринадцатаго тома его исторіи. Передъ нами картина разложенія съ одной стороны, а съ другой — слышится громкій протестъ противъ внутреннихъ нестроеній, исканіе выхода изъ растущихъ замѣшательствъ. Скрытая, но главная причина болѣзненнаго состоянія общества заключалась въ томъ, что простыя, первобытныя формы, которыми опредѣлялся старинный великорусскій бытъ, оказывались уже недостаточными для возникавшей, болѣе сложной общественности. Начальная соціальная ячейка, дворъ или домъ, и развившееся изъ нея крѣпостное право становились узки и тѣсны для сравнительно болѣе зрѣлаго государственнаго и гражданскаго быта. Къ московскому государству уже не шли формы вотчины и дѣдины, къ московскому государ формы домоначальника, отчича и дѣдича: чувствовали уже Иванъ III и еще бо Иванъ Грозный; точно такъ же Ордынъ-На кинъ, Одоевскій, Голицыны, Матвѣевъ походили на холопей, а Посошковъ, Иса — на царскихъ сиротъ Страшныя, вопію злоупотребленія доказывали недостаточно системы управленія, основанной на крѣпо номъ правѣ. Въ обществѣ стала появля потребность образованія,—признакъ, что ховная жизнь пробуждалась, если не въ цѣ массѣ народа, то въ нѣкоторой, лучшей части. Словомъ все, на что ни взгляне къ чему ни обратимся, показываетъ, что щество и государство уже переросли ста формы; противорѣчіе между ними и на ваю имъ содержаніемъ и было главной чиной внутреннихъ неустройствъ и броже

Какой выходъ предстоялъ древней Ро изъ такого положенія?

Мы не раздѣляемъ фаталистическихъ в довъ на исторію и вовсе не думаемъ, т можно было, какъ говаривалось прежде на лософскомъ жаргонѣ, „конструировать“ Пе Великаго,—доказывать, что онъ необход долженъ былъ явиться и не могъ не явит Такого рода роковой необходимости мы видимъ ни въ судьбахъ отдѣльнаго лица, въ судьбахъ народовъ. Есть въ складѣ и р витіи каждаго организма извѣстныя ос ныя черты и направленія, которыя съ н рождаются и сопровождаютъ его до мог это типическія свойства, которыя могутъ б исковерканы, обезображены, но не истр лены; они будутъ отзываться и въ свое искаженномъ видѣ, въ разныхъ ненорма ныхъ явленіяхъ. Есть, далѣе, извѣстныя стоянія или положенія, обусловливаемыя вѣстной ступенью развитія, извѣстными стоятельствами и обстановкой. Они—слож продуктъ типическихъ свойствъ, степени р витія, наконецъ внѣшнихъ условій и слу ностей, подъ вліяніемъ которыхъ орган живетъ. Такія положенія, сами по себѣ, реходчивы и потому могутъ измѣняться реннымъ образомъ, но не сразу, а постепе исподволь. Они-то и представляютъ ближ шую, непосредственную, живую среду вн ней исторіи и внѣшнихъ событій. Въ возникаютъ явленія самаго разнообраз свойства, органическія и случайныя; на дѣйствуютъ самыя разнообразныя вн вліянія, временныя и постоянныя. Гляд

удливую и пеструю игру безчисленныхъ
таній, которыя, вслѣдствіе того, появ-
тся и исчезаютъ въ этой средѣ, какъ въ
йдоскопѣ, мы не можемъ предсказать,
е именно обстоятельство, событіе или слу-
ность измѣнятъ данное положеніе; но если
око его знаемъ и хорошо понимаемъ, то
емъ, не дожидаясь совершившихся фак-
, заранѣе приблизительно опредѣлить,
е будетъ общее направленіе и характеръ
дстоящихъ измѣненій, потому что оба
ываются положеніемъ и средой, на кото-
событія и случайности дѣйствуютъ. И
, можно, не будучи пророкомъ, предуга-
ать вообще склонъ, теченіе жизни; изучая
орическую эпоху, можно точно также ука-
ать на общія черты, опредѣлившія даль-
шій ея ходъ; но никакой обыкновенный
овѣческій умъ не въ состояніи предска-
дѣятелей, обстоятельства и событія. Когда
орикъ пробуетъ „конструировать“ лица и
оятельства, онъ только себя и другихъ
дитъ въ заблужденіе, потому что исторія
есть раскрытіе алгебраической формулы.
опробуемъ примѣнить эти мысли къ на-
эпохѣ преобразованія, а для того забу-
ъ на минуту, что былъ Петръ Великій,
раничимся однимъ тѣмъ, что знаемъ о
ковскомъ государствѣ, и, на основаніи
ько этихъ свѣдѣній, попытаемся опредѣ-
, каковъ могъ быть характеръ и направ-
іе предстоявшаго ему выхода изъ того
оженія, въ какомъ оно находилось въ
дѣ XVII вѣка.

ри разрѣшеніи этого вопроса, намъ есте-
нно представятся вотъ какія соображенія:
ъ обществахъ съ сложнымъ внутреннимъ
авомъ образуются слои, которые, подъ
ніемъ вѣковой борьбы между собою, смы-
тся въ корпораціи, сословія, и вырабаты-
тъ, каждое, свой идеалъ общественности.
идеалы,—взглядъ корпораціи или сосло-
на то, какъ должно быть устроено обще-
съ точки зрѣнія того сословія или той
нораціи. Каждая усиливается оспорить у
гой власть и вліяніе на ходъ государствен-
ъ дѣлъ и провести свой идеалъ, свои
яды. Такимъ образомъ, общество слож-
состава вырабатываетъ идеалъ новаго
ядка дѣлъ изъ себя. Когда существующій
докъ, построенный по идеалу одной кор-
аціи, оказывается недостаточнымъ и не-
летворительнымъ, на смѣну его, изнутри
же самого общества, является другой, выработанный другой корпораціей. Въ какой степени онъ удовлетворяетъ требованіямъ всѣхъ составныхъ элементовъ общества и пользамъ цѣлаго государства, — это другой вопросъ; но довольно, что идеалъ уже готовъ и что онъ родился въ самомъ обществѣ.

Возьмемъ теперь государство съ односложнымъ составомъ, какимъ было московское. Литовско-польскіе элемент , внесенные въ него, начиная съ Ивана III, имѣли свой идеалъ и пытались водворить его у насъ; но эти элементы истреблены, частью при Грозномъ, частью во время послѣдующихъ смутъ; къ концу XVII вѣка, они совсѣмъ исчезли. Затѣмъ, какъ и прежде, весь внутренній бытъ московскаго государства былъ, въ XVII вѣкѣ, сверху до низу, построенъ по одному типу или идеалу. Не изъ чего было образоваться корпораціямъ, сословіямъ, съ особыми стремленіями; ничего подобнаго и не было, а были разряды или „чины“ царской службы, правда, отдѣленные другъ отъ друга, но не имѣвшіе внутренней замкнутости и организаціи; оттого, не было между ними никакой борьбы и они не имѣли своихъ корпоративныхъ идеаловъ. Отсюда слѣдуетъ, что когда, въ такомъ обществѣ, вѣковой историческій типъ отживаетъ свое время, ему нельзя замѣнить его другимъ идеаломъ, взятымъ изъ нѣдръ собственной жизни, а придется, по необходимости, искать его внѣ себя, у другихъ народовъ.

Далѣе: потребность въ идеалѣ, взятомъ изъ чужой жизни, почувствуютъ сперва только тѣ слои и стороны общества, которыя, вслѣдствіе разныхъ причинъ, важныхъ или неважныхъ, постоянныхъ или мимолетныхъ и случайныхъ, практически натолкнутся на неудовлетворительность существующаго и необходимость замѣнить его новымъ, чужимъ. Такимъ образомъ, потребность преобразованія всего сильнѣе будетъ чувствоваться, на первыхъ порахъ, меньшинствомъ высшихъ слоевъ общества и въ правительственныхъ сферахъ, которыя болѣе доступны вліянію чужихъ странъ, ближе видятъ и лучше понимаютъ практическій ходъ государственныхъ и административныхъ дѣлъ, чѣмъ остальная масса народа. И такъ, преобразованіе пойдетъ неизбѣжно сверху внизъ, а не снизу вверхъ.

Въ обществѣ неразвитомъ, безъ культуры, съ одними природными наклонностями и инстинктами и внѣшней дисциплиной, чужой идеалъ будетъ представляться со стороны

внѣшнихъ его формъ и обстановки, да и вводиться онъ будетъ внѣшнимъ образомъ. Чѣмъ меньше развитія и культуры въ народѣ, тѣмъ онъ полнѣе, безотчетнѣе подчинится вліянію чужого идеала, приметъ его за образецъ себѣ во всемъ.

Когда разъ чужой идеалъ будетъ внесенъ въ жизнь народа, въ ней произойдетъ внутренній разладъ: явится партія нововводителей и партія приверженцевъ стараго порядка. Иностранный образецъ послужитъ такой же закваской для внутренняго развитія односложнаго общества, какою у другихъ народовъ служитъ присутствіе въ ихъ составѣ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ. Около борьбы между защитниками новаго и стараго сгруппируются умственныя силы страны; эта борьба сдѣлается центромъ и двигателемъ духовнаго развитія; обѣ стороны должны будутъ все подробнѣе, глубже и точнѣе опредѣлять свои взгляды и программы, выяснять свои идеалы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эта борьба будетъ становиться шире, обнимать бо̀льшій кругъ интересовъ, распространится на всѣ стороны жизни. Внутренняя борьба поведетъ къ болѣе точному опредѣленію и усиленію государственнаго единства и центральной власти.

Чужой идеалъ мы могли взять, въ концѣ XVII вѣка, только изъ западной Европы. Это указывалось и внутренними признаками, и внѣшними обстоятельствами. Уже съ Ивана III, правительство стало обращаться къ Европѣ за художниками, медиками, войскомъ, мастерами всякаго рода. Нѣкоторые заѣзжіе европейцы попали въ большое довѣріе къ царю Ивану Васильевичу. Число европейскихъ выходцевъ къ намъ все увеличивалось, и при Алексѣѣ Михайловичѣ они считались въ Москвѣ тысячами. Сношенія съ европейскими государствами, начавшіяся тоже съ Ивана III, познакомили высшіе слои тогдашняго нашего общества съ европейскимъ бытомъ и нравами въ самой Европѣ, на мѣстахъ. Съ Остзейскимъ краемъ, принадлежавшимъ тогда Швеціи, мы находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Вслѣдствіе всего этого, вліяніе Европы на высшіе слои московскаго общества становились, въ XVII вѣкѣ, замѣтнымъ. Князю Хворости́нину, еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, стало скучно въ Москвѣ и онъ собирался бѣжать въ Италію, а если можно и дальше; дьякъ Котошихинъ, оевропеившійся русскій, бѣжалъ въ Швецію. Въ книгѣ профессора Соловьева собр любопытные факты о вліяніи европейск нравовъ и обычаевъ на лучшихъ русск людей передъ эпохой преобразованія. И т путь къ заимствованіямъ изъ Европы б уже проложенъ до Петра. Да и откуда было намъ заимствовать, какъ не отт Византійская имперія уже не существов изъ Польши намъ мало что приходилось т занимать; притомъ же, тамошніе госу ственные порядки, приведшіе ее къ упа не представляли образца, достойнаго по жанія: весь нашъ государственный и об ственный строй былъ совершенно прот положенъ польскому, и къ концу XVII в итоги сводились въ нашу пользу, а не пользу поляковъ. Только Европа, съ ея в реннимъ благоустройствомъ и высокой к турой, могла быть для насъ предмет удивленія и служить образцомъ, достойн подражанія.

И такъ, по состоянію московскаго г дарства въ концѣ XVII вѣка, можно б предугадывать, что если ему только п стоитъ обновиться, то такое обновленіе жетъ произойти развѣ вслѣдствіе внѣшн вліяній, всего вѣроятнѣе изъ Европы: вліяніе ея должно начаться съ высш слоевъ и правительственныхъ сферъ, ч которыя и будетъ проникать въ народъ; по низкой степени культуры въ московск государствѣ, вліяніе на него Европы буд сперва, конечно, только наружное, вызов практической потребностью лучшихъ фо жизни и быта, и уже потомъ, впослѣдст пробудитъ къ самостоятельной дѣятельно живыя силы страны и народа.

Все это можно было предвидѣть и п сказать заранѣе. Такъ и смотрѣли иностран не только въ XVII, а даже еще въ XVI вѣ Но никто въ мірѣ не могъ предвидѣт предсказать, что преобразователемъ буд прирожденный царь, и что этотъ царь буде вдобавокъ, необыкновенный, великій че вѣкъ. Ходу и направленію внутренней жи Россіи, намѣченному всей нашей исторіе развитіемъ, онъ придалъ еще свой личн характеръ, наложилъ на нихъ свою печа Вотъ именно въ этомъ, какъ намъ кажет и лежитъ источникъ глубокихъ недоразум ній при всѣхъ сужденіяхъ о Петрѣ Велик и эпохѣ преобразованія. Не различая то что̀ опредѣлялось обстоятельствами, отъ л наго дѣйствія Петра, мы, смотря по взгля

ещи, или считаемъ его творцомъ и со-
елемъ Россіи, какъ будто до него она
е не существовала, или, наоборотъ, ви-
ь въ преобразованіи горестный резуль-
его геніальнаго произвола, неестествен-
и горькій плодъ его самовластія, не
ющій ничего общаго съ предыдущимъ
мъ нашей внутренней жизни. Въ сущ-
и, оба взгляда очень сходны между
ю; ни тотъ, ни другой не признаетъ ни-
го самостоятельнаго значенія древней
іи; оба полагаютъ всю силу, весь смыслъ
шѣхъ преобразованія въ одной личности
а. Очень понятно, отчего это произошло.
ъ Великій, какъ вѣрно замѣтилъ г. По-
ъ, заслонилъ отъ насъ своей огромной
рой древнюю Россію. Новое направленіе
кой жизни слилось въ нашемъ представ-
и съ именемъ Петра, какъ будто въ немъ
отилось. Видя его вездѣ на первомъ
ѣ, неизмѣримо выше всѣхъ сподвижни-
, главнымъ орудіемъ преобразованія,
ой новаго дѣла, мы приписываемъ одной
ичной дѣятельности то, что только въ
ицѣ выразилось ярко, выпукло, геніально.
а новое направленіе проводится неогра-
иннымъ государемъ и такимъ необыкно-
ымъ, какимъ былъ Петръ, невольно за-
ется естественный ходъ вещей, который
отовилъ его подвигъ и сдѣлалъ событіе
бѣжнымъ въ той или другой формѣ. Все
очень понятная и естественная ошибка
ія, оптическій обманъ: но нельзя на
й ошибкѣ строить историческую теорію,
рая спутываетъ всѣ понятія и дѣлаетъ
ильную оцѣнку предыдущей и послѣду-
й исторіи рѣшительно невозможною.

етръ Великій и его эпоха есть начало
его героическаго вѣка. Не прошло еще
ухъ столѣтій, а величавый, удивитель-
образъ его сталъ уже облекаться въ
ическое сказаніе. Не будь у насъ подъ
ми несомнѣнныхъ историческихъ свидѣ-
ствъ, нельзя было бы повѣрить, что не-
нами живое лицо, а не сказочный бо-
рь. Даже достовѣрная повѣсть о его ран-
молодости дышетъ легендой и миѳомъ.
готовится къ своему подвигу, по мѣткому
женію профессора Соловьева, не въ ста-
Россіи, а подлѣ нея, внѣ обычной тогда
иновки царственныхъ дѣтей, между по-
ными, и въ Нѣмецкой слободѣ. Обстоя-
ства его какъ будто нарочно для того
стили вдали отъ двора, чтобы поставить
въ совершенную независимость отъ той среды
и правовъ, которыя онъ призванъ былъ пре-
образовать. Около него, съ юности, состав-
ляется особая атмосфера, чуждая остальному.
Грозный тоже уѣзжаетъ на время изъ Москвы
въ Александровскую слободу, но снова воз-
вращается въ центръ старинной русской
жизни; Петръ съ дѣтства чуждъ Москвѣ, хотя
и находится въ ней, а потомъ оставляетъ ее
совсѣмъ, бываетъ въ ней наѣздомъ, изрѣдка,
и живетъ въ Петербургѣ, который самъ по-
строилъ на новомъ мѣстѣ. Какая былъ больше
похожа на сказку?

Петръ Великій, съ головы до ногъ, велико-
русская натура, великорусская душа. Удиви-
тельная живость, подвижность, смѣтливость;
складъ ума практическій, безъ всякой тѣни
мечтательности, резонерства, отвлеченности
и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ
тѣмъ, неразборчивость въ средствахъ, для
достиженія практическихъ цѣлей; безгранич-
ный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры,—и
въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто
не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и род-
ную намъ природу великорусса? Но въ какихъ
громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ
немъ высказалась! Несмотря ни на какія
свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до
сихъ поръ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ могъ
жить на свѣтѣ такой человѣкъ! Разъ по-
чуявши свое дѣло, свое призваніе,—а до
этого онъ дошелъ не черезъ книгу или
раздумье, а практикой, опытомъ,—Петръ
отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ,
безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь.
Труженикъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ
слова, онъ не зналъ устали и только пе-
редъ смертью догадался, „коль слабое тво-
реніе есть человѣкъ“. Невозможнаго для
него не было; все казалось ему возможнымъ,
чего онъ хотѣлъ, а хотѣлъ онъ, ни больше
ни меньше, какъ пересоздать московское
царство въ европейскую монархію, съ евро-
пейскимъ государственнымъ устройствомъ,
администраціей, науками, искусствами, про-
мышленностью, ремеслами, торговлею, сухо-
путными и морскими силами, даже съ евро-
пейской общественностью, нравами и фор-
мами,—и разсчитывалъ выполненіе этого
плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ,
желалъ самъ насладиться плодами своего
„насажденія“.

Съ этой стороны, Петръ Великій есть
полнѣйшій представитель своей эпохи и ея

преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой велось дѣло, страстность, если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы.

О преобразованіяхъ на заграничный ладъ думали и до Петра: кое-что уже было сдѣлано въ этомъ направленіи; но никогда еще, до него, преобразованіе не было возводимо въ принципъ; никто до него не проникался такъ всецѣло идеаломъ европейскаго государства и быта; а тѣ, которые проникались имъ, не выдерживали сравненія идеала съ дѣйствительностью, не думали съ нею бороться, чтобъ передѣлать ее, и покидали страну. Петръ внесъ этотъ идеалъ въ русскую жизнь, вступилъ во имя его въ борьбу съ тогдашней дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ, онъ довершилъ старое время и началъ новое. Разрывъ между стремленіями и дѣйствительностью былъ имъ доведенъ до послѣднихъ предѣловъ, но стремленія получили цѣль, имъ придана сила и власть, цѣли подчинена жизнь и ея условія.

Въ отрицательномъ взглядѣ Петра Великаго на старинный бытъ и нравы, иные подозрѣваютъ нелюбовь его къ Россіи. Но такой упрекъ относится къ разряду тѣхъ странныхъ, удивительныхъ недоразумѣній, которыми преисполнены наши сужденія объ этой эпохѣ. Петръ любилъ Россію по идеалу, который о ней составилъ, различалъ въ ней ту, какою ее засталъ, отъ той, какою желалъ видѣть, и старался приблизить ее къ этому идеальному образу. Можно не одобрять его взгляда,—это другой вопросъ; но какъ подозрѣвать его въ нелюбви къ Россіи, когда онъ посвятилъ всѣ свои силы, весь свой трудъ, всю свою жизнь на то, чтобъ она стала, какой ей слѣдовало быть по его убѣжденію? Нельзя работать неустанно, всю жизнь, безъ вѣры въ дѣло, безъ любви къ нему. Петръ такъ трудился, потому что вѣрилъ въ способность русскаго народа преобразиться въ идеальный образъ, который передъ нимъ носился. Прочтите гнѣвныя его письма къ царевичу Алексѣю Петровичу. О чемъ вся забота? О томъ, чтобъ сохранить „насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное“ его „бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами“ Въ чемъ главный упрекъ царевичу? Въ томъ, что царев не помогаетъ ему „въ такихъ его нес ныхъ печалѣхъ и трудахъ“. „Ты,“ пише Петръ царевичу, „ненавидишь дѣлъ мои которыя я, для людей народа своего, жалѣя здоровья своего, дѣлаю и конечно мнѣ разорителемъ оныхъ будешь.“ Тре отъ сына исправленія, царь, въ перво письмѣ, грозитъ ему лишеніемъ наслѣдст „И не мни себѣ,“ прибавляетъ Петръ, „ одинъ ты у меня сынъ и что я сіе тол въ устрастку пишу: во истину (Богу вольшу) исполню, ибо я за мое отечеств люди живота своего не жалѣлъ и не лѣю, то како могу тебя непотребнаго по лѣть? Лучше будь чужой добрый, неже непотребный“. Во второмъ письмѣ, опять требуетъ отъ сына, чтобъ онъ из нился, или пошелъ въ монахи, „ибо б сего“, прибавляетъ онъ, „духъ мой споко быть не можетъ, а особливо, что нынѣ м здоровъ сталъ.“ Во всемъ этотъ страшно неслыханномъ дѣлѣ, Петръ, сколько мо судить по тому, что мы теперь знаемъ, бы кажется, обманутъ. Тайная интрига, вед ная очень искусно, вооружила его прот сына, который, повидимому, не былъ уми ленным врагомъ отца, а человѣкомъ способнымъ и посредственнымъ. Розыск пытка не обнаружили заговора, а тол недовольство. Если свѣдѣнія, которыя до до насъ, полны, то мучительная смерть ревича Алексѣя лежитъ на душѣ Пе Великаго. Однако, чѣмъ можно было вести Петра до такой крайности?—тол внушая ему мысль, что дѣло его попад послѣ его смерти, въ недостойныя рук погибнетъ. Изъ-за одной этой мысли, Пе Великій забываетъ все, даже династичес интересы, казнитъ сына и провозглаша начало, что царь имѣетъ право назнач по себѣ преемника по духу, а не по пло не стѣсняясь потомствомъ. Какъ госуд ственное учрежденіе, этотъ законъ не держиваетъ критики и не пережилъ Пет но онъ вполнѣ характеризуетъ его личн и взглядъ: все для дѣла, все для госуд ства и Россіи, все должно преклоняться р редъ ними, служить только имъ, а не ли не личнымъ интересамъ. Самъ онъ служи имъ наряду съ другими. Оттого, какая пр стота въ жизни, въ обращеніи, въ пер перискѣ! Ошибки свои,—а кто жъ не ош бается,—Петръ признаетъ, даже въ пе

указахъ, проситъ извиненія въ пись-
Дѣло прежде всего, а лицо — даже
Петръ — послѣ.

сль о коренномъ преобразованіи Россіи
ропейскому образцу созрѣла въ Петрѣ
комъ, повидимому, не вдругъ, а по-
нно. Какъ человѣкъ въ высокой сте-
практическій, Петръ приведенъ былъ
му наблюденіями, опытомъ и нуждой.
его времени, мы уже вдвигались въ
европейскихъ государствъ и приня-
все большее участіе въ общихъ дѣ-
Европы. Сама сила вещей вынуждала
облечься въ европейскія формы. Дав-
яя наша потребность пріобрѣсти Ост-
ій край вовлекла насъ въ войну съ
ціей, а это настоятельно потребовало
разованія войска по европейскому об-
и созданія флота; эти реформы, въ
очередь, вызывали нововведенія и пере-
во внутреннемъ бытѣ. Такъ, мало-по-
идеалъ европейской монархіи слился
тра Великаго съ мыслью о потребно-
, нуждахъ и пользахъ Россіи, которыя
и у него на первомъ планѣ. Полезное,
о мнѣнію, вводилось, несмотря ни на
препятствія. Что оно не нравилось,
не доказывало, что оно нехорошо.
ли что́, замѣчаетъ онъ въ одномъ
, принималось по принужденію, за что̀
ъ благодарили и что̀ уже принесло
? Вотъ чѣмъ объясняется принуди-
ый характеръ преобразованія. Оно было
еобходимости внѣшнее, вводилось съ
тью, возведено въ правительственную
му и излагалось не въ назиданіяхъ и
ахъ, а въ законахъ и правительствен-
распоряженіяхъ. Какой же могло оно
ь характеръ, кромѣ принудительнаго?
человѣкъ безгранично убѣжденный въ
ъ дѣлѣ и нетерпѣливый, Петръ дѣй-
алъ круто и жестоко. Одаренный страш-
нравственной силой и энергіей, онъ не
малъ слабости, не допускалъ никакихъ
юкъ и сдѣлокъ съ обновляемой средой.
ь о постепенности внутренняго разви-
о переходныхъ мѣрахъ, была ему во-
нужда, да и не по тогдашнему времени.
комъ полвѣка спустя послѣ него, во
ціи, точно такъ же, мало заботились о
пенномъ переходѣ отъ стараго къ но-

реждая въ Россіи новые порядки, Петръ
сывалъ изъ-за границы иностранцевъ,
давалъ имъ мѣста въ службѣ, водился съ
ними, ласкалъ ихъ. Что могло быть естественнѣе? Они тогда лучше насъ знали дѣло, и потому Петръ употреблялъ ихъ. Но отсюда упрекъ, будто бы онъ предпочиталъ иностранцевъ русскимъ. Какія же на это доказательства? Никакихъ, ни малѣйшихъ. Напротивъ, иностранцы жалуются на Петра Великаго, что онъ ихъ дурно расчитываетъ, не исполняетъ заключенныхъ съ ними условій, старается, при первомъ благовидномъ предлогѣ, отъ нихъ отдѣлаться. Онъ вызываетъ изъ Европы фабрикантовъ, заводчиковъ, мастеровъ, и одно изъ первыхъ съ ними условій, — обучить тому мастерству, фабричному или заводскому дѣлу, русскихъ. За исполненіемъ этого условія строго смотрѣлъ царь и не исполнявшихъ удалялъ изъ Россіи. Въ коллегіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ опредѣлялись чиновниками иностранцы и русскіе,—въ равномъ числѣ; первые должны были обучать послѣднихъ европейскимъ административнымъ порядкамъ, и за то получали больше жалованья. Что не пристрастіе именно къ нѣмцамъ или голландцамъ руководило въ этомъ случаѣ Петра, доказывается тѣмъ, что онъ старался, съ тою же цѣлью, вербовать въ службу преимущественно „шрейберовъ цесарской службы“, австрійскихъ славянъ, знающихъ новое дѣло, а между тѣмъ говорящихъ на родныхъ намъ языкахъ. На высшихъ военныхъ и административныхъ постахъ, кромѣ Лефорта, не встрѣчаемъ при Петрѣ ни одного иностранца,—всѣ до послѣдняго русскіе. Зная иностранные языки, Петръ писалъ и переписывался почти всегда по-русски.

Другой упрекъ Петру, и самый распространенный, заключается въ томъ, что онъ будто бы нарушилъ преданіе, разорвалъ русскую исторію и русскую жизнь на двѣ, другъ другу чуждыя и даже враждебныя половины; будто бы, благодаря Петру, мы утратили чувство народности и оттого блуждаемъ теперь, не зная откуда и куда идемъ.

Это обвиненіе относится, разумѣется, къ тому, что Петръ Великій привилъ къ нашей жизни идеалъ европейской монархіи и быта. Но вглядимся въ дѣло поглубже,—не принадлежитъ ли и этотъ упрекъ къ числу странныхъ недоразумѣній?

Мы уже сказали, что стремленіе къ Европѣ и практическая необходимость подражать ей, заимствовать отъ нея, появились

въ московскомъ государствѣ за долго до Петра и замѣтно усилились передъ началомъ преобразованія. Значитъ, была уже въ русской жизни наклонность въ эту сторону. Стало быть, Петръ Великій не создалъ направленія, за которое его обвиняютъ; онъ лишь его усилилъ, возвелъ въ систему. Не только онъ не нарушилъ традиціи, а напротивъ, слѣдовалъ преданію московскихъ государей съ Ивана III и особенно съ Ивана Грознаго.

Не должно также забывать слѣдующаго, очень важнаго, обстоятельства. Говоря, что Петръ Великій насильственно привилъ русскому народу чужой идеалъ, мы, собственно говоря, сильно преувеличиваемъ. Не только огромное большинство народа осталось совершенно чуждымъ и враждебнымъ этому идеалу, но даже въ высшихъ слояхъ русскаго общества очень, очень немногіе пристали къ нему съ убѣжденіемъ. Борьба между привитымъ чужимъ и своимъ началась, если хотите, даже до Петра; при немъ она стала ярче, продолжалась и послѣ него, продолжается даже и теперь, измѣнивъ только свои формы. Слѣдовательно, никакъ нельзя утверждать, что Петръ убилъ въ насъ чувство народности, лишилъ насъ связи съ прошедшимъ; онъ только внесъ, правильнѣе сказать, только усилилъ элементъ броженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія въ нашей односложной жизни. Съ его времени яснѣе выступила впередъ внутренняя борьба, которая, въ другихъ формахъ, по другимъ поводамъ, происходитъ у всѣхъ народовъ, играющихъ роль въ исторіи. Гдѣ нѣтъ такой борьбы, тамъ нѣтъ жизни и развитія. Она необходима, чтобъ выяснить народное самосознаніе, вызвать къ дѣятельности народныя силы. Если у насъ возникла теперь потребность отдать себѣ отчетъ въ самихъ себѣ, понять себя, то это благодаря преобразованію, которое началось еще до Петра. И такъ, дѣло реформы не было нарушеніемъ нормальнаго хода нашей жизни, а напротивъ, естественнымъ, необходимымъ ея продолженіемъ.

Наконецъ, насъ смущаетъ внѣшній, принудительный характеръ петровской реформы, и изъ него мы выводимъ, что еслибъ Петръ не вздумалъ такъ круто и насильственно вносить въ нашу жизнь чуждыхъ элементовъ, то они бы вовсе въ нее и не вошли. Но во-первыхъ, европейскіе элементы появились въ Россіи уже до Петра; а потомъ, — взглянемъ поближе, куда дутъ насъ подобныя разсужденія. Е могли обойтись безъ европейской за то значитъ, въ ней не было никак добности; стало быть, старинная р жизнь имѣла уже въ себѣ всѣ необхо условія и задатки для дальнѣйшаго, стоятельнаго развитія. Какимъ же одинъ человѣкъ, хотя бы и необыкнов геніальный, могъ, всего въ какихъ- четверть вѣка, сдвинуть цѣлый русс родъ съ его прямого пути, отклони отъ естественнаго, самостоятельнаго тія, на цѣлые полтораста лѣтъ? упрекъ Петру Великому, мы этимъ будто хотимъ возвысить значеніе д Россіи, а на самомъ дѣлѣ только в тѣмъ, которые называютъ Петра тв новой, низводимъ старую Русь на с историческаго матеріала, до такой с мягкаго и несамобытнаго, что геніи человѣкъ могъ вылѣпить изъ него, ч было угодно. Мы думаемъ, что для ненія внѣшняго и насильственнаго тера петровской реформы нѣтъ никак обходимости прибѣгать къ предполож изъ которыхъ совсѣмъ не то слѣдует они должны доказать. Дѣло, какъ м зали выше, объясняется гораздо про концѣ XVII вѣка, потребность преоб нія сильно чувствовалась въ Россіи. П сложности нашей жизни и по степе шего развитія въ XVII вѣкѣ, мы бы собны только къ внѣшнему, а не к треннему преобразованію; а всякое на дѣйствіе есть, по необходимости, пр тельное, насильственное; болѣе или —это уже зависитъ отъ обстоятельст рактера дѣятелей, времени и право рода и тому подобныхъ условій. Пет своему личному характеру, провелъ р сильно, стремительно, жестоко и суро будемъ же терять изъ виду самого изъ-за его случайной обстановки.

Наконецъ, разсуждая о реформѣ и слѣдствіяхъ, мы опускаемъ изъ вид все образованное меньшинство русска щества бросилось въ „прорубленное Пе Великимъ окно въ Европу“ и протѣс туда наперерывъ, неудержимо, съ у тельной энергіей, до нашего времени. направленіе, данное Петромъ нашей ж неестественнымъ, оно бы и кончало его смертью, тѣмъ болѣе, что больша

еменниковъ смотрѣли подозрительно и дебно на его нововведенія, а ближай- преемники его власти не имѣли ни его , ни его силы, ни его взглядовъ. И же мы видимъ? Несмотря ни на что, зованное русское меньшинство, съ не- лымъ самоотреченіемъ, бросается на ѣчу европейскому вліянію и идетъ по у пути гораздо далѣе Петра Великаго, тступничества отъ всего роднаго, до нія родины и самаго языка. Неужели ю приписать такое теченіе мыслей, та- направленіе меньшинства русскаго об- ва, въ продолженіе нѣсколькихъ поко- й, одной подражательности, угодливости, ности, легкомыслію, или случайности, тившейся потомъ въ дурную привычку? порно, все это играло большую роль, о такъ же, какъ и во всякомъ другомъ рическомъ явленіи, рядомъ съ хорошими участвуютъ и дурныя стороны человѣ- ой природы. Но вѣдь мы знаемъ, что дни льстецы и пустые люди шли у насъ тому пути. Въ сравнительно малочислен- слоѣ русскаго общества, который без- ѣльно отдался европейскому вліянію, много людей талантливыхъ, умовъ глу- хъ и свѣтлыхъ, людей горячо любив ь родину, искренно искавшихъ правды. люди, отрѣшавшіеся отъ Россіи нерѣд- о забвенія русскаго языка, честно, съ жденіемъ, служили ей мечомъ и перомъ, но умирали въ битвахъ за ея независи- ь и достоинство. Такихъ людей было ало, и мы ихъ еще помнимъ. Они до- ваютъ своими дѣлами и жизнью, что рма на европейскій ладъ при Петрѣ ыла случайностью или прихотью, а от- ла извѣстной, живой потребности, и му не была нарушеніемъ естественнаго нія русской жизни. Намъ теперь она ется такою потому, что отжила свой . Но прошедшаго нельзя мѣрить на- щимъ. Всему есть свое время и своя ка.

ть этихъ общихъ соображеній обратимся ближайшимъ, осязательнымъ, практиче- ъ. Возьмемъ внѣшніе и внутренніе во- ы, которые поднялъ и разрѣшилъ Петръ, смотримъ, отклонилъ ли онъ хоть одинъ нихъ отъ его естественнаго, правиль- теченія, нарушилъ ли онъ, въ этомъ шеніи, традицію? Самое внимательное еніе коренныхъ русскихъ вопросовъ того времени докажетъ совершенно противное: мы увидимъ, что всѣ они разрѣшены Петромъ Великимъ въ томъ самомъ смыслѣ и направленіи, въ какомъ ставились передъ преобразованіемъ. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, Петръ приложилъ послѣднюю печать къ закрѣпощенію народа. Мы не знаемъ, и даже не можемъ догадаться, на чемъ основанъ этотъ упрекъ? Не на томъ ли, что при немъ помѣстный и холопій приказы слиты въ одинъ? Но прослѣдите внимательно законы XVII вѣка: къ концу его, помѣстные крестьяне стали такими же крѣпостными, какъ вотчинные; права владѣльцевъ на крестьянъ ничѣмъ также не отличались въ это время отъ правъ на холопей. Но допустимъ, что Петръ дѣйствительно сдѣлалъ новый, окончательный шагъ къ слитію этихъ различныхъ разрядовъ несвободныхъ людей въ одинъ: развѣ можно сказать, что онъ разорвалъ преданіе? Подобная мѣра, въ то время, когда все было подведено подъ форму крѣпостного права, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, назваться нововведеніемъ, противнымъ духу старинныхъ учрежденій.

Находятъ, что смѣшеніе помѣстнаго права съ вотчиннымъ показываетъ грубое незнаніе нашего стариннаго юридическаго быта. Но мы хотѣли бы, чтобъ намъ показали, чѣмъ, въ исходѣ XVII вѣка, помѣстья отличались отъ вотчинъ? Такого различія не существовало уже до Петра. Оно удерживалось только по имени.

Назовутъ, можетъ быть, нововведеніемъ, противнымъ духу старины, табель о рангахъ, учрежденіе и устройство сената? Но стоитъ только прослѣдить исторію мѣстничества и постепеннаго упраздненія его, начиная съ Ивана III, чтобъ убѣдиться, что замѣщеніе мѣстъ по годности къ службѣ, а не по роду, было задачею, къ разрѣшенію которой московскіе государи стремились постоянно. Петръ и разрѣшилъ ее въ этомъ смыслѣ.

Преобразованія Петра по духовному вѣдомству были довершеніемъ начатаго при Иванѣ III, особенно при Иванѣ IV, и послѣдующихъ мѣръ, принятыхъ въ теченіе XVII вѣка. Сдѣланное Петромъ по этой части представляетъ весьма послѣдовательное развитіе задуманнаго за долго до него и оконченнаго его преемниками.

Какъ мы уже видѣли, не Петръ сталъ впервые приглашать на службу иностранцевъ; за долго до него начали это дѣлать московскіе государи, уже со временъ Ивана III.

Первое начало регулярнаго войска положено Иваномъ IV, въ учрежденіи стрѣльцовъ. Сообразно съ общимъ характеромъ древней Россіи, они изъ войска обратились въ общественный и вмѣстѣ служебный разрядъ, жили семьями въ особыхъ слободахъ и торговали, отправляя военную службу какъ повинность, подобно казакамъ. Около нихъ возникли новые виды регулярныхъ войскъ, сперва иноземныхъ, потомъ, по образцу ихъ, и русскихъ. Петръ только преобразовалъ эти войска, замѣнивъ ими всѣ бывшіе дотолѣ различные ихъ роды.

Называютъ нововведеніемъ татарскимъ и ненавистнымъ установленіе, при Петрѣ, подушной подати; считаютъ эту мѣру шагомъ назадъ, сравнительно съ старинной, когда существовало посошное тягло, или подать, опредѣлявшаяся по количеству и качеству земли. Но послушайте, что говорятъ современники; посмотрите, на что народъ жалуется безпрестанно и горько, въ теченіе всего XVII вѣка: его тяготитъ именно раскладка повинностей по землѣ. Земли были обмѣрены, Богъ-знаетъ, какъ. Вслѣдствіе тяжкихъ податей, люди, крестьяне и посадскіе, разбѣгались, а съ оставшихся, часто очень немногихъ числомъ, правили что слѣдовало на основаніи посошной раскладки. При такихъ обстоятельствахъ, введеніе подушнаго налога было благодѣяніемъ, разрѣшеніемъ вопроса, поставленнаго стариной, и притомъ разрѣшеніемъ самымъ разумнымъ въ то время, когда не земля, а рабочая сила имѣла цѣну.

Коллегіальное устройство тоже не было нововведеніемъ. Зародыши его находимъ уже въ устройствѣ приказовъ.

Судъ по формѣ, установленный Петромъ, былъ не что иное, какъ организованный, опредѣленный закономъ старинный судъ судебныхъ приказовъ. Жалобы на безчисленныя, вопіющія дѣла московскихъ судовъ XVII вѣка вызвали не коренное ихъ преобразованіе, а болѣе точное опредѣленіе судебнаго порядка, при чемъ, по возможности, предусмотрѣны и устранены важнѣйшія и обычныя въ то время злоупотребленія. Не вина Петра, что послѣ него—и мы до сихъ поръ не знаемъ, когда именно и как старинный словесный судъ замѣнился м меннымъ.

Важнѣйшее дѣло и забота всего цар ванія Петра, — завоеваніе и упроченіе Россіею балтійскаго побережья,— было з мано не имъ, а задолго до него, еще ном Грознымъ.

Можно привести много другихъ пр ровъ въ доказательство, что и во внѣшн и внутреннихъ дѣлахъ, Петръ Великій должалъ начатое его предмѣстниками, п по пути, указанному всей нашей исто Перерыва въ ней никакого при немъ произошло; только всѣ старинныя, вѣк задачи сошлись въ это царствованіе как одинъ фокусъ, и сильно двинуты къ вязкѣ; дѣло столѣтій сжато и втиснут какіе-нибудь четверть вѣка. Повторя насъ вводитъ въ заблужденіе темпера преобразованія, оригинальная, своеобра форма, приданная ей необыкновенной ностью Петра. Вотъ, какъ намъ каже существенная и единственная причина в нашихъ недоразумѣній.

Говоря это, мы далеки отъ мысли оп дывать каждое дѣйствіе Петра Велик каждую принятую имъ мѣру. Во мног онъ, разумѣется, ошибался; многое изъ го, что онъ ввелъ, оказалось несостоят нымъ еще при его жизни, или послѣ н за то, другое пережило вѣка и стоитъ сихъ поръ твердо; многое изъ задуман имъ еще не осуществилось; къ иному, шедшему въ упадокъ и забытому, мож быть, придется еще воротиться. Но вовсе не въ томъ. Существенная сто вопроса о Петрѣ Великомъ и его эпохѣ ключается не въ критическомъ разборѣ плановъ и ихъ выполненія, не въ оцѣ практическаго достоинства его законов распоряженій, а въ опредѣленіи мѣста, нимаемаго Петровской реформой въ наш историческомъ развитіи. Мы старались казать, что она есть органическое про женіе старины, вытекла изъ нея необход и- естественно, и представляется намъ кимъ-то скачкомъ потому только, что дилась у насъ однимъ изъ величайш дѣятелей исторіи, который, своею необык венною личностью и дѣлами, затмилъ денный ходъ нашей исторической жи Возстановить потерянное въ сознаніи ст ство внутренняго нашего развитія, ука

ническую связь тамъ, гдѣ теперь пред-
ляются какъ будто порванные концы
рической нити, — вотъ теперь главная,
ая задача русской исторіи. Разрѣшить
необходимо, не только въ видахъ удов-
оренія исторической любознательности,
и того, чтобъ внести хоть сколько ни-
свѣта и порядка въ нашу мысль, блу-
ющую въ невѣроятномъ хаосѣ и тьмѣ.
наши недоразумѣнія, если ихъ разоб-
хорошенько, сводятся—мы глубоко въ
ъ убѣждены – къ тѣмъ, которыя скопи-
около Петра Великаго и его эпохи; а
повторяемъ, произошли отъ смѣшенія
реформы съ личностью Петра. Пре
зованіе, по ходу древней русской жизни,
неизбѣжно, неотвратимо. Не явись
ра, оно приняло бы, вѣроятно, какія-
гдѣ другія формы, но все-таки, рано или
но, непремѣнно бы совершилось. Петръ
только преобразованію извѣстный видъ,
му, темпераментъ, опредѣлилъ ея ходъ
послѣдующія времена.

етръ Великій принялъ титулъ импера-
и окружилъ царскую власть внѣшней
ановкой европейскихъ монархій. Этимъ
началось окончательное вступленіе Рос-
въ политическую и международную си-
у Европы. Въ общемъ ходѣ нашей исто-
и преобразованія, эти нововведенія раз-
лись сами собою.

раздо важнѣе было новое значеніе, ко-
е Петръ Великій придалъ царской вла-
внутри государства. Мы замѣтили выше,
съ Алексѣя Михайловича наше внутрен-
развитіе, отклоненное отъ своего есте-
наго хода приливомъ польско-литов-
ъ элементовъ, снова возстановилось. Съ
ъ поръ, царская власть является вполнѣ
ю же, какой была при Иванѣ III, при
ильѣ Ивановичѣ, при Грозномъ и Году-
ѣ, и какая сложилась въ представленіяхъ
ікорусскаго народа. Петръ Великій толь-
возводитъ ее въ государственный прин-
ъ, въ идею, освобождаетъ отъ истори-
ки сложившихся и уже обветшавшихъ
мъ, которыя напоминали давно отжитый
государственной сферѣ типъ домоначаль-
я. Принципъ этотъ онъ проводитъ по
мъ ступенямъ государственной іерархіи.
Нѣкоторые считаютъ Петра Великаго ос-
нователемъ самодержавной власти въ Россіи. Но это ошибка. Самодержавіе родилось съ Великороссіей. Андрей Боголюбскій былъ такой же самодержецъ, какъ Всеволодъ Большое-Гнѣздо, какъ московскіе великіе князья и цари до смутной эпохи. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, ошибка происходитъ отъ того, что дѣло не различается отъ лица, у котораго оно въ рукахъ, которое его представляетъ и ведетъ. Петръ Великій выражаетъ начало старинной царской власти гораздо рѣзче, опредѣленнѣе и сознательнѣе, чѣмъ всѣ его предшественники (исключая впрочемъ Ивана Грознаго), потому только, что онъ не только царь, но и преобразователь, что въ его лицѣ выразилась и сосредоточилась реформа, что онъ былъ ея двигателемъ и орудіемъ. Борьба необходимо опредѣляетъ точнымъ образомъ принципы, приводитъ къ ясному ихъ сознанію. Иванъ III высказываетъ новгородцамъ опредѣлительно и точно, чего требуетъ отъ нихъ московскій великій князь, въ чемъ сущность его власти; Василій Ивановичъ,— псковичамъ; царь Иванъ Васильевичъ Грозный формулируетъ свою власть въ борьбѣ съ литовско-польской олигархіей; точно такъ же и Петръ Великій, въ борьбѣ съ старинными государственными и общественными порядками въ Россіи, которые началъ преобразовывать, только выражаетъ съ совершенною опредѣленностью существо царской власти, которая испоконъ вѣка принадлежала русскимъ государямъ.

Но, не создавая самодержавія, Петръ придалъ ему своею дѣятельностью, своею личностью, своею жизнью, новый характеръ, и въ этомъ смыслѣ опредѣлилъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіи. Преобразованіе, какъ мы сказали выше, возведено имъ въ правительственную систему и вошло съ его времени въ число атрибутовъ верховной власти, вполнѣ согласно съ глубочайшими инстинктами русскаго народа. Служа государству и государственнымъ пользамъ преданнѣе, неутомимѣе, безкорыстнѣе, вѣрнѣе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, Петръ, своими „несносными печалями“ и великими дѣлами, вписалъ на вѣки въ нашъ государственный уставъ, что власть есть трудъ, подвигъ, служба Россіи, прежде всѣхъ и больше всѣхъ. Это былъ его завѣтъ и благословеніе потомству, пережившія его арміи и флоты, его „викторіи“ и учрежденія, его

слабости и ошибки. Оттого, послѣ Петра, мѣнялись правительственныя системы, направленія, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой чрезъ весь послѣдующій, тяжелый періодъ нашей исторіи. Преобразованіе и служеніе русскому государству и русскому народу осталось ея знаменемъ и до нашихъ дней, когда, повидимому, довершается дѣло Петра, прикладывается послѣдній камень къ его зданію и начинается новый періодъ нашего историческаго существованія.

Что Петръ своимъ лицомъ и своею жизнью укрѣпилъ царскую власть, начавшую было передъ нимъ колебаться, поднялъ ее и придалъ высокое нравственное и народное значеніе,—въ этомъ его величайшая, безсмертная заслуга передъ Россіей. Наступала пора глубокаго внутренняго перерожденія, когда сильная центральная власть есть для народа вопросъ существованія. Ей предстояло у насъ не только представлять съ достоинствомъ Россію, при внутреннихъ смутахъ, при борьбѣ враждебныхъ другъ другу направленій, при олигархическихъ стремленіяхъ, при революціонныхъ движеніяхъ въ Европѣ, подымавшихъ противъ насъ внѣшнія бури,—но, что было несравненно труднѣе, ей, по цѣлому ходу нашей исторіи, выпадала на долю крайне трудная задача,—продолжать, въ то же самое время, начатое Петромъ Великимъ дѣло внутренняго нашего преобразованія.

Новый періодъ нашей исторіи мы понимаемъ, если возможно, еще менѣе, чѣмъ отношеніе Петра Великаго и его эпохи къ древней Россіи. Европейскія формы, въ которыя снаружи облеклась наша жизнь, спутываютъ всѣ наши мысли и заслоняютъ отъ насъ дѣйствительность; а она между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, рѣшая одну за другой задачи, поставленныя всей нашей исторіей, и которыхъ истиннаго смысла мы не умѣемъ себѣ объяснить.

Реформа Петра была, какъ мы видѣли, внѣшняя. Онъ перемѣнилъ однѣ лишь наружныя формы нашего внутренняго быта и замѣнилъ ихъ иностранными, что, разумѣется, не могло переродить насъ въ европейцевъ. Эти реформы были только новымъ условіемъ нашей жизни, подъ вліяніемъ котораго она стала исподоволь развиваться далѣе.

Ходъ этого развитія представляетъ высокій, животрепещущій интересъ. На п
ности русскаго общества замѣчается,
Петра, полная безурядица: тысячи ст
ній и направленій, проникнутыхъ ев
скими задачами и интересами, стр
и надеждами, и не имѣющихъ прямой
ни съ народною жизнью, ни между
Рядомъ съ ними, и въ пестромъ съ
смѣшеніи, живутъ старинные взгляд
нятія, привычки и предразсудки, пло
ковой жизни и опытовъ. Тѣ и другіе б
между собою, но часто уживаются ми
одномъ лицѣ. Хаосъ совершенный, пр
щій въ отчаяніе, въ которомъ ничего
разобрать.

А между тѣмъ, подъ этой разнохар
ной оболочкой, совершается дѣло и
медленно, въ правильной постепен
Старинныхъ разрядовъ, служебныхъ и
ственныхъ, Петръ едва коснулся и зав
ихъ новому времени. Никакой внут
организаціи онъ не могъ имъ дать,
что она не дается, а вырабатывается
жизнью. На почвѣ „чиновъ", въ с
номъ смыслѣ слова, и крѣпостного
исключавшихъ всякую тѣнь органи
общественной жизни, нельзя было ос
ничего прочнаго. Всякія попытки п
правильный строй нашей обществен
при такой почвѣ, не могли вести
чему. Петръ мѣнялъ нѣсколько разъ
деніе городовъ и провинцій,—и все
прасну. Тѣ же заботы продолжаются и
него, при его преемникахъ, и тоже и
водятъ ни къ какимъ существеннымъ,
жительнымъ результатамъ.

Такъ продолжается до половины
вѣка. Съ этого времени начинается,
ной стороны, постепенное упраздненіе
постного начала, съ другой,—видны по
организовать нашъ внутренній бытъ.

Постепенное упраздненіе крѣпостног
ва и дарованіе гражданскихъ правъ ру
народу совершались, какъ и все дви
нашей жизни, сверху внизъ, начиная с
шихъ слоевъ общества и оканчивая низ
и шло, не прерываясь, до нашего вре
Сперва получили гражданскія права дв
ство, духовенство и купечество, потомъ р
родные средніе слои общества, за тѣм
зенные крестьяне, наконецъ помѣщичьи
тіе административной опеки съ госуд
венныхъ крестьянъ, которые, при импер
Александрѣ I, были свободными тольк

, и лишь въ послѣдующее царствова-
лучили гражданскія права, заключаетъ
собою этотъ рядъ преобразованій ста-
й русской жизни.
равненно труднѣе было замѣнить прежъ-
ѣпостной строй правильной организа-
гѣмъ болѣе, что отмѣна крѣпостного
совершилась не вдругъ, — а отлагать
ъ внутренняго устройства, впередь до
тельнаго уничтоженія крѣпостныхъ от-
ій, было невозможно.
ръ III и Екатерина II вводятъ со-
ю организацію, которую, въ примѣне-
городамъ, началъ вводить еще Петръ
й. Старинные служебные разряды пре-
ваны въ европейскія сословія, старин-
ородскія тягловыя общества—въ замк-
европейскія муниципіи. Но сословія и
кія корпораціи, выросшія на истори-
почвѣ, совершенно различной отъ на-
не могли у насъ приняться. Наши
ные служебные разряды или чины и
ыя общества, плодъ нашего однослож-
осударственнаго и народнаго состава,
ѣли ничего общаго съ европейскими
іями и корпораціями, выработавшимися
твіе долгой внутренней борьбы разно-
хъ составныхъ стихій европейскихъ
рствъ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій
рственнаго быта, бывшіе разряды или
только разомкнулись, и нѣкоторые изъ
освобождены отъ обязательной служ-
ножество разрядовъ, старыхъ и но-
съ наслѣдственнымъ служебнымъ ха-
ъмъ, продолжали существовать подлѣ
й, отчасти въ ихъ составѣ, подъ име-
„званій," и отмѣнены окончательно
въ нынѣшнее царствованіе. Что ка-
тягловыхъ городскихъ обществъ, то
ная ихъ замкнутость, вытекавшая изъ
ихъ крѣпостного и служебнаго быта
II вѣкѣ, упразднена цѣлымъ рядомъ
овленій, изданныхъ въ царствованіе
ндра I и Николая. Къ нимъ тоже не
ось европейское начало городскихъ
аціи.
ословной организаціей, по мѣрѣ рас-
аненія гражданскихъ правъ на всѣ
ія и званія, появляется общинное,
устройство. Начало его введено въ
законодательство въ минувшее цар-
іе съ образованіемъ обществъ госу-
енныхъ крестьянъ и съ изданіемъ но-
-петербургскаго городского устройства;
но обширное примѣненіе получило оно лишь въ нынѣшнее царствованіе. Теперь общинное устройство узаконено во всѣхъ безъ изъятія крестьянскихъ обществахъ, а изъ городовъ распространено на Москву и Одессу. Введеніемъ земскихъ учрежденій оно сдѣлало важный шагъ впередъ, обнимая теперь уѣзды и губерніи, и въ завѣдываніи мѣстными дѣлами, мѣстными интересами, отчасти замѣнило сословное устройство.

Такимъ образомъ, Петровская эпоха была, во всѣхъ отношеніяхъ, приготовленіемъ, при помощи европейскихъ вліяній, къ самостоятельной и сознательной народной жизни. Участіе европейскаго элемента въ нашемъ быту было нужно не для однихъ практическихъ цѣлей, но и для нашего внутренняго развитія. Люди и народы приходятъ къ самосознанію черезъ сравненіе себя съ другими, и чѣмъ предметъ для сравненія лучше, краше, развитѣй, совершеннѣй, тѣмъ полнѣй и глубже человѣкъ и народъ вникаютъ въ самихъ себя, открываютъ въ себѣ неизвѣстныя имъ самимъ, дремлющія въ бездѣйствіи силы. Такому періоду жизни соотвѣтствуетъ пробужденіе и развитіе индивидуальности и выработка формъ для предстоящей дѣятельности. Самостоятельная русская мысль и жизнь, которыя должны наполнить эти готовыя, но пока еще лишенныя содержанія формы, далеко впереди. Образованный слой русскаго общества, за очень рѣдкими исключеніями, продолжаетъ, по старому, питаться чужими мыслями, дѣйствовать по чужимъ образцамъ. Мы до сихъ поръ едва догадываемся, что наши взгляды, —выводы изъ чужой жизни, и добродушно принимаемъ ихъ за результатъ самостоятельнаго нашего развитія. Вотъ гдѣ источникъ нашихъ внутреннихъ противорѣчій и разладицы. Не понимая себя и среды, къ которой принадлежимъ, мы блуждаемъ въ потемкахъ, ходимъ ощупью, куда и какъ случится. Наша умственная и нравственная жизнь, не имѣя еще пока корней у себя дома, не имѣетъ, по тому же самому, и никакого центра тяжести, и носится въ воздухѣ; при всемъ блескѣ нашихъ природныхъ способностей, она холодна, безплодна и мертва. Она согрѣется, оживетъ и сдѣлается плодотворной только съ той минуты, когда опустится изъ неопредѣленной шири на русскую почву, прильнетъ къ ней, и будетъ изъ нея питаться. Уравновѣсить ум-

слабости и ошибки. Оттого, послѣ Петра, мѣнялись правительственныя системы, направленія, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой чрезъ весь послѣдующій, тяжелый періодъ нашей исторіи. Преобразованіе и служеніе русскому государству и русскому народу осталось ея знаменемъ и до нашихъ дней, когда, повидимому, довершается дѣло Петра, прикладывается послѣдній камень къ его зданію и начинается новый періодъ нашего историческаго существованія.

Что Петръ своимъ лицомъ и своею жизнью укрѣпилъ царскую власть, начавшую было передъ нимъ колебаться, поднялъ ее и придалъ высокое нравственное и народное значеніе,—въ этомъ его величайшая, безсмертная заслуга передъ Россіей. Наступала пора глубокаго внутренняго перерожденія, когда сильная центральная власть есть для народа вопросъ существованія. Ей предстояло у насъ не только представлять съ достоинствомъ Россію, при внутреннихъ смутахъ, при борьбѣ враждебныхъ другъ другу направленій, при олигархическихъ стремленіяхъ, при революціонныхъ движеніяхъ въ Европѣ, подымавшихъ противъ насъ внѣшнія бури,—но, что̀ было несравненно труднѣе, ей, по цѣлому ходу нашей исторіи, выпадала на долю крайне трудная задача,—продолжать, въ то же самое время, начатое Петромъ Великимъ дѣло внутренняго нашего преобразованія.

Новый періодъ нашей исторіи мы понимаемъ, если возможно, еще менѣе, чѣмъ отношеніе Петра Великаго и его эпохи къ древней Россіи. Европейскія формы, въ которыя снаружи облеклась наша жизнь, спутываютъ всѣ наши мысли и заслоняютъ отъ насъ дѣйствительность; а она между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, рѣшая одну за другой задачи, поставленныя всей нашей исторіей, и которыхъ истиннаго смысла мы не умѣемъ себѣ объяснить.

Реформа Петра была, какъ мы видѣли, внѣшняя. Онъ перемѣнилъ однѣ лишь наружныя формы нашего внутренняго быта и замѣнилъ ихъ иностранными, что, разумѣется, не могло переродить насъ въ европейцевъ. Эти реформы были только новымъ условіемъ нашей жизни, подъ вліяніемъ котораго она стала исподоволь развиваться далѣе.

Ходъ этого развитія представляетъ высокій, животрепещущій интересъ. На
ности русскаго общества замѣчается,
Петра, полная безурядица: тысячи ст
ній и направленій, проникнутыхъ ев
скими задачами и интересами, ст
и надеждами, и не имѣющихъ прямой
ни съ народною жизнью, ни между
Рядомъ съ ними, и въ пестромъ ст
смѣшеніи, живутъ старинные взгля
нятія, привычки и предразсудки, пло
ковой жизни и опытовъ. Тѣ и другіе б
между собою, но часто уживаются ми
одномъ лицѣ. Хаосъ совершенный, пр
щій въ отчаяніе, въ которомъ ничего
разобрать.

А между тѣмъ, подъ этой разнохар
ной оболочкой, совершается дѣло ис
медленно, въ правильной постепенн
Старинныхъ разрядовъ, служебныхъ и о
ственныхъ, Петръ едва коснулся и завѣ
ихъ новому времени. Никакой внутре
организаціи онъ не могъ имъ дать, пот
что она не дается, а вырабатывается са
жизнью. На почвѣ „чиновъ", въ стар
номъ смыслѣ слова, и крѣпостного пр
исключавшихъ всякую тѣнь органичес
общественной жизни, нельзя было осно
ничего прочнаго. Всякія попытки пра
правильный строй нашей общественно
при такой почвѣ, не могли вести ни
чему. Петръ мѣнялъ нѣсколько разъ уч
деніе городовъ и провинцій,—и все по
прасну. Тѣ же заботы продолжаются и п
него, при его преемникахъ, и тоже не
водятъ ни къ какимъ существеннымъ,
жительнымъ результатамъ.

Такъ продолжается до половины X
вѣка. Съ этого времени начинается, съ
ной стороны, постепенное упраздненіе
постного начала, съ другой,—видны пол
организовать нашъ внутренній бытъ.

Постепенное упраздненіе крѣпостного
ва и дарованіе гражданскихъ правъ рус
народу совершались, какъ и все двиг
нашей жизни, сверху внизъ, начиная съ
шихъ слоевъ общества и оканчивая низ
и шло, не прерываясь, до нашего вре
Сперва получили гражданскія права дв
ство, духовенство и купечество, потом
родные средніе слои общества, за
зенные крестьяне, наконецъ помѣ
тіе административной опеки с
венныхъ крестьянъ, которые, пр
Александрѣ I, были свободны

ственныя и нравственныя силы съ дѣйствительностью, соединить въ одно гармоническое цѣлое мысль и жизнь можетъ отнынѣ одно только глубокое изученіе самихъ себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Другихъ путей нѣтъ и быть не можетъ.

(Вѣстникъ Европы, 1866, кн. 2

Отвѣтъ И. В. Бѣляеву [1]).

Въ № 59, отъ 15 марта, газеты „Москва“ за нынѣшній (1867) годъ, помѣщено возраженіе покойнаго И. В. Бѣляева на одно предположеніе, высказанное въ статьѣ моей: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“, напечатанной во второй книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1866 годъ.

Отвѣчать умершему дѣло крайне щекотливое и неловкое, когда рѣчь идетъ о личныхъ вопросахъ. Но замѣчаніе г. Бѣляева ограничивается исключительно научнымъ вопросомъ и притомъ однимъ изъ важнѣйшихъ, основныхъ въ русской исторіи. Вотъ почему я позволю себѣ отвѣчать. Выраженныя имъ сомнѣнія имѣютъ свою цѣну, независимо отъ личности автора, и составляютъ общее достояніе науки и критики.

Г. Бѣляевъ считаетъ существеннымъ просмотромъ, что я отношу начало великорусскаго племени къ XI или XII вѣку. Это, по его мнѣнію, слишкомъ позднее время. Въ доказательство гораздо болѣе ранняго существованія этого племени г. Бѣляевъ приводитъ то обстоятельство, что Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ Полоцкъ и Ростовъ, „конечно видя уже, что эти города въ тѣсной между собою связи“. Далѣе, Олегъ во время похода на Константинополь бралъ уклады и на сѣверные города, Полоцкъ и Ростовъ, потому что тамъ сидѣли князья „суще подъ Ольгомъ“; Владиміръ отдалъ Ростовъ сперва Ярославу, а потомъ Борису. „Все это,—говоритъ г. Бѣляевъ,—ясно доказываетъ, что Ростовъ гораздо раньше XII вѣка жилъ общею жизнью и съ Полоцкомъ и съ югомъ“.

Къ тому же, ни западъ, ни югъ древ Россіи не могли, по мнѣнію г. Бѣляева, сти въ Великороссію ничего, чего бы не имѣла или не могла имѣть. Уклады родамъ и мужамъ Олеговымъ изъ Царьг послѣ похода развѣ не могутъ указы на связь сѣверныхъ государственныхъ и владѣній съ государственными лицам владѣніями юга? Въ XII вѣкѣ новыхъ чалъ въ Великороссіи не видно, видны то новыя формы. Тоже замѣтно и еще ра именно въ XI вѣкѣ. Въ доказательство г. ляевъ приводитъ извѣстный разсказъ о рахъ, принятыхъ Яномъ на Бѣлѣозерѣ тивъ волхвовъ. Каждая частность, ка черта этого разсказа представляетъ обл юридическаго быта нашей сѣверной вел Руси, очевидно уже не новаго въ XI в „Народъ, города, земли,— такъ заключ свою статью г. Бѣляевъ,—имѣющіе свои сударственные центры въ княжествахъ „властяхъ“ на югѣ и на сѣверѣ, — все такъ ярко, ясно, какъ и послѣ, во в какого нибудь Липецкаго боя, гдѣ уже ской юридическій бытъ и городовыя шенія между русскими землями подъ вла князей Рюрикова дома стоятъ и на сѣв какъ и на югѣ, внѣ всякаго сомнѣнія“.

Возраженія г. Бѣляева очевидно осно на недоразумѣніи. Государственнаго е ства русскаго сѣвера и юга, востока н пада,—если только можетъ быть рѣчь о сударственномъ единствѣ въ варяжскую з нашей исторіи, — я никогда не отриц Рюрика призывали русскія племена вм съ финскими; стало быть, они были въ з зѣ, въ тѣсной связи между собою еще Рюрика. Но изъ этого никакъ еще не с дуетъ, что между тѣми и другими сущест

---

[1]) Статья не была въ печати и осталась въ рукописи незаконченною.

вала и этнографическая связь, чтобъ Весь и Меря были русскія, славянскія племена. Финмаркенъ тоже находился въ государственномъ единствѣ съ Швеціей, до присоединенія къ Россіи; Ломбардія—съ Австріей; Ирландія и теперь состоитъ въ такомъ единствѣ съ Англіей, и такъ далѣе; а племенной ихъ составъ—разный.

Точно также не опровергаетъ меня и то, что князья, бывшіе подъ властью Олега, какъ впослѣдствіи князья Рюрикова рода, тяготѣли къ одному центру на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи, и что юридическіе обычаи и порядки во всемъ русскомъ населеніи, на всемъ пространствѣ Россіи, въ XI и XII вѣкѣ, были совершенно одинаковы. Такъ же одинаковы были, безъ сомнѣнія, вначалѣ юридическіе обычаи и порядки англійскихъ колонистовъ въ Америкѣ съ англичанами, оставшимися на родинѣ, греческихъ выходцевъ, поселившихся въ Испаніи, Франціи, на берегахъ Чернаго моря, — съ жителями метрополій. Но развѣ это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ тому, что страны, заселенныя пришельцами и выходцами, были по коренному этнографическому своему составу одинаковы съ землями, откуда вышли къ нимъ колонисты? Конечно, г. Бѣляевъ не сталъ бы этого утверждать. Современная одинаковость юридическихъ обычаевъ и порядковъ нѣмцевъ въ Германіи и въ прибалтійскомъ краѣ, шведовъ въ Швеціи и Финляндіи, поляковъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ, французовъ во Франціи и Алжирѣ,—никакъ не доказываетъ, что метрополія и колонія сплошь заселены однимъ и тѣмъ же племенемъ. Въ древнѣйшія времена нашей исторіи варяги господствовали одинаково надъ русскими и не русскими племенами въ теперешней Россіи. Территорія, бывшая подъ властью варяговъ, досталась русскимъ князьямъ Рюрикова рода. Это значительно способствовало распространенію русскаго племени по всей теперешней Россіи, хотя разумѣется и были многія благопріятствовавшія обстоятельства. Такъ или иначе, но русское племя проникло къ инородцамъ подъ видомъ господства и завоеваній или подъ видомъ колоній. Власть и верхніе слои были поэтому русскіе и они-то мѣшаютъ намъ нерѣдко разглядѣть подъ ними инородческую основу, особливо въ началѣ, когда колонисты сохраняютъ еще живыя связи и воспоминанія о своей родинѣ и тянутъ къ ней, ничѣмъ не отличаясь отъ населенія, изъ среды котораго они вышли. Но проходятъ годы, смѣняются поколѣнія, колонисты обживаются на новыхъ мѣстахъ водворенія, пускаютъ, такъ сказать, корни, и подъ вліяніемъ мѣстнаго населенія и вообще новой обстановки получаютъ свой особенный характеръ, отличный отъ той отрасли, отъ которой они отдѣлились.

Такъ, кажется, слѣдуетъ объяснить и рожденіе великорусской вѣтви, которая видимо моложе другихъ отраслей русскаго племени.

Но когда она стала слагаться въ теперешній свой видъ и какія именно вліянія опредѣлили отличительныя ея черты отъ другихъ отраслей русскаго племени,—вотъ вопросы, на которые можно отвѣчать, при теперешнемъ состояніи науки, только гадательно. Нимало не претендуя на непогрѣшимость моихъ предположеній, называя ихъ прямо гипотезами, я позволилъ себѣ выразить мысль, что великорусская вѣтвь сложилась въ промежутокъ времени между XI и XV вѣкомъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: Несторова лѣтопись могла быть писана не позже XI вѣка, а въ ней на мѣстахъ теперешнихъ великорусскихъ поселеній называются финскія племена. Въ XV вѣкѣ московское государство является уже сложившимся государственнымъ тѣломъ. Ни покойный г. Бѣляевъ, и никто изъ мыслящихъ людей не станетъ утверждать, вмѣстѣ съ польскими публицистами, что московское государство сочинилось случайно, благодаря ловкости, хитрости и лукавству князей, благодаря насилію и разнымъ случайностямъ. Такое крѣпкое и прочное политическое тѣло, съ формами безпримѣрными въ исторіи, не могло возникнуть, не имѣя мощной народной подкладки; а съ другой стороны, постепенное образованіе новаго политическаго тѣла съ своеобразными формами служитъ внѣшнимъ признакомъ, что народъ, посреди котораго завязался этотъ узелъ, уже опредѣлился и созрѣлъ для гражданственности и самостоятельнаго бытія, получилъ свою извѣстную физіономію. Эти общія соображенія и заставляютъ предполагать, что великорусская вѣтвь возникла вѣроятно въ промежутокъ времени между XI и XV вѣками. Охотно сознаюсь, что данныя, на которыхъ основана эта гипотеза, очень шатки. Въ лѣтопись Нестора занесены и преданія и факты, которыхъ лѣтописецъ былъ очевидцемъ, и за-

писки, даже документы, разныхъ эпохъ. Къ которому именно времени относится включенное въ эту лѣтопись этнографическое обозрѣніе—неизвѣстно, слѣдовательно и начало колонизаціи финскаго сѣверо-востока русскимъ племенемъ остается сомнительнымъ и спорнымъ. Точно также трудно обозначить и крайній предѣлъ времени, когда великорусская вѣтвь сложилась въ особенный, самостоятельный народный организмъ. Мнѣ справедливо могутъ замѣтить, что если принимать образованіе московскаго государства за внѣшній признакъ роста великорусской вѣтви, то можно съ одинаковымъ правомъ остановиться на XIV, какъ и на XV вѣкѣ. Противъ такихъ и подобныхъ имъ возраженій конечно трудно спорить, потому что критической русской исторіи нѣтъ, и она, собственно говоря, едва только начинается, да и то очень вяло и слабо. Пушкинъ слишкомъ поспѣшно произнесъ свой приговоръ о Карамзинѣ. Собственно русскаго историка еще нѣтъ, русская исторія еще впереди. Пока этнологія Россіи находится въ теперешнемъ младенческомъ своемъ состояніи, пока не разработаны филологически языки народовъ, обитавшихъ и обитающихъ въ Россіи, до тѣхъ поръ русской исторіи въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ и быть не можетъ.

Но поднятый г. Бѣляевымъ вопросъ имѣетъ еще другую сторону, которой чрезвычайную важность оцѣнитъ всякій, мало мальски знакомый съ древней русской исторіей. Въ возраженіяхъ его только повидимому идетъ рѣчь о времени образованія великорусской отрасли. Задушевная его мысль, если не ошибаемся, та, что различіе великорусской вѣтви отъ другихъ отраслей русскаго племени совсѣмъ не такъ важно, какъ мы его себѣ представляемъ, что оно въ отдаленную старину даже вовсе не существовало и появилось лишь впослѣдствіи подъ вліяніемъ различной исторической судьбы, постигшей разныя вѣтви русскаго племени. Въ замѣчаніяхъ г. Бѣляева, который въ этомъ случаѣ является вѣрнымъ отголоскомъ общепринятыхъ мнѣній, просвѣчиваетъ недовѣріе къ различенію древняго русскаго населенія на рѣзко обозначенныя группы. Этимъ различеніемъ такъ злоупотребляли въ послѣднее время поляки и французы, что оно невольно кажется какимъ-то предумышленнымъ посягательствомъ на органическое единство и цѣлость русскаго племени.

Подобное предубѣжденіе, котораго дительныя причины оцѣнитъ всякій н русскій, составляетъ въ наукѣ камень кновенія. Не отрицать историческій а освѣтить его правильно, согласно съ ной,—вотъ лучшее средство разсѣять вищную и постыдную ложь, которой п авторитетъ своего имени ученыя знам сти Франціи, въ виду разныхъ насущ цѣлей. Научному разврату можно съ хомъ противопоставить только научную ду, и къ этому пора приступить, отбр всякія соображенія, внушенныя хотя мыми почтенными побужденіями.

Мы охотно воображаемъ, что тепер сплошная, почти во всѣхъ частяхъ разная, русская масса была такою отъ что тѣ незначительныя отличія, к замѣчаемъ, привились къ ней извнѣ памяти исторіи, а въ старину ихъ во было, что на сѣверѣ и югѣ, на зап востокѣ, съ незапамятныхъ временъ одни и тѣ же русскіе съ одними и тѣ нравами и обычаями, и государственное ство цѣлаго племени, разселеннаго по ной территоріи, только мѣняло, смот обстоятельствамъ, свои центры, перено съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверо-во а тамъ опять на сѣверъ, чтобы оконч но пустить корни гдѣ нибудь въ др мѣстѣ, пожалуй поважнѣе Кіева. Вот этою-то мыслью, подразумѣваемой въ г. Бѣляева, мнѣ кажется, никакъ согласиться. Всѣ славянскія племена изъ одного гнѣзда; слѣдовательно был мя, когда они ничѣмъ между собою н нились. Но это время лежитъ за пред исторіи. То же надо сказать и о рус племени. Разныя его вѣтви вышли изъ о корня; стало быть, можно представить время, когда они ничѣмъ между собо отличались. Но было ли это въ извѣс намъ историческую эпоху или раньше- этомъ свѣдѣній нѣтъ. Что кривичи и менскіе славяне были выселенцами съ которые лишь впослѣдствіи получили особливую физіономію, это очень прав добно. Можно идти дальше и съ боль вѣроятностью предполагать, что и тѣ и гіе водворились, какъ послѣ великорусск финской почвѣ и, подобно имъ, отчасти шались съ финскими старожилами. На мысль наводитъ слѣдующее: сколько я замѣтить, вездѣ, гдѣ русскіе поселились

финскими племенами, встрѣчается за-
а звука *ч* звукомъ *ц* и, наоборотъ, звука
вукомъ *ч*. А такія замѣны находимъ у
ичей (теперешнихъ бѣлоруссовъ) и у
ородскихъ славянъ. Но все это если и
, было, то происходило въ доисторичес-
времена, и смѣшивать этого съ позднѣй-
и событіями никакъ не слѣдуетъ: иначе
ты и образы, различенные въ дѣйстви-
ности, будутъ въ представленіи нашемъ
аться, въ ущербъ исторической истины
равильнаго взгляда на ходъ нашей бы-
й исторіи. Очень можетъ быть, что и
ородцы, и смольняне, и полочане сѣли на
ской почвѣ и подверглись до нѣкоторой
ени ея вліянію; очень можетъ быть, что
ни обрусили мѣстныя финскія племена,
, впослѣдствіи великоруссы. Но вправѣ
мы выводить отсюда, что, стало быть,
ду великоруссами — или, какъ насъ не безъ
адства называютъ, московитами — и бѣло-
ами и Ильменскими славянами нѣтъ и
было никакой разницы? Процессъ ихъ
рическаго образованія могъ быть совер-
но одинаковъ, но онъ совершился на
разстояніи многихъ вѣковъ, и одно это об-
стоятельство ставитъ между тѣми и другими
рѣзкую грань, потому что между тѣмъ об-
становка значительно измѣнилась. На памя-
ти исторіи, кривичи и сѣверные славяне
уже сложились, устроились и обозначились
съ своими особенностями, когда дальнѣйшая
колонизація на востокъ полагала основаніе
новой вѣтви русскаго племени, предназна-
ченной играть въ исторіи цѣлаго славянскаго
міра громадную роль. Можетъ быть, г. Бѣ-
ляевъ и правъ, относя начало этой колони-
заціи къ болѣе отдаленному времени; но, во
первыхъ, едва-ли можно сомнѣваться, что
особенно сильное развитіе она получила не
ранѣе XII вѣка, а во-вторыхъ — не въ томъ
главная сила,—уловить первые зачатки посе-
леній, что при нашихъ научныхъ средствахъ
едва-ли возможно, а въ томъ, что эти посе-
ленія дали начало особой вѣтви русскаго
племени, сравнительно новой, и что обстоя-
тельства, при которыхъ она образовалась,
придали ей особенный характеръ, существен-
но различный отъ старшихъ отраслей рус-
скаго народа...

II.

РЕЦЕНЗІИ И ЗАМѢТКИ.

Син(м)бирскій Сборникъ.

Историческая часть. Томъ I. Москва. 1845.

имъ названіемъ вышла въ Москвѣ
сть сборника матеріаловъ для ис-
нутренняго быта древней, до-Пе-
Россіи. Изъ предисловія видно, что
любителей русской старины, по-
въ 1837 году Симбирскъ, подалъ
ь „Сборника“, гг. Языковымъ, Хо-
Валуеву, мысль разобрать архивы
мбирской губерніи. Многіе изъ по-
хотно на это согласились, и одинъ
ный пересмотръ нѣкоторыхъ част-
вовъ заставилъ издателей рѣшить-
важнѣйшіе изъ открытыхъ въ
ментовъ и напечатать ихъ подъ
„Симбирскаго сборника“. Впо-
предпріятіе расширилось. Редак-
брѣли много важныхъ рукописей.
льшею частью тоже жители или
симбирской губерніи, предложили
архивы и бумаги, въ томъ числѣ
въ, извѣстный собиратель актовъ,
ся къ русской исторіи въ госу-
ихъ архивахъ Европы. Извѣстные
усскихъ древностей, А. Д. Черт-
М. Снегиревъ и князь М. А. Обо-
начальникъ архива иностранныхъ
Москвѣ, предложили редакторамъ
ствіе и открыли имъ богатыя би-
находящіяся въ ихъ распоряженіи.
съ накопленіемъ матеріаловъ въ
едакторовъ, первоначальная мысль
планъ „Сборника“ должны были
я. Изъ сборника однихъ актовъ и
въ, хранящихся въ нѣкоторыхъ
архивахъ симбирской губерніи, ка-
долженъ былъ быть по первона-
намѣренію редакторовъ, онъ обра-
тился въ сборникъ всякаго рода важныхъ и интересныхъ документовъ по древней русской исторіи, которые только достались въ руки издателей, и потому по всей справедливости могъ бы носить болѣе общее заглавіе, какъ напримѣръ: „Сборникъ матеріаловъ для древней русской исторіи“, или другое. Но редакторы, потому ли, что они сами симбиряне, или потому, что первая мысль объ изданіи сборника родилась вслѣдствіе разбора нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ симбирской губерніи, или по другимъ какимъ либо основаніямъ,—оставили за нимъ названіе „Симбирскаго сборника“ и посвятили его памяти Н. М. Карамзина, какъ извѣстно, уроженца симбирской губерніи.

Изъ короткаго перечня однихъ главнѣйшихъ матеріаловъ видно, что въ рукахъ редакторовъ находятся рукописи и документы, весьма любопытные и важные для древней русской исторіи; такъ, напримѣръ, нѣсколько сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ древней Руси: о взятіи Астрахани, объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи, о царствованіи Бориса Годунова, о Дмитріѣ Самозванцѣ, о стрѣлецкихъ бунтахъ, о публичныхъ богословскихъ спорахъ старообрядцевъ съ патріархомъ Іоакимомъ; нѣсколько хронографовъ; восемь списковъ казанскаго лѣтописца, краткое описаніе Малороссіи съ XI по XVIII вѣкъ; отписки городовъ между собою во время междуцарствія,—важное собраніе актовъ, служащихъ дополненіемъ къ другому собранію ихъ, помѣщенному во второмъ томѣ „Историческихъ актовъ“, изданныхъ Археографическою коммиссіею; сошное письмо, и т. д. Изъ документовъ, относящихся къ ис-

торіи новой Россіи—письма Петра Великаго къ Азовскому губернатору И. А. Толстому и адмиралтействъ-совѣтнику А. В. Кикину. Наконецъ, въ составъ того же собранія входитъ до восьмисотъ юридическихъ актовъ, большею частью относящихся къ XVII вѣку. Они служатъ поясненіемъ внутренняго управленія и быта Россіи въ эту эпоху, и будутъ тоже отпечатаны въ сборникѣ.

Всѣ эти и другіе матеріалы издатели раздѣлили слѣдующимъ образомъ: на *историческіе* въ тѣсномъ смыслѣ; *юридическіе*, относящіеся къ законодательству и управленію; *бытовые*, объясняющіе домашнюю жизнь, нравы и обычаи древней Россіи; *мѣстные*—касающіеся собственно до симбирской и сосѣднихъ съ нею губерній. Въ видѣ особеннаго отдѣла, или дополненія къ „Сборнику", должны быть изданы документы и матеріалы, сообщенные г. Тургеневымъ, подъ названіемъ „бумагъ Тургеневскихъ". Они не распредѣлены по другимъ отдѣламъ, къ которымъ могли и должны бы относиться, по желанію самого г. Тургенева. Наконецъ въ составъ „Сборника" предположено ввести и народныя пѣсни, и древніе стихи, собранные издателями, если замедлится изданіе богатаго собранія народныхъ пѣсенъ, принадлежащаго П. В. Кирѣевскому.

Первый вышедшій теперь томъ „Сборника" посвященъ историческому отдѣлу матеріаловъ. Въ него вошли: „Разрядная книга", обнимающая разряды отъ 1559 до 1602 года; „Родословная роспись рода Кикиныхъ" и приложенные къ ней наказы и грамоты воеводѣ И. Ѳ. и стольнику В. П. Кикинымъ; наконецъ, собраніе отписокъ или донесеній кіевскаго воеводы князя Ю. П. Трубецкаго съ товарищи къ царю Алексію Михайловичу за 1673—1674 годъ, подъ названіемъ „малороссійскихъ дѣлъ". Изъ этого видно, что въ первый томъ „Сборника" далеко не вошли всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ распоряженіи редакторовъ, а за этимъ выйдетъ еще нѣсколько томовъ, относящихся къ тому же историческому отдѣлу.

Разрядною книгою начинается сборникъ. Что̀ значили разряды—всѣмъ извѣстно. При назначеніи чиновниковъ или служилыхъ людей въ военную или гражданскую или придворную службу, дѣлалась роспись или распорядокъ, кто и какое именно мѣсто долженъ былъ занимать. Такія росписи, или распорядки, назывались *разрядами* (отъ *разрядить*). Важная роль, которую играло въ д
Россіи родовое старшинство, придавал
рядамъ двоякое значеніе. Они не
были запиской извѣстнаго рода адми
тивныхъ распоряженій правительст
слѣдственно, документомъ чисто-ист
скимъ, но, вмѣстѣ съ *родословцами*, и
дословными росписями, служили въ
тровской Россіи документомъ, на ко
основывались мѣстничавшіеся въ спо
старшинствѣ родовомъ и служебномъ
этому вѣроятно, что списковъ разря
книгъ въ древней Россіи было мно
Но когда царь Ѳедоръ Алексѣевичъ
ся искоренить навсегда мѣстническіе
(въ 1682 году), всѣ разрядныя кн
мѣстническія дѣла были сожжены, и
вмѣнено въ обязанность прислать в
рядный приказъ такія дѣла и книги
страхомъ „тяжкаго церковнаго запр
и государскаго гнѣва". Съ того вр
разрядныя книги стали рѣдки, пото
практическое значеніе свое онѣ утрат
историческими памятниками мы н
очень не дорожили. Между тѣмъ, ва
разрядныхъ книгъ для исторіи древне
сіи неоспорима. Не говоря уже о с
номъ и придворномъ распорядкѣ, к
въ нихъ всегда обозначался съ точн
въ нихъ записывались или, правильнѣ
значались всѣ мѣстническіе споры,
рѣдко вносились слово въ слово цар
шенія по мѣстническимъ дѣламъ. Т
образомъ разрядныя книги становят
нимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ
изученія исторіи нашего древняго д
ства, службы и мѣстничества—этого
наго, до сихъ поръ не совсѣмъ ра
наго явленія, исключительно прина
щаго русской жизни и русской истор
сожалѣнію, этотъ источникъ еще мал
ботанъ. Своднаго изданія разрядныхъ
мы не имѣемъ, хотя едва-ли можно б
впослѣдствіи обойтись безъ него. П
издалъ разрядныя книги временъ Ми
Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича
леръ въ 1769 году, подъ названіемъ
вседневныхъ записокъ". Онѣ обнимаю
ріодъ времени отъ 1632 до 1655 го
остроумному замѣчанію одного изъ ред
ровъ „Симбирскаго сборника", такое з
віе дано разряднымъ книгамъ вѣроятно
тому, что время ихъ изданія было
слишкомъ близко ко времени уничто

ества; ибо мы знаемъ, что, несмотря
рное дѣяніе Ѳедора Алексѣевича,
ество жило въ обычаѣ долго и послѣ
даже при Петрѣ Великомъ, въ
оду, еще мѣстничались между собою
коллегій. Самое „росписаніе какъ ко-
кѣмъ въ губерніи слѣдовать въ тор-
ныя собранія", составляющее послѣд-
атью „Учрежденія для управленія
й", изданнаго въ 1775 году, можетъ-
ыло отголоскомъ прежнихъ временъ.
напечатаны были разрядныя книги
дъ собственнымъ ихъ названіемъ въ
ей Россійской Вивліоѳикѣ" Новикова,
I и XIV томахъ. Онѣ простираются
56 до 1574 и отъ 1576 до 1586 (въ
рскомъ сборникѣ" ошибкою напеча-
1786). Вотъ и все, исключая отрыв-
ъ разрядныхъ книгъ, разбросанныхъ
мѣчаніяхъ къ „Исторіи государства
каго" Карамзина, у Щербатова, и въ
ъ сочиненіяхъ и сборникахъ матеріа-
ія русской исторіи. Такимъ образомъ
ры „Симбирскаго сборника" оказали
услугу для изучающихъ русскія древ-
изданіемъ разрядной книги. Оно —
изъ напечатанныхъ, которыя мы имѣ-
-первыхъ, она важна какъ варіантъ
виковскимъ, для тѣхъ же годовъ, и,
того, заключаетъ въ себѣ множество
мѣстническихъ случаевъ и интерес-
царскихъ грамотъ по счетнымъ дѣ-
которыхъ почти нѣтъ въ Новиковскихъ
ахъ. Во-вторыхъ, она заключаетъ въ
2 лишнихъ, которыя еще ни разу
вполнѣ отпечатаны, и въ этомъ от-
разрядная „Симбирскаго сборни-
редставляетъ новый матеріалъ для
я службы и мѣстничества древней

веденіи къ разрядной (заключающемъ
ѣ 174 страницы) представлено срав-
ія съ Новиковскими разрядами и под-
библіографія по мѣстничеству, службѣ
ріи дворянства въ древней Россіи. Эта
рафическая статья составлена чрез-
о тщательно. Всѣ напечатанные до-
сточники по этимъ предметамъ, хотя
ывкахъ, всѣ сочиненія исчислены и
ы съ необыкновенною, рѣдкою у насъ
овѣстностью. Смѣло можно сказать, что
ой библіографіи мы не имѣемъ еще
одной части русской исторіи: оттого,
прочимъ, и идетъ изученіе ея такъ
медленно, результаты, вообще говоря, такъ
ничтожны, такъ неокончательны: мы не зна-
емъ, что̀ имѣемъ и что̀ недостаетъ намъ
еще. Впрочемъ, одинъ пропускъ, и довольно
важный, замѣтили мы въ исчисленіи источ-
никовъ по мѣстничеству: не упомянуто со-
чиненіе Котошихина: „Россія въ царствова-
ніе Алексія Михайловича". Это вѣроятно
сдѣлалось по недосмотру, потому что на это
сочиненіе находимъ частыя ссылки во „вве-
деніи". Всю остальную, самую большую часть
„введенія" (отъ 31 стр. до 174, всего 113
страницъ) наполняетъ комментарій на раз-
рядную, помѣщенную въ „Сборникѣ". Въ
немъ разобраны подробно всѣ мѣстническіе
случаи, которые въ ней встрѣчаются.—Подъ
скромнымъ названіемъ разбора или толкова-
ній, эта часть „введенія" заключаетъ въ
себѣ, конечно, не въ стройной системѣ, а
въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ,
полную картину мѣстничества, черезъ всѣ
періоды его развитія. Кто сколько-нибудь
занимался древней русской исторіей, тому
извѣстно, что мѣстничество представляетъ
въ ней такое явленіе, къ которому, прямо
или косвенно, примыкаютъ почти всѣ про-
чія. Вмѣстѣ съ нимъ разрушено и упразд-
нено было начало жизни и быта древней
Руси, изъ котораго оно развилось, и кото-
раго было послѣднимъ, если можно такъ
выразиться, юридическимъ представителемъ.
Это придаетъ мѣстничеству чрезвычайно-
важное значеніе. Между тѣмъ, оно-то имен-
но и было очень мало разработано. Вслѣд-
ствіе похвальной манеры заниматься до-ва-
ряжскимъ и варяжскимъ періодами нашей
исторіи, мы болѣе нежели подробно и об-
стоятельно знаемъ бытъ Россіи IX и X вѣка,
очень мало—въ послѣдующее время, и чѣмъ
ближе къ нашему времени, тѣмъ менѣе,—
такъ что, напримѣръ, для исторіи законо-
дательства со временъ реформы Петра Ве-
ликаго мы не имѣемъ ни одного, даже пло-
хого учебника, тогда какъ изъ сочиненій по
„Русской Правдѣ" можно составить неболь-
шую, а изъ сочиненій о происхожденіи ва-
ряговъ-Руси—очень порядочную библіотеку.
О мѣстничествѣ написаны были всего три
небольшія статьи: г. Карецкимъ въ „Вѣст-
никѣ Европы", г. Ивановымъ и г. Погоди-
нымъ въ „Русскомъ историческомъ сборни-
кѣ". Особенной важности онѣ не представля-
ютъ, ограничиваясь однимъ поверхностнымъ
указаніемъ на начало и ходъ мѣстничества.

Замѣчательно, что г. Ивановъ, первый положившій твердое историческое основаніе изученію мѣстничества открытіемъ и собраніемъ множества такъ называемыхъ *счетныхъ* или мѣстническихъ дѣлъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ, — что именно онъ смотритъ на мѣстничество совершенно не-исторически, называя его гибельнымъ предразсудкомъ. Такимъ, дѣйствительно, было мѣстничество въ послѣдній періодъ своего существованія, что́, однако, вовсе не мѣшаетъ ему имѣть важное историческое значеніе. Истина въ наукѣ давно избитая, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ не совсѣмъ старая, что всякое сколько нибудь замѣчательное историческое явленіе должно быть разсматриваемо сперва съ исторической точки, должна быть понята его временная необходимость и важность, а потомъ уже обсуждено съ той высшей точки, которую необходимо приноситъ съ собою время и высшая степень развитія. Въ отдѣльности взятыя, обѣ точки зрѣнія равно односторонни и ложны: первая заставляетъ цѣнить фактъ слишкомъ высоко, болѣе, нежели чего онъ стоитъ; вторая — часто мѣшаетъ цѣнить его въ мѣру. Сочинитель комментаріевъ на разрядную (г. Валуевъ) пополнилъ своими изслѣдованіями важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не ограничиваясь изданными доселѣ источниками мѣстничества, разсѣянными во множествѣ книгъ, онъ изучилъ, какъ видно, очень подробно рукописныя разрядныя, хранящіяся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, сличалъ ихъ съ своей разрядной и дошелъ до множества совершенно новыхъ, въ высокой степени интересныхъ результатовъ относительно мѣстничества. Важнѣйшіе въ немъ вопросы разрѣшены съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Каждое положеніе подтверждено ссылками на источники и выписками изъ нихъ. Вообще эта статья — трудъ ученый, дѣльный и основательный, если не вполнѣ исчерпавшій предметъ, то по крайней мѣрѣ мало оставившій будущимъ изслѣдователямъ сказать совершенно новаго. Жаль только, что сочинитель ограничился объясненіемъ одной своей разрядной. Если спеціальное назначеніе изслѣдованій чрезъ это перешло бы свои границы, то въ замѣнъ выиграла бы наука. Впрочемъ, мы надѣемся, что этотъ недостатокъ будетъ современемъ *восполненъ*. Во многихъ мѣстахъ „введенія“ и наконецъ въ выноскѣ, на послѣдней ницѣ, авторъ обѣщаетъ впослѣдстві дать отдѣльное сочиненіе объ историче развитіи мѣстничества, его системѣ щихъ началахъ. Судя по образчику, рый представляютъ изслѣдованія, пом ныя въ „Сборникѣ“, мы въ правѣ ож очень многаго. Языкъ толкованій вооб хорошъ, мѣстами даже дуренъ и не ленъ. Въ нѣкоторыхъ періодахъ трудн таться въ смыслъ: до того они длинн путаны, обременены вставочными пред ніями и вводными фразами. Конечно, недостатокъ оправдывается отчасти нов многосложностью и запутанностью предмета (какъ и замѣчаетъ самъ авто формою комментарія, которую угодно ему придать своимъ изслѣдованіямъ, о и тѣмъ, что конечно эта статья не чалась для большинства читающей пу однакожъ мы надѣемся, что почтенн торъ воспользуется этимъ замѣчаніем будущихъ ученыхъ работахъ своихъ.

Вотъ что́ мы считали нужнымъ с здѣсь касательно изслѣдованій г. Вал мѣстничествѣ. Предметъ ихъ такъ в и изложенъ такъ основательно, что м мѣрены помѣстить объ нихъ особ статью, въ которой представимъ выво тора и наше мнѣніе о мѣстничествѣ.

Вторую часть „Симбирскаго сборни ставляютъ, какъ мы уже сказали, а документы, относящіеся къ роду Кики а именно: выписки изъ боярскихъ к помѣстныхъ окладахъ и чинахъ ихъ ковъ, родословная роспись, поданная ными въ разрядный приказъ, и пат двадцать-восемь грамотъ и наказовъ, женные къ родословной въ видѣ д тельствъ. Всѣ эти документы вошли ставъ справки, взятой въ архивѣ бы разряднаго приказа въ 1788 году нымъ секундъ-майоромъ Андреемъ Ив чемъ Кикинымъ и въ этомъ видѣ отпеч безъ малѣйшихъ измѣненій. Не предст особенной важности въ юридическомъ шеніи, вопреки мнѣнію редактора, нап шаго къ нимъ небольшое предисловіе документы заключаютъ въ себѣ интер историческія указанія на отношенія мо скихъ государей и правительства къ М россіи въ царствованіе Алексѣя Михайл Сюда относятся, въ третьемъ отдѣлѣ, сл ки, грамоты и наказы подъ NN 12—

1, 24, 26, 27. Всѣ эти грамоты и на- (послѣднихъ числомъ десять) даны ику Василью Петровичу Кикину, ко- царь, въ разныя времена, посылалъ ученіями въ кіевскій полкъ, нѣсколько къ гетману Богдану Хмѣльницкому въ къ запорожскому войску, къ гетману жскаго войска Ивану Выговскому, къ ому атаману запорожскаго войска Ива- юховецкому и другимъ. Не лишены интереса родословная роспись Кики- служащая матеріаломъ для исторіи го дворянства и службы въ московскую и два наказа воеводѣ Ивану Ѳедоро- Кикину о бытіи на государевой службѣ ою въ Крапивнѣ (N 7) и Козловѣ). Послѣдніе два наказа служатъ до- ніемъ къ наказамъ городовымъ воево- помѣщеннымъ въ изданіяхъ Архео- ческой комиссіи, и заключаютъ въ себѣ ытныя указанія объ устройствѣ и упра- русскихъ городовъ въ половинѣ XVII Этимъ бумагамъ изъ архива Кикиныхъ ослано небольшое предисловіе, состав- очень отчетливо и добросовѣстно. Въ изложено вкратцѣ содержаніе бумагъ, ы тѣ изъ нихъ, которыя представля- особенную важность, даже обращено ніе на отдѣльныя слова и выраженія, или почему либо замѣчательныя. Со замѣтками автора, относящимися къ древней Россіи, нельзя однако согла- . Подробный разборъ ихъ здѣсь былъ умѣстенъ. О тѣхъ изъ нихъ, которыя или косвенно относятся къ мѣстни- , мы скажемъ въ критическомъ раз- „введенія“ къ разрядной книгѣ. „Со- отписокъ или донесеній кіевскаго вое- князя Юрія Петровича Трубецкаго къ Алексію Михайловичу за 1673—1674 заключаетъ первый томъ „Симбирска- орника“. Это собраніе носитъ общее ніе „малороссійскихъ дѣлъ“ — не вы- енное редакторами, а найденное ими длинной рукописной книгѣ, заключаю- ъ себѣ отписки, и очевидно современ- мъ. Почему придано имъ это названіе— о опредѣлить: можетъ быть, потому, что ки эти посылались въ малороссійскій зъ, или потому, что они имѣли предме- почти исключительно одни дѣла Мало- , или наконецъ, потому, что они по- ись изъ Кіева, принадлежавшаго къ оссіи.—Не останавливаясь надъ объяс- сненіемъ названія, перейдемъ къ обзору самаго содержанія этихъ отписокъ. Ихъ всего 198; относятся онѣ, какъ мы сказали, къ 1673 — 1674 году, по тогдашнему лѣтосчисленію съ сентября мѣсяца. По содержанію, языку и времени, въ которое онѣ писаны, онѣ очень любопытны, и если не составляютъ сами по себѣ важнаго источника, то, какъ источникъ вспомогательный, необходимы для изучающаго исторію Малороссіи въ эту эпоху. Важность и цѣну этого собранія уменьшаетъ то, что въ немъ нѣтъ царскихъ грамотъ въ отвѣтъ на эти отписки, или на которыя онѣ служили отвѣтомъ. Предметъ ихъ составляютъ вообще: содержаніе и комплектованіе войскъ въ Кіевѣ, нѣкоторыя отдѣльныя административныя, полицейскія и частью финансовыя распоряженія; главное— вѣсти о происшествіяхъ въ сопредѣльныхъ съ кіевскою областью земляхъ - Малороссіи, Польшѣ, Турціи, землѣ Волошской и друг., добываемыя посредствомъ распросовъ туземцевъ и иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ; наконецъ дипломатическія сношенія. Къ большей части этихъ отписокъ приложены „разспросныя рѣчи“ или показанія, челобитныя стрѣльцовъ, казаковъ и пр. и письма. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ очень любопытны и важны; ибо въ числѣ ихъ мы находимъ письма коронаго гетмана Яна Собѣсскаго (польскаго короля Яна III), князя Дмитрія Вишневецкаго, литовскаго гетмана Паца, королевскаго гетмана Михаила Ханенко, царскаго гетмана Ивана Самойловича, чигиринскаго митрополита Іосифа Тукальскаго, гетмана Петра Дорошенко, князя Михаила Радзивила, турецкаго султана и другихъ. Особенно интересны эти письма и отписки по времени, къ которому онѣ относятся. Незадолго передъ 1673 годомъ, въ Малороссіи, присоединившейся къ Россіи, избранъ былъ гетманомъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, преемникъ Демьяна Многогрѣшнаго. Въ сѣверозападной части ея, королевскимъ гетманомъ былъ Михаилъ Ханенко, а въ югозападной Петръ Дорошенко. Кіевъ, по Андруссовскому договору, принадлежалъ уже Россіи. Въ продолженіе 1673 года возникла война между Польшею и Турціею. Турки были разбиты на-голову при Хотинѣ Яномъ Собѣсскимъ, который послѣ этой побѣды былъ избранъ въ короли польскіе. Въ Малороссіи, въ томъ же году, совершилось важное событіе: западная Украйна или

Малороссія присоединилась къ Россіи. Хаменко отказался отъ гетманства, и на его мѣсто былъ избранъ Самойловичъ. Только Дорошенко держался съ помощью татаръ, крымцевъ и турокъ. И такъ, эта эпоха была для Малороссіи рѣшительная.—Языкъ отписокъ различенъ. Однѣ, а именно писанныя Кикинымъ, Трубецкимъ, и заключающія въ себѣ распросныя рѣчи и челобитныя служилыхъ людей, писаны на великороссійскомъ нарѣчіи того времени; другія—на южнорусскомъ, а наконецъ третьи—на чисто польскомъ языкѣ, только русскими буквами. Къ грамотамъ и письмамъ этого послѣдняго разряда приложены переводы для облегченія читателей. Какъ къ двумъ первымъ отдѣламъ „Сборника“, такъ и къ собранію отписокъ, присоединено небольшое объяснительное предисловіе, которое, неизвѣстно почему, издатели называютъ введеніемъ. Оно составлено такъ же добросовѣстно и такъ же отчетливо, какъ и предыдущія, такъ же неправильно названныя введеніями. Все особенно замѣчательное въ отпискахъ указано. Имъ составлено подробное оглавленіе, причемъ принята въ соображеніе подлинная роспись, приложенная къ рукописной книгѣ отписокъ, и подробно означено, какихъ актовъ и документовъ не достаетъ, и наоборотъ, какіе не показаны въ рукописномъ оглавленіи. Далѣе, довольно подробно изложены историческія событія въ Малороссіи за 1673 — 1674 годы по Бантышъ-Каменскому и Маркевичу, для облегченія читателей, мало знакомыхъ съ исторіею того края. Въ этомъ предисловіи, какъ и въ предъидущемъ, встрѣчаются замѣчанія, относящіяся вообще къ исторіи и быту Россіи и другихъ славянскихъ племенъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень странны и поражаютъ своею натянутостью. Выписываемъ одно изъ нихъ, на страницѣ 21-й, изъ „введенія къ малороссійскимъ дѣламъ“:

„Особенно же замѣчательно и важно не только въ отношеніи языка, но какъ фактъ историческій то, что польскіе начальники переписывались съ русскимъ воеводой и намѣстникомъ на чистомъ польскомъ языкѣ, только русскими буквами; слѣдовательно, русскій воевода и его подчиненные безъ всякаго затрудненія понимали Поляковъ на ихъ собственномъ языкѣ. Служила же препятствіемъ одна латинская азбука, а не самый языкъ, и раздѣляли два племя (?) въ сношеніяхъ политическихъ и общественныхъ больше исповѣданіе, церковь латинская, которая принесла съ собой и латинскую *азбуку*, а не рѣчь. Конечно Русскій уже тогда могъ, если и не вполнѣ, понимать Полякa строй разговорной рѣчи, но та же самая р писанная на бумагѣ и его азбукой, несм всю разность произношенія и другія отлич для него совершенно понятна, и онъ лег моучкой могъ ее разумѣть и на нее отвѣч бопытно было бы знать, что заставляло по чиновниковъ на такую уступчивость съ роны, и еще любопытнѣе, отвѣчали ли своимъ соплеменникамъ такою же славянс имностію?“

А вотъ и другое, въ томъ же р той же страницѣ:

„Сверхъ того, между польскими грамотам чаются и такія, которыя писаны мѣшан комъ польскимъ съ латинскимъ, бывшим время въ общемъ ходу въ Польшѣ и у предвѣщавшимъ близкій упадокъ языка ности. Стоитъ только въ нашихъ грамота писать латинскія слова латинскими бук тогда мы получимъ ту же варварскую ла примѣсью народнаго элемента, которую п самаго конца XVII столѣтія вся западная Наши соплеменники Поляки лишь довел самое до его крайней нелѣпости, и тѣм можетъ-быть спасли насъ отъ полнаго в веденія тѣхъ же явленій въ нашей словес общежитіи. Какъ и во столькомъ друго намъ передали уроки опытности, купле дорогою цѣною, и которая намъ достается —остается только воспользоваться“.

Прочитавъ эти строки, подумаешь, что общіе законы развитія не сущес и не существуютъ для славянскихъ п Великороссіянинъ не вдругъ понима лороссіянина, а въ царствованіе Михайловича русскій легко понима ляка! Да и съ чего взялъ сочините дисловія, что польскіе начальники сывались съ Трубецкимъ на польско кѣ, только русскими буквами? Не забывать, что въ отпискахъ мы имѣ піи съ подлинныхъ актовъ, послан Москву, составленныя подьячими въ ляріи или избѣ кіевскаго воеводы. До такое предположеніе, я не вижу причины, почему не предположить, мѣръ, что татарскіе князьки, давая себѣ шертныя записи московскимъ рямъ, знали по-русски такъ же хо какъ дьяки, потому что записи эти на чисто великороссійскомъ нарѣчіи. знаетъ, чего еще нельзя предполагат кимъ образомъ! Наводненіе польскаго латинскими словами есть фактъ, пов шійся подъ другими формами у всѣх родовъ, которыхъ исторія предста

е, прогрессивное движеніе, а не ки-
о неподвижность. Намъ нечего въ
отношеніи пользоваться чужою опыт-
ибо мы успѣли уже воспользоваться
пріобрѣтенною въ періодѣ реформы.
ообще можно ли, и въ какой степени
воспользоваться, чужою опытностью,
йдя чрезъ свою?—вопросъ еще далеко
рѣшенный...

емъ, наконецъ, нѣсколько словъ о
икѣ" вообще. Изданіе хорошо, даже
. Мѣстами встрѣчаются, однако, опе-
Да не сочтутъ издатели пустою при-
остью, что мы указываемъ на нихъ.
сколько не хотимъ придать имъ важ-
которой онѣ вовсе не имѣютъ, но не
не пожелать, чтобъ ихъ не было въ
щихъ томахъ „Сборника", потому что
тѣ источниковъ онѣ не должны встрѣ-
Образцомъ и доказательствомъ мо-
ужить изданія Археографической ком-
— По заглавному листу „Сборника"
видно, что издатели не только по
ю и по духу антикваріи. Этотъ листъ
анъ славянскими буквами, первая
—красная. „Синбирскій", вмѣсто „сим-
", поставлено не по ошибкѣ. Редакто-
одитъ, въ предисловіи, въ подробныя
ѣнія о томъ, почему они пишутъ
не иначе. *М* вмѣсто *н* по ихъ мнѣ-
ововведеніе подъ вліяніемъ французъ-
зыка, и потому отвергнуто... Послѣ
находимъ мы, на томъ же заглав-
истѣ, преплохое лубочное изображеніе
о города XVII вѣка, и подъ нимъ
кими же буквами: „градъ Синбирскъ
й и похвальный врастояніи отъ Мос-
резъ володимеръ ци верстъ". Подъ
ъ этой неизящной виньетки сообщенъ
ъ извѣстнымъ археологомъ И. М. Сне-
мъ. Наконецъ слово „Москва" опять
ано красными чернилами, и по лѣвую
тъ него стоитъ годъ отъ созданія
по правую—годъ отъ Рождества Хри-
-оба славянскими и арабскими цифра-
расть къ славянской нумераціи въ
яхъ такъ велика, что всѣ введенія
мерованы славянскими литерами. Въ
предпочтеніи древне-славянскаго, или
й древне-русскаго, теперешнему граж-
му шрифту и нумераціи, нельзя не
замѣтить увлеченія; ибо если разсматривать его какъ дѣло вкуса, то оно не выдержитъ критики; особеннаго удобства для читателей старое лѣтосчисленіе и нумерація славянскими буквами тоже не представляютъ. Если же эта особенность выражаетъ чисто-антикварное направленіе издателей, то да будетъ позволено намъ высказать о немъ искренно свое мнѣніе. Время такого направленія не только для всей Европы, но и для насъ, уже давно миновало. Его смѣнило направленіе историческое или, правильнѣе, философско-историческое, которое отыскиваетъ и находитъ единство и послѣдовательность развитія въ разнообразнѣйшихъ событіяхъ, отдаленнѣйшихъ между собою эпохахъ, и въ прошедшемъ разглядываетъ настоящее, а въ настоящемъ прошедшее. Время противоположностей въ наукѣ миновало безвозвратно. Поэтому стремленіе стать исключительно на точку зрѣнія такого-то періода или эпохи исторіи и воззвать къ жизни извѣстное время со всѣми его чисто-историческими, временными явленіями и случайностями, кажется намъ несправедливымъ и ложнымъ. Прошедшее, проведенное сквозь критику послѣдующей эпохи, сохраняется для него въ послѣднихъ окончательныхъ результатахъ, а не во всей непосредственности животрепещущаго быта. Въ этой формѣ оно безсознательно присуще въ жизни, сознательно—въ наукѣ, въ видѣ логической формулы. Всякое другое существованіе прошедшаго—невозможно; попытки возвратить его безплодны, неосуществимы и безполезны.

Всякія похвалы такому предпріятію, какъ „Симбирскій сборникъ", мы считаемъ излишними и неумѣстными. Дѣло громко говоритъ само за себя. Мысль издавать напечатанные доселѣ важнѣйшіе матеріалы древней русской исторіи заслуживаетъ полную благодарность. Отъ всей души желаемъ издателямъ совершеннаго успѣха въ ихъ полезномъ предпріятіи. Надѣемся, что слѣдующіе томы „Сборника" не замедлятъ появленіемъ въ свѣтъ; перечень матеріаловъ, находящихся въ рукахъ у издателей, заставляетъ насъ ожидать выхода этихъ томовъ съ нетерпѣніемъ.

(Отеч. Записки, 1845, кн. 7).

Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣ о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплемен

Т. I. Изд. Д. В(алуева). Москва. 1845.

...Она сложена въ новѣйшее время; въ ней есть *какая-то восточная безсмыслица*, имѣющая свое поэтическое достоинство.

А. Пушкинъ.

Мысль издавать историческія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и народахъ, соединенныхъ съ нею единствомъ національности и религіи,—прекрасна и заслуживаетъ полное одобреніе. Въ нашей литературѣ, теперь уже довольно богатой свѣдѣніями о Россіи, но скудной извѣстіями о ея единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, такая попытка соединить и, такъ сказать, сопоставить тѣ и другія,—чуть ли не первая. Какъ важно для объясненія русской исторіи, особливо древней, сравненіе ея съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ,—для нашей церковной исторіи сравненіе ея съ исторіею другихъ церквей восточныхъ—всѣмъ извѣстно, и объ этомъ мы не станемъ долѣе распространяться. Не рано ли у насъ такое предпріятіе?—хотѣли мы было спросить: оно не можетъ разсчитывать на большинство читающихъ, ибо предполагаетъ обширную ученую публику... Но объ этомъ трудно спорить. Издатель, вѣроятно, имѣлъ цѣлью распространить въ нашей публикѣ вкусъ къ подобнаго рода чтеніямъ, и столько же научить, сколько возбудить интересъ. Во всякомъ случаѣ, это его дѣло. Наше —оцѣнить предпріятіе по мысли и по исполненію.

Итакъ, повторяемъ, мысль и нова, и прекрасна. Но въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ составленъ сборникъ? Въ наше время, какъ всѣмъ извѣстно, фактъ самъ по себѣ ничего не значитъ. Все его значеніе въ мысли, которою онъ освѣщенъ. Мы утратили пластическій, художественный смыслъ древнихъ, которые на все смотрѣли такъ, какъ оно есть. Сознательно и безсознательно, признавая или не признавая владычества мысли *и разума*, всѣ приступаютъ къ фактамъ съ различными взглядами, съ противопо теоріями, и потому придаютъ одним же фактамъ самыя разнообразныя Оттого, отъ направленія все завис нашей еще молодой литературѣ на вновь выходящей книги—великое обществахъ зрѣлыхъ направленіе ходитъ повѣрку въ наукѣ, въ больш тическихъ свѣдѣніяхъ публики. Н оно явиться, какъ оно уже обсужен рѣно со всѣхъ сторонъ и опредѣлен ченіе. Но въ обществѣ, гдѣ воображ вито еще на счетъ разсудка, гдѣ бѣдны, какъ бѣдна сумма извѣстныхъ нажитыхъ опытомъ долгой и богато въ такомъ обществѣ направленіе—вс например, оно больше самыхъ фак питываетъ юныя поколѣнія и приго будущее. Ошибка фактическая мож исправлена; но ложный взглядъ, ло правленіе ростутъ какъ гидра...

Все это потому пришло намъ въ когда мы открыли „Сборникъ", что давняго времени въ нашей литерат чали раздаваться странные голоса... торгомъ превознося все славянское, древнее, возвѣщая несуществующу скую науку, многіе съ бо́льшимъ ил шимъ предубѣжденіемъ отзываются об европейскомъ. Блестящая исторія ея великое настоящее, ея высокая зація, ея наука, созданная вѣками,—дл какъ будто не существуютъ. Опираясь кому неизвѣстное будущее, и съ торже указывая на фактически неизвѣстное результатамъ бѣдное прошедшее слави міра, они произносятъ тяжкій приговор мано-германскимъ народамъ и всѣми воз ными средствами хотѣли бы предохра славянскій міръ отъ всякаго прикосно съ Западомъ... Для всякаго, кто поща шался къ этимъ мнѣніямъ и, несмотря н сохранилъ способность прямо смотрѣть

ло само по себѣ ясно и не допу-
вухъ толкованій: что́ станется съ
ими народами и ихъ цивилизаціей,
райней мѣрѣ неизвѣстно. Другой
омѣ той, которая развита и выра-
Европѣ, доселѣ не имѣется. А такъ
авянскаго міра нѣтъ покуда такой
естественно, что онъ довольствуется
приготовили его западные собратья.
янское племя даровито и призвано
ю-историческому дѣйствованію, оно,
ь, возмужавъ, усвоитъ себѣ эту
идастъ ей свой національный отпе-
ожетъ быть, поведетъ ее дальше и
на болѣе широкую дорогу, какъ
овый міръ съ древней греко-рим-
кой. Все это можетъ быть; но по-
о нѣтъ, покуда мы и неопытны и
ій, оригинальность, дѣйствованіе на
ловѣчества не призываются наре-
на другихъ и непомѣрнымъ само-
они даются. Настанетъ время, обо-
духовная физіономія славянскаго
и такъ какъ оно въ самомъ дѣлѣ
ъ въ себѣ великія нравственныя
скажутся,—за это нечего бояться.
ся онѣ не въ разсужденіяхъ о томъ,
мя лучше, и какъ бы этакъ сдѣ-
ликимъ и создать новую науку, и
ъ погибнутъ другія племена: онѣ
просто обнаружатся въ самомъ дѣй-
какъ обнаруживается все великое.
ке предположить съ достовѣрностью,
это сбудется, тогда не будетъ въ
ни самохвальства, ни ненависти къ
народамъ, потому что все истинно-
сильное блаженно въ себѣ, преис-
юбовью, и стремится все пріобщить
любви и своему блаженству.
умаетъ всякій здравомыслящій и
астный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе
мнѣнія, о которыхъ мы сейчасъ
высказываются въ книгахъ, жур-
брошюрахъ, газетахъ, и находятъ
телей. Читая заглавіе разбираемой
ги, хотя въ немъ нѣтъ ничего осо-
кромѣ славяно-церковнаго шрифта,
отпечатано слово „Сборникъ", мы
очти невольно подумали: не состав-
онъ подъ вліяніемъ такихъ пред-
? Внимательное чтеніе отчасти
, отчасти опровергло нашу мысль,
о по себѣ такое же неопредѣлен-
атлѣніе, какое производитъ, хоть
например, славянскій міръ, если о немъ хоть сколько-нибудь подумать. Оттого мы считаемъ себя обязанными представить читателямъ нѣсколько подробный обзоръ всѣхъ статей, содержащихся въ „Сборникѣ".

Вышедшій томъ дѣлится на двѣ части. Имъ предпосланы предисловіе и введеніе. Какъ опредѣляющія направленіе сборника, они должны быть разсмотрѣны прежде всего.

Предисловіе составлено издателемъ „Сборника", покойнымъ г. Валуевымъ. Смерть похитила его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Съ юношескимъ, благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдался наукѣ, и безпрерывныя занятія ускорили его преждевременную кончину. Г. Валуевъ умеръ очень-очень молодъ, когда силы, не уравновѣшенныя опытомъ и строгою дѣйствительностью, бьютъ сильнымъ ключомъ, ища себѣ удовлетворенія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ одномъ радужномъ цвѣтѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, раскрашивая мечту красками существенности. Какъ многіе, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ „странныхъ" мыслей и предубѣжденій. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцѣ. Въ послѣдніе годы, онъ посвятилъ себя исключительно однимъ положительнымъ розысканіямъ, и немногія изслѣдованія, имъ оставленныя, показываютъ, что́ потеряла въ немъ наука. Мы уже говорили въ прошломъ году о его изслѣдованіяхъ о мѣстничествѣ. Другого подобнаго труда по части русской исторіи мы не знаемъ. Съ рѣдкой добросовѣстностью онъ высказалъ въ этой статьѣ результаты, прямо противорѣчившіе его общему взгляду. Да, онъ не игралъ исторической истиной, не шутилъ ею, какъ нѣкоторые! Другіе труды его, изъ которыхъ отрывки помѣщены въ „Сборникѣ" (о нихъ мы скажемъ ниже), обнаруживаютъ огромную начитанность и показываютъ, что онъ въ занятіяхъ своихъ все болѣе и болѣе становился положительнымъ. А это добрый знакъ!.. Читатели извинятъ насъ за это отступленіе. Оно было необходимо для поясненія предисловія къ „Сборнику".

Это предисловіе написано за годъ до кончины автора. Въ немъ, въ этомъ предисловіи, благородный, добросовѣстный, но отчасти ложно-предубѣжденный авторъ высказался

всѣми своими сторонами. Основная мысль его вотъ какая: зданіе русскаго государства, основанное Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII вѣка, со славою и блескомъ завершено въ первой четверти настоящаго столѣтія. Въ этомъ колоссальномъ подвигѣ сосредоточились всѣ силы русской жизни; оттого и всѣ выраженія ея, во всѣхъ отрасляхъ, отъ него получили характеръ. Гѳсударство создавалось и создалось по европейскому типу; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начала усвоивать себѣ все европейское—науку, нравы, бытъ, вообще цивилизацію. Это заимствованіе было для нея благодѣтельно, необходимо для возбужденія ея нравственныхъ силъ. Самыя условія, при которыхъ оно совершилось, были для насъ очень благопріятны, потому что оно было добровольное и, слѣдовательно, удобоотрицаемое въ своихъ крайностяхъ (другое представляютъ германцы, водворившіеся на римской почвѣ). Въ наше время настаетъ для русской жизни новая эпоха. Отъ заимствованій извнѣ мы начинаемъ обращаться на самихъ себя. Появленіе, при содѣйствіи Россіи, нѣсколькихъ православныхъ государствъ въ Европѣ, устройство внутренняго быта и постепенное возвращеніе къ національности — вотъ явленія, въ которыхъ обнаруживается это новое направленіе русской жизни. Съ одной стороны, возникновеніе Греціи, какъ самостоятельнаго государства; появленіе трехъ православныхъ княжествъ: Сербіи, Молдавіи и Валахіи, соединеніе армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, возсоединеніе уніи съ православною церковью, проповѣдь евангелія язычникамъ, живущимъ въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи, заведеніе православныхъ школъ на востокѣ; съ другой—составленіе свода законовъ, изданіе полнаго ихъ собранія, полюбовное размежеваніе чрезполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи и „Вооруженія русскихъ войскъ“, возсоздавшаго наглядно, пластически, древнюю Русь; возвращеніе архитектуры свѣтской и церковной къ древнерусскому и византійскому стилямъ, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ слояхъ общества, которые было забыли его; наконецъ, появленіе національныхъ русскихъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя,—вотъ событія, которыя г. Валуевъ привѣтствуетъ какъ зачатки обновленія Россіи и выступленія ея на новое поприще дѣятельности. Только наука, по его мнѣнію, не послѣдовала общему движенію, особенно наука исторіи. Ея великое призваніе — познакомить слои общ
воспитанные подъ исключительнымъ
ніемъ запада, съ тѣми, которыхъ поч
коснулась реформа Петра Великаго; по
мить Россію съ ея единовѣрцами и
племенниками, разбросанными по всему
и тѣмъ дать ей возможность узнать
себя. Только подъ условіемъ такого
возможно въ Россіи появленіе самосто
ной, національной, исторической нау
торая разрѣшитъ намъ вопросъ о то
мы такое, къ чему призваны, и осѣти
вымъ свѣтомъ исторію западно-европей
народовъ, имъ самимъ не столько пон
какъ постороннему, безпристрастному
дателю. Всѣ эти причины и побудили
луева издавать „Сборникъ“.

Вотъ въ немногихъ словахъ основная
и цѣль издателя. Мысль сама по се
нова, но выражена оригинально. Кажды
умѣется, въ правѣ судить о ней как
угодно, особенно потому, что она берет
ные свои аргументы изъ будущаго,
неизвѣстнаго. Что до насъ касается,
гадаемъ о будущемъ. Думаемъ и ув
что наше знакомство съ бытомъ и ис
нашихъ единовѣрцевъ и единоплемен
очень хорошо, для насъ очень полезно
и всякое знаніе. А что выйдетъ изъ это
комства въ будущемъ—мы, право, не з

Но зачѣмъ же, во имя будущаго, вся
напраслины на западный міръ и нау
такихъ напраслинъ мы, къ сожалѣнію,
находимъ въ предисловіи. На страни
авторъ говоритъ, что Россіи было необ
познакомиться съ просвѣщеннымъ ев
скимъ міромъ, а въ выноскѣ прибавл

„Мы понимаемъ здѣсь просвѣщеніе
общемъ, неопредѣленномъ значеніи, котор
новенно даютъ ему. Если же понимать по
свѣщеніемъ не одни вещественныя улучш
быту человѣка, усовершенствованія наук
жествъ и видимое благоустройство общест
совокупное умственное и нравственное дв
которое должно соединять народы въ е
братолюбивой жизни и осуществлять въ об
чистую мысль христіанства, во сколько он
ществима въ человѣкѣ, — то во всякомъ
еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ бо
справедливостью можно назвать просвѣщен
Россію ли XV и XVI вѣка, или ей совре
католическую и протестантскую Европу?“

Разомъ двѣ напраслины! Во-первых
правда, что „вещественныя улучшенія
быту человѣка, усовершенствованія н

ожествъ и благоустройства общества“
въ Европѣ своей дорогой, а нравствен-
и духовное развитіе — своей. Во вто-
ъ, неправда, что въ XV и XVI вѣкѣ
юпа была ни чуть не лучше, а можетъ-
ь и хуже, современной ей Россіи. Развѣ
ки, художества, общественный бытъ —
вляпья паяца? Въ нихъ выражаетъ на-
ъ глубочайшія задушевныя вѣрованія
, мысли, стремленія; онъ въ нихъ жи-
ь: это плоть и кровь его. Науки, худо-
тва и общественный бытъ имѣли въ Ев-
ѣ своихъ подвижниковъ, которые цѣною
ии и страданій покупали каждый ими
анный шагъ впередъ. Эти люди, конеч-
не разыгрывали роли, когда шли на по-
ую смерть или на костры инквизиціи!
ану, въ которой любовь къ истинѣ такъ
ажалась, мы думаемъ, нельзя упрекнуть
недостаткѣ умственнаго и нравственнаго
витія... Странно, задумывая создавать
науку и свое художество, смотрѣть на
пейскую науку, на европейское художе-
, какъ на ремесло или фиглярство! Ска-
е, что онѣ васъ не вполнѣ удовлетворя-
— это еще можно понять! Но если вы
не сочувствуете—тѣмъ хуже для васъ.
ъ же, не имѣя къ другимъ народамъ
латіи, вы толкуете о всемірно-историче-
ъ дѣйствованіи? Только такой взглядъ
отношеніе науки, общественности и ху-
ества къ духовному и нравственному раз-
ю могъ сдѣлать возможнымъ сравненіе
ду Европою и Россіею XV и XVI вѣка!
одъ, создавшій свою благоустроенную об-
твенность, свою науку, свое художество,
могъ быть ни дикаремъ, ни варваромъ!
ъ другомъ мѣстѣ (стр. 12), говоря о
, какъ сильно дѣйствуетъ на насъ за-
ный міръ, и какъ бѣдна передъ нимъ
а жизнь и наше прошедшее, авторъ
ъ взводитъ напраслины на европейскую
у:

Ибо чего проситъ прежде всего большинство
й, называющихъ себя просвѣщенными и пріо-
шихъ право презирать и учить своихъ непро-
щенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и
ъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту
оту существованія, которая составляетъ не-
млемую принадлежность просвѣщеннаго боль-
тва; и чего требуетъ оно отъ самой жизни,
не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нрав-
нымъ и вещественнымъ комфортомъ, кото-
изготовляется для него услужливымъ просвѣ-
емъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе
умы, — чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ
и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? Часто,
если и безсознательно, они ищутъ того же ком-
форта, усыпленія мысли и силъ души въ ограни-
ченности той или другой системы или рутины,—
удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ тре-
бованіямъ просвѣщеннаго существованія и его
нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было
ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удо-
влетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка,
основною задачею всего западнаго просвѣщенія и
всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по
крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ
сознанные выводы и новыя стремленія жизни, ко-
торыя уже не видятъ иной задачи для человѣче-
ства, кромѣ обобщенія того же комфорта“.

А въ выноскѣ прибавляетъ:

„Такъ католицизмъ, дающій готовое разрѣше-
ніе на всѣ потребности христіанской души и со-
вѣсти, въ живомъ представителѣ духовной истины
на землѣ, и протестантизмъ, дающій право каждой
личности на саморазрѣшеніе всѣхъ требованій
своей совѣсти и духовнаго убѣжденія, не суть ли
это, въ извѣстномъ смыслѣ, два видоизмѣненія
одной общей религіи нравственной безтревожно-
сти? (комфорта).—Ту же задачу, не разрѣшенную
въ области вѣры, беретъ на себя систематизмъ въ
наукѣ, формализмъ въ обществѣ, мода въ гости-
ной и т. д.“

Итакъ, болѣе или менѣе утонченный матеріализмъ, нравственное и умственное усыпленіе или равнодушіе,—вотъ цѣль просвѣщеннаго общества, даже лучшихъ умовъ, вотъ основная задача западнаго человѣчества и европейскаго просвѣщенія! Признаться, этого мы покуда не знали! Но чего жъ вы хотите, если художество и общественность —только выдумки празднаго воображенія, а наука—китайская формалистика?.. Однако, мы хотѣли бы знать, отчего комфортъ и стремленіе къ наслажденію употреблены какъ слова почти неприличныя? Мы думаемъ, что наслажденіе — цѣль всего живущаго. Иной наслаждается молитвою и постомъ, другой—исполненіемъ долга, третій—наукой, четвертый — искусствомъ, пятый — побѣдой надъ низкими страстями, шестой—самими лишеніями. Все наслаждается и все стремится насладиться. Сама природа, вся ея разнообразная жизнь, есть непрерывный пиръ, непрерывное наслажденіе. Можетъ-быть, автору не нравится исключительно-утилитарное направленіе нашего времени? Но отчего жъ не видѣть въ немъ реакціи противъ, можетъ-быть, слишкомъ исключительно-спиритуальнаго направленія, которое ему предшествовало? Всему свое: свое тѣлу, свое духу.

Всѣ эти неправды внушены автору воображеніемъ, которому онъ далъ полный просторъ. Сердце въ нихъ не участвовало; мы представимъ на это неопровержимыя доказательства, а покуда, скрѣпя сердце, послѣдуемъ за нимъ въ его выводахъ.

Онъ отправляется отъ мысли, что рано или поздно непремѣнно должна создаться въ Россіи самостоятельная русская наука, которая освѣтитъ намъ наше прошедшее и будущее и даже броситъ совершенно новый свѣтъ на событія европейской исторіи. О характерѣ этой будущей науки авторъ нигдѣ прямо не высказывается; но изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противополагаетъ Европу Россіи и славянскому міру,—изъ общаго тона предисловія можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ, авторъ чрезвычайно остороженъ. Онъ былъ такъ добросовѣстенъ, такъ образованъ, что не могъ говорить рѣшительно въ дѣлѣ столько темномъ! Онъ какъ будто колеблется... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ томило его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что появляется заря золотого будущаго,—и потомъ онъ опять становится робкимъ передъ голосомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе практическому, болѣе дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благодѣтельно и необходимо было для Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реформою Петра. Оба направленія—дѣйствительное и недѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ предисловіи въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несоглашенныя между собою. Оттого, рядомъ съ мыслью вѣрной мы находимъ мысли рѣшительно ложныя; часто въ одной фразѣ уживаются выраженія двухъ совершенно разнородныхъ порядковъ мыслей. Мы не станемъ вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ выразились оба направленія, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся обзоромъ однихъ самыхъ рѣзкихъ и выскажемъ добросовѣстно наше мнѣніе и о предполагаемой слав
или русской наукѣ, и о нашемъ отн
къ европейскому міру.

До Петра Великаго, не было у н
науки, ни искусства. Мы были зак
въ ложномъ, очарованномъ кругу вост
привычекъ и обычаевъ... Чудныя пре
нія о великомъ царѣ, который все
зластъ и все переставитъ, сопровож
рожденіе великаго преобразователя,
ваютъ, какъ настроены были умы,
тревожныя ожиданія наполняли всѣхъ
ся Петръ Великій. Хотя-нехотя м
усвоивать себѣ европейскую науку, х
ства, общественность,—все то, что мы
называемъ общимъ именемъ цивил
Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти заимствова
быстрѣе и быстрѣе, обхватывая соб
необозримую Русь. Нуженъ былъ т
скоро побужденія стали не нужны. М
лались подражателями, поклонника
никами Европы. Въ этой совершенно
данности, въ этой горячности было
юношески-благороднаго; если хотите
и много смѣшного. То и другое совер
выражало нашу нравственную, ду
юность. Но мы хорошо сдѣлали, чт
ею воспользовались. Скажемъ безприст
самоотверженіе, съ которымъ мы при
учиться и образовываться, отсутств
наго самолюбія, которое мы обнаружи
брасывая свои національные и истор
предразсудки и строго судя самихъ
много говорятъ въ нашу пользу. Эпо
ской жизни съ Петра Великаго у
одному этому принадлежатъ лучшія с
цы русской исторіи. Впрочемъ, съ
начала реформы, обозначившей нов
правленіе нашей жизни, и до нашег
мени, были люди, которые, идя по
указанному Петромъ Великимъ, сохр
оригинальность ума и взгляда; были
такіе, которые только слабо прикр
свои привычки и понятія наружным
комъ европейской образованности. Вез
кихъ довольно бываетъ.

Наконецъ, около нашего времени,
жаръ, эта дѣятельность мало-по-малу
остывать и истощаться. Несравненно б
ближе, основательнѣе знакомясь съ Ев
и всѣмъ европейскимъ, нежели прежд
перестали безусловно всему удивляться,
му вѣрить на слово, какъ сначала. Д
поймутъ насъ тѣ, которые подумаютъ

йшее знакомство съ Европой было тому
ной, что мы разочаровались въ полу-
вѣковой дѣятельности. Ежедневный
, совершающійся у насъ передъ гла-
разительно опровергаетъ тѣхъ, кото-
такъ думаютъ. Никогда европейское
ѣщеніе не разливалось такими широ-
струями по всей Руси, какъ въ наше
: никогда сношенія наши съ Европой
ли такъ дѣятельны; никогда столько
ейскихъ идей и свѣдѣній — результа-
европейской науки,—не вращалось въ
. Просто, мы возмужали и пришли къ
возрасту, когда и человѣкъ, и народъ
аютъ отдавать отчетъ себѣ въ томъ,
дѣлалъ и дѣлаетъ. Оттого мы стали
е и къ себѣ, и къ другимъ; стали
вѣе и недовѣрчивѣе. Словомъ, насту-
время разсудка анализа, критики. Этотъ
отъ въ нашей жизни начался полнымъ
аніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ
къ юношескихъ силахъ, и очень немно-
яли настоящій смыслъ этого явленія.
итературѣ, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ
шалась тогда (хоть это было и очень
но) та странная, пестрая разноголо-
то смѣшеніе языковъ, которыя наполь-
собою послѣднее десятилѣтіе и кото-
замирающіе отзвуки слышатся еще и
хъ поръ. Большинство не вынесло об-
скепсиса, овладѣвшаго всѣмъ и всѣми.
испугалось той видимой пустоты, кото-
въ немъ оставляло скептическое на-
еніе времени, и отъ общаго кораблек-
нія преданій, готовыхъ убѣжденій,
едуманныхъ вѣрованій каждый спасал-
да могъ. Отъ дѣйствительности кто
ъ въ прошедшее и на немъ успокои-
разумѣется, подкрасивъ его по своему
ему разумѣнію; кто бѣжалъ въ буду-
и въ него перенесъ все то, чего не
ало въ настоящемъ. Самое незначи-
ое число осталось при настоящемъ,
ѣло на него прямо и старалось раз-
его разумныя требованія. И оно было
, потому что осталось вѣрнымъ дѣй-
ельности.

итическое направленіе — необходимый
статъ отжитаго прошедшаго, необходи-
прологъ къ зарождающемуся будуще-
произвело на насъ благодѣтельное дѣй-
Недавно еще высказывалось оно рѣзко,
ѣнно, а теперь мы можемъ уже отчасти
дѣть его результаты сквозь хламъ и
соръ, которымъ еще завалена наша литера-
тура. Такъ мы быстро идемъ впередъ! Оно,
какъ медицинскіе яды, съѣло, сожгло въ
насъ гнилые соки и очистило кровь. Когда
ложныя понятія, взгляды, стремленія, чув-
ства—вся эта формалистика недавняго про-
шедшаго, въ которомъ оно силилось увѣко-
вѣчиться,—мало-по-малу были расшатаны и
разрушены, туманъ исчезъ изъ головы, и
прежнія аксіомы сдѣлались по крайней мѣрѣ
теоремами,—что̀ оставалось дѣлать? Отбро-
сить всѣ нелѣпые и узенькіе взгляды, всѣ
изношенныя чувствійца, служившія теперь
лишь для пріятнаго, но совершенно безпо-
лезнаго препровожденія времени; отказаться
отъ предубѣжденій, предрасположеній къ
прошедшему и будущему, и серьезно при-
няться за дѣло, ища одной истины и ничего
больше. Такъ и начинаетъ у насъ быть.
Посмотрите, какъ во всемъ замѣтно это но-
вое направленіе! Теперь ужъ нѣтъ у насъ та-
кихъ помѣщиковъ, которые прирейнское или
бельгійское хозяйство цѣликомъ вводили бы
въ своихъ псковскихъ или вологодскихъ по-
мѣстьяхъ; нѣтъ художниковъ, которые только
рабски передавали бы произведенія европей-
скихъ искусствъ; нѣтъ профессоровъ, кото-
рые бы слово въ слово читали по заграничнымъ курсамъ. Обращаясь въ особенности
къ наукѣ и преподаванію, мы видимъ, что
историческое изученіе начинаетъ у насъ вы-
тѣснять догматико-схоластическое, привно-
сившее готовые взгляды въ науку, и, слѣдо-
вательно, непремѣнно предразсудки и пред-
убѣжденія.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ вотъ
что̀: безусловное заимствованіе европейской
цивилизаціи и ученическое отношеніе къ
западному міру, характеризующія эпоху рус-
ской исторіи отъ Петра до первой четверти
XIX вѣка, было, конечно, не случайное,
а необходимое, когда они такъ долго по-
глощали наши силы безъ всякой внѣшней
необходимости. Россія вошла въ число евро-
пейскихъ государствъ, тѣсно соединила съ
ними свою судьбу, и кажется, ей нечего
стыдиться этого новаго братства. Какъ бы
то ни было, исторія скрѣпляетъ его болѣе
и болѣе. Узелъ, однажды завязанный, стя-
гивается все крѣпче, и ужъ его теперь ни-
чѣмъ не развязать. Что мы начинаемъ ста-
новиться какъ-то повозмужалѣе; начинаемъ
выходить изъ-подъ безусловнаго авторитета
европейской цивилизаціи, что есть у насъ

какое-то еще не опредѣлившееся стремленіе къ самостоятельности—это добрый признакъ, показывающій нашу способность къ развитію. А если мы захотимъ говорить о нашемъ дальнѣйшемъ развитіи просто, безъ затѣй, мы должны будемъ къ каждому слову прибавлять: можетъ быть, весьма вѣроятно, и т. п. Поэтому мы не можемъ ничего заключать ни о будущей самобытной русской наукѣ, ни о противоположномъ или какомъ бы то ни было отношеніи ея къ европейской. Все это будутъ фразы и фразы. Будетъ съ насъ покуда, если мы выучимся добросовѣстно заниматься наукой, какая есть, если обогатимъ себя основательными знаніями по источникамъ, а не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и мало-по-малу пріучимся прямо, безъ предразсудковъ, смотрѣть на вещи. Одного этого дѣла станетъ съ насъ на долго. А тамъ... посмотримъ, что̀ будетъ.

Не такъ понималъ вещи авторъ предисловія. Съ юношескимъ жаромъ онъ вѣрилъ въ будущее, созданное его воображеніемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія, въ которыхъ онъ высказалъ свои убѣжденія о нашихъ національныхъ, самобытныхъ элементахъ и ихъ отношеніи къ европейской наукѣ и западному міру. Говоря о западѣ, авторъ разсуждаетъ такъ:

„Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями онъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ, —которое, можетъ-быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта“ (стр. 3).

Здѣсь прямой намёкъ на славянскій міръ. Оправданіе нехорошо! Страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ нельзя служить истинѣ; тѣмъ менѣе можетъ оно сохранять въ чистотѣ завѣтъ въ духовно-недозрѣвшемъ человѣкѣ; ибо незрѣлость производитъ недѣятельность и робость, а недѣятельность и робость поддерживаютъ незрѣлость. Тутъ круговая порука, изъ которой мы въ правѣ только заключить, что славянскій міръ еще слишкомъ молодъ, слишкомъ юнъ,—больше ровно ничего. А какіе его духовные дары—этого изъ его робости и бездѣйствія нельзя заключать. Далѣе, авторъ говоритъ (стр. 11):

„Не мудрено впрочемъ, если западный міръ *часто убиваетъ* въ насъ нашу собственную самодѣятельность, повергая въ незаконную дре
лучшія созидающія силы души, и невольн
няя передъ нами тотъ внутренній міръ
образовъ и убѣжденій, который нераздѣл
духовною личностью каждаго народа.—Е
нанный или только угадываемый робко
бѣдный художествомъ слова, нищій дарам
ства, онъ не можетъ не исчезать и не
передъ яркими красками, въ которыя
міръ западный; онъ остался доселѣ чужд
что бы облекло его въ ту красоту образо
его явленіямъ ту осязательность, передъ к
только и можетъ преклоняться больш
потому мудрено ли, если для этого боль
онъ не можетъ не исчезать передъ обаян
торое разливаетъ вокругъ себя міръ запа
передъ могуществомъ его воспоминаній, п
рыхъ каждое уже облечено въ красно
рамку романса или драмы, величіемъ и го
его громкаго многовѣкового прошедшаго,
блескомъ и соблазномъ его настоящей ки
волнующейся жизни... И такъ прекрасны в
первыя молодыя мечты о немъ, такъ он
увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами
природы и искусства—и такъ бѣдна и ску
редъ нами наша жизнь и даже наше про
слишкомъ строгое и однообразное, чтоб
увлекательнымъ, и слишкомъ простое, что
доступнымъ для многихъ, что наше увлеч
нятно и извинительно даже тамъ, гдѣ он
ходитъ, повидимому, за должныя границы“.

О томъ, убиваетъ ли въ насъ зап
міръ наши нравственныя силы или
мы скажемъ послѣ. Теперь нѣсколько
о нашемъ „внутреннемъ мірѣ мысли,
зовъ и убѣжденій“, его простотѣ и оди
зіи. Странная вещь! Въ ежедневномъ
встрѣчая человѣка однообразнаго, к
никогда и ни въ чемъ не выража
своихъ чувствъ, ни своихъ мыслей,
воримъ: что за несносный, скучный
вѣкъ! — отворачиваемся отъ него и
ваемъ, что онъ существуетъ. Встрѣчая
же однообразнаго, но вдобавокъ стра
говоруна, который твердитъ намъ
мысли и чувства, мы бѣжимъ отъ него
отъ чумы, и ужъ никогда не придетъ
въ голову, что въ немъ есть хоть ч
будь оригинальное, самобытное, но
щенное и задавленное чужимъ добром
конецъ, встрѣчая точно такихъ же, но
очень молодыхъ людей, мы ихъ с
снисходительно,—конечно, не потому,
ихъ безграничное молчаніе, или несв
говоръ намъ нравится: единственно по
что эти очень молодые люди могутъ
виться и сдѣлаться людьми порядочн
умными и оригинальными. Такова житей
простая, очень здравая логика, и съ

не споритъ, такъ она очевидно вѣрна. о что мы начинаемъ судить о наро- и государствахъ,—глядь, у насъ ужъ мъ другая логика! А казалось бы— ы-два вездѣ и всегда четыре. Если „внутренній міръ“ выражаетъ только ая наука“, которая „едва сознаетъ или о угадываетъ его“; если онъ и „бѣденъ ествомъ слова и нищъ дарами искус- , чтожъ прикажете намъ съ нимъ дѣ- —Имъ восхищаться, наслаждаться — и.Но автору хотѣлось заставить насъ бить его... Такой внутренній міръ дол- быть или крайне бѣденъ, или еще неразвитъ. Будь онъ богатъ или зрѣлъ, непремѣнно въ чемъ бы нибудь да вы- ся: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ прак- кой жизни, словомъ, въ чемъ-нибудь. о значатъ слова: „слишкомъ строгое и бразное, чтобъ быть увлекательнымъ, и комъ простое, чтобъ быть доступнымъ ногихъ?“ Строгая и однообразная внѣш- тогда велика, когда она есть выраже- условіе глубокаго сознательнаго содер- . Иначе она просто скучна и несносна. гота не есть необходимая спутница стро- и однообразія; мы часто видимъ ее и азнообразіи. Глубина содержанія при- ей цѣну. Безъ него она не добродѣ- .

поводу изданія „Вооруженія русскихъ ъ“ авторъ замѣчаетъ (стр. 14):

га книга впервые облекла для насъ въ образы нашу забытую старину; мы узнали, по край- ѣрѣ, въ чемъ ходили наши предки, какой имѣли наши древніе города и села, и то уже для перваго начала. Теперь только начинаетъ возможнымъ для поэта романъ или драма изъ древней жизни, — живописцу картина, ваяте статуя.

Слибы средніе вѣка не оставили по себѣ ко живыхъ слѣдовъ и гордыхъ памятниковъ ѣдшаго, которые на каждомъ шагу воскре- ъ его для западнаго человѣка, едва ли бы возможенъ романъ Вальтеръ-Скотта, или ъ Гёте. Мы не были такъ счастливы, какъ ъ; отъ нашего прошедшаго уцѣлѣли одни не- е остатки, разбросанные по всему безгранич- пространству Россіи. Въ томъ, разумѣется, ко же виноваты мы, сколько отцы наши и но болѣе всего виновато то неуваженіе и маніе къ своей исторической жизни, которое це замѣтно вездѣ, гдѣ жизнь народная еще ладаетъ надъ жизнью государственной“.

всѣмъ этимъ нельзя согласиться. Что руженіе русскихъ войскъ“—изданіе чрез- йно важное для древней русской исторіи, и въ особенности для русской археологіи, это совершенно безспорно, и никто, конечно, въ этомъ не сомнѣвается. Но можетъ ли оно служить матеріаломъ для русскаго народнаго романа, для русской народной драмы?—это другой вопросъ. Для того и другого нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь съ глубокими нравственными интересами, съ всемірными вопросами, въ какой бы формѣ они ни являлись... На западѣ лицо, человѣкъ, съ самаго начала на первомъ планѣ. Оттого средне-вѣковая жизнь и оставила послѣ себя столько живыхъ воспоминаній, столько гордыхъ памятниковъ. И оттого эти воспоминія такъ живы, эти памятники такъ горды, что на нихъ неизгладимая печать творческаго генія человѣка. Создай ихъ человѣкъ, подавленный природой и непосредственностью всякаго рода, тогда они стали бы ниже всякой былинки, ниже червяка, вышедшаго изъ рукъ природы. Но еслибъ эти памятники западной жизни и исчезли отъ времени, отъ случайныхъ причинъ, — жизнь, ихъ создавшая, сохранилась бы и безъ того въ цѣломъ послѣдующемъ бытѣ европейскаго человѣчества. Оттого неправъ авторъ, когда онъ говоритъ, что только эти памятники, эти воспоминанія сдѣлали возможными романы Вальтеръ-Скотта и „Фауста“ Гёте. Ихъ сдѣлала возможными средне-вѣковая жизнь Европы. Для романа и драмы мало одной формы, нужно содержаніе, а его нельзя выдумать и навязать прошедшему... На счетъ причинъ, почему не многое уцѣлѣло отъ нашего прошедшаго (хоть это и не совсѣмъ справедливо), мы готовы согласиться съ авторомъ; только выразились бы иначе... Только то для человѣка и народа дорого, что онъ сознательно создавалъ и дѣлалъ, и дѣйствительно, только то и имѣетъ цѣну, въ чемъ высказался мыслящій и чувствующій человѣкъ или народъ. Предшествующее его состояніе только по отношенію къ этой эпохѣ интересно и любопытно знать, но не болѣе, какъ любопытно. Еслибъ не было Петра и теперешней Россіи, еслибъ въ глубинѣ нашего сердца не было какого-то чаянія великаго будущаго, котораго, впрочемъ, нельзя вполнѣ предугадывать, то вся древняя русская исторія не имѣла бы того интереса, какой мы въ ней находимъ.

Въ этихъ и другихъ мѣстахъ авторъ не прямо выразилъ свою задушевную мысль, что славянскій міръ ни чуть не бѣднѣе, даже богаче западнаго, только онъ не признанъ,

потому что не высказался, не выразилъ во внѣ сокровищъ, которыя въ немъ скрываются. Мысль, какъ мы показали, очевидно ложная, не историческая; но она опредѣлила и взглядъ автора на отношеніе этихъ двухъ міровъ. Онъ считаетъ ихъ противоположными: онъ непрямо высказываетъ, что между ними не можетъ быть полнаго сочувствія, братства; что міръ западный неблагопріятно дѣйствуетъ на насъ и подавляетъ наши нравственныя силы. Вотъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ:

„Мы должны помнить, что такое даровое богатство (то есть западная наука, нами усвоенная), ничѣмъ не купленное, развѣ *утратами изъ своей внутренней жизни*,—непрочно;—что это просвѣщеніе, хотя и привитое къ намъ, не могло перейти въ кровь и соки самой жизни и передать ей своего прошедшаго, своихъ вѣрованій и надеждъ, въ которыхъ вся его сила и живое могущество. Оно привито къ намъ, но пока остается въ насъ какимъ-то междоумкомъ,—чѣмъ-то совершенно чуждымъ и внѣшнимъ всему нашему остальному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и повидимому *не обѣщающимъ никакого живого плода*“ (стр. 3 и 4).

„Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать имъ начатое? Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный имъ кругъ жизни*. Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живого, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы, непризванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ,—въ немъ только лишніе!

„Уже время подумать и о томъ, чтобъ намъ самимъ и изъ себя вырабатывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ;—а не довольствоваться,—въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность и умственное несовершеннолѣтіе передъ Западомъ, — который первый осудитъ и презрительно осмѣетъ непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе прасно растраченной жизни“.

„Напрасно думаютъ, что можетъ быт сенъ съ одной почвы на другую весь в міръ человѣка. Переносятся одни форм наглядные выводы, но уже лишенные вс ковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый торый, повидимому, уже окончилъ свою ность, падаетъ сѣменемъ на родную поч ростаетъ въ новое дерево, и тотъ же пл везенный на заморскій рынокъ, служи прихоти немногихъ и дорогимъ аристократ лакомствомъ“.

Этихъ выписокъ, кажется, дос чтобы показать, какъ авторъ смотрѣл ношеніе европейскаго и славянска Силлогизмъ простой: между ними нѣ ничего общаго. Сближеніе ихъ тольк ное. Каждый изъ нихъ эгоистическ ваетъ свою жизнь, и славянскій м таясь съ западнымъ, долженъ быть умѣ: попользоваться отъ него всѣм можетъ, что̀ ему нужно и полезно, разстаться и идти своей дорогой, ка прежде, до Петра. Въ періодѣ реф слишкомъ увлекся, слишкомъ отдалс влеченію ко всему западному: впер нужно быть осторожнѣе и стараться возможно исправить свою ошибку.

Странная мысль! Особенно стра наше время, когда всѣ народы с сблизиться и узнать другъ друга; ко исторія иногда невольно соединяетъ ихъ жизнь въ одну общую судьбу, п ляя къ союзу въ любви и истинѣ. ніе самостоятельности, самодѣятельн момышленія — очень справедливо и Покуда человѣкъ или народъ самъ думаетъ того, чему онъ выучился, заимствовалъ,—все это ему не впро него не существуетъ, или существует пустая фраза, безсмысленный звукъ. вательно, все дѣло въ усвоеніи, въ комъ сознаніи какъ чужого, заимствов такъ и своего собственнаго; ибо какъ роннее не принадлежитъ намъ, пока не овладѣли, такъ и свое, непередум несознанное, не существуетъ для на какъ заключать отсюда о необходимос бливой русской или славянской наук тивоположной европейской наукѣ? Ц уки—истина, а истина одна. Поэтому жетъ быть двухъ наукъ, какъ не мо быть двухъ истинъ. Въ наше время

разнородныя, не имѣющія повидимому
общаго, начинаютъ мало-по-малу сбли-
узнавать и признавать другъ друга,
ся въ главныхъ своихъ основаніяхъ,
мать себя какъ отрасли одной науки.
знаетъ, какъ много всѣ онѣ выиграли
то взаимное сближеніе, какъ онѣ на-
полняться и объясняться одна дру-
олько ошибокъ исправлено, сколько
ъ взглядовъ устранено, какой про-
ткрылся для мысли. Такъ же должно
ть и развитіе наукъ у различныхъ
ъ. Наука Греціи, Рима, Франціи, Ан-
рманіи—не различныя науки, враж-
между собою, или по крайней мѣрѣ
ющія ничего общаго: онѣ только раз-
способы пониманія и выраженія од-
той же истины, и потому связаны не-
нымъ единствомъ. Каждый народъ
ъ на одну и ту же истину съ своей,
йственной точки зрѣнія. Чѣмъ больше
различныхъ точекъ зрѣнія, такихъ
ыхъ способовъ пониманія, — тѣмъ
тѣмъ полнѣе, многосторонѣе откры-
истина. Оттого—посмотрите: теперь
народъ образованный, или стремя-
съ образованію, учится у всѣхъ дру-
тарается познакомиться съ результа-
хъ наблюденій, съ ихъ точкой зрѣ-
новомъ, съ ихъ наукой, чтобы самому
ть безпристрастнѣе, глубже и шире
ть истину. Такая замѣна національ-
ключительности, ложнаго самолюбія и
дѣянности братскимъ общеніемъ, въ
ауки уже принесла и ежедневно при-
обильные плоды. Кто ихъ исчислитъ?
и народы, отложившіе ложную спѣсь,
ыиграли. Непосредственному чувству
человѣка была доступна эта истина.
ѣдневнаго опыта, изъ практической
онъ тотчасъ понялъ, что „умъ хо-
два лучше“. А мы теперь думаемъ,
намъ жить, да жить однимъ умомъ!..
авторъ предисловія признавалъ воз-
ъ исключительно славянской или рус-
уки, противоположной наукѣ евро-
,—мудрено ли, что ему показалось,
падный міръ убиваетъ нашу само-
ность. Допустивъ одно, можно до-
и другое. Примите на одну ми-
то есть особенная, исключительно
ая наука, особенная, исключительно
ая: вы, во-первыхъ, дойдете до ре-
, что нѣтъ никакой науки, какъ спо-
соба пониманія одной истины; а потомъ единство міра и человѣческаго рода для васъ утратится; народы и племена распадутся въ вашихъ глазахъ на отдѣльныя массы, ни чѣмъ не связанныя между собою, кромѣ случая, или какого-то необъяснимаго, страннаго, Богъ знаетъ почему и зачѣмъ существующаго, инстинкта. Тогда-то вы получите право не шутя спросить: зачѣмъ нѣмецкій инстинктъ сталъ вліять на славянскій? Можетъ-быть, онъ подавляетъ его! Помилуйте, помилуйте! Да развѣ наука, чья бы она ни была, не есть прежде всего взглядъ человѣка на истину? Не предубѣжденіе ли не умѣть въ нѣмцѣ, французѣ, англичанинѣ, видѣть человѣка? Что западная наука убьетъ въ насъ исключительно національный взглядъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Но подавить въ насъ нравственныя и духовныя силы, нашу самодѣятельность, наше самомышленіе? Такъ не дѣйствуетъ никогда истина, въ какой бы формѣ она ни явилась. Напротивъ, она вездѣ и всегда развиваетъ умъ, возбуждаетъ къ дѣятельности дремлющія силы, а не губитъ ихъ. Намъ, можетъ быть, приведутъ въ примѣръ учениковъ, которые какъ будто подавлены умомъ и знаніями своего учителя, такъ что они стали тупыми и глупыми,—и, если мы не ошибаемся, это хотѣлъ сказать авторъ, говоря, что западный міръ убиваетъ въ насъ самостоятельность и оригинальность. Но тутъ что-нибудь изъ двухъ: или ученикъ бездарный,—и въ такомъ случаѣ отсутствіе всякаго ученія и учителя не спасло бы его отъ умственнаго и нравственнаго ничтожества; или онъ даровитъ и уменъ,—тогда непремѣнно, рано или поздно, онъ освободится изъ-подъ нравственнаго авторитета своего учителя, сдѣлается оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Это вовсе не значитъ, что онъ будетъ думать и говорить прямо противоположно съ своимъ учителемъ, или непремѣнно слово въ слово то же, что учитель. Онъ только будетъ говорить и думать свое, а не чужое. Иное онъ дополнитъ, другое измѣнитъ, третье докажетъ новыми доводами. Сравненіе учителя и его бывшаго ученика покажетъ, что между ними тѣсная, необходимая, внутренняя связь; что послѣдній продолжалъ дѣло перваго, какъ бы ни были, повидимому, различны ихъ взгляды и понятія. А покуда этотъ умный и даровитый ученикъ не сдѣлался оригинальнымъ и самобытнымъ,—просто значитъ,

что онъ еще молодъ, что его нравственныя силы еще не окрѣпли, что ему не съ чего подняться. Если это такъ,—прежде времени не совѣтуйте ему, чтобъ онъ сталъ самобытнымъ, что ему нечего повторять слова и мысли учителя. Вы его испортите. Съ вашихъ совѣтовъ онъ станетъ думать о себѣ Богъ знаетъ что, и, пожалуй, сдѣлается хвастливымъ мальчикомъ съ безплодными претензіями на оригинальность. Это будетъ человѣкъ погибшій для науки и истины.

Впрочемъ, comparaison n'est pas raison. Цѣлый народъ не такъ-то скоро собьешь съ толку, какъ отдѣльное лицо, особенно русскій народъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ. Ложный совѣтъ своротитъ съ прямого пути нѣсколько людей, и то не очень талантливыхъ. Они станутъ мечтать о какой то несуществующей славянской или русской оригинальной наукѣ; одни, учась и занимаясь, дойдутъ до нелѣпыхъ выводовъ; другіе не станутъ ничему учиться, и тѣмъ больше будетъ ихъ заносчивость, ихъ претензіи. И тѣ и другіе сдѣлаются смѣшны и странны. Мимо ихъ пройдетъ не равнодушное, но безпристрастное большинство; еще немного времени,—и ихъ совершенно забудутъ. Тѣмъ все и кончится. Останется въ немногихъ сожалѣніе, что эти люди могли бы быть относительно полезны и пропали какъ пустоцвѣтъ...

Если мы однажды пріобщились къ жизни Европы, и нашей полутора-вѣковой исторіей со временъ Петра, и искреннимъ сочувствіемъ ко всему европейскому, даже до пожертвованія исключительною національностью—нечего и думать объ эгоистической отдѣльности, равнодушіи. Съ реформы Петра Великаго все у насъ съ Европой—общее, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; ея силлогизмы, ея стремленія стали нашими; ея дѣло — нашимъ дѣломъ, ея наука — нашей наукой. Вспомнимъ, что не одни мѣстные, частные, исключительно-историческіе интересы Европы мы перенесли на свою почву. Подъ европейской формой мы усвоили и усвоиваемъ себѣ человѣческое, равно близкое и родное всѣмъ племенамъ: истина старая, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ часто остается у насъ въ тѣни. Отрицаніе исключительно-національнаго европейскаго, заимствованнаго нами, конечно, придетъ со временемъ; будемъ надѣяться;—но прежде всего *предоставимъ* это исторіи. Не достигнувъ полной самостоятельности въ мышлен
дѣйствованіи, мы далеко не въ сос
опредѣлить, что̀ изъ принимаемаго н
запада—обще-человѣческое, и что̀ ис
тельно-историческое, принадлежащее
Европѣ. Съ послѣднимъ мы стали
перь отрицать и первое. Многое заста
насъ такъ думать...

Вотъ все, что̀ мы считали нужным
зать о предисловіи. Можетъ-быть,
упрекнутъ за то, что мы разбирал
такъ подробно. Мы съ своей стороп
маемъ, что всякое добросовѣстное у
ніе имѣетъ право на внимательную о
и чѣмъ оно ошибочнѣе, тѣмъ бо̀льшее
право на такую оцѣнку.

Мнѣнія, высказанныя авторомъ, бы
городны, хотя и ложны. Слова его с
искреннею любовью къ истинѣ и
Несмотря на односторонность взгляд
умѣлъ сохранить себя чистымъ отъ
нетерпимости къ противоположнымъ
ніямъ, понималъ ихъ важность, и ч
валъ все обаяніе западнаго міра. Нѣс
послѣднихъ выписокъ изъ предислові
жутъ это:

„Учителю же й просвѣтителю нашему (
Западу) мы обязаны многимъ, и не мож
быть благодарны ему за все, что онъ
выработалъ, пережилъ и пострадалъ, и
сталось намъ даромъ, безъ труда, безъ
крови,—за добро и зло, истину и ложь,
онъ вынесъ изъ своего долгаго трудового в
Западѣ впервые были подняты и пробужде
вопросы науки и жизни къ міровой дѣятел
и во всемъ живомъ многообразіи ихъ ра
шейся и ими развиваемой личности; у зап
человѣка достало мужества, чтобъ не остав
ни передъ однимъ вопросомъ, и не испугат
одной крайности умственнаго или нравств
міра. И потому обвинять ли его въ этихъ
стяхъ? Онѣ были лишь неизбѣжными спут
его духовной отваги и страстной дѣятель
(стр. 3).

„Такой взглядъ во многомъ, можетъ-бы
не раздѣляемъ многими изъ участниковъ
ніи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ м
статей, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ,—а
не должно быть смѣшиваемо одно съ др
Всякій взглядъ и всякое представленіе ф
могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны, но
остаются тѣ же, какъ бы ни было одност
ихъ представленіе (если только оно добросов
и самое заблужденіе, если не прямо, то пр
дѣйствіемъ, которое оно вызвало или вы
одинаково вырабатываетъ то истинное воз
или ту истину, которая должна окончатель
вердиться въ наукѣ и сдѣлаться ея обык
стомъ. Ошибаться можемъ и мы, болѣе ли

такъ же какъ и другіе; всякое воззрѣніе
батывается окончательно только временемъ
ько временемъ освобождается отъ всего лич-
и случайнаго.—Но только наука и добросо-
ое изученіе ея во всѣхъ ея многосторон-
направленіяхъ и во всей односторонности
аго изъ нихъ можетъ окончательно разобла-
вопросы отъ всего ихъ случайнаго и на-
а утвердить на незыблемой почвѣ. Для такой
ослѣдней задачи и цѣли всякой науки и вся-
знанія одинаково служитъ и всякое заблуж-
и даже не рѣдко болѣе, чѣмъ недозрѣлая,
уманная или недосказанная истина" (стр. 20).

ыкъ предисловія хорошъ, мѣстами пре-
оденъ.

тѣмъ слѣдуетъ введеніе, или „статья
то введенія" г. А. Хомякова. Опредѣ-
ея содержаніе трудно. Это очеркъ по-
нихъ судебъ древняго міра, начала но-
и разселенія племенъ, преимущественно
нскихъ. Кой-гдѣ указаны важнѣйшія
тія въ исторіи послѣднихъ, кромѣ Рос-
— все въ самыхъ краткихъ чертахъ.
чемъ, дѣло вовсе не въ содержаніи.
ъ издатель принялъ такую статью въ
рникъ", почти исключительно посвящен-
славянамъ, и напечаталъ вмѣсто вве-
я, которое, какъ всѣмъ извѣстно, должно
выраженіемъ духа и направленія цѣ-
книги, мы понять не можемъ! Тутъ,
ятно, какое нибудь недоразумѣніе между
телемъ и авторомъ.

атью открываетъ игра историческими
ами и несомнѣнными историческими ис-
ми, словомъ, игра въ исторію; заклю-
ъ—иронія надъ всѣмъ славянскимъ мі-
, его прошедшимъ и будущимъ. Сна-
, ничего не подозрѣвая, мы хотѣли-было
осовѣстно разбирать статью; но уже на
ой страницѣ натолкнулись на слѣдую-
мѣсто:

Налётъ Великихъ Гунновъ перемѣнилъ на-
леніе движенія Германскаго. Кто бы ни были
воинственные выходцы при-Волжья—послѣд-
ихъ налёту (а) ясно. Удары Аттилы были на-
лены болѣе на область Германскую, чѣмъ на
. Византію онъ оставилъ въ совершенномъ
ѣ, и Западная Имперія кажется навлекла его
ъ только тѣмъ, что подала помощь и убѣ
Германцамъ. Ослабленные и испуганные
ы, Бургундцы, Свевы, Аланы бросились всѣ
ападъ. Даже послѣ смерти великаго завоева-
они не смѣли или не могли возвратиться къ
амъ восточнымъ, откуда налетѣла на нихъ
кая буря, и поселились навсегда въ новопо-
нныхъ ими областяхъ".

о насъ нѣсколько смутило. Мы было
ли сказать: вотъ взглядъ совершенно
новый на движеніе народовъ въ V столѣ-
тіи! Мы знали Аттилу великимъ завоева-
телемъ, губителемъ государствъ и народовъ,
которому подобные являются только въ ис-
торіи монгольскаго племени; г. Хомяковъ
показываетъ его съ другой, доселѣ незамѣ-
ченной стороны. Его Аттила—глубокомыслен-
ный политикъ, предвидящій будущія собы-
тія,—оскорбленія, которыя славянамъ суж-
дено было вынести отъ германцевъ. Вотъ
объясненіе всей дѣятельности, всѣхъ похо-
довъ гуннскаго царя. Признаемся откро-
венно, такія мысли не могли бы придти въ
голову настоящему историку, привыкшему
вѣрить только свидѣтельству источниковъ.
О планахъ, приписанныхъ Аттилѣ и его
враждѣ къ германскому міру, нѣтъ ни од-
ного слова ни въ одномъ современномъ ис-
точникѣ. Тѣмъ болѣе славы г. Хомякову:
тамъ, гдѣ умолчалъ скромный голосъ науки,
поднялъ онъ свой голосъ. Силою поэтиче-
скаго прозрѣнія, онъ угадалъ не только со-
кровенный смыслъ событій, доселѣ являв-
шихся намъ въ другомъ видѣ, но даже
тайныя мысли Аттилы. Онъ знаетъ, чѣмъ
именно навлекла на себя его гнѣвъ запад-
ная имперія: она подала помощь и убѣ-
жище германцамъ—ясное дѣло! Но охваты-
вая своимъ взглядомъ массы событій, г.
Хомяковъ, разумѣется, не всегда обращаетъ
вниманіе на подробности. Ему позволительно
пренебрегать той математической строгостью
которая, по его же прекрасному выраженію,
хотя и „составляетъ лучшую отраду въ
жизни ученыхъ мужей", однако „не совер-
шенно необходима для человѣческаго про-
свѣщенія". Обреченные на трудъ болѣе
скромный, мы позволяемъ себѣ указать на
нѣкоторыя мелочи, не замѣченныя авторомъ.
Во первыхъ, Аттила не оставлялъ Визан-
тіи въ совершенномъ покоѣ. Онъ опусто-
шалъ ее ежегодными набѣгами до самаго
вступленія на византійскій престолъ импе-
ратора Маркіана: гунны обратили въ без-
людную степь земли, лежащія между Ду-
наемъ и Балканомъ. Византійцы рѣдко при-
бѣгали къ открытому сопротивленію, отку-
пались отъ большой бѣды данью, а иногда
прибѣгали и къ худшимъ средствамъ, какъ
напримѣръ, къ отравѣ. Ѳеодосій II поку-
шался на жизнь Аттилы. Ссылаемся на
признаніе самихъ византійскихъ писателей,
въ особенности на ритора Приска, который
ѣздилъ съ извиненіями къ царю гунновъ.

Во-вторыхъ, въ числѣ „испуганныхъ“ и загнанныхъ Аттилою на западъ германскихъ племенъ, г. Хомяковъ называетъ бургундовъ, которые жили около Рейна, когда о гуннахъ еще не было и слуха, — и алановъ, которые, по всей вѣроятности, были славяне. Въ третьихъ, г. Хомяковъ говоритъ, что германцы, отброшенные Аттилою на западъ, не смѣли или не могли возвратиться на родину даже по смерти завоевателя. Не смѣли? Врядъ ли такъ! Германскія племена, ост-готы и гепиды, наиболѣе содѣйствовали къ паденію гуннскаго царства. А другихъ, испуганныхъ Аттилою германцевъ, которыхъ онъ загналъ въ Галлію, Испанію и Италію, лучшія страны юго-западной Европы, еще богатыя остатками римской цивилизаціи, вѣроятно, не слишкомъ манила назадъ болотистая и лѣсная родина...

Все это мы было хотѣли сказать г. Хомякову, какъ вдругъ насъ озарила яркая мысль... Мы поняли, что дались въ обманъ, и невольно покраснѣли. Потомъ мы ужъ съ наслажденіемъ прочитали слѣдующія строки:

(На стр. 3). „Семьи, болѣе удаленныя отъ римскихъ предѣловъ, сохранили съ большей чистотой семейное начало и характеръ человѣческій. Таковы въ особенности Саксонцы, которыхъ впрочемъ ни по языку, ни по обычаямъ, ни по религіи не должно считать за чистыхъ Германцевъ. Къ несчастію, именно тѣ семьи, которыя были покорены римской власти, которыя утратили уже многое изъ своей народности и первобытныхъ достоинствъ въ наемной службѣ чужеземцу, въ наслажденіяхъ развратнаго и роскошнаго Рима... заняли первое мѣсто въ жизни западной Европы Покоривъ Галлію, Франки, удержанные съ юга Готоами, а послѣ того непобѣдимою силою Аравитянъ, опрокинулись снова на востокъ... Германія исказилась возвратомъ въ ея нѣдра уже искаженной стихіи германской...

„Норманны, бездомные, безсемейные и бездушные, передъ судомъ людей, безпристрастно оцѣнивающимъ животное мужество и животную доблесть, Норманны разрушили старую Англію и перенесли въ нее весь гнусный развратъ и весь безчеловѣчный бытъ, которому научились они во Франціи, и которому Франки учили всю Европу“.

Что за забавная — игра въ исторію! Факты въ ней, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ, стоятъ кверху ногами, а что-то выходитъ! Разумѣется, никто не дастъ статьи г. Хомякова прочитать молодому человѣку, который вовсе незнакомъ съ исторіей, потому что послѣ ему бы и въ жизнь не выучиться исторіи. А прочитать ее такъ, знаете ли, для курьеза, пріятно! Кто не знает вся новая образованность Европы изъ соединенія римскаго, или, въ бол ширномъ смыслѣ, античнаго съ нач германскимъ? Кто не знаетъ, какую играли при этомъ соединеніи франки были главнымъ изъ племенъ германс Они отстояли для западной Европы ченное ими въ наслѣдіе отъ Рима хри ство и образованность противъ двояка тиска язычества и ислама. Г. Хомяко часъ представилось: а что выйдетъ франковъ выдать и развратными и р тившими Германію? Я-чай, многіе ю ются? И точно, смѣшно до слезъ! Ф Карлъ Мартеллъ побѣдою 732 года жалъ вторженіе ислама въ Европу, а мяковъ тотчасъ вывороталъ этотъ фа изнанку, и говоритъ, что арабы уде вторженіе франковъ въ южную Ев Франкъ Карлъ Великій, покореніемъ совъ положилъ конецъ политическому ченію язычества въ Европѣ, а г. Хом хулитъ и Римъ, изъ котораго взят стіанство франками, и франковъ, ко утвердили его въ Европѣ. Фактъ, д ный совокупными розысканіями всѣхъ нитѣйшихъ историковъ и филологовъ саксы — коренное германское племя, ко только жило въ сосѣдствѣ съ славяна г. Хомяковъ, продолжая игру въ ис говоритъ, что саксонское племя мѣш Что это за милая игра, право! Исла саги и стройныя государства, основа норманнами, даютъ намъ высокое по ское понятіе объ этихъ завоевателяхъ, странствователяхъ по морямъ, а г. Х ковъ представляетъ ихъ животными... животными, людьми бездушными, съ жи нымъ мужествомъ и животною доблест

Дивная игра въ исторію! Знаете что, татель? Когда, послѣ жирнаго обѣда, въ другое время, вы будете чувство себя неспособнымъ ни къ чему дѣльно серьезному, возьмите нѣсколько бумаж ровно обрѣзанныхъ, и напишите на к дой имя какого нибудь историческаго л названіе мѣста, города, рѣки или обл какой-нибудь глаголъ, напр.: развратилъ бѣдилъ, внесъ, налетѣлъ, опрокинулъ; бавьте: дикій бытъ, какое-нибудь пра тельное, наприм., гнусный, развратный, домный, бездушный. Перемѣшайте потом это хорошенько и выньте наугадъ. Бу

ить уморительныя вещи, наприм., что
андръ Великій на Мысѣ Доброй На-
ы дрался съ эскимосцами, или что
загнали бургундовъ на западъ Ев-
—какъ вышло у г. Хомякова. Вотъ
и весь секретъ игры въ исторію! Она
смѣшна, и потому содѣйствуетъ пи-
енію, прогоняетъ сплинъ; вдобавокъ
аетъ незамѣтно пройти времени, ко-
о нельзя порядочно употребить. Чуд-
гра!

иронiи надъ славянами г. Хомя-
превзошелъ самого себя. Посмотришь
та, г. Хомяковъ, кажется, хвалитъ сла-
до-нельзя, а послѣ, глядь, все на-
ки, да еще какія! Въ томъ-то вся и
Что въ самомъ дѣлѣ за иронія, кото-
съ-оника бросается въ глаза?.. Сна-
г. Хомяковъ такъ и разсыпается въ
лахъ славянамъ. И „не выселялись-то
ъ чужую область", а все дома сидѣли;
е развращали они своей внутренней
и соблазнительнымъ преступленіемъ за-
ній", и общины-то ихъ были „безыс-
венны" и пр. и пр... А какія похвалы!
насмѣшки и неправды. Сказано, напр.,
славянъ процвѣтало землепашество и
вля, а не сказано, и умышленно, что
-поморяне были страшные разбойники
этомъ не уступали бездушнымъ нор-
мъ. Разумѣется, игра не имѣетъ ника-
историческаго достоинства: вся сила
ъ иронiи. Но такъ какъ это не всяк
ъ разу пойметъ, а иной, пожалуй, при-
статью и за чистыя деньги, то г. Хо-
ъ спохватился, правда во-время, и
дальше, тѣмъ яснѣе иронизируетъ,
что и не очень догадливый и тотъ
ается. Тамъ похвалитъ славянъ за то,
ихъ обманывали и угнетали; здѣсь ска-
, что всякій встрѣчный-поперечный
еблялъ ихъ, какъ „орудіе своихъ за-
ній". Въ другомъ мѣстѣ, они, кроткіе
ролюбивые, рѣжутся у него между со-
мало что за себя, за другихъ; на 5-й
ницѣ онъ похвалилъ ихъ, да и сказалъ,
ненарокомъ, что, принадлежа къ во-
ой церкви, западные славяне не замѣ-
различія ея съ католической; на стра-
7-й опять похвалилъ, и опять мимо-
ъ замѣтилъ, что одинъ изъ друж-
братьевъ славянской семьи „выгово-
себѣ" у чужеземца Тевтона „право без-
анно губить своихъ братьевъ". Одинъ
серьёзный и добросовѣстный, но, какъ видно, недальній человѣкъ замѣтилъ намъ, что, по словамъ г. Хомякова, „Германія при св. Генрихѣ съ трепетомъ ожидала своего наденія" отъ побѣдъ славянъ; а откуда это извѣстіе, Богъ-вѣсть! Насъ досада взяла при этомъ замѣчаніи. Какъ, кажется, не понять, что весь интересъ не въ исторической истинѣ, а въ иронiи? Человѣкъ дочитался до конца статьи, и не могъ этого замѣтить!

Въ заключеніи, г. Хомяковъ изъ ироническаго, смѣющагося тона, вдругъ переходитъ въ высоко-комическій. Онъ становится возвышеннымъ сатирикомъ. Вотъ что онъ говоритъ:

„Быть можетъ, Провидѣніе, не благословившее праведныхъ подвиговъ земли Вендской, спасло стихію славянскую отъ искаженья. Завоеватели области Германской,—Славяне повторили бы въ исторіи міра тѣ же самыя явленья, которыя сопровождали торжество Тевтоновъ надъ Римомъ и исказили въ нихъ начало человѣческое".

„Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ незаклейменный наслѣдственно печатью преступленья и неправеднаго стяжанья, славянскій міръ хранитъ для человѣчества если не зародышъ, то возможность обновленья".

Какая насмѣшка надъ внутренними силами славянскаго племени! Какая иронiя въ словахъ: „если не зародышъ, то возможность обновленья". На все будущее славянъ ими брошенъ мрачный свѣтъ! Кто не знаетъ, что гдѣ нѣтъ зародыша, тамъ нѣтъ и возможности?... Талантъ автора несомнѣненъ. Особенно пріятно было намъ видѣть, что г. Хомяковъ принадлежитъ къ тому малому избранному числу русскихъ писателей, которыхъ удачные опыты заставляютъ идти впередъ, развиваться. Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли первый историческій трудъ г. Хомякова—„Царствованіе Оедора Іоанновича;" второй — „Двѣнадцать лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго" несравненно выше. Третій, который мы разбирали,—верхъ совершенства...

Слѣдующія за тѣмъ статьи „Сборника" могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ чисто ученыя, чуждыя всякихъ умствованій и разглагольствованій, и просто разсказывающія намъ факты и выводы изъ нихъ. Другія проводятъ направленіе и наполнены „взглядами..." Первыми

цѣль и назначеніе „Сборника“ достигаются вполнѣ. Онѣ даютъ положительныя свѣдѣнія о предметахъ мало извѣстныхъ, и потому заслуживаютъ большого вниманія и благодарности. Достоинство ихъ, разумѣется, неодинаково, что̀, однако, не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть очень интересными, особливо для занимающихся славянскимъ міромъ и славянами. Вотъ эти статьи:

„Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе въ эти земли нѣмецкихъ колонистовъ“. Статья, составленная по книгѣ Цшоппе и Штенцеля г. К. Кавелинымъ. Послѣ очень короткаго очерка національно-славянскаго юридическаго быта въ Силезіи и Лужицахъ (Лаузицѣ), разсказаны причины введенія сюда нѣмецкихъ колонистовъ и представлены права и устройство нѣмецкихъ общинъ.

„Исторія древняго наслѣдственнаго права (по закону) у славянъ“. Превосходное сочиненіе г. Г. Губе, удостоенное преміи юридическимъ факультетомъ варшавскаго университета, съ дополненіемъ, составленнымъ переводчикомъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ.

„Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ“ г. А. Попова. Факты, относящіеся къ наслѣдованію и опекѣ въ эпоху Русской Правды такъ исчерпаны, что трудно сказать о нихъ что-нибудь новое. Нужно бы сравнить ихъ съ древними постановленіями прочихъ славянъ и подробно изучить наслѣдованіе и опеку въ русскихъ княжескихъ владѣтельныхъ родахъ. Для перваго кое-что сдѣлано авторомъ; для второго—ничего.

„О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XV и XVII вѣкѣ“. Статья, составленная по книгѣ Суровецкаго. Въ ней говорится о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, городовъ и торговли въ Польшѣ, и причинахъ ихъ упадка. Авторъ долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ коснуться юридическаго быта Польши. И то и другое очень любопытно.

„Волинъ, Іомсбургъ и Винета“. Историческое изслѣдованіе г. Т. Грановскаго, профессора исторіи среднихъ вѣковъ при московскомъ университетѣ. Ученое, превосходно написанное разсужденіе о городахъ или поселеніяхъ на островѣ Волинѣ, которые слились въ преданіяхъ въ одинъ баснословный славянскій городъ Винету. Изслѣдователь доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что Волинъ—вендское поселеніе, Іомсбургъ—
пость, основанная норманнами близъ
лина; Винета—городъ, никогда не суще
вавшій. Это разсужденіе писано г. Гра
скимъ на степень магистра, и въ ма
шемъ году, на публичномъ диспутѣ, по
поводъ къ жаркимъ преніямъ...

„Извлеченіе изъ письма Раббн Хи
Бэнъ Ицкахъ къ царю Хозарскому“, и
веденное съ еврейскаго г. К. Коссовичо
Не понимаемъ, какъ оно попало въ „С
никъ“; въ немъ нѣтъ ничего о славян
Разъ только упоминается о руссахъ и
гарахъ, да и то такъ, что изъ этого и
стія ничего нельзя вывести.

„О лубочныхъ картинахъ русскаго
рода“, нашего извѣстнаго достопочтен
археолога И. М. Снегирева. Сначала
статья была напечатана въ „Москвитян
и заслужила лестные отзывы знамени
Я. Гримма. Послѣ, сочинитель передѣ
ее вновь, дополнилъ многими любопыт
подробностями, и въ этомъ видѣ вошла
въ составъ „Сборника“. Мы прочли
большимъ наслажденіемъ. Авторъ слу
русской исторіи не словомъ, а дѣломъ. Н
онъ не хвалитъ, нигдѣ не бранитъ, а то
разсказываетъ любопытнѣйшія вещи,
рыя достались ему не даромъ, требо
большихъ усилій и предполагаютъ бли
знакомство съ бытомъ простого народа. Св
ко ума, остроты, иронін въ русскомъ
ловѣкѣ! Какъ онъ уменъ и даровитъ
природы! Жаль, что „странные“ в
ды мѣшаютъ покойно и вдоволь имъ на
диться.

„О значеніи слова „черный“ въ древ
русскомъ языкѣ и преимущественно о
номъ борѣ Новгородскомъ“. Эта статья
надлежитъ г. С. Соловьеву, профессору
ской исторіи при московскомъ университет
тому самому, съ которымъ мы уже им
случай весьма пріятнымъ образомъ позн
миться при разборѣ его сочиненія объ о
шеніи Новгорода къ великимъ князь
Статья дѣльная, прекрасная во всѣхъ о
шеніяхъ. Начитанный и добросовѣстный
торъ доказываетъ, что слово „черный“, р
какъ и „дикій“, значило у насъ прежде:
щій, неопредѣленный, остальной, прочій,
извѣстному разряду лицъ или вещей не
надлежащій, ничей. Ex contrario „бѣл
означало: опредѣленный, ясный, кому-л
принадлежащій. Толкованіе, какъ намъ

ся, поразительно вѣрное. Множество тех-
ескихъ словъ въ нашей древней терми-
огіи, особенно юридической, объясняется
какъ нельзя лучше, напр., слово „обѣ-
ь“, которое встрѣчается въ различныхъ
слахъ, повидимому противорѣчащихъ
гъ другу. То же безпристрастіе, то же
то историческое направленіе, которое за-
или мы въ диссертаціи, нашли и здѣсь. Два
мѣчанія, означенныя звѣздочками, состав-
тъ исключеніе. Но они принадлежатъ не
ору, а издателю.

„Христіанство въ Абиссиніи“. Статья 1.
оръ ея—покойный издатель „Сборника“,
Валуевъ. Послѣ краткаго введенія, въ ко-
омъ доказывается, что кельты принадле-
и первоначально къ восточной, а не рим-
й церкви, и что первые ихъ просвѣти-
и были восточные проповѣдники, авторъ
еходитъ къ главному предмету статьи и
азываетъ, что Абиссинія до XIII вѣка
надлежала къ православной восточной
кви. Въ то время, эта страна оффиціально
няла коптское исповѣданіе, оставаясь на
ѣ православною, и ужъ съ паденіемъ Ви-
тійской имперіи начала распространяться
Абиссиніи католическая религія.

Несмотря на то, что въ этой статьѣ вы-
зываются мѣстами историческія пристра-
и ненависти автора, она обнаруживаетъ
омную начитанность и страсть къ своему
у. Мы можемъ сообщить за достовѣрное,
покойный г. Валуевъ ничего не щадилъ
узнанія всего, что было писано по этому
дмету, и даже все время пребыванія своего
границей, когда здоровье уже требовало
него иныхъ заботъ, исключительно по-
тилъ на собираніе матеріаловъ для боль-
го сочиненія, изъ котораго только небо-
и отрывокъ помѣщенъ въ „Сборникѣ“.
не станемъ разсуждать о томъ, хорошо
авторъ употребилъ свои силы. Но нельзя
пожалѣть о потерѣ человѣка, который
лъ такъ вполнѣ, такъ безгранично жертво-
ь собою для любимой мысли. Мало у насъ
ихъ людей!

Всю вторую часть „Сборника“ наполняетъ
иненіе извѣстнаго А. Рейца (бывшаго про-
сора Дерптскаго университета): „О поли-
ескомъ устройствѣ и нравахъ прибреж-
съ острововъ и городовъ Далмаціи въ сред-
вѣка“. Здѣсь подробно говорится какъ
олитическомъ, такъ и объ административ-
ъ устройствѣ городовъ и острововъ Дал-
маціи, о финансахъ, сословіяхъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ.

Прочія статьи „Сборника“, здѣсь не упомянутыя, принадлежатъ всѣ, болѣе или менѣе, къ числу такихъ, въ которыхъ проводится извѣстное направленіе, извѣстная мысль, и которыя, слѣдовательно, по принятому нами раздѣленію, относятся ко второй категоріи. Издатель говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ „Сборника“ много статей, которыхъ направленіе несогласно съ взглядомъ, имъ высказаннымъ. Послѣ внимательнаго чтенія, мы не нашли ни одной такой статьи. Всѣ, въ которыхъ только высказано какое-нибудь направленіе, гласятъ то же, что и предисловіе. Питая глубокое уваженіе ко всякому положительному, добросовѣстному фактическому изслѣдованію, каковъ бы ни былъ его предметъ, каковы бы ни были его результаты, мы страхъ какъ не любимъ статей и сочиненій, написанныхъ съ задними мыслями,—статей, въ которыхъ ложные, ничѣмъ недоказанные, изношенные взгляды прячутся за факты, часто уродуя ихъ. А потому, хоть это и скучненько, разсмотримъ статьи „Сборника“, написанныя „съ направленіемъ, со взглядами“. Къ счастію, ихъ только четыре. Вотъ онѣ по порядку:

„Города нѣмецкіе и славянскіе“. Статья издателя. Она составляетъ объясненіе и дополненіе статьи о юридическомъ бытѣ Силезіи и Лужицъ, выбранной г. Кавелинымъ изъ сочиненія Штенцеля и Цшоппе. Несогласный съ мнѣніемъ германскихъ ученыхъ, что нѣмецкія колоніи принесли въ славянскія земли улучшенное земледѣліе, ремесла и искусства, вмѣстѣ съ лучшимъ общественнымъ устройствомъ и городовымъ правомъ, издатель излагаетъ свое собственное. Онъ думаетъ, что общинное устройство, безъ различія городовъ отъ селъ, было искони въ славянскомъ племени, устройство несравненно высшее германскаго, безъ монополій, кастъ, цеховъ и гильдій; что, напротивъ, у германцевъ, преданныхъ одной войнѣ, община была сначала неизвѣстна; первымъ типомъ для ихъ городового устройства послужили римскія муниципіи, и уже потомъ развился у нихъ общинный бытъ, не ранѣе XII и XIII вѣка. Какъ же объяснить фактъ колонизаціи нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ? Г. Валуевъ объясняетъ это особенностью исторической судьбы лехитскаго племени. Оно, по географическому своему положенію, вызвано было

на постоянную борьбу съ иноземцами и воспитало въ себѣ, конечно по необходимости, дружинное начало, совершенно несвойственное миролюбивымъ славянамъ. Это именно и развратило славянъ-лехитовъ. Дружинникъ давилъ своего собрата поселянина всѣми силами. Низшіе классы или были истреблены, или такъ раздавлены, что стали ни къ чему не способны. Общинное начало исчезло. Тогда нужно было прибѣгнуть къ нѣмецкимъ колонистамъ.

О такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ общинное и дружинное начало, затронутыхъ авторомъ и рѣшенныхъ неправильно, трудно говорить въ нѣсколькихъ словахъ: нужны цѣлыя сочиненія. Впрочемъ, для всякаго, кто только просто, безъ увлеченія смотритъ на вещи, всѣ аргументы г. Валуева ровно ничего не доказываютъ. Противъ фактовъ трудно спорить! У славянъ были общины, да изчезли, даже тамъ, гдѣ жизнь развивалась безъ чуждаго вліянія, какъ, наприм., у насъ въ Россіи; у германцевъ не было вовсе общинъ,—но онѣ оставались и процвѣтали, достигнувъ до высокаго, даже политическаго значенія. Германецъ вынесъ дружинное устройство, а славяне не вынесли его. Выведемъ ли изъ этого заключенія въ пользу славянъ и противъ германцевъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Изъ всѣхъ славянъ одни только русскіе умѣли создать государство, и вынесли его. Можно ли вмѣнить всѣмъ прочимъ славянскимъ племенамъ въ достоинство, что имъ было чуждо государственное начало? Опять нѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ спорить противъ исторіи, или досадовать на нее, и за неудачи, несчастія славянъ несправедливо порочить германцевъ, не гораздо ли лучше было бы стараться вникнуть и понять глубоко-знаменательный смыслъ всѣхъ этихъ историческихъ явленій? Только тогда и принесутъ плоды наши историческія розысканія, когда мы перестанемъ отрицать факты, а примемся безпристрастно объяснять ихъ глубокія, органическія причины...

„Розысканія Клёдена о славянахъ, въ нынѣшней (Бранибоpской) Бранденбургской области". Эта статья открывается слѣдующимъ четверостишіемъ:

Иноземецъ, иновѣрецъ,
Насъ разрознилъ, разлучилъ;
Тѣхъ *обезъязычилъ* (?!) Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Кому принадлежитъ этотъ блистательный стихотворный отрывокъ—не знаемъ. Скромный авторъ скрылъ свое имя. Къ чему с
здѣсь это четверостишіе—для того ли,
напередъ возбудить читателя къ благо
ному чувству, или это оглавленіе стат
мы тоже не знаемъ. Послѣ многихъ
ныхъ попытокъ понять таинственное
ченіе дивныхъ стиховъ, мы отложили
ченіе...

Затѣмъ статья. Послѣ такого вступ
вы думаете, что и ни вѣсть какія
открыты, какіе вопросы рѣшены? Ни
не бывало! Мы находимъ, что на мѣстѣ
стоитъ теперь Берлинъ, было, когда-то пр
значительное славянское поселеніе; что
денбургская марка не только не был
людной пустыней до поселенія въ ней
цевъ, но была наполнена вендами-слав
даже была населеннѣе, нежели теперь
это приправлено разными и разными
лами вендамъ и выходками противъ ге
цевъ. И въ томъ и въ другомъ много пр
много и неправды. Изъ того, что сл
были отличные земледѣльцы, что земля
сама-по-себѣ неплодородная, сдѣлалась
земнымъ раемъ отъ ихъ трудовъ, автор
водитъ, что славяне были сначала пр
щеннѣе германцевъ. Какъ одно съ дру
клеится, право не знаемъ. Въ закл
онъ говоритъ:

„Таковъ голосъ истины, который подает
современная нѣмецкая наука въ ея безкорыс
и честныхъ труженикахъ. А мы современник
науки и потомки или родные братья этихъ Ве
язычниковъ (которыхъ нельзя не признать
щенными въ сравненіи съ современнымъ см
варомъ Нѣмцемъ, хотя и наслѣдникомъ ре
христіанства и просвѣщенія), доселѣ продол
съ первыми нашими понятіями объ исторіи,
что не краснѣть за варварство своихъ пре
и свое славянское происхожденіе—безотчет
клоняясь передъ исконнымъ просвѣщением
манца и его исконнымъ превосходствомъ надъ
(стр. 246).

Стоило ли изъ всего этого раст
столько хулы, предпосылать плохое чет
стишіе, столько взводить напраслинъ на
манцевъ, заподозривая ихъ превосхо
надъ тогдашними славянами, несмотр
способность послѣднихъ къ земледѣл
всѣ ихъ патріархальныя добродѣтели? Ст
составлена, какъ кажется, самимъ издате

„Славянское и православное насе
Австріи. Статья I. Статистическое обоз
движенія двухъ народонаселеній, нѣмец
и славянскаго, въ Германіи и преим

о въ Австріи". Намъ мало удавалось
статей, такъ превосходно написан-
Къ несчастію, тонъ и направленіе ея
е пристрастны, какъ и первой. Послѣ
взгляда на значеніе Австріи въ средѣ
йскихъ государствъ,—взгляда вѣрнаго
герски-написаннаго,— авторъ опредѣ-
статистическими цифрами отношеніе
ъ и не-славянъ въ Германіи, пре-
ственно въ Австріи. По этому случаю
оворитъ вообще объ отношеніяхъ гер-
ъ къ славянамъ въ прежнія времена,
, какъ первые угнетали послѣднихъ
и не считали ихъ за людей. Разу-
, дѣло при этомъ не обошлось безъ
ній, очень непріятныхъ для нѣмцевъ
ь лестныхъ для славянъ. Потомъ ав-
ереходитъ къ настоящему времени.
прежде всего страдаютъ нѣмецкіе ста-
и; за дѣло или безвинно—не умѣемъ
, только страдаютъ. Сочинитель ста-
ескими данными доказываетъ, что въ
и конечно половина, если не болѣе
ны народонаселенія—славянская; что
венность славянъ гораздо чище; нако-
что славянское народонаселеніе воз-
тъ въ несравненно большей прогрессіи,
нѣмецкое. Авторъ заключаетъ статью
ющими словами (стр. 257):

къ бы то ни было, эти числа во всякомъ
многозначительны, особливо возрастающее
мершихъ къ новорожденнымъ въ нѣмецкомъ
іи Австріи. Мысль невольно наводится на
іе Буэ объ Европейской Турціи: „Если бы
е переселенцы изъ Азіи",—говоритъ онъ,—
было бы съ математическою точностью
ить то время, когда долженъ вымереть по-
турокъ въ Турціи."

ь нельзя не замѣтить важной ошиб-
з говоритъ такъ о европейской Тур-
тому что въ ней турецкое народона-
дѣйствительно уменьшается ежегод-
Австріи же, по крайней мѣрѣ покуда,
янское народонаселеніе увеличивается,
не въ одной прогрессіи съ славян-
Разница большая!

не можемъ отказать читателямъ и
ъ удовольствіи привести здѣсь нѣ-
строкъ изъ этой статьи,—такъ онѣ
. Рѣчь идетъ о Петрѣ Великомъ.

великомъ далекомъ Сѣверѣ, мужала и крѣпла
незапно облеклась въ грозный образъ Петра,
твомъ воли и мысли покорившаго Россію,
орь своему народу и всему прошедшему
кой семьи,—понятію государства, во всей
его исключительной строгости. Петръ понялъ (тѣмъ если и не сознательнымъ пониманіемъ, которое дано бываетъ великимъ дѣятелямъ исторіи), что лишь такимъ полнымъ торжествомъ государственнаго начала могъ его народъ навсегда упрочить за собою то вещественное могущество, и то мѣсто среди другихъ народовъ, которыя были необходимы для спокойнаго и свободнаго развитія его внутреннихъ духовныхъ силъ;—и вмѣстѣ навсегда упрочить будущность всей великой семьи, которой дотолѣ всюду и во всѣ вѣка окончательно доставались на долю одни страданья, униженье и рабство. Онъ заковалъ старую привольную Русь въ строгое и тяжелое зданіе государства и новая государственная Россія взошла грозною тучею на небосклонъ Европы" (стр. 254).

Мысль исторически чрезвычайно вѣрная и удивительно художественно выраженная! Только сравненіе Россіи съ грозною тучею намъ не понравилось...

Вотъ какими мыслями издатель (ибо ему принадлежитъ эта статья) выкупалъ свои пристрастія и предубѣжденія! Поэтому-то мы такъ и уважаемъ его, имѣли право многаго отъ него ожидать, и искренно сожалѣемъ о его потерѣ. Такихъ мыслей много разсѣяно въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ".

Наконецъ, переходимъ къ послѣдней статьѣ, написанной въ томъ же духѣ, какъ и двѣ первыя. Заглавіе курьезно: „Историческая наука славянскаго міра въ послѣднее пятилѣтіе". Статья 1.

Еслибъ нѣмецъ издалъ книгу и на первомъ ея листѣ написалъ: Историческая наука германскаго міра, — мы бы очень удивились. Что́ такое историческая наука? Мы знаемъ историческія науки, которыя такъ называются въ отличіе отъ другихъ. Исторической науки мы не знаемъ. Впрочемъ, у насъ такія вещи ни по чемъ съ рукъ сходятъ. Что́-жъ бы, вы думали, скрывается подъ такимъ великолѣпнымъ заглавіемъ? Перечень книгъ о славянахъ, преимущественно ихъ исторіи въ послѣднее пятилѣтіе. И только?—Только! Къ заглавіямъ книгъ приложены коротенькія рецензіи, и въ нихъ-то попадаются презабавныя вещи. Особенно странны показались намъ двѣ рецензіи,— обѣ, какъ нарочно, подписаны одинакими буквами В. и П... хоть мы и ручаемся, что не одинъ и тотъ же рецензентъ писалъ ихъ. Одинъ изъ г-дъ В. П., какъ удостовѣряетъ насъ издатель въ выноскѣ, русскій путешественникъ по славянскимъ землямъ (вѣроятно, изъ отзейскихъ губерній). Другой—на-

вѣрно какой-нибудь западный славянинъ. Мы сейчасъ докажемъ это. Одинъ нѣмецкій ученый, Гефтеръ, издалъ въ 1843 году неважную книжку подъ громкимъ заглавіемъ: „Der Weltkampf der Deutschen und Slawen seit dem sechsten Jahrhundert“ (Міровая борьба германцевъ съ славянами съ VI столѣтія). Въ этой книжкѣ онъ филистерски выхваляетъ нѣмцевъ насчетъ славянъ, что̀ съ нѣмецкой точки зрѣнія такъ же нехорошо и ограниченно, какъ съ русской выхвалять славянъ насчетъ нѣмцевъ. Между прочимъ о славянахъ онъ говоритъ вотъ что (стр. 264 и 265):

„Весьма сложна природа славянина, удивительная смѣсь добродѣтели и порока, достоинствъ и недостатковъ. Отъ природы онъ флегматикъ, любитъ покой и отдыхъ, довольствуется малымъ, не думаетъ о будущемъ, о сбереженіи своего достатка, объ улучшеніи своего состоянія, объ украшеніи своего быта. И себя и своихъ онъ спокойно оставляетъ въ нуждѣ и бѣдности. Онъ добродушенъ, привѣтливъ, набоженъ, гостепріименъ, веселъ, любитъ особенно музыку, пѣніе, поэзію, къ которой имѣетъ необыкновенный даръ; съ другой стороны часто легкомысленъ, безразсуденъ, вспыльчивъ, упрямъ, сварливъ, жаждетъ брани и распри даже съ ближними, и въ своей запальчивости способенъ на всякое насиліе, всякое мщеніе, всякую жестокость... иногда онъ является услужливъ и вѣжливъ ко всякому, отъ кого можетъ ожидать что либо.. При всей своей скромности онъ съ жадностью смотритъ на чуждое достояніе, не только своихъ земляковъ и соплеменниковъ, но и чужестранцевъ Онъ склоненъ къ корысти... гордый своею народностью, онъ презираетъ чужбину и твердо стоитъ за свое. Онъ любитъ свой народъ и своихъ соплеменниковъ, и всѣмъ сердцемъ ненавидитъ того, кто его побѣдитъ и надъ нимъ властвуетъ; любитъ свой языкъ; знать не хочетъ о томъ, которымъ говорятъ его побѣдители, любитъ свои нравы и обычаи, свою вѣру, и презираетъ чужія нерѣдко до крайности... Потому и распря между славянами есть старая распря, и не умѣритъ ее просвѣщеніе новѣйшихъ временъ. Идетъ ли дѣло о правахъ его отчизны, онъ жертвуетъ достояніемъ и жизнью, онъ мужественъ и смѣлъ. Но вездѣ ему мѣшаетъ его любовь покоя и бездѣйствія; онъ не имѣетъ постоянной твердой воли, его горячность,—вспышка зажженной соломы. Откроются ли ему какіе виды на корысть и прибыль, онъ готовъ тотчасъ измѣнить своему, отдаетъ себя легко во власть другого... Онъ не пользуется своими способностями, не развиваетъ ихъ изъ себя; для этого ему нужны побужденія извнѣ, примѣры другихъ и нужда. Ко всему этому присоединяется преданность пьянству, мертвящему духовныя и тѣлесныя силы, препятствующему успѣхамъ, труду, благу, просвѣщенію, разрушающему порядокъ домашней и общественной жизни!“

А рецензентъ прибавляетъ: „Какая удивительная характеристика! И какая смѣсь противорѣчій, которыхъ выставлять печет такъ они очевидны“.

По нашему мнѣнію, эта характерис не такъ плоха, какъ кажется рецензе Мода характеризовать народы знате скупой, умный, храбрый и проч., теперь прошла. Во всемірно-исторической дѣя ности народовъ, въ ихъ цѣлостномъ умст номъ и нравственномъ развитіи рѣзко значаются тѣ преобладающія отличител черты, которыя составляютъ главную ос зерно ихъ національнаго характера. Отъ съ одной стороны характеристика наро стала проще, но однимъ необходимым не случайнымъ признакамъ; съ другой— ты ея стали не такъ рѣзки, непосредст ны, зато глубже и многосторонѣе; тѣ торыми опредѣляются достоинства и н статки частнаго человѣка, въ приложен народамъ должны получить совершенно н нерѣдко противоположный смыслъ, о творяться. Все это такъ въ отношени народамъ, которые заняли уже извѣс мѣсто въ исторіи человѣчества, кот развились и высказались вполнѣ. Но прикажете сказать о народахъ, кот живутъ еще до-историческою жизнью только выступаютъ на сцену? Опредѣ наго умственнаго и нравственнаго нап ленія они еще не успѣли высказать, бстается, характеризуя ихъ, брать че изъ ихъ домашней и ежедневной жизни этомъ виноваты народы, а не тотъ, кто описываетъ, или, лучше сказать, никто виноватъ. Такъ описывалъ Тацитъ гер цевъ, такъ теперь германецъ описыв какого-нибудь босняка и черногорца. Но му, не мудрено, если въ описаніи послѣд вы, между прекрасными чертами, найде дурныя черты. Всякій человѣкъ и всякій родъ есть смѣсь добра и зла, пока про щеніе не освободитъ его отъ непосредст ности, давая точку опоры противъ прож ныхъ и привычныхъ пороковъ, средст побужденія развивать добродѣтели. Про жая нашу мысль, мы скажемъ, что хар ристика славянъ Гефтера – самая лучш безпристрастная, какую иностранецъ м только сдѣлать, руководясь наглядкой, больше ему нечѣмъ было руководиться. рошимъ сторонамъ славянина отдана ве ная справедливость: замѣчена необыкно ная способность его къ музыкѣ, пѣнію, зіи,—важная черта для нашего буду

итія, о которой много можно было бы
ать, еслибъ ужъ не было говорено такъ
о... Что касается до дурныхъ сторонъ,
онѣ вѣрны. Большая часть изъ помя-
ихъ дурныхъ сторонъ не принадлежитъ
янской натурѣ, — въ этомъ нѣтъ почти
кого сомнѣнія, и Гефтеръ неправъ, го-
, что просвѣщеніе новѣйшихъ временъ
умѣритъ распрей между славянами. Но
урно при этомъ замѣтить, что и многія
такъ называемыхъ добродѣтелей славянъ
ны необходимо измѣниться со време-
, и мы не думаемъ, что въ этомъ
но будетъ состоять темная сторона на-
просвѣщенія. Наконецъ, рецензента по-
ютъ противорѣчія въ характеристикѣ?
народъ, еще не развитый, самъ по-себѣ
лненъ противорѣчій; случайное перемѣ-
о въ немъ съ необходимымъ, такъ что
зличить нельзя. Какъ у всякаго народа,
очень юнаго, у насъ не выработаны ни
, ни сознаніе. Оттого внѣшнее и случай-
дѣйствуетъ на насъ чрезвычайно сильно,
ь томъ, что̀ мы дѣлаемъ, мы не всегда
емъ себя и принадлежимъ себѣ. Между
, объективно, эти дѣйствія, противорѣ-
я нашей природѣ, существуютъ. Никто
ожетъ отрицать ихъ. Вотъ откуда неиз-
ныя противорѣчія въ характеристикѣ
инъ, даже для насъ самихъ, не только
иностранца.

прочемъ, это еще ничего. Славянъ каж-
въ правѣ понимать какъ ему угодно:
еръ по своему, г. В. П. по своему. Но
что очень хорошо: одинъ ограниченный
ецъ, истинный филистеръ, Коль, преваж-
оказываетъ превосходство нѣмцевъ надъ
инами тѣмъ, что они, т.-е., разумѣется,
ы, никогда не терпѣли никакого пора-
и. Г-нъ В. П., недовольный характери-
ой славянъ Гефтера, вспоминаетъ пош-
фразу Коля, и такъ опровергаетъ ее:
когда", говоритъ онъ, „не были германцы
жаемы, когда въ продолженіе четырехъ
въ они боролись съ разслабленнымъ, дав-
же убитымъ Римомъ; ни въ то время,
Гунны съ огнемъ и мечемъ прошли
Германію; ни тогда, когда мадьяры опу-
или ее отъ среднихъ береговъ Дуная до
овьевъ Леха, ни въ то время, когда Со-
ій спасалъ Вѣну отъ турковъ; ни во
я грозы наполеоновской, когда ихъ столь-
разъ спасала Россія, — никогда они не
побѣждены".

Ясно, что, какъ мы сказали, г. В. П., рецензентъ этой статьи,—западный или германскій славянинъ. Будь онъ русскій — онъ бы только посмѣялся надъ Колемъ. Наши воинскія доблести такъ очевидно доказаны, такъ единогласно признаны всѣми первоклассными судьями въ военномъ дѣлѣ, что намъ, право, не для чего спорить за нашу военную репутацію, особливо по первому слову какого-нибудь нѣмецкаго писателя, который не понимаетъ дѣла. Но въ западномъ славянинѣ такая запальчивость понятна: ея объясненіе въ исторіи...

Другая рецензія, написанная тоже г. В. П., но не западнымъ славяниномъ, а русскимъ изъ отзейскихъ губерній путешественникомъ по славянскимъ землямъ, тоже очень замѣчательна. Ее вызвала книга, вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: „Slawen, Russen und Germanen" (Славяне, русскіе и германцы). Языкъ этой рецензіи немного страненъ, такъ что какъ ни читай— ничего не поймешь. Мы читали и разъ, и два, и три — и все-таки ничего не поняли. Наконецъ, мы хотѣли было кое-что выписать изъ нея, для примѣра—и не могли. Нужно было выписывать все, а все такъ длинно, такъ длинно, такъ скучно! Мы и оставили. Жаль человѣка, о книгѣ котораго можно писать такія рецензіи, и еще въ видѣ писемъ!

М. Г. ГИЛЬЧЕР.

Когда мы окончили разборъ и закрыли книгу, нами овладѣла невыразимая грусть. Во-первыхъ, намъ тяжело было думать объ издателѣ, который отдался весь своимъ—скажемъ безпристрастно—безплоднымъ убѣжденіямъ. Онъ писалъ кровью; въ его перо по каплямъ сочилась его молодая, драгоцѣнная жизнь. Что-жъ вызвало его на такое самопожертвованіе? Великія идеи? Нѣтъ! Желаніе поправить историческую ошибку, доказать превосходство давно исчезнувшаго и забытаго венда надъ германцемъ. Можно ли было на такіе вопросы расточить столько силъ? Стоятъ ли они человѣческой жизни?.. Грустно стоять у гроба еще не давно цвѣтущаго юноши, исполненнаго силъ и стремленій, умнаго, благороднаго, образованнаго, и думать: вотъ на что истратилась эта жизнь!—Потомъ, намъ прискорбно было думать и о книгѣ съ такимъ направленіемъ. Сама по себѣ она очень полезна, — кто объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ въ ней столько

предубѣжденій противъ европейскаго міра и западной науки, столько пристрастій къ славянскому? Напиши ее нѣмецкій славянинъ въ Германіи—мы могли бы по крайней мѣрѣ извинить, если не оправдать автора. . . . . Въ самомъ началѣ своего историческаго поприща, германцы приняли въ себя просвѣщеніе всего древняго міра. Потомъ климатическія условія... На западѣ и югѣ Европы человѣкъ не могъ не развиваться шире и быстрѣе, чѣмъ на востокѣ. Долго ли это превосходство останется за Европой? На этотъ вопросъ отвѣчать трудно. Мы имѣемъ многія основанія думать, по крайней мѣрѣ надѣяться, что не долго; но до сихъ поръ нельзя ничего сказать утвердительно. Исторія рѣшитъ.

Намъ, русскимъ, все это гораздо яснѣе представляется, чѣмъ прочимъ славянамъ: послѣдніе, по своему положенію, не могутъ прямо смотрѣть на историческія событія. Мы между всѣми славянами-любимцы судьбы. Наше политическое положеніе, единственное въ славянскомъ мірѣ, ставитъ насъ выше національныхъ предубѣжденій. Способность, общую всѣмъ славянамъ, быть безпристрастными къ самимъ себѣ, мы доказали всей нашей жизнью со временъ Петра: исторія дала намъ возможность быть совершенно безпристрастными къ другимъ. Славяне никогда не чуждались иностранцевъ... Все кажется, должно поставить насъ лицомъ къ лицу съ истиной, особенно въ исторіи. И что же? Въ 1845 году является у насъ книга, изданная русскимъ, и проникнутая чувствами германскихъ славянъ, съ примѣсью разныхъ другихъ предубѣжденій. И во имя чего же? Во имя историческихъ ошибокъ, умышленныхъ и неумышленныхъ?..

Мы далеки отъ мысли, что историческіе вопросы о славянскомъ мірѣ, поднятые въ наше время,—не важны. Мы имъ сочувствуемъ всѣмъ сердцемъ... и кто можетъ отказать имъ въ сочувствіи, когда въ наше время, въ лицѣ славянскаго племени, выступаетъ новый дѣятель на сцену всемірной исторіи; когда оно готовится къ разумной, сознательной жизни. Мы только глубоко убѣждены, что пристрастіе не можетъ вести къ разрѣшенію этихъ историческихъ вопросовъ. Передъ нами времена давно минувшія, событія вполнѣ оконченныя. Вражда, которою они сопровождались, должна сдѣлаться предметомъ исторіи, а не вдохновенія современныхъ изслѣдователей. Наука, какъ [illegible] лицепріятный судья, какъ художникъ, до[illegible] на возсоздать передъ нами этотъ отжив[illegible] міръ во всей его животрепещущей непосре[illegible] ственности; приговоръ ея долженъ состо[illegible] въ уразумѣніи, въ приведеніи къ созна[illegible] органическихъ причинъ великихъ истори[illegible] скихъ событій, какъ судьба необходимы[illegible] неизбѣжныхъ въ сущности, случайныхъ ли[illegible] по внѣшней обстановкѣ. Порочить племена[illegible] ниже ея задачи. Историческій фактъ, мно[illegible] вѣка повторяющійся подъ различными ф[illegible] мами, не можетъ быть случайнымъ. Эти[illegible] охлаждается, умѣряется всякая раздра[illegible] тельность, потому что только случайное [illegible] выносимо.

Правда, давнишняя вражда между г[illegible] манцами и западными славянами, основ[illegible] ная на глубокомъ національномъ различі[illegible] воспитанная долгими непріязненными сн[illegible] кновеніями, перешла и въ науку и дол[illegible] была исказить историческую истину. И [illegible] и другіе не были великодушны и справ[illegible] ливы другъ къ другу, по ихъ нельзя об[illegible] нять въ этомъ. Германцы были дики и гру[illegible] національное различіе съ славянами, не ст[illegible] женное союзомъ разноплеменныхъ народ[illegible] и образованіемъ, мѣшало имъ понимать[illegible] уважать славянъ. Славяне западные не мо[illegible] прежде имѣть того глубокаго сознанія сво[illegible] достоинства, которое одно дѣлаетъ насъ б[illegible] пристрастными къ побѣдителю. Теперь, ко[illegible] народныя пристрастія начинаютъ замир[illegible] передъ голосомъ истины, передъ уваженіе[illegible] къ человѣку, несмотря на народъ и пле[illegible] наука не можетъ и не должна оставать[illegible] запоздалымъ органомъ прошедшаго. Ей пр[illegible] стоитъ трудная, но великая задача снять [illegible] событій покрывало, сотканное вѣками и[illegible] предразсудковъ. Она должна быть совершен[illegible] но безпристрастна и осторожна въ свои[illegible] выводахъ. Въ западной германо-славянск[illegible] Европѣ застарѣлыя предубѣжденія еще н[illegible] сихъ поръ замедляютъ появленіе такой вз[illegible] ки, хотя и тамъ съ обѣихъ сторонъ раздал[illegible] уже не одинъ благородный, безпристр[illegible] ный, примирительный голосъ. Мы, русск[illegible] чуждые пристрастія, посторонніе свидѣте[illegible] чужой вражды, призваны довершить начат[illegible] немногими, возсоздать прошедшее въ его и[illegible] стоящемъ свѣтѣ, не дружа никому. Въ [illegible] момъ дѣйствованіи, въ практической жиз[illegible] раздражительность и мелкія страсти въ нас[illegible] время все болѣе и болѣе уступаютъ мѣ[illegible]

одной разсудительности, или возвышен-
ъ страстямъ, которыхъ источникъ—без-
ичная любовь къ истинѣ, безграничное
женіе къ человѣческому достоинству: тѣмъ
ве мы въ правѣ требовать спокойствія и
пристрастія отъ историка и русскаго: пе-
ь нимъ факты уже совершившіеся, надъ
орыми сама судьба произнесла судъ свой!
то упрекнетъ насъ за эти слова въ рав-
ушіи къ прочимъ славянамъ, тотъ по-
нитъ несправедливо. Все связываетъ насъ
славянами. Какъ болѣе счастливые между
и, мы должны содѣйствовать ихъ разви-
подать имъ руку помощи въ ихъ стре-
ніи къ образованію. Книга о славянахъ,
одящая въ наше время въ Россіи съ
гивоположнымъ направленіемъ, доказы-
ъ только, что каждый по своему пони-
ъ еще у насъ роль, которую судьба
ала намъ въ исторіи славянскаго пле-
и. Но люди не предубѣжденные, которые
знаютъ, какъ и откуда взялось у насъ
Руси такое направленіе, съ перваго взгля-
станутъ смотрѣть недовѣрчиво на книгу.
Кого жъ въ самомъ дѣлѣ можно теперь увѣ-
рить, что славяне были просвѣщеннѣе гер-
манцевъ, и что европейская наука никуда
не годится? Отъ книги недовѣріе перейдетъ
незамѣтно на самый предметъ. Вмѣсто того,
чтобъ возбудить любовь и участіе къ сла-
вянамъ, такое направленіе возбудитъ къ
нимъ еще большее систематическое равно-
душіе... Въ глазахъ образованныхъ русскихъ,
мало знакомыхъ съ славянскимъ міромъ, дѣ-
ло славянъ проиграно, если болѣе безпри-
страстный взглядъ, если иныя историческія
изслѣдованія не освѣтятъ у насъ новымъ
свѣтомъ славянскаго вопроса, который имѣ-
етъ столько неотъемлемыхъ правъ на вни-
маніе и сочувствіе. А до тѣхъ поръ, стра-
ницы журналовъ по необходимости будутъ
наполнять пустые споры, безплодная лого-
махія объ истинахъ, давно всѣмъ и каждому
извѣстныхъ...

Отъ души желаемъ полнаго успѣха „Сбор-
нику“ и полнаго неуспѣха его направленію.

(Отеч. Записки, 1846. кн. 7).

глядъ на русскую литературу по части русской исторіи

за 1846 годъ.

ъ минувшемъ году, русская историче-
я литература продолжала двигаться въ
ъ же направленіи, которое яснѣе и яс-
стало въ ней обозначаться въ послѣд-
время. Подобно другимъ явленіямъ, от-
ая современную дѣйствительность, она
дставляетъ какое-то переходное состоя-

Видно, что прежніе источники творче-
, созиданія, изсякли; но въ то же время
нь замѣтно, что въ глубинѣ современной
ни зарождается новое историческое со-
ніе, ищущее формы и выраженія. Еще
бое, неустановившееся, оно высказывается
ко и нерѣшительно: какъ младенецъ, оно
буетъ пищи, которая бы возрастила его,
а возможность опредѣлиться и войти въ
у. Такой пищей служатъ ему историче-
данныя; подъ ихъ авторитетомъ оно
развивается, чтобы потомъ надъ ними же
произнести свой судъ.

Этими характеристическими чертами пе-
реходнаго времени объясняются два преобла-
дающія явленія въ теперешней русской исто-
рической литературѣ,—явленія, которыя бро-
саются въ глаза,—такъ они рѣзко выдаются
впередъ. Съ одной стороны полемика, страсть
къ историческимъ теоріямъ, смѣлыя гипоте-
зы почти исчезли; ихъ мы уже не находимъ
въ новыхъ книгахъ по части русской исто-
ріи. Скажемъ болѣе: наша историко-литера-
турная дѣятельность весьма слаба; замѣча-
тельныхъ историческихъ сочиненій вышло
въ прошедшемъ году очень немного, да и въ
тѣхъ, которыя вышли, предметъ обыкновен-
но излагается чисто фактически. Но зато,
съ другой стороны, изданіе и приведеніе въ

извѣстность источниковъ и всякихъ историческихъ матеріаловъ идетъ успѣшно. По всему видно, что на это обращены всѣ силы, на этомъ сосредоточено все вниманіе. Самая историческая литература, какъ мы уже замѣтили, находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого исключительно-фактическаго направленія. Понимая всю его недостаточность, мы однако не можемъ не сказать, что оно очень отрадно и утѣшительно, особливо, если посмотрѣть на него въ связи съ предыдущимъ направленіемъ нашей историко-литературной дѣятельности. Теперешнее видимое безсиліе уразумѣть фактъ, склоненіе мысли подъ авторитетъ историческаго даннаго, фактическій скептицизмъ, если позволено такъ выразиться,—находятъ полное свое оправданіе въ предшествовавшемъ необузданномъ разгулѣ фактическихъ представленій, которыя считались за историческія воззрѣнія, и въ отрывочности, скудости дѣйствительныхъ фактическихъ знаній. Прежде было легче написать книгу по части русской исторіи, потому что меньше требовалось; легче было создать взглядъ, теорію, потому что поле было, повидимому, шире, но на самомъ дѣлѣ пустѣе, безплоднѣе. По мѣрѣ того, какъ раздвигался и раздвигается кругъ историческихъ данныхъ, долженъ былъ стѣсняться просторъ для вымысловъ, имѣвшихъ видъ историческихъ теорій; неумышленный обманъ, невольное самообольщеніе, должны были исчезнуть передъ строгой дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ теперешнемъ сухомъ, прозаическомъ направленіи нашей исторической литературы большой и необходимый шагъ впередъ и благіе задатки для ея послѣдующаго развитія. Мы переживаемъ великій фактъ отрезвленія мысли; онъ очень важенъ, а за будущее нечего опасаться.

Въ отношеніи къ собиранію и изданію источниковъ русской исторіи, первое и самое почетное мѣсто безспорно принадлежитъ Археографической коммиссіи. Правда, что только при большихъ средствахъ и оффиціальномъ значеніи коммиссіи, можно предпринимать и совершать огромные труды, каковы ея изданія; но нельзя зато не сказать, что эти изданія превосходны и удовлетворяютъ всѣмъ главнымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ наука исторіи еще въ зародышѣ. На труды коммиссіи было сдѣлано, въ разное время, въ разныхъ книгахъ и журналахъ, нѣсколько замѣчаній, отч справедливыхъ и дѣльныхъ, отчасти нес ведливыхъ; мы могли бы прибавить къ нѣсколько словъ и отъ себя, но счит это неумѣстнымъ въ бѣгломъ обзорѣ г ной литературы, и потому отлагаемъ д кого-нибудь другого, болѣе благопріят случая. Въ нынѣшнемъ году Археограф ская коммиссія издала „Лаврентьевску „Троицкую“ лѣтописи, составляющія пер томъ полнаго собранія русскихъ лѣтоп предпринятаго ею по Высочайшему пов нію; въ концѣ приложены источники и раллельныя мѣста Несторовой лѣтописи имствованныя изъ хронографа Георгія А тола, софійскаго харатейнаго Номокан харатейнаго Паремейника и печерскаго терика. Это первое полное изданіе Лавре евской и Троицкой лѣтописей и первое ніе древнѣйшаго текста Несторова пре ника по всѣмъ доселѣ извѣстнымъ списк Кромѣ того, коммиссія издала два тома полненій къ историческимъ актамъ“ и вый томъ „актовъ, относящихся къ ист западной Россіи“. Дополненія заключа въ себѣ много любопытнаго и новаго, но браніе актовъ западной Россіи еще важ Оно открываетъ новую сторону древняго скаго быта, которая до сихъ поръ б доступна только для однихъ записн ученыхъ и археологовъ. (Извѣстно, предпринятое ученымъ протоіереемъ Г горовичемъ собраніе западно-русскихъ мотъ, къ сожалѣнію, давно уже останови на первомъ томѣ, а Бѣлорусскій Архи былъ единственнымъ собраніемъ такого р до изданія коммисіи). Не говоря уже о посредственной важности этого собранія, узнанія исторіи и внутренняго быта В. Литовскаго, оно представляетъ много д ныхъ и для объясненія нашей старин Такъ вездѣ и всегда было: изъ различны племенъ, которыя составляютъ народъ, о непремѣнно сохраняютъ извѣстныя чер народнаго характера живѣе, цѣльнѣе; у д гихъ онѣ болѣе сглажены; отсюда быт исторія народа не могутъ быть поняты ка должно, безъ сравнительнаго изученія исто и быта всѣхъ важнѣйшихъ его племенъ.

Послѣ изданій коммиссіи особеннаго в манія заслуживаютъ труды Московскаго щества исторіи и древностей Россійски Въ нынѣшнемъ году оно было чрезвычай дѣятельно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, прекрат

ie Русскаго Историческаго Сборника,
аго съ 1837 года выходило по книгѣ
дъ, и то не очень исправно, Общество
ѣлило издавать ежемѣсячно труды сво-
сочленовъ подъ названіемъ „Чтеній".
ихъ поръ эти „Чтенія" выходили очень
атно, въ дни засѣданій общества, и за-
ютъ въ себѣ много новаго и чрезвы-
любопытнаго. Замѣчательными ориги-
ными статьями „Чтенія" не богаты, да
больше представляются систематиче-
сборниками фактовъ, чѣмъ изслѣдова-
въ настоящемъ значеніи слова. Зато
ъ историческихъ матеріаловъ превосхо-
Изданіе Георгія Конисскаго, лѣтописи
идца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго,
юда Коллинса о Россіи временъ Алексѣя
йловича, сдѣлаетъ нынѣшній годъ на-
памятнымъ въ лѣтописяхъ Общества.
ніе источниковъ малороссійской исторіи
несомнѣнная заслуга; мы не усомнимся
вить ее на ряду съ заслугой, которую
ла Археологическая коммиссія изда-
западно-русскихъ актовъ,—и по тѣмъ
ричинамъ: чѣмъ больше мы узнаемъ о
хъ соплеменникахъ, особенно ближай-
, о ихъ исторіи и внутреннемъ бытѣ,
горизонтъ шире, тѣмъ объемистѣе
батывается историческое воззрѣніе. Въ
смыслѣ мы не можемъ не обратить
анія на стремленіе Общества ввести въ
своихъ занятій и исторію другихъ
нскихъ племенъ, состоящихъ съ нами
олѣе отдаленномъ сродствѣ, чѣмъ за-
ая и малая Россіи. Съ особеннымъ удо-
твіемъ прочли мы въ „Чтеніяхъ" пре-
ную статью Палацкаго, о древнѣйшихъ
ихъ учрежденіяхъ сербовъ и чеховъ
енѣе пріятно было встрѣтить на стра-
хъ „Чтеній" и „Винодольскій законъ",
жалѣнію напечатанный безъ перевода
гому недоступный для большинства чи-
ихъ. Въ короткомъ очеркѣ трудовъ по
исторіи въ теченіе года, мы по необ-
мости ограничиваемся указаніемъ толь-
то, что̀ намъ показалось особенно важ-
; но и кромѣ этого есть не одна статья
Чтеніяхъ", заслуживающая полнаго вни-
: такъ, напримѣръ, устройство полевой
аничной службы въ древней Руси,—
я г. Бѣляева, составленная по вновь от-
ымъ источникамъ, напечатаннымъ здѣсь
ервый разъ; его же статья о лѣтосчи-
и въ древней Руси; превосходная дис-
сертація г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, перепечатанная въ Чтеніяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавленіемъ, въ концѣ, свода всѣхъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями; сводный текстъ всѣхъ доселѣ изданныхъ губныхъ грамотъ, составленный весьма тщательно студентомъ московскаго университета г. Ерлыковымъ и т. д. Такимъ усиленіемъ своей дѣятельности Общество безспорно многимъ обязано новому своему секретарю, г. Бодянскому; ибо съ его избранія произошли тѣ преобразованія въ изданіяхъ Общества, о которыхъ мы говорили; сверхъ того, изъ каждой книжки „Чтеній" видно, что г. Бодянскій своими трудами принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Общества; лучшая часть „Чтеній"—отдѣлъ матеріаловъ — принадлежитъ ему.

Наконецъ, Общество издало также двѣ замѣчательныя книги: одну г. Спасскаго—критически обслѣдованный и по нѣсколькимъ спискамъ приготовленный текстъ „Книги Большому Чертежу"; этотъ важный источникъ нашей исторіи, въ особенности географіи XVI и XVII вѣковъ, обработанъ и изданъ весьма тщательно и добросовѣстно; другую—г. Бѣляева—о русскомъ войскѣ, преимущественно въ XVII вѣкѣ; она представляетъ первую попытку изложить предметъ вполнѣ фактически, на основаніи источниковъ, а не въ бѣгломъ обзорѣ. Нельзя здѣсь къ слову не замѣтить, что нѣкоторые рецензенты были къ ней несправедливы, и, обративъ все вниманіе на частныя ошибки, потеряли изъ виду ея достоинства и хорошія стороны.

Наконецъ, важное явленіе въ нашей исторической литературѣ за прошлый годъ составляютъ такъ называемые „Кіевскіе акты". Временной коммиссіей, учрежденной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ для разбора древнихъ актовъ, изданъ цѣлый томъ любопытныхъ документовъ; особенно замѣчательны изъ нихъ тѣ, которые относятся къ исторіи Кіевскаго Братства и объясняютъ отношенія между землевладѣльцами и поселянами. Изданіе весьма тщательно; акты, писанные по польски, снабжены переводомъ; въ концѣ ихъ находимъ рисунки старинныхъ вещей, отысканныхъ и хранящихся въ томъ краѣ.

Труды частныхъ лицъ въ отношеніи къ обработкѣ источниковъ очень немногочислен-

ны; но этотъ недостатокъ выкупается основательностью, дѣльностью. Въ работахъ, предпринимаемыхъ частными людьми, какъ и въ изданіяхъ обществъ и правительства, весьма замѣтно стремленіе подвести окончательные итоги подъ прежніе труды и привести ихъ въ извѣстность и оцѣнить. Не такъ быстръ ходъ впередъ, какъ переработка сдѣланнаго прежде, кое-какъ, на удачу, во всякомъ случаѣ безъ общей мысли, порядка и системы. Это возвращеніе на себя очень важно; будучи, повидимому, повтореніемъ одного и того же, оно на самомъ дѣлѣ есть приготовленіе основы для новаго зданія. Вообще, добросовѣстность, основательность, замѣтныя въ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, показываютъ, что наше авось, которое мы, по странному заблужденію, долго считали за достоинство, начинаетъ изчезать. Это хорошій признакъ...

Изъ частныхъ трудовъ надъ источниками упомянемъ о собраніи критически обработанныхъ источниковъ исторіи русскаго права, изданномъ экстр. проф. дерптскаго университета, Тобіеномъ [1]). Въ этомъ собраніи, кромѣ „Русской Правды“ того же автора, извѣстной публикѣ еще съ 1844 года, помѣщены договоры варяговъ съ греками, Смоленска съ Ригой, Новгорода съ князьями и нѣмцами. Сходные между собою сличены и представлены въ синопсисѣ съ варьянтами и критическими обозрѣніями списковъ; сверхъ того приложены fac-simile. Трудъ этотъ болѣе замѣчателенъ по мысли, чѣмъ по выполненію: такъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ „Русской Правдѣ“, въ которую вкрались у г. Тобіена многія важныя ошибки.

Гораздо важнѣе, основательнѣе и богаче результатами трудъ г. Калачова надъ „Русской Правдой“, изданный въ концѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. Здѣсь мы находимъ самое подробное исчисленіе и оцѣнку всего, что было сдѣлано доселѣ въ отношеніи къ этому памятнику: всѣ изданія указаны, всѣ мнѣнія разсмотрѣны и взвѣшены; съ особенной тщательностью составленъ обзоръ списковъ „Правды“, числомъ до пятидесяти, изъ которыхъ около тридцати впервые стали извѣстны чрезъ г. Калачова. Затѣмъ слѣдуетъ превосходное изданіе самого тек „Правды“ по всѣмъ пятидесяти списка съ варьянтами, въ систематическомъ пор кѣ. Наконецъ, выбраны и напечатаны статьи, подходящія къ „Русской Правдѣ“ своему содержанію и разбросанныя въ р личныхъ древнихъ памятникахъ. Так образомъ, всѣ предварительныя работы отношеніи къ этому загадочному юриди скому сборнику совершены классически, восходно г. Калачовымъ. Собственно кр ческая разработка не замедлитъ явит когда есть теперь подъ руками такіе б тые, отлично приготовленные матеріалы мы можемъ уже провидѣть время, ко столько важный и неизбѣжный вопрос происхожденіи и значеніи „Правды“ въ и ріи нашего законодательства разрѣши окончательно. Незадолго до выхода въ с этой замѣчательной работы изданы б г. Калачовымъ четыре главныхъ основ текста „Правды“ особливо, съ словаре fac-simile и сравнительной таблицей ста Назначеніе этого изданія было по преиму ству учебное.

Къ числу лучшихъ пріобрѣтеній рус исторической литературы за минувшій г принадлежитъ также книга покойнаго а демика Аделунга: „Критико-библіографи ское обозрѣніе путешествій въ Россію 1700 года“, изданная его сыномъ. Въ мы находимъ перечисленіе всѣхъ путе ствовавшихъ въ Россію съ древнѣйшихъ м менъ и оставившихъ описанія нашего о чества, съ самыми подробными библіогра ческими свѣдѣніями объ этихъ описаніях Знатоки говорятъ, что въ ней есть нѣк рые пропуски и недосмотры; тѣмъ не мен появленіе этой книги чрезвычайно важ Она привела въ извѣстность одинъ изъ гатѣйшихъ источниковъ нашей исторіи, о ливо нашего внутренняго быта. Изъ пре словія видно, что покойный ученый, кр этого указателя, задумывалъ еще напе тать собраніе неизданныхъ иностранныхъ вѣстій о древней Россіи и подробный у затель вообще всего того, что иностран писали о нашемъ отечествѣ, до начала XV вѣка. Изъ этого видно, что Аделунгъ о бенно трудился надъ иностранными исто никами русской старины и пополнилъ весьма чувствительный промежутокъ въ й щей исторической литературѣ, еслибъ смер не помѣшала ему привести въ исполне

[1]) Книга Тобіена напечатана еще въ 1845 году, но сдѣлалась извѣстной не ранѣе 1846 года. Потому мы и включили ее въ это обозрѣніе.

тыя работы. Это очень жаль, тѣмъ бо- что едва ли скоро сыщется достойный олжатель его трудовъ. Какое-то неспра- вое предубѣжденіе противъ извѣстій ранцевъ, ведущее свое начало изъ до- овской Руси и не сломленное даже по- астолѣтней реформой, оставляетъ весьма тый источникъ нашей исторіи въ тѣни; по преданію вѣримъ еще, что они пи- объ насъ пристрастно, съ ненавистью, о ихъ извѣстія никуда не годятся. Въ тической жизни, держась уже другихъ ъ и разубѣдившись во многомъ, мы олжаемъ по привычкѣ твердить старое аукѣ. По вѣчнымъ законамъ историче- развитія, фактъ и у насъ предупре- сознаніе, и оно до сихъ поръ пред- яетъ какой-то складочный магазинъ, гдѣ ранимъ всякій хламъ, ни на что уже ный въ обыкновенномъ быту. Спору , что многое иностранцы не такъ по- и передали ошибочно; у нихъ мы встрѣ- промахи, отчасти умышленныя не- ы, ложныя извѣстія, для которыхъ можно и много объясненій. Но все это очень обык- ная принадлежность разсказовъ ино- щевъ, которые не долго жили въ опи- мой ими странѣ, или, по различнымъ ительствамъ, не могли быть совершенно истрастны; въ этомъ смыслѣ тѣ, кото- были у насъ, не хуже писали о Россіи, другіе путешественники о другихъ зем- ; однако, никто не смотритъ съ такимъ убѣжденіемъ на ихъ отзывы, какъ мы. тьте также, что больше всего заподозр извѣстія иностранцевъ о нашемъ внут- емъ бытѣ; но именно они-то, какъ на- , болѣе другихъ носятъ на себѣ печать ны и достовѣрности. Чѣмъ ближе мы мимся съ туземными источниками, чѣмъ альнѣе вникаемъ въ старинные обычаи, тѣ еще сохранившіеся въ простомъ на- , тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе представ- ся намъ иностранныя извѣстія, отверг- ля какъ умышленныя нелѣпицы. Мы бы представить много разительныхъ ѣровъ на выдержку, но здѣсь не мѣсто. ть сколько сдѣлано въ минувшемъ году гношеніи къ источникамъ русской исто- Множество издано впервые; множество ю вновь, потому что прежнія изданія лись неудовлетворительными. Совершено олько первоначальныхъ критическихъ ра- надъ важнѣйшими памятниками ста- рины; самое поле русской исторіи расширилось принятіемъ въ ея составъ исторіи западной и Малой Россіи; словомъ, всѣ источники затронуты, все, что̀ можетъ дать ключъ къ нашей старинѣ, болѣе и болѣе приводится въ извѣстность и дѣлается общедоступнымъ; наконецъ, самая иностранная литература о Россіи начинаетъ получать въ наукѣ право гражданства и находитъ у насъ добросовѣстныхъ и ученыхъ дѣлателей.

Собственно историческая литература (разумѣя подъ этимъ названіемъ сочиненія по русской исторіи) сравнительно бѣдна. Укажемъ на продолженіе замѣчательной книги Бутурлина: „Исторія смутнаго времени“; въ минувшемъ году вышелъ третій томъ ея; далѣе на книгу Полевого: „Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго“, и на сочиненіе Вейдемейера: „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія“. Но особенно важными, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по другимъ причинамъ, кажутся намъ: „Историческій сборникъ“ Валуева, „Исторія христіанства въ Россіи“ архимандрита Макарія, и „Изслѣдованія“ г. Погодина. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

„Историческій и статистическій сборникъ“ покойнаго Валуева, по своему направленію, цѣли и основной мысли, есть явленіе, составляющее эпоху въ исторической русской литературѣ. Еслибы нашлись ближайшіе продолжатели этого предпріятія—что очень сомнительно,—оно малу-по-малу привело бы, наконецъ, къ весьма важнымъ результатамъ; ибо мысль сблизить различные славянскіе народы и племена, привести ихъ ко взаимному уразумѣнію, къ сознанію ихъ національнаго единства, есть, безспорно, одно изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и отраднѣйшихъ современныхъ явленій; такая мысль не оставалась бы безъ отзыва и у насъ; рано или поздно, она нашла бы сочувствіе. Г. Валуевъ началъ издавать сборникъ съ цѣлью познакомить Россію со всѣми сторонами прошедшей и теперешней жизни прочихъ славянъ. Къ сожалѣнію, онъ не хотѣлъ или не умѣлъ возвыситься до историческаго безпристрастія, главнаго и необходимаго условія для осуществленія такой цѣли; онъ привнесъ къ исполненію задачи важные предразсудки, историческія и національныя предубѣжденія и какую-то исключительность, рѣзко противорѣ-

чащія основной его мысли и разрушающія ее въ самомъ основаніи. Они-то привели издателя къ страннымъ, неестественнымъ воззрѣніямъ, къ превратной оцѣнкѣ прошедшихъ и современныхъ историческихъ явленій. А задуманъ планъ широко, и первое его выполненіе, за исключеніемъ замѣченныхъ недостатковъ, подавало большія надежды въ будущемъ. Теперь это предпріятіе, вѣроятно, рушится; издателя ужъ нѣтъ въ живыхъ, и когда-то найдется другой, который станетъ преслѣдовать эту цѣль такъ же ревностно, такъ же неутомимо. Если мы ошибаемся, тѣмъ лучше.

„Исторія христіанства въ Россіи до В. К. Владиміра", составленная архимандритомъ Макаріемъ, есть образцовая, классическая книга по этой части. Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся разбирать ее и произнести о ней какое-либо сужденіе. Мы даже убѣждены, что у насъ очень немного такихъ людей, которые въ знаніи предмета могли бы стать въ уровень съ ученымъ авторомъ и быть его достойными критиками. Изумительная начитанность, огромныя свѣдѣнія невольно поражаютъ читателя на каждой страницѣ. Очень замѣчательно, что многія изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о распространеніи и принятіи у насъ христіанской вѣры, заподозрѣнныя критикой и отнесенныя къ числу легендъ, оправдываются авторомъ и доказываются или прямыми историческими свидѣтельствами, или весьма основательными и остроумными соображеніями.

„Изслѣдованія" г. Погодина о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи изданы Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей, въ трехъ толстыхъ томахъ. Собственно говоря, эти „Изслѣдованія" не есть новое явленіе въ русской исторической литературѣ. Первый и второй томы составлены изъ статей и сочиненій, большею частью уже давно извѣстныхъ публикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены, но многія перепечатаны безъ всякихъ поправокъ; такія же статьи находимъ и въ третьемъ томѣ, въ которомъ, однако, гораздо болѣе новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Сочиненіе г. Погодина не оправдало нетерпѣливаго ожиданія многихъ. Мы въ немъ нашли большею частью одно старое, всѣмъ уже давно извѣстное и теперь столько же сомнительное, подлежащее переработкѣ, какъ оно прежде, въ свое время, было и ново и занимательно. Гораздо интереснѣе и свѣжѣе другихъ третій томъ; здѣсь не
даются прекрасныя статьи, прекрасныя
дѣльныя мѣста, но въ цѣломъ и ими мы
довольны. Любимой мысли о скандинаво-
манскомъ происхожденіи варяговъ все
несено въ жертву, даже такія данныя
которыхъ никто не споритъ, ни самъ г.
годинъ. Оттого книга исполнена истори
скихъ парадоксовъ, очевидныхъ натяже
важныхъ промаховъ и рѣзкихъ противо
чій. Общія воззрѣнія и взгляды страннаго
чудливы... Но что всего непріятнѣе
ствуетъ на читателя, это тонъ полем
особливо противъ Каченовскаго и такъ
зываемой скептической школы. Вообще
воря, книга г. Погодина была въ прош
шемъ году представителемъ старой исто
ческой литературы между молодыми ея
ростками. Еслибъ она вышла лѣтъ дес
или двадцать раньше, она заняла бы пер
мѣсто,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; теперь
анахронизмъ, только напомнившій собою
лое время.

Вотъ, кажется, всѣ особенно замѣчат
ныя явленія нашей исторической лит
туры за прошлый годъ; кромѣ того, въ
налахъ и сборникахъ помѣщались по
менамъ статьи и матеріалы по русской и
ріи; такъ мы съ большимъ удовольстві
прочли въ „Московскомъ сборникѣ" ста
г. Соловьева: „О родовыхъ отношени
между князьями древней Руси"; въ „От
ственныхъ Запискахъ" — „Матеріалы
исторіи Петра Великаго", „О торговлѣ во
скихъ болгаръ", г. Савельева. Впроче
сравнительно, такихъ статей было въ
нувшемъ году меньше противъ прежняго

Какіе результаты выведемъ мы изъ эт
обозрѣнія? Они показаны уже отчасти
началѣ Очевидно, мы мало-по-малу сосре
точиваемся, запасаемся силами, какъ бы
готовляясь къ серьезной, трудной рабо
Покуда это еще высказывается отрицатель
Сравнивши нашу прежнюю историко-лите
турную дѣятельность съ теперешней, мы
демъ, что послѣдняя, по количеству ка
и статей, почти ничтожна. Но именно эт
фактъ мы и считаемъ чрезвычайно важны
Теперь больше людей, занимающихся р
ской исторіей; масса знающихъ много у
личилась, потому что извѣстное прежде
нимъ знатокамъ и записнымъ археолога
стало общедоступнымъ. Если теперь пишу
меньше, то это, конечно, не потому,

ше свѣдущихъ людей. Нѣтъ, вопросы
и глубже, требованія возвысились, а
тѣ и неудовлетвореніе сильнѣе стало
твоваться. Мы видимъ, читая прежнія
рическія изслѣдованія, что и писатели
блика обыкновенно довольствовались са-
и поверхностными рѣшеніями историче-
ъ задачъ, которыми теперь не убѣдишь
го, даже и тѣхъ, которые занимаются
кой исторіей слегка, не говоря уже, что
огихъ вопросахъ, теперь общихъ для
ъ, прежде не было и помину. Отъ этого
ервый выходъ нашей исторической ли-
туры изъ прежняго, полу-младенческаго
оянія и обнаружился въ какой-то сла-
и, безжизненности, безцвѣтной дѣятель-
и. Вопросы прибывали вновь, разрѣше-
прежнихъ болѣе и болѣе оказывалось
овлетворительнымъ, а приступить къ но-
недоставало ни средствъ, ни силъ, по-
что не было еще твердаго, постоян-
, выработаннаго сознанія. Такъ продол-
ся до сихъ поръ и, вѣроятно, продол-
я еще долго. Мы увидимъ множество
расныхъ, классическихъ пріуготовитель-
ъ трудовъ, драгоцѣнныхъ собраній источ-
въ, много важныхъ открытій для исто-
но эпоха творчества, созиданія, едва-ли
о наступитъ въ нашей исторической ли-
турѣ. Она необходимо есть актъ созна-
самоуразумѣнія народа; когда мы пой-
себя, тогда явится у насъ и исторія;
о условіе есть одно изъ самыхъ труд-
ъ, самыхъ тяжело дающихся. Вспомнимъ
ко то странное положеніе, въ которое
до сихъ поръ были поставлены, отчасти
еперь еще находимся: намъ извѣстны
современные европейскіе вопросы; из-
но, какъ и почему они явились, какъ
ивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ
е время, вопросы, самые обыкновенные,
тые, давно уже разрѣшенные у образо-
ыхъ народовъ, если они только къ намъ
сятся и къ нашему быту, приводятъ
въ величайшее затрудненіе: мы не
мъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за
взяться; всего чаще они остаются почти
мѣченными, по крайней мѣрѣ не обра-
тъ на себя того пристальнаго, серьез-
, выдержаннаго вниманія, которое не-
димо для ихъ разрѣшенія. Что это зна-
? То, что мы все еще болѣе пользуемся
ими трудами, чѣмъ своими силами, что,
димому, богатые опытностью, мы на
самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣй-
ствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ,
кто съ нами не согласенъ, за которыми, ко-
нечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ
мы видимъ непреложный законъ историче-
скаго развитія! Какъ бы ни была благо-
пріятна, даже блистательна обстановка че-
ловѣка или народа, жизнь все-таки возьметъ
свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не вы-
броситъ ни одного звена изъ своей цѣпи.
Окружите мальчика самыми счастливыми усло-
віями для его развитія, все-таки онъ не сдѣ-
лается вдругъ совершеннолѣтнимъ человѣ-
комъ; жизнь его можно ускорить, но посте-
пенность ея невозможно нарушить. Оттого
часто подъ блестящей оболочкой скрывается
бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умствен-
нымъ пресыщеніемъ — неразвитость, нрав-
ственное малолѣтство. Въ такое положеніе
поставила исторія многія славянскія племена,
въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется,
почему у насъ нѣтъ еще своей историче-
ской литературы: мы не умѣемъ даже по-
смотрѣть на себя какъ должно.

Впрочемъ, періодъ самосознанія уже на-
чинаетъ наступать. Это видно во всемъ; ко-
нечно, покуда еще болѣе въ ежедневномъ
быту, нежели въ литературныхъ и другихъ
явленіяхъ, все еще выражающихъ предпо-
чтительно старое, за которое и авторитетъ
давности и большинство мнѣній. Когда мыш-
леніе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйстви-
тельною потребностью, а не средствомъ пріят-
но провести время или пускать пыль въ
глаза, какъ теперь по большей части,—наша
историческая литература необходимо измѣ-
нитъ свое направленіе. Изъ пріуготовитель-
ной по преимуществу, она перейдетъ въ
критическую. Вѣкъ изученія оффиціальной,
торжественной, праздничной стороны нашей
исторіи кончился; теперь должно наступить
время изученія нашей будничной, закулис-
ной, домашней жизни съ тѣхъ поръ, какъ
мы себя знаемъ и насъ знаютъ. Эта нели-
цевая сторона нашей исторіи, тѣ дѣйствія,
въ которыхъ мы не церемонились и были
тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были, всего
яснѣе покажутъ намъ, что̀ мы такое? стали
теперь хуже или лучше противъ прежняго?
идемъ ли впередъ или назадъ? какъ и от-
чего происходили въ насъ перемѣны, надъ
которыми мы недоумѣваемъ? Словомъ, по-
требность самосознанія приведетъ насъ есте-
ственно, логически, къ изученію нашего

чащія основной его мысли и разрушающія ее въ самомъ основаніи. Они-то привели издателя къ страннымъ, неестественнымъ воззрѣніямъ, къ превратной оцѣнкѣ прошедшихъ и современныхъ историческихъ явленій. А задуманъ планъ широко, и первое его выполненіе, за исключеніемъ замѣченныхъ недостатковъ, подавало большія надежды въ будущемъ. Теперь это предріятіе, вѣроятно, рушится; издателя ужъ нѣтъ въ живыхъ, и когда-то найдется другой, который станетъ преслѣдовать эту цѣль такъ же ревностно, такъ же неутомимо. Если мы ошибаемся, тѣмъ лучше.

„Исторія христіанства въ Россіи до В. К. Владиміра", составленная архимандритомъ Макаріемъ, есть образцовая, классическая книга по этой части. Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся разбирать ее и произнести о ней какое-либо сужденіе. Мы даже убѣждены, что у насъ очень немного такихъ людей, которые въ знаніи предмета могли бы стать въ уровень съ ученымъ авторомъ и быть его достойными критиками. Изумительная начитанность, огромныя свѣдѣнія невольно поражаютъ читателя на каждой страницѣ. Очень замѣчательно, что многія изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о распространеніи и принятіи у насъ христіанской вѣры, заподозрѣнныя критикой и отнесенныя къ числу легендъ, оправдываются авторомъ и доказываются или прямыми историческими свидѣтельствами, или весьма основательными и остроумными соображеніями.

„Изслѣдованія" г. Погодина о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи изданы Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей, въ трехъ толстыхъ томахъ. Собственно говоря, эти „Изслѣдованія" не есть новое явленіе въ русской исторической литературѣ. Первый и второй томы составлены изъ статей и сочиненій, большею частью уже давно извѣстныхъ публикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены, но многія перепечатаны безъ всякихъ поправокъ; такія же статьи находимъ и въ третьемъ томѣ, въ которомъ, однако, гораздо болѣе новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Сочиненіе г. Погодина не оправдало нетерпѣливаго ожиданія многихъ. Мы въ немъ нашли большею частью одно старое, всѣмъ уже давно извѣстное и теперь столько же сомнительное, подлежащее переработкѣ, какъ оно прежде, въ свое время, было и ново и занимательно. Гораздо интереснѣе и свѣжѣе другихъ третій томъ; здѣсь по
даются прекрасныя статьи, прекрасныя
дѣльныя мѣста, но въ цѣломъ и ими мы
довольны. Любимой мысли о скандинаво-
манскомъ происхожденіи варяговъ все
несено въ жертву, даже такія данныя
которыхъ никто не споритъ, ни самъ г.
годинъ. Оттого книга исполнена истор
скихъ парадоксовъ, очевидныхъ натяж
важныхъ промаховъ и рѣзкихъ противо
чій. Общія воззрѣнія и взгляды странны,
чудливы... Но что всего непріятнѣе
ствуетъ на читателя, это тонъ полем
особливо противъ Каченовскаго и такъ
зываемой скептической школы. Вообще
воря, книга г. Погодина была въ про
шемъ году представителемъ старой исто
ческой литературы между молодыми ея
ростками. Еслибъ она вышла лѣтъ дес
или двадцать раньше, она заняла бы пер
мѣсто,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; теперь
анахронизмъ, только напоминавшій собою
лое время.

Вотъ, кажется, всѣ особенно замѣчате
ныя явленія нашей исторической лите
туры за прошлый годъ; кромѣ того, въ ж
налахъ и сборникахъ помѣщались по
менамъ статьи и матеріалы по русской ис
ріи; такъ мы съ большимъ удовольствіе
прочли въ „Московскомъ сборникѣ" стат
г. Соловьева: „О родовыхъ отношеніях
между князьями древней Руси"; въ „Оте
ственныхъ Запискахъ" — „Матеріалы
исторіи Петра Великаго", „О торговлѣ во
скихъ болгаръ", г. Савельева. Впроче
сравнительно, такихъ статей было въ
нувшемъ году меньше противъ прежняго

Какіе результаты выведемъ мы изъ эт
обозрѣнія? Они показаны уже отчасти
началѣ. Очевидно, мы мало-по-малу сосре
точиваемся, запасаемся силами, какъ бы
готовляясь къ серьезной, трудной рабо
Покуда это еще высказывается отрицатель
Сравнивши нашу прежнюю историко-лите
турную дѣятельность съ теперешней, мы
демъ, что послѣдняя, по количеству кн
и статей, почти ничтожна. Но именно эт
фактъ мы и считаемъ чрезвычайно важны
Теперь больше людей, занимающихся р
ской исторіей; масса знающихъ много у
личилась, потому что извѣстное прежде
нимъ знатокамъ и записнымъ археолога
стало общедоступнымъ. Если теперь напр
меньше, то это, конечно, не потому, ч

ше свѣдущихъ людей. Нѣтъ, вопросы
и глубже, требованія возвысились, а
тѣ и неудовлетвореніе сильнѣе стало
твоваться. Мы видимъ, читая прежнія
рическія изслѣдованія, что и писатели
блика обыкновенно довольствовались са-
и поверхностными рѣшеніями историче-
ъ задачъ, которыми теперь не убѣдишь
го, даже и тѣхъ, которые занимаются
кой исторіей слегка, не говоря уже, что
огихъ вопросахъ, теперь общихъ для
ъ, прежде не было и помину. Отъ этого
ервый выходъ нашей исторической ли-
туры изъ прежняго, полу-младенческаго
оянія и обнаружился въ какой-то сла-
и, безжизненности, безцвѣтной дѣятель-
и. Вопросы прибывали вновь, разрѣше-
прежнихъ болѣе и болѣе оказывалось
овлетворительнымъ, а приступить къ но-
недоставало ни средствъ, ни силъ, по-
что не было еще твердаго, постоян-
, выработаннаго сознанія. Такъ продол-
ся до сихъ поръ и, вѣроятно, продол-
ся еще долго. Мы увидимъ множество
расныхъ, классическихъ пріуготовитель-
ъ трудовъ, драгоцѣнныхъ собраній источ-
овъ, много важныхъ открытій для исто-
но эпоха творчества, созиданія, едва-ли
о наступитъ въ нашей исторической ли-
турѣ. Она необходимо есть актъ созна-
самоуразумѣнія народа; когда мы пой-
ъ себя, тогда явится у насъ и исторія:
о условіе есть одно изъ самыхъ труд-
ъ, самыхъ тяжело дающихся. Вспомнимъ
ко то странное положеніе, въ которое
до сихъ поръ были поставлены, отчасти
еперь еще находимся: намъ извѣстны
современные европейскіе вопросы; из-
но, какъ и почему они явились, какъ
ивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ
е время, вопросы, самые обыкновенные,
тые, давно уже разрѣшенные у образо-
ыхъ народовъ, если они только къ намъ
сятся и къ нашему быту, приводятъ
въ величайшее затрудненіе: мы не
мъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за
ъ взяться; всего чаще они остаются почти
мѣченными, по крайней мѣрѣ не обра-
тъ на себя того пристальнаго, серьез-
, выдержаннаго вниманія, которое не-
димо для ихъ разрѣшенія. Что это зна-
? То, что мы все еще болѣе пользуемся
ими трудами, чѣмъ своими силами, что,
димому, богатые опытностью, мы на
самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣй-
ствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ,
кто съ нами не согласенъ, за которыми, ко-
нечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ
мы видимъ непреложный законъ историче-
скаго развитія! Какъ бы ни была благо-
пріятна, даже блистательна обстановка че-
ловѣка или народа, жизнь все-таки возьметъ
свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не вы-
броситъ ни одного звена изъ своей цѣпи.
Окружите мальчика самыми счастливыми усло-
віями для его развитія, все-таки онъ не сдѣ-
лается вдругъ совершеннолѣтнимъ человѣ-
комъ; жизнь его можно ускорить, но посте-
пенность ея невозможно нарушить. Оттого
часто подъ блестящей оболочкой скрывается
бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умствен-
нымъ пресыщеніемъ — неразвитость, нрав-
ственное малолѣтство. Въ такое положеніе
поставила исторія многія славянскія племена,
въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется,
почему у насъ нѣтъ еще своей историче-
ской литературы: мы не умѣемъ даже по-
смотрѣть на себя какъ должно.

Впрочемъ, періодъ самосознанія уже на-
чинаетъ наступать. Это видно во всемъ; ко-
нечно, покуда еще болѣе въ ежедневномъ
быту, нежели въ литературныхъ и другихъ
явленіяхъ, все еще выражающихъ предпо-
чтительно старое, за которое и авторитетъ
давности и большинство мнѣній. Когда мыш-
леніе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйстви-
тельною потребностью, а не средствомъ пріят-
но провести время или пускать пыль въ
глаза, какъ теперь по большей части,—наша
историческая литература необходимо измѣ-
нитъ свое направленіе. Изъ пріуготовитель-
ной по преимуществу, она перейдетъ въ
критическую. Вѣкъ изученія оффиціальной,
торжественной, праздничной стороны нашей
исторіи кончился; теперь должно наступить
время изученія нашей будничной, закулис-
ной, домашней жизни съ тѣхъ поръ, какъ
мы себя знаемъ и насъ знаютъ. Эта нели-
цевая сторона нашей исторіи, тѣ дѣйствія,
въ которыхъ мы не церемонились и были
тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были, всего
яснѣе покажутъ намъ, что̀ мы такое? стали
теперь хуже или лучше противъ прежняго?
идемъ ли впередъ или назадъ? какъ и от-
чего происходили въ насъ перемѣны, надъ
которыми мы недоумѣваемъ? Словомъ, по-
требность самосознанія приведетъ насъ есте-
ственно, логически, къ изученію нашего

внутренняго быта предпочтительно передъ внѣшнимъ, исторіи цивилизаціи — передъ политической исторіей. Задатки есть. Мнѣніе образованныхъ людей уже склоняется въ эту сторону; неестественныя краски, поддѣльный лоскъ, наведенные на нашу ис рію, начинаютъ сходить, и истина разоб чаться.

(Современникъ, 1847, кн. I).

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древност Россійскихъ при московскомъ университетѣ. №№ 5, 6, 7, 8 и

Москва. 1847.

Пятая книжка „Чтеній“, какъ и всѣ предыдущія, представляетъ много замѣчательнаго и любопытнаго. Въ ней, подобно прежнимъ, матеріалы, вообще говоря, интереснѣе оригинальныхъ статей, по преобладающему антикварному или археологическому направленію занятій общества. Хорошо ли это направленіе или дурно,—здѣсь разбирать не мѣсто; сверхъ того, мы думаемъ, что всякая дѣятельность въ своемъ родѣ хороша, если достигаетъ цѣли. Замѣтимъ только, что вслѣдствіе такого направленія мы въ „Чтеніяхъ“ мало встрѣчаемъ статей собственно историческаго или историко-юридическаго содержанія: лучшія изъ нихъ относятся къ древностямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Большую часть книги занимаютъ матеріалы для исторіи казаковъ. Ихъ обнародованіе есть истинная заслуга, за которую нельзя довольно благодарить Общество и его неутомимаго секретаря, г. Бодянскаго. Къ числу ихъ относятся начало лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи Ригельмана, сочинителя Исторіи донскихъ казаковъ, помѣщенной въ предыдущихъ книжкахъ Чтеній (3-й и 4-й), историческій отрывокъ о происшествіяхъ въ Пинскѣ во время первой войны казаковъ противъ Польши,— войны, которая окончилась выгоднымъ для нихъ Зборовскимъ миромъ (1648); наконецъ, двѣ статьи извѣстнаго Миллера о запорожцахъ и малороссійскомъ народѣ. Ригельманъ не историкъ, не особенно талантливый писатель, но добросовѣстный и трудолюбивый человѣкъ, тщательно собиравшій все, что̀ относилось къ предмету, о которомъ онъ писалъ. Его сочиненіе, состав ное первоначально въ 1778 году и о чательно обработанное въ 1785—6 год раздѣлено на четыре части и шесть кн Первая книга содержитъ въ себѣ и рію Малороссіи и тамошнихъ казаковъ организаціи малороссійскаго казачьяго ска при Стефанѣ Баторіи. Стараясь яснить происхожденіе казачества, Риг манъ собралъ всѣ извѣстія, какія м письменныя и изустныя: это придаетъ б шую цѣну первой главѣ его сочиненія, смотря на то, что онъ самъ не воспол вался своими матеріалами и не вывелъ нихъ окончательныхъ результатовъ. Эт нечего удивляться, когда еще и въ на время, при теперешнихъ средствахъ на вопросъ о происхожденіи казаковъ т запутанъ и теменъ; что же было л шестьдесятъ тому назадъ? Какъ видно между казаками были самыя разнорѣча сказанія о ихъ происхожденіи. Иные про водили себя отъ козаръ, другіе изъ Поль отъ роксолановъ, черкесовъ, половцевъ русскихъ. Всѣ эти извѣстія могутъ быть извѣстной степени справедливы, если обратимъ вниманіе на то, что казаки ставляли военное братство, наполнявше людьми всякаго происхожденія и званія: казаки, особенно сначала, принимались безъ различія; нельзя также не брать разсчетъ, что въ отдаленныя времена, которымъ восходитъ начало казачества, звания народовъ были слишкомъ общи, и отсутствію точныхъ географическихъ и эт графическихъ свѣдѣній, распространялись

оды, до того разноплеменные, что мо-
ъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія на ос-
аніи этихъ, повидимому противорѣчащихъ,
аній и докажутъ единство происхожде-
казаковъ, развѣ только съ незначитель-
примѣсью постороннихъ элементовъ.
къ, вѣра, сильно говорятъ въ пользу
нія, что казаки—выходцы изъ Россіи;
ъ думаетъ и Ригельманъ. Вспомнимъ,
Константинъ Багрянородный зналъ въ
рской землѣ Лебедію, состоявшую подъ
явленіемъ воеводъ; вспомнимъ, что из-
на, и теперь еще на сѣверѣ Россіи, ка-
ми называютъ батраковъ, наемныхъ ра-
никовъ, людей, не имѣющихъ своего
яного участка. Также было извѣстно и
аніе атамановъ; что роксалане были
яне—очень вѣроятно; можетъ-быть, со-
менемъ и самое имя Черкасы объяснится
ще, нежели черкесской колоніей. Какъ
то ни было, очень замѣчательно, что
ки, живо сознававшіе свою свободу и
висимость, въ этомъ смыслѣ толковали
вое происхожденіе. Разсказавъ, отъ кого
изводятъ себя казаки, Ригельманъ при-
яетъ: „Прочіе же отъ древнихъ нѣка-
ъ вольныхъ людей, кои якобы не при-
лежали ни къ какому владѣнію, и по-
мнятъ о себѣ всѣ, будто бъ они на-
да право имѣютъ въ вольности, и ни
ъ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ толь-
подъ защитою тѣхъ областей, къ кото-
ъ они прикосновенны, состоятъ. И для
не почитаютъ себя чтобъ они были
Русскихъ людей, или чьи бывшіе под-
ные“ (стр. 3). У насъ даже съ словомъ
акъ“ издавна соединялось понятіе о воль-
и. Еще и теперь сохранилась поговорка
ьный казакъ“, въ смыслѣ человѣка, ко-
ій можетъ дѣлать что ему угодно, идти
всѣ четыре стороны. Слѣдующія двѣ
ы первой книги заключаютъ въ себѣ
ко соглашенныя между собою выписки
разныхъ источниковъ о древнѣйшихъ
одахъ, обитавшихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ
лѣдствіи жили малороссійскіе казаки—
янахъ и козарахъ; исторія самихъ каза-
начинается съ четвертой главы. Ригель-
ъ узнаетъ ихъ подъ именемъ Касоговъ (?),
горыхъ упоминаетъ императоръ Констан-
ъ Багрянородный, подъ 948 годомъ, и
мъ наши лѣтописи. Въ періодъ княже-
ъ междоусобій за старшинство, къ каза-
ъ обращались изгнанные и недовольные
князья и съ ихъ помощью защищали свои права. Ригельманъ, какъ всѣ писатели того времени, смотритъ на событія отдаленной древности съ современной точки зрѣнія. Разсказывая, какъ край, гдѣ потомъ жили казаки, переходилъ попеременно въ руки татаръ, русскихъ и литовцевъ, онъ никогда не забываетъ прибавить, что и казаки становились подданными то тѣхъ, то другихъ. Но это едва-ли такъ было. Судьба тогдашней южной Россіи не могла имѣть такого вліянія на казаковъ, жившихъ отдѣльно по берегамъ Днѣпра и на его островахъ гораздо ниже Кіева. Они и прежде и послѣ оставались независимыми, служили кому хотѣли, а всего больше ходили на добычу, часто мѣняя враговъ и друзей. Не ранѣе обращенія кіевскаго княженія въ воеводство при Казимірѣ IV (1471) и переименованія его въ Украйну стало утверждаться постоянное сближеніе между казаками и этой пограничной областью Польши. Только съ этихъ поръ казаки начали играть важную роль въ исторіи Польши, служа ей оплотомъ противъ турковъ и крымцевъ.

Въ началѣ XVI вѣка появляется между ними первый гетманъ Дашкевичъ. При немъ Сигизмундъ первый, поняв всю важность этого военнаго братства для Литвы и Польши, далъ имъ для поселенія земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ и распространилъ на нихъ тѣ привилегіи, которыя Казиміръ IV далъ русскимъ княжествамъ, принадлежавшимъ Литвѣ. Это привязало казаковъ къ Польшѣ, но не сдѣлало ихъ ея подданными въ теперешнемъ значеніи слова, какъ видно изъ описанія внутренняго быта запорожцевъ:

„Вольно служащіе казаки“, говоритъ Ригельманъ: „начали имѣть тамъ (на Днѣпрѣ) ниже пороговъ свой кошъ, то-есть станъ, и вели житье свое весьма суровое: они голодъ, жажду и всякую нужду, какъ равно зной, слякоть, дождь и все воздушное премѣненіе безъ роптанія сносили. Пищу имѣли жидкое тѣсто квасное, иногда мало варенос, и тѣмъ себя насыщали и довольны были; а когда случалось съ рыбою, что называли щербою, то за наилучшее кушанье поставляли. Жительство ихъ было въ коливахъ, то есть въ шалашахъ и куренахъ; по величинѣ оныхъ въ нихъ и число людей находилось, какъ-то: отъ 50 до 100 и болѣе; всѣмъ пища была выше объявленная, одинакая. Они имѣли надъ собою одного главнаго Кошеваго Атамана, и въ каждомъ куренѣ по одному изъ старшихъ казаковъ Куренному Атаману жъ, и такихъ, которые бы въ воинскихъ дѣлахъ искусны, какъ равно и кошевой были, тѣхъ почитали и повиновались имъ

такъ, какъ вышнимъ начальникамъ своимъ. Но и старѣйшинамъ ихъ жить съ опасствомъ съ ними было должно: ежели бъ кто чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали поносной смерти, или скинутъ, по состоянію вины, съ начальства. Воровство и блудъ не терпѣли, и еслибъ кто хотя мало, какъ-то путо, или платъ у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ.. Число оныхъ казаковъ (запорожскихъ) никто исчислить не могъ, да и сами подлиннаго числа знать не могли, но только и знали, что сколько ихъ конныхъ, столько и пѣшихъ къ дѣлу быть должно, ибо сколько въ околичныхъ мѣстахъ людей находиться будетъ, столько и казаковъ у себя считали. Къ собранію жъ силъ ихъ только бы повѣстку сдѣлать, чтобъ въ поиски собирались, то тотчасъ сколько потребно, воинство собиралось; не было нужды съ трудностію собирать, такъ какъ въ иныхъ войскахъ бываетъ, и не имѣлось надобности великаго найму обѣщать; лишь бы только старшій слово сказалъ, тотчасъ войска, какъ травы будетъ; какъ въ одно время, на вопросъ Турецкому Султану, когда желалъ вѣдать количество силъ ихъ, отвѣчали, что у насъ-де людей что лоза, то казакъ, а гдѣ кракъ или байракъ, то по сту и по двѣсти казаковъ тамо, и всѣ тѣ на войнѣ храбры, и при томъ приписали, что казаки богатство вельми мають (имѣють), хитрость и храбрость довольно знають" (стр. 17 и 18).

Очевидно, что у казаковъ не могло тогда быть и понятія о подданствѣ, государствѣ, гражданствѣ, администраціи: они еще не доросли до этихъ понятій. Но несмотря на всю первобытную до-историческую дикость, этотъ бытъ имѣетъ свою особенную невыразимую прелесть. Казачество—это поэзія русско-славянскаго міра. Да и гдѣ было ей развиться, какъ не тамъ, куда каждый, недовольный своимъ положеніемъ, бѣжалъ пожить на просторѣ, и гдѣ, не стѣсняемый ничѣмъ, онъ могъ, по своему, развить и извѣдать всѣ свои силы? Кто ни былъ „живъ человѣкъ" въ древней Руси, тотъ пробирался на югъ и шелъ въ казаки; на мѣстѣ ему негдѣ было развернуться, подъ тяжкими условіями и формами едва лишь возникавшаго московскаго государства. Казачество представляетъ намъ русскаго славянина, каковъ онъ былъ тогда въ глубинѣ своей души, внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ опредѣленій, наложенныхъ на него въ его отчизнѣ. Оттого, при воинственномъ характерѣ казацкаго братства, при роли, которую играетъ въ немъ личность, стоящая здѣсь на первомъ планѣ, это братство насквозь проникнуто патріархальными элементами: та же наивность, та же сила обычая и отсутствіе закона, та же отечески безграничная власть главнаго начальника, умѣряемая страхомъ низложенія и привычками, которыя всѣ чтутъ с
Казачество—патріархальный бытъ, пр
собленный къ военнымъ цѣлямъ. Этог
не должны забывать, если хотимъ объяс
себѣ странно поражающія особенности
чества и послѣдующій его упадокъ.

Окончательное устройство получило ук
ское казацкое войско при Стефанѣ Ба
одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ польс
королей, который понималъ, какъ важн
Польши казаки, составлявшіе крѣпкій о
противъ хищныхъ сосѣдей. Вдобавок
прежнимъ казакамъ онъ прибралъ изъ
Украйны еще десять тысячъ, устроилъ
въ войско, велѣлъ самимъ изъ своей с
избрать гетмана, и далъ ему знамя, бун
булаву и печать, установилъ войсковаго
шину, обознаго, судью, писаря, есаул
рунжаго, полковниковъ, сотниковъ и а
новъ, „далъ хетману полную власть,
суды, расправы и наказанія дѣлать,
въ чины и начальники по войску своему
изводить", — далъ большія земли, го
Трентемировъ, и уволилъ отъ платежа
зовъ и податей. Эти и другія привил
дарованныя Баторіемъ и утвержденныя
мотою, положили основаніе силѣ и ц
щему состоянію казацкаго малороссій
войска. Къ несчастію, преемники Ст
не были такъ дальновидны, какъ онъ:
начали притѣснять братство, и этимъ
влекли на Польшу большія несчастія.

Вслѣдъ за кончиной Баторія, при Сигиз
дѣ III, начались уже притѣсненія каза
Поляки боялись, чтобъ казацкое войско,
ливпись, не сдѣлалось опаснымъ для
ши. Оттого рано начали посылать къ
камъ подсмотрщиковъ и стараться объ
чтоженіи ихъ самостоятельности. Къ э
присоединилась еще католическая проп
да; казаки выходили изъ терпѣнія и
сколько разъ вооружались и нападали
Польшу, при гетманахъ Косинскомъ и
ливайкѣ. Такъ продолжалось за все цар
ваніе Сигизмунда. Были неоднократныя
лобы, но ничто не помогало, а между т
притѣснительныя мѣры умножались. В
что все это происходило вслѣдствіе вл
нія польской аристократіи, казаки об
тились къ самому королю; Владиславъ,
емникъ Сигизмунда, которому они жал
лись немедленно по вступленіи его на
столъ, подтвердилъ ихъ привилегіи и
изнесъ при этомъ слѣдующія многозна

ныя слова: „Нынѣ, по сей привилегіи, режнему можете себѣ гетмана поста- и при своихъ правахъ и вольностяхъ ко стоять, не отдавая себя по опымъ мъ въ попраніе, защищаясь опымъ и ними правами. А есть ли паны поль- или дозорцы, тѣхъ привилегіевъ не по- ають, то имѣете мушкетъ и при боку : оными можете защищать свои, отъ ковъ повреждаемыя права и вольности". эти проливаютъ яркій свѣтъ на со- ніе Польши уже въ XVII вѣкѣ. Короли тогда не могли защищать своихъ под- ыхъ и предоставляли имъ самимъ воз- влять свои права оружіемъ. Позднѣе же слова повторилъ Владиславъ пись- о черкасскому полковнику Барабашу. Въ году, коронный хорунжій Конецполь- выстроилъ крѣпость въ урочищѣ Кай- , чтобъ еще больше прибрать въ руки овъ. Пріѣхавши туда съ Хмѣльницкимъ аками, Конецпольскій спросилъ: „Угодна мъ, казакамъ, сія крѣпость, и довольно рѣпка для васъ будетъ?" На это Хмѣль- ій отвѣчалъ по-латыни: „Еще нѣтъ того, , что людьми сдѣлано, разрушено быть огло".—„Конецпольскій съ удивленіемъ алъ такой отвѣтъ", прибавляетъ Ригель- .

зростающія угнетенія, несмотря на жа- ныя грамоты королей, частыя жалобы, ненія и возмущенія войска, довели его, нецъ, до отчаянія. Оно встало подъ водительствомъ Зиновія, или Богдана ьницкаго, и начало съ поляками войны ою свободу. Объ этихъ войнахъ различ- вѣствуютъ обѣ стороны, поляки и мало- яне. Желая выяснить истину, добросо- ный Ригельманъ предлагаетъ въ своей ніи разсказы и тѣхъ и другихъ. Спа- помѣщенъ у него переводъ описанія ыхъ двухъ войнъ казаковъ съ Польшей алье, секретаря французскаго посольства польскомъ дворѣ. Онъ написалъ свою у на французскомъ языкѣ и издалъ ее Парижѣ, въ 1653 году. Источниками слу- документы и разсказы поляковъ. Со- ніе Шевалье занимаетъ всю вторую книгу, ная съ четырнадцатой главы, и инте- во многихъ отношеніяхъ. Первая война, извѣстно, окончилась очень выгодно для ковъ, въ 1649 году, Зборовскимъ тракъ- ъ, въ силу котораго всѣ привилегіи ковъ были возстановлены. Вторая, судя по разсказу Шевалье, была вызвана неумѣстными притязаніями и нарушеніемъ договора со стороны малороссійскаго войска и окончилась съ ущербомъ для казаковъ Бѣлоцерковскимъ миромъ, въ 1651 году. Въ своей исторіи войнъ Шевалье разсказываетъ многія подробности, чрезвычайно живо характеризующія и эпоху, и дѣйствователей. Мы укажемъ на нѣкоторыя Зборовскій трактатъ, какъ мы сказали, былъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для казаковъ, и это было тѣмъ важнѣе, что поляки недобровольно согласились на нихъ, а послѣ побѣды, одержанной Хмѣльницкимъ. Стало быть, предписывали условія казаки. Между тѣмъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ было помѣщено: „что Хмѣльницкій, казацкій гетманъ, долженъ просить у Его Величества прощенія, на колѣняхъ стоя". Это была какъ бы уступка оффиціальной сторонѣ дѣла, потому что казаки находились въ зависимости отъ Польши и были мятежники, а не непріятели въ обыкновенномъ смыслѣ. Хмѣльницкій выполнилъ это условіе съ наивною добросовѣстностью. По словамъ Шевалье, онъ „пришелъ предъ короля и, ставъ на колѣни, говорилъ съ плачемъ великую рѣчь, съ засвидѣтельствованіемъ преданности своей, изъясняясь, что онъ всегда желалъ предстать предъ лицо Его Величества и оказать самымъ опытомъ услуги свои Его Величеству и республикѣ, болѣе нежели продолжать войну къ дальшему кровопролитію; но когда судьба такъ ужъ опредѣлила, то нынѣ приступаетъ онъ съ покорностью, проси милости и прощенія за свои преступленія, увѣряя Его Величество наградить то будущими своими добрыми поступками". Вотъ черта—чисто славянская! Передъ окончаніемъ второй войны, когда дѣла казаковъ были далеко не такъ блистательны, „Хмѣльницкій съ главными своими старшинами прибылъ въ польскій лагерь и, ставъ передъ Великимъ Хетманомъ Потоцкимъ, просилъ прощенія съ униженіемъ и со слезами, которыя онъ пріобыкъ проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали, свидѣтельствуя при томъ всевозможное почтеніе князю Радзивилу и прочимъ магнатамъ". Такъ говоритъ Шевалье, но онъ не правъ и судитъ какъ иностранецъ. Мы убѣждены, что Хмѣльницкій и въ томъ и въ другомъ случаѣ плакалъ искренно. Таковы мы:—мы хитры и наивны, добродушны и въ высокой степени

воспріимчивы. Лежитъ ли это въ нашей натурѣ, или въ нашемъ историческомъ возрастѣ—пока трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что мы и до сихъ поръ еще мало измѣнились. Если Хмѣльницкій плакалъ нарочно, при послѣднемъ трактатѣ, то что же, спрашивается, вызывало его слезы, при заключеніи Зборовскаго мира? Развѣ онъ не могъ выполнить договорную статью формально, внѣшне, съ гордостью и ироніей, къ которымъ побѣда давала ему право? Наконецъ, еслибъ онъ хотѣлъ, неужели бы онъ не могъ обойти этой статьи? Нѣтъ! онъ защищалъ свои права и въ то же время не считалъ нисколько унизительнымъ испрашивать прощенія и милости у своего притѣснителя, котораго онъ побѣдилъ. Въ его головѣ и то и другое какъ-то странно мирилось—тѣмъ миромъ, изъ котораго видно, что борьба еще и не начиналась. Это точка зрѣнія—патріархальная, съ которой разныя стороны предмета никогда не представляются во всей ихъ рѣзкости, односторонней опредѣленности. Также чрезвычайно характеричны у Шевалье хитрости Хмѣльницкаго передъ окончаніемъ второй войны, которыми онъ протягивалъ время въ переговорахъ съ поляками, поджидая помощи отъ татаръ. Эти переговоры велъ онъ очень искусно: дѣлалъ предложенія, и когда поляки на нихъ соглашались, ввертывалъ другія, противорѣчившія имъ; потомъ опять подавался на уступки.

Но обстоятельства ему не благопріятствовали. Татары не пришли, и онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться на невыгодный миръ.

Непонятно, почему Польша совершенно не истребила казаковъ послѣ второй войны, когда они были на голову разбиты и вынуждены принять тягостныя условія? Братство было слишкомъ воинственно, слишкомъ любило свою вольность, слишкомъ было привязано къ своимъ обычаямъ и вѣрѣ, чтобъ могло разсчитывать на продолжительную его покорность государство, проникнутое страстью пропаганды и политическими опасеніями со стороны самихъ казаковъ. Шевалье говоритъ: „Его величество, по милосердію своему, не желалъ онаго бунтующагося народа допустить погибнуть отъ меча, чтобъ чрезъ то не истребить главной королевства своего провинціи и чрезъ то не привесть бы въ разореніе безчисленное шляхетство и большихъ господъ, которые, имѣя тамо великія свои дачи, лишилися бы всѣхъ своихъ тамошнихъ добръ доходовъ, есть ли бы з… ихъ остались безъ народа; а есть ли… крестьянъ переселить въ Польшу на тѣ… ста, которыя суть еще впустѣ, то бы и… ихъ никакимъ образомъ помѣстить там… можно было, и сіе-то есть истинная прич… которая, какъ тогда, такъ и въ другихъ… чаяхъ, препятствовала всегда къ истре… нію до основанія казаковъ, а инако был… они давно истреблены“ (стр. 90). Здѣс… видимъ, какъ много вѣсили въ дѣлахъ … ши интересы тамошней аристократіи; св… частнымъ разсчетамъ она была готова … вовать дѣйствительными или мнимыми… годами государства. А власть была у не… рукахъ. Оттого не могло устоять и кор… ство, которое, какъ всѣ славянскія дер… имѣло въ своей основѣ патріархальные … менты. Именно поэтому ему была нужна … сохраненія политической самостоятельн… сильная, внѣшними узами связующая вл… а ея не было. Ослабленіе королевской … сти въ Польшѣ было причиной и пр… комъ ея упадка, ибо кромѣ пеи ей не… было тогда держаться. Опуская другія … бопытныя подробности этихъ войнъ, … уловки Хмѣльницкаго для склоненія на … сторону турецкаго султана и господара … давскаго, приведемъ разсказъ, какимъ … обыкновеннымъ мужествомъ горсть каза… защищалась противъ цѣлаго польскаго во…

„Триста человѣкъ, собравшись на одномъ … въ уголокъ табора своего, мужественно защи… себя противъ великаго числа наступающихъ … рые отъ всѣхъ сторонъ чрезвычайно утѣсняли … и для увѣренія о себѣ въ нещаденіи живота … его (который имъ даровать обѣщаемо бы… всего дражайшаго въ жизни, вынимали изъ … мановъ своихъ и поясовъ все, что ни было зо… и серебра, бросали въ воду, а наконецъ, … болѣе великому числу войска противиться … состояніи были, то всѣ побиты одинъ за дру… остались; однако притомъ каждый за себя … ливо мужественно стоялъ, какъ то одинъ изъ … еще оставался въ живыхъ, защищалъ себя че… цѣлые три часа противъ всего польскаго во… храбро. Сіе случилось такимъ образомъ: къ … болотѣ было небольшое судно, за которое … онъ забрался, то былъ такъ смѣлъ, что весь … ской огонь выдержалъ мужественно, да и с… палилъ изъ своего ружья до тѣхъ поръ, покам… ему доставало пороху, а наконецъ, по недост… того, отбивался косою, которою всѣхъ наступ… щихъ на него прогонялъ отъ себя. Одинъ … великороссійскихъ солдатъ наступилъ на него … таковымъ же оружіемъ, однакожъ ничего сд… нить не могъ, хотя и усиливался много, и ес…

сорѣ отъ него не отскочилъ, то бы, безъ сумнѣ-
, остался пополамъ разсѣченъ. Что нѣкоторый
ихтичъ изъ владѣнія Чехановскаго, да нѣмецкой
дать, усмотрѣвъ, бросились прямо въ воду по
ю, и когда начали съ нимъ имѣть битву, то,
я тотъ казакъ и былъ уже четырнадцатью пу-
ми раненъ, однако крѣпко и мужественно сто-
, еще, въ великое всей польской арміи и самого
Величества короля удивленіе; ибо въ присут-
іи Королевскомъ оная брань продолжалась, и
оль не могъ довольно надивиться храбрости
, приказалъ объявить ему въ голосъ, что Его
личество жалуетъ ему жизнь, есть ли только
отдастся самъ въ руки, на что отвѣтствовалъ
весьма гордо, сказавъ, что жить болѣе не
рается и умереть желаетъ, какъ истинной во-
. Вслѣдъ сего другіе изъ иноземцевъ, подско-
ъ къ прежнимъ на помощь, закололи его до
рти копьями" (стр. 88 и 89).

И тѣ же самые люди, которые такъ ге-
іски умѣли сражаться и стоять за свою
ьность, могли просить прощенія у поль-
хъ королей, на колѣняхъ, со слезами, въ
ъ, что страданія превзошли мѣру ихъ
инѣнія. Вотъ гдѣ скрывается причина тѣхъ
запныхъ переворотовъ, которые такъ ча-
постигали славянъ; ибо всѣ добродѣтели,
ъ бы онѣ ни были велики, безъ прочной
ударственной и гражданской администра-
, безъ развитого общественнаго смысла,
его не значатъ.

Движеніе, происходившее въ Малороссіи,
бщилось и русскому населенію Литвы. Го-
ія за вѣру и здѣсь тоже возбудили не-
вольствіе и ропотъ; нуженъ былъ поводъ,
бы вспыхнулъ бунтъ, — и онъ не замед-
ъ явиться. Шевалье разсказываетъ о де-
истраціяхъ казаковъ въ литовскихъ про-
ціяхъ во вторую войну и о сочувствіи,
орое украинцы нашли между тамошними
телями, „потому болѣе, что народъ того
жества довольно сходственъ былъ съ нра-
ми и вѣрою Малороссіянамъ". Историче-
й отрывокъ о бунтѣ города Пинска и его
иреніи въ 1648 году доказываетъ, что
ія же демонстраціи были и во время
вой войны. Францисканецъ Доминикъ Хо-
скій былъ страшно замученъ запорожца-
которыхъ впустили въ городъ тамошніе
цане, принявшіе сторону казаковъ, не-
ленно послѣ ихъ появленія въ Литвѣ.
добныя сцены происходили и въ другихъ
одахъ Литвы, принадлежавшихъ къ во-
чной церкви.

Послѣднія двѣ статьи о казакахъ, какъ
видѣли, написаны исторіографомъ Мил-
омъ и помѣщены въ „смѣси" съ двумя приложеніями. Особенно интересна изъ нихъ первая. Это записка о запорожцахъ, составленная, какъ кажется, по порученію графа Н. И. Панина; поводомъ служила просьба, поданная этими казаками императрицѣ, что они будто бы стѣснены въ своихъ владѣніяхъ постройкой днѣпровской линіи и крѣпостей и имъ оттого питаться нечѣмъ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ одного отрывка ихъ просьбы, помѣщеннаго въ „Разсужденіи". Миллеръ старается доказать, что они жалуются неосновательно, и доказываетъ это бѣглымъ очеркомъ исторіи и подробнымъ разборомъ универсала, или грамоты, данной гетманомъ Б. Хмѣльницкимъ. Нельзя не сказать, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, Миллеръ былъ посредственный историкъ; на древнихъ казаковъ и ихъ бытъ онъ смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія и потому не понималъ ихъ, не понималъ ихъ исторіи и не такъ толковалъ документы, на которыхъ они основывали свои права. Ничто не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ близорукія, книжныя, узко-юридическія разглагольствованія объ историческомъ предметѣ, подлежащемъ совершенно другому мѣрилу: это мы испытали, читая записку Миллера. Что онъ говорилъ—не одни слова, безъ всякаго практическаго примѣненія; записка должна была представить данныя для разрѣшенія юридическаго вопроса; тѣмъ рѣзче выдается въ ней отсутствіе настоящаго историческаго смысла.

„Разсужденіе о запорожцахъ" не велико. Оно начинается краткой, но довольно вѣрной характеристикой казаковъ.

„Запорожцами въ старину назывались всѣ малороссійскіе казаки вообще, потому что за порогами такъ называемой *Сѣчи* учрежденіе ихъ начало свое имѣло. Родъ ихъ житія, по коему они (выключая нѣкоторыя, подъ ихъ защитою состоящія селенія) женъ не держатъ, землю не пашутъ, питаются отъ скотоводства, звѣриной ловли и рыбнаго промысла, а въ старину больше въ добычахъ, отъ сосѣдственныхъ народовъ получаемыхъ, упражнялись. Обычаи ихъ къ праздности и къ пьянству склонные; пренебреженіе торговъ, кромѣ для своихъ житейскихъ надобностей; необузданная вольность; пріемъ всякаго у нихъ взброду людей всѣхъ языковъ, всѣхъ вѣръ, токмо чтобъ у нихъ будучи, внѣшняя должность грекороссійскаго закона наблюдалась; допущеніе такихъ въ свое сообщество безъ всякаго письменнаго свидѣтельства, не разбирая ихъ достоинствъ, или пороковъ, тако жъ и позволяя всякому отлучиться когда и куды хощетъ; неимѣніе письменныхъ законовъ, коихъ имѣть и

не желаютъ, опасаясь умаленія ихъ вольностямъ, и словомъ, лишеніе всѣхъ гражданскихъ порядковъ, кромѣ одного безпрекословнаго послушанія вышнимъ, особливо же ихъ Атаману Кошевому, коего сами избираютъ и отрѣшаютъ по ихъ произволенію. Сіи обстоятельства не могутъ никому благосклоннаго о Запорожцахъ подать мнѣнія, потому что ихъ обычай всякому, на здравомъ разумѣ и на истинныхъ правилахъ основанному гражданскому обществу, противоборствуетъ“ (стр. 58 и 59).

Когда образовалось малороссійское казачье войско на основаніи привилегій и грамотъ, данныхъ польскими королями, ихъ образъ жизни измѣнился, но запорожцы сохранили прежніе нравы, не принимали въ свое товарищество кромѣ холостыхъ и вдовыхъ и плохо повиновались гетману. Совершенно отдѣлились они отъ малороссійскихъ казаковъ уже въ 1654 году, послѣ вступленія Богдана Хмѣльницкаго въ подданство московскихъ царей, которые всѣмъ казакамъ подтвердили ихъ привилегіи. Разсказавши это, Миллеръ входитъ въ разборъ правъ запорожскихъ казаковъ на земли, занятыя ими послѣ 1654 года. Онъ очень неудовлетворителенъ. „Что надлежитъ до земель запорожскихъ“, говоритъ онъ: „то не могло жалованье королевское простираться далѣе, какъ доколѣ самыя польскія границы простирались. По восточной сторонѣ рѣки Днѣпра, ниже рѣкъ *Орла* и *Самары*, никакихъ отъ Польши селеній не было. Вся оная страна татарами обладаема была; тако же и нельзя сказать, чтобъ владѣніе запорожское по западной сторонѣ рѣки Днѣпра далеко внутрь земли простиралось. Паче по самымъ королевскимъ привилегіямъ заключить должно, что казакамъ, яко до обороны границъ опредѣленнымъ, не позволено было жить, какъ по одному Днѣпровскому берегу“ (стр. 59). Неудовлетворителенъ этотъ разборъ потому, что, конечно, польскіе короли не препятствовали казакамъ забирать сколько можно земли у татаръ: также не видно, почему бы они непремѣнно ограничили ихъ однимъ днѣпровскимъ берегомъ; изъ того, что они были поселены для защиты границъ, этого не слѣдуетъ; скорѣй можно думать, что расширеніе границъ имъ было пріятно. Взявши однажды такія шаткія основанія для рѣшенія историческаго вопроса, Миллеръ отстаиваетъ свою мысль самыми отчаянными доказательствами: когда была населена Елисаветская провинція (1754 г.), „имъ довольно мѣстъ край Днѣпровскаго берега и отъ Елисаветской провинціи подъ полдень оста лено, гдѣ бъ они отъ рыбной и отъ звѣр ной ловли пропитаніе себѣ имѣть могли Что это за доказательство? Запорожцы спорили объ опредѣленіи, сдѣланномъ е въ силу бѣлградскаго мира, построить д провскую линію, не спорили противъ ус новленія границы между Турціей и Росс отъ Буга до Днѣпра. Ну, что жъ изъ это Прежде не спорили, а потомъ стали спори Какъ участники Мазепиной измѣны, они до жны бы лишиться всѣхъ привилегій, да ныхъ имъ Польшей: опять нейдетъ къ дѣ Въ 1735 году казаки опять возвратились Россію и поселились на Сѣчѣ (они высе лись на урочище Алешки, близъ Кинбур въ 1708 г.), и „населили, кромѣ Сѣчи, Старомъ и Новомъ Кодакѣ и на рѣкѣ С марѣ, слободы, съ позволеніемъ ли, или бе позволенія—неизвѣстно, съ великою проти прежнихъ своихъ обычаевъ отмѣною, пото что жители, хотя запорожскими казака числятся, живутъ съ женами и съ дѣт и отправляютъ земледѣльство. Въ Старо Кодакѣ жили запорожцы еще при Богда Хмѣльницкомъ, но яко отводные отъ Сѣ сторожи, попеременно. Нынѣшніе ихъ литьбы совсѣмъ въ другомъ намѣреніи у нены, а именно, чтобъ съ нихъ получа доходы, чтобъ хлѣбомъ имъ питаться, ко съ другихъ мѣстъ привозу не будетъ, что имѣть новыхъ поселенцевъ, яко подданны почтй какъ помѣщикъ владѣетъ своими ревнями. Хорошо, что пришлыхъ къ на женатыхъ людей съ семьями не отверг что селили тѣхъ особыми слободами, ко въ Сѣчѣ жить по ихъ обычаямъ не поз лялось; что позволили имъ прилѣжать земледѣльству, яко нужнѣйшему промыс на коемъ всѣ благоустроенныя селенія ос ваться должны; что называли ихъ Козака потому что сіе имя въ тамошнихъ странах даетъ нѣкоторое преимущество и почтен но хвалить не можно, есть ли запорож чинили такія новыя учрежденія собою, спросу у высшихъ Правленій на то пов нія; есть ли не смотрѣли на качества дей, нѣтъ ли въ томъ числѣ и бѣглых Россіи; есть ли не велѣно имъ учинить ные списки для сообщенія въ высшія вительства; есть ли не дозволяли им щаться съ другими, около тѣхъ мѣст учрежденными, земледѣльцами, чѣм пришлые люди, не могущіе знать п

ошнемъ домостроительствѣ, лишаются
полезнаго и необходимо потребнаго
аставленія. Не прилично, кажется, та-
селеніямъ состоять подъ вѣдомствомъ
жцевъ" (стр. 61). Удивительно, право,
могъ историкъ такъ не исторически
ювать вопросъ: неужели все казаче-
даже вся русская исторія до Петра ни
не навела его на мысль, что вопросъ
зѣ никогда не поставлялся у насъ такъ
опредѣлительно, — что все рѣшалъ
фактъ, и что мы вовсе не были пріу-
къ строго административному порядку
, къ государственному быту? Вотъ что
ъ отсутствіе общаго взгляда на пред-
взгляда, противъ котораго, впрочемъ,
ерь еще вооружаются столькіе. Самъ
иллеръ говоритъ, что „едва понятно,
далеко запорожцы въ послѣднюю ту-
ю войну по восточной странѣ отъ рѣки
а разгулялися; особливо съ того вре-
какъ отъ Крымскихъ татаръ ничего
ься уже не имѣли. Куды запорожскій
ни пришелъ, то запорожская земля;
ставили себѣ границы, кромѣ у Дона"
61). Таковы были ихъ понятія и, дѣй-
положимъ, неправильно, они могли
ювать очень добросовѣстно. Нашъ про-
народъ и теперь еще точно такой же.
многіе крестьяне предобродушно вѣ-
что они принадлежатъ помѣщику, а
, на которой они сидятъ, — имъ, и
о ихъ разувѣрить. Разбирайте эту
юридически: они судятъ противоза-
, а собственно они добросовѣстные не-
.

всего неудовлетворительнѣе разборъ
съ универсала, даннаго запорожцамъ
ьницкимъ. Миллеръ находитъ въ немъ
и, и тутъ судитъ такъ же неоснова-
, какъ разбиралъ права запорожцевъ
ли. Въ грамотѣ Стефана Баторія, по-
ной въ универсалѣ Хмѣльницкаго,
ждено за казаками владѣніе: „въ ширь
Днѣпра на степь доколѣ тѣхъ мѣсте-
селъ и хуторовъ земли издавна нахо-
ь", а ниже, кромѣ того, городъ Са-
„и вверхъ рѣки Буга по рѣку Симо-
ъ Самарскихъ же земель чрезъ степь
ной рѣки Дону". Миллеръ доказываетъ,
и Баторіи и послѣ эти земли принадле-
татарамъ,—слѣдовательно, онъ не могъ
каловать. Точно какъ будто тогда въ
хъ были тѣ же строго опредѣленныя
пограничныя линіи, какъ теперь. Кто не знаетъ, что еще въ царствованіе императрицы Екатерины въ степныхъ русскихъ губерніяхъ, саратовской и другихъ, были открыты русскія селенія, о существованіи которыхъ оффиціально уже было извѣстно. И кто жъ были сосѣди? Крымцы и казаки! Городъ Самаръ, по мнѣнію Миллера, не существовалъ при Хмѣльницкомъ, и это мнѣніе онъ основываетъ на томъ только, что о Самарѣ не упоминается въ памятникахъ! Въ концѣ универсала Хмѣльницкій подтверждаетъ запорожскимъ казакамъ всѣ отъ королей польскихъ данныя привилегіи, „по врученной ему отъ Бога и отъ всего казацкаго войска власти", и дозволяетъ имъ владѣть своими землями „ненарушимо во вѣки". Комментарій на эти слова — верхъ отсутствія историческаго смысла.

„Такъ бы писалъ Хмѣльницкій, естьли бъ онъ былъ самъ Государь, а не подданный Царскому Величеству Гетманъ. Не умножаются ли такими выраженіями сумнительства о подлинности сего Универсала? Отъ умнаго человѣка, каковъ былъ Хмѣльницкій, чаять не можно, чтобъ онъ себя превозносилъ. Естьли онъ подлинно такъ писалъ, и запорожцы такое его дерзновеніе одобряютъ, то сіе имъ не въ пользу. Къ тому жъ, чѣмъ кто самъ не владѣетъ, можетъ ли онъ тѣмъ жаловать другого? Сіе о степяхъ отъ Днѣпра къ востоку и по Бугу до Синюхи безспорно. Естьли бы Хмѣльницкій хотѣлъ дозволить запорожцамъ владѣть городами, мѣстечками, селами, коими Король Стефанъ пожаловалъ казаковъ вообще, и которые Малороссійскими казаками уже были заняты, сіе было бы внутреннюю между ними войну зажечь, и въ самомъ дѣлѣ безъ пользы" (стр. 64).

Тутъ что ни слово, то промахъ и значительный. Не забудемте, что Миллеръ толкуетъ не договоръ между двумя германскими владѣтелями, или Карѳагена съ Римомъ, а жалованную грамоту казацкаго гетмана половины XVII вѣка! Почему Хмѣльницкій не могъ себя такъ титуловать; почему онъ не могъ дать запорожцамъ земель, положимъ, которыми они не владѣли, но которыя были въ сосѣдствѣ и принадлежали татарамъ; почему онъ, самовластный господинъ, не могъ дать запорожцамъ земель, принадлежавшихъ другимъ казакамъ, не возбудивъ между тѣми и другими междоусобій,—этого мы истинно объяснить не можемъ изъ нашего и казацкаго быта XVII вѣка, а только развѣ изъ теперешнихъ международныхъ и государственныхъ отношеній, съ которыми, какъ видно, Миллеръ

былъ коротко знакомъ—гораздо короче, чѣмъ съ духомъ нашей старины. Изъ приложеннаго къ этому разсужденію письма П. В. Бакунина къ Миллеру видно, что записка не удовлетворила графа Панина. Онъ потребовалъ отъ исторіографа доказательствъ, почему онъ сомнѣвается въ существованіи подлинника того универсала, копію съ котораго представили запорожцы. Доводы, приведенные въ разсужденіи, вѣроятно его не убѣдили. Миллеръ отвѣчалъ на это письмо коротко, предположеніями и отзывами запорожцевъ. Наконецъ, копія съ универсала, отпечатаннаго въ самомъ концѣ, послѣ имени, показываетъ, что Миллеръ вовсе не такъ прочиталъ и понялъ то мѣсто, которое онъ считалъ позднѣйшей вставкой. Разумѣется, вопросъ о запорожскихъ земляхъ былъ чисто государственный; до права трудно было въ немъ добраться; онъ и рѣшенъ давнымъ давно съ государственной точки зрѣнія. Мы такъ подробно разбирали мнѣніе Миллера потому только, что онъ вдвойнѣ былъ не правъ — и неправильно толкуя факты и вводя въ толкованіе государственныя пользы, соображенія, вовсе не идущія къ дѣлу при исторической, а тѣмъ болѣе юридической оцѣнкѣ. Вторая статья Миллера: „Краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ“. Въ ней нѣтъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстій, относящихся къ исторіи запорожцевъ въ XVIII вѣкѣ. Точка зрѣнія государственная, а не историческая.

Перейдемъ теперь къ другимъ статьямъ пятой книжки „Чтеній“.

Первая по порядку, помѣщенная въ отдѣлѣ изслѣдованій, есть статья дѣйствительнаго члена общества, г. Бѣляева: „о Несторовой лѣтописи“. Это—обозрѣніе лѣтописи по новому ея изданію, сдѣланному археографической коммиссіей въ прошедшемъ году, съ примѣчаніями автора. Вообще говоря, статья имѣетъ нѣкоторыя достоинства: въ ней есть замѣтки новыя и оригинальныя, видѣнъ живой взглядъ на эпоху, описываемую лѣтописцемъ; но всѣ эти достоинства теряютъ болѣе половины своей цѣны, оттого, что авторъ не доказываетъ своихъ гипотезъ, и какъ бы требуетъ, чтобъ читатели приняли ихъ на вѣру. Въ предметѣ, который толкованъ и перетолкованъ до-нельзя, такое изложеніе не можетъ быть допущено. Лѣтопись Нестора уже имѣетъ хотя и отрывочную, но тѣмъ не менѣе гатую литературу. Новый взглядъ на новое объясненіе отдѣльныхъ ея мѣстъ, можетъ получить права гражданства въ кѣ, пока прежнія объясненія не буд разобраны и опровергнуты. Это первое. томъ—положимъ, что автору не хотѣ этого дѣлать: ему вздумалось предста свои выводы и догадки просто, не обл ихъ въ ученую форму—и въ этомъ онъ ленъ; но въ такомъ случаѣ мы не п маемъ, зачѣмъ онъ не ограничился одн разборомъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ см представился ему въ новомъ свѣтѣ, и п мѣшалъ старыя, всѣмъ давно уже извѣст и переизвѣстныя толкованія и взгляды своими новыми? Изъ длинной статьи, р нутой на 72 страницы, нужно по зерну выклевывать оригинальныя замѣтки ав да и то большею частью ничѣмъ не д занныя. Съ какою цѣлью авторъ так ступилъ, для чего онъ такъ написалъ ста предназначенную въ сборникъ ученыхъ сканій,— мы не знаемъ. Конечно, *какъ рымъ* „любителямъ русской исторіи, нунѣ дня, посвященнаго празднованію мяти Нестора, лѣтописца русскаго, ближе бесѣдовать о самомъ Несторѣ“. вѣдь не всѣ проникнуты такою си тіею къ его личности, что имъ пріятно шать или читать о немъ даже старое, нымъ давно сказанное и извѣстное; это нравится — тѣ могутъ сговориться особенную бесѣду, или даже отпраздно память лѣтописца по церковному чину. щее достояніе, то, что́ возбудитъ единог ный, общій интересъ всѣхъ знатоков диллетантовъ русской исторіи—это но сказанное объ Несторовой лѣтописи, а кого мы, къ сожалѣнію, находимъ о немного въ статьѣ г. Бѣляева. Разбер ее подробнѣе.

Почти въ началѣ (стр. 5) г. Бѣляевъ дитъ у Нестора указаніе на днѣ эпохи р селенія славянъ съ Дуная въ теперешн ихъ жилищахъ: до и послѣ нашествія ке товъ (Волоховъ). Дѣйствительно, слова стора подаютъ поводъ къ такому объяс нію. Жаль только, что г. Бѣляевъ одн его словами и ограничился, а не подв нулъ это мѣсто критическому разбору сличенію съ другими извѣстіями, безъ ч его объясненіе и остается одной гипо зой—не болѣе. Тамъ же авторъ открыв

писи третью эпоху разселенія,—„вско-
тѣ второго, вслѣдствіе того же дви-
кельтическихъ народовъ“, но и это
не доказано. Этотъ третій слой
ъ поселился въ Россіи, изъ нихъ об-
нись княженія: Кіевское, Новгород-
Черниговское, Галицкое и Полоцкое,
ія важную роль во время удѣловъ.
чіе этихъ коренныхъ племенъ, гово-
авторъ, если не было одною изъ при-
раздѣленія древней Руси, то почти
ительно можно сказать, что имъ пре-
ственно такъ долго поддерживалась
ая система“. Такое важное предполо-
которое, еслибъ было доказано, измѣ-
ы во многомъ теперешній взглядъ на
не подтверждено ни однимъ выво-
хоть бы мимоходомъ. А авторъ самъ
, сколько данныхъ противъ него! Какъ
сказывать его такъ? Несторъ гово-
„держати почаша родъ ихъ княженіе
яхъ, въ Деревяхъ свое... а Словѣни
ъ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ
олочане. Отъ нихъ же Кривичи иже
на верхъ Волги, и на верхъ Двины
верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть
искъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, тоже
ъ отъ нихъ“; а авторъ замѣчаетъ:
мы видимъ не только какія отдѣль-
ладѣнія образовались у нашихъ Сла-
но даже и границы каждаго владѣ-
Спрашиваемъ всѣхъ, такъ ли это? На
2, г. Бѣляевъ говоритъ, что „кажется,
а съ намѣреніемъ, изъ политическихъ
, постаралась истребить“ начало нов-
кихъ лѣтописей. Это предположеніе
ю себѣ такъ важно, такъ характери-
бы Москву XV и послѣдующихъ вѣ-
что ему должно бы, по крайней мѣрѣ,
ть хоть тѣнь правдоподобности, если
тъ доказательствъ; но этого не сдѣ-

ата начала новгородскихъ лѣтописей
ваетъ широкое поле гипотезамъ ав-
при объясненіи скудныхъ словъ Не-
о призваніи варяговъ. Призывали
славяне и кривичи. Рюрикъ сѣлъ въ
ѣ, городѣ славянъ; Синеусъ на Бѣлѣ-
у Веси; Труворъ въ Изборскѣ у кри-
Кромѣ того, по смерти братьевъ
ъ роздалъ мужамъ Ростовъ, городъ
Муромъ—Муромы, Полоцкъ—кривi-
Такимъ образомъ, выходитъ странное:
владѣетъ народами, ее не приглашав-

шими[1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ не поселяется у нѣкоторыхъ изъ приглбшавшихъ ее, а именно, у Чуди, которая, по всему видно, составляла особливое финское племя. Изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній сомнѣнія г. Бѣляевъ избираетъ самое невѣроятное и прямо противорѣчащее лѣтописи: онъ говоритъ, что приглашали одни новгородцы, „которые частью завоеваніями, частью торговыми связями привели въ зависимость отъ себя весь сѣверо-западный край нынѣшняго русскаго государства“. Въ послѣднемъ можетъ быть большая доля правды, но какъ же отвергать факты? Продолжая далѣе, авторъ этой гипотезой объясняетъ и всѣ прочія „соприкосновенныя обстоятельства“; но на дѣлѣ выходятъ натяжки, очень неправдоподобныя и несообразныя со временемъ.

„Лѣтопись“, говоритъ онъ, „не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Весь (что еще очень сомнительно, какъ мы сказали), Мурому, между-тѣмъ, какъ пришельцы Русь поселились въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были безпрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Словѣне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: и отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новугородьци. Далѣе, русскіе князья заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода“ (стр. 13).

Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьёзно обслѣдованные съ разныхъ сторонъ? На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ

[1]) Это не относится къ *Веси*, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, были въ числѣ призывавшихъ. Такое мнѣніе имѣетъ основаніе въ самой лѣтописи, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи. Г. Бѣляевъ не правъ, отрицая его наотрѣзъ безъ доказательствъ.

князей, г. Бѣляевъ опять сыплетъ гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ такъ же смѣло и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, по крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько-нибудь, что устройство новгородское не измѣнилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручили племена призваннымъ князьямъ, г. Бѣляевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришло автору на мысль, что если новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ,—не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ a priori доказывается и всѣми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себѣ голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не имѣлъ въ себѣ ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго? Что́ дѣйствительно сто́итъ труда — это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: „вѣроятно потому“, говоритъ г. Бѣляевъ, „что новгородцы требовали себѣ взрослаго князя, что́ доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти всегда старались удалять малолѣтныхъ князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ распряхъ“. Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его *вскормили*. Объяснить событіе тогдашними понятіями объ о… какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ б… самъ заподозривъ невѣроятность своего …ваго объясненія,—другое дѣло; тутъ м… нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольн… ни на чемъ не основанныхъ предполож… болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, н… торой бы ихъ не встрѣчалось по нѣско… какъ это ни утомительно, но мы ука… на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположен… которое мы разобрали, встрѣчаемъ др… Олегъ повелъ съ собою на югъ варяго… войско изъ народовъ, которыми владѣлъ… Рюрикъ. Изъ этого г. Бѣляевъ выво… „что Олегъ пошелъ отъ новгородцевъ … ссоры“, иначе онъ ушелъ бы съ одним… рягами. Мы этого, признаемся, никак… видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ н… родцами и ихъ вольнымъ духомъ и по… уйти отъ нихъ, выведя, однако, съ … войско, составленное изъ нихъ и про… тамошнихъ племенъ; преданіе о Вадим… казываетъ, что призванные князья у… прибрать къ рукамъ и не одну суде… власть. Потомъ авторъ спрашиваетъ: Б… не былъ ли цѣлью похода Олегова ещ… Новгородъ.

„Сопутствіе Олега славянъ, кривичей, м… другихъ новгородскихъ данниковъ или совзи… *дозволяетъ думать*, что новгородцы сами п… Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь… говыя выгоды изъ занятія Кіева, лежавшаг… пути въ Константинополь. Точно такъ же он… ступали и послѣ: такъ для нихъ Глѣбъ Свят… вичъ воевалъ въ Заволочьѣ, другіе князья на… брежьѣ Балтійскаго моря и по Волгѣ. Или с… всего, новгородское вѣче рѣшило послать Ол… войскомъ только для покоренія остальныхъ … скихъ городовъ, не признававшихъ еще в… Новгорода. Олегъ же, покоривши кривскіе го… Смоленскъ и Любечъ, убѣдилъ войско сопут… пать ему въ походѣ внизъ по Днѣпру до К… Завладѣвши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнил… городскимъ видамъ и рѣшился остаться въ з… ванномъ городѣ, зная хорошо различіе между … земъ правящимъ на условіяхъ и между госуда… самодержавнымъ. Впрочемъ, измѣняя новгородск… видамъ, онъ, очевидно, съумѣлъ не разорвать … зей съ Новгородомъ, ибо при немъ оставались … городскіе славяне наравнѣ съ варягами: бы… него варяги, словѣни и прочіи, прозвавшася Ру… Самая хитрость, употребленная Олегомъ про… Аскольда и Дира, показываетъ, что онъ, не … пая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить … ихъ варяжскою дружиною. И подозрительна…

ли у него какой либо тайной связи съ этою
ною до умерщвленія кіевскихъ князей; иначе
но допустить, чтобы она равнодушно отка-
отъ мести за измѣнническое умерщвленіе сво-
редводителей" (стр. 17).

е это очень остроумно, но гдѣ же до-
ельства? Чѣмъ докажетъ авторъ, что
ья воевали въ Заволочьѣ и другихъ мѣ-
ъ для новгородцевъ, а не для себя? Это
азіи, отъ которыхъ, право, пора бы намъ
нецъ отказаться. Два, три факта тем-
, отрывочныхъ есть,—и мы на нихъ
имъ цѣлую теорію, наполняемъ самый
ленный періодъ нашей исторіи такими
остями, такими чудесами, что не пони-
ь, зачѣмъ же послѣ того мы прожили
тысячу лѣтъ? Если такое благоустрой-
царствовало у насъ при Рюрикѣ и до
ика, отчего же мы бьемся изъ-за него
рь и такъ медленно успѣваемъ? Нѣтъ,
благоустройства не было. Мы были пре-
дочные дикари. Наши изслѣдователи,
историки вводятъ насъ ежеминутно въ
нъ, дорисовывая невозможными чертами
ину древней Руси, которой отличитель-
признакъ есть стертость, отсутствіе опре-
нныхъ чертъ. Кажется, бездѣлица сдѣ-
предположеніе. Почему жъ не сдѣлать?
аешь—и выйдетъ, что отъ исторической
ны, отъ дѣйствительности мы ушли Богъ
гъ куда, сочинили небывалое, перенесли
съ себя за тысячу лѣтъ, и поневолѣ удив-
ся, какъ мы уже тогда были и умны и
аты. Что это такое!—Непосредственно за
мъ толкованіемъ слѣдуетъ другое, столько
роизвольное. Олегъ строитъ города около
ира, а Рюрикъ не строилъ на сѣверѣ
и, — слѣд., народъ ему не дозволялъ.
нѣйшія лѣтописи говорятъ, что и онъ
илъ, но правда ли это или нѣтъ, до насъ
рь не касается. Это историческія изы-
ія! Олегъ уставилъ на сѣверѣ дани —
но у тѣхъ племенъ, которыя были уступ-
князьями въ кормленіе, а не у другихъ,
имѣръ, не у новгородцевъ, которые, од-
, платили дань Владиміру и при Олегѣ
гамъ 300 гривенъ „миръ дѣля". Боже
Сколько объясненій было писано объ
послѣдней платѣ, а г. Бѣляевъ, и не
иная о нихъ, порѣшаетъ вопросъ нѣ-
ькими словами, да еще такъ, какъ давно
рѣшать перестали, ибо его мнѣніе, послѣ
снецій г. Погодина, Рейца, не выдер-
етъ и легкой критики. Такъ же недурно
слѣдующее: Бѣлоозеро не упоминается въ
числѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были установлены
Олегомъ дани, а между тѣмъ оно было во
владѣніи призванныхъ князей, и слѣд., долж-
но бы, кажется, принадлежать Олегу. Авторъ
не затрудняется нисколько въ объясненіи
этого мѣста. „Бѣлоозеро", говоритъ онъ,
„уступленное Рюрику, новгородцы отняли у
Олега, или, можетъ быть, замѣнили его дру-
гимъ какимъ городомъ у кривичей или Мери".
Это невольно напоминаетъ намъ догадки од-
ного ученаго изслѣдователя русской исторіи,
который точно такъ же обращался съ фак-
тами, да наконецъ и увидалъ въ нихъ то,
чего, кромѣ его, никто не увидалъ и не
увидитъ. — Далѣе въ исчисленіи городовъ,
на которые греки должны были давать укла-
ды, Несторъ не называетъ Новгорода, а
г. Бѣляевъ изъ этого выводитъ, что „*очевидно*
Новгородъ въ это время уже не составлялъ
одного государства съ Олеговой Русью, хотя
и платилъ 300 гривенъ и принималъ Оле-
говыхъ посадниковъ". Тутъ выводъ такъ
же произволенъ, какъ и фактъ, что Олегъ,
посылалъ въ Новгородъ посадниковъ, чего
не видно нигдѣ. Потомъ мы и не зна-
емъ, какъ представляетъ себѣ авторъ под-
данство въ то время?—Въ характеристиче-
скомъ преданіи, сохранившемся у Нестора о
шелковыхъ и холстинныхъ парусахъ руссовъ
и славянъ, которое такъ живо передаетъ
намъ различіе между пришельцами и
туземцами и ихъ взаимныя отношенія, г. Бѣ-
ляевъ умѣлъ открыть не варяговъ и славянъ,
а славянъ, подданныхъ Олега, и славянъ
ильменскихъ. Положимъ, мы ошибаемся; по
крайней мѣрѣ мы ошибаемся съ другими.
Если авторъ несогласенъ съ этимъ объясне-
ніемъ, почему онъ его не опровергаетъ? Дого-
воръ, заключенный Олегомъ, представляетъ
ему тоже обильную пищу для гипотезъ—
новыхъ, но, къ сожалѣнію, недоказанныхъ.
Г. Бѣляевъ заключаетъ изъ него, что Олегъ
жилъ въ Кіевѣ „не на стоянкѣ, не на зим-
нихъ квартирахъ, а въ столицѣ особаго са-
мостоятельнаго государства, имѣвшаго опре-
дѣленныя границы и составлявшаго его лю-
бимую собственность (?), о которой онъ за-
ботился, какъ хорошій хозяинъ, или, вѣрнѣе,
какъ попечительный государь". Какъ онъ
дошелъ до этого заключенія, понять не мо-
жемъ. Иначе, продолжаетъ авторъ, изъ чего
ему такъ хлопотать о торговлѣ? Видно, ав-
торъ не читалъ даже „изслѣдованій" г. По-

година, гдѣ, какъ дважды два четыре, доказано, что Русь-варяги сами торговали, въ томъ числѣ и князья. Стало быть, имъ не нужно было быть „хорошими хозяевами, или, вѣрнѣе, попечительными государями", чтобъ заботиться о торговлѣ. Наконецъ, онъ видитъ въ договорѣ доказательство, что славянская грамота Кирилла и Меѳодія была уже при Олегѣ извѣстна въ Кіевѣ. Если это видно, то, конечно, не изъ договора, заключеннаго въ Константинополѣ. Объ Игорѣ мы находимъ опять гипотезу: „вообще, кажется, народное преданіе не любило Игоря, и всѣ его подвиги, о которыхъ свидѣтельствуютъ арабскія лѣтописи, передало любимцу своему Святославу, сыну мудрой Ольги, который на самомъ дѣлѣ только ходилъ по слѣдамъ, проложеннымъ при его отцѣ". Можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Исторія молчитъ, и мы не станемъ говорить. Объ Ольгѣ то же, что̀ и объ Олегѣ: она не дѣлала никакихъ распоряженій въ Новгородѣ, а только на Мстѣ и Лугѣ, слѣд., не имѣла на Новгородъ и прочія его области никакихъ правъ. Что это за выводъ, и какъ одно слѣдуетъ изъ другого?

О Святославѣ мы видимъ у г. Бѣляева много вѣрныхъ замѣчаній. Во-первыхъ, очень удачно защищенъ разсказъ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ противъ скептическихъ возраженій другихъ изслѣдователей. Но что особенно замѣчательно и любопытно — это сличеніе повѣствованія Льва Дьякона и Нестора о походѣ Святослава въ Болгарію. До сихъ поръ думали, что они другъ другу противорѣчатъ: г. Бѣляевъ доказываетъ противное. Онъ находитъ, что разсказъ Нестора ближе къ истинѣ, критически разбираетъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія Льва Дьякона и находитъ ихъ сомнительными, наконецъ открываетъ у Нестора пропускъ, вѣроятно допущенный писцами, отчего какъ будто и выходитъ безсмыслица въ разсказѣ лѣтописца. До какой степени все это вѣрно, предоставляемъ судить тѣмъ, которые занимались особенно этой эпохой и этими событіями. Во всякомъ случаѣ, мысль и попытка нова; въ ея пользу говоритъ уже то, что оба разсказа имѣютъ предметомъ одно событіе, и если они разнорѣчатъ, то кто-нибудь изъ повѣствующихъ или отчасти, или вполнѣ неправъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ страницъ, которыя читаются съ удовольствіемъ, мы встрѣчаемся опять съ одной изъ тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыми кишитъ разсужденіе ляева. „Владиміра выпросили Новг которымъ надоѣло жить подъ управ княжескихъ намѣстниковъ". А кто вамъ сказалъ, что надоѣло? Почему вы что намѣстники тамъ были? Гдѣ данны этакъ-то бросимъ мы словечко тамъ, с здѣсь — и выходитъ ужъ не древняя исторія, а Богъ знаетъ что! За этими до каждаго отъ себя о темномъ событ узнаешь лѣтописной основы. Такъ дурно доказывается мнѣніе, что „Яр и Олегъ владѣли цѣлою при-Днѣпро при-Окскою страною, а не однимъ или древлянскою землею". Авторъ пр спрашиваетъ: въ противномъ случаѣ, бы достались Переяславль и Черниг гатые торговые города, упоминаемые ревомъ договорѣ, уже производившіе лю съ Византіею? Сверхъ того, скол родовъ было построено Олегомъ, а куда бы дѣвать Смоленскъ и Любеч ихъ не раздѣлить между Ярополкомъ гомъ?" Странный способъ доказыва торъ говоритъ, что такъ было послѣ ва. Но какія же данныя имѣетъ онъ заключать, что такъ было и при Свят По его мнѣнію, можетъ быть, Святосла хотѣлъ причислить Новгородъ къ Кі новгородцы не согласились и выпроси особливаго князя? Но мы не можемъ стить такого предположенія, такой до Дайте намъ доказательства, почему правѣ такъ заключить, — и мы васъ шаемъ и подумаемъ. Послѣ такихъ-т гадокъ, ничѣмъ не вызванныхъ, авто воритъ: „Святославовъ раздѣлъ былъ *тельно* образцомъ для Ярослава". Закл слишкомъ важное, чтобъ его можно высказывать такъ рѣшительно безъ до тельствъ. Авторъ знаетъ, что есть и др мнѣнія, которыя даютъ совершенно дру точку зрѣнія. Судя по тому, какое им будетъ принято, весь первый періодъ ской исторіи получаетъ совершенно видъ. Слѣдовательно, такъ легко говор нельзя. По мнѣнію г. Бѣляева, Ярополк былъ князь, равный своимъ братьямъ, ликій, — иначе Несторъ сказалъ бы, что смерти Святослава начали княжить всѣ а онъ говоритъ это только о Ярополкѣ жду тѣмъ, самъ же авторъ сказалъ, что сторъ былъ лѣтописецъ кіевскій; очень ственно, что онъ ни слова не упомян

князьяхъ. Да и можно ли вообще
о сомнительнаго, шаткаго даннаго
цѣлый взглядъ? Описаніе Ярополъ-
енія — верхъ усилій такого рода. Въ
того князя съ своими братьями
ъ видитъ первообразъ всѣхъ по-
ъ княжескихъ усобицъ — мнѣніе,
несогласное съ общимъ взглядомъ
рьбу, чтобы можно было его поста-
приведя доказательствъ. Потомъ
параллель между Ярополкомъ и
ъ, параллель, въ которой мы ви-
орическую фразу, какъ есть рито-
фразы, лишенныя дѣйствительнаго
я и смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что
ыть произвольнѣе и случайнѣе этого
? Оба, говоритъ авторъ, одинаковы
еру; „оба люди довольно слабые для
бы быть верховными правителями
ва, раздѣленнаго между самовласт-
язьями". (Послѣднее показываетъ,
ъ имѣетъ превратное понятіе о на-
ъ называемаго періода удѣловъ).
я Ярополка къ Олегу авторъ срав-
съ отношеніями Изяслава къ Все-
лоцкому; и тѣ и другія обнаружи-
молюбіе великихъ князей; Влади-
аетъ одинакую роль съ Борисомъ
ичемъ. Но Владиміръ, скажете вы,
конецъ великимъ княземъ, а Борисъ
ичъ убитъ? Въ глазахъ г. Бѣляева,
мѣшаетъ параллели. Это, говоритъ,
что Владиміръ остался одинъ и
ну не открытымъ боемъ, а измѣною".
въ подробностяхъ, событія сходны
омъ—въ стремленіи великихъ кня-
ить удѣльныхъ, и въ томъ, что по-
искали защиты у иноземцевъ. Но
юслѣднее вѣрно, столько первое, въ
ніи къ этому времени, предположи-
ни на чемъ не основано. Настроивъ
ли такимъ образомъ, авторъ въ убій-
а Свѣнельдова Олегомъ видитъ уже
ое событіе, какъ оно разсказано у
а, а выраженіе вражды между князь-
полкъ согласился на то, чтобы Свѣ-
охотился во владѣніяхъ брата; ему
былъ предлогъ поссориться съ Оле-
ибъ ему не хотѣлось поссориться,
талъ бы мстить за Свѣнельдича, по-
Олегъ имѣлъ право безнаказанно
за нарушеніе его правъ. То-то же
Хотѣлось такъ посмотрѣть, и увида-
го не видно. Не понимаемъ послѣ
этого, отчего же г. Бѣляевъ не сдался на критическій разборъ Несторова разсказа объ осадѣ Кіева печенѣгами? Въ обоихъ можно усомниться, коли захотѣть,—оба можно найти совершенно удовлетворительными, не нашептывая ничего на ухо лѣтописцу.

За этимъ мы опять встрѣчаемъ въ статьѣ г. Бѣляева очень дѣльную замѣтку. Онъ говоритъ, что когда Владиміръ возвратился изъ-за моря съ варягами новгородцы не вступились въ его дѣла съ Ярополкомъ: „имъ нѣтъ нужды до княжескихъ усобицъ, поддерживаемыхъ только княжими дружинами и наемными пришельцами; точно такъ же вели себя въ началѣ удѣльнаго періода жители другихъ городовъ, Кіева, Чернигова и проч.". Это вообще и справедливо и основательно. Чѣмъ же объясняетъ авторъ безучастіе общинъ? Какъ бы вы думали? Тѣмъ, что народъ удѣльной системы „не признавалъ и не сочувствовалъ ей, какъ идеѣ чужеземной, пришлой, а не родной, и первоначально даже *старался уклоняться* отъ всякаго участія въ княжескихъ усобицахъ". Помилуйте! Можно ли такъ объяснять цѣлыя эпохи народной жизни! Скажите лучше, что государственная сфера, даже въ той дѣтской, первоначальной формѣ, въ какой она у насъ явилась, не была по плечу этому народу въ то время. Онъ объ ней не зналъ, какъ не знаетъ ребенокъ того, что вокругъ него совершается. Русскій народъ до сихъ поръ ничего ни признавалъ, ни не признавалъ; тѣмъ болѣе тогда. И что это за своевольное обращеніе съ фактами! Народъ не принималъ участія въ княжескихъ усобицахъ? Хорошо. Какъ же это Владиміръ „присоединяетъ къ своей варяжской дружинѣ покоренныя Новгороду племена Славянъ (а новгородцы были славяне, стало-быть, они были покорны сами себѣ? Это такъ), Кривичей и Чуди, вѣроятно по условію съ Новгородцами, и идетъ на Полоцкъ". Не очевидно ли, что каждая строка лѣтописи сама по себѣ вдохновляла автора, а на цѣлую лѣтопись онъ не обратилъ вниманія. Иначе нельзя было бы такъ рѣзко противорѣчить себѣ на десяти строкахъ.— Владиміръ просилъ руки Рогнѣды, чтобъ имѣть союзника; послѣ отказа завоевываетъ владѣніе Рогволода и женится на Рогнѣдѣ, чтобы быть обезпечену съ тылу на походѣ противъ Ярополка. Гдѣ же доказательства? Война была предпринята Владиміромъ противъ Ярополка „въ защиту удѣльныхъ правъ

противъ великокняжескихъ насилій". Скажите *князей, а не правъ*—и мы не станемъ спорить; между тѣмъ и другимъ огромная разница. Мысль, будто бы въ Россіи съ самаго начала были удѣлы и государственность, дала автору ложную точку зрѣнія на весь предметъ. „Власть удѣльныхъ князей, говоритъ онъ, и власть великаго князя была въ постоянной борьбѣ въ продолженіе всей русской исторіи до самаго уничтоженія удѣловъ Москвою. Великіе князья очень рано поняли, что удѣльная система, поддерживаемая только своею норманскою законностью и пришлыми княжескими дружинами, не съ большими усиліями могла быть уничтожена... таковое направленіе великокняжеской власти, согласное съ мѣстными обстоятельствами, натурально вызывало энергическое противоборство со стороны удѣльныхъ князей, доходившее до жестокости. А потому всѣ усилія удѣльныхъ князей, терзавшія наше отечество, и которыя такъ были порицаемы нашими позднѣйшими лѣтописцами (отнюдь не Несторомъ), не понимавшими дѣла, въ сущности своей были мѣрами законными". Эти слова служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ авторъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что уже было говорено и писано о періодѣ удѣловъ; иначе онъ не высказалъ бы такъ рѣзко мнѣніе, давно уже переставшее быть аксіомой въ нашей исторической литературѣ. Тутъ все спорно—и то, что въ продолженіе *всей* русской исторіи власть великаго князя была въ борьбѣ съ властью удѣльныхъ князей, и то, что удѣльная система поддерживалась одною *норманскою* законностью, когда преобладающіе въ ней элементы были туземные, славянскіе, и то, что удѣльная система могла быть уничтожена *не съ большими* усиліями, когда она, несмотря на эти усилія, просуществовала четыре вѣка слишкомъ. Вотъ какъ пишетъ г. Бѣляевъ! И всѣ эти мнѣнія, похожія больше на софизмы, чѣмъ на правдоподобныя догадки, для чего введены въ статью? Чтобъ доказать, что нельзя упрекать Владиміра ни въ звѣрствѣ, ни въ жестокости! Да кто жъ давно не оправдалъ всѣхъ ихъ и безъ всякихъ насилій исторіи? Въ послѣдствіи времени, когда роды князей размножились и права на великокняжеское достоинство смѣшались съ родовыми отношеніями, порядокъ дѣлъ, въ сущности оставаясь тотъ же, нѣсколько измѣнился въ своихъ частностяхъ". Рѣшительное непони между-княжескихъ отношеній! Когда г. Бѣляевъ, они смѣшались и какъ? ужели вы думаете, что эти отношенія взяли себѣ да и смѣшались? А если вы не думаете, отчего жъ такъ неосторожн ворите объ историческихъ явленіяхъ, будто бы они съ неба свалились? Въ борѣ Владиміровыхъ походовъ опять с ности. Противъ камскихъ болгаръ Влад идетъ съ Добрыней, новгородскимъ пос комъ. Авторъ прибавляетъ: „чего мы п мѣчали въ прежнихъ походахъ кіевс князей", и потомъ продолжаетъ: „Не в щиту ли новгородской торговли Влад предпринималъ этотъ походъ? Вообще слѣдующая исторія Новгорода ясно до ваетъ, что Новгородцы не охотники воевать изъ чужихъ выгодъ". Характер ческія слова лѣтописи, вложенныя въ Добрынѣ: „всѣ они въ сапогахъ (т.-е. гары), эти дани намъ не дадутъ, ней искать лаптниковъ"—г. Бѣляевъ объяс тѣмъ, что Добрыня изъ видовъ торгов тѣлъ отклонить Владиміра отъ войн болгарами. Какъ, спросимъ мы авторъ прежде не видали, чтобъ новгородцы хо съ князьями въ походы? А кого жъ мѣтъ лѣтописецъ подъ славянами, упоминаетъ ихъ въ числѣ прочихъ плем Сколько разъ вы сами говорите въ за разсужденіи, что князья уговаривали н родцевъ идти съ собой, а иныхъ, какъ, н Олега, новгородцы сами посылали. Что ж за постоянное увлеченіе любимою мыс минутно рождаемой тѣмъ мѣстомъ, кот толкуется, и что это за полное забвеніе ска наго за нѣсколько страницъ? А если непра что новгородцы прежде не хаживали въ ходы съ князьями, то и гипотеза о т что они склонили Владиміра воевать съ гарами изъ торговыхъ видовъ—сущая ф тазія. Мы и здѣсь скажемъ, что говор прежде, много разъ: можетъ быть так можетъ быть и нѣтъ. Не имѣя данн имѣемъ ли мы право хитростно созда фактъ, на который нѣтъ никакихъ указа А это дѣлаетъ авторъ безпрестанно. Пов вованіе о крещеніи Россіи и Владиміра р брано очень остроумно. Г. Бѣляевъ дум не безъ основанія, что крещеніе Руси осторъ разсказалъ по живому преданію, у мы и не знаемъ, на какомъ основаніи считаетъ Іеремію современникомъ Нест

же касается до крещенія Владиміра, заимствовано изъ византійскихъ письныхъ извѣстій. Взглядъ на всѣ обстоятьства, сопровождавшія наше обращеніе къ стіанству, очень оригиналенъ и имѣетъ себя много данныхъ.

То же должно сказать о посольствѣ разныхъ одовъ съ предложеніями вѣръ, объ отправленіи иміровыхъ пословъ для испытанія, кто лучше ить къ Богу, а также о проповѣди греческаго ософа и о катихизисѣ, данномъ Владиміру въ сунн. Все это описаніе носитъ на себѣ печать маннаго письменнаго сочиненія, а не живой ; подробности, здѣсь помѣщенныя, явно принежатъ книгамъ, а не разговору; народное пре- е ихъ не могло знать; здѣсь все направлено къ ой цѣли, чтобы унизить другія вѣры передъ ескою; вопросы Владиміра и отвѣты пропониковъ рѣшительно писаны греческимъ христіаомъ, Византійцемъ. Относительно проповѣди ескаго философа и катихизиса, даннаго Владиру, рѣшительно можно сказать, что они еще Несторово время, должно быть, ходили въ русяхъ, и не по нимъ ли дѣлали оглашенія наи корсунскіе и византійскіе миссіонеры; ибо ь сокращенно представлена вся библейская рія и сводъ всѣхъ пророчествъ о Христѣ, а ке искусно совмѣщены всѣ догматы православ- вѣроисповѣданія и всѣ вселенскіе соборы, но, все то, что нужно миссіонерамъ при оглаіяхъ, или проповѣдяхъ къ обращаемому народу ывать все это позднѣйшими вставками, или даже неніемъ самого Нестора, значитъ явно идти ивъ всѣхъ законовъ логики и исторіи; ибо, вовыхъ, описанные здѣсь предметы, позднѣе на описывались въ другомъ видѣ, чему свидѣствомъ служатъ многія русскія рукописи XIV, XVI и XVII вѣковъ; во-вторыхъ, особенно въ хизисѣ, изложена самая жаркая полемика проересей, которую могъ написать только Висецъ X вѣка, живо помнившій, чего стоила ква жестокая и продолжительная борьба съ иками; въ-третьихъ, здѣсь есть много мѣстъ, рыхъ никто не могъ написать даже во время тора, и тѣмъ болѣе послѣ него, напримѣръ, чая развратную жизнь западнаго духовенства, хизисъ говоритъ: „Взмутиша Италію всю, сѣюще ье свое разно: ови бо попове единою женою нѣвся, служатъ, а друзіи до седмые жены поюче служатъ“. А извѣстно изъ церковной источто въ XII вѣкѣ, когда жилъ Несторъ, западдуховенство уже давно все было безбрачнымъ; еще буллою папы Григорія VII-го всѣ женаи священники и клирики отрѣшены отъ своихъ кностей. Слѣдовательно, о женатыхъ попахъ Италіи можно было говорить только въ X вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XI-го, отнюдь не въ XII-мъ“ (стр. 39).

Въ концѣ жизнеописанія Владимірова въ торовой лѣтописи помѣщенъ панегирикъ му князю. Г. Бѣляевъ выводитъ изъ него, онъ былъ написанъ, когда Владиміръ не былъ еще причисленъ къ лику святыхъ, и это очень правдоподобно.

Послѣ этихъ интересныхъ замѣтокъ, которыя являются какими-то оазисами между натяжками и фантазіями, г. Бѣляевъ опять возвращается къ своей обычной манерѣ. Владиміръ не назначилъ Кіева никому изъ князей: „слѣдовательно, право на великокняжеское достоинство, соединенное съ кіевскимъ владѣніемъ, не имѣло нужды въ особомъ назначеніи и безспорно принадлежало старшему въ родѣ“. Но откуда же это слѣдуетъ? Очень спорно, какъ и когда и для чего разослалъ Владиміръ своихъ сыновей по разнымъ областямъ, а г. Бѣляевъ строитъ цѣлую гипотезу на томъ только, что Владиміръ не назначилъ никого въ Кіевъ, и ссылается на слова Бориса: не подыму рукъ на старшаго брата, онъ будетъ мнѣ отцомъ,—слова, которыя совсѣмъ не доказываютъ, что Святополку приходился Кіевъ. Междоусобія Святополка съ братьями авторъ объясняетъ родовою местью—что очень похоже на дѣло, и борьбою великокняжеской власти съ удѣльною властью—что на дѣло совершенно непохоже, потому что для этого нѣтъ данныхъ ни въ предыдущемъ, ни въ ближайшемъ послѣдующемъ. Святополкъ могъ хотѣть уничтожить удѣльныхъ князей—это понятно, но почему авторъ видитъ тутъ выраженіе борьбы двухъ властей—не понимаемъ. Такъ же странно разсужденіе о взятіи Новгорода Брячиславомъ полоцкимъ. Оно кажется подозрительнымъ г. Бѣляеву, потому что въ новгородской лѣтописи объ этомъ не говорится. Дѣйствительно, это молчаніе наводитъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на это событіе (которое, впрочемъ, само по себѣ и не особенно важно). Но авторъ этимъ не удовольствовался. Онъ выводитъ отсюда вотъ что: „не изъ однихъ ли видовъ властолюбія воевалъ Ярославъ съ Брячиславомъ? Несторъ же, зная, что война была въ краяхъ новгородскихъ, назвалъ ее преслѣдованіемъ за разграбленіе Новгорода; въ противномъ случаѣ мудрено допустить, чтобы Ярославъ довольствовался однимъ отнятіемъ добычи, и не наказалъ Брячислава примѣрно за явное оскорбленіе великокняжеской власти, и притомъ не такъ-то легко повѣрить, чтобы новгородцы, недавно еще помогавшіе Ярославу противъ сильнаго Святополка, не справились сами съ какимъ-нибудь Брячиславомъ и допустили его занять Новгородъ; да и почему самъ Брячиславъ,

занявши Новгородъ, не оставилъ его за собою? Неужели какой нибудь Полоцкъ былъ лучше богатаго и сильнаго Новгорода". Истинно государственныя и политическія соображенія! Видите ли: Ярославъ чуть-чуть не теперешній король, столько же щекотливый, ревнивый къ своей власти. Брячиславъ не могъ взять Новгорода, а Всеславъ могъ, какъ признается самъ авторъ на 51 страницѣ своего разсужденія; Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ и отдалъ его своему брату, а Брячиславъ не могъ оставить Новгорода и возвратиться въ Полоцкъ. Что сказать на все это? Изъ того, что походы Ярослава были преимущественно направлены къ западу, авторъ выводитъ, что „*очевидно*... при Ярославѣ Русь спѣшила вдвинуться въ Европу и покорить всѣ полудикія племена, отдѣлявшія ее отъ образованныхъ европейскихъ государствъ; изъ видовъ сближенія съ Европою Ярославъ воевалъ съ полудикими племенами даже и не для себя". Образованныя европейскія государства въ XI вѣкѣ! И объ этомъ хлопочетъ юная Русь, доведшая страсть къ идеѣ до того, что покоряла племена для другихъ!

Въ замѣчаніяхъ на завѣщаніе Ярослава много справедливаго и много ложнаго. Особенно справедливо то, что оно „указываетъ на ослабленіе закона старѣйшинства и соединенной съ нимъ удѣльной системы; иначе же Ярославу не зачѣмъ было повторять этотъ законъ въ особомъ завѣщаніи, еслибы онъ не замѣчалъ его ослабленія". Мысль вѣрная, объясняющая, почему Ярославъ возводитъ начало рода на степень политической системы. Но дальнѣйшія толкованія во многомъ произвольны. Порученіе великому князю наблюдать за неприкосновенностью удѣловъ не могло быть внушено Ярославу желаніемъ удержать его отъ стѣсненія удѣльныхъ князей. Будь это такъ, Ярославъ не далъ бы великому князю отеческой, т.-е. по тогдашнему очень большой власти надъ прочими. Если онъ и его отецъ Владиміръ сами на себѣ испытали своеволіе великихъ князей, тѣмъ менѣе захотѣлъ бы онъ подвергнуть тому же своихъ сыновей. А что онъ, „утверждая завѣщаніемъ неприкосновенность удѣловъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, молча дозволялъ удѣльнымъ князьямъ соединиться противъ великаго князя, еслибы онъ рѣшился посягнуть на какой либо удѣлъ"—это совершенно несправедливо и ни на чемъ не основано. Этотъ выводъ сдѣлали на фактѣ сами князья; по онъ былъ признакомъ разложенія кровны родовыхъ отношеній, которыя силился ут дить и упрочить Ярославъ.

Идя отъ ложнаго взгляда на отноше между князьями послѣ Ярослава, авторъ тянуто истолковалъ выступленіе Ростис изъ Тмуторакани, когда подошелъ къ Святославъ, отецъ Глѣба, выгнаннаго Р славомъ. Оно было только слѣдствіемъ ув нія племянника къ дядѣ,—уваженія, кото первый не могъ имѣть къ своему младш двоюродному брату; а г. Бѣляевъ вводит объясненіе начало территоріальное, вовс у мѣста, ибо о немъ не было тогда и рѣч За тѣмъ, преслѣдуя свою мысль о борьб ликокняжеской власти съ властью удѣльн князей, авторъ видитъ эту борьбу и т гдѣ данныя хранятъ о ней глубокое мо ніе: въ войнѣ Изяслава со Всеславомъ, томъ, что князья, разбитые половцами Альтѣ, бѣжали двое въ Кіевъ, а Святос въ Черниговъ, въ томъ, что изгнанный И славъ бѣжалъ не къ удѣльнымъ князь а къ королю польскому. Все это одно гадки, которыхъ ничѣмъ доказать нельз которыя, именно потому, не имѣютъ въ шихъ глазахъ никакой цѣны.—Старая, карамзинская, присказка о переводѣ кіевс торга на гору—будто это сдѣлалъ Изяс „изъ опасенія вторичнаго возмущенія" л лянъ, повторена и у г. Бѣляева, несм на то, что лѣтопись не говоритъ объ э ни слова.—На той же 53 страницѣ вс чаемъ противорѣчіе съ прежнимъ. Разска событія Изяславова княженія включите до его возвращенія изъ перваго бѣг авторъ говоритъ: „Итакъ Ярославовъ за и коренной исконный законъ старѣйшин нарушены: младшіе приказываютъ старш —и онъ исполняетъ ихъ требованія; на болѣе нѣтъ верховнаго главы; каждый уд есть уже самостоятельное, отдѣльное, в висимое государство; и только законъ род и почтеніе къ гробамъ предковъ, похорон ныхъ въ Кіевѣ, поддерживаютъ какую-то бую связь между князьями". А выше, на 43, мы находимъ вотъ что: „по тогдашн образу мыслей (XI вѣка) князь, получив удѣлъ, становился уже лицомъ самостоят нымъ, и удѣлъ его, отдѣленный старш княземъ отъ своего, болѣе уже не прин лежалъ старшему князю и никогда не м быть возвращенъ къ нему безъ наруше права". Одного сличенія этихъ двухъ мѣс

ршенно достаточно, чтобъ убѣдить насъ,
твердъ, дѣленъ взглядъ автора на время
овъ!

идомъ съ этимъ г. Бѣляевъ оказалъ зна-
льную услугу русской исторіи, обративъ
наніе на одинъ фактъ, доселѣ какъ-то
понятый, а между тѣмъ, замѣчатель-
— именно, на занятіе Святославомъ Бѣло-
а и Новгорода, которые прежде никогда
ринадлежали черниговскимъ князьямъ.—
ще усиленіе Святославова рода и упа-
его, когда Всеволодъ вступилъ на ве-
княжескій престолъ, очерчены очень
. „Завѣтъ Ярослава", говоритъ авторъ,
орымъ онъ думалъ поддержать на долго
ъ старѣйшинства, не просуществовалъ
ной четверти вѣка; въ продолженіе три-
наго княженія Изяслава все Ярославово
зло, и только старый законъ старѣйшин-
остался влачить дни свои, но уже не
себя, а для прикрытія новыхъ идей, къ
рымъ еще не привыкли люди". Какъ ни
о это замѣчаніе, но мы позволимъ себѣ
тить автору, что никто не прикрывалъ
старыми формами; онѣ падали, но еще
пали совершенно, и тѣ князья, которые
упали изъ прежняго порядка вещей, сами
сно созпавали свои новыя стремленія.
ъ вездѣ и всегда было; такъ было и у
. Это еще добросовѣстное лицемѣрство,
рое не удовлетворяется старымъ, но не
тъ еще новаго, и идетъ къ нему ощупью.
стр. 56 мы находимъ совершенно новый
идъ на Всеволода. До сихъ поръ онъ
какъ-то не замѣченъ. Г. Бѣляевъ на-
етъ его „хитрѣйшимъ изъ сыновей Яро-
овыхъ", „осторожнѣйшимъ изъ братьевъ",
рый умѣлъ противъ обоихъ сражаться, ни
днимъ не поссориться и незамѣтно уси-
свой родъ такъ, что по смерти Изяслава
сдѣлался самымъ могущественнымъ кня-
, и черезъ 15 лѣтъ владѣлъ чуть ли не
Россіею. Убійство Романа и отвезеніе
а половцами въ Константинополь, по
нію г. Бѣляева, было тоже дѣломъ хит-
Всеволода. Въ пользу этого мнѣнія, въ
мъ дѣлѣ, говоритъ усиленіе рода Всево-
вичей. Только трудно рѣшить, было ли
вслѣдствіе усилій родоначальника, или
сдѣлалось само собою, вслѣдствіе того,
Всеволодъ былъ однимъ изъ старшихъ
ей. Какъ бы то ни было, но усиленіе
олодова рода надъ всѣми другими давно
замѣчено, и на это есть данныя; а на
то, чтобъ это было дѣломъ самого Всеволода,
его дальновидной, осторожной и хитрой политики,—ничто не указываетъ. Далѣе находимъ мы критику одного извѣстія лѣтописи, но совершенно произвольную, ни на чемъ не основанную. Богъ знаетъ, отчего пришло г. Бѣляеву на мысль въ немъ усомниться. Лѣтопись говоритъ: Ярополкъ хотѣлъ идти на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтниковъ. А авторъ говоритъ: это невѣроятно, „ибо нигдѣ нѣтъ и помину о приготовленіи этого князя къ войнѣ"; конечно, онъ не могъ одинъ стоять противъ Всеволода, а у него союзниковъ не было и т. д. Вотъ что̀ называется сомнѣваться ни съ того, ни съ сего! „Гораздо естественнѣе", продолжаетъ г. Бѣляевъ, „согласиться, что властолюбивый и хитрый Всеволодъ тѣснилъ Ярополка, и послалъ Мономаха только потому, что племянникъ, можетъ быть, осмѣлился въ переговорахъ отстаивать права удѣльнаго князя; на это указываетъ и выходъ Ярополка въ Кіевъ за годъ передъ его мнимымъ возмущеніемъ". Ну, не правда ли, что русская исторія теперь представляетъ широкую арену для самаго необузданнаго произвола? Вздумалось одно приписать этой исторіи—и приписываютъ; вздумалось въ одномъ усомниться—и сомнѣваются; захочется то-то отвергнуть—и отвергаютъ. Фактъ ничего не значитъ, и на мѣстѣ его царитъ фантазія самая безграничная, какую только можно себѣ представить. Возмутился ли Ярополкъ, или нѣтъ, самъ по себѣ этотъ вопросъ такъ неваженъ, что надъ нимъ нечего долго останавливаться; но произвольные пріемы, съ которыми приступаютъ къ фактамъ, по истинѣ ужасны и производятъ грустное впечатлѣніе. Вызовъ Ярополка въ Кіевъ! Прочтите лѣтопись, она говоритъ просто: „Въ лѣто 6592 (1084) приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день". Гдѣ жъ *вызовъ*?— Далѣе тоже самое: „Ростиславичи, захвативше себѣ удѣлы, очевидно, противъ воли Великаго князя... зная, что, не усиливая своихъ удѣловъ, не могутъ существовать безопасно въ сосѣдствѣ съ сильнымъ Всеволодовымъ родомъ, они, при помощи Половцевъ, удачно воевали съ сосѣдями ляхами и на ихъ счетъ увеличивали свои удѣлы". Да какое же право имѣете вы, г. Бѣляевъ, дѣлать этотъ выводъ, когда источники на это не указываютъ, даже мимоходомъ, даже вскользь? Въ исповѣди Василька я вижу совсѣмъ противное. Что жъ это будетъ, если мы всѣ станемъ такъ тол-

ковать факты, не справляясь съ источниками? Есть ли хоть какая нибудь возможность такъ толковать?—Затѣмъ слѣдуетъ взглядъ на половецкія войны, очень вѣрный и основательный. Авторъ видитъ въ нихъ въ это время дѣло младшихъ удѣльныхъ князей, которые съ помощью половцевъ отстаивали свои права противъ Всеволода, великаго князя и его рода, — и видитъ это въ томъ, что князья другихъ родовъ не участвовали въ войнахъ съ половцами, а послѣдніе никогда не нападали на ихъ владѣнія. Но потомъ мы опять встрѣчаемъ совершенно произвольное предположеніе, что „Мономахъ, по смерти отца, нашелся вынужденнымъ уступить великокняжескій престолъ старшему изъ всѣхъ князей, Святополку". Почему же авторъ думаетъ, что Владиміръ былъ вынужденъ, а не добровольно это сдѣлалъ,—Владиміръ, который былъ идеаломъ тогдашнихъ князей, котораго такъ любили? Слова лѣтописи: Владиміръ началъ размышлять, говоря: если сяду на престолъ отца моего, то долженъ буду воевать съ Святополкомъ, потому что престолъ этотъ достался отъ его отца,—вовсе не доказываютъ мнѣнія автора; изъ нихъ только видно, что Владиміръ раздумывалъ, чье право лучше на Кіевъ. Такъ подъ перомъ г. Бѣляева факты совершенно измѣняютъ свой смыслъ! — На стр. 59 – 60 онъ говоритъ о панегирикѣ лѣтописца Всеволоду, и по этому поводу сравниваетъ послѣдняго съ Изяславомъ. Выпишемъ это мѣсто. Оно любопытно во многихъ отношеніяхъ:

„Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидя, любя правду; не бѣ въ немъ лъсти, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло". А вотъ и Всеволодъ: „Сіи бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогія, въздая честь Епископомъ и презвитеромъ, излихаже любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти". Какая разница между братьями: одинъ красивый, величественный, откровенный, простой, добродушный и, кажется, веселый въ жизни; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не выставляетъ воздержности въ числѣ его достоинствъ; другой же богомольный, видимо внимательный къ убогимъ, искательный передъ духовенствомъ, которое имѣло большое вліяніе на народъ, строгій къ самому себѣ въ отношеніи къ воздержанію и чистотѣ нравовъ, слѣдовательно, человѣкъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный. Это чуть не Ольгердъ XI вѣка; его, кажется, нельзя было застать въ расплохъ: онъ всегда ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами; ему далеко уступали въ политическомъ умѣ всѣ, окружавшіе его современники; но зато, какъ въ правителѣ народа, въ немъ не дос
многаго. Слишкомъ занятый княжескою поли
онъ, кажется, вовсе забылъ о народѣ; пр
тіуны грабили и продавали гражданъ, а онъ
малъ за нихъ вступиться и народъ очевидно
билъ его, и не проронилъ слезинки на его
нахъ, которые вотъ какъ описываетъ Н
„преставися тихо и кротко. Володимеръ
кася съ Ростиславомъ братомъ своимъ, сп
тѣло его, и собрашася Епископи и игумени,
норизьцы, и попове, и бояре, и простіи
вземше тѣло его, со обычными пѣсньми по
и въ Святѣй Софьи". Какъ все чинно и х
Гдѣ же любовь народная? Какое сравненіе
хоронами Изяслава, гдѣ, за плачемъ и вопле
роднымъ, не было слышно церковнаго пѣнія:
бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ
плака бо ся по немъ весь Кіевъ" (стр. 59 и

Прочитавши похвалы лѣтописи и т
другому князю, всякій скажетъ: об
своемъ родѣ, по тогдашнему, были хо
Что Изяславъ былъ веселый въ жи
никто не скажетъ, потому что изъ
нія лѣтописи этого извлечь нельзя. Но
же никто не скажетъ, что Всеволодъ
искателенъ передъ духовенствомъ,
что этого лѣтопись не говоритъ; та
никто не увидитъ, что Всеволодъ бы
ловѣкъ осторожный, скрытный, но о
не откровенный и не добродушный,
чуть не Олгердъ XI вѣка. Что онъ
дурной правитель, изъ лѣтописи то
видно, ибо она говоритъ, что онъ л
правду; она говоритъ также, что ему
много огорченій отъ племянниковъ;
огорченіяхъ поднялись и болѣзни,
всему этому приспѣвала старость. Тогд
чались хищничества и неправды пр
лей, о которыхъ онъ не зналъ въ б
няхъ своихъ. Гдѣ жъ тутъ мѣсто объ
нію, что Всеволодъ, „слишкомъ за
княжескою политикою, вовсе кажется
валъ объ народѣ?" Народъ могъ е
любить, положимъ (какъ ни трудно за
чить объ этомъ изъ того, что въ лѣт
не упоминается о плачѣ народа), но
этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ
таковъ, какимъ описываетъ его г. Бѣл
И тутъ вымыселъ, и тутъ фантазія
паетъ мѣсто дѣйствительныхъ предп
ній, основанныхъ на положительныхъ
по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ исто
скихъ данныхъ. Пропуская описаніе
жескихъ междоусобій, въ которомъ
безпрестанно встрѣчаемъ увертки, осн
ныя не на источникахъ, а на одних

нныхъ предположеніяхъ,—перейдемъ
исанію любечскаго съѣзда князей. О
что съѣздъ не былъ въ Кіевѣ, авторъ
тъ: „Это намекаетъ, что удѣльные
или не довѣряли Святополку и Мо-
у, или не хотѣли унизиться передъ
имъ княземъ, и считали его почти
мъ себѣ, каковымъ кажется и былъ
олкъ". Недовѣрчивость понятна; но
счетъ съ великимъ княземъ, послѣ
ода и передъ Мономахомъ, въ концѣ
ка,—кажется чистой фантазіей. По
й мѣрѣ, нѣтъ данныхъ для этой
Постановленія съѣзда разсказаны не-
льно. „На любечскомъ съѣздѣ", гово-
г. Бѣляевъ: „послѣ долгихъ споровъ
орыхъ ни слова въ лѣтописи), рѣши-
возстановить раздѣлъ Ярославовъ и
му роду возвратить свою отчину... со
областями, причисленными къ этимъ
ъ еще Ярославомъ". Послѣдняго тоже
ъ постановленіи съѣзда, сообщенномъ
лѣтописью, но прибавлено, что го-
розданные Всеволодомъ, остаются за
князьями, которые ихъ получили, и
ы трое: Давидъ и двое Ростислави-
Но какое дѣло автору до того, что го-
лѣтопись; ему понравилась мысль, что
кій съѣздъ долженъ былъ возстано-
Ярославову систему, и онъ продол-
„но кажется, возстановленіе Яро-
ой системы было только на словахъ"...
гся, Мономахъ о Ярославовой системѣ
не думалъ"... „Если бы Мономахъ
вполнѣ возстановить Ярославову си-
то ему всего лучше было" сдѣлать
и то-то. Приписать съѣзду цѣль, ко-
онъ не имѣлъ, да и варьировать на
зачѣмъ отъ этой цѣли отступили, и
еправильно сдѣлали, что отступили,—
ерхъ фантастическаго направленія из-
аній! Результатомъ съѣзда, по сло-
. Бѣляева, было то, что Мономахъ
алъ къ себѣ Святославичей. Но было
замышлено Владиміромъ, или это
само собою, вотъ чего нельзя рѣ-
тогда какъ именно это одно и мо-
дать намъ вѣрный взглядъ на харак-
замѣчательную личность Мономаха.
яевъ склоняется на первое предполо-
но онъ не правъ, ибо для этого
доказательствъ.

5 стр. и слѣдующей, авторъ входитъ въ
ныя изслѣдованія того мѣста Несто-
ровой лѣтописи, въ которомъ разсказываются событія трехлѣтней междоусобной войны, вспыхнувшей послѣ княжескаго съѣзда въ Любечѣ. Онъ утверждаетъ, что все это описаніе, начиная отъ словъ: „и приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради быша людье вси" (стр. 109 по изд. Арх. Коммис.), до словъ: „но даша ему Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава" (стр. 116, тамъ же) — позднѣйшая вставка, не принадлежащая къ первоначальному тексту Нестора. Это доказываетъ г. Бѣляевъ безпорядкомъ въ разсказѣ происшествій, отсутствіемъ хронологіи, наконецъ, языкомъ этой вставки, рѣзко отличающимся отъ Несторова. Выходитъ, что собственно въ лѣтописи нѣтъ перерыва; краткія повторенія происшествій внесены только для того, чтобы дополнить промежутокъ, оставленный переписчикомъ, который весь разсказъ событій за три года вмѣстилъ подъ однимъ годомъ, и переходя опять къ Несторову повѣствованію, долженъ былъ подъ двумя недостающими годами выставить сокращенное повтореніе событій, уже разсказанныхъ прежде. Что на этомъ перерывѣ не прекращается лѣтопись—доказывается продолженіемъ, написаннымъ совершенно въ одномъ духѣ съ предыдущимъ разсказомъ, до вставки. Судить о томъ, до какой степени г. Бѣляевъ правъ, мы не рѣшаемся, и предоставляемъ это филологамъ и спеціалистамъ по этой части. Замѣтимъ только, что различныя мнѣнія о Несторовой лѣтописи до такой степени размножились, такъ они разнообразны и часто такъ причудливы, что давно бы пора свести ихъ, сличить между собою, провѣрить данныя, на которыхъ они основываются; словомъ, подвести полный ученый итогъ подъ тѣмъ, что уже сдѣлано, и уже потомъ твердо идти впередъ. А то мы все строимъ и строимъ, такъ что почва изчезла подъ ногами, и карточные домики получили право гражданства между великолѣпными зданіями. На стр. 69 произволъ толкованій различныхъ мѣстъ лѣтописи опять невольно поражаетъ читателя: почти рядомъ стоятъ слова, противорѣчащія другъ другу. Святополкъ, великій князь кіевскій, поймалъ измѣнически Ярослава Ярополковича и посадилъ его въ тюрьму. Г. Бѣляевъ говоритъ: „Это событіе замѣчательно потому, что служитъ прямымъ свидѣтельствомъ

высшей власти родоначальника, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ главѣ своего рода; другіе же не имѣли права вступиться въ родовыя расправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и засаженъ въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву". Теперь просимъ сравнить съ этими словами то, что сказано нѣсколько строкъ выше. „Изъ Несторова разсказа... видно, что на обоихъ съѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ великимъ княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, даже иногда явно противъ великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши великимъ княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и то же время опорою великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права". Если Владиміръ былъ „главнымъ представителемъ всѣхъ удѣльныхъ князей", и они „безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ", какимъ бы образомъ онъ не имѣлъ права „вступаться въ родовыя расправы?" Если онъ былъ „защитникомъ удѣльнаго права", какимъ образомъ онъ не вмѣшался въ это дѣло? Ясно, что авторъ писалъ всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго мѣста; иначе онъ не могъ бы такъ себѣ противорѣчить. Эта манера, къ несчастію, сильно вкоренившаяся въ нашихъ изслѣдователяхъ, и есть причина, почему такъ мало дѣльнаго сказано у насъ о періодѣ удѣловъ, и почему факты обросли непроницаемой корой самыхъ неестественныхъ толкованій. Вы объяснили себѣ одинъ фактъ; глядь—рядомъ другой, который ему противорѣчитъ. Забывши первое толкованіе, вы пріискиваете ближайшее. Изъ цѣлаго выходитъ нѣчто несвязное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ исполненное смысла въ частяхъ, что и не знаешь, какъ найтись въ этомъ лѣсу. Начни кто-нибудь смотрѣть проще, пусть смететъ весь этотъ хламъ очень умныхъ, но ни къ чему не ведущихъ толкованій или, лучше сказать, *прибавленій* къ лѣтописи и источникамъ, и посмотрите тогда, какъ, во-первыхъ, сократятся величественные размѣры нашей отдаленной старины, и какъ всѣ послѣдующія событія окажутся просты естественными. Но теперь мы ходим какомъ-то чаду, изъ-за котораго не мо ничего разглядѣть; это умственное оп ніе, при которомъ голова создаетъ ист а не факты.

Вотъ вся статья г. Бѣляева. Про извиненія у читателей за утомленіе, рое произвелъ на нихъ нашъ разборъ. сами страшно утомились, слѣдя шаг шагъ за авторомъ, но нечего было дѣ Видѣть такія явленія въ нашей исто ской литературѣ, такое печальное пр женіе цѣлой вереницы старыхъ—очень пріятно, потому что они только затем дѣло, увеличивая число невѣроятныхъ тезъ, невозможныхъ и ни на чемъ не ванныхъ предположеній. Тѣмъ непрія намъ думать, что такую статью напи г. Бѣляевъ, который другими своими с ями пріобрѣлъ полное право на призна ность и уваженіе всѣхъ занимающихся ской исторіей.

Вторая статья „о Галиціи и Лодом (въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ) надлежитъ извѣстному датскому исто Суму и переведена на русскій языкъ тоіереемъ Сабининымъ. Статья очень ная, хотя и съ ошибками, но до такой пени сухая, безрезультатная, что вряд у кого нибудь достанетъ терпѣнія про ее. Это не разсужденіе, а компиляція источниковъ.

Третья статья—„Троицкіе походы" смѣси), сочиненіе г. Забѣлина. Мы съ осо нымъ удовольствіемъ читали ее и пр въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ про шемъ году, и съ новымъ удовольстви перечитали теперь. Въ этомъ изданіи кажется, не подверглась значительным мѣненіямъ, хотя, по свидѣтельству ав сдѣланы поправки и значительныя допо нія въ концѣ, въ видѣ приложеній. *Ш дами* назывались въ до-Петровской Р путешествія, предпринимаемыя царями царскимъ дворомъ въ монастыри, обит пустыни для богомолья. Г. Забѣлинъ с салъ одинъ изъ такихъ походовъ въ Сер ву Троицкую Лавру. Его методъ изло чрезвычайно простъ, и именно поэтому обыкновенно увлекателенъ, живописенъ разсказываетъ походъ хронологически, чиная съ первыхъ приготовленій до в щенія въ Москву. Надъ каждымъ слов

…емъ или обрядомъ, теперь непонят-
…, онъ останавливается и объясняетъ
…овременными актами и памятниками.
… всѣ разсказы такого рода, эти описа-
…живо характеризуютъ эпоху и людей
…реформы; старая Русь какъ будто ожи-
… передъ вашими глазами, и многое не-
…гное черезъ такое наглядное изученіе
…ется вдругъ понятнымъ. Мы высоко
…мъ статью г. Забѣлина и рекомендуемъ
…рочитать всѣмъ любителямъ русской
…ины, особенно ревностнымъ ея защит-
…мъ. Это одно изъ лучшихъ дополненій
…артинѣ, изображенной Котошихинымъ, и
…тлѣніе ея не менѣе тягостно. Церемо-
…ность, китаизмъ всей этой жизни, при-
…енный какой-то непонятной наивностью
…бродушіемъ, или, правильнѣе, благоду-
…ъ, проступаютъ въ каждой чертѣ яр-
… красками. Такъ и чувствуешь, читая
…то живешь въ то время.

…конецъ, въ смѣси же, находимъ статью
…йнаго Венелина: „Окружные жители Бал-
…аго моря“. Это продолженіе ученаго
…, котораго начало помѣщено въ 4-й
…кѣ; но тамъ шла рѣчь объ Леттахъ, а
… о славянахъ. По спокойствію тона, по
…сти и удачности пріемовъ, это едва ли
…дно изъ лучшихъ сочиненій Венелина.
…наемъ, когда статья написана, но ея
…сть, отсутствіе выходокъ въ пользу сла-
… и противъ нѣмцевъ, серьёзный ученый
…дъ на вещи, — все заставляетъ думать,
…она относится къ числу его послѣднихъ
…зведеній. Мы видимъ здѣсь Венелина
… бы почившаго на лаврахъ, достигшаго
…, какъ бы уже совершившаго свой под-
… Нельзя не сказать здѣсь къ слову, что
… замѣчательный человѣкъ до сихъ поръ
…цѣненъ еще, какъ должно. Онъ одинъ
…ервыхъ у насъ началъ отыскивать слѣды
…бшихъ или переродившихся славянскихъ
…енъ и снимать ложный покровъ, кото-
… славяне были заслонены въ исторіи.
…да, многое онъ преувеличилъ, много
… парадоксовъ въ исторію; но не забу-
…, что у насъ Венелинъ первый пошелъ
…тому пути, со всѣмъ энтузіазмомъ пыл-
… и односторонняго человѣка. Онъ не при-
…ежалъ къ теоретикамъ-славянофиламъ,
…й безплодной, безрезультатной отрасли
… направленія,—а къ историкамъ, и ока-
… услугу уже тѣмъ, что поднялъ вопросъ,
…илъ изслѣдованія. Такъ же несправед-
ливо было бы называть его отцомъ теперешняго славянофильскаго направленія, какъ смѣшивать между собою двѣ стороны, которыя въ немъ слились и рѣдко кѣмъ отдѣляются, а однако, вытекли изъ разныхъ источниковъ: мы разумѣемъ стороны собственно историческую и философскую. Первая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, принесетъ свои обильные плоды, когда историческіе славянскіе вопросы будутъ обработаны, какъ слѣдуетъ. Исторія славянскихъ племенъ, какъ можно предвидѣть уже теперь, послужитъ важнымъ дополненіемъ къ европейской исторіи и объяснитъ въ ней многое, что доселѣ мало обращало вниманія европейскихъ историковъ, потому только, что не было преобладающимъ въ жизни европейскихъ народовъ и рано заслонено другимъ. Вторая, теоретическая или философская сторона славянофильскаго направленія есть эфемерное произведеніе нашего переходнаго времени и пройдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ статьѣ о прибалтійскихъ славянахъ, Венелинъ географически возстановляетъ древнюю прибалтійскую Славонію, теперь онѣмечившуюся, которая простиралась на западъ за Эльбу (Лабу). По нѣкоторымъ замѣткамъ на латинскомъ языкѣ видно, что въ „Чтеніяхъ“ напечатана черновая рукопись этого сочиненія, которую авторъ намѣренъ былъ еще обработывать. Такъ на стр. 88 сказано: Adjicienda quaedam de Rugis, Runis et Ranis. Странно, какъ подумаешь что теперь такая статья легко можетъ пройти незамѣченною, или ее прочитаютъ одни дилетанты и знатоки дѣла, а лѣтъ двадцать тому назадъ она возбудила бы жаркіе толки, сильную полемику, которая отозвалась бы во всей читающей публикѣ. По такимъ только сближеніямъ можно замѣтить, какъ мы быстро движемся впередъ. Вопросы, когда-то первостепенные, теперь утратили это значеніе и сошли со сцены. Они не умерли, но кругъ ихъ стѣснился, уступивъ мѣсто другимъ интересамъ. Теперь настаетъ то время, когда недавніе еще дѣятели, бывшіе предметомъ ненависти или неумѣренныхъ похвалъ, будутъ оцѣнены безъ предубѣжденія и пристрастія. Между ними, конечно, Венелинъ займетъ не послѣднее мѣсто.

Остальную часть книжки наполняютъ: дополненіе къ статьѣ преосвященнаго Филарета о Кириллѣ и Меѳодіи. Здѣсь разрѣшается вопросъ, какія шестьдесятъ „уставныхъ книгъ“ были переведены Меѳодіемъ съ

высшей власти родоначальника, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ главѣ своего рода; другіе же не имѣли права вступиться въ родовыя расправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и засаженъ въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву". Теперь просимъ сравнить съ этими словами то, что сказано нѣсколько строкъ выше. „Изъ Несторова разсказа... видно, что на обоихъ съѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ великимъ княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, даже иногда явно противъ великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши великимъ княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и то же время опорою великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права". Если Владиміръ былъ „главнымъ представителемъ всѣхъ удѣльныхъ князей", и они „безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ", какимъ бы образомъ онъ не имѣлъ права „вступаться въ родовыя расправы?" Если онъ былъ „защитникомъ удѣльнаго права", какимъ образомъ онъ не вмѣшался въ это дѣло? Ясно, что авторъ писалъ всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго мѣста; иначе онъ не могъ бы такъ себѣ противорѣчить. Эта манера, къ несчастію, сильно вкоренившаяся въ нашихъ изслѣдователяхъ, и есть причина, почему такъ мало дѣльнаго сказано у насъ о періодѣ удѣловъ, и почему факты обросли непроницаемой корой самыхъ неестественныхъ толкованій. Вы объяснили себѣ одинъ фактъ; глядь—рядомъ другой, который ему противорѣчитъ. Забывши первое толкованіе, вы пріискиваете ближайшее. Изъ цѣлаго выходитъ нѣчто несвязное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ исполненное смысла въ частяхъ, что и не знаешь, какъ найтись въ этомъ лѣсу. Начни кто-нибудь смотрѣть проще, пусть смететъ весь этотъ хламъ очень умныхъ, но ни къ чему не ведущихъ толкованій или, лучше сказать, *прибавленій* къ лѣтописи и источникамъ, и посмотрите тогда, какъ, во-первыхъ, сократятся величественные размѣры нашей отдаленной старины, и какъ всѣ послѣдующія событія окажутся про
естественными. Но теперь мы хо
какомъ-то чаду, изъ-за котораго не
ничего разглядѣть; это умственное
ніе, при которомъ голова создаетъ
а не факты.

Вотъ вся статья г. Бѣляева.
извиненія у читателей за утомлені
рое произвелъ на нихъ нашъ разб
сами страшно утомились, слѣди
шагъ за авторомъ, но нечего было
Видѣть такія явленія въ нашей
ской литературѣ, такое печальное
женіе цѣлой вереницы старыхъ—о
пріятно, потому что они только зат
дѣло, увеличивая число невѣроятны
тезъ, невозможныхъ и ни на чемъ
ванныхъ предположеній. Тѣмъ не
намъ думать, что такую статью
г. Бѣляевъ, который другими свои
ями пріобрѣлъ полное право на при
ность и уваженіе всѣхъ занимающи
ской исторіей.

Вторая статья „о Галиціи и Ло
(въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріало
надлежитъ извѣстному датскому
Суму и переведена на русскій язы
тоіереемъ Сабининымъ. Статья очен
ная, хотя и съ ошибками, но до та
пени сухая, безрезультатная, что вр
у кого нибудь достанетъ терпѣнія
ее. Это не разсужденіе, а компиля
источниковъ.

Третья статья—„Троицкіе похо
смѣси), сочиненіе г. Забѣлина. Мы съ
нымъ удовольствіемъ читали ее и
въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ
шемъ году, и съ новымъ удовол
перечитали теперь. Въ этомъ издан
кажется, не подверглась значительны
мѣненіямъ, хотя, по свидѣтельству
сдѣланы поправки и значительныя д
нія въ концѣ, въ видѣ приложеній.
дами назывались въ до-Петровской
путешествія, предпринимаемыя царя
царскимъ дворомъ въ монастыр
пустыни для богомолья. Г. Забѣлин
салъ одинъ изъ такихъ походовъ въ
ву Троицкую Лавру. Его м
чрезвычайно простъ, и им
обыкновенно увлекателен
разсказываетъ походъ
чиная съ первыхъ приго
щенія въ Москву. Надъ

греческаго языка на славянскій. Ученый авторъ статьи доказываетъ, основываясь на Дамаскинѣ, что эти книги были каноническія, а не апокрифическія. Далѣе—опись книгъ, поступившихъ въ 1676 году въ патріархальную ризную казну изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья. Эта опись современная и сообщена Обществу членомъ его, г. Ундольскимъ. Въ библіографическомъ отношеніи она, во всякомъ случаѣ, интересна. Видно, что въ библіотекѣ, составленной патріархомъ Никономъ, были книги греческія, греко-латинскія, польскія и славянскія, и въ томъ числѣ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, классики, большею частью греческіе. Наконецъ, два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ изъ Шуи, и извѣстіе объ усыпальницѣ (мѣстѣ погребенія) рода Собакиныхъ, которые были въ свойствѣ съ Іоанномъ Грознымъ.

Шестая и седьмая книжки „Чтеній“ содержатъ въ себѣ много любопытнаго для исторіи казачества Великороссіи и другихъ славянскихъ земель.

Исторія Малороссіи и казачества обогатилась продолженіемъ лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи генералъ-майора Ригельмана и разными матеріалами, заимствованными изъ портфелей Миллера. „Повѣствованіе“ Ригельмана доведено до 3-й части. Въ шестой книжкѣ помѣщена третья книга этого сочиненія, въ которой авторъ разсказываетъ войны малороссійскихъ казаковъ съ Польшей, по малороссійскимъ источникамъ, вступленіе Хмѣльницкаго съ украинскими казаками въ подданство Россіи и дальнѣйшую исторію Малороссіи до смерти Хмельницкаго и принятія Виговскимъ гетманскаго званія. Въ седьмой книжкѣ напечатана четвертая книга „Повѣствованія“, обнимающая событія при Виговскомъ, Юріи Хмѣльницкомъ и Брановецкомъ, до избранія въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго. Объ этой части сочиненія Ригельмана должно сказать то же, что и о первой. Оно имѣетъ свои достоинства, особливо какъ собраніе матеріаловъ. Многіе весьма любопытные акты отпечатаны здѣсь цѣликомъ, что̀, конечно, весьма важно. Но Ригельманъ не историкъ, онъ даже не имѣетъ историческаго смысла. Все его вниманіе сосредоточено на описаніи походовъ и военныхъ дѣйствій; внутреннія измѣненія въ тогдашней Малороссіи онъ только разсказываетъ, не задавая себѣ даже вопроса, какъ он исходили и по какимъ причинамъ. глубина тогдашней жизни Украйны, к Конисскій освѣщаетъ иногда нѣско рѣзкими, характеристическими чертами Ригельмана закрыта; самыя противор событія разсказаны у него въ хроно скомъ порядкѣ, съ невозмутимымъ ствіемъ, и подведены подъ одинъ пол ціальный тонъ, искажающій ихъ нас смыслъ. Изъ всего этого должно зак что Ригельманъ назначалъ свое сочине печати; иначе трудно объяснить ум происшествій, которыхъ не могъ не зн ловѣкъ, такъ хорошо знакомый съ М сіей и ея исторіей.

Особеннаго вниманія заслуживают ріалы для исторіи Малороссіи и Запо напечатанные въ шестой книжкѣ „Ч изъ портфелей Миллера. Между ним вое мѣсто занимаетъ „Исторія о козак порожскихъ“, составленная, по мнѣнію дянскаго, тоже Ригельманомъ. Это ніе, какъ исторія, неважно и наполне нями, но оно содержитъ въ себѣ дра ныя извѣстія о внутреннемъ бытѣ Запо которыми, можетъ быть и не изъ этого ника, такъ геніально воспользовался въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Въ послѣднее какъ сначала всѣ казаки, запорожцы не брака, даже не пускали женщинъ в жилища. Войско комплектовалось дѣтьм торыхъ тамошніе казаки тайно увозил Малороссіи и обучали казачеству,—добр ными пришельцами отовсюду, дезерти потому „между онымъ запорожскимъ скомъ“ находилось „многихъ націй хра скихъ народу“. Никто не зналъ его ч каждый приходилъ, *казаковалъ* сколь тѣлъ и оставался или уходилъ назадъ,— не записывали. Часто бывало, что казак лучались изъ Сѣчи для промысловъ ил бычи года на два, на три, а иногда п дали безъ вѣсти. Одни „старые и добрые заки, люди зажиточные, отлучаясь въ У россію или Польшу, брали паспорты от шеваго; но это не мѣшало имъ остав навсегда тамъ, куда они отъѣзжали. По всѣмъ первоначальнымъ вольнымъ общин запорожцы имѣли своихъ подданныхъ, са скихъ казаковъ, съ которыми обраща жестоко; отсюда возстанія, кровопроли разореніе Сѣчи. Политическая зависи не обуздывала запорожцевъ. Отдавши

ство крымскому хану, они часто напа-
а крымцевъ, грабили ихъ, убивали и
и цѣлые табуны лошадей и скота. За
и отплачивались большими деньгами
ли заплатить было нечѣмъ, а войско
ѣло внести извѣстной суммы,—винова-
давался татарамъ головою. Отъ вре-
о времени ханы присылали въ Сѣчу
чиновниковъ, которые пріѣзжали съ
й свитой, никогда не менѣе 200 че-
, и сколько бы времени они ни оста-
казаки содержали ихъ на свой счетъ,
отъѣздѣ подносили имъ дары.
казъ о внутреннемъ бытѣ Запорожья
айно интересенъ. Оно состояло подъ
ствомъ войсковаго *старшины*, кошеваго
а, и войсковыхъ: судьи, писаря и
—и дѣлилось на курени, управляемые
ами атаманами. Всѣ дѣла, особенно
или чрезвычайныя, рѣшались общими
ями войска, которыя назывались *ра-
сходками*. Рады были обыкновенныя
ычайныя. Первыя созывались 1-го ян-
ъ день Покрова, храмовой праздникъ
кья, и на праздникъ Пасхи. Послѣд-
рады не имѣли другихъ занятій, кромѣ
я войскового старшины, и потому не
ись, когда въ этомъ не было нужды.
варьскую раду держали непремѣнно.
, кромѣ избранія старшины, происхо-
аздѣлъ по жеребьямъ между куренями
рѣкъ, состоявшихъ во владѣніи войска.
предметъ былъ потому особенно ва-
ито рыболовство съ военными похо-
оставляло главный предметъ занятій
Казаки куреня, которому досталась
стокъ извѣстная рѣка или часть ея,
ли права ловить рыбу въ чужомъ
. Такимъ образомъ, онъ ежегодно пе-
ъ отъ одного куреня къ другому,
ь Великороссіи земляные участки дѣ-
и отчасти теперь дѣлятся между
нами. Созывъ рады походилъ на сборъ
Посереди замка, у церкви, есаулъ
алъ знамя, довбышъ или политавр-
билъ сборъ, и народъ сходился. Вы-
аршины производился въ отсутствіи
въ и знатныхъ казаковъ, которые
надѣяться на избраніе; въ немъ уча-
одно „самое грубое простонародье“.
вшись въ выборѣ, оно отправляло
овъ къ избираемому.

дутъ человѣкъ десять или и болѣе, самыхъ
пьяницъ, въ курень тотъ, гдѣ онъ живетъ (избираемый Кошевой), и будутъ просить его, дабы онъ принялъ такую на себя честь; и ежели онъ добровольно не пойдетъ, то его по два человѣка ведутъ подъ руки, а двое или трое сзади пихаютъ и въ шею толкаютъ, и ругательно бранятъ: „иди, ск. с.! намъ бо тебе треба, ты нашъ батько; будь паномъ!“ А иному хотя не весьма охотно, однако принужденъ итти, и какъ придутъ въ Раду... то и палицу (знакъ власти Кошеваго) ему въ руки давать будутъ, токмо тотъ новоизбранный ихъ Кошевой, по ихъ древнему обыкновенію, не принимаетъ палицы въ руки два раза... Нѣкоторые изъ онаго народа старые казаки землею, ежели же въ ту пору случится быть дождю, или какому ненастью, то и грязью его голову мажутъ“.

Если казаки, напротивъ, были довольны прежними старшинами, то говорили имъ: „Вы наши паны добрые; треба вамъ надъ нами пановать“. Такъ, даже въ этомъ высшемъ братствѣ, управляемомъ выборными, власть имѣла какой-то патріархальный характеръ, и правитель, котораго участь зависѣла отъ братства, былъ, пока управлялъ, отцомъ-господиномъ.

Чрезвычайныя рады для низложенія старшины созывались самимъ народомъ, но точно такимъ же порядкомъ, посредствомъ барабаннаго боя. Если казаки „сбрасывали“ старшину за неисправность, то говорили: „онибо (т.-е. старшина), негодныя дѣти, войсковаго хлѣба наѣлись“. Но случалось, что курени, раздѣлявшіеся на вышніе и нижніе, не соглашались между собою въ низложеніи и выборѣ старшины.

„И зато у нихъ между собою сдѣлается ссора и драка; и какъ въ драку вступять, то старшина вся уйдетъ изъ Рады по куренямъ, и въ то время драка бываетъ между ими великая, гдѣ и смертно другъ друга убиваютъ; и какъ весьма раззадорятся, то не токмо людей, но сильная сторона у немощной стороны курени ломаютъ и прочія имъ великія обиды и раззоренія чинятъ, и которая сторона пересилитъ или переспоритъ, то съ той стороны Кошеваго и прочую старшину выбираютъ, или по прежнему старыхъ поставляютъ“.

„Также когда о походѣ или о разъѣздахъ Рада случится, то превеликой крикъ отъ нихъ бываетъ, пока согласятся. Тутъ же упоминаютъ, яко бы жалованье Ея Императорскаго Величества присылается большое, а старшина себѣ таитъ, и тогда Кошевой и прочая старшина много говорить не смѣетъ, хотя что и говорятъ, токмо не съ грубостію, опасаяся, дабы съ старшинства ихъ не скинули и не убили. А иногда во оныхъ Радахъ бываетъ, что Кошеваго, или прочую старшину скидываютъ, и когда оныя Рады ни собираются, то завсегда съ великимъ крикомъ и грубостію производятъ“.

Вообще рады были до того неправильны, что авторъ, разсказавъ, какъ нѣкоторыя про-

исходили, прибавляетъ: „прочіе же рады бываютъ у нихъ, такожъ и выборъ Кошеваго и прочей старшины, разнымъ образомъ, что аккуратно здѣ и показать не можно".

Сходки имѣли въ Запорожьѣ особенное, техническое значеніе. Такъ назывались малые совѣты, въ противоположность большимъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, все войско принимаетъ участіе. Сходки собирались у куреня, гдѣ жилъ кошевой, въ присутствіи всѣхъ атамановъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было посовѣтоваться о походахъ, разъѣздахъ или какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ; а старшина и атаманы не считали нужнымъ созывать раду. Часто бывало, что сходки кончались ничѣмъ, и совѣты начальниковъ оставались безъ дѣйствія.

Бывшіе однажды старшиной, т.-е. кошевыми,—судьей, писаремъ, есауломъ или атаманомъ, даже по смѣнѣ, сдѣлавшись опять простыми рядовыми казаками, пользовались уваженіемъ и отличіемъ въ цѣломъ войскѣ; при погребеніи въ честь ихъ давали одинъ выстрѣлъ изъ пушки, а изъ ружей стрѣляли больше, чѣмъ по простыхъ казакахъ.

Каждый курень имѣлъ своего особливаго (куренного) атамана. Власть его была велика: онъ имѣлъ на своихъ рукахъ деньги и платье своихъ куренныхъ казаковъ, могъ бить ихъ и уважался, какъ отецъ. Его приказанія больше значили для казаковъ, чѣмъ повелѣнія войсковаго старшины. Но этой властью пользовался атаманъ, пока казаки были имъ довольны, а когда нѣтъ,—они его „скидывали" и избирали другого, непремѣнно изъ казаковъ того же куреня, и никому не было до этого дѣла, никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ такія перемѣны.

Какъ во всѣхъ русскихъ православныхъ общинахъ и владѣніяхъ, духовенство не имѣло въ Запорожьѣ никакой власти. Изъ межигорскаго кіевскаго монастыря присылались въ Сѣчу ежегодно по два священника и по два дьякона, которые повиновались старшинѣ и состояли подъ его приказаніями; „и прочіе жъ казаки предъ ними почтеніе имѣютъ, а другіе, грубые, болѣе досаждаютъ, нежели почитаютъ". Если войско было недовольно присланными священниками или дьяконами, оно отправляло ихъ назадъ и оставляло у себя прежняго. Духовенство содержалось службами и требами. Какъ во всей Россіи, и въ Запорожьѣ казаки, умирая, отказывали значительныя имѣнія церкви, межигорскому монастырю и духовенству. пѣвчихъ была устроена въ Сѣчѣ шк Всѣхъ пѣвчихъ было до тридцати челов они имѣли одинакое устройство съ казач войскомъ, двухъ атамановъ—одного большими, другого надъ малыми пѣвчим этихъ атамановъ пѣвчіе смѣняли и выб ли изъ своей среды такъ же произвол какъ курени своихъ куренныхъ.

Старшины въ частной жизни ничѣм отличались отъ прочихъ казаковъ; они въ своихъ куреняхъ и ѣли вмѣстѣ съ куренными казаками за однимъ столомъ. В чемъ, они пользовались извѣстными дох ми, можетъ быть, въ видѣ вознагражд за промыслы, которыми не могли занима будучи въ должности; по крайней мѣр жется, что жалованье, въ теперешнемъ лѣ слова, не было извѣстно запорожц Эти доходы состояли въ опредѣленномъ съ разныхъ товаровъ, привозимыхъ въ изъ Малороссіи, Польши и Крыма; ка покупавшіе и продававшіе вино, давали стную его часть (которая называлась *пос ным* виномъ) старшинѣ и куренному ману; потомъ старшинѣ отдавались так зываемыя „приблудныя лошади" (т.-е. бредшія въ Сѣчу), если хозяинъ их являлся въ продолженіе трехъ дней. Вы за казака, прикованнаго за воровство къ зорному столбу, поступалъ тоже старш Далѣе, каждая жалоба сопровождалась которымъ малымъ процентомъ". Возвраща съ промысла съ богатой добычей, ка обыкновенно дарили сколько-нибудь стар нѣ; это не было обязанностью, но обыча Кромѣ того, старшины получали пода отъ шинкарей, продавцовъ браги, мясни калачниковъ, и поклонное или *ралец* день Рождества Христова. Наконецъ, пра тельство давало имъ по тогдашнему боль жалованье и предоставляло перевозъ че Днѣпръ, съ котораго они собирали на пошлины. Куренные атаманы имѣли по такіе же доходы, да кромѣ того, отдав въ наемъ шинкарямъ и мелкимъ торговц лавки и избы на базарѣ; имъ принадлежа также сборъ съ котловъ (винокуренных деньги за отдачу въ наемъ кубовъ (въ о саніи сказано *дубовъ*; кажется, это опечат Но зато на атаманахъ лежала тяжелая о занность содержать цѣлый курень въ испр ности, во всѣхъ отношеніяхъ.

Запорожскіе казаки проживали въ ку

—„форштатѣ“ или въ отъѣзжихъ про-
ахъ. Куренные жили общиной и ѣли за
мъ столомъ, изготовленнымъ на курен-
деньги. Занимавшіеся торговлей или ре-
ами въ городѣ помѣщались въ особыхъ
хъ. Замѣтивъ оплошность или безсиліе
атарахъ, полякахъ, казаки собирались
ной партіей, дѣлали набѣгъ и возвра-
ись въ Сѣчу дѣлить добычу между участ-
ми похода.

I по раздѣлѣ бываетъ у нихъ великое веселіе,
огіе дни гуляютъ, пьютъ, ходятъ по улицамъ,
ать, объявляя свою храбрость, и за ними но-
въ ведрахъ и котлахъ вареное съ медомъ и
ное хлѣбное вино, а по ихъ названію горѣлку,
и медъ, и притомъ за ними ходятъ преогром-
музыка и школьники съ пѣніемъ; и ежели кто
ми встрѣтится, то всѣхъ подчиваютъ, и про-
на горѣлку и на прочее питіе; а ежели кто
удетъ пить, то бранятъ ругательно, хотя его
знаютъ, какой бы онъ человѣкъ ни былъ,
о подчиваютъ, и въ такомъ своемъ веселіи и
іи чрезъ немногіе дни, удивленія достойно,
они прогуливаютъ великую сумму денегъ, и
мо что полученную добычь, но и старое что
ть въ забыкомъ своемъ пьянствѣ пропиваютъ
дятъ отгого въ великіе долги, платя такъ за
ки, такъ и музыкантамъ и пѣвчимъ“.

одно нажитое грабежами, но и тор-
ей прогуливалось такимъ образомъ. Тор-
ы, мастеровые получали большой барышъ,
му что перепродавали товаръ необыкно-
дорого; но впрокъ это не шло: барышъ
илъ на вино и веселье. Вообще казаки
нали налагаемыхъ посильныхъ работъ,
всегда находятся въ гуляньи и въ своемъ
окойномъ пьянствѣ, въ чемъ и жизнь
до конца такъ провождаютъ“. При
ь образѣ жизни, запорожцы, разумѣется,
страшно безпечны, не остерегались
олько отъ непріятелей и потому часто
ергались грабежамъ со стороны татаръ,
удро разсуждая, „что и они у татаръ
жде могутъ завсегда свои реванжи сы-
ать“.

порожцы управлялись обычаями, и то не
санными; писанныхъ законовъ у нихъ не
. Судъ производился войсковымъ стар-
ой. Главнымъ преступленіемъ считалось,
казакъ убьетъ казака. За это „убійцу
го кладутъ подъ гробъ убіеннаго, и обо-
землею засыпаютъ“. Но хорошихъ ка-
въ войско освобождало отъ этого нака-
и присуждало къ другому. За воров-
между казаками виновнаго привязывали
лощади къ позорному столбу и держали
здѣсь до уплаты цѣны покраденнаго, и во
всякомъ случаѣ не менѣе трехъ дней. За
большое и нѣсколько разъ повторенное во-
ровство вѣшали. Разсказъ о томъ, какъ по-
ступали съ выставленнымъ къ столбу, такъ
оригиналенъ, что мы не можемъ не выпи-
сать его здѣсь отъ слова до слова:

„Во время его (виноватаго) стоянія ходятъ ми-
мо его множество козаковъ: иные проходятъ мимо
его, ничего ему не учиня, а другіе напився пьяны,
приходя къ нему, немилостиво его бьютъ и всяче-
ски его ругаютъ; а иные приходятъ къ нему по
обычайнымъ своимъ пьянствамъ съ горѣлкою и ко-
лачами, и поятъ его и колачи ему даютъ, а иные
и деньги; и хотя тому пить уже не въ охоту, од-
накожъ онъ принужденъ пить, понеже пьяницы
кричатъ ему: „пый, ск. с. злодѣю! Якъ не будешь
пыть, то будемъ ск. с. быть“. И какъ оный напьется,
то оные пьяницы скажутъ: „дай же мы, брате,
трохы тебе побьемъ“ и хотя онъ проситъ у нихъ
милости токмо оные пьяницы ему говорятъ: „А за
щожъ, ск. с., горѣлкою тебе поили? Якъ тебе по-
пить, то треба и быть“, и часто случается, что
чрезъ сутки онаго злодѣя убьютъ до смерти. А
инымъ такимъ злодѣямъ, привязаннымъ у столба,
бываетъ, по счастью ихъ, что никто ихъ ни чѣмъ
не оскорбитъ, но еще получатъ себѣ нѣкоторыя
деньги отъ пьяницъ“.

За противоестественныя преступленія привязывали къ столбу и убивали до смерти, а имѣніе конфисковали на войско. Наконецъ, если торговцы продавали свои товары слишкомъ дорого или не по установленной цѣнѣ, старшина и атаманъ дозволяли ихъ грабить, и грабежъ, разумѣется, оканчивался совершеннымъ истребленіемъ всего имущества несчастнаго купца.

Вотъ каковъ былъ внутренній бытъ запорожскаго войска еще въ XVIII вѣкѣ. Главныя черты казачества давно и всѣмъ извѣстны и собственно мало новаго въ этой картинѣ, такъ мастерски очерченной авторомъ: „Описанія о Запорожскихъ козакахъ“. Несмотря на то, мы сочли необходимымъ возобновить эти черты въ памяти читателей теперь, когда для изученія русской исторіи очевидно наступаетъ новый періодъ, такъ существенно различный отъ прежняго. Что при первомъ взглядѣ невольно поражаютъ въ описаніи — это удивительное сходство внутренняго устройства у казаковъ съ устройствомъ нашихъ древнихъ вольныхъ общинъ, особливо Новгорода: народныя собранія, рады и вѣча происходили, здѣсь и тамъ, одинаково; у новгородцевъ были тоже подданные, и въ такихъ же отношеніяхъ къ владѣтельной общинѣ; то же отношеніе духовен-

ства къ свѣтской власти, та же выдача головою князю; та же выборная старшина, отвѣтственная передъ общиной, носившая на себѣ живые слѣды патріархальнаго происхожденія и которую міръ „кормилъ своимъ хлѣбомъ“; наконецъ, то же уваженіе къ лицамъ, занимавшимъ прежде высшія мѣста, то же разграбленіе имущества виноватыхъ. Сходство можно провести далѣе, даже въ подробностяхъ. Вся разница происходила только вслѣдствіе различнаго назначенія казачества и сѣверныхъ вольныхъ общинъ: первое было, такъ сказать, приспособлено къ войнѣ, и потому носило военный характеръ; послѣдніе были вполнѣ осѣдлые и занимались мирными промыслами. Къ этому и сводятся особенности, отличавшія однѣ общины отъ другихъ: у казаковъ безобразіе, почти полное отсутствіе промышленности, лагерный образъ жизни, военное управленіе и военныя рады, чего не было въ Новгородѣ; наоборотъ, въ Новгородѣ болѣе опредѣленная система управленія, частная собственность, торговля и и промышленность, замѣтное преобладаніе территоріальнаго начала надъ личнымъ, чего не замѣчаемъ у казаковъ въ ихъ первобытномъ состояніи. Но начало, основаніе, изъ которыхъ развились оба устройства, одни и тѣ же, такъ что, не играя словами, не дѣлая натяжекъ, можно сказать, что сѣверныя общины были казацкія братства, только не имѣющія военнаго характера, а казаки—сѣверныя общины, поставленныя въ необходимость вѣчно нападать и защищаться. И тѣ и другія выросли изъ чисто племенного, на однихъ кровныхъ, родственныхъ связяхъ основаннаго быта и были проникнуты его началами, ими держались. Оттого и въ тѣхъ и другихъ чрезвычайно слабое развитіе юридическаго, правомѣрнаго элемента, котораго послѣдняя цѣль—неприкосновенность лица, полное, хотя и внѣшнее огражденіе его противъ насилія. Произволъ царилъ въ этихъ общинахъ и братствахъ. Онѣ были свободны, но въ нихъ никто не былъ свободенъ и безопасенъ. Какъ въ первоначальныхъ родахъ, сердечное единодушіе безпрестанно смѣнялось въ нихъ кровавыми междоусобіями, которыя были тѣмъ ожесточеннѣе и тѣмъ гибельнѣе, что страсти ничѣмъ не сдерживались. Устройство не представляло ничего твердаго, постояннаго, признаваемаго всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ; власть является или неограниченной, или слишкомъ неопредѣленной, чтобъ противъ нея бы хоть какое-нибудь обезпеченіе; но къ су ности она крайне непрочна; самый любим начальникъ, полновластный сегодня, не м поручиться, что завтра его не лишатъ не даже жизни, безъ вины, по одной клев или капризу. Чѣмъ болѣе мы будемъ и кать въ нашъ древній бытъ, какимъ онъ самомъ дѣлѣ былъ, не внося отъ себя оп дѣленій и началъ, развившихся на дру почвѣ и имѣвшихъ съ нимъ одно внѣшн ничего не значащее сходство, тѣмъ эта и менная, патріархальная основа нашихъ др нихъ вольныхъ общинъ и братствъ буд выказываться яснѣе и яснѣе. И тогда увидимъ, что не одна сила и хитрость м сковскихъ и петербургскихъ дипломато сломила ихъ, а вмѣстѣ и ихъ собствен несостоятельность, окончательное, естеств ное и необходимое разложеніе племенн элемента, которымъ они только и держали Но пока мы будемъ цѣликомъ прикладыв къ русской исторіи общіе законы истори скаго развитія, не обсудивъ хорошень возможно ли это, доработалась ли наша жи до той точки, съ которой такое примѣне естественно и законно, мы все будемъ вз хать по прошедшемъ, видѣть въ его исч новеніи и отрицаніи преступный произво жалкое, гибельное отступничество, и вн уразумѣнія нашего развитія, будемъ тол декламировать пустыя, безсмысленныя фра По странному противорѣчію такъ поступа у насъ тѣ, которые всего болѣе вооружа противъ науки, пустыхъ теорій и отвлеч наго логическаго мышленія.

Въ числѣ „разныхъ матеріаловъ, до ис ріи запорожской касающихся“ и помѣще ныхъ въ той же шестой книжкѣ „Чтен въ смѣси, мы находимъ: списокъ разны бумагамъ и документамъ, относящимся исторіи Малороссіи 1657—1689 года, то-ес со времени присоединенія ея къ Россіи избранія гетмана Мазепы; географическія з мѣтки о Запорожьѣ; разныя историческ примѣчанія о Малороссіи; замѣтку о зап рожцахъ, ихъ образѣ жизни и характер вѣроятно принадлежащую самому Милле Въ ней мало новаго. Между прочимъ, зап рожцы характеризованы здѣсь, какъ народ „который не распложается самъ собою... пр плодъ свой получаетъ отъ другихъ, котор во всякія 30 лѣтъ почти исчезаетъ и д лается новымъ; который свое время въ г

ѣ и пьянствѣ препровождаетъ, который
ебрегаетъ первоначальный законъ Божій,
олжно человѣку питаться отъ трудовъ
своихъ, который, земледѣльчество прези-
ѣдва дозволяетъ, что нѣкоторые изъ своего
ства, коихъ и почитаютъ не прямыми
ми братьями, но яко бы своими подданъ-
, во оном упражняться могутъ". Затѣмъ
уютъ разныя выписки и акты: записка о
ѣ малороссійскихъ гетмановъ имѣть сно-
я съ иностранными державами. Изъ сли-
статей, данныхъ разнымъ гетманамъ,
какъ это право, предоставленное Бог-
Хмѣльницкому, мало-по-малу смѣшалось
его преемникахъ и наконецъ исчезло;
находимъ замѣчательный указъ 1684
о построеніи крѣпости на рѣкѣ Самарѣ,
енѣе любопытныя статьи 1732 года о
движныхъ имѣніяхъ въ Малороссіи, изъ
ыхъ видно между прочимъ, что уже
извѣстна или введена была въ Мало-
ю десятилѣтняя давность, гораздо позд-
принятая въ наше законодательство; по-
слѣдуютъ выписки о земляхъ, назна-
ыхъ въ южной Россіи къ поселенію
въ, македонянъ, болгаръ и волоховъ; о
ѣ городовъ, церквей въ Заднѣпровьѣ и
указъ 1752 года объ отмѣнѣ пошлинъ съ
ныхъ припасовъ, привозимыхъ изъ Поль-
къ новопоселеннымъ за Днѣпромъ ино-
нымъ выходцамъ; указъ того же года о
ѣ запорожцамъ годового жалованья по
нему въ Москвѣ или Петербургѣ (онъ
есенъ во многихъ отношеніяхъ); потомъ
саніе жалованья запорожскому войску и
зъ малороссійскаго казачьяго, наконецъ,
ю малороссійскаго гетмана, графа Ра-
скаго, къ канцлеру графу Бестужеву-
ну, 1754 года, о томъ, что индукта и
а (ввозныя и вывозныя пошлины), со-
явшія доходъ гетмана, неправильно уни-
ены и замѣнены тарифными государ-
ными пошлинами. Къ письму приложена
ка, въ которой это подробно доказы-
я прежними войсковыми привилегіями.
этому же отдѣлу должно отнести и не-
пую статью г. Максимовича „о Лавр-
Могилинской школѣ". Не составляя
наго разсужденія, она дополняетъ наши
ѣнія о Петрѣ Могилѣ и его времени нѣ-
ыми новыми любопытными фактами. До
поръ думали, что Лаврская школа была
ю задумана Могилой, но не состоялась.
аксимовичъ, на основаніи рѣдкой книги „Евхаристіонъ албо Вдячность", доказываетъ противное, и нельзя съ нимъ не согласиться, потому что „Евхаристіонъ" состоитъ изъ поздравительныхъ стихотвореній, поднесенныхъ Могилѣ учениками Лаврской школы въ день Свѣтлаго Воскресенія. Самые стихи любопытны уже потому, что написаны сто лѣтъ прежде сатиръ Кантемира и сорокъ лѣтъ до Симеона Полоцкаго, а объ нихъ до сихъ поръ не упоминалось въ исторіи русской литературы. Наконецъ, извѣстный доселѣ списокъ сочиненій Петра Могилы дополненъ г. Максимовичемъ еще „Словомъ духовнымъ на бракосочетаніе Якуша Радзивила", напечатаннымъ въ Кіевопечерской Лаврѣ, въ 1645 году, на польскомъ языкѣ.

По части русской церковной исторіи мы находимъ въ „Чтеніяхъ" двѣ оригинальныя статьи и матеріалы. Въ шестой книжкѣ напечатана статья г. Соловьева: „Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половины XIII вѣка". Какъ все, что выходитъ изъ плодовитаго пера г. Соловьева, эта статья отличается несомнѣнными достоинствами и обнаруживаетъ замѣчательный историческій талантъ автора. Очеркъ состоянія нашей церкви и духовенства въ означенное время написанъ превосходно, съ большимъ знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и вѣрнымъ пониманіемъ фактовъ; но со всѣмъ, что говоритъ г. Соловьевъ, мы не можемъ согласиться. На 1 стр. читаемъ: „при такомъ разрозненномъ родовомъ быту этихъ племенъ (славяно-русскихъ), въ какомъ представляетъ намъ ихъ отечественный лѣтописецъ, общественное богослуженіе не могло развиться, а слѣдовательно не могло образоваться и жреческое сословіе: ясно, что при означенной формѣ быта богослуженіе должно было замѣниться частнымъ, родовымъ, при чемъ родоначальникъ былъ вмѣстѣ и священникомъ". Послѣднее теперь почти достовѣрно; но едва-ли правильно объясненіе, почему у насъ не было жреческаго сословія. Наши древніе роды, конечно, жили разрозненно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не было общественнаго богослуженія. Вѣдь были же у насъ вѣча, общественныя собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ;—если было одно, почему же не могло быть и другого? Изслѣдованія Ходаковскаго, какъ они ни кажутся теперь смѣлы и странны, потому что ихъ никто еще не разъяснилъ, указываютъ на живые слѣды общественнаго богослуженія у

древнихъ славянъ. Да и какъ же могло быть иначе? Если были боги, и оно было. На той же страницѣ: „лѣтописецъ, говоря объ языческихъ обычаяхъ древнихъ славянъ, нисколько не упоминаетъ о жрецахъ, которые должны были явиться уже въ послѣднее время, при большемъ развитіи общественнаго быта въ городахъ; но и тутъ они являются съ характеромъ гадателей, кудесниковъ, волхвовъ, съ которымъ остаются и послѣ введенія христіанства". Во-первыхъ гадатели, кудесники, волхвы не были жрецы, какъ доказалъ уже, и весьма основательно, Рейцъ въ своей исторіи русскаго законодательства. Это тогдашніе мудрецы и философы. Потомъ: если у насъ сначала не было жрецовъ, то впослѣдствіи имъ трудно было появиться, потому что обстоятельства не благопріятствовали; князья, подобно древнимъ родоначальникамъ, удержали за собою званіе верховныхъ жрецовъ, какъ видно изъ разсказа о принесеніи Владиміромъ человѣческой жертвы богамъ. Такимъ образомъ, жрецовъ не было у насъ ни прежде, ни послѣ, и сомнительное развитіе общественнаго быта въ городахъ не имѣло въ этомъ отношеніи никакого дѣйствія. На стр. 3, авторъ приводитъ слова лѣтописи: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селамъ" — и говоритъ, что здѣсь разумѣются „города и села, ближайшіе Кіеву". Но почему же такъ? Есть извѣстіе, что уже при Владимірѣ введена христіанская вѣра въ Новгородѣ, и оно не было еще никѣмъ опровергнуто. Далѣе, тамъ же, г. Соловьевъ говоритъ, что въ лѣтописи упоминается о первыхъ училищахъ при Владимірѣ. Нейманъ подробно разобралъ это мѣсто и до очевидности доказалъ, что въ немъ нѣтъ и рѣчи о школахъ. Доводы его такъ убѣдительны, что мы не понимаемъ, почему авторъ не принялъ ихъ въ соображеніе. Кромѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ незначительныхъ недосмотровъ, статья превосходна. Обратимъ особенное вниманіе читателей на остроумное объясненіе разсказа лѣтописи о Ѳеодорцѣ, ростовскомъ епископѣ, жившемъ при Андреѣ Боголюбскомъ. Лѣтопись представляетъ Ѳеодорца извергомъ, совершившимъ неслыханныя злодѣйства въ Ростовѣ; Андрей отправилъ его къ кіевскому митрополиту Константину, который казнилъ его жестоко. Г. Соловьевъ догадывается, что все повѣствованіе — официальный современный актъ, внесен въ лѣтопись съ нѣкоторыми измѣненіям основываясь на намекахъ и недоговорен фразахъ, въ немъ заключающихся, дум что Ѳеодорецъ, подобно Андрею Бого скому, хотѣлъ отложиться отъ кіевской троноліи и стать въ непосредственную симость отъ константинопольскаго патріа за что и былъ ненавидимъ, оклевета строго казненъ главою русской церкви. добныя попытки отложиться отъ митроп даже епископіи, такъ часто повторялис разныхъ концахъ Россіи, что это объяс очень вѣроятно и возможно, тѣмъ болѣе актъ дѣйствительно подаетъ къ нем одинъ поводъ.

Въ седьмой книжкѣ помѣщена д статья по русской церковной исторіи, заглавіемъ: „о богослуженіи русской ц до монгольскаго времени". Авторъ си— скопъ рижскій Филаретъ, уже извѣс своими сочиненіями. Новый трудъ у епископа обнаруживаетъ обширную нач ность, глубокое знаніе, и есть, безсп прекрасное и полезное явленіе въ и историко-церковной литературѣ. Но д тическое направленіе преобладаетъ въ надъ историческимъ; авторъ обратилъ бенное вниманіе на объясненіе выс смысла таинствъ и церковныхъ обря освященныхъ восточною церковью и пр тыхъ въ нашей. Но борьба русской ц съ язычествомъ и постепенное вытѣс его церковной дисциплиной, водворен насъ христіанскихъ понятій, словомъ, рія нашего духовнаго и нравственнаго свѣщенія, составляющая часть исторіи вилизаціи въ Россіи, оставлена ученым торомъ въ тѣни. Такимъ образомъ, раз риваемый нами трудъ — скорѣе отрывок исторіи греко-восточной церкви въ Р чѣмъ глава изъ исторіи русской церкви, безспорно, важнѣйшаго образовательнаго мента въ нашемъ древнемъ быту. Послѣ ожидаетъ еще дѣлателей.

Матеріалы для исторіи русской церк духовенства, помѣщенные въ седьмой кн кѣ, любопытны въ высокой степени. Во- выхъ, напечатано „преніе" митрополита ніила съ Максимомъ Грекомъ, — драгоц ный актъ (списокъ съ суднаго списка, ливающій новый свѣтъ на это знамен слѣдственное дѣло XVI вѣка. „Преніе" что иное, какъ соборное дѣяніе по д

ма, вопросы, предложенные на соборѣ
другимъ лицамъ, замѣшаннымъ въ
ѣлѣ, и ихъ отвѣты. До сихъ поръ было
страннаго и загадочнаго въ этомъ
ссѣ, какой-то мракъ лежалъ на немъ;
самомъ дѣлѣ, извѣстными доселѣ, боль-
астью невѣроятными обвиненіями, взво-
ли на Максима, нельзя было объяснить
пишкомъ тридцатилѣтнее заточеніе и
ніе, послѣ той отличной довѣренности,
ою онъ пользовался при дворѣ. Напе-
ное теперь соборное дѣяніе даетъ ключъ
ой загадкѣ. Какъ видно, Максимъ не
ъ и не уважалъ великаго князя Васи-
вановича и дурно объ немъ отзывался;
суждалъ такъ же образъ жизни, богат-
и нравы тогдашняго нашего духовен-
„Да ты же", говорилъ митрополитъ на
Максиму: „святыя Божія Соборныя
стольскія церкви и монастыри укоряе-
хулиши, что они стяжаніе, и люди и
ы и села имѣютъ... да ты же Максимъ,
хъ чюдотворцевъ Петра, и Алексѣя, и
Митрополитовъ всеа Руссіи, и препо-
хъ чюдотворцевъ Сергія, и Варлама,
рила, и Пафнотія, и Макарія, укоряе-
хулиши, а говоришь такъ: занеже они
ли городы, и волости, и села, и люди,
или, и пошлины, и оброки, и дани
, и многое богатство имѣли, и по имъ
быти чюдотворцомъ". Такъ же гово-
онъ Михайлѣ Медоварцову, про ми-
лита и владыкъ: „а что они и знаютъ?
адобе пиры и села, и скакати и смѣя-
воры". Но главная, существенная при-
осужденія и преслѣдованій Максима
чалась, кажется, въ томъ, что онъ об-
ъ князя и епископовъ въ постановле-
итрополитовъ безъ патріаршаго руко-
енія и благословенія: „Великому Кня-
Митрополиту", говорилъ Максимъ, „кли-
многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ,
е творятъ не по писанію, ни по пра-
ъ, а митрополитъ поставляется своими
опы на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ
атріарха". На соборѣ спросилъ Макси-
ѳеемъ: „говорилъ еси многимъ людемъ,
дѣсь на Москвѣ Митрополитъ постав-
я своими епископы Русскими безъ бла-
венія Патріарха Цареградскаго, а все
гордость не пріемлютъ Патріаршеска-
агословенія, ставятся собою самочинно
чинно". Максимъ отвѣчалъ, что „пы-
онъ, начемъ не ставятца Митрополиты
Русскіе по прежнему и по старому обычаю у Патріарха Цареградскаго? И сказалъ ему, что Патріархъ Цареградскій далъ благословенную грамоту Русскимъ Митрополитомъ поставлятися имъ волно своими Епископы на Руси, и онъ много тое грамоты пыталъ, и до сѣхъ мѣстъ не видалъ ея; и онъ молвитъ: коли здѣсь у нихъ грамоты нѣтъ Патріарха Цареградскаго, и они въ гордости не ставятца по прежнему и по старому уставу побычаю, отъ Патріарха Цареградскаго, то есть мнѣ тѣмъ плачемъ Іеріміномъ, егда плакашеся на рѣцѣ Вавилонстѣй, плакавшеся ни покаянія имѣша, ни прощенія грѣховъ получиша". Такое отступленіе отъ уставовъ Максимъ называлъ еретичествомъ. Эти слова освѣщаютъ новымъ свѣтомъ дѣло святогорскаго инока. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей нашей церкви, тотъ знаетъ, что вопросъ объ ея отношеніи къ константинопольскому патріарху, поднятый очень рано, еще при Ярославѣ, въ XV и XVI вѣкахъ сталъ однимъ изъ важныхъ, деликатныхъ и трудныхъ вопросовъ времени. Съ самаго начала наша церковь находилась въ политической зависимости отъ свѣтской власти князей; но тѣ изъ нихъ, которые были сильнѣе и энергичнѣе, старались упрочить и довершить эту зависимость устраненіемъ вмѣшательства восточныхъ патріарховъ въ наши церковныя дѣла. Патріархамъ это, разумѣется, было непріятно, и они не упускали случая напоминать о своихъ историческихъ правахъ и ихъ осуществлять, по возможности. Въ XV вѣкѣ, когда окончательно образовалось московское государство, великимъ князьямъ и царямъ стало удобнѣе, легче преслѣдовать эту цѣль, и они не замедлили этимъ воспользоваться, но дѣйствовали искусно, осторожно, исподоволь, боясь явно оскорбить щекотливыя историческія преданія, глубоко вкорененныя въ народѣ, и поддержаніе которыхъ такъ тѣсно было связано съ интересами духовенства. Вотъ почему упрекъ Максима и имѣлъ тогда важное политическое значеніе, и дѣло его получило государственный характеръ. По недостатку данныхъ, мы не смѣемъ положительно утверждать, что этотъ монахъ былъ агентомъ константинопольскаго патріарха въ московскомъ государствѣ; но это очень могло быть, по крайней мѣрѣ, тогдашнее русское правительство могло видѣть въ немъ орудіе

патріаршихъ замысловъ. Въ связи съ этимъ могла состоять дѣйствительная или мнимая переписка Максима съ турецкими пашами и самимъ султаномъ. Что на него смотрѣли, какъ на политическаго преступника, и старались прервать его сношенія съ другими, видно изъ того, что ему запрещено было писать и получать письма. Наконецъ, когда однажды родились противъ Максима подозрѣнія, исправленія, допущенныя или сдѣланныя имъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, стали источникомъ обвиненій; ошибки выросли въ злоумышленныя преступленія,— во всемъ, въ самыхъ обыкновенныхъ, естественныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ увидѣли преднамѣреніе и вину. На соборѣ митрополитъ спросилъ Медоварцова: „кто тебѣ велѣлъ заглаживати во Апостольскихъ дѣяніяхъ строку о вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа?“ Михаилъ отвѣчалъ: „мнѣ, господине, все Максимъ велѣлъ такъ чинити, а князь Васьянъ старецъ велѣлъ мнѣ его слушати, и азъ его слушалъ и писалъ, а иное заглаживалъ. А сказывалъ есми многажды старцу Васьяну Княжь Иванову сыну о томъ и Васьянъ старецъ мнѣ говорилъ: мало ли что брѣдили и писали. И азъ молвилъ: наши книги переведены съ греческихъ же книгъ, а писаны онѣ отъ Святаго Духа Святыми Апостолы и Святыми отцы. И Васьянъ старецъ говорилъ: отъ дьявола писаны, а не отъ Святаго Духа; а ты слушай мене, Васьяна, да Максима Грека, и какъ тебѣ велитъ писати или заглаживати Максимъ Грекъ, такъ учини. А здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія кривила, а не правила; а до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили; а нынѣ есмя Бога познали Максимомъ и его ученіемъ“. Что могло быть естественнѣе такого изъявленія нетерпѣнія противъ возраженій, оскорблявшихъ глубокое убѣжденіе, особливо въ живомъ человѣкѣ и въ то время; а оно вмѣнено въ вину. Этого мало: Максима Грека укоряли въ богохульствѣ, волхвованіи, грубомъ еретичествѣ и Богъ знаетъ въ чемъ еще. Такія нелѣпости не заслуживали бы даже упоминанія, еслибъ они не живописали рѣзкими чертами то время, въ которое происходилъ знаменитый судъ. Легко можетъ быть, что эти обвиненія выдуманы нарочно, съ цѣлью возбудить ненависть къ Максиму даже въ тѣхъ, которые имѣли наиболѣе причинъ держать его сторону, чтобы тѣмъ прикрыть настоящую причину его преслѣдованія, придать благовидность его обвиненію. Но такъ же легко могли они быть порожденіемъ стоустой молвы и явиться вслѣдствіе недостатка того здраваго общественнаго смысла, который разомъ отличаетъ въ обвиненіяхъ вѣроятное отъ невѣроятнаго и осторожно произноситъ приговоръ противъ человѣка. Максимъ Грекъ, можетъ быть, и сдѣлалъ нѣкоторыя сомнительныя поправки въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Этого было достаточно, чтобы самыя нелѣпыя выдумки, самые неправдоподобные разсказы находили толпы слушателей и передавались изъ устъ въ уста за достовѣрные факты. И теперь еще это повторяется ежедневно на нашихъ глазахъ, особливо въ частномъ быту, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Довольно одной вины, чтобъ человѣкъ, впрочемъ очень обыкновенный, выросъ вдругъ въ общемъ мнѣніи въ изверга, въ чудовище. Между собой и преступникомъ мы не находимъ ничего общаго. Въ нашихъ глазахъ онъ существо особеннаго рода, способное на все, кромѣ обыкновеннаго, человѣческаго. Что жъ было въ XVI вѣкѣ, когда быть всей Россіи стоило не много выше теперешняго крестьянскаго? Оттого напечатанный теперь актъ вскрылъ, такъ сказать, дѣло Максима Грека, но далеко не объяснилъ его вполнѣ; да и вряд ли оно когда-нибудь объяснится. Нельзя указать точку, гдѣ оканчивается фактъ и начинаются ложь, выдумки, преувеличенія. Это зависитъ не столько отъ недостатка фактовъ, сколько отъ характера тогдашняго судопроизводства, которое, подобно всѣмъ сторонамъ древне-русской жизни, было проникнуто патріархальными, а не юридическими элементами; задача его состояла не въ томъ, чтобъ разсудить или оправдать, а въ томъ, чтобъ вывѣдать и обвинить. Да и стоило ли слишкомъ вдаваться въ подробности изслѣдованія? Человѣкомъ, его неприкосновенностью не слишкомъ тогда дорожили. Рѣшали предубѣжденія и пристрастія.

Актъ изданъ превосходно. Ему предпослано предисловіе, написанное г. Бодянскимъ, въ которомъ тщательно описанъ документъ, показаны неправильности и особенности его правописанія и объяснены причины, почему онѣ устранены въ печатномъ текстѣ. Въ послѣднее время археологическій педантизмъ до такой степени

лился, что мы съ особеннымъ удовольіемъ прочли здравое, просвѣщенное сужіе ученаго филолога, имѣющаго авториъ въ этомъ дѣлѣ. „Памятникъ этотъ“, оритъ г. Бодянскій, „печатанъ нами со ю дипломатическою точностію; отступлесдѣлано только въ отношеніи къ одно-лишь образу писанія его, которое, ниъ не отличаясь отъ обыкновеннаго въ е время и не заключая ничего особенной ности... своей измѣнчивостью и прьею писца только что затрудняетъ неятнымъ образомъ чтеніе и обижаетъ глазъ ѣпостью и чудовищностью. Строгое наденіе правописанія необходимо въ древшихъ памятникахъ, которые, за немноми исключеніями, всегда удивительно подовательны въ ономъ, и потому, какъ дставляющіе намъ осуществленіе извѣстидеи, достойны изученія. Но, избѣгая, своей стороны, упрека въ произволѣ, бходимо въ такомъ случаѣ всякій разъ длагать характеристику памятника, кая, разумѣется, по общности отличительъ свойствъ его, будетъ сжата, нерѣдко двухъ, трехъ словахъ, что̀, сравнительно безпрестаннымъ повтореніемъ ни къ чене ведущихъ безсмыслицъ подлинника, тавляетъ истинное благодѣяніе для чищихъ“. Этотъ методъ изданія давно уже нятъ археографической коммиссіей; но кду нашими учеными и археологами онъ перь еще новость. Тѣмъ пріятнѣе виь противодѣйствіе безполезному педанму со стороны г. Бодянскаго.

Очень важна и любопытна десятая глава ѣщанія Іосифа Волоколамскаго, напечаная въ седьмой книжкѣ „Чтеній“. Она бражаетъ внутренній бытъ нашихъ монасей и обителей въ концѣ XV и началѣ I вѣка, слѣдовательно въ одну изъ самыхъ ересныхъ эпохъ русской исторіи. Изъ жикартины, яркими чертами набросанной ифомъ, видно, что рядомъ съ высокими азцами мистико-созерцательной, аскетичей жизни, въ тогдашнихъ монастыряхъ госствовала большая грубость нравовъ, хатеризующая древнюю Русь; настоятели ствовали на братію не одними пастырми увѣщаніями, но и побоями. Даже быо, что иноки, не стерпя насилія, разбѣись, и монастырь оставался пустымъ; въ ихъ случаяхъ князь иногда вмѣшивался, гонялъ игумена, и тогда монахи опять возвращались въ обитель. Нравы иноковъ не отличались особенной чистотой. Уставы держались только личностью великихъ іерарховъ и послѣ нихъ упадали. Игуменовъ избирали братія. Изъ этого видно, что московскіе цари еще не участвовали тогда въ назначеніи игуменовъ, и весьма вѣроятно, что оно окончательно установилось не прежде Ивана Грознаго.—Наконецъ, здѣсь мы находимъ первое и покуда единственное извѣстіе о Саввинѣ-Тверскомъ монастырѣ. Какъ строгъ былъ блаженный Савва, настоятель этого монастыря, къ инокамъ въ отношеніи къ церковному благочинію и въ то же время снисходителенъ къ оскорбленіямъ, ему лично наносимымъ, видно изъ слѣдующаго разсказа Іосифова:

„Толико тщаніе имѣяше о паствѣ, яко же ему всегда предстояти въ дверѣхъ церковныхъ и жезлъ въ руку имѣя; и аще убо кто отъ братіи къ началу не пріиде, или прежде отпущенія исхождаше, или на пѣніи бесѣды творяще, или отъ своего мѣста на иное преходяше, никако же умолчавше, но возбраняше и запрещаше, или кто отъ пѣнія исходяше не единою, яко же ему ни малая согрѣшенія и безчинства презирати; вѣреку же глаголющихъ и безчинствующихъ овогда жезломъ біяше, овогда же въ затворъ посылаше, и бяше же жестокъ, егда потреба, и милостивъ, егда подобаше, яко же напреди слово покажетъ. Сему нѣкогда наказующу брата безчинствуща и браду свою въ окно изложивша; братъ же подвигся отъ нѣкоего бѣса обѣма руками браду его ухвати и мало остави, всю же исторгъ, братія же похитиша его, и приведоша ко блаженному Саввѣ, вопрошающе его, какъ велитъ сего мстити. Онъ же рече имо: азъ убо и жезломъ бію и въ запоръ отсылаю монастырскаго ради безчинства и братнія ради обиды, своея же ради обиды не подобаетъ ми мстити, но вся терпѣти“.

Въ концѣ приложена еще небольшая выписка изъ сочиненія Іосифа, служащая любопытнымъ дополненіемъ къ исторіи Троицкаго Сергіева монастыря и вообще къ нашей церковной исторіи въ XV и XVI вѣкѣ. Изъ этой выписки видно, что Василій Васильевичъ нѣсколько монастырей, по ихъ просьбѣ, отнялъ изъ владѣнія удѣльныхъ князей и взялъ подъ свою державу. Поводомъ служили притѣсненія со стороны князей и ихъ неуваженіе къ монастырямъ, игуменамъ и инокамъ. Такъ Іосифъ разсказываетъ, что Александръ Ѳедоровичъ Ярославскій, „егда хотяше пріити на свой монастырь на каменое, повелѣваше съ собою псы въ монастырь приводити, такоже и въ трапезу, и егда самъ ядяше, тогда и псы повелѣваше кормити также (тою же?) пищею, иже самъ ядяще“. Очень рано, еще съ Василія Дмитріевича, московскіе великіе

князья и цари стали посредниками въ ссорахъ и неудовольствіяхъ по церковному управленію между духовными особами: настоятелями монастырей и митрополитами, или епархіальными начальниками.

Наконецъ, къ этому же отдѣлу должно отнести библіографическую статью, помѣщенную въ седьмой книжкѣ „Чтеній“, подъ заглавіемъ: „Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 года“. Здѣсь находимъ много выписокъ изъ рукописей этого монастыря, что придаетъ описи большую цѣну.

Перейдемъ къ другимъ историческимъ матеріаламъ и статьямъ, помѣщеннымъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Чтеній“.

„О соляномъ озерѣ Halmyris“, статья покойнаго Венелина. Это изслѣдованіе объ имени и роли, которую играло въ древности Рамзинское озеро, близъ Дуная. На основаніи свидѣтельства Анны Комниной и Константина Багрянороднаго, Венелинъ утверждаетъ, что озеро называлось прежде Соленымъ и доставляло соль, почему и было издавна главнымъ пунктомъ при-дунайской торговли. Это подало автору поводъ войти въ подробное и остроумное объясненіе извѣстнаго разсказа императора Константина о плаваніи русскихъ въ Царьградъ; оно занимаетъ большую половину изслѣдованія. Какъ всѣ статьи Венелина, и эта отличается оригинальностью взгляда, живостью, ясностью изложенія, но также изобилуетъ странными выходками и еще болѣе страннымъ словопроизводствомъ. Анну Комнину Венелинъ вездѣ называетъ ея высочествомъ, Анной Алексѣевной, цесаревной, и въ благодарность за ея извѣстіе, изъявляетъ готовность подойти къ ея ручкѣ на томъ свѣтѣ. Развитіе темы, что соляной камень есть камень здравія, благосостоянія и образованія человѣчества, равно какъ и этимологическое производство названій разныхъ металловъ: желѣза отъ жилы, золота отъ жолтый, серебра отъ сѣрый, олова отъ отливать,—изумительны. Какъ бы то ни было, но будущіе изслѣдователи древнѣйшей торговли около Чернаго моря непремѣнно должны будутъ обратить вниманіе на это умное, дѣльное разсужденіе.

„Примѣчанія на русскія хронологическія вычисленія XII вѣка“, г. Хавскаго. Здѣсь доказывается, что январьскій годъ введенъ въ Россіи не Петромъ Великимъ съ 1700 года, какъ думали доселѣ, а вмѣстѣ съ принятіемъ христіанской вѣры,—что Нест
лѣтопись написана на сентябрьскій, а
мартовскій годъ. Не беремся рѣшать,
ли авторъ или нѣтъ, и предоставляем
знатокамъ, спеціально изучившимъ
древнюю хронологію.

„Объ имени и положеніи города Ви
иначе Юмина, Юлина, Іомсбурга“,—І
рика, пер. г. Бодянскимъ. Знаменитый
вянскій ученый рѣшаетъ въ этой с
одинъ изъ самыхъ запутанныхъ исто
скихъ вопросовъ, что̀ доказывается м
ствомъ сочиненій о томъ, гдѣ стоялъ
городъ, существовалъ ли онъ въ с
дѣлѣ когда-нибудь, должно ли раз
подъ этими различными названіями
городъ или разные города? Оттого д
тація г. Грановскаго о томъ же пре
вызвала на диспутѣ самыя жаркія
женія. Не позволяя себѣ произносить
денія въ дѣлѣ, столько запутанномъ
слѣдованномъ извѣстными учеными, мы
ничимся однимъ изложеніемъ результ
выведенныхъ Шафарикомъ. Но его м
Юлинъ, Волинъ, Юмне, Юминъ, Іомс
Винета—суть различныя названія одн
того же города, бывшаго на островѣ В
и уже въ X вѣкѣ превосходившаго всѣ
чіе города славянскаго поморья народо
леніемъ, торговлей и богатствомъ.

„Два еврейскихъ письма о Хозарс
царствѣ“, переведенные съ подлинни
Гартенштейномъ. Въ „Историческомъ и
тистическомъ сборникѣ“ покойнаго г.
луева было помѣщено извлеченіе изъ п
рабби Хиздай бэнъ Ицхака къ хозарс
царю, переведенное на русскій языкъ г.
совичемъ. Въ предисловіи къ перево
Коссовичъ говоритъ, что рабби Хиздай
чилъ отвѣтъ, но онъ ему неизвѣстенъ. Г.
тенштейнъ отыскалъ этотъ отвѣтъ въ о
еврейской книгѣ, и онъ-то напечатан
шестой книжкѣ „Чтеній“. Мы нашл
немъ мало любопытнаго, исключая изв
о принятіи царемъ хозарскимъ Гюда
еврейской вѣры, которое во многихъ
робностяхъ сходно съ разсказомъ о пр
тіи христіанской вѣры Владиміромъ. Гор
интереснѣе и богаче свѣдѣніями о хо
скомъ царствѣ второе письмо. Оно напи
въ опроверженіе сомнѣній, возникшихъ
жду евреями насчетъ подлинности пи
рабби Хиздая; но отвѣтъ хозарскаго
признается имъ за выдумку, принадлежа

ому-нибудь испанскому еврею. Судя по рому письму, хозары приняли еврейскую у въ XI вѣкѣ. Хаканы хозарскіе управ- и и судили съ совѣтомъ девяти старѣйшинъ ныхъ исповѣданій. При хаканѣ нахо- ся непремѣнно одинъ Еврей, который ывался каганомъ и жилъ въ царскомъ рцѣ. Въ эту должность избирался зна- ь еврейскаго закона, ибо къ нему обра- ся хаканъ за совѣтомъ по дѣламъ су- нымъ; на прочія онъ не имѣлъ никакого нія. Интересныя свѣдѣнія находимъ ке въ примѣчаніяхъ къ письмамъ, со- ленныхъ г. Гартенштейномъ.

о части матеріаловъ особеннаго внима- заслуживаетъ продолженіе „Опыта рус- о народнаго словотолковника“ г. Мака- и „Повѣсть“ объ осадѣ Пскова Бато- ъ.

редпріятіе г. Макарова, само по себѣ, уживаетъ полнаго одобренія. Недоста- въ словарѣ для словъ и выраженій, требляемыхъ въ простомъ народѣ, весьма тителенъ, особливо въ наше время, когда ненiе древней русской письменности при- широкіе размѣры,—точка зрѣнія на одную рѣчь совершенно измѣнилась и ературный языкъ, болѣе и болѣе выра- ваясь изъ тяжелыхъ искусственныхъ ъ, въ которыя по необходимости былъ время закованъ, сталъ быстро сближаться народнымъ и жадно вбирать въ себя его енты. Мы вполнѣ понимаемъ всю труд- ь такой работы и не поставимъ въ вину енному составителю словаря пропуски и лноту. Даже о приблизительномъ совер- ствѣ въ этомъ столько новомъ еще дѣлѣ рь и мечтать нельзя. Но намъ показа- странными,—и мы позволимъ себѣ за- ить это,—произвольныя словопроизвод- , сближенія и неточныя объясненія словъ, попадается довольно часто въ добросо- номъ и полезномъ трудѣ г. Макарова. римѣръ, въ словарѣ сказано, что слово *жать* значитъ плакать; это несправед- ; въ числѣ разныхъ объясненій слова *ота* находимъ, будто бы оно значитъ и реніе; *валяшки*, по мнѣнію г. Макарова, названіе коня, лошади. Это выводитъ изъ того, что ямщики кричатъ иногда на дей: пошелъ, валяй валяшки! Но кто же наетъ, что валять значитъ у насъ дѣ- что-нибудь скоро, поспѣшно, а валяшки — е же непередаваемое выраженіе, какъ спанюшки, баюшки и т. д.? Если даже и допустить, что здѣсь это слово относится къ лошадямъ, то все-таки оно прилагательное, употребленное вмѣсто существительнаго, и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть признано за названіе лошади. Эти примѣры мы выписали на удачу, изъ нѣсколькихъ страницъ, но подобныхъ недосмотровъ очень много. Надѣемся, что начитанный, добросовѣстный авторъ не приметъ нашихъ словъ за однѣ придирки. Мы уважаемъ его прекрасный трудъ и желали бы видѣть въ немъ какъ можно менѣе произвольныхъ, отъ сочинителя зависящихъ, недостатковъ.

„Повѣсть о прихоженіи литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ“ была уже извѣстна Карамзину, который на ней основалъ свой разсказъ объ осадѣ Пскова Баторіемъ; но, если не ошибаемся, теперь она впервые является въ печати, по списку, доставленному г. Сахаровымъ. Какъ историческій матеріалъ, она имѣетъ, пожалуй, свою цѣну: вотъ все что можно о ней сказать, ибо съ перваго взгляда видно, что эта повѣсть писана какимъ-нибудь монахомъ, человѣкомъ совершенно бездарнымъ, ограниченнымъ, который гнался за риторическими фразами. Одного поверхностнаго сравненія этого памятника съ нашими древними лѣтописями достаточно, чтобы убѣдиться, въ какомъ упадкѣ находилась въ XVI вѣкѣ литература нашихъ монастырей и иноковъ.

Впрочемъ, какова бы ни была „Повѣсть“, нельзя не поблагодарить общество за ея изданіе. Какъ историческій памятникъ, она замѣчательна даже своею уродливостью.

Пропуская письмо покойнаго епископа пензенскаго, Иннокентія, и двѣ грамоты Алексѣя Михайловича, не представляющія ничего особенно замѣчательнаго, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о письмѣ черногорскаго владыки П. П. Нѣгоша Московскому Обществу Исторіи и Древностей, въ которомъ онъ благодаритъ его за избраніе въ почетные члены. Это письмо любопытно во многихъ отношеніяхъ. Большая его половина—панегирикъ, славословіе Москвѣ, украшенное цвѣтами полу-восточной фантазіи:

„О сколь Москва восхищаетъ меня (восклицаетъ владыка)! Москва – священная скинія великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва—колыбель Донскаго, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва—мать царей,—начало величія Славянскаго! Москва столица

знати и Святый олтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всесожженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское,— непоколебимая скала, о которую величіе Запада Европы сокрушилось“ и т. д.

Утѣшительно читать эти слова. Отдѣливъ изъ нихъ то, что̀ къ Москвѣ нейдетъ, и устранивъ полупоэтическіе образы, мы получимъ искреннюю, глубокую симпатію владыки къ Россіи, убѣжденіе, что въ ея рукахъ судьбы славянскаго міра. Такія чувства для насъ должны быть дороги и питаютъ нашу національную гордость, тѣмъ болѣе, что владыка воспитывался въ Россіи. Самая форма, въ которой они выразились, очень естественна, если вспомнимъ, что письмо писалъ начальникъ Черногорья: до Петра Великаго мы сами выражались точно такъ же. Но отрадное дѣйствіе этого посланія какъ-то невольно ослабляется мыслью, что многіе, особливо въ Москвѣ, истолкуютъ слова владыки буквально и извлекутъ изъ нихъ новый аргументъ въ пользу своего неисторическаго москвофильства, а это вызоветъ со стороны другихъ насмѣшки и злыя остроты противъ письма, которыхъ они ни въ какомъ отношеніи не заслуживаютъ. Таково еще у насъ, къ сожалѣнію, состояніе мнѣній: запоздалыя теоріи, органъ исчезающихъ остатковъ древней Руси, подрумяненныя съ помощью новѣйшей европейской науки, вызываютъ и поддерживаютъ крайности въ умахъ и отдаляютъ появленіе того, давно желаннаго, спокойнаго, но исполненнаго силы и энергіи безпристрастія, которое для насъ теперь есть единственно возможный путь къ прямому, здравому взгляду на вещи. Конечно, есть уже люди, настолько твердые въ реальномъ пониманіи нашего прошедшаго и настоящаго, что призраки, добросовѣстно или недобросовѣстно выдаваемые за истину, не въ силахъ ринуть ихъ въ противоположное, столько же далекое отъ нея воззрѣніе; но большинство не таково: одна ложь отбрасываетъ его къ другой лжи, и въ этомъ колебаніи, какъ ни ограничена его сфера, безплодно проходитъ время, которое можно бы употребить и полезнѣе и лучше. Всего печальнѣе то, что разномысліе вертится почти исключительно около однихъ словъ, сведено на голословныя различія, діалектическія хитросплетенія и тонкости, которыя сдѣлали бы честь самому Горгіасу. Защитники московскихъ теорій ловятъ своихъ противниковъ на словахъ, на выраженіяхъ, и горе, если имъ попадется новичокъ, неи
сившійся въ паутинѣ многосложной мос
ской формалистики! Ничего не зная
подозрѣвая, онъ будетъ торжественно
возглашенъ прозелитомъ московской алек
рійской школы, и отъ этого штемпеля
ужъ не очиститься никакими заклинані
Оттого люди, извѣдавшіе и вкусившіе
московскихъ преній, чрезвычайно осторо
въ разговорахъ. Они хорошо знаютъ, чт
Москвѣ, какъ это ни странно, назначили
въ XIX вѣкѣ мѣсто свиданія схоластики в
вѣковъ и народовъ для окончательнаго
чанія своихъ многомудрыхъ диспутовъ.
же, непосвященному въ эту тайну, мо
она придти въ голову? Всякій здравомы
щій, безпристрастный человѣкъ изъ непо
щенныхъ, недавно пріѣхавшій въ Мо
на вопросъ: какъ вамъ нравится письмо
гоша?—не обинуясь, скажетъ, что оно ему
вится,—что оно произвело на него прія
впечатлѣніе. Но посвященный, тоже здр
мыслящій и безпристрастный, никогда
прямо не скажетъ: онъ слишкомъ опыт
чтобы неосторожно искренно обнаружи
свое мнѣніе. Сперва онъ подумаетъ, съ к
говоритъ, потомъ оглянется, нѣтъ ли зб
такого человѣка, при которомъ нельзя
сказываться спустя рукава, подъ страх
быть тотчасъ же причислену къ прозели
московскихъ теорій. Тогда только онъ ста
отвѣчать, но и тутъ отвѣтъ его не в
будетъ одинаковъ: одному онъ скажетъ,
письмо ему очень нравится, другому —
оно ему вовсе не нравится, отъ трет
сперва вывѣдаетъ, въ какомъ смыслѣ онъ
спрашиваетъ, и потомъ отвѣтитъ, со
жаясь съ человѣкомъ, мѣстностью, об
тельствами, даже послѣдними гостинными
говорами. И при всемъ разнообразіи, д
противоположности отвѣтовъ, онъ остае
вѣренъ своимъ мыслямъ, потому что вся с
все вниманіе сосредоточены на словахъ
не на дѣлѣ. Все это служитъ новымъ д
зательствомъ, что въ исторіи нѣтъ прыжк
и каждый народъ непремѣнно пережив
всѣ ступени развитія. Мы смѣемся надъ
ластикой средневѣковой Европы, и до
душно не замѣчаемъ, что сами въ ней
димъ по-уши. Зато этимъ, конечно немно
дорого, выкупается для насъ честь б
впослѣдствіи, когда-нибудь, представител
всемірно-историческаго развитія челов
ства.

восьмой книжкѣ „Чтеній“ помѣщено олько важныхъ статей и матеріаловъ асти церковной исторіи и древней рус- духовной литературы. Они составля- главное содержаніе, хотя и остальное огихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вни- .

обопытна статья, подъ названіемъ „Исто- церквей Гельветическаго исповѣданія въ ѣ“ г. Лукашевича, переведенная съ каго на русскій г. Хмѣльницкимъ. Въ ой книжкѣ помѣщено только ея на- Авторъ—полякъ и католикъ, но это омѣшало ему сохранить безпристрастіе окойный тонъ въ разсказѣ происшест- которыми ознаменовалась въ Литвѣ а протестантизма и отчасти правосла- ъ католицизмомъ; исключеній немного, райней мѣрѣ сколько мы видѣли до поръ. Все сочиненіе обнимаетъ исторію естантскихъ церквей въ Литвѣ, съ ихъ ренія до царствованія Сигизмунда Ав- III; здѣсь же обозрѣніе событій доведе- только до 1595. Желая вкратцѣ познако- ть читателей съ содержаніемъ этой важ- статьи о предметѣ вообще у насъ мало момъ, мы, чтобъ не нарушить един- разсказа, поговоримъ о ней когда вый- вся статья. Скажемъ теперь нѣсколько о матеріалахъ для церковной исторіи ковной литературы.

влеченіе изъ грамоты Паисія, ферапон- аго монаха, къ великому князю Ва- Ивановичу о разводѣ его съ первой той и вступленіи во второй бракъ. документъ изданъ по двумъ списк- съ варіантами, и содержитъ въ себѣ ическій разсказъ объ обстоятельствахъ, шествовавшихъ разводу Василья Ивано- и о началѣ суда надъ Максимомъ Гре- съ его дѣйствительными или мнимыми шленниками. Задумавъ развестись съ супругой, потому что у ней не было , великій князь обратился за совѣтомъ ассіану. Вассіанъ сказалъ ему, что если азведется и вступитъ во второй бракъ, вершитъ прелюбодѣяніе. Василій раз- лся, заключилъ Вассіана въ Чудовъ тырь и черезъ нѣсколько дней, по со- ніи съ митрополитомъ Даніиломъ, „со- лъ на него свидѣтеля“, чудовскаго андрита Іону, который донесъ, что „во ли... государевѣ богомоліи, Максимъ и Сава святогорцы жительствуютъ по Государеву велѣнію, сходатая имѣютъ себѣ доп(б)рописца Михаила Медоварцева, и тріе совокуплены во единомысліе, и толкуютъ книги, и изводятъ словеса по своему изволенію, и исправляютъ по своему разуму, безъ согласія и безъ повелѣнія твоего, и безъ благословенія Митрополичьяго, и безъ собора вселенскаго, и Васьянъ согласился съ ними же, и творятъ укоризну царствію твоему; а велѣлъ еси быти въ своемъ богомоліи и вобреженіи старцу Васьяну, и вницаютъ въ неподобная и мерзкая суесловія, съ ними же и Селиванъ чернецъ, единогласникъ тріехъ, сі(ы)й“. Вслѣдствіе этого доноса былъ созванъ соборъ, на которомъ Вассіанъ, Максимъ Грекъ и прочіе осуждены и разосланы въ заключеніе по разнымъ монастырямъ, а дѣло о разводѣ опять поднято. Отправлена грамота къ четыремъ патріархамъ, о томъ, можно ли расторгнуть бракъ по неплодію, или нѣтъ? Патріархи отвѣчали отрицательно. Маркъ, патріархъ іерусалимскій, предсказывалъ даже, что если у великаго князя и родится сынъ, то онъ принесетъ Россіи несчастія.

„Все попраетъ, и роды... Боляpьстіи, и стратигове, и племянника Лаковрича и вси... Христіяне во страсѣ и утѣсняеми будутъ; но реку презритъ вся Вселенскій Соборъ, и воспріиметъ подъ свою руку Келевдерію, и будетъ грабитель чюжаго имѣнія, моль же поядаетъ ризы, а чюжаго имѣнія грабленіемъ и свое все истребитъ, и наполнится... царство страсти и печали, и будутъ въ та лѣта убиванія многа и муки величествію Саранадасійскихъ (то есть боярскихъ) родовъ, и юношъ нещадѣніе, и ово на кола, инымъ усѣченіе главы, и затоцы безъ милости, и мнози гради огнемъ попрани будутъ.“

Словомъ, это предсказаніе объ Іоаннѣ Грозномъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ съ одной стороны и какимъ его только и разумѣли современники, особливо духовенство, имѣвшее на то свои причины. Можетъ быть, оно-то и заставило Карамзина, которому этотъ актъ былъ извѣстенъ, усомниться въ его достовѣрности, ибо „много странныхъ выраженій и словъ вымышленныхъ, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ“, онъ приводитъ, какъ доказательство подложности. Но едва ли сомнѣніе основательно; слова патріарха могли быть вставлены позднѣе. Это потому вѣроятно, что рукопись, съ которой напечатанъ памятникъ, отнесена издателемъ къ XVI или даже XVII вѣку (см. № 7, предисловіе къ

пренію Даніила съ Максимомъ); сверхъ того, предвѣщаніе Марка составляетъ особенный періодъ, который легко можетъ быть опущенъ, безъ нарушенія цѣлости, единства акта. Здѣсь сказано: „они же велиціи Патріарси согласистася и предложили писаніе по правиломъ святыхъ отецъ: неподобаетъ тако тебѣ, Государю, творити, понеже и мірской чади правила святыхъ отецъ запрещаютъ. Но единъ изъ четырехъ великихъ Патріарховъ восписалъ свирѣпствомъ, Марко Іерусалимскій". Затѣмъ слѣдуетъ предсказаніе, а вслѣдъ за нимъ: „вскорѣ же дойде епистолія къ Государю отъ Патріархъ" и т. д. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что переводчикъ или передѣлавшій посланіе, прочитавъ, что Маркъ „восписалъ свирѣпствомъ", приписалъ отъ себя, по готовому и извѣстному, пророчество объ Иванѣ Грозномъ или измѣнилъ слова патріарха. Какъ часто обезображивались такими вставками и передѣлками наши древніе акты, всего разительнѣе видно на церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава; ихъ что ни списокъ, то новый текстъ, а между тѣмъ, мы знаемъ навѣрное, что они существовали, хотя ихъ подлинники или вѣрныя копіи, можетъ быть, навсегда утрачены. Какъ бы то ни было, это мѣсто очень любопытно. Оно, мимоходомъ, даетъ поводъ къ разнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, предположеніямъ, въ объясненіе загадочнаго дѣла Максима Грека и взаимныхъ отношеній русскихъ великихъ князей къ восточнымъ патріархамъ. Если грамота была отправлена къ послѣднимъ послѣ заточенія Вассіана, Максима и другихъ, очень понятно, почему они отказали великому князю въ разводѣ. Они были имъ недовольны за своевольныя распоряженія, которыми Василій болѣе и болѣе отстранялъ отъ себя и русской церкви вліяніе восточныхъ іерарховъ. Такимъ образомъ, разбираемый нами документъ еще болѣе наводитъ на догадку, что Максимъ Грекъ дѣйствительно былъ органомъ восточныхъ патріарховъ, и что они имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Что дѣло противъ Максима началось сперва вслѣдствіе гнѣва великаго князя на Вассіана за прямо высказанное мнѣніе о разводѣ его съ Соломоніей,—это очень вѣроятно. Но, конечно, это не была единственная причина гоненій. Соборъ раскрылъ другія, болѣе важныя и опасныя тайны.

Какъ бы то ни было, въ выписи сказа
что Василій, получивъ грамоту отъ патрі
ховъ, опечалился и послалъ ее къ митро
литу. Митрополитъ, прочитавъ, сказалъ
дующія замѣчательныя слова: „своей стр
нечестива имѣетъ царя, и да блажитъ
сего же нашего государя православнаго
ряетъ; но сыну Василей тебѣ, глаголю
ликому Князю, учинити благословеніе, и
метъ на ся, и всѣмъ Вселенскимъ собор
благословимъ творити ему". Соображая
съ предыдущимъ и послѣдующимъ, мы
маемъ, что въ этомъ случаѣ иниціатива
надлежала не митрополиту, а великому кня
который, подобно своимъ предмѣстникам
преемникамъ, не любилъ церемониться, ко
что-нибудь лежало ему поперекъ дороги.
нахи или не понимали этого, или наро
передѣлали и цѣлой риторической об
новкой затмили настоящій смыслъ собы
Несмотря на это утѣшеніе, предлагае
услужливымъ митрополитомъ, Василій уѣх
въ Александровскую слободу, вызвалъ къ
сарскаго и подольскаго епископа Дос
обвинителя Вассіанова Іону и придумыв
что ему дѣлать. Обстоятельство было
легкое. Въ это время труднѣе и труд
становилось дѣйствовать съ восточными
тріархами такъ же открыто, какъ дѣйст
вали Ярославъ, Ростиславъ и другіе. П
томъ, сѣмена уже были посѣяны Максим
нельзя было узнать, какіе они прин
плоды, сколько приверженцевъ нашли
Россіи его мнѣнія. Вступить во второй бр
по благословенію одного русскаго духов
ства было опасно, а патріархи не да
благословенія. Въ это время возвратился
Москву изъ Крыма великокняжескій по
Иванъ Колычевъ и привезъ съ собою фе
понтовскаго монаха Гавріила съ грамот
отъ святогорскихъ монастырей къ Васи
о его разводѣ и вступленіи во второй бр
Начало этой грамоты есть въ „выписи",
конца, кажется, нѣтъ. Такъ, по край
мѣрѣ, думаетъ издатель этого акта, г.
дянскій, и мы не можемъ не согласиться
его мнѣніемъ, ибо вопросъ поставленъ, а р
рѣшенія его нѣтъ. А очень жаль! Суда
началу, мы вправѣ думать, что конецъ
лилъ бы большой свѣтъ на все событіе:
тогорскіе монахи берутся за вопросъ хи
осторожно, издалека, что заставляетъ
дываться, что и они рѣшали его не
пользу великаго князя. Можетъ быть да

конецъ умышленно уничтоженъ, потому раскрывалъ факты, обреченные вѣчной тѣ. Именно это предположеніе и застаетъ насъ искренно желать, чтобы нашелся ный списокъ „выписи“. При такихъ отныхъ, неутомимыхъ археологахъ, какихъ теперь имѣемъ въ лицѣ гг. Калачова, ольскаго и др., наше желаніе, быть моъ, и исполнится.

Посланіе Гелладія“, новгородскаго и псковго архіепископа, „Іоасафу, архіепископу говскому и Ярославскому“. Этотъ докуъ доставленъ Обществу преосвященнымъ аретомъ, епископомъ рижскимъ, и, если ошибаемся, теперь впервые является въ ати (къ сожалѣнію съ пропускомъ). Онъ ѣчателенъ потому, что прибавляетъ нѣколько новыхъ данныхъ къ извѣстіямъ о ь называемой жидовской ереси, тщательсобраннымъ и превосходно обслѣдованъ г. Рудневымъ [1]). Ученый изслѣдова-, котораго мы теперь назвали, весьма овательно усомнился въ томъ, что наши довствующіе дѣйствительно держались одіудейской вѣры, и, подтвердивъ свое соніе полновѣсными доводами, раскрылъ въ ученіи элементъ раціонализма, справедо заставляющій искать ихъ источника въ ъ сильномъ броженіи идей, которое предтвовало явленію Лютера. Новое, хотя и ицательное, доказательство этому находъ въ посланіи Гелладія. Онъ говоритъ: обрѣтохъ здѣсе Новгородскихъ еретиъ, Жидовская мудрствующихъ; покрыты суть онѣхъ еретикъ клятвенною укоризМаркіанскія глаголы и Мессаліанскія“. потомъ, еще яснѣе: „А что ни есть ересей саліанскихъ, то все они мудрствуютъ, ько то Жидовскимъ десятословіемъ людей льщаютъ, яко чествующе мнятся“. Итакъ видно, что они не были приверженцы ейскаго закона, какъ думали не совсѣмъ свѣщенные наши предки. Далѣе находъ, что такъ называемые жидовствующіе признавали клятвы или присяги, и поу безстрашно присягали, что они истинные, православные христіане; ихъ попы завтракали и пили до обѣдни; къ согрѣшеніямъ, особенно плотскимъ, послѣдніе не были строги и легко ихъ прощали.

Отношенія между Гелладіемъ и Іоасафомъ изъ этой грамоты не совсѣмъ ясны. Кажется, между ними была размолвка, и по всему видно, что послѣдній—не знаемъ почему—не хотѣлъ принять дѣятельное участіе въ обличеніи еретиковъ.

„Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу“ (Челяднину). Оно было извѣстно покойному митрополиту Евгенію, который указываетъ на нѣсколько его списковъ. Сравнивъ выборки, сдѣланныя изъ этого акта и напечатанныя въ „Чтеніяхъ“, съ краткимъ жизнеописаніемъ Іосифа Волоколамскаго въ „Словарѣ духовныхъ писателей“, мы не нашли въ первыхъ ничего новаго и замѣчательнаго. Одинъ отрывокъ былъ уже помѣщенъ въ седьмой книжкѣ „Чтеній“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе и сказаніе о святыхъ Отцѣхъ, бывшихъ въ Русстѣхъ монастырѣхъ“; мы о немъ говорили. Это изданіе мы считаемъ совершенно безполезнымъ. Оно не сообщаетъ самого акта, вполнѣ или въ отрывкахъ, что было бы очень важно, а одинъ разсказъ о немъ, въ которомъ кое-гдѣ вставлены изъ него подлинныя слова. Такъ какъ эти подлинныя слова не представляютъ ничего новаго, то мы и понять не можемъ, къ чему этотъ разсказъ напечатанъ. Полнаго изданія онъ не замѣнитъ, слѣдовательно, не принесетъ никакой пользы и ни въ какомъ отношеніи.

„Слово Кирилла философа на Соборъ Архистратига Михаила“. Господинъ Розовъ, доставившій Обществу это слово, не безъ основанія приписываетъ его русскому митрополиту Кириллу II, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ съ темными указаніями на древне-русскіе обычаи и повѣрья. Эта находка имѣетъ библіографическій интересъ, никакого другого. Съ нею лишь увеличился и безъ того кажется довольно длинный списокъ риторическихъ проповѣдей, передѣланныхъ съ греческаго на славяно-церковный языкъ, на пользу души нашихъ праотцевъ.

Кромѣ исчисленныхъ статей и актовъ, восьмая книжка „Чтеній“ содержитъ въ себѣ продолженіе „Лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи“ Ригельмана (Часть II и III, книги 4-ю и 5-ю), до вступленія Мазепы съ

[1]) „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ русской Церкви со времени Владиміра Великаго, Іоанна Грознаго. Москва, 1838 г.“. Эта книга, знаетъ почему, мало извѣстна, а между тѣмъ, хъ въ русской исторической литературѣ не наешь и десяти; это вѣрно. Взглядъ на наши тогія ереси и расколы обличаетъ въ авторѣ не ко остроумнаго критика, но и глубокаго знатока ней Руси.

войскомъ подъ покровительство Карла XII; два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ—о разбоѣ на Волгѣ и Окѣ, и о набѣгѣ литовцевъ и „черкасъ“ на Шартомскій монастырь (оба XVII вѣка), наконецъ, письмо объ избраніи на польскій престолъ Михаила Вишневецкаго и статью покойнаго Венелина объ исторіи. Акты г. Борисова и лѣтописное повѣствованіе не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго; но письмо и еще болѣе статья Венелина очень любопытны, и потому въ заключеніе мы займемся ими.

Въ 1669 году гетманъ Демьянъ Многогрѣшный прислалъ въ Москву переводъ съ письма, писаннаго по-польски ротмистромъ Андреемъ Рачкевичемъ изъ Варшавы къ старостѣ лоевскому, Котарскому, объ избраніи Вишневецкаго на польскій престолъ. Этотъ переводъ найденъ и доставленъ Обществу г. Бѣляевымъ. Рачкевичъ пишетъ: „Слава на неби Господеви, что счастливо, знатно по изволенію Божію... единогласно, безъ всяческихъ противныхъ рѣшеній, избрахомъ Государя“. Далѣе: „невозможно изрѣщи, не точію описать, но и въ кроникахъ таковы згоды и радости дочитаются (вѣрно: дочитаться), какова нынѣ во единъ часъ учинилась всей рѣчи посполитой, згода единодушная, что безъ шуму, безъ мятежу, во удивленье и безъ разлитія крови, съ неподобныхъ дѣлъ учинились подобные, чего ни единъ не начаялся таковы згоды“.

Сенаторы не хотѣли приступить къ выбору короля „для своихъ вымысловъ и прибылей, отъ которыхъ (кандитатовъ на корону) деньги поимали“, и медлили, но посполитое рушенье окружило ихъ и требовало тотчасъ же приступить къ избранію. Оно происходило по воеводствамъ; каждое изъ нихъ „имѣло свои думы“ особливо, и всѣ согласились избрать Михаила Вишневецкаго. Избраніе сопровождалось разными благопріятными предзнаменованіями. Когда, передъ „думами“, всѣ съ колѣнопреклоненіемъ запѣли „Снійди святый Душе“, трижды пролетѣла надъ ними бѣлая птица. Воеводство сендомирское только что задумало избрать Михаила, говоря, что его отецъ, воюя съ казаками, кормилъ ихъ медомъ, и, можетъ быть, и сынъ будетъ такъ же кормить,—пчелы сѣли на бунчукъ предъ Равскимъ повѣтомъ въ Калишскомъ воеводствѣ, „которой рой *пчелъ собравъ* поручикъ пришед(л)ъ несучи въ шлемѣ до воеводства Сендомирск поздравляючи князя его милость Корол сіе же знатно, яко самъ Богъ избра та сударь, когда мы начали вспоминати к его милость, тотчасъ тѣ пчелы сѣли ц нашимъ воеводствомъ“. Такія суевѣр примѣты были у насъ, въ Польшѣ, и у в народовъ естественнымъ отводомъ про случайностей, которыя безъ помѣхи вла вали надъ общественной и частной жиз не видя въ ней разумнаго, человѣкъ дол былъ придать ей разумность извнѣ, по что чистая случайность для него невыно противна его природѣ.

Избранный король сначала отказыв „Началъ князь плакати, что недостоинъ сего, не издѣвайтесь надо мною, сл своимъ, ненадобны суть сіи рѣчи“, но конецъ согласился. Послѣ краткаго при ствія епископа кульскаго, примасъ, архі скопъ гнѣзненскій, трижды спросилъ по литую рѣчь, согласны ли они имѣть изб наго королемъ, и потомъ назвалъ его к лемъ польскимъ. Избранный долженъ присягнуть на условіяхъ („договорныхъ быткахъ“) въ церкви св. Ина. Затѣмъ черезъ шесть недѣль, должна была по довать коронація.

Перейдемъ, наконецъ, къ статьѣ Вене подъ заглавіемъ: „Мысли объ исторіи ро и русской въ частности“. Читая эту ст не знаешь, чему больше удивляться—ир ли таланту писателя, живости и остро его взглядовъ, или той странной, часто лѣпой формѣ, въ которой они выраж Нѣтъ сомнѣнія, Венелинъ былъ, что н вается, живой человѣкъ. Оттого онъ п угадывалъ и чуялъ многое, чего и не з зрѣвали его ближайшіе недальновидные временники. Часто попадалъ онъ такъ м въ самую сущность дѣла, затрогивалъ т живые вопросы въ наукѣ, что невольно с шиваешь себя: неужели это могло быть писано въ одну изъ самыхъ безплод эпохъ исторической литературы? Но ра съ проблесками необыкновеннаго та встрѣчаются и удивительныя вещи. Одн другимъ сливалось у Венелина въ како странный хаосъ, въ которомъ трудно тись, не имѣя своего опредѣленнаго, вы заннаго взгляда на предметъ. Все это о понятно, и очень грустно, когда поду лишь! Судьба Венелина въ нашей истор ской литературѣ во многомъ сходна съ

Каченовскаго, какъ они, впрочемъ, ни
ичны между собою. Оба хватали гораздо
ьше, нежели успѣли высказать и сдѣлать;
—передовые люди, первые пошли на про-
ъ противъ безсмыслія, напыщенности, за-
ившихъ было всякое разумѣніе русской
ріи, и обоихъ осилила тупая среда, про-
ъ которой они бились на смерть; если
не поддались ей совсѣмъ до конца, то
могли избѣжать и ея воздѣйствія, нало-
шаго на нихъ странную, едва понятную
насъ, печать. Такъ справедливо, что
ядъ на исторію есть актъ народнаго со-
нія, за предѣлы котораго не перешагнуть
ому. Такъ несомнѣнно, что нравственная
сфера, которой дышетъ народъ, создается
ерерождается долго временемъ и сово-
ными усиліями множества дѣятелей. За-
ательные умы и таланты, передъ кото-
и теперь открыто широкое поле, очи-
ное отъ хлама предразсудковъ и упор-
безсознательности, тогда поневолѣ долж-
были укладываться въ неловкую, тяже-
форму и рѣдко, мимоходомъ, могли вы-
аться, потому что встрѣчали на каждомъ
у препятствія, превышавшія силы одного
овѣка. Не осмѣливаемся рѣшить, ясно ли
имали Каченовскій и Венелинъ великій
игъ, который имъ предстоялъ, но кото-
они не могли совершить по времени,
а дѣйствовали, по трудностямъ, которыя
ѣтили; то несомнѣнно, что оба далеко
были поняты. Ихъ невысказанная мысль
лась прекраснымъ, глубокомысленнымъ
щаніемъ для грядущихъ поколѣній; но
еменники, ихъ собратья по дѣлу, видѣли
писанныя слова, буквы, и разбирали
съ наивной добросовѣстностью запис-
ъ ученыхъ: трудъ очень почтенный и
зный, даже необходимый, но не ему
оцѣнить въ мѣру Каченовскаго и Ве-
ина. Кого увѣрите теперь, что предѣломъ
историческихъ убѣжденій были подлож-
ь Несторовой лѣтописи или славянство
иговъ? Въ глаза бросается, что ихъ на-
на эти мысли другія, болѣе глубокія и
своемъ основаніи вѣрныя требованія отъ
ки русской исторіи. А тогда спорили
ко о томъ, что они сказали, и, Боже
какіе горячіе были споры! Подумаешь,
нихъ рѣшалась судьба русскаго царства!
нь понятно, что удары, которые посыпа-
на Каченовскаго и Венелина, должны
оглушить ихъ и отклонить ихъ дѣятель-
ность и вниманіе въ другую сторону. Такъ и прошли они, не высказавшись. Мысли ихъ были подавлены; имъ не изъ чего было развиваться.

„Слово *Исторія* (такъ начинаетъ свою статью Венелинъ), Богъ вѣсть съ чего взятое, означаетъ *описаніе* или *изображеніе*; посему *Исторія Россіи* есть тоже, что *изображеніе Россіи*. Такимъ образомъ, напишите исторію нынѣшней Россіи тогда только, когда изобразите ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея частяхъ, представите ее на ладони. Дѣло идетъ о народѣ. Такъ 1) откройте его отличительныя черты отъ прочихъ народовъ, языкъ, имя; 2) изобразите его *устройство* (organisatio), ибо народъ, какъ цѣлое, есть тѣло органическое; организмъ этотъ есть не иное что, какъ только порядокъ; порядокъ же есть единственное условіе существованія или жизни цѣлаго. Устройство народа состоитъ изъ двоякаго порядка: а) *внѣшняго*, или формы устройства, и б) изъ *внутренняго*, или законовъ и правъ. Вотъ два условія жизни народа, какъ цѣлаго, изъ коихъ первое представляетъ намъ *органы* или орудія жизни народной, а послѣднее самую внутреннюю, *жизненную силу*. Оба рода порядка имѣютъ между собою столь тѣсную связь, что одинъ безъ другого существовать не можетъ. Изображеніе всего *перваго*, на чужомъ языкѣ, называется археологіей, археографіей. Русскаго названія этой наукѣ нѣтъ, ибо ученые, для общаго блага, до сихъ поръ думали, что понятнѣе будетъ названіе науки, вымастеренное изъ какого-либо бусурманскаго языка, чѣмъ русское, и что полезнѣе, для уразумленія онаго имени, заставить юношу коптѣть 7 лѣтъ надъ Еллинскимъ языкомъ, чѣмъ, посредствомъ Русскаго слова, дозволять ему понять то въ одну секунду. Это просто, по-Русски, можно перевести *Чинопись*, т.-е. описаніе чиновъ.

Изображеніе послѣдняго есть... *Законопись*... *Правопись*, описаніе Правъ и Законовъ, иначе, *Правовѣдѣніе*, *Законовѣдѣніе*.

Изобразивъ, подробно, внутреннее и внѣшнее устройство народа, т.-е., тѣло, какъ цѣлое, мы уже получаемъ о немъ довольно ясное понятіе.

3) Изобразите душу народа. Въ этой статьѣ изобразите: а) характеръ и нравы; б) умственныя способности: 1) всю сферу его свѣдѣній, касательно Бога, природы и самаго человѣка; 2) состояніе искусствъ и издѣлій.

4) Изобразите его, такъ сказать, *прозябаніе*: а) всѣ роды напитка, пищи имъ употребляемой, образъ приготовленія оной; б) всѣ виды, качества и формы одѣяній; в) качества и формы жилищъ; г) опишите ясно всѣ вещи, употребляемыя въ общежитіи, во-первыхъ, изъ необходимости, во-вторыхъ, изъ пользы, въ-третьихъ для удовольствія, словомъ, опишите *обзаведеніе* народа, или *питаніе*.

5) Получивъ понятіе о тѣлѣ народа или массѣ, устройствѣ оной, душѣ или духѣ оной, и образѣ питанія оной, вы начертили главныя условія, соединеніе коихъ составляетъ полную жизнь народа, совершенно аналогически съ тѣми законами или условіями, коими поддерживается жизнь самого человѣка.

Единственный признакъ сей жизни есть *движе-*

ніе, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ. Можетъ быть, скажете, что человѣкъ можетъ жить, нѣкоторое время, безъ всякаго движенія, т.-е. что, ни чуть не двигаясь, онъ все живетъ: движеніе хотя и не ощутительно снаружи, но составныя частицы его тѣла движутся безостановочно, и тогда, когда тѣло человѣка будетъ находиться въ совершенномъ, такъ называемомъ, покоѣ, дыханіе, какъ условіе питанія тѣла, движетъ большую часть покоющагося тѣла, а пульсъ разливаетъ во всѣ уголки онаго движущіяся влаги, т.-е. питательные соки. По сему, самое *питаніе* тѣла, само по себѣ, есть вѣчное движеніе, происходящее въ столь строгомъ порядкѣ, что нельзя ему не удивляться довольно.

Конечно, подобное движеніе совсѣмъ различно отъ того, которое производитъ человѣкъ, разбудившійся отъ сна и принявшійся за работу. Разница ощутительна; посему, вообще, движеніе раздѣлить можно на: 1) движеніе *внутреннее*, или *питанія*, или *существованія*, или *порядка*; 2) движеніе *внѣшнее* или *предпріятія*.

Совершенно подобнымъ образомъ происходитъ и въ народѣ. *Внутреннее* движеніе есть: а) *Повиновенія* или *порядка*; это есть безпрерывное теченіе дѣлъ Государственныхъ, дѣлъ управленія всего цѣлаго во всѣхъ большихъ и малѣйшихъ его частяхъ; б) *Питанія*, когда всѣ частицы сего цѣлаго *тонются* за собственнымъ своимъ пропитаніемъ. *Внѣшнее* движеніе, или *предпріятія*, суть всѣ тѣ дѣянія, которыя цѣлый народъ, или часть онаго, по волѣ цѣлаго, *предпринимаетъ* что либо и совершаетъ; эти-то предпріятія суть дѣла или дѣянія народа, почти всегда клонящіяся къ своей настоящей или будущей пользѣ, а иногда и для пользы другого, если этого требуетъ собственная выгода, точно такъ, какъ это бываетъ и съ человѣкомъ. Дѣла народа, обыкновенно, происходятъ или посредствомъ пословъ, или посредствомъ армій, или посредствомъ коммерческой компаніи, караванова; сюда относятся всѣ предпріятія для общаго удобренія и усовершенствованія поля наукъ, искусствъ и ремеслъ, и кое что еще, тому подобное.

Въ семъ-то послѣднемъ (внѣшнемъ движеніи) мы должны понять и изобразить степень *народной дѣятельности*, отъ которой единственно зависитъ его независимость и довольство, т.-е. счастье.

Итакъ, въ полномъ изображеніи народа, вы должны очертить и степень его дѣятельности, приведши его дѣла и сравнивъ съ дѣлами другихъ. Это весьма нужно знать; ибо эта дѣятельность не всегда находится на той же точкѣ: иногда бываетъ сильнѣе, иногда слабѣе, иногда въ томъ, а тамъ въ другомъ отношеніи. Конечно, только изъ вѣрнаго означенія разныхъ оттѣнковъ дѣятельности народа можно начертать вѣрное его жизнеописаніе, или описаніе его дѣяній.

Наконецъ, 6-е, чтобы почувствовать относительное достоинство, дѣятельность, относительное состояніе народа, должно познакомиться съ его сосѣдями; ибо нужно знать, какую роль онъ играетъ въ кругу своихъ сосѣдей. Это суть тѣ оттѣнки, которые вполнѣ освѣтятъ ваше изображеніе".

Какъ ни причудливо выразился Венелинъ, но въ основаніи онъ правъ. Онъ живо чув-

ствовалъ, что исторія непремѣнно до
разсматривать народъ, какъ живой орган
иначе она не будетъ исторіей, а сборни
извѣстій или фактовъ, изъ которыхъ
ничего не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣст
выразилъ свое требованіе еще ясне:

„Съ нѣкотораго времени стали требовать
тинъ, или картинныхъ изображеній во всей
Исторіи. Это значитъ, что люди, наскучив
связностью между предметами или фактам
мірной Исторіи, пожелали видѣть въ ней к
либо связь, или, лучше сказать, какой либо
смыслъ. Къ несчастію, изъ частей, не имѣю
между собою никакой связи, нельзя состави
смысла, ни картины. Дѣланы были, преимуще
но въ Германіи, многочисленные опыты всех
Исторіи. Старанія писателей не стремилис
къ тому, чтобы выразить существо во вс
Исторіи, но взыскивали способы облегчить е
ченіе. Способы эти опять были механическ
дѣло шло только о порядкѣ, въ которомъ бы
представить происшествія; одни представля
таблицахъ, другія подраздѣляли по столѣ
третьи на періоды, эпохи и проч., смотря п
умѣнію; наконецъ, иные подраздѣляли по язы
вѣроисповѣданію и проч.

Вообще, нѣтъ существенной выгоды из
хронистическаго изложенія Исторіи всѣхъ с
ибо кромѣ того, что, большею частью, между
тіями разныхъ странъ нѣтъ никакой связи,
торые подраздѣляютъ свою исторію на пе
при изображеніи событій всякой страны ви
разсказа постоянно возвращается съ конца
чалу періода, такъ что хронологія одного
же періода столько разъ повторяется, сколь
сударствъ сочинитель предположитъ себѣ и
зить".

Все это теперь не новость; хорошій
назистъ уже убѣжденъ въ этомъ. Но въ
время такія мысли не всякому были
плечу. Лучшимъ доказательствомъ мо
служить русская историческая литера
остававшаяся до послѣдняго времени чу
подобнымъ требованіямъ, какъ будто не
о нихъ.

Не довольствуясь критикой синхрон
ческаго способа изложенія исторіи, кото
разумѣется, не могъ ему нравиться, В
линъ бросаетъ, какъ медикъ, въ него м
цинскія остроты:

„Возьми одинъ Томъ готовой, хорошей Ис
всякаго государства; раздѣли, вообще, время
tum satis или ad libitum, на періоды въ 10, 2
50 лѣтъ; сдѣлай экстрактъ изъ каждаго пер
тома, т.-е., схвати одинъ верхушки; соедини из
misce ac divide in partes aequales № столько
смѣшай и раздѣли на столько равныхъ частей,
сколькихъ томовъ дѣланы экстракты; detur, s
tur, т.-е., отпусти и надпиши: *проглотить бы*

ику наизусть по одной экстрактной главѣ въ
. Къ этому присоединяется иногда изустное за-
аніе, чтобы ученикъ, если экстрактная глава
изведетъ въ немъ тошноту, сдѣлалъ изъ нея из-
еніе."

По мнѣнію автора, гораздо лучше состав-
ь для преподаванія краткія отдѣльныя
оріи народовъ. Такія исторіи онъ назы-
тъ общими, въ противоположность про-
анному или подробнымъ. Соединеніе об-
хъ исторій не есть еще то, что мы на-
аемъ всеобщей исторіей, ибо въ такомъ
нѣ мы получили бы сумму общихъ исто-
изъ которыхъ каждая составляетъ осо-
пое цѣлое; а всеобщая исторія должна
ключать въ себѣ событія общія если не
му человѣчеству, то по крайней мѣрѣ нѣ-
кимъ странамъ или народамъ".
Во всемъ этомъ нѣтъ, если хотите, ничего
аго, особенно замѣчательнаго. Но ин-
есны пріемы, изобличающіе сокровенную
ль и тенденціи.
Общія событія у Венелина тождественны
общими чертами, то, что потомъ называ-
ь идеями, принципами и наконецъ теперь
орическими началами. Имъ придаетъ Ве-
инъ особенную важность; ихъ отыскива-
въ исторіи есть главная задача историка.
нивая эту мысль, которая и теперь еще
получила полнаго права гражданства въ
ошеніи къ русской исторіи, авторъ, ми-
одомъ, дѣлаетъ остроумныя замѣтки, ко-
ыя сдѣлали бы честь любому русскому
орику. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

.. „Историкъ только въ вѣрно изображенной
ей чертѣ можетъ настоящимъ образомъ оцѣ-
ь заслуги какого либо историческаго лица по
у или другому предмету...
„Иные изъ современныхъ писателей, взявшись
ить о ходѣ просвѣщенія въ Россіи, съ гордо-
о указываютъ на заслуги Московскаго универ-
ета. Каковы бы ни были эти заслуги, оспорить
ъ ихъ нельзя; однако, не должно забыть, что
сковскій Университетъ долгое время не имѣлъ
ни студентовъ, ни достаточнаго числа профес-
овъ, еслибы, до учрежденія его, не процвѣтали,
нѣкоторомъ отношеніи, Духовныя училища. Всѣ-
у извѣстно, что, до недавняго времени, дворян-
о не посылало дѣтей своихъ для образованія
и въ Университетъ; ремесленное, купеческое и
бопашественное сословія не могли этого дѣлать
другимъ отношеніямъ; такимъ образомъ, значи-
льная часть студентовъ рекрутуема была въ Ду-
ныхъ училищахъ.
„Кромѣ этого отношенія Духовныхъ училищъ
Университету, было еще и то, что лучше всего,
ги единственно, приготовлялось юношество, для
Университетскаго курса, только въ духовныхъ учи-
лищахъ. Не забудемъ, что начало и первое разви-
тіе русской литературы принадлежитъ Духовнымъ
училищамъ: не забудемъ, что большая часть му-
жей, на ученость коихъ осмѣлится указать Русскій
Историкъ, получили образованіе въ Духовныхъ
училищахъ; не забудемъ, что большая часть и ны-
нѣшнихъ заслуженныхъ, по части наукъ, мужей
проистекаетъ изъ Духовныхъ училищъ; не стану
упоминать о тѣхъ лицахъ, которыя унесли свои
свѣдѣнія на поприще службы Государственной. И
нынѣ еще свѣтская училищность не въ состояніи
одна покрывать нужды Россіи, такъ что и доселѣ,
преимущественно Іерархія доставляетъ вѣрныхъ
служителей и Алтарю, и Престолу, и Наукамъ.
„Такимъ образомъ, начало благодѣтельнаго влія-
нія Іерархіи на все Государство, на весь народъ,
должно быть Исторически изыскано и развито.—
Если взять Сѣверную Русь XVI или XVII вѣка и
сравнить съ южной Русью, принадлежавшею тогда
къ Ляхо-Летто-Русской Рѣчи Посполитой, то Юж-
ную Русь видимъ на гораздо высшей степени учи-
лищности, чѣмъ Сѣверную...
„Правда, Южно-Русскія Академіи не приносили
столькихъ литературныхъ плодовъ, какъ другія Ев-
ропейскія, ибо Южная Русь имѣла свои домашнія
непріятности и угнетенія. Несмотря на это, она
имѣла достаточное число образованныхъ лицъ, и
эта-то масса благотворно дѣйствовала на массу
Сѣверную. Къ числу условій учености Южной Руси
принадлежало изученіе Латинской литературы, об-
щей тогда всей Европѣ. Извѣстно, до какого остер-
венѣнія доходило на Сѣверной Руси предубѣжде-
ніе противъ Латинизма: все, что отзывалось Ла-
тынью, въ глазахъ народа, отзывалось ересью. По
Судебнику Іоанна Васильевича, Царь, между про-
чимъ, обязывался Русь *оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ Бесурманъ и Латинъ*. По свидѣтельству
одного современника, въ царствованіе Кесаря
Алексѣя Михаиловича, изо всего Сѣвернаго дво-
рянства одинъ только боярин Лукіанъ Колосовъ
узналъ латинскій языкъ; по этому, ему и ввѣрено
было управленіе *Врачебнымъ* или *Лькарскимъ Приказомъ*; но по свидѣтельству того же очевидца
(Рейтенфельса), это знаніе Латинскаго языка по-
служило къ его гибели, но не сказываетъ какъ.
Нѣсколько разъ каѳедра латинскаго языка въ За-
иконоспасскомъ училищѣ была закрываема и от-
крываема...
„Изъ всѣхъ Южно-Русскихъ Академій болѣе
прочихъ дѣйствовала за Сѣверъ Кіевская. Извѣст-
но, однако, что Кіевская Академія обязана своимъ
восхожденіемъ Петру Могилѣ; изъ Могилиной шко-
лы вышли впослѣдствіи Прокоповичи, Яворскіе и
Дмитріи Туптялы.
„Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ истори-
чески извѣстно, что просвѣщеніе, въ общемъ
своемъ объемѣ, во многомъ вошло въ Россію си-
лою Петра Великаго, и не изъ Западной Европы,
но изъ Южной Россіи. Конечно, заслуги Петра
Великаго неоспоримы; сей монархъ тѣмъ болѣе
великимъ оказывается, что онъ много сдѣлалъ не
только по части просвѣщенія, но и по другимъ
отраслямъ народной жизни, т.-е. въ Петрѣ Вели-
комъ сосредоточиваются эпохи не одной, но нѣ-
сколькихъ *общихъ чертъ* Русской Исторіи"...

Замѣчанія Венелина объ исторіи Карамзина справедливы въ высокой степени. Онъ судитъ о ней съ одной извѣстной стороны; но такъ, что трудно что-нибудь прибавить или возражать.

„Всякій народъ можетъ имѣть столько же общихъ Исторій, сколько имѣетъ и сторонъ. Если кто пожелалъ бы почерпнуть для себя поученіе въ исторіи своего отечества, то можетъ это получить только въ полномъ изображеніи отдѣльныхъ чертъ народной жизни, а не въ пространной Хронологической Исторіи, въ которой есть *отрывки* изъ всякой отдѣльной черты, и въ коей эти отрывки разбиты по разнымъ страницамъ отрывками, принадлежащими къ другимъ общимъ чертамъ, въ которой, напримѣръ, послѣ извѣстія о интригахъ, слѣдуетъ описаніе похода безъ указанія на его послѣдствія; а тамъ возстаніе такого-то города противъ налоговъ; а тамъ постриженіе въ монахини такой-то благородной дѣвы, съ умильнымъ прибавленіемъ объ ея сердечныхъ чувствованіяхъ; а тамъ, что такой-то въ такомъ-то году запретилъ кораблямъ купцовъ такого-то народу выходить изъ гавани по поводу долговъ или контрабанды, и проч. Таковы такъ называемыя Государственныя исторіи; такова исторія Карамзина; таковы Исторіи, большею частью, и другихъ народовъ. Правда, въ такихъ Исторіяхъ собрана, накоплена въ Хронологическомъ порядкѣ, *всякая всячина* или всякаго роду *Синхронистическая смѣсь*, но въ такой смѣси вы не увидите продолженія *отрывковъ*, не найдете послѣдствій ни интригъ, ни похода; не усмотрите, какую пользу принесло запрещеніе на такіе-то товары. Въ послѣдующемъ царствованіи, вы увидите другіе отрывки, которые, однако, едва-ли согласите съ отрывками предшествующаго царствованія. О многихъ вещахъ встрѣчаются не рѣдко отрывки только черезъ 50 лѣтъ. Какое же поученіе можетъ пріобрѣсть читатель въ такой Исторіи, въ которой онъ самъ долженъ снова собирать разсѣянные, не развитые и недостаточные отрывки; въ которой самъ еще долженъ трудиться, самъ составлять для себя картину изъ отрывковъ, самъ составлять для себя нѣчто цѣлое, общее, и добиваться историческаго смысла? Ибо только цѣлое можетъ представить полный смыслъ; только полная черта можетъ выразить физіономію: ея младость, возмужалость, дряхлость; только полная, общая черта можетъ показать возрастъ народа, объяснить, что онъ сдѣлалъ, и чего еще отъ него ожидать можно, съ какими препятствіями онъ боролся, борется и можетъ бороться; только знаніе общей черты можетъ предохранить отъ неправильныхъ мѣръ (préserver des fausses mesures).

„Превосходство *общей* Исторіи передъ *пространною*, въ учебномъ отношеніи, есть еще въ томъ, что въ общей есть единство; ибо общая преслѣдуетъ и развиваетъ, въ продолженіе всѣхъ столѣтій, одну мысль, одну черту; представляетъ ея превратности, ея судьбу; между тѣмъ какъ въ *пространной* вмѣстѣ говорится и о другихъ чертахъ народной жизни; Исторіи ихъ на всякомъ шагу пересѣкаются, перепутываются, вниманіе развлекается и на всякомъ шагу не удовлетворяется. Поелику Исторія, какъ и всякій разсказъ, не жетъ допускать болѣе одного предмета, коего бу должно разсказывать (въ противномъ сл если допустить два главныя лица, или пред тогда можно сказать, что двѣ Исторіи, два сказа сметаны, *сложены* въ одинъ), то выхо что въ Исторіи *пространной*, какъ я ее до называлъ, нѣтъ *единства*. Такую Исторію до называть *сложною*; такова Исторія Карамзин

„И такъ, очевидно, что Исторія Карамзин *Исторія*, а *Временникъ*, въ коемъ собрана *вс всячина въ Хронологическомъ порядкѣ*. Форм которой писалъ Карамзинъ, и писали Исто другихъ народовъ, есть также форма *Хрон фовъ* (Лѣтописей) или *Временниковъ*. Такъ лѣтописи не заключаютъ въ себѣ всѣхъ исто ковъ, необходимыхъ для вѣрнаго изображенія щей какой-либо черты, то первые Исторіогр при недостаткѣ достаточныхъ матеріаловъ дл зданія цѣлаго, почти по необходимости при дены были придерживаться формы *Лѣтопи* для нихъ тѣмъ болѣе удобной, что она прини всякаго рода факты и безъ связи, было бъ то это въ Хронологическомъ порядкѣ.

„Что же осталось дѣлать бѣдному людскому ображенію, человѣческому вниманію въ подоб Исторіяхъ? Обыкновенно, біографическіе (ж описательные) отрывки, сценическія изображ безъ начала и конца, безъ причинъ и послѣд наполняютъ подобныя Исторіи.“

Мы не можемъ не цѣнить высоко слова, когда подумаемъ, что они напис не ближе какъ лѣтъ за десять тому назад когда вспомнимъ, что и теперь еще „ни видитъ въ нихъ ересь, упорно держась даній избитой ложной колеи. Въ этихъ вахъ уже слышатся живой голосъ, жи требованія, провозвѣстники новаго пер нашей исторической литературы, отрад и утѣшительные, въ какой бы формѣ явились. Это заря, за которой немину слѣдуетъ восходъ.

Девятая книжка—послѣдняя за нынѣш 1846—1847 академическій годъ. Несмо на ея объемъ, далеко превосходящій предшествующія книжки, мы нашли въ сравнительно мало любопытнаго.

Первая статья по порядку есть послѣ ваніе „о Патерикѣ Печерскомъ“ дѣйст тельнаго члена Общества г. Кубарева было уже напечатано въ Журналѣ Ми стерства Народнаго Просвѣщенія (183 октябрь), и какъ видно изъ подстроч примѣчанія, перепечатано въ „Чтеніях безъ измѣненій, но исправленное. Не и мавшись прежде этою отраслью наш древностей, мы не осмѣливаемся произн

объ ученомъ трудѣ г. Кубарева, и
тавляемъ это знатокамъ. Судя по от-
, статья имѣетъ большія достоинства.
ья Венелина „о древнихъ жилищахъ
о народа“ вся основана на топогра-
ихъ и гидрографическихъ розыска-
Она намъ показалась значительно
другихъ его статей, тоже помѣщен-
въ „Чтеніяхъ“; вездѣ гипотезы, на-
и самыя странныя выходки, напри-
„Если найдется человѣкъ, который
ся бы отдѣлываться тѣмъ только,
были Языги Метанасты, тотъ стоитъ
тобъ его прогнали нагайками съ ка-
. Или:

имъ образомъ, по всему Русскому *мери-*
еловѣкъ вездѣ разсчитывалъ, куда ему слѣ-
винуться; въ какую сторону спустить плоды
своихъ. Если *Тиса* и *Прутъ* указали че-
путь, то и прочія рѣки Руси подчиняли
асти людей своего царства (regnum hydrau-
И такъ, если привести въ движеніе чело-
о всего Русскаго *меридіана*, то та же са-
огунская (?) сила опредѣляла направленіе
женія. Этотъ командиръ есть и былъ *Гео-*
и *Землепись*; а его знамя не шелковое по-
е, а желѣзный заступъ, на которомъ золо-
пись: „*Вѣчная Русская Лѣтопись*“. Ско-
те маршъ всему *меридіану* — вы увидите,
рва онъ пройдетъ значительное простран-
льнымъ фрунтомъ, а послѣ разныя его бри-
напримѣръ, *Угличане*, *Тверитяне*, *Москви-*
Калужане и прочія, выступятъ изъ линіи и
ъ центръ съ фланговъ діагонально, точно
е какъ и рѣки стремятся къ соединенію съ
, *почти* діагонально же, и, въ пустынныхъ
хъ, *фрунтовая линія* превращается въ ко-
Такъ какъ между движеніемъ человѣчества
еніемъ водъ почти нѣтъ разницы, то можно
ить слово *воды* вмѣсто *дружины*, и сказать:
образомъ всѣ воды Сѣверной Руси, отъ
до Астрахани, стремятся цѣльною *колон-*
свое Каспійское *становище*.
ія же эволюціи по всему Русскому *мери-*
изъ Дона, Днѣпра, Дуная и Тисы; закри-
ой, и вы увидите, какъ далеко удалились
тра правое и лѣвое крыло вашего боеваго
На картѣ увидите, что ихъ отдѣляютъ не-
ыя и *ненаселимыя* степи, такъ что ваша
азстроилась, то есть превратилась въ *от-*
корпуса. Если Прокопій говоритъ, что
цы, не имѣя сообщенія съ прочими своими
еменниками, ведутъ иногда войны съ сво-
ѣдями, Персіянами, за предѣлы своихъ вла-
о ихъ точно можно назвать *отдѣльнымъ*
кимъ корпусомъ?“

ва вся статья: написана энергически,
о убѣждаетъ.
ая, того же Венелина: „о времени
ія названій: греческое, латинское,
нѣмецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо“. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе: обыкновенно думаютъ, что церковный алфавитъ изобрѣтенъ Кирилломъ,—но совершенно несправедливо: это алфавитъ греческій IX, X и отчасти XI-го столѣтій. Буквы необходимыя для славянскаго выговора: *ж*, *б*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц*, *ы*, *я*, *ю*, *ъ*, и т. д. неизобрѣтены, а взяты изъ древнеславянскаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ названіемъ глаголическаго. Около времени Цицерона римляне оставили этрусскій алфавитъ, которымъ писали не только они, но вся Европа, и приняли греческій. Въ IX, X и отчасти XI вѣкахъ этотъ алфавитъ, перейдя въ уставный, преобразовался въ угловатый, такъ называемый нѣмецкій. Послѣ того, съ XII вѣка въ Византіи и западной Европѣ уставный алфавитъ переходилъ постепенно въ полууставный, курсивъ и скоропись. У грековъ и болгаръ полууставъ и курсивъ совершенно разошлись въ формахъ, подобно латинскому и нѣмецкому, происходившимъ, какъ и два первые, отъ одного алфавита. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія Мануцій Альдъ, принявъ за образецъ прежній греко-римскій алфавитъ, составилъ типографическій шрифтъ, названный antiquae. Славяно-церковный тоже составленъ по образцу уставнаго греческаго; но впослѣдствіи голландцы внушили Петру Великому округлить его по образцу antiquae. Такимъ образомъ появилось у насъ различіе между церковнымъ и гражданскимъ алфавитомъ, изъ которыхъ первый соотвѣтствуетъ европейскому monachales, а второй antiquae. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что названіе *церковныя* буквы произошло не ранѣе образованія гражданскаго шрифта при Петрѣ; *нѣмецкія* — съ того времени, когда нѣмцы почти исключительно удержали ломанный монашескій шрифтъ, отброшенный всѣми другими народами; *славянскій*—когда угловатый уставъ всей восточной церкви сталъ принимать у грековъ другой видъ, слѣдственно не прежде начала XII вѣка; *греческія*—скоропись греческая XIII, XIV и XV вѣковъ стала исключительно такъ называться съ того времени, когда Мануцій Альдъ составилъ изъ нея печатный шрифтъ (XV в.).

Остальную часть статьи наполняетъ весьма подробное опроверженіе подлинности буллъ Іоанна VIII къ велико-моравскому князю

Святополку, 880 года. Поводомъ къ опроверженію послужило выраженіе litterae-slavicae, которое по мнѣнію Венелина, появилось не ранѣе XII вѣка.

Не можемъ въ заключеніе не сообщить читателямъ оригинальнаго мнѣнія Венелина о томъ, что̀ значитъ писать уставомъ:

„Писать уставомъ значитъ писать такъ, какъ подписался однажды подъ диктовку одинъ Козакъ: *полукружокъ* вышло С; *палку, опять палку и еще палку, сверху перекладина*, и вышло III, *палку и еще палку, въ средину перекладина* и вышло Н; *палку и еще палку, вверху перекладину*, и вышло П, *кружокъ* и вышло О и проч.

„Если греческій алфавитъ, съ 800 по 1100 г., прошелъ, такъ сказать, *подъ палками*, то то же самое случилось въ западной Европѣ, въ эти годы, и съ Римскимъ."

„Объясненіе нѣкоторыхъ географическихъ названій, особенно славянскихъ, изъ языка финикійскаго, И. И. Кохомъ"; прежде всего успокоимъ читателей, которые конечно не безъ ужаса и содроганія прочли это заглавіе: г. Кохъ жилъ въ концѣ XVIII вѣка; около 1788 года онъ былъ директоромъ Учительской Педагогической гимназіи въ Петебургѣ. Эти числа спасаютъ ученую репутацію г. Коха, и издатели премудро поступили, сдѣлавъ эту біографическую отмѣтку. Статья сообщена г. Максимовичемъ. Любопытно видѣть, какъ тогда смотрѣли на исторію и понимали историческія изслѣдованія. Мы совершенно не знаемъ восточныхъ языковъ, а слѣдовательно и финикійскаго, а потому не ручаемся, что авторъ именно этимъ, а не другимъ какимъ-нибудь языкомъ объясняетъ географическія названія. Повидимому и сами издатели находились точно въ такомъ же затрудненіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ вопросительный знакъ въ скобкахъ, поставленный подлѣ слова: *финикійскаго*. Но положимъ, что такъ: спрашивается, что выиграетъ наука, если нѣкоторыя географическія названія въ Европѣ будутъ звучать совершенно одинаково съ иными финикійскими словами? По созвучіямъ авторъ приходитъ къ курьезнымъ результатамъ. По финикійски (?) Невринъ и Вандаль значитъ одно и то же. Между прочимъ, *van dahl* значитъ бѣлая безплодная земля густого чернаго лѣса (!?). Г. Кохъ спрашиваетъ: гдѣ жъ эта бѣлая земля, гдѣ жили Невры, что одно и то же по-финикійски съ Вандалами?—и отвѣчаетъ: въ Ливоніи; *livah* по-финикійски значитъ *бѣлая*; въ Курляндіи, потому что и *char* тоже значитъ *бѣлая*, въ Бѣлоруссіи, Подляхіи, Мазуріи, М зовіи, Помераніи, Пруссіи и т. д., потому всѣ эти имена означаютъ то гору бѣл цвѣта, то пространную бѣлую землю, с вомъ непремѣнно что нибудь да бѣлое. Эт выписокъ кажется достаточно. Боже, к подумаешь, сколько шаговъ мы сдѣлали в редъ со времени директорства г. Коха! Пр даже иныя статьи г. Погодина кажу послѣ объясненій г-на Коха, глубокомысл ными философскими сочиненіями!

„Переписка о Всеславѣ Брячислав между протоіереемъ Сабининымъ и г. дянскимъ". Въ изслѣдованіи о славянск божествахъ Хорсѣ и Дажьбогѣ г. Бодянс мимоходомъ замѣтилъ, что сказанное „Словѣ о полку Игоревѣ" о Всеславѣ Б числавичѣ нельзя принимать буквально, это иносказательныя поэтическія выраже Протоіерей Сабининъ не согласенъ съ эти мнѣніемъ, и предлагаетъ свое объясне Такъ какъ оно довольно ново, то мы в ведемъ его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, и г. Бодянскій съ нимъ вполнѣ согласен находитъ его прекраснымъ и мастерски

„Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ описыва Всеслава такъ, какъ носилась объ немъ молва народѣ, т.-е. чародѣемъ, вѣдьмою, если можно т выразиться, мужескаго пола, а не болѣе.

„Должно думать, что Всеславъ или былъ не вѣрно дѣятеленъ, быстръ и смѣтливъ въ сво предпріятіяхъ и походахъ, что такая худая мо разнеслась объ немъ, или, можетъ быть, онъ б оклеветанъ предъ народомъ въ чародѣйствѣ дру отраслью потомковъ Владиміра Великаго, чтобы всеобщемъ народномъ отвращеніи отъ него не пустить его до престола великокняжескаго самыя лѣтописи занесено, что онъ былъ рожд матерью чрезъ волхвованіе, и отъ этого былъ ч вычайно кровожаденъ: „сего же мати роди отъ хвованія, матери бо родившей его, бѣ ему на гл знамя язвено, ямо на главѣ его; рѣкоша вол матери его: все язвено навяжи нань, да носит до живота своего Всеславъ на себѣ; сего ради милостивъ есть на кровопролитіе". См. Соф. Вре изд. П. Строева, 1, 155. См. Полн. Собр. Лѣто сей. 1—67. Могло ли быть что нибудь годно доброе изъ Всеслава, когда онъ родился отъ хвованія, и когда волхвы, при самомъ вступле его на поприще жизни, наставили мать его, к сыну ея вести себя въ продолженіе цѣлой жи Конечно нѣтъ; онъ могъ быть только чародѣе волхвомъ сильнѣйшимъ, нежели волхвы, научив его волшебству въ самомъ началѣ жизни, пото что сила многихъ волхвовъ перешла на него. чему пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ", вездѣ ни говоритъ объ немъ, изображаетъ его какъ ча дѣя, какъ оборотня, какъ вѣдьму мужескаго по и приписываетъ ему дѣйствія сверхъ-естествен

ныя? Не волшебство ли это, что Всеславъ, въ какимъ-то лютымъ звѣремъ въ полночь лгорода и усѣвшись на синей мглѣ, какъ бы рѣ самолетѣ, очутился потомъ вдругъ у Нов- а утромъ, употребивъ стѣнобитныя орудія, ъ уже врата его и разгромилъ славу Яро- Не волшебство ли это, что онъ, судя людей вляя княжескими городами въ продолженіе очью рыщетъ волкомъ, что онъ изъ Кіева, въ волка, переносится въ Тмутаракань еще до -е. до пѣнія пѣтуховъ, и превосходитъ своею тою Великаго Хорса, т.-е. солнце? Замѣтимъ ь, т.-е. до пѣнія пѣтуховъ. Почему? Потому тухъ игралъ важную ролю въ Миѳологіяхъ го міра и въ суевѣріяхъ народныхъ. Онъ тицею солнца и служилъ символомъ его на какъ силы, производящей и животворящей нъ, раздѣляя своимъ пѣніемъ ночь на двѣ ны, останавливалъ дѣйствія царства тьмы, якія волшебства, всякія явленія нечистыхъ , мертвецовъ, оборотней и предвозвѣщалъ е появленіе свѣта, враждебнаго тьмѣ. Его у суевѣрныхъ народовъ означало почти то же, будто бы само солнце, царь свѣта и врагъ выходило на горизонтъ. Почему Всеславъ, ы не поспѣлъ въ Тмутаракань до пѣнія пѣ- , то бы онъ не достигъ той цѣли, какую себѣ ложилъ. Всеславъ превращается въ волка, ъ быстрѣйшее животное: и у Скандинавовъ называются конями вечернихъ наѣздницъ, ѣдьмъ. См. Рус. Истор. Сборник. IV. 83, 115, шебство ли это, что Всеславъ слышитъ звонъ ловъ въ Кіевѣ, тогда какъ ему ранѣе обык- о звонятъ къ заутрени и въ Св. Софіи въ кѣ, и если звонили прямо для него къ заут- ъ Полоцкѣ, то предполагалось, что онъ былъ но какъ же онъ очутился въ Кіевѣ? Не иначе, омнѣнія, какъ сверхъ-естественною волшеб- лою.. Что жъ изъ всего слѣдуетъ? То, что все о Всеславѣ изъ „Слова о полку Игоревѣ“ ится теперь безъ всякихъ натяжекъ, и что этого слова изобразилъ Всеслава такъ, какъ ла объ немъ молва народная; а что молва ая говорила объ немъ, какъ о чародѣѣ, о видѣтельствуютъ и лѣтописи“.

переписка, какъ оказалось, возникла едоразумѣній; г. Бодянскій и не думалъ ывать противное.

трывокъ изъ записокъ профессора Чебо- а“ сообщенъ обществу г. Максимови- Какъ видно, это не отрывокъ изъ част- записокъ, которыя обыкновенно назы- *записками*, а изъ записныхъ лекцій по- го профессора. Третье отдѣленіе ихъ, атанное теперь, содержитъ въ себѣ леніе въ русскую исторію, а именно об- взглядъ на предметъ, изслѣдованіе о ахъ, жившихъ въ Россіи, и раздѣленіе ой исторіи на періоды. Чеботаревъ, ко мы можемъ судить по „отрывку“, человѣкъ трудолюбивый, знающій и умный. Не теряясь въ фантазіяхъ и ничѣмъ не подтверждаемыхъ гипотезахъ—этой язвѣ нашего времени, онъ строго придерживался положительныхъ фактовъ, и когда они ничего не говорили, онъ, какъ человѣкъ здравомыслящій, воздерживался отъ всякаго заключенія. Оттого правила исторической критики, которыя онъ изрѣдка, мимоходомъ, высказываетъ, очень бы пригодились иному и теперь. Взглядъ его и раздѣленіе на періоды (Шлецеровское: Россія рождающаяся, раздѣленная, порабощенная, побѣдоносная) разумѣется теперь ужъ никуда не годится; но мы не станемъ за это винить автора, потому что время и понятія были другія. Между прочимъ, мы узнаемъ изъ „Записокъ“, чего никогда не подозрѣвали, а именно, что г. Погодинъ составилъ свою вступительную лекцію по запискамъ покойнаго профессора.

„Писать Россійскую Исторію (такъ начинаетъ Чеботаревъ)—какое смѣлое предпріятіе! почти теряюсь въ великости оной. Писать Исторію такого Государства, которое составляетъ девятую часть всего обитаемаго земного шара и вдвое больше цѣлой Европы; такого государства, которое вдвое обширнѣе самаго древняго Рима, бывшаго обладателемъ цѣлаго міра;—писать Исторію такого народа, который уже болѣе девяти сотъ лѣтъ на театрѣ міра играетъ большую ролю, и который въ наши времена господствуетъ съ сѣвера на югъ отъ Ледовитаго и Балтійскаго моря до Чернаго, Каспійскаго и Байкала, а съ запада на востокъ отъ рѣки Кименя, Вислы и Днѣстра до Анадыра и Авачи, яко дальнѣйшихъ предѣловъ багряныя зари;—писать Исторію такого государства, которое подъ скипетромъ своимъ соединяетъ Славянъ, Нѣмцевъ, Финновъ, Татаръ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, Тунгусовъ и Курильцовъ, народовъ совсѣмъ различнаго языка и различнаго происхожденія, и которое граничитъ со Шведами, Прусаками, Турками, Персами, Бухарцами, Китайцами, Японцами и Гуронами; словомъ писать Исторію Россіи, сей, такъ сказать, великой колыбели, изъ которой вышли толь многіе народы, разрушившіе въ Европѣ и вновь основавшіе многія знаменитыя государства!

„Раскройте лѣтописи всѣхъ временъ и народовъ и покажите мнѣ такую Исторію, которая бъ пространствомъ своимъ не обширнѣе, но только бъ равна была Россійской. Она не Исторія земли какой простой, но знаменитой части свѣта, она не Исторія одного какого, но множества народовъ, которые всѣ и языкомъ, и религіею или закономъ, и нравами, и происхожденіемъ своимъ различны, но завоеваніями, неисповѣдимою судьбою и счастіемъ Россовъ, соединены въ одно государство“.

Сравнивая эти слова съ вступительной лекціей г. Погодина, нельзя не быть поражену необычайнымъ сходствомъ. Въ послѣдней есть только нѣкоторыя распространенія, но они

такъ ловко подлажены къ основному взгляду, что и не видно спаекъ. Источникъ, можетъ быть, немножко слишкомъ старъ и несовременъ; но въ этомъ случаѣ г. Погодинъ поступилъ на основаніи личнаго вкуса; онъ издавна былъ поклонникомъ старины и недовѣрчиво смотрѣлъ на всякую новизну – до того недовѣрчиво, что даже, противодѣйствуя ей, не всегда разбиралъ средства. Вѣчный поклонникъ и защитникъ всякаго рода авторитетовъ, г. Погодинъ въ блестящую эпоху своей дѣятельности представлялъ въ нашей исторической литературѣ вспять-идущее направленіе, вездѣ гибельное, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ покуда нечего останавливать, а надо еще понукать. Чѣмъ больше, выше была его ученая репутація, тѣмъ вреднѣе его вліяніе, наложившее печать на столькихъ людей. На немъ вина, что многіе замѣчательные дѣятели по русской исторіи были забыты или несправедливо и пристрастно оцѣнены современной литературой и критикой. Ни литературу, ни критику нельзя въ этомъ винить. Могли ли онѣ поступать иначе, когда взгляды и понятія, давно отжившіе свой вѣкъ, начали выдавать публикѣ за непреложныя истины и навязывать молодежи подъ страхомъ отлученія? Къ счастію, это время проходитъ; мысль проясняется; все противное здравому смыслу видимо теряетъ авторитетъ. Теперь каждый можетъ безпристрастно судить о русскихъ писателяхъ всѣхъ вѣковъ и всякихъ направленій, не боясь явиться поддержкой и поборникомъ историческаго обскурантизма, и мы очень счастливы, что можемъ исполнить этотъ долгъ въ отношеніи къ г. Чеботареву, несмотря на разительное сходство его взглядовъ съ воззрѣніями г. Погодина.

„Суворовъ и Тугутъ“. Переводъ изъ книги Фукса: „Жизнь Суворова“. Она давно уже, но не припомнимъ въ какомъ именно году, была переведена на русскій языкъ, а отрывокъ, напечатанный теперь въ „Чтеніяхъ“, еще въ 1816 году помѣщенъ въ собраніи образцовыхъ сочиненій, въ отдѣлѣ прозы, въ 4-мъ томѣ. Слѣдовательно эта статья въ нашей литературѣ не новость. Языкъ старовать и черезчуръ высокопаренъ.

„Разсужденіе о финнахъ, ихъ древнѣйшемъ мѣстопребываніи и происхожденіи“ Сума, переведено съ датскаго протоіереемъ Сабининымъ. Очень ученая, но крайне сухая, утомительная для чтенія статья, изслѣдующая *именно* тѣ вопросы, которые всего менѣе могутъ быть названы историческими въ нас щемъ значеніи слова.

Вотъ историко-литературная часть дев книжки „Чтеній“. Остальное занимаютъ теріалы.

„Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ ствующемъ градѣ Москвѣ, и о растр Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи е Это сказаніе было извѣстно Карамзину онъ имъ воспользовался въ X и XI том своей исторіи. Заслуга Общества заключае въ томъ, что оно впервые напечатало эт памятникъ вполнѣ, по двумъ спискамъ, к рые исправнѣе Карамзинскаго.

„Преніе Даніила, Митрополита Мос скаго и всея Руси съ старцемъ Вассіан 1531 года, мая 11 дня“. Это новый до нительный актъ къ дѣлу Максима Грек его соучастниковъ по трудамъ и бѣдствен судьбѣ. Сколько мы могли замѣтить, въ н мало существенно новаго въ сравненіи актомъ, помѣщеннымъ въ седьмой книг Нѣкоторыя мѣста любопытны. Вотъ нап мѣръ мнѣніе о такъ называемыхъ градск законахъ:

„Вѣдома тебѣ велика книга: Священныя вила Апостольскыя и Отеческія, и седьми Все скыхъ соборъ и Помѣстныхъ, и прочихъ Свят Отецъ, и отъ Градскихъ законовъ къ нимъ же ложенна и сочетана, понеже Градскіе законе щеннымъ правиломъ послѣдуетъ и кому дост сего взыскати, яко взяти и рѣшати, иная къ с по гранемъ обрящетъ и по главамъ, яко же Св Отци уставили и утвердили и запечатлѣли“.

Очевидно, рѣчь идетъ о Номоканонѣ. Вес замѣчательно, что и „градскіе законы“, об ники свѣтскихъ греческихъ постановле имѣли у насъ въ то время (въ XVI вѣ одинаковую силу съ церковными канона ибо о тѣхъ и другихъ говорится вмѣст

„И тое книгы не смѣе никто же разрѣшати чѣмъ поколебати отъ седмаго Собора до Русс крещенія; а въ нашей Руской земли та книга бы ши пяти сотъ лѣтъ Соборную же церковь содрал и все Православное Христіянство просвѣщает спасаетъ, отъ Святаго и равно Апостоламъ Ве кого Князя Владимирю и до нынѣ Царя и Ве каго Князя Василія неразрушима и непоколебл была ни отъ кого“.

Послѣ этого не трудно понять, почему гр ские законы такъ сильно вліяли на наше сво ское законодательство, что особенно замѣт въ XVII вѣкѣ.

Въ числѣ обвиненій, вообще довольно сл

ныхъ съ тѣми, которыя возводились противъ Максима Грека, хотя вообще менѣе невѣроятныхъ и грубо-невѣжественныхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія:

„Отъ Святыхъ Отецъ отъ седми Соборовъ и донынѣ во священныхъ правилѣхъ Еллинская ученія небывала, а ты нынѣ во своихъ правилѣхъ Еллинскихъ мудрецовъ ученіе написалъ Аристотеля, Омира, Филина, Александра, Платона.

„Да ты же, де, Васьянъ, говорилъ про Чудотворцовъ: Господи! Что ся за Чудотворцы? Сказываютъ въ Колязинѣ Макарѣ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельской. И Васьянъ отвѣчалъ: Азъ его зналъ, простой былъ человѣкъ, а будетъ ся Чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворецъ ли сей будетъ, не чудотворецъ ли".

Вообще Вассіанъ не былъ очень уклончивъ на судѣ; отвѣты его смѣлы, иные исполнены иронія. Къ сожалѣнію, конца этого интереснаго акта недостаетъ.

„Семейные акты Иванчиныхъ-Писаревыхъ, XVII столѣтія". Большая часть изъ нихъ очень извѣстны, хотя нельзя сказать этого обо всѣхъ. Челобитныя о переписаніи изъ дворовaго списка въ выборный, о назначеніи въ воеводы и объ отпускѣ съ службы, показались намъ довольно любопытными. Но примѣчанія, которыми г. Иванчинъ-Писаревъ снабдилъ въ изобиліи свои семейные акты, очень посредственны, даже весьма плохи, о чемъ мы и считаемъ нужнымъ предостеречь читателей, мало знакомыхъ съ древнерусскимъ бытомъ. Всѣ ихъ разбирать не стоитъ: мы возьмемъ два, три на выдержку.

Въ примѣчаніи къ первому акту, на стр. 4, г. Иванчинъ-Писаревъ говоритъ, между прочимъ:

„Петръ Великій указомъ 1714 года, совсѣмъ уничтожилъ *помѣстья*, то есть, пожизненныя владѣнія, обративъ ихъ въ *вотчины (отчины)*. Премудрый Монархъ усмотрѣлъ народное зло отъ *помѣстьевъ*, которыхъ не берегли владѣльцы, ибо не прочили ихъ своимъ дѣтямъ, тогда какъ ихъ *вотчины*, то-есть потомственныя владѣнія, процвѣтали. Старецъ владѣлецъ, снабжая свои вотчины на счетъ помѣстьевъ, живалъ всегда въ первыхъ, водилъ дѣтей своихъ по слободамъ, знакомилъ ихъ съ поселянами, однимъ словомъ, упрочивалъ ихъ своему потомству; а помѣстья оставались какъ бы отчужденными, не своими".

Во-первыхъ, замѣтимъ, что не Петръ Великій обратилъ помѣстья въ вотчины: это издавна приготовлялось, чему есть доказательства уже въ Уложеніи, и еще болѣе въ новоуказныхъ статьяхъ. Наконецъ, указомъ 1684 года, 21 марта (П. С. З. № 1070) установленъ совершенно одинаковый порядокъ наслѣдованія для помѣстій и вотчинъ; потомъ помѣстья велѣно продавать для удовлетворенія частныхъ кредиторовъ, до того эти государственныя земли приняли характеръ вотчинъ. Законъ о единонаслѣдіи имѣлъ совсѣмъ не то назначеніе, какое ему приписываетъ авторъ. Чтобы наши вотчины когда-нибудь процвѣтали, мы тоже не слыхали и крѣпко подозрѣваемъ, что извѣстіе такъ же справедливо, какъ и все остальное.

Взглядъ на мѣстничество очень оригиналенъ:

„Ово удумано было Іоанномъ Великимъ, дабы упрочить себѣ и своимъ преемникамъ единодержавіе, спасшее и усилившее Россію. Князья еще родственники Державнаго, обращенные въ подданныхъ, считались съ его знатнѣйшими служилыми Боярами и домогались стоять въ Государственномъ спискѣ еще выше ихъ. Это могло назваться дѣйствительно аристократіею. Іоаннъ послѣ Новгородскаго похода велѣлъ написать разряды, то-есть, означенія, какимъ полкомъ (корпусомъ или отдѣломъ арміи) кто предводительствовалъ: кто большимъ, кто полкомъ правой, кто лѣвой руки, кто передовымъ, кто сторожевымъ, и кто у кого былъ въ товарищахъ; дабы впредь считались роды по *служебнымъ* мѣстамъ ихъ предковъ, а не по знатнѣйшему княжескому *происхожденію*. Въ то же время онъ роздалъ многимъ Князьямъ крови Рюрика и Гедимина прозвища, вѣроятно, чтобы изгладить въ памяти прежнія ихъ прозванія по ихъ владѣніямъ. Этотъ способъ навѣки упрочить единодержавіе онъ, казалось, завѣщалъ своимъ преемникамъ, сыну Василію, прямо мудрому, и внуку Іоанну IV. Послѣдній такъ глубоко проникъ эту идею, что всегда готовый за строптивость или непослушаніе подданнаго (кто бы онъ ни былъ) уничтожить его, смирился предъ законами мѣстничества, и не только прощалъ, но и мирволилъ кичливо непокорнымъ приказаніямъ по этому предмету. Въ его младенчество, при нашествіи Саипъ-Гирея, Бояре и Воеводы сами объявили себя *безъ мѣстъ*; но это былъ порывъ русскаго сердца въ годину опасную для Россіи. Впослѣдствіи, и онъ, при важнѣйшихъ случаяхъ, показывалъ *быть безъ мѣстъ*, но это бывало лишь казуснымъ употребленіемъ Самодержавной власти. Послѣ того мы видѣли какъ смѣтливый Годуновъ уступилъ Мстиславскому первенство въ предводительствѣ противъ Казы-Гирея, не по княжескому происхожденію послѣдняго, а по родовому служебному старшинству. При всемъ благоговѣніи къ великому подвигу спасителя Россіи, Князя Дм. Мих. Пожарскаго, нельзя оправдать его по закону мѣстничества и чиновнаго порядка въ непокорности Князю Трубецкому. Воцарившись надъ пепелищемъ Москвы и Россіи, Царь Михаилъ Федоровичъ, внушаемый мудрыми совѣтами, сперва дяди своего Ивана Никитича Романова, а также родственнаго ему, Боярина Осод. Иван. Шереметева, а потомъ и отца своего, Филарета Никитича, продолжалъ

покровительствовать мѣстничеству и среди заботъ о успокоеніи и огражденіи царства, истерзаннаго врагами, еще внималъ спорамъ Салтыковыхъ съ Пожарскими, Пожарскихъ съ Сицкими, и многихъ другихъ. Царствованіе мудраго сына его, творца Уложенія, перваго замыслителя о регулярныхъ войскахъ и флотѣ, добытеля Смоленска и Кіева, все царствованіе Алексія, и даже славный походъ его подъ Вильну были возмущаемы тяжбами по мѣстничеству, чему въ числѣ многихъ служитъ доказательствомъ и приведенная здѣсь грамота или указъ. Наслѣдовавшій ему царь Ѳедоръ Алексіевичъ увидѣлъ себя слишкомъ уже озабоченнымъ разбирательствомъ этихъ тяжбъ, и по совѣту знаменитаго князя Василья Голицына велѣлъ вынесть на площадь *Мѣстническія книги* и сжечь ихъ, а *Родословныя* сохранить. Князь Василій воспользовался было этимъ актомъ для возстановленія древняго обычая считаться по *родовому происхожденію*, а не по *родовой службѣ*. Но вдругъ явился державный гигантъ, Петръ Великій, чтобы измѣнить, переначить, если не все, то многое, для упроченія цѣлости, величія и славы Россіи; скомандовалъ на неизвѣстномъ языкѣ, *маршъ*, и самъ *замаршир-валъ*, въ глазахъ своихъ Бояръ и Князей за Лефортомъ и Гордономъ. Тутъ ковчились всѣ распри по родовымъ и разряднымъ спискамъ въ отношеніи старшинства по службѣ. Но замѣтимъ, что сей царственный геній, подобно старшему брату своему, также много обѣщавшему Россіи, сохранилъ и уважилъ *родословныя*, зная, что настоящее часто нуждается въ поминахъ прошедшаго, въ этихъ двигателяхъ славныхъ дѣлъ отчизнолюбія. Многіе Государственные акты и его собственноручныя писанія утвердили важность *Родословныхъ*, то-есть, память о *дородствѣ и отечествѣ*".

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ статьями г. Погодина и превосходными изслѣдованіями гг. Валуева и Соловьева о мѣстничествѣ, тотъ съ перваго взгляда увидитъ, что въ приведенномъ нами мѣстѣ каждое слово — ошибка, каждое положеніе—страшный, хоть и невинный софизмъ. Ясно, что авторъ не имѣетъ о предметѣ никакого понятія. Вотъ еще драгоцѣнная замѣтка:

„Чрезмѣрная униженность въ выраженіяхъ была тогда обычною вѣжливостію. Впрочемъ, и новѣйшая Европа, даже въ XIX столѣтіи, мало измѣнилась въ письменномъ этикетѣ, напримѣръ: нынѣшній Боярин Генералъ отъ Инфантеріи или Дѣйств. Тайн. Совѣт., нынѣшній окольничій (Генералъ-Лейтенантъ) начинаютъ ко мнѣ свои письма: „*Милостивый государь*" и оканчиваютъ, называя себя *моимъ покорнымъ слугою*. Французы говорятъ королевѣ и прапорщицѣ *Madame*; прапорщику и брату короля *Monsieur*. У Италіянцевъ, когда они желаютъ окончить письмо почтительно, то часто замѣняютъ слова: *Umilissimo* словомъ *divotissimo*". (!)

Къ числу матеріаловъ относимъ мы также: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи", г. Ригельмана. Въ девятой книжкѣ „Чтеній" это сочиненіе окончено. Мнѣніе наше о немъ мы ужъ прежде высказали. Въ „прибавленіи" (глава XXXVII) находимъ описаніе запорожскихъ казаковъ, чрезвычайно сходное съ тѣмъ, которое мы разбирали въ одной изъ предыдущихъ книжекъ, такъ что, очевидно, одно изъ нихъ (кажется послѣднее) есть передѣлка другого. Заимствуемъ нѣкоторыя дополнительныя черты къ прежнему описанію.

„Между ими (Запорожскими казаками и Черкасами (то есть, Малороссійскими казаками) никакого различія сначала не было; и не такъ какъ они особеннымъ состоящимъ войскомъ себя считали; стража при порогахъ и ниже оныхъ, по учрежденіи войска, содержана была посмѣнно, и для того установленіемъ Хетманскимъ, въ силу повелѣнія Королевскаго, нарядомъ посылалось на то мѣсто отъ полковъ при начальникахъ подлежащее число Козаковъ, о коихъ тѣ полки какъ о своихъ людяхъ вѣдали и снабжали ихъ всѣмъ тѣмъ, что было для нихъ потребно. Сіи Козаки, по необходимости для защиты своей, на первый случай сдѣлали тамо при Днѣпрѣ засѣку и въ ней поставили шалаши великіе, назвавъ ихъ куренями, и столько числомъ, сколько тогда городовыхъ полковъ въ Украйнѣ было, и тѣми полковыми городами именовались. Они безпрекословно исполняли все на нихъ возложенное дѣло и повиновались всѣмъ какъ Хетманскимъ, такъ и полковъ своихъ повелѣніямъ, и во всемъ давали имъ отчетъ и послушаніе. А какъ необитаемыя еще вокругъ и въ близости оныя мѣста стояли и суть многіе лѣса, рѣчьки, озера, разливы рѣчные и луга, въ коихъ какъ звѣри, такъ и рыбы изобильно, все оное для охотнѣйшаго ихъ въ тѣхъ мѣстахъ пребыванія въ ихъ собственное употребленіе отдано было. Тогда они въ угодныхъ оныхъ, кто гдѣ изобралъ себѣ мѣста, жить стали, и каждый, по склонности промысла своего, въ рыбѣ, звѣрѣ и меду изобильствовалъ, которыхъ своихъ корыстей большую часть пріѣзжимъ къ себѣ купцамъ продавочи, имѣлъ себѣ хлѣбъ и прочая къ житію нужная, а въ самой Сѣчи сложенною имѣли аммуницію и всякой порошенъ Козацкой; такъ же и старшина ихъ прибывала съ нѣсколькимъ всегда числомъ казаковъ. Каждый курень имѣлъ своего куреннаго атамана, вмѣсто полковника, а верховный надъ всѣми старшина назывался Кошевой, вмѣсто Хетмана, какъ бы то было сокращенно. Малая Россія или намѣстникъ оной сила воинская Кошевой сей со всѣмъ Запорожьемъ повиновался, какъ главнѣйшему Начальнику, Хетману Малороссійскому, и особенно каждый атаманъ съ своимъ куренемъ послушалъ городоваго, который звался именемъ полковника.

„Потомъ сіи люди ту засѣку или сѣчу свою сдѣлали на томъ же мѣстѣ замкомъ изъ зеленаго вала, обведеннаго вокругъ ихъ куреней образомъ круглымъ, безъ всякихъ оборонительныхъ пристроекъ, кромѣ воротныхъ башень, съ поставленнымъ на томъ только на ономъ валѣ палисада острогомъ,

деннымъ вокругъ онаго рвомъ, единственно прикрытія ихъ жилища. Народъ оной полагалъ а свое защищеніе не на укрѣпленной городъ, на собственную свою храбрость. Впрочемъ, а во внутренности раздѣлялась, какъ уже объ-но, по числу городовыхъ полковъ, на курени, отомъ оныхъ, когда по своевольству своему уже послушанія настоящаго вышли, оказалось 40, коихъ каждой состоялъ изъ одного большого азныхъ маленькихъ домовъ, въ одномъ мѣстѣ троенныхъ, и посреди оныхъ на площади одна ковь".

Вотъ также любопытныя извѣстія объ уго ныхъ наказаніяхъ у запорожцевъ.

„Смертныя казни хотя имъ по указу, такъ равкакъ и прочимъ правительствомъ, безъ донесе-о дѣлѣ виннаго и безъ повелѣнія, чинить запщено было, но однако же мертвили. Напередъ разбойниковъ, смертоубійцъ, злодѣевъ и во-, по состоянію винъ ихъ, казнили смертію, вѣи и подъ гробъ убитаго клали, и у столба убии, что и до разрушенія ихъ ту послѣднюю кару ывали, и на колъ живыхъ сажали. Для оныхъ ней они палачей и отъ древности не имѣли; а да надобно было злодѣевъ казнить, то довбышъ, командою выходя за городъ, злодѣю злодѣя вѣ-, или другую обществомъ приговоренную казнь, ершать приказывалъ, и то такому, которой самъ отной же казни подлежитъ; еслижъ случился ъ и исполнить того некому, то оставляли его тюремной ямѣ до того времени, доколѣ другой ѣй же будетъ, и такъ вѣшалъ всегда новой раго злодѣя: или если повѣсить надобно было, посадя того на лошадь, подвозили къ дереву петлю и приказывали ему оную самому на наложить и притянуть, а лошадь потомъ гъ изъ подъ него выводили, и тѣмъ того обвѣшивали. Головы жъ рубили только правительствомъ, и то измѣнникамъ".

Продолженіе „Опыта Русскаго Словотолковника" буквы Г и Д, сочиненіе г. Макарова, такъ же любопытно, какъ и начало. Многія слова и выраженія, очевидно, ведутъ свое начало изъ глубокой древности и въ теперешнемъ простонародномъ ихъ значеніи служатъ превосходнымъ комментаріемъ къ лѣтописямъ и стариннымъ памятникамъ, напримѣръ „дымъ", въ значеніи дома, „гостинецъ" въ смыслѣ большая дорога и т. д. Но нѣкоторыя слова не вполнѣ объяснены, напримѣръ, не сказано, что „гулить", „гукать", говорится въ просторѣчіи о дѣтяхъ; почему „доведь"—дамка въ шашкахъ,—малороссійское слово, мы тоже не знаемъ: въ Великороссіи оно употребляется сплошь и рядомъ: „гудѣть" никогда не значитъ течь, какъ объясняетъ г. Макаровъ, а шумѣть, и т. д.

Прочія мелкія статьи не важны. Въ концѣ книжки находимъ двадцать восемь литографированныхъ раскрашенныхъ картинъ, представляющихъ древнія мужскія и женскія одежды малороссіянъ. Въ числѣ ихъ портретъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Сверхъ того двѣ карты западной европейской Россіи по прежнему ея раздѣленію на земли и губерніи. Картины и карты принадлежатъ къ сочиненію г. Ригельмана.

(Современникъ, 1847).

амятники, издаваемые временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

Томъ второй. Кіевъ. 1846.

Второй томъ кіевскихъ актовъ раздѣляетъ подобно первому, на три части. Первая лючаетъ въ себѣ тридцать семь актовъ, осящихся къ исторіи Кіево-богоявленскаго Братства; вторая — уставъ Сигизмунда уста о волокахъ, или королевскихъ земъ, съ прибавочными статьями, и его же товый уставъ; третья, наконецъ,—семнадъ документовъ и актовъ, относящихся къ малороссійской исторіи. Разсмотримъ каждую изъ этихъ частей порознь.

Въ предисловіи ко второму тому кіевскихъ актовъ сказано, что немногіе изъ документовъ, относящихся къ Кіево-богоявленскому Братству, сохранились въ подлинныхъ спискахъ (?); непрерывныя войны въ XVIII в. и частые пожары, которымъ подвергался кіево-братскій монастырь, истребили боль-

шую часть рукописей. Въ 1774 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій представилъ въ св. Синодъ копіи со всѣхъ актовъ, какіе тогда были въ Кіевской Духовной Академіи. Изъ нихъ митрополитъ Евгеній составилъ сборникъ, хранящійся теперь въ библіотекѣ академіи и послужившій главнымъ источникомъ для Кіевской коммиссіи.

И только. Нельзя не сказать, что эта коротенькая отмѣтка по многимъ причинамъ слишкомъ недостаточна; мы были бы вправѣ ожидать гораздо больше отъ коммиссіи и по теперешнему состоянію русской археологіи и по важности самого предмета. Въ дѣлѣ изданія памятниковъ наше время отличается особенною тщательностью. Не говоря уже о вѣрности текста, мы обыкновенно находимъ въ теперешнихъ изданіяхъ старинныхъ актовъ отчетливый обзоръ того, что уже было сдѣлано, какъ-то: подробное исчисленіе прежнихъ изданій и ихъ критическую оцѣнку, указаніе, если не на всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе въ нихъ варіанты, библіографическія отмѣтки о сочиненіяхъ, которыми поясняются и дополняются извѣстія, содержащіяся въ издаваемыхъ памятникахъ, наконецъ историческія объясненія, необходимыя для ихъ уразумѣнія. Таковы изданія Археографической коммисіи, образцовыя въ этомъ отношеніи; таковы и многіе частные труды, напримѣръ, изданіе Русской Правды г. Калачова, Дубенскаго, и другіе. Всѣ болѣе или менѣе понимаютъ неудовлетворительность новыхъ работъ и изданій, сдѣланныхъ безъ всякаго соображенія съ прежними, ибо чрезъ это накопляется только число печатныхъ листовъ и книгъ, положимъ, очень хорошихъ, но которыхъ достоинства теряются именно вслѣдствіе ихъ разбросанности и отсутствія послѣдовательности, связи между ними; не только обыкновеннымъ читателямъ, но даже и записнымъ знатокамъ трудно бываетъ сказать, что жъ собственно выиграла наука съ этими новыми изданіями? У насъ еще въ недавнее время поступали такимъ образомъ съ древними памятниками, и какіе же были результаты? Одинъ и тотъ же актъ отпечатывался въ пяти разныхъ изданіяхъ. Каждый ученый судилъ объ немъ по тексту, который случился у него подъ руками, часто не зная, что есть и другіе. Отсюда разнорѣчія, длинные споры, которые были бы *невозможны* при сводномъ изданіи. А сколько актовъ напечатано вдвойнѣ, втройнѣ, одному списку, и каждый разъ за н новое. Продолжать такъ работать надъ торіей, не значило ли воду толочь? Цѣ фоліанты, изданные подобнымъ образ мало подвинули бы насъ впередъ въ зн исторіи, что̀ дѣйствительно и было. Пот предметъ предмету рознь. Акты, разрѣш щіе вопросы о мѣстоположеніи какой-нибу Тмуторокани или гробницы Мстислава У лого, положимъ даже Ѳеофана Прокопов далеко не представляютъ той важности, кую документъ, относящійся къ Кіев коллегіи, и именно поэтому послѣдній и етъ право на особенную внимательность дателя. Всѣ болѣе или менѣе знаютъ, такое была Кіевская коллегія и какую ную роль она играла въ исторіи нап просвѣщенія. Возникши въ концѣ XVI ка, незадолго до окончательнаго образов уніи и въ одно время съ учрежденіемъ тріаршества въ Москвѣ, эта коллегія, чала небольшое училище при кіевской б явленской церкви, сдѣлалась однимъ главнѣйшихъ органовъ православія про двойныхъ нападеній Польши и неправос ныхъ христіанскихъ исповѣданій. По св положенію, вовлеченное здѣсь въ борьбу свѣтскою властью и въ богословскую съ падными церквами и уніей, православіе необходимости вооружилось наукой и п чило политическое значеніе. Эти обстоя ства вызвали здѣсь къ дѣятельности его силы, заставили ихъ сосредоточиться придти къ сознанію. Весьма естествен что чрезъ это главный органъ и цен движенія — Кіевская коллегія стала сре точіемъ и разсадникомъ умственнаго и ну ственнаго развитія для всей православ Россіи. Подобно другимъ важнымъ яв ніямъ во внутренней жизни Россіи, и к легія возникла подъ европейскимъ вліяніе и формами. Первые учители ея были бо шею частью, воспитанники иностранны университетовъ и коллегій, что и под впослѣдствіи поводъ къ нареканіямъ ея неправославіи, опровергнутымъ извѣстны Сильвестромъ Коссовымъ. Мало этого, свидѣтельству митрополита Евгенія, сам распорядокъ преподаванія былъ заведенъ ней по примѣру іезуитскихъ коллегій. концѣ XVIII вѣка, Кіевъ и Малороссія бы упрочены за Россіею; православіе, не под гаясь борьбѣ и опасностямъ, могло госп

ствовать и распространяться свободно, подъ защитою свѣтской власти. Съ этого времени для коллегіи прекращается роль поборника и блюстителя русской церкви, но она начинаетъ играть другую, не менѣе важную. Почти до послѣдней четверти XVIII вѣка, слѣдовательно еще и послѣ основанія московскаго университета, она была центромъ тогдашняго просвѣщенія. Много замѣчательныхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей Россіи, государственныхъ людей, духовныхъ особъ, профессоровъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ учителей, чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, получили образованіе въ коллегіи. Какъ центральное ученое и учебное заведеніе, она была первообразомъ для духовныхъ академій, семинарій и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и только въ концѣ XVIII вѣка, совершивъ свое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ, стала утрачивать гегемонію въ духовномъ и свѣтскомъ просвѣщеніи Россіи.

Вотъ что такое была Кіевская коллегія. Очень неудивительно, что ея исторія рано обратила на себя вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ. Уже въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ Новикова (т. XVI, 1791 г.) находимъ небольшую статью о первоначальномъ основаніи Кіевской Академіи, привилегіяхъ и грамотахъ, данныхъ ей въ разное время. Въ приложеніяхъ къ описанію Кіево-Софійскаго собора (1825 г.) есть также „краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ, обыкновеніяхъ, порядкѣ и перемѣнахъ“. Это свѣдѣніе составлено покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ и очень любопытно даже теперь, послѣ выхода въ свѣтъ, въ 1843 году, обстоятельной „Исторіи Кіевской Академіи“ ученаго архимандрита (тогда іеромонаха) Макарія. Такимъ образомъ, большая часть актовъ, относящихся къ академіи, уже давно была извѣстна; о многихъ изъ нихъ мы находимъ отзывы, потому что акты служили главнымъ источникомъ внѣшней исторіи коллегіи. Нѣкоторые были даже напечатаны въ приложеніяхъ къ „Описанію Кіево-Софійскаго собора“, къ „Описанію Кіево-Печерской Лавры“ и въ первомъ томѣ „Исторіи Россійской Іерархіи“. (Вивліоѳика Новикова сообщаетъ нѣсколько актовъ въ сокращеніи).

Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ ничего не сказано во второмъ томѣ „Актовъ“, изданныхъ Кіевскою коммиссіею. Редакторы не взяли даже на себя труда хоть указать, по крайней мѣрѣ, на прежнія изданія. Иначе поступаетъ Археографическая коммиссія. Въ ея изданіяхъ при каждомъ актѣ непремѣнно указано, гдѣ онъ былъ уже напечатанъ, представлена краткая оцѣнка этихъ прежнихъ изданій, а внизу текста или въ концѣ тома, въ видѣ примѣчаній, приведены всѣ замѣчательнѣйшіе варіанты этихъ актовъ въ новооткрытыхъ спискахъ, съ точностью, можетъ-быть иногда даже излишнею, но зато внушающею тѣмъ большее довѣріе къ изданію; наконецъ, въ тѣхъ же примѣчаніяхъ сообщены необходимыя историческія поясненія къ документу, безъ которыхъ онъ оставался бы не совсѣмъ понятнымъ. Читатель, записной ученый или диллетантъ, можетъ соглашаться или не соглашаться съ объясненіями, находить нѣкоторыя неудовлетворительными или даже ложными, но они есть и составлены по крайнему разумѣнію. Вотъ что очень важно. Въ изданіяхъ Кіевской коммиссіи недостатокъ всего этого очень ощутителенъ. Завѣщаніе Петра Могилы, напримѣръ, разно читается въ приложеніяхъ къ „Описанію Кіево-Печерской Лавры“ и въ кіевскихъ актахъ. Въ первомъ больше полонизмовъ, и мы ни минуты не задумаемся отдать этому тексту предпочтеніе передъ изданіемъ коммиссіи, потому что за его дипломатическую вѣрность ручается полновѣсный авторитетъ митрополита Евгенія. Но, можетъ быть, коммиссія имѣла особенный списокъ? Можетъ быть, но мы не знаемъ; а предисловіе ко второму тому актовъ заставляетъ думать противное. Далѣе: въ актѣ, которымъ супруга мозырскаго маршалка жертвуетъ свое имѣніе для школъ и гостепріимнаго дома, она названа Анною Гулевичевной, тогда какъ митрополитъ Евгеній, архимандритъ Макарій и авторъ статьи, помѣщенной въ Новиковской Вивліоѳикѣ, единогласно называютъ ее Гугулевичевной. Если всѣ ошиблись, коммиссія должна бы оговориться для своего оправданія; ибо такое, повидимому маловажное, обстоятельство бросаетъ невыгодный свѣтъ на все изданіе. Потомъ: коммиссія говоритъ, что она заимствовала большую часть документовъ о Кіевской коллегіи изъ сборника митрополита Евгенія. Отчего же, спрашивается, она не отпечатала всѣ, а только нѣкоторые? Стоитъ прочесть

статью покойнаго митрополита, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Здѣсь упоминается благословенная грамота патріарха Іереміи 1589 года, на основаніе училища при Богоявленской церкви въ Кіевѣ; купчая братства на плацъ, строеніе и семнадцать куничныхъ дворовъ инокини Параскевы Кучинской, 1621 года, и множество другихъ, которыхъ нѣтъ во второмъ томѣ кіевскихъ актовъ. Указаніе на такіе же акты, не напечатанные коммиссіей, встрѣчаемъ и въ Исторіи Кіевской Академіи архимандрита Макарія. На 43 стр. говорится о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, 1648 года, которою позволено тремъ или четыремъ богоявленскимъ старцамъ пріѣзжать въ московское государство для собиранія милостыни на монастырь и коллегію, по крайней мѣрѣ чрезъ пять лѣтъ, — а на стр. 37, въ примѣчаніи сказано, что копіи съ этой и другихъ грамотъ находятся въ библіотекѣ Кіево-Софійской и академической, слѣдовательно, они не могли быть неизвѣстны коммиссіи. Итакъ, она печатала акты по выбору. Это понятно; но нельзя искренно не пожалѣть, что она не объяснила, что̀ руководствовало ее при выборѣ? Кромѣ самыхъ важныхъ, убѣдительныхъ причинъ, мы не допускаемъ возможности опустить актъ, поясняющій исторію Кіевской Академіи, хотя бы онъ былъ второстепенный.

Все это показываетъ, что первая часть второго тома кіевскихъ актовъ, несмотря на важность предмета, издана далеко не надлежащимъ ученымъ образомъ, какъ мы были въ правѣ требовать и ожидать. За ней остается только то достоинство, что она обнародываетъ многіе акты, большею частью уже извѣстные, но еще нигдѣ не напечатанные. Конечно, и это хорошо, за недостаткомъ лучшаго. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Первый актъ, запись Гугудевичевны, отнесенъ къ 1615. Это мнѣніе митрополита Гавріила. Не знаемъ, почему коммиссія не упомянула о мнѣніи ученаго Миллера, по которому вмѣсто 1615 должно читать 1613. Второй, напечатанный подъ названіемъ „Уписи Кіевскаго братства“, очень замѣчателенъ, но странно написанъ. Мы находимъ въ немъ прежде другихъ подпись Петра Могилы, 1631 года, 11 марта, а потомъ, между прочими, подпись Захаріи Копистенскаго 1616 года, 4 января. Выходитъ, что Петръ *Могила* подписался прежде Копистенскаго, а подпись его позднѣе. Коммиссія вес
справедливо замѣчаетъ, что по свидѣт
ству копіи съ этого акта (подлинника
не имѣемъ) были подписи въ началѣ зап
и изъ этого не безъ основанія выводи
что тутъ оставленъ пробѣлъ, въ кото
впослѣдствіи внесъ свое имя и Петръ
гила. Такимъ образомъ, эта трудность
рѣшается весьма просто. Но, устранивъ
издатели, какъ намъ кажется, ошибочно
несли этотъ актъ къ 1616—1631 год
Рукоприкладство Копистенскаго ясно сви
тельствуетъ, что онъ написанъ не поз
1616 года. А такъ какъ константинопо
скій патріархъ Тимофей второй занялъ
тріаршескій престолъ съ 1613 года, то
раздо правильнѣе отнести составленіе
писи къ 1613—1616 годамъ. Приписы
къ 1616 году этотъ актъ нѣтъ ника
причины; подпись Копистенскаго могла б
сдѣлана позднѣе, какъ и Петра Мог
Братство, названное здѣсь церковнымъ,
шеспасительнымъ, дружелюбнымъ сосл
ніемъ, началось по благословенію и пов
нію константинопольскаго патріарха Т
фея и прочихъ трехъ патріарховъ, „къ
шенію и утвержденію въ благочестіи“
скаго народа православнаго исповѣданія,
воспитанію христіанскихъ призрѣваем
учениковъ, какъ духовныхъ, для умно
и вкорененія христіанскихъ добродѣте
честной иноческой жизни, для препода
полезныхъ наукъ и образованія дѣтей
рода христіанскаго,—такъ и свѣтскихъ,
защиты вдовъ и сиротъ и вспомоществов
всякимъ обѣднѣвшимъ людямъ“. Осн
ніемъ для Братства послужили уставы Лу
скаго, Виленскаго, Могилевскаго братст
церквей другихъ городовъ. Всѣ лица,
которыхъ оно составилось, „согласились
нимъ сердцемъ и одними уставами“ и цѣ
вали крестъ „каждый за всѣхъ, и всѣ
каждаго... для соблюденія христіанск
братскихъ повинностей и порядковъ“.

Подъ актомъ подписались множество л
и въ томъ числѣ знаменитый Петръ М
гила, Захарій Копистенскій, Сильвестръ К
совъ, и другіе, но только о двухъ первы
мы знаемъ, когда именно. Нѣкоторые об
чили въ рукоприкладствѣ, чѣмъ они буд
жертвовать братству: Даніилъ Стрыбыль о
зался давать ежегодно по десяти злотых
съѣстные припасы, Григорій Дегилевск
лошадь для ѣзды или, вмѣсто того, ки

фунта) воску и т. д. Вообще этотъ актъ нь любопытенъ. Онъ даетъ понятіе о ашнемъ религіозно-политическомъ дви-іи западной Россіи, имѣвшемъ чисто сла-скій характеръ. Братства, одинъ изъ зныхъ органовъ этого движенія, были ія же неюридическія общины, какъ и другія, столь многочисленныя въ древ-Россіи. Онѣ имѣли много хорошихъ, но болѣе дурныхъ сторонъ, которыя и и главной причиной ихъ непрочности. прочихъ актовъ обратимъ вниманіе на дующіе:

ри грамоты іерусалимскаго патріарха фана были напечатаны въ I томѣ „Исто-Россійской Іерархіи“ (1807), впрочемъ, значительными отмѣнами;—также и обѣ-іе Петра Могилы основать въ Кіевѣ лища — въ „Описаніи Кіево-Печерской ры“ № 4. Три слѣдующіе за тѣмъ ак-дворянства, духовенства и запорожскаго ска, которыми Петръ Могила признанъ куномъ и блюстителемъ Кіево-Богоявлен-школы и опредѣлены отношенія его и преемниковъ въ этомъ званіи къ школѣ, ется, не совсѣмъ правильно названы у телей Исторіи Академіи *просительными*. ми актами утверждены только порядокъ снованія, бывшіе прежде предметомъ говоровъ между вписными братьями и илой. Завѣщаніе послѣдняго, какъ мы сказали, напечатано въ „Описаніи Кіе-Печерской Лавры“. Вскорѣ по смерти илы, Кіево-печерскій архимандритъ Іо-ь Трызна составилъ актъ, въ силу кото-, исполняя желаніе Могилы, онъ обя-я оставить на три года во владѣніи оявленскаго Братства печерскія имѣнія енки и Гнидинъ. Не знаемъ, на ка-ь основаніи митрополитъ Евгеній въ ъѣ о Кіевской Академіи (стр. 213) гово-, что эти имѣнія были отняты у брат-. Затѣмъ слѣдуетъ грамота патріарха сія братству, которую находимъ въ I т. торіи Россійской Іерархіи“; но здѣсь на выставлено 23 мая, вмѣсто 23 іюля, въ изданіи коммиссіи. Такое же раз-е замѣчаемъ и въ другихъ актахъ. Такъ, ота царя Алексѣя Михайловича, кото-дано коллегіи право посылать въ Рос-братій для собиранія подаянія, отнесена иссіей къ 1650, а архимандритомъ аріемъ къ 1649 году; универсалъ Гет-Самойловича, дозволяющій братству сытить медъ къ извѣстнымъ праздникамъ по отмѣткѣ коммиссіи составленъ въ 1672, а по мнѣнію ученаго Макарія въ 1673 году.—Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, одна, которою, между прочимъ, назначается жалованье Кіево-братскому училищу, напечатана (хотя и не вполнѣ) въ I т. „Исторіи Россійской Іерархіи“, а другая, утверждающая за братскимъ монастыремъ всѣ его прежнія владѣнія, одного года и числа съ упомянутой, если на ошибаемся, напечатана впервые и нигдѣ не упоминается. Эта грамота замѣчательна тѣмъ, что въ ней, какъ тогда было въ обыкновеніи, исчислены всѣ владѣнныя грамоты братства въ хронологическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, видно, какъ оно постепенно обогащалось, какъ и отъ кого пріобрѣтало недвижимыя имущества. Очень вѣроятно, что эта грамота служила для митрополита Евгенія и архимандрита Макарія источникомъ при исчисленіи разныхъ пріобрѣтеній братства въ разное время, хотя они и не упоминаютъ о ней, можетъ быть, не считая ее особенно важною.—Грамота Петра Великаго къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, которой онъ извѣщаетъ послѣдняго объ охранительной грамотѣ, данной Кіевской Академіи 1701 года, 26 сентября, напечатана въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора“. Наконецъ, послѣдній актъ, указъ Императрицы Екатерины II, находимъ, хотя и не полный, въ I т. „Исторіи Россійской Іерархіи“. Всѣ прочіе, безъ исключенія, хотя и не напечатаны, однако, были извѣстны и упоминаются въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ о Кіевской Академіи.

Вторая часть кіевскихъ актовъ содержитъ, во-первыхъ, уставъ Сигизмунда Августа (1557 г.) о королевскихъ волокахъ въ литовскомъ княжествѣ; онъ состоитъ изъ 49 артикуловъ, или статей, и, какъ показываетъ самое названіе, имѣетъ предметомъ королевскія земли [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и устройство поселенныхъ на нихъ людей и крестьянъ. Этотъ уставъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ юридическихъ памятниковъ до-Петровской Руси не только по своему главному содержанію, но и по различ-

[1]) Влока, или волока=33 моргамъ, какъ видно изъ 29 артикула устава. Этотъ уставъ былъ извѣстенъ Чацкому. (Смот. о Litewskich Polskich prawach. Варшава. 1800. Т. I, стр. 222).

были войты съ такимъ же значеніемъ. Право курить вино, варить пиво и медъ принадлежало однимъ городскимъ жителямъ; но тѣ изъ нихъ, которые хотѣли пользоваться этимъ правомъ, должны были вписаться въ реестръ и платить питейную пошлину. Мясники въ городахъ также записывались въ реестръ и платили различныя пошлины, но всякій посторонній имѣлъ право привозить мясо на торгъ въ городъ въ извѣстное время года, а именно, отъ дня св. Варѳоломея до мясопустной недѣли. За привозъ недозволеннаго мяса (издохлой, бѣшеной и *вырадоватой* скотины) назначена смертная казнь. *Коморники*, какъ видно принадлежавшіе къ городскому сословію и поступавшіе въ частную службу или работу, обложены поголовною податью. Запрещено ставить корчмы и варить пиво въ селахъ; первое могло быть дозволено только ревизоромъ или урядомъ, особливо при большой дорогѣ. Также запрещено учреждать новые торги ближе трехъ миль отъ города, чтобъ не было подрыву городскимъ торгамъ. Подати и повинности съ крестьянъ взимались отчасти деньгами, отчасти натурою, отчасти, наконецъ, состояли въ личныхъ работахъ и службѣ. Первые два вида разложены по землѣ. Съ волокъ взимался цыншъ (кажется отъ cens), поземельный оброкъ, различный по качеству земли, также извѣстное количество овса, сѣна, домашней птицы (гусей и куръ), деньги на неводъ и провіантъ. Впрочемъ, всѣ эти подати, кромѣ, разумѣется, чинша, могли быть замѣнены денежной платой, заранѣе опредѣленной закономъ. Работа требовалась отъ крестьянъ тоже съ волока, по два дни въ недѣлю, за исключеніемъ трехъ недѣль въ году. Ненужные для работы водворялись на *осадахъ* (пустопорожихъ земляхъ), облагались поземельною податью и обязаны были только косить и убирать во-время сѣно. Въ уставѣ упоминается также о застѣнкахъ, которые, не знаемъ почему, названы подсосѣдками и тоже платили поземельный оброкъ. Огородники, владѣя землею, обязаны были служить за нее по одному дню въ недѣлю пѣшими, а жены ихъ жать и полоть только шесть дней во все лѣто. Наконецъ, крестьяне обязаны были отвозить овесъ и сѣно съ волокъ въ различныя мѣста на извѣстное разстояніе, опредѣленное уставомъ, и платить *серебщизну*, уже не съ воловъ и лошадей, какъ вѣроятно было прежде, а съ волоки. Очень любопытно положеніе о работахъ. Работа заказывалась войтомъ въ воскресенье. Кто не выходилъ, тотъ платилъ въ первый и второй разъ пеню, а въ третій—наказывался бичомъ на лавкѣ и былъ обязанъ заработать пропущенные дни. Впрочемъ, законныя причины неявки на работу принимались въ уваженіе, хотя и не освобождали крестьянъ отъ обязанности въ другой день заработать все пропущенное. Откупаться отъ работы не дозволено. Являться обязанъ былъ крестьянинъ съ восходомъ, а уходить съ закатомъ солнца. Для отдыха давалось для работающихъ со скотомъ три часа: передъ обѣдомъ, въ полдень и подвечеръ по часу; пѣшимъ столько же разъ по получасу, и то только лѣтомъ, въ длинные дни.

Хозяйственное управленіе королевскими владѣніями изложено подробно. При каждомъ замкѣ и дворѣ королевскомъ велѣно было ставить возможно большіе *фольварки* (фермы), кромѣ неудобныхъ земель; напослѣдокъ, велѣно было селить людей. Урядъ управлялъ королевскими имѣніями, надзиралъ надъ гумномъ, продавалъ хлѣбъ, наблюдалъ, чтобъ всѣ поля были засѣяны, устроивалъ хлѣбныя сушильни (овины или риги) гдѣ было нужно, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи и управленіи скотные дворы при фольваркахъ и доходы, ими доставляемые,—также огороды, пруды и рыбные садки, которые долженъ былъ содержать въ порядкѣ,—строить мельницы, суконныя валяльни, или горно-заводскія мельницы, стараясь извлечь изъ нихъ возможно-большій доходъ; также въ ихъ управленіи находились сѣнокосы и королевскія конюшни. Такимъ образомъ, королевскія имѣнія по управленію имѣли много общаго съ нашими теперешними удѣльными помѣстьями, въ которыхъ главную роль играетъ помѣщикъ или его управитель и староста, ведущіе хозяйство. Разница состояла въ томъ, что всѣ служители, приставленные къ различнымъ частямъ сельскаго управленія, равно какъ и самъ урядъ, получали за свою службу землю или извѣстную часть ихъ дохода (третій снопъ хлѣба, пятый возъ сѣна и т. д.). Впрочемъ, весьма вѣроятно, что здѣсь подъ урядомъ разумѣются одни низшіе управители, ибо высшими бывали сенаторы и другіе высшіе королевскіе служители, управлявшіе посредствомъ своихъ слугъ и намѣстниковъ. Королевскіе ре-

визоры, присяжные и непремѣнно осѣдлые, а не бездомовые, контролировали управленіе и были блюстителями королевскихъ интересовъ и правильности администраціи, и если урядъ дѣйствовалъ не такъ, какъ должно, доносили королю. Наконецъ, особенно важныя издержки или предпріятія по сельскому управленію требовали утвержденія или дозволенія подскарбія или королевскаго казначея.

Сборъ податей производился на одномъ мѣстѣ, въ дворѣ, селѣ или городѣ. Правители не имѣли права разъѣзжать и разсылать для сбора; крестьяне вносили подати сами — каждая община при своемъ войтѣ. Причина этого запрещенія, вѣроятно, была та же, что и у насъ въ древней Россіи: сельскимъ классамъ, вѣроятно, и въ Литвѣ не было житья отъ корыстолюбія и грабительства чиновниковъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого предписанія возложено на ревизоровъ. Крестьянина, который не платилъ по нерадѣнію, сажали въ тюрьму до уплаты, но было запрещено отбирать у нихъ вмѣсто подати воловъ и коней. Во время собиранія королевскихъ доходовъ никто не могъ править съ крестьянъ своихъ долговъ. Впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства — пожаръ, бѣдность и другія, — оправдывали неплатежъ повинностей. Урядъ, собравши подати и доходы, вносилъ ихъ къ подскарбію или скарбнику, получалъ квитанцію и по ней давалъ отчетъ по реестрамъ и уставамъ. Если жъ онъ въ срокъ не вносилъ денегъ и не давалъ отчета, то описывали его имѣніе, и оно поступало въ казенное управленіе, а если имѣнія было недостаточно, то задерживали его самого. Крестьянинъ и все его имущество считались королевскою собственностью, что прямо высказано въ уставѣ: „кметъ и вся его маетность наша есть“. Поэтому, если онъ бѣжалъ—его возвращали; переселиться изъ войтовства онъ могъ неиначе, какъ въ королевскую же волость. Правительство давало имъ разныя льготы, дѣлало всевозможныя облегченія, старалось оградить отъ притѣсненій и несправедливостей низшихъ правителей; но во всѣхъ этихъ мѣрахъ проглядываетъ желаніе сберечь въ нихъ свою собственность, сохранить ее отъ разоренія. Только такому въ политико-экономическомъ отношеніи ложному и ошибочному взгляду на крестьянъ обязаны они какой-нибудь защитой, если дѣйствительно ею пользовались. Прочія распоряженія уста
равно какъ и дополнительныя статьи ус
ва, входятъ въ подробности управленія
ролевскими имуществами и не представля
ничего особенно замѣчательнаго.

Уставъ о подводахъ, 1558 года, 20-го ію
содержитъ въ себѣ административныя р
поряженія о почтахъ. Почтовая повинно
падала на всѣ города и деревни безъ из
тія натурой или деньгами. Не знаемъ,
чему допущена коммиссіей слѣдующая о
чатка, неисправленная въ errata. На стр.
сказано: „того же 1557 года“, тогда к
уставъ, которому эта статья служитъ доп
неніемъ, составленъ въ 1558 году. Въ у
ныхъ изданіяхъ такіе недосмотры быва
очень важны.

Наконецъ, третья часть заключаетъ о
надцать актовъ, относящихся къ исто
Малороссіи. Изъ нихъ только два уже
вѣстны, если еще и не напечатаны:
универсалъ польскаго короля Яна Казим
объ утвержденіи сеймомъ зборовскаго м
1650 года, 19-го января, и бѣлоцерков
трактатъ, 1651 года, 28 сентября; про
кажется, новые; по крайней мѣрѣ, мы
нашли о нихъ извѣстій ни у Маркевича,
у Ригельмана. Письмо Хмѣльницкаго къ
ролю очень любопытно. Оно написано
1650 году, 20 марта, и показываетъ,
зборовскій трактатъ очень медленно и
охотно приводился въ исполненіе не тол
со стороны Польши, но и малороссіяна
Поляки не могли равнодушно подчинить
тягостнымъ и оскорбительнымъ для ни
условіямъ, казаки всячески старались вы
дывать больше, нежели сколько слѣдова
по договору. Хмѣльницкій въ письмѣ свое
благодаритъ короля за зборовскій миръ, пр
ситъ привести въ исполненіе статьи тр
тата, относящіяся къ религіознымъ распря
„потому что паны уніаты привыкли не
полнять королевскихъ повелѣній“, и возвр
тить соборы, церкви и имѣнія, отнятые
русскаго духовенства уніятами. При пись
Хмѣльницкій послалъ и войсковые реестр
прося короля „извинить... если окажет
что по статьямъ зборовскаго мира слѣдова
бы еще болѣе уменьшить число войскъ; п
тому что“, говоритъ онъ, „мы уже и та
имѣли большія затрудненія при опредѣлен
числа нашего войска“. Видно также, что
всѣ малороссіяне были освобождены; нѣк
торые еще содержались въ темницахъ.

сьмѣ воеводы кіевскаго, Адама Киселя
-го марта), разсказано состояніе Малорос-
по заключеніи зборовскаго мира. Хмѣль-
цкій долженъ былъ прибѣгнуть къ стро-
мъ мѣрамъ, чтобъ усмирить волненіе. Чернь
подъ какимъ видомъ не хотѣла подчи-
ться панамъ; исключая очень немногихъ,
прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ
дѣлаться отъ этой зависимости. „Еслибъ
не видѣлъ", говоритъ воевода, „такой
ы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь
ь, и если бы могъ видѣть союзъ Орды
казаками расторженнымъ, а также если
войско могло прійти сюда прежде вскры-
рѣкъ, то, какъ я всегда на сеймѣ объ-
ялъ наилучшимъ средствомъ, такъ и те-
ь не только желалъ бы, но просилъ бы
иженно вашу королевскую милость... при-
мая во вниманіе униженіе, претерпѣваемое
ни въ мирѣ, похожемъ на рабство, лучше
ытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели
ѣть подданныхъ и не владѣть ими". Вотъ
какомъ положеніи находились дѣла. Видя
озможность воевать, Кисель просилъ не
иближать войскъ или, въ противномъ слу-
, извѣстить его, чтобъ онъ и другіе вла-
льцы успѣли заранѣе убраться и избѣгнуть
рти. Какъ сильно было волненіе въ прос-
ъ народѣ въ то время противъ возвра-
шихся владѣльцевъ, видно и изъ другихъ
овъ, особливо изъ универсала, изданнаго
ѣльницкимъ (20-го сентября), которымъ,
тановлено, что паны, вмѣстѣ съ полков-
ками, имѣютъ право даже казнить смертью
ихъ возмутившихся крестьянъ. Вообще
ы, помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ, очень
бопытны. Особенно укажемъ на три письма
дрея Мясковскаго, галицкаго стольника,
королю, отъ 1-го, 4-го и 26-го августа,
1 года, письмо Виговскаго къ коронному
ману Потоцкому, и Хмѣльницкаго къ нему
Послѣднее написано чрезвычайно искусно
видѣтельствуетъ, какъ хитро дѣйствовалъ
ѣльницкій.

Вотъ что́ мы считали нужнымъ сказать о
ромъ томѣ кіевскихъ актовъ. Изданіе не
ько красиво, но даже изящно. Жаль только,
въ немъ тамъ и сямъ попадаются опеч-
ки, даже кромѣ тѣхъ, которыя отмѣчены
коммиссіей. Къ тексту актовъ, внизу стра-
ницы, приложенъ переводъ, не всегда, впро-
чемъ, вѣрный. Такъ, напримѣръ, въ уставѣ
о волокахъ, *покутныя корчмы* переведено:
„корчмы, назначенныя для содержанія пре-
ступниковъ". Невѣрность такого перевода
видна, во-первыхъ, изъ самаго названія корчмы,
которое имѣло то же значеніе, что́ у насъ
теперь, и къ намъ, вѣроятно, перешло изъ
Литвы; во вторыхъ, мѣсто, гдѣ попадается
это выраженіе, ясно даетъ разумѣть, что дѣло
идетъ о кабакахъ или питейныхъ домахъ,
а не о чемъ-нибудь другомъ. Тамъ сказано:
„корчмы покутные *князские, панские,* злаща
(особливо) где не на гостинцу (большой доро-
гѣ)" и т. д.; и потомъ: „таковыми покут-
ными корчмами не одно (не только) шкода
его Милости Господарю але и Речы Посъ-
политой дорогость вжывности и изънищене
убогихъ людей". Все это непримѣнимо къ
корчмамъ, будто бы устроеннымъ для пре-
ступниковъ, а прямо къ кабакамъ. Наконецъ,
слово *покутны*, соблазнившее переводчика,
не имѣетъ здѣсь смысла, и въ рукописи, вѣ-
роятно, ошибкой поставлено вмѣсто поконт-
ный (pokotny), что значитъ потаенный, скрыт-
ный, никому неизвѣстный. Впрочемъ, еслибъ
переводъ былъ совершенно правиленъ, мы и
тогда не могли бы понять, къ чему онъ?
Кіевскіе акты изданы, конечно, не для пріят-
наго препровожденія времени. Ихъ будутъ
читать одни занимающіеся русской исторіей,
но они поймутъ текстъ и безъ перевода;
прочіе не будутъ читать вовсе. А между тѣмъ,
не будь перевода, книга вышла бы меньше,
слѣдовательно, дешевле и, слѣдовательно, до-
ступнѣе для большинства. Едва повѣрить
можно, что два вышедшіе тома кіевскихъ
актовъ стоили пятнадцать рублей серебромъ,
тогда какъ четыре тома румянцовскихъ актовъ
продаются за сорокъ рублей ассигнаціями, а
весь Голиковъ, прежняго изданія,—шестьде-
сятъ, не говоря уже объ изданіяхъ Архео-
графической коммиссіи.

Въ концѣ тома приложены снимки съ гра-
моты царя Алексѣя Михайловича, съ руко-
писи устава о волокахъ, съ печатей и под-
писей.

(Современникъ, 1847).

Изслѣдованія о Русской Правдѣ.

Часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Рус Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ пр Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846.

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей „Русская Правда“ г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень не много у насъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ „Русской Правдѣ“. Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о „Правдѣ“, объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Предположеній о „Русской Правдѣ“ и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы до сихъ поръ не могли произнести никакого сужденія о ихъ большей или меньшей правдоподобности, или вѣроятности, потому что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя изданныхъ, но большею частью неудовлетворительно написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Оттого одинъ смотрѣлъ на „Правду“ такъ, другой—иначе, судя по даннымъ, которыя у него были подъ руками. Прибавимъ къ этому, что списковъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варіанты изъ Ростовской лѣтописи, пять Болтинскихъ, которыми онъ пользовался, издавая „Правду“, и два Фроловскіе, бывшіе подъ руками у г. Тобина); всѣ прочіе, въ большомъ числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно большей части доступны для немногихъ писныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. кою же неизвѣстностью была покрыта и тература по „Русской Правдѣ“, представ щая мало отдѣльныхъ сочиненій, но со щая почти вся изъ журнальныхъ статей, шюръ, главъ и даже мимоходныхъ замѣ въ сочиненіяхъ, собственно относящихся другимъ предметамъ (наприм. у Розенкам Карамзина, г. Погодина и т. д.). Новому скателю было трудно принять въ сообр ніе все, что уже было сдѣлано; оттого ст вопросы опять подымались и рѣшалис старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ эти рѣшенія; предметы уже обсужденные вергались новому обсужденію, которое не ставляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому не принимало въ разсчетъ предыдущихъ довъ. Словомъ, какъ факты, такъ и раб уже совершенныя надъ ними, предста какой-то хаосъ, въ которомъ трудно найтись, трудно было не потеряться. Ит чтобы проложить новые пути къ изуч „Правды“, чтобы сдѣлать возможнымъ рѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она под поводъ, или по крайней мѣрѣ опредѣл какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, кіе нѣтъ, и какія средства для ихъ ра шенія,—для этого необходимо было, пр всего, остановить колеблющіеся факты, лать ихъ извѣстными и доступными для вс привести въ извѣстность литературу „ ской Правды“ до малѣйшихъ подробно и оцѣнить предшествующіе труды изд Эту предварительную задачу блистате разрѣшилъ г. Калачовъ. Надо было им большое самоотверженіе, чтобы соверш трудъ, требующій много времени, раб издержекъ, — вдобавокъ, трудъ такой желый, коноткій, утомительный и невид на первый взглядъ. Но зато теперь п очищено, предметъ обогатился новыми д

и, положена прочная основа для новыхъ
каній о „Правдѣ“, и въ этомъ смыслѣ
озволимъ себѣ сказать не обинуясь, что
жденіе г. Калачова составляетъ эпоху
шей историко-юридической литературѣ.
сныя рамки библіографической статьи
озволяютъ намъ входить въ подробный
оръ этого замѣчательнаго сочиненія. Мы
ставимъ здѣсь только короткій обзоръ
содержанія и того, что оно заключаетъ
ебѣ особенно новаго и замѣчательнаго.
режде всего замѣтимъ, что авторъ издалъ
рь только первую часть обширнаго труда,
рый задуманъ имъ въ большихъ размѣ-
. Этотъ трудъ долженъ представить пол-
объясненіе „Правды“, „безъ котораго“,
справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ, „всѣ
льныя или частныя объ ней изслѣдованія
гда не могутъ имѣть желаемаго успѣха“.
живъ, какъ необходимо такое объясне-
при теперешнемъ состояніи ея литера-
ой обработки, авторъ представляетъ планъ,
рому онъ намѣренъ слѣдовать. Во-пер-
ъ, долженъ быть, по мнѣнію автора, из-
вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій и по
ъ извѣстнымъ спискамъ, текстъ „Правды“;
мъ, объяснены филологически „какъ от-
ныя слова, такъ равно цѣлыя выраженія
бороты рѣчи“. Въ доказательство, какъ
но такое объясненіе, авторъ приводитъ
а „изгой“ и „колбягъ“, которыхъ значеніе
сняется изъ другихъ памятниковъ. За-
ъ должно слѣдовать юридическое объясне-
„Правды“, т.-е. полное изложеніе содержа-
„Русской Правды“, и сравненіе этого со-
канія съ нашими памятниками, отъ древ-
шихъ временъ до XVII вѣка включительно,
древнѣйшими памятниками славянскихъ
оманскихъ народовъ; черезъ это должно
ниться „какое значеніе имѣетъ вообще
ская Правда“, во-первыхъ, какъ источ-
ъ нашего древняго права въ разное время,
-вторыхъ, какъ юридическій памятникъ,
томъ, въ какомъ отношеніи находится
ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣт-
ъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго за-
дательства до XVII вѣка включительно“.
этомъ должна быть предложена подроб-
критическая оцѣнка различныхъ мнѣній
Русской Правдѣ“. На основаніи такихъ-то
тъ можно уже приступить къ изданію
та „Правды“ XI вѣка, критически-очи-
наго, и переводъ „Правды“, въ томъ видѣ,
мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, гово-

ритъ авторъ, „можно будетъ смѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно важными для филолога, историка и философа“.

Выполнимъ ли весь этотъ планъ — трудно рѣшить прежде тщательной обработки „Правды“ въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что опредѣлить время и способы составленія каждой статьи „Правды“, объяснить вполнѣ всѣ слова и выраженія, въ особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагаетъ авторъ, — едва ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ того, мы знаемъ, какъ очищеніе текста всегда болѣе или менѣе предположительно. Оттого, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ „Правдой“ находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ юридической стороны, которая такъ тѣсно связана съ исторіей этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ „Русской Правдѣ“; 2) критическое обозрѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста „Правды“; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Скажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы „Русской Правды“ или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другого, съ отмѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, и самымъ тщательнымъ библіографическимъ указаніемъ на предшествующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоцѣнна. Изъ обозрѣнія статей и сочиненій о „Русской Правдѣ“ мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или менѣе занимались этимъ памятникомъ

Изслѣдованія о Русской Правдѣ.

Часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русск Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ пра Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846.

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей „Русская Правда“ г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень не много у насъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ „Русской Правдѣ“. Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о „Правдѣ“, объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Предположеній о „Русской Правдѣ“ и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы до сихъ поръ не могли произнести никакого сужденія о ихъ большей или меньшей правдоподобности, или вѣроятности, потому что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя изданныхъ, но большею частью неудовлетворительно написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Оттого одинъ смотрѣлъ на „Правду“ такъ, другой—иначе, судя по даннымъ, которыя у него были подъ руками. Прибавимъ къ этому, что списковъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варіанты изъ Ростовской лѣтописи, пять Болтинскихъ, которыми онъ пользовался, издавая „Правду“, и два Фроловскіе, бывшіе подъ руками у г. Тобина); всѣ прочіе, въ большомъ числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно, большей части доступны для немногихъ писныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. кою же неизвѣстностью была покрыта и тература по „Русской Правдѣ“, представл щая мало отдѣльныхъ сочиненій, но сост щая почти вся изъ журнальныхъ статей, шюръ, главъ и даже мимоходныхъ замѣ въ сочиненіяхъ, собственно относящихся другимъ предметамъ (наприм. у Розенкам Карамзина, г. Погодина и т. д.). Новому скателю было трудно принять въ сообра ніе все, что уже было сдѣлано; оттого ста вопросы опять подымались и рѣшались старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ эти рѣшенія; предметы уже обсужденные вергались новому обсужденію, которое не ставляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому не принимало въ разсчетъ предыдущихъ довъ. Словомъ, какъ факты, такъ и раб уже совершенныя надъ ними, представл какой-то хаосъ, въ которомъ трудно б найтись, трудно было не потеряться. Ита чтобы проложить новые пути къ изуче „Правды“, чтобы сдѣлать возможнымъ р рѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она пода поводъ, или по крайней мѣрѣ опредѣл какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, кіе нѣтъ, и какія средства для ихъ раз шенія,—для этого необходимо было, пре всего, остановить колеблющіеся факты, с лать ихъ извѣстными и доступными для всѣ привести въ извѣстность литературу „Р ской Правды“ до малѣйшихъ подробност и оцѣнить предшествующіе труды издат Эту предварительную задачу блистатель разрѣшилъ г. Калачовъ. Надо было им большое самоотверженіе, чтобы соверш трудъ, требующій много времени, работ издержекъ, — вдобавокъ, трудъ такой желый, копоткій, утомительный и невидн на первый взглядъ. Но зато теперь м очищено, предметъ обогатился новыми д

и, положена прочная основа для новыхъ
сканій о „Правдѣ“, и въ этомъ смыслѣ
позволимъ себѣ сказать не обинуясь, что
ужденіе г. Калачова составляетъ эпоху
ашей историко-юридической литературѣ.
ѣсныя рамки библіографической статьи
позволяютъ намъ входить въ подробный
боръ этого замѣчательнаго сочиненія. Мы
ставимъ здѣсь только короткій обзоръ
содержанія и того, что оно заключаетъ
себѣ особенно новаго и замѣчательнаго.
режде всего замѣтимъ, что авторъ издалъ
ерь только первую часть обширнаго труда,
орый задуманъ имъ въ большихъ размѣ-
ъ. Этотъ трудъ долженъ представить пол-
объясненіе „Правды“, „безъ котораго“,
ъ справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ, „всѣ
ѣльныя или частныя объ ней изслѣдованія
огда не могутъ имѣть желаемаго успѣха“.
оживъ, какъ необходимо такое объясне-
при теперешнемъ состояніи ея литера-
ной обработки, авторъ представляетъ планъ,
орому онъ намѣренъ слѣдовать. Во-пер-
ъ, долженъ быть, по мнѣнію автора, из-
ъ вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій и по
мъ извѣстнымъ спискамъ, текстъ „Правды“;
омъ, объяснены филологически „какъ от-
ьныя слова, такъ равно цѣлыя выраженія
бороты рѣчи“. Въ доказательство, какъ
но такое объясненіе, авторъ приводитъ
а „изгой“ и „колбягъ“, которыхъ значеніе
сняется изъ другихъ памятниковъ. За-
ъ должно слѣдовать юридическое объясне-
„Правды“, т.-е. полное изложеніе содержа-
„Русской Правды“, и сравненіе этого со-
жанія съ нашими памятниками, отъ древ-
шихъ временъ до XVII вѣка включительно,
древнѣйшими памятниками славянскихъ
рманскихъ народовъ; черезъ это должно
сниться „какое значеніе имѣетъ вообще
сская Правда“, во-первыхъ, какъ источ-
ъ нашего древняго права въ разное время,
-вторыхъ, какъ юридическій памятникъ,
отомъ, въ какомъ отношеніи находится
ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣт-
мъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго за-
одательства до XVII вѣка включительно“.
этомъ должна быть предложена подроб-
критическая оцѣнка различныхъ мнѣній
Русской Правдѣ“. На основаніи такихъ-то
отъ можно уже приступить къ изданію
ста „Правды“ XI вѣка, критически-очи-
наго, и переводъ „Правды“, въ томъ видѣ,
ъ мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, гово-

ритъ авторъ, „можно будетъ смѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно важными для филолога, историка и философа“.

Выполнимъ ли весь этотъ планъ—трудно рѣшить прежде тщательной обработки „Правды“ въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что опредѣлить время и способы составленія каждой статьи „Правды“, объяснить вполнѣ всѣ слова и выраженія, въ особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагаетъ авторъ, — едва ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ того, мы знаемъ, какъ очищеніе текста всегда болѣе или менѣе предположительно. Оттого, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ „Правдой“ находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ юридической стороны, которая такъ тѣсно связана съ исторіей этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ „Русской Правдѣ“; 2) критическое обозрѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста „Правды“; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Скажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы „Русской Правды“ или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другого, съ отмѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, и самымъ тщательнымъ библіографическимъ указаніемъ на предшествующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоцѣнна. Изъ обозрѣнія статей и сочиненій о „Русской Правдѣ“ мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или мен[illegible]лись этимъ памятникомъ

и посвящали ему труды свои. Странно, особливо когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ особенности внутренняя!

Обозрѣніе списковъ „Правды“ съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти совсѣмъ новыхъ. Чтобы понять всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками „Правды“, изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты, по крайней мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки „Правды“, по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на четыре фамиліи (прежде ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отнесены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые краткіе списки; ко второй — списки кормчихъ такъ-называемаго кирилловскаго разряда и „Мѣрила праведнаго“ — древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей — списки позднѣйшихъ новгородскихъ (софійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, общіе всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть оффиціальный документъ. Все заставляетъ думать, что „Правда“ — сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный. Несмотря на то, „Правда“ была оффиціально признаваема источникомъ права, потому что встрѣчается въ кормчихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ „Правды“ видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамотъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приноровленныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что разныя положенія въ „Правдѣ“ получили въ разное время силу закона: одни при Ярославѣ, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ — не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ — это основаніе едва ли прочно. О времени составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти несомнѣнно, когда есть въ нихъ самихъ указаніе. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ, Владиміру Мономаху. Но судить о происхожденіи статей по вѣку, къ которому относятся списки, нельзя, потому что открытіе болѣе древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть выводы. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи „Правды“ къ тому или другому вѣку. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ „Правды“ разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранѣе XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошли по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣка отъ каждаго по одному списку первой, третьей и четвертой фамиліи и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о спискахъ второй фамиліи отъ XIV вѣка было уже прежде упомянуто). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ уже ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ не безъ основанія заключаетъ, что въ эти два вѣка „Правда“ уже потеряла практическое значеніе и вносилась въ кормчія и сборники, какъ историческій памятникъ, а не имѣвшій силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатной кормчей, прекратилось и самое переписываніе „Правды“. Порядокъ расположенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группы, располагались между ними, а всего чаще въ концѣ. Правильной системы не видно въ „Правдѣ“. Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма разнообразны. Списки первой фамиліи отличаются особенно простотой и краткостью; статьи въ нихъ писаны безъ раздѣленій и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и въ серединѣ списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее („Правда уставлена Руською земли егда ея съвокупилъ“ и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за ними сл-

ія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое главіе занимаетъ въ спискахъ другихъ ій. Того же мнѣнія и Розенкампфъ. емъ, здѣсь г. Калачовъ выразился не-хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ ахъ другихъ фамилій это заглавіе за-тъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣс-Какъ ни мелоченъ кажется этотъ во-, но онъ много вѣситъ въ изслѣдованіи сской Правдѣ". Дѣло въ томъ, что если главіе въ разныхъ спискахъ стоитъ не-разными статьями, — очевидно нельзя исывать первую половину такъ называе-Краткой Правды" Ярославу, а вторую ѣтямъ; слѣдственно, она, подобно про-ной, должна быть разсматриваема не цѣлое законодательство, а какъ част-юридическій сборникъ. Будь доказано вное — предположеніе Эверса, Неймана бина остается по прежнему вѣроятнымъ, айней мѣрѣ не опровергнутымъ. То или е можетъ быть рѣшено не числомъ ста-послѣ которыхъ встрѣчается это загла-ибо могли быть вставки — а тѣмъ, стоитъ но передъ одной и той же статьей во спискахъ, или передъ разными. — Во-, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія вляютъ одно изъ важныхъ различій у фамиліями списковъ — не только пер-отъ прочихъ, но и ихъ между собою. томъ отношеніи онъ согласенъ съ Ро-мпфомъ, что „подробнѣйшій разборъ леній можетъ привести къ нѣкоторымъ едливымъ выводамъ касательно состав-основныхъ списковъ и ихъ системы". Въ ахъ трехъ прочихъ фамилій „Правды" ятся тоже два заглавія. О нихъ г. Ка-ъ говоритъ то же, что́ и объ оглавле-въ спискахъ первой фамиліи: они слу-оглавленіемъ не для всѣхъ послѣдую-статей, а только для ближайшей, не-дственно за нимъ слѣдующей. По со-анію, первая фамилія различается отъ ихъ полнотой, числомъ и самой редак-статей. Это различіе не такъ замѣтно у списками трехъ послѣднихъ фамилій, ающихся между собой болѣе всего от-ными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе . Такъ, списки второй фамиліи не имѣютъ нительныхъ статей, а въ другихъ онѣ зато и въ нихъ есть прибавленія, ко-хъ не достаетъ въ третьей и четвертой ліи. Наконецъ, списки послѣдней фа-миліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія Великаго. По мнѣнію г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ „Правды", потому что она „безъ сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія". Кромѣ того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ „довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополняемъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время".

Послѣ такого обозрѣнія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена „Правда". Мы остановимся на томъ, что́ намъ показалось особенно важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ называемую краткую „Правду", всего четыре (кромѣ дошедшихъ въ варіантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они указываютъ на текстъ позднѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ иные относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой „Правдѣ", особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки чрезвычайно сходны между собою; различія ихъ по большей части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина „Краткой Правды" дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по извѣстіямъ лѣтописей, а вторая ея половина — законодательство дѣтей Ярославовыхъ, дополняющее уставъ Ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ спискѣ „Краткой Правды" есть пятая снизу и находится въ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что „Русская Правда, относительно текстовъ извѣстныхъ ея списковъ,

и посвящали ему труды свои. Странно, особливо когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ особенности внутренняя!

Обозрѣніе списковъ „Правды“ съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти совсѣмъ новыхъ. Чтобы понять всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками „Правды“, изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты, по крайней мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки „Правды“, по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на четыре фамиліи (прежде ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отнесены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые краткіе списки; ко второй — списки кормчихъ такъ-называемаго кирилловскаго разряда и „Мѣрила праведнаго“ — древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей — списки позднѣйшихъ новгородскихъ (софійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, общіе всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть оффиціальный документъ. Все заставляетъ думать, что „Правда“ — сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный. Несмотря на то, „Правда“ была оффиціально признаваема источникомъ права, потому что встрѣчается въ кормчихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ „Правды“ видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамотъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приноровленныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что разныя положенія въ „Правдѣ“ получили въ разное время силу закона: одни при Ярославѣ, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ — не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ — это основаніе едва ли прочно. О времени составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти несомнѣнно, когда есть въ нихъ самихъ указаніе. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ, Владиміру Мономаху. Но судить о происхожденіи статей по вѣку, къ которому относятся списки, нельзя, потому что открытіе болѣе древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть выводы. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи „Правды“ къ тому или другому вѣку. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ „Правды“ разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранѣе XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошло по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣка отъ каждаго по одному списку первой, третьей и четвертой фамиліи и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о спискахъ второй фамиліи отъ XIV вѣка было уже прежде упомянуто). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ уже ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ не безъ основанія заключаетъ, что въ эти два вѣка „Правда“ уже потеряла практическое значеніе и вносилась въ кормчія и сборники, какъ историческій памятникъ, не имѣвшій силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатной кормчей, прекратилось и самое переписываніе „Правды“. Порядокъ расположенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группы, располагались между ними, а всего чаще въ концѣ. Правильной системы не видно въ „Правдѣ“. Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма разнообразны. Списки первой фамиліи отличаются особенно простотой и краткостью; статьи въ нихъ писаны безъ раздѣленій и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и въ серединѣ списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее („Правда установлена Руською земли егда ея съвокупилъ“ и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за ними слѣ-

щія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое заглавіе занимаетъ въ спискахъ другихъ илій. Того же мнѣнія и Розенкампфъ. очемъ, здѣсь г. Калачовъ выразился не: хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ скахъ другихъ фамилій это заглавіе заетъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или и въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣсь? Какъ ни мелоченъ кажется этотъ восъ, но онъ много вѣситъ въ изслѣдованіи Русской Правдѣ". Дѣло въ томъ, что если заглавіе въ разныхъ спискахъ стоитъ не разными статьями, — очевидно нельзя писывать первую половину такъ называе„Краткой Правды" Ярославу, а вторую дѣтямъ; слѣдственно, она, подобно проанной, должна быть разсматриваема не ъ цѣлое законодательство, а какъ часть юридическій сборникъ. Будь доказано тивное — предположеніе Эверса, Неймана обина остается по прежнему вѣроятнымъ, крайней мѣрѣ не опровергнутымъ. То или гое можетъ быть рѣшено не числомъ ста, послѣ которыхъ встрѣчается это заглаибо могли быть вставки — а тѣмъ, стоитъ оно передъ одной и той же статьей во хъ спискахъ, или передъ разными. — Вое, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія гавляютъ одно изъ важныхъ различій жду фамиліями списковъ — не только перотъ прочихъ, но и ихъ между собою. этомъ отношеніи онъ согласенъ съ Рокампфомъ, что „подробнѣйшій разборъ авленій можетъ привести къ нѣкоторымъ аведливымъ выводамъ касательно составія основныхъ списковъ и ихъ системы". Въ скахъ трехъ прочихъ фамилій „Правды" одятся тоже два заглавія. О нихъ г. Каовъ говоритъ то же, что́ и объ оглавлехъ въ спискахъ первой фамиліи: они слуъ оглавленіемъ не для всѣхъ послѣдуюхъ статей, а только для ближайшей, непосредственно за нимъ слѣдующей. По сожанію, первая фамилія различается отъ очихъ полнотой, числомъ и самой редакй статей. Это различіе не такъ замѣтно жду списками трехъ послѣднихъ фамилій, ичающихся между собой болѣе всего отьными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе ъ. Такъ, списки второй фамиліи не имѣютъ олнительныхъ статей, а въ другихъ онѣ ; зато и въ нихъ есть прибавленія, коыхъ не достаетъ въ третьей и четвертой иліи. Наконецъ, списки послѣдней фамиліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія Великаго. По мнѣнію г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ „Правды", потому что она „безъ сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія". Кромѣ того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ „довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополняемъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время".

Послѣ такого обозрѣнія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена „Правда". Мы остановимся на томъ, что́ намъ показалось особенно важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ называемую краткую „Правду", всего четыре (кромѣ дошедшихъ въ варіантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они указываютъ на текстъ позднѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ иные относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой „Правдѣ", особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки чрезвычайно сходны между собою; различія ихъ по большей части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина „Краткой Правды" дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по извѣстіямъ лѣтописей, а вторая ея половина — законодательство дѣтей Ярославовыхъ, дополняющее уставъ Ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ спискѣ „Краткой Правды" есть пятая снизу и находится въ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что „Русская Правда, относительно текстовъ извѣстныхъ ея списковъ,

есть сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій". Это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ пространной „Правдѣ", но едва ли идетъ къ краткой. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ней гораздо сомнительнѣе, чѣмъ этотъ тезисъ въ примѣненіи къ „Правдѣ" XIII вѣка.

Другое наблюденіе надъ списками „Правды", которое намъ показалось особенно замѣчательнымъ, состоитъ въ томъ, что вторая половина пространной „Правды", начинающаяся уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ, присоединена къ первой половинѣ гораздо позже составленія первоначальнаго текста; прежде обѣ составляли нѣчто отдѣльное. Сколько мы знаемъ, это замѣчаніе едвали было сдѣлано прежде г. Калачова и проливаетъ новый свѣтъ на „Правду". По изслѣдованіямъ г. Тобина, первая половина пространной „Правды" главнымъ образомъ состоитъ изъ статей Ярославовой „Правды" и „Правды" его дѣтей. Это переработка прежняго законодательства и очень легко могла быть дѣломъ частнаго человѣка. Напротивъ, вторая половина представляетъ положенія существенно новыя, и до сихъ поръ еще трудно рѣшить, есть ли это законодательство Владиміра Мономаха, и если да, то до котораго именно мѣста, и что̀ къ нему прибавлено потомъ. Открытіе, что обѣ половины составлялись различно и были прежде два разные памятника, потому особенно важно, что оно даетъ теперь изслѣдователямъ полное право разорвать всякую связь между обѣими половинами, разсматривать каждую особливо. Различные результаты для обѣихъ ничего не будутъ доказывать противъ правдоподобности или достовѣрности выводовъ.

Третій отдѣлъ диссертаціи г. Калачова заключаетъ въ себѣ текстъ „Русской Правды", расположенной систематически, по пятидесяти спискамъ. Это, конечно, важнѣйшая и лучшая часть книги. Съ удивительною тщательностью выбранъ текстъ изъ всѣхъ списковъ и подведены всѣ малѣйшія разночтенія. Отпечатанъ текстъ чрезвычайно красиво, особливымъ шрифтомъ, въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ статьи, относящіяся къ государственному праву, вторая—къ гражданскому, третья—къ уголовному праву, наконецъ, четвертая—о судопроизводствѣ. Всего статей сто сорокъ три. Въ концѣ приложены три таблицы; первая содержитъ въ себѣ исчисленіе пятидесяти списковъ „Правды", изданныхъ г. Калачовымъ. Большое число ихъ относится ко второй фамиліи, а именно, двадцать восемь. Вторая таблица представляетъ соотвѣтственность статей изданія г. Калачова съ статьями подлинныхъ списковъ. Съ помощью этой таблицы можно возстановить каждый списокъ по изданію г. Калачова. Наконецъ, третья таблица показываетъ, наоборотъ, соотвѣтственность статей списковъ съ статьями новаго изданія.

Послѣдній отдѣлъ представляетъ различныя статьи, встрѣчающіяся въ кормчихъ, сборникахъ, лѣтописяхъ, и которыя по своему содержанію или тожественны или болѣе или менѣе сходны съ статьями „Русской Правды". Изъ нихъ самая большая часть относится къ церковному законодательству и основана на каноническихъ статьяхъ или на постановленіяхъ византійскихъ императоровъ. Различныхъ памятниковъ, въ которыхъ содержатся такія статьи, г. Калачовъ насчитываетъ до девяти, а именно: извлеченіе изъ книгъ Моисеевыхъ, земледѣльческіе законы императора Юстиніана, законы императоровъ Льва и Константина, законъ гражданскій, такъ-называемый Судебникъ царя Константина, главы о послусѣхъ, уставы о церковныхъ судахъ великихъ князей Владиміра, Ярослава и Всеволода, правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрилѣхъ городскихъ, наконецъ договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригой и Готландіей. Изъ нихъ сходныхъ статей съ „Правдой" извлечено слишкомъ тридцать. Всѣ онѣ изданы съ тою же тщательностью, указаніемъ источниковъ, варіантовъ и литературы, какъ и самый текстъ „Правды". Замѣчательно, что между ними встрѣчается статья о послушествѣ, приписываемая Владиміру и вошедшая въ составъ „Правды". Она подаетъ поводъ къ различнымъ любопытнымъ выводамъ относительно составленія пространной „Правды". Статью о послушествѣ мы находимъ во второй ея половинѣ. Въ Троицкомъ спискѣ она составляетъ двѣнадцатую статью этой половины. Отсюда дѣлается вѣроятнымъ одно изъ двухъ предположеній: или что въ главіе „уставъ Володимѣръ Всеволодичь" дѣйствительно не относится только къ ближайшей статьѣ о процентахъ, но есть и

ніяхъ, такъ же съ означеніемъ содержанія. Кромѣ того, для справокъ къ каждому указателю будетъ приложенъ ключъ упоминаемыхъ въ немъ именъ и предметовъ.

О важности подобныхъ изданій мы не станемъ распространяться. Пользу ихъ оцѣнитъ всякій. Не можемъ, однако, не изъявить ученому издателю „Архива“ особенной благодарности за счастливую и, сколько мы знаемъ, новую мысль—ввести въ свое изданіе спеціальные библіографическіе указатели. При крайнемъ недостаткѣ спеціальныхъ библіографическихъ пособій, столь ощутительномъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей, эта часть „Архива“ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ и подвигомъ на пользу науки. Прибавимъ, что въ первой книгѣ, которая у насъ теперь подъ руками, помѣщены весьма тщательно составленные указатели книгъ, вышедшихъ въ 1848 году, и статей, помѣщенныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за все время его изданія, съ ключами по именамъ, названіямъ и предметамъ. Надъ первымъ трудился г. Капустинъ, надъ вторымъ г. Аѳанасьевъ, уже извѣстный публикѣ своими учеными трудами и помѣстившій двѣ другія превосходныя статьи въ разбираемой нами книжкѣ „Архива“. Не меньшей благодарности заслуживаетъ мысль—посвятить особый отдѣлъ изданія матеріаламъ для техническаго древне-русскаго словаря, для котораго до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано, хотя данныхъ разработано очень довольно. Вообще планъ изданія хорошъ и удовлетворителенъ. Нельзя однако не пожалѣть, что г. Калачовъ, коротко знакомый съ литературой по русской исторіи, особенно древней, и умѣющій оцѣнить всю важность и положительную или отрицательную пользу иностранныхъ извѣстій о древней Руси, не оставилъ для нихъ мѣста въ своей программѣ, даже въ отдѣлѣ библіографіи. Единственный указатель въ этомъ родѣ, который мы имѣемъ, составленный покойнымъ академикомъ Аделунгомъ, по отзывамъ знатоковъ—весьма недостаточенъ, а онъ имѣетъ предметомъ однихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Россіи, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія сочиненія и извѣстія, которыхъ такое множество. Выраженная ученымъ издателемъ „Архива“ благородная готовность принять всякое указаніе на недостатки изданія и исправить ихъ при удобномъ случаѣ—даетъ намъ право надѣяться, что обѣ половины „Архива“, въ особенности вторая, пополнятся новыми дѣлами, за ученое достоинство и интер которыхъ заранѣе ручаются глубокія зна и добросовѣстность издателя.

Содержаніе первой книжки „Архива“ вершенно соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, буждаемымъ его программой, и подаетъ мыя отрадныя надежды въ будущемъ. ней помѣщено всего двадцать отдѣльн статей. Объемъ, предметъ и самое досто ство ихъ неодинаковы; но нѣтъ ни од лишенной интереса, или посредствен Каждая прибавляетъ что-нибудь новое извѣстнымъ доселѣ матеріаламъ или об щаетъ науку русской исторіи болѣе менѣе любопытными и важными выводам взглядами; самыя гипотезы, встрѣчающ въ нихъ, если не всегда справедливы, т всякомъ случаѣ поучительны, и обнару ваютъ добросовѣстное изученіе предмета. вмѣстѣ, несмотря на разнообразіе содерж и число сотрудниковъ (слишкомъ пят цать), представляетъ цѣлое по одинаков тона и строго-ученому направленію, вы жанному отъ первой страницы до пос ней. Кто хоть немного знакомъ съ бо нечными спорами, наполнявшими нашу и рическую литературу, того, конечно, прія изумитъ это совершенное отсутствіе ѣд и желчной полемики въ изданіи, соедин шемъ труды ученыхъ и писателей раз ныхъ воззрѣній. Еще пріятнѣе видѣть, нѣкоторыя статьи составлены и обработ при непосредственномъ содѣйствіи нѣск кихъ ученыхъ, каждымъ по своей специ ной части.

Все это весьма утѣшительно. Кромѣ нія дѣла и опытности редактора, оно до зываетъ, что разработка русской исторіи кидаетъ рутину, отрѣшается отъ произв ныхъ пріемовъ и начинаетъ возвышаться степень методическаго, строгаго изуче „Архивъ“ г. Калачова окончательно уб даетъ, что въ русской исторіи уже уст обозначиться и утвердиться нѣкоторыя об положенія, одинаково признаваемыя всѣ занимающимися этимъ предметомъ, несм на различіе ихъ мнѣній и взглядовъ. А фактъ чрезвычайно важный; въ немъ за дышъ и задатокъ науки, возможности сво матическихъ ученыхъ преній, разрѣше спорныхъ вопросовъ и соглашенія про ворѣчащихъ взглядовъ.

По содержанію своему, всѣ статьи, вх

инныя въ разныхъ отдѣлахъ сборника, утъ быть раздѣлены на двѣ группы: одсуть изслѣдованія, болѣе или менѣе симатическія и оконченныя, о разныхъ предахъ русской исторіи, или же предстаютъ критическую обработку разныхъ паниковъ нашей старины; другія сообщаодни матеріалы, только съ необходими объясненіями, но безъ изслѣдованій и ной разработки самого содержанія. Къ тѣднему разряду относятся слѣдующія ьи: 1) „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложецаря Алексѣя Михайловича", сообщенг. Забѣлинымъ. Изъ нихъ видно, что 1767 году, по случаю учрежденія въ квѣ коммиссіи для сочиненія проекта го уложенія, императрица Екатерина II слала видѣть подлинникъ уложенія царя ксѣя Михайловича, чтобъ узнать, кто нно скрѣпилъ его своимъ рукоприкладмъ. Его искали въ сенатскомъ и разномъ архивахъ, въ синодальной типоріи и даже подъ престоломъ Успенскаго ра, гдѣ обыкновенно хранились важшіе государственные документы; но нано. Наконецъ, нашли его въ бывшемъ казѣ Большой Казны, который, вмѣстѣ казеннымъ приказомъ, вошелъ въ сосъ Мастерской и Оружейной Палаты. сь „Уложенный столбецъ" хранился въ ѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ печатнымъ миляромъ перваго изданія. 19-го апрѣготъ и другой были представлены госуынѣ, которая повелѣла Миллеру списать прикладства, находящіяся на подлинъ спискѣ, и для сохраненія послѣдняго ать серебряный ковчегъ съ позолотою, которомъ онъ хранится и доселѣ въ жейной Палатѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ Забѣлинъ присоединилъ весьма подробописаніе подлинника уложенія и копію рукоприкладствъ, изъ которой видно, что женіе подписали патріархъ, 2 митропо, 3 архіепископа, 1 епископъ, 5 архидритовъ, игуменъ, 15 бояръ, 10 окольихъ, казначей, думный дворянинъ, пеникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій проъ, духовникъ государя, 5 московскихъ янъ, 148 городовыхъ дворянъ, трое го, 12 выборныхъ отъ московскихъ со и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ городовъ и, наконецъ, 15 выборныхъ столькихъ же московскихъ стрѣлецкихъ казовъ—всего 315 человѣкъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщенъ списокъ варіантовъ уложенія по печатнымъ изданіямъ 7157 (1649) и 1737 года, составленный, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, Миллеромъ, и по значительному различію нѣкоторыхъ статей, не лишенный интереса; изъ этого списка видно, что въ „Полномъ Собраніи Законовъ" текстъ уложенія отпечатанъ по печатному изданію 1737 года; наконецъ, тутъ же помѣщены выбранныя изъ подлиннаго уложенія указанія, находящіяся при разныхъ статьяхъ, откуда, то есть изъ какихъ источниковъ онѣ заимствованы. Такихъ отмѣтокъ и указаній всего 177; изъ нихъ видно, что 56 статей взято изъ Литовскаго Статута, 24 изъ Градскихъ Законовъ, 62 частью изъ того же уложенія, частью изъ разныхъ предшествующихъ уложеній и законовъ, 12 изъ „Стараго" Судебника, наконецъ, 17 составлено вновь. Весьма небольшое число статей (всего пять) заимствованы частью изъ Моисеева Закона, частью изъ Стоглава, и даже Земскаго Приказа. Противъ одной статьи отмѣчено: *напомнить*; противъ двухъ другихъ указаны источники и прибавлено: *поговорить съ бояры*. Судя по языку, должно думать, что всѣ эти замѣтки современныя. Весьма было бы любопытно узнать, кѣмъ и когда сдѣланы замѣтки и почему только при нѣкоторыхъ статьяхъ, а не при всѣхъ? Если это не случайность, то разрѣшеніе предложенныхъ вопросовъ можетъ пролить большой свѣтъ на ходъ редакціи уложенія, о которомъ мы доселѣ ничего не знаемъ, и который между тѣмъ представляетъ много загадочнаго. Въ 7156 году 16 іюня происходилъ совѣтъ о составленіи уложенія, а въ 7157 году, 3 октября, оно было уже слушано и подписано. Итакъ на редакцію его было употреблено во всякомъ случаѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и шестнадцати дней. Спрашивается, какъ могло быть составлено уложеніе въ такой изумительно-короткій срокъ? Не забудемъ, что оно состоитъ изъ 25 главъ и 967(8) статей. Что уложеніе „сочинено" изъ готовыхъ матеріаловъ, вписанныхъ въ него большею частью слово въ слово, не объяснитъ дѣла, если предположимъ, что весь трудъ былъ исключительно возложенъ на редакціонную коммиссію. Одна матеріальная работа уже сама по себѣ огромна, не говоря о необходимости согласить источники, свѣрять ихъ, располагать по извѣстному порядку, даже составлять

нѣкоторыя статьи вновь. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ трудностей, осмѣливаемся высказать слѣдующее предположеніе, основанное на ходѣ и порядкѣ дѣлопроизводства въ древней Россіи, особенно въ приказахъ. Извѣстно, что каждый приказъ имѣлъ особую книгу, въ которую вписывались всѣ вновь выходившіе законы и постановленія, относившіеся къ кругу его вѣдомства. Оттого во многихъ законоположеніяхъ XVII вѣка мы находимъ въ концѣ повелѣніе: „тотъ государевъ указъ записать въ такомъ-то приказѣ“ (П. С. З. т. I № 169), или „записать въ книгу (тамъ же №№ 212 и 221) въ такомъ-то приказѣ (тамъ же № 247) впредь для вѣдома“. Нѣкоторыя изъ этихъ записныхъ или указныхъ книгъ сохранились до нашего времени и представляютъ болѣе или менѣе полныя хронологическія собранія законовъ по разнымъ отраслямъ управленія. Приказы, завѣдывавшіе нѣсколькими частями, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли столько же отдѣльныхъ указныхъ книгъ, сколько было въ нихъ отдѣльныхъ управленій; такъ, по крайней мѣрѣ, заключаемъ мы изъ того, что встрѣчаются особливыя записныя книги для указовъ о помѣстьяхъ и особыя для законовъ о вотчинахъ, хотя тѣ и другія дѣла, какъ извѣстно, вѣдались въ одномъ приказѣ. Итакъ указныя книги представляли по разнымъ частямъ готовыя уложенія, съ подробными указаніями на отмѣненные и измѣненные законы, а доклады приказовъ, еще не внесенные въ Думу, заключали въ себѣ новые случаи, неразрѣшенные законодательнымъ порядкомъ, слѣдовательно, всѣ матеріалы, нужные для написанія новыхъ статей. Редакціонной коммиссіи оставалось только собрать эти указныя книги и заготовленные доклады изъ разныхъ приказовъ, выбрать текстъ законовъ, сгруппировать статьи, выбранныя изъ старыхъ законовъ съ текстомъ новыхъ, которые ихъ дополнили или измѣнили, наконецъ составить, на основаніи заготовленныхъ докладовъ, нѣсколько примѣрныхъ статей—и главная существенная часть работы была готова. Такимъ образомъ мы думаемъ, что распредѣленіе статей уложенія по главамъ сдѣлано на основаніи записныхъ книгъ, а порядокъ главъ опредѣлился старшинствомъ приказовъ, изъ записныхъ книгъ которыхъ онѣ выбраны, конечно, съ нѣкоторыми необходимыми отступленіями; по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, что это старшинство имѣло на расположеніе главъ большое вліяніе. Отношеніе нѣкоторыхъ главъ къ приказамъ очевидно; напримѣръ, вторая по всѣмъ вѣроятіямъ составлена изъ указныхъ книгъ Тайнаго Приказа, шестая—Посольскаго, седьмая—Большого Разряда, десятая—Судныхъ Приказовъ, одиннадцатая, шестнадцатая и семнадцатая—Помѣстнаго Приказа, двѣнадцатая—Патріаршаго Суднаго, тринадцатая—Монастырскаго, восьмнадцатая — тоже Помѣстнаго или Печатнаго, девятнадцатая—Приказа Большія Казны, двадцатая—Холопья, двадцать первая — Разбойнаго, двадцать третья—Стрѣлецкаго, двадцать четвертая—Казачьяго, двадцать пятая — Новой Четверти. Ближайшее разсмотрѣніе укажетъ, можетъ быть, приказы, соотвѣтствующіе прочимъ, здѣсь не означеннымъ главамъ. Нѣкоторыя, напримѣръ, 14-я „о крестномъ цалованіи“, 15-я „о вершеныхъ дѣлахъ“, 22-я „указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь“, и т. д., повидимому составлены изъ книгъ разныхъ приказовъ—на что указываетъ ихъ общее содержаніе—или собраны изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ права, какъ свидѣтельствуютъ указанія на источники статей 22-й главы, въ которой изъ 26 статей только 6 оставлены безъ указаній. Если все сказанное выше имѣетъ за себя нѣкоторое вѣроятіе, то сдѣланныя въ подлинномъ спискѣ указанія и отмѣтки получаютъ важное значеніе и смыслъ. Не относятся ли онѣ только къ тѣмъ статьямъ, которыя не находились въ текстѣ записныхъ книгъ, и прибавлены къ нему при составленіи уложенія? Можетъ-быть, этимъ объяснится, почему при нѣкоторыхъ статьяхъ есть ссылки не только на иностранные, греческіе и литовскіе, но и на русскіе источники, и почему въ то же время нѣтъ этихъ ссылокъ при множествѣ другихъ статей, которыхъ источники положительно извѣстны. Примѣромъ можетъ служить 11-я глава уложенія „о посадскихъ людяхъ“. Къ ней вовсе не сдѣлано указаній, а между тѣмъ постановленія, изъ которыхъ выписаны многія ея статьи, извѣстны, и напечатаны въ „Актахъ археографической экспедиціи“ (т. IV № 32). Но это, конечно, требуетъ еще многихъ подробныхъ изслѣдованій и соображеній. Рѣшаясь высказать свое мнѣніе, мы заранѣе смиренно признаемъ его за гипотезу, кото-

можетъ, быть, и не подтвердится при
кайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Теперь, по-
, она намъ кажется имѣющею нѣкото-
вѣроятность, по крайней мѣрѣ въ глав-
ъ чертахъ.—Въ предисловіи къ свѣдѣ-
ъ, сообщеннымъ г. Забѣлинымъ объ Уло-
іи, г. Калачовъ обѣщаетъ напечатать въ
хивѣ" подробное указаніе извѣстныхъ
ъ источниковъ уложенія, и сличеніе ихъ
статьями послѣдняго, а въ „добавле-
ъ" къ свѣдѣніямъ, отпечатанныхъ въ
ѣ первой книжки „Архива", помѣстилъ
тія, несходныя съ первыми, указанія ис-
никовъ уложенія, отмѣченныя въ руко-
уложенія, которая хранится въ мос-
комъ главномъ архивѣ министерства
странныхъ дѣлъ, и принадлежащія, по-
имому, Миллеру. Такимъ образомъ, бла-
аря гг. Забѣлину и Калачову, мы имѣемъ
ерь новые, весьма важные матеріалы для
ной обработки уложенія и въ скоромъ
мени увидимъ въ печати ея вожделѣн-
начало.

) „Проектъ Устава о служебномъ старо-
ствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ лю-
по тридцати четыремъ степенямъ, со-
вленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ".
ъ этимъ заглавіемъ кн. М. А. Оболен-
помѣстилъ въ первой книжкѣ „Архива"
звычайно любопытный и замѣчательный
ятникъ XVII вѣка: списокъ „думныхъ"
кностей и чиновъ по старшинству, въ
ромъ они слѣдуютъ одни за другими.
„думные" чины и должности подраздѣ-
ы здѣсь на 34 степени; 29-я, 32-я и 34-я
очаютъ даже нѣсколько должностей и
овъ (первая девять, а послѣднія двѣ по
цати), старшинство которыхъ опредѣ-
тся титуломъ „намѣстника" того или
того города. По росписи число думныхъ
овъ должно простираться до восьмидесяти.
выя двадцать-девять степеней занимаютъ
ре, тридцать вторую—окольничіе, послѣд-
—думные дворяне. Разныя высшія при-
ныя должности носятъ русскія и гре-
кія названія, указывающія на вліяніе ви-
тійскихъ источниковъ; всѣ они описаны-
ти описанія служатъ интереснымъ мате
томъ для опредѣленія ихъ значенія.
зь Оболенскій совершенно справедливо
ѣчаетъ въ предисловіи къ этому памят-
у, что онъ находится въ тѣсной связи
ничтоженіемъ мѣстничества, опредѣляя
шинство по должностямъ, а не по роду,
и что онъ „является представителемъ воз-
никшей въ это время государственной по-
требности—ввести въ наше отечество зако-
номъ опредѣленную лѣстницу чиновъ, что,
наконецъ, приведено было въ исполненіе
Петромъ Великимъ извѣстною табелью о
рангахъ". Наконецъ, нельзя вполнѣ не со-
гласиться съ замѣчаніемъ почтеннаго архео-
лога, что порядокъ, въ которомъ исчисляются
намѣстничества, представляетъ важное по-
собіе для опредѣленія взаимнаго отношенія
старшинства и меньшинства между городами
древней Руси, замѣченнаго еще покойнымъ
Валуевымъ. Выписки изъ „намѣстническихъ
книгъ", сообщенныя въ видѣ примѣчаній
къ разбираемому памятнику, содержатъ въ
себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ по
этому предмету для тѣхъ, кто не можетъ
пользоваться этими книгами въ подлинникѣ.
Но мы не можемъ безусловно согласиться
съ княземъ Оболенскимъ, что обнародован-
ный имъ памятникъ—проектъ устава, будто-
бы, неизвѣстно почему, не получившій силу
закона. Предпосланное къ сему вступле-
ніе, дошедшее до насъ, къ сожалѣнію, или
въ искаженномъ видѣ, или безъ начала, со-
держитъ въ себѣ слѣдующія слова: „Сегожъ
ради, мы великій государь, не восхотѣ (въ)
славныхъ и дивныхъ вещей предати невѣ-
дѣнію, указали тѣ государствъ нашихъ чины
писанію предати и въ предъидущіе роды
блюсти". Изъ этихъ словъ скорѣе можно
заключить, что распорядокъ чиновъ, здѣсь
изложенный, былъ уже введенъ, существо-
валъ на фактѣ, и только записанъ для па-
мяти для соблюденія на будущее время;
слѣдовательно, мнимый уставъ и не могъ
ввести новый порядокъ государственной
службы. На этомъ основаніи его нельзя на-
звать и проектомъ устава, требовавшимъ ут-
вержденія. Замѣтимъ, что дошедшій до насъ
отрывокъ вступленія не имѣетъ даже формы
законодательныхъ актовъ того времени. Весь-
ма любопытно, что при Ѳеодорѣ же Алек-
сѣевичѣ введено распредѣленіе на степени и
въ высшее духовное управленіе, именно ме-
жду архіереями; также была мысль титуловать
ихъ именами городовъ, „которые въ его цар-
ской державѣ именити суть". Но эта мысль
не приведена въ исполненіе.

3) Въ отдѣлѣ матеріаловъ для словаря
историко-юридическаго и техническихъ тер-
миновъ, напечатаны объясненія г. Ундоль-
скаго на слова: „альманахъ", „индиктіонъ",

„кругъ міротворный“, „кустодія“, „матица“, „перекрой“, „пестредное ученіе“, „предрѣчіе“, „седмочисленникъ“, „форматъ“. Археологи и антикваріи найдутъ много любопытнаго въ этихъ объясненіяхъ; но мы думаемъ, что статьи о хронологическихъ терминахъ написаны не для большинства читателей, собственно и нуждающихся въ словарѣ, а для однихъ спеціалистовъ, близко знакомыхъ съ предметомъ; оттого эти статьи вышли темны и неудобопонятны; онѣ предполагаютъ уже основательныя познанія въ нашей древней хронологіи. Кромѣ того, полемическій тонъ статьи объ „Индиктіонѣ великомъ“ не совсѣмъ идетъ къ словарю, гдѣ читателю нужно только пояснѣе разсказать, что значитъ слово, какія есть объ немъ мнѣнія и которое изъ нихъ справедливѣе или вѣроятнѣе. При этомъ, конечно, могутъ быть ссылки на лучшія полемическія сочиненія и статьи; даже могутъ быть изложены главныя основанія, рѣшающія споръ въ пользу того или другого мнѣнія; но полемика не можетъ и не должна имѣть мѣста въ словарѣ: она только сбиваетъ съ толку.

4) „Князья Суздальскіе-Шуйскіе“, замѣтка объ ихъ происхожденіи г. Соловьева. Князья Суздальскіе-Шуйскіе, по утвердившемуся у насъ мнѣнію Карамзина, происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго. Но въ лѣтописи есть извѣстіе, что родоначальникъ этихъ князей, Андрей Александровичъ,—сынъ Невскаго. Которая же изъ этихъ двухъ генеалогій правильнѣе? Г. Соловьевъ приводитъ доводы, говорящіе въ пользу послѣдней, и находитъ, что дѣло должно быть подвергнуто новымъ изслѣдованіямъ.

5) „Книги родословныя“. Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны дополнительные матеріалы къ исторіи нашихъ родословныхъ книгъ, именно, два акта изъ фамильнаго архива А. Д. Черткова. Одинъ изъ нихъ — копія съ указа царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сказаннаго стольникамъ и другимъ служилымъ людямъ о подачѣ въ разрядъ родословныхъ росписей, для „пополненія родословной книги“. Второй содержитъ въ себѣ указаніе, какіе роды изъ записанныхъ въ родословной книгѣ доставили свои поколѣнныя росписи и какіе не доставили; также показаны роды, доставившіе свои росписи, а между тѣмъ не записанные въ родословной книгѣ.

6) „Команда (военная) — артикулы“. В одномъ изъ нихъ надписано: „копія съ арт кулу Мирона Баншева“, на другомъ: „арт кулъ Словянъ, которые содержатца подъ пр текціею венеціанскою“. Оба относятся, мнѣнію издателя, къ концу XVII или нача XVIII вѣка, хотя и дошли до насъ въ спис конца послѣдняго вѣка. По мнѣнію г. Б дянскаго, высказанному въ „добавленіяхъ оба писаны на языкѣ южныхъ славянъ, ж вущихъ по близости къ Венеціи, что уже ни но отчасти и изъ надписи послѣдняго арт кула. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, ч въ немъ упоминается „великій царь Питер Очень можетъ быть, что оба предназначал для введенія или даже употреблялись въ ш шемъ войскѣ въ царствованіе Петра; и извѣстно, что онъ охотно принималъ и да вербовалъ въ русскую службу славянъ, к торые, будучи знакомы съ европейскими б томъ и учрежденіями, въ то же время лег могли усвоить себѣ русскій языкъ, чѣмъ пр чіе иностранцы. Одинъ изъ такихъ славя могъ составить эти артикулы, или сообщи уже существующіе въ славянскихъ земля Оба артикула сообщены г. Алябьевымъ объяснены въ „добавленіяхъ“ г. Бодянски

7) „Двѣ выписки изъ лѣтописнаго сб ника“, сообщенныя г. Бѣляевымъ, чрезвыч но любопытны. Одна содержитъ въ се *единственное* покуда лѣтописное свидѣте ство о московскомъ соборѣ 7059 г., на к торомъ сочиненъ Стоглавъ. Извѣстно, что сихъ поръ мы не имѣли ни одного так свидѣтельства, отчего мнѣнія ученыхъ о ставленіи Стоглава были разнообразны и пр тиворѣчащи. Теперь этотъ важный вопр можетъ почитаться окончательно рѣшенны Вторая выписка не менѣе интересна. Въ п говорится, что Бориса Годунова „вси от поношаху и не любляху“, между прочи потому, что „корчемницы пьянству и ду губству и блуду желатели во всѣхъ градѣ цѣну кабаковъ высоко вознесоша, и ины законовъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣмъ м лостыню даваше (Борисъ), и церкви строи и смѣша клятву со благословеніемъ, и зл злоба благочестію“ и пр. Г. Бѣляевъ думает что слова „и иныхъ законовъ чрезъ мѣ много бысть“, указываютъ на то, что Бор Годуновъ издалъ много узаконеній. Съ этим толкованіемъ едва-ли можно согласиться. Л тописецъ говоритъ, что царь пекся о бла честіи, о бѣдныхъ и нищихъ, но упрекае

ріса, что онъ извлекалъ средства для этого
нечистыхъ источниковъ, именно изъ воз-
ненныхъ корчемниками цѣнъ; слѣдующія
ѣмъ слова: „и иныхъ законовъ чрезъ
у много бысть“ могутъ только указывать
ножество другихъ существовавшихъ тогда
говъ и поборовъ, или какихъ-нибудь стѣс-
ельныхъ запрещеній; иначе эти слова со-
шенно неумѣстны и непонятны, особенно
родолженіемъ: „да тѣмъ (т.-е. изъ этихъ
очниковъ) милостыню даваше и церкви
ояше“ и т. д. Лѣтописный сборникъ, изъ
ораго выписаны оба отрывка, хранится
библіотекѣ г. Погодина и, по отзывамъ
Бѣляева, содержитъ въ себѣ много раз-
съ любопытныхъ историческихъ данныхъ,
орыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ. На-
мся, что г. Бѣляевъ не замедлитъ со-
цить и ихъ вмѣстѣ съ обѣщанными двумя
ужными грамотами митрополита Макарія,
исанными на основаніи Стоглава.

) „Важный хронографъ особеннаго соста-
. Въ этой статьѣ г. Забѣлинъ подробно
сываетъ хронографъ, принадлежащій кн.
А. Оболенскому. Въ этомъ хронографѣ
внѣйшей редакціи изъ всѣхъ извѣстныхъ,
одится много приписокъ, которыя размѣ-
ны въ немъ на поляхъ, вклеены на осо-
ъ листкахъ и внесены даже цѣлыми тет-
ями. Тѣ изъ нихъ, которыя приложены
выпискамъ изъ хронографа позднѣйшей
акціи о русскихъ событіяхъ (съ 1461 г.
избранія на царство Михаила Ѳедоро-
а), заимствованы, по замѣчанію г. Забѣ-
а, изъ какого-нибудь доселѣ неизвѣст-
о русскаго лѣтописнаго сборника; въ
рхивѣ“ напечатаны двѣ такія приписки,
нно о погибели Самозванца и Марины
нишекъ и объ освобожденіи отъ поляковъ
квы. Г. Забѣлинъ говоритъ, что всѣ при-
енія и приписки, упомянутыя выше,
ьма любопытны и важны; изъ нихъ мы
немъ отношеніе редакцій хронографа, древ-
1512 года, и другой, позднѣйшей, при-
лежащей началу XVII столѣтія. Извѣстно,
эта послѣдняя редакція, принявъ въ
ованіе первую, дополнила и распростра-
а ее вставками и разными прибавленіями.
-то самыя вставки и прибавленія вошли
описываемый хронографъ въ видѣ при-
окъ“. Признаемся, мы не понимаемъ, что
етъ описываемый списокъ хронографа при-
ить къ нашему знанію объ отношеніи
съ разныхъ редакцій этого рода памят-

никовъ, когда объ редакціи хорошо уже извѣстны изъ многихъ другихъ списковъ, а списокъ кн. Оболенскаго, принадлежа къ древнѣйшей редакціи, только пополненъ приписками изъ списковъ новѣйшей? Еслибъ это былъ единственный списокъ древнѣйшей редакціи—другое дѣло. Позднѣйшія приписки конца XVII вѣка не позволяютъ даже подозрѣвать въ немъ основного, первоначальнаго списка, отъ котораго ведетъ свое начало позднѣйшая редакція. Такимъ образомъ интересъ этого хронографа можетъ быть неоспоримый, и открытіе или описаніе его чрезвычайно важно, но только едва-ли для опредѣленія отношеній между двумя редакціями хронографовъ. Кромѣ приписокъ, въ хронографѣ кн. Оболенскаго помѣщены рисунки конца XVII вѣка. Одинъ гравированъ на мѣди, другой на деревѣ, прочіе рисованы тушью или красками. Самые интересные изъ нихъ—небольшіе, вырѣзанные и наклеенные на особыхъ листкахъ портреты в. к. Василія Ивановича, царя Ѳедора Ивановича, Жигимонта-Августа, короля польскаго, и царя Михаила Ѳедоровича. Изъ нихъ, по замѣчанію г. Забѣлина, особенно любопытны портреты в. к. Василія и царя Ѳедора; подобныя изображенія являются въ первый разъ, и весьма вѣроятно, что оригиналы, съ которыхъ они сняты, принадлежатъ иностранцамъ и, быть-можетъ, заимствованы изъ какого-нибудь описанія путешествія въ древнюю Москву, потому что русскому художнику того времени едва-ли бы пришло на мысль представить царя въ простой, обыкновенной одеждѣ, а не царскомъ нарядѣ. Портреты русскихъ государей отпечатаны въ „Архивѣ“ съ описаніями.

Послѣднія 9 и 10 статьи суть составленные гг. Капустинымъ и Афанасьевымъ и упомянутые нами выше библіографическіе указатели. Они обработаны, сколько мы можемъ судить, добросовѣстно и отчетливо. Жаль только, что въ указателѣ книгъ и сочиненій за 1848 годъ, подъ №№ 76—79, упомянуты вообще изданныя рѣчи и отчеты университетовъ, гимназій и т. д., а не показаны предметы рѣчей, и не выписаны ихъ заглавія. Что касается до полноты этого указателя, то въ немъ, конечно, есть пропуски; но подобныя библіографическія работы представляютъ для частнаго человѣка почти непреодолимыя трудности. Вотъ почему каждый, хоть сколько-нибудь интересующійся дѣломъ,

обязанъ по возможности содѣйствовать такимъ въ высокой степени полезнымъ и важнымъ работамъ и сообщать редакціи „Архива“ замѣченные имъ пропуски. Мы съ своей стороны укажемъ г. Капустину на слѣдующія книги и сочиненія, пропущенныя въ его „Указателѣ“.

1) Die Livländische Reimchronik des Dittlieb von Alnpeke (1296), in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von E. Meyer. Reval. 1848.—2) (Napiersky) Chronologischer Abriss der älteren Geschichte Livlands (1165—1562) Riga. 1848.—3) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geshichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen. Vierten Bandes zweites Heft. Riga. 1849. (Находятся въ Указателѣ подъ № 121, но съ неполнымъ заглавіемъ). Содержаніе: v. Busse. Kriegszüge der Novgoroder in Esthland in den Jahren 1267 und 1268, nebst dem Friedensschlusse und andern Urkunden. Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-Livland, mit lithographischen Abbildungen. (Отмѣчена въ Указателѣ особою статьею, подъ № 51). Auszüge aus einer Sammlung Reval's Vorzeit betreffenden Nachrichten und Verordnungnen, aus dem 17-ten Jahrhunderte. Zwei Hausurkunden des Fahrensbachischen Geschlechts, von 1494 und 1531. Nachträge zur Biographie des Rembert Geilsheim, eines livländischen Staatsmannes des 16-ten Jahrhunderts.—4) Das alte auf unsere Undeutschen gedichtete Liedle n, so wie über Livländisch-Deutsche Volksdichtung, Volkssprache uberhaupt. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des älteren Livland's, von Eduard Pabst. Reval, 1848.—5) Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russischen Erbrechts, bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Michailowitsch. Eine zur Erlangung der Würde eines Magisters der Rechtswissenschaft, einer hochverordneten Juristenfacultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vorgelegte, von derselben genehmigte und öffentlich zu vertheidigende Abhandlung, verfasst von Fedor Witte. Dorpat. 1848.

Вотъ краткій обзоръ статей „Архива“, содержащихъ одни матеріалы, или только ихъ первоначальную, приготовительную разработку. Однѣ, конечно, интереснѣе и важнѣе другихъ, но нѣтъ ни одной лишенной интереса, ни одной, которую можно бы, безъ ущерба для науки, вычеркнуть изъ изданія. Это достоинство статей столько же приноситъ честь сотрудникамъ, сколько такту и выбору ученаго издателя“, г. Калачова.

Прочія десять статей сборника, по содержанію своему, суть изслѣдованія, несмотря на то, что половина ихъ размѣщена въ третьемъ, четвертомъ и шестомъ отдѣлахъ „Архива“, не предназначенныхъ, какъ мы видѣли, для изслѣдованій. Разсмотримъ ихъ.

„Очеркъ нравовъ, обычаевъ и рели славянъ, преимущественно восточныхъ, времена языческія“, соч. г. Соловьева. Ч чение этой статьи опредѣляется ея заг віемъ. Это „очеркъ“, написанный съ бо шимъ талантомъ, какъ все, что выход изъ-подъ пера ученаго профессора, котор труды и имя уже пользуются заслужен извѣстностью. Настоящій трудъ г. Соловь обнимаетъ двѣ стороны древняго языческ быта славянъ: общественный и религіозн Первая раскрыта превосходно и съ рѣдки безпристрастіемъ. Авторъ принимаетъ основаніе древней общественности слав родовой бытъ, и изъ него объясняетъ д внѣшнія туземныя и иностранныя сви тельства объ этомъ племени. Намъ все казалось, что родовое начало — единствен ключъ къ уразумѣнію внутренняго быта шихъ предковъ въ древнія времена, ед ственное средство согласить извѣстія и д ныя, съ перваго взгляда представляю неразрѣшимыя, безвыходныя противорѣ Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ про мы статью г. Соловьева; она самымъ удов творительнымъ образомъ разрѣшаетъ противорѣчія, объясняетъ доселѣ непон ное, темное въ древнихъ сказаніяхъ и весьма ясныхъ, по нашему крайнему р мнѣнію, вѣрныхъ, истинныхъ чертахъ создаетъ нашъ давно-прошедшій бытъ нравы. Превосходно объяснены славянс гостепріимство, первоначальное значеніе р ства у славянъ, положеніе женщины, р которую бракъ игралъ въ родовомъ бы происхожденіе „вѣна“, приданое и т. Здѣсь же мы встрѣчаемъ чрезвычайно бопытныя замѣчанія о языческомъ обр вѣнчанія и объясненія теперешнихъ свад ныхъ обрядовъ, очевидно сохранившихся глубокой древности; о вѣчахъ, ихъ соста въ разныя времена и общей родовой с ственности. Все это не только интересно, поучительно и принадлежитъ къ существ нымъ пріобрѣтеніямъ русской археол Только объясненія двухъ свадебныхъ об довъ, соблюдаемыхъ и понынѣ въ нѣко рыхъ мѣстностяхъ Россіи, показались н хотя и весьма остроумными, но нѣсколь натянутыми, и потому едва ли совершен справедливыми. Вотъ что говоритъ авто

„Похищеніе, при разрозненности родовъ, необ димо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и враж похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, произво

вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣсть происходитъ, единственно, еще изъ другихъ причинъ; при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужого рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда, естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за содержаніе; однимъ словомъ, происхожденіе купли невѣсть одинаково съ происхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной куницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ русскихъ. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру. — „Она уже не твоя, а наша“, возражаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплати мнѣ за ея *прокормленіе*. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ. — „Что жъ ты издержалъ?“ спрашиваетъ дружко. —Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ-за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ).

„Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣдовательно взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе *приданаго*... Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ оттого, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли сдѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракахъ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣльствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды; такъ, напримѣръ: женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?—„Денегъ“. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты. Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ“ (стр. 10—13).

Безспорно, на невѣстъ смотрѣли въ родѣ, какъ на чужихъ, и отсюда могла образоваться продажа ихъ, какъ вознагражденіе за издержки содержанія отъ рожденія до замужества. Но почему же сестру продавалъ братъ, а не отецъ? Чувство любви отцовской противилось этому, скажутъ намъ? Нѣтъ. Во многихъ нашихъ свадебныхъ обрядахъ отцы жениха и невѣсты сами бьютъ по рукамъ, послѣдній самъ передаетъ невѣсту изъ полы въ полу со всѣми обрядами обыкновенной продажи. Да и гораздо естественнѣе и легче представить себѣ, при господствѣ родового порядка, продажу невѣсты отцомъ, чѣмъ братомъ. Что жъ послѣдній могъ значить при живомъ отцѣ! Онъ былъ подчиненъ ему вполнѣ, не менѣе прочихъ. На этомъ основаніи сопротивленіе братьевъ браку сестры „безъ вѣдома родителей“ и притомъ на основаніи „физической, молодецкой силы“, кажется намъ въ эти отдаленныя времена совершенною невозможностью. Сынъ могъ оставить отца, завести свой домъ, жить особо,— да; но препятствовать его волѣ, въ его домѣ, хотя бы и тайно,—это просто немыслимо при родовомъ порядкѣ. Пословица, приведенная г. Соловьевымъ („тесть любитъ честь, зять любитъ взять, тёща любитъ дать, а шуринъ глаза жмуритъ, дать не хочется“), конечно, можетъ быть, и подтверждаетъ мысль, что братья не совсѣмъ любовно смотрѣли на выдачу сестрѣ приданаго, хотя—будь сказано

мимоходомъ—приданое сначала было дѣломъ не столько родительской нѣжности, сколько родовой чести, выраженіемъ желанія не уронить себя передъ родомъ жениха. Но что же могло значить, какую силу могло имѣть это недовольство братьевъ, когда такъ хотѣлъ отецъ? Ровно ничего! Наконецъ допустимъ даже, что объясненіе г. Соловьева справедливо. Что же значитъ, что когда братъ невѣсты, пойманный поѣзжанами на лошади жениха и задобренный деньгами, слѣзетъ съ лошади, они его бьютъ, а потомъ онъ является съ саблею подлѣ сестры и продаетъ ее? Считать вмѣстѣ съ авторомъ весь этотъ обрядъ за символическое представленіе, какъ братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства вознаградить себя насчетъ жениха за выводъ сестры безъ продажи и даже съ приданымъ,—невозможно, и по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, въ символическій обрядъ принимаются только существенныя, необходимыя черты дѣйствительности, факта, а не случайныя. Братъ невѣсты могъ вознаградить себя тысячью различными способами: почему же въ обрядъ принято именно бѣгство на женихомъ конѣ, а не что-нибудь другое? Странно! Еще страннѣе, что, поймавъ брата невѣсты, поѣзжане сначала съ нимъ торгуются, потомъ, когда онъ слѣзетъ, бьютъ его по спинѣ плетью, а затѣмъ онъ снова является вооруженный подлѣ сестры и торгуется съ ними. Положимъ, побои означаютъ, что поѣзжане одержали верхъ надъ братомъ невѣсты; но тогда остальная часть обряда—безсмыслица, чего никакъ нельзя допустить, по общему его составу. Онъ, очевидно живой остатокъ весьма отдаленнаго времени, очень отчетливо и ясно воспроизводитъ какой-то бытовой фактъ; но какой именно—вотъ что остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насъ, несмотря на остроумное объясненіе ученаго автора.

Вторая половина статьи г. Соловьева посвящена, какъ мы уже замѣтили, языческой религіи первобытныхъ славянъ. Она, подобно первой, написана съ талантомъ, исполнена любопытныхъ замѣтокъ, гипотезъ, наведеній и сближеній. Особенно удачнымъ и вѣрнымъ показалось намъ объясненіе значенія *русалокъ*, едва ли не въ первый разъ высказанное съ такой ясностью, и такъ убѣдительно. Но въ цѣломъ эту половину статьи мы нашли слабѣе первой. Общая картина славянскаго язычества, набросанная г. Соловьевымъ, не даетъ вполнѣ яснаго, отчетливаго представленія о предметѣ; встрѣчаются натяжки, толкованія болѣе или менѣе произвольныя, и слишкомъ смѣлыя гипотезы. Эти недостатки вполнѣ объясняются формою статьи г. Соловьева и предметомъ, которому посвящена вся вторая половина. Первоначальный общественный и домашній бытъ славянъ имѣетъ уже свою, можно сказать, богатую литературу. Много ученыхъ трудилось надъ нимъ; множество матеріаловъ, объясняющихъ этотъ бытъ, собрано и обработано съ большимъ тщаніемъ, подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ воззрѣній. Поэтому теперь уже до нѣкоторой степени возможно представить удовлетворительное обозрѣніе этого быта въ общихъ чертахъ, и если довольно еще остается для него сдѣлать, то довольно уже сдѣлано, и сдѣлано хорошо. Славянская миѳологія находится до сихъ поръ въ совершенно иномъ положеніи. Изъ всѣхъ частей славянскихъ древностей это самая необработанная, самая заброшенная. Покуда матеріалы будутъ очищены отъ посторонникъ примѣсей, старыхъ и новыхъ, туземныхъ и иностранныхъ, сколько пройдетъ времени, а это только первая, черная работа; отъ нея до возсозданія картины нашихъ древнихъ вѣрованій предстоитъ еще длинный и тяжелый путь. Для изученія юридическаго быта славянъ, теперь есть по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько точекъ опоры, хоть нѣсколько добытыхъ изученіемъ общихъ началъ, положеній. Въ славянской миѳологіи покуда все шатко, все неопредѣленно; это хаосъ, не только „покрытый мракомъ неизвѣстности“, но, что гораздо хуже, завѣшенный покрываломъ лжи и нелѣпѣйшихъ выдумокъ, которое разорвать гораздо труднѣе, чѣмъ обработывать новый, еще нетронутый предметъ. Вотъ почему славянская миѳологія еще не укладывается въ „очеркъ“. Объ ней что ни слово, то вопросъ, затрудненіе. О системѣ, цѣломъ и мечтать нельзя. Только одна мелкая, невидная и покамѣстъ неблагодарная разработка частныхъ фактовъ и возможна. Все это, конечно, не уменьшаетъ достоинства прекраснаго труда г. Соловьева, но только доказываетъ всю невозможность вѣрно схватить однѣ главныя черты русской миѳологіи въ сжатомъ изложеніи, на какихъ-нибудь тридцати страницахъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, и чтобъ отдѣлить въ статьѣ г. Соловьева вѣроятное и истинное отъ сомнительнаго и невѣрнаго, мы считаемъ небезполезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Основываясь на Ипатьевской лѣтописи, г. Соловьевъ говоритъ, что верховными божествами языческихъ славянъ былъ *Сварогъ*, тожественный съ Перуномъ; сыновьями его были *Солнце* (Дажьбогъ, Хорсъ или Коросъ) и *Огонь*. На все это есть доказательства. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ положительно утверждаетъ, что *дидъ*, *ладо*, *лѣль*, *люль*, суть названія солнца, на томъ только основаніи, что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ русскіе названы „внуками“ Дажьбога, что по древлянски Igolga значитъ дѣдъ, и что *ладо* значитъ свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Названія по родству показываютъ только, что славяне понимали свои отношенія къ другимъ людямъ и разнымъ языческимъ олицетвореніямъ подъ родовыми формами: такъ они понимали всѣ свои отношенія, почти безъ изъятій. Почему же *дѣдъ*, *лель* (хотя бы лель и значило дѣдъ) именно означали солнце, а не водяного, напримѣръ, не домового? На это нужны доказательства, а г. Соловьевъ ихъ не приводитъ. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ часто встрѣчаются выраженія „*мати* зеленая дубравушка“, „*мать* сыра земля“ и т. д. Домовой, водяной называются *дѣдушками*. Изъ этихъ названій можно вывести только древнее поклоненіе имъ, не болѣе. Что̀ касается до *ладо*, то, на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ, можно даже положительно утверждать, что это слово не имѣетъ никакого прямого отношенія къ поклоненію солнцу. Ладо—обыкновенный припѣвъ весеннихъ, троицкихъ, семицкихъ хороводовъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являются мужъ и жена, невѣста и женихъ. *Ладо*—жена, любимая дѣвушка. Все это доказываетъ, что ладо—если только когда-нибудь было у насъ божество этого имени—могло имѣть прямое отношеніе къ браку, любви, а не къ солнцу. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что солнце называлось у славянъ *карачуномъ*, и какъ божество губительное, у сербовъ называется „старымъ кровникомъ“. Но, во-первыхъ, чѣмъ же доказано, что празднованіе „карачуна“ есть празднованіе солнца? Что же касается до названія *старый кровникъ*, то оно въ пѣсни о смерти Марка Кралевича, на 42-ой стихъ которой ссылается авторъ, относится не къ солнцу, а къ божеству вообще; слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія видѣть въ этомъ эпитетѣ характеристику именно солнца, а не другого какого-нибудь божества.

Нѣсколько строкъ ниже читаемъ, что имя Ладо, языческаго божества, послѣ принятія христіанства перешло въ имя бѣса и получило дурное значеніе; въ доказательство г. Соловьевъ приводитъ выраженія: *ступай къ ладу* или ляду, *лядащій*—дряннoй, слабый. Конечно, есть много примѣровъ такого превращенія языческихъ боговъ и другихъ олицетвореній, подъ вліяніемъ христіанства, въ злыхъ духовъ и дьяволовъ; но все-таки мы не знаемъ, правъ ли авторъ въ настоящемъ случаѣ. *Ладо* и теперь значитъ согласіе, единомысліе; всѣ слова, отсюда проистекающія, не противорѣчатъ этому основному смыслу. Поэтому мы, съ своей стороны, затрудняемся производить *лядъ*, *лядащій*, отъ *ладо*, тѣмъ болѣе, что гласныя *а* и *я* полагаютъ и теперь различіе въ смыслѣ приведенныхъ словъ; это не можетъ быть случайно именно потому, что различіе всегда и вездѣ выдержано; для насъ, по крайней мѣрѣ, очевидно, что слова *лядъ и лядащій* должны имѣть какой-нибудь другой корень.

Слѣдующее затѣмъ объясненіе значенія Стрибога и Волоса основано на прямыхъ свидѣтельствахъ; но тутъ же встрѣчаемъ весьма гадательное предположеніе, что Волосъ—божество, взятое, можетъ быть, отъ финновъ. Да и самыя сомнѣнія въ славянствѣ Волоса показались намъ весьма произвольными; авторъ сомнѣвается потому только, что всѣ прочіе, исчисляемые Несторомъ, языческіе боги—стихійные, одинъ Волосъ богъ скота. Но что̀ жъ изъ этого? Почему жъ это было невозможно?—Значеніе Симарглы и Мокоша неизвѣстны. Имя Симарглы покойный Прейсъ дѣлитъ на *сема* и *регла* и считаетъ ихъ за одно съ ассирійскими божествами сходныхъ названій. Несмотря на авторитетъ покойнаго профессора, мы, признаемся, не безъ большого недовѣрія смотримъ на филологическія сближенія тамъ, гдѣ объясняемый предметъ извѣстенъ только по имени, и то, можетъ-быть, искаженному; они оставляютъ слишкомъ много простора фантазіи, догадкамъ,—пути, на которомъ сбился не одинъ изслѣдователь. Въ отношеніи къ такимъ предметамъ нужно повременить, выждать открытія новыхъ источниковъ, или наступленія поры, когда весь предметъ такъ будетъ разработанъ, что можно, на основаніи извѣстнаго, дѣлать вѣрныя, основательныя посылки къ неизвѣстному. Оттого-то мы воздерживаемся отъ всякихъ филологи-

ческихъ операцій надъ именемъ Симарглы, которыя могли бы сдѣлать это названіе болѣе понятнымъ, и обращаемся снова къ статьѣ г. Соловьева.

За исчисленіемъ и объясненіемъ именъ боговъ, слѣдуетъ обозрѣніе языческаго богослуженія. Изъ него, говоритъ авторъ, „ясно видно, что праздники, въ древности, совершались въ честь стихійныхъ божествъ“. Замѣтимъ, что ниже авторъ говоритъ особливо о праздникахъ въ честь мертвыхъ, слѣдственно здѣсь онъ имѣетъ въ виду поклоненіе однимъ исчисленнымъ выше божествамъ. Какіе же это праздники? Г. Соловьевъ насчитываетъ только три: коляду, масляницу и Купалу, и соединенный съ послѣднимъ праздникъ Ярилы. Всѣ они, по его мнѣнію, празднованіе солнца, сперва „когда оно начнетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать“, потомъ въ началѣ весны, и наконецъ, „когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности“.

Съ этимъ общимъ построеніемъ нашихъ языческихъ праздниковъ мы не можемъ согласиться по многимъ причинамъ. Дѣйствительно, между праздниками есть послѣдовательность и связь; но опредѣляются ли онѣ поклоненіемъ солнцу—вотъ вопросъ. Мы думаемъ, что такимъ опредѣленіемъ служило постепенное оживленіе природы послѣ зимняго поворота солнца, весною и лѣтомъ, и постепенное замираніе ея осенью и смерть зимою. Солнце, играющее первую, важнѣйшую роль въ этихъ перемѣнахъ, безспорно, было, именно по этому, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ поклоненія; но сводить къ солнцу всѣ праздники — несогласно съ фактами, ибо въ нихъ мы легко открываемъ слѣды отдѣльнаго поклоненія разнымъ явленіямъ и силамъ природы, въ разныя времена года. Такъ празднуется время любви, воспроизводящая сила природы, созрѣваніе травъ и тысяча другихъ предметовъ. Между нѣкоторыми изъ нихъ существовала связь, единство въ понятіяхъ язычниковъ; между другими, несмотря на ихъ сродство, не было повидимому никакой связи. Въ чемъ состояла она, или почему ея не было, какое значеніе имѣла эта соединенность и эта безсвязность въ общей системѣ вѣрованій,—вотъ вопросы, которые должна рѣшить наука. Построеніе языческихъ вѣрованій на основаніи нашихъ теперешнихъ понятій такъ же ошибочно, такъ же безплодно для науки, какъ было безплодно и безрезультатно изслѣдованіе ношеній удѣльнаго періода съ точки зр европейскаго феодализма. Въ эту ошиб какъ намъ кажется, впалъ г. Соловьевъ, и гая древнія языческія вѣрованія и праз ства. Онъ видитъ одно солнцепоклоненіе древнемъ богослуженіи, тогда какъ совок ность богослужебныхъ языческихъ обряд напротивъ, свидѣтельствуетъ о первобытно младенческомъ обожаніи цѣлой природы всѣхъ ея проявленіяхъ. За этой основ ошибкой естественно должны развиться м жество другихъ, затемняющихъ и искаж щихъ предметъ. Вѣрованіямъ языческ славянъ подкладывается система, кото они, судя по тому, что мы знаемъ, не им рождается вопросъ о чиноположеніи бог до котораго славянская миѳологія не раз лась, и едва-едва начинала подниматься; томъ само собою слѣдуетъ вообще перен ніе на славянское язычество миѳологическ представленій другихъ народовъ, того взгляда, того же метода изслѣдованія. С лавъ нѣсколько шаговъ на этомъ пути, въ концѣ концовъ недоумѣвая спрашива себя: да чѣмъ же славянская миѳологія от чается отъ миѳологій всѣхъ другихъ на довъ? И справедливо! Въ хаосѣ готовы извнѣ привнесенныхъ понятій и подмѣ пыхъ кой-какихъ фактовъ и началъ, пр вольно сшитыхъ по даннымъ образцамъ, кая мысль потеряется, всякій умъ стан въ тупикъ. Странное дѣло! Мы повторя себѣ тысячу разъ, что извѣстіями о слав скихъ богахъ надо пользоваться съ велич шей осторожностью и строгой критикой; славянскій Олимпъ — предметъ самый за танный и трудный, да отчасти и подоз тельный; мы смотримъ съ недовѣріемъ олицетворенія въ славянской миѳологіи, мѣчая по всему складу и характеру зна скихъ представленій, что славянинъ пок нялся непосредственно природѣ, и что ант номорфизмъ только сталъ показываться, ко настало христіанство. И что же? Зная это, мы продолжаемъ сбиваться въ прежн колею, стараемся открыть и постигнуть неалогію славянскихъ боговъ, стройную с тему въ вѣрованіяхъ!

Желаніе привести все языческое богос женіе славянъ къ солнцепоклоненію, есте венно, вовлекло г. Соловьева въ другую ную ошибку. Онъ находитъ у насъ тол три-четыре праздника, тогда какъ имѣ

ь теперь несравненно болѣе; стоитъ только
нуть въ собранія гг. Снегирева, Тере-
ки, Сахарова. А сколько праздниковъ еще
неизвѣстныхъ! Пишущій эти строки
ъ несказанное наслажденіе просматри-
богатые этнографическіе матеріалы, по-
ившіе изъ разныхъ мѣстностей Россіи
Императорское Географическое Общество,
остовѣриться, что о многихъ народныхъ
дникахъ, очевидно остаткахъ глубокой
ины, мы не имѣемъ до сихъ поръ ни-
го понятія. Огромное большинство этихъ
дниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго отно-
ія къ поклоненію солнцу. Оттого г. Со-
евъ и не говоритъ объ нихъ. Это, оче-
но, слѣдствіе ошибочнаго воззрѣнія на
янскую миѳологію.

отъ что мы нашли нужнымъ сказать во-
противъ основного взгляда г. Соловье-
а народные праздники, и противъ мысли,
послѣдніе совершались въ честь однихъ
ійныхъ божествъ. Не менѣе ошибочны,
ительны или гадательны показались намъ
огія частности, относящіяся къ описанію
дниковъ. Авторъ находитъ „очень вѣ-
нымъ“ производство *колядыотъ ко-Ладу*,
коло-Лада. Но почему жъ оно вѣроятно?
предположеніе старинное и давно бро-
ное, потому что неудовлетворительно. То-
тво *Лада* и *Ляда* еще вопросъ; притомъ,
ь нарочно, „Ладо“ не встрѣчается ни въ
ой колядской пѣснѣ, а между тѣмъ слы-
ся весьма часто въ пѣсняхъ и хорово-
ь, сопровождающихъ весенніе праздники.
о ли божество *Плуга*—это еще вопросъ,
роизводство отъ него словъ *плюгавый*,
гавство, едва ли можетъ быть принято
предварительныхъ изслѣдованій. Такъ
бездоказательны гипотезы, что масляница
стрѣча весны — одинъ праздникъ, отне-
ный частью на конецъ рождественскаго
ста, частью на свѣтлое воскресенье, от-
, что приходился въ великій постъ; что
здникъ Ярилы первоначально отправлялся
петровскомъ посту и „по всѣмъ вѣроят-
тямъ“ совпадалъ съ праздникомъ Купалы,
послѣдствіи тоже перенесенъ на другіе
. Подобныя перестановки и раздробленія
ческихъ праздниковъ безспорно были; до-
ательствомъ можетъ служить то, что всѣ
пріурочены къ христіанскому календарю.
при неразработанности нашей миѳологіи
нь трудно возстановить первоначальную
хронологію. Г. Соловьевъ самъ приво-
дитъ изъ собранія г. Сахарова примѣръ праздно-
ванія весны на пятой недѣлѣ поста въ
тульской губерніи и празднованіе Ярилы,
24 іюня; одинъ такой фактъ показываетъ, съ
какою осторожностью надо касаться этого тем-
наго предмета; ибо если сохранился празд-
никъ въ одной мѣстности, то невольно спра-
шиваешь себя, отчего не сохранился онъ въ
другой? Приходишь къ мысли, что его и не
было здѣсь, и когда нѣтъ положительныхъ
доказательствъ противнаго, этотъ выводъ едва
ли не есть во всякомъ случаѣ самый без-
ошибочный. Замѣтимъ кстати, что масляница
дѣйствительно носитъ на себѣ многіе при-
знаки весенняго праздника; но въ то же
время, и можетъ быть еще болѣе, она, какъ
и святая недѣля, напоминаетъ праздники въ
честь мертвыхъ. Обычай же кататься въ са-
няхъ по улицамъ—не только масляничный,
а вмѣстѣ и святочный; слѣдовательно, не-
возможно пріурочивать одинъ праздникъ къ
другому по одному этому признаку, какъ
дѣлаетъ г. Соловьевъ.

Продолжая сближенія народныхъ праздни-
ковъ съ поклоненіемъ солнцу, авторъ говоритъ, между прочимъ, что религіозное зна-
ченіе и „прямое отношеніе“ хороводовъ къ
солнцу „не подлежитъ сомнѣнію“, и дока-
зываетъ это тѣмъ, что названіе ихъ про-
исходитъ отъ Короса или Хороса—божества
солнца, и кромѣ того ихъ круговою формою.
Что касается до религіознаго значенія хо-
роводовъ, то мы вполнѣ согласны съ авто-
ромъ; но этимологія хороводовъ, ихъ отно-
шеніе къ солнцу, кажется намъ далеко не-
доказаннымъ. Такъ же произвольнымъ на-
ходимъ мы мнѣніе, будто сожженіе „бѣлаго
пѣтуха“ въ день Купалы относится къ солнцу;
что курица, по самому своему названію (куръ,
отъ коръ, корсъ, хорсъ), птица „угодная
солнцу“. Курица играетъ большую роль въ
свадебныхъ обрядахъ; пѣтухъ приносился въ
жертву домовому, зарывался въ землю при
тайныхъ обрядахъ „опахиванія“, и т. д.
Являясь въ столь различныхъ обрядахъ и
языческихъ дѣйствіяхъ, курица и пѣтухъ не
могли быть исключительно посвящены солнцу;
по крайней мѣрѣ, одни филологическія сбли-
женія не могутъ рѣшить дѣла безъ предва-
рительныхъ тщательныхъ розысканій.

Разсмотрѣвъ „поклоненіе стихійнымъ бо-
жествамъ“, г. Соловьевъ переходитъ „къ
другой половинѣ славянской миѳологіи, имен-
но къ поклоненію геніямъ и душамъ усоп-

шихъ". О выводахъ и филологическихъ сближеніяхъ автора, относящихся къ этому предмету, мы скажемъ ниже, при разсмотрѣніи изслѣдованій о домовомъ, г. Аѳанасьева. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что въ обозрѣніи повѣрій объ умершихъ и праздниковъ, доселѣ соблюдаемыхъ въ честь ихъ, также встрѣчается много такого, съ чѣмъ нельзя безусловно согласиться. Авторъ говоритъ, что „радуница" до христіанства, безъ сомнѣнія, соединялась съ масляницей, что послѣднее названіе есть позднѣйшее и сближаетъ названіе „радуницы" съ латинскимъ radius, лучъ. Но на чемъ все основано? — „Вилы" южныхъ Славянъ, по его мнѣнію, одинакаго происхожденія съ „русалками". Но гдѣ жъ доказательства? Ихъ нѣтъ и на 20 стр. изслѣдованій г. Буслаева (о вліяніи христіанства на славянскій языкъ), на которыя указываетъ авторъ. Почему скандинавскіе карлики, nar, nainn, были „полнымъ олицетвореніемъ" *навіевъ*, и „духи" въ видѣ карликовъ, славянскіе *людки*, были „не что иное, какъ души умершихъ", — г. Соловьевъ тоже не объясняетъ, а созвучныя названія не рѣшаютъ дѣла. То же должно сказать объ измѣненіи малороссійскихъ „мавокъ" въ „навокъ", которыя мы съ такимъ же правомъ измѣняемъ въ „малокъ"; о словопроизводствѣ *коровая* отъ корса или хорса, названій солнца. Наконецъ, намъ кажутся слишкомъ смѣлыми, слишкомъ обобщенными заключенія, что „у восточныхъ славянъ было въ обычаѣ закланіе и приготовленіе яствы, *покормъ*, а не *сожженіе*" и, что „всего болѣе заставило уважать деревья и приносить предъ ними жертвы" вѣрованіе, будто души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, „преимущественно на дубахъ"; безспорно, однако, что оба положенія вполнѣ справедливы, если только ихъ привести въ надлежащія границы.

Вотъ почти все, что намъ показалось слабымъ, недоказаннымъ или невѣрнымъ въ статьѣ г. Соловьева. Ея достоинства, имя автора и новость предмета налагали на насъ обязанность не пропустить ничего безъ вниманія. Спѣшимъ прибавить, что рядомъ съ указанными недосмотрами и неточностями, мы встрѣчаемъ во второй половинѣ статьи много превосходныхъ замѣчаній и взглядовъ. Такъ въ пѣніи коляды и собиранія приношеній авторъ справедливо видитъ остатокъ собиранія приношеній для общей жертвы. Въ *игрѣ* „горѣлки" подмѣчены, весьма остроумно, остатки умыкиваній „съ нею же съѣщашеся", о которыхъ говоритъ лѣтописецъ; не знаемъ только, почему авторъ относитъ горѣлки къ празднованію Ярилы; сколько мы знаемъ, этой игры не бываетъ на праздникѣ Ярилы; такъ же неудачна этимологія горѣлокъ отъ *горящихъ* костровъ (на 24 іюня). Драгоцѣнны, по своей вѣрности, замѣтки о первобытной враждебности между собою родовъ по враждебному значенію въ теперешнихъ повѣрьяхъ „чужого" домового; о соотвѣтствіи между оживаніемъ природы и умершихъ; о сродствѣ между семикомъ и масляницею. Весьма справедливо отвергаетъ авторъ существованіе у русскихъ славянъ языческихъ храмовъ и жрецовъ, и ставитъ на ихъ мѣсто родоначальниковъ, главъ семействъ, взглядъ его на человѣческія жертвы у славянъ вѣренъ истинѣ и исполненъ безпристрастія. Есть и кромѣ того много другихъ прекрасныхъ замѣтокъ и сближеній.

Но лучшія, по нашему мнѣнію, страницы этой половины статьи принадлежатъ изслѣдованіямъ о русалкахъ; въ своемъ родѣ они могутъ быть признаны образцовыми. Русалки, по мнѣнію г. Соловьева, суть души умершихъ. Эта мысль была уже высказана г. Буслаевымъ, но мимоходомъ и безъ доказательствъ. Теперь она обставлена доводами, противъ которыхъ трудно спорить. Знатоки славянскаго быта находятъ, что это изслѣдованіе неполно, потому что авторъ не воспользовался безчисленными повѣрьями о русалкахъ, распространенными между словаками. Можетъ быть; но, въ замѣнъ, г. Соловьевъ превосходно воспользовался русскими повѣрьями. Можно дополнить его изслѣдованія, но едва ли можно сказать о томъ же предметѣ что-нибудь новое. Позволимъ себѣ одно замѣчаніе: не слишкомъ ли широко опредѣлено значеніе русалокъ? Кажется, подъ ними нельзя разумѣть души всѣхъ вообще умершихъ, а только молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Приведенное въ эти границы мнѣніе г. Соловьева кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Въ заключеніе выписываемъ общій выводъ автора о язычествѣ восточныхъ славянъ. Въ немъ есть много спорнаго, но много и справедливаго, основательнаго.

„Религія эта состояла, во-первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ; во-вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ и изъ котораго преимущественно развилась вся славянская демонологія. Всѣ-

ствіе также родоваго быта у восточныхъ славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отсюда частью объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не имѣя ничего противопоставить христіанству, такъ легко уступило ему общественное мѣсто: но будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ христіанствомъ: но зато разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то, низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцомъ семейства, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ" (стр. 53 и 54).

„О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси". Превосходная, образцовая статья издателя „Архива", адъюнкта московскаго университета, г. Калачова. Слово „изгой" долго было загадкой, надъ которой напрасно ломали себѣ голову изслѣдователи. Въ недавнее время, съ открытіемъ устава новгородскаго князя Всеволода-Гавріила о церковныхъ судахъ, русская исторія пріобрѣла драгоцѣнное свидѣтельство объ изгояхъ, сколько мы помнимъ впервые напечатанное въ извѣстномъ сводномъ изданіи „Русской Правды" г. Калачова. Оказалось, что изгои не были племенемъ, какъ думалъ Карамзинъ, но составляли въ древней Руси сословіе или званіе. На основаніи упомянутаго свидѣтельства и филологическихъ изслѣдованій, авторъ доказываетъ, что при чисто-родовомъ бытѣ нашихъ предковъ изгои были то же, что сироты, т.-е. лица, не принадлежащія ни къ какому родовому союзу, и потому беззащитныя, чуть-чуть не безправныя. Съ появленіемъ первыхъ зачатковъ гражданственности, стали возникать гражданскія сословія и союзы, которые, какъ дальнѣйшее развитіе родовой среды, изъ которой выросли, носили на себѣ глубокіе признаки родового патріархальнаго порядка. Въ эту вторую эпоху изгои получили уже значеніе людей, почему-либо не принадлежащихъ къ гражданскимъ общинамъ, званіямъ и союзамъ, и были такъ же беззащитны, какъ сироты. Этихъ людей, стоявшихъ внѣ патріархальнаго родового и первоначальнаго гражданскаго общежитія, приняла подъ свою защиту и покровительство церковь, почему изгои-сироты и были церковные люди. Вотъ основная мысль, развитая г. Калачовымъ съ рѣдкимъ знаніемъ и замѣчательнымъ историко-критическимъ талантомъ. По статьѣ разсѣяно много глубокихъ замѣчаній о нашемъ древнемъ бытѣ, обличающихъ въ авторѣ вѣрный и тонкій историческій тактъ. Мы съ своей стороны вполнѣ согласны съ авторомъ, и въ цѣломъ и въ бо̀льшей части подробностей, и считаемъ его статью за важное, существенное пріобрѣтеніе русской исторической литературы. Это одна изъ тѣхъ монографій, какія встрѣчаются, къ сожалѣнію, очень, очень рѣдко.

„О наслѣдственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года"—сочиненіе г. Погодина. Въ этой статьѣ авторъ собралъ лѣтописныя свидѣтельства о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ (кромѣ князей, духовенства и новгородцевъ) за означенный періодъ времени, и изъ соображенія этихъ свидѣтельствъ вывелъ слѣдующіе интересные результаты: 1) саны или достоинства, высшія должности, принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались какъ бы по наслѣдству отъ отца къ сыну, подобно княжескому сану; по крайней мѣрѣ они принадлежали, поручались по преимуществу лицамъ изъ извѣстныхъ родовъ. Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе, потому что въ лѣтописяхъ попадаются, напримѣръ, выраженія: такой-то князь *вдаде* такую-то *тысячу* такому-то; 2) бояре служили бо̀льшею частью у однихъ князей, то есть послѣ отцовъ дѣтямъ; впрочемъ, есть примѣры и переходовъ бояръ; 3) наконецъ множество иноплеменниковъ (изъ финновъ, половцевъ, козаръ, ляховъ, чеховъ, варяговъ, ясовъ, евреевъ, мордвы) приходили служить нашимъ князьямъ и занимали у нихъ высшія должности.—Всѣ эти результаты, конечно, не новы, но они интересны потому, что обставлены доказательствами и фактами. Вообще статья г. Погодина очень полезна, „какъ пріуготовленіе къ изслѣдованію о родословныхъ книгахъ, начало къ описанію службы русскаго дворянства въ древнѣйшее время".

„О монгольскихъ чиновникахъ на Руси,

упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ", г. Бѣляева. „Достовѣрность и неподложность дошедшихъ до насъ ханскихъ ярлыковъ—говоритъ авторъ — уже осязательно доказана однимъ изъ нашихъ оріенталистовъ, г. Григорьевымъ, въ его изслѣдованіи, писанномъ въ 1842 году; а потому теперь изученіе этихъ ярлыковъ будетъ не безполезно для занимающихся русскою исторіею, особенно для тѣхъ, кто имѣетъ своимъ предметомъ исторію внутренней жизни государства. Я на первый разъ беру на свою долю объясненіе разныхъ наименованій монгольскихъ чиновниковъ и правителей, упоминаемыхъ въ ярлыкахъ; впрочемъ, и эту часть не думаю рѣшать окончательно, и буду доволенъ, ежели мой посильный трудъ возбудитъ вопросъ объ этомъ предметѣ и подстрекнетъ другихъ, особенно оріенталистовъ, заняться симъ важнымъ дѣломъ". Скромный авторъ, уже извѣстный своими трудами по русской исторіи, сдѣлалъ, однако, больше, чѣмъ сколько обѣщаютъ выписанныя нами строки. Онъ не столько разъяснилъ, по большей части изъ русскихъ источниковъ, значеніе разныхъ монгольскихъ чиновниковъ, упомянутыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ, но коснулся отчасти и управленія Россіи этими пашельцами. Вообще статья весьма любопытна и представляетъ полезный и поучительный отрывокъ ученаго изслѣдованія о монгольскомъ владычествѣ въ Россіи по русскимъ источникамъ.

„Мѣрило праведное". Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ „Архивѣ" изслѣдованіе г. Калачова о древнихъ сборникахъ особаго состава и юридическаго содержанія. По мнѣнію автора, эти сборники дошли до насъ въ первоначальномъ ихъ видѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, привезены изъ Византіи: послѣднее видно изъ того, что источники этихъ сборниковъ суть или самостоятельныя произведенія греческой юридической литературы, или перешли къ намъ чрезъ посредство нашего перваго духовенства, прибывшаго изъ Греціи. Кромѣ греческихъ источниковъ эти сборники содержатъ въ себѣ и наши туземные памятники—какъ постановленія, такъ и матеріалы судебной практики. Этимъ доказывается, что греческіе юридическіе сборники, послужившіе основаніемъ для позднѣйшихъ русскихъ, дѣйствительно употреблялись въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія различныхъ редакцій „Мѣрила праведнаго" и описанія ихъ содержанія, г. Калачовъ выводитъ, что по этимъ именемъ дѣйствительно извѣстны юридическіе сборники, составленные преимущественно въ руководство судьямъ и, слѣдительно, имѣвшіе практическое значеніе; название свое эти сборники получили отъ главія, означающаго праведный судъ; одна ихъ часть есть введеніе, включенное сюда съ цѣлью увѣщанія и назиданія суду и сначала могла быть самостоятельнымъ чиненіемъ, но впослѣдствіи, какъ часть сборниковъ, сама получила названіе „Мѣрило праведнаго", и въ этомъ видѣ попадается дѣльно, даже въ хронографахъ. — Статья г. Калачова относится къ внѣшней исторіи русскаго законодательства. Судить объ ученомъ достоинствѣ мы не беремся, предоставляя это спеціальнымъ знатокамъ нашей рукописной литературы.

„Дополненія и прибавленія къ II тому Сказаній русскаго народа", собранныхъ г. Харовымъ. Подъ скромнымъ названіемъ „Дополненій" г. Буслаевъ (авторъ извѣстия русскому ученому міру изслѣдованія „о вліяніи христіанства на славянскій языкъ") напечаталъ въ „Архивѣ" не только основательный, дѣльный разборъ нѣкоторыхъ отдѣловъ второго тома „Сказаній" и дополненія нимъ изъ рукописныхъ и старопечатныхъ источниковъ, но представилъ цѣлое собраніе любопытнѣйшихъ частныхъ розысканій. Вся статья раздѣлена на двѣ половины. Одна имѣетъ предметомъ „Словари русскаго языка", другая „Русскую народную годовщину", заключающія пятую и седьмую книгу „Сказаній". Въ обозрѣніи словарей г. Буслаевъ показываетъ чрезвычайную важность этихъ памятниковъ для миѳологіи, древностей, исторіи грамотности и литературы, наконецъ, исторіи языка и слога; подтверждаетъ каждое положеніе нѣсколькими выписками и частными изслѣдованіями, и указываетъ на значительнѣйшіе недостатки и неполноты изданія г. Сахарова. Въ разборѣ русской народной годовщины авторъ помѣстилъ дополненія къ книгѣ г. Сахарова и нѣсколько замѣтокъ и изслѣдованій, въ доказательство, какъ важны для объясненія преданій древнѣйшія формы языка и старинные памятники литературы. Вотъ общая рамка, канва статьи. Что касается до самаго содержанія, то его трудно передать читателямъ. Какъ мы сказали, это сборъ отдѣльныхъ фактовъ, замѣтокъ, изслѣдованій, не составляющихъ нѣчто

но очень любопытныхъ и важныхъ для науки. Такъ мы находимъ здѣсь объясненія словъ: „наузы“, „вѣно“, разсказъ преданія объ „Аспидѣ“; замѣтки о словахъ „строка“, „iedwab (шелкъ, шелковая матерія)“, „крьнути“, „гость, полкъ, колимагъ“, „скала“, „людъ“, „рота“, „весна“; замѣтки объ источникахъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ, и связи съ тѣми и другими азбуковниковъ или словарей; объясненіе словъ „индрикъ“, „стратимъ“, встрѣчающихся въ Голубиной Книгѣ, „истина и правда“; изслѣдованіе о славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ, о домовомъ, чурѣ и огнищѣ; замѣтки о словѣ „пестрый“, о первоначальной формѣ слова *солнце*. Кромѣ того, много дополненій, выписокъ изъ источниковъ, и по поводу ихъ разныя изслѣдованія и выводы. Трудъ г. Буслаева можетъ быть оцѣненъ только спеціалистами; онъ не предназначенъ для чтенія, и не есть литературная, а чисто-ученая статья. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, хотя съ нѣкоторыми выводами, именно относительно домового, мы не можемъ вполнѣ согласиться.

„Дополненія и прибавленія къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей“, изданному И. Снегиревымъ. Статья, которой заглавіе мы выписали, принадлежитъ г. Аѳанасьеву, и содержитъ въ себѣ текстъ пословицъ (болѣе 460-ти и къ нимъ слишкомъ 60 варіантовъ), которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Снегирева, или варіанты и дополненія къ напечатаннымъ въ этомъ собраніи, съ коротенькимъ предисловіемъ. Здѣсь авторъ между прочимъ говоритъ о важномъ историческомъ значеніи пословицъ и поговорокъ, и въ доказательство предлагаетъ опытъ возстановленія постепеннаго развитія родового быта на основаніи нѣкоторыхъ пословицъ, сохранившихся до нашего времени. Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ г. Аѳанасьева на ходъ развитія нашего патріархальнаго, родового быта, и на измѣненія, которымъ онъ послѣдовательно подвергался; но едва-ли авторъ правъ, считая пословицы, которыя онъ приводитъ, свидѣтелями отдаленной, сѣдой старины. Тутъ есть недоразумѣніе. Родовой порядокъ, сошедши со сцены въ высшихъ сферахъ, опредѣляющихъ народную жизнь, продолжалъ существовать и развиваться въ низшихъ, въ сферѣ гражданскихъ отношеній, въ быту общинъ, міровъ, семей; и теперь еще онъ въ нихъ далеко на изгладился. Будучи, и сперва и потомъ, основанъ на однихъ и тѣхъ же началахъ, онъ долженъ былъ производить одни и тѣ же явленія въ разныхъ сторонахъ нашего юридическаго быта, несмотря на то, что, по времени, хронологически, развитіе ихъ раздѣлено вѣками. Пословицы, происхожденіе которыхъ г. Аѳанасьевъ относитъ къ незапамятнымъ временамъ русской исторіи, съ бо́льшимъ основаніемъ и гораздо естественнѣе должны быть приписаны эпохѣ сравнительно позднѣйшей, которой онѣ и носятъ признаки по редакціи и самому содержанію. Въ нихъ постоянно слышится крестьянскій міръ, крестьянскій бытъ. Возможность примѣнить ихъ къ незапамятнымъ временамъ не доказываетъ ихъ древности, потому что, какъ мы сказали, тотъ и другой бытъ имѣютъ большое сходство, только развивались они въ разныхъ сферахъ.

Это вообще. Обратимся къ частностямъ. Многія пословицы объяснены правильно; въ нѣкоторыхъ остроумно подмѣченъ прежній смыслъ, который онѣ теперь утратили; но встрѣчаются и неправильныя толкованія. Такъ къ спорамъ, которые происходили на вѣчахъ и кончались такъ часто драками и побоищями, подведена пословица: „мірская слеза велика“, не имѣющая никакого отношенія къ этимъ усобицамъ. Къ этимъ же распрямъ, разрушавшимъ родовой распорядокъ, подведена пословица: „въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются“; но она очевидно взята изъ позднѣйшихъ временъ мѣстничества, когда съѣзжавшимся воеводамъ приказывалось царскими указами „быти безъ мѣстъ“. Что касается до объясненія *міровъ* — замиреніями, то оно намъ кажется весьма справедливымъ; но авторъ едва ли правъ, видя въ нихъ первые зачатки вѣчей. Послѣднія, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще древнѣйшаго происхожденія и коренятся въ семейныхъ, родовыхъ совѣтахъ. Что касается до текста пословицъ, сообщенныхъ г. Аѳанасьевымъ, то польза увѣковѣченія печатью устныхъ народныхъ памятниковъ не требуетъ доказательствъ и объясненій. Каждый подобный трудъ заслуживаетъ полной благодарности.

Въ концѣ собранія пословицъ и поговорокъ приложено составленное г. Буслаевымъ указаніе на источники, въ которыхъ встрѣчаются пословицы, вполнѣ или близко подходящія къ нѣкоторымъ (именно двадцати) изъ напечатанныхъ въ собраніи Сахарова.

„Нѣсколько словъ о примѣтахъ", К. Аксакова. Опытъ объясненія нѣкоторыхъ примѣтъ языческими вѣрованіями.

„Дѣдушка домовой", г. Аѳанасьева. Загадочныя и въ высшей степени любопытныя повѣрья о домовыхъ естественно должны были обратить на себя особенное вниманіе изслѣдователей русской старины. Какъ сложилось представленіе о домовомъ?—вотъ вопросъ, который задавали себѣ гг. Соловьевъ, Буслаевъ и Аѳанасьевъ, и, несмотря на видимое различіе въ точкахъ отправленія, рѣшили одинаково, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ. Ихъ изслѣдованія и выводы соединены въ одной книжкѣ, и потому кстати будетъ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ, по поводу монографіи г. Аѳанасьева.

Г. Соловьевъ говоритъ, что у славянъ было поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ; что при вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было придти къ вѣрованію, будто душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ. Отсюда выводитъ онъ и происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—*родъ* и *рожаницъ*. Далѣе, тоже въ значеніи рода, является, по мнѣнію г. Соловьева, и *щуръ*, дѣдъ, прадѣдъ, сохранившійся въ составномъ „пращуръ"; щуръ же предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которой собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ, и сохранившееся въ заклинаніяхъ „чуръ меня". Оба—чуръ и родъ—одно и то же. Съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, оба перешли на *домового*.

Г. Буслаевъ видитъ въ домовомъ божество домашней жизни и родного крова, ведущее начало изъ нѣдръ простого семейнаго быта. Названіе, придаваемое домовому,—*дѣдъ*, *дѣдушка*, по мнѣнію г. Буслаева, прямо указываетъ на родовую связь обитателей дома съ невидимымъ ихъ оберегателемъ; но эту родовую связь онъ объясняетъ не тѣмъ, что домовой былъ олицетвореніемъ умершихъ предковъ, а взглядомъ язычниковъ, по которому они считали людей и самыя стихіи внуками и потомками божества. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ сущность вѣрованій въ домового и открываетъ ее въ поклоненіи очагу; но это поклоненіе въ древнѣйшую эпоху находилось въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души *усопшихъ*. Пепелъ и угли, какъ символъ родного крова и домоваго генія, въ глубокую древность могли имѣть въ глазахъ язычниковъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что постоянно напоминали какъ жертву богамъ, такъ и прахъ родителей и предковъ; названіе домового дѣдомъ весьма естественно напоминало имъ не только бога-родоначальника, но и пепелъ предковъ. Наконецъ, одинаковое жертвоприношеніе какъ домовому, такъ и погребаемымъ или же сожигаемымъ мертвецамъ, убѣждаетъ, по мнѣнію г. Буслаева, еще болѣе въ связи поклоненія домашнему очагу съ религіознымъ благоговѣніемъ къ пеплу отцовъ. Чуръ, божество, разграничивавшее имѣніе, тоже находилось, какъ думаетъ г. Буслаевъ, въ прямомъ отношеніи къ домовому генію и его символу, очагу съ пепломъ и углями.

Наконецъ, г. Аѳанасьевъ, составившій о домовомъ цѣлую монографію, въ главныхъ чертахъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. „Вѣра въ домового", говоритъ онъ, „тѣсно связана съ языческимъ обожаніемъ огня (небеснаго въ образѣ Дажьбога и Перуна, и земнаго — въ образѣ Сварожича) и умершихъ предковъ". Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ доказательства, уже изложенныя выше и новыя. Главнѣйшія изъ послѣднихъ суть слѣдующія: поклоненіе славянъ душамъ умершихъ предковъ во время язычества не подлежитъ сомнѣнію. А души умершихъ наши предки-язычники представляли себѣ въ образѣ огня; вотъ почему домовой—предсѣдатель очага, домашняго огня, слился въ вѣрованіяхъ съ дѣдушкою, представителемъ рода. Благодѣтельное значеніе обоихъ для семьи, дома, въ свою очередь помогло этому сліянію. Съ олицетвореніемъ же этихъ вѣрованій въ образѣ домоваго, на него перенесены всѣ благотворныя дѣйствія очага и качества домовитаго хозяина, какимъ былъ старшій въ родѣ.

Вотъ три мнѣнія, въ доказательство которыхъ приведены свидѣтельства древнихъ памятниковъ, теперешнія повѣрья и филологическія изслѣдованія. Несмотря на различія, всѣ они сходятся въ томъ, что домовой, будучи символомъ, олицетвореніемъ очага и домашняго быта, въ то же время соединяетъ въ себѣ представленіе объ умершихъ предкахъ, покровителяхъ и благотворителяхъ потомковъ, ихъ быта и счастія. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и думаемъ, что одна первая половина вывода справед-

лива; что не только въ повѣрьяхъ о домовомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія тѣнямъ усопшихъ предковъ, но даже во всемъ, что́ мы доселѣ знаемъ, нѣтъ тѣни, намека на поклоненіе русскихъ славянъ „предкамъ въ смыслѣ пенатовъ", невидимо пребывающихъ въ домѣ, жилищѣ потомковъ. Чтобы доказать послѣднее положеніе, обратимся къ фактамъ.

Главные доводы названныхъ нами выше изслѣдователей основаны на соображеніяхъ, выводахъ, а не на прямыхъ свидѣтельствахъ или преданіяхъ. Повѣрья и обычаи, указывающіе на поклоненіе предкамъ-пенатамъ, на связь ихъ съ повѣрьями о домовыхъ, приведены г. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ; но они относятся къ финской миѳологіи, а не къ русской. Это совершенное молчаніе нашихъ языческихъ преданій о такомъ важномъ предметѣ, конечно, изумительно. Столько разсказовъ и повѣрій объ упыряхъ, о томъ, какъ мертвые выходятъ на землю, входятъ въ домы своихъ родственниковъ, садятся за приготовленные имъ столы,—и ни одного повѣрья о томъ, что они остаются жить въ домахъ своихъ потомковъ. Если это вѣрованіе было, почему же именно оно не сохранилось, а другія сохранились? Но допустимъ на минуту, что эти вѣрованія, по какому-то странному случаю, дѣйствительно исчезли изъ теперешнихъ преданій. Стало быть, они были когда-нибудь, и о нихъ остались извѣстія?

Гг. Соловьевъ и Аѳанасьевъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Они ссылаются на вѣрованія въ „рода" и „рожаницы". Но эти вѣрованія, во-первыхъ, не имѣютъ, повидимому, никакого отношенія къ умершимъ предкамъ; повѣрье хорутанъ это доказываетъ; по ихъ разсказамъ рожаница является вмѣстѣ съ рожденіемъ человѣка. Да сколько мы знаемъ, родъ, въ первоначальномъ смыслѣ слова, означалъ не предковъ, а потомковъ, и потому, кажется, и не могъ быть предметомъ обоготворенія. Наконецъ, положимъ даже, что родъ, рожаницы, имѣли тотъ смыслъ, который придаютъ имъ оба изслѣдователя. Чѣмъ же доказать, что подъ ними разумѣлись именно предки, оставшіеся невидимо жить въ домѣ, пенаты, а не вообще предки, которые по извѣстнымъ и еще теперь живо сохранившимся повѣрьямъ выходятъ къ своимъ роднымъ изъ могилъ только въ извѣстное, опредѣленное время? Этого нельзя вывести ни изъ одного мѣста, приведеннаго гг. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ. А при отсутствіи другихъ данныхъ, послѣднее толкованіе имѣетъ больше вѣроятностей въ свою пользу, чѣмъ первое. Изъ всего этого мы заключаемъ, что ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, нѣтъ повѣрій, которыя бы подтверждали мысль о существованіи въ славянской миѳологіи предковъ-пенатовъ. Разсмотримъ теперь выводы и соображенія, которыми доказывается противное въ отношеніи къ домовому.

Домовой, говорятъ гг. Буслаевъ и Соловьевъ, называется *дѣдомъ, дѣдушкой*, что́ указываетъ на родственныя отношенія къ жильцамъ дома. Дѣйствительно, это названіе показываетъ, что языческіе славяне сознавали свои отношенія къ божеству очага подъ родственными формами. Такъ они называютъ себя внуками Дажьбога, солнца, въ дѣйствительности не происходя отъ него. Слѣдовательно, эти эпитеты ничего не доказываютъ. „Поклоненіе домовому божеству", говоритъ г. Буслаевъ, „въ древнѣйшую эпоху было въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души усопшихъ". Въ доказательство приводится, что въ древнѣйшія времена горы служили кладбищами и мѣстами для поклоненія богамъ; покормъ богамъ имѣетъ связь съ стравою; игры и хороводы, совершаемые на горахъ и кладбищахъ, напоминаютъ тризну. Во всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ доводахъ развивается мысль, что поклоненія богамъ и усопшимъ предкамъ были между собою очень близки. Это конечно могло быть, и даже вѣроятно было, особенно съ того времени, какъ сталъ вырабатываться антропоморфизмъ. Но гдѣ же видно отношеніе всего этого къ поклоненію предкамъ-пенатамъ? Доказываетъ ли оно, что домовой — остатокъ поклоненій предкамъ-пенатамъ? Уголь и пепелъ, символъ родного крова, могли напомнить и жертву богамъ, и прахъ родителей, и предковъ; но это нисколько не доказываетъ гипотезы о значеніи домового.

Гораздо важнѣе и повидимому убѣдительнѣе доводъ, что какъ домовому, такъ и погребаемымъ или сожигаемымъ мертвецамъ приносились одинакія жертвы. Г. Буслаевъ приводитъ нѣсколько данныхъ въ доказательство, что пѣтухъ и кошка были обычныя жертвы на похоронахъ, и ими же чествовали домового. Г. Аѳанасьевъ открываетъ и другія, общія тѣмъ и другимъ, жертвы—масло и вино. Ближайшее разсмотрѣніе предмета показываетъ однако, что это сходство болѣе

чѣмъ сомнительно. Во-первыхъ, изъ трехъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣровъ принесенія въ жертву на похоронахъ кошки и пѣтуха, два (именно первый и послѣдній) суть очевидно умилостивительныя жертвы богамъ, а не мертвымъ. Остается одно свидѣтельство Ибнъ-Фацлана о сожженіи пѣтуха на похоронахъ. Но пѣтухъ, сколько теперь извѣстно, является въ столь различныхъ языческихъ празднествахъ, что покуда нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ, какую роль онъ игралъ въ русской миѳологіи. Пѣтуха, какъ извѣстно, приносили въ жертву и на праздникѣ Купалы; пѣтуха зарывали при опахиваніяхъ. Также неопредѣлимо покуда и миѳологическое значеніе кошки; изъ нея вываривалась косточка-невидимка въ лѣсу или въ полѣ, вдали отъ жилья. Что же касается до возліяній вина и масла, о которыхъ говоритъ г. Аѳанасьевъ, то стоитъ только вспомнить, что эти жертвы приносились бадняку, котораго тожество съ очагомъ или домовымъ далеко еще не доказано. Вообще замѣтимъ, что общіе, одинаковые предметы жертвоприношеній въ двухъ различныхъ обрядахъ еще не доказываютъ и не могутъ доказывать тожества обрядовъ и предметовъ поклоненія, къ которымъ они относятся. Признаки эти сами по себѣ такъ отвлеченны и общи, что нельзя рѣшать окончательно. Сверхъ того, въ нашей миѳологіи, еще неразработанной, гдѣ подобныя сходства и одинаковости нерѣдко встрѣчаются въ предметахъ очевидно различныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, на однихъ этихъ признакахъ невозможно основывать такія важныя, коренныя положенія, каково тожество домового съ умершими предками.

На основаніи всего сказаннаго мы думаемъ, что домовой былъ у насъ ничѣмъ другимъ, какъ олицетвореніемъ очага, жилья, дома, потомъ и двора. На это олицетвореніе перенесены всѣ свойства и качества хозяина; домовой даже называется иногда *хозяиномъ*. По народнымъ повѣрьямъ онъ является въ образѣ домовладѣльца, хозяина, такъ что съ послѣднимъ его и не различишь. Что̀ касается до *щуръ*, *чуръ* (прибавнмъ отъ себя польское и малороссійское *щуръ* — крыса, и *ящуръ* — ящерица), то на нихъ трудно основать какіе-нибудь выводы, такъ какъ мы до сихъ поръ о нихъ ничего не знаемъ. Притомъ, если между этими названіями и есть какое-нибудь отношеніе, объясняемое древними языческими вѣрованіями, то оно по всякомъ случаѣ не можетъ служить къ объясненію характера домового, съ которымъ эти предметы не имѣютъ никакой непосредственной связи, вопреки положительному отзыву г. Соловьева.

Несмотря на ошибочное, по нашему мнѣнію, воззрѣніе, лежащее въ основаніи статьи г. Аѳанасьева, монографія его имѣетъ большія достоинства. Авторъ обнаружилъ въ немъ замѣчательный критическій талантъ и большой смыслъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ; статья наполнена превосходными замѣчаніями, мыслями, объясненіями, и безъ преувеличенія можетъ быть названа одною изъ лучшихъ статей „Архива“. Мы съ своей стороны прочли его изслѣдованія съ величайшимъ наслажденіемъ и рекомендуемъ ихъ всѣмъ любителямъ русской археологіи.

Всѣ разобранныя нами статьи—оригинальныя. Изъ переводныхъ, въ отдѣлѣ иностранныхъ изслѣдованій и актовъ помѣщено критическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Неторъ и Карамзинъ“, напечатанное въ вышедшихъ въ 1830 году въ Дерптѣ „Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands mitgetheilt von. J. Ph. G. Ewers“. Имя автора неизвѣстно. Помѣщеніемъ вѣрнаго перевода этой статьи, безъ всякихъ измѣненій, г. Калачовъ оказалъ большую услугу русской исторической литературѣ, какъ по существенному критическому достоинству самой статьи, такъ и по рѣдкости книги, въ которой она напечатана. Въ предисловіи издатель предлагаетъ подробныя свѣдѣнія о „Studien“ и напечатанной изъ нихъ въ „Архивѣ“ статьи и въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ концу ея, исправляетъ частныя ошибки, въ ней встрѣчающіяся, и развиваетъ, между прочимъ, противность мнѣнію ея автора, что ни Святославъ, ни Владиміръ не дѣлили своихъ владѣній между своими дѣтьми, а только поручали имъ въ управленіе области на томъ же основаніи, какъ намѣстникамъ и посадникамъ, и что въ первый разъ появляется сознательное раздѣленіе Россіи на княженія, хотя и подъ чисто-родовыми формами, при Ярославѣ. Замѣчаніе это, подкрѣпленное фактами, служитъ очень любопытнымъ пояснѣніемъ и дополненіемъ къ исторіи развитія родового начала въ древней Россіи.

Таковъ составъ и содержаніе первой книжки „Архива“. Надѣемся, что такое замѣчательное въ русской исторической литературѣ

е, счастливо начавшее собою нынѣшній
, найдетъ поддержку въ читателяхъ и
удникахъ. Какъ мы слышали, много лю-
тнѣйшихъ матеріаловъ уже заготовлено
и на вторую книжку. Съ нетерпѣніемъ ожи-
даемъ ея появленія.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 5).

зслѣдованія, относящіяся къ древней русской исторіи,

Филиппа Круга. Двѣ части. Спб. 1848.

(Forschungen in der aelteren Geschichte Russland's, von Philipp Krug).

одъ этимъ заглавіемъ вышли въ сентябрѣ
щѣ нынѣшняго года посмертныя сочи-
я академика Круга, изданныя, по рас-
женію академіи, адъюнктомъ ея, Э. Э.
икомъ. Уже съ перваго десятилѣтія те-
аго столѣтія Кругъ пріобрѣлъ въ уче-
ь мірѣ громкую извѣстность двумя сочи-
ями, которыя въ Россіи и за-границей
приняты съ единогласными похвалами.
вое, изданное въ 1805 году академіей
нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Zur
zkunde Russlands“, а два года спустя и
усскомъ (Критическія разысканія о древ-
ь русскихъ монетахъ. Спб. 1807), посвя-
о изслѣдованіямъ древнѣйшей русской
ріи въ нумизматическомъ отношеніи. Эти
ѣдованія были такъ новы, оригинальны
кромѣ главнаго предмета, разрѣшали
ько другихъ важныхъ историческихъ
росовъ, что самъ раздражительный и не
вшій противорѣчій Шлёцеръ, въ тог-
нее время первый знатокъ древней рус-
исторіи, и котораго Кругъ опровергалъ
олько въ частностяхъ, но въ основномъ
рѣніи на отдаленнѣйшую ея эпоху, ото-
ся о книгѣ и ея авторѣ съ величайшимъ
женіемъ и призналъ его достойнымъ
ей своихъ работъ по русской исторіи. Это
ь необыкновенный успѣхъ! Такой же
тательный успѣхъ имѣло другое сочине-
Круга, изданное академіей въ 1810 г.:
itischer Versuch zur Aufklärung der By-
inischen Chronologie mit besonderer Rück-
auf die frühere Geschichte Russlands“.
ытъ критическаго разъясненія византій-
хронологіи, особенно въ отношеніи къ
древнѣйшей русской исторіи) [1]). Этотъ трудъ не только окончательно утвердилъ ученый авторитетъ Круга, какъ глубокаго критика по русской исторіи, но и положилъ начало новой эпохѣ въ изученіи византійской хронологіи, имѣющей, какъ извѣстно, весьма важное значеніе для древней русской исторіи. Первые знатоки ея, Дюканжъ, Пажи, Байеръ, Риттеръ, Гиббонъ, были опровергнуты и поправлены Кругомъ. Этими поправками доказана историческая достовѣрность многихъ событій и извѣстій изъ перваго періода нашей исторіи и устранены сомнѣнія, возникшія изъ хронологическихъ несообразностей

Такими первоклассными критическими работами вполнѣ объясняется то вниманіе и нетерпѣніе, съ которымъ всѣ любители и знатоки русской исторіи слѣдили за ученою дѣятельностью Круга и ожидали появленія новыхъ его изслѣдованій, обѣщанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ. Но ожиданія не сбылись. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ Кругъ не издалъ ни одного изъ своихъ изысканій!

Въ 1844 году (4-го іюня) онъ умеръ. Вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько дней спустя, былъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ хронологическій списокъ рукописныхъ статей, представленныхъ имъ въ разное время академіи съ 1806 года по самое

[1]) Этой книги есть два русскіе перевода: одинъ сдѣланъ Ѳедотовымъ и Левестамомъ, другой—покойнымъ Языковымъ. Кругъ не далъ согласія на изданіе этихъ переводовъ (См. въ разбираемой книгѣ стр. CCLV).

время кончины. Въ этомъ спискѣ, составленномъ по протоколамъ академіи, значится сорокъ шесть статей; первая относится къ 5 марта 1806 года, послѣдняя къ 26 апрѣля 1844 года; слѣдовательно, она представлена Кругомъ за мѣсяцъ съ небольшимъ передъ смертью. Изъ разсмотрѣнія списка открывается, что въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ до 1831 года, Кругъ представлялъ академіи ежегодно по двѣ, рѣдко по одной статьѣ, но съ 1831 года рядъ ихъ прерывается, и съ этого времени до 1844 находимъ только двѣ (1833 и 1844) въ напечатанной росписи.

Одинъ перечень извѣстныхъ трудовъ Круга снова возбудилъ живое любопытство всѣхъ, интересующихся предметомъ, и подавалъ надежды на важныя открытія въ бумагахъ покойнаго. Чтобы привести въ извѣстность ученое наслѣдство Круга, Академія наукъ, въ томъ же 1844 году, составила коммиссію изъ академиковъ Шегрена, Устрялова и адъюнкта Куника, и поручила ей представить подробный отчетъ о бумагахъ Круга, что̀ и исполнено въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1845 года.

Изъ донесенія, представленнаго коммиссіей историко-филологическому классу академіи и напечатаннаго въ бюллетенѣ его (Т. II, № 18), видно, что въ бумагахъ Круга найдены ученыя статьи, частью вполнѣ обработанныя и оконченныя, частью неполныя, или только начатыя; множество замѣтокъ, набросанныхъ на клочкахъ бумаги, даже билетахъ и конвертахъ; наконецъ, примѣчанія, внесенныя въ печатные экземпляры Шлецерова Нестора и собственныхъ сочиненій автора. Ученыя статьи состоятъ въ отрывкахъ или донесеніяхъ, представленныхъ академіи Кругомъ, или въ сочиненіяхъ, читанныхъ въ академическихъ собраніяхъ. Изъ послѣднихъ—пятнадцать вполнѣ обработаны и были приготовлены къ изданію самимъ авторомъ; двадцать-одна или не окончены, или представляютъ одно начало, или извлеченія изъ источниковъ. Остальныхъ десяти не нашлось въ бумагахъ. По предположеніямъ коммиссіи, семь изъ нихъ могли войти въ составъ другихъ статей или книги о византійской хронологіи, но что̀ сталось съ недостающими тремя—рѣшительно неизвѣстно [1]).

Окончательный разборъ всѣхъ этихъ … писныхъ сочиненій и замѣтокъ и … товленіе къ печати тѣхъ изъ нихъ, кото… почему-либо заслуживали вниманія, поруч… отъ академіи г. Кунигу. Его-то двухлѣтн… труду и справедливому уваженію къ за… гамъ и памяти Круга обязаны мы прек… нымъ изданіемъ значительной части учен… работъ покойнаго академика, вмѣстѣ съ … дробнымъ очеркомъ его ученой, литера… ной и служебной дѣятельности.

Іоганнъ-Филиппъ Кругъ родился въ Г… (на Саалѣ) въ 1764 году. Около двад… лѣтъ отъ роду вступилъ онъ въ Галл… университетъ, гдѣ учился теологіи и ф… софіи. По окончаніи университетскаго к… онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ разн… частяхъ Пруссіи и въ 1787 году вступ… учителемъ въ семейство маркграфа ш… скаго (на Одерѣ). Съ этого времени р… лась и укрѣпилась въ немъ страсть къ … мизматикѣ, обнаружившаяся еще въ дѣт… Онъ рано началъ собирать монеты и мед… но умножилъ свою коллекцію уже въ … маркграфа, и потомъ тѣми, которыя до… лись ему по наслѣдству отъ отца. Въ 179… онъ оставилъ Силезію и вступилъ въ … лишѣ учителемъ въ семейство польскаго … ковника Курціуса. Въ 1794 году, когда К… ціусъ, послѣ окончательнаго паденія Поль… вступилъ въ русскую службу, Кругъ, вм… съ его семействомъ, переѣхалъ въ Рос… и съ тѣхъ поръ не оставлялъ ея ни р…

Въ слѣдующемъ, 1795 году, судьба … вела его въ Москву. Здѣсь познакомился … съ графиней Орловой, вдовой графа И… Орлова, которая и поручила ему воспит… своего сына. Оно продолжалось шесть л… (до 1801 года). Въ этотъ періодъ врем… окончательно опредѣлились занятія Кр… доставившія ему впослѣдствіи такую изв… ность. Онъ имѣлъ досугъ. Семейство О… выхъ, жившее почти постоянно въ Мос… или въ недалекомъ подгородномъ им… любило его. Обстоятельства, слѣдовател… благопріятствовали ученымъ трудамъ; Кр… посвятилъ ихъ русской нумизматикѣ.

Первымъ поводомъ къ этимъ занятія… послужило слѣдующее обстоятельство. Одно…

[1]) Заглавія недостающихъ статей: 1) Erklärung aller in den Russischen Chroniken vorkommenden Namen von Sontagen, nach ihnen benannten Wochen und Heiligentagen, mit genauer Bestimmung der Zeit, in die sie fielen. 2) Ueber den dreifachen Anfang … Jahres in Russland. 3) Berichtigte Zeitangaben … Russischen Jahrbücher. Fortsetzung. Одни заглав… имя автора заставляютъ уже сильно жалѣть, … статьи не отыскались.

изъ родственниковъ графини Орловой такъ понравился мюнц-кабинетъ Круга, состоявшій изъ иностранныхъ монетъ и медалей, что онъ предложилъ ему взять за то взамѣнъ свое довольно значительное собраніе русскихъ монетъ. Кругъ долго не могъ рѣшиться. Русскій мюнц-кабинетъ его не прельщалъ, потому что онъ не зналъ еще тогда (кажется, это было въ 1795 году) ни русскаго, ни церковно-славянскаго языка. Наконецъ промѣнъ состоялся. Этому много содѣйствовали совѣты профессора Баузе. „Особенно побудила меня", — говоритъ самъ Кругъ — „увѣренность, что надо быть гораздо богаче меня, чтобъ продолжать какъ я началъ, и все-таки не оставалось надежды когда-нибудь довести свое собраніе до нѣкоторой полноты. Напротивъ, ограничиваясь однѣми монетами страны, которую я избралъ для постояннаго жительства, можно было надѣяться достигнуть этой полноты современемъ".

Пріобрѣтенный русскій мюнц-кабинетъ былъ сначала мертвымъ капиталомъ для Круга. Онъ не зналъ ни слова по-русски. Монеты заставили его учиться русскому языку; но, выучившись, онъ все-таки не удовлетворилъ своего любопытства въ отношеніи къ монетамъ. Его особенно интересовали надписи на старыхъ монетахъ. Онъ просилъ объяснить ихъ, но объясненія многихъ лицъ ему показались сомнительны; онъ обратился къ ученымъ духовнымъ особамъ; ихъ отвѣты были нѣсколько удовлетворительнѣе. Наконецъ, по благому совѣту тогдашняго архимандрита Донского монастыря, Кругъ сталъ изучать библію и старыя рукописныя лѣтописи, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ, что привело его къ занятію древней русской исторіей. И въ этомъ ему чрезвычайно благопріятствовало пребываніе въ домѣ гр. Орловыхъ. Въ библіотекѣ покойнаго графа (погибшей вмѣстѣ со многими другими въ 1812 году) хранилось много церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей. По нимъ и изъ сравнительнаго изученія славянской и греческой библіи выучился Кругъ церковно-славянскому языку. А между тѣмъ его собраніе русскихъ монетъ увеличивалось; онъ скупалъ ихъ безпрерывно въ Москвѣ, внутреннихъ губерніяхъ и южной Россіи, куда ѣздилъ лѣтомъ нѣсколько лѣтъ сряду вмѣстѣ съ семействомъ графини Орловой.

Успѣхи Круга были неимовѣрны. Перемѣна мѣста въ 1801 году не измѣнила его выгоднаго для ученыхъ занятій положенія, и онъ продолжалъ ихъ ревностно. Въ 1803 году онъ писалъ о себѣ: „что сперва было для меня препровожденіемъ времени и игрушкой, стало теперь серьезнымъ дѣломъ. Я скоро выучился по-русски... перечиталъ все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ русской нумизматикѣ; въ славянскихъ книгахъ и рукописяхъ, правда, нашелъ очень немного такого; но чрезъ это чтеніе я пріобрѣлъ немалыя познанія въ русской исторіи, такъ что теперь по спорнымъ пунктамъ уже спрашиваютъ моего мнѣнія".

Въ продолженіе этихъ трудовъ созрѣла у Круга мысль написать сочиненіе о русской нумизматикѣ. Къ сожалѣнію, въ біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти свѣдѣнія, не сказано, когда именно, или, по крайней мѣрѣ, когда впервые высказалъ Кругъ свое намѣреніе. Изучивъ всѣ значительные мюнц-кабинеты въ Москвѣ (между прочими кабинетъ гр. Мусина-Пушкина, Баузе и др.), и перечитавъ всѣ русскіе и иностранные источники русской исторіи, какіе онъ только могъ здѣсь достать, Кругъ захотѣлъ провести нѣсколько времени въ Петербургѣ. Цѣль предполагаемой поѣздки была ученая. Желая по возможности расширить и дополнить свои познанія въ русской нумизматикѣ, Кругъ хотѣлъ изслѣдовать здѣшніе мюнц-кабинеты, воспользоваться библіотекой и собрать всевозможныя свѣдѣнія о русскихъ монетахъ.

Вызовъ Баузе, который въ то время былъ въ Петербургѣ, и другія обстоятельства устроили въ 1803 году эту поѣздку. Въ Петербургѣ уже знали и цѣнили Круга. Мысль издать изслѣдованія о русской нумизматикѣ его не покидала, и въ этомъ намѣреніи сильно поддерживалъ его Баузе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кругъ занимался въ Эрмитажѣ и собиралъ новыя данныя для своей работы. Ему всячески помогалъ и содѣйствовалъ Келеръ, подъ исключительнымъ надзоромъ и сохраненіемъ котораго находились эрмитажная библіотека и собраніе древностей. Были и другіе цѣнители нумизматическихъ познаній Круга, особенно между академиками. Они и Келеръ старались навсегда пріобрѣсти для Россіи такой замѣчательный историческій талантъ. Въ академіи въ это время уже давно не было никого по части исторіи. Изъ немногихъ сочленовъ ея, почти исключительно математиковъ и есте-

ствоиспытателей, одинъ Шторхъ обращалъ вниманіе на русскую исторію. Но вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра рѣшено было, вмѣстѣ съ другими перемѣнами въ Академіи, ввести въ кругъ ея занятій и этотъ предметъ.

Посреди ученыхъ трудовъ и усильной работы надъ задуманной русской нумизматикой, открылись Кругу, съ помощью Келера, виды на положеніе, чрезвычайно благопріятное для его занятій. Въ 1804 году Келеръ объявилъ желаніе имѣть Круга при себѣ помощникомъ по эрмитажной библіотекѣ и мюнц-кабинету, а въ слѣдующемъ году Кругъ дѣйствительно получилъ это мѣсто. „Отсюда", говоритъ онъ: „началась для меня какъ бы новая жизнь". Въ то же время (1804) онъ познакомился съ Шторхомъ, который предложилъ ему написать въ теченіе полугода статью о русской исторіи и искать вновь открываемаго по этой части мѣста въ академіи. Вслѣдствіе этого Кругъ представилъ Шторху рукопись своего сочиненія, подъ заглавіемъ: „Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum. Vom Anfange des Staats bis auf die Regierung Wladimir's des 1-sten" (Введеніе въ исторію нумизматики Русскаго Государства. Періодъ первый. Отъ начала государства до великокняженія Владиміра I-го). Шторхъ представилъ это сочиненіе академіи, которая въ засѣданіи 27 февраля 1805 году единогласно внесла имя Круга въ списокъ кандидатовъ-соискателей вновь открытыхъ мѣстъ. Но въ томъ же засѣданіи нѣкоторые члены, и въ главѣ ихъ математикъ Гурьевъ, воспротивились принятію Круга въ академію, на томъ основаніи, что онъ не родился въ предѣлахъ имперіи. „Русскіе академики", говоритъ Кругъ, „стараются (и я думаю, что они правы, потому что мы въ Россіи) всѣ мѣста мало-по-малу по возможности замѣстить русскими. А такъ какъ я нѣмецъ и родился не въ Русской имперіи, напримѣръ въ Лифляндіи, даже никогда не былъ въ русской службѣ, то русскіе академики рѣшительно протестовали противъ моего назначенія". Но они не протестовали, а только усомнились, можно ли принять Круга. Дѣйствительныя заслуги и несомнѣнныя достоинства его рѣшили дѣло въ его пользу не только въ Академіи наукъ, но и въ Россійской Академіи, которой была передана на обсужденіе его ученая работа, и въ томъ же году онъ былъ избранъ адъюнктомъ академіи по русской исторіи.

Получивъ мѣсто въ академіи, Кругъ счел обязанностью публично заявить свое вст пленіе на ученое поприще. Намѣреніе изда полную исторію русскихъ монетъ онъ до женъ былъ оставить, потому что только н большая часть матеріаловъ для этого соч ненія была имъ обработана и готова. О рѣшился раздѣлить весь трудъ на три и четыре части, и первую изъ нихъ изда не означивъ своего имени, осенью въ то же 1805 году. Это и была его первая у ная работа, появившаяся въ печати, о ко рой мы говорили выше.

Первый выпускъ нумизматическихъ изс дованій Круга былъ принятъ, какъ мы у сказали, съ единогласными одобреніями. Е въ февралѣ мѣсяцѣ, когда сочиненіе бы представлено Шторхомъ на открывшій тогда въ академіи конкурсъ, Шубертъ с залъ о Кругѣ: „изъ него можетъ кы второй Шлецеръ". Рецензіи и критичес статьи, какъ въ Россіи, такъ и за границ были не менѣе благопріятны. Профессо Буле, въ „Московскихъ Ученыхъ Вѣдо стяхъ", Качеповскій въ „Вѣстникѣ Европы Шлихтегроль, Коцебу, Гюльманъ въ Г маніи, Оберлинъ во Франціи, не говора другихъ, отозвались съ величайшимъ ува ніемъ и похвалами о книгѣ. Въ такомъ смыслѣ писали къ Кругу Іоганнъ Мюл и Карамзинъ.

Но всего болѣе озабочивало его мнѣ тогдашняго корифея русской историчес критики, Августа Шлецера. Кругъ не р дѣлялъ всѣхъ мнѣній Шлецера и полем зировалъ противъ нихъ въ своемъ сочи ніи. „Сознаюсь", говоритъ онъ, „что мно изъ моихъ объясненій самому мнѣ кажут очень смѣлыми; но, пользуясь случаемъ, хотѣлъ попробовать, нельзя ли защит подлинность нѣкоторыхъ мѣстъ въ лѣто сяхъ, мѣстъ, которыя иные склонны счит подложными". Эти слова относились къ Ш церу. Какъ приметъ онъ полемику? Ос нется ли къ ней равнодушнымъ, или, ка человѣкъ раздражительный, послѣдуетъ пе вому впечатлѣнію и ѣдко, желчно отзовет о первомъ трудѣ неизвѣстнаго изслѣдо теля? Эти вопросы очень занимали Кру Не нужно предполагать въ немъ непомѣ ное самолюбіе, тщеславіе, или излиш преклоненіе передъ авторитетами, что

найти эту озабоченность весьма естественной и понятной. Кто знаетъ и умѣетъ цѣнить высокія заслуги Шлецера въ критической русской исторіи, кто когда-нибудь самъ выступалъ впервые съ новымъ взглядомъ — результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ и мысли, вскормленной и взлелѣянной съ любовью — передъ судъ людей, составившихъ себѣ заслуженное имя въ наукѣ, уже много для нея сдѣлавшихъ и опытныхъ, тотъ не обвинитъ Круга. Не надо забывать, что Шлецеровъ „Опытъ русскихъ лѣтописей“ (Probe russischer Annalen. 1768. Bromb. und Göttingen), по собственному его признанію, указалъ ему дорогу въ ученыхъ занятіяхъ русской исторіей; онъ часто разсказывалъ, какъ объясненія знаменитаго критика были для него поучительны и возбуждали его къ работѣ. Наконецъ, въ письмахъ къ Гаспари (въ Дерптѣ) и Якоби (въ Харьковѣ) онъ признаетъ Шлецера своимъ „единственнымъ совѣстнымъ судьей“, приговору котораго, исключая, можетъ быть, мелочей, онъ подчинится безусловно и безъ апелляціи. Весьма натурально, что суда такого человѣка онъ ожидалъ не совсѣмъ равнодушно. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года Кругъ писалъ къ брату: „я думаю, что строгій судъ будетъ произнесенъ надо мной въ Геттингенѣ. Я во многихъ мѣстахъ выказалъ ошибки Шлецера, правда, большей частью не называя его, но онъ это почувствуетъ и мнѣ за то отплатитъ. Впрочемъ, это ничего: я все-таки достигну своей послѣдней цѣли, научусь, и въ будущее большое сочиненіе внесу одни твердо основанныя положенія“. Рецензія Буле, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ проводится параллель между Шлецеромъ и Кругомъ и отдается послѣднему преимущество, смутила его. Въ началѣ 1806 года онъ писалъ въ одномъ письмѣ: „Фусъ сообщилъ мнѣ Московскія Вѣдомости; помѣщенная здѣсь рецензія вѣрно надѣлаетъ мнѣ много вреда. Параллели между Шлецеромъ и мной дерзки и непремѣнно заставятъ его выискать множество ошибокъ въ моемъ сочиненіи. Я совершенно убѣжденъ въ невозможности когда-либо соперничать съ Шлецеромъ“. Даже письма І. Мюллера и Карамзина не могли успокоить Круга, что̀ видно изъ послѣдующаго письма его къ брату.

Въ концѣ ноября 1805 года Кругъ написалъ къ Шлецеру письмо и послалъ свою книгу. Отвѣтъ (въ мартѣ слѣдующаго года) самымъ пріятнымъ образомъ обманулъ его тревожныя ожиданія. Письмо во многихъ отношеніяхъ замѣчательно. Оно дѣлаетъ честь Шлецеру и опредѣляетъ значеніе книги Круга въ нашей тогдашней исторической литературѣ. „Ваше сочиненіе“, писалъ Шлецеръ, „меня поразило! Со временъ Байера это первое сочиненіе о древней русской исторіи въ цѣлой Россіи, написанное не только разумно, но съ настоящей критикой и со всей необходимой начитанностью въ иностранныхъ источникахъ; и такъ, первое сочиненіе такого рода черезъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ! Поэтому, сами вы для меня—замѣчательное явленіе, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость просить васъ сообщить мнѣ о себѣ ближайшія свѣдѣнія, а именно, въ Россіи ли вы родились? Какъ напали вы на изученіе древней русской исторіи? Откуда пріобрѣли вы ваши несомнѣнныя познанія и т. д. Я спрашиваю васъ не изъ пустого любопытства; можетъ быть, я буду имѣть случай сдѣлать изъ этихъ данныхъ пріятное для васъ употребленіе“. Съ тѣмъ вмѣстѣ Шлецеръ обѣщалъ Кругу написать въ маѣ подробный отчетъ о его книгѣ и прислать экземпляръ рецензіи.

Эта нетерпѣливо ожидаемая Кругомъ рецензія наконецъ появилась въ октябрѣ 1806 г. въ „Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ“ (№ 163). Выписываемъ изъ нея семое интересное.

Исчисливъ недостатки сочиненія, касающіеся формы его, а именно: неправильное заглавіе, безпорядочное изложеніе предмета, отсутствіе оглавленія, указателя и т. д., Шлецеръ переходитъ къ исчисленію достоинствъ. „Они“, говоритъ Шлецеръ, „важнѣе“. Настоящее заглавіе этихъ двѣнадцати листовъ было бы слѣдующее: Критическія изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи (мѣста о древнихъ монетахъ, конечно, составляютъ значительную часть). И эти изслѣдованія, съ тѣхъ поръ, какъ русская литература лишилась Байера (ум. 1738),—первыя въ этомъ родѣ, написанныя и напечатанныя въ самой Россіи, слѣдовательно, первыя и до сихъ поръ единственныя, спустя 67 лѣтъ. Они отличаются двумя вещами: дѣйствительной ученой (только слишкомъ часто смѣлой) критикой и основательной начитанностью въ иностранныхъ сочиненіяхъ; этихъ двухъ свойствъ, какъ извѣстно, недоставало до сихъ поръ всѣмъ безъ исключенія туземцамъ, занимавшимся своей древней

исторіей. Г. Кругъ знакомъ со многими изъ этихъ сочиненій (иностранныхъ), пользуется ими прилежно и тщательно, и большею частью приводитъ подлинныя слова источниковъ. Это не требовало извиненій, а, напротивъ, заслуживаетъ похвалы, и есть обязанность добросовѣстнаго историка тамъ, гдѣ онъ долженъ быть критикомъ".

„... Шлецеръ задалъ много дѣла г. Кругу: иногда онъ (Кругъ) бываетъ къ нему несправедливъ, но очень часто его исправляетъ, поправляетъ и дополняетъ доводами, особенно мѣткими параллелями, которыя дѣлаютъ честь его начитанности.

„На 14 стр. авторъ сознается въ намѣреніи оправдать тѣ мѣста лѣтописи, которыя иные объявляютъ за подложныя. Это, конечно, относится въ особенности къ сказкамъ, отъ которыхъ хотятъ очистить достопочтеннаго Нестора? Намѣреніе похвально, только не надо осуществлять его насильственно... О другомъ важномъ пунктѣ взгляды рецензента и автора еще различнѣе. Г. Кругъ увѣренъ, что Россія рано стояла уже на гораздо высшей степени образованности, чѣмъ многіе думаютъ, и чтобъ осуществить эту любимую мечту, онъ выводитъ изъ своихъ толкованій и произвольной выборки лѣтописныхъ мѣстъ доказательства древности, величія, могущества и образованности, гдѣ другіе, вслѣдствіе живого обзора тогдашняго положенія вещей, ничего не находятъ, кромѣ новизны, малости и дикости. Байеръ называлъ это invento calmo navem aedificare; принимать мимоходный хищническій набѣгъ за прочное завоеваніе, и даже заключать отсюда о постоянной, дружественной связи между грабителями и ограбленными — значитъ поступать подобно генеалогу, который произвелъ родоначальника одной фамиліи въ полковники на томъ основаніи, что по одному свидѣтельству этотъ родоначальникъ прибылъ въ страну во главѣ полка (въ должности барабанщика). Рецензентъ не можетъ себѣ представить, чтобы люди, жившіе до Рюрика далеко на сѣверъ влѣво и вправо за Смоленскомъ, были много лучше Каждакскихъ островитянъ и обитателей пролива Нутки, какими ихъ нашли еще недавно. Всѣ три были въ совершенно одинакомъ положеніи, раздѣлены на маленькія кучки, безъ тѣсной связи между собою, безъ сношеній съ другими, отдѣлены отъ всѣхъ образованныхъ народовъ, притомъ подъ суровымъ небомъ, гдѣ зародышъ человѣческаго развитія, лежащій и въ нихъ столько же, какъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, никакимъ образомъ не могъ развернуться безъ чужой помощи извнѣ. Конечно, г. Кругъ не раздѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ и венгерскихъ старовѣровъ, будто позорятъ народъ, когда ему говорятъ, что предки его не были такіе же цивилизованные люди (galants hommes), какъ они теперь,—другими словами, что порочатъ человѣка высокаго ума, въ шесть футовъ ростомъ, когда говорятъ о немъ, что онъ былъ нѣкогда неразумнымъ и маленькимъ ребенкомъ? Напротивъ, какая слава озаряетъ русское государство, когда возникновеніе его представляютъ какъ орудіе Провидѣнія, предназначенное украсить обширный міръ, быть можетъ, въ продолженіе тысячелѣтій остававшійся пустыней, и мало-помалу изъ Мери, Веси и древлянъ, и т. д. сдѣлать *Русскихъ*! Но при такихъ условіяхъ образованіе и послѣ Рюрика должно было идти чрезвычайно медленно...

„...Авторъ объявляетъ, что за этой книжкой выйдутъ еще двѣ или три. Почему не шесть, почему не двѣнадцать? Жатва обильна. Пусть онъ повѣряетъ и исправляетъ Шлецера, пока Шлецеръ можетъ писать: при этомъ выиграютъ обѣ стороны, — но это не важно,—при этомъ выиграютъ истина и достоинство русской исторіи".

Эта рецензія дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Шлецеру, что во второмъ письмѣ къ Кругу онъ откровенно признался, что его изслѣдованія задѣли его самолюбіе.

Въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ сыпались доказательства хорошаго впечатлѣнія, произведеннаго книгой, Кругъ усердно работалъ надъ второй частью своихъ нумизматическихъ изслѣдованій, и въ началѣ марта 1806 года представилъ академіи первый отдѣлъ своихъ изысканій о гривнѣ, подъ заглавіемъ: „Abhandlung über die Griwna. Erster Theil. Von der Griwna als Halsschmuck der alten Russen" (Разсужденіе о гривнѣ. Часть первая. О гривнѣ, шейномъ украшеніи древнихъ Руссовъ). Еще въ концѣ года Кругъ намѣревался напечатать это разсужденіе — вторую часть прежняго труда. Но другой предметъ отклонилъ его вниманіе и надолго овладѣлъ имъ. Это была русская хронологія, до того времени исполненная ошибокъ и неправильностей. Для подобной работы Кругъ имѣлъ всѣ нужныя качества и знанія. Что

шихъ результатовъ его византійскихъ изслѣдованій было открытіе, что источникомъ для Нестора служилъ Георгій Амартолъ. Впослѣдствіи, г. П. Строевъ дошелъ до того же результата другимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, Кругу принадлежитъ честь перваго открытія факта, столь важнаго для древней русской исторіи и объясненія Несторовой лѣтописи.

Послѣ 1810 года изслѣдованія Круга о русской исторіи относились въ особенности къ до-татарскому періоду. Мысль обработать исторію одного изъ московскихъ государей, занимавшая его еще въ 1805 году, впослѣдствіи была совершенно оставлена. Тогдашнее состояніе источниковъ и необработанность по времени первыхъ вопросовъ русской исторіи, подававшихъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ, сосредочили все вниманіе Круга на первыхъ вѣкахъ русской исторіи. Послѣ нумизматики, хронологіи и византійской исторіи, онъ сталъ изучать вопросъ о происхожденіи варяговъ-Руси. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью, которыя составляли характеристическую черту Круга, изучилъ онъ не только византійскіе и русскіе источники, но и скандинавскіе, множество средневѣковыхъ латинскихъ источниковъ, и впослѣдствіи даже восточные. Такимъ образомъ, онъ открылъ нѣсколько новыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи варяго-руссовъ: но главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ уже началъ понимать рѣзкую національную и политическую противоположность, долго существовавшую между норманскими руссами и восточными славянами. Къ сожалѣнію, этотъ результатъ оставался недоступнымъ для другихъ, потому что Кругъ медлилъ изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Нельзя себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ и терпѣніемъ онъ изучалъ источники, входилъ въ малѣйшія подробности избраннаго предмета, захватывалъ побочные вопросы, даже такіе, которые имѣли самую отдаленную связь съ главной темой. Вотъ одинъ примѣръ, изъ многихъ: чтобы правильно объяснять мѣста изъ русскихъ лѣтописей, онъ не ограничился познаніями въ церковно-славянскомъ языкѣ, пріобрѣтенными въ Москвѣ, а употребилъ на ближайшее съ нимъ знакомство еще два года въ Петербургѣ. Средства для изученія церковно-славянскаго языка тогда были еще скудны; Кругъ рѣшился на тяжкій путь. Онъ началъ сравнивать церковно-славянскую библію (вдобавокъ по разнымъ чтеніямъ, съ ветхимъ завѣтомъ семидесяти толковниковъ и греческимъ текстомъ евангелій. Такимъ образомъ прочиталъ онъ славянскую библію четыре раза съ начала до конца, и только послѣ такой работы считалъ свои свѣдѣнія достаточными для правильнаго уразумѣнія и точной передачи подлинныхъ словъ славянскихъ лѣтописцевъ. Этотъ тяжкій трудъ не остался безплоднымъ, что видно изъ обстоятельныхъ толкованій разныхъ свидѣтельствъ лѣтописи въ его статьяхъ. Кромѣ того, Кругъ могъ вполнѣ оцѣнить достоинство древнѣйшихъ списковъ, отличающихся чистотой церковно-славянской конструкціи и выраженій; не забудемъ, что изданіе Остромірова Евангелія тѣсно связано съ именемъ Круга. Число перечитанныхъ и собранныхъ имъ матеріаловъ изумительно. Довольно взглянуть на бывшія у него подъ руками изданія славянскихъ, византійскихъ, латинскихъ и исландскихъ источниковъ и отмѣтки въ нихъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Большую часть зрѣлаго возраста провелъ онъ въ изученіи иностранныхъ источниковъ. Работа невидная и неблагодарная въ приложеніи къ первымъ четыремъ вѣкамъ русской исторіи, мало освѣщаемымъ иностранными извѣстіями! Когда Кругъ приступилъ къ обработкѣ собранныхъ историческихъ матеріаловъ, ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Самаго трудолюбиваго ученаго недостало бы на обработку такого множества данныхъ, особенно съ той обстоятельностью, какъ это дѣлалъ Кругъ. А онъ вдобавокъ и утомился. Въ 1818 году онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей (кажется, Эверсу): „Къ сожалѣнію, я употребилъ слишкомъ много времени на чтеніе (источниковъ), захватилъ слишкомъ много, мои приготовленія чрезъ мѣру расширились, мнѣ бы слѣдовало ограничить собираніе матеріаловъ; иное, можетъ быть и многое, останется теперь напрасно собраннымъ и недоконченнымъ, даже и не начатымъ: недостанетъ времени и силъ обработать. Я ужъ не могу быть такъ же прилежнымъ, какъ былъ, и такъ и умру, не издавъ и десятой доли результатовъ моего чтенія". Въ двадцатыхъ годахъ Кругъ искалъ уже человѣка, который могъ бы привести въ порядокъ и издать его ученое наслѣдіе послѣ его смерти. Отъ времени до времени, онъ еще самъ принимался за разные начатые

свои труды, съ тѣмъ, чтобъ ихъ докончить; но силъ недоставало.

Въ продолженіе академической дѣятельности Кругъ покровительствовалъ и оказывалъ содѣйствіе многимъ молодымъ ученымъ, которые впослѣдствіи заняли почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Вскорѣ послѣ принятія Круга въ академію, возвратился изъ Геттингена любимый ученикъ Ав. Шлецера, А. И. Тургеневъ. Кругъ всячески старался направить его на ученую дорогу и серьезно помышлялъ предложить его въ адъюнкты академіи по части русской исторіи. Но, по домашнимъ обстоятельствамъ Тургенева, это не состоялось. Тогда Кругъ обратилъ вниманіе на двухъ другихъ молодыхъ людей, которыхъ, между прочимъ, Шлецеровъ „Несторъ“ пристрастилъ къ изученію русской исторіи. То были Лербергъ, дерптскій уроженецъ, и Эверсъ, прибывшій изъ Германіи и поселившійся въ Дерптѣ. Съ первымъ Кругъ былъ въ тѣсной дружбѣ, которая завязалась съ 1805 года. Въ мартѣ 1807 года, Лербергъ, по предложенію Круга, былъ избранъ въ члены академіи по русской исторіи. По смерти своего друга, Кругъ издалъ его сочиненія подъ заглавіемъ: „Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg, etc. St. Petersburg. 1816. in 4“. (Изслѣдованія, служащія къ объясненію древнѣйшей русской исторіи, А. К. Лерберга, и т. д. Санктпетербургъ. 1816 г.). Съ Эверсомъ Кругъ познакомился въ 1808 году, сдружился съ нимъ, и эта связь продолжалась слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ 1808, и потомъ опять въ 1813 году, Кругъ очень желалъ ввести Эверса въ академію, но попытки его были напрасны. Тѣмъ не менѣе Кругъ успѣлъ оказать Эверсу весьма существенныя услуги: защитилъ его противъ крутыхъ нападокъ Шлецера и много содѣйствовалъ ему въ полученіи каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ. Все это дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Кругу, что онъ не раздѣлялъ ученыхъ убѣжденій Эверса. Наконецъ, стараніями Круга, вступилъ въ академію Френъ, основатель наукообразнаго изученія мухаммеданскаго востока въ Россіи; г. Погодина тоже онъ замѣтилъ въ самомъ началѣ его ученo-литературной дѣятельности. „Такого критическаго ума и здраваго сужденія я еще не встрѣчалъ между молодыми русскими“, писалъ онъ въ 1826 году къ одному изъ друзей, прочитавъ изслѣдованія „О происхожденіи Руси“, изданныя въ 1825 году. Кругъ хотѣлъ имѣть г. Погодина своимъ адъюнктомъ, въ 1826 году предложилъ въ члены-корреспонденты, а въ 1828 году въ адъюнкты академіи. Послѣднее, несмотря на единогласное избраніе, не состоялось. Такое же содѣйствіе оказывалъ Кругъ Шегрену, который, по его предложенію, былъ принятъ въ сочлены академіи; г. Устрялову, избранному, по рекомендаціи Круга, въ адъюнкты по русской исторіи въ 1837 году. Словомъ, всѣхъ замѣчательныхъ и ученыхъ молодыхъ людей, которыхъ занятія имѣли прямое или косвенное отношеніе къ русской исторіи, Кругъ поддерживалъ всѣми силами, и старался упрочить и обезпечить ихъ дальнѣйшую ученую дѣятельность. Черта характера весьма почтенная и, къ сожалѣнію, весьма рѣдкая въ ученыхъ.

Въ заключеніе очерка многообразной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи, остается сказать нѣсколько словъ о его отношеніяхъ въ покойному канцлеру Н. П. Румянцеву. Они раскрываютъ не менѣе интересную и достойную уваженія сторону ученаго поприща Круга.

Канцлеръ познакомился съ Кругомъ въ числѣ другихъ знатоковъ и любителей русской исторіи; но ихъ сближеніе началось по смерти Лерберга, который былъ другомъ обоихъ. Съ этого времени тянется рядъ проектовъ и плановъ, задуманныхъ ими вмѣстѣ, и которыхъ цѣлью было подвигать изученіе русской исторіи. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ Румянцеву Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи, а именно Георгія Амартола и Льва Дьякона. По порученію канцлера, Кругъ вошелъ для того въ сношенія съ эллинистомъ Газе въ Парижѣ (1813 и 1814). Газе ужъ нѣсколько лѣтъ готовилъ изданіе Льва Дьякона; Румянцевъ вызвался взять на себя издержки. Цѣль достигнута не прежде 1819 г. Другія предпріятія, сюда относящіяся—изданіе многихъ ненапечатанныхъ византійскихъ источниковъ, поиски въ библіотекахъ Англіи и собраніяхъ рукописей въ монастыряхъ Азіи, приведеніе въ извѣстность византійскихъ рукописей въ Испаніи—все это осталось неисполненнымъ за смертью Румянцева. Только часть этихъ плановъ—изданіе Пселля и Амартола, приводится въ исполненіе теперь. Кругъ былъ душою этихъ предпріятій

и велъ по нимъ переписку съ европейскими учеными и духовными особами въ Константинополѣ и Азіи. Потомъ Румянцевъ обратилъ вниманіе на классическіе греко-римскіе памятники и описанія южной Россіи, и усердно собиралъ босфорскія медали и другіе памятники. И въ этомъ Кругъ былъ его совѣтниковъ и органомъ. Изданное по этому предмету на счетъ канцлера маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ задумалъ.

Кавказъ сдѣлался для него тоже предметомъ любопытства. Онъ хотѣлъ узнать его исторію съ помощью оріенталистовъ, а впослѣдствіи и арменистовъ. Когда утраченная въ подлинникѣ хроника Евсевія была найдена въ армянскомъ переводѣ, у него родилась надежда отыскать и другихъ не дошедшихъ до насъ классическихъ писателей въ такихъ же переводахъ.

Извѣстно, съ какою ревностью канцлеръ собиралъ и издавалъ памятники церковно-славянской литературы. О каждомъ пріобрѣтеніи такого рода онъ сообщалъ Кругу, который поддерживалъ его страсть, указывалъ на лингвистическую важность тѣхъ изъ нихъ, которые не представляли ничего особеннаго для исторіи, и обратилъ вниманіе канцлера на заграничныя церковно-славянскія рукописи, напримѣръ, парижскія. По рекомендаціи Круга, Румянцевъ поручалъ многія весьма важныя работы Востокову — напримѣръ, изданіе Остромірова Евангелія. Чрезъ Круга Румянцевъ познакомился съ Френомъ, къ которому былъ очень хорошо расположенъ. Узнавъ, что восточныя литературы могутъ многое прояснить въ древне-русской исторіи и этнографіи, Румянцевъ началъ собирать восточныя монеты и рукописи, и изъявилъ готовность напечатать ихъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ. Задумано собраніе восточныхъ извѣстій о норманнахъ, славянахъ, болгарахъ, козарахъ, монголахъ, татарахъ, грузинахъ и другихъ кавказскихъ народахъ. Канцлеръ хотѣлъ печатать его на свой счетъ. Вести дѣло поручено Кругу, который для этого вошелъ въ сношенія со многими оріенталистами и другими учеными. Со смертью канцлера это предпріятіе разстроилось. На деньги, посланныя Румянцевымъ къ Сенъ-Мартену для предположеннаго изданія, готовится теперь собраніе однихъ византійскихъ извѣстій.

Исторія генуэзскихъ колоній у Чернаго моря также живо интересовала канцлера. Съ нею былъ тѣсно связанъ вопросъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ между Европой и Азіей черезъ Россію—сношеніяхъ, которыя опровергались нѣкоторыми учеными, между прочимъ Шлецеромъ, и существованіе которыхъ потомъ сдѣлалось несомнѣннымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ближе познакомились съ восточной нумизматикой. Канцлера занимала мысль составить исторію древней русской торговли. Много было сдѣлано для собранія нужныхъ свѣдѣній; но результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Изслѣдованія отношеній Ганзы къ Новгороду, Лифляндіи, Эстляндіи и т. д. были обильнѣе послѣдствіями. Къ сожалѣнію, наука не могла извлечь изъ нихъ пользы, ожиданной канцлеромъ. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Кругъ игралъ важную роль. Онъ велъ переписку съ учеными Генуи, вызвался доставить канцлеру копіи съ географическихъ картъ, составленныхъ въ средніе вѣка итальянцами; по порученію канцлера, сносился съ германскими учеными для отысканія свидѣтельствъ о древнѣйшей русской торговлѣ, и по его предложенію и выбору былъ посланъ канцлеромъ молодой ученый въ Германію, для разъясненія исторіи сношеній Ганзы съ Россіей.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ участіе Круга въ предположенномъ Румянцевымъ изданіи русскихъ лѣтописей и въ археографической экспедиціи археолога П. М. Строева.

Въ ноябрѣ 1813 года министръ народнаго просвѣщенія, Разумовскій, словесно сообщилъ Кругу, что канцлеръ подарилъ академіи 25,000 руб. асс. для изданія русскихъ лѣтописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ предложилъ Кругу принять на себя это изданіе по плану Шлецера. По этому случаю Кругъ, спустя нѣсколько времени, подалъ министру записку, гдѣ подробно изложилъ причины, по которымъ не можетъ принять на себя изданія, самый планъ его, свои предположенія о томъ, какое другое полезное употребленіе можно бы сдѣлать изъ этихъ денегъ, еслибъ изданіе лѣтописей не состоялось; наконецъ взглядъ на причины, препятствовавшія у насъ въ то время развитію историческихъ наукъ вообще и русской исторіи въ особенности. Эта записка — важный историческій документъ для исторіи русскаго просвѣщенія. Она показываетъ, какъ быстро оно у насъ идетъ и съ какой заботливостью правительство устраняетъ всѣ замѣченныя препятствія къ преуспѣянію ея-

ченія русской исторіи. Мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми должны были бороться наши ученые, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ.

Изложивъ, какія условія долженъ совмѣщать въ себѣ издатель русскихъ лѣтописей по мысли Шлецера, Кругъ говоритъ: „Эти условія, какъ они ни необходимы, рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, и нужны совершенно иныя обстоятельства, чѣмъ теперешнія, чтобъ молодые русскіе рѣшились лишь попробовать пріобрѣсти хоть нѣкоторыя изъ нихъ. На мнѣ лежитъ обязанность доказать то, что я говорю, и показать, *почему* это такъ. Но чтобъ имѣть возможность это дѣлать, я позволю себѣ, какъ это ни тягостно, сказать вашему сіятельству нѣсколько подробнѣе о самомъ себѣ, потому только, что я, разумѣется, знаю лучше свое положеніе, чѣмъ другихъ". Разсказавъ свою ученую дѣятельность, изданныя сочиненія и лестные отзывы о нихъ и за границей, Кругъ продолжаетъ: „Въ Россіи же—совсѣмъ другое! Быть можетъ, скажутъ: это происходитъ оттого, что мои сочиненія написаны на иностранномъ языкѣ. Но первая моя книга уже въ 1807 году вышла въ русскомъ переводѣ; а кто ее знаетъ, и кто читаетъ?"...

Отказываясь отъ изданія лѣтописей лѣтами, разными начатыми и предположенными работами, и предлагая поручить это дѣло Эверсу и какому-нибудь ученому изъ русскихъ, Кругъ находилъ возможнымъ въ случаѣ, если изданіе лѣтописей почему-либо окажется неудобнымъ, употребить внесенныя канцлеромъ деньги на полное изданіе иностранцевъ, писавшихъ о Россіи съ XIII до конца XVII вѣка, или на изданіе Георгія Амартола.

Археологическое путешествіе Строева насчетъ академіи опредѣлено въ 1828 году. За два года передъ тѣмъ академія, по предложенію Круга, избрала гг. Строева и Погодина въ свои члены корреспонденты. Уже въ 1817 и 1818 годахъ, г. Строевъ объѣздилъ по порученію канцлера многія губерніи для изслѣдованія монастырскихъ архивовъ и библіотекъ. Въ 1823 году онъ представилъ московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ, какіе важные результаты можетъ имѣть путешествіе по внутренней Россіи для русской исторіи и церковно-славянской литературы. Впослѣдствіи онъ представилъ свой планъ академіи и просилъ ее сдѣлать для него возможнымъ такое путешествіе. На Круга возложено было представить объ этомъ докладъ. Кругъ вполнѣ одобрилъ проектъ г. Строева, вслѣдствіе чего академія приняла предложеніе и археографическое путешествіе, имѣвшее такія важныя послѣдствія для изученія древней Руси, состоялось. Однимъ изъ результатовъ его было собраніе драгоцѣнныхъ историко-юридическихъ актовъ, значительная часть которыхъ издана въ четырехъ томахъ археографической коммиссіей подъ названіемъ: „Акты, собранные въ архивахъ и библіотекахъ Россійской Имперіи археологическою экспедиціею".

Наконецъ, Кругу же обязана нѣкоторымъ образомъ наука образцовымъ изданіемъ „Каталога Румянцевскаго музея" Востоковымъ. Когда Румянцевскій музей поступилъ въ казенное вѣдомство, братъ покойнаго канцлера предложилъ Кругу принять на себя его завѣдываніе, но Кругъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова. Заслуги послѣдняго извѣстны всему русскому ученому міру, и въ жизни Круга, конечно, не послѣднюю свѣтлую точку представляетъ благородное покровительство такой ученой знаменитости.

Вотъ очеркъ ученой и служебной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи. Его частная жизнь, его, такъ сказать, неоффиціальныя отношенія не вошли въ составъ его біографіи, изданной вмѣстѣ съ его посмертными учеными трудами. Мы думаемъ, что г. Куникъ поступилъ весьма правильно, опустивъ эту сторону жизнеописанія Круга. Не говоря уже, что домашняя, частная, субъективная жизнь Круга слишкомъ близка къ нашему времени и потому не можетъ быть передана вполнѣ и правдиво, она, какъ намъ кажется, не имѣетъ особеннаго интереса для большинства читателей, исключая тѣхъ, которые были близки къ покойному и связаны съ нимъ дружбой. Кругъ былъ по преимуществу изслѣдователь, критикъ, а не историкъ. Онъ видѣлъ въ своихъ изысканіяхъ необходимое приготовленіе къ *критической русской исторіи*, и съ любовью остановился на предварительной разработкѣ фактовъ. Вотъ почему объемъ его изслѣдованій мало-по-малу съуживался и, наконецъ, ограничился первыми четырьмя вѣками русской исторіи. Оспаривать важность и необходимость критической исторіи было бы странно въ наше время.

И русская и иностранная историческія литературы слишкомъ убѣдительно доказываютъ, какое огромное значеніе она имѣетъ въ развитіи историческаго смысла и какъ, посредствомъ мелочной критики, повидимому, ничтожныхъ подробностей, открываются цѣлыя историческія эпохи и возстановляется настоящій смыслъ событій, искаженныхъ вольной и невольной ложью современныхъ и послѣдующихъ сказателей и писателей. Но, отдавая въ полной мѣрѣ должную справедливость критической разработкѣ исторіи, нельзя не согласиться, что она только половина и даже, какъ мы осмѣливаемся думать, второстепенная половина великой науки исторіи. Это ея подножіе, прочный фундаментъ, если хотите, ея внѣшняя оболочка, но еще не она сама. Разработка данныхъ—то же въ исторіи, что техническая сторона въ художествахъ, выработанный слогъ или стихъ въ изящной литературѣ. Ихъ взаимная связь и вліяніе другъ на друга не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, но они не одно и то же. Художественная техника никогда не была доведена до той высоты, на какой теперь стоитъ,—а искусство въ упадкѣ; у насъ много людей, владѣющихъ стихомъ и прозой не хуже первоклассныхъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ,—а нѣтъ великихъ писателей. То же и въ исторіи. Можно съ величайшею подробностью изучить всѣ историческіе факты и не быть историкомъ. Это потому, что исторія—не собраніе данныхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности и фактическомъ сцѣпленіи, такъ же какъ художественное произведеніе не есть одно правильное сочетаніе тѣней, красокъ, звуковъ или словъ: она живое откровеніе народнаго духа, его характера и наклонностей, достоинствъ и недостатковъ, какъ они опредѣлялись въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тысячи внѣшнихъ условій. Исторія въ этомъ высшемъ значеніи есть не только повѣсть о бывшемъ, но разумѣніе настоящаго, чаяніе будущаго. Это физіологія историческихъ типовъ, изученіе человѣка въ его опредѣленномъ дѣйствительномъ бытіи. Она даетъ непосредственное сознаніе народности, и потому воспитываетъ, развиваетъ, укрѣпляетъ и освѣжаетъ народный духъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія въ первоначальной формѣ пѣсни, сказки, преданія, до ея теперешнихъ колоссальныхъ, величественныхъ размѣровъ, она вездѣ и всегда, сознательно и безсознательно, имѣла это значеніе. Правда, степень развитія, потребн
времени, господство разныхъ философск
школъ, наконецъ, бо́льшая или меньшая
ровитость писателей, нерѣдко искажали и
темняли это призваніе исторіи. Въ ней нет
прямыхъ уроковъ, но она не наставница
указкой въ рукѣ; изъ нея черпали док
тельства непреложной справедливости сам
различныхъ мнѣній, системъ, началъ,
правленій: она опровергаетъ и подтвержда
всѣ и потому ни одного не отстаиваетъ,
одного не исключаетъ, какъ бы смѣясь н
ограниченностью и узкостью людей.
строили по готовымъ схемамъ, любим
мыслямъ, дѣлали ее ареной и судьей вс
литературныхъ, философскихъ и полит
скихъ споровъ; но она выше всего эт
Исторія не даетъ готовой формулы на в
ные вѣки, не создаетъ опредѣленной систе
не вмѣшивается въ пренія и распри лю
не снабжаетъ кодексомъ нравственныхъ п
вилъ; какъ созданіе искусства, она наст
ваетъ, вырабатываетъ непосредственную
нову человѣческой дѣятельности, изъ к
рой выходятъ мысли и дѣйствія, даетъ см
и тактъ, питаетъ живительными источни
нравственную природу человѣка, не стѣс
его дѣятельности, не связывая его ум
воли. Исторія возвращаетъ мысль изъ
ласти отвлеченностей, въ которыя она охо
вдается, стремясь безпрерывно впередъ,
міръ дѣйствительности, уравновѣшиваетъ
порывы съ условіями данной среды, ко
рыми мышленіе слишкомъ часто превоз
гаетъ, въ ущербъ цѣльности, гармоничн
человѣческой природы, во предъ плодот
ной и энергической дѣятельности.

Написать исторію въ этомъ высшемъ
значеніи и критическую исторію – дѣ
разныя. Повторяемъ, первая не можетъ б
совершенна безъ второй, но вторая ея
замѣнитъ ни въ какомъ случаѣ. Каждая
нихъ идетъ, развивается своей доро
имѣетъ своихъ дѣятелей и поборниковъ;
дополняютъ, развиваютъ другъ друга, н
сливаются. То вѣрно, что блистательная р
въ жизни и судьбѣ народовъ не предст
критической исторіи: она такъ спеціаль
суха, такъ строга, что не можетъ быть пр
метомъ общаго благоговѣнія. Ей въ удѣ
заслуженное уваженіе небольшого числа у
ныхъ, исключительно занимающихся пред
метомъ. Всеобщность, нравственное дѣйст
вліяніе всегда будутъ принадлежать исто

жественно написанной, и только она мо-
ь быть „священной книгой народовъ“,
ыраженію Карамзина. Напрасно говорятъ
оторые ученые: погодите писать такую
рію; вотъ неизслѣдованный вопросъ, вотъ
ъясненное событіе; ихъ нужно сперва
ботать критически, и уже потомъ при-
ься за цѣлое. Въ живой литературѣ ни-
да не бываетъ и не можетъ быть такой
епенности. Никто не ждетъ другого; всѣ
аютъ свое, потому что задача разная.
орія, въ ея высшемъ, національномъ зна-
и, есть складалище народныхъ вѣрова-
цвѣтъ умственнаго и нравственнаго раз-
и народа, его послѣднее слово въ дан-
время. Это нѣчто больше вѣрнаго раз-
а фактовъ, и потому-то она не можетъ
ь отложена до полнаго ихъ возстановле-
и обработки. Въ этомъ смыслѣ приня-
ь исторію Карамзинъ. Критическая сто-
„Исторіи Государства Россійскаго“ слаба
едостаточна. Можно ли сравнивать пре-
одныя изслѣдованія Круга, Шлёцера,
рса, Лерберга, Неймана съ розысканіями
амзина? А между тѣмъ, его „Исторія“
етъ огромную извѣстность, воспитала нѣ-
ько поколѣній и занимаетъ одно изъ пер-
ь мѣстъ въ лѣтописяхъ русскаго образо-
я. Отчего? Конечно, не вслѣдствіе бук-
ной вѣрности разсказа событій, непре-
ности выводовъ и заключеній, тѣмъ ме-
вслѣдствіе существеннаго достоинства
вного взгляда автора. Въ ученомъ и исто-
ескомъ отношеніяхъ эта книга уже пере-
а быть авторитетомъ; были и во время
оявленія люди, способные произнести объ
такой же судъ. Но что ставило ея выше
тики, что составляетъ ея силу, дало ей
кое значеніе? То, что она была первымъ
времени довольно удачнымъ опытомъ
ать народную исторію. Ея нравственная
она неизмѣримо высока. Она дала Ка-
ину силы побѣдить невѣроятныя труд-
и, совершить трудъ, въ матеріальномъ
шеніи и теперь еще кажущійся невоз-
нымъ для одного лица при большихъ
ыхъ средствахъ и пособіяхъ. То же было
режде? Отчего такъ преслѣдовалъ Ломо-
овъ Миллера и Шлёцера? Оттого, что онъ
чувствовалъ животрепещущее отношеніе
оріи къ народной жизни. Откуда взялись
ько же эксентрическія направленія въ
неніи русской исторіи послѣ Карамзина?
того же источника. Вопросъ о проис-
хожденіи Руси, вопросъ о древней и новой Россіи, близко принимались и принимаются къ сердцу, потому что съ ними тѣсно связывали или связываютъ національные интересы. Эта связь бываетъ болѣе или менѣе груба, смотря по времени и степени образованности; но она существовала и никогда не исчезнетъ. Въ исторіи каждая сторона народной жизни, даже не имѣющая всеобщаго значенія, требуетъ признанія и подобающаго ей мѣста именно потому, что послѣдняя — не курсъ философіи, не математическое построеніе вѣчныхъ истинъ, а художественное воспроизведеніе дѣйствительности и народнаго духа. Такое великое нравственное и общественное призваніе исторіи едва ли гдѣ-нибудь такъ ощутительно, потребность ея такъ настоятельна, какъ у насъ.

... Исторія, въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія національной жизни, какова бы она ни была, есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей цивилизаціи, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ вывести сознаніе изъ вѣками пробитой колеи общихъ, отвлеченныхъ воззрѣній на путь цѣльнаго, живого, органическаго развитія. Эта роль предстоитъ и русской исторіи. Возростающій къ ней интересъ ясно показываетъ, какое направленіе начинаетъ принимать наша жизнь. Исторіей обозначается и все болѣе и болѣе будетъ обозначаться развитіе нашего самосознанія, возмужаніе чувства національности, укрѣпленіе непосредственной, единственно твердой почвы дѣятельности и практическаго, простого разумѣнія.

Едва ли нужно доказывать, что, говоря о великой будущности и значеніи русской исторіи, мы разумѣемъ подъ ней не фантасмагоріи, которыя наивно выдаются нѣкоторыми за русскую старину, ибо мысль сбилась съ пути, воззрѣніе забыло и потеряло основное начало, вызвавшее его наружу, когда они схематизируются въ неподвижныя рамки и ратуютъ съ своими противниками, не разбирая средствъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что можно смотрѣть на вещи различнымъ образомъ, и что онѣ непремѣнно такъ и представляются, имѣя тысячи сторонъ и отражаясь розно въ различныхъ умахъ; но есть способы выраженія мнѣній, которые лишаютъ послѣднія всякаго довѣрія, набрасываютъ на нихъ тѣнь лжи и обмана.

Чтобы написать національную исторію, надо необходимо принадлежать къ народу по рож-

денію и воспитанію, ибо можно вполнѣ изучить и понять геній чуждой народности, можно до извѣстной степени имъ проникнуться или подъ него поддѣлаться, но непремѣнно останется черта, болѣе или менѣе рѣзкая, которая обозначитъ безконечное различіе между копіей и подлинникомъ, какъ естественное отличается отъ искусственнаго, непосредственно-присущее отъ пріобрѣтеннаго и прививного. Какъ нельзя дать геній, талантъ, индивидуальную особенность, а только можно развить готовое и уже существующее въ зародышѣ, такъ и національный типъ, умъ, складъ, геній можно развить, а не пріобрѣсти. Правда, нѣкоторые противополагаютъ у насъ народное человѣческому, искусственное—не естественному, а патріархальному, безсознательное—разумному. Но мы говоримъ не объ этомъ хаосѣ понятій и близорукомъ непониманіи вещей. Изъ того, что для нѣкоторыхъ все разумное есть иностранное, сознательное — неестественное, еще не слѣдуетъ, чтобъ это дѣйствительно такъ было.

Возвратимся къ Кругу, біографія котораго подала намъ поводъ къ этому невольному отступленію. Ученая и служебная его дѣятельность почтенна и поучительна, принадлежитъ Россіи и составляетъ важную страницу въ исторіи русской цивилизаціи; но частная, внутренняя, невидимая сторона его развитія не имѣетъ для насъ этого интереса. Онъ былъ замѣчательный знатокъ, добросовѣстный изслѣдователь русской исторіи, но не былъ и не могъ быть у насъ историкомъ. То же должно сказать и о цѣлой, болѣе чѣмъ замѣчательной школѣ иностранныхъ ученыхъ, изучавшихъ Россію въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Безъ нихъ наука не получила бы у насъ такъ скоро права гражданства, не были бы заброшены тѣ зачатки критическаго изученія насъ самихъ, которые успѣли уже пустить корни въ Россіи, даже принести плодъ. Но ихъ частная біографія есть достояніе той національности, къ которой они принадлежали. Это для насъ не то, что біографія замѣчательныхъ русскихъ. Подробности ихъ частной жизни, черты ихъ характера близки къ намъ, ибо въ нихъ выражаются наши успѣхи, степень развитія, хорошія и дурныя стороны,— словомъ, нашъ народный геній. Въ ихъ нравственной природѣ, частной жизни, сношеніяхъ, занятіяхъ, наклонностяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ— зародышъ и ключъ къ направленію и
дамъ, которые они принесли съ соб
политическую, служебную, ученую дѣя
ность: внѣшнее и оффиціальное нахо
въ тѣснѣйшей органической связи съ
реннимъ.

Думаемъ, что, высказавъ такое м
мы достаточно оградили себя отъ н
подозрѣнія въ пристрастіи къ школѣ и
кихъ ученыхъ, которые въ продолженіе
лаго столѣтія и въ началѣ теперешнат
здали науку русской исторіи и первые
критическое, серьезное направленіе изс
ваніямъ. Не перецѣнивая ихъ безотноси
наго достоинства, не отрицая ошибо
можетъ быть, пристрастій, вкравшихс
ихъ труды, мы однако не можемъ р
душно вспомнить о придиркахъ, нас
кахъ и обвиненіяхъ, которыми ихъ окру
Оскорбительно читать или слышать пр
мѣренно-невыгодныя разсужденія объ
въ наше время, когда, благодаря ихъ
варительнымъ трудамъ, и пройдя чрез
школу, мы наконецъ сами доросли до
собности и возможности идти далѣе,
мать себя яснѣе, и, слѣдовательно, им
все, что̀ нужно для безпристрастной оц
заслугъ прежнихъ дѣятелей. Ничтожны
падки такого рода, обличающія систе
ческое униженіе дѣйствительныхъ д
инствъ, неподходящихъ подъ извѣстныя
мы и узкія формулы, не достигаютъ
положенной цѣли. Онѣ выказываютъ
страстіе и слабость, несовмѣстимую съ у
деніемъ, ибо убѣжденіе не имѣетъ ву
въ штукахъ, знаетъ свою силу, знаетъ,
рано или поздно за нимъ побѣда, и не
жается до всякихъ средствъ, чтобъ ее у
чить. Выдумывать небылицы на Шлёц
Миллера, Лерберга и другихъ ученыхъ,
савшихъ о русской исторіи, вмѣсто т
чтобъ обнаружить ихъ дѣйствительно сл
стороны, — еще не значитъ оказать ус
русской исторіи, найти новый аргумент
пользу нашей народности, или возбудить
чувствіе и уваженіе къ образу мыслей,
щему по такому пути.

Біографія Круга представляетъ много
учительнаго для придирчивыхъ, пристр
ныхъ порицателей школы, къ которой
принадлежалъ. Онъ живо сочувствовал
всячески содѣйствовалъ всѣмъ предпріятія
имѣвшимъ цѣлью историческое изученіе
сіи. Многія изъ нихъ ему обязаны сво

ломъ, многія образовались по его совѣту
ысли. Его сужденія объ историческихъ
дахъ, появившихся въ Россіи, были всег-
благосклонны, всегда поощрительны, по-
у что онъ принималъ къ сердцу все,
дѣлалось для русской исторіи, и со-
ствіемъ надѣялся приготовить и вызвать
ьшее и лучшее. Наконецъ, мы видѣли,
онъ постоянно покровительствовалъ всѣмъ
одымъ русскимъ, сколько-нибудь замѣ-
льнымъ по своимъ историческимъ или
ологическимъ знаніямъ и талантамъ.
было почтенное лицо, достойное пол-
уваженія и благодарности русскихъ.
что Кругъ сдѣлалъ для русской исто-
своимъ вліяніемъ, совѣтами, покрови-
ствомъ, столько же важно, какъ и его
ные труды, быть можетъ, даже важнѣе.
ступимъ къ обозрѣнію этихъ трудовъ.

осмертныя сочиненія Круга (объ изданіи
ъ при жизни его мы уже говорили; они
вошли въ разбираемую нами книгу) не
ли быть напечатаны вполнѣ и въ томъ
ѣ, какъ они найдены коммиссіей. Одни
катъ дополненіемъ или продолженіемъ
нумизматическихъ изслѣдованій и визан-
кой хронологіи, и печатаніе ихъ отло-
о до второго изданія этихъ сочиненій.
гія состояли въ отдѣльныхъ замѣткахъ,
первыхъ листахъ только что начатой
ты. Число обработанныхъ вполнѣ, или
сти, сравнительно меньше. Поэтому, бы-
необходимо подробно ихъ разобрать, нѣ-
рыя слить въ одно, размѣстить отдѣль-
замѣтки и матеріалы по мѣстамъ, куда
относились. До какой степени хорошо
олненъ этотъ трудъ г. Куникомъ, въ ка-
мѣрѣ точенъ и удовлетворителенъ сдѣ-
ный имъ выборъ изъ сочиненій Круга,
етъ судить только тотъ, кто такъ же
ко, какъ онъ, знакомъ съ бумагами по-
наго. Мы можемъ говорить только о томъ,
видимъ. Впрочемъ, тщательность изда-
подробный отчетъ о каждой статьѣ, съ
аніемъ, въ какомъ видѣ она найдена,
какъ напечатана, или почему оставлена
XXV—CCLV), наконецъ, начитанность и
кое знакомство издателя съ предметомъ
е это внушаетъ большое довѣріе къ его
у и заставляетъ думать, что съ появле-
ъ этой книги русская историческая ли-
тура обогатилась возможно лучшимъ из-
емъ доселѣ ненапечатанныхъ сочиненій
га.

Сдѣлаемъ по возможности полный обзоръ этихъ сочиненій, придерживаясь порядка, въ какомъ они изданы.

1) „Wer sind die Marcomanni und Nordalbinci in den Schriften des IX und X Jahrhunderts?“ Въ этой статьѣ разрѣшается вопросъ, какіе народы должно разумѣть подъ маркоманнами и нордалбинцами, упоминаемыми въ памятникахъ IX и X вѣка? О маркоманнахъ, извѣстныхъ древнимъ, не говорится нигдѣ съ половины пятаго вѣка. Слѣдовательно, къ нимъ это названіе относиться не можетъ. Кругъ доказываетъ, что подъ маркоманнами разумѣлись въ это время скандинавы. Послѣдніе могли получить это названіе потому, во-первыхъ, что писатели среднихъ вѣковъ охотно придавали новымъ народамъ имена, извѣстныя древнимъ писателямъ, желая тѣмъ избѣгнуть варваризмовъ. Норманны, неизвѣстные древнимъ, передѣланы въ маркомановъ, упоминаемыхъ у классическихъ римскихъ писателей, какъ Dani передѣланы въ Daci, норвежцы въ Norici, Gothi въ Geti, Russi въ Rutheni. Во-вторыхъ, имя маркомановъ могло этимологически означать жителей пограничной провинціи, потому что marca употреблялось не только въ смыслѣ границы, но и въ значеніи страны, прилежащей къ границѣ. Итакъ, это названіе шло къ норманнамъ, сопредѣльнымъ имперіи Карла Великаго. Наконецъ средневѣковые читатели могли знать, что норманны, подобно маркоманнамъ, состояли изъ разныхъ племенъ и потому такъ ихъ и назвали. Нордалбинцы, или нордалбинги—тоже названіе скандинавовъ, отъ Nord сѣверъ и Half, alf, halbe—страна, край.

2) „Ueber einen handschriftlichen Chronograph in der Bibliothek der Ermitage, als eine von den Quellen der Nikonschen Chronik in der akademischen Bibliothek. Ein Beitrag zur Kritik der Russischen Jahr-Bücher“. „Никоновская лѣтопись“, какъ извѣстно, издана отъ академіи, первая часть самимъ Шлецеромъ (1767 г.), вторая Башиловымъ (1768 г.), потомъ, спустя 18 лѣтъ, напечатаны постепенно остальныя шесть частей (1786—1792). Шлецеръ и Башиловъ строго придерживались подлинника, не измѣняя въ немъ ни буквы. А какъ текстъ былъ неисправенъ, то изданіе исполнено грубыхъ ошибокъ, затемняющихъ смыслъ лѣтописи. Кругъ открылъ въ Эрмитажной библіотекѣ хронографъ, принадлежавшій стольнику Василью Никифоро-

вичу Собакину, и котораго подлинникъ, по соображеніямъ, написанъ въ половинѣ XV вѣка. Изъ сличенія текста „Никоновской лѣтописи“ и Эрмитажнаго хронографа Кругъ выводитъ, что послѣдній былъ однимъ изъ источниковъ первой, что списокъ хронографа исправнѣе академическаго списка „Никоновской лѣтописи“ и можетъ служить къ исправленію его ошибокъ. По поводу этого сличенія Кругъ замѣчаетъ, основываясь на предисловіи хронографа, что вставки, встрѣчающіяся въ „Никоновской лѣтописи“, заимствованы не изъ византійскихъ источниковъ, а изъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ, содержавшихъ въ себѣ сербскую и болгарскую исторіи и переводы изъ византійскихъ писателей. Это замѣчаніе, столько важное для исторіи составленія нашихъ лѣтописей и оправдывающееся съ каждымъ новымъ открытіемъ древнихъ славянскихъ рукописей, потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что сдѣлано Кругомъ еще въ 1813 году. Онъ также одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ историческое достоинство хронографовъ. „Не только для „Никоновской лѣтописи“,—говоритъ онъ—„но и для другихъ нашихъ лѣтописей, можно ожидать важныхъ результатовъ отъ сличенія съ хронографомъ, не говоря уже о пользѣ, состоящей въ объясненіи значенія словъ и вообще въ узнаніи древности. Правда, событія, относящіяся собственно къ русской исторіи, здѣсь обыкновенно описаны коротко; но голый перечень существенныхъ обстоятельствъ умножаетъ матеріалы для критики, и сжатый разсказъ часто тѣмъ бываетъ важенъ для изслѣдователя, что даетъ ему возможность узнать невѣрныя вставки въ позднѣйшихъ компиляціяхъ и отдѣлить исторически достовѣрное отъ произвольныхъ прибавокъ, историческихъ распространеній, невѣрныхъ субъективныхъ представленій“ (стр. 110).

3) „Ueber den novgorodischen Gostomyssl'. Весьма замѣчательная и характеристическая статья, показывающая, какъ иногда произвольно обращались съ нашими лѣтописными извѣстіями даже лучшіе, добросовѣстнѣйшіе критики русской исторіи лѣтъ двадцать тому назадъ. Кругъ считаетъ извѣстіе о Гостомыслѣ за басню, которую должно вычеркнуть изъ русской исторіи. Но почему? Это подробно доказывается такимъ образомъ: въ Германіи не знали ничего о томъ, что руссы были норманны, народъ совершенно отдѣльный отъ славянъ и финновъ, и что [illegible] слились съ ними гораздо послѣ своего [illegible] бытія. Уже въ XI вѣкѣ Адамъ Бременс[illegible] а въ XII вѣкѣ Гельмольдъ, считали [illegible] совъ за природныхъ славянъ. Въ самой [illegible] сіи преданія о первоначальномъ разли[illegible] этихъ племенъ должны были мало-по-м[illegible] сглаживаться и наконецъ исчезнуть изъ [illegible] родной памяти. Такимъ образомъ въ [illegible] вѣкѣ не было и помина о первоначаль[illegible] противоположности руссовъ и славянъ. [illegible] XVI вѣкѣ прибылъ въ Россію Герберштей[illegible] Онъ зналъ Гельмольдову лѣтопись, по к[illegible] рой руссы были крайнимъ славянскимъ [illegible] менемъ на востокъ, какъ вагры—крайн[illegible] славянскимъ племенемъ на западъ отъ [illegible] тійскаго моря. Онъ слышалъ или чит[illegible] что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Варяжское [illegible] получило свое названіе отъ Вагріи, и зав[illegible] чилъ отсюда, что наши варяги пришли [illegible] соплеменнаго намъ народа вагровъ, нах[illegible] это объясненіе призванія болѣе вѣроятны[illegible] чѣмъ предположеніе, что славяне обрати[illegible] къ совершенно-чуждому народу. Вагры, [illegible] довательно, были для него синонимомъ [illegible] варягами, Алтенбургъ, Старградъ,—отеч[illegible] вомъ Рюрика, который, переселившись [illegible] Россію, назвалъ новую свою резиденцію [illegible] имени прежней (Ладога, Aldagen, Alde[illegible] borg), а вторую послѣ нея Новгород[illegible] Все это казалось ему простымъ и естест[illegible] нымъ. Но, спросятъ читатели, какое же [illegible] ношеніе имѣютъ эти гипотезы Герберште[illegible] къ Гостомыслу?—А вотъ какое. Это об[illegible] неніе льстило ложному патріотизму тог[illegible] нихъ русскихъ. Они не могли доказать [illegible] своими историческими источниками и [illegible] бѣгли къ иностраннымъ. Въ послѣдн[illegible] упоминается о многихъ славянскихъ кн[illegible] яхъ, изъ которыхъ можно было сдѣлать [illegible] боръ. Какой-нибудь Табомыслъ, dux или [illegible] gulus Obodritorum, о которомъ упоминае[illegible] въ 862 году, не годился по молодости л[illegible] Удобнѣй былъ упоминаемый въ 844 [illegible] rex Obodritorum Гостомыслъ; онъ, конеч[illegible] могъ дать ильменскимъ славянамъ сов[illegible] добыть князей изъ среды своихъ сос[illegible] Разъ этотъ Гостомыслъ былъ отысканъ [illegible] берштейномъ и указаны его отношенія [illegible] Россіи,—не мудрено было произвести его д[illegible] въ новгородскіе князья, или, по кра[illegible] мѣрѣ, въ посадники. Другіе еще и тѣм[illegible] удовольствовались, а изъ франкскихъ л[illegible] писей выбрали двухъ другихъ оботрит[illegible]

й VIII и IX вѣка и сдѣлали изъ нихъ
ковыхъ отца и дѣда. Но послѣдніе
же мало относятся къ русской исторіи,
и Гостомыслъ. То есть, другими сло-
новгородскій Гостомыслъ выдуманъ съ
й руки Герберштейна. Нельзя не улыб-
я, читая все это. Въ XV, XVI и XVII
ъ пришествіе Руси было у насъ націо-
ымъ вопросомъ, и поводомъ была гипо-
Герберштейна. Едва вѣрится, чтобы все
могъ написать Кругъ, ученый, столько
жный и основательный въ своихъ из-
ваніяхъ. Свидѣтельство о Гостомыслѣ,
дно, не выдумано Герберштейномъ, а
имъ изъ туземныхъ источниковъ, какъ
его историческія извѣстія. Да и нель-
нять, почему именно Гостомыслъ и то-
о его имени съ названіемъ оботрит-
князя такъ смутило Круга. Оно ни-
ко не противорѣчитъ его превосходнымъ
аніямъ о первоначальной противопо-
сти славянъ и руссовъ, о причинахъ
дѣ постепеннаго обрусѣнія, или, пра-
ѣе, славянизаціи пришельцевъ. Гостo-
, новгородскій старѣйшина, посадникъ,
вительно могъ существовать, и память о
—сохраниться въ преданіяхъ, нисколько
шая остальному. Нельзя доказать, что
ю такъ было, какъ повѣствуютъ объ
поздѣйшіе письменные памятники, но
тельно нѣтъ никакого повода находить
сказаніе невѣроятнымъ, или невоз-
ымъ. А когда нѣтъ причины отвергать
тіе или свидѣтельство, надо его при-
Мало ли извѣстій, ничѣмъ недоказан-
! Сколько историческихъ данныхъ обра-
новѣйшей наукой въ миѳы, тогда какъ
преданія! Мы не ставимъ ей этого въ
ъ, потому что весьма естественно было,
въ новую, еще нетронутую сторону пред-
искать ее во всемъ, вездѣ, даже и тамъ,
и тѣни ея нѣтъ. Критика завела про-
со всей исторіей, потребовала доказа-
гвъ происхожденія и древности отъ
данныхъ и вычеркнула изъ области
іи тѣ изъ нихъ, которые затеряли свои
логическія таблицы и оффиціальные до-
ты рожденія. Много хлама и сора вы-
о такимъ образомъ изъ исторіи, но
затронуто и живого, органически свя-
го съ прошедшимъ,—такого, которое
вительно было, но не могло доказать
существованія иначе, какъ самымъ
мъ бытія. Какъ все отвлеченное, аб-
страктное, такъ и эта критика—теперь пала. Поняли, что абсолютный методъ обсужденія событій и историческихъ матеріаловъ невѣренъ, что данныя можно принимать или отвергать только разсматривая ихъ въ связи съ другими, а не подъ вліяніемъ прихотливыхъ сомнѣній, что наконецъ, многія изъ нихъ, особенно древнѣйшія, сохранившіяся въ преданіяхъ, не столько важны по ихъ исторической достовѣрности, сколько по колориту, характеру, который уже самъ по себѣ даетъ живое представленіе объ отдаленной эпохѣ исторіи. Отмстила ли когда-нибудь Ольга древлянамъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, или нѣтъ, такъ ли именно призвали варяговъ соединенныя племена — это не такъ важно. Положимъ, что это сказки, преданія, даже не имѣющія исторической основы. Но онѣ лучше множества другихъ исторически-несомнѣнныхъ фактовъ живописуютъ время, въ которое сложились, и въ этомъ смыслѣ представляютъ богатый историческій матеріалъ. Разскажи Несторъ подробно имена всѣхъ древлянскихъ и иныхъ князей съ величайшею хронологическою и генеалогическою точностью, онъ не могъ бы оказать русской исторіи большей услуги, чѣмъ помѣстивъ у себя рядъ народныхъ преданій. Конечно, эти замѣчанія нейдутъ къ сказанію о Гостомыслѣ, которое само по себѣ не такъ важно. Но разобранная нами статья показываетъ тонъ, пріемы, точку отправленія прежней русской исторической критики. Сколько нелѣпостей, какъ подумаешь, написано о русской старинѣ—единственно потому только, что принимались за нее не такъ, какъ слѣдуетъ!

4) „Beweis, dass der Anfang des Russischen Staats nicht erst in das Jahr 862 könne gesetzt, sondern in das Jahr 852 müsse vorgerückt werden“. Начало русскаго государства относится къ 852, а не къ 862 году. Михаилъ, сынъ Ѳеофила, вступилъ на византійскій престолъ въ 841 — 842 году (6350), царствовалъ 25 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; слѣдовательно, послѣдній годъ его царствованія 867, а 24-й годъ 866 отъ Р. Х., 6374 отъ сотворенія міра. Между тѣмъ, Несторъ относитъ 24-й годъ царствованія Михаила къ 875 — 876 (6384) году, т.-е. ставитъ его 10 лѣтъ позже, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Съ этимъ связана ошибочная хронологія и всѣхъ событій русской исторіи, которыя Несторъ опредѣлилъ по годамъ Ми-

хаилова царствованія. Имя руссовъ стало извѣстно не въ 854, а въ 844; Рюрикъ съ братьями призваны не въ 862, а въ 852. Откуда взялась эта ошибка? Несторъ почерпнулъ ее изъ греческой хроники, кажется, Никифора, константинопольскаго патріарха, которому не могъ не вѣрить. Никифоръ относитъ вступленіе Михаила на престолъ къ 6360 году отъ сотворенія міра — и это послѣднее его извѣстіе; съ этимъ свидѣтельствомъ Несторъ соображалъ хронологію своей лѣтописи во все царствованіе Михаила, безпрестанно ставя событія десятью годами позже. Но хронологическія данныя, послѣ Михаилова царствованія, вѣрны въ лѣтописи. Ихъ нельзя согласить съ предыдущими, потому что переписчики и продолжатели брали хронологическія показанія изъ другихъ греческихъ хроникъ, а не изъ той, которой придерживался Несторъ, и частью изъ точности, частью по незнанію, оставили противорѣчащія показанія рядомъ одни возлѣ другихъ. Такъ Василій вступаетъ на царство въ 6376 году, а въ 6384 году все еще идетъ счетъ по годамъ Михаилова царствованія; крещеніе Болгаръ повѣствуется то подъ 7, то подъ 17 годомъ того же царствованія и т. д.

5) „Welchem Volk giebt Nestor den Namen Корлязи?“ Подъ Корлязами Несторъ разумѣлъ жителей западной франкской имперіи, которые назывались Carolinge, Carlenses, потому что потомки Карла Великаго дольше царствовали во Франціи, чѣмъ въ Германіи. Кромѣ этого находимъ въ статьѣ объясненіе и другихъ названій Несторова исчисленія народовъ. Такъ подъ Фрязи должно, по мнѣнію Круга, разумѣть восточныхъ, тевтонскихъ франковъ по сю сторону Рейна; земля волошская—Франція, Волъхва—жители Нормандіи; Галичане —сосѣди мавровъ въ Испаніи. Кругу было неизвѣстно Шафариково объясненіе имени Волоховъ. Статья составлена въ 1824 году.

6) „Ueber den Ursprung der Namen Russen und Varäger“. (Изслѣдованіе о происхожденіи имени Руссовъ и Варяговъ). Это критическій разборъ свидѣтельствъ нашихъ и иностранныхъ источниковъ объ этихъ названіяхъ, и оцѣнка разныхъ толкованій ихъ. Существенное содержаніе ея слѣдующее: Въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, подъ 839 годомъ, уже встрѣчается имя Rhos: такъ называютъ себя чужеземцы, присланные отъ императора Ѳеофила къ Лудовику Благочестивому. По его изслѣдованію, они оказались шведа
царь Гаканъ прислалъ ихъ къ Ѳеофилу
заключенія дружбы. Но кто называлъ и
россами? Откуда взяли это имя? Шлёце
думаетъ, что они принесли его съ собой
Чуди въ Константинополь. Но это невѣроят
Если Чудь такъ называла ихъ, значитъ
это, что такъ ихъ называли и всѣ нар
отъ Балтійскаго до Чернаго моря? Н
Греки тогда уже знали имя россовъ. Наз
ніе Гаканъ не собственное имя, а титу
который имѣли тоже аварскіе и хозар
князья, болѣе извѣстные въ Константинопо
чѣмъ россы. Но кто же были эти рос
Норманны. Это доказывается свидѣтельств
Ліутпранда и другими данными, изъ ко
рыхъ вмѣстѣ видно, что подъ названіе
норманновъ разумѣлись народы, говорив
по-датски (dönsk tûnga, Norraen tûnga
Norraena), то есть германскіе жители Ск
динавіи. Названіе руссовъ присвоено
греками, названіе норманновъ — франка
такъ что во второй половинѣ IX и пер
X вѣка вездѣ, гдѣ у грековъ писалось
франки переводили это имя словомъ N
manni. Изъ всѣхъ изслѣдованій Кругъ вы
дитъ, наконецъ, что греки, а не финны
чали прежде употреблять имя Россъ (
ῥοῦσιος) и придали его норманнамъ. Нест
нашелъ это имя въ греческой хроникѣ;
называютъ норманновъ византійскіе имп
торы въ письмахъ своихъ къ франкски
такъ называетъ ихъ и Ліутпрандъ. Поч
не могли назваться имъ норманны и
839 году (по свидѣтельству Бертинскихъ
тописей они называли себя Россами)?
имя, полученное отъ грековъ, они не тол
удержали потомъ за собой, но назвали
и страну, въ которую призваны княж
его приняли и всѣ народы, подвластные
скимъ князьямъ. Что же именно побуд
грековъ назвать норманновъ Россами? Л
прандъ говоритъ, что это имя произошло
физическихъ свойствъ руссовъ, а Левъ Д
конъ именно свидѣтельствуетъ, что имя Р
употреблялось только въ просторѣчіи. У
ковъ есть прилагательное ῥοδιος, и ῥοδ
торое очень близко къ греческимъ назван
россовъ. Это прилагательное, обозначая
рыжій цвѣтъ волосъ руссовъ, смѣнило пре
употребительное ξανθὸς, которое уже не вс
чается ни разу въ сочиненіи Констант
Багрянороднаго de Ceremoniis и замѣне
здѣсь словомъ ῥούσιος. Итакъ, россы полу

названіе въ Греціи отъ красноватаго
ста волосъ въ 838 г., когда впервые при-
ли въ Византію; отсюда это названіе рас-
пространилось далѣе, частью чрезъ самихъ
рманновъ, частью изъ Византіи. Всѣ эти
воды, исключая норманскаго происхожде-
руссовъ, теперь устарѣли и уже опро-
ергнуты. Что имя руссовъ впервые дано было
Греціи, принято норманнами и стало на-
шнимъ—совершенно невѣроятно, да кромѣ
го имѣетъ противъ себя историческія до-
ательства. Такъ имена народовъ и пле-
нъ не возникаютъ! Названіе руссовъ—на-
дное, племенное; потому и этимологическое
происхожденіе не представляетъ особен-
й важности.

Имя варяговъ объясняется такъ: на службѣ
римскихъ императоровъ издавна находи-
сь варвары, особенно готы, подъ назва-
мъ foederati. Рядомъ съ этимъ названіемъ
вляется названіе φαργάνοι (fargani). Подъ
ми разумѣлись, кажется, германцы, слу-
вшіе имперіи. Какое это слово? По всѣмъ
роятіямъ, готское, ибо служащихъ готовъ
ло въ Константинополѣ болѣе, чѣмъ остал-
хъ варваровъ. А въ готскомъ языкѣ есть
глагола, однозвучные съ этимъ словомъ:
an—отправляться и farjan— грести. А какъ
овъ часто посылали въ море, на которомъ
и дѣйствовали почти исключительно вес-
ми, и рѣдко употребляли паруса, такъ какъ
, сверхъ того, соединяли въ одномъ лицѣ
ества гребцовъ и воиновъ, подобно скан-
навамъ, то очень немудрено, что они рано
ли сами себя называть фарганами, то-есть
рыми, ловкими гребцами (Schnellruderer),
го названіе потомъ перешло въ письмен-
й языкъ. Позднѣйшіе византійцы назы-
отъ этихъ фаргановъ варангами (Βαράγγοι).
первый разъ, это названіе встрѣчается у
крена, за нимъ у Скилитца (оба жили во
рой половинѣ XI вѣка), который говоритъ,
простой народъ называетъ войско (manus
itaris) варангами. Это названіе тоже на-
дное. Варанги были скандинавы, и въ старо-
ерномъ языкѣ назывались Voeringiar. Но
ое слово не скандинавское. Оно принесено
вращавшимися со службы изъ Греціи.
ндинавы были, какъ извѣстно, искусные
бцы. Тѣ изъ нихъ, которые служили ви-
тійскимъ императорамъ, проживали обы-
венно прежде въ Россіи, гдѣ господствую-
мъ языкомъ въ XI вѣкѣ былъ славянскій.
какъ названіе варанговъ появляется не
ранѣе XI вѣка, то самое вѣроятное — гово-
ритъ Кругъ—предположить, что они принесли
это названіе съ собой изъ Россіи, и, слѣдо-
вательно, этимологическаго объясненія его
должно искать въ славянскомъ языкѣ. Въ
самомъ дѣлѣ, варяги и варанги—одно и то
же слово, если вспомнимъ, что *я* произноси-
лось прежде какъ *анъ*. Какое же слово могло
служить корнемъ названію Варяги? *Варять*.
По немъ названы скандинавы, происходив-
шіе отъ сѣверныхъ народовъ, и по великому
искусству и способности къ мореплаванію на-
званы скорыми, ловкими пловцами, варягами.
Двое писателей X вѣка переводятъ это на-
званіе (равно какъ и имя фарганов) словомъ
Дромиты (Δρομῖται). Все это объясненіе весьма
слабо и не выдерживаетъ даже поверхност-
ной критики. Въ концѣ второго тома, г. Ку-
нигъ напечаталъ свои изслѣдованія о томъ
же предметѣ. Мы скажемъ объ этомъ въ
своемъ мѣстѣ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить,
что статья Круга, которой содержаніе мы
здѣсь изложили, включаетъ три различныя
монографіи, написанныя въ 1816, 1819 и
1829—30 годахъ.

7) „Ueber die Sprache der Russen im IX und X Jahrhundert". Одна изъ существен-
ныхъ заслугъ Круга, какъ справедливо за-
мѣтилъ въ одномъ мѣстѣ издатель его по-
смертныхъ сочиненій, заключается въ томъ,
что онъ весьма подробно и ясно показалъ
рѣзкую противоположность руссовъ и под-
властныхъ имъ племенъ, продолжавшуюся
около двухъ вѣковъ послѣ призванія. Теперь
это уже, конечно, не новость, Г. Погодинъ,
въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и
лекціяхъ", развилъ эту мысль въ малѣйшихъ
подробностяхъ и оттѣнилъ такъ рѣзко скан-
динавскій элементъ первой эпохи нашей
исторіи, что дальше идти въ этомъ направ-
леніи едва-ли есть какая-нибудь возможность;
многое, что несомнѣнно принадлежитъ сла-
вянскому элементу, г. Погодинъ присвоилъ
скандинавскому. Итакъ, въ этомъ отношеніи
труды Круга не обогащаютъ русской исто-
рической литературы новыми результатами.
Но въ исторіи русской исторической критики
такіе результаты, хотя уже и извѣстные, во
всякомъ случаѣ очень замѣчательны. Въ
статьѣ, которой заглавіе мы выписали, Кругъ
доказываетъ противоположность руссовъ и
славянъ въ отношеніи къ языку. Убѣжден-
ный, что руссы — несомнѣнно скандинавы,
Кругъ доказываетъ, что и первоначальный

русскій языкъ былъ не славянскій, а скандинавскій. Договоры съ греками, по его мнѣнію, написаны на греческомъ и норманскомъ языкахъ; законы были скандинавскіе; самая „Русская Правда“ Ярославова заимствована изъ скандинавскихъ источниковъ. Но этого мало; много словъ перешло къ намъ отъ норманновъ—словъ, которыя мы теперь считаемъ за коренныя славянскія, напримѣръ, „вервь, вира, говядо, гость, гривна, гридинъ, людинъ, огнищанинъ, боляринъ, пѣнязь, скотъ, тіунъ“ и т. д. Отчего же руссы ославянились и приняли славянскій языкъ? Что могло побудить Ярослава написать свою „Правду“ на туземномъ языкѣ? Въ Европѣ причины романизаціи германскихъ племенъ и забвеніе ими природнаго языка можно объяснить высшей образованностью покоренныхъ племенъ и особенно вліяніемъ христіанства, которое заимствовано побѣдителями отъ подвластныхъ. У насъ не было ни той, ни другой причины: славяне и финны не были образованнѣе руссовъ, и всѣ были язычники во время призванія. Слѣдовательно, были другія причины: перенесеніе мѣстопребыванія съ сѣвера на югъ, чрезъ что руссы пришли въ ближайшее соприкосновеніе съ греками, и связь ихъ съ германскими племенами ослабла; здѣсь, на югѣ, руссовъ было несравненно меньше славянъ; этого не было въ Новгородѣ; браки съ славянками; но всего болѣе содѣйствовало славянизаціи и здѣсь, какъ и въ Европѣ, введеніе христіанской вѣры. Тѣмъ не менѣе оба языка, норманскій и славянскій, такъ долго существовали у насъ рядомъ, что они не могли не позаимствоваться другъ отъ друга. Не забудемъ, что слишкомъ сто лѣтъ прошло отъ призванія варяговъ до крещенія Руси. Впрочемъ, эти языки не такъ воздѣйствовали другъ на друга, какъ римскій и различные германскіе діалекты въ романскихъ государствахъ, или англо-саксонскій и норманскій, представлявшіе два діалекта одного и того же языка. У насъ русскій и славянскій языки не слились, а только нѣкоторые корни перешли изъ одного языка въ другой. Число такихъ корней, перешедшихъ изъ скандинавскаго въ славянскій, гораздо значительнѣе, по мнѣнію Круга, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Рѣзкое различіе между руссами, славянами, финнами, и т. д. продолжалось еще долго въ XI вѣкѣ, пока наконецъ всѣ они слились въ одинъ народъ.

Несмотря на то, что эта статья содержитъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, мысли теп общеизвѣстныя, неоспоримыя въ основ началѣ, но опровергнутыя въ нѣкоторы частностяхъ и приложеніяхъ, она предс вляетъ большой интересъ по самому спос изложенія. Ея первоначальное состав относится къ 1822 году.

8) „Abstammung und Erklärung einiger R sischen Wörter in Nestors Chronik und Ja slavs Gesetzen“. „Обыкновенно допускаю говоритъ Кругъ въ началѣ статьи, „что принятіемъ христіанской вѣры многія г ческія слова перешли въ славянскій язы точно также никто не отрицаетъ, что времена монгольскаго владычества мно ство татарскихъ словъ, которыхъ прежде было въ славянскомъ языкѣ, получили у н право гражданства; гораздо болѣе возраже встрѣчаетъ мнѣніе, что въ древнѣйшія мена русскаго государства въ нашъ яз было принято множество германскихъ сл изъ которыхъ одни со временемъ опять чезли, другія же сохранились и по сіе-по Статья написана по поводу предполагаем новаго изданія „Словаря“ Россійской А деміи, которая, по мнѣнію Круга, слиш мало обратила вниманія на очевидно манское происхожденіе многихъ словъ. такимъ словамъ Кругъ относитъ: „князь, нязь, усерязь, витязь, шлягъ, стерлягъ, су судъ, градъ, гридъ, рядъ, скотъ, хл шнекъ, полкъ, вира, мѣсячина, дума, бр мыто, мытарь, свекоръ, король, снѣдь, царь, рухлядь, весь, ремень, люди, не нятіи, кнутъ“ [1]). Въ изданныхъ тру Круга находятся этимологическія изсл ванія немногихъ изъ этихъ словъ, наприм „князя, пѣнязя, думы, ябетника, тіуна т. д. Написана еще статья объ „огни нинѣ“, но г. Куникъ не помѣстилъ ея числѣ посмертныхъ трудовъ Круга. Эти логіи извѣстны: „князь“ отъ „konung“, нязь“ отъ „pfenning“. Слова „дума“ в въ славянской библіи. Слѣдовательно, как чаетъ Кругъ, это слово вошло въ рус языкъ позже изъ германскаго языка, корень dom, doem, daem встрѣчается во м гихъ германскихъ нарѣчіяхъ съ тѣмъ первоначальнымъ значеніемъ, какъ и въ

[1]) Этимологію *стерлеги* находимъ въ Zur kunde,—*нетія* и *суда* въ византійской хроникѣ словопроизводство нѣкоторыхъ изъ исчисленны даже не исчисленныхъ здѣсь (напримѣръ, *смол* падается въ разныхъ мѣстахъ разбираемой нами

мъ. Польское же duma перешло изъ рус-
го. Въ словѣ ябетникъ, *никъ* есть форма,
ачающая лицо мужескаго пола; буквой *я*
русскомъ языкѣ передаются носовые звуки
am, en, em; слѣдовательно, корень ябет-
а есть *ambt, amt*. Но это корень герман-
й и встрѣчается въ древнѣйшихъ памят-
ахъ (ambactus даже у Цезаря). Въ раз-
къ нарѣчіяхъ онъ означаетъ слугу, слу-
теля, чиновника. Итакъ, ябетникъ, слово
слово amtmann. Сдѣлавшись по своему
нію ненавистнымъ (онъ собиралъ пени и
водилъ въ исполненіе судебные приго-
ы), онъ былъ названъ тіуномъ, то же
ндинавскимъ названіемъ Thion, нѣмец-
ъ *Dien*-ег, служитель.

Судъ надъ многими изъ этихъ словопро-
одствъ уже произнесенъ. Нѣтъ сомнѣнія,
много словъ и корней перешло въ нашъ
къ изъ германскаго; но столько же, если
больше, изъ предполагаемыхъ герман-
хъ—коренныя славянскія. Очень понятно,
ему первые наши изслѣдователи, особен-
тѣ, для которыхъ скандинавское проис-
ждение руссовъ было внѣ всякаго сомнѣнія,
ли въ крайность, объясняя русскіе древніе,
бенно юридическіе термины. Еще въ не-
нее время въ такую крайность вдался
Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ нор-
скаго періода. Не говоря объ очевидныхъ
яжкахъ, многихъ изслѣдователей, въ томъ
тѣ и Круга, вводило въ заблужденіе то-
тво нѣкоторыхъ славянскихъ и герман-
хъ корней. Встрѣчая одинъ и тотъ же
ень въ обоихъ языкахъ, защитники скан-
авства руссовъ доказывали, что славяне
мствовали его отъ германцевъ, а славя-
ты навязывали на томъ же основаніи гер-
цамъ славянскіе корни. Ни тѣмъ, ни дру-
ъ не приходило въ голову допустить при-
ствіе однихъ и тѣхъ же корней въ обо-
языкахъ, потому что оба народа про-
шли отъ одной отрасли человѣческаго
а. Мы уже имѣли случай высказать свое
ніе о сходствѣ, даже тожествѣ обычаевъ,
ядовъ, повѣрій и преданій у разныхъ на-
овъ, и какъ мало можно изъ него заклю-
ь о заимствованіи. То же думаемъ мы и
орняхъ. Надобно имѣть положительныя
ологическія доказательства, что слово или
ень перешли изъ одного языка въ дру-
. Нѣтъ ихъ, — какъ бы слова и ихъ ко-
ь ни были сходны съ иностранными, ихъ
ьзя считать заимствованными. Словомъ, происхожденіе словъ и корней можно доказывать только отрицательно; положительно же никогда нельзя доказывать, а если и можно, чрезвычайно рѣдко.

Въ этой же статьѣ находимъ нѣсколько страницъ о „Русской Правдѣ“ — собственно отчетъ Круга о рукописномъ разсужденіи дерптскаго профессора Неймана, написанный въ 1814 году. Мнѣніе Неймана о славянскомъ характерѣ „Русской Правды“, равно какъ и замѣтки Круга, не представляютъ теперь ничего новаго. Одно весьма любопытно. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Нейманъ, кажется, пришелъ къ результату, что въ Россіи крестьяне до временъ Іоанна Васильевича (конечно, великаго князя) были крѣпки землѣ; Кругъ говоритъ, что это мнѣніе, повидимому, подтверждается многими мѣстами и выраженіями въ нашихъ лѣтописяхъ. Мы не умѣемъ положительно утверждать противное въ дѣлѣ столько темномъ и важномъ, но намъ кажется, что общепринятое теперь мнѣніе объ этомъ предметѣ вѣроятнѣе гипотезы Неймана и Круга [1]).

9) „Askold und Dir. Ihre Einwanderung mit Rurik, Herkunft, Trennung von Rurik, Besitzname von Kiew, ihr Zug gegen die Griechen, ihr Tod und Begräbniss“. Критическій разборъ нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Цѣль статьи, какъ говоритъ самъ Кругъ, не біографія этихъ спутниковъ Рюрика, а объясненіе нѣкоторыхъ выраженій и словъ въ лѣтописи, недовольно или неправильно объясненныхъ. Съ этой стороны, изслѣдованіе Круга, написанное еще въ 1823 году, представляетъ и теперь много интереснаго и поучительнаго. Оставляя въ сторонѣ толкованія общеизвѣстныя и общепринятыя, остановимся на оригинальныхъ и теперь еще отчасти новыхъ объясненіяхъ Круга. „Испросистася (Аскольдъ и Диръ) ко Царю городу“ — значитъ ли, что они обязаны были просить у Рюрика позволенія идти въ Константинополь, или они имѣли право у него требовать, чтобъ онъ

[1]) Было ли когда-нибудь напечатано это разсужденіе Неймана о „Русской Правдѣ“ — не знаемъ. Кажется, нѣтъ. Въ подробномъ обозрѣніи литературы по „Русской Правдѣ“, г. Калачовъ упоминаетъ о трудахъ молодого Неймана, сына профессора; они напечатаны Эверсомъ въ Дерптѣ (см. предисловіе къ Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands etc). Очень жаль, что вопросъ, поставленный Нейманомъ, и его разрѣшеніе до сихъ поръ недоступны для большинства читателей.

ихъ отпустилъ изъ своей службы, когда они хотѣли ѣхать въ Константинополь? Съ этимъ выраженіемъ тѣсно связано другое: „покажи ны путь въ Греки“. Разсмотрѣвъ разныя толкованія, Кругъ останавливается на томъ, что́ оно значитъ: отпусти, отошли, пусти насъ своей дорогой. Итакъ, Аскольдъ и Диръ просили, чтобъ Рюрикъ отпустилъ ихъ изъ своей службы въ Грецію, потому что они хотѣли тамъ служить. Параллельное мѣсто въ лѣтописяхъ представляетъ просьба варяговъ, которые помогли Владиміру взять Кіевъ. Они требовали окупа, но Владиміръ не исполнилъ ихъ желанія, и они отпросились у него въ Грецію. Просьба варяговъ объ отпускѣ въ послѣднемъ случаѣ основывалась на томъ, что, по договору между Игоремъ и греками, каждый, пріѣзжая изъ Россіи въ Константинополь, долженъ былъ представить письменный видъ отъ великаго князя или его бояръ въ доказательство, что онъ пріѣхалъ съ мирными намѣреніями.—Подъ *горой*, на которой похороненъ Аскольдъ, должно разумѣть *берегъ*, а не гору въ настоящемъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, близъ Кіева берегъ, а не гора называлась *Угорское*. Кругъ защищаетъ подлинность этого названія и по этому поводу подробно разсматриваетъ мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится о пришествіи угровъ подъ Кіевъ. Разсказъ, какъ извѣстно, помѣщенъ подъ 898 годомъ. Шлецеръ думалъ, что Несторъ относитъ это событіе къ 898 г.; но это несправедливо. Оно разсказано здѣсь въ связи съ послѣдующимъ вторженіемъ угровъ въ Моравію и Чехію, изъ чего нельзя заключить, что и то и другое произошло въ одно время. Вообще, для критики Несторовой лѣтописи, эта статья представляетъ много любопытнаго.

10) „Ideen über die älteste Verfassung und Verwaltung des Russischen Staats“. Эта статья неполная; отъ нея остался только одинъ первый отрывокъ. Въ предисловіи, Кругъ говоритъ, что „онъ намѣренъ написать рядъ отрывковъ, которые, какъ показываетъ самое названіе, не имѣютъ притязанія исчерпать предметъ, или разрѣшить всѣ сомнѣнія, но быть можетъ, они прольютъ на иное свѣтъ, въ какомъ предметъ не разсматривался“. Къ составленію такихъ отрывковъ побудила Круга краткость и недостаточность извѣстій какъ о призваніи, такъ и вообще о нашемъ внутреннемъ устройствѣ со времени прибытія руссовъ. Документовъ того времени нѣтъ; извѣстій иностранныхъ или туземныхъ призваніи — тоже; слѣдовательно, нѣтъ возможности достовѣрно опредѣлить происшествіе и его послѣдствія. Оттого такъ безконечно различны мнѣнія; всѣ они основаны только на большей или меньшей вѣроятности на предположеніяхъ, а не на достовѣрныхъ фактахъ. Ближайшій путь къ разрѣшенію вопроса есть подробное знакомство съ подраженіемъ вещей въ Европѣ вообще, особенно же въ странахъ, сосѣднихъ съ Россіей, въ IX и X вѣкахъ, и кромѣ того, объясненіе отношащихся сюда и доселѣ незамѣченныхъ мѣстъ въ древнѣйшей русской лѣтописи совершенно сходными чертами изъ современной исторіи сосѣднихъ народовъ. Вотъ точка зрѣнія Круга. Въ ней много вѣрнаго; но мы думаемъ, что и она не можетъ удовлетворительно разрешить вопросъ. Сравненіе много объясняетъ, но противъ этого странно спорить; но съ помощью сравненія наполнять въ исторіи пробѣлы не только трудно, но почти невозможно. Въ исторіи каждаго народа есть неуловимыя особенности и оттѣнки, которые, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ съ такими же оттѣнками у другихъ народовъ, производятъ совершенно другія историческія явленія, имѣютъ иныя послѣдствія и, слѣдовательно, совершенно различное значеніе. Поэтому, не имѣя достаточныхъ объ нихъ, ничего нельзя сказать, сравненіе не поможетъ возстановить неизвѣстное. Наконецъ, сближенія всегда слишкомъ соблазнительны и часто невольно приводятъ къ искаженію немногихъ слѣдовъ бывшаго, или къ мысли о заимствованіи одного народа у другого — мысли, которую мы до послѣдняго времени были обязаны непониманіемъ нашей исторіи и старины. Русскіе князья были призваны изъ Скандинавіи и пришли къ намъ не въ видѣ завоевателей; слѣдовательно, заключаетъ Кругъ, въ сѣверной Руси образъ правленія и государственныя (?) учрежденія были почти такія же, какъ и въ тогдашней Скандинавіи.

„Въ Скандинавіи“, продолжаетъ онъ, „изъ существовало монархическое правленіе... Конунги были большею частью только стражами и блюстителями существующихъ законовъ, верховными судьями, предсѣдателями народныхъ собраній (у англосаксовъ послѣднія назывались Wittenagemot) и предводителями войскъ. Государство дѣлилось между сыновьями, которыхъ обыкновенно, по большому числу женъ, было много. Это устройство, безъ сомнѣнія, было очень хорошо извѣстно тѣмъ, которые добровольно подчинялись владычеству Рюрика

ъ быть, оно-то именно и побудило эти пле-
особенно ихъ князей, безъ сомнѣнія не хо-
хъ подвергнуться произвольному обращенію,
ь наслѣдственнаго начальника именно изъ
навскаго рода. При этомъ могло даже ка-
ненужнымъ заключать особенный договоръ,
но собой разумѣлось, что права тѣхъ, кото-
бирали князя, были обезпечены.
ичина, побудившая соединенныя племена
ь монарха, заключалась въ томъ, что одинъ
возставалъ на другой, и между ними была
ая вражда (междоусобія); это совершенно
рждается стратегикономъ Маврикія относи-
славянъ; о прочихъ племенахъ у насъ нѣтъ
ельно никакихъ иностранныхъ извѣстій. По
ельству Маврикія, у славянъ было много
овъ, между которыми не было согласія и
происходили войны; ибо, завидуя другимъ,
й изъ нихъ боялся, чтобъ другой надъ нимъ
высился. Ослабленные этими продолжитель-
внутренними распрями, они уже не были въ
ніи противостоять вооруженной силой страш-
норманнамъ и сдѣлались ихъ данниками. Но
нскій народъ, котораго ничто не можетъ за-
ь подчиниться и подпасть подъ иго, особен-
ебя дома" (Маврикій), скоро ободрился сно-
казалъ имъ въ дальнѣйшей дани, изгналъ ихъ
мъ образомъ еще разъ сдѣлался самостоя-
мъ. По вскорѣ снова поднялись распри ме-
одами и снова начали они „воевать другъ на
. Тогда, наконецъ, остановились они на мыс-
спорно самой лучшей, потому что уже давно
ея боялись и всячески старались отклонить
ли всѣ согласились подчиниться одному об-
князю.
инственные главы этихъ племенъ, безъ со-
, были весьма храбры; поэтому храбрость
ла быть главнѣйшимъ качествомъ, необходи-
для монарха, которому всѣ они обѣщали по-
аться; кромѣ того, въ высшихъ классахъ она
подразумѣвалась сама собою: здѣсь всего
почти исключительно принималось въ раз-
высокое, знатное происхожденіе. Они не
нились бы добровольно никому, кромѣ про-
щаго изъ знатнаго рода. Но гдѣ бы они
людей болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ
хъ сосѣдей германцевъ за моремъ, въ Сканд-
и? Они знали, что тамъ жили съ многочис-
мъ потомствомъ древнѣйшіе королевскіе ро-
дущіе начало отъ самихъ боговъ. Оттуда еще
колько столѣтій брали себѣ королей отда-
е народы. Быть подданнымъ члена такого
никому не могло быть тягостно. Онъ такъ
стоялъ надъ всѣми ими, что ему нельзя
завидовать; каждый изъ славянскихъ, фин-
и многихъ другихъ родоначальниковъ, въ рас-
съ другими, могъ надѣяться на его безпри-
ное правосудіе; отъ него также можно было
что онъ дастъ твердость законамъ, устано-
устроитъ порядокъ, чего до тѣхъ поръ не
ало обширной и богатой странѣ, защититъ и
асить новое государство отъ нападеній тѣхъ,
е къ нему не принадлежали. Туда-то по-
они достать себѣ князя, который бы господ-
лъ надъ ними и судилъ ихъ по закону.
ъ такого благороднаго рода были первые русскіе князья, и впослѣдствіи здѣсь такъ же не позволяли себѣ отказаться отъ него, какъ прежде въ Скандинавіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при такихъ обстоятельствахъ древнія привилегіи соединенныхъ народовъ, призвавшихъ Рюрика, съ прибытіемъ его въ Россію остались неприкосновенными. Такъ поземельная собственность въ древнѣйшей Россіи большею частью удержала своихъ прежнихъ владѣльцевъ, исключая, можетъ быть, тѣхъ, которые открыто возставали противъ новыхъ властителей; какъ въ Скандинавіи, они не имѣли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ обязанности на свой счетъ служить военную службу, когда дѣло шло о защитѣ отечества, къ чему ихъ призывали зажженными кострами, или вѣстовыми съ особенными значками (Kerbstecken).

„Воинственный Олегъ, преемникъ Рюрика, по убіеніи Аскольда и Дира—потому что они не были княжескаго рода, какъ онъ и Игорь—и по утвержденіи своего мѣстопребыванія въ отдаленномъ Кіевѣ, впервые наложилъ на нихъ поземельную подать, которая до половины XI вѣка платилась въ Новгородѣ варягамъ ежегодно *мира дея* (т.-е. для мира), или для того, чтобъ они хранили миръ, или, какъ я скорѣй думаю, потому что эти наемные варяги сами отправляли теперь военную службу вмѣсто землевладѣльцевъ и защищали сѣверныя области Россіи противъ нападеній своихъ же единоземцевъ; ибо о *fretho panning*—сборѣ за княжескую защиту или покойное владѣніе, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Уже Рюрикъ, въ качествѣ верховнаго обладателя страны, построилъ многіе города, въ которые посадилъ своихъ бояръ или знатнѣйшихъ мужей, и далъ имъ власть надъ окрестными странами. Такихъ городовъ, вѣроятно, было до того времени не много въ Россіи. То же самое было и въ Германіи, и притомъ позже. Генрихъ I (ум. 926) впервые построилъ тамъ крѣпости противъ вторженія венгровъ. И объ итальянскихъ норманнахъ разсказывается, что, прибывъ въ Италію, они обратили въ крѣпостцы многочисленныя виллы, до того времени остававшіяся беззащитными.

„... Но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья оставили Новгородъ и избрали своимъ мѣстопребываніемъ занятый ими Кіевъ—отчего впослѣдствіи южныя провинціи и назывались нѣкоторое время преимущественно передъ другими Русью—они чувствовали себя гораздо менѣе стѣсненными въ своей власти, чѣмъ прежде. Желаніе расширить ее было въ нихъ естественно. Здѣсь они могли ввести многія учрежденія и перемѣны, которыхъ требовало время и которыя казались имъ полезными и необходимыми; кромѣ того, они могли отмѣнить многія злоупотребленія. Можетъ быть, это-то обстоятельство много и содѣйствовало тому, что они избрали Кіевъ своей резиденціей и главнымъ городомъ, потому что въ завоеванныхъ областяхъ правительственное устройство необходимо должно было организоваться иначе, нежели въ Новгородской избирательной общинѣ, гдѣ князья, если и не были ограничены договорами, то должны были сохранять древніе обычаи. Можетъ быть, поэтому уже въ 970 году ни одинъ князь не хотѣлъ княжить въ Новгородѣ, такъ что Святославъ, котораго новгородцы просили объ одномъ изъ его сыновей, говоритъ: „да, еслибъ захотѣлъ кто идти къ вамъ!"

И это древнее устройство, на которое нападали часто и сильно, несмотря на то, удержалось до великаго князя Іоанна Васильевича: можетъ быть, оно продолжалось бы и долѣе, еслибъ новгородцы не вздумали тогда отложиться отъ Рюрикова рода и не захотѣли подчиниться великому князю Казимиру. Только тогда Іоаннъ Васильевичъ формально объявилъ имъ войну, прославъ складную граммоту. Напротивъ, въ странахъ, завоеванныхъ первыми преемниками Рюрика, они, конечно, воспользовались правами побѣдителей, и можно думать, что они господствовали здѣсь почти такъ же, какъ датскій король, Кнутъ, въ Англіи.

„Въ этихъ-то провинціяхъ они имѣли несравненно больше средствъ, чѣмъ въ первоначальной Руси, наградить по заслугамъ и желанію своихъ алчныхъ друзей и военныхъ товарищей, съ помощью которыхъ особенно вели войны и совершали завоеванія,—наградить ихъ раздачею регалій, наслѣдственными имѣніями и ленами, или золотомъ и серебромъ. Но съ расширеніемъ власти нашихъ князей, и потребности ихъ стали гораздо значительнѣе. Чтобъ сколько-нибудь удовлетворить алчности своихъ добровольныхъ военныхъ товарищей, для чего подати не всегда были достаточны, ибо дружинники служили не иначе, какъ за высокую плату, и тогда могли быть вербованы въ большомъ количествѣ—князья необходимо должны были стараться увеличить свои доходы и обогатиться какъ можно болѣе. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ знатными и простыми обладало то же желаніе, и то, что императоръ Константинъ Багрянородный разсказываетъ о ненасытимой алчности сѣверныхъ народовъ вообще, въ особенности примѣнимо къ скандинавамъ и руссамъ [1])...

„... Въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ русскими великими князьями было основано много такихъ крѣпостей (см. выше). О нихъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о зимнихъ квартирахъ руссовъ. „Трудное зимнее путешествіе руссовъ бываетъ такое. Когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, князья ихъ тотчасъ выступаютъ изъ Кіева со всѣми руссами (вѣроятно большая часть дружины съ ея предводителями) и уходятъ въ городки, называемые *гирами*, а именно: въ славянскія мѣстечки (имена племенъ пропускаетъ Кругъ и въ выноскѣ выписываетъ мѣсто изъ фульдскихъ лѣтописей; quia certum latorem non habui, scribere nolui. Melius est enim tacere quam falsa loqui)... и другихъ славянъ, платящихъ дань руссамъ. Кормясь тамъ въ продолженіе всей зимы, они, начиная съ апрѣля, когда пройдетъ въ Днѣпрѣ ледъ, снова спускаются въ Кіевъ“. Константиновы γῦρα, кажется, и суть такія крѣпости: и въ средневѣковой латини они называются *Gyrones, Girones*,—вѣроятно родъ крѣпостей, которыя, несмотря на то, что были очень просты, все-таки были превосходныя зданія въ сравненіи съ жилищами славянъ, среди которыхъ стояли, и вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію защищать отъ нападеній. Сюда-то отправлялись зимой руссы съ своими предводителями. Многія области, въ которыхъ они построили эти крѣпостцы, можетъ б
именно въ это время года и были завоеван
поэтому можно предполагать, что на тѣхъ слав
которымъ побѣдители оставили свободное влад
землями, наложена была за это обязанность
держать на свой счетъ побѣдителей, проживавш
здѣсь съ того времени по зимамъ, въ теченіе н
мѣсяцевъ, отъ начала ноября до апрѣля. Уже н
раторъ Маврикій хотѣлъ заставить славянъ да
своимъ войскамъ провіантъ въ продолженіе
зимы и послать войска въ ихъ земли; но это
дало поводъ къ возстанію, вслѣдствіе котораго
потерялъ престолъ. Но тутъ обстоятельства б
другія. Славяне были не враги, а подданные
совъ, обложенные данью; притомъ у скандинав
издавна было въ обычаѣ суровое время года, ко
нельзя было предпринимать походовъ ни сух
путемъ, ни водою, проводить въ своемъ отечес
гдѣ рѣки и заливы въ продолженіе нѣсколь
мѣсяцевъ были покрыты льдомъ, или внѣ от
ства въ зимнихъ лагеряхъ, гдѣ пища и питье б
достаточно обезпечены, или откуда они могли
бывать жизненные припасы покупкой или гр
жомъ. Уже около половины IX вѣка, часто упо
нается, въ какихъ мѣстахъ Англіи языческое вой
каждый разъ располагалось зимнимъ лагеремъ.
же во Франціи и въ Германіи. Столько, даже
важнаго, разсказывается о норманнахъ въ чуж
земляхъ, тогда какъ мы, къ сожалѣнію, почти
чего не знаемъ о томъ, что они дѣлали у нас
а у насъ они, конечно, играли гораздо больш
роль, чѣмъ гдѣ либо. Съ какимъ тщаніемъ долж
мы собирать отдѣльныя извѣстія, въ которыхъ
вершенно случайно разсказывается что-нибудь
носящееся къ этому предмету!“

Все, что здѣсь говоритъ Кругъ, ка
видятъ сами читатели, очень любопыт
особенно, когда знаешь, что выводы сд
жены безчисленнымъ множествомъ вы
сокъ изъ скандинавскихъ и другихъ с
дневѣковыхъ источниковъ, и почти каж
слово подтверждено ясными доказательства
Какъ ученая работа, эта статья имѣетъ
сомнѣнныя достоинства. Но возстановля
ли она исторію нашей древнѣйшей Ру
Вотъ въ чемъ мы позволяемъ себѣ сом
ваться! Гдѣ источники почти ничего не
ворятъ, тамъ гипотезы, аналогіи, вѣрои
подозрительны. Замѣтимъ, что норманск
эпоха русской исторіи есть особенное, искл
чительное историческое явленіе. О ней сп
спорятъ, норманская она или нѣтъ. О
не оставила никакихъ слѣдовъ въ нашей
слѣдующей жизни, ибо по близкому сходст
древнѣйшаго славянскаго и германскаго бы
учрежденія и обычаи ничего не говор
въ пользу того или другого мнѣнія; сколь
учрежденій и обычаевъ считались сначал
несомнѣнно скандинавскими, а при ближ
шемъ изслѣдованіи оказались славянскими

[1]) Подъ руссами авторъ вездѣ разумѣетъ пришедшихъ къ намъ норманновъ.

ю крайней мѣрѣ, еще не знаемъ ни
о юридическаго явленія въ такъ назы-
й варяжской Руси, которое не объяс-
ь бы одинаково обоими элементами.
такой неизвѣстности, при скудости из-
й, принять за основаніе, что наши древнія
денія — скандинавскія, и подыскивать
имъ мѣста изъ скандинавскихъ источ-
ъ—трудъ, конечно, не безполезный, но
не рѣшаетъ вопроса. Тотъ, кто пойдетъ
мысли, что эти учрежденія были сла-
ія, и станетъ къ нимъ подъискивать
изъ славянскихъ памятниковъ, най-
и съ ними удивительное сходство. На-
же, наконецъ, сознаться, что пока не
ъ открыты новые источники—туземные
иностранные, описывающіе тогдашнюю
—кромѣ предположеній, ничего нельзя
ть о ней. Еслибъ эта эпоха была переры-
между подробными предыдущими и по-
ющими данными, еще можно было бы
новить догадками связующія, но поте-
ія для потомства нити, хотя исторія
тавляетъ намъ не одинъ примѣръ,
часто и тутъ гипотезы бываютъ оши-
. А здѣсь—ничего неизвѣстно передъ
аніемъ варяговъ; когда же начинаются
бныя извѣстія, и слѣдъ варяговъ проп-
Мы далеки отъ мысли обвинять Круга
о методъ изслѣдованій и ученые пріемы.
онъ писалъ, на предметъ смотрѣли
, многаго не знали изъ того, что те-
знаютъ. Но его начитанность и кри-
невольно вводятъ въ соблазнъ, противъ
аго нельзя довольно предостерегать.
снованіи ихъ лежитъ недоказанная
еза,—вотъ чего не надо никогда забы-
чтобъ не сбиться съ толку.

„Ueber die Gridba der früheren Russi-
Fürsten, verglichen mit dem Institut
Hirdmannen in Skandinavien". Наши
и, гридьба — скандинавскіе *гирдманы*,
ранители, стража князей и другихъ
ыхъ лицъ. У Снорре есть извѣстіе, что
ное установленіе существовало и въ
; это придаетъ особенный историческій
есъ изслѣдованіямъ Круга. Кнутъ стар-
ум. 1036) имѣлъ около себя многочи-
ую стражу (hirdh), набранную изъ всѣхъ
ъ, надъ которыми онъ былъ королемъ.
остояла большею частію изъ датчанъ,
инимались и посторонніе. Въ особен-
Кнутъ избиралъ тѣхъ, которые отли-
ь знатной породой или состояніемъ;
они должны были на свой счетъ запасаться великолѣпнѣйшимъ оружіемъ и соперничали въ этомъ между собою, что дѣлало для небогатыхъ невозможнымъ принадлежать къ составу этого отряда. Но гирдманны получали огромное жалованье, которое платилось имъ помѣсячно. Ихъ было три тысячи человѣкъ, потомъ до шести тысячъ. Въ 1018 или 1019 году, Кнутъ, съ помощью *разумныхъ* мужей, составилъ для нихъ уголовный уставъ (Witherlogh или Vitherlag), возобновленный въ концѣ XII вѣка датскимъ королемъ Кнутомъ VI. Въ Англіи эта стража называлась Thingamenn, Thingmanna, Tingilih, въ Скандинавіи Hirdmenn. Въ Норвегіи, въ числѣ прислуги находились придворные разныхъ названій, не получавшіе ни жалованья, ни содержанія отъ короля, и, что весьма замѣчательно — *гости* (hospites, gestir), получавшіе половину жалованья противъ гирдманновъ. *Слы* и *гостье*, встрѣчающіеся въ договорахъ нашихъ князей съ греками, получаютъ чрезъ это новое объясненіе. Гирдманны были изъ самыхъ приближенныхъ короля, днемъ и ночью хранили его, участвовали въ королевскихъ пирахъ и обѣдахъ, во всѣхъ собраніяхъ, судебныхъ и законодательныхъ, подобно ближайшимъ родственникамъ, и были какъ бы правителями королевства. Изъ мѣстъ нашей лѣтописи о гридяхъ, гридьбѣ, гридняхъ, можно заключать, что они были то же самое, что скандинавскіе hirdmann. – Hirdi значитъ охранять, сторожить. Опровергая на этомъ основаніи словопроизводства другихъ изслѣдователей русской исторіи, хотя и принимавшихъ скандинавское происхожденіе гридней, Кругъ весьма основательно замѣчаетъ, что Карамзинъ ошибся, смѣшавъ *гридней съ мечниками*.— Гости, hospites, должны были извѣдывать королевскихъ враговъ и ихъ истреблять; имущество послѣднихъ, которое они могутъ унести съ собою, принадлежитъ имъ, кромѣ золота, составляющаго долю короля. Находясь при королѣ, они стоятъ на стражѣ, кромѣ главной. Сверхъ того, есть еще родъ королевскихъ придворныхъ, которые не имѣютъ стола, не бываютъ часто при дворѣ и ничего не получаютъ, но только состоятъ подъ особеннымъ покровительствомъ короля. Придворные называются вообще Huskarls. Въ договорахъ нашихъ князей съ греками упоминаются *карли*. Не имѣетъ ли это слово отношенія къ скандинавскому устройству нашего первоначальнаго двора?

12) „Bemerkungen zu Achmed Ibn-Foszlan's Gesandschaftsbericht, über Sprache, Religion, Sitten und Gebräuche der heidnischen Russen zu Anfange des X Jahrhunderts". Длинная статья, въ которой изъ разбора извѣстій Ибнъ-Фоцлана о руссахъ и сравненія этихъ извѣстій съ обычаями и нравами скандинавовъ оказывается, что Ибнъ Фоцланъ говоритъ о руссахъ-скандинавахъ. Изслѣдованія и толкованія, которыя здѣсь находимъ, очень любопытны, хотя вообще теперь уже не новы.

13) „Ueber das alte nordische Julfest, welches im X Jahrhundert unter dem Namen τὸ Γοτθικὸι auch am Hofe zu Konstantinopel gefeiert ward". Въ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора (de Cerimoniis aulae Byzantinae), составленномъ въ половинѣ X в., говорится о праздникѣ, называемомъ готскимъ, который отправлялся въ Константинополѣ во время святокъ въ императорскомъ дворцѣ. Готскимъ назывался онъ потому, что въ немъ главную роль играли готы. Въ числѣ разныхъ дѣйствій, его сопровождавшихъ, между прочимъ разсказывается, что готы ударяли прутьями по щитамъ и шумѣли, крича „туль, туль". Текстъ пѣсенъ до насъ дошелъ съ толкованіями; но послѣднія, очевидно, позже вошли въ составъ описанія церемоній, а первый такъ неправиленъ, что его понять нельзя. Было предложено много догадокъ въ объясненіе этого праздника и его происхожденія, но онѣ не удовлетворительны. Кругъ думаетъ, что, вмѣсто *туль*, должно читать *юль*, и что, слѣдовательно, готскій праздникъ есть не что иное, какъ сѣверный праздникъ Юля, Іола, извѣстный тамъ доселѣ и празднуемый въ то же время. Отсюда онъ выводитъ, что и наша *коляда* въ связи съ этимъ праздникомъ и происходитъ отъ *юль* и *ѣда*; отсюда же, по его мнѣнію, происходятъ слова: „гулять, колдовать, коливо, куличь, кулебяка", даже названія „Колывань, Коллебягъ и Голяды"—послѣдніе отъ „Голь, Юль и ядь"; слѣдовательно, голяды не народъ, а поклонники Юля. Что большая часть изъ этихъ словъ находятся и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, это не смущаетъ Круга. Корень ихъ, говоритъ онъ, не славянскій. Вся эта этимологія очевидно натяжка, порожденная односторонимъ взглядомъ на скандинавскій характеръ первой эпохи нашей исторіи, въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ происхожденія и сходства народныхъ обычаевъ и преданій.

15) „Ueber die Bäder der russischen Geschäftsträger zu Konstantinopel im X Jahrhundert". Въ договорѣ Олега съ Греками одной статьей постановлено, гостямъ „да творятъ... *мовь* елико хотятъ". Нѣкоторые думали, что *мовь* значитъ здѣсь рѣчь, слова, разговоръ. Толкованіе очевидно ложное. Карамзинъ переводитъ статью такъ: „они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани". Въ опроверженіе такого толкованія, Кругъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія о церемоніяхъ (89 глава, стр. 234). „Баня въ томъ домѣ, гдѣ онъ (персидскій посолъ въ Константинополѣ) будетъ жить, или въ сосѣднемъ, должна быть изготовлена такъ, чтобъ онъ самъ и тѣ, которые съ нимъ, могли мыться, когда хотятъ, и чтобъ баня была открыта для нихъ однихъ". Отсюда Кругъ выводитъ и, какъ кажется, весьма основательно, что въ приведенныхъ словахъ Олегова договора идетъ рѣчь о привилегіи, вообще предоставляемой въ Константинополѣ посламъ тѣхъ народовъ, которыхъ Греки особенно боялись, а именно о привилегіи имѣть отъ византійскаго правительства особенную баню.

15) „Ueber die Rangordnung im späteren Griechenland und im früheren Russland". Нѣсколько замѣтокъ о сходствѣ византійскаго устройства и управленія съ русскимъ. Онѣ совершенно необработаны, но любопытны. Какъ у насъ, такъ и въ Греціи было восемь степеней чиновъ. Впрочемъ, это сближеніе поверхностно. Интереснѣе вотъ что. „Болѣе, чѣмъ вѣроятно (еслибъ мы и не имѣли прямыхъ извѣстій), что при послѣдующемъ (послѣ Ольги) еще большемъ сближеніи между Греціей и Россіей, когда весьма многое введено въ послѣднюю вмѣстѣ съ вѣрой, у насъ мало отступали отъ церемоніала византійскаго двора. Примѣръ представляютъ коронаціи, даже до позднѣйшаго времени. Стоитъ только сравнить вѣнчаніе на царство Алексѣя Михайловича съ коронаціей императора Мануила Комнина. Да и сколькихъ обычаевъ, существующихъ у насъ до сихъ поръ, должно искать начала въ Греціи! Такова, напримѣръ, выдача жалованья по третямъ; самое слово *жалованье* буквально переведено съ византійскаго *largitiones*".

16) „Eupraxia, Tochter des Grossfürsten Vsevolod, Gemahlin des Kaisers Heinrich des

Неоконченное изслѣдованіе объ Евпракочери Всеволода Ярославича, и супругркграфа штадтскаго, а потомъ императора Генриха IV. Несчастная судьба ея изза (Карамзинъ, Т. II, стр. 97 и прим. по 1-му изданію). Она развелась съ ихомъ и скончалась въ Россіи. „Поводъ гому сочиненію", говоритъ г. Куникъ, лъ канцлеръ Румянцевъ, который поъ одному молодому человѣку собрать зныхъ иностранныхъ библіотекахъ изи объ Евпраксіи. Эти свѣдѣнія были кены и обработаны Кругомъ. Его изванія дошли до насъ въ двухъ редак, изъ которыхъ ни одна не полна, такъ долженъ былъ отпечатать и перераныя выписки изъ источниковъ".

„Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslavitsch und der Nowgoroder mit Deutschen, Gotländischen und Wälschen ahrern vom Jahr 1269". Хронологичеи этимологическія объясненія договора ава Ярославича и новгородцевъ съ цкими и готландскими купцами (1269 г.), аннаго на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи и щагося въ любекскомъ архивѣ; копія его снята по порученію канцлера Рувва; кромѣ того, онъ отпечатанъ у Сари вновь въ 1843 въ Codex diplomaticus ensis.

„Ueber die Библіотека иностранныхъ елей о Россіи, herausgegeben von B. Seъ". Въ небольшомъ вступленіи къ этой , Кругъ опредѣляетъ значеніе иныхъ писателей о Россіи, какъ одного ажныхъ источниковъ русской исторіи. какъ до временъ Петра I-го, говоритъ мало писали въ самой Россіи, исключая лярій, то многое заслуживающее вни, особенно о нравахъ и обычаяхъ, и каеся туземцамъ совершенно обыкновен, потому что встрѣчалось ежедневно, узнать почти исключительно черезъ ъ иностранцевъ, которые лучше видѣли, что взглядъ ихъ не притупился привыч подробное знакомство съ отечествомъ, но, усиливаетъ любовь къ нему. Поиздатели разбираемой книги хотятъ соть своимъ соотечественникамъ не только ный текстъ многихъ писателей XV, XVI вѣка, говорившихъ о Россіи, но перего на русскій языкъ и снабдить предіями и объяснительными примѣчаніями. рно, это весьма полезное и похвальное предпріятіе, если удовлетворительно выполнено. Уже одно изданіе подлинниковъ, служащихъ для повѣрки точности переводовъ, доступность ихъ для каждаго любителя за дешевую цѣну, и соединеніе ихъ въ одной книгѣ было бы заслугой, ибо многія изъ этихъ сочиненій хранятся теперь только въ однѣхъ большихъ библіотекахъ. Они содержатся частью въ рѣдкихъ собраніяхъ, состоящихъ часто изъ многихъ фоліантовъ, или, наоборотъ, представляютъ отдѣльныя небольшія книжечки, изданныя одинъ разъ и мало-по-малу вышедшія изъ оборота".

Всѣ, даже поверхностно знакомые съ учеными изданіями историческихъ памятниковъ, знаютъ, какъ неудовлетворительна въ этомъ отношеніи „Библіотека" г. Семенова. Исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ самымъ непритязательнымъ требованіямъ. Текстъ и переводъ исполнены ошибокъ и опечатокъ; примѣчанія составлены безъ необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній. Словомъ, въ ученомъ отношеніи, это весьма неудачное изданіе. Можно представить себѣ, какъ должно было оно показаться Кругу, когда даже тѣмъ, которые далеко не такъ близко знакомы съ требованіями науки, недостатки „Библіотеки" бросаются въ глаза. Выказавъ ея главные недостатки и подтвердивъ свое мнѣніе многими очевидными примѣрами и доказательствами, Кругъ говоритъ въ заключеніи: „Несмотря на то, что такимъ образомъ многое въ трудѣ г. Семенова я нахожу неудовлетворительнымъ, я все-таки полагаю справедливымъ, по рѣдкости подобныхъ явленій въ русской литературѣ, присудить ему демидовскую премію въ 2500 рублей, — частью для того, чтобъ его самого поощрить къ продолженію полезнаго предпріятія, частью, чтобъ другимъ молодымъ людямъ подать поводъ заниматься изслѣдованіями русской исторіи и древностей". Этотъ отзывъ представленъ академіи въ 1837 году. Въ немъ собрано много интересныхъ данныхъ для древней русской исторіи.

19) „Fragmente einer russischen Chronologie". Отрывки изъ хронологическихъ таблицъ, составленныхъ Кругомъ, но недошедшихъ до насъ вполнѣ. (Подробное обозрѣніе его хронологическихъ изслѣдованій по русской исторіи и судьбы ихъ сообщилъ г. Куникъ. Смотри стр. CCXXXIV—CCXXXVI).

20) „Ueber die Aerzte im früheren Russland". Въ „Краткой россійской исторіи" ска-

зано, что до Іоанна IV въ Россіи не было врачей и аптекарей. Кругъ приводитъ длинный рядъ фактовъ, начиная со временъ Юрія Долгорукаго до присылки врачей Елисаветой англійской, которыми доказывается, что они были у насъ издавна.

21) „Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten". Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны три отчета Круга, представленные академіи. Первый „Ueber die historischen Arbeiten in Russland von 1815—1820" (Обозрѣніе историческихъ трудовъ въ Россіи съ 1815 — 1820 года) составленъ по порученію Академіи наукъ. Австрійскій историографъ баронъ Гормайръ (Hormayr) желалъ знать, что̀ сдѣлано въ Россіи съ 1815 года для русской исторіи вообще, что̀ въ особенности для сохраненія и дальнѣйшихъ открытій памятниковъ древности и среднихъ вѣковъ; но всего болѣе, что̀ сдѣлано для исторіи славянскихъ народовъ съ VI по IX вѣкъ. Это желаніе онъ выразилъ въ письмѣ къ статсъ-секретарю, графу Каподистрія, который передалъ его министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, а послѣдній предложилъ академіи. Статья Круга представляетъ любопытные матеріалы для библіографіи и исторіи изученія русской исторіи. Вторая: „Auszug aus dem Bericht über Jos. von Hammer's Geschichte der goldenen Horde". Въ 1808 году, по предложенію Лерберга, объявлена темой на академическую премію исторія монгольскаго владычества въ Россіи. Въ 1826 году, по случаю празднованія столѣтняго юбилея, академія возобновила эту задачу, и черезъ нѣсколько лѣтъ повторила ее, потому что доставленное разсужденіе оказалось неудовлетворительнымъ. Поэтому поводу Гаммеръ написалъ свою „Исторію Золотой кипчакской орды", или „Монголы въ Россіи". Кругу поручено было разсмотрѣть тѣ части рукописи, которыя составлены по русскимъ лѣтописямъ и историкамъ, и представить объ нихъ свое заключеніе. Кругъ нашелъ, что Гаммеръ не совершенно удовлетворительно воспользовался русскими источниками и данными. Третья: „Bericht über M. Pogodin's Nestor". Это отзывъ о изслѣдованіяхъ г. Погодина о Несторѣ. Кругъ отзывается съ большими похвалами объ ученомъ трудѣ г. Погодина, и находитъ, что онъ вполнѣ достоинъ демидовской преміи.

Вотъ все, напечатанное г. Куникомъ изъ бумагъ Круга. Въ критической статьѣ, посвященной общему обозрѣнію книги, мы не могли останавливаться подробно надъ всѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ изданныхъ теперь трудахъ Круга, или что̀ повѣрно, сомнительно; прибавимъ къ этому, что было бы несправедливо строго судить эти труды, изданные не самимъ авторомъ и много лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были написаны.

Несмотря на то, изданные десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, они имѣли бы интересъ новости. Множество объясненій, намековъ, гипотезъ, которыя теперь стали общимъ достояніемъ науки и всѣмъ извѣстны, находимъ у Круга, и часто въ статьяхъ, уже давно написанныхъ. Это показываетъ, какъ глубоко онъ смотрѣлъ на предметъ. Чтобъ оцѣнить достоинство изданныхъ теперь изслѣдованій, не должно смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія теперешней науки русской исторіи. Теперь, конечно, эти изслѣдованія не представляютъ особенной важности. Исходная точка изслѣдованій Круга не вполнѣ вѣрна и напоминаетъ старую школу. Объясненія и гипотезы большею частью уже извѣстны или опровергнуты. Кругъ былъ послѣдній замѣчательный представитель старо-академической школы критическихъ писателей по русской исторіи. Его послѣдователи, въ томъ числѣ г. Погодинъ, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ очень много общаго съ историческимъ взглядомъ Круга, пошли далѣе. У г. Погодина, какъ мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, есть уже предчувствіе русской исторіи въ ея высшемъ значеніи, есть стремленіе къ живому, цѣльному пониманію русской исторіи, которое онъ, къ сожалѣнію, часто преслѣдуетъ и порицаетъ въ другихъ. Въ Кругѣ было гораздо болѣе терпимости, гораздо менѣе предубѣжденій...

Въ концѣ книги, въ особомъ прибавленіи, находимъ историко-этнографическія замѣчанія или, правильнѣе, опроверженія нѣкоторыхъ мѣстъ Круговыхъ изслѣдованій. „Я уже прежде объяснилъ", говоритъ г. Куникъ, авторъ замѣчаній: „почему намѣревался въ концѣ книги сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на Круговъ анализъ народныхъ именъ (варяговъ, руссовъ, дромитовъ и фаргановъ). Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что гипотеза Круга о греческомъ происхожденіи названія россъ и усвоеніи его норманнами и славянами уже прежде проникла въ русскую, нѣмецкую и французскую литературы. Многія соображенія Круга въ самомъ дѣлѣ такъ

изнительны, что теперь, когда читатель
ѣтъ обозрѣвать ихъ вполнѣ, они легко
гъ увеличить запутанность, къ сожалѣ-
еще до сихъ поръ господствующую въ
шеніи къ этимъ названіямъ въ истори-
ой этнографіи.

Кругъ очевидно слишкомъ мало обратилъ
анія на формы этихъ названій со сто-
грамматической, т.-е. съ точки зрѣнія
ріи языка. А историческая этнографія
ходимо должна быть построена на этомъ
заніи, если хотимъ, чтобъ она привела
нецъ къ болѣе прочнымъ результатамъ
тельно историческихъ отношеній отдѣль-
племенъ между собою, а именно, ихъ
ленія и взаимнаго вліянія другъ на дру-
Нѣмъ болѣе историческая этнографія бу-
принимать за точку отправленія исто-
скую грамматику, тѣмъ общѣе станетъ
деніе, что можно открыть первоначаль-
форму многихъ этнографическихъ на-
й древности и среднихъ вѣковъ, но да
не всегда—смыслъ этихъ названій: что
ста названій народовъ едва-ли можно съ
щью исторіи и грамматики объяснить ка-
-нибудь три или пять изъ нихъ; разитель-
подтвержденіемъ этой мысли служатъ
ре народныя названія, изслѣдованныя
омъ; для нихъ источники представляютъ
ый филологическій и историко-этногра-
скій матеріалъ, и, несмотря на то, до
поръ съ полной достовѣрностью можно
снить значеніе только одного изъ этихъ
аній, а именно, дромитовъ".

держаніе замѣчаній и поправокъ г. Ку-
въ короткихъ словахъ заключается въ
ющемъ. Названіе *варяговъ* произошло не
ссіи отъ глагола *варяю*, а дается древне-
ными писателями исключительно нор-
амъ, служившимъ въ Греціи. О *фарга-*
упоминается въ греческихъ историкахъ
гѣ съ турецкими козарами и мадьярами.
принадлежали къ конницѣ, и, по всѣмъ
тностямъ, были собственно турки, ко-
тогда все болѣе и болѣе проникали
ѣдъ изъ верхней Азіи. Названіе они
получитъ отъ Фарганы, главнаго го-
турецкаго ханства того же имени (въ
ѣшнемъ Коканскомъ ханствѣ). Слѣдо-
льно, фарганы не имѣютъ ничего общаго
рингами и, слѣдовательно, никакого от-
нія къ русской исторіи. Вопросъ: почему
которыхъ византійцевъ Игоревы руссы
ны *дромитами*, былъ предметомъ мно-
жества гипотезъ. Изъ напечатанныхъ греческихъ писателей, объ нихъ упоминаютъ только два: Симеонъ Логоѳетъ или Метафрастъ и неизвѣстный продолжатель Ѳеофана. Но первый изъ нихъ, по изслѣдованіямъ г. Куника, представляетъ лишь второстепенный историческій источникъ для событій X вѣка, и оба заимствовали извѣстіе о дромитахъ изъ древнѣйшаго источника. Δρομίτης грамматически и лексически не можетъ быть существительнымъ нарицательнымъ, происходящимъ отъ δρόμον, и быть эпитетомъ приморскаго народа. Δρομίτης — географическое названіе, какъ Τριπολίτης—житель Триполиса, Θουλῖται—жители полуострова Туле, Δρομῖται—были обитатели полуострова, который лежитъ на востокъ отъ устьевъ Днѣпра и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей называется δρόμος Ἀχιλλέως. Римляне и греки не только считали этотъ dromos частью Тавроскиѳіи, но такъ называли его: по крайней мѣрѣ, они думали, что эта береговая страна, или страна, подобная острову, заселена таврами, таврокиѳами и дромитами. Названіе тавровъ и таврокиѳовъ изъ чисто-національнаго впослѣдствіи обратилось въ общее географическое, какъ и названіе скиѳовъ. Тавры были извѣстны своими морскими разбоями и страшной жестокостью. Руссы, отличавшіеся тѣми же свойствами, были сначала названы таврокиѳами по сходству съ ними, а потомъ стали ихъ считать дѣйствительными таврокиѳами. Но таврокиѳы и дромиты были однозначительное названіе; потому послѣднее и придано руссамъ. Наконецъ—Рῶ не греческое слово, и не склоняется, слѣдовательно, не есть ни существительное, ни прилагательное; греки впервые услыхали это названіе въ 838 году отъ пословъ шведскаго племени. Что̀ значитъ это названіе—вопросъ второстепенный, если разъ доказано, что оно искони народное, а не принятое впослѣдствіи отъ другого народа.

Изданіе, вообще говоря, исправно. Однако, тамъ и сямъ попадаются опечатки, даже ошибки; такъ на стр 485 вмѣсто Rurik читаемъ Nestor. Нельзя также не пожалѣть, что не сдѣлано къ книгѣ подробнаго алфавитнаго указателя предметовъ и словъ. Манера Круга наполнять каждую статью эпизодами, отступленіями, побочными мимоходными замѣтками, дѣлаетъ такой указатель къ его сочиненіямъ совершенно необходимымъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей.

(Отеч. Записки, 1848. кн. 12).

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи императорскаго московскаго университета,

17 Іюня 1847 года. Москва. 1847.

Въ составъ этой книжки вошли: рѣчь О. П. Лешкова „О древней русской дипломатіи", рѣчь О. П. Анке „de Hippocratis praeceptis, nostra aetate valentibus" (о положеніяхъ Ипократа, имѣющихъ силу въ наше время); наконецъ „Краткій отчетъ о состояніи университета за 1846—47 академическій годъ".

Рѣчь г. Лешкова по истинѣ странное явленіе! Она написана не дурно, съ знаніемъ дѣла, начитанностью; въ ней есть много любопытнаго, если хотите,—и въ то же время нельзя читать ее безъ удивленія. Это типичное произведеніе отвлеченной учености, которая ко всему безразлично приступаетъ съ извѣстными, заранѣе готовыми формулами, что́ бы это ни было, и съ наивною важностью судитъ одинаково о предметахъ самыхъ разнородныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Еще Пушкинъ, въ высшей степени обладавшій живымъ взглядомъ на вещи, вооружался противъ этой манеры: его „Лѣтопись села Горохина"—геніальная сатира на историческія и научныя уродливости; но его урокъ, судя по рѣчи г. Лешкова, мало принесъ намъ пользы. На каждой страницѣ встрѣчаемъ: „дипломатія Россіи въ варяжскій періодъ"; „дипломатическія сношенія съ половцами, монголами, удѣльныхъ князей между собою". Боже мой! Дипломатическія сношенія Святополка, Михаила и Давида съ Васильком! Игоря съ древлянами! Ужъ не было ли, въ самомъ дѣлѣ, „дипломатическихъ" сношеній съ тѣми финнами, которыхъ капища были разрушены и идолы ниспровергнуты въ Ростовѣ?.. Скажите человѣку, одаренному простымъ здравымъ смысломъ, у котораго голова не засорена ложно-понимаемою ученостью,—скажите ему, что Рюрикъ, Олегъ, Святославъ имѣли „дипломатическія" сношенія,—онъ засмѣется и не станетъ васъ слушать. На такіе отвѣты ученые смотрятъ обыкновенно съ величавымъ презрѣніемъ; но *какъ* они не правы! Въ такихъ отвѣтахъ справедливый протестъ живого пониманія вещей противъ отвлеченнаго схоластицизма. И какъ онъ невыгоденъ для науки! Непосвященные въ таинства формальнаго взгляда на вещи, не знающіе, что такой взглядъ—далеко не дѣйствительная, нормальная наука,—тѣ смотрятъ на нее недовѣрчиво, отрицаютъ ея существованіе, основываясь на сочиненіяхъ, подобныхъ рѣчи г. Лешкова. Если они заблуждаются, такъ это вина подобныхъ сочиненій. Дѣйствительная, живая наука говоритъ, что дипломатія, международныя отношенія, возможны только съ того времени, когда народъ выработалъ въ себѣ понятіе о правѣ, юридическіе элементы: далѣе, когда тѣ народы, съ которыми они сносятся, находятся точно на такой же степени развитія. На этомъ основаніи, конечно, мы ужъ имѣли дипломатическія сношенія, начиная отъ Ивана III и въ особенности Ивана IV, съ европейскими государствами, но не имѣли ихъ никогда съ сибирскими инородцами, киргизами, тѣмъ менѣе съ половцами, печенѣгами и косогами въ варяжскій періодъ. Г. Лешковъ не принимаетъ этихъ различій. Исполненный формальной учености, онъ не обращаетъ вниманія на основное начало, которое даетъ жизнь и значеніе всему остальному: есть договоръ—вотъ и дипломатическое сношеніе; есть война—вотъ и военное международное право. Оттого, съ крайней тщательностью и трудолюбіемъ обработана у него вся внѣшняя часть международныхъ отношеній въ древней Руси: формы договоровъ, сношеній, каковы были посольства и т. д.; но внутренняя сторона или вовсе опущена, или развита весьма неудовлетворительно. Она и понятно. Изслѣдуя послѣднюю и не находя въ ней ничего, г. Лешковъ долженъ былъ вдаться въ натяжки, или отказаться отъ предпріятія. Отчего жъ было прямо не высказать этого? Нельзя: наука, видите, имѣетъ свои вѣчные, непреложные законы, которые

повторяются вездѣ. Или авторъ о томъ и вовсе не думалъ?—это гораздо вѣроятнѣе... Скажемъ въ заключеніе, что рѣчь г. Лешкова, какъ собраніе матеріаловъ, имѣетъ свои достоинства, но, какъ ученое сочиненіе—совершенно незначительна, и болѣе затемняетъ, чѣмъ раскрываетъ истину.

Совсѣмъ другое представляетъ коротенькая, но прекрасная рѣчь г. Анке. Это антиподъ рѣчи г. Лешкова. Какъ послѣдняя всячески ставитъ предметъ на ученыя ходули, заковываетъ въ нѣмецкую систему, вовсе ему несвойственную и чуждую, такъ первая, напротивъ, обнаруживаетъ стремленіе упростить взглядъ, противодѣйствовать узенькимъ теоріямъ и поставить читателей и слушателей въ самое близкое, прямое отношеніе къ природѣ, безъ посредства головныхъ представленій, вносящихъ въ предметъ чуждое ему, непринадлежащее. Въ концѣ рѣчи, обращаясь къ студентамъ медицинскаго факультета, г. Анке повторяетъ мысль, на которой основана рѣчь его. „Если (говоритъ онъ) возбужденные изученіемъ этой истины, вы обратите трудъ и силы на медицину, то легко убѣдитесь, что изъ всѣхъ теорій лучшая—не полагаться ни на какую теорію, а полагаться на вещи и природу“.

Такую истину отрадно читать въ наше время, когда произвольныя, не изъ предмета взятыя системы губятъ здравый смыслъ и забиваютъ его въ колодку.

(Отеч. Записки, 1847).

Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи.

Изданное по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ. 1848.

Книга г. Фундуклея безспорно—одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній русской археологіи въ текущемъ году. Всѣмъ, кто хоть поверхностно слѣдилъ за ходомъ нашей исторической литературы, извѣстно, какое вниманіе, особенно въ послѣднее время, обратили на себя могилы или курганы, городища и другія насыпи, подъ разными названіями, во множествѣ находимыя во всей Россіи. Это вниманіе объясняется и оправдывается значеніемъ насыпей. Разрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, сначала случайное или въ надеждѣ найти кладъ, потомъ систематическое, съ ученой цѣлью, привело къ заключенію, что онѣ—памятники отдаленнѣйшей эпохи исторіи, отъ которой намъ не сохранилось никакихъ данныхъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство придаетъ городищамъ и могиламъ особенную важность. Какъ единственные остатки безслѣдно-исчезнувшаго міра и быта, они представляютъ матеріалъ для историческаго изслѣдованія эпохи, которая безъ нихъ осталась бы для насъ совершенно недоступной и неизвѣстной.

До сихъ поръ этотъ матеріалъ мало разработанъ. Блистательные труды Ходаковскаго, еще не приведенные въ систему и не повѣренные учеными, сами представляютъ не болѣе какъ матеріалъ для будущихъ изысканій. То же должно сказать о разрытіи могилъ въ южной Россіи, о трудахъ покойнаго В. Пассека, Кеппена и м. д. Въ этой столько темной и необработанной области археологіи каждый новый трудъ, хотя бы онъ былъ не что иное какъ простой перечень матеріаловъ, есть уже большое пріобрѣтеніе. Первоначальная обработка данныхъ, сюда относящихся, еще оставляетъ желать слишкомъ многаго, чтобы можно было уже теперь мечтать о выводахъ, заключеніяхъ, тѣмъ менѣе о возсозданіи этой отдаленнѣйшей древности.

Добросовѣстный издатель „Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“ смотритъ на предметъ съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, „прежде всего должно стараться собрать какъ можно болѣе данныхъ, изъ которыхъ бы можно было дѣлать выводы“; поэтому онъ имѣлъ „въ виду пре-

имущественно собраніе простыхъ данныхъ". Мы не беремъ на себя повѣрять книгу г. Фундуклея или опровергать ея, вообще говоря, осторожные выводы. Для этого мы не имѣемъ ни данныхъ, ни достаточно-спеціальныхъ знаній по этому предмету. Ограничимся однимъ изложеніемъ главныхъ результатовъ изслѣдованій.

Въ книгѣ, изданной г. Фундуклеемъ, собраны мѣстныя свѣдѣнія о могилахъ, городищахъ и другихъ насыпяхъ одной только кіевской губерніи. Въ первомъ отдѣлѣ этого труда эти свѣдѣнія изложены поуѣздно; число и положеніе могилъ, ихъ названія, вещи въ нихъ находимыя, случайныя открытія древнихъ вещей въ землѣ, городища, городки, замковища, валы, пещеры: вотъ порядокъ, въ которомъ собранные матеріалы описываются по каждому уѣзду отдѣльно. Какъ видно, авторъ не только поручалъ особымъ лицамъ собираніе этихъ свѣдѣній, но пользовался показаніями тѣхъ, которые были знакомы съ предметомъ; открытія, сдѣланныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не ускользнули тоже отъ его вниманія. Второй отдѣлъ есть „общій выводъ изъ розысканій о могилахъ, валахъ и городищахъ кіевской губерніи",—другими словами, сводъ данныхъ, перечисленныхъ и описанныхъ въ первомъ отдѣлѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ заключеній и критическихъ изслѣдованій автора. Сколько первый отдѣлъ важенъ для спеціалистовъ, столько второй можетъ быть интересенъ для большинства читателей. Это заставляетъ насъ изложить содержаніе его нѣсколько подробнѣе.

Всѣхъ могилъ въ двѣнадцати уѣздахъ кіевской губерніи насчитано 6239; такъ какъ онѣ не вездѣ довольно подробно осмотрѣны, а нѣкоторыя уже раскопаны и сравнены съ землей и потому не вошли въ счетъ, то авторъ думаетъ, что всего могилъ было вдвое (?) болѣе, а именно 12478. Средняя высота ихъ 2 — 3 саженъ въ отвѣсѣ, но нѣкоторыя несравненно выше; такъ одна въ Липовецкомъ уѣздѣ, теперь снесенная на двѣ трети, еще имѣетъ въ вышину до десяти саженъ.

О могилахъ существовали до недавняго времени различныя мнѣнія. Польскіе писатели дѣлили ихъ на военныя, гробовыя и путеводныя или походныя. Послѣдними назывались тѣ, которыя служили какъ бы указателями пути во время великихъ переселеній народовъ. Но гробы, и притомъ весьма древніе, находимые въ раскопанныхъ могилахъ, уничтожили мнѣніе, будто бы онѣ насыпаны для этой цѣли. Но той же причинѣ оказалось ложнымъ и другое, подобное этому предположеніе, будто могилы насыпаны съ той же цѣлью татарами или поляками. Нѣкоторые, признавая „могилы за гробницы", относили происхожденіе ихъ къ позднѣйшимъ временамъ. Но и это несправедливо. Во-первыхъ, древнія историческія свидѣтельства о могилахъ этому противорѣчатъ; потомъ, обычай насыпать могилы въ христіанскую эпоху не существовалъ; наконецъ преданіе молчитъ о ихъ происхожденіи, а оно бы говорило, еслибъ могилы возникли недавно. Несомнѣннымъ кажется, что онѣ насыпаны народомъ осѣдлымъ, который долго жилъ на одномъ мѣстѣ, и только постепенно, въ продолженіе длиннаго періода времени, могъ размножить эти могилы въ такомъ огромномъ количествѣ. Топографическія наблюденія показываютъ далѣе, что могилы большею частью лежатъ на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ; внутри степей ихъ менѣе; это заставляетъ думать, что есть какая-то связь, постоянное соотношеніе между могилами и мѣстами, которыя въ глубочайшей древности были наиболѣе удобны для селитьбы, а именно, по берегамъ рѣкъ и на возвышенностяхъ, — другими словами, что могилы обозначаютъ мѣста или близость мѣстъ самаго древнѣйшаго населенія. Какой народъ ихъ насыпалъ—нельзя рѣшить. Можетъ быть, отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ изслѣдованіе череповъ, находимыхъ внутри насыпей. Авторъ называетъ эти могилы *скиѳскими*, „желая—какъ онъ самъ говоритъ—показать, что наши (кіевскія) могилы усвоены народу осѣдлому, туземному и самому древнѣйшему". Множество могилъ заставляетъ заключать о бывшей большой населенности края. Наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что могилы насыпались надъ людьми знатными, и судя по одинаковости могилъ равно уважаемыми, приводитъ къ мысли, что народъ, воздвигнувшій эти памятники, находился подъ родовымъ правленіемъ и не зналъ единовластія; въ противномъ случаѣ могилы находились бы въ одномъ мѣстѣ.

По своей наружной формѣ могилы дѣлятся на три категоріи или разряда. Къ первому относятся имѣющія обыкновенную форму, то есть круглыя и съ круглыми верхами. Но и онѣ разнятся часто между собою: одни нѣсколько расширены внизу, у самаго основа-

нія, другія отъ подошвы тотчасъ поднимаются вверхъ дугообразно; есть и овальныя, похожія на скирды; есть и остроконечныя, конусообразныя. „Разныя формы этихъ памятниковъ, безъ сомнѣнія (?), означаютъ собою разное назначеніе ихъ, а можетъ быть, различный народъ и различныя эпохи, къ которымъ слѣдуетъ ихъ относить". Второй разрядъ могилъ составляютъ такъ называемыя *чубатыя*. „Каждая изъ нихъ состоитъ какъ бы изъ двухъ могилъ, одна на другую поставленныхъ такъ, что первая представляетъ какъ бы пьедесталъ, съ свободнымъ обходомъ вокругъ, а другая представляетъ верхъ и притомъ двурогій, съ жолобообразнымъ углубленіемъ, сдѣланнымъ для удобнѣйшаго восхожденія, прямо противъ такого же углубленія, идущаго снизу или отъ перваго яруса могилы. Съ боковъ эти насыпи представляютъ могилу съ четырьмя горбами, похожую на старинный свадебный коровай; а одно это сходство формъ уже переноситъ воображеніе къ древнѣйшимъ временамъ славянщины (?)". Наконецъ могилы третьяго разряда — *раскопанныя* или *майданныя* — представляютъ обыкновенно „кругловатый замкнутый валъ, который пониженіемъ въ одномъ мѣстѣ образуетъ подобіе воротъ или въѣзда. Издали такой окопъ представляетъ продолговатую могилу; но, взошедши на ея верхъ, замѣчаете внутри углубленіе, котораго дно находится на одинакой поверхности съ землею внѣ вала. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ могилахъ этого рода, среди этого внутренняго дола или ямы возвышается опять холмъ, высотою равняющійся, а иногда даже превосходящій внѣшній валъ... Составленную изъ такого круглаго вала могилу окружаютъ почти всегда валы или шанцы, насыпанные въ нѣсколько рядовъ, въ видѣ полумѣсяцевъ. Такихъ рядовъ бываетъ два и три, даже до 6, 7 и болѣе". Эти могилы огромнѣе всѣхъ другихъ.

Внутри могилъ находимы были: катакомбы (въ одной только, въ Чигиринскомъ уѣздѣ), пепелъ и уголья, кирпичъ и пережженная глина, построенные деревянные гробы, многочисленныя доказательства бывшаго трупосожиганія—горшки съ недожженными человѣческими костями, пепельницы, слезницы; лошадиныя кости, человѣчьи черепы одни, безъ остововъ, и наоборотъ, остовы безъ головъ, остовы, обложенные березовой корой или каменьями; кости звѣрей; иногда кости человѣческія необыкновенной величины; сосуды съ изображеніями, по всѣмъ вѣроятіямъ и признакамъ греческіе, и различныя металлическія вещи: стрѣлы, кольца, шлемъ аѳинскій, истуканчики, монеты римскія, греческія, ольвійскія и арабскія. Всѣ эти находки подаютъ автору поводъ къ любопытнымъ и большею частью весьма правдоподобнымъ заключеніямъ. Катакомба свидѣтельствуетъ, что могила служила надгробнымъ памятникомъ, а найденныя въ ней желѣзныя вещи и стрѣлы, въ томъ числѣ одна костяная, по словамъ автора, „заставляютъ относить насыпь этого памятника къ самымъ отдаленнѣйшимъ, безъ сомнѣнія (?) скиѳскимъ временамъ". Пепелъ и уголья, кирпичъ, каменные своды въ могилахъ очевидно опровергаютъ давнее предположеніе, будто могилы были простыми насыпями или путевыми знаками, сторожевыми постами. „Они ясно показываютъ, что если это (могилы) были гробовища, то они принадлежали людямъ до-историческимъ, у которыхъ погребеніе совершалось съ какими-то торжественными, религіозными обрядами, и всего вѣроятнѣе съ жертвоприношеніемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя времена. Зарытіе костей лошадиныхъ вмѣстѣ съ человѣчьими", по замѣчанію автора, тоже „не можетъ быть случайнымъ, но указываетъ на какой-то обрядъ; а потому онѣ принадлежатъ временамъ и народамъ до-христіанскимъ". (Мы бы сказали—народамъ не христіанскимъ, и это было бы несомнѣнно; заключеніе автора не довольно строго). Черепа безъ остововъ, находимые въ могилахъ и на ровныхъ мѣстахъ, подтверждаютъ, по мнѣнію автора, извѣстіе Страбона, объ антропофагахъ и меланхленахъ, которые будто бы съѣдали тѣла умершихъ и погребали однѣ головы,—тѣмъ болѣе, что, на основаніи изслѣдованій г. Надеждина, эти скиѳскіе народы жили въ той самой странѣ, гдѣ найдены эти черепа. Остовы, обложенные берестовой корой, „очевидно касаются временъ до-христіанскихъ, тѣхъ временъ, когда обычаи находились на нижней степени развитія" (?). „Остовы, обложенные каменьями", продолжаетъ авторъ, „не суть ли гробы скандинавскихъ выходцевъ?.. Погребеніе остововъ подъ камнями, сложенными на подобіе гробницы, было въ обычаѣ у скандинавовъ". Присутствіе урнъ и разныхъ вещей работы греческой „показываетъ, до какихъ мѣстъ простирались греческія колоніи; показываетъ

то, что прежде было только предполагаемо, то есть, что колоніи греческія весьма далеко простирались вверхъ по Днѣпру. Кажется, что ваза съ изображеніями (найденная въ могилѣ каневскаго уѣзда) служитъ первымъ свидѣтелемъ, являющимся на защиту такого мнѣнія; имъ устанавливается отношеніе нашихъ могилъ (кіевской губерніи) къ тѣмъ, которыя находятся надъ Евксиномъ, открывается существованіе на этихъ берегахъ Днѣпра народовъ образованныхъ уже въ такія времена, которыя обыкновенно считаются чисто варварскими. По крайней мѣрѣ достойно вниманія, что когда возлѣ могилы, въ которой найдены тѣ издѣлія народа, знакомаго съ искусствомъ и сожигавшаго свои тѣла послѣ смерти,—разрываема была другая могила, стоящая на томъ же полѣ и ни въ чемъ по наружности не отличавшаяся отъ первой, — то въ ней найдены остовы, гробницы, устроенныя изъ деревянныхъ брусьевъ, и остатки варварскаго оружія. Впрочемъ мы знаемъ изъ исторіи, что греки жили разсѣянно между скиѳами; что были поселенія скиѳовъ огречившихся и въ нѣкоторомъ отношеніи уже образованныхъ". Наконецъ остовы въ сидячемъ положеніи, найденные въ нѣкоторыхъ могилахъ, напоминаютъ обычай финскихъ народовъ; и до сихъ поръ подъ Ураломъ встрѣчаются такіе остовы въ землѣ.

Чтобъ уяснить исторію и значеніе могилъ, авторъ прислушивался къ народнымъ преданіямъ; но этотъ, часто богатый, историческій источникъ на этотъ разъ оказался скуднымъ. Это новое доказательство глубокой древности могилъ; очевидно онѣ возникли въ эпоху, не имѣющую ничего общаго съ теперешними жителями страны, если между ними не сохранилось никакихъ преданій о могилахъ. Историческое воспоминаніе замѣнилось въ головѣ простолюдиновъ фантастическими представленіями, что могилы сыпали люди допотопные, люди Адамовы — великаны, и ихъ росту все соотвѣтствовало; верблюды были овцы этихъ людей, и т. д. Названія ихъ также мало объясняютъ ихъ происхожденіе.

Какое значеніе имѣли могилы второго разряда? Нѣкоторые думали, что онѣ поврежденныя или разрытыя могилы перваго разряда; но этого нельзя допустить, глядя на ихъ постоянно однообразный видъ. Авторъ думаетъ, что онѣ „служили мѣстами религіозныхъ обрядовъ и какъ бы степными алтарями". Ни одна изъ нихъ еще не разрыта до самаго основанія, и потому тѣмъ труднѣе объяснить, хотя приблизительно, ихъ назначеніе.

Могиламъ третьяго разряда авторъ посвящаетъ длинное изслѣдованіе, въ которомъ сначала весьма подробно опровергаетъ разныя мнѣнія, выдававшія эти могилы за простые селитряные майданы, или смоляныя печи, или за шанцы, военныя укрѣпленія, или наконецъ за обвалившіяся гробовыя могилы. По мнѣнію автора, эти насыпи были назначены для людоѣдныхъ жертвоприношеній. Меланхлены и антропофаги, жившіе въ этомъ краю и имѣвшіе обычай пожирать тѣла умершихъ, предавая погребенію одне головы ихъ, дѣлали это не изъ удовольствія, а вслѣдствіе религіознаго обычая; обычай этотъ конечно совершался съ нѣкоторой торжественностью, на особыхъ, нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ, и такими мѣстами были насыпи третьяго разряда.

Мы внимательно слѣдили за авторомъ въ изслѣдованіяхъ, которыя привели его къ этому заключенію, и должны сознаться, что доводы его слабы. Можетъ быть онъ и правъ, но его мнѣніе покуда не только не доказано, даже не обставлено данными, которыя придали бы этому мнѣнію видъ вѣроятной гипотезы. Несмотря на то, его аргументація, изслѣдованія въ подтвержденіе этой смѣлой гипотезы весьма любопытны, и если цѣль не достигнута, то путь, которымъ авторъ къ ней шелъ, самъ по себѣ есть пріобрѣтеніе для науки. Сближеніе и истолкованіе различныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей о людоѣдствѣ нѣкоторыхъ племенъ показались намъ оригинальными и новыми. Указаніе на слѣды Геродотовскихъ меланхленовъ въ теперешнемъ населеніи страны также очень важно и не должно быть пропущено безъ вниманія.

Изъ прочихъ насыпей авторъ подробно разсматриваетъ городища и замковища. Число ихъ (159 въ кіевской губерніи) онъ считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности. Всѣ они, хотя и соединенныя подъ общимъ названіемъ, имѣли разное назначеніе и относятся къ различнымъ эпохамъ. Большая часть суть могилы третьяго разряда; четырехъ-угольныя городища, по всѣмъ вѣроятіямъ, были военныя укрѣпленія, и слѣдовательно представляютъ памятники битвъ.

происходившихъ въ разныя времена; замковища суть остатки замковъ, городковъ и крѣпостей; значительныя пространства, окруженныя валами, нѣкоторые принимаютъ за посады греческихъ колоній; встрѣчаются между этими насыпями небольшіе четырехъ-угольные неправильные окопы, служившіе, по преданіямъ, убѣжищемъ противъ татарскихъ набѣговъ; открываются также въ числѣ насыпей слѣды городовъ, теперь исчезнувшихъ и о которыхъ нѣтъ никакихъ извѣстій; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были обширны и весьма древни, судя по вещамъ, находимымъ на мѣстахъ, гдѣ они, по преданію, находились; были между ними и греческіе. Авторъ перечисляетъ до 15 такихъ разрушенныхъ городовъ.

О валахъ, которыхъ такъ много въ кіевской губерніи, авторъ не дѣлаетъ общихъ заключеній. Мы приведемъ изъ перваго отдѣла книги интересное описаніе Траянова вала въ васильковскомъ уѣздѣ.

„Валъ, называемый *Траяновымъ*, начинается въ Сквирскомъ уѣздѣ въ селеніи Почуйкѣ, вступаетъ оттуда въ предѣлы Васильковскаго уѣзда при селѣ Краснолѣсахъ, потомъ тянется по лѣвой сторонѣ рѣки Роси, черезъ мѣстечко Бѣлую-Церковь и черезъ селенія Томиловку, Чепелевку, Сухолѣсы, мѣстечко Рокитну и село Ольшаницу; наконецъ у села Саварокъ склоняется къ Каневскому уѣзду, къ селенію Синицѣ. Въ протяженіи онъ имѣетъ до 80 верстъ; въ Васильковскомъ же уѣздѣ онъ простирается почти на 40 верстъ; средней высоты имѣетъ онъ 2 сажени. Названіе этого вала объясняется побѣдами императора Траяна (106 года по Р. Х.), который, завоевавъ Дакію, обратилъ свое оружіе на нынѣшнюю Украйну. Находимыя въ здѣшнихъ мѣстахъ римскія монеты утверждаютъ догадку о первоначальномъ устроеніи этого вала римлянами. Кромѣ пѣсни о полку Игоревѣ, Траянъ вспоминается и въ здѣшнихъ народныхъ преданіяхъ, въ которыхъ онъ называется царемъ Ермаланскимъ, т.-е. Римлянскимъ.

„Въ недавнее время, въ имѣніи Кошеватскомъ (Таращанскаго уѣзда) найдена монета съ лицевымъ изображеніемъ на одной сторонѣ Траяна, съ подписью: Imp. Trajanus Deci; а на другой сторонѣ съ изображеніемъ воина съ копьемъ, стоящаго между двумя львами, и съ надписью: P. N. S. C. O. L. VVM“.

Не менѣе замѣчателенъ, хотя и въ другомъ отношеніи, огромный Эміевъ валъ, проходящій чрезъ кіевскій, васильковскій и сквирскій уѣзды. Съ нимъ соединены народныя преданія объ убіеніи гидры,—преданія, общія и древнему и новому міру, старому и новому свѣту.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ *о каменныхъ бабахъ* или истуканахъ. Ихъ найдено два въ кіевской губерніи. Назначеніе ихъ темно: на сибирскихъ могилахъ они изображаютъ мужчинъ, въ южной Россіи—женщинъ. Простолюдины разсказываютъ, что эти бабы когда-то были живыя—боги или люди, но окаменѣли въ Христово пришествіе; это и другія повѣрья, связанныя съ каменными бабами, стоявшими на могилахъ, указываютъ на религіозное назначеніе послѣднихъ.

Вотъ въ общемъ очеркѣ содержаніе въ высокой степени любопытной книги г. Фундуклея. Ограниченные предѣлами рецензіи, мы, разумѣется, не могли входить въ подробности, но смѣло ручаемся, что читатель найдетъ въ самомъ „Обозрѣніи“ много любопытнаго и новаго, о чемъ не было мѣста упоминать здѣсь. Недостатки изслѣдованій автора—нѣкоторая сбивчивость, отчасти произвольность выводовъ, отсутствіе строгихъ научныхъ пріемовъ, по крайней мѣрѣ мѣстами,—съ избыткомъ выкупаются богатствомъ собранныхъ матеріаловъ, добросовѣстностью труда и многими удачными, остроумными изысканіями. Рисунки сдѣланы весьма тщательно и изображаютъ видъ замѣчательнѣйшихъ могилъ Кіевской губерніи (I—VII), вещи, найденныя въ нихъ (VIII—XIII; XV—XVII), и двѣ каменныя бабы (XIV).

(Отеч. Записки, 1848, кн. 8).

О значеніи словъ: варягъ, казакъ, россъ и ретъ,

или какъ должно понимать эти слова въ исторіи. Соч. Никиты Н. Богомолова. Тифлисъ. 1849.

Ничто не ново подъ луною— великая истина! Даже и то старое, что̀, казалось, прошло навсегда, безвозвратно, имѣетъ иногда способность вдругъ, ни съ того ни съ сего, ожить и—жить! Лучшимъ доказательствомъ служитъ книжка, которой заглавіе мы выписали. Мы думали было, что мода „вольнаго словопроизводства“ по части русской исторіи навсегда прошла, и ея ошибки, болѣе или менѣе забавныя, умудрили изслѣдователей. Какъ же мы жестоко ошиблись! Г. Богомоловъ доказалъ намъ, что не только эта мода не прошла, но что она даже до сего времени находится въ добромъ здоровьѣ и обѣщаетъ многолѣтнее существованіе. Она имѣетъ свое прошедшее—труды гг. Морошкина, Савельева-Ростиславича, Макарова, Святлова, свое настоящее—предлежащій трудъ г. Богомолова; какъ отвѣчать за будущее? И будущее вѣрно будетъ,—въ этомъ нечего отчаяваться.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе книжки г. Богомолова.

Варягъ состоитъ изъ словъ: *Вар* и *ах*, *аг* или *ак*. *Вар*, *фар*, *пар*, *бар*, значитъ *конникъ*; *ак*, *аг*, или *ак—бѣлый* или *соль* (въ переносномъ смыслѣ тоже бѣлый). *Казакъ* есть составное изъ *каз* и *ак*. Первое изъ этихъ словъ *каз*, *аз*, *газ*, *хаз*, значитъ тоже конь. *Россъ* равнымъ образомъ означаетъ *коня* (Ross); наконецъ *ретъ* (Rhet) происходитъ отъ словъ *рать*, rittar. Такимъ образомъ варягъ, казакъ, россъ и ретъ имѣютъ одинъ смыслъ, означаютъ всѣ одинаково всадника, кавалериста, и потому тожественны между собою.

Это покуда цвѣточки; а вотъ ягодки. *Ак*, *аг*, *ак* суть слова персо-турецкія; *аг* по-армянски значитъ соль; по-гречески *als*, по-молдавски *alb*; оба послѣднія слова принимаютъ сокращенную форму *ol*. На славянскомъ языкѣ они выражаются словами *соль*, *силь*, или въ сокращенной формѣ *сло*, *сла*, *слан*; искаженная ихъ форма есть *скло*. Отсюда аг-ваны, албани, ал-ани, ванд-али, сла-вяни, сло-вани, сло-ваки, скла-вини, силь-ваны, — одинъ народъ, *бѣлые ваны*; ваны же—славяне; вар-аг, каз-ак, русс-ак — всадники, защитники вановъ, и относятся къ ванамъ, какъ видъ къ роду, какъ прежде малороссійскіе казаки относились къ Малороссіи. Слова *варс*, *фарс*, *барс*, или *парс*, значатъ конный человѣкъ. Отсюда конязь, князь, könig, гуннъ, пар-ванъ, (парѳя-нинъ), бар-инъ, barbar, берилiи или верзилiи, вары — однознаменательны; Кіевъ происходитъ отъ *кай*, по-молдавски лошадь и есть градъ конниковъ, Каневъ. *Хаз* и *аз* означало въ древности по-арабски коня; какъ и слова *гайспъ*, *госпъ*, отсюда госп-одинъ, баринъ, князь—одно и то же; каз-акъ, аз-иги, кос-оги—одно и то же; хаз-ар—князь Аріи и т. д.

Не смѣемъ слѣдить далѣе за авторомъ, боясь утомить читателей, Славянъ, въ видѣ мирныхъ жителей или войска, ихъ защищающаго, авторъ видитъ вездѣ, отыскиваетъ подъ разными азіатскими и европейскими именами и находитъ: угры или маджары суть славяне, курты — тоже славяне; не менѣе славяне—авары, франки, гермундулы, варинги, аорсы, свеи, германы, братинги, сибариты, сарматы, скиѳы, нордолбинги, роксолане, мамазиты (доможиты), sittici (житьи), глутунги (горожане), цыгане, торки или турки, берендѣи (бары-Индіи) и т. д.

Словомъ, всѣ народы суть славяне, скрывающіеся только подъ разными названіями. Жаль, что авторъ, избравъ этотъ путь, не шелъ по немъ до конца и не исчерпалъ матеріи. Во второмъ приложеніи онъ говоритъ, что пелазги суть бѣл-азы, или казаки. Что бы ему стоило развить эту мысль, которую такъ разительно подтверждаютъ названія греческихъ народовъ и областей! Взгляните на карту: Ѳессалы или Тессалы очевидно—*тессали*; аѳиняне — наши *офени*; Спарты — *о порты*, то-есть съ одеждой; македоняне — *макъ* и *донникъ*. Въ древней Италіи поражаетъ то же самое: умбры — *отъ умъ бру* (видно были глуповаты); Пицены — явно *Пи-*

щаны; самниты — отъ *сомну*, или, можетъ быть, отъ *сомнѣнія*; калабры — *около брали*, то-есть любили попользоваться на чужой счетъ. Но и Британія — что иное, какъ не искаженное *бери тонье*, то-есть, тоньше? То же въ Галліи: рѣшительно, что ни названіе народа, то славянское, только исковерканное: атребаты — отъ *отребить*; свессіоны — явно *свои сыны*; беловаки — *бѣловѣжи*; самый Парижъ и Сена не явно ли происходятъ отъ *пори* и *сьно*. Куда ни взглянешь на карту — вездѣ славяне такъ и выглядываютъ; нужно только смотрѣть во всѣ глаза, чтобъ не пропустить.

Можетъ быть, читатели найдутъ, что мы слишкомъ увлекаемся. Едва ли такъ. Если можно серьезно считать парѳянъ за славянъ, почему же не произвести Акарнаніи *отъ окарнать*? Мы не видимъ достаточной причины. Ужъ если производить, такъ производить на славу! Тутъ нѣтъ границъ. Да...

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!

Что хотите, повторяйте хотя тысячу разъ, что одно созвучіе и основанная на нихъ этимологія ничего не значатъ и не доказываютъ, —всѣ эти разсужденія ни къ чему не поведутъ. Видно тому быть такъ. А нельзя не пожалѣть труда и знанія, которые употреблены авторомъ въ дѣло при написаніи этой книжки. Образцовые ученые пріемы Сенъ-Мартена, изъ сочиненія котораго „О происхожденіи кавказскихъ народовъ“ помѣщенъ въ разбираемой нами книжкѣ отрывокъ въ видѣ приложенія, не наставили автора. А онъ еще полемизируетъ съ Сенъ-Мартеномъ!

(Отеч. Записки, 1850).

Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси.

Соч. Александра Тюрина. Спб. 1850.

Немногимъ изслѣдователямъ по русской исторіи удавалось начинать свое ученo-литературное поприще такими зрѣло-обдуманными и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными трудами, какъ г. Тюрину. Если мы не ошибаемся, разсматриваемое нами сочиненіе есть второе изъ напечатанныхъ доселѣ сочиненій того же автора. Первое, безъ имени сочинителя, появилось въ іюльской книжкѣ „Современника“ 1849 г., подъ заглавіемъ: „Смерть Ярополка Изяславича“. Уже по этой коротенькой статьѣ, написанной по одному изъ самыхъ частныхъ вопросовъ русской исторіи, можно было заключить о талантливости автора; послѣднее сочиненіе окончательно убѣждаетъ насъ еще и въ знаніяхъ г. Тюрина.

Содержаніе новой брошюры его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Это очеркъ развитія нашего внутренняго быта отъ древнѣйшихъ извѣстій до XII вѣка, составленный на основаніи туземныхъ и иностранныхъ источниковъ, а при скудости или недостаточности ихъ — съ помощью аналогическихъ, соотвѣтствующихъ или тожественныхъ явленій въ бытѣ другихъ славянскихъ племенъ. Въ развитіи нашего внутренняго быта авторъ принимаетъ собственно пять формъ: 1) бытъ, такъ сказать, до-родовой, или, какъ говоритъ г. Тюринъ, племенной, первоначальный; 2) бытъ родовой, когда появляются отдѣльные, независимые другъ отъ друга родовые союзы; 3) бытъ общественный — сожительство родовъ, соединеніе ихъ въ союзы или общины; эта форма отличается отъ предыдущей тѣмъ, что въ послѣдней всѣ отношенія основаны на кровномъ родствѣ, въ первой же появляется общежитіе, гражданскій союзъ, уже основанный не на кровной связи; 4) бытъ земскій, въ которомъ появляется соединеніе общинъ между собою, опредѣляются между ними отношенія старшинства и зависимости, и образуются земли или волости; 5) бытъ государственный, когда земли и волости соединяются подъ власть князя, упрочивающаго ихъ единство, цѣлость и внутреннее благоустройство. Изъ этихъ пяти формъ или эпохъ

авторъ подробно разсматриваетъ, съ помощью указанныхъ выше источниковъ, только три первыя, и предлагаетъ краткій или, правильнѣе, сжатый очеркъ четвертой. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ попытокъ возсоздать послѣдовательность нашего внутренняго развитія и уяснить ея законъ, движущее начало, попытка г. Тюрина одна изъ самыхъ удовлетворительныхъ, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Правда, объясненіе древнѣйшей русской исторіи законами родового быта и развитія теперь уже не новость; эту мысль имѣли многіе задолго до появленія сочиненія г. Тюрина. Но заслуга его—въ томъ, что онъ развилъ эту основную тему весьма самостоятельно, оригинально, вновь такъ сказать открылъ ее при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ изученіи источниковъ; оттого въ его изслѣдованіи встрѣчаются новыя, большею частью весьма удачныя объясненія, вѣрныя мысли и взгляды, прекрасныя замѣтки и сближенія. Въ цѣломъ видѣнъ систематическій умъ, умѣнье не теряться въ мелочахъ, а обнимать общее, что, кстати замѣтить, большая рѣдкость между посвящающими себя русской исторіи. Всѣ эти достоинства разбираемаго нами труда и условія, которыя соединяетъ въ себѣ авторъ, подаютъ самыя пріятныя надежды относительно его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности на пользу русской исторіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ сочиненія г. Тюрина, оно имѣетъ однако свои недостатки — и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Въ цѣломъ недостатки изслѣдованія г. Тюрина проистекаютъ главнымъ образомъ изъ того, что онъ, повидимому, равно старался избѣгнуть и односторонности при объясненіи нашего древняго быта однимъ кровнымъ началомъ, и ошибокъ, въ которыя впалъ Шлецеръ, преувеличивая низкую степень общественнаго развитія русско-славянскихъ племенъ въ древнѣйшую эпоху. Избѣгая того и другого, авторъ, какъ мы думаемъ, опустилъ изъ вида нѣкоторыя явленія нашего внутренняго быта, и не совсѣмъ безпристрастно объяснилъ другія.

Во-первыхъ, трудно понять, что̀ именно за эпоху народной жизни ищетъ авторъ у славянъ до образованія у нихъ родового союза, и какая это могла быть эпоха? Судя по нѣкоторымъ намекамъ и по общему характеру статьи, посвященной разсмотрѣнію до-родового быта, можно догадываться, что авторъ разумѣетъ бытъ, въ которомъ не признаются узы крови, „первоначальное состояніе дикости“, когда племя живетъ, „какъ стадо звѣрей, или какъ стая перелетныхъ птицъ“. Если мы поняли правильно—авторъ весьма ошибочно смотритъ на начало, колыбель человѣческихъ обществъ. Нигдѣ, никогда, ни на какой ступени развитія, какъ бы она ни была низка, человѣческое общество не представляется въ такомъ видѣ. У народовъ кочующихъ, даже у бродячихъ звѣролововъ—семья, слѣдовательно кровная связь, лежитъ въ основаніи общежитія. Да и какъ можетъ быть иначе, когда племя образуется черезъ порожденіе, распложеніе! Человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ неразвитъ и грубъ, какою бы ни жилъ непосредственною жизнью, съ самаго появленія своего приноситъ съ собою, въ исторію, тѣ же наклонности, стремленія, инстинкты, которые впослѣдствіи развиваются, сознаются, такъ сказать, утончаются жизнью и опытностью. Жизнь племени безъ семейства, безъ кровныхъ узъ, какъ стада звѣрей,—немыслима и невозможна; это созданіе воображенія или ошибочной теоріи о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Семья, кровный союзъ, обнимающій однихъ родителей и дѣтей, или и другихъ родственниковъ, такъ же древенъ, какъ родъ человѣческій. Но степень сознанія ихъ, какъ основъ общежитія, бо́льшая или меньшая ихъ опредѣлительность, твердость, характеръ отношеній, ими создаваемыхъ,—конечно, неодинаковы въ разныя эпохи. Существуя непосредственно, кровныя связи болѣе шатки, менѣе опредѣленны, менѣе служатъ нормою для установленія отношеній между лицами, чѣмъ впослѣдствіи, когда эти связи уясняются, переходятъ въ сознаніе, становятся закономъ и получаютъ юридическій характеръ. Въ этомъ смыслѣ у двухъ племенъ можетъ быть одинъ и тотъ же кровный, родственный бытъ; но одно изъ нихъ можетъ жить еще чисто непосредственною, физическою жизнью, и эти кровныя узы часто могутъ нарушиться, перекрещиваться другими, потому только, что первыя не успѣли развиться въ опредѣлительный, ясный, всѣми уважаемый и хранимый законъ, обычай, или вѣрованіе; у другого племени, болѣе развитого, напротивъ, родственный союзъ, за недостаткомъ другого—гражданскаго или государственнаго—можетъ служить

единственной формой отношеній между сoплеменниками, или родичами, и чтиться свято. Въ томъ и другомъ случаѣ, бытъ конечно различенъ, но основанія его одинаковы: не одинакова только степень развитія однихъ и тѣхъ же началъ. Вотъ почему мы думаемъ, что различіе разныхъ русско-славянскихъ племенъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Несторъ, можетъ быть объяснено не однимъ пристрастіемъ благочестиваго монаха, но и дѣйствительнымъ различіемъ въ относительной образованности самыхъ племенъ. Неясное сознаніе брачнаго и родственнаго союза, а слѣдовательно и нестрогое ихъ соблюденіе,—легко могли уживаться у нѣкоторыхъ племенъ съ общежитіемъ, даже съ родовымъ распорядкомъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Потомъ, г. Тюринъ совершенно правъ, утверждая, что общинный бытъ, развившійся изъ чисто-родового, не одно и то же съ родовымъ, и что есть логическая, внутренняя преемственность между бытами общиннымъ, земскимъ и государственнымъ, различающимися между собою. Но вникая съ величайшею, можно сказать, микроскопическою подробностью въ явленія древнѣйшей общественности славянъ, вглядываясь въ малѣйшіе оттѣнки этихъ явленій и ихъ мельчайшія различія, авторъ упустилъ изъ вида то весьма важное обстоятельство, что все развитіе, съ его фазисами, эпохами и подраздѣленіями, вмѣстѣ взятое, не выходило изъ предѣловъ патріархальнаго, на кровныхъ началахъ основаннаго, быта. Конечно, эти начала, сперва непосредственныя, проходя разныя эпохи развитія, мало-по-малу сознаются и потомъ постепенно начинаютъ ослабѣвать и смѣняться другими; но въ то же время нельзя не замѣтить, что все же они, по преимуществу, опредѣляютъ общественность, управляютъ ею и служатъ нормою отношеній, даже въ тѣхъ случаяхъ, которые, повидимому, не имѣютъ съ ними ничего общаго. Община, въ которой живутъ хотя и разно-*родные* люди, но сознающіе свои взаимныя отношенія подъ формами родства и родовой іерархіи, развѣ не та же родовая община? Въ ней есть и другіе элементы—безспорно; но эти элементы управляются кровнымъ, родственнымъ распорядкомъ, подчинены ему. И если мы видимъ, что община распадается, что подобно роду она имѣетъ общее владѣніе, что подобно тому же роду она ищетъ себѣ главы, безъ котораго нѣтъ въ ней наряду,—не ясно ли, что она проникнута родовыми элементами, которые опредѣляютъ ея жизнь и бытъ? Далѣе, если въ земскомъ союзѣ цѣлыя общины считаются родствомъ и относятся между собою какъ члены рода,—не въ правѣ ли мы будемъ заключить, что родовыя, кровныя, родственныя начала опредѣляютъ жизнь такого земскаго союза, и что слѣдовательно они продолжаютъ жить какъ норма общественныхъ отношеній? Въ государственномъ союзѣ сначала то же самое. Исторія князей Рюрикова дома и ихъ взаимныхъ отношеній есть государственная исторія первоначальной Россіи; а чѣмъ она главнымъ образомъ опредѣляется, на что̀ опираются князья, на чемъ основываютъ они свои права и взаимныя притязанія? На счетахъ родства, кровныхъ отношеній. Стало быть и здѣсь нормой, закономъ, служитъ кровный союзъ. Такимъ образомъ, чрезъ всѣ эти явленія древняго внутренняго быта русскихъ славянъ проходитъ одно основное движущее и опредѣляющее начало, выше котораго нѣтъ другого, на которое всѣ ссылаются, изъ котораго всѣ заимствуютъ доводы въ свою пользу и въ пользу своихъ частныхъ цѣлей. Вотъ почему нѣкоторые, не совсѣмъ безъ основанія, думали и думаютъ, что кровныя, родственныя начала преобладали, господствовали въ общественномъ быту древней Россіи очень долго и впервые стали упраздняться не ранѣе московскаго государства, а въ частномъ—продолжали существовать гораздо долѣе, именно въ мѣстничествѣ, законахъ о порядкѣ гражданскаго наслѣдованія, обычаяхъ и нравахъ.

Далѣе, разсматривая бытъ славянъ до образованія родового союза, или, правильнѣе, доказывая, что о такомъ бытѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, что̀ весьма справедливо, г. Тюринъ, по нашему мнѣнію, не вникъ довольно-глубоко въ смыслъ извѣстій Нестора и Козьмы Пражскаго, и, принявъ за основаніе нѣсколько готовыхъ представленій о томъ, какія могли и должны были быть родственныя отношенія у славянъ въ древнѣйшія времена, толкуетъ эти извѣстія весьма произвольно. Авторъ разсуждаетъ такъ: У славянъ родовой бытъ является уже съ древнѣйшихъ извѣстій. Какъ же могло не быть у нихъ браковъ? Очевидно, воображенію его представляется родовой бытъ, какимъ мы его теперь знаемъ у нѣкоторыхъ

славянскихъ племенъ,—бытъ очищенный христіанствомъ и исторіей. Но такія сближенія ошибочны. Въ одно и то же время, какъ мы сказали, могъ быть родовой бытъ, и весьма слабыя, шаткія представленія о бракѣ, какъ по неопредѣленности, непосредственности отношеній, такъ и потому, что родство опредѣлялось отцомъ, а не матерью. Авторъ хорошо знаетъ, что тогда не было различія въ правахъ между законными и незаконными дѣтьми. Несмотря на то, онъ такъ проникнутъ своею любимою мыслью, что въ противность фактовъ имъ же самимъ приведенныхъ, объясняетъ выраженіе commuuia connubia—не безбрачіемъ, а многоженствомъ и повтореніемъ брака по смерти одного изъ супруговъ, о чемъ даже и помина нѣтъ у Козьмы Пражскаго. Этого мало: увлекаясь все далѣе и далѣе, г. Тюринъ находитъ, что у славянъ, въ древнѣйшую эпоху, преобладало одноженство, при чемъ многобрачіе оставалось только дозволеннымъ. Трудно смѣлѣе этого объяснить источники и историческія свидѣтельства: о единобрачіи у языческихъ славянъ нигдѣ не говорится; о многоженствѣ и отсутствіи браковъ свидѣтельствъ множество,—допустивъ даже, что Козьма Пражскій изображалъ древнѣйшій бытъ чеховъ болѣе на основаніи своей фантазіи, чѣмъ по историческимъ даннымъ. Притомъ въ усиліяхъ автора во чтобы то ни стало привести къ единству различныя свидѣтельства о родовомъ бытѣ, очевидно, лежитъ недоразумѣніе, и не довольно глубокое проникновеніе въ характеръ этого быта. Отличительная черта родового быта именно въ томъ и состоитъ, что въ немъ, особливо сначала, уживаются рядомъ величайшія противорѣчія: единоженство съ многоженствомъ, строгость власти съ отсутствіемъ ея, равенство женщинъ съ мужчинами, и рабство женщинъ и т. д. Таковъ всегда бытъ совершенно непосредственный, въ которомъ даже родовыя, кровныя отношенія не успѣли окрѣпнуть въ постоянныя правила и получить юридическій оттѣнокъ.

Кромѣ этихъ общихъ, главныхъ недостатковъ сочиненій г. Тюрина, въ немъ встрѣчается нѣсколько частныхъ объясненій и положеній, съ которыми нельзя согласиться. Изъ словъ Глѣба, сына Владиміра Великаго, сказанныхъ послѣ убійства брата его, Бориса: „я остался одинъ“, г. Тюринъ выводитъ, что Глѣбъ какъ-бы не считалъ своими братьями прочихъ сыновей Владиміра отъ другихъ женъ. Но это натяжка. Борисъ и Глѣбъ происходили отъ одного отца и матери, жили дольше другихъ при отцѣ, и, какъ думаетъ г. Соловьевъ, были плодомъ христіанскаго брака Владиміра. Слѣдственно, было много причинъ, по которымъ Борисъ и Глѣбъ могли быть ближе, дружнѣе между собою, чѣмъ съ прочими братьями, и на эту то связь, а не на родство, указываютъ слова Глѣба. Да если даже и принять толкованіе г. Тюрина,—слова эти нисколько не свидѣтельствуютъ въ пользу одноженства у языческихъ славянъ. На стр. 54 авторъ говоритъ, что въ отношеніяхъ между супругами не было рѣзкаго неравенства, и доказываетъ, что вѣно не было куплею, что мужъ не покупалъ себѣ жены. Конечно, вѣно, въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не представляетъ формы купли; но наши свадебные обычаи сохранили такія живыя, несомнѣнныя воспоминанія о бывшихъ когда-то похищеніяхъ и покупкѣ невѣстъ, что предметъ этотъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы подробнѣйшаго разсмотрѣнія, по крайней мѣрѣ, опроверженія существующихъ мнѣній и взглядовъ. На стр. 58 авторъ говоритъ, что съ паденіемъ родового быта не признавалась отдаленная кровная связь, и потому въ древней русской семьѣ признавалась только самая ближайшая связь родителей и дѣтей; даже внуки считались чужими для дѣда. Этимъ объясняетъ г. Тюринъ отсутствіе права представленія въ древнемъ наслѣдованіи по русскому праву. Но какъ же согласить съ этимъ, что въ XVII вѣкѣ право представленія, или, правильнѣе, сонаслѣдованія дядей съ племянниками, тётокъ съ племянницами, признается. Странно, что у насъ сперва наслѣдовали всѣ родичи, потомъ одни сыновья, даже съ исключеніемъ внуковъ, а потомъ опять введено въ наслѣдованіе родовое начало. Отсутствіемъ права представленія авторъ доказываетъ, будто древняя русская семья извѣстна намъ только въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась послѣ упадка родового быта; мы, напротивъ, находимъ столько несомнѣнныхъ признаковъ продолженія родового распорядка и въ позднѣйшее время, что не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, а полагаемъ, что извѣстные намъ древнѣйшіе законы о наслѣдованіи или недостаточно разъяснены, или же относятся

только къ нѣкоторымъ классамъ народа, подобно законамъ о наслѣдованіи, изданнымъ при Іоаннѣ Грозномъ. Иначе нельзя объяснить безсвязности, которую представляла бы въ противномъ случаѣ исторія нашего наслѣдственнаго права.

Есть и еще нѣсколько такихъ мѣстъ въ статьѣ г. Тюрина, которыя оставляемъ, не желая выйти изъ предѣловъ журнальной рецензіи. Повторяемъ, несмотря на эти недостатки, изслѣдованіе г. автора имѣетъ существенныя достоинства и обѣщаетъ много впереди.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 4).

Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова.

Соч. П. Павлова. Москва. 1850.

Мы весьма виноваты передъ г. Павловымъ, замедливъ отчетомъ о его замѣчательномъ историческомъ трудѣ, вышедшемъ еще весною. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: съ появленіемъ его книжки, о ней успѣли высказать различныя мнѣнія, и мы теперь можемъ судить ее подробнѣе и лучше, имѣя подъ руками довольно значительные библіографическіе матеріалы.

Изслѣдованіе г. Павлова есть диссертація, написанная на степень доктора, разсмотрѣнная и защищенная въ московскомъ университетѣ. Съ самаго своего появленія она возбудила вниманіе и любопытство во всѣхъ занимающихся русской исторіей. Несомнѣнный талантъ автора и важность избранной имъ эпохи достаточно объясняютъ это участіе; притомъ, какъ всякое литературно-историческое явленіе, далеко выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, книжка г. Павлова не могла не возбудить споровъ и толковъ. Ниже мы покажемъ, около чего эти толки вращались и какое имѣли значеніе, а теперь изложимъ содержаніе диссертаціи и основныя воззрѣнія автора: это необходимо для вѣрной оцѣнки разбираемаго труда, степени его важности въ нашей исторической литературѣ и степени важности возраженій, сдѣланныхъ г. Павлову.

Съ того времени, какъ образовалось московское государство, какой историческій фактъ господствуетъ въ нашей внутренней исторіи, опредѣляетъ ея направленіе, даетъ тонъ нашему внутреннему быту въ его постепенныхъ измѣненіяхъ? По мнѣнію г. Павлова, такимъ фактомъ является постепенное перехожденіе родовой Руси въ государственную; другими словами — постепенное ослабленіе родового начала и развитіе начала государственнаго. Постепенности этого перехода обозначаются четырьмя эпохами. Въ первую изъ нихъ, отъ половины XV до начала XVII вѣка, въ сѣверо-восточной Руси уступаютъ, мало-по-малу, государственному началу родовыя отношенія княжескія и вѣчевыя (при Іоаннѣ III и Василіи Іоанновичѣ), боярскія (при Іоаннѣ Грозномъ), и общинныя (при Борисѣ Годуновѣ); во-вторую эпоху, обнимающую начало XVII вѣка до избранія на престолъ Михаила Ѳедоровича, всѣ указанныя отношенія, явленія родоваго порядка, стремятся ожить снова; является безгосударное безначаліе, которое, съ водвореніемъ на престолѣ царственной отрасли Романовыхъ, исчезаетъ. Отъ 1613 до 1700 года, т.-е. до начала преобразованій Петра Великаго, родовыя отношенія приходятъ въ совершенный упадокъ, и государственное начало окончательно водворяется въ жизни. Наконецъ, въ четвертую эпоху, какъ побѣдоносное государственное начало, такъ и весь бытъ, сохранившій еще въ установленіяхъ, привычкахъ и понятіяхъ остатки родового порядка, пересоздаются подъ вліяніемъ европейскаго образованія.

Такимъ образомъ г. Павловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей русской исторіи, которые въ этой преемственности двухъ порядковъ, родового и государственнаго, въ замѣнѣ перваго вторымъ, видятъ основной,

существенный, преобладающій фактъ нашего внутренняго быта, фактъ столько важный въ судьбахъ нашего отечества, что имъ можно объяснить и къ нему привести всѣ прочія событія и явленія русской исторіи. Первый, высказавшій этотъ взглядъ, былъ Эверсъ; но онъ успѣлъ развить его только въ примѣненіи къ древнѣйшему періоду русской исторіи, именно отъ Рюрика до „Русской Правды“ включительно. Уже позже русскіе ученые взялись снова за эту мысль и начали объяснять ею не одинъ древній періодъ, но и послѣдующіе; въ наше время русская исторія разработывается съ этой точки зрѣнія многими изслѣдователями, разнящимися между собою въ подробностяхъ, въ частныхъ объясненіяхъ, но согласныхъ въ главномъ, общемъ воззрѣніи.

Царствованіе Бориса Годунова представляетъ много событій и вопросовъ величайшей важности и интереса. Прежде оно разработывалось больше съ нравственной или художественной, драматической точки зрѣнія. У Карамзина на первомъ планѣ стоитъ нравственная оцѣнка Бориса; всѣ событія и дѣянія его царствованія какъ бы сводятся къ этому основному взгляду; оттого многое осталось въ тѣни и не выставлено въ настоящемъ свѣтѣ. Годуновъ властолюбецъ; его дѣйствія, обнаруживающія государственный, обширный и просвѣщенный умъ, были не что иное, какъ средства для достиженія престола, или для поддержанія правителя на высотѣ царственной степени; такими же средствами служили ему и злодѣянія, и Годуновъ не останавливался передъ ними; но праведный судъ Божій покаралъ Годунова; онъ смутилъ его умъ, обнаружилъ хитросплетенныя, тонко разсчитанныя дѣйствія и обратилъ ихъ въ ничто, и Годуновъ страшно погибъ со всей своей семьей очистительною жертвою передъ разгнѣваннымъ Провидѣніемъ. Вотъ, сколько мы понимаемъ, основной взглядъ Карамзина на Бориса Годунова, взглядъ глубоко-поэтическій и поучительный, но едва-ли вполнѣ вѣрный въ примѣненіи къ герою этой трагедіи. Читая Карамзина, видишь, что онъ писалъ царствованіе Бориса такъ же не критически, какъ и царствованіе Іоанна Грознаго. Всякій слухъ о Борисѣ, записанный лѣтописцемъ-современникомъ, Карамзинъ добросовѣстно вносилъ въ исторію, не задавая даже себѣ вопроса, въ какой мѣрѣ можно полагаться на слова лѣтописца, на слухи, ходившіе въ то время и распускаемые нерѣдко врагами Бориса.

Г. Погодинъ, исторической дѣятельности котораго мы имѣли не однажды случай отдать должную справедливость, замѣтилъ эту слабую сторону въ повѣствованіи Карамзина. Ему какъ бы жалко стало, что такой строгій судъ произнесенъ надъ правителемъ, который съ блескомъ несъ на своихъ раменахъ бремя царской власти, умно управлялъ Россіею въ теченіе двадцати лѣтъ и въ годины бѣдствій и страданій доказалъ на дѣлѣ свою любовь къ правимому народу. Неужели всѣ эти славныя дѣла, всѣ эти благодѣянія были только притворствомъ? Вслѣдствіе своего сомнѣнія г. Погодинъ обратилъ все вниманіе на одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и деликатныхъ вопросовъ въ біографіи Годунова, именно на кончину царевича Димитрія. Г. Погодинъ разобралъ это событіе и старался доказать, что насильственная кончина царевича не была дѣломъ Годунова. Смывая съ него это пятно, г. Погодинъ открывалъ возможность новой нравственной оцѣнки Бориса во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но это новое воззрѣніе на подобный вопросъ могло привести только къ другому взгляду на нравственный характеръ Годунова и его дѣйствія; самыя же дѣйствія въ результатѣ его оставались тѣ же, и въ этомъ отношеніи г. Погодинъ не сказалъ ничего новаго. Личная точка зрѣнія съ его изслѣдованіемъ не измѣнилась: измѣнился только приговоръ, произнесенный надъ личностью Годунова.

Честь перваго послѣ Карамзина сочиненія о государственной дѣятельности Годунова принадлежитъ г. Соловьеву. Въ „Обзорѣ событій русской исторіи отъ смерти Ѳеодора до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича“, г. Соловьевъ представилъ сжатый, но подробный очеркъ правленія и царствованія Годунова и его характеристику. Трудъ г. Соловьева—собственно не изслѣдованіе, но повѣствованіе, разсказъ, прерываемый иногда полемическими замѣчаніями и краткими разсужденіями; только обстоятельства кончины царевича Димитрія разсмотрѣны весьма подробно, съ разборомъ и опроверженіемъ того, что было объ этомъ сказано у Карамзина и г. Погодина. Избравъ форму разсказа, авторъ, естественно, не могъ вдаваться въ общія разсужденія, опредѣлять значеніе Годунова въ русской исторіи, его отношеніе къ предыдущему и послѣдующему времени. За-

его ограничивалась правильнымъ, об-
тельнымъ, вѣрнымъ повѣствованіемъ со-
й избраннаго времени, и г. Соловьевъ
лнилъ ее съ замѣчательнымъ успѣхомъ.
го историческомъ трудѣ вопросъ о лич-
Годунова уже не первенствуетъ, а за-
етъ второе мѣсто; на первый планъ вы-
уты дѣйствія, попытки, политическіе
и событія. Характеристика Годунова
ается строгимъ безпристрастіемъ; лич-
правителя и царя, подъ перомъ г. Со-
ва, блѣднѣетъ и теряетъ свои прежніе
іозные размѣры; съ тѣмъ вмѣстѣ исче-
и трагическій интересъ его судьбы.
его жизнь, его дѣйствія представляются
а обыкновенными, не возбуждая ни не-
сти, ни особеннаго сочувствія къ лицу.
ъ ли авторъ, низведя Годунова до обык-
ныхъ размѣровъ, лишивъ его нимба,
оторомъ онъ являлся читателямъ до того
ени, мы не осмѣливаемся рѣшить. Сколько
онимаемъ и можемъ судить, г. Соловьевъ
а близко подошелъ къ истинѣ, опре-
я личность Годунова. Годуновъ былъ
а умный, но не геніальный человѣкъ—
ь, которая еще прежде была высказана
вольно подробно развита въ „Отече-
ныхъ Запискахъ“, въ критикѣ на траге-
Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Исторія
вила Годунова лицомъ къ лицу съ ве-
й эпохой въ русской исторіи; все пока-
тъ, что у него доставало ума и поли-
каго смысла, чтобъ понимать вопросы,
ые приведены были временемъ и об-
ельствами; но у него недоставало глу-
стать въ уровень съ ними, завладѣть
ъ исторіи и событій.

слѣдній писалъ о Годуновѣ г. Павловъ.
ой его задачей, какъ видно изъ загла-
было—опредѣлить значеніе царствованія
нова, раскрыть внутренній его смыслъ
азать отношеніе къ предыдущему и по-
ющему, мѣсто въ общей связи событій,
еновавшихъ наступленіе новаго порядка.
ъ г. Павлова – не разсказъ, а разсуж-
оцѣнка; авторъ имѣлъ полное право
ходить въ подробности, не слѣдить за
іями шагъ за шагомъ—онъ могъ пред-
ать ихъ извѣстными читателю— и оста-
ваться только на тѣхъ, которыя, по
онятіямъ, были забыты и опущены его
ественниками, или представлены въ
мъ свѣтѣ. Но авторъ предпочелъ со-
ть повѣствованіе съ разсужденіемъ;
въ первой, большей половинѣ диссертаціи разсказаны событія Борисова царствованія; во-второй, начиная съ 88-й страницы, они разсматриваются въ связи съ предыдущими и послѣдующими. Эта послѣдняя половина, по самой задачѣ, есть безспорно явленіе новое въ русской исторической литературѣ. Она свидѣтельствуетъ, какъ успѣли созрѣть наши историческія воззрѣнія со временъ Карамзина; вмѣсто личнаго характера Бориса, разсматриваются факты и дѣянія; и тѣ и другія обсуживаются не съ точки зрѣнія ближайшей, практической цѣлесообразности, но подводятся подъ высшее мѣрило общаго хода и развитія русской исторіи.

Книжка г. Павлова начинается подробнымъ разсказомъ избранія Годунова на царство, большею частью словами памятниковъ. „Во всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ явленіяхъ (говоритъ въ заключеніе авторъ), составляющихъ въ своей совокупности фактъ избранія Годунова на царство, какъ въ необходимомъ, окончательномъ итогѣ, выразились всѣ прежнія, тонко обдуманныя, дѣйствія Годунова, направленныя къ вожделѣнной цѣли; выразились, сверхъ того, главныя основанія его послѣдующихъ дѣяній“.

Затѣмъ разсматриваются его дѣянія до избранія и послѣ избранія. Они болѣе или менѣе извѣстны, и нѣтъ нужды разсказывать ихъ вновь, тѣмъ болѣе, что г. Павловъ въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ ничего новаго. Главная существенная его заслуга заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ на извѣстные уже факты взглянулъ съ новой общей точки зрѣнія, и указалъ мѣсто, занимаемое ими въ постепенномъ развитіи Россіи. Такъ, заслоняя собою знатнѣйшіе боярскіе роды, Годуновъ продолжалъ дѣло двухъ Іоанновъ; учрежденіе патріаршества было, какъ думаетъ г. Павловъ, не менѣе органическимъ явленіемъ въ нашей церковной исторіи, ибо подготовлено и вызвано ходомъ предшествующихъ событій; въ указахъ 1592 и 1597 годовъ авторъ видитъ осуществленіе той же мысли, которую Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ преслѣдовали, отмѣняя вѣчевой порядокъ, а Іоаннъ Грозный—смиряя потомковъ удѣльныхъ князей. Во всемъ, что сдѣлано Годуновымъ въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности, въ его внѣшнихъ сношеніяхъ, въ его стремленіяхъ къ умственному и нравственному образованію Россіи, словомъ, во всей его государственной дѣя-

тельности, часто вызываемой ближайшими, не совсѣмъ безкорыстными соображеніями, сознательно или безсознательно, умышленно или противъ воли и чаянія, Борисъ слѣдовалъ историческому ходу событій. Уклоненій, скачковъ, неисторическихъ, несвоевременныхъ стремленій это царствованіе не представляетъ; напротивъ, каждый шагъ былъ развитіемъ началъ, появившихся въ предшествующій періодъ времени. Вотъ основная мысль. Развита она съ необыкновеннымъ талантомъ. Есть страницы блестящія, невольно увлекающія читателя. Г. Павловъ мастеръ писать; глубина мысли, чрезвычайная живость, мѣстами нѣкоторая восторженность оставляютъ сильное впечатлѣніе.

Несомнѣнный историческій талантъ г. Павлова, его взгляды и замѣчанія, часто поразительной вѣрности, обратили на себя должное вниманіе. Появленію новаго даровитаго изслѣдователя русской исторіи всѣ обрадовались, и это впечатлѣніе отразилось въ критикѣ. „Авторъ сочиненія объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, воспользовавшись новыми изслѣдованіями о родовомъ бытѣ въ древней Руси и переходѣ его въ бытъ государственный, остановился на грани двухъ эпохъ, въ преддверіи смутнаго времени и, опредѣливъ значеніе царствованія Годунова, постарался объяснить и значеніе царствованія первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, и, наконецъ, значеніе эпохи преобразованія. Все это сдѣлано въ очеркѣ краткомъ, но живомъ, сильно возбуждающемъ вниманіе, и вслѣдствіе того плодотворномъ въ наукѣ". Такъ отзывается о трудѣ г. Павлова безыменный критикъ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Даже г. Погодинъ, расточительный на похвалы сотрудникамъ „Москвитянина", но бережливый на нихъ для тѣхъ, которые не имѣютъ счастія принадлежать къ избранному кружку,—вотъ что говоритъ о г. Павловѣ. „Это (то-есть разсужденіе г. Павлова) опытъ молодого человѣка, подающаго о себѣ прекрасныя надежды, съ примѣчательными, яркими проблесками ума, воображенія, знанія. Авторъ можетъ принести пользу русской исторіи, даже великую пользу" (за этимъ слѣдуютъ условія sine quibus non, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ). „Я вижу его талантъ, сознаю силу, любовь, и радъ отдать имъ честь при случаѣ".

При всѣхъ достоинствахъ, историческій трудъ г. Павлова имѣетъ свои недостатки. Увлекаясь общимъ взглядомъ, основною идеею, которую проводитъ въ своемъ разсужденіи, авторъ видитъ ея осуществленіе и въ такихъ событіяхъ, которыя не имѣли къ ней прямого, непосредственнаго отношенія. Такъ изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ указы 1592 (?) и 1597 годовъ, намъ кажется невѣрнымъ, а объясненіе внутренняго, историческаго значенія этихъ указовъ нѣсколько натянутымъ; то же должно сказать объ объясненіи историческаго происхожденія дѣтей боярскихъ, разныхъ административныхъ мѣръ Годунова, нѣкоторыхъ подробностей и частностей нашего внутренняго быта въ это царствованіе. Источникъ всѣхъ этихъ недостатковъ скрывается, какъ мы сказали, въ нѣкоторомъ увлеченіи любимою мыслью, совершенно вѣрною въ основаніи, но которую авторъ какъ будто торопится провести въ мелкихъ подробностяхъ, и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ невполнѣ вѣрно и согласно съ фактами. Мысль его иногда какъ-будто забѣгаетъ впередъ событій; оттого нѣкоторымъ придано большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, есть длинноты, встрѣчаются неточности и неровности въ изложеніи.

Казалось бы, чего проще указать на эти частные недостатки и доказать ихъ? Мы заранѣе увѣрены, что г. Павловъ принялъ бы замѣчанія съ благодарностью и воспользовался ими при новыхъ трудахъ. Такъ бы и было, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, еслибъ г. Павловъ не поставилъ теоріи родовыхъ отношеній во главу угла своего сочиненія, но болѣе всего, еслибъ онъ не имѣлъ неосторожности причислить себя къ одной категоріи съ г. Соловьевымъ, еслибъ не имѣлъ несчастія воспользоваться нѣкоторыми результатами его трудовъ. Еще не читая диссертаціи, только по VI ея страницѣ, гдѣ говорится о г. Соловьевѣ, да по нѣкоторымъ тезисамъ, да по двумъ-тремъ ссылкамъ мы тотчасъ подумали: достанется же г. Павлову отъ Нестора русской исторіи; добромъ это ему не пройдетъ! И мы не ошиблись: въ 8-мъ № „Москвитянина" явилась громовая статья на диссертацію г. Павлова. Въ ней г. Погодинъ задаетъ вопросъ: стоитъ ли диссертація одного изъ тезисовъ (7-го), выставленныхъ г. Павловымъ? Впечатлѣніе, оставляемое критикой, то, что диссертація не стоитъ этого тезиса. „Стану говорить безъ околичностей", восклицаетъ

ь г. Погодинъ: „насъ губитъ система,
ніе строить систему, прежде чѣмъ при-
лены матеріалы. Молодые люди даро-
е, дѣятельные, погибаютъ у насъ для
я. Слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба падаютъ
му, да и благодарятъ другъ друга, поз-
няютъ со славою! А журнальные кри-
(въ родѣ египетскихъ плакальщиковъ)
аздные невѣжи, которымъ нѣтъ дѣла
ауки, рукоплещутъ". Но это еще не все.
ные наши (по мнѣнію нелицепріятнаго
ика) пускаются за облака, плаваютъ по
ху". Это выраженіе: „плаваютъ по воз-
", такъ понравилось критику, что онъ,
итно, въ видѣ остроты, называетъ нѣ-
ыя разсужденія и выводы г. Павлова
ухо- и родоплаваніями". Объясненіе на-
старинnаго быта и исторіи родовыми
пеніями, родовымъ началомъ,—критику
бѣльмо на глазу: онъ его стерпѣть не
тъ. „Отъ чистаго сердца желаю г. Пав-
(восклицаетъ онъ) исцѣлиться отъ про-
родового быта, увлекшаго его въ лаби-
ь родовыхъ и прочихъ отношеній". „Эти
(замѣчаетъ критикъ въ другомъ мѣстѣ)
показываютъ для того изслѣдователя,
ый смотритъ на нихъ не въ очки ро-
о быта, коими извращаются предметы,
и т. д. Зато произносится и строгій
воръ родоплавателямъ: „Наши *витязи*
ритъ критикъ) воюютъ противъ автори-
ъ, чьихъ? Шлецера, Карамзина, Добров-
, а чьи авторитеты принимаютъ? Свои
венные! Обмѣнъ для насъ невыгодный!"
не станемъ препираться въ остроуміи
итикомъ; но эти періодическія выходки
ивъ новыхъ ученыхъ по части русской
ріи даютъ намъ право спросить у кри-
потрудился ли онъ хоть одинъ разъ
зно подумать о томъ, что говорятъ и
тъ такъ называемые имъ родоплаватели?
имѣемъ сильныя причины подозрѣвать,
нъ несовсѣмъ ясно понимаетъ въ чемъ
ибо въ головѣ нашей никакъ не укла-
ется мысль, что нѣсколько непріятныхъ
ъ, высказанныхъ печатно г. Погодину
ъ изъ самыхъ почтенныхъ и талантли-
молодыхъ ученыхъ, могли быть един-
ною причиною всего того, что онъ пи-
о нихъ и о ихъ трудахъ вообще. Итакъ,
венно для назиданія г. Погодина, въ
ій и послѣдній разъ постараемся объяс-
ему, откуда взялся новый взглядъ на
ую исторію и въ чемъ онъ заключается.

Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа, во всякой мы непремѣнно найдемъ связность, стройность явленій. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину; мы замѣчаемъ, что вся исторія приводится къ одному или нѣсколькимъ главнымъ началамъ, основаніямъ, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ связь и послѣдовательность. Стало быть, чтобы понять ходъ исторіи какого бы ни было народа, надо подмѣтить главныя начала, проходящія чрезъ жизнь этого народа. До послѣдняго десятилѣтія объ открытіи этихъ общихъ началъ въ русской исторіи никто не думалъ, по крайней мѣрѣ мы не видали и не знаемъ ни одной попытки. Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріаловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета; нисколько не порицая заслуженныхъ ветерановъ русской исторіи, живыхъ и умершихъ, мы только высказываемъ, что и какъ было, и что для открытія основныхъ началъ, проходящихъ чрезъ всю русскую исторію, никто ничего не сдѣлалъ до послѣдняго десятилѣтія. Разглагольствованія, въ родѣ тѣхъ, что наши мѣстническіе споры соотвѣтствуютъ рыцарскимъ турнирамъ, что Іоаннъ Грозный соотвѣтствуетъ Христіану IV, что Петръ Великій заслонилъ отъ насъ русскую исторію,—хотя онъ ее собственно нисколько не заслонилъ,—все это, конечно, не могло удовлетворить любознательность, или дать хоть малѣйшее понятіе объ основныхъ началахъ нашей исторической жизни.

Въ это-то время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и наугадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строго-научнаго систематическаго воззрѣнія наука русской исторіи не можетъ идти дальше,—нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль попристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни, на которые, вѣроятно по ихъ общеизвѣстности и близости, никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія и пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ

и прежде придавался Руси эпитетъ—патріархальная; но что̀ собственно значитъ патріархальный и чѣмъ именно отличается отъ непатріархальнаго – этого никто еще до того времени не потрудился объяснить. На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чутьемъ, не давая себѣ въ немъ яснаго отчета. А между тѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то ужъ во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ особеннаго вниманія; то, что̀ характеризуетъ, должно заключать въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. Итакъ, не въ патріархальныхъ ли элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненія разныхъ событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? Не въ нихъ ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни? Вотъ вопросъ, который представился этимъ любителямъ исторіи. Нѣкоторые опыты объяснить нашъ древнѣйшій бытъ патріархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ воспользовался имъ, и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы лѣтописи и „Русскую Правду“. Рейцъ, гораздо менѣе даровитый, послѣдовалъ его примѣру, и также съ успѣхомъ. Но это были отрывочныя попытки. Нельзя ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси? Она такъ непохожа на всѣ другія исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ исторіи другихъ народовъ, и какъ нарочно именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патріархальные элементы...

Вотъ какія размышленія вызвали новый взглядъ, столько нелюбимый, Богъ знаетъ почему, г. Погодинымъ. Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ между-княжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія — словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской народной жизни, и къ величайшей своей радости нашли, что патріархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно, что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патріархальнаго элемента. Оставалось тѣмъ опредѣлить постоянный законъ, ф мулу этихъ видоизмѣненій,—и каждый лалъ это по своему крайнему разумѣнію.

Что при первомъ своемъ появленіи но взглядъ на русскую исторію высказался нѣкоторымъ увлеченіемъ,—въ этомъ мы знаемся тѣмъ охотнѣе, что за судьбу его будущемъ, кажется, нечего опасаться, вопр предсказаніямъ г. Погодина: доказательств можетъ служить наша современная ист ческая литература. Повторяемъ, были у ченія, крайности при первомъ появл этого взгляда; встрѣчались и встрѣча доселѣ неправильныя его примѣненія,— это такъ. Но спрашивается: что̀ можетъ б естественнѣе? Кто изъ знаменитѣйшихъ ныхъ осмѣлится сказать, что онъ не дѣл въ жизнь свою ошибокъ, не заблужда Неужели г. Погодинъ? Имѣя кой-какія ные подъ руками, мы осмѣливаемся не рить даже и въ его непогрѣшительност

„Система, система губитъ насъ!“ вос цаетъ г. Погодинъ къ молодымъ изслѣд телямъ русской исторіи. Но много ли вѣс подобные возгласы? Когда рѣчь идетъ о ясненіи связи между событіями, ихъ в ренняго смысла, объ опредѣленіи органи цѣлаго, нельзя обойтись безъ системат ского взгляда, нельзя замѣнить его, для рѣшенія этихъ вопросовъ, отысканіемъ м погребенія дьяка Ржевскаго, изслѣдован о предкахъ мурзы Чета, о географическ положеніи Тмуторакани! Кажется, это оч ясно. Возраженіе, что факты мало обработ и что-де потому рано еще думать о си матическомъ воззрѣніи на русскую исторі и несправедливо, да и неискренно. Настол факты ужъ разработаны, что можно подум составить изъ нихъ цѣлое, можно обнять общимъ взглядомъ. Притомъ обработка продолжается и долго еще не прекрати а систематическое воззрѣніе не только повредитъ ей, но, напротивъ, поможетъ, об щая путь, разъясняя предметъ съ разны сторонъ. Притомъ г. Погодинъ, кажется, вершенно опустилъ изъ виду, что изслѣдо тели, трудящіеся надъ русской исторіей точки зрѣнія патріархальнаго или родов начала, съ каждымъ днемъ болѣе и бол излѣчиваются отъ крайностей и односто ности, въ которой ихъ упрекаютъ: кажд новое сочиненіе по этому предмету пока ваетъ бо́льшую и бо́льшую недовѣрчив

ыхъ ученыхъ къ общимъ построеніямъ
зъ, къ объясненію событій и историче-
съ явленій изъ предпосланныхъ воз-
Но, если, несмотря на то, бо̀льшая
этихъ ученыхъ изъ пристальнаго изу-
источниковъ выноситъ убѣжденіе въ
дливости, вѣрности главныхъ основаній
взгляда, то это ужъ показываетъ, что
зъ г. Погодинъ, а не систематики и
а.

допустимъ на минуту, что новые изслѣ-
ли обратили вниманіе на одно второ-
ное, неважное, и упустили изъ вида
твенное и главное. Пусть скажетъ г.
инъ, положа руку на сердце: неужели
овно ничего не сдѣлали? Неужели всѣ
руды никуда не годятся? А если они
и хоть что-нибудь хорошаго, если въ
ыводахъ и взглядахъ есть хоть капля
ы— положимъ на цѣлое море лжи,—не
гельно и не странно ли, что ветеранъ
й исторіи отзывается о нихъ съ та-
презрѣніемъ? И то и другое, конечно,
забавно, чѣмъ обидно; но въ этихъ
ихъ мало достоинства — вотъ это го-
. Юному перу иногда простительно
ться рѣзко, бойко; но почтенному уче-
тарѣйшему изъ всѣхъ наличныхъ изслѣ-
лей русской исторіи, спускаться на
журнальныхъ выходокъ противъ мо-
ь ученыхъ, между которыми есть его
тели, даже слушатели его слушателей...
ю! Встрѣчая на страницахъ „Москви-
а“ одни возгласы противъ себя, пре-
льные, отрывистые отзывы о своихъ тру-
что̀ должны подумать молодые ученые?
нѣсколько озадаченные этимъ, они
перестанутъ вѣрить въ высокое без-
астіе ученаго критика и справедливо
зрятъ въ немъ оскорбленное самолюбіе,
быть опереженнымъ, отсталость и не-
тельность въ наукѣ. Не наступило ли
то время? Желаемъ отъ души г. По-
, чтобъ оно настало для него какъ
позже.

бы поняли еще негодованіе именитаго
ка противъ новыхъ трудовъ, написан-
подъ вліяніемъ „проказы родового бы-
слибъ онъ хоть однажды серьезно, си-
ически опровергъ новыя воззрѣнія, по-
ихъ ничтожность и нелѣпость, а
, несмотря на то, продолжали бы идти
му же пути, не слушая замѣчаній, не
ая на нихъ никакого вниманія. Но г. Погодинъ этого не сдѣлалъ. Онъ обыкновенно пишетъ свои критики такъ: развернетъ книгу, прицѣпится къ нѣсколькимъ словамъ, къ обмолвкѣ, ошибкѣ, выпишетъ ихъ, броситъ нѣсколько оскорбительныхъ словъ автору и его мнѣніямъ, да при сей вѣрной оказіи не забудетъ и другихъ „господъ“. Рѣдко встрѣтишь у г. Погодина опроверженіе, основанное на доказательствахъ, или поправку. Такая критика легка, такъ же легка, какъ „математическій“ способъ его изслѣдованій; она тѣмъ легче, что г. Погодинъ не слишкомъ заботится о точности выписокъ и ссылокъ; бываетъ, что мысль автора, выраженная словами г. Погодина, отвѣчаетъ за подлинныя слова выписываемаго текста. Чего не бываетъ!.. Пробѣжимъ нѣкоторыя замѣчанія г. Погодина на книгу г. Павлова.

Г. Павловъ говоритъ (стр. 28), что родовые интересы боярскіе, сильно сокрушенные Грознымъ, не погибли окончательно и обнаружили, при вступленіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича, несомнѣнные признаки жизни и стремленіе возвратить прежнее свое значеніе. Боярскіе роды хотѣли сдѣлаться по прежнему думцами и, въ стремленіи къ этой цѣли, соперничали между собою, что̀ и породило партіи. Г. Погодинъ отвѣчаетъ на это: „Грозный во вторую эпоху своего царствованія поражалъ лица, а не сословіе. Вотъ въ чемъ дѣло!“ А мы думаемъ, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, что̀ утверждаетъ г. Погодинъ. Приглашаемъ его прочесть въ „Исторіи“ Карамзина, т. VIII, примѣч. 182, т. IX, примѣч. 7, того же тома стр. 75 и примѣч. 132 (по 1-му изд.), да кромѣ того пересмотрѣть переписку Грознаго съ Курбскимъ, сочиненія Курбскаго, посланія и письма Іоанна, нѣкоторыя изъ его уставныхъ грамотъ,—вотъ тогда онъ и увидитъ, кто правъ; а голословно утверждать все можно! Потомъ критикъ продолжаетъ:

„А все, что говоритъ авторъ о времени послѣ смерти Грознаго, можно сказать хоть о времени по смерти Ѳеодора Алексѣевича, Екатерины II, Петра II, Анны, Елизаветы; объ исторіи Французской, Англійской, Итальянской. Были думцы у первыхъ князей, у первыхъ царей; были думцы и у Ивана Грознаго, сперва одни, а потомъ другіе... Что за историческое, ученое, научное объясненіе: приложи его куда хочешь. Сперва думцами была старшая дружина, а потомъ, когда лицъ стало много, и начались подраздѣленія, то, разумѣется, нѣкоторые избранные, которые и составили Боярскую Думу. Этотъ обычай никогда не отживалъ, всего менѣе въ томъ періодѣ, о которомъ говоритъ

авторъ. Авторъ позабылъ, что за долго до Ѳедора и Грознаго боярин сдѣлался уже чиномъ и боярство давно уже было ограничено. По смерти Ивана Грознаго близкіе люди хотѣли принять участіе въ правленіи. Это явленіе повторялось и повторяется всегда, вездѣ, во всѣхъ исторіяхъ, древнихъ и новыхъ. Откуда авторъ взялъ „отчаянныхъ поборниковъ отжившаго обычая“, когда самъ Грозный назначилъ Ѳедору его главныхъ думцевъ, когда эти думцы, т.-е. новое правительство, созвало тотчасъ великую Думу Земскую. Кто были эти отчаянные поборники? Не понимаю, почему *эти господа* сами не задаютъ себѣ подобныхъ вопросовъ и говорятъ всегда безлично. Еслибъ они подумали объ именахъ, объ лицахъ *конкретныхъ*, то и увидѣли бы, что сражаются съ вѣтряными мельницами, мечтами своего воображенія, возбужденнаго логикою“.

А мы не понимаемъ, почему г. Погодинъ не дастъ себѣ труда подумать, что̀ хотѣлъ сказать г. Павловъ; еслибъ онъ подумалъ, то и увидѣлъ бы, что, выражаясь его же діалектомъ, сражается съ вѣтряными мельницами, мечтами своего воображенія, возбужденнаго на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не логикой, а отсутствіемъ логики.

Неужели г. Павловъ хотѣлъ систематизировать, въ отношеніи ко двору Ѳедора Іоанновича, вѣчное и неизмѣнное стремленіе людей получить вліяніе, власть, достигнуть первыхъ степеней? Мы не можемъ этого допустить: г. Павловъ такъ уменъ и талантливъ, что ему никогда не пришла бы въ голову такая плоскость. Г. Павловъ говоритъ, и весьма ясно, что боярскіе роды стремились возвратить себѣ старинное право быть думцами; и какъ притомъ между ними были несогласія, распри, ненависти, то образовались партіи, и каждая изъ нихъ надѣялась возвратить утраченныя права съ отстраненіемъ соперниковъ. Ясно ли? Вотъ этимъ-то время Іоанна III, Василія, Грознаго и Ѳедора отличается отъ времени Екатерины I, Петра II, Анны, Елизаветы, отъ исторіи французской, англійской, итальянской. Опровергая г. Павлова, г. Погодинъ надѣлалъ нѣсколько ошибокъ и обличилъ замѣчательное незнаніе фактовъ, довольно извѣстныхъ каждому, кто занимается русской исторіей. „Боярскую Думу“, говоритъ г. Погодинъ, „составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія“. Но откуда взялъ это г. Погодинъ? Гдѣ свидѣтельства? Гдѣ данныя? Пусть онъ укажетъ ихъ намъ. А мы покуда знаемъ о составѣ Боярской Думы вотъ что: въ ней засѣдали не „нѣкоторые избранные“, а всѣ— бояре и окольничіе — всѣ! Въ бояре
окольничіе, по прямому свидѣтельству
шихина, жаловались не всякаго зва
происхожденія люди, а только изъ и
ныхъ родовъ; члены нѣкоторыхъ родо
бывали ниже бояръ; члены другихъ р
не бывали ниже бояръ и окольничихъ
конецъ члены нѣкоторыхъ родовъ не б
выше окольничихъ. Сообразите это из
съ указаннымъ нами выше составомъ
и вы увидите, что она—не говоря о кня
русскихъ и пріѣзжихъ, и родственн
царей по женской линіи — была обра
изъ извѣстныхъ родичей, составлявшихъ
дѣленный, замкнутый кругъ, сквозь ко
пробиться и стать въ первыхъ рядахъ
царскаго престола было весьма и весьм
легко. Кто изъ незнатныхъ, кромѣ цар
родственниковъ и иноземныхъ служ
князей, достигъ высокаго боярскаго
Годуновъ, да потомъ Басмановъ. А еще
Мы не знаемъ! Малюта Скуратовъ бы
жется, любимцемъ Грознаго; нѣкоторые
странцы, въ томъ числѣ Крузе и Тауб
жется, тоже пользовались его расположен
Мининъ ужъ, конечно, оказалъ нѣко
услуги московскому государству; имен
люди Строгановы сколько разъ ихъ о
вали? А эти лица не восходили выше
пени думныхъ дворянъ. Установленіе
достоинства, которое впослѣдствіи тоже
тилось въ чинъ и потеряло первонача
свое значеніе, принадлежитъ Іоанну;
первый ввелъ подъ этимъ названіем
Боярскую Думу людей неродовитыхъ,
знатныхъ, не имѣвшихъ по своему про
денію права на боярство или окольниче
и потому не могшихъ принимать участ
совѣщаніяхъ этой Думы. Видите: самъ
ный не рѣшился облечь Скуратова въ
боярина, а вы говорите, что задолго до
дора и Грознаго боярство стало чиномъ!
нечно, оно стало чиномъ, но чинъ чину р
чинъ, даваемый по табели о рангахъ
кому, кто бы онъ ни былъ, если онъ то
заслужилъ его, и чинъ, который давался
за заслуги, но не всѣмъ, а только чле
извѣстныхъ фамилій, царскимъ родстве
камъ, — между тѣмъ и другимъ чином
измѣримая разница!

Потомъ г. Погодинъ перемѣшалъ еще
вещи совершенно разныя: думцевъ, о к
рыхъ говоритъ Берсень въ слѣдствен
дѣлѣ о Максимѣ Грекѣ, о которыхъ

Котошихинъ въ статьѣ о тайномъ при-
,—и думцевъ, членовъ Боярской Думы.
ѣдніе имѣли притязанія, основанныя на
вно минувшемъ времени; первые дѣй-
тельно избирались независимо отъ ихъ
схожденія и званія. Но развѣ объ этихъ
а быть рѣчь? Г. Павловъ говоритъ о
ахъ Боярской Думы, поймите это! Видно,
реста лѣтъ русской исторіи, разложен-
ь г. Погодинымъ по составамъ, по сло-
, недостаточно вразумили его насчетъ
торыхъ предметовъ Рекомендуемъ раз-
ить еще четыреста лѣтъ, и тоже по со-
амъ, по слогамъ...
Это все на-обумъ,—продолжаетъ г. По-
нъ, — равно какъ и слѣдующее". Тутъ
едено то, что́ говоритъ г. Павловъ на
гр. своей диссертаціи, именно: „По смерти
на IV, при дворѣ составились двѣ пар-
одна, къ которой принадлежали Году-
, князья Шуйскіе и нѣкоторые другіе,
ла видѣть на престолѣ того, кому завѣ-
ь скипетръ Грозный,—Ѳеодора; другая,
отивъ, къ которой принадлежали Нагіе
ѣльскій, защищала права младенца Ди-
рія, послѣдняго удѣльнаго князя".
отъ гдѣ начинается страшная филиппика:

Какъ (восклицаетъ г. Погодинъ) *партія* хо-
видѣть Ѳеодора? Откуда вы взяли ее? Развѣ
быть иначе? Ѳеодоръ былъ прямой наслѣд-
Всего забавнѣе, что г. Павловъ помѣщаетъ
ой партіи Годунова и Шуйскихъ, а Шуйскіе
асъ возбудили мятежъ противъ друга Году-
каго, Бѣльскаго, обвиненнаго въ намѣреніи
сти на престолъ Годунова. Не говорю уже о
дующихъ дѣйствіяхъ Шуйскихъ—планѣ раз-
Ѳеодора съ сестрою Годунова, Ириною, коею
олько и держался. Вотъ какова первая партія!
воримъ теперь о второй, что защищала права
енца Димитрія. Но какія *права* имѣлъ Димит-
ри Ѳеодорѣ? Въ чемъ состояла *защита* правъ
партіею?"

Павловъ говоритъ: „эта партія попы-
сь-было, вслѣдъ за смертью царя Іоанна,
ь перевѣсъ надъ соперниками при по-
и насилія, но проиграла свое дѣло, и
тѣ съ царевичемъ принуждена была
иться въ его удѣлъ, Угличъ".

Гдѣ же этотъ опытъ? (восклицаетъ г. Пого-
Гдѣ насиліе? Укажите мнѣ его. Мы не
ъ никакого. Помилуйте, можно ли говорить
ихъ важныхъ предметахъ съ такою легкостію!
мзинъ сказалъ, что Дума къ родственникамъ
твующей царицы, Нагимъ, приставила стражу,
ляя ихъ въ злыхъ умыслахъ, вѣроятно въ на-
ніи объявить юнаго Дмитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ. И Карамзинъ сказалъ это, не представивъ свидѣтельства".

Г. Павловъ говоритъ, что „Бѣльскій, оставшись въ Москвѣ, думалъ въ послѣдній разъ возвратить потерянное при помощи стрѣльцовъ, но, обманутый въ своемъ стремленіи, долженъ былъ поплатиться за свое предпріятіе ссылкой".

„Но Бѣльскій (возражаетъ г. Погодинъ) былъ вѣдь другъ Годунова? Съ чего берете вы, чтобъ онъ затѣвалъ что-либо ему вредное. Напротивъ, лѣтописи приводятъ молву, совершенно противоположную.. Какіе стрѣльцы помогали Бѣльскому? И въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго? Помилуйте—въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго, спрашиваю я васъ. Какія предпріятія онъ предпринялъ? Что за стремленія? Что хотѣлъ онъ возвратить? О какой ссылкѣ вы говорите? Бѣльскій былъ только удаленъ на воеводство въ Нижній-Новгородъ. Каково распоряжается авторъ! Враговъ Годунова, Шуйскихъ, онъ пожаловалъ въ сообщники, а друга, Бѣльскаго, зачислилъ врагомъ. И вотъ какъ *эти господа* берутся толковать исторію! Или я, разлагавъ четыреста лѣтъ русской исторіи (мы чуть-чуть не прочли *русскую исторію*) по составамъ, по словамъ, собиравъ къ каждому слову всѣ свидѣтельства, такъ привыкъ къ этимъ положительнымъ свидѣтельствамъ, что не могу понимать идей, или, или... Но я предоставляю читателямъ кончить эту рѣчь. Но это еще не все".

„Сторонники Ѳеодора,—говоритъ г. Павловъ,—съ своей стороны не могли тѣмъ ограничиться и должны были идти до конца: къ тому побуждало ихъ чувство самосохраненія. Вдали отъ Москвы, въ Угличѣ, росъ, подъ вліяніемъ Нагихъ, ихъ будущій непримиримый врагъ, царевичъ Димитрій: сторонникамъ Ѳеодора необходимо было отъ него отдѣлаться навсегда, и невинный младенецъ (1591 г.) погибъ подъ ножомъ убійцъ, унеся съ собой въ могилу лучшія надежды Нагихъ".

„Какіе были сторонники Ѳеодора? (вопрошаетъ г. Погодинъ) КТО, КТО, КТО? Они придуманы, они сочинены г. Соловьевымъ; но какъ же вы, господинъ докторъ, рѣшаетесь повторять произвольныя мнѣнія, не провѣривъ ихъ дѣйствительностію?.. Помилуйте, подлѣ Ѳеодора стоялъ одинъ Годуновъ, а прочіе бояре были врагами Годунова, кромѣ его собственнаго рода, и то не всего. Какіе сторонники были у Ѳеодора? На что Ѳеодору было имѣть сторонниковъ? Это былъ законный, прирожденный государь, противъ котораго никто не имѣлъ и не могъ имѣть ничего! Годуновъ сдѣлался правителемъ государства. А куда же дѣвались сторонники Ѳеодора? И между тѣмъ на этомъ *выдуманномъ* сторонничествѣ *сочинены* царевичу Димитрію новые убійцы, о которыхъ *никто, ни*

кѣмъ, не было помину, ни въ актахъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ, ни въ преданіяхъ. Эта *странность* выдана была г. Соловьевымъ въ „Современникѣ", года три назадъ. Я промолчалъ, какъ о мнѣніи журнальной статьи, но теперь оно является въ докторской диссертаціи, переносится въ науку,—помилуйте, этого *пропустить нельзя*: всему есть мѣра. Я считаю ученымъ преступленіемъ молчать въ этомъ случаѣ, или говорить съ *подслащеніемъ*".

Какое счастіе, подумали мы, прочитавъ этотъ рядъ возгласовъ, что по критикамъ г. Погодина не составляется у насъ окончательное мнѣніе о молодыхъ ученыхъ, впервые выступающихъ на учено-литературное поприще! Какое счастіе, что иные читатели не вѣрятъ на слово никому, даже самому г. Погодину, и забираютъ нужныя справки, чтобъ узнать истину! А то плохо бы пришлось г. Павлову.

Въ возгласахъ г. Погодина, во сколько они не одни знаки вопрошенія и удивленія, поражаютъ двѣ вещи: незнакомство съ источниками и крайняя, непростительная въ ученомъ опрометчивость. Приведенныя слова г. Павлова суть не что иное, какъ сжатый выводъ того, что́ пространнѣе сказалъ о томъ же предметѣ г. Соловьевъ въ упомянутомъ нами „Обзорѣ". Г. Соловьевъ, котораго въ незнаніи упрекнуть довольно трудно, подкрѣпляетъ свои положенія—именно тѣ самыя, которыя такъ возмущаютъ душу г. Погодина — ссылками на Одерборна, Горсея и на сказаніе Авраамія Палицына. Вы, можетъ-быть, не читали ихъ, г. Погодинъ? Прочтите и подумайте, а потомъ ужъ *эти господа* станутъ съ вами спорить, и увидимъ, кто правъ, кто виноватъ. Вы говорите, что мнѣніе г. Соловьева объ убіеніи царевича Димитрія — *странность*. Но чтобъ доказать эту „странность", г. Соловьевъ разобралъ и всѣ свидѣтельства въ памятникахъ, и мнѣніе Карамзина, и ваше, по словамъ, подробно, критически на восемнадцати страницахъ мелкой печати. А вы и не потрудились опровергнуть хоть бы десятую долю его доводовъ. Позвольте же не вѣрить вамъ на слово, когда вы такъ самонадѣянно называете *странностью* добросовѣстно, тщательно выведенное изъ фактовъ мнѣніе. Опровергните его въ основаніи, тогда другое дѣло.

Этого мало: г. Павловъ ясно говоритъ, что послѣ смерти Грознаго явились двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за Ѳеодора, другая за Димитрія. О томъ, были ли друзьями и благопріятелями между
стороники Ѳеодора и сторонники Дими
ни слова. Что жъ дѣлаетъ г. Погодин
навязываетъ г. Павлову мнѣніе, бу
Годуновъ и Шуйскій, напримѣръ, были
ями между собою, да и говоритъ: ка
дуновъ и Шуйскій были друзья! ка
можно! что вы? въ умѣ ли вы? и
Вотъ ученые пріемы критика. Пр
имъ соотвѣтствующій терминъ предос
емъ самому г. Погодину.

Мы не станемъ надоѣдать чита
дальнѣйшими выписками изъ крити
Погодина на диссертацію г. Павлова
она написана въ томъ же духѣ, въ то
тонѣ, съ тѣмъ же расположеніемъ къ
дому таланту, впервые выступающе
чатно на судъ любителей и знатоков
ской исторіи. Достойно при этомъ з
нія, что, нападая на г. Павлова там
г. Павловъ дѣйствительно не правъ,
годинъ съ особеннымъ искусствомъ
раетъ доводы самые слабые и, попр
самъ тутъ же дѣлаетъ ошибки. Так
занное г. Павловымъ объ отношеніях
дунова къ духовенству, конечно, сли
смѣлая гипотеза; они, конечно, был
можны, если вспомнимъ, что Годунова
ставляютъ современники „потаковником
си латинской и армянской", и что он
билъ иностранцевъ и иностранные
но все это еще не историческія доказ
ства въ такомъ важномъ вопросѣ; а
годинъ считаетъ годы и говоритъ: н
женіе митрополита Діонисія произошло
ше, чѣмъ призваніе иностранцевъ и
вленіе русскихъ въ чужіе краи. Что
опроверженіе! Развѣ образъ мыслей
и его понятія стали извѣстны только
минуты, какъ онъ рѣшился призывать
странцевъ и отправлять за границу
скихъ? Глубокая психологія и истори
критика, нечего сказать!

Не остроумнѣе возраженіе и по
мнѣній г. Павлова объ учрежденіи па
шества. Это событіе, поставляя во
духовенства Іова, преданнаго Годуно
то же время однажды навсегда прекр
зависимость нашей церкви отъ конста
польскаго патріархата. Вотъ его суще
ное историческое значеніе. Оно тѣмъ
нѣе, что задумано издавна и было р
татомъ и послѣднимъ звеномъ усилі
наруженныхъ, начиная съ Ярослава,

великими князьями кіевскими и въ
ности московскими. Это и говоритъ
ловъ, только другими словами. Четы-
лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ
овамъ, по составамъ, не помогли г.
ину замѣтить и уразумѣть это.
очемъ, мы не хотимъ подражать кри-
въ упорствѣ переиначивать мнѣнія
противниковъ, видѣть въ нихъ одно
и забывать хорошее. Во всемъ томъ,
воритъ далѣе критикъ въ опроверже-
нѣній г. Павлова объ указахъ 1592 и
годовъ, причинахъ ихъ, поводахъ, зна-
и послѣдствіяхъ, есть много правды.
ловъ взглянулъ на предметъ слишкомъ
енно, увлекся своимъ основнымъ взгля-
и недостаточно взвѣсилъ всѣ обстоя-
ва. Но, говоря: *много правды*, мы да-
е хотимъ сказать, чтобы все, написан-
этому случаю г. Погодинымъ, было
й. Такъ, г. Павловъ неправъ, утвер-
что дѣтьми боярскими назывались си-
боярскіе; но правъ ли г. Погодинъ,
я нѣсколько свидѣтельствъ о много-
ности боярскихъ дѣтей при двухъ
хъ и Ѳедорѣ и остроумно замѣчая
томъ: „это все сироты! Каково они
ились!“ Г. Павловъ сказалъ: *древле*,
встарину, въ прежнія времена. За-
же приписывать г. Павлову нелѣпое
, будто-бы въ XVI вѣкѣ всѣ дѣти
ія были боярскіе сироты? Вѣдь онъ
не говоритъ!
аведливѣе всего замѣтки г. Погодина
льно указовъ Ѳедора и его преемни-
Юрьевъ днѣ. Но и тутъ, очень на-
на то, что никто до него (то-есть, раз-
я, до г. Погодина) не замѣтилъ, что
зѣ 1597 года говорится о крестьянахъ,
ые выбѣжали“, критикъ самъ не за-
ь, что этотъ указъ, именно потому, что
ъ говорится о бѣжавшихъ, бѣглыхъ,
ѣтъ никакого отношенія къ крестьян-
выходамъ, то-есть къ оставленію кре-
ми земли по исполненіи всѣхъ зако-
и обычаемъ установленныхъ обяза-
въ относительно землевладѣльцевъ. Не
лъ также г. Погодинъ, а съ нимъ и
многіе изслѣдователи, что пятилѣтняя
ть для поимки бѣглыхъ крестьянъ ни-
не даетъ права думать, что въ 1592
593 году былъ изданъ указъ, отмѣнив-
Юрьевъ день. На этотъ указъ нигдѣ не
имъ ни ссылки, ни указанія; только въ соборной указной грамотѣ 1607 года, 9-го марта, читаемъ между прочимъ, что „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ“. Но когда это было, объ этомъ ни слова. Указъ 1592 или 1593 года есть фикція ученыхъ, ничѣмъ не подкрѣпляемая; можетъ быть, онъ былъ, а можетъ быть и не былъ. Наконецъ г. Погодинъ замѣтилъ мнѣніе г. Павлова, „что при существованіи удѣльной системы, при существованіи запрещенія перехода общинниковъ изъ одного княжества въ другое на поселеніе, очевидно, церковь съ трудомъ могла свободно, по своему усмотрѣнію, переводить на свои льготныя земли достаточное количество рабочихъ рукъ для ихъ воздѣлыванія, и крестьяне весьма часто должны были жить на земляхъ собственниковъ мелкихъ. Оттого и въ интересѣ духовенства, большого вотчинника, и въ интересѣ крестьянъ было паденіе удѣльной системы, стѣснявшей право перехода по всему пространству земель Руси сѣверо-восточной“. (Примѣчаніе 62, стр. 115 и 116). Мы говоримъ, что г. Погодинъ замѣтилъ это мнѣніе, но, за возгласами, не вникъ хорошенько, въ чемъ именно оно неправильно и несогласно съ фактами. Мы съ своей стороны считаемъ это мнѣніе ошибочнымъ, потому что во многихъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ находимъ слѣдующую статью: „а людей имъ въ то село моихъ Великаго Князя не принимати“. Сверхъ того, льготы крестьянамъ, поселеннымъ на монастырскихъ земляхъ, давались обыкновенно на тотъ случай, если эти поселенцы были вызваны или перешли изъ „иныхъ“ княженій; оба эти обстоятельства даютъ поводъ думать, что уничтоженіе удѣльной системы не только не открыло большого пространства для переходовъ поселянъ, но, напротивъ, затруднило ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, вопреки утвержденіямъ г. Погодина, что около временъ Іоанна IV дѣйствительно стала было развиваться у насъ бродячая жизнь, породившая шайки „лихихъ людей“, разбойниковъ, которые нападали на села и чинили всякія неустройства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданіе, въ царствованіе Грознаго, особеннаго уголовнаго устава, который тѣмъ весьма замѣчателенъ, что впервые вводитъ у насъ слѣдственный порядокъ судопроизводства, до того неизвѣстный въ Россіи. Читая уставъ и древнѣйшія губныя грамоты, сход-

ныя съ нимъ въ главныхъ основаніяхъ, и не восходящія далѣе временъ Грознаго, мы видимъ, что новое судопроизводство и предупредительныя полицейскія мѣры принимаются именно противъ разбойниковъ и убійцъ, которые входили въ селенія и совершали въ нихъ преступленія. Оттого-то сначала этимъ порядкомъ розыскивались и судились одни вѣдомые лихіе воровскіе люди; преступленія, совершаемыя не этими людьми, хотя бы они были не менѣе важны, долго продолжали судиться обыкновеннымъ обвинительнымъ, гражданскимъ порядкомъ; слѣды этого видны даже въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ, появленіе уголовнаго устава и уголовнаго судопроизводства показываетъ, что лихихъ людей развелось много, и что противъ нихъ были приняты чрезвычайныя мѣры. Отчего развелись эти люди? Не оттого ли, что переходы усилились, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ, и бродяжество, склонность къ гулячей, праздной жизни? Это дѣйсвительно могло быть такъ, и потому постепенная отмѣна Юрьева дня могла быть мѣрой полицейской, предупредительной. А какъ мѣра, долженствовавшая утвердить осѣдлость, или, если хотите, поддержать ее, когда одного обычая и нравовъ стало недостаточно,—отмѣна переходовъ представляла звено въ цѣломъ рядѣ аналогическихъ явленій, предшествовавшихъ и послѣдующихъ; сперва усѣлись на мѣстахъ князья; потомъ запрещенъ отъѣздъ бояръ, придворныхъ, служилыхъ людей; потомъ переходъ крестьянъ; потомъ затрудненъ добровольные переходы изъ посадскихъ тяглыхъ и черныхъ царскихъ людей въ другіе разряды; чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ выходъ изъ одного званія въ другое становился труднѣе и труднѣе. Эту-то мысль и высказываетъ г. Павловъ, и нельзя отказать ей въ основательности, хотя объясненіе всѣхъ историческихъ явленій, сюда относящихся, изъ родового начала и неудовлетворительно. Но какъ не извинить нѣкотораго увлеченія въ молодомъ ученомъ, когда старѣйшій изъ наличныхъ изслѣдователей русской исторіи прощаетъ – конечно самъ себѣ— промахи несравненно менѣе извинительные! Творецъ математическаго метода въ изученіи нашей старины говоритъ, напримѣръ, вотъ что: „Помилуйте! Неужели вы думаете, что крестьяне когда-нибудь переходили издалека! Это не могло иначе быть, какъ по сосѣдству. Гдѣ крестьянину на парѣ своихъ кляченокъ перебраться отъ Юрьева дня осенняго до заморозовъ въ далекое мѣсто? А всего срока двѣ недѣли. Это учрежденіе о двухъ недѣляхъ весьма важно, и вѣрно начинало уже гораздо прежде Годунова ограничивать право перехода. На него также никто не обращалъ вниманія“. Обращали на это вниманіе не одни вы, можемъ васъ увѣрить, да не говорили ничего, потому что говорить-то не о чемъ было! Осенній срокъ предложенъ былъ только для *отъѣзда*, для „отказа“, а не для *переѣзда* крестьянъ. „А крестьянамъ *отказыватися* изъ волости въ волость, и изъ села въ село, одинъ срокъ въ году“, гласитъ 88 статья „Судебника“ Іоанна Грознаго; „а срокъ крестьянамъ *отписывати* Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дни съ двѣ седьмицы“ гласитъ указъ Годунова 1710 года, ноемврія 21; стало быть, поселянинъ могъ взять сколько ему угодно времени на переѣздъ изъ одного мѣста въ другое; онъ не могъ только „отказываться“ иначе, какъ на Юрьевскій срокъ, по закону. Вотъ въ чемъ сила. А вы этого и не замѣтили?.

Того, что мы сказали, кажется, теперь достаточно, чтобы дать ясное понятіе о томъ, какъ пишутся рецензіи г. Погодина объ изслѣдователяхъ русской исторіи. Разбирать эти рецензіи не стоитъ: это безполезная трата времени. Повторяемъ, мы взяли на себя этотъ трудъ въ первый и послѣдній разъ. Г. Погодинъ можетъ впредь ратовать сколько ему угодно противъ „родоплавателей“, противъ „проказы родового быта“ и т. п.,—мы будемъ молчать по прежнему. Не пускаясь на арену журнальной полемики, въ которой, повидимому, такъ хорошо и привольно г. Погодину, мы хотѣли только показать ему, что не чувство собственнаго безсилія и не сознаніе превосходства г. Погодина заставляетъ молчать тѣхъ ученыхъ, противъ которыхъ направлены стрѣлы его краснорѣчія и остроумія. Сознаніе правоты спокойно, не нуждается въ выходкахъ. Поучителенъ примѣръ, который подаютъ противники г. Погодина въ области русской исторіи. Они, по крайнему своему разумѣнію, разбираютъ новыя сочиненія спокойно, прилично, считая обязанностью воздать полную справедливость и хвалу даже тѣмъ изъ нихъ, которыя написаны несогласно съ ихъ мнѣніями; ошибки, промахи, ложныя воззрѣнія опровергаются и указываются съ полнымъ уваженіемъ къ труду и заслугамъ писателя, съ возможнымъ безпристрастіемъ

и пощадой личности автора. Такова, напримѣръ, критика на диссертацію г. Павлова, помѣщенная въ III книжкѣ „Современника“. Почтенный рецензентъ не подписалъ своего имени; но мы убѣждены, что онъ принадлежитъ къ числу молодыхъ изслѣдователей русской исторіи, и убѣжденіе свое основываемъ на спокойномъ тонѣ критики, видимомъ благорасположеніи къ автору и дѣльности возраженій. Критикъ скупъ на похвалы, но зато мы не встрѣчаемъ у него ни одной выходки, ни одного возгласа. Правда, съ нѣкоторыми изъ его возраженій мы не можемъ вполнѣ согласиться; такъ онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ строго судитъ Бориса за неудачу въ пріобрѣтеніи Ливоніи; также, кажется намъ, онъ слишкомъ рѣшительно отрицаетъ, что дѣти боярскія могли *служить* у бояръ и получать отъ нихъ помѣстья: прямого извѣстія о дѣтяхъ боярскихъ, состоявшихъ на службѣ у бояръ, точно нѣтъ; но что послѣдніе были окружены дворомъ, состоявшимъ не изъ однихъ ихъ крѣпостныхъ людей,— очень вѣроятно, и на это есть намеки; такъ, намѣстники въ областяхъ сажали волостелями и тіунами изъ своихъ приближенныхъ и по своему усмотрѣнію, а волостелинство и тіунство было, въ меньшихъ размѣрахъ, нѣчто похожее на помѣстное право и во всякомъ случаѣ было кормленіемъ, которое, какъ думаемъ, приготовило помѣстную систему. Въ XVII вѣкѣ свиту бояръ составляли ихъ „знакомцы“—кліенты, находившіеся вѣроятно подъ ихъ защитой и покровительствомъ и сохранившіеся позже подъ именемъ нахлѣбниковъ; наконецъ у Карамзина находимъ исчисленіе *послужильцевъ*—служилыхъ людей, распущенныхъ изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ, по покоренія Новгорода, и получившихъ отъ Іоанна III помѣстья въ Вотской Пятинѣ (Кар., т. VI, примѣч. 201, по 1-му изд.). Такъ какъ чинъ боярскаго сына былъ самый низшій, въ который, впослѣдствіи, поступали лица изъ всякихъ, даже несвободныхъ, званій, то г. Павловъ могъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, думать или предполагать, что многія или нѣкоторыя дѣти боярскія находились въ службѣ у бояръ и отъ нихъ впослѣдствіи переходили въ царскую службу, какъ это было съ новгородскими послужильцами; но во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ правъ, критикъ или мы, намъ пріятно спорить съ нимъ, потому что онъ имѣетъ, какъ видно, ясное понятіе о значеніи и достоинствѣ ученыхъ преній и не выходитъ за черту, указываемую должнымъ уваженіемъ къ личностямъ.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 9).

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго.

Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ I. Кіевъ. 1850.

Послѣднее время было особенно благопріятно для русской исторической литературы. Въ теченіе нынѣшняго года появилось нѣсколько книгъ, журнальныхъ статей, диссертацій и брошюръ, весьма важныхъ по своему предмету и, смѣло можно сказать, подвинувшихъ науку впередъ по своему содержанію и методу изслѣдованія. Мы отдали въ свое время отчетъ о превосходной статьѣ г. Тюрина, объ „Архивѣ“ г-на Калачова; не менѣе важны статья о Псковской Судной Грамотѣ, изслѣдованіе о Борисѣ Годуновѣ г. Павлова; но годъ еще не былъ въ половинѣ, какъ появилось новое изслѣдованіе, ни въ чемъ не уступающее названнымъ нами трудамъ,—именно первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“.

Ученый трудъ г. Шульгина, судя по заглавію и началу, задуманъ въ обширномъ объемѣ. Онъ будетъ обнимать исторію женщины въ древней Руси во всѣхъ отношеніяхъ, въ ея домашнемъ и общественномъ быту, и такимъ образомъ пополнитъ одинъ

изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ внутренней русской исторіи. Одно такое намѣреніе заслуживало бы уже особеннаго вниманія. Въ исторіи, какъ и во всякой наукѣ, умѣнье выбрать предметъ, поставить вопросъ —невольно предупреждаетъ въ пользу автора, и не безъ причины: сколько предметовъ оставались непонятными, пока не были правильно установлены вопросы; сдѣлалось это — и половина задачи была рѣшена. Но въ книгѣ г. Шульгина не одно намѣреніе или цѣль важны; онъ умѣлъ выбрать тему и умѣлъ развить ее съ рѣдкимъ историческимъ талантомъ, приготовленный къ труду большою начитанностью и основательнымъ изученіемъ предмета по историческимъ памятникамъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Словомъ, онъ приступилъ къ дѣлу вооруженный; оттого и выполненіе стоитъ въ уровень съ трудной задачей.

Къ чести новыхъ изслѣдованій по русской исторіи должно сказать, что они — особенно въ послѣднее время — болѣе и болѣе становятся недовѣрчивы къ общимъ положеніямъ и гипотезамъ; разработка данныхъ, кропотливая, иногда неблагодарная, поглощаетъ всѣ ихъ силы. Очевидно, наука русской исторіи, въ ихъ трудахъ, закладываетъ себѣ прочную основу, фундаментъ, на которомъ не трудно уже будетъ выстроить зданіе, вывести окончательные результаты. Пересмотръ, повѣрка фактовъ и общихъ воззрѣній составляетъ какъ бы исключительное направленіе всѣхъ этихъ трудовъ, а между тѣмъ предметъ уясняется, границы науки раздвигаются дальше и дальше... Къ разряду такихъ, въ высокой степени полезныхъ, важныхъ и почтенныхъ трудовъ принадлежитъ и книга г. Шульгина. Вся она состоитъ изъ изслѣдованій, сближенія разновременныхъ и разнонародныхъ историческихъ данныхъ. Выводовъ à priori, умозрѣній, гипотезъ, предпосланныхъ изслѣдованію, почти нѣтъ въ его ученомъ трудѣ. Зато чтеніе его даетъ много пищи мысли, вызываетъ на новыя сближенія и выводы.

Первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина содержитъ въ себѣ небольшое предисловіе или вступленіе (на 27 стр.) и первую главу сочиненія, именно изслѣдованіе о состояніи женщинъ въ языческой Руси. Предисловіе обнаруживаетъ вѣрный и современный взглядъ автора на исторію и на предметъ изслѣдованія. Онъ указываетъ важность вопроса о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мужчинѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни.

„Женщина (говоритъ г. Шульгинъ) какъ бы ни была она унижена, всегда сохраняетъ власть свою надъ мужчинами, — женщина, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ ея дѣятельности, всегда имѣетъ сильное вліяніе на общество. Эту власть, это вліяніе она почерпаетъ, во-первыхъ —въ неистощимомъ источникѣ страстей мужчины; во-вторыхъ—въ воспитаніи молодого поколѣнія, которое въ тотъ періодъ жизни, когда закладывается первая основа нравственнаго человѣка, всегда и вездѣ почти происходитъ если не подъ исключительнымъ, то подъ сильнымъ вліяніемъ женщины-матери. Эти два обстоятельства даютъ женщинѣ огромное значеніе въ опредѣленіи характера и въ настроеніи духа цѣлыхъ генерацій, цѣлаго общества. Дѣйствуетъ же она на жизнь общества и человѣка своимъ особеннымъ образомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ея женственной природѣ. Представительница нравственности, любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, — женщина преимущественно господствуетъ въ семейной и свѣтской жизни, одухотворяя ее нравственностію, чувствомъ, любовью, скромностію, сообщая ей приличіе, грацію, красоту; тогда какъ мужчина, представитель закона, долга, чести и мысли, господствуетъ по преимуществу въ сферѣ гражданской дѣятельности, утверждаетъ въ обществѣ законъ, обязанность, честь и мысль, даетъ ей полноту, многообразіе, практическій характеръ. Женщина болѣе вѣруетъ, мужчина мыслитъ; первая *сочувствуетъ* добру, истинѣ и красотѣ, послѣдній старается *познать* добро, истину и красоту; мужчина проявляетъ свою силу въ дѣйствіи, творчествѣ, женщина въ страданіи и воспріятіи. Только во взаимномъ союзѣ они образуютъ одного полнаго, совершеннаго человѣка. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе уравновѣшено въ немъ значеніе обоихъ половъ. Унижая женщину, мужчина этимъ только показываетъ свое собственное униженіе... Но напрасно, опираясь на свою силу, онъ стремился отнять у женщины значеніе въ жизни общества и человѣка: вѣчный законъ, сила исторіи уничтожали усилія человѣка, стремившагося нарушить вѣчный законъ“.

Показавъ затѣмъ, въ бѣгломъ очеркѣ, значеніе женщины въ различныя эпохи исторіи у различныхъ народовъ древняго и новаго міра, авторъ переходитъ къ состоянію ея въ Россіи и находитъ, что въ русской исторіи этотъ предметъ получаетъ еще особенное значеніе: онъ пролагаетъ путь къ узнанію историческаго развитія семейной жизни русскаго народа, доселѣ дѣйствительно весьма мало изслѣдованной и объясненной, несмотря на важную роль, которую эта жизнь играла и играетъ въ нашемъ обществѣ; кромѣ того, вѣрное объясненіе исторіи русской женщины должно, по его сло-

вамъ, способствовать къ опредѣленію степени вліянія на нашу жизнь элементовъ византійскаго, монгольскаго и европейскаго. Судьба русской женщины, по мнѣнію г. Шульгина, видоизмѣнялась у насъ три раза. Въ языческомъ быту всѣ сферы жизни открыты женщинѣ; съ принятіемъ христіанства начинается, мало-по-малу, разлученіе половъ: женщина постепенно исключается изъ мужского общества; въ до-татарскую эпоху—подъ видомъ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и треволненій мірскихъ; отъ XIV до XVII вѣка включительно, въ сѣверо-восточной Россіи это удаленіе женщины обращается въ обычай, чего вовсе незамѣтно въ юго-западной Руси; наконецъ, при Петрѣ оба пола снова соединяются въ обществѣ: женщинѣ возвращается ея мѣсто, права и значеніе, только въ новыхъ, болѣе развитыхъ и образованныхъ формахъ. Эти видоизмѣненія въ судьбѣ русской женщины авторъ считаетъ основными, главными, отъ которыхъ зависѣли всѣ прочіе оттѣнки и частныя перемѣны.

Въ этомъ взглядѣ автора много справедливаго, но есть и свои недостатки. Изъ языческаго быта авторъ беретъ одну черту и характеризуетъ ею цѣлый этотъ бытъ, тогда какъ онъ развивался, и развитіе его имѣло свои степени, свои эпохи. Далѣе, мы совершенно согласны съ нимъ, что византійское вліяніе, такъ глубоко проникнувшее въ нашу плоть и кровь, обнявшее всѣ стороны нашей народной, домашней, общественной и государственной жизни, имѣло сильное вліяніе и на судьбу русской женщины во всѣхъ многообразныхъ сферахъ ея дѣятельности; но мы не можемъ понять, почему начало отлученія женщины изъ общественной жизни, отдѣленія ея отъ мужского общества, авторъ видитъ въ ея религіозномъ уединеніи отъ міра. Во-первыхъ, это уединеніе, затворническая жизнь монастырей—явленіе, общее обоимъ поламъ, и, слѣдовательно, будучи чрезвычайно многозначительно и важно въ развитіи нашего быта и образованности вообще, оно, какъ мы думаемъ, едва-ли имѣло особенное какое-нибудь значеніе въ отношеніи къ разлученію двухъ половъ въ общественной и семейной жизни. Намъ кажется это построеніе слишкомъ искусственнымъ, изысканнымъ. Не забудемъ, что разныя ограниченія женщинъ въ жизни, въ гражданскихъ правахъ, положительно занесены уже въ „Русскую Правду;“ отрицательно можно вывести изъ нея еще больше такихъ ограниченій; а между тѣмъ, на этомъ памятникѣ, какую мы ни возьмемъ редакцію, меньше лежитъ печать византійскаго, чѣмъ туземнаго, славянскаго элемента. Скажемъ болѣе: въ XVII вѣкѣ, когда вліяніе византійскаго законодательства на русское было сильнѣе, чѣмъ прежде, мы видимъ появленіе многихъ юридическихъ положеній, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ для женщинъ. Изъ этого мы позволимъ себѣ заключить, что начало разлученія мужчинъ и женщинъ, отлученіе женщинъ отъ общества и правъ, лежало не въ византійскомъ вліяніи, а въ чемъ-нибудь другомъ, и что этому другому византійское вліяніе до извѣстной степени противодѣйствовало, что́ весьма естественно: византійское право приняло въ себя право римское, отбросившее, въ послѣднемъ своемъ развитіи, не одно положеніе, стѣснительное для женщинъ.

За вступленіемъ слѣдуютъ разысканія о судьбѣ русской женщины во времена язычества. Изъ нашихъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ только лѣтопись Нестора сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ времени. Въ дополненіе и поясненіе ихъ авторъ беретъ извѣстія иностранцевъ о языческой Россіи, извѣстія о другихъ славянскихъ племенахъ въ эпоху язычества, живые памятники, доселѣ сохранившіеся чрезъ цѣлые вѣка въ современныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ простого народа, и съ помощью этихъ источниковъ возстановляетъ, по возможности, картину быта древней русской женщины, еще не просвѣщенной христіанствомъ. Мы уже сказали свое мнѣніе объ ученомъ трудѣ г. Шульгина. Русская исторія весьма скоро вышла бы изъ своего теперешняго, хаотическаго состоянія, еслибъ побольше явилось у насъ изслѣдователей съ такимъ же знаніемъ, такимъ же основательнымъ, вѣрнымъ историческимъ взглядомъ и смысломъ, какъ г. Шульгинъ. Вполнѣ раздѣляя его взгляды и мнѣнія о предметѣ изысканія вообще, мы не можемъ, однако согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и о нихъ-то считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

По словамъ Нестора нельзя заключать, чтобъ у полянъ, какъ у многихъ другихъ

изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ внутренней русской исторіи. Одно такое намѣреніе заслуживало бы уже особеннаго вниманія. Въ исторіи, какъ и во всякой наукѣ, умѣнье выбрать предметъ, поставить вопросъ —невольно предупреждаетъ въ пользу автора, и не безъ причины: сколько предметовъ оставались непонятными, пока не были правильно установлены вопросы; сдѣлалось это — и половина задачи была рѣшена. Но въ книгѣ г. Шульгина не одно намѣреніе или цѣль важны; онъ умѣлъ выбрать тему и умѣлъ развить ее съ рѣдкимъ историческимъ талантомъ, приготовленный къ труду большою начитанностью и основательнымъ изученіемъ предмета по историческимъ памятникамъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Словомъ, онъ приступилъ къ дѣлу вооруженный; оттого и выполненіе стоитъ въ уровень съ трудной задачей.

Къ чести новыхъ изслѣдованій по русской исторіи должно сказать, что они — особенно въ послѣднее время — болѣе и болѣе становятся недовѣрчивы къ общимъ положеніямъ и гипотезамъ; разработка данныхъ, кропотливая, иногда неблагодарная, поглощаетъ всѣ ихъ силы. Очевидно, наука русской исторіи, въ ихъ трудахъ, закладываетъ себѣ прочную основу, фундаментъ, на которомъ не трудно уже будетъ выстроить зданіе, вывести окончательные результаты. Пересмотръ, повѣрка фактовъ и общихъ воззрѣній составляетъ какъ бы исключительное направленіе всѣхъ этихъ трудовъ, а между тѣмъ предметъ уясняется, границы науки раздвигаются дальше и дальше... Къ разряду такихъ, въ высокой степени полезныхъ, важныхъ и почтенныхъ трудовъ принадлежитъ и книга г. Шульгина. Вся она состоитъ изъ изслѣдованій, сближенія разновременныхъ и разнонародныхъ историческихъ данныхъ. Выводовъ à priori, умозрѣній, гипотезъ, предпосланныхъ изслѣдованію, почти нѣтъ въ его ученомъ трудѣ. Зато чтеніе его даетъ много пищи мысли, вызываетъ на новыя сближенія и выводы.

Первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина содержитъ въ себѣ небольшое предисловіе или вступленіе (на 27 стр.) и первую главу сочиненія, именно изслѣдованіе о состояніи женщинъ въ языческой Руси. Предисловіе обнаруживаетъ вѣрный и современный взглядъ автора на исторію и на предметъ изслѣдованія. Онъ указываетъ важность вопроса о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мужчинѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни.

„Женщина (говоритъ г. Шульгинъ) какъ бы ни была она унижена, всегда сохраняетъ власть свою надъ мужчинами, — женщина, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ ея дѣятельности, всегда имѣетъ сильное вліяніе на общество. Эту власть, это вліяніе она почерпаетъ, во-первыхъ —въ неистощимомъ источникѣ страстей мужчины; во-вторыхъ—въ воспитаніи молодого поколѣнія, которое въ тотъ періодъ жизни, когда закладывается первая основа нравственнаго человѣка, всегда и вездѣ почти происходитъ если не подъ исключительнымъ, то подъ сильнымъ вліяніемъ женщины-матери. Эти два обстоятельства даютъ женщинѣ огромное значеніе въ опредѣленіи характера и въ настроеніи духа цѣлыхъ генерацій, цѣлаго общества. Дѣйствуетъ же она на жизнь общества и человѣка своимъ особеннымъ образомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ея женственной природѣ. Представительница нравственности, любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, – женщина преимущественно господствуетъ въ семейной и свѣтской жизни, одухотворяя ее нравственностію, чувствомъ, любовью, скромностію, сообщая ей приличіе, грацію, красоту; тогда какъ мужчина, представитель закона, долга, чести и мысли, господствуетъ по преимуществу въ сферѣ гражданской дѣятельности, утверждаетъ въ обществѣ законъ, обязанность, честь и мысль, даетъ ей полноту, многообразіе, практическій характеръ. Женщина болѣе вѣруетъ, мужчина мыслитъ; первая *сочувствуетъ* добру, истинѣ и красотѣ, послѣдній старается *познать* добро, истину и красоту; мужчина проявляетъ свою силу въ дѣйствіи, творчествѣ, женщина въ страданіи и воспріятіи. Только во взаимномъ союзѣ они образуютъ одного полнаго, совершеннаго человѣка. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе уравновѣшено въ немъ значеніе обоихъ половъ. Унижая женщину, мужчина этимъ только показываетъ свое собственное униженіе... Но напрасно, опираясь на свою силу, онъ стремился отнять у женщины значеніе въ жизни общества и человѣка: вѣчный законъ, сила исторіи уничтожали усилія человѣка, стремившагося нарушить вѣчный законъ".

Показавъ затѣмъ, въ бѣгломъ очеркѣ, значеніе женщины въ различныя эпохи исторіи у различныхъ народовъ древняго и новаго міра, авторъ переходитъ къ состоянію ея въ Россіи и находитъ, что въ русской исторіи этотъ предметъ получаетъ еще особенное значеніе: онъ пролагаетъ путь къ узнанію историческаго развитія семейной жизни русскаго народа, доселѣ дѣйствительно весьма мало изслѣдованной и объясненной, несмотря на важную роль, которую эта жизнь играла и играетъ въ нашемъ обществѣ; кромѣ того, вѣрное объясненіе исторіи русской женщины должно, по его сло-

вамъ, способствовать къ опредѣленію степени вліянія на нашу жизнь элементовъ византійскаго, монгольскаго и европейскаго. Судьба русской женщины, по мнѣнію г. Шульгина, видоизмѣнялась у насъ три раза. Въ языческомъ быту всѣ сферы жизни открыты женщинѣ; съ принятіемъ христіанства начинается, мало-по-малу, разлученіе половъ: женщина постепенно исключается изъ мужского общества; въ до-татарскую эпоху—подъ видомъ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и треволненій мірскихъ; отъ XIV до XVII вѣка включительно, въ сѣверо-восточной Россіи это удаленіе женщины обращается въ обычай, чего вовсе незамѣтно въ юго-западной Руси; наконецъ, при Петрѣ оба пола снова соединяются въ обществѣ: женщинѣ возвращается ея мѣсто, права и значеніе, только въ новыхъ, болѣе развитыхъ и образованныхъ формахъ. Эти видоизмѣненія въ судьбѣ русской женщины авторъ считаетъ основными, главными, отъ которыхъ зависѣли всѣ прочіе оттѣнки и частныя перемѣны.

Въ этомъ взглядѣ автора много справедливаго, но есть и свои недостатки. Изъ языческаго быта авторъ беретъ одну черту и характеризуетъ ею цѣлый этотъ бытъ, тогда какъ онъ развивался, и развитіе его имѣло свои степени, свои эпохи. Далѣе, мы совершенно согласны съ нимъ, что византійское вліяніе, такъ глубоко проникнувшее въ нашу плоть и кровь, обнявшее всѣ стороны нашей народной, домашней, общественной и государственной жизни, имѣло сильное вліяніе и на судьбу русской женщины во всѣхъ многообразныхъ сферахъ ея дѣятельности; но мы не можемъ понять, почему начало отлученія женщины изъ общественной жизни, отдѣленія ея отъ мужского общества, авторъ видитъ въ ея религіозномъ уединеніи отъ міра. Во-первыхъ, это уединеніе, затворническая жизнь монастырей—явленіе, общее обоимъ поламъ, и, слѣдовательно, будучи чрезвычайно многозначительно и важно въ развитіи нашего быта и образованности вообще, оно, какъ мы думаемъ, едва-ли имѣло особенное какое-нибудь значеніе въ отношеніи къ разлученію двухъ половъ въ общественной и семейной жизни. Намъ кажется это построеніе слишкомъ искусственнымъ, изысканнымъ. Не забудемъ, что разныя ограниченія женщинъ въ жизни, въ гражданскихъ правахъ, положительно занесены уже въ „Русскую Правду;“ отрицательно можно вывести изъ нея еще больше такихъ ограниченій; а между тѣмъ, на этомъ памятникѣ, какую мы ни возьмемъ редакцію, меньше лежитъ печать византійскаго, чѣмъ туземнаго, славянскаго элемента. Скажемъ болѣе: въ XVII вѣкѣ, когда вліяніе византійскаго законодательства на русское было сильнѣе, чѣмъ прежде, мы видимъ появленіе многихъ юридическихъ положеній, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ для женщинъ. Изъ этого мы позволимъ себѣ заключить, что начало разлученія мужчинъ и женщинъ, отлученіе женщинъ отъ общества и правъ, лежало не въ византійскомъ вліяніи, а въ чемъ-нибудь другомъ, и что этому другому византійское вліяніе до извѣстной степени противодѣйствовало, что́ весьма естественно: византійское право приняло въ себя право римское, отбросившее, въ послѣднемъ своемъ развитіи, не одно положеніе, стѣснительное для женщинъ.

За вступленіемъ слѣдуютъ разысканія о судьбѣ русской женщины во времена язычества. Изъ нашихъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ только лѣтопись Нестора сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ времени. Въ дополненіе и поясненіе ихъ авторъ беретъ извѣстія иностранцевъ о языческой Россіи, извѣстія о другихъ славянскихъ племенахъ въ эпоху язычества, живые памятники, доселѣ сохранившіеся чрезъ цѣлые вѣка въ современныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ простого народа, и съ помощью этихъ источниковъ возстановляетъ, по возможности, картину быта древней русской женщины, еще не просвѣщенной христіанствомъ. Мы уже сказали свое мнѣніе объ ученомъ трудѣ г. Шульгина. Русская исторія весьма скоро вышла бы изъ своего теперешняго, хаотическаго состоянія, еслибъ побольше явилось у насъ изслѣдователей съ такимъ же знаніемъ, такимъ же основательнымъ, вѣрнымъ историческимъ взглядомъ и смысломъ, какъ г. Шульгинъ. Вполнѣ раздѣляя его взгляды и мнѣнія о предметѣ изысканія вообще, мы не можемъ, однако согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и о нихъ-то считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

По словамъ Нестора нельзя заключать, чтобъ у полянъ, какъ у многихъ другихъ

славянъ-язычниковъ, не было многоженства; изъ его свидѣтельства видно только, что у нихъ не было похищенія или умычки, какъ у другихъ племенъ.

Форма заключенія браковъ, по лѣтописи, была тоже двоякая: *умычка* — похищеніе, и *веденіе* женъ. Умычка, какъ весьма справедливо думаетъ авторъ, древнѣе веденія. Она, по его словамъ, господствовала когда-то у всѣхъ славянъ. Веденіе женъ, какъ форма брака болѣе совершенная, сначала вошло въ обычай у князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ стало господствовать и вытѣснило умычку, которая постепенно исчезала и сохранилась до нашего времени, какъ пустой обрядъ безъ всякаго значенія. Покупались у насъ невѣсты, или не покупались,—вотъ вопросъ, особенно важный. Онъ важенъ потому, что если женъ покупали, то женщина уравнивалась съ товаромъ, съ вещью; если же за ней давали приданое,—очевидно, она имѣла, конечно до извѣстной степени, самостоятельную гражданскую личность. При умычкѣ не могло быть ни покупки, ни приданаго, ибо покупка или приданое предполагаютъ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты. Несмотря на то, умычка сама по себѣ еще не уничтожала совершенно личности женщины, ибо, по прямымъ словамъ лѣтописца, она происходила съ согласія невѣсты. Но при веденіи женъ, имѣла ли мѣсто покупка невѣстъ, или браки сопровождались приданымъ? Классическимъ мѣстомъ для рѣшенія этого вопроса служатъ слова Несторовой лѣтописи: „не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечерь, а заутра приношаху, что по ней вдадуче“. Къ кому относится слово *приношаху*? Родственники ли невѣсты приносили въ домъ жениха „что по ней вдадуче“, или родственники жениха, или онъ самъ—родителямъ и роднымъ невѣсты? Г. Шульгинъ принимаетъ первое объясненіе и, какъ намъ кажется, весьма основательно видитъ въ словахъ Нестора прямо свидѣтельство о приданомъ, а не о платѣ за невѣсту. Такимъ образомъ г. Шульгинъ выводитъ, что, на основаніи лѣтописи, у полянъ браки заключались съ приданымъ, у другихъ русскихъ племенъ по взаимному согласію брачущихся; въ обоихъ случаяхъ нѣтъ повода заключать о продажѣ и покупкѣ невѣстъ.

До сихъ поръ всѣ выводы весьма строги и правильны, хотя, можетъ быть, и не довольно стройны, систематичны. Но, начиная отсюда, авторъ нѣсколько увлекается; это увлеченіе не вредитъ, конечно, цѣлому изслѣдованію, но вноситъ, какъ мы думаемъ, г. Шульгина въ нѣкоторыя ошибки относительно древнѣйшаго языческаго быта русской женщины и мѣшаетъ правильному и цѣлостному возсозданію этого быта во всѣхъ его формахъ и измѣненіяхъ. Несторъ—такъ разсуждаетъ авторъ—не говоритъ ни слова о покупкѣ невѣстъ: по лѣтописи, невѣсты или похищаются, или отдаются замужъ съ приданымъ. Стало быть, покупки невѣстъ и не было. А если ея не было, то и вѣно, о которомъ упоминается въ нашей лѣтописи, не то значитъ, чѣмъ кажется по буквальному смыслу, то-есть не было платой за невѣсту; и живые памятники—свадебные обряды и пѣсни, ясно свидѣтельствующіе о покупкѣ и продажѣ невѣстъ, — свидѣтельствуютъ ложно, и на ихъ показанія нельзя полагаться.

Вѣно упоминается въ нашей лѣтописи два раза: Владиміръ „вдасть *за вѣно*“ греческимъ императорамъ, братьямъ супруги его Анны, Корсунь; Казиміръ, женившись на сестрѣ Ярослава, тоже „вдасть ему *за вѣно*“ 800 плѣнныхъ. Итакъ, по нашей лѣтописи, вѣно было даромъ или платой мужа родственникамъ его жены, которые выдали ее замужъ. Но г. Шульгинъ думаетъ иначе. По его мнѣнію, „гораздо вѣроятнѣе кажется приписать возвращеніе грекамъ Корсуня Владиміромъ и возвращеніе Ярославу 800 плѣнныхъ Казиміромъ — дружелюбному расположенію государей,—назвать это дѣйствіе просто дареніемъ, которое Владиміръ и Ярославъ (Казиміръ?) могли дѣлать и не дѣлать, ничуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ. Если и предположить, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру, какъ язычникъ; но Казиміръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирить мятежи въ Мазовіи“ (стр. 20—21).

Съ этими разсужденіями и выводами нельзя

согласиться. Трудно приписать дружественному расположенію даръ, который лѣтописцемъ прямо и положительно опредѣляется словами: *за вѣно*; не напрасно характеризуетъ его такъ Несторъ въ двухъ разновременныхъ случаяхъ. Мысль, что продажа и покупка невѣстъ противорѣчитъ святости брачныхъ отношеній и набожности Владиміра и Ярослава, конечно, справедлива, но она нейдетъ къ настоящему случаю. Г. Шульгинъ опустилъ изъ вида, что вѣно, будучи по своему происхожденію платой за жену, могло впослѣдствіи утратить этотъ смыслъ и обратиться въ обычный даръ, вовсе не имѣющій первоначальнаго, унизительнаго для женщины, значенія. И теперь еще сохраняется нѣсколько такихъ обычаевъ. Возьмемъ простонародныя забавы, празднества и предразсудки: нѣкоторые изъ нихъ восходятъ ко временамъ язычества и изъ него развились, хотя они уже не имѣютъ языческаго характера и остались въ однѣхъ привычкахъ народа, по старой памяти. Другой доводъ автора противъ буквальнаго значенія вѣна по нашимъ источникамъ суть юридическіе памятники другихъ славянскихъ народовъ. Въ древнихъ польскихъ постановленіяхъ Wiano мъ называется даръ мужа самой женѣ: изъ „Сборника Викторина Вшеградскаго“ видно, что у чеховъ въ вѣнѣ различались приданое и подарки женамъ отъ мужей,—другими словами, что вѣномъ назывались и тѣ и другіе вмѣстѣ [1]). Но эти свидѣтельства не убѣдительны. У чеховъ и поляковъ вѣно могло имѣть одно значеніе, у насъ другое. Притомъ свидѣтельства чешскихъ и польскихъ источниковъ относятся къ позднѣйшему времени, чѣмъ свидѣтельства нашей лѣтописи. Наконецъ, можетъ быть, сначала вѣно было платой за невѣсту родителямъ или родственникамъ жениха; впослѣдствіи, когда покупка невѣстъ исчезла изъ нравовъ, и отъ нея остался одинъ обычай давать вѣно, родственники и родители начали уступать эту плату или вѣно невѣстѣ вмѣстѣ съ приданымъ, что, въ свою очередь, тоже обратилось въ обычай, а изъ него развился обычай давать вѣно ужъ не родственникамъ молодой, а прямо ей самой. Эти различные виды вѣна могли существовать въ одно время у различныхъ славянскихъ и даже русскихъ племенъ: плата за вѣно Владиміра—въ одно время съ уступкой вѣновыхъ городовъ супругамъ великихъ князей Игоря, Святослава, Владиміра, если только эти города были вѣновые. Все это, конечно, предположеніе; но во всякомъ случаѣ мы не видимъ основательной причины заподозрѣвать и отвергать свидѣтельства нашей лѣтописи, придающей вѣну особенное значеніе. Оно заставляетъ думать, что лѣтописецъ, говоря о языческихъ бракахъ нашихъ предковъ, не исчислилъ всѣхъ способовъ ихъ заключенія: помянулъ о похищеніи и приданомъ, и ничего не сказалъ о покупкѣ невѣстъ. Что жъ тутъ мудренаго или невозможнаго? Мало ли о чемъ онъ вовсе не упоминаетъ? Авторъ неправъ, говоря, что „подъ именемъ вѣна должно разумѣть совсѣмъ не плату, даваемую женихомъ отцу невѣсты, но достояніе, предлагаемое имъ въ обезпеченіе будущей жены своей“, и что „вѣно въ бракѣ имѣетъ значеніе не менѣе приданаго“ (стр. 19). Намъ даже кажется, что г. Шульгинъ и самъ вполнѣ не остался доволенъ этимъ объясненіемъ, ибо онъ говоритъ въ заключеніе: „само собою разумѣется, что такая идея о вѣнѣ и приданомъ (то-есть какъ обезпеченіи личности и самостоятельности жены) не могла образоваться въ постоянный законъ у славянъ-язычниковъ: она выработана христіанствомъ, при вліяніи каноническаго права, изъ обычаевъ, въ которыхъ таилась безсознательно“. Послѣднее мнѣніе совершенно справедливо; ни приданое, ни вѣно, даже у чеховъ и поляковъ, не давалось сначала въ обезпеченіе или упроченіе личной независимости женщины. Мы думаемъ, что приданое и вѣно, когда оно перестало быть цѣной невѣсты, — были дѣломъ соревнованія родовъ между собою, дѣломъ похвальбы и родовой чести; женщина была тутъ въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, и приданое и вѣно получили то нравственное и юридическое значеніе, которое въ нихъ видитъ г. Шульгинъ, гораздо позже, а не въ отдаленныя языческія времена, отъ которыхъ даже у Нестора сохранились одни крайне смутныя и отрывочныя воспоминанія. Кромѣ вѣна, о покупкѣ и продажѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебное обряды и пѣсни. Эти живые па-

[1]) Съ мнѣніемъ автора, будто бы на основаніи Викторина, „вѣно различается отъ приданаго и подъ послѣднимъ разумѣются подарки мужа женѣ“, мы не можемъ согласиться. Впрочемъ, этого сборника мы не имѣли подъ руками и основываемся на мѣстахъ, выписанныхъ въ книгѣ г. Шульгина, въ примѣчаніи 30-мъ.

мятники могли бы, по мнѣнію г. Шульгина, привести къ мысли, что покупка невѣстъ у славянъ весьма рано замѣнила похищеніе, и что невѣста играла при этомъ совершенно пассивную роль. Но одни свидѣтельства этихъ памятниковъ кажутся ему слишкомъ шаткимъ основаніемъ для такого вывода; во-первыхъ, обряды и пѣсни — до сихъ поръ неразобранный и не изслѣдованный аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ; во-вторыхъ, о покупкѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебные обычаи пермской, енисейской и саратовской губерній, „гдѣ въ древности едва-ли были славяне, а если и были, то исказились примѣсью разнородныхъ финскихъ и татарскихъ племенъ. Вотъ почему нельзя дать вѣры свидѣтельствамъ этихъ обрядовъ, вопреки положительнымъ указаніямъ лѣтописи. Наконецъ нѣкоторые свадебные обычаи и пѣсни сохранили воспоминаніе о татарскомъ происхожденіи покупки невѣстъ въ названіи *калыма*, въ называніи татариномъ брата, который продаетъ сестру и ея косу; изъ этого можно скорѣе заключить, что и обычай продажи невѣстъ появился у насъ не ранѣе XIII в. Кромѣ того, значеніе смотра невѣсты ослабляется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи есть точно такой же смотръ жениха, и въ свадебныхъ пѣсняхъ, вмѣстѣ съ продажей невѣсты, упоминается и о приданомъ.

Эти сомнѣнія г. Шульгина, безспорно, имѣютъ свою основательную и справедливую сторону. Необработанность нашихъ живыхъ народныхъ памятниковъ долго будетъ важнымъ препятствіемъ пользоваться ими, какъ историческимъ источникомъ. Совсѣмъ тѣмъ мы думаемъ, что авторъ простираетъ свой скептицизмъ слишкомъ далеко. Во-первыхъ, прямого противорѣчія указаніямъ лѣтописи въ свидѣтельствѣ свадебныхъ обрядовъ о покупкѣ невѣстъ, мы, признаемся, не видимъ. Объ этомъ предметѣ Несторъ молчитъ, но не говоритъ, что продажи и покупки невѣстъ не было, а въ этомъ существенная разница. Молчаніе нельзя еще принимать за свидѣтельство, и, слѣдственно, между прямымъ свидѣтельствомъ обычая и молчаніемъ лѣтописи нѣтъ противорѣчія. Далѣе, мы согласны, что свадебные обычаи саратовской и енисейской губерній еще не рѣшаютъ окончательно вопроса о томъ, была ли у славянъ покупка невѣстъ; но на эту покупку есть указанія не въ этихъ однѣхъ губерніяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, издавна населенныхъ славянами, именно, въ орловской губерніи („Бытъ русскаго народа“ г. Терещенко, т. II, стр. 194 и 201), въ Бѣлоруссіи (хотя и не сказано гдѣ именно; тамъ же, стр. 466 и 471), въ Литвѣ (тамъ же, стр. 483), и даже въ Малороссіи (тамъ же, стр. 517 и 518). Но мы можемъ увѣрить г. Шульгина, что продажа невѣстъ сохранилась въ свадебныхъ обычаяхъ не однихъ этихъ мѣстностей: нѣтъ почти губерніи, въ которой она не воспоминалась бы такъ или иначе. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, покупка невѣстъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Припомнимъ слова маршалка (свата) въ бѣлорусскихъ свадьбахъ: „мы ни жиды, ни татарыны какіе, а честные люди, прійѣхали зъ маладымъ князимъ пойзжани, выкупитись нашу маладую княгиню“ (тамъ же, стр. 465). Эти слова показываютъ, вопреки г. Шульгину, что покупка невѣстъ была не татарскимъ обычаемъ, а національнымъ, туземнымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ же мало убѣдительны и послѣдніе два довода: глядины жениха и приданое въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ ничего не говорятъ противъ продажи и покупки невѣстъ; самъ авторъ признаетъ, что наши свадебные обряды представляютъ аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разноплеменныхъ обычаевъ.

Замѣтимъ вообще, что дѣйствительно трудно, даже невозможно теперь указать, къ какому именно времени тѣ или другіе наши обряды и обычаи относятся, у какого племени они были и у какого не были; но постоянное присутствіе одного и того же факта въ обычаяхъ разныхъ мѣстностей несомнѣнно свидѣтельствуетъ о давнишнемъ бытовомъ фактѣ. Чрезвычайное, часто поразительное сходство обычаевъ финскихъ, славянскихъ и германскихъ въ древнѣйшія времена дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ, что этотъ обычай въ одно время могъ быть и у финновъ, и у славянъ, и у нѣмцевъ. Наконецъ, противорѣчіе между обычаями и существованіе такихъ, которые относятся къ разнымъ понятіямъ, эпохамъ и быту, не могутъ служить достаточной причиной, чтобъ отрицать ихъ древность, туземность и подлинность, потому что эти обычаи суть слова, обряды лишенные дѣйствительности и смысла въ современномъ намъ быту; народъ потерялъ къ нимъ ключъ и потому ежедневно болѣе и

болѣе перемѣшиваетъ ихъ между собою. Тѣмъ не менѣе указанія ихъ драгоцѣнны, и въ подлинности ихъ едва-ли можно сомнѣваться. Самъ авторъ это чувствуетъ; но вѣрный своей первоначальной мысли, онъ, не отрицая прямо свидѣтельствъ живыхъ памятниковъ, перетолковываетъ ихъ по своему, и выводитъ слѣдующіе окончательные результаты:

„Приданое является *необходимою* принадлежностію древне-славянскихъ браковъ. *Исконнымъ* закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ поставлялось въ необходимую обязанность рода и семьи снабжать дѣвушку приданымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ, связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но приданое отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемаго женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотря на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неразвившейся гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный. Самое вѣно, какъ мы сказали, не имѣло вначалѣ того высокаго юридическаго значенія, которое получило впослѣдствіи: оно было вознагражденіемъ дѣвицѣ за ея дѣвическій вѣнокъ, за ея свободу, которую она теряла при выходѣ замужъ; оно было и выраженіемъ благодарности супруга, однимъ словомъ, имѣло вначалѣ характеръ западнаго утренняго дара (Morgengabe). Уже впослѣдствіи, при болѣе развившейся гражданственности, вѣно сдѣлалось залогомъ, которымъ мужъ обезпечивалъ приданое и личность жены отъ всякаго со стороны его или его родственниковъ нарушенія. Съ такимъ характеромъ вѣно мы встрѣчаемъ на ряду съ приданымъ въ древнѣйшихъ правахъ всѣхъ славянскихъ народовъ, чеховъ, поляковъ, сербовъ, какъ общій коренной обычай славянскій. Что касается до современныхъ обрядовъ выкупа постели, мѣста около обрученной и косы ея, до надѣленія отца, братьевъ и вообще родственниковъ молодой деньгами со стороны жениха, то они, выражая сначала вознагражденіе рода или семьи за взятаго у него домочадца, потомъ сдѣлались просто подарками, и этотъ смыслъ имъ придаетъ самая символика народныхъ пѣсенъ“ (стр. 24—26).

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Если были похищенія невѣстъ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, какъ утверждаетъ за нимъ и г. Шульгинъ,—очевидно, что бывали у славянъ браки и безъ приданаго; слѣдовательно, нельзя назвать послѣднее необходимою принадлежностью древне-славянскихъ браковъ. Что же касается до платы или вознагражденія за невѣсту, то согласить ее съ приданымъ, въ первоначальныя времена, просто невозможно: одно исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитого народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ—о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза. Между родами, значитъ, появляются дружелюбныя связи, близость; бракъ ужъ не вполнѣ отрываетъ женщину отъ прежней ея семьи: напротивъ, онъ сближаетъ два рода, и въ этомъ союзѣ одинъ не хочетъ уронить себя передъ другимъ ни въ чести, ни въ лицѣ дѣвушки, отдаваемой замужъ. Такимъ образомъ различные способы заключенія браковъ выражаютъ собою разныя степени гражданскаго общежитія, соотвѣтствуютъ имъ. Ихъ одновременное существованіе возможно отнюдь не вначалѣ, а гораздо позже, когда они, утративъ характеръ дѣйствительныхъ бытовыхъ фактовъ, нисходятъ на степень обрядовъ, соблюдаемыхъ изъ приверженности и привычки къ заведенной старинѣ и обычаямъ предковъ. Въ этомъ видѣ сохранились они въ древнѣйшихъ славянскихъ законахъ. Сначала же они появились не вдругъ, и увозъ исключалъ куплю, купля исключала приданое. Мы думаемъ, что авторъ недовольно обратилъ вниманія на это весьма важное обстоятельство; онъ повидимому не замѣтилъ, что славянскій бытъ, извѣстный намъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, далеко самъ по себѣ не есть древнѣйшій, а уже результатъ извѣстнаго развитія,—что даже умычку, о которой говоритъ намъ лѣтопись, мы застаемъ не въ первоначальномъ ея видѣ, ибо она обставлена религіозными обрядами и дѣлается съ согласія самой невѣсты, слѣдова-

тельно, является обрядомъ, символическимъ изображеніемъ. То же должно сказать о вѣнѣ, о подаркахъ родственникамъ невѣсты, и т. д.

Не останавливаясь на частностяхъ, обратимъ вниманіе автора еще на одинъ фактъ, именно на „княжое“. Г. Шульгинъ думаетъ, что оно у насъ было; мы, напротивъ, убѣждены, что даже тѣни подобнаго обычая у насъ не было. Живыя преданія объ немъ молчатъ—обстоятельство весьма важное. Разсмотрите наши свадебные простонародные обряды: это апоѳеоза женскаго цѣломудрія, дѣвической чистоты. Какъ бы могъ до сихъ поръ такъ живо сохраниться этотъ характеръ свадьбы, еслибъ за нею въ исторіи стоялъ обычай „княжаго“? Воспоминаніе о немъ нѣкоторые видѣли въ податяхъ и пошлинахъ съ браковъ. Но происхожденіе этихъ пошлинъ гораздо проще: онѣ положены за *выводъ*, т.-е. за переходъ дѣвушки въ другое село, въ другой „міръ“, отъ чего одинъ міръ выигрывалъ, пріобрѣталъ лицо, другой терялъ это лицо, лишался его. Названія „выводная куница“, „выводныя деньги“ указываютъ на это первоначальное значеніе пошлинъ съ браковъ, которыя впослѣдствіи, конечно, могли измѣниться и взиматься даже съ браковъ, совершавшихся безъ вывода, внутри міра. Въ одной пѣсни сохранилось до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что браки совершались не только „по батюшкину повелѣнію, по матушкину благословенію“, но и „по мірскому приговору“. Съ такого-то мірского приговора и бралась пошлина, какъ съ суда.

Вотъ наши главнѣйшія возраженія. Они въ краткихъ словахъ могутъ быть выражены такъ: г. Шульгинъ, въ превосходномъ своемъ трудѣ о бытѣ женщины въ языческой Россіи и вообще у славянъ въ до-христіанскую эпоху, недовольно обратилъ вниманіе на внутреннюю послѣдовательность развитія первоначальныхъ обществъ, на органическое цѣлое, которое они представляютъ, и остановился преимущественно на послѣдней эпохѣ языческаго быта и вмѣстѣ эпохѣ перваго его разложенія. Мѣряя аршиномъ этого быта всѣ памятники нашей древнѣйшей жизни, авторъ усомнился въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно неподходящихъ подъ общую, набросанную имъ картину потому только, что они сохранились отъ эпохи еще отдаленнѣйшей. Говоря это, мы, конечно, не думаемъ разложить всѣ древніе памятники въ той же хронологической послѣдовательности у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ они естественно и необходимо разлагаются по своему внутреннему органическому значенію. Нѣтъ сомнѣнія, что у однихъ славянъ древнѣйшій бытъ еще сохранился въ полной силѣ, когда у другихъ уже наступала новая пора. Но задача историка-изслѣдователя, когда онъ обнимаетъ предметъ широко, когда онъ хочетъ разъяснить предметъ по памятникамъ многихъ племенъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобъ открыть организмъ, внутреннее глубокое сочлененіе многообразныхъ явленій, въ которыхъ выражается жизнь этихъ племенъ, уловить единство явленій, законъ, на основаніи котораго они существуютъ и слѣдуютъ одно за другимъ. Этого, какъ намъ кажется, авторъ не сдѣлалъ, хотя многія мѣста его книги и свидѣтельствуютъ весьма ясно, что эта мысль его занимала; но она у него не выдержана, не проведена строго и послѣдовательно. Оттого и черты, по которымъ можно несомнѣнно судить о высшей или низшей степени образованности различныхъ славянскихъ племенъ, въ книгѣ г. Шульгина не только не оттѣнены довольно ясно, но даже не вездѣ обратили на себя его вниманіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что историческое начало языческой славянской семьи и современное ему состояніе женщины у славянъ-язычниковъ потребуетъ еще новыхъ ученыхъ изслѣдованій. Въ замѣнъ этого, послѣдняя эпоха язычества, въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ, раскрыта и передана превосходно. Могутъ не доставать нѣкоторые факты, но начала, цѣлое, подмѣчены и поняты какъ нельзя лучше. Для полноты оставалось бы, можетъ быть, подробнѣе вникнуть въ бытъ дѣвушки. Народная поэзія славянъ и живые неписьменные памятники передаютъ намъ этотъ бытъ въ живыхъ краскахъ, дышавшихъ первобытной поэзіей. Столько прелести, граціи въ образѣ первобытной славянской дѣвушки, такъ заботливо и подробно сохранили народные памятники все до нея касающееся, что о ней одной можно написать цѣлую монографію.

Желаемъ всякаго успѣха книгѣ г. Шульгина и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія слѣдующихъ ея выпусковъ.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 8).

Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи ростовско-суздальской земли. Д. Корсакова.

Казань. 1872. VIII и 246 стр.

Книга, заглавіе которой мы выписали, есть диссертація на степень магистра, защищенная въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ казанскомъ университетѣ бывшимъ его воспитанникомъ, кандидатомъ Д. Корсаковымъ. Теперь, если не ошибаемся, г. Корсаковъ получилъ, въ томъ же университетѣ, званіе приватъ-доцента по русской исторіи.

Несмотря на скромное заглавіе, диссертація г. Корсакова касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ древней русской исторіи, почему мы и считаемъ необходимымъ обратить на нее вниманіе читателей. Съ 40-выхъ годовъ диссертаціи по наукамъ юридическимъ, политическимъ, по исторіи, литературѣ, филологіи, представляютъ у насъ не формальныя ученыя отписки для полученія степени магистра или доктора, а дѣйствительно ученые труды, изслѣдованія, подвигающія впередъ науку. Книга г. Корсакова вполнѣ подходитъ подъ эту категорію. Она представляетъ очень полный и обстоятельный итогъ всего, что до сихъ поръ напечатано и сдѣлано для уясненія первыхъ зачатковъ исторіи Великороссіи, народившейся въ Ростовско-суздальской землѣ, на финской почвѣ, посреди почти неизвѣстнаго племени Мери и разросшейся мало-по-малу въ московское государство, а потомъ въ Россійскую имперію. Надо, впрочемъ, сказать, что авторъ не ограничивается одною добросовѣстною передачею того, что сдѣлано по предмету изслѣдованія. Г. Корсаковъ критически относится къ собранному матеріалу, и часто весьма удачно старается, сколько возможно, освѣтить сухіе отрывочные намеки лѣтописи и другіе нѣмые или лаконическіе факты, дошедшіе до насъ отъ глубокой старины, и возсоздаетъ на ихъ основаніи живой образъ прошедшаго. Кто занимался хоть немного древней русской исторіей, тотъ знаетъ, какъ это неимовѣрно трудно. Въ книжкѣ, небольшой по объему, мы находимъ нѣсколько новыхъ соображеній, счастливыя сближенія фактовъ, правильную постановку вопросовъ, обдуманную программу дальнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій. Особенно цѣнимъ мы въ книгѣ г. Корсакова живой интересъ, видимое сочувствіе его къ мѣстной жизни, мѣстнымъ интересамъ и особенностямъ края, древнѣйшую исторію котораго онъ изслѣдуетъ. Мы думаемъ, что такое предрасположеніе къ изученію мѣстной, провинціальной исторіи есть теперь самое современное и плодотворное. Мы слишкомъ долго и слишкомъ много вертѣлись въ однихъ общихъ соображеніяхъ, вторя въ наукѣ тому, что совершалось въ дѣйствительной жизни. Московскій и петербургскій періоды русской исторіи съ большимъ пренебреженіемъ относились ко всему мѣстному, усердно стирали всѣ мѣстныя особенности, все намекавшее на самостоятельное мѣстное развитіе. Это направленіе длилось столѣтія, и, конечно, имѣло и свои глубокія причины, и свои благотворныя послѣдствія. Но теперь оно сдѣлало свое дѣло, разрѣшило вполнѣ задачу, которою было вызвано, и въ наше время видимо слабѣетъ. Въ строѣ всей русской жизни чувствуется поворотъ къ болѣе правильной, справедливой и разумной оцѣнкѣ той важной роли, какую мѣстные, провинціальные элементы играютъ въ общей экономіи государственной и народной жизни. Дѣятельность, въ теченіе многихъ вѣковъ сосредоточенная исключительно въ центрѣ, начинаетъ мало-по-малу переливаться въ периферіи, и долго онѣмѣвшія оконечности начинаютъ понемногу оживать. Общественное и научное сознаніе, въ которыхъ волей-неволей отражается ходъ событій и настроеніе времени, не могутъ уже болѣе, какъ прежде, исключительно сосредоточиваться на однихъ общихъ историческихъ и политическихъ воззрѣніяхъ, и мѣстная жизнь, мѣстные интересы, въ прошедшемъ и настоящемъ, все больше и больше манятъ къ себѣ людей. Это безспорно значительный шагъ впередъ

русской мысли, серьезный поворотъ нашего сознанія къ лучшему.

Но не будемъ слишкомъ убаюкивать себя розовыми надеждами. На первыхъ шагахъ по этому новому пути насъ ожидаютъ и въ наукѣ и въ дѣйствительности, печальнѣйшія неожиданности, горькія разочарованія. Провинція заброшена нами Богъ знаетъ какъ давно. Послѣ такого продолжительнаго абсентеизма—чего можно въ ней ожидать, при возвращеніи? Разумѣется, нищету, развалины, дичь и глушь. Пока провинція снова станетъ хоть немного похожа на удобное человѣческое жилье, пройдетъ много времени. Объ этомъ знаютъ помѣщики, не мало интереснаго могутъ поразсказать земскія управы и думы, новые городскіе головы и городскія собранія.

Такъ въ дѣйствительности. То же самое и въ научной разработкѣ русской исторіи. Книга г. Корсакова служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Авторъ, какъ пчела, собралъ отовсюду, гдѣ только могъ, крупинки, чтобы по возможности возсоздать картину зарождающейся Великороссіи и первыя страницы ея сравнительно недавней исторіи. Но какъ все это блѣдно, слабо, ничтожно! Какъ все это дразнитъ любопытство, не удовлетворяя его! На каждой страницѣ—пробѣлы или іероглифы, загадки и вопросительные знаки. Абсентеизмъ науки въ вопросахъ мѣстной русской исторіи, какъ нашъ дѣйствительный абсентеизмъ въ провинціи—полный, поразительный! Жилъ-былъ въ незапамятныя времена народецъ, а можетъ быть, цѣлое племя финское—Меря, но мы объ немъ рѣшительно ничего не знаемъ. Множество урочищъ, въ мѣстахъ его прежняго жительства, носятъ очевидно не-славянскія названія. Сдѣлано ли что-нибудь, чтобъ объяснить ихъ? Ничего! Въ Европѣ филологія возсоздала, по однимъ даннымъ языка, давно несуществующихъ аріевъ, — ихъ бытъ, нравы, обычаи, устройство домашнее и политическое, религію и культъ; а мы, — мы ровно ничего не знаемъ о финскомъ народѣ, посреди котораго зародилось великорусское племя. У каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя невольно должны, при мысли объ этомъ, опуститься руки. Вѣдь нельзя, въ одно и то же время, быть и финологомъ и археологомъ, и этнографомъ и знатокомъ русской филологіи и исторіи; нельзя ѣздить на мѣстахъ, собирать живые памятники старины и въ то же время изслѣдовать ихъ критически. Наука дѣлаетъ прочные успѣхи при дружныхъ усиліяхъ спеціалистовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, направившихъ свои изслѣдованія на одинъ и тотъ же предметъ; а этихъ-то дружныхъ силъ и дружныхъ усилій у насъ и нѣтъ. Каждый вынужденъ отдѣльно пробовать своротить гору, и изъ этого разумѣется выходитъ очень мало, далеко не соразмѣрно съ потраченнымъ трудомъ и доброй волей.

Г. Корсаковъ, собирая отовсюду крохи, приходитъ къ любопытнымъ заключеніямъ о видахъ, путяхъ и вообще о ходѣ русской колонизаціи въ землѣ Мери. Кромѣ переселенія съ юга, онъ указываетъ на колонизацію этой страны изъ Новгорода и объясняетъ, какъ намъ кажется, очень удачно различіе старыхъ и новыхъ городовъ въ ростовско-суздальской области участіемъ новгородскаго элемента. Изъ сгруппированныхъ авторомъ данныхъ, слѣды земскаго строя, земскаго боярства въ этой области несомнѣнны; что они обязаны своимъ происхожденіемъ новгородскимъ колонистамъ, — болѣе чѣмъ правдоподобно. Вообще, тѣ части диссертаціи, гдѣ говорится о колонизаціи русскими выходцами страны бывшей Мери и о постепенномъ разселеніи велико-русскаго племени, показались намъ наиболѣе тщательно обработанными. Но само собою разумѣется, что изслѣдованія г. Корсакова были бы еще гораздо полнѣе, живѣе и интереснѣе, еслибъ у него могли находиться подъ руками собранные и хоть сколько-нибудь обработанные матеріалы о колонизаціонномъ движеніи великорусскаго племени въ другихъ частяхъ московскаго государства и Россійской имперіи,—движеніи, которое идетъ, не прерываясь, и до-сихъ-поръ. Формы продолжающейся колонизаціи, способы постепеннаго отчужденія или поглощенія инородцевъ, на нашихъ глазахъ, пролили бы яркій свѣтъ на дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Но у насъ никто этимъ не занимается и никого это не интересуетъ, всего менѣе ученыхъ по ремеслу.

Дальнѣйшая исторія ростовско-суздальскаго края, его распаденія на отдѣльныя княжества до постепеннаго присоединенія ихъ къ московскому великому княженію и государству, какъ мы сказали, только раздражаетъ любопытство. Вездѣ, на каждомъ шагу, видно, что были ростки и зародыши живыхъ мѣстныхъ интересовъ, складывалось что-то похожее на

живую мѣстную жизнь, были свои мѣстные дѣятели, великіе люди, подвижники, представители мѣстнаго земскаго дѣла, любимые тѣми, чьи интересы они принимали къ сердцу, въ чью пользу они трудились. Весь этотъ міръ, прежде чѣмъ успѣлъ выработаться, окрѣпнуть и принять опредѣленныя формы, завялъ и заглохъ, оттого, что на очереди стоялъ вопросъ государственный, политическаго объединенія, во что бы то ни стало. Мы думаемъ, вопреки мнѣнію г. Костомарова, что не татарская буря сломила мѣстную жизнь въ древней Руси, а московская, какъ впослѣдствіи петербургская. Теперь это теченіе русской исторіи пріостанавливается. Мы начинаемъ искать себѣ новыхъ путей и, оборачиваясь назадъ, съ ужасомъ видимъ однѣ развалины, одно запустѣнье. Историческая память у насъ точно отшиблена. Сзади пустота и впереди пустота! Мысль наша какъ-то виситъ на воздухѣ; ей въ своихъ исканіяхъ не на что опереться, не за что уцѣпиться. Личное существованіе не имѣетъ у насъ почвы, въ которую оно могло бы пустить корни и врости крѣпко. Такую твердую, крѣпкую почву можетъ дать лицу ближайшая обстановка, историческое преданіе, бытъ и нравы, переходящіе по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вырванный съ корнемъ изъ этой ближайшей среды, человѣкъ слабъ и безпомощенъ, слоняется посреди другихъ себѣ подобныхъ какъ тѣнь, не имѣя живыхъ интересовъ, не принимая ни въ чемъ горячаго участія. Общіе интересы, государственная и политическая жизнь только тогда не пустыя фразы, когда подкладкой имъ служитъ развитая, бьющая живымъ ключемъ, мѣстная, провинціальная жизнь. Общая политическая жизнь, общіе вопросы, общіе интересы имѣютъ дѣйствительный смыслъ, когда они являются итогами, выводами изъ жизни провинціальной, сводятъ ее къ одному, не даютъ ей чрезмѣрно разползтись, разобщиться, замкнуться въ узкій и эгоистическій партикуляризмъ. Общенародная, какъ и общечеловѣческая, жизнь есть только освѣжающій элементъ, регуляторъ мѣстной жизни, какъ съѣздъ ученыхъ или спеціалистовъ имѣетъ живой смыслъ только тогда, когда они работаютъ усердно и добросовѣстно каждый про себя и у нихъ оттого есть чѣмъ обмѣняться при встрѣчѣ. Но другіе вопросы были поставлены въ русской исторіи и въ русской жизни, когда начало слагаться московское государство. Намъ нужно было, прежде и больше всего, стать единымъ сильнымъ государствомъ. На достиженіе этой жизненной цѣли пошли всѣ силы въ продолженіе пяти столѣтій; остальное было пренебрежено, забыто, и если обращало на себя вниманіе, то не болѣе какъ сколько было нужно, все для той же цѣли—для государственнаго единства. Во имя ея заметенъ и самый слѣдъ тѣхъ зачатковъ мѣстной гражданской, религіозной, политической жизни и культуры, которые, здѣсь и тамъ, начали-было проявляться и вырваны съ корнемъ. Очень вѣроятно, что мы теперь уже никогда, даже при самыхъ настойчивыхъ усиліяхъ, не будемъ въ состояніи доискаться полнаго смысла тѣхъ обломковъ старины, которые какимъ-то чудомъ сохранились до насъ. Но какъ бы эти обломки ни были скудны и жалки, мы съ большимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ смотримъ на попытки и усилія собрать, сберечь ихъ и объяснить ихъ загадочный смыслъ. Попытки эти свидѣтельствуютъ, что строй нашихъ мыслей измѣняется, что мы начинаемъ болѣе серьезно относиться къ самимъ себѣ. Благотворныя послѣдствія такой перемѣны не замедлятъ выказаться. Давно-ли тому назадъ, чехи и другіе славяне считали себя за австрійцевъ—какую-то выдуманную, фиктивную національность? И вотъ, съ легкой руки двухъ-трехъ ученыхъ, они, путемъ науки и изслѣдованій, чрезъ археологію и исторію, при помощи пыльныхъ архивовъ и книжной мудрости, доработались до сознанія своей національности и возстановили забытую и потерянную связь прошедшаго съ настоящимъ; только тогда они и стали на свои ноги, опустились съ воздуха на землю и приросли къ ней. Намъ, слава Богу, нечего припоминать, что мы русскіе; мы этого никогда не забывали, и съ этой стороны задача наша, конечно, легче; но зато она гораздо труднѣе, хотя и совсѣмъ по другимъ причинамъ. Печальная доля чеховъ и западныхъ славянъ,—само собою невольно наталкивала ихъ на путь, которымъ они пошли. Нѣмцы, усердно и тщательно стирая съ нихъ слѣды національности, не могли не вызвать реакціи; фактъ былъ слишкомъ ярокъ и нагляденъ; противодѣйствіе ему рождалось невольно и безсознательно. Какъ было имъ не обратиться на самихъ себя, когда все

кругомъ было чужое и вдобавокъ враждебное? Мы, напротивъ, плаваемъ въ своемъ соку, вращаемся въ своемъ, русскомъ элементѣ, и потому намъ гораздо труднѣе, чѣмъ имъ, догадаться, въ какомъ мы глубокомъ и пагубномъ заблужденіи, живя одними общими государственными, политическими и международными интересами, и воображая, что сколько-нибудь правильная, благоустроенная общая государственная и политическая жизнь возможны безъ сильно развитой мѣстной, провинціальной. На этотъ счетъ мы всѣ одинаково горько заблуждаемся. Видно и намъ, подобно чехамъ и западнымъ славянамъ, предстоитъ добираться до сознанія простѣйшей изъ простыхъ истинъ путемъ науки и изслѣдованія, а не непосредственнымъ чутьемъ, которое, трудно сказать почему, въ насъ развито очень слабо.

Возвратимся къ книгѣ г. Корсакова. Она состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой говорится о финнахъ вообще и въ особенности о Мери, обитавшей въ ростовско-суздальской землѣ вторая—посвящена исторіи этого края, до совершеннаго его обособленія отъ юго-западной, кіевской Руси при Андреѣ Боголюбскомъ; въ третьей главѣ изслѣдуется исторія этого края отъ Андрея Боголюбскаго до нашествія татаръ. Послѣднія двѣ главы, четвертая и пятая, излагаютъ исторію и внутренній бытъ собственно ростовской земли и княжествъ, на которыя она распалась, до постепеннаго введенія ихъ въ составъ московскаго государства. Въ концѣ книги авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ, если позволятъ обстоятельства, изложить исторію всѣхъ остальныхъ княжествъ земли ростовско-суздальской. Нельзя весьма искренно не пожелать, чтобъ это намѣреніе не осталось однимъ намѣреніемъ. Г. Корсаковъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для такого труда: хорошее знаніе источниковъ, большую научную добросовѣстность и трудолюбіе, правильный взглядъ на предметъ, правильный историко-критическій методъ и любовь къ дѣлу. При соединеніи всѣхъ этихъ условій, мы въ правѣ ожидать отъ него отличной монографіи по одному изъ тѣхъ періодовъ русской исторіи, которые всего болѣе, всего настоятельнѣе требуютъ тщательной критической разработки. Что такая монографія, какъ бы она ни была превосходна, только разлакомитъ читателя, не разрѣшивъ и половины поднятыхъ ею вопросовъ,—въ этомъ мы, къ сожалѣнію, увѣрены заранѣе, но упреки за то, во всякомъ случаѣ, падутъ не на г. Корсакова. При теперешнемъ состояніи источниковъ и жалкой ихъ критической разработкѣ самъ Нибуръ ничего бы не подѣлалъ. Собрать весь наличный матеріалъ, дать ему первую научную обработку, разгруппировать его, правильно вывести и поставить вытекающіе изъ него вопросы для дальнѣйшаго изслѣдованія,—вотъ скромный, неказистый, но почтенный и въ высокой степени полезный трудъ, котораго мы ожидаемъ. Только такими трудами можетъ мало-по-малу выясниться наше народное и историческое сознаніе и будетъ положенъ давно желанный конецъ тѣмъ произвольнымъ кочеваньямъ по необозримымъ степямъ Россійской исторіи, которыя сбиваютъ съ толку нашу мысль, не даютъ ей правильно осѣсться и скристаллизоваться. Молитва и постъ для нашего ребяческаго, затуманеннаго, блуждающаго народнаго самосознанія есть исторія, исторія и опять-таки исторія,—критическая, добросовѣстная, правдивая.

(Спб. Вѣдомости, 1872, № 102).

Конецъ I-го тома.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

I.

Стр. 5—570.

„Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, при появленіи своемъ въ печати, повелъ къ возобновленію оживленной полемики, возникшей раньше, между учеными новой исторической школы *родового быта* и „западниками“ съ одной стороны, и Погодинымъ, представителемъ стараго, Шлёцеровскаго, критико-экзегетическаго направленія въ русской исторіи и „славянофилами“ — съ другой. Основателемъ школы родового быта былъ К. Д. Кавелинъ, который высказывалъ ея положенія еще въ 1842 году, въ отрывкѣ изъ своей магистерской диссертаціи, напечатанной во II т. сборника „Юридическія Записки“, издававшагося П. Г. Рѣдкинымъ въ Москвѣ; затѣмъ положенія эти были развиты Кавелинымъ въ самой диссертаціи: „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“, М. 1844 г., и легли въ основаніе его курса по исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, въ 1844—1848 гг., resumé котораго и составляетъ статья „Взглядъ на юридическій бытъ“. Дальнѣйшее развитіе главнѣйшихъ положеній школы родового быта принадлежитъ С. М. Соловьеву: въ его магистерской диссертаціи „объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, М. 1845 г., въ докторской диссертаціи „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, М. 1847 г., и въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, первый томъ которой явился въ М., въ 1851 г. По поводу историческихъ воззрѣній Кавелина до появленія его „Взгляда на юридическій бытъ“ намъ извѣстны двѣ статьи: 1) *Погодина*: „Отзывъ о магистерскомъ диспутѣ Кавелина“, Москвитянинъ 1844 г., мартъ, московская лѣтопись, с. 229—235. 2) *У... Т...* „Приношеніе М. П. Погодину, по поводу защищенія разсужденія Г. Кавелина“, Литерат. Газета 1844 г., № 14. Кавелинъ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ (1845 — 1846 г.) выступилъ съ критическимъ разборомъ историческихъ трудовъ Погодина и въ томъ же журналѣ и въ „Современникѣ“ привѣтствовалъ историческіе взгляды Соловьева, не вполнѣ, впрочемъ, соглашаясь съ нимъ.

„Взглядъ на юрид. бытъ“ вызвалъ восторженныя похвалы со стороны Бѣлинскаго и Боткина (см. письма Бѣлинскаго къ Герцену въ „Русской Мысли“ 1891 г., кн. I, и къ Кавелину, тамъ же, 1892 г., кн. I, и Боткина къ П. А. Анненкову, въ книгѣ „Анненковъ и его друзья“, т. I, с. 530).—Сочувственные отзывы на статью Кавелина находятся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1847 г., май) и въ „Современникѣ“ (1847 г., іюнь, отд. III, с. 119—120).—„Москвитянинъ“ помѣстилъ слѣдующія статьи противъ воззрѣній Кавелина: 1) *Погодина*, О трудахъ Кавелина и другихъ ученыхъ „новой школы“, 1847 г., въ 1-й кн., іюнь, крит., с. 155—184. 2) *В. Мстиславскаго*, Нѣкоторыя замѣчанія о русской современной исторической критикѣ, по поводу рецензій на книгу г. Соловьева: „объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ“, ibid. с. 185—200. На эти двѣ статьи послѣдовалъ отвѣтъ отъ редакціи „Современника“, подъ заглавіемъ: „Возрожденіе Москвитянина“, пом. въ августовской книжкѣ 1847 г., смѣсь, с. 114—127. 3) *Ю. Ѳ. Самарина* (подъ иниціал. М... З... К...): „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, во 2-й кн., сентябрь, крит., с. 133 — 222. (Перепеч. въ „Сочиненіяхъ“ Самарина, М. 1877, т. I, с. 28—108). На эту статью отвѣчали въ „Современникѣ“ 1847 г. *Бѣлинскій*, безъ подписи, въ ноябрьской книжкѣ, крит. и библ., с. 29—75 (переп. въ „Сочиненіяхъ“ Бѣлинскаго, см. послѣднее изд. Павленкова, Спб., 1896 г., т. IV, с. 503—559) и *Кавелинъ*, съ подписью своей фамиліи, въ декабрьской книжкѣ, стр. 109—134 (перепеч. въ наст. томѣ, стр. 67—96). Бѣлинскій былъ очень недоволенъ умѣреннымъ тономъ возраженія Кавелина, за что и упрекалъ его въ письмѣ 7 декабря 1847 г. (см. „Русская Мысль“ 1892 г., кн. I, с. 119—123). 4) *Погодина*. Отвѣтъ Кавелину на его критику „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“, кн. 3-я, октябрь, с. 75—108. 5) *Н. П. Левитскаго*. Нѣсколько словъ по поводу статьи Самарина, помѣщ. во 2-й кн. „Москвитянина“, ibid, с. 147—158. Статья г. Левитскаго замѣчательна тѣмъ, что она защищаетъ воззрѣнія Кавелина отъ нападокъ Самарина.

Послѣдующіе труды ученыхъ школы родового быта снова вызвали возраженія со стороны Погодина и славянофиловъ. Главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ разобраны К. Д. Кавелинымъ и статьи о нихъ находятся въ настоящемъ томѣ его сочиненій. Это статьи: во-первыхъ, по поводу новыхъ изслѣдованій С. М. Соловьева—его докторской диссертаціи „о родовыхъ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома" и I-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ"; во-вторыхъ—о монографіяхъ г. Тюрина и П. В. Павлова, и въ-третьихъ—о книгѣ Б. Н. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.". Книга П. В. Павлова о Борисѣ Годуновѣ вызвала три статьи *Погодина*: 1) Посланіе къ г. Кавелину, Москвит. 1850 г., № 19, октябрь, кн. I, отд. IV, с. 135–142; и № 20, окт., кн. II, отд. IV, с. 164–174; 2) Разборъ антирецензіи г. Кавелина, ibid. № 21, ноябрь, кн. I, отд. IV, с. 31—40, 3) Замѣтку о своихъ статьяхъ по поводу рецензіи на книгу Павлова, ibid, № 24, декабрь, кн. 2, отд. VI, с. 82.

Книга Б. Н. Чичерина создала цѣлую полемическую литературу на страницахъ двухъ московскихъ журналовъ 1856 года: „Русской Бесѣды", органа славянофиловъ, и журнала западническаго направленія—„Русскаго Вѣстника" М. Н. Каткова. Славянофилы, главнымъ образомъ Ю. Ѳ. Самаринъ и проф. Ив. Дм. Бѣляевъ, высказались противъ Б. Н. Чичерина въ „Русской Бесѣдѣ", а самъ г. Чичеринъ, С. М. Соловьевъ и нѣкоторые литераторы изъ лагеря западниковъ отвѣчали имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Эта полемика извѣстна въ русской публицистической литературѣ подъ именемъ „спора о русской сельской общинѣ". Кавелинъ также принялъ участіе въ этомъ спорѣ. Его самостоятельныя воззрѣнія на русскую сельскую общину, о которыхъ упомянуто въ біографическомъ его очеркѣ, были высказаны имъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Атенеѣ", московскомъ журналѣ Е. Ѳ. Корша, за 1859, кн. 2. — Тѣ же воззрѣнія, болѣе подробно, развилъ онъ позднѣе, въ 70-хъ годахъ, еще въ двухъ статьяхъ. Всѣ эти статьи Кавелина помѣщены во II т. настоящаго изданія его Сочиненій.

II.

Стр. 570—682.

„Краткій взглядъ на Русскую исторію" есть конспектъ реферата, читаннаго Кавелинымъ по-нѣмецки въ Боннѣ, во время пребыванія его за границей въ 1862—1864 гг. Живя въ Боннѣ на Рейнѣ, въ зиму 1863—1864 г., онъ былъ дружески принятъ тамошними профессорами и введенъ въ ихъ профессорскій клубъ (Docenten-Club), въ которомъ читались рефераты по научнымъ и современнымъ политическо-общественнымъ вопросамъ. Боннскіе профессора, интересуясь значеніемъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, просили Кавелина объяснить имъ настоящій историческій и общественный смыслъ этого, не совсѣмъ яснаго для нихъ, событія, потому что въ западной Европѣ освобожденіе крестьянъ шло совершенно инымъ путемъ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ оно совершилось у насъ въ Россіи. Исполняя ихъ желаніе, Кавелинъ сообщилъ въ боннскомъ профессорскомъ клубѣ свои воззрѣнія на значеніе освобожденія крестьянъ въ Россіи, въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Кавелинъ говорилъ по-нѣмецки, имѣя въ рукахъ конспектъ на русскомъ языкѣ, чѣмъ и объясняется присутствіе нѣмецкихъ словъ въ конспектѣ.

Впослѣдствіи Константинъ Дмитріевичъ высказалъ и развилъ воззрѣнія, изложенныя имъ въ боннскомъ рефератѣ, гораздо полнѣе и подробнѣе въ замѣчательной монографіи, къ сожалѣнію, мало обратившей на себя вниманіе нашей періодической печати и не оцѣненной по достоинству. Между тѣмъ, эта монографія составляетъ, по собственнымъ словамъ Кавелина, итогъ его историческихъ и политическихъ взглядовъ и его „лебединую пѣснь" въ области русской исторіи, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкій по ясности и послѣдовательности мысли и по талантливости изложенія историко-философскій этюдъ по древней, до-петровской русской исторіи, правильнѣе до-петровской исторіи великорусскаго племени. Эта монографія Кавелина носитъ скромное заглавіе: „Мысли и замѣтки о русской исторіи" и помѣщена во II кн. „Вѣстника Европы" за 1866 г. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, и вѣроятно весьма немногіе памятны эти „Мысли и замѣтки" Кавелина. Самымъ важнымъ въ этой монографіи является уясненіе расовыхъ и историческихъ особенностей великорусскаго племени и самобытно выработаннаго имъ начала самодержавія. Появившись въ такое время, когда вниманіе русскаго общества было всецѣло поглощено нашими современными внутренними дѣлами и когда Кавелинъ не пользовался уже своимъ прежнимъ авторитетнымъ значеніемъ въ литературѣ и въ обществѣ, „Мысли и замѣтки о русской исторіи" оцѣнены были только спеціалистами; изъ печатныхъ отзывовъ объ этой монографіи намъ извѣстны два: 1) за подписью *А. Н—въ*, въ разборѣ II кн. „Вѣстника Европы" на 1866 г., въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1866 г., № 182, и 2) *Ив. Вас. Бѣляева*, въ славянофильской газетѣ И. С. Аксакова, „Москва", 1867, № 59. Рецензентъ „Русскаго Инвалида" весьма сочувственно отзывается о К. Д. Кавелинѣ. Обращаясь къ тому недавнему времени, когда „имя г. Кавелина было очень дорого многимъ", онъ заявляетъ, что „въ большинствѣ мыслящихъ людей, несмотря на передряги послѣднихъ лѣтъ, несмотря на такъ-называемыя „сверженія авторитетовъ", несмотря на появленіе новыхъ именъ въ печати, имя его не забывалось и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, труды и вліяніе его еще помнились".

Илья Вас. Бѣляевъ, въ своей статьѣ „Возраженіе г. Кавелину", полемизируетъ съ нимъ противъ его положенія о возникновеніи великорусскаго племени въ XI—XII вв., отодвигая зачинъ этого племени къ болѣе раннимъ вѣкамъ. Автора этой замѣтки не слѣдуетъ смѣшивать съ *Ив. Дм. Бѣляевымъ*, извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права (р. 1810 † 1873 г.), съ которымъ также полемизировалъ въ свое время Кавелинъ (см. въ наст. изд. сочиненій Кавелина, т. I, стр. 775–800, въ разборѣ „Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ 1847 г."). *Илья Вас. Бѣляевъ* (р. 1826 † въ Москвѣ 25 янв. 1867 г.), двоюродный братъ Ивана Дм. Бѣляева,

былъ профессоромъ Московской духовной семинаріи и, держась славянофильскихъ воззрѣній, участвовалъ въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Днѣ“; писалъ статьи по русской церковной исторіи, изъ которыхъ заслуживаетъ вниманія спеціальная монографія, посвященная Стоглавому Собору. Его „возраженіе“ Кавелину появилось въ печати уже послѣ его смерти. О немъ см. газеты 1867 г.: „День“, № 21, „Москва“, №№ 22 и 24, и *Геннади*, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, т. I, с. 126.

Въ 1870-хъ годахъ Кавелинъ намѣренъ былъ помѣстить французскій переводъ монографіи „Мысли и замѣтки о русской исторіи“ въ одномъ изъ парижскихъ „Revue“. Въ бумагахъ его находится прекрасный ея переводъ на французскій языкъ, сдѣланный, повидимому, лицомъ, хорошо знающимъ какъ русскій такъ и французскій языкъ, и просмотрѣнный авторомъ.

III.

Стр. 689—746.

К. Д. Кавелинъ, будучи въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Д. А. Валуевымъ, посвятилъ ему нѣсколько сочувственныхъ строкъ по поводу преждевременной его кончины. Валуевъ умеръ въ концѣ 1845 года, 25-ти лѣтъ отъ роду. (См. наст. томъ изд. сочиненій Кавелина, стр. 706). Въ 1846 году, въ Москвѣ, появилась брошюра анонимнаго автора: „Біографія Д. А. Валуева“, и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1846 г., іюнь, библ. хрон., № 130) былъ напечатанъ ея разборъ съ характеристикой Валуева *почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ*, какъ и въ отмѣченномъ выше отзывѣ Кавелина, что́ даетъ право считать эту рецензію принадлежащей К. Д. Кавелину, и если она не помѣщена въ настоящемъ Собраніи его сочиненій, то только потому, что не вошла въ собраніе сочиненій, изд. 1859 г., печатавшееся подъ наблюденіемъ самого автора. Въ обоихъ сборникахъ, изданныхъ Валуевымъ, Кавелинъ принималъ дѣятельное участіе: для „Симбирскаго Сборника“ обработалъ онъ значительную часть матеріала (о чемъ заявлено въ предисловіи къ сборнику), а въ „Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ“ помѣстилъ свою статью: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ“. Статья эта, напечатанная въ изданіи сочиненій К. Д. Кавелина 1859 г. (т. I, с. 414 — 415), въ настоящемъ изданіи опущена въ виду того обстоятельства, что она не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ воззрѣній Кавелина, а матеріалъ, на основаніи котораго она скомпилирована, устарѣлъ, появившись въ 1832 г., т.-е. *шестьдесятъ пять лѣтъ* тому назадъ.

IV.

Стр. 746—760.

„Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи въ 1846 году“ вставленъ въ статью В. Г. Бѣлинскаго: „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“, помѣщенную безъ подписи автора въ I кн. „Современника“ за 1847 годъ, въ отд. критики и библіографіи, ст. 1 - 56; статья Кавелина занимаетъ здѣсь стр. 41—52.

Д. Корсаковъ.

Важнѣйшею изъ замѣченныхъ опечатокъ является опечатка въ словѣ „Геннадій“. Вмѣсто этого напечатано: „Гелладій“, на стр. 833, стр. 10 и 32 сверху, и на стр. 834, строка 5, также сверху. — *Ред.*

ford University Libraries
05 121 188 465

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 14 1978 SEP 24 1989

JUL 11 19[illegible]

SP[illegible]

FEB 22 1987

AUG 19 1989